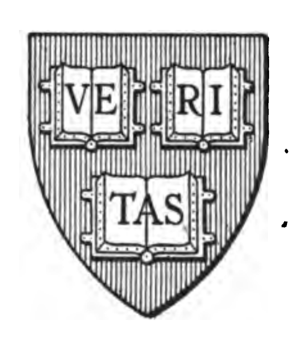
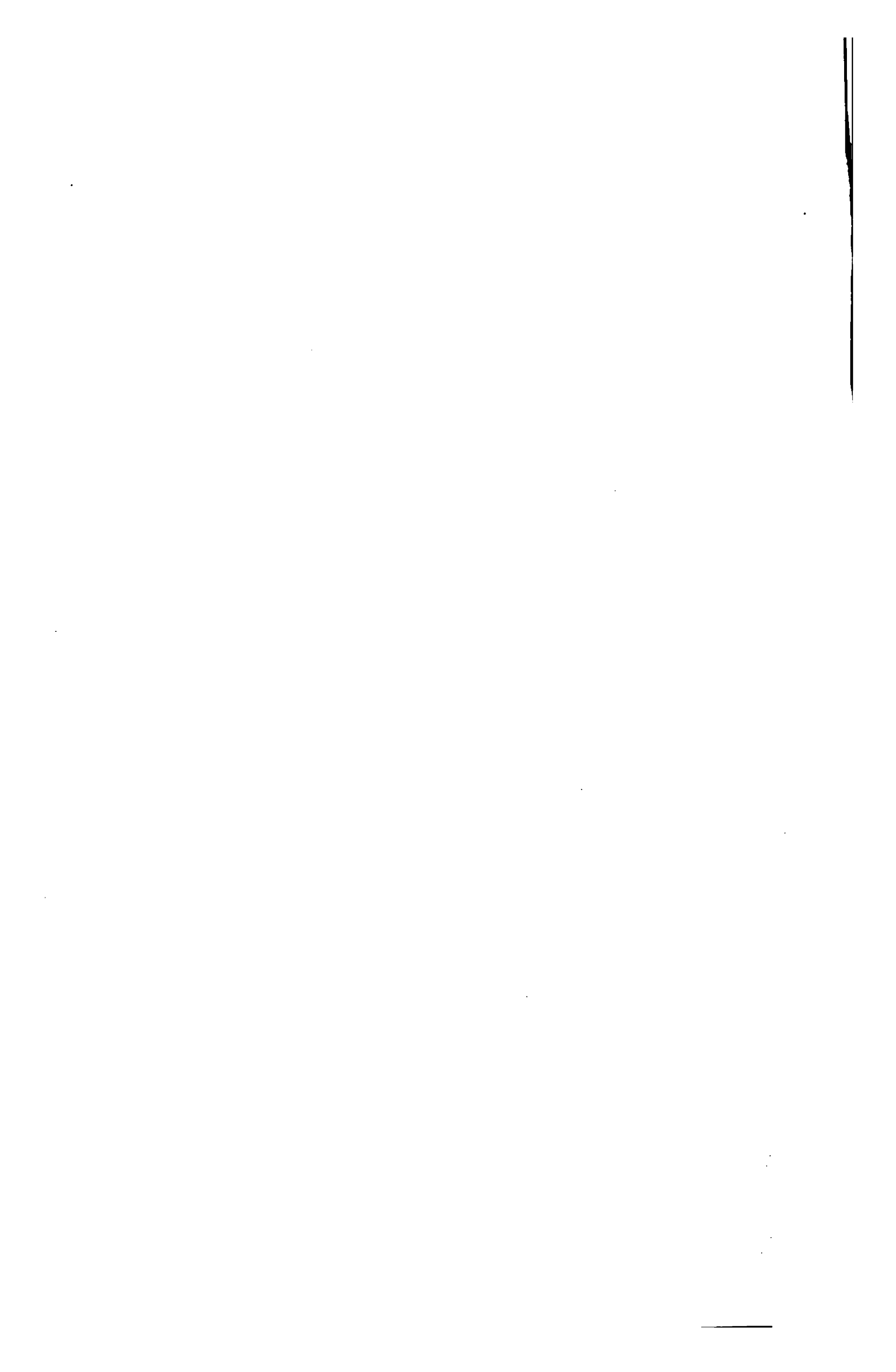

VE RI
TAS

ИСТОРІЯ БѢЛОКРИНИЦКОЙ ІЕРАРХІИ.

Н. СУББОТИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ И ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, НА САДОВОЙ, У ЯУЗСКОЙ Ч., Д. МЕДЫНЦЕВОЙ.
1874.

ИСТОРІЯ

БѢЛОКРИНИЦКОЙ ІЕРАРХІИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИСТОРІЯ БѢЛОКРИНИЦКОЙ ІЕРАРХІИ.

Н. СУББОТИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ И ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, НА САДОВОЙ, У ЯУЗСКОЙ Ч., Д. МЕДЫНЦЕВОЙ.
1874.

Печатать позволяется. Московская Духовная Академія. 13-го Ноября 1872 года.

Ценворъ, профессоръ, протоіерей *Филаретъ Сергіевскій.*

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

стр.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ изданію исторіи Бѣлокриницкой іерархіи, нужнымъ почитаю сказать нѣсколько словъ о тѣхъ особенно счастливыхъ обстоятельствахъ, которыми вызванъ настоящій мой трудъ.

Въ 1865 году, вскорѣ послѣ того, какъ началось дѣло о присоединеніи къ православной церкви намѣстника Бѣлокриницкой митрополіи епископа браиловскаго Онуфрія, коломенскаго епископа Пафнутія, архидіакона митрополіи Филарета и другихъ значительныхъ членовъ нынѣ существующей у старообрядцевъ іерархіи,—дѣло, въ которомъ отъ начала его и до конца мнѣ суждено было принять ближайшее участіе,—присоединившіеся, въ признательность за это участіе и въ видахъ содѣйствія моимъ занятіямъ современною исторіею раскола, доставили мнѣ возможность получить изъ Бѣлой-Криницы всѣ хранившіяся въ монастырѣ бумаги, составлявшія «архивъ Бѣлокриницкой митрополіи». Архивъ этотъ оказался примѣчательнымъ и довольно богатымъ собраніемъ, большею частію подлинныхъ, документовъ, имѣющихъ большую важность для исторіи Бѣло-

криницкаго монастыря и особенно для исторіи Бѣлокриницкой іерархіи, за все время ея существованія. Таковы: а) въ значительномъ количествѣ находящіеся здѣсь офиціальные документы австрійскаго правительства по дѣламъ: о переселеніи раскольниковъ въ Буковину, объ основаніи Бѣлой-Криницы и Бѣлокриницкаго монастыря, объ учрежденіи въ этомъ послѣднемъ архіерейской каѳедры, о признаніи Амвросія въ санѣ липованскаго верховнаго пастыря, о судѣ надъ Амвросіемъ,—и по другимъ, возникавшимъ въ разное время (до 1863 г. включительно); б) подлинныя полныя дѣла о поставленіи старобрядческихъ епископовъ: Кирила, Аркадія славскаго, Онуфрія браиловскаго, Алипія тульчанскаго, Аркадіяваслуйскаго, Конона новозыбковскаго; дѣла о возведеніи Кирилла въ званіе митрополита и объ учрежденіи архіепископій славской и московской, съ многочисленными документами, изданными по случаю вызванныхъ послѣднимъ обстоятельствомъ несогласій и раздоровъ между московскими старообрядцами; подлинныя же дѣла— о изверженіи Спиридонія новозыбковскаго и (весьма обширное) о судѣ надъ Софроніемъ калужскимъ; в) офиціальныя записки о текущихъ дѣлахъ въ митрополіи, между которыми особенно важны: начатый инокомъ Павломъ «Памятникъ происходящихъ дѣлъ», доведенный его преемниками по письмоводству до 1862 г., и писанныя архидіакономъ Филаретомъ четыре тетради «копій» съ разныхъ грамотъ и другихъ документовъ (въ количествѣ 150), разсылавшихся изъ митрополіи въ теченіе 1861—1864 года; г) большое количество бумагъ, относящихся къ такъ называемымъ у старообрядцевъ «церковно-іерархическимъ» дѣламъ и част-

нымъ монастырскимъ, также подлинныхъ писемъ разныхъ лицъ —Павла, Алимпія, Амвросія, его сына Георгія, Константина Огняновича, Аркадія славскаго (экзарха), Онуфрія, Аркадія васлуйскаго, Антонія, Василья Өомина и многихъ другихъ.

Кромѣ «Бѣлокриницкаго архива», при обязательномъ посредствѣ тѣхъ же лицъ, поступили въ мое распоряженіе и еще многія рукописи, весьма важныя для исторіи Бѣлокриницкой іерархіи. Такъ а) о. Онуфрій сообщилъ мнѣ находившійся у него сборникъ, въ которомъ помѣщены нѣкоторые замѣчательные документы, не оказавшіеся между бумагами Бѣлокриницкаго архива, и—другой, имъ собственноручно писанный (въ 1864 г.), съ весьма любопытными матеріалами по дѣлу объ Окружномъ посланіи; отъ него же поступили въ мою собственность всѣ бумаги бывшаго архимандрита Геронтія, писанныя имъ въ Шлиссельбургской крѣпости и въ 1868 г., по освобожденіи оттуда, переданныя о. Онуфрію: изъ нихъ особенно любопытны и важны: «Жизнеописаніе инока Павла» (къ сожалѣнію неконченное) и «Памятникъ», содержащій краткое сказаніе объ учрежденіи Бѣлокриницкой митрополіи; б) при посредствѣ о. Пафнутія я получилъ возможность воспользоваться нѣкоторыми новыми и любопытными документами изъ сборника, собственноручно писаннаго Антоніемъ, нынѣшнимъ московскимъ архіепископомъ, еще въ то время, когда онъ жилъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, и въ высшей степени замѣчательнымъ сборникомъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Церковно-іерархическія дѣла старообрядческихъ архіереевъ древлероссійскаго православнаго исповѣданія»: сборникъ этотъ, составленный бывшимъ письмоводителемъ Москов-

скаго Духовнаго Совѣта, содержитъ въ себѣ расположенные въ хронологическомъ порядкѣ 154 документа, обнимающіе время 1853 — 1864 г., съ весьма любопытными объясненіями и примѣчаніями самого собирателя, принимавшаго непосредственное участіе въ этихъ «церковно-іерархическихъ» дѣлахъ; в) отъ бывшаго священно-инока Іоасафа пріобрѣтено мною очень любопытное сочиненіе извѣстнаго некрасовца О. С. Гончарова, подъ названіемъ: «Первое начатіе происшествія нашего духонаго дѣла объ устроеніи епископа»; г) кромѣ того о. о. Онуфрій, Пафнутій, Іустинъ (бывшій епископъ тульчанскій) Филаретъ и Ипполитъ (бывшій іеродіаконъ балтскаго епископа Варлаама) передали въ мою собственность много принадлежавшихъ имъ, частію подлинныхъ, разнаго рода документовъ, сочиненій и писемъ, имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ исторіи Бѣлокриницкой іерархіи; д) наконецъ, должно упомянуть и о томъ, что благодаря обязательному содѣйствію названныхъ выше лицъ, и особенно о. о. Филарета и Ипполита, также отчасти пріобрѣтенному мною личному знакомству съ нѣсколькими, значительными въ старообрядчествѣ лицами, называть которыя не имѣю права *), весьма скоро и удобно были получаемы мною всѣ сколько-нибудь важные документы, вновь появлявшіеся у старообрядцевъ въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ.

*) Изъ нихъ назову только съ благодарностію моего бессарабскаго корреспондента Θ. Н. Богомолова: онъ уже скончался, и скончался сыномъ православной церкви.

Такимъ образомъ составилось, находящееся у меня, обширное и единственное въ своемъ родѣ собраніе матеріаловъ, которыми съ достаточною полнотою разъясняется послѣдовательный ходъ событій въ старообрядчествѣ за послѣднюю четверть столѣтія, или, говоря точнѣе, въ тѣхъ старообрядческихъ обществахъ, которыя приняли такъ называемое австрійское священство, за все время его существованія. Воспользоваться собранными матеріалами, и именно съ цѣлію разъясненія этихъ событій, имѣющихъ немалую важность для общей исторіи раскола и особенно для ознакомленія съ его современнымъ положеніемъ, я почелъ для себя даже нравственно обязательнымъ. Представлялись къ тому слѣдующіе два способа: или издать всѣ документы и бумаги, какъ они есть, расположивъ только въ хронологическомъ порядкѣ, и составить такимъ образомъ цѣлый сборникъ любопытныхъ и важныхъ матеріаловъ, которымъ съ особенною пользою могъ бы воспользоваться будущій историкъ раскола, или же, на основаніи этихъ документовъ и бумагъ, сдѣлать полное и связное изложеніе исторіи старообрядчества за все время существованія такъ называемой Бѣлокриницкой іерархіи. Первый способъ, кромѣ матеріальныхъ затрудненій, съ какими сопряжено для частнаго лица изданіе обширнаго сборника сырыхъ матеріаловъ, представляетъ еще тѣ неудобства, что 1) пришлось бы печатать многіе документы, ничтожные по содержанію, хотя и довольно длинные, или содержащіе изложеніе событій, извѣстныхъ уже по многимъ другимъ подобнаго рода документамъ, но тѣмъ не менѣе имѣющіе значеніе для исторіи по одному или нѣсколькимъ частнымъ указаніямъ, въ первый разъ

встрѣчающимся, 2) большая часть документовъ, для надлежащаго ихъ уразумѣнія и правильной оцѣнки, многихъ бы потребовали объяснительныхъ замѣчаній и дополнительныхъ свѣдѣній, и наконецъ, во всякомъ случаѣ, кромѣ людей ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ расколѣ, или спеціально занимающихся его изученіемъ, подобнаго рода сборникъ матеріаловъ нашелъ бы слишкомъ ограниченный кругъ читателей. Въ пользу же другаго способа, кромѣ возможности избѣгнуть сейчасъ указанныхъ неудобствъ, располагало меня то обстоятельство, что имъ открывалось больше возможности и удобства пользоваться для разъясненія и дополненія описываемыхъ событій предложенными мнѣ драгоцѣнными указаніями лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ сихъ событіяхъ, — и я рѣшился писать именно «Исторію Бѣлокриницкой іерархіи,» въ той увѣренности, что будучи изложена съ полной добросовѣстностью, на основаніи несомнѣнно-достовѣрныхъ документовъ и по указаніямъ людей ближайшимъ образомъ знакомыхъ съ излагаемыми событіями, она представитъ нетолько для настоящаго времени не лишенное занимательности и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полезное чтеніе, но и будущему составителю полной исторіи раскола послужитъ немаловажнымъ пособіемъ даже въ качествѣ историческаго матеріала, особенно если, въ видѣ приложеній, какъ предполагаю дѣлать, будутъ напечатаны при ней и важнѣйшіе изъ собранныхъ мною документовъ.*)

*) Не теряю надежды со временемъ, при удобныхъ обстоятельствахъ, напечатать и другіе, болѣе или менѣе любопытные, матеріалы изъ моего собранія, особенно въ высшей степени интересную„ старообрядческую кор-

Предлагая благосклонному вниманію читателей первый томъ предпринятаго мною труда, беру смѣлость утверждать, что нигдѣ при его составленіи не отступилъ я отъ обязанности правдиваго историка. Можно не соглашаться съ моими сужденіями о лицахъ и событіяхъ предлагаемой исторіи, хотя сужденія эти (да будетъ позволено замѣтить) составляютъ плодъ тщательнаго изученія и тѣхъ и другихъ; все же остальное, такъ сказать, фактическое содержаніе книги не можетъ внушатъ никакого сомнѣнія относительно достовѣрности, такъ какъ основано на документахъ несомнѣнной подлинности, провѣренныхъ, разъясненныхъ и дополненныхъ указаніями живыхъ свидѣтелей и участниковъ описанныхъ событій, на добросовѣстность которыхъ я имѣлъ основаніе вполнѣ полагаться. Въ этомъ отношеніи всего больше обязанъ я иноку Онуфрію, отъ котораго получалъ нетолько словесныя объясненія по поводу разныхъ вопросовъ и недоумѣній, возникавшихъ при чтеніи и сличеніи документовъ, но и цѣлыя, довольно обширныя записки, частію имъ самимъ составленныя, частію со словъ его изложенныя іеромонахомъ Филаретомъ, за что поставляю долгомъ выразитъ имъ мою искреннюю благодарность, равно какъ и всѣмъ прочимъ отцамъ и братіямъ, открывшимъ мнѣ возможность начать и продолжать мой трудъ. Неиз-

---

респонденцію." Что же касается подлинныхъ бумагъ, Бѣлокриницкаго архива", то, по минованіи въ нихъ надобности, онѣ будутъ переданы мною, съ точною ихъ описью, въ библіотеку Никольскаго единовѣрческаго монастыря, первоначальное братство котораго составили именно тѣ лица (и до сихъ поръ тамъ пребывающія), чрезъ которыхъ получилъ я возможность пользоваться этимъ примѣчательнымъ собраніемъ матеріаловъ для исторіи Бѣлокриницкой іерархіи.

лишнимъ почитаю упомянуть въ заключеніе, что изъ самихъ старообрядцевъ люди близко знакомые съ описанными мною событіями (какъ наприм. славскій архіепископъ Аркадій и другіе), которымъ посылалъ я на просмотръ нѣкоторыя главы настоящей исторіи, предварительно напечатанныя въ одномъ изъ журналовъ, прося ихъ замѣчаній, дополненій, или поправокъ, при всемъ своемъ нерасположеніи къ православнымъ писателямъ, не нашли ничего возразить противъ сдѣланнаго мною изложенія извѣстныхъ имъ происшествій и не отказались признатъ совершенную правильностъ этого изложенія.

1 Декабря 1873 года.

Н. Субботинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I. Какъ возникла въ старообрядчествѣ мысль о пріобрѣтеніи своихъ собственныхъ епископовъ. II. Первая попытка вѣтковскихъ раскольниковъ пріобрѣсти епископа, сдѣланная въ 1730 году. III. Лжеепископы Епифаній, Аѳиногенъ и Анѳимъ. IV. Новыя заботы раскольниковъ о пріобрѣтеніи епископа, особенно въ царствованіе Екатерины второй. V. Перемазанскій соборъ въ Москвѣ и его значеніе въ отношеніи къ вопросу объ учрежденіи самостоятельной іерархіи у раскольниковъ.

I. Попытки старообрядцевъ пріобрѣсти епископа, или, что тоже, учредить свою собственную іерархію, довольно рано извѣстны въ исторіи раскола и вызваны были пробудившимся въ обществѣ раскольниковъ сознаніемъ недостаточности и ложности ихъ самостоятельнаго, совершенно отдѣльнаго отъ церкви, но безъіерархическаго состоянія.

Къ великому утѣшенію православной церкви, даже при первомъ обнаруженіи раскола, когда въ немъ еще нельзя было видѣть рѣшительно признаковъ, свойственныхъ именно расколу, когда онъ явился еще подъ благовиднымъ прикрытіемъ ревности по досточтимой старинѣ и отъ предковъ наслѣдованной вѣрѣ, искажаемымъ будтобы по произволу одного человѣка,—даже и тогда изъ всѣхъ немалочисленныхъ русскихъ іерарховъ одинъ Павелъ епископъ Коломенскій явился сообщникомъ расколоучителей, за что и былъ провозглашенъ ими, равно какъ и доселѣ признается у раскольниковъ, ихъ первоначальникомъ и первосвятителемъ, хотя и онъ, какъ можно съ основательностью предполагать, сдѣлался ревнителемъ раскола больше подъ вліяніемъ своихъ личныхъ непріязненныхъ отношеній къ патріар-

ху Никону, нежели изъ преданности такъ называемому у раскольниковъ „древнему благочестію". [1]) Что на сторону раскольниковъ не уклонился, кромѣ Павла Коломенскаго, ни одинъ изъ тогдашнихъ россійскихъ епископовъ, въ этомъ дѣйствительно нельзя не видѣть отрадное для сыновъ православной церкви указаніе особеннаго Божія о ней попеченія: ибо раскольники, имѣя у себя хотябы нѣсколькихъ епископовъ, могли бы основать свою, постоянно продолжающуюся іерархію и расколъ чрезъ это пріобрѣлъ бы больше силы и прочности, тогда какъ напротивъ неимѣніе епископовъ и отсюда невозможность съ самаго же начала основать собственную іерархію были именно залогомъ неизбѣжно предстоявшихъ расколу внутреннихъ смутъ и нестроеній, распаденія на частныя, одна другой враждебныя секты, вообще его слабости и недолговѣчности. Нельзя также не видѣть слѣдовъ особеннаго промышленія Божія о право-

---

[1]) Что Павелъ Коломенскій, землякъ патріарха Никона, имѣлъ противъ сего послѣдняго личныя неудовольствія, это не подлежитъ сомнѣнію и очевидно, между прочимъ, изъ его тѣсныхъ связей съ врагами патріарха—Нероновымъ, Аввакумомъ и др. (отношенія между Павломъ Коломенскимъ и Никономъ мы подробно изложили въ статьѣ: *Опроверженіе раскольническихъ клеветъ на п. Никона*. См. *Приб. къ тв. св. отцевъ*, 1860 г. стр. 321—329.) Кромѣ Павла Коломенскаго, по увѣренію раскольниковъ, были противъ соборнаго исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и вообще приняли будтобы сторону раскола епископы: Макарій Новгородскій, Маркеллъ Вологодскій и Александръ Вятскій (Денис. *Виноградъ Рос.* Рук. Моск. Дух. Ак. л. 48. *Церков. исторія* инока Павла Бѣлокриницкаго, напечатанная въ Черновцахъ, стр. 49 и 67). Но никакія историческія свидѣтельства неподтверждаютъ раскольническихъ сказаній о Макаріи и Маркеллѣ. Что же касается Александра Вятскаго, то онъ дѣйствительно подалъ въ 1663 году жалобу царю Алексѣю Михаиловичу на патріарха Никона, гдѣ обвинялъ его въ мнимомъ искаженіи церковныхъ книгъ и обрядовъ; но самое время, когда подано это прошеніе,—время опалы Никона,—внушаетъ подозрѣніе, что Александръ дѣйствовалъ здѣсь по личной враждѣ къ опальному патріарху, желая своимъ извѣтомъ увеличить мѣру его виновности и силу предстоявшаго ему наказанія (о личныхъ отношеніяхъ Александра Вятскаго къ Никону см. въ указанной выше статьѣ: *Опроверженіе клеветъ*... стр. 294—299); а что самымъ исправленіямъ книжнымъ, за которыя обвинялъ патріарха Никона, Александръ не придавалъ дѣйствительной важности и даже мало понималъ ихъ, въ этомъ онъ самъ сознался на соборѣ 1666 года (см. *Допол. къ Акт. истор.* т. V. стр. 447).

славной церкви и въ томъ, что самъ Павелъ Коломенскій не успѣлъ поставить преемника себѣ по епископству, чрезъ котораго, хотя и вопреки церковнымъ правиламъ, могъ бы начаться непрерывный рядъ раскольническихъ архіеревъ.

Въ званіи первоначальника и первосвятителя русскихъ раскольниковъ Павлу Коломенскому пришлось побыть очень недолго: отъ окончательнаго суда надъ нимъ до его смерти прошло какихъ-нибудь полтора года и никакъ не болѣе двухъ. [1]) И если взять во вниманіе, что точныхъ свѣдѣній о послѣдней судьбѣ Павла Коломенскаго мы не находимъ даже у самихъ раскольниковъ, для которыхъ весьма дорога его память, что даже раскольническіе писатели несогласны одинъ съ другимъ въ извѣстіяхъ наприм. о мѣстѣ и времени его смерти [2]): то нельзя не придти къ заключенію, что кратковременное пребываніе Павла Коломенскаго въ ссылкѣ было окружено особенной таинственностью [3]) и доступъ къ нему его почитателей былъ тщательно пресѣченъ. Поэтому трудно допустить, чтобы Павелъ во время ссылки могъ имѣть сношенія и бесѣды съ раскольниками, преподавать имъ для руководства на будущее время разнаго рода совѣты и наставленія, завѣщанія и правила. А между тѣмъ, какъ бы пользуясь именно этой таинственностью послѣдней судьбы злополучнаго Коломенскаго епи-

---

[1]) Патріархъ Никонъ, безъ сомнѣнія, не ранѣе произнесъ окончательный судъ надъ Павломъ Коломенскимъ, какъ по полученіи отвѣта отъ патріарха Константинопольскаго, которому послѣ собора 1654 г. онъ жаловался на Неронова и на Павла, слѣдовательно не ранѣе 1655 года; а смерть Павла Коломенскаго сами раскольники относятъ къ 1656 году (см. пр. Макарія *Ист. раск.* прим. 425), а нѣкоторые даже къ 1655 (Денис. *Вин. Рос.* л. 79).

[2]) По однимъ сказаніямъ, Павелъ сосланъ былъ въ Пустозерскъ и здѣсь вскорѣ (въ 1655 г.) сожженъ (Аввак. въ *Автобіогр.* и *Сказ. о страд. и конч. Павла*); по другимъ—онъ умеръ въ Новгородскихъ предѣлахъ и притомъ послѣ долгихъ страданій отъ „новочинцевъ", т. е. уже послѣ Никона, отъ его учениковъ; а дьяконъ Ѳедоръ пишетъ, что Павелъ умерщвленъ въ Новгородскихъ же предѣлахъ, но по повелѣнію самаго Никона, посланными отъ него слугами (см. *Прав. Собес.* 1859 г. ч. II. стр. 469).

[3]) Достойно замѣчанія, что въ извѣстительной грамотѣ о низложеніи Никона сказано, что Павелъ Коломенскій „погибъ безвѣстно" (*Собр. госуд. грам.* т. IV, стр. 183—186).

скопа, этимъ вобще недостаткомъ точныхъ свѣдѣній о его жизни и дѣятельности въ качествѣ перворевнителя отеческихъ преданій, раскольники дали полную и самую широкую свободу фантазіи въ своихъ сказаніяхъ о „священнострадальцѣ—епископѣ", какъ они называютъ Павла. Раскольническіе историки и старыхъ и новыхъ временъ со всевозможными подробностями передаютъ разныя небывалыя бесѣды его и разглагольствія [1]), и притомъ, что особенно замѣчательно, обѣ секты, на которыя распался расколъ, противоположныя одна другой по своимъ началамъ и одна другой враждебныя, представляютъ Павла Коломенскаго исключительно своимъ родоначальникомъ, въ оправданіе и основу своихъ отличительныхъ мнѣній приводятъ именно его завѣщаніе, якобы свято ими соблюдаемое: безпоповскіе писатели увѣряютъ, что Павелъ епископъ оставилъ заповѣдь „новорукоположенныхъ іереовъ отнюдь не пріимати" и лицамъ „нерукоположеннымъ", т. е. мірянамъ, далъ благословеніе „совершать душеспасительныя тайны;" [2]) поповцы же, напротивъ, утверждаютъ, что отъ самого епископа Павла они имѣютъ благословеніе принимать и новаго поставленія іереовъ, а одинъ изъ борзыхъ поповскихъ писателей, защищавшій перемазанство во время спо-

---

[1]) Изъ старыхъ раскольническихъ писателей, для примѣра, можно указать на Семена Денисова, который въ своемъ *Виноградѣ Россійскомъ* (стр. 74—78) приводитъ довольно большія бесѣды Павла, какъ его собственныя, хотя по содержанію и особенно по складу рѣчи эти бесѣды каждый признаетъ витіеватымъ произведеніемъ самого Денисова, Павлу Коломенскому нимало не свойственнымъ. Изъ новѣйшихъ же раскольническихъ писателей должно указать на знаменитаго Павла Бѣлокриницкаго, который сочинилъ пространное *Разглагольствіе Никона патріарха съ Павломъ епископомъ Коломенскимъ* и напечаталъ оное, какъ произведеніе древности, въ своей *Церковной исторіи* (стр. 43 и слѣд.). Это „Разглагольствіе", наполненное разными нелѣпостями и явными несообразностями, какъ недобросовѣстная поддѣлка подъ древность, уронила Павла даже въ глазахъ самыхъ горячихъ его почитателей, каковы Онуфрій бывшій епископъ Браиловскій, Пафнутій бывшій епископъ Коломенскій, и даже не присоединившіеся къ церкви — Пафнутій Казанскій и авторъ *Окружнаго посланія*.

[2]) *Сказаніе о страданіи и скончаніи Павла*; *Доказательство, отъ кого и съ коихъ временъ пріяша благословеніе простыя и нерукоположенныя новокрещенныхъ покрещивати* и проч. (Пр. Мак. *Ист. раск.* прим. 427.).

ровъ о чиноприятии бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви священниковъ, сочинилъ отъ имени Павла Коломенскаго пространную бесѣду, гдѣ изобразилъ его даже сторонникомъ перемазанцевъ, завѣщавшимъ якобы пріимати новопоставленныхъ іереовъ неиначе, какъ „вторымъ чиномъ, подъ мѵропомазаніе: ибо де и святый Григорій (?) попущаетъ не въ присутствіи епископа іереомъ іереовъ помазывати мѵромъ.“ [1]) Но при всей своей неразборчивости въ вымыслахъ, при всемъ неуваженіи къ исторической истинѣ, ни одинъ раскольническій писатель не рѣшился отвергнуть того прискорбнаго для старообрядцевъ обстоятельства, что Павелъ, какъ первый и единственный раскольническій епископъ, не оставилъ по себѣ преемника.

Такимъ образомъ, когда раскольники, отдѣлившіе себя отъ церкви и отлученные за то самою церковію на соборѣ 1667 года, составили изъ себя особое религіозное общество подъ незаконно присвоеннымъ названіемъ „древлеправославной церкви“, оказалось, что эта якобы „древлеправославная“ церковь не имѣетъ ни одного епископа. А между тѣмъ изъ священнаго и святоотеческихъ писаній, изъ всѣхъ книгъ по преимуществу ими уважаемыхъ, старообрядцы хорошо знали, что безъ епископа церковь существовать не можетъ [2]), что (по Благовѣстнику) полное въ трехъ чинахъ устройство священной іерархіи должно пребывать въ церкви Христовой неизмѣнно и непрерывно до скончанія міра. Отсутствіе епископскаго чина въ ихъ глаголемой „древлеправославной“ церкви должно было такимъ образомъ внушить старообрядцамъ немалое сомнѣніе относительно ея правильности и законности при первомъ же спокойномъ и

---

[1]) Іона Курносый въ *Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ* (см. Есипова *Раскольничьи дѣла* XVIII ст. т. II, прилож. стр. 183). За это самое сказаніе о Павлѣ Коломенскомъ и за это странное свидѣтельство какого-то Григорія, какъ измышленныя, и притомъ весьма неудачно, самимъ сочинителемъ, Іона потерпѣлъ заслуженное посрамленіе на Рогожскомъ соборѣ 1779 года отъ инока Никодима. (Андрея Іоаннова *Полн. ист. извѣстіе о раск.* изд. 5, ч. IV, стр. 49).

[2]) Мысль эта съ особенной полнотою раскрыта у свв. Игнатія Богоносца и Діонисія Ареопагита, въ „Благовѣстникѣ“, въ „Книгѣ о вѣрѣ“ и другихъ уважаемыхъ старообрядцами.

безпристрастномъ обсужденіи своего положенія и религіозно-общественнаго устройства. Такого безпристрастнаго и спокойнаго воззрѣнія на самихъ себя не было, конечно, и не могло быть въ первое время по отдѣленіи раскольниковъ отъ церкви, когда религіозный фанатизмъ въ средѣ ихъ господствовалъ со всею силою, поддержанный между прочимъ и слишкомъ строгими мѣрами, посредствомъ которыхъ думали тогда остановить распространеніе раскола; когда же старообрядцы получили нѣкоторую „ослабу", когда многіе изъ нихъ нашли себѣ мѣста, гдѣ могли пользоваться въ извѣстной степени свободой и безопасностью отъ преслѣдованій правительства, тогда начинается въ средѣ ихъ, такъ сказать, болѣе сознательная дѣятельность, болѣе спокойное обсужденіе своего церковно-общественнаго положенія и устройства и при этомъ, естественно, вопросъ о неимѣніи епископа въ ихъ глаголемой „древлеправославной" церкви заявляетъ себѣ со всею силою, равно какъ возникаютъ и неразлучно соединенныя съ этимъ вопросомъ сомнѣнія и недоумѣнія относительно такого безъіерархическаго состоянія. Нужно было какъ нибудь разрѣшить эти недоумѣнія, выдти изъ затруднительнаго положенія.

Въ силу той истины, или того положенія, что церковь безъ епископа быти не можетъ, старообрядцы, казалось бы, должны были признать свое самочинное общество не составляющимъ церкви и искать церковь тамъ, гдѣ существуетъ богоучрежденное священство во всей его полнотѣ, со всѣми чинами священной іерархіи. Но признать это значило оставить расколъ, отказаться отъ того, за что старообрядцы готовы были жертвовать (и многіе дѣйствительно жертвовали) самою жизнію, значило войти въ союзъ съ господствующею великороссійскою, или греческою церковію, которыя по ихъ убѣжденію повредились ересями, и такимъ образомъ впасть въ новыя тяжкія противорѣчія. Примиреніе своихъ противорѣчій на первый разъ старообрядцы нашли въ совершенно другомъ, такъ сказать обратномъ заключеніи изъ указаннаго выше положенія. „Церковь безъ епископа существовать не можетъ; а такъ какъ наше общество,—разсуждали они,—несомнѣнно составляетъ истин-

ную церковь, то и слѣдуетъ отсюда, что она непремѣнно должна имѣть и имѣетъ епископовъ, существованіе которыхъ остается только неизвѣстнымъ.“ И вотъ у раскольниковъ распространяются толки о „древлеправославныхъ“ архіереяхъ, якобы существующихъ гдѣ-то далеко на Востокѣ и въ иныхъ странахъ; составляются фантастическіе разсказы о сокровенныхъ градахъ и обителяхъ съ священствомъ и епископами „древняго благочестія“; предпринимаются далекія и трудныя странствія для отысканія „древлеправославнаго“ епископства.

Это мнѣніе, что гдѣ-то въ невѣдомыхъ странахъ существуютъ епископы, не принявшіе „никоновскихъ новопремѣненій“, и что общество старообрядцевъ, хотя и лишенное видимаго присутствія епископовъ, по сему самому нельзя считать однакоже неимѣющимъ вовсе архіерейскаго чина, столь необходимаго въ церкви Христовой,—это мнѣніе дѣйствительно могло служить для старообрядцевъ нѣкорымъ успокоеніемъ, особенно въ то время, когда еще имѣлись у нихъ священники древняго, дониконовскаго поставленія и пока еще не явилась постоятельная нужда въ дѣйствительномъ, наличномъ епископствѣ, а не воображаемомъ только, или предполагаемомъ. Но вотъ и священниковъ, получившихъ поставленіе до „нарушенія вѣры“, не осталось у раскольниковъ: кто же теперь поставитъ имъ новыхъ законнымъ порядкомъ? гдѣ взять наличнаго „древлеправославнаго“ епископа, который одинъ могъ бы восполнить этотъ недостатокъ?

Извѣстно, что въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ значительная половина старообрядцевъ признала удобнѣйшимъ не распутывать затрудненія, а просто разсѣчь ихъ однимъ ударомъ: оставшись безъ священства, безъ строителей таинъ, эта часть старообрядцевъ провозгласила, что священство не безусловно необходимо въ церкви Христовой, что по нуждѣ, въ гонительное время, при господствѣ антихриста, церковь можетъ существовать и безъ законныхъ строителей таинъ, что спасеніе вѣрныхъ и безъ нихъ вполнѣ возможно. На такой отчаянно-смѣлый шагъ не рѣшилась другая, не менѣе значительная полови-

на старообрядцевъ. Не раздѣляя того мнѣнія, что будто вселенская церковь можетъ существовать безъ богоучрежденнаго священства и что будто спасеніе вѣрныхъ возможно и безъ участія въ богоучрежденныхъ таинствахъ, совершаемыхъ только нарочито поставленными для сего служителями церкви, напротивъ держась неуклонно того праваго ученія, ясно выраженнаго въ священномъ и отеческихъ писаніяхъ, что церковь безъ богоучрежденной іерархіи существовать не можетъ, старообрядцы не рѣшившіеся уклониться въ безпоповство все вниманіе и все тщаніе устремили на то, какъ бы восполнять свое вымирающее „древлеправославное" священство даже при неимѣніи дѣйствительно присущаго „древлеправославнаго" епископа (который одинъ только и могъ бы восполнить этотъ недостатокъ),— какъ-бы выдти изъ этого крайне затруднительнаго положенія, какъ бы именно распутать затрудненіе. Пришлось по необходимости обратиться за священствомъ къ „господствующей", грекороссійской церкви: рѣшились принять сначала священниковъ, хотя и получившихъ „никоніанское" поставленіе, но покрайней мѣрѣ крещенныхъ по „древнему", дониконовскому чину; потомъ начали принимать и вообще „бѣгствующихъ" отъ церкви грекороссійской іереевъ, т. е. поставленныхъ православными епископами, но рѣшившихся по тѣмъ или другимъ побужденіямъ оставить православіе и перейти къ раскольникамъ для отправленія священническихъ дѣйствій. Принявъ такое рѣшеніе, раскольники—поповцы не могли не примѣтить, что подаютъ законный поводъ обвинять ихъ въ противорѣчіи самимъ себѣ: они огласили грекороссійскую церковь чуждою благодати и за это мнимое истребленіе благодати прекратили всякое съ нею общеніе; теперь же, чрезъ принятіе священниковъ, поставленныхъ въ грекороссійской церкви, самымъ дѣломъ показывали, что признаютъ въ ней сохраненіе благодати священства и общенія съ нею не чуждаются. Чтобы избѣжать этого противорѣчія, въ основаніе и оправданіе своего рѣшенія—принимать священниковъ отъ церкви грекороссійской, раскольники пріискали разныя отеческія правила, по ихъ мнѣнію, будтобы служащія дѣйствительнымъ для

нихъ оправданіемъ, именно тѣ, которыми дозволялось принимать отъ нѣкоторыхъ ересей приходящихъ священниковъ въ сущемъ ихъ санѣ. Такимъ образомъ они надѣялись и крайнюю нужду въ священствѣ по возможности восполнить, и съ своими понятіями о церкви грекороссійской, якобы поврежденной ересями, не впасть въ противорѣчіе. Здѣсь однакоже являлось новое затрудненіе; возникалъ вопросъ: имѣетъ ли церковь грекороссійская соотвѣтствіе съ тѣми еретиками древности, отъ которыхъ дозволяли правила принимать священниковъ въ сущемъ ихъ санѣ? Вопросъ о степени поврежденія церкви грекороссійской ересями у старообрядцевъ былъ уже рѣшенъ: православные подведены подъ разрядъ еретиковъ перваго чина и приходящихъ отъ церкви положено было принимать въ расколъ чрезъ повтореніе надъ ними крещенія [1]). Бѣгствующіе священники въ этомъ отношеніи не могли составлять исключенія: поэтому надлежало принимать ихъ первымъ чиномъ. Но и сами раскольники сообразили, что съ повтореніемъ крещенія совершенно не совмѣстимо сохраненіе священства, и что отеческія правила и святоподобія, дозволяющія принятіе приходящихъ отъ ереси священниковъ въ сущемъ ихъ санѣ, къ еретикамъ перваго чина никакъ не могутъ быть приложены. Чтобы сохранить въ отношеніи къ бѣгствующимъ священникамъ вѣрность завѣту предковъ—еже покрещивати отъ великороссійской церкви приходящихъ, но

---

[1]) Правило перекрещивать приходящихъ отъ великороссійской церкви было принято и первоначальниками такъ называемой поповщины. Питиримъ, епископъ Нижегородскій, въ свое время писалъ, обращаясь къ Керженскимъ поповцамъ: „отселѣ назадъ лѣтъ двадцать пять всѣхъ къ вамъ приходящихъ крещенныхъ у васъ паки совершенно крестили: Исидоръ попъ Козмодемьянскій совершенно крестилъ; понемъ и дворянинъ Өедоръ Токмачевъ такоже крестилъ; посемъ Өеодосій попъ крещенныхъ такоже крестилъ совершенно" (*Пращица*, л. 273). Къ извѣстіямъ Питирима въ одномъ раскольническомъ сборникѣ прибавлено: „Еще и *вѣтковскіе первоначальницы* приходящихъ къ нимъ отъ великороссійскія церкви паки крестиша совершенно, а именно: Іовъ попъ приходящихъ крестилъ, такожде и Филипъ попъ, иже на Косицкой слободѣ, приходящихъ крестилъ, еще Іосафъ попъ такоже приходящихъ крестилъ, и послѣди сей Іосафъ нача пріимати подъ проклятіе." (Рукоп. сборникъ; см. о немъ ниже).

вмѣстѣ не обнажить ихъ и священства, придумали нѣкоторые погружать ихъ при крещеніи въ полномъ іерейскомъ облаченіи, другіе предлагали совершать надъ ними весь чинъ крещенія, но безъ погруженія въ воду. Были учинены и опыты подобныхъ чинопріятій; но по очевидной ихъ несообразности большинствомъ старообрядцевъ онѣ были отвергнуты. Нашли болѣе сообразнымъ съ правилами принимать бѣгствующихъ іереевъ, какъ еретиковъ втораго чина, а равно и всѣхъ уже отъ великороссійской церкви приходящихъ принимать только подъ мѵропомазаніе, отмѣнивъ такимъ образомъ завѣщанный предками обычай. Однакоже и противъ этого рѣшенія нашлись возражатели, находившіе, что и повтореніе мѵропомазанія надъ приходящимъ отъ церкви священникомъ требуетъ вторичнаго поставленія въ священство, съ сохраненіемъ же сей послѣдней тайны не согласуетъ. По этому нѣкоторые предлагали совершать мѵропомазаніе надъ приходящими іереями тѣмъ же страннымъ способомъ, какъ прежде совершали крещеніе, то есть облекши присоединяемаго въ полное священническое облаченіе; другіе же, болѣе благоразумные, находили возможнымъ въ пріятіи бѣгствующихъ священниковъ ограничиться однимъ проклятіемъ ересей, то есть принимать ихъ третьихъ чиномъ [1]).

Итакъ, въ обществѣ старообрядцевъ, не дерзнувшихъ подобно безпоповцамъ отвергнуть безусловную необходимость священства въ церкви Христовой и, за неимѣніемъ дѣйствительно присущаго „древлеправославнаго" епископа, рѣшившихся удовлетворять сей нуждѣ посредствомъ бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви іереевъ, вскорѣ же послѣ такого рѣшенія возникло много недоумѣній и разногласій по самому главному вопросу — вопросу о чинопріятіи сихъ бѣгствующихъ іереевъ, — и разногласія эти были выраженіемъ ими самими сознаваемой неудовлетворительности принятаго ими рѣшенія, невозможности безъ явнаго себѣ противорѣчія замѣнить своихъ „древлеправославныхъ" священниковъ приходящими отъ церкви великороссійской,

---

[1]) А. Іоан. *Ист. изв. о раск.* ч. III, стр. 9—12; IV, 42.

въ этой послѣдней получившими рукоположеніе въ священныя степени. Притомъ же, очень скоро пришлось имъ убѣдиться, что бѣгствовали отъ великороссійской церкви большею частію священники недостойные этого имени, подлежавшіе и подвергшіеся суду за разныя преступленія, даже лишенные сана, — вообще люди порочной жизни, попиравшіе и совѣсть, и вѣру, и святыню таинствъ. Сравнивая прежнее „древлеправославное" іерейство съ этимъ новымъ „чужеименнымъ и своевольнымъ", одинъ изъ старообрядцевъ того времени писалъ: „оніи іереи истинніи бяху, сіи же истинныхъ іереевъ токмо имѣна содержатъ, а достоинствъ правильныхъ далече отстоятъ; они аки пчелныя матки быша, сіи же шерстни, жала своя на-готовѣ имущи, да како противныхъ себѣ уязвятъ, уранятъ, изгонятъ" [1]). Пороки и безчинія бѣглыхъ поповъ, въ первое время особенно соблазнявшія старообрядцевъ, дѣлали еще болѣе ощутительнымъ для нихъ сознаніе неудовлетворительности принятаго способа восполнять недостатокъ „древлеправославнаго" священства „бѣгствующимъ" отъ великороссійской церкви. Истые ревнители старообрядчества крайне тяготились такимъ „сумнительнымъ" положеніемъ своей глаголемой церкви, видѣли настоятельную нужду какъ-нибудь выдти изъ него и искали къ тому способовъ. Другаго способа имъ не представлялось, какъ пріобрѣсти „древлеправославнаго" епископа, не воображаемаго, гдѣ-то въ невѣдомыхъ странахъ пребывающаго, но дѣйствительно присущаго, который могъ бы снабжать ихъ законно-поставляемымъ священствомъ. А такъ какъ предпринятые нѣкоторыми опыты достаточно убѣдили старообрядцевъ, что тѣхъ епископовъ „древлеправославныхъ", которые будто бы существуютъ въ какихъ-то далекихъ и невѣдомыхъ странахъ, отыскать не имѣется надежды, то „ревнители благоустроенія церковнаго (какъ выражается одинъ изъ новыхъ старообрядческихъ историковъ) возымѣли тщаніе снискать себѣ епископа по

---

[1]) Алексѣева *Ист. о бѣгств. священствѣ.* (*Лѣтоп. рус. лит.* т. IV, отд. 3. стр. 68). Алексѣевъ былъ безпоповецъ, но изъ числа тѣхъ, которые, вполнѣ сознавая нужду священства въ церкви Христовой, не находили возможнымъ принять ни православнаго, ни старообрядческаго—бѣгствующаго.

примѣру принимаемыхъ отъ великороссійской церкви священниковъ",—[1]) то есть они рѣшились поискать между православными епископами такого, который, подобно бѣглымъ попамъ, согласился бы, подъ условіемъ извѣстнаго чинопріятія, поступить въ старообрядчество, и, будучи принятъ въ сущемъ его санѣ, совершалъ бы у нихъ всѣ архіерейскія дѣйства: тогда (разсуждали они) ихъ глаголемая древлеправославная церковь имѣла бы полное трехчинное устройство іерархіи и не терпѣла бы нужды въ священствѣ,—тогда вмѣсто принимаемыхъ по нуждѣ „лжеименныхъ іереевъ" они получили бы правильно, по ихъ древнему чину поставленныхъ и ими самими излюбленныхъ священниковъ.[2])

II. Такъ постепенно, по мѣрѣ возникавшихъ нуждъ, старообрядцы приходятъ къ мысли объ исканіи бѣгствующихъ отъ православной церкви архіереевъ, — и именно старообрядцы тѣхъ мѣстъ, гдѣ „древнее благочестіе было во ослабѣ", гдѣ они пользовались большей свободой и безопасностью, а потому имѣли и больше возможности спокойно обсуждать свое положеніе, вникнуть въ церковно-іерархическое устройство своей „древлеправославной" церкви, примѣтить его недостатки и позаботиться насколько возможно объ ихъ устраненіи. Такими сравнительно безопасными для старообрядцевъ мѣстами жительства въ первыя времена существованія раскола служили украйныя страны, лежавшія за тогдашними границами россійскаго государства и особенно югозападной его части, за такъ называемыми рубежами польскимъ и литовскимъ, куда во множествѣ стекались старообрядцы искать безопасности отъ преслѣдованій русскаго правительства. Здѣсь-то, и преимущественно на Вѣткѣ, сдѣлавшейся подъ покровительствомъ пана Халец-

---

[1]) *Сказаніе вкратцѣ о учрежденіи нынѣ существующей іерархіи* (принадлежащая намъ рукопись).

[2]) Подобнымъ образомъ и Алексѣевъ объясняетъ рѣшимость старообрядцевъ искать себѣ архіерея отъ церкви православной: „восхотѣша народи изъ сего новопріятія (бѣглыхъ поповъ) извинути въ древнія рукоположенныхъ обычаи: иначе же не возмогоша извинути, токмо да посвященъ имъ будетъ како-либо отъ новыхъ епископъ и сей по древнимъ да хиротонисаетъ имъ іереевъ" (Лѣт. Рус. Лит. т. IV, отд. 3, стр. 63—64).

каго и самого польскаго короля [1]) средоточіемъ поповщины, совершались тѣ, описанныя выше попытки къ устроенію старообрядческой іерархіи, которыя своей неудовлетворительностью возбудили въ старообрядцахъ мысль объ исканіи бѣгствующаго архіерейства: здѣсь первоначально рѣшились принимать, за оскудѣніемъ „древлеправославныхъ“ священниковъ, приходящихъ отъ великороссійской церкви поповъ; здѣсь возникли и разногласія по вопросу о чинопріятіи бѣгствующаго священства; здѣсь выражалось громко и недовольство этимъ „чужеименнымъ и своевольнымъ“ священствомъ; здѣсь же наконецъ сдѣланы и первые опыты исканія отъ православной церкви приходящихъ епископовъ [2]).

По увѣренію старообрядцевъ, „первыя у нихъ покушенія для отысканія епископа (по примѣру отъ россійской церкви приходящяхъ священниковъ) были еще въ царствованіе Петра Перваго“ [3]). Тоже время указано и въ нѣкоторыхъ историческихъ сочиненіяхъ о расколѣ [4]). Но въ точности опредѣлить,

---

[1]) „*Отъ короля польскаго* (писали вѣтковскіе отцы въ прошеніи, поданномъ Константинопольскому патріарху въ 1730 г.) и листъ намъ данъ во обители нашей и прочимъ скитамъ и всякаго чина людямъ нашимъ увольный, еже намъ... вѣру нашу невозбранно содержати, *которыя ради свободности нашихъ людей по всей Польшѣ населишася премногое число*“.

[2]) См. Алексѣева *Ист. о бѣгств. свящ.*; А. Іоаннова *Истор. изв.*

[3]) *Сказаніе вкратцѣ*... Такъ какъ сочинитель говоритъ дальше: „для сего они обращались *въ Молдавію и Грецію, но безуспѣшно*“, то повсей вѣроятности онъ разумѣетъ здѣсь неудавшіяся сношенія вѣтковцевъ по дѣлу о пріобрѣтеніи епископа съ Ясскимъ митрополитомъ и Константинопольскимъ патріархомъ, которыя однакоже происходили не при Петрѣ 1-мъ, а въ 1730—31 г.

[4]) См. П. И. Мельникова *Очерки поповщины*. На стр. 52 говорится, что мысль о пріобрѣтеніи епископа отъ православной церкви у старообрядцевъ „явилась еще въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія“, что „поповщинскія общины (?) рѣшили послать на Востокъ къ грекамъ хорошаго человѣка, искуснаго въ церковныхъ уставахъ, чтобы онъ извѣдалъ какова въ самомъ дѣлѣ у Грековъ вѣра и можно ли отъ нихъ принять епископа“,—и за тѣмъ дальше (на стр. 53—57) говорится о путешествіи будто бы избраннаго на то старца Леонтія. Но самъ же авторъ замѣтилъ, что „похожденіе Леонтія старца“, найденное въ одномъ раскольчическомъ цвѣтникѣ XVIII в., имѣетъ буквальное сходство съ путешествіемъ Лукьянова, напечатаннымъ въ 1 т. *Русскаго архива*; и хотя въ рѣшеніи вопроса: кто у кого списалъ хожденіе—Леонтій у Лукъянова, или Лукъяновъ у Леонтія?—на основаніи нѣ-

когда именно у старообрядцевъ возникла мысль о пріобрѣтеніи бѣгствующаго епископа отъ православной церкви и когда сдѣланы первыя къ тому покушенія, едвали можно. Весьма вѣроятно, что это было и въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія; однакоже первыя извѣстныя намъ по точнымъ историческимъ указаніямъ серьезныя попытки со стороны раскольниковъ пріобрѣсти епископа по примѣру бѣгствующихъ іереевъ были сдѣланы уже въ 1730 году [1]. Дѣло начали

которыхъ хронологическихъ данныхъ авторъ склоняется въ пользу того предположенія, что подлинность принадлежитъ хожденію Леонтія; но соображенія его вполнѣ убѣдительными признать нельзя. Хронологическія невѣрности въ путешествіи Лукъянова легко устранятся, если допустить, что въ проѣзжей грамотѣ, подлинность которой никакъ нельзя заподозрить, переписчикъ сдѣлалъ ошибку, весьма возможную,—вмѣсто 1701 г. написалъ 1710; а все содержаніе путешествія показываетъ въ путешественникѣ истаго москвитянина, какимъ былъ Лукъяновъ, хотя конечно, такимъ же москвичемъ могъ быть и неизвѣстный старецъ Леонтій (не назывался ли даже Леонтіемъ, въ міру или въ иночествѣ, самъ священникъ Лукъяновъ? Тогда совершенно ясно было бы, почему въ нѣкоторыхъ спискахъ путешествіе приписано старцу Леонтію). Кто бы впрочемъ ни былъ составителемъ путешествія священникъ Лукъяновъ, или старецъ Леонтій, въ настоящемъ случаѣ важно собственно то, что въ сочиненіи этомъ вовсе не говорится и нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что будто бы путешествіе предпринято было авторомъ по порученію какихъ-то поповщинскихъ общинъ съ опредѣленною цѣлію—изв͏ѣдать „какова вѣра у грековъ", и особенно „можно ли отъ нихъ принять епископа"; не имѣется въ сочиненіи прямыхъ указаній и на то, что путешествіе совершено и описано раскольникомъ; видно только, что путешественникъ, подобно Суханову, питалъ особенное уваженіе къ чинамъ и обрядамъ древлероссійской церкви и имѣлъ предубѣжденіе противъ Грековъ, съ каковымъ и смотрѣлъ во время путешествія на ихъ богослуженіе, чины и обряды, что нисколько неудивительно въ духовномъ лицѣ того времени, даже не причастномъ расколу. Т. о. положеніе автора, что мысль о пріобрѣтеніи епископа отъ православной церкви у старообрядцевъ явилась еще въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, остается ничѣмъ не поддержаннымъ. Далѣе на стр. 81 того же сочиненія сказано: *„съ 1715 года началось* у старообрядцевъ *дѣятельное исканіе архіерея"*. Но опять и это извѣстіе, столь положительно сообщаемое, никакимъ историческимъ свидѣтельствомъ не подтверждается; примѣръ же такого „дѣятельнаго" исканія, вслѣдъ затѣмъ приводимый авторомъ (стр. 82—86), относится не къ 1715 г., а къ 1730 году.

[1]) Что ранѣе этого года старообрядцы уже имѣли *мысль* о пріобрѣтеніи епископа и обсуждали между собою способы къ ея осуществленію, на это можно находить указаніе въ слѣдующихъ словахъ Алексѣева: „вдавшеся

вѣтковскіе старообрядцы вмѣстѣ съ стародубскими дьяконова согласія. По зрѣломъ размышленіи, а можетъ быть и послѣ надлежащихъ справокъ, найдено было, что къ россійскимъ епископамъ съ такимъ дѣломъ обращаться неудобно; съ большей вѣроятностію успѣха они расчитывали на Ясскаго митрополита Антонія, который, какъ имъ было извѣстно, не чуждался старообрядцевъ, жившихъ въ Молдавіи, и особенно въ Яссахъ [1]). Чрезъ этихъ послѣднихъ вѣтковскіе и стародубскіе раскольники дѣйствительно рѣшились войти въ сношеніе съ митрополитомъ Антоніемъ по дѣлу о епископѣ. Достойно замѣчанія, что въ этотъ первый разъ старообрядцы хлопотали не о томъ, чтобы склонить къ переходу въ ихъ общество кого-либо изъ наличныхъ православныхъ епископовъ, но желали, чтобы Антоній поставилъ новаго епископа нарочито для нихъ и изъ собственной ихъ среды, котораго однакоже, какъ само собою понятно, они подвергли бы потомъ установленному чиноприятію.

Митрополитъ Антоній, безъ сомнѣнія, мало знакомый съ расколомъ, и не проникая еще въ замыслы раскольниковъ,

---

общерадѣтельствомъ въ исканіе се и не обрѣтоша къ сему удобства, точію въ Волохской земли, въ нейже удободоступна себѣ Ясскаго митрополита обрѣтоша". Итакъ, по свидѣтельству Алексѣева, старообрядцы, и прежде начатія дѣла у Ясскаго митрополита въ 1730 году, уже „имѣли радѣніе" объ отысканіи епископа, наводили справки, гдѣ удобно было бы отыскать его, и удобства этого въ другихъ мѣстахъ (конечно въ Россіи), кромѣ Волохской земли, не обрѣтоша; но такъ какъ ни объ одной, сколько-нибудь *рѣшительной* попыткѣ пріобрѣсти архіерея ранѣе 1730 года не упоминаетъ и Алексѣевъ, тщательно собиравшій и передавшій свѣдѣнія о бѣгствующемъ священствѣ, то сдѣланный въ упомянутомъ году опытъ и можно считать дѣйствительно первымъ въ этомъ родѣ.

[1]) Въ *Очеркѣ исторіи прав. церквей, Болгарской* и др. г. Голубинскаго сказано, что 1721—1736 г. митрополитомъ молдовлахійскимъ былъ Гедеонъ (стр. 381); а въ *Истор. о бѣгств. свящ.* Алексѣева, современника описываемому теперь событію, говорится, что въ 1730 г. митрополитомъ Молдовлахійскимъ былъ именно Антоній. Къ сожалѣнію въ другомъ, современномъ же и притомъ офиціальномъ документѣ, относящемся къ настоящему дѣлу о поставленіи епископа для раскольниковъ (прошеніе, поданное патріарху Константинопольскому), митрополитъ молдовлахійскій не названъ по имени.

соглашался исполнить ихъ желаніе. Получивъ объ этомъ увѣдомленіе, вѣтковскій игуменъ Власій, отъ имени всѣхъ иноковъ и „многихъ тысящь народа" подалъ въ 1730 году „просительный листъ" митрополиту; за тѣмъ отправленъ былъ въ Яссы и избранный на епископство казначей Покровскаго Вѣтковскаго монастыря инокъ Павелъ. Прошеніе было поддержано владѣтелемъ Вѣтки — паномъ Халецкимъ и самимъ молдавскимъ господаремъ, которому также поданъ былъ просительный листъ. Но такъ какъ митрополитъ Антоній почему-то медлилъ рѣшеніемъ дѣла, то въ слѣдующемъ 1731 году, 5 мая, вѣтковцы подали новое прошеніе прибывшему тогда въ Яссы Константинопольскому патріарху Паисію 2-му, на рѣшеніе котораго представилъ ихъ дѣло и самъ митрополитъ Антоній [1]). Всячески увѣряя въ своей преданности и „вѣрности вселенскимъ патріаршимъ престоламъ", вѣтковцы умоляли Паисія „даровать имъ святителя и возобновить ихъ божественнымъ священноначальствомъ", т. е. выражали готовность и желаніе принять епископа отъ руки греческаго архипастыря [2]). Патріархъ Паисій выразилъ согласіе исполнить ихъ просьбу, если только поставленный для нихъ епископъ дастъ клятвенное обѣщаніе во всемъ послѣдовать ученію православной церкви, т. е. подъ условіемъ отреченія отъ раскола [3]). Этого условія вѣтковцы принять не нашли возможнымъ и дѣло посему прекратилось. Такимъ образомъ первое покушеніе старообрядцевъ пріобрѣсти епископа по примѣру бѣгствующихъ іереевъ кончилось ничѣмъ [4]).

---

[1]) Митрополитъ Молдовлахійскій состоялъ тогда, какъ состоитъ и теперь, въ іерархической зависимости отъ Константинопольскаго патріарха (см. Голубин. *Ист. церквей*, стр. 387—388).

[2]) Современный списокъ этого прошенія въ 1866 году отысканъ въ Яссахъ старообрядческими епископами, и копію съ него, засвидѣтельствованную подписями сихъ послѣднихъ, обязательно сообщилъ намъ бывшій старообрядческій іеродіаконъ о. Ипполитъ. Значеніе этаго документа для исторіи раскола мы раскрыли въ статьѣ, напечатанной въ 1-й кн. *Душеполезнаго Чтенія* за 1870 годъ; тамъ же приведенъ вполнѣ и самый текстъ прошенія.

[3]) *Ист. о бѣгств. свящ.* стр. 64. Ср. А. Іоан. *Полн. Ист. изв.* ч. III, стр. 18.

[4]) Около того же времени, когда вѣтковцы хлопотали о поставленіи въ епископы казначея—инока Павла, явился и изъ среды безпоповцевъ рев-

III. Но первая неудача только сильнѣе пробудила въ старообрядцахъ желаніе имѣть своего собственнаго епископа, такъ что они становятся теперь гораздо менѣе взыскательны и разборчивы относительно способовъ пріобрѣтенія и личныхъ качествъ искомаго епископа, нежели какъ были

ностный искатель архіерейства—Михаилъ Ивановъ Вышатинъ, выгорѣцкій житель. Павелъ Любопытный говоритъ о Вышатинѣ, что этотъ „ученый мужъ, вѣдущій греческій и латинскій языки, былъ *убѣжденъ отъ старѣйшинъ своея церкви долговременно странствовать* въ Палестинѣ и тамъ искать христовой хиротоніи." (*Словарь староверческой церкви*. См. статью о Вышатинѣ). Такимъ образомъ исканіе епископства, по словамъ Любопытнаго, предпринято было Вышатинымъ по убѣжденію старѣйшинъ безпоповскаго согласія, и онъ, конечно, искалъ въ Палестинѣ и на пути туда епископа „древлеправославнаго"; а такъ какъ Любопытный о смерти Вышатина замѣтилъ, что она послѣдовала въ 1732 году въ Палестинѣ, послѣ „долговременнаго" исканія тамъ хиротоніи, то исканіе это надлежитъ считать если не предшествовавшимъ по времени сейчасъ изложеннымъ попыткамъ вѣтковцевъ, то покрайней мѣрѣ современнымъ, и во всякомъ случаѣ отъ сихъ послѣднихъ независимымъ. Между тѣмъ авторъ *Очерковъ поповщины*, основываясь на сказаніи Іоны Курносаго, утверждаетъ, что путешествіе Вышатина для исканія архіерейства предпринято послѣ того, какъ поповцы „испытали неудачу" въ Яссахъ (слѣдов. не раньше 1731 или начала 1732 года), и притомъ по взаимному согласію и избранію поповцевъ и безпоповцевъ, каковое соглашеніе, между ними происходило въ Стародубьѣ (стр. 87—88). Но если Вышатинъ умеръ въ 1732 году, какъ сказано и въ *Очеркахъ поповщины*, и если предъ этимъ, какъ здѣсь же опять говорится, онъ „*долго* странствовалъ": то, очевидно, никакъ не могъ онъ предпринять путешествіе для исканія епископства послѣ ясской неудачи вѣтковцевъ, случившейся въ половинѣ или даже въ концѣ 1731 года, и еще послѣ происходившихъ потомъ сношеній и соглашеній „вѣтковской поповщины, стародубской дьяконовщины и безпоповцевъ поморскаго согласія". Что касается этого соглашенія, то еслибы оно происходило дѣйствительно, и притомъ въ Стародубьѣ, да еще было „истиннымъ праздникомъ для стародубцевъ", Иванъ Алексѣевъ, какъ стародубскій житель и современникъ событія, не преминулъ бы, конечно, упомянуть о немъ. Молчаніе же Алексѣева даетъ новое основаніе усомнишься въ справедливости, или покрайней мѣрѣ точности извѣстія, сообщаемаго Іоной Курносымъ, писателемъ болѣе поздняго времени. Правда, о посольствѣ Вышатина по взаимному соглашенію на то поповцевъ и безпоповцевъ упоминается въ запискѣ, доставленной Андрею Іоаннову какимъ-то его пріятелемъ (*Полн. ист. извѣстіе*, ч. IV, стр. 79); но этотъ послѣдній ничего не говоритъ о самомъ времени, когда происходило соглашеніе и посольство, а только поставилъ извѣстіе о томъ вслѣдъ за извѣстіемъ о исканіи архіерейства въ Яссахъ; при томъ же есть основаніе предполагать, что онъ слѣдовалъ въ

въ своихъ сношеніяхъ съ молдовлахійскимъ митрополитомъ и цареградскимъ патріархомъ. И спустя два года послѣ ясской неудачи у нихъ дѣйствительно явился епископъ— знаменитый въ исторіи раскола Епифаній [1]). Онъ былъ поставленъ въ епископы для города Чигирина молдовлахій-

---

настоящемъ случаѣ указанію того же Іоны Курносаго, въ его „Исторіи о бѣгствующемъ на Керженцѣ священствѣ". О причинахъ, побудившихъ Вышатина предпринять исканіе архіерейства, см. у г. Нильскаго (*Семейная жизнь въ раск.* ч. 1, стр. 101—105). Сомнительно впрочемъ, чтобы въ предпріятіи Вышатина искренно принимали участіе поморскіе старѣйшины и самъ Андрей Денисовъ; не хотѣлось ли имъ скорѣе избавиться отъ Вышатина, горячаго противника безбрачной жизни, поощряя его несбыточныя надежды отыскать „древлеправославныхъ" епископовъ и утверждая въ намѣреніи отправиться для этого въ далекія и опасныя странствія.

1) Считая несомнѣннымъ, что вѣтковскіе и стародубскіе раскольники послѣ неудачи, испытанной въ Яссахъ, не оставляли мысли о пріобрѣтеніи епископа и наводили справки, гдѣбы найти его (чему доказательствомъ служитъ и самая исторія Епифанія, о которомъ вѣтковцы вели переговоры съ московскими поповцами), едвали однакоже можно признать достовѣрнымъ, переданный въ *Очеркахъ поповщины*, разсказъ Іоны Курносаго, что будтобы въ промежутокъ времени отъ 1731 до 1733 года, когда прибылъ на Вѣтку Епифаній, вѣтковцы посылали въ Молдавію для поставленія въ епископы монаха Варлаама, а потомъ, когда и Варлаамъ возвратился безъ успѣха, еще какого-то другаго кандидата (стр. 91—94). Въ расказѣ Іоны есть несообразности. Трудно допустить, чтобы вѣтковцы послѣ недавней неудачи въ Яссахъ, испытанной первымъ ихъ кандидатомъ на епископство-казначеемъ Павломъ, рѣшились послать тудаже, къ томуже митрополиту и для той же цѣли монаха Варлаама, а потомъ, послѣ новой неудачи, еще какого-то кандидата... Поведеніе митрополита Антонія также представляется страннымъ: послѣ только что оконченнаго дѣла о вѣтковскомъ казначеѣ Павлѣ онъ будтобы изъявляетъ согласіе посвятить въ епископы другаго, присланнаго съ Вѣтки инока, не справясь, какъ бы слѣдовало, принимаетъ ли онъ тѣ условія къ посвященію, какія указаны для сего патріархомъ Паисіемъ; когда же потомъ, на канунѣ самаго посвященія, узналъ отъ Варлаама, что онъ остается при своихъ раскольническихъ убѣжденіяхъ, то будтобы призвалъ фельдшера и приказалъ обрить Варлааму бороду и голову... О Варлаамѣ и другомъ послѣ него кандидатѣ на епископство не упоминаетъ Алексѣевъ, который долженъ былъ знать дѣло гораздо лучше Іоны Курносаго и не преминулъ бы упомянуть объ этихъ новыхъ сношеніяхъ вѣтковскихъ раскольниковъ съ митрополитомъ Антоніемъ, еслибы онѣ дѣйствительно происходили, расказавъ о сношеніяхъ точно такого рода, незадолго передъ тѣмъ бывшихъ. Это молчаніе Алексѣева, какъ современника указанныхъ Іоною событій и какъ писателя тщательнаго и добросовѣстнаго, въ настоящемъ случаѣ весьма важно. Іона же передаетъ здѣсь

скимъ митрополитомъ Георгіемъ [1]); но поставленіе это канонической правильности не имѣло и дѣйствительнымъ признано быть не могло, ибо получено было незаконнымъ путемъ и при условіяхъ, составляющихъ рѣшительное препятствіе къ полученію епископскаго сана. Епифаній [2]), по

событія, происходившія покрайней мѣрѣ за сорокъ лѣтъ до написанія его исторіи и въ мѣстахъ далекихъ отъ Керженца, гдѣ писалъ онъ исторію,— слѣд. передаетъ ихъ если и добросовѣстно, то все же по расказамъ другихъ, или по смутнымъ воспоминаніямъ. Но и писателемъ добросовѣстнымъ его назвать нельзя: онъ писалъ свою исторію съ полемическою цѣлію — защитить перемазанство противъ нападеній противной партіи, и для достиженія этой цѣли позволялъ себѣ намѣренно отступать отъ истины, выдавать за исторію вымыслы собственной фантазіи, сочинять небывалые бесѣды, въ родѣ указаннаго выше разговора Павла Коломенскаго съ учениками. Это было сказано ему въ глаза на перемазанскомъ соборѣ 1779 года; здѣсь же инокъ Никодимъ „обличалъ исторію" Іоны „яко фальшивую", „препиралъ его, яко лжу пишуща",—и, къ великому его посрамленію, Іона не могъ ничего сказать при этомъ въ свое оправданіе (А. Іоан. *Ист. извѣст.* ч. IV, стр. 47—50). Итакъ принять за вполнѣ достовѣрное, однимъ только Іоною Куриосымъ сообщаемое, извѣстіе о новыхъ сношеніяхъ вѣтковскихъ раскольниковъ съ митрополитомъ Антоніемъ по дѣлу о поставленіи имъ епископа, едвали можно; а то обстоятельство, что объ этихъ сношеніяхъ упоминается въ запискѣ, напечатанной у А. Іоаннова, опять нисколько не ослабляетъ высказанныхъ нами сомнѣній относительно расказа Іоны.

1) Такъ у г. Мельникова, который пользовался *Дѣломъ объ Епифаніи,* и у Ив. Алексѣева въ *Исторіи о бѣгств. свящ.*; въ *Очеркѣ ист.* г. Голубинскаго и Георгій совсѣмъ не упомянутъ при исчисленіи молдовлахійскихъ митрополитовъ.

2) Объ Епифаніи, а также объ Аѳиногенѣ и Анѳимѣ свѣдѣнія находятся у Алексѣева (*Ист. о бѣг. свящ.* стр. 64—66) и Андрея Іоаннова (*Ист. изв.* ч. III, стр. 19—35, ч. IV, 17—35); съ особенной же подробностью, хотя не вездѣ съ несомнѣнной точностью, излагается исторія этихъ лжеепископовъ въ *Очеркахъ поповщины* (стр. 94—251). Кромѣ того свѣдѣнія объ Епифаніи, Аѳиногенѣ и Анѳимѣ мы заимствуемъ изъ одного, принадлежащаго *Братству св. Петра,* раскольническаго сборника, составленнаго изъ разныхъ и разновременно писанныхъ статей, между которыми находятся и три слѣдующія весьма замѣчательныя, доселѣ нигдѣ намъ невстрѣчавшіяся и никѣмъ изъ историковъ раскола не упоминаемыя: 1) *Сказаніе о епископѣ вѣтковскомъ Епифаніи Реуцкомъ, гдѣ родися и отъ коего рода,* 2) *о епископѣ Амвросимѣ, иже на Волыни бысть,* 3) *о архимандритѣ Анѳимѣ.* Свѣдѣнія, излагаемыя въ этихъ статьяхъ, въ общемъ согласны съ тѣми, какія извѣстны изъ оффиціальныхъ и другихъ несомнѣнныхъ источниковъ; но вмѣстѣ представляютъ и не мало новаго. Особенное значеніе сообщаетъ имъ то обстоятельство, что авторъ *Сказаній* былъ современникъ Епи-

фамиліи Реуцкій, человѣкъ темнаго происхожденія [1]), поселившись въ Кіевѣ и постригшись здѣсь въ монахи, умѣлъ вкрасться въ расположеніе кіевскаго архіепископа, сдѣлался его келейникомъ, былъ посвященъ въ іеромонахи и, по нѣкоторымъ сказаніямъ, даже нѣсколько времени управлялъ, въ званіи игумена, козелецкимъ Георгіевскимъ монасты-

---

ѳанія, Аѳиногена и Анѳима, имѣлъ объ нихъ, равно какъ о лицахъ принимавшихъ участіе въ ихъ исторіи, точныя свѣдѣнія, Анѳима же зналъ лично, былъ его постриженникомъ и писалъ еще при его жизни, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ: „и видя себе обличена (Анѳимъ), остави свой монастырь и церковь (въ Боровицахъ) и всѣхъ старцовъ... и убѣжа на Донъ, и *доднесь тамо. Мы же, убогіе, пострижены отъ него, осталися* и пришли на Вѣтку, и судили намъ, что не дѣйствительно быти пострежение его; мы же и сняли съ себя и стали простыми и доднесь, а иные и донынѣ въ томъ пребываютъ". Авторъ сначала принадлежалъ къ поповской сектѣ; но вслѣдствіе близкаго знакомства съ вѣтковскою и иными поповскими церквами („ибо, говоритъ онъ, на какомъ онѣ основаніи уѳундованы, осемъ мы убозіи, самовидѣвшіи и при таковомъ дѣлѣ трудившіися, свидѣтели есмы въ правду"), и вслѣдствіе соблазновъ, причиненныхъ этимъ церквамъ Епифаніемъ, Аѳиногеномъ и Анѳимомъ, перешелъ, какъ можно догадываться, въ безпоповство и потому въ своихъ сказаніяхъ очень рѣзко отзывается и объ архіереяхъ и о попахъ раскольническихъ. Но тѣмъ не менѣе заподозрить его въ намѣренномъ искаженіи фактовъ, нѣтъ никакого основанія,—тѣмъ больше, что онъ ссылается на свидѣтелей (наприм. говоря объ Епифаніи—на двоюроднаго брата его изъ Могилева старца Варѳоломея Добрынскаго, на вѣтковскаго попа Ивана Васильева, на князя Шаховскаго), и самъ клятвою подтверждаетъ справедливость своихъ разсказовъ: „не буди ми лгати на правду",—говоритъ онъ въ *сказаніи* о Епифаніи; еще: „сіе писахъ вамъ (о попахъ) не по страсти и не по какой зависти діавольской, но по сущей правдѣ, ибо мы при такихъ случаяхъ были, много и трудилися при нѣкоторыхъ ложныхъ попахъ... А ежели мнится вашей любви вся сія ложно, что мы убозіи написали, то буди сему дѣлу свидѣтель Богъ, не лжемъ". *Сказанія* свои авторъ писалъ въ Москвѣ („здѣ на Москвѣ"). Какъ замѣчательный и доселѣ неизвѣстный матеріалъ для исторіи бѣглопоповства, всѣ эти *Сказанія* объ архіереяхъ и попахъ раскольническихъ мы печатаемъ вполнѣ въ *прилож.* подъ № 1.

[1]) По словамъ автора *Очерковъ поповщины* онъ „былъ малороссіянинъ, родился въ Кіевѣ" (стр. 96); а въ *Сказаніи о епископѣ Епифаніи Реуцкомъ* повѣствуется: „рожденіе его бѣ близь мѣстечка Полоннова въ Польшѣ, а отъ рода жидовска и отъ жены нѣкія нечистыя жидовки, хуждша и послѣдняго рода и нищенскаго житія. И по шести лѣтѣхъ рожденія своего изъ Польши вышелъ и близь Чернигова города жительство имѣлъ и ту *обливаніемъ* крещенъ, и потомъ пріиде въ Кіевъ."

ремъ [1]). Здѣсь онъ учинилъ преступленія, за которыя духовнымъ судомъ лишенъ былъ священническаго сана и до преданія суду гражданскому содержался подъ карауломъ [2]). Убѣжавъ изъ подъ стражи, послѣ скитаній по разнымъ мѣстамъ, Епифаній опять явился въ Кіевѣ и по благосклонности архіепископа допущенъ къ занятіямъ въ его канцеляріи [3]). Пользуясь этимъ своимъ положеніемъ въ архіерейскомъ домѣ, онъ укралъ здѣсь принадлежавшія кіевскому архіепископу печати и составивъ на имя ясскаго митрополита Георгія подложныя письма—одно отъ кіевскаго владыки, которымъ этотъ послѣдній якобы просилъ молдовлахійскаго митрополита поставить его—Епифанія въ санъ епископа, другое—отъ чигиринскихъ гражданъ, якобы желавшихъ имѣть его епископомъ именно своего города, посредствомъ этихъ подложныхъ документовъ, скрѣпленныхъ крадеными печатями, равно какъ при помощи немалыхъ подарковъ, успѣлъ склонить митрополита Георгія къ совершенію надъ нимъ епископскаго поставленія [4]). Спустя немного

1) Въ *Сказаніи* говорится, что по прибытіи въ Кіевъ, Епифаній „пострижение тамо пріятъ монашеское, и былъ у архіерея келейникомъ, и поставленъ въ дьяковы и потомъ въ попы, и послѣжде посланъ игуменомъ въ монастырь, который имѣется во градѣ Черниговѣ (надобно полагать, что рѣчь идетъ о Козелецкомъ монастырѣ: ср. Андр. Іоаннова *Ист. извѣстіе* ч. III, стр. 191), и тамо былъ игуменомъ въ томъ монастырѣ нѣколико лѣтъ". Въ дѣлѣ Анатолія Мелеса Епифаній называется также *игуменомъ Козельскимъ* (Рус. Архивъ, 1870 г. № 4).

2) *Сказаніе*: „И будучи во игуменствѣ, впаде въ неискусенъ умъ, и у нѣкоей, тогда тамо бывшей полковницы, въ то время была племянница дѣвица, и прельстилъ онъ ее Епифаній, и жилъ съ нею скверно, и отъ него родила та дѣвица дѣтище—мужескъ полъ. И о семъ оная полковница увѣдала и на него Епифанія за безчестіе племянницы своей просила въ Синодъ, и по челобитью ея взяли ево въ Синодъ, и растригли ево и сидѣлъ подъ карауломъ долгое время".

3) „Учини его архіерей Кіева съ прочими у себе быть и ходилъ за духовными дѣлами" (*Тамъ-же*). У Алексѣева: „имѣ отъ митрополита кіевскаго не малую милость, почему (*вмѣсто игуменства*) припущенъ былъ къ приказныхъ дѣлъ отправленію" (стр. 64). Изъ этихъ словъ Алексѣева можно догадываться, что и ему извѣстно было о прежнемъ игуменствѣ Епифанія.

4) Андр. Іоаннова *Ист. извѣстіе*, III. 19—20. У Алексѣева: „и увѣрився, укралъ изъ секрета съ письма архіерейскую печать Львовскаго и Галицкаго" (стр. 64). Въ *Сказаніи* полнѣе: „И Божьею волею помре архіепи-

времени Епифаній былъ взятъ русскимъ правительствомъ и преданъ суду. Св. Синодъ, не признавъ его за епископа, такъ какъ онъ обманомъ и деньгами восхитилъ этотъ санъ, постановилъ лишить его даже и монашескаго званія; а гражданское правительство, „ради коронованія втораго императора“ [1]), смягчая слѣдующее Епифанію наказаніе, рѣшило сослать его на постоянное жительство въ Соловецкій монастырь, при чемъ, ради тогоже событія, было возвращено ему Синодомъ и монашеское званіе. Изъ Соловецкаго монастыря Епифаній бѣжалъ и хотѣлъ пробраться за границу; но опять былъ пойманъ, лишенъ монашества, высѣченъ плетьми и приговоренъ къ ссылкѣ. Тогда-то вѣтковскіе раскольники, чрезъ посредство своихъ московскихъ одновѣрцевъ слѣдившіе за ходомъ дѣла объ Епифаніи и вступившіе съ нимъ въ переговоры, похитили его у конвойныхъ солдатъ [2]) и приняли въ качествѣ дѣйствительнаго епископа [3]). Итакъ первый обрѣтенный раскольниками архіерей въ

скопъ кіевскій, и потомъ оный Епифаній, вымысливши зло нѣкое, и поднѣхъ нѣкіихъ упоилъ хмѣльнымъ питіемъ келейника архіерейскаго, и взявши ключи у піянаго и вынелъ изъ крыны три печати, отъ которыхъ архіерейство преподается по епархіямъ. И взявши оныя три печати кіевскую, галицкую и львовскую, и самъ написавши указъ за подписаніемъ, окрадши руки ложно, и къ ясскому епископу доступилъ, дабы поставилъ его — Епифанія въ Кіевъ епископомъ. И то умысливши, первое восхитилъ на себе чинъ іеромонашескій и пойде съ чиномъ и указомъ въ Яссы... И тако тѣмъ обольсти епископа ясскаго, еще же и казны далъ за поставленіе много“.

1) Такъ въ *Сказаніи*.

2) Вотъ кто именно участвовали въ этомъ дѣлѣ, по свидѣтельству *Сказанія*: „и тогда согласяся Ѳедоръ Козминъ да Герасимъ Козминъ калужане, и москвичи Потапъ Матвѣевъ и Власъ старецъ и съ прочими москвичи того Епифанія на дорогѣ у караульныхъ отбили, и Егоръ Иконникъ привезъ его Епифанія за границу къ Ивану Иванову, прозваньемъ Работниченку, а отъ него взялъ себѣ Лаврентій въ пустыню и въ келіи училъ его благочестію“.

3) Какимъ чиномъ былъ принятъ Епифаній, объ этомъ положительныхъ извѣстій не имѣется. Алексѣевъ пишетъ: „*безъ всякаго испытанія* на архіерейское дѣйство опредѣленъ“ (стр. 65); въ *Очеркахъ поповщины*, на основаніи исторіи Іоны Курносаго, сказано только, что Епифаній „торжественно принятъ въ старообрядство“ и что „черный попъ Іовъ привелъ Епифанія *къ исправѣ*“,—но къ какой исправѣ, т. е. по второму, или третьему чину, опредѣленно не говорится (стр. 121, 123—124); въ *Сказаніи* ни о

сущности былъ не кто иной, какъ выкраденный ими колодникъ, когда то обманомъ и куплею получившій архіерейское поставленіе и за разныя преступленія лишенный даже священническаго и монашескаго званія и подвергнутый позорной, площадной казни. Впрочемъ и сами старообрядцы скоро возымѣли сомнѣніе насчетъ пріобрѣтеннаго ими епископа. Подлинную исторію того, какъ Епифаній получилъ епископскій санъ, что̀ было съ нимъ прежде и послѣ этаго событія, знали немногіе изъ старообрядцевъ; сомнѣніе возбудилъ Епифаній, по сказанію однихъ, собственно тѣмъ, что не скрывалъ своего нерасположенія къ старообрядчеству[1]), а по сказанію другихъ, старообрядцы усомнились главнымъ образомъ относительно его крещенія,—стали подозрѣвать, некрещенъ ли онъ чрезъ обливаніе [2]). При такой подозрительности и недовѣрчивости взаимныя отношенія между старообрядцами и ихъ первымъ епископомъ сдѣлались крайне натянуты, и когда Епифаній снова былъ взятъ русскимъ правительствомъ, старообрядцы даже были довольны, что ему пришлось недолго архіерействовать на Вѣткѣ [3]). Тѣмъ не менѣе однакоже въ теченіе семи, или

какой исправѣ не упоминается, а говорится только, что Лаврентій, въ келіи у котораго Епифаній учился благочестію, „*христіаниномъ нарекъ его*, и потомъ на Вѣтку представилъ о немъ Павлу казначею и всему народу, и по нѣкоемъ времени *повелѣша ему* на Вѣткѣ въ церкви служити и вся дѣйства правити; онъ же Епифаній нача вся правити, и поповъ поставляти и вся дѣйствовати“.

1) Ив. Алексѣевъ: „обрѣтенъ бысть новыхъ догматовъ человѣкъ, откуду вѣтковцы, чувство пріемше, за епископа его не почтоша“ (стр. 65).

2) Іона Курн. см. *Очерки поповщ.* стр. 120—135.

3) Въ августѣ 1734 г. Епифаній принятъ въ старообрядчество, а въ апрѣлѣ 1735 года, во время такъ называемой первой „Вѣтковской выгонки“ взятъ и отправленъ въ Кіевъ. По свидѣтельству *Сказанія*, недовольство Епифаніемъ возникло на Вѣткѣ при самомъ его тамъ появленіи, такъ что казначей Павелъ „къ присягѣ ему велѣлъ всѣхъ пригоняти нуждею, а которые не принимали Епифанія за епископа, тѣхъ людей повелѣша нуждею подъ колокольну сажать и мучити, якожс и папежницы творятъ. И сему дѣлу самовидцы жителіе вѣтковскіе, люди тогда ту бывшіе. *И бысть тогда о семъ веліе въ людехъ смятеніе* и смущеніе, печаль и скорбь не мала“. Особенно вооружился противъ Епифанія, по тому же *Сказанію*, „бывшій на Вѣткѣ при церкви попъ ихъ Иванъ Васильевъ“.

восьми мѣсяцевъ своего архіерействованія у старообрядцевъ Епифаній успѣлъ поставить имъ немало поповъ и дьяконовъ [1]); и хотя вслѣдствіе возникшихъ объ немъ сомнѣній и споровъ старообрядцы отбирали у посвященныхъ имъ поповъ ставленныя грамоты, все таки поповъ епифаніева поставленія у раскольниковъ осталось довольно по разнымъ мѣстамъ [2]); явились даже защитники и приверженцы Епифанія, образовавшіе особую секту, извѣстную въ исторіи раскола подъ именемъ Епифановщины.

Прошло какихъ нибудь пятнадцать лѣтъ по удаленіи Епифанія изъ Вѣтки — и, не смотря на данной имъ урокъ быть разборчивѣе и осторожнѣе въ пріобрѣтеніи архіерея, у старообрядцевъ явились еще два епископа: знаменитая двоица сія были—Аѳиногенъ и Анѳинъ.

Изъ Воскресенскаго монастыря, именуемаго Новой Іерусалимъ, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія бѣжалъ черный дьяконъ Амвросій [3]). Назвавшись священноинокомъ Аѳиногеномъ, онъ отправился искать счастья и наживы къ раскольникамъ, и именно въ Стародубье, замѣнившее Вѣтку послѣ перваго ея разоренія. Здѣсь приняли его въ старообрядчество и допустили къ отправленію священническихъ требъ. Примѣтивъ, что желаніе завестись своимъ епископомъ послѣ недавней неудачи нисколько не охладѣло у раскольниковъ, онъ, какъ человѣкъ въ высшій степени

---

1) По свидѣтельству *Сказанія*, Епифаній поставилъ на Вѣткѣ двѣнадцать поповъ. Здѣсь же повѣствуется: „Егда оной Епифаній поповъ поставилъ и оные попы начаша крестити и вся священнодѣйствовати, и отъ нихъ надъ крещенными и причащаемыми духовными дѣтьми что явися тогда, яко ужаса достойно сказати! Тогда бѣсновалися всѣ, яко видѣвшимъ ужасатися. И ни единъ отъ ставленниковъ его цѣлъ сохранился, дабы не бѣсновалися. Тогда людіе мнози отвратишася, инудѣ бѣжаша, и видѣти тогда въ народѣ смятеніе великое и смущеніе, а исправляющаго ни единаго тогда“.

2) Ив. Алексѣевъ: „отъ ставленныхъ имъ (Епифаніемъ) грамоты начаша вѣтковцы отбирати; увидѣвъ же то, прочіи попы отбѣгоша съ грамотами въ разныя мѣста, и донынѣ (т. е. 1755 г., когда Алексѣевъ писалъ исторію) въ великой чести священная дѣйствуютъ“ (стр. 65).

3) Іеродіакономъ Амвросія называютъ и Алексѣевъ (стр. 65), и А. Іоанновъ (IV, 18), и Іона Курносый (*Очерки попов.* стр. 180); кромѣ того у Андрея Іоаннова говорится, что онъ былъ ключаремъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, а въ *Сказаніи*—что былъ здѣсь намѣстникомъ.

ловкій, задумалъ воспользоваться такими благопріятными для него обстоятельствами. Сначала осторожно, съ большими опасеніями, сталъ онъ распространять слухи о своемъ мнимомъ епископствѣ. Когда слухи эти произвели желаемое дѣйствіе, онъ, уже ни чѣмъ не стѣсняясь, выдалъ себя за епископа и сочинилъ цѣлую сказку о своемъ посвященіи въ епископскій санъ для нахожденія при сосланномъ императорѣ Иванѣ Антоновичѣ.[1]) Правда, между старообрядцами нашлись и люди осторожные, какъ видно, незабывшіе урокъ Епифанія,—стали наводить, гдѣ слѣдовало, нужныя справки о новопоявившемся епископѣ; но пока наводились справки, Аѳиногенъ успѣлъ наставить раскольникамъ и поповъ и дьяконовъ [2]). Въ качествѣ епископа жилъ онъ преимущественно въ раскольническихъ селеніяхъ по берегамъ Днѣстра и Буга (здѣсь главнымъ его мѣстопребываніемъ было селеніе Борское), также въ Молдавіи, у здѣшнихъ старообрядцевъ: вездѣ принимали Аѳиногена съ полнымъ довѣріемъ, какъ дѣйствительнаго епископа, и дѣйствовать архіерейская никто ему не препятствовалъ. Когда же, послѣ надлежащихъ справокъ, обманъ обнаружился и слухи о самозванствѣ Аѳиногена начали распространяться по раскольническимъ селеніямъ, онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и бѣжалъ за польскую границу: здѣсь, въ городѣ Каменцѣ, принялъ католичество, записался въ военную службу, женился и на добытыя самозваннымъ архіерействомъ раскольническія деньги сталъ жить настоящимъ паномъ. Это послѣднее превращеніе Аѳиногена изъ раскольническихъ епископовъ въ польскіе жолнеры совершилось въ началѣ 1753 года.

Съ соблазнительной исторіей Аѳиногена имѣетъ тѣсную связь исторія и третьяго раскольническаго епископа — Ан-

---

1) *Очерки попов.* стр. 170. Въ *Сказаніи* также онъ названъ „ложнымъ царскимъ духовникомъ“. При этомъ онъ называлъ себя епископомъ Лукою. Въ *Сказаніи* говорится: „три имя себѣ стяжалъ, — первое имя ему бысть Амвросій, второе именова себе Анѳиногеномъ епискупомъ и духовникомъ великаго князя, а на антимисахъ подписывался Лукой епископомъ“.

2) По свидѣтельству *Сказанія* Аѳиногенъ „поставилъ въ Польщѣ и на Волыни шесть поповъ“.

ѳима. Это былъ чернецъ пожилыхъ уже лѣтъ, человѣкъ быстраго ума и довольно начитанный, но въ высшей степени своенравный, упрямый и надмѣнный. Гордость и сгубила его, сдѣлала „посмѣшищемъ для всѣхъ". Сначала, къ общему удивленію знавшихъ его старообрядцевъ, Анѳимъ назвался попомъ и сталъ отправлять священническія службы въ имъ самимъ построенной и освященной церкви, въ четырехъ верстахъ отъ Вѣтки („между Гомлею и Вѣткою, при Сожѣ рѣкѣ", по словамъ Алексѣева), въ мѣстечкѣ Боровицахъ, гдѣ основалъ онъ жительство, прибѣжавъ изъ Москвы съ однимъ купеческимъ семействомъ и какой то слабоумной богатой барыней, которыхъ умѣлъ забрать въ свои руки.[1]) Недовольствуясь тѣмъ, что выдалъ себя попомъ, онъ задумалъ еще, по примѣру Аѳиногена и при его содѣйствіи, сдѣлаться епископомъ. Для поставленія въ епископы онъ нарочно ѣздилъ къ Аѳиногену: тотъ посвятилъ его на первый разъ только въ архимандриты. Въ этомъ званіи Анѳимъ, нисколько не стѣсняясь, началъ дѣйствовать по архіерейски,

---

[1]) Самъ Анѳимъ увѣрялъ, что былъ дѣйсвительно поставленъ въ діаконы и попы воронежскимъ епископомъ Іоакимомъ (*Очерки попов.* стр. 190); но свидѣтельство его никакими другими извѣстіями не подверждается и потому крайне сомнительно. Вотъ что напротивъ, говоритъ Алексѣевъ, какъ по всему видно, знавшій Анѳима лично: „любоначальствомъ ослѣпъ, нача себе глаголати попа, о чемъ до того свѣдущіи его ни въ мысли имяху" (*Ист. о бѣгст. свящ.* стр. 65). Андрей Іоанновъ также называетъ его просто „чернецомъ, неимѣвшимъ никакого посвященія, кромѣ монашества" (*Ист. изв. о раск.* ч. III, стр. 29). Въ *Сказаніи* Анѳимъ также называется простымъ чернецомъ. Вотъ какія сообщаются здѣсь свѣдѣнія о его жизни до пріѣзда на Сожу: „Сей Анѳимъ, простый старецъ воронежскаго монастыря Каменскаго (Кременскаго: ср. *Очер. попов.* стр. 190), и невѣдомо какихъ ради дѣлъ взятъ былъ въ Москву и держался въ Синодѣ тригодищное время. И изъ Синоду тайно бѣжалъ и укрывался въ Москвѣ у такихъ же людей, подобныхъ ему, и *назывался попомъ чернымъ*... Еще обольстилъ домъ пивоваровъ Михайла Константинова, что на Олховцѣ, и дочерь ево прельсти, еще же и боярыню, и съ ними казны много себѣ получилъ и сманилъ ихъ съ собою за границу, и на Вѣтку чернымъ попомъ пріѣхалъ, и вселился на Боровицахъ, въ разстояніи отъ Вѣтки за четыре версты, и тамъ построилъ церковь и самъ освятилъ ту церковь, а антимисъ въ ту ево новоустроенную церковь невѣдомо гдѣ онъ взялъ, о томъ не извѣстно."

и даже поставлялъ священниковъ [1]); но все-таки онъ видѣлъ нужду, порядка ради, получить архіерейское поставленіе, за которымъ и обратился еще разъ къ Аѳиногену. Этотъ послѣдній не отказался поставить Анѳима въ архіереи; но озабоченный распространившимися тогда слухами о его собственномъ самозванствѣ, не нашелъ возможнымъ ни самъ пріѣхать для этого къ Анѳиму, ни его пригласить къ себѣ, потому что не имѣлъ опредѣленнаго мѣстопребыванія. Условились, чтобы поставленіе совершено было заочно: въ назначенный день, именно въ великій четвертокъ, 11 Апрѣля 1753 года, тотъ и другой должны были служить литургію и въ обычное время Анѳимъ долженъ былъ возложить на себя архіерейскія облаченія, а Аѳиногенъ—прочесть молитвы на поставленіе епископа. Анѳимъ исполнилъ условіе въ точности,—въ опредѣленное время, за торжественной службой, при большомъ стеченіи народа, облекся въ архіерейскія одежды и затѣмъ продолжалъ литургію по архіерейскому служебнику; а что касается Аѳиногена, то въ это время онъ былъ уже католикомъ и записался на службу въ польскія войска: если онъ вспомнилъ тогда объ Анѳимѣ, облекавшемся въ чинъ архіерейства, то безъ сомнѣнія только затѣмъ, чтобы поглумиться и надъ Анѳимомъ и надъ всѣми раскольниками... Надъ Анѳимомъ стали смѣяться и сами раскольники, когда огласилась исторія его мнимаго рукоположенія; а нѣкоторые изъ нихъ, болѣе серьезные, размышляя объ Анѳимѣ и вообще о томъ, что дѣлается въ старообрядчествѣ, пришли въ изумленіе и страхъ: „многихъ смѣхъ на себе привлаче,—пишетъ объ Анѳимѣ раскольническій историкъ,—разумнымъ же страхъ, яко тако скорыми ногами къ подложному епископу притече". [2]) Досада и стыдъ принудили Анѳима бѣжать съ береговъ Сожи, гдѣ неподалеку отъ Вѣтки и Стародубья хотѣлъ онъ утвердить свою епископскую каѳедру. Стопы свои онъ направилъ за рѣку Днѣстръ и дальше — въ предѣлы Малдавіи

---

[1]) „Многихъ въ причетъ церковный поставилъ, и старцевъ много постригъ, такожде и старицъ женскаго полу постригъ много, еще и вся архіерейская дѣйствовалъ самовластно (*Сказаніе*).

[2]) Алекс. *Ист. о бѣгств. свящ.* стр. 66.

и нынѣшней Буковины, въ Добруджу и за Кубань,—все съ тою цѣлію, чтобы основаться гдѣ нибудь въ званіи старообрядческаго епископа. Въ тоже время, чувствуя нужду исправить какъ-нибудь свое странное, столько смѣху надѣлавшее посвященіе въ епископы, онъ обращался къ нѣсколькимъ православнымъ архипастырямъ—Мисаилу радоуцкому, проживавшему въ Драгомирнскомъ монастырѣ, Іакову ясскому, Даніилу браиловскому,—просилъ у нихъ или „навершенія" прежнему поставленію, или новаго рукоположенія. Хотя и трудно повѣрить, чтобы могъ онъ достигнуть этой цѣли, но самъ онъ утверждалъ, что одинъ изъ упомянутыхъ архіереевъ, именно Даніилъ браиловскій, будтобы дѣйствительно рукоположилъ его, даже назвалъ „епископомъ кубанскимъ и Хотинскія Раи", а впослѣдствіи „архіепископомъ всего православія." [1]) Въ раз-

[1]) Въ *Очеркахъ поповщины* приводятся, частію отрывками, частію вполнѣ, весьма любопытные документы изъ „дѣла Св. Синода объ архіепископѣ Аноимѣ". Но по приведеннымъ въ этой книгѣ выпискамъ изъ дѣла нельзя опредѣленно рѣшить, дѣйствительно ли Аноимъ получилъ рукоположеніе отъ митрополита Даніила. Извѣстіе объ этомъ сообщаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ ясскому митрополиту Іакову самъ же Аноимъ; но ему въ этомъ случаѣ вполнѣ довѣрять нельзя, и ясскій митрополитъ Іаковъ, рѣшительно отвергшій это показаніе Аноима, конечно, заслуживаетъ большаго довѣрія. Да и вся вообще исторія странствованій Аноима, какъ она изложена по упомянутымъ документамъ въ *Очеркахъ поповщины*, представляется очень запутанной. Достаточно упомянуть о слѣдующей несообразности. Курьезное поставленіе Аноима Аоиногеномъ *происходило 11 апр. 1753 г.* Послѣ этого, когда уже исторія Аоиногена огласилась, Аноимъ уѣзжаетъ въ Молдавію, оттуда, не доѣхавши до Яссъ, „поворотилъ въ хотинскій цинутъ и въ слободѣ Вѣтрянкѣ основалъ свое пребываніе", потомъ уѣхалъ въ Драгомирну, гдѣ вошелъ въ сношеніе съ епископомъ Мисаиломъ; опять возвратился въ Вѣтрянку; отсюда отправился въ Хотинъ и началъ переговоры съ Даніиломъ; получилъ отъ него поставленіе; возвратился въ Вѣтрянку; „выхлопоталъ въ Портѣ фирманъ на построеніе въ этой слободѣ большой каменной церкви, которую задумалъ сдѣлать митрополіей всѣхъ линоранъ, живущихъ въ владѣніяхъ Турецкаго султана"; слухъ „о старообрядческомъ епископѣ, живущемъ въ Хотинской Раѣ" доходитъ до гребенскихъ казаковъ, даже до крымскаго Хана,—и вотъ *въ 1753 г.* является къ нему посольство звать на Кубань (стр. 204—220). Ужели все это могло произойти въ теченіе какихъ нибудь семи-восьми мѣсяцевъ, если даже предположить, что посольство явилось въ Декабрѣ?

ныхъ мѣстахъ, то въ Добруджѣ, то на Кубани, раскольники дѣйствительно принимали его въ качествѣ епископа и дозволяли ему ставить поповъ, доколѣ, заподозривъ въ обманѣ, не изгоняли съ безчестіемъ. Такъ странствовалъ онъ изъ мѣста въ мѣсто нѣсколько лѣтъ, пока свою бурную, исполненную преключеній жизнь не кончилъ трагически: извѣстно, что раскольники бросили Анѳима въ Днѣстръ съ камнемъ на шеѣ.

Такимъ образомъ въ половинѣ XVIII столѣтія, вскорѣ одинъ за другимъ, явились у раскольниковъ три епископа. [1])

---

[1]) Въ документахъ изъ „дѣла объ архіеп. Анѳимѣ" упоминается еще Ѳеодосій епископъ кубанскій и терскій (*Очерки попов.* стр. 231, прим.). По словамъ автора *Очерковъ*, султанъ насильно заставилъ херсонскаго епископа Гедеона посвятить Ѳеодосія въ архіепископы для раскольниковъ (стр. 233). О Ѳеодосіи упоминаетъ еще, въ своей книгѣ *О промыслѣ*, игуменъ Парѳеній, писавшій по преданіямъ, сохранившимся у раскольниковъ; но, по его словамъ, крымскій владыка посвятилъ Ѳеодосія только въ священники, а въ епископы не посвящалъ (стр. 185). Если допустить, что Ѳеодосій былъ дѣйствительно поставленъ въ епископы для старообрядцевъ, то его должно считать единственнымъ у нихъ архіереемъ, посвященіе котораго они могли бы признать не сомнительнымъ, разумѣется, если потомъ онъ подвергнутъ былъ у нихъ какому-либо чинопріятію. Но въ такомъ случаѣ у старообрядцевъ, безъ сомнѣнія, навсегда сохранилась бы память о епископѣ Ѳеодосіѣ; между тѣмъ и прежняго и позднѣйшаго времени старообрядцы нигдѣ не упоминаютъ объ немъ, и, что всего важнѣе, въ самой Добруджѣ, у Некрасовцевъ, гдѣ будтобы архіерействовалъ Ѳеодосій, какъ видно, объ немъ не сохранилось никакихъ преданій: ибо иначе добруджинскіе раскольники непреминули бы упомянуть объ немъ, когда шли у нихъ оживленные споры о принятіи епископа отъ Бѣлокриницкаго митрополита и когда примѣръ Ѳеодосія для сторонниковъ Бѣлокриницкой іерархіи могъ бы служить сильнымъ доказательствомъ въ защиту этой послѣдней. Такое молчаніе старообрядцевъ о Ѳеодосіи показываетъ, что онъ или вовсе не былъ епископомъ, или же, по поставленіи въ епископы, объявилъ себя состоящимъ въ единеніи съ церковію и никакому чинопріятію отъ старообрядцевъ подвергнуть себя не дозволилъ. Въ самыхъ *Очеркахъ поповщины* (стр. 23) и въ книгѣ игумена Парѳенія (стр. 185) есть извѣстіе, что Ѳеодосій дѣйствительно находился въ общеніи съ церковію и этимъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе раскольниковъ-некрасовцевъ почему и долженъ былъ отъ нихъ удалиться. Итакъ Ѳеодосія, если бы даже онъ и поставленъ былъ въ епископы (что̀ еще не доказано), во всякомъ случаѣ нельзя считать раскольническимъ архіереемъ. Въ томъ же дѣлѣ „объ архіеп. Анѳимѣ" упоминается еще, что и самъ Анѳимъ поставилъ для кубанскихъ раскол-

Всѣ они поставляли поповъ, вообще совершали архіерейскія дѣйствія, и были привѣтствованы старообрядцами какъ первоначальники столь желаемой ими, собственной самостоятельной іерархіи; но сами же старообрядцы весьма скоро убѣждались горькимъ опытомъ въ непригодности, въ самозванствѣ каждаго изъ этихъ епископовъ, а двухъ послѣднихъ признали даже позоромъ для старообрядчества,

---

никовъ двухъ епископовъ, неизвѣстныхъ по имени, а эти послѣдніе въ свою очередь, по предположенію автора *Очерковъ поповщины*, посвятили другихъ (стр. 224, прим.). Но это послѣднее предположеніе ни на чемъ не основано, да и самое извѣстіе о посвященныхъ Аѳимомъ епископахъ подлежитъ сомнѣнію, какъ не подтверждаемое никакими другими свидѣтельствами. Гораздо больше основанія относить къ числу раскольническихъ архіереевъ Анатолія Мелеса, поставленнаго патріархомъ константинопольскимъ Кирилломъ въ епископа мелетійскаго. Въ 1757 году Анатолій явился въ Петербургъ; но святѣйшій Синодъ не призналъ его за дѣйствительнаго епископа. Въ синодальномъ опредѣленіи, послѣдовавшемъ по сему случаю, было сказано между прочимъ: „Съ нимъ (Анатоліемъ) не инако поступить должентсвовало, какъ поступлено было напредь сего съ *таковымъ же*, изъ Россіи за границу въ волоскую землю бѣжавшимъ Епифаніемъ, игуменомъ козельскимъ, и тамъ *такожде обманнымъ образомъ* чинъ архіерейства получившимъ и паки въ Россію, въ 1724 (34?) году, возвратившимся, именовавшимъ себя епископомъ гусскимъ (?), который по лишеніи священномонашескаго чина, сперва въ свѣтскій судъ наказанію, а потомъ въ Соловецкій монастырь въ вѣчное по смерти заключеніе и работу былъ посланъ". Потомъ, въ 1759 году, межигорскій архимандритъ Никаноръ донесъ Синоду, что „апрѣля 26 числа Анатолій прибылъ въ запорожскую сѣчь, и войско запорожское охотно его приняло и, построивъ ему архіерейское облаченіе, дозволило служить, чѣмъ Анатолій и воспользовался; въ тамошней сѣчевой церкви многократно служилъ и въ служеніи имя преосвященнаго кіевскаго возглашать не велѣлъ, точію свое возглашать приказалъ... и таковыхъ же безправильно бродящихъ чужестранныхъ іеромонаховъ, безъ достовѣрныхъ о священствѣ видовъ, въ служеніе себѣ самовольно, насильно принимая, допускаетъ". Съ своей стороны запорожское войско, въ январѣ 1760 года, обратилось въ Сенатъ съ прошеніемъ, въ которомъ писали, что Анатолій въ войсковой церкви литургисалъ по просьбѣ войска и этимъ все „простонародье низовское весьма довольствовалось", что „когда бы и впредь сіе при кошѣ запорожскомъ происходило, то не токмо навсегда вящшая слава, но и умноженіе *по пограничности* тамошней церкви слѣдовать можетъ, да и весь коштъ къ тому желательны." 19 февраля 1760 года объ Анатоліи состоялось новое опредѣленіе Синода, гдѣ между прочимъ сказано: „лиша его богопротивно похищеннаго архіерейскаго сана и іеромонашества, и оставя токмо про-

такъ что и самую память объ нихъ желали бы изгладить изъ своихъ лѣтописей [1]).

IV. Трехъ указанныхъ опытовъ было достаточно, чтобы внушить старообрядцамъ больше осторожности въ исканіи бѣгствующаго архіерейства, но не для того, чтобы охладить въ нихъ желаніе имѣть своего епископа, свою само-

стымъ монахомъ, для пресѣченія могущихъ и впредь въ ближайшихъ къ здѣшнимъ границамъ мѣстахъ произойти какихъ-либо подобныхъ отъ него возмущеній и противныхъ церкви святой поступковъ, дабы таковое вредное церкви святой сановъ похищеніе въ обычай не вошло и не укоренилось (какъ и напредъ сего съ таковымъ же похитителемъ архіерейскаго сана, бывшимъ козельскимъ игуменомъ, чернецомъ Епифаніемъ, Синодомъ поступлено), послать подъ карауломъ на неисходное содержаніе сибирской епархіи въ Троицкій Кондинскій монастырь" (См. докум. по дѣлу Анатолія въ *Рус. архивѣ* 1870 г. № 4). Принимая во вниманіе съ одной стороны то обстоятельство, что Анатолій ушелъ къ запорожцамъ, извѣстнымъ ревнителямъ старой вѣры, съ другой стороны—что въ синодскихъ рѣшеніяхъ онъ сопоставленъ съ Епифаніемъ, можно полагать, что Анатолій служилъ у запорожцевъ именно постарообрядчески, какъ раскольническій епископъ. Впослѣдствіи, по настоянію имп. Екатерины, въ нѣкоторыхъ политическихъ видахъ, Анатолію возвращенъ былъ сначала священническій, потомъ и епископскій санъ (см. тамъже). Въ семидесятыхъ годахъ онъ проживалъ на покоѣ въ Глуховскомъ монастырѣ,—и жилъ, какъ всѣ раскольническіе попы и епископы того времени, въ крайнемъ безобразіи—ходилъ раздѣтый, въ одномъ халатѣ, босой и съ непокрытой головой, въ церкви не бывалъ никогда, билъ монаховъ, пьянствовалъ и „палилъ изъ можжиръ, которыя перелилъ изъ колоколовъ, снятыхъ имъ съ колокольни;" умеръ въ 1775 году (см. Записки Добрынина, въ *Рус. старинѣ* 1871 г. кн. V. стр. 584 — 591). Если мы, наконецъ, упомянемъ здѣсь о встрѣчающемся въ раскольническихъ синодикахъ нѣкоемъ Рафаилѣ, который, будто бы, въ концѣ XVIII ст. успѣлъ получить на Востокѣ поставленіе въ епископы отъ патріарха антіохійскаго Даніила, но умеръ на возвратномъ пути въ Россію (*Очерки попов.* стр. 272, прим.), т. е. не успѣвши вступить въ дѣйствительное архіерействованіе у раскольниковъ, то вотъ и всѣ извѣстныя доселѣ лица, относительно которыхъ есть какія-либо основанія считать ихъ бывшими у раскольниковъ епископами; но несомнѣнно принятыми и дѣйствовавшими у раскольниковъ все-таки остаются трое—Епифаній, Аѳиногенъ и Анѳимъ.

[1]) Такъ напр. *Сказаніе вкратцѣ* совсѣмъ не упоминаетъ объ Аѳиногенѣ и Анѳимѣ, какъ будто ихъ и небывало, а говоритъ объ одномъ только Епифаніи. На собраніи же старообрядцевъ поповскаго и безпоповскаго согласія, происходившемъ около 1765 года, небыло рѣчи даже о Епафаніи,— упомянутъ одинъ только Павелъ епископъ коломонскій „за древнее благочестіе изгнаніе претерпѣвый" и „преемниковъ по себѣ никого не оставившій." (Андр. Іоан. *Извѣст. о раск.* ч. II, стр. 70.).

стоятельную іерархію. Старообрядцы, какъ и прежде, не переставали искать епископовъ; но при этомъ дѣйствительно стали соблюдать гораздо больше разборчивости и осторожности относительно личныхъ качествъ и самыхъ способовъ пріобрѣтенія искомыхъ епископовъ.

Въ „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ" повѣствуется, что въ 1755 году, еще при жизни Аноима, „гомельскіе и и вѣтковскіе по заграничью жители, къ нимъже приложишася послѣ и въ Малороссіи обрѣтающіися въ слободахъ, написаша челобитныя, да отъ великороссійскихъ архипастырей поставится въ епископы имъ человѣкъ, на совершенства антимиса, мνра и на произведеніе поповъ." [1]) Изъ приведеннаго свидѣтельства не видно, кому и какъ были поданы челобитныя; неизвѣстно также, послѣдовалъ ли на нихъ какой-либо отвѣтъ; но для насъ въ этомъ извѣстіи важно собственно то, что старообрядцы, наученные опытомъ, возвращаются къ прежней мысли вѣтковскихъ отцевъ—просить православныхъ архипастырей, и на этотъ разъ даже не молдавскихъ, или греческихъ, а „великороссійскихъ", о поставленіи имъ въ епископы достойнаго человѣка, избраннаго изъ ихъ собственной среды, который, будучи потомъ подвергнутъ установленному чинопріятію, не могъ бы внушать имъ никакихъ сомнѣній относительно законности своего архіерейскаго достоинства. Понятно, что какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ подобную просьбу старообрядцевъ, во всей ея точности, не нашелъ возможнымъ удовлетворить патріархъ Паисій, такъ равно и „великороссійскіе архипастыри" не могли дать удовлетворительнаго для старообрядцевъ рѣшенія на поданныя ими челобитныя о епископѣ.

Къ тому же 1755 году относятся слѣдующія, довольно загадочныя, но тѣмъ не менѣе достовѣрныя обстоятельства. Весной этого года явился на Вѣткѣ русскій выходецъ, пробиравшійся изъ Пруссіи, нѣкто Иванъ Васильевъ Зубаревъ, и сталъ разсказывать вѣтковскому бѣглому попу

---

1) *Ист. о бѣгств. свящ.* стр. 66.

Ивану [1]), что былъ онъ у самого прусскаго короля, что король хочетъ увезти изъ Холмогоръ бывшаго императора Ивана Антоновича, посадить его опять на русскомъ престолѣ, и поручилъ ему Зубареву спросить раскольниковъ, „желаютъ ли они, чтобъ былъ на престолъ возведенъ попрежнему Иванъ Антоновичъ,“ и буде желаютъ, то „чтобы выбрали кого-нибудь въ епископы и прислали къ нему въ Потсдамъ, а его-де величество пошлетъ отъ себя къ патріарху о поставленіи того епископа просить“, и тогда-де, какъ будетъ у нихъ епископъ и воцарится Иванъ Антоновичъ, „вѣру ихъ гонить, такъ какъ нынѣ есть, нестанутъ“, „ибо-де Иванъ Антоновичъ старую вѣру любитъ.“ Къ этому Зубаревъ прибавилъ, что прусскій король за такую услугу раскольникамъ желаетъ и отъ нихъ услуги,—именно— „чтобы они, когда Ивана Антоновича увезутъ и начнетъ король съ Россіей войну, тогда бы они ему помогли и сдѣлали бунтъ [2]), и для его арміи заготовили провіантъ и прочее,“ и если епископъ явится у нихъ ранѣе того времени, то бы „во всѣ мѣста, гдѣ старой вѣры люди въ Россіи есть, дать знать, что будетъ на престолѣ Иванъ Антоновичъ и вѣра ихъ гонима тогда не будетъ.“ Попъ Иванъ отвѣчалъ Зубареву: „я объ этомъ подумаю.“ Тѣже самыя рѣчи Зубаревъ говорилъ на Вѣткѣ „бѣглымъ россійскимъ людямъ Данилѣ Кондратьеву да Касагову:“ „и оные Кондратьевъ и Касаговъ, выслушавъ у него Зубарева означенныя всѣ слова, сказали: что въ этомъ не наша власть, а какъ хотятъ наши святые отцы.“ Послѣ того Зубаревъ отправился въ раскольническій Лаврентьевъ монастырь, что неподалеку отъ Гомеля, и порученіе прусскаго короля пере-

---

[1]) Это есть тотъ самый попъ Иванъ, о которомъ упоминается въ *Сказаніи о епископѣ вѣтковскомъ Епифаніи Реуцкомъ* (см. выше). Вотъ что ещ авторъ этого *Сказанія* пишетъ о попѣ Иванѣ: „Попъ Иванъ Бѣлый, который *нынѣ* на Вѣткѣ имѣется, по дѣломъ своимъ достоинъ казнить бы ево смертію за убивство смертное, понеже застрѣлилъ человѣка. И такова убо душегубца нынѣ Вѣтка имѣетъ себѣ пастыря и окормителя ихъ!“

[2]) Вотъ что говорилъ Зубареву, заводчикъ всего дѣла, Манштейнъ о томъ, какъ сдѣлать бунтъ: „Какъ-де посвятимъ епископа, такъ-де онъ отъ себя своихъ поповъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ есть раскольники, разошлетъ, и они-де сдѣлаютъ бунтъ.“

далъ игумену того монастыря Евстаөію: [1]) Игуменъ, распросивъ Зубарева о всѣхъ обстоятельствахъ его пребыванія въ Пруссіи, отвѣтилъ сначала, какъ и вѣтковскій попъ Иванъ, „что мы-де о этомъ подумаемъ,“ а потомъ говорилъ ему, что „лучшебъ-де было, ежелибъ его величество сюда изволилъ прислать греческаго епископа, чтобъ онъ здѣсь, кого мы выберемъ, посвятилъ, а то-де туда ѣхать весьма далеко,“ и послалъ еще Зубарева въ другой, близь лежавшій раскольническій монастырь (Спасскій) поговорить съ игуменомъ того монастыря Варлаамомъ. Варлаамъ отвѣтилъ: „я не одинъ, — какъ хотятъ святые отцы“, и тоже прибавилъ: „а лучшебъ-де, ежелибы его величество изволилъ прислать сюда епископа греческаго, а туда-де ѣхать весьма далеко.“ Когда потомъ Зубаревъ, возвратившись въ Лаврентьевъ монастырь, оставался здѣсь еще нѣсколько дней, то игуменъ Евстафій сталъ говорить ему: „чтожъде, Иванъ Васильевичъ, пора тебѣ ѣхать выручать Ивана Антоновича; а когда-де васъ Богъ вынесетъ, то-де мы стоять готовы.“ Всѣ эти толки кончились ничѣмъ. Зубаревъ въ томъ же 1755 году попалъ въ тайную канцелярію и тамъ сдѣлалъ признаніе во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ прусскимъ правительствомъ и съ раскольниками [2]). Но тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ этомъ есть нѣкоторыя стороны, имѣющія

---

[1]) Въ дѣлѣ Зубарева онъ называется постоянно „Евстиөѣемъ.“

[2]) Данное имъ въ тайной канцеляріи чрезвычайно любопытное показаніе, изъ котораго мы заимствовали приведенныя выше подробности, напечатано въ *Сбор. отд. рус. языка и словар. имп. акад. наукъ* (т. IX, стр. 381—404). Подвергать сомнѣнію справедливость показаній Зубарева нѣтъ основанія; напротивъ, невозможно допустить, чтобы онъ самъ придумалъ всѣ тѣ обстоятельства, о которыхъ говорилъ съ такой подробностію, да и русское правительство, конечно, не стало бы дѣлать тѣхъ распоряженій по поводу его показанія, какія были сдѣланы (см. тамъ же стр. 405, 406), если бы имѣло поводы заподозрить его справедливость; притомъ же въ показаніяхъ Зубарева все согласно съ историческими обстоятельствами того времени. Здѣсь кстати замѣтить, что и самъ Иванъ Антоновичъ не первый уже разъ приводится на память раскольникамъ: мы видѣли, что Аөиногенъ выдалъ себя за архіерея, состоявшаго именно при его особѣ; а Манштейнъ говорилъ Зубареву, что у нихъ, въ Пруссіи, былъ уже одинъ раскольническій попъ, съ которымъ тоже была рѣчь объ Иванѣ Антоновичѣ, да только обманулъ и уѣхалъ (стр. 386).

для насъ значеніе. Прежде всего заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что здѣсь мы первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе о замыслѣ иностраннаго правительства воспользоваться для политическихъ цѣлей содѣйствіемъ раскольниковъ, расчитывая на укоренившееся въ средѣ ихъ недовольство правительствомъ русскимъ; примѣчательно, во вторыхъ, что по указанію главнаго лица, руководившаго этимъ замысломъ и достаточно знакомаго съ Россіей (Манштейна), для привлеченія раскольниковъ на сторону замышленнаго предпріятія обѣщалось имъ, кромѣ давно желаемой религіозной свободы, осуществленіе другаго желанія, именно въ то время по преимуществу занимавшаго старообрядцевъ,— поставленіе для нихъ епископа при посредствѣ православнаго патріарха; наконецъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что старообрядческіе настоятели, не стѣсняясь внѣшними препятствіями, не отказываясь даже при посредствѣ иноземной, еретической власти получить давно искомаго епископа, однакоже, наученные недавними опытами, обнаруживаютъ въ настоящемъ случаѣ не мало осторожности, — находятъ для себя болѣе удобнымъ, чтобы прусскій король, для поставленія въ епископы кого-либо изъ ихъ среды, прислалъ нарочно къ нимъ какого-нибудь греческаго архіерея. Вообще же, въ неосуществившихся замыслахъ прусскаго правительства содѣйствовать учрежденію самостоятельной іерархіи у раскольниковъ есть не мало сходнаго съ тѣмъ предпріятіемъ, которое, какъ увидимъ, осуществилось около ста лѣтъ спустя подъ покровительствомъ австрійскаго правительства.

Между тѣмъ съ возшествіемъ на престолъ Екатерины II въ гражданскомъ, общественномъ и религіозномъ положеніи старообрядцевъ послѣдовала, какъ извѣстно, значительная перемѣна: старообрядцамъ предоставлены права, какихъ они доселѣ никогда не имѣли,— права, во многомъ уравнявшія ихъ съ прочими гражданами государства, — немалая предоставлена свобода и въ исповѣданіи ихъ вѣры, въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ. Этимъ улучшеніемъ общаго положенія старообрядцевъ Екатерина II желала особенно привлечь обратно въ Россію находившихся за границей, ра-

скольниковъ. Изъявившимъ согласіе возвратиться въ отечество были предоставляемы кромѣ того особенныя льготы, которыми они должны были пользоваться предпочтительно предъ раскольниками, жившими въ Россіи. Такая рѣшительная перемѣна правительственныхъ отношеній къ расколу не осталась безъ послѣдствій: пограничныя мѣста, доселѣ служившія какъ бы центрами старообрядчества, откуда исходили церковныя и иныя узаконенія, имѣвшія обязательную силу для всего почти старообрядческаго міра, въ царствованіе Екатерины II совсѣмъ утратили свое прежнее значеніе, и напротивъ внутри государства, частію на старыхъ мѣстахъ, частію на новыхъ, образовались сильныя по своимъ матеріальнымъ средствамъ и религіозному значенію старообрядческія общины, къ которымъ начали тяготѣть всѣ прочія, подчинившія себя ихъ вліянію,— таковы Стародубье въ южной половинѣ Россіи, Иргизъ—въ восточной, и особенно Москва, которая сдѣлалась какъ бы средоточіемъ раскола. Рѣшеніе церковныхъ старообрядческихъ вопросовъ, происходившее доселѣ главнымъ образомъ за литовскимъ рубежемъ, производится теперь здѣсь, во внутреннихъ предѣлахъ Россіи, въ мѣстахъ сдѣлавшихся центральными для старообрядческихъ населеній, и преимущественно въ Москвѣ: здѣсь же теперь и для рѣшенія вопросовъ о пріобрѣтеніи епископства, вообще объ устройствѣ іерархическихъ дѣлъ у старообрядцевъ, открываются совѣщанія, собираются многолюдные соборы, о какихъ прежде не смѣли и помыслить старообрядцы. Столь рѣшительное измѣненіе внутреннихъ взаимныхъ отношеній, или тяготѣній въ старообрядческомъ мірѣ было послѣдствіемъ той свободы въ общественной и религіозной жизни, какою старообрядцы начали пользоваться въ Россіи со временъ Екатерины II, точно также, какъ относительная свобода жизни за русскимъ рубежемъ въ прежнее время была главнымъ основаніемъ, почему тогда рѣшеніе церковно-іерархическихъ вопросовъ для всего старообрядчества происходило по преимуществу тамъ, у зарубежныхъ раскольниковъ.

Въ первые же годы царствованія Екатерины II по вопросу о пріобрѣтеніи епископа происходило въ Москвѣ у ста-

рообрядцевъ замѣчательное совѣщаніе, въ которомъ участвовали нетолько поповцы московскіе и стародубскіе, но и раскольники главныхъ безпоповскихъ согласій — поморскаго и ѳедосѣевскаго.[1]) Быть можетъ подъ вліяніемъ тогоже, измѣнившагося къ лучшему внѣшняго положенія старообрядцевъ, у нихъ сильнѣе пробудилось теперь сознаніе внутренней несостоятельности раскола, такъ очевидно заявлявшей себя въ раздѣленіи на многія секты, въ ослабляющихъ его несогласіяхъ и раздорахъ: это сознаніе внутренней несостоятельности раскола и неразлучно соединенное съ нимъ желаніе выдти изъ своего ложнаго положенія, возстановить единство и цѣлость старообрядчества, теперь особенно необходимыя, и были, конечно, побудительною причиною для представителей столь различныхъ и враждебныхъ между собою толковъ сойтись на общее любовное разсужденіе о мѣрахъ, какими можно было бы достигнуть желаемаго единства и прочнаго устройства ихъ глаголемой „древлеправославной" церкви. Не могло быть разногласія, что единственнымъ къ тому средствомъ служило бы пріобрѣтеніе „древлеправославнаго" епископа, при которомъ ихъ глаголемая церковь, во всемъ согласовала бы древней, до лѣтъ Никона патріарха въ неповрежденномъ православіи и благочестіи пребывавшей. Но какимъ способомъ пріобрѣсти „древлеправославнаго" епископа? Старообрядцы поповскаго согласія, теперь, въ виду благоснисходительности правительства къ раскольникамъ, предлагали опять обратиться къ „великороссійскимъ архипастырямъ" для поставленія въ епископы избраннаго общимъ совѣтомъ старообрядцевъ кандидата; на такую мѣру, очевидно, не могли согласиться безпоповцы, уже окончательно рѣшившіе, какъ мы видѣли, вопросъ объ отношеніи къ церкви грекороссійской, въ силу этого рѣшенія признавшіе неза-

---

[1]) Въ запискѣ неизвѣстнаго автора о исканіи епископа старообрядцами, напечатанной у А. Іоаннова, сказано, что настоящее совѣщаніе происходило именно въ 1765 году (ч. IV, стр. 80); самъ же А. Іоанновъ, сообщая подробности этого совѣщанія, не означилъ въ точности года, когда оно происходило, а сказалъ только, что „въ началѣ царствованія императрицы Екатерины Алексѣевны вторыя" (ч. II, стр. 69).

коннымъ принятіе даже бѣгствующихъ отъ церкви священниковъ, — и имъ-то, безъ сомнѣнія, принадлежала мысль: нужды ради, которая „всѣхъ средствъ, какія ведутъ къ точному исполненію всего въ законѣ, хранить и исполнять не обязана, но свободна“, сдѣлать премѣненіе закону, прибѣгнуть къ чрезвычайному поставленію епископа, на которое однакоже имѣлся бы въ святоотеческихъ подобіяхъ образецъ [1]). Именно предложили поставить избранное лице, на

[1]) У А. Іоаннова (ч. II, стр. 70—72) приводятся отмѣченные вносными знаками отрывки, какъ надобно полагать, современной записки какого-то старообрядца объ этомъ раскольническомъ совѣщаніи (которую однакоже называть „соборнымъ дѣяніемъ,“ какъ называется она въ *Очеркахъ поповщины*, на стр. 260, нѣтъ основанія). Въ этой запискѣ приведены весьма замѣчательныя слова, принадлежащія, какъ мы полагаемъ, кому-либо изъ представителей безпоповства, въ которыхъ прямо указано въ чемъ состоятъ „нуждныя“ обстоятельства старообрядцевъ: „цѣлое миновало столѣтіе, какъ *православная церковь постепеннаго священства лишилась*, и *мы остаемся безъ спасительныхъ таинствъ и безъ пастырей*. Въ смутное Никоново время, хотя и остался Павелъ епископъ, за древнее благочестіе изгнаніе претерпѣвшій; но *преемникомъ по себѣ никого намъ не оставилъ*. Также при жизни его и послѣ, хотя и обрѣтались кое-гдѣ православные древ ніе священники, но и *тѣ всѣ*, Богу тако опредѣлившу, *прешли въ вѣчные кровы*. Мы же, хотя послѣдователи и ученики ихъ, но руковозложенія и освященія къ служенію въ Божіей церкви таинствъ *ни единъ изъ насъ ничего не имѣетъ*; и потому мы въ крайней нуждѣ и расточеніи находимся; нужда же“ и проч. Здѣсь заслуживаетъ особеннаго замѣчанія во-первыхъ то, что единственнымъ, не имѣвшимъ по себѣ преемниковъ, старообрядческимъ епископомъ признается Павелъ Коломенскій, — ни объ одномъ изъ недавнихъ самозванныхъ епископовъ нѣтъ и помину; во вторыхъ—то откровенное признаніе, что старообрядцы съ давнихъ лѣтъ остаются „безъ спасительныхъ таинствъ и безъ пастырей.“ Если отъ недавно бывшихъ самозванныхъ епископовъ могли отказаться и сами поповцы, находившіеся на совѣщаніи, то никакъ уже не могли они, столько времени пробавляясь бѣгствующимъ священствомъ, говорить, что цѣлое столѣтіе остаются безъ спасительныхъ таинствъ и безъ пастырей. Вотъ почему приведенныя выше слова и самую мысль о поставленіи епископа чрезвычайнымъ способомъ, на основаніи нуждныхъ обстоятельствъ, мы приписываемъ безпоповскимъ членамъ совѣщанія. Что касается ученія о „нуждныхъ обстоятельствахъ,“ то въ старообрядчествѣ и тогда уже оно было не новостью, даже въ примѣненіи къ вопросу о поставленіи епископа: Аѳимъ просилъ заочнаго поставленія у Аѳиногена также на основаніи чрезвычайнаго примѣра — какъ Ѳедимъ поставилъ св. Григорія чудотворца; впослѣдствіи, какъ увидимъ, учредители бѣлокриницкой іерархіи развили это ученіе съ особенной полнотой, составили цѣлую теорію руководства „нуждными обстоятельствами“.

основаніи бывшаго въ древлерусской церкви святоподобія,[1]) главою св. Златоуста, а потомъ, когда это было признано неудобнымъ,—рукою митрополита Іоны, или другаго изъ почивающихъ въ Москвѣ святителей,[2]) каковое посвященіе, какъ они разсуждали, уже несумнительно было бы древлеправославнымъ. Предложеніе это сначала принято было въ совѣщаніи какъ мудрое, рѣшающее всѣ затрудненія; но по размышленіи болѣе зрѣломъ отвергнуто, какъ неудобоисполнимое и съ существомъ дѣла не вполнѣ сообразное. Этимъ и кончилось совѣщаніе.[3])

Когда такимъ образомъ не имѣла успѣха и эта новая попытка къ учрежденію самостоятельной старообрядческой іерархіи, предпринятая по взаимному согласію раскольниковъ различныхъ сектъ: тогда поморскіе и ѳедосѣевскіе учители навсегда уже отказались отъ мысли о возстановленіи древлеправославной іерархіи, отъ исканія архіерейства; поповцы, напротивъ, съ прежнимъ и даже большимъ усердіемъ продолжали это исканіе, твердо держась при томъ своей прежней мысли о пріобрѣтеніи епископа отъ церкви православной по примѣру бѣгствующихъ священниковъ. Вскорѣ же послѣ описаннаго совѣщанія обратились они съ просьбою о поставленіи епископа къ находившемуся въ Москвѣ, бывшему грузинскому архіепископу Аѳанасію: Аѳанасій, конечно, не вполнѣ понимавшій значеніе этой просьбы, отказался исполнить ее на томъ только основаніи, что, состоя подъ вѣдѣніемъ св. Синода и не имѣя своей каѳедры, дѣйствовать самостоятельно не можетъ, а посовѣтовалъ старообрядцамъ отправиться въ Грузію, гдѣ, какъ увѣрялъ онъ, желаніе ихъ удобно можетъ быть достигнуто. Старообрядцы не оставили безъ вниманія этотъ совѣтъ,—дѣйствитель-

---

[1]) „По примѣру Климента митрополита кіевскаго, освященнаго главою Климента папы римскаго, взятою отъ мощей россійскими архіереями." (Іоан. ч. II, стр. 71).

[2]) У А. Іоаннова, въ упомянутой запискѣ, говорится именно о рукѣ святителя Іоны (ч. II, стр. 71); а въ напечатанной у него же запискѣ другаго старообрядца сказано, что „вознамѣрились поставить мощами св. Филиппа митрополита" (ч. IV, стр. 80).

[3]) Подробности см. у А. Іоаннова (ч. II, стр. 69—73), у пр. Макарія въ *Ист. раск.* (стр. 388) и у Мел. въ *Очерк. попов.* стр. 257—365.

но отправили за Кавказъ избранныхъ людей просить епископа отъ грузинскихъ архипастырей; но посланные принуждены были возвратиться назадъ, недоѣхавъ до Грузіи, такъ какъ сообщеніе съ Кавказомъ по причинѣ открывшихся военныхъ дѣйствій было прервано.[1]) Потомъ, жившіе за Днѣпромъ поповцы дѣлали попытку склонить крымскаго митрополита къ поставленію для нихъ епископа; но митрополитъ, очевидно, разумѣя ихъ просьбу, какъ просьбу объ учрежденіи за Днѣпромъ новой православной епископіи, не нашелъ возможнымъ исполнить оную безъ предварительнаго на то разрѣшенія отъ патріарха константинопольскаго,— высшей церковной власти, отъ которой и самъ стоялъ въ зависимости. Такимъ образомъ и отсюда раскольники возвратились ни съ чѣмъ. Есть извѣстіе, что около того же времени старообрядцы дѣлали приглашенія поступить къ нимъ въ епископы нѣкоторымъ изъ русскихъ архипастырей, и въ томъ числѣ святителю воронежскому Тихону, который, какъ видно, и въ старообрядческихъ обществахъ возбуждалъ благоговѣніе своею святою жизнію.[2]) Само собою

---

1) Извѣстія о сношеніяхъ раскольниковъ съ архіепископомъ грузинскимъ Аѳанасіемъ и о посольствѣ въ Грузію, равно какъ о послѣдующихъ сношеніяхъ съ другими православными архіереями, сообщаются только въ запискѣ неизвѣстнаго автора, напечатанной у А. Іоаннова (ч. IV. стр. 78—81) и частію въ сочиненіи инока Виталія: *О церкви и раскольникахъ.*

2) Въ приведенной у А. Іоаннова запискѣ неизвѣстнаго автора, который одинъ только и говоритъ о сношеніяхъ раскольниковъ съ святителемъ Тихономъ, не указано съ точностью, когда именно это было и гдѣ жилъ тогда святитель; но такъ какъ въ запискѣ примѣтно вообще соблюденіе хронологическаго порядка, а извѣстіе о сношеніяхъ раскольниковъ съ св. Тихономъ помѣщено вслѣдъ за извѣстіемъ о неудачной попыткѣ старообрядцевъ проѣхать въ Грузію, сдѣланной въ 1767 или 1768 г., то и можно предполагать, что сношенія эти происходили вскорѣ послѣ указанныхъ годовъ, быть можетъ именно вслѣдъ за тѣмъ, какъ святитель Тихонъ удалился на покой (въ декабрѣ 1767 года) и жилъ еще въ Толшескомъ монастырѣ, который первоначально избралъ себѣ пріютомъ. Предположеніе это представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что тогдашній настоятель Толшескаго монастыря былъ привержснъ къ расколу и могъ поэтому быть соучастникомъ и посредникомъ раскольниковъ въ сношеніяхъ съ святителемъ: то между прочимъ обстоятельство, что настоятель оказался приверженцемъ раскола, и побудило святителя Тихона переселиться изъ Толшескаго монастыря въ Задонскъ (См. соч. *Тихонъ еп. Воронеж. и Елец.*

разумѣется, что у русскихъ архипастырей предложенія раскольниковъ имѣли еще менѣе успѣха, нежели у незнакомыхъ съ расколомъ иноземныхъ православныхъ архіеревъ. Всѣ эти хлопоты о пріобрѣтеніи епископа, такъ усердно производившіеся послѣ неудачнаго московскаго совѣщанія 1765 г., и преимущественно старообрядцами дьяконова согласія, были, можно сказать, послѣдними опытами въ этомъ родѣ. Вскорѣ же послѣ того, какъ они происходили, въ Москвѣ, у здѣшнихъ поповцевъ случились событія, которыя повидимому не имѣли тѣсной связи съ занимавшимъ старообрядцевъ дѣломъ объ исканіи архіерейства, и однакоже на судьбу этого дѣла оказали рѣшительное вліяніе.

V. Безплодныя исканія архіереевъ, а равно и пріобрѣтеніе такихъ, какъ Епифаній, Аѳиногенъ, Анѳимъ, само собою разумѣется, не избавили раскольниковъ отъ необходимости имѣть бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви іереевъ, — и бѣглые попы у нихъ дѣйствительно имѣлись постоянно, хотя и были пріобрѣтаемы съ немалымъ трудомъ и съ явнымъ отвращеніемъ отъ этихъ „чужеимен-

1844. стр. 19). Во всякомъ случаѣ нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора *Очерковъ поповщины*, будто къ святителю Тихону обращался съ указанной просьбою въ 1782 г. извѣстный инокъ Никодимъ, хлопотавшій тогда объ учрежденіи единовѣрія, и будто бы это обращеніе къ святителю Тихону находилось въ связи именно съ дѣломъ объ учрежденіи единовѣрія (стр. 277 — 278). Еслибы такъ дѣйствительно было, то составитель „записки“, безъ сомнѣнія, не преминулъ бы назвать Никодима, о которомъ упоминалъ только-что передъ этимъ, какъ объ одномъ изъ лицъ, предпринимавшихъ путешествіе въ Грузію; а между тѣмъ онъ этого не сдѣлалъ, и даже прямо говоритъ, что къ святителю Тихону раскольники „отправили изъ Москвы *одного саратовскаго купца*“. Нельзя также это посольство поставлять въ связи съ дѣломъ объ единовѣріи, такъ какъ просить святителя Тихона, или кого-либо изъ православныхъ архіереевъ въ единовѣрческіе епископы Никодиму и вообще учредителямъ единовѣрія никакой рѣшительно надобности не было, когда съ просьбою о дарованіи имъ епископа они обратились прямо къ св. Синоду; при томъ же они именно желали и просили, чтобы епископъ былъ нарочито для нихъ поставленъ „изъ великороссійской породы“ (Верхов. *Иск. старообряд. въ XVIII в. закон. архіер.* стр. 12); наконецъ и самъ святитель Тихонъ, конечно, не сказалъ бы старообрядцамъ: „къ чему приступить? вы и сами пусты!“— еслибы они просили его быть у нихъ епископомъ на основаніи совершеннаго единенія съ церковію и въ зависимости отъ св. Синода.

ныхъ“ пастырей. Съ воцаренія императрицы Екатерины II-й предоставленная раскольникамъ свобода въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ открыла болѣе свободный доступъ къ нимъ и бѣглымъ попамъ. Особенно стремились они въ тѣ, образовавшіяся во внутреннихъ предѣлахъ имперіи, богатыя старообрядческія общины, гдѣ внѣшнее довольство и матеріальныя выгоды служили вообще сильной приманкой для священниковъ, терпѣвшихъ нужду на своихъ бѣдныхъ православныхъ приходахъ. Такимъ вожделѣннымъ пріютомъ для бѣгствующаго священства явилось въ Москвѣ, вскорѣ же послѣ своего учрежденія въ 1771 году, быстро возраставшее и богатѣвшее Рогожское кладбище. Здѣсь-то одинъ изъ бѣглыхъ поповъ, Василій Стефановъ,[1]) успѣвшій пріобрѣсти себѣ великій почетъ у московскихъ поповцевъ, проповѣдуя, что приходящихъ отъ великороссійской церкви мірянъ и священнаго чина, на основаніи якобы древнихъ примѣровъ, надлежитъ принимать непремѣнно вторымъ чиномъ, подъ мѵропомазаніе („перемазывать“ по выраженію поповцевъ), задумалъ ради вящшаго укорененія этого обычая, а болѣе изъ своихъ личныхъ расчетовъ, устроить на кладбищѣ вареніе мѵра, такъ какъ по сознанію самихъ старообрядцевъ древняго іосифовскихъ временъ мѵра у нихъ тогда уже не имѣлось, и своимъ новоосвященнымъ кладбище могло бы по этому снабжать всѣхъ, повсюду сущихъ старообрядцевъ для употребленія онаго при крещеніи младенцевъ и чинопріятіи отъ церкви приходящихъ. Святотатственное дѣйствіе это было совершено на Рогожскомъ кладбищѣ въ 1777 году.

Такимъ образомъ въ Москвѣ, не думая долго, рѣшили для всего старообрядчества доселѣ остававшійся не рѣшеннымъ окончательно вопросъ о чинопріятіи бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви священниковъ. Но какъ въ первыя времена раскола вопросъ этотъ, при самомъ своемъ возникновеніи, вызвалъ много разногласій въ старообрядчествѣ,

---

[1]) По свидѣтельству А. Іоаннова (ч. IV, стр. 38) былъ этотъ попъ Василій бѣглый господскій человѣкъ: поэтому едвали даже и имѣлъ священный санъ.

встрѣтилъ вообще казавшіяся непреодолимыми затрудненія къ удовлетворительному его рѣшенію, что и было, какъ мы видѣли, одною изъ самыхъ главныхъ причинъ, возбудившихъ въ старообрядчествѣ мысль о пріобрѣтеніи епископа, объ учрежденіи своей собственной іерархіи, въ чемъ думали найти единственное средство выдти изъ затрудненій: такъ точно и теперь дѣло не обошлось безъ горячихъ споровъ между старообрядцами, а также и въ отношеніи къ исканію архіерейства не осталось безъ послѣдствій очень важныхъ.

Наиболѣе сильными противниками перемазанства явились старообрядцы дьяконова согласія. Они были постоянно усердными поборниками мысли о пріобрѣтеніи епископа отъ православной церкви по примѣру бѣгствующихъ отъ оной іереевъ, вообще въ своихъ воззрѣніяхъ на церковь отъ всѣхъ раскольниковъ отличались наибольшимъ безпристрастіемъ: это безъ сомнѣнія и было главной причиной того, что они возстали противъ рогожскаго ученія о перемазанствѣ, въ которомъ видѣли весьма справедливо выраженіе крайне-фанатическихъ раскольническихъ понятій о церкви и величайшее препятствіе къ желаемому и ожидаемому принятію отъ оной епископа; притомъ же это ученіе было несогласно съ существовавшимъ у нихъ издавна обычаемъ—принимать бѣглыхъ поповъ по третьему чину. Дьяконовцы объявили, что введенное рогожскими учителями принятіе бѣгствующихъ священниковъ вторымъ чиномъ, подъ мѵропомазаніе, противно церковнымъ правиламъ и, какъ незаконное, должно быть оставлено, а надлежитъ совершать оное, согласно правиламъ, по третьему чину. На возраженія дьяконовцевъ рогожцы отвѣчали дерзкимъ требованіемъ—безпрекословно подчиниться принятому у нихъ ученію. Между тѣми и другими начались препирательства. Со стороны дьяконовцевъ главнымъ дѣятелемъ здѣсь явился стародубскаго Покровскаго монастыря инокъ Никодимъ, уже успѣвшій показать себя горячимъ приверженцемъ мысли о пріобрѣтеніи епископа отъ церкви православной на московскомъ совѣщаніи 1765 года и своимъ личнымъ участіемъ въ предпринятой послѣ того, неудавшейся поѣзд-

кѣ въ Грузію. Споры дьяконовцевъ съ защитниками перемазанства обратили на себя вниманіе всего россійскаго старообрядчества и грозили ему новымъ раздѣленіемъ. Чтобы положить имъ конецъ и предотвратить такой печальный исходъ ихъ, признали необходимымъ подвергнуть вопросъ о чинопріятіи бѣгствующаго священства общесоборному разсмотрѣнію и рѣшенію. Въ концѣ 1779 г. и въ началѣ 1780 дѣйствительно происходили съ этою цѣлію многочисленныя и многолюдныя собранія московскихъ и разныхъ мѣстъ старообрядцевъ, нарочито пріѣхавшихъ въ Москву на эти собранія. Здѣсь инокъ Никодимъ побѣдоносно состязался съ рогожскими учителями, во всей очевидности раскрылъ несостоятельность защищаемаго ими обычая—подвергать мѵропомазанію священниковъ, *принимаемыхъ* отъ церкви *въ сущемъ ихъ санѣ*, доказалъ неопровержимыми доводами, что отъ подлежащихъ мѵропомазанію еретиковъ втораго чина приходящія священныя лица въ сущемъ ихъ санѣ принимаемы быть не могутъ, но паки поставляются въ свои саны; и потому приходящіе къ старообрядцамъ отъ великороссійской церкви священники, какъ не лишаемые принадлежащихъ имъ сановъ и не требующіе новаго поставленія, должны быть принимаемы по образцу еретиковъ не втораго, а третьяго чина, т. е. чрезъ одно проклятіе ересей.[1]) Но ни краснорѣчіе Никодима, ни сила его доказательствъ, какъ извѣстно, не вразумили рогожскихъ ревнителей перемазанства, уже гордыхъ своимъ богатствомъ и значеніемъ въ старообрядчествѣ, „искавшихъ, по выраженію Никодима, не правды и разсмотрѣнія, но побѣды и одолѣнія“: желаемое общесоборное мирное рѣшеніе вопроса о чинопріятіи бѣгствующихъ іереевъ не состоялось; напротивъ случилось именно то, чего не желали,—совершенное отдѣленіе дьяконовцевъ, оставшихся при своемъ мнѣніи, отъ сторонниковъ Рогожскаго кладбища, которые также упорно держались принятаго здѣсь обычая „перемазывать“ бѣглыхъ поповъ и, получивъ съ этого времени названіе „перемазан-

---

[1]) Изложеніе споровъ Никодима съ перемазанцами напечатано у А. Іоаннова (ч. IV, стр. 40—59).

цевъ", составили огромное большинство въ старообрядчествѣ.[1]) Тѣ и другіе пошли теперь совершенно различными путями.

Дьяконовцы, вѣрные своимъ понятіямъ о церкви грекороссійской, послѣ отдѣленія отъ перемазанцевъ еще съ большимъ усердіемъ стали искать сближенія съ церковію чрезъ пріобрѣтеніе отъ оной епископовъ: послѣ новой неудачной попытки получить епископа тѣми же способами, какіе были употребляемы прежде,[2]) они рѣшились искать его законнымъ порядкомъ отъ святѣйшаго россійскаго Синода. Главнымъ дѣятелемъ и руководителемъ въ этомъ предпріятіи былъ тотъ же инокъ Никодимъ, и предпріятіе его, какъ извѣстно, кончилось учрежденіемъ единовѣрія. Единовѣріе, открывая чтителямъ такъ называемыхъ старыхъ обрядовъ законную возможность имѣть для отправленія всѣхъ церковныхъ службъ по напечатаннымъ до никонова патріаршества богослужебнымъ книгамъ священниковъ, поставленныхъ православными епископами и состоящихъ въ іерархической отъ сихъ послѣднихъ зависимости, то есть открывая имъ возможность и право быть и имено-

---

[1]) Обширному, почти повсюдному распространенію перемазанства между поповцами особенно много содѣйствовало то обстоятельство, что ученіе это было принято на Иргизѣ, который имѣлъ дозволеніе отъ правительства пользоваться бѣглыми попами и вслѣдствіе этого пріобрѣлъ большое значеніе для всего старообрядчества: здѣсь въ 1782 и 1783 годахъ также происходили соборы, утвердившіе принятіе бѣглыхъ поповъ подъ мѵропомазаніе (*Русск. Вѣст.* т. LI, стр. 14). Кромѣ того въ оффиціальныхъ актахъ упоминается о такихъ же постановленіяхъ, сдѣланныхъ всѣми иргизскими монастырями въ 1792 и 1805 годахъ (*Собр. постановленій по части раскола*, Лондонское изд. 1863 г. стр. 136).

[2]) Здѣсь мы разумѣемъ слѣдующее событіе, время котораго обозначено у инока Виталія въ его сочиненіи *о церкви и раскольникахъ*: въ 1781 году, по совѣту Никодима, отправленъ былъ для поставленія въ епископы стародубскій бѣглый іеромонахъ Іосифъ къ находившемуся въ мѣстечкѣ Немировѣ греческому митрополиту Евсевію, котораго въ Немировѣ онъ уже не засталъ; другая подобная попытка, сдѣланная также по совѣту Никодима,— отправленіе на Востокъ для исканія архіерейства стародубскихъ иноковъ Іоасафа и Рафаила, относится къ 1779 году, т. е. предпринята была ранѣе перемазанскаго собора (см. пр. Мак. *Ист. раск.* стр. 389—390; *Очерки попов.* стр. 269—276; ср. Іоан. *Ист. изв.* ч. IV, стр. 80—81).

ваться членами истинной церкви, имѣющей полную въ трехъ чинахъ и законно устроенную іерархію, послужило для Никодима и всѣхъ подобныхъ ему искреннихъ искателей архіерейства прямымъ исходомъ изъ этихъ почти столѣтнихъ безплодныхъ исканій. Для всѣхъ старообрядцевъ, болѣе или менѣе ясно сознающихъ лживость чужеименнаго бѣгствующаго священства, ищущихъ законной, правильно устроенной іерархіи, но вмѣстѣ желающихъ сохранить и свои такъ называемые старые обряды, единовѣріе дѣйствительно сдѣлалось вожделѣннымъ средствомъ удовлетворенія ихъ завѣтныхъ желаній. Вотъ почему со времени его учрежденія мы уже не видимъ попытокъ къ пріобрѣтенію своего собственнаго епископа въ той, не зараженной раскольническимъ фанатизмомъ и невѣжествомъ, такъ сказать, лучшей половинѣ старообрядчества, представителями которой были старообрядцы дьяконова согласія: для нея вопросъ объ архіерействѣ, о правильно устроенной іерархіи рѣшенъ былъ учрежденіемъ единовѣрія,— и на такое его рѣшеніе не мало повліяли именно споры дьяконовцевъ съ защитниками перемазанства.[1])

Съ своей стороны и раскольники, принявшіе ученіе перемазанцевъ, со времени этихъ споровъ, можно сказать, также покончили съ вопросомъ о епископствѣ, объ особой раскольнической іерархіи, устранивъ его, какъ не требующій рѣшенія. Если въ началѣ мысль о пріобрѣтеніи епископовъ и самое исканіе архіерейства были вызваны разными сомнѣніями и недоумѣніями относительно чинопріятія бѣгствующихъ священниковъ, то теперь, когда на Рогожскомъ кладбищѣ такъ отважно порѣшили со всѣми на этотъ счетъ недоумѣніями, провозгласивъ перемазанство всеобдержаннымъ обычаемъ пріятія бѣгствующихъ іереевъ,

---

1) Возникшая недавно въ средѣ самихъ единовѣрцевъ мысль о самостоятельныхъ единовѣрческихъ епископахъ не можетъ служить опроверженіемъ сей-часъ сказаннаго нами, такъ какъ мысль эта принадлежитъ небольшой партіи, состоящей изъ людей, очевидно, не имѣющихъ правильнаго понятія о единовѣріи, хотя во главѣ ея и находится, къ сожалѣнію, священникъ одной изъ петербургскихъ единовѣрческихъ церквей.

—теперь, очевидно, уничтоженъ былъ самый поводъ къ исканію архіерейства: не питая болѣе никакихъ сомнѣній относительно бѣглыхъ поповъ, принимаемыхъ вторымъ чиномъ, большинство раскольниковъ удовлетворялось ими вполнѣ и не видѣло никакой надобности желать своихъ собственныхъ епископовъ, хлопотать объ учрежденіи своей собственной іерархіи. И съ этого времени, въ теченіе полустолѣтія, въ этой многочисленнѣйшей половинѣ старообрядчества мы также не видимъ ни одной попытки къ пріобрѣтенію архіерейства, не находимъ слѣдовъ и самой мысли о раскольническихъ епископахъ; бѣглопоповство же, напротивъ, въ теченіе этого времени достигло небывалаго дотолѣ процвѣтанія; способъ пріобрѣтенія бѣглыхъ поповъ организовался въ цѣлую систему, образовались центры, откуда они, какъбы получая своего рода санкцію, расходились по разнымъ мѣстамъ, гдѣ раскольники имѣли въ нихъ нужду, и между этими центрами первенствующее значеніе пріобрѣлъ Иргизъ.[1])

Не подлежитъ сомнѣнію, что явленіе это своимъ существованіемъ весьма много обязано было и той свободѣ, какою вообще пользовались раскольники при Екатеринѣ II и Александрѣ I, вчастности же тому снисходительному воззрѣнію на самихъ бѣглыхъ раскольническихъ поповъ, котораго держалось въ это время правительство и крайнимъ выраженіемъ котораго были Высочайше утвержденныя 26 Марта 1822 года правила, предоставлявшія бѣглымъ попамъ, если только не было за ними уголовныхъ преступленій, право безпрепятственнаго пребыванія и отправленія службы у раскольниковъ во всѣхъ мѣстахъ, съ тѣмъ единственно условіемъ, чтобы они „для порядка вели метрики“ и представляли метрическія вѣдомости гражданскому начальству.[2]) Въ первыя времена раскола, для зарубежныхъ старообрядцевъ относительная свобода ихъ положенія от-

---

[1]) По словамъ г. Мельникова, раскольническихъ поповъ, вышедшихъ съ Иргиза въ началѣ XIX столѣтія, по разнымъ мѣстамъ проживало у раскольниковъ болѣе 200 человѣкъ. (*Р. Вѣст.* т. LI, стр. 17).

[2]) *Собр. пост. по части раск.* стр. 53.

крыла возможность внимательнѣе и спокойнѣе прежняго вникнуть въ свое внутреннее состояніе, примѣтить существенные недостатки своего церковно-общественнаго устройства, къ устраненію которыхъ они и признали единственнымъ средствомъ пріобрѣтеніе своего собственнаго епископа; теперь же, на россійскихъ раскольниковъ, образовавшихъ внутри отечества по разнымъ мѣстамъ богатыя и сильныя общины, предоставленная имъ свобода имѣла, напротивъ, совсѣмъ иное дѣйствіе: интересы матеріальные и стремленіе къ внѣшнему распространію области раскола возобладали надъ интересами чисто религіозными; сознаніе внутреннихъ противорѣчій, какими преисполненъ расколъ, уже не тяготитъ ихъ въ виду болѣе и болѣе развивающейся внѣшней, такъ сказать, пространственной силы раскола; „чужеименные" бѣглые попы, свободно и легко пріобрѣтаемые, удовлетворяютъ ихъ вполнѣ, хотя и пріемлются по образцу еретиковъ втораго чина; всѣ помышленія о болѣе правильномъ устройствѣ іерархіи забыты и оставлены...

Такимъ образомъ со времени знаменитыхъ споровъ между старообрядцами дьяконова согласія и такъ называемыми перемазанцами исканій архіерейства въ старообрядчествѣ уже не было въ теченіе цѣлаго полустолѣтія: наиболѣе искренніе искатели правильно устроенной іерархіи нашли себѣ удовлетвореніе въ единовѣріи; большинство же раскольниковъ, рѣшивъ себѣ, хотя и съ явнымъ нарушеніемъ церковныхъ правилъ, вопросъ о чинопріятіи бѣглыхъ поповъ, умѣли вполнѣ примириться съ этимъ такъ называемымъ бѣгствующимъ священствомъ,—и такъ какъ вслѣдствіе предоставленной имъ свободы и при помощи своихъ богатыхъ матеріальныхъ средствъ недостатка въ бѣглыхъ попахъ они никогда не имѣли, то мысль о пріобрѣтеніи своего собственнаго епископа была оставлена ими окончательно. Тогда только снова возникаетъ въ средѣ ихъ эта прежняя мысль, когда строгія мѣры правительства положили конецъ свободному доступу къ нимъ бѣглыхъ поповъ, когда началось и почувствовалось „оскудѣніе бѣгствующаго священства", какъ нѣкогда „оскудѣніе священства древлеправославнаго".

И вотъ, дѣйствительно, у раскольниковъ опять начинаются усиленныя хлопоты о пріобрѣтеніи собственнаго епископа, объ учрежденіи своей самостоятельной іерархіи, и притомъ средствами болѣе искусными, на основаніяхъ по внѣшности болѣе прочныхъ, нежели прежде, но за то не изъ тѣхъ уже, если можно такъ выразиться, чистыхъ и честныхъ побужденій, какими руководились первоначальные искатели старообрядческаго архіерейства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I. Мѣры, принятыя императоромъ Николаемъ къ уничтоженію бѣглопоповства, и ихъ вліяніе на старообрядчество. II. Неудачныя попытки старообрядцевъ удержать прежній порядокъ пріобрѣтенія бѣглыхъ поповъ. III. Мысль объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры, какъ единственномъ средствѣ избѣжать конечнаго „оскуденія священства". IV. Петръ Васильевъ Великодворскій: его жизнь до поступленія въ Лаврентьевъ монастырь и особенности его характера. V. Пребываніе Петра Великодворскаго въ Лаврентьевомъ монастырѣ и рѣшеніе посвятить себя исканію архіерейства. VI. Приготовленія къ странствію и первая, неудавшаяся попытка Павла и Геронтія пробраться за границу; отъѣздъ и прибытіе въ Буковину.

I. Быстрое распространеніе бѣглопоповства, особенно послѣ изданія секретныхъ, но не оставшихся въ секретѣ правилъ 1822 года, равно какъ вообще широкое развитіе раскола вслѣдствіе предоставленной раскольникамъ религіозной свободы, которою они явнымъ образомъ злоупотребляли, съ самаго вступленія на престолъ императора Николая составили предметъ его особеннаго вниманія, внушили ему заботу о принятіи необходимыхъ мѣръ къ искорененію такихъ, по его искреннему убѣжденію, оскорбительныхъ для православной церкви и нетерпимыхъ въ благоустроенномъ государствѣ явленій. Въ теченіе первыхъ десяти съ небольшимъ лѣтъ его царствованія были изданы имъ одно за другимъ многочисленныя распоряженія и узаконенія, направленныя къ постепенному сокращенію полученныхъ раскольниками въ прежнія времена разнаго рода вольностей и льготъ, — узаконенія, въ общей своей совокупности дѣйствительно выражавшія твердое и неуклонное намѣреніе императора положить конецъ если не самому существова-

нію, то покрайней мѣрѣ процвѣтанію и дальнѣйшему распространенію раскола, въ частности же—прекратить „прискорбное для православной церкви“ бѣглопоповство. Изъ числа распоряженій указаннаго времени, направленныхъ собственно противъ бѣглопоповства, мы укажемъ только тѣ, которыя по своему значенію и по своимъ послѣдствіямъ заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Первымъ стѣснительнымъ для раскольническихъ бѣглыхъ поповъ распоряженіемъ императора Николая было воспрещеніе имъ разъѣзжать изъ одного мѣста въ другое. По возбужденному пермскимъ гражданскимъ губернаторомъ вопросу, „могутъ ли старообрядческіе священники отлучаться отъ своихъ мѣстъ для исправленія требъ въ другія губерніи“, комитетъ министровъ 10 мая 1827 года мнѣніемъ положилъ: „переходы раскольническимъ священникамъ для исправленія требъ изъ уѣзда въ уѣздъ, а тѣмъ болѣе изъ губерніи въ губернію, *рѣшительно воспретить*, въ случаѣ же переѣздовъ ихъ, если не будутъ имѣть надлежащихъ видовъ, поступать съ ними, какъ съ бродягами“. 24 числа того же мѣсяца, утверждая это мнѣніе, императоръ Николай собственноручно сдѣлалъ слѣдующую, многозначительную въ отношеніи къ дальнѣйшимъ дѣламъ подобнаго рода надпись: „*весьма справедливо*“ [1]). Въ томъ же 1827 году, 8 ноября, состоялось Высочайшее опредѣленіе о попахъ Рогожскаго кладбища, чтобы находившихся тамъ до этого времени „оставить въ покоѣ“, но отсѣлѣ „*новыхъ отнюдь не принимать*“ [2]). Это распоряженіе было тѣмъ важнѣе и тѣмъ чувствительнѣе для раскольниковъ, что касалось одного изъ самыхъ главныхъ пунктовъ поповщины и внушало опасеніе новыхъ въ томъ смыслѣ распоряженій, которыя

1) *Собр. пост. по части раск.* стр. 73—74.

2) Тамъ же стр. 77. Относительно Рогожскаго кладбища въ 1834 г. января 4, состоялось еще Высочайшее повелѣніе: „не дозволять ни по какому случаю въ Москвѣ оставаться пріѣзжающимъ изъ другихъ мѣстъ такъ называемымъ раскольничьимъ, или бѣглымъ попамъ, а еще менѣе допускать имъ исправленіе требъ и временное пребываніе на Рогожскомъ кладбищѣ“ (тамъ же стр. 102—103).

дѣйствительно и не замедлили послѣдовать относительно раскольническихъ поповъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, — имённо Петербурга и Пермской губерніи [1]). Затѣмъ распоряженіе это повелѣно было примѣнить и ко всѣмъ старообрядческимъ обществамъ въ Россіи: 31 января 1832 именно состоялось Высочайшее утвержденіе сдѣланнаго секретнымъ комитетомъ постановленія — „распространить на всѣ губерніи послѣдовавшее Высочайшее повелѣніе для С.-Петербурга, Москвы и пермской губерніи, чтобы вновь не позволять появляться бѣглымъ попамъ у раскольниковъ, но прежнихъ оставить въ покоѣ, какъ живущихъ на мѣстахъ" [2]). Въ 1836 году, января 17-го, распоряженіе это еще разъ, и съ особенной силой, подтверждено было относительно Иргизскихъ монастырей, занимавшихся попреимуществу добываніемъ и доставленіемъ въ разныя мѣста бѣглыхъ поповъ, повелѣно было „обязать старшинъ, или, какъ раскольники ихъ называютъ, настоятелей Иргизскихъ монастырей подписками впредь не принимать въ сіи монастыри на исправу бѣглыхъ поповъ, такъ какъ сіе противно и церковнымъ и гражданскимъ законамъ, съ тѣмъ что ежели кто осмѣлится сдѣлать такую исправу, то допустившіе сіе старшины, а равно совершившіе и принявшіе оную попы будутъ преданы суду, какъ распространители ересей". Вообще, принятіе бѣглыхъ поповъ раскольниками подъ исправу было объявлено дѣломъ „сколь постыднымъ для нихъ, столь-же прискорбнымъ для православной церкви" [3]).

Въ своей постепенности и въ своей общей совокупности, всѣ эти, направленныя противъ бѣглопоповства распоряженія и узаконенія, при болѣе или менѣе точномъ и строгомъ ихъ приложеніи, должны были привести къ той именно цѣли, какую правительство и имѣло въ виду,—къ такъ называемому у раскольниковъ „конечному оскудѣнію бѣгствующаго священства", или, говоря проще, къ совершенному прекращенію „прискорбнаго для православной церкви" бѣг-

[1]) Распоряженіе относительно Пермской губерніи состоялось также въ 1827 г. (см. Варадинова *Ист. Мин. Внут. Дѣлъ*, т. VIII, стр. 209).

[2]) *Собр. пост. по части раск.* стр. 90.

[3]) Тамъ же стр. 137.

лопоповства. И никто не понималъ этого лучше самихъ раскольниковъ. Правда, они умѣли, и теперь еще больше научились, безнаказанно уклоняться отъ исполненія разныхъ правительственныхъ распоряженій: имѣя возможность и будучи готовы во всякое время какою бы то ни было цѣною купить благосклонную снисходительность опозорившихъ себя продажностью чиновниковъ—непосредственныхъ исполнителей этихъ распоряженій, они успѣвали парализовать всякую мѣру правительства, направленную противъ раскола, какъ бы разумно ни была она придумана. И строгія постановленія относительно бѣгствующаго священства они умѣли обходить до извѣстной степени: не смотря на всѣ строгости, бѣглые попы, только уже соблюдаемые въ тайнѣ, являлись у нихъ и теперь. Но все-же они не могли не видѣть, что постановленія эти, угрожавшія въ близкомъ будущемъ, съ постепеннымъ вымираніемъ наличныхъ дозволенныхъ поповъ, окончательнымъ прекращеніемъ этаго „дозволеннаго священства", нанесли роковой ударъ бѣглопоповству вообще. Тайные, съ величайшими предосторожностями съ мѣста на мѣсто переѣзжавшіе попы не могли вполнѣ замѣнить дозволенныхъ. Кромѣ того, что ихъ пріобрѣтеніе, препровожденіе съ мѣста на мѣсто и охраненіе во время отправленія ими своихъ обязанностей сопряжены были съ большими расходами и угрожали постоянной опасностью, личныя качества этихъ, такъ называемыхъ „проѣзжихъ" поповъ внушали сомнѣніе и отвращеніе даже невзыскательнымъ на этотъ счетъ раскольникамъ: всѣ они предавались безобразному пьянству и распутству; а такъ какъ относительно ихъ уже нельзя было раскольникамъ собирать такія точныя справки, какія дѣлались о прежнихъ, дозволенныхъ попахъ, то между ними нерѣдко оказывались запрещенные, лишенные сана, даже самозванцы, никогда не бывавшіе священниками; явились наконецъ промышленники, торговавшіе поповствомъ и попами [1]). Все

[1]) О затрудненіяхъ, въ какія поставлены были раскольники, вслѣдствіе изданія строгихъ указаній противъ бѣглопоповства вынужденные пробавляться проходящими попами, подробно говорится у г. Мельникова въ IX гл. *Очерковъ поповщины* (см. *Русск. Вѣст.* т. LI, стр. 43—78).

это очень скоро дало почувствовать старообрядцамъ дѣйствительную силу и важность постепенно издававшихся правительственныхъ распоряженій противъ бѣглопоповства: въ виду той настойчивости, съ какою слѣдовали одно за другимъ эти распоряженія, они ясно поняли, что ихъ бѣгствующему священству дѣйствительно угрожаетъ опасность конечнаго оскудѣнія. Необходимо было придумать для отвращенія этой опасности какія-либо болѣе вѣрныя средства, нежели пріобрѣтеніе и содержаніе тайныхъ поповъ, подъ негласнымъ покровительствомъ продажныхъ чиновниковъ.

II. Болѣе вѣрнаго и удобнаго къ тому средства старообрядцы не находили, какъ просить верховную власть о возвращеніи къ прежнимъ порядкамъ, о возстановленіи въ полной силѣ и дѣйствіи изданныхъ въ 1822 году правилъ относительно священниковъ, уходящихъ отъ православной церкви въ расколъ. И дѣйствительно просьбы такого рода были во множествѣ подаваемы отъ разныхъ раскольническихъ обществъ высшимъ правительственнымъ лицамъ и даже на Высочайшее имя. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ московскимъ поповцамъ, прихожанамъ Рогожскаго кладбища, которыхъ, какъ мы видѣли, прежде другихъ старообрядцевъ коснулись новыя, стѣснительныя для ихъ духовенства мѣропріятія. Какъ только послѣдовало воспрещеніе принимать новыхъ поповъ на Рогожское кладбище, въ томъ же 1827 году, главные по своему богатству и вліянію члены московскаго старообрядческаго общества, отъ имени всѣхъ прихожанъ Рогожскаго кладбища „возымѣли смѣлость, — какъ сами они впослѣдствіи писали, — повергнуть къ стопамъ великаго государя императора всеподданническое прошеніе", въ которомъ, изложивъ подробно, какимъ „бѣдственнымъ положеніемъ въ дѣлѣ спасенія" угрожаетъ имъ лишеніе возможности получать „законнымъ порядкомъ" священниковъ отъ великороссійской церкви, какія отсюда могутъ проистекать „затрудненія и недоумѣнія" для самого правительства по дѣламъ о старообрядцахъ, „умоляли благость Его Императорскаго Величества о дозволеніи имъ попрежнему, на основаніи Высочайше дарованныхъ въ 26 день

марта 1822 года правилъ, принимать приходящихъ къ нимъ священниковъ и діаконовъ". Болѣе трехъ лѣтъ напрасно ожидали они отвѣта на эту просьбу. Между тѣмъ воспретительный указъ о недопущеніи новыхъ бѣглыхъ поповъ на Рогожское кладбище, приведенный въ дѣйствіе, успѣлъ уже отозваться весьма невыгодными послѣдствіями для московскихъ старообрядцевъ, такъ что въ 1831 году они рѣшились сдѣлать косвенное напоминаніе о поданной ими просьбѣ, Но теперь, послѣ перваго и недавняго неудачнаго опыта, они уже не „осмѣлились" обращаться непосредственно къ государю и просить именно о возстановленіи правилъ 1822 года, а подали просьбу на имя тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Новосильцева и притомъ о дозволеніи только временнаго, частнаго отступленія отъ изданнаго въ 1827 году указа: они именно просили „о принятіи вновь на убылое мѣсто одного уволеннаго отъ своего начальства заштатнаго священника, изъявившаго согласіе *имѣть жительство* при московскомъ старообрядческомъ Рогожскомъ кладбищѣ и *отправлять богослуженіе и христіанскія таинства по древлепечатнымъ книгамъ*". Прошеніе это было представлено министромъ на Высочайшее воззрѣніе. Императоръ Николай, обративъ вниманіе на употребленныя въ немъ, очевидно съ намѣреніемъ, неопредѣленныя выраженія о тѣхъ обязанностяхъ, какія долженъ исполнять просимый священникъ на Рогожскомъ кладбищѣ, велѣлъ истребовать у подателей просьбы объясненіе, не желаютъ ли они принять этого священника „какъ правильно уволеннаго духовнымъ начальствомъ на правилахъ единовѣрческихъ церквей". Взять у просителей это объясненіе предписано было тогдашнему московскому генералъ-губернатору князю Голицыну, который для этого и пригласилъ ихъ къ себѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ того же 1831 года. Никакъ не ожидавшіе предложенія принять единовѣріе,—предложенія, которое, по ихъ понятіямъ, было равносильно совершенному отказу на ихъ просьбу,—московскіе старообрядцы отвѣтили, что „на правилахъ единовѣрческихъ церквей принять просимаго ими священника не желаютъ и впредь принимать на таковыхъ правилахъ священниковъ по совѣсти своей

изъявить согласіе не могутъ" [1]). Такимъ образомъ и вторая просьба московскихъ старообрядцевъ о возстановленіи прежняго порядка въ принятіи бѣглыхъ поповъ потерпѣла неудачу. Однакоже оставить окончательно всякія попытки въ этомъ родѣ они все еще не хотѣли, такъ какъ затрудненія въ пріобрѣтеніи священниковъ, успѣвшія обнаружиться и по другимъ мѣстамъ, требовали настоятельно поискать изъ нихъ какого-либо выхода.

Для общесоборнаго совѣщанія и разсужденія о средствахъ къ отвращенію этихъ затрудненій, въ началѣ 1832 года, памятнаго распространеніемъ на всѣ старообрядческія общества воспретительнаго указа о бѣглыхъ попахъ, съѣхались въ Москву значительнѣйшіе представители старообрядчества изъ разныхъ мѣстъ—изъ Вѣтки, Стародубья, съ Иргиза, Керженца, изъ поволжскихъ и другихъ городовъ. Все это были дѣйствительно люди, имѣвшіе значеніе и вліяніе въ своихъ обществахъ; но между ними особенно выдавался по уму, начитанности и предпріимчивому характеру молодыхъ еще лѣтъ старообрядецъ Аѳоній Кочуевъ, пріѣхавшій съ Иргиза съ настоятелемъ Верхнепреображенскаго монастыря—Силуаномъ [2]). Совѣщанія происходили на Рогожскомъ кладбищѣ, въ такъ называемой конторѣ. Кромѣ

---

[1]) О подачѣ обоихъ прошеній и объ ихъ содержаніи говорятъ сами Рогожскіе попечители въ новомъ своемъ прошеніи, поданномъ кн. Голицыну въ 1832 году: оно напечатано у г. Мельникова (см. *Русск. Вѣст.* т. LXV, стр. 40—46).

[2]) Описаніе подвиговъ Кочуева до начатія дѣла о заграничной раскольнической іерархіи см. у г. Мельникова (*Русск. Вѣст.* т. LXIII, стр. 64—86); о позднѣйшихъ его дѣяніяхъ нѣкоторыя, повидимому, на оффиціальныхъ документахъ основанныя извѣстія сообщаются въ сборникѣ Н. Попова (вып. V, стр. 243—254), но изложены, какъ и вся книга, крайне безтолково и безпорядочно. Кочуевъ между прочимъ извѣстенъ былъ, какъ собиратель и знатокъ старинныхъ рукописей: это доставило ему знакомство многихъ почтенныхъ археологовъ, по ходатайству которыхъ онъ получилъ даже въ 1847 году званіе соревнователя Московскаго общества исторіи и древностей. Изъ при надлежавшихъ Кочуеву рукописей особенно замѣчателенъ лицевой подлинникъ, переданный имъ въ собственность графу Строганову (изданъ въ 1869 г. литографіей при художественно-промышленномъ музеумѣ, въ Москвѣ).

пріѣхавшихъ иногороднихъ депутатовъ на нихъ присутствовали изъ прихожанъ кладбища только самые значительные по своему богатству и общественному положенію, также по своему вліянію на старообрядцевъ. Здѣсь, по настоянію болѣе осторожныхъ членовъ собранія, было между прочимъ рѣшено сдѣлать еще разъ попытку просить правительство о возстановленіи правилъ 1822 года, — присудили именно, чтобы московскіе старообрядцы, не утруждая болѣе непосредственными просьбами ни государя, ни министра, подали прошеніе о ходатайствѣ за нихъ предъ верховною властію своему ближайшему начальнику — московскому генералъ-губернатору, и чтобы въ тоже время къ участію въ этомъ дѣлѣ привлечь и петербургскихъ старообрядцевъ, которые съ своей стороны должны были ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ за все вообще старообрядчество.

Прошеніе отъ московскаго старообрядческаго общества на имя князя Голицына взялся составить Кочуевъ, въ довершеніе прочихъ своихъ талантовъ хорошо владѣвшій перомъ. Начавъ съ изложенія причинъ, которыя, по его мнѣнію, породили такъ называемое старообрядчество во времена патріарха Никона, упомянувъ „о стѣсненіи отъ духовныхъ властей,“ вслѣдствіе котораго многіе старообрядцы „рѣшились нѣкогда оставить любезное отечество“ и, живя за границей, „принуждены были отправлять службу Божію и христіанскія таинства втайнѣ“ (чего однако у заграничныхъ раскольниковъ небыло), воздавъ раболѣпную дань похвалѣ мудрымъ распоряженіемъ Екатерины II и Александра I, даровавшихъ старообрядцамъ свободу въ отправленіи ихъ религіозныхъ дѣйствій, и тѣмъ прекратившихъ якобы всѣ бывшія у нихъ дотолѣ „неустройства“, онъ изложилъ подробно, какими безпорядками и вообще прискорбными для старообрядчества послѣдствіями угражаетъ изданный въ 1827 году указъ, воспрещающій старообрядцамъ Рогожскаго кладбища пріятіе новыхъ священниковъ; затѣмъ, изложивъ содержаніе двухъ прежде поданныхъ прошеній объ отмѣнѣ этаго указа, онъ обращался къ князю Голицыну отъ имени всѣхъ московскихъ старообрядцевъ съ слѣдующими словами:

„мы осмѣлились нынѣ прибѣгнуть къ особой помощи и покровительству вашего сіятельства, какъ государственнаго намѣстника, коему ввѣрено внутреннее управленіе древней столицы... По просьбѣ нашей о дозволеніи намъ принимать попрежнему священниковъ и діаконовъ судьба участи великаго числа старообрядцевъ зависѣть будетъ единственно отъ милосердаго вашего разрѣшенія, въ каковомъ случаѣ старообрядцы московской столицы и губерніи ея умоляютъ ваше сіятельство взойти въ крайнее совѣсти ихъ положеніе, быть предстателемъ и ходатаемъ за нихъ у подножія престола милосердаго монарха о снисхожденіи въ изъявленіи имъ просимой милости къ успокоенію ихъ совѣсти и духа.“ [1]) Прошеніе это было подано князю Голицыну въ маѣ 1832 года,—и, какъ слѣдовало ожидать, было оставлено правительствомъ безъ всякаго вниманія.

Между тѣмъ отправилась изъ Москвы въ Петербургъ депутація, состоявшая изъ нѣсколькихъ вліятельныхъ старообрядцевъ, въ числѣ которыхъ находился и Кочуевъ, для приглашенія петербуржцевъ къ участію въ общихъ заботахъ о пріисканіи мѣръ, могущихъ отклонить угрожающія старообрядчеству бѣдствія. Во главѣ петербургскихъ старообрядцевъ въ это время стоялъ купецъ Сергѣй Громовъ, извѣстный всему Петербургу своимъ богатствомъ и имѣвшій близкія связи со многими высшими сановниками столицы: на его богатство и особенно на эти его связи всего больше и расчитывали старообрядцы. Прошеніе московскихъ старообрядцевъ о возстановленіи правилъ 1822 года Громовъ готовъ былъ охотно поддержать подачей такого же содержанія просьбы на Высочайшее имя отъ лица всѣхъ россійскихъ старообрядцевъ; но, какъ человѣкъ опытный въ дѣлахъ подобнаго рода, онъ призналъ нужнымъ предварительно справиться чрезъ свѣдущихъ людей, можно ли сколько нибудь расчитывать въ настоящемъ случаѣ, что просьба будетъ принята государемъ благосклонно. Онъ рѣшился именно объясниться и посовѣтоваться о своемъ дѣлѣ, съ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ особѣ императора лицъ—тогдаш-

---

[1]) *Русск. Вѣст.* т. LXV, стр. 40—46.

нимъ шефомъ жандармовъ, графомъ Бенкендорфомъ, вниманіемъ и благосклонностью котораго имѣлъ счастіе пользоваться. Вполнѣ знакомый съ характеромъ и образомъ дѣйствій императора Николая, непоколебимо твердаго въ своихъ законодательныхъ распоряженіяхъ, графъ Бенкендорфъ рѣшительно отсовѣтовалъ Громову безпокоить государя просьбою объ отмѣнѣ изданныхъ имъ мѣропріятій противъ бѣглаго раскольническаго священства, такъ какъ просьба эта не можетъ имѣть ни малѣйшаго успѣха, тѣмъ болѣе, что незадолго передъ этимъ издано было повелѣніе распространить указанныя мѣропріятія на всѣ старообрядческія общества въ Россіи. [1]) Громовъ исполнилъ совѣтъ благорасположеннаго къ нему и „понимающаго дѣло" сановника.

Такимъ образомъ всѣ попытки раскольниковъ возстановить дѣйствіе указа 1822 года о дозволенныхъ попахъ, сдѣланныя въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ послѣ его отмѣны, остались безъ успѣха и достаточно показали имъ, что таже участь должна ожидать и дальнѣйшія въ этомъ родѣ попытки. Тѣмъ не менѣе однакоже ходатайства о дозволеніи принимать священниковъ отъ великороссійской церкви были подаваемы старообрядцами различныхъ обществъ и въ послѣдующее время. Въ видахъ удобнѣйшаго достиженія своей цѣли нѣкоторые изъ этихъ просителей предлагали оградить способъ пріятія священниковъ разными законными формальностями, вообще подчинить его строгому надзору правительства. Въ 1838 году прошеніе съ проэктомъ подобнаго рода было подано екатеринбургскими старообрядцами: они предлагали именно, что будутъ избирать священниковъ только достойныхъ, о избранныхъ ими будутъ сообщать немедленно гражданскому начальству и тѣхъ, которые окажутся неблагонадежными, будутъ чрезъ тоже начальство возвращать въ вѣдѣніе мѣстныхъ архіереевъ для святительскаго суда надъ ними. Проэктъ сей, имѣвшій видъ благонамѣренности, вызвалъ со стороны духовнаго правительства

---

[1]) Объ этомъ совѣщаніи Громова съ гр. Бенкендорфомъ согласно свидѣтельствуютъ Геронтій (въ *Жизнеописаніи Павла*) Аркадій Славскій (въ показаніи 17 іюля 1847 г.), Онуфрій (въ *Запискѣ объ учрежденіи іерархіи*).

весьма сильныя и справедливыя возраженія. Неопровержимыми доводами было доказано, что раскольники въ своемъ проэктѣ требуютъ себѣ права „безпримѣрнаго“, съ благоустройствомъ управленія не совмѣстнаго, что „если предлагаемыя ими правила о священникахъ сравнить съ извѣстными правилами 1822 года, то окажется, что они требуютъ нетолько тогоже, но и гораздо большаго: ибо прежде поступающихъ отъ церкви въ расколъ брали они украдкою и правительство какъ бы не примѣчало сего; а теперь они хотятъ тѣхъ же священниковъ брать открыто и формально, и сему беззаконію священниковъ дать видъ законности...“ „Прискорбно видѣть,—говорилось въ заключеніе записки, содержавшей разборъ проэкта,—прискорбно видѣть, какъ дерзновенно расчитываютъ раскольники на *непроницательность* начальства. Они знаютъ, что цѣль правительства есть сближать ихъ съ православною іерархіей. Они сего не хотятъ; но надобно же сдѣлать видъ, будто они не противъ сего. Для сего вставили они въ свои правила неискреннюю статью, что свѣтскій начальникъ можетъ дать духовному начальству свѣдѣніе о раскольническихъ метрикахъ и о священникахъ къ нимъ поступающихъ и отъ нихъ выбывающихъ, и думаютъ, что обманутъ симъ призракомъ сближенія, тогда какъ они не уступаютъ духовному начальству ни суда, ни надзора надъ ихъ священниками, ни даже права призвать и спросить ихъ священника, о чемъ можетъ быть нужно по дѣламъ...“ [1]) Такимъ образомъ поданный екатеринбургскими старообрядцами проэктъ правилъ о принятіи священ-

[1]) Эта весьма замѣчательная записка напечатана у г. Мельникова (*Русск. Вѣст.* т. LI, стр. 73—77). Надобно полагать, что она есть произведеніе митрополита Филарета, такъ какъ имѣетъ всѣ тѣ качества, какими вообще отличаются многочисленныя подобнаго рода записки, составленныя покойнымъ архипастыремъ,—неотразимую силу критики, глубину и ясность мысли, точность и своеобразность выраженія. Особеннаго вниманія заслуживаютъ пункты: 4-й, гдѣ указаны противорѣчія, въ какія раскольническій проэктъ необходимо долженъ поставить духовное и гражданское начальства, также 6 и 7, гдѣ раскрыты несообразность и злонамѣренность того требованія, чтобы раскольникамъ было представлено право неблагонадежныхъ, или вѣрнѣе неугодныхъ имъ священниковъ возвращать въ вѣдѣніе и на судъ православныхъ епископовъ.

никовъ отъ православной церкви, отличавшійся повидимому благонамѣреннымъ стремленіемъ сблизить старообрядцевъ съ церковію, былъ разоблаченъ, какъ имѣвшій въ сущности туже сокровенную цѣль—предотвратить угрожающее старообрядчеству конечное оскудѣніе бѣгствующаго священства, и представившимъ его лицамъ было рѣшительно отказано въ ихъ просьбѣ, съ воспрещеніемъ и впредь начинать какія-либо ходатайства по раскольническимъ дѣламъ.

III. Въ то время, когда оренбургскіе старообрядцы потерпѣли неудачу съ своимъ проэктомъ, бывшимъ въ сущности новой попыткой достигнуть возстановленія правилъ 1822 года, явились уже предпріимчивые люди, замыслившіе инымъ, по ихъ мнѣнію, болѣе вѣрнымъ и прочнымъ способомъ обезпечить старообрядчеству безпрепятственное полученіе священства,—возникла опять давно оставленная мысль объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры, и было уже приступлено къ ея осуществленію.

Когда именно возникла эта мысль и кто первый ее высказалъ, съ точностью опредѣлить нельзя; но то не подлежитъ сомнѣнію, что она вызвана была опасеніемъ неизбѣжно предстоящаго старообрядцамъ „оскудѣнія" бѣгствующихъ священниковъ и утвердившеюся послѣ первыхъ неудачныхъ опытовъ увѣренностью, что предотвратить эту опасность возстановленіемъ прежняго порядка, узаконеннаго правилами 1822 года, нѣтъ никакой надежды. Сами старообрядцы не отвергаютъ того, что эти именно побужденія вызвали ихъ на сей разъ къ заботамъ объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры [1]). Итакъ,

---

[1]) Мы увидимъ, что на это именно безвыходное положеніе старообрядцевъ, лишенныхъ возможности имѣть потребное количество священниковъ, какъ на главное побужденіе къ устройству старообрядческой архіерейской каѳедры, указывалъ самъ инокъ Павелъ въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ, назначенныхъ впрочемъ не для чтенія старообрядцевъ (наприм. въ *Рекурсѣ*). Геронтій, въ своихъ запискахъ, мысль о пріобрѣтеніи епископа ставитъ также въ связи съ тѣмъ обтоятельствомъ, что „Богъ ожесточилъ сердце великаго государя царя Николая Павловича противу первоначальнаго православія старогреческой церкви," и что послѣдовало „конечное прекращеніе на остатокъ стапятидесятилѣтняго старо-греко-россійской церкви пробѣла" (*Памятн. и Жизнеопис. Павла.*)

у новыхъ искателей архіерейства уже не было тѣхъ, какъ мы выразились, чистыхъ побужденій, какими руководились ихъ предшественники сто лѣтъ тому назадъ. Теперь къ исканію архіерейства побуждало не искреннее сознаніе недостаточности церковно-іерархическаго устройства старообрядческихъ обществъ, лишенныхъ епископства, не сознаніе существенной необходимости архіерейскаго чина въ истинной церкви христовой, которая, неможетъ существовать при однихъ только священникахъ, ктому же еще бѣгствующихъ отъ своего епископа: теперь искать архіерейства побуждала только крайняя трудность пріобрѣтать этихъ бѣглыхъ поповъ, которыми вполнѣ довольствовались старообрядцы, какъ нельзя болѣе справедливо называемые посему *поповцами*; теперь епископъ нуженъ былъ не какъ существенно необходимый членъ церкви христовой, безъ котораго она не можетъ и существовать, а единственно какъ лице, могущее снабжать старообрядцевъ попами. Не будь теперь тѣхъ строгихъ распоряженій противъ бѣглыхъ поповъ, которыя одно за другимъ издавалъ императоръ Николай, не угрожай поповцамъ „оскудѣніе бѣгствующаго священства", или удайся имъ хотя одна изъ ихъ попытокъ возстановить дѣйствіе правилъ 1822 года: они бы не стали и помышлять объ учрежденіи старообрядческихъ архіерейскихъ каѳедръ, какъ не имѣли о томъ помышленія въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ свободы при Екатеринѣ II-й и Александрѣ 1-мъ. Поэтому напрасны позднѣйшія умилительныя разглагольствія учредителей старообрядческой іерархіи о стапятидесятилѣтнемъ вдовствѣ ихъ церкви (которымъ старообрядцы отнюдь не тяготились), о неизреченныхъ дѣйствіяхъ Божія промышленія, прекратившихъ сіе вдовство дарованіемъ старообрядческой церкви жениха-епископа, и проч. и проч. Несомнѣнная историческая дѣйствительность показываетъ, что вовсе не здѣсь, не въ этомъ, якобы сознаваемыхъ и оплакиваемомъ старообрядцами вдовствѣ ихъ церкви истинная причина, вызвавшая существованіе нынѣшнихъ раскольническихъ архіереевъ, а въ созданной отвнѣ необходимости во что бы ни стало измѣнить прежнее положеніе съ одними бѣгствующими іереями, пріобрѣтеніе

которыхъ сдѣлалось крайне затруднительно и въ близкомъ будущемъ угрожало еще большими затрудненіями.

По расказу нѣкоторыхъ писателей, мысль объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры первоначально возникла теперь на Иргизѣ, въ кругу приближенныхъ людей настоятеля Верхнепреображенскаго монастыря—Силуана, въ числѣ которыхъ находился и упомянутый выше Аѳоній Кочуевъ. Здѣсь, въ настоятельскихъ кельяхъ, и именно въ 1831 году, происходили пріятельскія разсужденія о бѣдственномъ положеніи старообрядцевъ въ виду неизбѣжно предстоящаго оскудѣнія священниковъ: „толковали много и *наконецъ дотолковались*, что исканіе архіерейства и учрежденіе независимой ничѣмъ отъ господствующей церкви старообрядческой іерархіи составляетъ единственный выходъ изъ тяжкаго ихъ положенія". Подняли вопросъ и о томъ, какъ и гдѣ устроить каѳедру для старообрядческаго епископа, и тогда же, будтобы, Кочуевъ объявилъ, что жительство для будущаго епископа нужно устроить „непремѣнно за границей", даже раскрылъ довольно опредѣленно тотъ самый планъ, который впослѣдствіи осуществили учредители Бѣлокриницкой митрополіи. Одобренный собесѣдниками Кочуева, планъ этотъ сообщенъ былъ московскимъ старообрядцамъ: для обсужденія главнымъ образомъ вопроса объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры, поднятаго иргизскими раскольниками, и былъ составленъ на Рогожскомъ кладбищѣ въ 1832 году тотъ соборъ, о которомъ упоминали мы выше [1]).

---

1) Изложенное здѣсь мнѣніе о первоначальномъ происхожденіи замысла учредить старообрядческую архіерейскую каѳедру за границей принадлежитъ П. И. Мельникову (см. *Русск. Вѣст.* т. LXIII. стр. 80—86). Онъ описываетъ происходившее въ Среднепреображенскомъ монастырѣ совѣщаніе со всевозможными подробностями,—говоритъ даже, что „собесѣдники сидѣли за столомъ, уставленнымъ, по скитскому обычаю, икрой, балыками, разными соленьями, орехами, пряниками, пастилой, финиками и ягодами," и „вели бесѣду за чаемъ, пуншемъ, мадерой и цымлянскимъ;" онъ приводитъ далѣе слѣдующую рѣчь Кочуева: „непремѣнно и неотложно надобно учредить архіерейство. Поискать надо нѣтъ ли гдѣ на Востокѣ епископовъ, сохранившихъ древнее благочестіе, а если такихъ не сыщется, пригласить русскихъ есливе не пойдутъ, то греческихъ и принять согласно правиламъ св. отецъ.

Старообрядческіе повѣствователи, притомъ лица, занимавшія высокое положеніе въ Бѣлокриницкой іерархіи и потому, какъ на добно полагать, хорошо знакомые съ дѣломъ, утверждаютъ напротивъ, что первоначальная мысль объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры подана была лицемъ вовсе не причастнымъ старообрядчеству, отъ котораго даже всего менѣе можно было ожидать чего-либо подобнаго. По ихъ расказамъ, въ то самое время, какъ прибыла въ Петербургъ московская депутація хлопотать о возстановленіи правилъ 1822 года и когда, по ихъ просьбѣ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, петербургскій купецъ Громовъ явился за совѣтомъ къ графу Бенкендорфу, сей послѣдній, объяснивъ Громову рѣшительную невозможность достигнуть желаемой старообрядцами отмѣны недавнихъ

жительство же устроить непремѣнно за границей, а всего лучше въ Буковинѣ, такъ какъ тамошніе старообрядцы имѣютъ привелегіи отъ австрійскихъ императоровъ, а турецкій султанъ теперь, послѣ войны, всякую волю русскаго правительства исполнитъ и по требованію его старообрядческое архіерейство разоритъ.“ Ниже авторъ говоритъ еще, что на Рогожскомъ соборѣ Кочуевъ предлагалъ „послать довѣренныхъ лицъ въ Турцію и Грецію, чтобы склонить къ себѣ *одного изъ находящихся не у дѣлъ митрополита.*“ Нельзя не пожалѣть, что приводя такія любопытныя подробности, и притомъ, по видимому, съ буквальной точностью, авторъ не указалъ источника, откуда ихъ заимствовавъ (только говоря о дѣйствіяхъ Кочуева на Рогожскомъ кладбищѣ онъ сослался на записку бывшаго Рогожскаго священика Александра Арсеньева). Особенно желательно было бы имѣть несомнѣнныя доказательства подлинности приведенныхъ имъ рѣчей Кочуева, которыя показываютъ въ этомъ послѣднемъ необыкновенную проницательность и должны бы упрочить за нимъ славу именно перваго изобрѣтателя тѣхъ плановъ, которыя пятнадцать лѣтъ спустя удалось осуществить Павлу и Геронтію. Между тѣмъ самое это рѣдкое согласіе въ словахъ Кочуева съ тѣмъ, что случилось пятнадцать лѣтъ спустя, притомъ же, какъ увидимъ впослѣдствіи, вовсе не по плану предварительно начертанному,—это самое и внушаетъ сомнѣнія относительно ихъ подлинности, невольно заставляетъ предполагать, что слова эти сочинены кѣмъ—нибудь уже послѣ учрежденія Бѣлокриницкой митрополіи и примѣнительно къ обстоятельствамъ сопровождавшимъ это учрежденіе. Возможноли въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы кто нибудь, даже самъ многоталантливой Кочуевъ, еще въ 1832 году могъ говорить, какъ по писанному, что нужно сначала поискать епископовъ, „сохранившихъ древнее благочестіе,“ и если такихъ не сыщется пригласить кого-либо изъ греческихъ (даже именно одного изъ

узаконеній противъ бѣглопоповства и вмѣстѣ соболѣзнуя о горестномъ ихъ положеніи, замѣтилъ Громову, что было бы гораздо легче ходатайствовать предъ государемъ императоромъ за старообрядческихъ священниковъ, еслибъ старообрядцы брали ихъ не отъ православной церкви, чѣмъ этой послѣдней наносится оскорбленіе, котораго императоръ допустить ни когда не рѣшится, а имѣли бы для поставленія священниковъ гдѣ-нибудь своего собственнаго архіерея. Это замѣчаніе высокомощнаго покровителя Громовъ принялъ какъ мудрый совѣтъ, осуществленіемъ котораго и занялся съ великимъ усердіемъ: отсюда и начались, соблюдавшіяся сначала въ глубокой тайнѣ, совѣщанія о пріобрѣтеніи епископа, а потомъ и хлопоты объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры[1]).

находящихся не у дѣлъ митрополита!), и что каѳедру необходимо учредить именно въ Буковинѣ, „такъ какъ тамошніе старообрядцы имѣютъ привилегіи отъ австрійскихъ императоровъ!“ Мы увидимъ, что эти самые планы относительно исканія архіереевъ были составлены инокомъ Павломъ и уже въ то время, когда оффиціальнымъ порядкомъ началось дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-криницѣ, что учрежденіе самой каѳедры неиначе, какъ въ Буковинѣ, даже и у Павла съ Геронтіемъ не было первоначальнымъ намѣреніемъ, о привилегіи же, данной императоромъ Іосифомъ, не имѣли тогда достаточно яснаго понятія даже сами буковинскіе липоване, а потому едвали могли знать объ ней на Иргизѣ „отъ приходившихъ туда изъ Молдавіи и Буковины раскольниковъ“ (какъ утверждаетъ г. Мельниковъ въ прим. на стр. 81). Вообще, слишкомъ частныя подробности приведеннаго расказа, упоминающаго даже о болыкахъ и цымлянскомъ, не внушаютъ къ нему особеннаго довѣрія, хотя общее его содержаніе, именно то, что на Иргизѣ происходили разсужденія объ устройствѣ раскольнической архіерейской каѳедры и что однимъ изъ горячихъ поборниковъ этого предпріятія былъ Кочуевъ, безъ сомнѣнія, вѣрно.

1) Подробныя извѣстія объ этомъ разговорѣ графа Бенкендорфа съ Сергѣемъ Громовымъ находятся у Геронтія и Онуфрія. Геронтій, одинъ изъ самыхъ главныхъ дѣятелей по учрежденію бѣлокриницкой іерархіи и близкій знакомецъ Громова, въ жизнеописаніи своего друга и сотрудника— инока Павла расказываетъ: „Когда послѣдовало конечное прекращеніе старогрекороссійской церкви священства, тогда степеннопотомственной гильдіецъ С. Г. Г. Г. (Сергѣй Григорьевичъ г-нъ Громовъ), приступивъ къ его сіятельству, внутреннихъ дѣлъ министру, графу господину Банкидорфу (sic) просить его графскосіятельской защиты стапятидесятилѣтняго пробѣла священству. Но его графское сіятельство добросовѣстно и откровенно отвѣщалъ

Въ томъ и другомъ повѣствованіи есть своя неподлежащая сомнѣнію доля правды. Взявъ изъ нихъ то, что есть въ нихъ несомнѣнно достовѣрнаго, мы изложимъ возникновеніе и первоначальный ходъ дѣла объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры въ томъ видѣ и порядкѣ, который, по тщательномъ соображеніи на основаніи доступныхъ намъ источниковъ всѣхъ относящихся сюда обстоятельствъ, представляется наиболѣе согласнымъ съ дѣйствительностію.

гильдійцу о невозможности произвести въ дѣйство его просьбу. Но между прочимъ онъ допросомъ своимъ далъ ему добрый свой совѣтъ и отеческое наставленіе. Онъ спросилъ гильдійца: неужели вашей церкви правила не позволяютъ имѣть своего святителя и почему вы симъ важнымъ предметомъ не обезпечите себя однажды навсегда? Въ такомъ случаѣ я увѣренъ, что Его Императорское Величество на убѣжденіе вашея просьбы можно склонить." Вслѣдъ за симъ Геронтій прибавляетъ, что будтобы самъ императоръ Николай предъ кончиною благодарилъ Бенкендорфа за эту его заботу о раскольникахъ: „*О чемъ* послѣжде самъ (Его Величество) при самыхъ послѣднихъ минутахъ кончины своея, свидѣтельствовалъ... Онъ не забылъ упомянуть и его сіятельство графа господина Банкидорфа, рече благодарю и покойнаго Банкидорфа, онъ умѣлъ управлять не точію имперіею, но и самимъ мною, онъ и къ самымъ ненавистнымъ мною моимъ врагамъ умѣлъ мене примиряти." Само собою разумѣется, что императоръ Николай, упоминая (не въ этихъ, конечно, выраженіяхъ) о Бенкендорфѣ, никакъ не могъ имѣть въ виду попеченія сего послѣдняго о раскольникахъ, за которыя, еслибы зналъ объ нихъ, конечно, не воздалъ бы ему благодарности: настоящее замѣчаніе Геронтія любопытно собственно какъ образчикъ той беззастенчивости, съ какою раскольники готовы каждой удобной и неудобный случай истолковать въ свою пользу. Онуфрій, бывшій епископъ Браиловскій и намѣстникъ бѣлокриницкой митрополіи, человѣкъ близкій и Павлу и Геронтію, въ замѣткѣ, составленной имъ еще до поступленія въ единовѣріе, также расказываетъ: „Старѣйшины общества московскаго Рогожскаго кладбища отправили депутацію въ Петербургъ хлопотать, чтобы было дозволено на умершія, или выбывшія мѣста принимать священниковъ. Московскіе депутаты—Аѳоній Кузминъ съ товарищи были приняты Сергѣемъ Григорьевичемъ Громовымъ. И московскіе просили Громова, чтобъ доложилъ господину министру Букендорфу. Громовъ, какъ почетный гражданинъ, имѣвшій по другимъ предметамъ съ Букиндорфомъ сближеніе, доступилъ, требовалъ совѣта. Онъ заявилъ невозможнымъ доложить государю о предметѣ москвитянъ, отзывался невозможнымъ доступить монарха: но еслибы (сказалъ) у васъ былъ гдѣ нибудь епископъ за границей, то могли бы доложить государю дозволить вамъ на иностранныхъ правахъ." О совѣтѣ Бенкендорфа упомянулъ въ

Нельзя допустить, чтобы мысль объ учрежденіи нынѣ существующей у старообрядцевъ іерархіи своимъ происхожденіемъ была обязана исключительно одному какому-либо лицу. Мысль эта была прямымъ послѣдствіемъ того положенія, въ какое поставлено было старообрядчество стѣснительными для него распоряженіями правительства и есте-

своемъ показанія, данномъ въ Кіевѣ, и Аркадій архіепископъ Славскій. Въ этомъ показаніи заслуживаетъ особеннаго вниманія то обстоятельство, что знавшіе о бесѣдѣ Громова съ Бенкендорфомъ считали ее секретомъ, котораго разглашать никакъ не слѣдовало. По словамъ г. Войцеховича, снимавшаго допросъ съ Аркадія, этотъ послѣдній, въ присутствіи тогдашняго намѣстника Кіевопечерской лавры архимандрита Іоанна, въ какомъ-то особомъ настроеніи духа, сказалъ, что ему, „какъ лицу духовному, открыты дѣла и случаи совѣсти, что обнажать ихъ онъ не вправѣ, а долженъ щадить нетолько людей къ нему обращавшихся, но и *высшихъ лицъ, принимавшихъ въ дълъ участіе. Я уже согрѣшилъ*, —прибавилъ онъ.—*наименовавъ графа Бенкендорфа*" (записка Войцех.). Трудно допустить, чтобы эти согласныя и такъ точно передаваемыя извѣстія были чистымъ вымысломъ, чтобы въ основаніи ихъ не лежалъ дѣйствительный фактъ; съ другой стороны нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что лице даже искренно преданное императору Николаю и любящее Россію, каковъ былъ, надобно полагать, графъ Бенкендорфъ, но не принадлежащее къ церкви православной, недостаточно понимающее и принимающее къ сердцу ея интересы, наконецъ еще менѣе знакомое съ расколомъ и его отношеніями къ церкви, даетъ знакомому старообрядцу изложенный выше совѣтъ, какъ выдти изъ затрудненія, не нарушая состоявшихся узаконеній противъ бѣглопоповства. Достойно замѣчанія, что впослѣдствіи учредители Бѣлокриницкой іерархіи, согласно замѣчанію Бенкендорфа, дѣйствительно питали надежду, что русское правительство будетъ снисходительно смотрѣть на поставляемыхъ заграничными раскольническими архіереями поповъ и дозволитъ имѣть ихъ россійскимъ старообрядцамъ. Такъ Геронтій съ собственоручно писанномъ для г. Липранди показаніи своемъ, отъ 20 іюня 1847 года, поручаетъ довести до свѣдѣнія государя императора его просьбу о дозволеніи русскимъ старообрядцамъ „заимствоваться (изъ Бѣлой-криницы) рукоположеніемъ священства" (см. *Чт. въ общ. ист. и др.* 1871 г. ч. IV, отд. V, стр. 151.). Въ собственноручныхъ бумагахъ Геронтія, писанныхъ въ Шлиссельбургской крѣпости, мы нашли новую редакцію, какъ видно, этаго же самаго показанія, помѣченнаго у него 22 іюня 1847 г., гдѣ онъ еще опредѣленнѣе говоритъ, что русскіе старообрядцы „долженствуютъ съ челобитьемъ прибѣгнути къ подножію престола добраго своего монарха, подвигнути на милость отеческое Ихъ Величества благоутробіе о возможномъ Ихъ Императорскому Величеству дозволеніи *на инославныхъ религіозныхъ законодательныхъ правахъ* богослужебными храмы и рукополагаемымъ священствомъ пользоватися."

ственнымъ образомъ должна была возникнуть у многихъ внимательныхъ къ этому положенію старообрядцевъ. Тревожныя извѣстія о „настатіи гонительныхъ временъ“, о близкомъ и неизбѣжномъ „оскудѣніи священства“ очень скоро распространились во всемъ старообрядческомъ мірѣ, по всѣмъ старообрядческимъ общинамъ и, само собою разумѣется, повсюду вызвали много разнаго рода толковъ, предположеній, замысловъ,—какъ избыть гоненія. Начетчики, люди вѣдущіе и бывалые, какихъ можно встрѣтить почти въ каждомъ старообрядческомъ обществѣ, теперь стали приводить на память прежнія гонительныя времена и примѣры предковъ, уходившихъ отъ гоненія во иныя страны, гдѣ „христіянство пребываетъ во ослабѣ“ и беззавистно, въ изобиліи пользуется священствомъ, гдѣ будтобы имѣются даже древлеправославные епископы. Удаленіе въ эти страны, отысканіе этаго древлеправославнаго священства для людей, горячо преданныхъ расколу и не слишкомъ связанныхъ житейскими зоботами, представлялось и теперь наилучшимъ средствомъ избѣгнутъ ожидаемыхъ золъ, отвратить бѣдственное оскудѣніе священства. И вотъ дѣйствительно въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ опять возникаютъ у старообрядцевъ толки о живущихъ за границею по разнымъ мѣстамъ „христіянахъ“ и о тамо обрѣтающихся „древлеправославныхъ епископахъ“; распространяются тетрадки, содержащія описаніе этихъ странъ и излагающія путь, какъ ихъ достигнуть; являются и предпріимчивые люди, идущіе отыскивать эти страны, гдѣ якобы имѣются даже епископы древняго, дониконовскаго благочестія [1]. Такимъ образомъ, прежде нежели явился въ бо-

---

1) Весьма замѣчательныя и любопытныя извѣстія о подобныхъ предпріятіяхъ сообщаются въ показаніи одного изъ „странствователей“—инока Ираклія. Будучи настоятелемъ Куреневскаго монастыря (подольской губерніи), *по слухамъ*, что въ Турціи есть старообрядческіе епископы, онъ, какъ можно догадываться, около 1828—29 года, вмѣстѣ съ инокомъ Игнатіемъ, „рѣшился идти отыскивать этихъ епископовъ.“ Добравшись до некрасовскихъ селеній, въ Славѣ они „встрѣтили другихъ иноковъ, пріѣхавшихъ изъ Молдавіи *съ одинаковымъ намѣреніемъ*,—имена ихъ были: Евфросинъ Дороѳей, Павелъ (не изъ Бѣлой-криницы), Аркадій, Виталій, Іоасафъ и

лѣе или менѣе опредѣленныхъ чертахъ замыселъ объ учрежденіи за границей старообрядческой архіерейской каѳедры, толки о заграничныхъ „древлеправославныхъ епископахъ“ и стремленіе найти ихъ, какъ первоначальная основа этаго замысла, уже явились подъ вліяніемъ указанныхъ обстоятельствъ и сдѣлались, такъ сказать, общимъ достояніемъ, общимъ явленіемъ въ старообрядчествѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣхъ мѣстахъ, которыя служили средоточіемъ старообрядчества, его матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, мысль объ отысканіи „древлеправославныхъ епископовъ“ была подвергаема болѣе или менѣе тщательному обсужденію и выражалась въ формѣ болѣе или менѣе опредѣленныхъ плановъ. Иргизъ, какъ одно изъ такихъ средоточій и притомъ какъ мѣсто наиболѣе заинтересованное въ судьбѣ бѣгствующаго священства, а въ началѣ тридцатыхъ годовъ и наиболѣе угрожаемое правительственными карами, естественно имѣлъ въ этомъ отношеніи первенство предъ другими подобными центрами страрообрядчества: здѣсь, и особенно такіе люди, какъ Кочуевъ и другіе пріятели Силуана, обсуждая разныя мѣры къ отклоненію угрожающаго оскудѣнія священства, дѣйствительно, обсуждали тщательнѣе и вопросъ о пріобрѣтеніи архіерейства; здѣсь Кочуевымъ были предлагаемы для обсужденія и планы, какимъ образомъ устроить старообрядческую архіерейскую каѳедру, только планы эти не имѣли, конечно, такого близкаго сходства съ дѣломъ, начатымъ десять лѣтъ спустя въ Бѣлой-криницѣ, какъ нѣкоторые полагаютъ. То, что было приду-

другіе, всего 16 человѣкъ.“ Всѣ они были русскіе выходцы (Аркадій, по фамиліи Лысый, впослѣдствіи сдѣлался архіепископомъ Славскимъ). Чрезъ Константинополь они пробрались въ Майносъ и распрашивали у здѣшнихъ некрасовцевъ объ епископахъ: некрасовцы „увѣряли, что нѣтъ нигдѣ, что они всю Турцію прошли насквозь, а нигдѣ не слыхали“; отсюда странники прошли за Бейрутъ до Египта, и здѣсь „убѣдились, что *записки и свѣдѣнія, которыя распространены у старообрядцевъ*, есть вымыселъ.“ Потомъ они совершили и еще нѣсколько безплодныхъ странствованій, изъ которыхъ возвратились только четверо—самъ Ираклій, Павелъ, Дороѳей и Аркадій,—остальные всѣ умерли (см. *Чт. въ общ. ист. и древн.* 1871 г. ч. IV, отд. V, стр. 182—185).

мано на Иргизѣ, секретнымъ образомъ сообщено въ Москву нѣкоторымъ изъ болѣе влiятельныхъ членовъ здѣшняго старообрядческаго общества. Въ Москвѣ также мысль о прiобрѣтенiи епископа, конечно, была уже не новостью и притомъ у здѣшнихъ, гордыхъ своимъ богатствомъ старообрядцевъ она встрѣтила себѣ могучую поддержку въ ихъ мечтанiяхъ о упроченiи и возвышенiи старообрядчества, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о своемъ собственномъ прославленiи во всемъ старообрядческомъ мiрѣ. Въ числѣ этихъ особаго рода, совершенно въ раскольническомъ духѣ, честолюбцевъ занималъ тогда первое мѣсто купецъ Θедоръ Рахмановъ: ему и его родичамъ и прiятелямъ иргизскiе планы пришлись по душѣ. На рогожскихъ собранiяхъ 1832 года, которыя, какъ мы уже говорили, были составлены вообще для обсужденiя способовъ къ отстраненiю угрожавшаго старообрядчеству „оскудѣнiя священства", была предложена на общее разсмотрѣнiе и мысль о прiобрѣтенiи епископа. Самъ Кочуевъ, присутствовавшiй здѣсь въ числѣ иргизскихъ депутатовъ, изложилъ свои соображенiя о томъ, какъ мысль эта можетъ быть приведена въ исполненiе. Рахмановъ и его сторонники старались поддержать Кочуева [1]); но люди болѣе разсудительные и осторожные находили учрежденiе архiерейской каθедры предпрiятiемъ слишкомъ смѣлымъ, неудобоисполнимымъ, и для самихъ старообрядцевъ не вполнѣ удобнымъ. Главнымъ противникомъ мысли о старообряд-

---

[1]) Авторъ *Очерковъ поповщины* говоритъ: „Шелапутинъ, Θ. Рахмановъ, Боковъ и Горѣловъ крѣпко ухватились за *мысль Кочуева* и предлагали тотчасъ же (!) просить у правительства дозволенiя имѣть своего епископа, *обѣщаннаго въ прошломъ столѣтiи*, а въ случаѣ рѣшительнаго отказа устроить тайно старообрядческую iерархiю" (*Русск Вѣст* т. LXIII, стр. 85). Здѣсь у автора мысль Кочуева является уже въ новомъ видѣ,—Кочуевъ будтобы предлагаетъ искать того же, чего искалъ инокъ Никодимъ, учредитель единовѣрiя,—„просить епископовъ *обѣщанныхъ въ прошломъ столѣтiи*" (т. е. именно Никодиму). Трудно допустить, чтобы Кочуевъ имѣлъ такую мысль; еще менѣе вѣроятно, чтобы Рахмановъ и другiе московскiе раскольники могли „крѣпко ухватиться" за предложенiе просить епископовъ „какiе были обѣщаны въ прошломъ столѣтiи" Никодиму, т. е. на правилахъ единовѣрiя.

ческихъ епископахъ явился купецъ Николай Царскій, извѣстный собиратель старинныхъ рукописей: онъ считалъ болѣе вѣрнымъ и удобнымъ дѣломъ снова ходатайствовать предъ правительствомъ о возстановленіи правилъ 1822 года, и это его мнѣніе поддержали нѣкоторые другіе изъ значительныхъ прихожанъ Рогожскаго кладбища. Въ заключеніе всѣхъ совѣщаній рѣшено было воспользоваться планами той и другой стороны,—хлопотать о возстановленіи доселѣ существовавшаго порядка въ пріобрѣтеніи священниковъ и въ тоже время пріискивать способы къ устроенію архіерейской каѳедры, но къ участію въ томъ и другомъ дѣлѣ пригласить непремѣнно петербургское общество, особенно главу этого общества—Сергѣя Громова, съ каковою цѣлію и снарядить въ Петербургъ депутацію. Депутація, въ которой участвовали самые горячіе ревнители мысли о раскольническихъ епископахъ—Рахмановъ и Кочуевъ, подробно изложила Громову обсуждавшіеся на рогожскихъ собраніяхъ планы. Мы видѣли, что онъ не отказался принять участіе въ хлопотахъ о возстановленіи правилъ 1822 года; но послѣ объясненій съ графомъ Бенкендорфомъ призналъ ихъ безполезными и нашелъ необходимымъ вовсе оставить. Что касается другаго предпріятія—учрежденія архіерейской каѳедры, оно также не было отвергнуто Громовымъ, и быть можетъ самъ онъ, въ объясненіяхъ съ Бенкендорфомъ, осторожно навелъ этаго послѣдняго на мысль о раскольническомъ епископѣ;—во всякомъ случаѣ нѣтъ достаточнаго основанія отвергать то извѣстіе, что Бенкендорфъ высказался Громову въ смыслѣ благопріятномъ для учрежденія особой раскольнической іерархіи, которая избавила бы старообрядцевъ отъ необходимости брать тайкомъ священниковъ изъ православной церкви, чего правительство никогда не потерпитъ, между тѣмъ какъ гораздо снисходительнѣе можетъ быть отнесется къ попамъ, поставляемымъ собственными раскольническими епископами. Это замѣчаніе лица, столь близкаго къ особѣ императора, имѣло для Громова весьма большую важность: мысль о пріобрѣтеніи епископа, объ учрежденіи самостоятельной раскольнической іерархіи теперь заняла его сильно и онъ серьозно началъ помышлять

о приведеніи этой мысли въ исполненіе. Но чѣмъ важнѣе было дѣло, тѣмъ большей, по его мнѣнію, требовало оно осторожности, тѣмъ осмотрительнѣе и искуснѣе нужно было вести его. А между тѣмъ личное знакомство съ Рахмановымъ, главою московскихъ ревнителей старообрядческаго архіерейства, убѣдило Громова, что этотъ ограниченный и болтливый человѣкъ, при своемъ мелкомъ самолюбіи, скорѣе способенъ испортить дѣло, нежели помочь ему: нужно было поэтому благовиднымъ образомъ устранить Рахманова на нѣкоторое время отъ участія въ замыслахъ о пріобрѣтеніи епископа. Посовѣтовавшись съ нѣкоторыми довѣренными лицами и съ самимъ Кочуевымъ, на благоразуміе котораго вполнѣ полагался, Громовъ дѣйствительно объявилъ Рахманову, что учрежденіе старообрядческой архіерейской каѳедры считаетъ слишкомъ смѣлымъ, опаснымъ, вообще неудобоисполнимымъ предпріятіемъ, что участія въ немъ принять не можетъ, да и московскимъ старообрядцамъ совѣтуетъ его оставить. Рахманову очень не хотѣлось отказаться отъ замысла, въ которомъ видѣлъ не только пользу любезнаго ему старообрядчества, но и пищу для своего собственнаго тщеславія; однакоже, не находя себѣ поддержки ни въ комъ изъ лицъ, болѣе значительныхъ въ старообрядчествѣ, долженъ былъ подчиниться совѣту Громова. А самъ Громовъ съ этого времени усердно занялся пріисканіемъ людей, на которыхъ съ полнымъ къ нимъ довѣріемъ можно было бы возложить порученіе — отправиться въ странствіе для пріобрѣтенія потребнаго старообрядцамъ епископа. Что касается вопроса, гдѣ и какъ устроитъ пребываніе будущаго владыки старообрядцевъ, то въ этомъ отношеніи у Громова и тогдашнихъ довѣренныхъ людей его, не было еще условлено ничего рѣшительнаго, не было составлено какихъ-либо точно-опредѣленныхъ плановъ [1]). Ука-

---

[1]) Въ *Очеркахъ поповщины* утверждается, что „вопросъ о томъ, гдѣ устроить каѳедру древлеправославнаго епископа" теперь уже „былъ рѣшенъ *окончательно*", и будтобы на сей разъ рѣшилъ его серковскій настоятель инокъ Геронтій. Онъ будтобы говорилъ на совѣщаніяхъ у Громова: „Необходимо устроить ее внѣ предѣловъ Россіи, но неподалеку отъ границы. Для сего предстояло избрать мѣстность въ Турціи, Молдавіи, или Австріи."

заній на этотъ счетъ ожидали отъ времени и обстоятельствъ; теперь же главная забота была объ одномъ—обрѣсти епископа и именно изъ „древлеправославныхъ“, такъ какъ ходившимъ между старообрядцами толкамъ о существованіи такихъ епископовъ и они вмѣстѣ съ другими вѣрили.

Прошелъ не одинъ годъ, пока явился человѣкъ, по мнѣнію Громова, вполнѣ способный послужить общему дѣлу, обладавшій всѣми качествами, потребными для совершенія такого подвига, какъ исканіе древлеправославнаго епископства и учрежденіе старообрядческой архіерейской каѳедры: это былъ Петръ Васильевъ Великодворскій, впослѣдствіи стяжавшій себѣ великую знаменитость въ старообрядческомъ мірѣ подъ именемъ инока Павла. Такъ какъ онъ по своимъ подвигамъ дѣйствительно занимаетъ первенствующее мѣсто въ исторіи Бѣлокриницкой іерархіи, то необходимо ознакомиться съ его жизнію и до того времени, когда

Двѣ первыя онъ находилъ неудобными. „Оставалась Австрія. Геронтій, какъ очевиденъ (?), расказалъ о трехъ слободахъ, населенныхъ въ Буковинѣ липованами русскаго происхожденія и о томъ, что въ одной изъ нихъ, Бѣлой-криницѣ, есть маленькій монастырекъ, въ которомъ, по его мнѣнію, можно было бы устроить епископскую каѳедру,“ и т. д. (*Русск. Вѣстн.* т. LXV, стр. 53). Опять у автора не указано, откуда заимствованы такія точныя извѣстія о планахъ, будтобы развитыхъ Геронтіемъ въ Петербургѣ на бесѣдахъ у Громова; но во всякомъ случаѣ источникъ, откуда онѣ заимствованы, не заслуживаетъ довѣрія. Геронтій, какъ увидимъ, даже въ 1841 году, пріѣхавъ въ Буковину, не имѣлъ еще опредѣленныхъ видовъ на учрежденіе архіерейской каѳедры именно въ Бѣлой-криницѣ; нигдѣ мы не нашли извѣстія и о томъ, чтобы раньше этого пріѣзда онъ бывалъ въ селеніяхъ буковинскихъ липованъ и слѣдовательно могъ говорить объ нихъ, какъ очевидецъ; сомнительно даже, чтобы въ указанное авторомъ время онъ находился въ Петербургѣ и „жилъ у Громова, проводя дни и ночи въ задушевныхъ бесѣдахъ съ Алексѣемъ Великодворскимъ“ (братомъ Павла): самъ Геронтій въ павловой біографіи говоритъ, что всѣ братья Павла жили съ нимъ на родинѣ до 1833 года, и ужь конечно не сказалъ бы этого, еслибъ дѣйствительно весною 1832 года дни и ночи проводилъ съ однимъ изъ нихъ, Алексѣемъ, въ Петербургѣ, гдѣ тотъ будтобы жилъ уже постоянно на службѣ у Громова. И то обстоятельство, что теперь, на совѣщаніи у Громова, Геронтій говорилъ о мѣстѣ учрежденія каѳедры почти тѣми же словами, какъ говорилъ Кочуевъ на бесѣдѣ у иргизскаго игумена Силуана (ср. *Русск. Вѣст.* т. LXIII, стр. 81), только усиливаетъ недовѣріе къ расказу автора.

онъ выступилъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля у старообрядцевъ [1]).

IV. Инокъ Павелъ, въ мірѣ Петръ Васильевъ Великодворскій, былъ урожденецъ валдайской подгородной слободы, заселенной попреимуществу ямщиками и извѣстной подъ названіемъ Зимогорскаго яма. Отецъ его, Василій Великодворскій, служилъ при зимогорскомъ волостномъ правленіи писаремъ. Семью его составляли жена и пятеро сы-

---

[1]) Свѣдѣнія объ инокѣ Павлѣ мы будемъ заимствовать главнымъ образомъ у Геронтія, изъ принадлежащей намъ его собственноручной записки, составленной въ Шлиссельбургской крѣпости и содержащей именно сказаніе о жизни Павла. Относительно фактической стороны расказъ Геронтія, какъ одного изъ ближайшихъ друзей Павла, знакомаго со всѣми болѣе или менѣе важными обстоятельствами его жизни, не внушаетъ никакого сомнѣнія. Извѣстія о Павлѣ находимъ также въ запискахъ другаго близкаго ему человѣка—о. Онуфрія. Біографію Павла изложилъ съ свойственнымъ ему талантомъ и г. Мельниковъ (*Русск. Вѣст.* т. LXV, стр. 26—32); но, какъ видно, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній онъ писалъ ее большею частію по однимъ догадкамъ, неумѣренно увлекаясь притомъ своей богатой фантазіей. Въ подтвержденіе этого замѣчанія мы укажемъ на первый разъ слѣдующія мѣста: „Василій Великодворскій (отецъ Павла) не гонялъ почты, а *содержалъ постоялый дворъ*, въ которомъ *обыкновенно* останавливались его одновѣрцы, ѣздившіе въ Петербургъ изъ разныхъ губерній по торговымъ и другимъ дѣламъ....“ Изъ сыновей его „старшій Петръ, еще ребенкомъ, бѣгая по низменнымъ берегамъ Валдайскаго озера и съ свойственнымъ раскольнику враждебнымъ чувствомъ взирая на зданія Иверскаго монастыря, воздвигнутаго патріархомъ Никономъ, развивалъ въ себѣ ревность не по разуму къ такъ-называемому древлему благочестію и проникался враждой къ господствующей церкви....“ „По смерти отца хозяиномъ нераздѣльнаго дома остался Петръ Васильичъ. *Онъ оказался совершенно неспособнымъ продолжать родительское дѣло.* Каждый вечеръ зазывать проѣзжающихъ извощиковъ, предлагая имъ дешевый овесъ и вариво и перебраниваясь съ сосѣдями, каждое утро считаться съ постояльцами, торгуясь и бранясь за каждую копейку, заготовлять сѣно, овесъ и другіе припасы, приготовлять обѣды и ужины — *все это было не подъ силу Петру Великодворскому*, у котораго съ юныхъ лѣтъ голова занята была совсѣмъ другими думами. *Къ тому же хозяйки въ домѣ не было*, а безъ хозяйки держать постоялый дворъ невозможно. Вдова Великодворская, вскорѣ по смерти мужа, постриглась въ иночество.“ Не знаемъ, бѣгалъ ли Петръ Великодворскій, будучи ребенкомъ, по берегамъ Валдайскаго озера и какія чувства воспитывалъ въ юной душѣ его видъ построеннаго Никономъ Иверскаго монастыря; но то извѣстно, что отецъ его содержателемъ постоялаго двора, гдѣ

новей: старшій изъ нихъ — Петръ родился въ 1808 году[1]). Мальчикъ одаренъ былъ отъ природы замѣчательными способностями. Рано выучился онъ грамотѣ, и разумѣется по старообрядческимъ первоначальнымъ руководствамъ, такъ какъ семейство Великодворскихъ держалось старообрядчества; отецъ еще научилъ его тому искусству писать четко, свободно и красиво, которое впослѣдствіи оказалось для него такъ нужнымъ и полезнымъ. Особенно примѣчательными его качествами были—страстная любовь къ чтенію книгъ духовнаго содержанія, разумѣется, изъ того тѣснаго круга церковно-богословской литературы, который попреимуществу излюбленъ раскольниками, и воспитанная подъ вліяніемъ этаго чтенія наклонность къ религіозной мечтательности и аскетической жизни. Стремленіе къ этой послѣдней обнаружилось въ немъ очень рано. Ему было только 12 лѣтъ, когда онъ, наслушавшись расказовъ о раскольническихъ обителяхъ въ Стародубьѣ, задумалъ уйти туда на жительство. Въ одно время, когда отецъ его по должности волостнаго писаря былъ въ отлучкѣ, не сказавшись ни матери, ни братьямъ, онъ скрылся изъ дому, упросилъ знакомыхъ ямщиковъ отвести его въ Москву, откуда при удобномъ случаѣ надѣялся пробраться въ Стародубье, и вѣроятно успѣлъ бы въ этомъ намѣреніи, еслибы отецъ не принялъ своевре-

---

„обыкновенно" останавливались проѣзжавшіе въ Петербургъ старообрядцы, не былъ и сыну вовсе неприходилось принимать, или бросать несвойственныя душѣ его занятія дворника, такъ искусно описанныя авторомъ; напротивъ, по смерти отца онъ наслѣдовалъ его должность земскаго писаря. И хозяйка въ домѣ, очень хорошая, была у него постоянно, — сама же мать, съ которою онъ растался уже въ тридцатыхъ годахъ, отправляясь въ странствіе, и которая постриглась никакъ не „вскорѣ по смерти мужа." Далѣе мы будемъ имѣть случаи показать и другія невѣрности въ біографіи Павла, изложенной авторомъ *Очерковъ поповщины.*

[1]) Геронтій положительно говоритъ, что у Павла было четверо младшихъ братьевъ и что по смерти отца они съ матерью составляли всю семью, оставшуюся на попеченіи Павла; между тѣмъ въ *Очеркахъ поповщины* говорится, что у Павла было пять братьевъ и сестра: „Алексѣй, два Василья, два Өедора и Наталья" (стр. 26). По словамъ Геронтія въ 1828 году Павлу было 20 лѣтъ, въ 1833-мъ 25: значитъ онъ родился въ 1808 г.

менно надлежащихъ мѣръ къ возвращенію его домой [1]). Достойно замѣчанія, что и тогда уже онъ имѣлъ обычай вести „журналецъ", или дневникъ, куда записывалъ свои мысли и внутреннія расположенія,—обычай, котораго впослѣдствіи держался постоянно: изъ этого дневника и узнали его домашніе о принятомъ у него намѣреніи уйти въ стародубскія обители. Первая неудача не охладила однако его желанія посвятить себя иноческой жизни; онъ только отложилъ на время, до болѣе удобныхъ обстоятельствъ, его осуществленіе и попрежнему сталъ усердно заниматься чтеніемъ уважаемыхъ старообрядцами отеческихъ и иныхъ писаній, знаніемъ которыхъ такъ прославилъ себя впослѣдствіи.

Въ 1825 году случилось въ семействѣ Великодворскихъ событіе, которое должно было на долгое время отвлечь Петра Васильева отъ сродныхъ ему занятій и отъ исполненія его завѣтнаго желанія—принять иночество: умеръ его отецъ и на него—семнадцатилѣтняго юношу, какъ старшаго изъ братьевъ, пали заботы о содержаніи семейства. А семейство находилось въ крайней нуждѣ, — отецъ не оставилъ никакого состоянія [2]); ктомуже незадолго до его смерти домъ ихъ истребленъ былъ пожаромъ: скудость простиралась до

---

1) Вотъ какъ Геронтій расказываетъ объ этомъ случаѣ изъ жизни Павла: „Онъ будучи двоюнадесятилѣтенъ сый отрокъ, по гласу Спасителя нашего Іисуса Христа, рѣшился оставить домъ, отца, матерь же и братій своихъ, отвергся себе и міра. Улучивъ удобнѣйшій случай въ отсутствіи отца своего пооколу волостнаго правленія, по должности своего письмоводства, онъ, не открывъ своего намѣренія ни родительницѣ своей, ниже изъ братій своихъ кому-либо, взялъ на путь себѣ нѣсколько мѣдныхъ денегъ, и егда изшедъ изъ дому своего идяше путемъ, срѣте нѣкоего водовоза въ зѣло худой одеждѣ, умилився же на его положеніе и помянувъ словеса Спасителя нашего, рекшаго своимъ ученикамъ: *не имѣйте при себѣ ни жезла, ни пиры, ни при поясѣхъ мѣди*, тогда онъ взявъ свои путевыя денги и всыпа водовозу въ полу. И скоро текъ до почтоваго двора, гдѣ и малѣйшаго не бысть ему закоснѣнія: вси бо свои ему ямщики. Не вѣдая же его намѣренія, подхватиша его и яко на крыльяхъ скоро по шоссіи (sic) доставиша его въ Москву" и т. д.

2) Василій Великодворскій былъ подверженъ пьянственной слабости, отъ того и состоянія никакого не нажилъ: объ этомъ самъ Павелъ, съ большимъ сокрушеніемъ, нерѣдко говаривалъ о. Онуфрію.

того, что, по словамъ біографа, три старшіе брата „довольствовались однимъ праздничнымъ халатикомъ". Но безпомощная бѣдность вообще явленіе очень рѣдкое въ старообрядческихъ обществахъ. Скоро нашлись благотворители и семейству покойнаго зимогорскаго писаря: какая-то „единоямная ихъ зимогорка", удалившаяся изъ міра въ монастырь, „умилилась на сиротство" Петра Васильевича съ братьями,—„отказала имъ въ вѣчное владѣніе съ помѣстьемъ свой домъ", въ которомъ они и поселились, продавъ свое пепелище. Такимъ образомъ недолго пришлось имъ „по чужимъ скитаться угламъ". Потомъ зимогорское общество приняло Петра Великодворскаго на мѣсто отца его въ должность волостнаго писаря. Занимаясь усердно этой должностью, онъ получилъ возможность хотя не богато, но безбѣдно содержатъ семью и въ тоже время своими способностями, трудолюбіемъ и безукоризненнымъ поведеніемъ расположить еще больше въ свою пользу значительнѣйшихъ членовъ общества. Его дѣйствительно очень полюбили зимогорскія власти и свое расположеніе доказали самымъ дѣломъ при новой повстрѣчавшейся ему бѣдѣ Въ 1828 году, по случаю войны съ турками, былъ объявленъ рекрутскій наборъ и на семью Великодворскихъ, какъ состоявшую изъ пяти ревизскихъ душъ, палъ жребій поставить рекрута. Горе для семьи предстояло большое: приходилось потерять главнаго кормильца, который ктому же не имѣлъ нималѣйшаго призванія къ военной службѣ. „Мать Петра Висильича, по словамъ его біографа, вечеръ, и утро и полудне яко горлица съ нимъ ворковала о находящей неизбѣжной грозѣ". Въ эту тревожную для него пору, нежданно негаданно, безъ всякихъ съ его стороны исканій, одинъ молодой человѣкъ изъ жителей тогоже Зимогорскаго яма сдѣлалъ предложеніе Петру Великодворскому идти за него охотникомъ въ рекруты, при чемъ однакоже просилъ въ вознагражденіе, для обезпеченія собственной семьи, двѣ тысячи рублей, конечно, на ассигнаціи [1]). Это была для бѣднаго человѣка

---

[1]) По расказу Геронтія, весьма подробно описавшаго этотъ случай, Петръ Васильевъ встрѣтилъ охотника въ „ристоратѣ," куда насильно затащи-

слишкомъ большая сумма; но Петръ Васильевъ не колеблясь принялъ предложеніе и, какъ человѣкъ опытный въ дѣлахъ, сейчасъ же написалъ „условный договорецъ" съ охотникомъ, а члены зимогорскаго волостнаго правленія, при которыхъ все это происходило, скрѣпили договоръ въ качествѣ свидѣтелей и, что было еще важнѣе для ихъ писаря, немедленно собрали ему по подпискѣ между собою довольно значительную сумму для уплаты охотнику [1]. Остальныя деньги онъ также успѣлъ найти безъ затрудненія [2]. „И та-

ли его старики — зимогорскія власти послѣ засѣданія въ волостномъ правленіи, и объясненіе между ними происходило слѣдующимъ образомъ: „Вступивше въ ристоратъ, замѣтилъ онъ трезваго поведенія человѣка, единоямнаго зимогора, въ задумчивомъ размышленіи сѣдяща. Вскинувъ свои задумчивые глаза, увидѣвъ своего земскаго писаря, онъ поспѣши вскочити съ своего сѣдалища и веселымъ воззва гласомъ: „Ахъ, Петръ Васильевичъ! Я давно желалъ васъ видѣть! Я намѣренъ объяснить въ вашу пользу мою тайну!" Отвѣщавъ же Петръ Васильевичъ ему, спроси: „въ чемъ же заключается моя польза въ твоей тайнѣ?" Тогда онъ не обинуяся рече Петру Васильевичу: „Дай же ты свой халатикъ померить мнѣ, а мой возми на себе надѣнь." И Петръ Васильевичь по отвагѣ своего характера сотвори тако, высматривая, что изъ этаго выйдетъ. Егда же обмѣнишася они своими халатами, тогда обнявъ первый и нѣсколько разъ поцѣловавъ Петра Васильевича, рече: „Вотъ при старшинахъ нашихъ, выборномъ и общественномъ головѣ, вотъ тебѣ правая моя рука—я рѣшился за ваше семейство итти подъ Турка изъ ружья фуркать! Точію окажи достоинство своего званія наградить меня на обезпеченіе моего семейства," и проч.

1) „Притомъ въ расположеніи къ его любви, не выходя изъ питейнаго ристората, для вспомоществованія до поправки его состоянія сдѣлали по силѣ своей усердную подписку — овъ во сто рублей, онъ въ пятдесятъ, другій въ двѣсти рублей и прочіе. И такъ накопили ему до пятисотъ рублей".

2) Авторъ *Очерковъ поповщины* утверждаетъ, что деньги на покупку рекрута далъ Петру Васильеву Громовъ. Но изъ геронтіева расказа невидно этаго, и даже можно заключать, что тогда Петръ Васильевъ еще не былъ и знакомъ съ Громовымъ; притомъ же и самый расказъ автора *Очерковъ*, повѣствующій о слишкомъ счастливой случайности, не внушаетъ довѣрія. Вотъ что именно онъ расказываетъ: „Разъ (!) Сергѣй Григорьевичь Громовъ проѣзжалъ черезъ Валдай и остановился у знакомыхъ (?) ему Великодворскихъ (хотя, какъ мы говорили, Великодворскіе постоялаго двора не держали, да и богачу Громову останавливаться на такойъ дворѣ, какой описанъ у автора, было не удобно). Побесѣдовавъ съ гостемъ отъ писанія, Петръ Васильевичь расказалъ ему про свое горе, и Громовъ тотчасъ же (!) далъ ему денегъ на квитанцію" (стр. 28).

кимъ образомъ, — говоритъ въ заключеніе его біографъ,— благополучно отбылъ очередь общественной рекрутской повинности, а потомъ скоро освободился и отъ тяготы денежнаго долга, ибо получилъ должность тремя волостями съ помощію своихъ меньшихъ братьевъ управляти, сверхъ же того еще должность у военнаго коммиссіера отъ казны провіанту пріема и отпуска щетъ вести" [1])

Въ обоихъ расказанныхъ случаяхъ, въ неожиданномъ полученіи наслѣдства и въ счастливомъ освобожденіи отъ рекрутства, для насъ важно собственно то, какъ относился къ нимъ самъ Павелъ, или тогда еще Петръ Васильевъ Великодворскій, такъ какъ здѣсь именно выступили весьма замѣтно тѣ особенности его характера, которыя проявлялись въ немъ еще въ ранней юности. Онъ нетолько не считалъ этихъ событій чѣмъ-либо случайнымъ, или просто дѣйствіемъ Божія къ людямъ милосердія; напротивъ, какъ человѣкъ склонный къ религіозной мечтательности, онъ видѣлъ здѣсь нѣчто необыкновенное, проявленіе какихъ-то особенныхъ въ отношеніи къ нему высшихъ судебъ, чрезвычайное дѣйствіе небеснаго надъ нимъ покровительства и именно устроенное великимъ святителемъ и чудотворцемъ Николою [2]). Святителя Николу онъ съ юныхъ лѣтъ считалъ

---

[1]) Самому меньшему брату было тогда не болѣе пяти лѣтъ: значитъ разумѣются здѣсь старшіе братья, и между ними Алексѣй. Такимъ образомъ ясно, что всѣ братья жили съ Петромъ въ Зимогоркѣ и послѣ 1828 года (у Геронтія говорится дальше, что всѣ они жили вмѣстѣ на родинѣ даже въ 1833 году). Между тѣмъ въ *Очеркахъ поповщины* повѣствуется, что когда Петръ Васильевъ получилъ отъ Громова деньги на квитанцію, то, *чтобы заработать эти деньги,* Алексѣй Великодворскій *поступилъ* въ услуженіе къ Громовымъ и *поселился въ Петербургѣ* на ихъ Графской биржѣ. *Вслѣдъ за тѣмъ* Петръ Великодворскій передалъ отцовскій долгъ (?) меньшимъ братьямъ, а самъ поступилъ земскимъ (?) въ мѣстное волостное правленіе (стр. 28—29). Очевидно, факты передаются здѣсь и невѣрно и не въ порядкѣ.

[2]) Геронтій, конечно, со словъ Павла пишетъ: „Скорый помощникъ, теплый же и предивный по Бозѣ его заступникъ, святитель Христовъ Никола *не допустилъ* его много время по чужимъ скитаться домамъ: *Онъ вложилъ въ сердце единоямной ихъ зимогоркѣ"* и проч.... „Скорый его помощникъ и теплый заступникъ святитель Христовъ Никола *не допусти* его и тяготы долга на себѣ много время носити, ибо *промысли ему должность* тремя волостями управляти...."

своимъ особеннымъ покровителемъ и помощникомъ. На него возлагалъ онъ всю надежду и въ то время, когда остался сиротой, и въ то, когда грозила опасность идти на военную службу [1]). Теперь, когда эти надежды оправдались такимъ очевиднымъ для него образомъ, онъ убѣдился окончательно, что состоитъ подъ чрезвычайнымъ покровительствомъ святителя, и вообще началъ считать себя поставленнымъ въ какія-то особенно близкія къ нему отношенія. Дни памяти святителя онъ съ этого времени началъ праздновать съ нарочитой торжественностью. „Онъ ежегодно въ память святыхъ его чудесъ два празднества, декабря шестаго и маія девятаго, молебнымъ славословіемъ, нищепитаніемъ и страннопріимствомъ чествовавъ, душерадостнымъ празднествомъ весь день со всѣмъ своимъ семействомъ услаждался, раболѣпно гостямъ своимъ прислуживая, умильно же яко на меншую братію Спасителя нашего Іисуса Христа радуяся взирая; тоже и ближнихъ своихъ трезвымъ угощеніемъ, въ духовныхъ бесѣдахъ услаждаяся, угощалъ". Кромѣ того, „онъ далъ обѣтъ святителю Христову Николѣ безъ его святаго совѣта никоего важнаго своего дѣла не начинать. Аще бы кая-либо непріятность послѣдовала противоположно его дѣйству, то онъ всю отвѣтственность свою возложилъ на крѣпкосильнаго и теплаго заступника своего, святителя Христова Николу" [2]).

Подъ вліяніемъ этой мечтательной вѣры въ непосредственное руководство высшаго, небеснаго покровителя образовались и утвердились въ характерѣ Павла два новыя замѣчательныя качества — рѣдкая предпріимчивость и неменѣе рѣдкая настойчивость въ осуществленіи предпріятій. Питая увѣренность, что всѣ его дѣйствія совершаются подъ особымъ высшимъ руководствомъ, что отвѣтственность за

---

[1]) Наприм. матери, которая очень смущалась неимѣніемъ денегъ на уплату за охотника, Павелъ отвѣчалъ: „Ахъ, матушка! не вѣруешь ли ты церковной похвалы святителю Христову Николѣ!,.. Я крѣпко увѣренъ въ томъ, что кто ускорилъ мнѣ на подобную необходимость, тойже поспѣшитъ мнѣ промыслить и ему необходимую потребу."

[2]) Геронтій въ Жизнеопис. Павла.

удачу и неудачу каждаго дѣла, болѣе или менѣе важнаго по его понятіямъ, лежитъ не на немъ, а на томъ-высшемъ его руководителѣ, онъ смѣло берется за самыя несбыточныя и опасныя предпріятія, твердо и неуклонно идетъ къ предположенной цѣли, пока есть какая-нибудь возможность. Въ послѣдующей дѣятельности инока Павла эти стороны его характера выступятъ особенно ярко; но, и будучи волостнымъ писаремъ Петромъ Великодворскимъ, онъ успѣлъ показать ихъ довольно ясно.

Въ его біографіи расказанъ между прочимъ слѣдующій случай. Какой-то близкій ему человѣкъ, имѣвшій дѣло въ судахъ, терпѣлъ притѣсненія отъ судебныхъ властей и у самого начальника губерніи не нашелъ справедливой защиты. Сострадая ему и положившись на помощь святителя Николы, Петръ Васильевъ отправилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ прошеніе за невинно страждущаго отъ мѣстныхъ властей. Прошеніе это было прислано изъ министерства къ губернатору для надлежащаго разсмотрѣнія дѣла. Зимогорскаго писаря по сему случаю вытребовали подъ стражей въ губернскій городъ и посадили въ острогъ. Ему предсказывали самую горькую участь, такъ какъ начальникъ губерніи мягкосердіемъ не отличался [1]). Но самъ заключенный „твердо уповалъ на скораго своего заступника, великаго святителя Христова Николу, якоже первобытные воеводы, въ невинности безкорыстія своего призывая заступленіе его". И гроза, дѣйствительно, прошла благополучно: губернаторъ „умилился" кроткимъ видомъ трепещущаго и павшаго на колѣни „юнаго письмовода", и „яко агнецъ кротко наказавъ, впредь въ таковыхъ обстоятельствахъ осторожно себя держати, съ миромъ домой его отпустилъ". Онъ же отправился „не домой, но въ Софійскій

---

1) Вотъ что пишетъ Геронтій: „Губернаторъ, яко левъ воскинувъ свою шерсть, немедленно вытребовалъ его (Петра Васильева) къ себѣ подъ командою жандармскаго надзора; домашніе и ближніе его горько оплакали судьбу участи его, и вси въ губернскомъ острогѣ окружившіе несчастное сотоварищество его единогласно заключали, судя по характеру губернатора, что неизбѣжная судьба участи его—или безъ зачета въ солдаты, или въ Сибирь на поселеніе долженъ быть посланъ."

соборъ, прямо къ святителю Христову Николѣ, гдѣ древняя и чудотворящая святая его икона, яже отъ древнихъ лѣтъ и донынѣ въ томъ соборѣ существуетъ, дабы личное воздати благодареніе, поклоненіе же и лобызаніе святѣйшаго и чудоточащаго образа его, за содѣйствіе благодати его къ нему... И такъ радуяся, Бога благодаря, благополучно, *яко герой съ побѣды*, возвратился домой: ибо недовѣдомыми божественными судьбами вполнѣ сугубое свое желаніе получилъ, еже есть — святителя Христова Николы святую и чудотворную икону лично сподобися лобызати, о чемъ многовременно желаніемъ распаляемъ былъ, но должность занятія обязанности его время свободы не удѣляла ему къ исполненію желанія его, а затѣмъ и жалоба его требуемое себѣ удовлетвореніе получила". [1])

Описанное сейчасъ событіе могло только еще больше утвердить въмолодомъ энтузіастѣ готовность на разные подвиги подъ воображаемымъ высшимъ руководствомъ. И вскорѣ же, дѣйствительно, онъ принялъ участіе въ очень странномъ предпріятіи, которому суждено было произвести рѣшительный переворотъ въ его жизни, опредѣлить дальнѣйшую судьбу его.

„Въ 1833 году (такъ расказываетъ біографъ Павла) являются на домъ къ нему изъ ближайшихъ сосѣдственныхъ волостей два знакомца его, наполненные духовной ревности и крѣпкой правой вѣры, съ предложеніемъ ему о рѣдкостнообразномъ дѣйствіи немерцающаго существа... Предложеніе же ихъ сице бѣ. Якобы въ смоленской губерніи, въ такомъ-то помѣстьѣ, отъ незапамятныхъ временъ находится погребъ, въ которомъ сокровены разныя драгоцѣнности и нѣсколько бочекъ златой монеты подъ желѣзными обручами закубрены; сверхъ же того дражайшее всего — чудотворная Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи икона, предъ которою лампада съ незапамятныхъ лѣтъ неугасимо горитъ, о чемъ якобы вѣрные самовидцы имъ повѣдали; но оно якобы безъ разрыва-травы никому не приступно; они же на этотъ предметъ положили

---

[1]) Геровтій въ *Жизнеопис. Павла.*

свой основательный отвѣтъ, что этотъ приступъ не требуетъ разрыва-травы, но твердокрѣпкой правой вѣры". Какъ одному изъ вѣрныхъ блюстителей правой вѣры, они и предложили своему пріятелю отправиться съ ними отыскивать драгоцѣнный кладъ. Это было, по выраженію тогоже біографа, „рѣдко-странно-образное" предложеніе, и Петръ Васильевъ, при своемъ свѣтломъ умѣ, конечно, увидѣлъ бы легко всю его несбыточность, еслибы здѣсь не примѣшалось обстоятельство, сильно увлекавшее его ложно направленную религіозность. Чудотворная икона съ горящей предъ нею неугасимой лампадой, сокрытая у никоніанъ и недоступная ихъ обладанію, не сохраняется ли, дѣйствительно, промысломъ Божіимъ для блюстителей „древняго благочестія" и не ему ли—ревнителю правой вѣры, уже видѣвшему на себѣ слѣды особеннаго покровительства свыше, суждено извлечь изъ сокровенности эту безцѣнную святыню на пользу и прославленіе старообрядчества? — Вотъ какіе помыслы возбудило въ немъ странное предложеніе двухъ, какъ видно, подобныхъ ему мечтателей—старообрядцевъ, и онъ уже внутренно расположенъ былъ принять его. Но съ другой стороны и житейское благоразуміе говорило ему, что онъ берется за рискованное предпріятіе, которое можетъ невыгодно отразиться на всей его жизни, что во всякомъ случаѣ нужно будетъ оставить всѣ занятія, кокоторыми онъ снискивалъ пропитаніе своему семейству. Все это побуждало его помедлить отвѣтомъ на предложеніе знакомцевъ. Онъ назначилъ имъ сроку именно недѣлю, и время это рѣшился посвятить на испрошеніе совѣта въ настоящемъ важномъ дѣлѣ у святителя Христова Николы: „аще не окажетъ онъ на сіе предпріятіе своего благоволенія (такъ говорилъ друзьямъ своимъ Петръ Васильевъ), то я ни за какое благополучіе не рѣшусь *безъ его обезпеченія* домохозяйства своего оставити". И вотъ какимъ способомъ, по расказу біографа, придумалъ онъ узнать волю святителя. „Согласивъ на сей предметъ и малое свое семейство, четырехъ меньшихъ своихъ братій, таже пятую вдовствующую матерь свою, и заповѣдавъ всему своему семейству въ пятидневномъ постѣ и молитвахъ седмицу оную прово-

дити, при семъ сдѣлавъ святителю Христову Николѣ на два жребія записочки — единъ съ полнымъ увѣреніемъ на предпріятіе его благословляющій, второй же въ неблаговоленіи его съ запрещеніемъ ему возбраняющій, и положи я на цѣлую седмицу въ кіотѣ предъ иконою святителя Христова Николы. По истеченіи же срока, въ седьмой день, сотвори святителю Христову Николѣ всенощное бдѣніе и по великомъ славословіи, предъ тропаремъ на возгласѣ, повелѣ матери своей единъ жребій отъ иконы святителя Христова Николы взяти и ему въ руки дати, — таже тропарь *Правило вѣры и образъ кротости* и прочее совершеніе службы. Жребій же данный ему рукою матернею онъ предъ всѣми присутствующими въ службѣ сей развернулъ и прочиталъ всѣмъ вслухъ — съ полнымъ увѣреніемъ на предпріятіе его благословляющій. Потомъ онъ еще сдѣлалъ два жребія—единъ, кромѣ святынь и Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи чудотворныя иконы, ни къ чему не прикасатися, второй же жребій — еже отъ вѣка свыше сокровенныхъ сокровищь не отвращаться, но воли божественной судьбы повиноваться. И положилъ я предъ иконою Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи. По окончаніи же часословія и молебственной службы онъ повелѣлъ меньшему брату своему, десятилѣтняго возраста отроку, отъ иконы единъ жребій взяти и матери своей дати, мать же должна была первенцу своему старшему сыну передати. Онъ же, отъ руки матери своея принявъ, предъ всѣми прочиталъ: яже отъ вѣка свыше сокровенныхъ сокровищъ не отвращатися, но воли Божественной судьбы повиноватися". Теперь для него все рѣшено было окончательно,—твердо и непреложно... Получивъ же такое, въ его глазахъ, несомнѣнное увѣреніе, что будто бы самъ святитель Никола благословляетъ его на исканіе завѣтныхъ сокровищь, онъ уже безъ всякаго колебанія весь отдается этому дѣлу, въ полномъ убѣжденіи, что никакія препятствія и трудности не помѣшаютъ ему достигнуть того, на что есть воля и благословеніе его небеснаго руководителя и заступника. Оставивъ службу и передавъ хозяйство братьямъ, Петръ Великодворскій, вмѣстѣ съ то-

варищами, въ условленное время, отправился „въ предлежащій свой путь“ [1]).

Путь свой они держали прямо въ то помѣстье, гдѣ по ихъ мнѣнію хранился драгоцѣнный кладъ. Какъ и слѣдовало ожидать, помѣщикъ встрѣтилъ очень непривѣтливо странныхъ искателей клада и выпроводилъ изъ своего имѣнія не съ честію [2]). Эта первая неудача для вдохновеннаго предводителя кладоискателей не представлялась особенно важною: если недавно, защищая ближняго „неповинно страждущаго“, онъ не задумался подать прошеніе министру, то въ настоящемъ дѣлѣ, предпринятомъ на пользу и прославленіе „древлеправославной вѣры“, и за поручительствомъ святителя Николы, онъ чувствовалъ себя достаточно смѣлымъ, чтобы обратиться съ просьбой о помощи къ самому государю. Онъ дѣйствительно сочинилъ прошеніе, въ которомъ изложилъ, что имъ—просителямъ извѣстно мѣсто, гдѣ съ незапамятныхъ временъ сохраняются тайно великія сокровища, въ числѣ которыхъ находится чудотворная икона Божіей Матери, что они, желая открыть сіи сокровища, всенижайше просятъ на то Высочайшаго дозволенія и помощи дарованіемъ для охраны ихъ въ семъ дѣлѣ потребной стражи, всѣ же сокровища, какія будутъ открыты, за исключеніемъ только чудотворной иконы „и прочихъ церковныхъ, донынѣ богохранимыхъ святынь, въ пользу казны жертвуютъ, въ распоряженіе Его Императорскаго Величества“ [3]). Для подачи прошенія лично самому государю кла-

---

1) Такимъ образомъ должность волостнаго писаря Петръ Великодворскій исправлялъ 8 лѣтъ, съ 1825 до 1833 года. Въ *Очеркахъ поповщины*, напротивъ, говорится слѣдующее: „Петръ Великодворскій *недолго* служилъ земскимъ писаремъ. Не знаемъ причинъ, заставившихъ его оставить волостное правленіе; почитатели памяти его (кто же именно?) говорятъ, что должность земскаго не удовлетворяла Петра Васильевича,“ и проч. (стр. 29). Не совсѣмъ вѣрно переданъ въ *Очеркахъ* и разсказъ о томъ, какъ случилось, что Павелъ занялся исканіемъ клада,—говорится, будто онъ самъ „*подыскалъ* товарищей и съ ними отправился въ Петербургъ“ (стр. 30).

2) „Дому хозяинъ (пишетъ Геронтій), мѣсту владѣлецъ, грубѣйшаго необразованія свойства, неприступный человѣкъ, неточію хладно принялъ, но и разнопозорными словесы жестоко осыпалъ ихъ.“

3) Такъ излагается содержаніе просьбы у Геронтія.

доискатели отправились въ Петербургъ; но здѣсь, когда они искали къ этому случая, выжидая, гдѣ можно встрѣтить императора, были задержаны полиціей, какъ люди подозрительные. Подъ арестомъ ихъ содержали не долго; но и выпустивъ на свободу, безъ надзора не оставили. Дѣло такимъ образомъ вовсе не ладилось: дойти до государя не было никакой возможности, да и жить въ Петербургѣ приходилось трудно, тѣмъ больше, что срокъ паспорта, съ которымъ Петръ Великодворскій отправился изъ дому, приходилъ къ концу. Въ виду такихъ неудачъ и затрудненій, даже самъ онъ „день отъ дня, мало по малу, началъ духомъ, яко человѣкъ, изнемогать“. Не столько внѣшнія невзгоды смущали его, сколько мучила внутренняя тяжелая борьба: возникали невольно сомнѣнія и мучительныя думы о томъ, что̀ служило основнымъ началомъ его жизни; нужно было— или отстоять прежнія убѣжденія, или растаться съ ними навсегда. Онъ жилъ увѣренностью, что находится подъ чрезвычайнымъ высшимъ покровительствомъ, что особенно то дѣло, для котораго былъ теперь въ Петербургѣ и оставилъ всѣ свои прежнія занятія, предпринято по совѣту и волѣ его высшаго руководителя и покровителя; но дѣло оказалось неудобоисполнимымъ,—нужно было отъ него отказаться: что же, не заблуждался ли онъ, полагаясь на совѣтъ и волю святителя Николы? не мечта ли и вся его увѣренность, что онъ находится подъ особеннымъ высшимъ покровительствомъ? Для такого человѣка, каковъ былъ Павелъ, это были роковые вопросы и рѣшеніе ихъ не могло произойти безъ тяжкой внутренней борьбы. Онъ дѣйствительно находился, какъ выражается его біографъ, „въ крайнемъ стѣсненіи духа“. Между тѣмъ настало 6 декабря — праздникъ святителя и чудовторца Николая. Наканунѣ этого дня, который онъ всегда праздновалъ съ особенной торжественностью въ своемъ семействѣ, тяжелые вопросы и думы овладѣли имъ еще сильнѣе, и ночью, когда въ крайнемъ изнеможеніи физическихъ силъ, отъ забылся наконецъ тонкимъ сномъ, ему представилось видѣніе, служившее какъ бы отвѣтомъ на мучившіе его вопросы и сомнѣнія. Приводимъ вполнѣ разсказъ его біографа объ этомъ случаѣ.

„Въ пятый день декабря, наканунѣ праздника памяти святителя Христова Николы, по отпускѣ на сонъ грядущихъ молитвъ, возлежащу ему съ товарищи своими кійждо на ложи своемъ, онъ въ такомъ же вышеописанномъ стѣсненіи своего духа и размышленіи былъ, понеже и домашній святителю Христову Николѣ праздникъ безъ присутствія его долженъ быть празднуемъ. Егдаже *внѣ себе былъ*, тогда святитель Христовъ Никола, нетерпя въ претензіи видѣти себя, въ оправданіе справедливости своей лично самъ ему предста въ полноблистающемъ святительства своего облаченіи, въ шуицѣ воздвигнутой своей држа святое евангеліе, десницею же своею, яко въ подтверждение справедливости своей, показуя на свѣтлоблистающій свой омофоръ, и глагола ему: зри на мя и виждь,—якоже азъ есмь, тако все есть! Онъ же трепетно чувственныя своя очеса откры; но явлѣйся и глаголющій къ нему, яко молнье блеснувъ, скрыся въ помраченіи очесъ его. Тогда святитель Христовъ Никола паки второе, яко ангелъ свѣтлосіяненъ, предста, и блескомъ своего святительства озаривъ закрытыя его очеса, паки глагола ему: не вѣруеши ли, яко азъ рѣхъ ти? — Якоже азъ есмь, аминь глаголю тебѣ, тако все есть! Онъ же съ восторгомъ съ постели своей вскочивъ и товарищей своихъ возбудивъ, сице къ нимъ воззва: Ахъ, братцы мои! вставайте скорѣе! — Святитель Христовъ Никола двоекратно являлся и достоинствомъ своего святительства увѣрилъ меня, якоже онъ въ полномъ облаченіи своего святительства есть, тако, рече, все есть! Таже записалъ время и часъ явленія“ [1]). Всѣ думы и сомнѣнія Павла

---

[1]) Геронтій прибавляетъ еще, что видѣнный Павломъ во снѣ святитель Никола „во всемъ подобенъ бѣ чудотворному образу его, иже въ Новѣградѣ, въ Софійскомъ соборѣ.“ Это обстоятельство можетъ достаточно объяснить, какъ дѣйствовала павлова фантазія во время сновидѣнія. Впослѣдствіи Павелъ написалъ икону Святителя въ томъ самомъ видѣ, какъ было явленіе; икона была поставлена и находится донынѣ въ Покровской церкви Бѣлокриницкаго монастыря. О сновидѣніи Павла и написанной имъ иконѣ, согласно съ Геронтіемъ, расказываетъ и о. Онуфрій въ находящейся у насъ запискѣ объ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи: этой запиской пользовался г. Мельниковъ и привелъ изъ нея нѣкоторыя мѣста вполнѣ (стр. 30—31).

были разрѣшены для него этимъ сновидѣніемъ: отселѣ ничто уже не могло поколебать его убѣжденія, что онъ имѣетъ будтобы особое предназначеніе свыше и дѣйствуетъ по непосредственному указанію небеснаго руководителя. Въ этомъ убѣжденіи онъ тогда же далъ обѣтъ — „свое крѣпкое слово: не возвращаться добровольно домой, дондеже не достигнетъ предположенной ему цѣли“ [1]). Сначала, разумѣется, сновидѣніе истолковано было примѣнительно къ дѣлу о смоленскомъ кладѣ, и именно въ томъ смыслѣ, что сокровища существуютъ несомнѣнно и будутъ непремѣнно пріобрѣтеніы, почему и слѣдуетъ неослабно продолжать начатые хлопоты. На первыхъ порахъ и самыя обстоятельства благопріятствовали этому толкованію: на другой же день послѣ сновидѣнія, въ самый праздникъ святителя Николы, полученъ изъ Валдая отъ братьевъ новый паспортъ Петру Великодворскому; вскорѣ потомъ онъ успѣлъ расположить и къ себѣ лично, и къ своему дѣлу уже извѣстнаго намъ „гильдійца“ Сергѣя Громова [2]). Не знаемъ, былъ ли онъ до этого времени извѣстенъ Громову; но видно, что близкаго съ нимъ знакомства тогда еще не имѣлъ. Желаніе найти человѣка, который помогъ бы получить дозволеніе правительства на открытіе клада, какъ надобно полагать, и побудило его обратиться къ Громову,—

---

[1]) Укорененію въ Павлѣ этой его увѣренности, что онъ особенный избранникъ Божій, способствовали потомъ и новыя подобнаго рода сновидѣнія, которыя въ свою очередь находили себѣ почву въ его самообольщенности;— вообще, онъ сдѣлался впослѣдствіи замѣчательнымъ сновидцемъ, такъ что въ этомъ отношеніи немного уступалъ знаменитѣйшему раскольническому сновидцу и зрителю разныхъ нелѣпыхъ видѣній—протопопу Аввакуму. Сны свои, по его мнѣнію знаменательные, Павелъ имѣлъ привычку описывать во всей подробности. Записки эти, вмѣстѣ съ другими бумагами, онъ передалъ, умирая, о. Онуфрію, а этотъ послѣдній, ревнуя о павловой славѣ, которая, какъ понималъ онъ, могла сильно пострадать, если его странныя видѣнія сдѣлаются извѣстными, предалъ эти записки огнесожженію.

[2]) „На утріе же скорой являемой ему заступникъ, святитель Христовъ Никола ускори доставити ему отъ братьсвъ его надлежащій путешествію ихъ пачпортъ, потомъ вложи въ сердце благоволеніе знаменитому капиталисту, первой гильдіи степеннаго потомства купцу С. Г. Г. Г.“ (Геронтій въ *Жизнеопис. Павла*).

главѣ и покровителю петербургскихъ старообрядцевъ, повсюду въ старообрядчествѣ извѣстному своимъ богатсвомъ и связями въ кругу сильныхъ міра. Умный, обладавшій замѣчательнымъ и притомъ чисто старообрядческимъ краснорѣчіемъ,—„витія", какъ называлъ его Надеждинъ,—ктому-же исполненный непоколебимой вѣры въ успѣхъ своего предпріятія, онъ долженъ былъ произвести на Громова сильное впечатлѣніе. Онъ такъ вдохновенно говорилъ о неисповѣдимыхъ судьбахъ божіихъ, чудеснымъ образомъ сохранившихъ дивную святыню на прославленіе „древлеотеческія вѣры" до нынѣшняго, гонительнаго для оной времени, что его собесѣдникъ, тогда именно очень занятый тяжкимъ положеніемъ гонимаго старообрядчества, невольно увлекся рѣчами старообрядческаго оратора и изъявилъ готовность помочь ему въ его дѣлѣ. Планъ его Громовъ одобрилъ,—нашелъ, что дѣйствовать нужно съ соизволенія государя, дабы такимъ образомъ впослѣдствіи, когда обрѣтена будетъ дивная святыня, этимъ самымъ обратить монаршее благоволеніе на старообрядцевъ, свыше видимо благословляемыхъ и покровительствуемыхъ. А какъ подать прошеніе на Высочайшее имя, объ этомъ онъ опять обратился за совѣтомъ къ своему милостивцу — графу Бенкендорфу и лично представилъ ему кладоискателей. Біографъ Павла такъ расказываетъ объ этой странной „аудіенціи": „Его сіятельство, въ разсмотрѣніи ихъ прошенія, не доводя о семъ Его Императорскому Величеству, разрѣшилъ имъ такимъ образомъ: хотя бы, рече, и интересовало императора ваше предпріятіе, но какъ въ вашемъ показаніи всѣ интересы во владѣльческомъ помѣстьи находятся, то законъ и не позволяетъ правительству въ частную владѣльческую собственность вмѣшиваться, но это въ помѣщичей и вашей обоюдной есть волѣ,—на чемъ вы съ нимъ сойдетеся, то все ваше будетъ, Тогда они предложили еще свою смѣлость просить его графское сіятельство, дабы они на ихъ прошеніи соизволили положить свою графскосіятельскую надпись,—и желаемое получили". Имѣя такимъ образомъ нѣчто въ родѣ охранной грамоты, кладоискатели отправились опять въ имѣніе смоленскаго помѣщика и на этотъ разъ,

благодаря, какъ видно, представленному ими документу, были приняты благосклонно. На предложенныхъ ими условіяхъ помѣщикъ согласился допустить ихъ до исканія клада; но, понимая всю несбыточность ихъ затѣи, какъ человѣкъ практическій, потребовалъ себѣ въ видѣ залога, въ обезпеченіе обѣщанныхъ ему выгодъ, двѣ тысячи рублей, съ тѣмъ, что онѣ должны поступить въ его собственность, если клада не будетъ отыскано. Петръ Великодворскій до того увѣренъ былъ въ успѣхѣ дѣла, что готовъ былъ, какъ выражается его біографъ, „себе продати, по евангельской притчѣ, и село оное въ вѣчную собственность купити". Нимало не колеблясь, онъ написалъ отъ своего имени вексель въ 2000 рублей и отослалъ въ Петербургъ къ Сергѣю Громову, прося доставить ему указанную сумму: Громовъ выслалъ деньги немедленно. Получивъ ихъ, помѣщикъ дозволилъ кладоискателямъ, вооруженнымъ вмѣсто разрывъ-травы „твердо-крѣпкимъ древлеправославіемъ", приступить къ открытію клада. Искали они усердно и, разумѣется, ничего не отыскали: „все это ихнее предпріятіе, по выраженію витіеваго павлова біографа, яко мечта романически анекдотомъ изчезла"...

Теперь, казалось бы, для Петра Великодворскаго опять долж̀о наступить время трудной нравственной борьбы, опять должны возникнуть тяжелые сомнѣнія. Предсказанное въ чудесномъ видѣніи не исполнилось: что же,— не было ли это видѣніе только дѣйствіемъ разгоряченнаго воображенія (чѣмъ оно дѣйствительно и было)? не „мечта" ли, не „анекдотъ" ли и всѣ его помыслы о своемъ высокомъ призваніи, о чрезвычайномъ посланничествѣ? Но вѣра его въ несомнѣнную дѣйствительность видѣнія была уже такъ крѣпка, что подобнаго рода сомнѣній онъ допустить теперь не могъ. Неудачный конецъ дѣла о исканіи клада, напротивъ, привелъ его теперь къ другимъ, весьма важнымъ для дальнѣйшаго направленія его жизни, соображеніямъ и выводамъ: явленіе святителя Николы и слова при этомъ сказанныя (разсуждалъ онъ) выше всякаго сомнѣнія; видно только, что неправильно понятъ мною смыслъ его словъ, — что онѣ относятся вовсе не къ исканію клада, а къ чему-то другому, для ме-

ня еще не ясному, не вполнѣ открытому, но непремѣнно имѣющему совершиться, и въ чемъ я долженъ буду принять ближайшее участіе своими трудами и подвигами. Такъ объяснялъ онъ теперь свое сновидѣніе, — и помня данный тогда обѣтъ „добровольно не возвращаться домой", отпустилъ товарищей на родину, а самъ рѣшился послѣдовать давнему, съ юныхъ лѣтъ занимавшему его желанію,—удалился въ стародубскіе монастыри, чтобы тамъ, въ уединеніи и тишинѣ иноческой жизни, ожидать „усмотрѣнія Божіихъ о немъ судебъ", то есть указанія на предназначенное ему, будтобы, великое дѣло.

V. Мѣстомъ жительства Петръ Великодворскій избралъ собственно Лаврентьевъ монастырь; но отсюда нерѣдко посѣщалъ и другія старообрядческія обители въ Стародубьѣ. Пребываніе въ этихъ монастыряхъ имѣло для него немалую важность: здѣсь онъ познакомился со многими уважаемыми въ старообрядчествѣ лицами, которыя впослѣдствіи сдѣлались его близкими друзьями и пріобрѣли, можно сказать, историческую извѣстность; здѣсь, въ кругу этихъ лицъ, онъ гораздо глубже вошелъ въ современные интересы старообрядчества, нежели сколько занятъ былъ ими живя на родинѣ, озабоченный и семействомъ и должностью; здѣсь окончательно сложился въ немъ и тотъ характеръ самоотверженнаго дѣятеля на пользу старообрядчества, съ какимъ является онъ, какъ учредитель Бѣлокриницкой іерархіи.

Настоятелемъ Лаврентьева монастыря въ то время, когда жилъ тамъ Петръ Великодворскій, былъ инокъ Аркадій, человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный. Онъ былъ родомъ изъ посада Клинцовъ; въ мірѣ звался Андрей Родіоновъ Шапошниковъ; мастерствомъ былъ иконописецъ, и, по отзывамъ людей видавшихъ писанныя имъ иконы, довольно искусный; но особенную извѣстность пріобрѣлъ онъ въ своемъ кругу, какъ замѣчательный старообрядческій богословъ и начетникъ. При большомъ умѣ, онъ дѣйствительно обладалъ довольно обширными свѣдѣніями, почерпнутыми даже не изъ однихъ старообрядческихъ книгъ; съ раскольнической же литературой былъ знакомъ вполнѣ; ктому

еще свободно владѣлъ перомъ и умѣлъ выражать свои мысли очень оригинально, языкомъ не чуждымъ силы и краснорѣчія въ своемъ особенномъ родѣ. Великій ревнитель раскола и строгій блюститель всѣхъ уставленныхъ расколомъ обрядовыхъ условій жизни, онъ въ этомъ отношеніи былъ строгъ и къ другимъ, — вообще отличался твердымъ и настойчивымъ характеромъ. Гордый, самолюбивый, склонный къ любостяжательности, онъ умѣлъ однакоже скрывать эти пороки подъ маской внѣшняго подвижничества и фарисейскаго смиренія. Самая наружность его была изъ такихъ, что обращала на себя особенное вниманіе старообрядцевъ,—онъ украшенъ былъ замѣчательно длинною брадою, такъ что попросту, въ бесѣдахъ между собою, старообрядцы обыкновенно звали его Аркадіемъ — бородатымъ. Въ молодыхъ еще лѣтахъ онъ женился,—и (о чемъ впослѣдствіи имѣлъ причины горько сожалѣть) женился на вдовѣ, имѣвшей дѣтей отъ перваго брака; но въ супружествѣ жилъ недолго: неизвѣстно почему, — вслѣдствіе ли семейныхъ непріятностей, по влеченію ли къ монашеской жизни, или по другимъ какимъ причинамъ, только спустя немного времени послѣ женитьбы онъ оставилъ жену и принялъ иночество въ Лаврентьевомъ монастырѣ. Здѣсь онъ скоро пріобрѣлъ вліяніе на игумена и на братію; а не задолго до пріѣзда въ монастырь Петра Великодворскаго самъ былъ избранъ въ игумены, на мѣсто отказавшагося отъ должности—Михаила.[1])

Братство Лаврентьева монастыря, довольно многочисленное, не считалось въ это время образцовымъ даже самими раскольниками, хоть они вообще не очень взыскательны къ своимъ инокамъ. Было впрочемъ и тогда въ Лаврентьевѣ нѣсколько „старцевъ", пользовавшихся уваженіемъ. Таковъ особенно былъ инокъ Ефросинъ, сотоварищъ Аркадія, вмѣстѣ съ нимъ пришедшій въ монастырь. Между ста-

---

[1]) Нѣкоторыя извѣстія объ Аркадіи сообщаетъ г. Мельниковъ (см. *Русск. Вѣст.* т. LXVII, стр. 643—650). Намъ онъ извѣстенъ по многочисленнымъ собственноручнымъ его письмамъ, сохранившимся въ *Бѣлокрин. архивѣ*, также по письменнымъ отзывамъ и устнымъ расказамъ нѣкоторыхъ близкихъ къ нему людей.

рообрядцами онъ славился, какъ человѣкъ многовѣдущій въ писаніи,—даже самъ Аркадій называлъ его „великимъ книгчіемъ“; при большой дѣйствительно начитанности, онъ обладалъ еще превосходной памятью, такъ что могъ наизусть приводить мѣста и цѣлыя страницы изъ старопечатныхъ книгъ. Характера былъ онъ малосообщительнаго, любилъ уединеніе и жилъ „полузатворникомъ“ [1]). Не малымъ почетомъ въ монастырѣ пользовался еще инокъ Іоасафъ, прежде бывшій елисаветградскій купецъ Морозовъ. Въ Лаврентьевъ онъ поступилъ на жительство еще будучи молодымъ человѣкомъ; но, не выдержавъ строгости монастырскаго житья, опять ушелъ въ міръ, занялся торговлей и составилъ себѣ большое состояніе. Потомъ, уже достигнувъ глубокой старости, снова возвратился въ монастырь, принялъ здѣсь постриженіе, и значительной капиталъ употребилъ на монастырскія потребности, за что̀ собственно и пользовался въ монастырѣ почетомъ [2]). Изъ числа иноковъ, жившихъ тогда въ Лаврентьевомъ и окрестныхъ монастыряхъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ Алипіѣ и Онуфріѣ. Алипій, бывшій мѣщанинъ города Калуги Абрамъ Ивановъ Вепринцевъ, жилъ въ Лаврентьевомъ въ монастырѣ съ 1815 года безвыходно до самаго закрытія монастыря [3]); былъ человѣкъ кроткаго нрава и доброй жизни, но никакими особенными талантами не отличался,—даже и грамотѣ былъ не очень гораздъ. Инокъ Онуфрій, въ мірѣ Андрей Ѳаддеевъ Парусовъ, родился и крещенъ въ церкви православной; но потомъ расположеніе къ старообрядчеству и любовь къ уединенной иноческой жизни побудили его уйти съ родины (изъ ярославской губерніи) въ старообрядческіе стародубскіе монастыри, о которыхъ много наслышался отъ знакомыхъ раскольниковъ. Это случилось на 19 году его жизни, въ то самое время когда пришелъ сюда и Петръ

---

[1]) Свѣдѣнія и объ инокѣ Евфросинѣ заимствованы также изъ бумагъ *Бѣлокрин. архива*.

[2]) Объ Іоасафѣ см. у г. Мельникова (*Русск. Вѣст*. т. LXVII, стр. 641—642)

[3]) Такъ говорится въ собственномъ его показаніи на допросѣ 1854 г.; тоже повторилъ онъ въ суздальскомъ Спасоевѳиміевомъ монастырѣ на вопросъ архим. Амвросія (архивъ Спасск. мон.).

Великодворскій [1]). Сначала Онуфрій поселился въ Покровскомъ монастырѣ, потомъ перешелъ на жительство въ Лаврентьевъ, гдѣ и постриженъ въ иноки. За разсудительность, открытый и прямой характеръ, добросердечіе и безукоризненную жизнь онъ постоянно пользовался любовію и уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его старообрядцевъ.

Петръ Васильевъ принятъ былъ весьма внимательно въ Лаврентьевомъ монастырѣ и скоро вошелъ въ близкія отношенія со всѣми упомянутыми лицами. Іоасафъ очень полюбилъ разумнаго и набожнаго пришельца; узнавши о его способности къ письмоводству, онъ поручилъ ему вести кореспонденцію по своимъ дѣламъ [2]). Но, какъ и слѣдовало ожидать, Петръ Васильевъ особенно сблизился съ Аркадіемъ и Евфросиномъ: у нихъ онъ искалъ наученія въ иночествѣ; съ ними проводилъ время въ бесѣдахъ отъ писанія; отъ нихъ бралъ книги для келейнаго чтенія [3]). Впрочемъ бесѣды съ лаврентьевскими „книгчіями" происходили не объ однихъ только догматическихъ вопросахъ и правилахъ иноческой жизни: въ Лаврентьевомъ монастырѣ, какъ и въ другихъ раскольническихъ обителяхъ, тогда сильно заняты были современнымъ положеніемъ старообрядчества, все больше и

---

1) Записка о. Онуфрія, поданная въ 1865 году московскому митрополиту Филарету. Здѣсь онъ именно говоритъ, что съ Павломъ „встрѣтился и познакомился первый разъ, когда тотъ жилъ въ Лаврентьевомъ монастырѣ бѣльцомъ Петромъ Васильевымъ."

2) Геронтій въ *Жизнеопис. Павла* говоритъ: „Въ Лаврентьевомъ монастырѣ благодѣтельствова ему второй капиталистъ, елисаветградскій И. И. г. Морозовъ, которому онъ заслуживалъ довѣріемъ въ переводѣ домашнею корреспонденцію руководствомъ."

3) По словамъ автора *Очерковъ поповщины*, „въ Лаврентьевѣ монастырѣ Петръ Великодворскій поступилъ *послушникомъ* къ *иноку* Аркадію (Шапошникову), *впослѣдствіи* Лаврентьевскому игумену, а теперь (?) епископу Славскому, и жилъ при немъ *немало времени*, занимаясь изученіемъ старыхъ книгъ и пребывая въ жизни созерцательной" (*Русск. Вѣст.* т. LXV, стр. 92.). Но Павелъ въ собственномъ смыслѣ послушникомъ у Аркадія не былъ, а до возведенія этаго послѣдняго въ игуменство даже и быть не могъ: Павелъ пришелъ на жительство въ Лаврентьевъ монастырь не раньше 1834 года, когда Аркадій былъ уже игуменомъ, и жилъ здѣсь, впрочемъ не постоянно, до февраля 1836 года,— время, которое можно пожалуй, назвать и „немалымъ."

больше стѣсняемаго правительствомъ: ожидали, что рано или поздно и для лаврентьевскихъ иноковъ настанетъ очередь испытать на себѣ карательную руку внѣшнихъ властей. Что же дѣлать? чѣмъ пособить любезному старообрядчеству, лишаемому и храмовъ и священства? какъ поступить, если кара постигнетъ и ихъ обитель? — вотъ о чемъ нерѣдко велись бесѣды въ обществѣ Аркадія и Евфросина. Здѣсь, на этихъ бесѣдахъ, самую даже мысль о подчиненіи господствующей церкви отвергали съ негодованіемъ и въ случаѣ крайности, испытавъ всѣ возможныя средства отстоять свое прежнее положеніе, считали необходимымъ прибѣгнуть къ послѣднему — идти за границу къ тамошнимъ „христіянамъ". Что же касается общаго положенія старообрядчества въ Россіи и особенно угрожающаго ему „оскудѣнія священства", то безъ сомнѣнія и здѣсь были толки о исканіи и пріобрѣтеніи епископа, какъ вернѣйшемъ способѣ отстранить это бѣдствіе. Игуменъ Аркадій, человѣкъ не склонный къ увлеченіямъ и мечтательности, самъ лично не питалъ расположенія къ исканію епископства, почитая это дѣло несбыточнымъ и по своей новости даже небезопаснымъ для старообрядчества; но другіе лаврентьевскіе иноки очень увлекались надеждою имѣть старообрядческихъ епископовъ, тѣмъ болѣе, что въ это самое время нѣкоторыя изъ знакомыхъ имъ лицъ, постриженники и бывшіе обитатели ихъ монастыря, предприняли уже трудныя странствія для отысканія „древлеправославныхъ" епископовъ [1]). Съ юныхъ лѣтъ будучи ревнителемъ старо-

---

1) Нѣкоторые изъ этихъ, выше исчисленныхъ нами странствователей, какъ наприм. самъ Ираклій и Аркадій Лысый, дѣйствительно принадлежали нѣкогда къ лаврентьевскому братству. Авторъ *Очерковъ поповщины* утверждаетъ, что будтобы они отправились въ странствіе, возбужденые къ тому бесѣдами Геронтія, который, по его словамъ, въ 1832 году пріѣзжалъ въ Лаврентьевъ и развивалъ тамъ свои планы объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-криницѣ. Вотъ что именно говоритъ авторъ: „Живя *не малое время* (?) въ Лаврентьевѣ, Геронтій успѣлъ узнать тамошнихъ иноковъ. Съ лучшими изъ нихъ была у него ведена рѣчь объ исканіи архіерейства и *о томъ, какъ бы завести въ заграничной Бѣлой-криницѣ благоустроенную обитель* съ иноками хорошей жизни, преданными старообрядству, начитанными и энергическими. Нѣкоторые изъ нихъ заявили даже же-

обрядчества, Петръ Васильевъ принималъ живѣйшее участіе въ этихъ бесѣдахъ; скорби и заботы о печальныхъ судьбахъ, ожидающихъ именуемую „древлеправославную" церковь, глубоко западали въ его сердце; онъ распалялся желаніемъ помочь ей, какимъ-либо способомъ отклонить предстоящее ей бѣдствіе. Пріобрѣтеніе собственныхъ епископовъ, учрежденіе самостоятельной раскольнической іерар-

ланіе *тотчасъ же* двинуться въ путь искать архіерея. Иноки Аркадій Лысый, Ираклій Сорокинъ и другіе рѣшились идти въ невѣдомыя страны. Всего охотниковъ набралось до двѣнадцати человѣкъ. *Не говоря ни слова игумену Аркадію* о своихъ намѣреніяхъ, одинъ за другимъ *выбрались они изъ Лаврентьева*, какъ бы за сборомъ подаяній," и т. д. (*Русск. Вѣст.* т. LXVII, стр. 665). Кромѣ того, что поѣздка Геронтія въ Лаврентьевъ монастырь въ 1832 г. и пребываніе тамъ „немалое время," ничѣмъ не подтверждаются и подлежатъ большому сомнѣнію, а то и совсѣмъ невѣроятно, чтобы онъ въ 1832 году могъ говорить съ лаврентьевскими иноками, хотя бы и лучшими, о планахъ относительно Бѣлой-криницы, нельзя не указать очевидныхъ анахронизмовъ въ томъ, что говорится здѣсь объ Аркадіи и Иракліи. Аркадій въ собственномъ показаніи 1854 г., данномъ Войцеховичу, говорилъ о себѣ, что пріѣзжалъ изъ Молдавіи въ Лаврентьевъ монастырь и жилъ тамъ нѣсколько времени, но потомъ ушелъ опять въ Мануиловку о *оттуда* вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими иноками, жившими тоже въ Молдавіи, отправился странствовать. Въ показаніи суздальскому архимандриту Амвросію онъ еще опредѣленнѣе говорилъ, что изъ Молдавіи, съ выправленнымъ въ Яссахъ паспортомъ, пришелъ въ Лаврентьевъ монастырь, жилъ здѣсь 8 мѣсяцевъ и постриженъ въ монашество въ 1829 году, а въ 1830 возвратился отсюда въ Мануиловскій монастырь, и въ Лаврентьевомъ никогда уже потомъ небылъ (Арх.-сузд. Спасоевѳим. мон.). Ираклій въ своемъ показаніи, отличающемся правдивостію, говоритъ о себѣ, что, будучи постриженъ въ Лаврентьевомъ монастырѣ и поживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, онъ перешелъ въ Куреневскій монастырь въ настоятели и, *проживши здѣсь два года, отсюда* отправился въ странствіе, во время котораго встрѣтилъ Аркадія съ прочими иноками, и продолжалъ путь далѣе уже вмѣстѣ съ ними (*Чт. общ. ист. и древн.* 1871 г., ч. IV, отд. V. стр. 181.). Итакъ оба они—и Аркадій и Ираклій—отправились на поиски архіереевъ не изъ Лаврентьева монастыря, не тотчасъ послѣ бесѣдъ съ Геронтіемъ, происходившихъ якобы въ 1832 году, и не вслѣдствіе этихъ бесѣдъ, не имѣя никакой нужды таиться отъ лаврентьевскаго игумена, и т. п.; вышли напротивъ изъ разныхъ мѣстъ, побуждаемые вновь возникшими тогда слухами о существованіи древлеправославныхъ епископовъ и пробудившимся вслѣдствіе ожидаемаго оскудѣнія священства желаніемъ отыскать ихъ, какъ уже было замѣчено выше. Но до Лаврентьева, конечно, доходили слухи о странствіяхъ, предпринятыхъ бывшими лаврентьевскими постриженниками и жителями.

хіи, какъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ къ тому средствъ, было ему совершенно по мысли, вполнѣ согласовалось съ его предпріимчивымъ и рѣшительнымъ характеромъ; самые подвиги искателей древлеправославнаго архіерейства, прежнихъ и современныхъ, соединенные съ опасностями и всякаго рода трудностями, сильно увлекали его воображеніе, пробуждали стремленіе подражать имъ. Надобно полагать, что тогда уже возникли въ умѣ его предположенія — не здѣсь ли, не въ этихъ ли подвигахъ на пользу гонимаго „длевлеправославія“ и заключается его предназначеніе, его особое, высшее призваніе? не къ нимъ ли относится и непонятое имъ прежде многознаменательное сновидѣніе? Случайныя обстоятельства скоро превратили эти его предположенія въ несомнѣнную для него увѣренность.

Мы видѣли, какое впечатлѣніе произвелъ на Громова Петръ Великодворскій, явившись къ нему въ качествѣ искателя великихъ сокровищъ, якобы сохраняемыхъ промысломъ Божіимъ на прославленіе старообрядчества. Громовъ тогда же увидѣлъ, что это именно такой человѣкъ, какого давно онъ ищетъ, который вполнѣ способенъ осуществить сохраняемые втайнѣ замыслы объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры. Онъ не препятствовалъ, какъ мы видѣли, странной попыткѣ Петра Васильева добыть драгоцѣнный кладъ, въ существованіе котораго и самъ повидимому возымѣлъ вѣру подъ вліяніемъ увлекательныхъ рѣчей его; но въ случаѣ неуспѣха этой затѣи рѣшился употребить предпріимчиваго кладоискателя на исканіе другаго сокровища, тоже якобы соблюдаемаго къ прославленію старообрядчества,—на исканіе „древлеправославныхъ епископовъ“. Узнавши, чѣмъ кончилась странная исторія о кладѣ и куда направилъ стопы свои потерпѣвшій неудачу Петръ Великодворскій, онъ дѣйствительно послалъ ему въ Лаврентьевъ монастырь письмо съ приглашеніемъ пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ намѣренъ былъ лично объяснить ему дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры и сдѣлать предложеніе о принятіи на себя трудовъ по осуществленію этого великаго для старообрядцевъ дѣла. Не зная цѣли приглашенія и не желая разставаться съ тишиною монастырской

жизни, къ которой давно стремился, Петръ Васильевъ, подъ предлогомъ нездоровья, отказался ѣхать въ Петербургъ. Громовъ еще не одинъ разъ повторилъ приглашеніе. Такая настойчивость привела Петра Васильева въ нѣкоторое недоумѣніе, и полагая, что Громовъ желаетъ опредѣлить его, какъ должника, на службу по своимъ торговымъ дѣламъ, чтобы такимъ образомъ возвратить причитающійся съ него долгъ, рѣшился перевести данный Громову вексель на имя другаго своего благотворителя — купца Морозова (инока Іоасафа); ѣхать же изъ Лаврентьева монастыря въ Петербургъ отказался рѣшительно. Тогда Громовъ увидѣлъ, что необходимо объясниться съ нимъ прямо и откровенно; съ этою цѣлію онъ нарочно отправилъ въ Лаврентьевъ монастырь довѣреннаго человѣка, [1]) которому поручилъ, съ соблюденіемъ надлежащей осторожности, объяснить Петру Васильеву всю сущность замышляемаго дѣла и предложить ему отправиться въ странствіе для отысканія необходимо нужнаго старообрядцамъ епископа, при чемъ однакоже предупредить его, что все предпріятіе онъ долженъ до времени хранить въ глубокой тайнѣ, и только избрать себѣ въ повѣренные и сотрудники одного кого-либо изъ надежныхъ, извѣстныхъ ему иноковъ. Относительно же матеріальныхъ средствъ, нужныхъ на сіе предпріятіе, посланному поручено было увѣрить Петра Васильева, что недостатка въ деньгахъ онъ никогда имѣть не будетъ, и для перваго раза вручить на предстоящіе расходы 250 имперіаловъ; кромѣ того Громовъ послалъ ему его вексель надорванный въ знакъ уничтоженія долга [2]).

---

[1]) По словамъ о. Онуфрія, это былъ самъ Кочуевъ; не являясь лично въ Лаврентьевъ монастырь, онъ вызвалъ Петра Васильева въ Гомель и тамъ имѣлъ съ нимъ интимныя бесѣды о порученіи Громова.

[2]) Вотъ какъ излагаетъ всѣ эти обстоятельства Геронтій въ *Жизнеописаніи Павла*: „онъ (Громовъ) помянулъ способнаго человѣка, каменя вѣры, Петра Васильевича Валдайца, своего кредитора, возложити на него все попеченіе старогрекороссійской церкви, отправити онаго на сѣверъ востока, на югъ же и западъ азіатской и европейской Турціи изыскати епископа и на вдовствующій старогрекороссійской церкви первобытный россійскій іераршій престолъ онаго посадити. И тако его высокостепенство С. Г. Г. Г. неоднократно писалъ Петру Васильевичу, вызывая его къ себѣ въ С.-Пе-

Полученныя изъ Петербурга, отъ главы здѣшнихъ старообрядцевъ, секретныя извѣщенія и предложенія Петръ Васильевъ принялъ какъ свыше посланное и давно ожидаемое указаніе предназначенныхъ ему подвиговъ на пользу гонимаго старообрядчества. Тѣ мысли и предположенія, какія возникли въ его умѣ подъ вліяніемъ бесѣдъ съ лаврентьевскими иноками о исканіи и искателяхъ „древлеправославнаго“ епископства, теперь, послѣ объясненій съ петербургскимъ посломъ, превратились въ несомнѣнную увѣренность. Теперь этотъ самообольщенный энтузіастъ считалъ уже неподлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ свыше предназначенъ именно для того, чтобы послужить „древлеправославной церкви“ пріобрѣтеніемъ для нея епископовъ, необходимо нужныхъ въ предотвращеніе угрожающаго ей оскудѣнія священства, что именно къ этому подвигу промыслъ готовилъ его съ юныхъ лѣтъ и что къ нему же относилось то чудесное явленіе святителя Николы, смыслъ котораго онъ понялъ сначала такъ превратно: ибо (разсуждалъ онъ теперь) „не о сокровищахъ искомыхъ“ говорилъ ему съ увѣреніемъ святитель, но „о существѣ святительскаго дѣйства“,—о томъ, что епископство, исканію котораго онъ долженъ отнынѣ посвятить всего себя, несомнѣнно существуетъ и будетъ обрѣтено,—„якоже онъ святитель христовъ Никола есть, такъ и оно есть“. 1) Все это Петру Ва-

тербургъ, но причины не означая въ требованіи своемъ. Онъ же несостояніемъ здоровья своего на вызовъ его быти къ нему (отказался), мнѣвъ же, яко требованіе его — по векселю желаетъ помѣстити его въ должность домохозяйства своего. Потомъ С. Г. не терпя болѣе въ ожиданіи его къ себѣ, отправилъ человѣка своего съ порученіемъ нарочито въ монастырь къ нему; выслалъ же въ утвержденіе и вексель его надраный; таже сообщилъ ему еще сверхъ того на проѣздъ 250 полуимперіаловъ золотой монеты; въ случаѣ же на сей предметъ въ требованіи его весь недостатокъ въ твердомъ и неограниченномъ количествѣ его обѣщался оный дополнить; и впрочемъ это предпріятіе до совершенія дѣла должны они въ тайнѣ твердо хранити“.

1) Геронтій именно пишетъ о Павлѣ, что „сначала онъ не разумѣлъ глагола, его же святитель Христовъ Никола ему глагола, мняше бо, яко о сокровищахъ имъ искомыхъ глагола (онъ же о существѣ святительскаго дѣйства неугасаемой христовой благодати ему глагола)“, и что потомъ уже, когда

сильеву казалось теперь ясно, какъ день,—и нимало не колеблясь, съ полнымъ самоотверженіемъ и совершенной увѣренностью въ успѣхѣ, рѣшился онъ идти на дѣло, къ которому считалъ себя призваннымъ свыше, хотя призваніе на сей разъ и послѣдовало не чудеснымъ образомъ, а чрезъ обыкновеннаго человѣка.

Поручивъ петербургскому послу извѣстить Громова, что съ полной готовностью принимаетъ его предложеніе, Петръ Васильевъ занялся необходимыми приготовленіями къ предлежащимъ ему странствіямъ. Согласно наставленію Громова онъ хранилъ дѣло въ секретѣ, не сообщалъ объ немъ никому изъ лаврентьевскихъ иноковъ, и только занялся избраніемъ одного вполнѣ надежнаго сотоварища, съ которымъ могъ бы откровенно объясниться о дѣлѣ, общимъ совѣтомъ составить и обсудить планъ предпріятія, раздѣлить потомъ и всѣ труды по приведенію этого плана въ исполненіе; притомъ онъ считалъ нужнымъ выборъ сдѣлать собственно между иноками, такъ чтобы избранный сотоварищъ сдѣлался вмѣстѣ „евангельскимъ отцемъ" его, потому что и самъ онъ, исходя на подвигъ ради столь великаго по его мнѣнію дѣла, какъ учрежденіе старообрядческой архіерейской каѳедры, намѣренъ былъ отречься отъ міра, принять иноческое постриженіе. Изъ всѣхъ извѣстныхъ ему и уважаемыхъ имъ старообрядческихъ иноковъ онъ остановилъ вниманіе на трехъ—на самомъ игуменѣ лаврентьевскомъ Аркадіѣ, на лаврентьевскомъ же инокѣ Евфросинѣ и еще на инокѣ Серковскаго монастыря Геронтіѣ; а кому изъ нихъ отдать предпочтеніе, это, по принятому имъ въ подобныхъ обстоятельствахъ обычаю, онъ призналъ необходимымъ предоставить рѣшенію жребія, чтобы такимъ образомъ получить наставника и сотрудника, также якобы свыше предуказаннаго. Сотворивъ молитву онъ вынулъ

началось дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры, „*тогда* онъ помяну глаголы Святителя Христова Николы, яже ему глагола, и вѣрова словесамъ святительскаго дѣйства неугасимой благодати, якоже Святитель Христовъ Никола есть, тако все и донынѣ есть" (*Жизнеопис. Павла*).

одинъ изъ нарочито приготовленныхъ жребіевъ,—и это былъ жребій инока Геронтія. [1])

Геронтій, въ мірѣ Герасимъ Исаевъ Колпаковъ, былъ только пятью годами старше Петра Васильева (род. въ 1803 году) и находился въ тѣсной дружбѣ съ нимъ. Отецъ его, помѣщичій крестьянинъ сельца Ермолова (московской губерніи, серпуховскаго уѣзда), умеръ въ самый годъ его рожденія, оставивъ на попеченіе жены двухъ пасынковъ и двухъ собственныхъ ея сыновей. Нужды однакоже семейство не терпѣло, такъ что въ 1819 году въ состояніи было откупиться отъ рекрутской повинности. Колпаковы держались раскола. Младшій изъ братьевъ—Герасимъ, выучившись грамотѣ, получилъ наклонность къ чтенію уважаемыхъ раскольниками книгъ и сочиненій, которое пробудило въ немъ наклонность къ иноческой жизни. Мать не противилась этой его наклонности, и въ 1822 году, достигнувъ только девятнадцатилѣтняго возраста, онъ ушелъ въ Бессарабію, въ находившійся тамъ уединенный монастырь, извѣстный подъ именемъ Серковскаго. [2]) Въ монастырѣ

---

[1]) Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самъ Геронтій: „Долженъ былъ онъ (Павелъ) въ товарищество предпріятія своего изъ иночествующихъ лицъ вѣрнѣйшаго духовнаго наставника и евангельскаго отца избрати себѣ. Онъ имѣлъ въ предметѣ расположенія своего духа на три иночествующихъ лица, первое — на игумена Лаврентьева монастыря инока Аркадія, второе — тогоже монастыря на ползатворника инока Евфросина, третіе — на Серковскаго монастыря инока Геронтія. И тако онъ, сдѣлавъ три жребія, который бы изъ нихъ достойно евангельски руководствовалъ душею и тѣломъ его, и помолився рекъ: Ты, Господи, сердцевѣдче всѣхъ, покажи, его же изъ тріехъ единаго усвоити ми евангельски духовнаго отца и наставника, ему же достойно есть душу и тѣло мое вручити и *открыти все дѣйство предпріятія, на мя возложенное*, сокровенныя тайны святыя церкви твоея. И паде жребій на послѣдняго, Серковскаго монастыря инока Геронтія“ (*Жизнеопис. Павла*).

[2]) Монастырь этотъ находился въ Оргіевскомъ уѣздѣ Бессарабской области; „какъ служившій по своему положенію близь границы постояннымъ пристанищемъ для бродягъ“, онъ взятъ у раскольниковъ и переданъ въ духовное вѣдомство въ 1846 году,— въ то именно время, когда правительству сдѣлались извѣстны подвиги Геронтія, бывшаго серковскаго игумена, по устройству за границей раскольнической архіерейской каѳедры (Варадин. *Ист. мин. Внутр. дѣлъ*, ч. VIII, стр. 452).

юный послушникъ велъ себя прилично,—точно исполнялъ монастырскія правила, былъ усерденъ и свѣдущъ въ отправленіи церковныхъ службъ, и отличался способностью къ хозяйственнымъ занятіямъ. Чрезъ три года по вступленіи въ монастырь, онъ постриженъ въ иноки и названъ Геронтіемъ.[1]) Пользуясь довѣріемъ настоятеля и монастырскаго

---

1) О жизни своей до отъѣзда изъ Серковскаго монастыря въ Бѣлую-криницу самъ Геронтій довольно обстоятельно разсказываетъ въ одной изъ записокъ, составленныхъ въ Шлисельбургской крѣпости, озаглавленной такъ: „1857 года 22 ноября. Истинное показаніе — мѣсторожденіе и ходъ духовнаго подвига священноинока и архимандрита Геронтія.“ Вотъ что именно писалъ онъ: „мѣсторожденіе его бѣ московской губерніи серпуховскаго уѣзда сельца Ермолова, по купчей принадлежаща ея превосходительству Клеопатрѣ Петровнѣ г-жѣ Нащокиной, а по наслѣдству дщери ея Анастасіи Воиновнѣ Окуловой; изъ семейства вдовы Татьяны Прохоровой Колпаковой, имѣвшей дѣтей двоихъ пасынковъ—старшаго Егора Исаева, втораго Андрея Исаева, при семъ и своихъ собственныхъ двухъ сыновъ — старшаго Тихона Исаева, втораго же Герасима Исаева, о немъ же намъ слово предлежитъ, который отъ младенчества своего присно горяй духомъ, ежебы удалитися міра сего суеты и дати себе вѣчно въ работу Богу. Достигше же совершеннаго возраста, родительница же его Татьяна Колпакова, 1819 года, некрутскую очередь отбывше, деньгами своей госпожѣ внесше, готовую квитанцію получи. И тако освободившеся общественной повинности, 1822 года, съ родительскаго дозволенія, съ годовымъ плакатнымъ паспортомъ рѣшительно тронулся итти прямо въ Бессарабію, и достигше Кишиневской губерніи Оргѣевскаго ценута въ Серковскій старовѣрческій уединенный общежительный монастырь, который основанъ бѣ на земли, принадлежащей святымъ аѳонскимъ монастырямъ, гдѣ со всякимъ смиреніемъ, до восшествія на престолъ Его Величества Великаго Государя Царя Николая Павловича, проходя всякіе труды и монастырскія послушанія, 1825 года марта 24 постриженъ бысть въ иночество ангельскаго образа и наименованъ изъ Герасима инокомъ Геронтіемъ, и по милостивѣйшему Его Величества манифесту зачисленъ въ ономъ вышеупомянутомъ монастырѣ съ податнымъ окладомъ въ ревизскую сказку, съ наименованіемъ иноческаго званія“. О родственникахъ своихъ, именно „невѣсткѣ, брата любезной супругѣ Авдотьи Ивановнѣ и племянникахъ — Ѳедорѣ, Егорѣ и Агапѣ Тихоновичахъ“, онъ упоминаетъ еще въ *Жизнеописаніи Павла*, которое, вмѣстѣ съ упомянутымъ *Истиннымъ показаніемъ*, и посвятилъ этимъ родственникамъ. Ср. *Русск. Вѣстн.* т. LXV, стр. 34—36. Здѣсь нѣкоторыя обстоятельства жизни Геронтія изложены не согласно съ собственнымъ его повѣствованіемъ,—такъ напримѣръ говорится, будто Геронтій былъ женатъ и немедленно послѣ женитьбы ушелъ въ монастырь, говорится также о двухъ его постриженіяхъ и самое время послѣдняго (дѣйствительнаго) указано невѣрно.

братства, молодой инокъ, по ихъ порученію, неоднократно ѣздилъ во внутреннія губерніи и до Петербурга для сбора подаяній на монастырь. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, именно около 1830 года, онъ первый разъ познакомился съ Петромъ Великодворскимъ, посѣтивъ его, какъ уже извѣстнаго старообрядческаго начетчика, въ зимогорскомъ его домѣ. Съ первой же встрѣчи между ними завязалась тѣсная пріязнь, такъ что Петръ Васильевъ тогда же оказалъ своему новому знакомцу большое довѣріе, позволивъ ему взять на время какую-то очень дорогую для него вещь, съ которой никогда не раставался. [1]) Вѣроятно, въ теченіе слѣду-

[1]) Вотъ какъ Геронтій въ *Жизнеопис. Павла* разсказываетъ объ этомъ случаѣ при своемъ первомъ съ нимъ знакомствѣ: „Въ первый разъ дяденьки вашего инока Геронтія съ нимъ (Павломъ) знакомства, новый знакомый — дяденька вашъ, увидавъ въ немъ душеполезную для себя вещицу, пожелалъ хотя на время ею воспользоваться. Но она такъ для него дорога, яко аще бы ему выпустити ее изъ своихъ рукъ не менѣе она ему стоила, *какъ бы самовольно прежде времени разлучить душу свою съ тѣломъ*. Обаче онъ не рѣшился новому своему знакомцу въ просьбѣ его отказать, точію едино въ нерѣшимости своей изволилъ ему предложити, рече: аще святителю Христову Николѣ просьба твоя есть благоугодна, съ нимъ и моя воля будетъ согласна; аще ли Святитель Христовъ Никола на просьбу твою желанія не благоволитъ, кромѣ святѣйшей его воли вы мнѣ въ просьбѣ своей болѣе не утруждайте! Потомъ составивъ записочки на два жребія — едино позволяющее дать, другое же возбраняющее давать, — свернувъ же ихъ и положа предъ иконою Святителя Христова Николы, рече своему новому знакомому иноку Геронтію: выбирайте вы себѣ любое, на которое я рѣшился дѣйствовать, — въ вашу ли пользу, или противоположно вашего желанія, я долженъ выполнить мое обязательство. И тако новый его знакомый, перекрестяся съ молитвою, взявъ любимое себѣ отъ десныя страны, еже позволяющее, и далъ е въ разсмотрѣніе Петру Васильевичу. Тогда онъ безъ всякаго отрицанія и безъ отлагательства, вынувъ я изъ своего хранилища, удобно же сложивъ и на столѣ противу иконы Святителя Христова Николы положивъ, знакомцу своему рече: вы не отъ мене, а отъ руку Святителя Христова Николы взимаете сіе съ тѣмъ обязательствомъ, чтобы вы по извлеченіи изъ нея вашего желанія, возвратили ее паки ко мнѣ въ мой домъ. И тако безъ всякаго интереса своего болѣе какъ за двѣ тысящи верстъ отпусти ю, драгоцѣнное же для него, *якобы животъ души и тѣлу его заключаются въ ней*“. Эта драгоцѣнность, по словамъ о. Онуфрія, была не что иное, какъ раскольническій сборникъ какихъ-то выписокъ мистическаго содержанія съ картинками, тоже символическими, — и его-то Павелъ цѣнилъ не менѣе души своей! Черта, не лишенная значенія для его характеристики....

ющихъ трехъ лѣтъ, путешествуя въ качествѣ сборщика, Геронтій еще не разъ видался съ своимъ валдайскимъ пріятелемъ и такимъ образомъ поддерживалась между ними взаимная пріязнь, которую Петръ Васильевъ съ своей стороны цѣнилъ такъ высоко, что избралъ Геронтія, какъ мы видѣли, въ число трехъ лицъ, предназначенныхъ быть его духовными руководителями и сотрудниками въ исканіи архіерейства. Когда жребій палъ именно на Геронтія, Петръ Васильевъ нашелъ себя въ немаломъ затрудненіи, не зная какъ объясниться съ Геронтіемъ по настоящему дѣлу, ибо отдѣленъ былъ отъ него огромнымъ пространствомъ и не видѣлъ возможности ни самъ къ нему ѣхать, ни войти съ нимъ въ письменныя сношенія. [1]) Случилось же, что спустя нѣсколько времени самъ Геронтій пріѣхалъ въ стародубскіе монастыри и нашелъ здѣсь Павла,—обстоятельство, которое, само собою разумѣется, было принято обоими за особенное устроеніе промысла божія...

Въ концѣ 1835 года, въ то самое время, какъ Петръ Васильевъ, принявши предложеніе Громова, занятъ былъ избраніемъ евангельскаго отца и сотрудника въ исканіи архіерейства, Геронтій выѣхалъ изъ Серковскаго монастыря за сборомъ милостыни на обитель. Крайнею цѣлію его путешествія былъ Петербургъ. На пути туда онъ заѣхалъ сначала повидаться съ родными—невѣсткой и племянниками, у которыхъ встрѣтилъ праздникъ Рождества Христова и провелъ святки. [2]) Потомъ, продолжая путь, надумалъ онъ,

---

[1]) „Геронтій не бѣ ту съ нимъ, но въ тысящныхъ верстахъ отъ него въ разстояніи бѣ, и въ такомъ случаѣ кромѣ божественнаго промысла трудно было ему притягнути къ себѣ евангельскаго своего отца, понеже письменнаго сношенія къ нему средства не имѣ, самому же тронуться къ нему, но тамо священниковъ (чтобы постричь его въ иноки) и вблизи нѣту“ (*Жизнеописаніе Павла*).

[2]) Время этого свиданія Геронтій обозначаетъ весьма точно: „Послѣднее съ вами свиданіе дяденьки вашего инока Геронтія было въ исходѣ 1835 года, святками торжественнаго праздника Рождества Христова“ (*Тамъ же*). Гдѣ жили тогда эти его родственники, неизвѣстно; только не на родинѣ: въ *Очеркахъ поповщины* говорится, что, по ревизской сказкѣ 8-й народной переписи, Тихонъ Колпаковъ съ женой Авдотьей и сыновьями находился въ бѣгахъ съ 1827 года. (*Русск. Вѣст.* т. LXV, стр. 35, прим.)

какъ самъ расказываетъ, „по духовной необходимости къ великому посту заѣхати въ стародубскіе монастыри, отъ свѣщеннѣйшихъ рукъ удостоити себе святѣйшихъ божественныхъ таинъ тѣла и крови Христовы“. 8 февраля 1836 года, въ недѣлю сыропустную, онъ прибылъ въ Пахоміевъ монастырь, гдѣ въ это время находился и Петръ Васильевъ. Узнавъ объ этомъ отъ пахоміевскаго настоятеля, Геронтій пожелалъ немедленно увидѣться съ своимъ пріятелемъ,—и вотъ какъ самъ онъ описалъ потомъ это неожиданное свиданіе: „Егда игуменъ онаго (Пахоміева) монастыря показалъ иноку Геронтію Петра Васильевича келію, онъ съ молитвою приступи къ дверемъ келіи его. Каковымъ же невыразимымъ восторгомъ тогда Петръ Васильевичь восхищенъ былъ, егда предъ дверми келіи своея по молитвѣ гласъ его позналъ! Онъ, при аминѣ съ мѣста своего вскочивъ и руками своими сплеснувъ, со удивленіемъ воззва: ахъ, батюшка! это съ неба вы ко мнѣ упали? Я уже болѣе какъ пять мѣсяцей свыше жребіемъ за духовнаго отца васъ себѣ стяжалъ“. [1]) Затѣмъ немедленно повелъ онъ съ Геронтіемъ длинную бесѣду, въ которой съ своимъ обычнымъ краснорѣчіемъ и одушевленіемъ изложилъ ему подробно весь ходъ дѣла о предпринимаемомъ исканіи архіерейства и всѣ тѣ обстоятельства изъ своей жизни, въ которыхъ мечтались ему явные слѣды провидѣнія, якобы указующаго ему высшее предназначеніе—послужить старообрядчеству возстановленіемъ „древлеправославнаго“ епископства; въ заключеніе онъ убѣдительно просилъ Геронтія принять участіе въ этомъ подвигѣ, который и ему—Геронтію якобы очевиднымъ же образомъ предуказуется свыше,—„лучше предпочесть вамъ всеобщую церковную пользу, нежели монастырскія кратковременныя потребы снискивати“. На Геронтія эта бесѣда произвела глубокое впечатлѣніе: поѣздка въ Петербургъ оставлена; Петру Васильеву дано крѣпкое слово—дѣлить съ нимъ всѣ труды и подвиги на пользу „древлеправославной церкви“. И съ этого времени Геронтій дѣйствительно становится его ближайшимъ, неизмѣннымъ

---

1) *Жизнеопис. Павла.*

совѣтникомъ и сотрудникомъ по дѣлу объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры.

VI. Совѣщанія двухъ друзей прежде всего посвящены были вопросу о томъ, какъ и въ какія страны направить имъ стопы свои. Совѣтъ Громова—хранить дѣло въ секретѣ они признали нужнымъ исполнить въ точности: условились никому даже изъ близкихъ людей не сообщать о своихъ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ; въ отклоненіе же всякихъ подозрѣній, не спѣша объѣхать сначала, подъ предлогомъ богомолья, стародубскіе монастыри и потомъ уже отправиться въ дальнѣйшій путь. Куда же отправиться?—вопросъ этотъ рѣшить было труднѣе и въ рѣшеніи его приходилось руководствоваться распространенными у старообрядцевъ сказаніями о странахъ, идѣже обрѣтаются епископы и священство древняго поставленія. Между этими странами первое мѣсто въ старообрядческихъ разсказахъ занимали Персія, Грузія и иныя мѣста по предгоріямъ Арарата, гдѣ якобы съ давнихъ поръ укрываются христіане, неизмѣнно содержащіе старую вѣру, и при нихъ не пріявшіе никоновскихъ новопремѣненій епископы. [1]) Затѣмъ слѣдовали разныя страны въ азіатской и европейской Турціи—за Ливаномъ, въ Сиріи, въ Египтѣ. Къ границамъ Персіи рѣшились прежде всего направить путь свой и Петръ Васильевъ съ Геронтіемъ; [2]) а оттуда, если не обрящутъ искомаго, пуститься и въ дальнѣйшія страны, до Палестины и Египта. Для руководства въ этихъ странствіяхъ у нихъ имѣлись географическія карты и книги, нарочно присланныя Громовымъ изъ Петербурга.

---

[1]) См. *Русск. Вѣст.* т. LXVII, стр. 661—662. Ираклій въ своемъ показаніи говоритъ, что *„по слухамъ,* якобы въ Персіи на рѣкѣ Багдадѣ живутъ русскіе“, онъ съ товарищами отправился туда изъ Цареграда „по берегу Чернаго моря на мелкихъ судахъ, мимо Трапезонда, по направленію къ Анапѣ“ (*Чт. Общ. ист. и др.* 1871 г. ч. IV, отд. V, стр. 184).

[2]) Въ *Сказаніи о первонач. учрежденіи іерархіи* о Павлѣ и Геронтіи говорится, что они *„по слухамъ, будто бы въ закавказскихъ ущельяхъ находятся единовѣрные имъ православные епископы,* прежде обратились въ Грузію“.

Пробывши въ Пахоміевомъ монастырѣ одни только сутки, утромъ въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста Геронтій съ Петромъ Васильевымъ переправились въ Лаврентьевъ, гдѣ всю эту недѣлю посвятили на говѣнье, и въ субботу, какъ повѣствуетъ самъ Геронтій, „съ прочею братіею святыхъ божественныхъ таинъ отъ руку священноинока Іустина получити удостоились". Въ слѣдующій понедѣльникъ, распростившись съ Аркадіемъ, Евфросиномъ и прочимъ лаврентьевскимъ братствомъ, отправились въ путь для посѣщенія прочихъ обителей. Сначала на нѣсколько времени опять заѣхали въ Пахоміевъ монастырь, потомъ въ Свѣцковскій, гдѣ также пробыли нѣсколько дней, затѣмъ прибыли въ Покровскій. Здѣсь отпраздновали крестопоклонную недѣлю, и здѣсь же въ слѣдующій день, въ понедѣльникъ, 1-го марта 1836 года, совершено было постриженіе Петра Васильева въ иноки: постригалъ Покровскаго монастыря священноинокъ Епифаній и при постриженіи изъ Петра нарекъ его Павломъ; при этомъ Геронтій, согласно указанію жребія, принялъ на себя обязанность евангельскаго отца новопостриженному, „И тогоже числа (пишетъ Геронтій), *никому* кромѣ духовнаго своего отца священноинока Епифанія *невѣдомо*, пустились въ предлежащей свой путь." [1])

Съ этого времени и начинаются странствія, труды и подвиги, предпринятыя ради пріобрѣтенія потребныхъ старообрядчеству епископовъ двумя знаменитыми у старообрядцевъ друзьями—Павломъ и Геронтіемъ. Это была дѣйствительно примѣчательная двоица, связанная рѣдкимъ единодушіемъ. При одинаковой ревности о пользахъ старообрядчества, при одинаковой готовности отдать всѣ свои силы на служеніе ему, они различались нѣсколько другъ отъ друга личными свойствами характера, такъ что одинъ своими достоинствами могъ восполнять недостатки другаго. Геронтій, старшій лѣтами и болѣе опытный въ житейскихъ дѣлахъ, своимъ спокойствіемъ, своимъ практическимъ смысломъ въ нѣкоторой степени умѣрялъ слишкомъ пылкіе

---

1) *Жизнеопис. Павла.*

порывы склоннаго къ увлеченіямъ пріятеля; Павелъ жё въ свою очередь никогда не покидавшей его энергіей, горячей вѣрой въ свое высшее предназначеніе и въ успѣхъ предпріятія, могъ возбуждать и поддерживать въ своемъ сотрудникѣ постоянную бодрость духа и готовность на подвиги. Вообще же говоря, инокъ Павелъ, при самомъ глубокомъ уваженіи къ Геронтію, какъ старшему лѣтами и особенно какъ евангельскому отцу, имѣлъ на него преобладающее вліяніе, которому тотъ невольно подчинялся. [1]) И это очень понятно, если взять во вниманіе характеръ Павла, къ этому времени, когда ему исполнилось уже 27 лѣтъ, вполнѣ сложившійся. Тѣ черты его, которыя мы указали выше, теперь выступили во всей полнотѣ и ясности—эта увѣренность въ своемъ чрезвычайномъ призваніи, въ неусыпной бдительности надъ нимъ высшаго руководителя, эта предпріимчивость, смѣло идущая на встрѣчу препятствіямъ, эта непреклонная вѣра въ успѣхъ будтобы свыше указаннаго предпріятія,—черты, вообще свойственныя болѣе или менѣе характеру тѣхъ, нерѣдко являвшихся въ расколѣ энтузіастовъ, которые дѣлались основателями новыхъ сектъ и увлекали за собою цѣлыя толпы слѣпо подчинявшихся имъ темныхъ людей. Эти черты сектаторскаго характера ясно отражались и въ самой наружности Павла,—въ его длинномъ, худощавомъ лицѣ, въ смѣломъ и упорномъ взглядѣ; особенную выразительность его физіономіи придавали именно большіе каріе глаза: это были, по выраженію его

---

[1]) О томъ благоговѣніи, какое Геронтій постоянно питалъ къ Павлу, достаточно свидѣтельствуетъ составленное имъ описаніе павловыхъ нравственныхъ качествъ. Приводимъ его какъ образчикъ того, до какихъ нелѣпыхъ крайностей можетъ доходить поклоненіе раскольниковъ своимъ авторитетамъ. „Отъ дѣтства своего преисполненъ бысть добродѣтельми духовнаго плода, какъ-то любви, мира, страннопріимства, благости, милосердія, вѣры, кротости, воздержанія и духовной ревности; истинный подражатель первобытныхъ праотецъ и отецъ, въ страннопріимствѣ поборникъ есть праотцу нашему Аврааму, вѣрою же сообщникъ есть Моѵсею Боговидцу, по благочестіи же ревностію подражатель есть Иліи небошественнику, нестяжаніемъ же послѣдователь есть Іоанну Крестителю и Предтечи Христову, въ твердости же своего слова тезоименитъ есть верху апостоловъ Петру и Павлу....“ (*Жизнеопис. Павла*)

[illegible] Павелъ же въ [illegible] горячей [illegible] успѣхъ пред- [illegible] въ своемъ со [illegible] на под- [illegible] самомъ глу- [illegible] тьмами и [illegible] преоб- [illegible] являя [1]. И [illegible] характеръ Па- [illegible] уже 27 лѣтъ. [illegible] которыя мы указали [illegible] и [illegible] — эти [illegible] въ неу- [illegible] руководителя, эта [illegible] своимъ, [illegible] выше указан- [illegible] болѣе или [illegible] въ раскодъ [illegible] новыхъ сект [illegible] подчинявшихся [illegible] характера [illegible] Павла, — въ его [illegible] упорномъ взгля- [illegible] физіономіи придавали [illegible] по выраженію его

[illegible] постоянно [illegible] къ Павлу [illegible] правовыхъ прав [illegible] до какихъ [illegible] добродѣтельные [illegible] благости, [illegible] ревности; истинный подви[illegible] странной [illegible] поберивъ [illegible] Моисею Бого[illegible] небесныхъ [illegible] Іоанну Крестителю и Предтечи [illegible] вообразить [illegible] верху апосто[illegible]

Казанск. [illegible]

Къ 109 стр. 1 тома Исторiи Бѣлокриницкой iерархiи.

Печат. позв. Москов. Духовн. Акад. 15 Марта 1873 г.

друга, „быстропронзительныя, яркозрачныя и яко у птичища строфина неморгливыя“ очи. [1])

Существовали уже извѣстные, давно проложенные пути, которыми наши раскольники перебирались за границу. Они лежатъ по близости тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся турецкія, молдавскія и буковинскія раскольничьи селенія. Перейдя въ томъ, или другомъ мѣстѣ, такъ называемую, „сухую“ границу, новые бѣглецы обыкновенно находили себѣ пріютъ въ этихъ заграничныхъ раскольническихъ селеніяхъ. Тѣми же путями шли за границу и странники, отправлявшіеся отъискивать „древлеправославныхъ“ епископовъ: побывши у „своихъ христіянъ“, они обыкновенно направляли путь въ Константинополь и отсюда уже начинали свои странствія по разнымъ мѣстамъ востока. Но Павелъ и Геронтій, познакомясь съ географіями и географическими картами, притомъ же, какъ люди увѣренные въ высшемъ надъ ними покровительствѣ, не особенно заботясь объ огражденіи себя отъ разныхъ затрудненій при переходѣ чрезъ границу, избрали другой, поихъ мнѣнію, болѣе прямой и удобный путь къ предѣламъ Персіи, служившимъ, какъ мы сказали, первоначальною цѣлію ихъ путешествія. Они проѣхали сначала въ Таганрогъ и отсюда Азовскимъ и Чернымъ морями доплыли до береговъ Мингреліи. 6 мая, наканунѣ праздника Вознесенія Господня, они благополучно высадились на берегъ въ редутѣ Кули и черезъ десять дней успѣли добраться до Кутайса. Но здѣсь, къ великому ихъ огорченію, положенъ былъ конецъ ихъ дальнѣйшему пути къ „предгоріямъ Арарата“,—и причиною такой неудачи

[1]) Геронтій оставилъ очень любопытное по своимъ подробностямъ описаніе наружности Павла: „тѣлосложеніе же его: роста малосредняго, тонкотѣлесенъ яко ангелъ, легконосимъ яко единъ отъ пернатыхъ, голова его плосковата и довольно обширно-великовата, лицемъ пригоже-блѣденъ, бѣлогороховаго зерна цвѣта, носа мягкость мало нависша, волосы на главѣ темнобураго цвѣта, густы и довольно длинны, подбородокъ же скудорослъ и бурогречневаго цвѣта, и яко нѣжнымъ прядевцемъ жиденько обложенъ, и едва точію грудей спускъ (охвостіе) его достигаетъ, глаза его темножелтаго цвѣта, быстропронзительны, яркозрачны и яко у птичища строфина неморгливы“ (*Тамъ же*). Описаніе это отличается фотографической вѣрностью, какъ можно судить по прилагаемому здѣсь портрету Павла.

была именно ихъ самонадѣяность, внушенная мечтательною вѣрой въ высшее надъ ними покровительство. Подъ вліяніемъ этой самонадѣянности избравъ новый, неизвѣданный раскольниками путь, они рѣшились еще, какъ только высадились на берегъ, путешествовать въ своихъ иноческихъ одѣяніяхъ,—въ тѣхъ особаго покроя полукруглыхъ камилавкахъ съ вѣнчиками и въ манатейкахъ, которыя старообрядческій инокъ, по уставу, не долженъ никогда снимать. Этимъ „страннообразнымъ", невиданнымъ одѣяніемъ они обратили на себя вниманіе кутайской полиціи, были задержаны и отправлены въ Тифлисъ для личныхъ объясненій съ тогдашнимъ главнокомандующимъ на Кавказѣ барономъ Розеномъ, который прежде всего обратилъ вниманіе также на странную одежду арестованныхъ. Баронъ Розенъ спросилъ ихъ, что они за люди и что на нихъ за странное одѣяніе. На первый вопросъ Павелъ отвѣтилъ, что они „старогреко-россійской церкви иноцы",—товарищъ его „бессарабской области, оргѣевскаго ценута, Серковскаго монастыря инокъ Геронтій", а самъ онъ „валдайскаго уѣзда, изъ общества зимогорскаго яма, Петръ Васильевъ Великодворскій, въ постриженіи инокъ Павелъ"; относительно же одѣянія объяснилъ, что оно есть то самое, какое надлежитъ носить иноку „по древлеправославному образцу", и въ подтвержденіе этаго привелъ генералу нѣсколько свидѣтельствъ изъ памятниковъ древности. Главнокамандующій приказалъ жандармскому полковнику отобрать отъ Павла и Геронтія точныя показанія о всемъ, касающемся ихъ личности, также о цѣли ихъ путешествія, и для повѣрки ихъ показаній войти въ сношенія съ подлежащимъ начальствомъ тѣхъ мѣстъ, жителями которыхъ они себя показали, а ихъ самихъ до полученія нужныхъ справокъ содержать въ тифлисскомъ тюремномъ замкѣ. Болѣе трехъ мѣсяцевъ прошло въ собираніи справокъ, и все это время они сидѣли, по выраженію Геронтія, „подъ замкомъ секретныхъ твердынь". Когда же по справкѣ оказалось, что мѣста жительства арестованные показали правильно, а о цѣли путешествія ни отъ нихъ самихъ, ни отъ мѣстныхъ властей точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній получить не удалось, то баронъ Розенъ причислилъ

Павла и Геронтія къ разряду праздношатающихся и отдалъ приказаніе о водвореніи ихъ на мѣста жительства. 1 октября ихъ освободили изъ крѣпости, а 22 числа того же мѣсяца отправили по назначенію, съ большимъ караваномъ, подъ охраной воинской стражи, чрезъ кавказскія горы на Владикавказъ и Ставрополь. Въ Новочеркасскѣ Геронтій и Павелъ должны были разстаться: одному лежалъ путь прямо на западъ, въ Бессарабію, другому—на сѣверъ, къ новгородскимъ предѣламъ. Такъ неожиданно возвращаясь на родину, инокъ Павелъ утѣшалъ себя покрайней мѣрѣ тѣмъ, что сдержалъ свое „крѣпкое слово",—возвращаясь не по своей доброй волѣ. Это было уже въ январѣ 1837 года. [1])

Первая неудача, испытанная Павломъ и Геронтіемъ на поприщѣ исканія „древлеправославныхъ епископовъ", не охладила ихъ усердія къ этому дѣлу, ихъ готовности на новые подвиги въ томъ же родѣ; но въ тоже время она послужила для инока Павла и нѣкоторымъ урокомъ. Нимало не теряя прежней мечтательной вѣры въ свое мнимо—высшее предназначеніе, оставаясь въ томъ же самообольщеніи относительно ближайшаго надъ нимъ покровительства святителя Николы, теперь однакоже, вразумленный опытомъ, онъ пришелъ къ заключенію, что дѣйствовать такъ прямо и открыто, какъ началъ было дѣйствовать, невозможно, что напротивъ въ отношеніи къ „внѣшнимъ" и вообще къ лицамъ, не посвященнымъ въ его тайну, позволительно и должно употреблять даже кривые пути и дѣйствія, въ тоже время нимало будтобы не измѣняя характеру чрезвычайнаго избранника божія. И онъ дѣйствительно пріобрѣлъ искусство мирить въ своемъ сознаніи совершенно непримиримыя понятія—ложь и обманъ съ ревностью по вѣрѣ и служеніемъ Богу, положивъ въ основу дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій іезуитское правило, что цѣль оправдываетъ средства,—правило, которому давалъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, самое широкое приложеніе.

---

1) Неудачное путешествіе въ Грузію довольно подробно описано Геронтіемъ въ *Жизнеопис. Павла*; согласно съ его расказомъ передаетъ главныя обстоятельства этого путешествія и о. Онуфрій въ своихъ *Запискахъ*.

Надобно полагать, что еще во время заключенія въ Тифлисѣ и на пути оттуда было условлено между двумя друзьями не оставлять начатаго дѣла и, посовѣтовавшись съ петербургскимъ покровителемъ, въ удобное время снова отправиться на поиски „древлеправославныхъ" епископовъ, только уже съ соблюденіемъ необходимыхъ предосторожностей. По водвореніи на прежнихъ мѣстахъ жительства они также время отъ времени переписывались объ этомъ. И какъ только Павлу представилась возможность отлучиться съ родины, не возбуждая подозрѣній ни между своими одновѣрцами, для которыхъ его приключенія въ Тифлисѣ не остались секретомъ, ни въ мѣстномъ начальствѣ, которому эти приключенія были извѣстны изъ офиціальной переписки съ Тифлисомъ, онъ отправился въ Петербургъ для личныхъ совѣщаній съ Громовымъ. Громовъ былъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ смущаться первой неудачей, въ которой много виноваты притомъ сами же путешественники, поступавшіе слишкомъ самонадѣянно, и что въ виду постоянно возрастающихъ строгостей относительно старообрядчества, которыя грозятъ ему бо̀льшими и бо̀льшими затрудненіями въ пріобрѣтеніи священниковъ, необходимо нужно начатое дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры продолжать безотлагательно. Онъ убѣдилъ инока Павла, не теряя времени, ѣхать къ Геронтію въ Серковскій монастырь и оттуда, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, отправиться за границу болѣе безопаснымъ, давно знакомымъ для старообрядцевъ путемъ, на каковое странствіе вручилъ ему потребную и нескудную сумму денегъ, съ новымъ обѣщаніемъ въ случаѣ надобности нещадить никакихъ издержекъ на осуществленіе предпріятія. Павелъ и съ своей стороны не видѣлъ надобности еще откладывать дѣло, и немедленно поѣхалъ въ Бессарабію, въ Серковскій монастырь, въ которомъ Геронтій былъ уже тогда настоятелемъ. Здѣсь они окончательно составили планъ новаго путешествія,—именно рѣшили направить путь сначала въ Буковину чрезъ такъ называемую у раскольниковъ „сухую" австрійскую границу, по общимъ ихъ отзывамъ наиболѣе безопасную отъ надзора пограничной стражи; въ Буковинѣ, чрезъ посредство здѣшнихъ расколь-

никовъ, выправить австрійскіе паспорты и затѣмъ, въ качествѣ австрійскихъ подданныхъ, чрезъ Молдавію и Турцію, отправиться въ дальнѣйшія странствія по Востоку и „во всѣ края вселенныя". [1])

Ранней весной 1839 года Павелъ и Геронтій выѣхали изъ Серковскаго монастыря. Для большаго удобства и въ видахъ экономіи купили себѣ лошадь и повозку, такъ что могли останавливаться когда и гдѣ хотѣли (разумѣется, больше у „своихъ христіянъ"); вообще они старались соблюсти во время этого втораго путешествія и бережливость и всевозможную осторожность, дабы своимъ странствіемъ не возбудить какихъ-нибудь толковъ и подозрѣній. Подъѣзжая къ границѣ, въ раскольническомъ селеніи Грубномъ (подольской губерніи) они взяли провожатаго, хорошо знающаго мѣста, удобныя для проѣзда,—нѣкоего Василія Рябицкаго. Рябицкій, человѣкъ искусный въ своемъ дѣлѣ, безъ всякихъ приключеній провелъ ихъ чрезъ границу и даже проводилъ до главнаго раскольническаго селенія въ Буковинѣ, называемаго Бѣлою-Криницею. Это селеніе и существовавшій тамъ небольшой старообрядческій монастырь, гдѣ Павелъ и Геронтій остановились на время, вскорѣ сдѣлались, неожиданно для нихъ самихъ, главнымъ мѣстомъ ихъ дѣятельности по устроенію старообрядческой архіерейской каѳедры и получили громкую извѣстность въ исторіи раскола.

---

[1]) *Записки* о. Онуфрія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I. Первыя раскольническія поселенія въ австрійскихъ владѣніяхъ. II. Бѣлая-Криница и Бѣлокриницкій монастырь; его первоначальная исторія. III. Общественный и семейный бытъ липованъ; общее число ихъ и состояніе въ началѣ сороковыхъ годовъ. IV. Религіозный бытъ буковинскихъ липованъ. V. Состояніе Бѣлокриницкаго монастыря предъ водвореніемъ здѣсь Павла и Геронтія.

I. Еще при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, особенно же въ правленіе царевны Софьи и при Петрѣ первомъ, раскольники, уходившіе за границу отъ преслѣдованій русскаго правительства, проложили себѣ путь въ Молдавское господарство и мало по малу разселились тамъ по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ. Яссы, столица Молдавіи, сдѣлалась центральнымъ мѣстомъ ихъ жительства, и отсюда почти непрерывной цѣпью тянутся въ большемъ или меньшемъ количествѣ обитаемыя раскольниками селенія вплоть до Галиціи, а отъ Галиціи, съ небольшими перерывами, на сѣверовостокъ до самой Вѣтки. По сосѣдству съ Галиціей молдавскіе раскольники жили въ городѣ Сучавѣ и въ нѣсколькихъ близь лежащихъ селеніяхъ. Когда въ 1777 году, на основаніи мирнаго трактата между Австріей и Турціей, часть округа сучавскаго вошла въ составъ области, извѣстной подъ именемъ Буковины, и включена была въ границы австрійскихъ владѣній, тогда въ число этихъ владѣній поступили и нѣкоторыя молдавскія селенія, обитаемыя отчасти раскольниками. Главнымъ изъ нихъ было селеніе Миттока—Драгомирна, принадлежавшее Драгомирнскому монастырю и болѣе извѣстное у раскольниковъ подъ именемъ

Соколинцевъ. Жившія здѣсь немногочисленныя раскольническія семейства и были первые, явившіеся въ австрійскихъ владѣніяхъ русскіе раскольники. [1]) Такимъ образомъ первое появленіе раскольниковъ въ Австріи, и именно въ Буковинѣ, гдѣ только и находятся ихъ поселенія, современно самому присоединенію этой области къ австрійскимъ владѣніямъ.

Въ Молдавіи всѣмъ вообще раскольникамъ усвоено издавна названіе *липованъ*: [2]) это есть, какъ надобно полагать, испорченное названіе *филиппонъ*, принадлежавшее собственно раскольникамъ филипова согласія, которые, можетъ-быть, прежде другихъ старообрядцевъ пришли изъ Россіи въ Молдавію. [3]) Подъ тѣмъ же названіемъ липованъ стали извѣст-

[1]) По свидѣтельству іеромонаха Филарета, бывшаго архидіакона Бѣлокриницкой митрополіи, и другихъ лицъ, долго жившихъ въ Буковинѣ, у здѣшнихъ старообрядцевъ доселѣ существуетъ преданіе, что Миттока-Драгомирна, или Соколинцы, древнѣйшее изъ существующихъ въ Буковинѣ раскольническихъ селеній и что кромѣ Соколинцевъ раскольники издавна жили еще, по два по три семейства, въ селеніяхъ Комаровкѣ (здѣсь жили безпоповцы), Петроуцахъ (близъ Сучавы), Кучуровѣ (близъ Черновцевъ) и Липовцахъ (*Запис.* о. Филарета). Надеждинъ въ своей запискѣ *о заграничныхъ раскольникахъ* также замѣчаетъ, что у раскольниковъ, живущихъ въ Миттокѣ-Драгомирнѣ сохранилось преданіе, что предки ихъ поселились въ этомъ мѣстѣ гораздо ранѣе того времени, когда Буковина сдѣлалась австрійскою областью (см. Кельсіева *Сборн. свѣд. о раск.* ч. 1. стр. 85—86). Что въ Буковинѣ, близь Сучавы, и ранѣе 1783 года жили раскольники, объ этомъ находимъ свидѣтельства въ нѣкоторыхъ офиціальныхъ документахъ. Напримѣръ въ грамотѣ, выданной липованамъ изъ черновицкаго областнаго правленія 31 октября 1783 года, говорится о двухъ липованскихъ обществахъ живущихъ уже въ сучавскомъ дистриктѣ. Въ рапортѣ сучавскаго директора Шторра въ Черновцы, отъ 19 января 1784, упоминаются также hier im District bereits schon wohnhaften Lippowaner Familien (оба документа въ *Бѣлокр. арх.*). Аѳимъ, раскольническій епископъ, въ донесеніи ясскому митрополиту Іакову, отъ 30 іюня 1756 года, также упоминаетъ о раскольникахъ, живущихъ „на Соколинцахъ и на прочихъ слободахъ", подвѣдомыхъ митрополиту (*Очерки поповщ.* стр. 240).

[2]) Въ упомянутомъ донесеніи Аѳима митрополиту Іакову молдавскіе раскольники называются уже *липованами*. (Тамъ же стр. 238; сн. стр. 208—209).

[3]) У буковинскихъ липованъ есть мнѣніе, что названіе это происходитъ отъ селенія Липовцы, гдѣ, какъ сказано выше, жили издавна нѣкоторые изъ старообрядцевъ. Они, говорятъ, получили, по мѣсту ихъ жительства, названіе липовцевъ: это названіе и искажено потомъ въ названіе липованъ

8*

ны и въ Австріи бывшіе молдавскіе старообрядцы съ самыхъ первыхъ лѣтъ, какъ поступили подъ власть австрійскаго правительства.

Молдавскіе липоване, несмотря на это названіе, всѣ почти принадлежали къ вѣтковскому согласію и находились въ сношеніяхъ съ Вѣткой: первые пріобрѣтенные Австріей липоване держались также бѣглопоповства; они имѣли даже своего священника.[1])

Положеніе этихъ первыхъ липованскихъ семействъ въ Австріи было сначала незавидно: они не только не имѣли какихъ-либо особенныхъ правъ и преимуществъ въ сравненіи съ прочими жителями Буковины, но даже стѣснены были въ свободномъ отправленіи богослуженія и церковныхъ требъ по своему обряду, такъ что находившійся у нихъ бѣглый священникъ принужденъ былъ уйти назадъ въ Молдавію.[2]) Но съ 1783 года, благодаря счастливому случаю, въ положеніи австрійскихъ липованъ послѣдовала рѣшительная перемѣна къ лучшему, и самое число раскольниковъ въ Буковинѣ увеличилось въ значительной степени. Вотъ какъ описываютъ этотъ достопамятный для нихъ случай сами буковинскіе старообрядцы по сохранившимся у нихъ устнымъ преданіямъ. Однажды нѣсколько старообряд-

---

(Зап. о. Филарета). Но такого объясненія правильнымъ признать нельзя уже и потому только, что названіе *липованъ* не могло бы распространиться на всѣхъ вообще раскольниковъ, въ значительномъ количествѣ разселившихся по Молдавіи, еслибы оно происходило отъ незначительнаго селенія, гдѣ жили двѣ—три раскольническія семьи, хотя бы это были даже первые, явившіеся тамъ раскольники; напротивъ гораздо вѣроятнѣе, что первые раскольники, поселившіеся въ разныхъ мѣстахъ Молдавіи, были послѣдователи филипова толка — филиппоны (какъ и въ Пруссіи, гдѣ раскольники доселѣ называются филиппонами), и что названіе это, искаженное въ названіе липованъ, усвоялось потомъ всѣмъ раскольникамъ, приходившимъ въ Молдавію, хотя они были и не филипова толка. Отъ филиппоновъ производилъ названіе липованъ и инокъ Павелъ: объ этомъ онъ рѣшительно говоритъ въ „промеморіи“, поданной графу Инцаги въ 1844 г. (*Бѣлокр. арх.*).

[1]) Въ рапортѣ директора Шторра отъ 19 янв. 1784 г. упоминается von vorher schon in Bukowina gesessenen Lippowaner Popp. (Тамъ же).

[2]) Объ отъѣздѣ его изъ Буковины обратно въ Молдавію есть извѣстіе въ томъ же документѣ.

цевъ изъ числа живущихъ при устьяхъ Дуная, въ такъ-называемой Добруджѣ, занимаясь ловлей рыбы, увидѣли, что какого-то, на ихъ взглядъ странно одѣтаго, но, какъ могли они примѣтить, благороднаго господина преслѣдуютъ разбойники и совсѣмъ почти настигли. Рыболовы бросились къ нему на помощь и успѣли его спасти. Тогда этотъ господинъ предложилъ имъ просить какой угодно награды за оказанную ему услугу. Старообрядцы отвѣчали, что никакой награды не желаютъ, что освободивъ его, они только исполнили долгъ христіанскаго закона. Послѣ новыхъ напрасныхъ убѣжденій принять какое-нибудь вознагражденіе, странно одѣтый господинъ сказалъ имъ, что онъ изъ города Вѣны, чиновникъ австрійскаго императора, и что если они ничего не хотятъ принять отъ него лично, то не пожелаютъ ли по крайней мѣрѣ о чемъ-нибудь попросить самого императора, предъ которымъ онъ готовъ за нихъ ходатайствовать. Изъ этихъ словъ, да и по самому его „обхожденію", рыболовы поняли, что это долженъ быть „чиновникъ высокаго сана", и потому его покровительство при случаѣ можетъ быть очень полезно: они отвѣтили, что о предложеніи его скажутъ своимъ обществамъ. Высокосановный чиновникъ далъ имъ записку съ означеніемъ своего имени и наставленіемъ, какъ поступить, если представится въ немъ надобность. Затѣмъ, поблагодаривъ ихъ еще разъ, отправился въ свой путь. [1]) Быть-можетъ въ этомъ разсказѣ част-

---

[1]) Такъ излагаетъ эту исторію, „по устному повѣтствованію старѣйшинъ", инокъ Павелъ въ *Уставѣ Бѣлокрыницкаго монастыря* (гл. II, § I. а). Онъ же разсказываетъ ее и въ другомъ своемъ сочиненіи, *Церковной исторіи*, но менѣе подробно: здѣсь о разбойникахъ не упоминается, а сказано только, что старообрядцы „имѣли случай спасти отъ смертоубійства турокъ австрійскаго двора чиновника", который нѣсколько ниже названъ „австрійскаго двора посланникомъ" (стр. 169). А въ одной старообрядческой рукописи говорится, что это былъ родственникъ австрійскаго императора, попавшій въ руки разбойниковъ, что корабль, съ которымъ онъ плылъ, потерпѣлъ въ Черномъ морѣ крушеніе, и онъ уже погибалъ, когда явились на помощь ему старообрядцы. (*Сбор.* Кельсіева, ч. I, стр. 155). Исторію австрійскаго чиновника передаетъ и Надеждинъ, также со словъ буковинскихъ старообрядцевъ, но опять въ иномъ видѣ: „поводомъ къ переселенію липованъ была, говорятъ, услуга оказанная ими на Дунаѣ одному изъ важныхъ импер-

ныя обстоятельства событія переданы несовсѣмъ вѣрно; но самый фактъ, что придунайскіе раскольники оказали важную услугу одному изъ приближенныхъ лицъ австрійскаго императора и что въ благодарность за такую услугу имъ была обѣщана сильная протекція,—этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ видно изъ дальнѣйшихъ событій, подтверждаемыхъ достовѣрными офиціальными извѣстіями.

Предложеніе австрійскаго сановника добруджинскіе рыболовы не преминули сообщить своимъ односельчанамъ, какъ только возвратились съ рыбной ловли, а тѣ, по сказанію липованскаго повѣствователя, „немедленно" собрались на совѣтъ и „единодушно заключили: просить отъ его величества, австрійскаго императора, всемилостивѣйшее благо-

---

скихъ генераловъ, *во время военныхъ дѣйствій Австрійцевъ съ Турками*; Турки, къ которымъ этотъ генералъ попалъ въ плѣнъ, сбирались будто бы утопить его въ Дунаѣ, и дѣйствительно утопили бы, еслибы не подоспѣли и не выручили жившіе въ сосѣдствѣ раскольники; въ благодарность за то генералъ, согласно просьбамъ своихъ спасителей, *выхлопоталъ для ихъ единовѣрцевъ въ Буковинѣ, отошедшей вслѣдъ за тѣмъ къ Австріи*, весьма важныя привилегіи, *для пользованія которыми они не замедлили и сами къ нимъ присоединиться*. (Тамъ же стр. 86. Здѣсь, очевидно, перепутаны время и обстоятельства событія.) Наконецъ, ту же исторію, также со словъ липованскихъ старожиловъ, и опять въ совершенно новой редакціи, излагаетъ игуменъ Парѳеній въ *Книгѣ о промыслѣ*: „Случилось, что австрійскій императоръ послалъ *одного изъ министровъ* своихъ съ чиновниками промѣрять Дунай отъ самой Вѣны до Чернаго моря и узнать его глубину и весь описать. Турки изъ крѣпостей замѣтили Нѣмцевъ и послали за ними погоню. Нѣмцы же, видя свою бѣду, что ихъ преслѣдуютъ, бросились къ рыбакамъ и спросили: какіе вы люди? Тѣ отвѣтили: мы Русскіе и христіане. Нѣмцы же начали ихъ просить, чтобы ихъ укрыли отъ Турокъ" и проч. (см. стр. 194—195). Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ, записанныхъ со словъ самихъ липованскихъ старожиловъ и столь несогласныхъ между собою въ изложеніи частныхъ обстоятельствъ событія, мы отдаемъ предпочтеніе разсказу инока Павла, такъ какъ онъ имѣлъ возможность передать гораздо точнѣе, нежели другіе, сохранившееся у липованъ преданіе, и именно той редакціи разсказа, которая находится въ *Бѣлокриницкомъ уставѣ*, какъ редакціи болѣе полной. Въ *Исторіи* своей инокъ Павелъ выражаетъ между прочимъ справедливое сожалѣніе, что „по простотѣ народа" имя спасеннаго липованами чиновника не сохранилось въ памяти. Имя его, если только оно принадлежитъ къ числу историческихъ, дѣйствительно, дало бы ключъ къ разъясненію этого, довольно темнаго событія.

воленіе на свободное въ австрійскихъ предѣлахъ пребываніе, съ наблюденіемъ въ точности древлегреческаго христіянскаго закона и совершенной вольности своему духовенству". Въ такомъ смыслѣ составили „всепокорнѣйшее прошеніе", выбрали изъ своей среды „двухъ изрядныхъ депутатовъ, именно Александра Алексѣева и Никифора Иларіонова", и послали ихъ „съ тѣмъ всепокорнѣйшимъ прошеніемъ въ столицу Вѣну". Здѣсь, „по неложному обѣщанію и сильному ходатайству онаго великаго чиновника", все было сдѣлано согласно ихъ желанію.[1]) 9-го октября 1783 года собственноручно подписана императоромъ Іосифомъ II и вручена имъ грамота слѣдующаго содержанія:

„Мы, Іосифъ вторый, Божіею милостію избранный императоръ римскій и пр.

„Такъ какъ въ нашъ столичный городъ Вѣну пришли отъ живущихъ при Черномъ морѣ старовѣрческихъ обществъ (altgläubigen Gemeinden) два депутата, по имени Александръ Алексѣевъ и Никифоръ Иларіоновъ, и по порученію сихъ обществъ обратились къ намъ съ просьбою, чтобъ имъ позволено было переселиться въ наши земли съ ихъ семействами и имуществомъ:

„то мы, находясь въ увѣренности, что помянутыя общества, по прибытіи на будущія мѣста ихъ жительства въ нашихъ земляхъ, во всемъ (in allen Stücken) будутъ поступать такъ же, какъ и прочіе наши вѣрные подданные, посредствомъ настоящей утвержденной нами грамоты (Patents) даемъ вышеозначеннымъ депутатамъ и чрезъ нихъ имѣющимъ переселиться обществамъ слѣдующее увѣреніе:

„1) Дозволяемъ мы совершенно свободное отправленіе религіозныхъ дѣйствій (freie Religions-Exercitium) имъ, всѣмъ ихъ дѣтямъ и потомкамъ (Kindeskindern), вмѣстѣ съ ихъ духовенствомъ.

„2) Оставляемъ мы ихъ и ихъ дѣтей совершенно свободными отъ всякихъ сборовъ и податей въ продолженіе 20 лѣтъ со времени ихъ поселенія.

---

[1]) *Уставъ Бѣлокр. мон.* Въ *Исторіи* инока Павла говорится, что и самую мысль о переселеніи въ Австрію подалъ липованамъ тотъ же спасенный ими австрійскій вельможа (стр. 170).

„3) Предоставляемъ мы имъ освобожденіе отъ военной службы (Militaerstande)

„4) По истеченіи 20 лѣтъ мы имъ назначимъ подати, соотвѣтственно ихъ имуществамъ и какія платятъ прочіе наши подданные одинаковаго съ ними состоянія." [1])

По смыслу этой императорской грамоты, изложенныя въ ней права и привилегіи принадлежали собственно тѣмъ обществамъ жившихъ при Черномъ морѣ старообрядцевъ, отъ которыхъ были присланы въ Вѣну депутаты. При Черномъ морѣ, или, точнѣе, на мѣстѣ впаденія Дуная въ Черное море, въ такъ называемой Добруджѣ, и тогда уже были поселенія казаковъ-раскольниковъ изъ дружины Некрасова, извѣстныхъ подъ именемъ некрасовцевъ, или игнатъ-казаковъ. Можно бы поэтому предполагать, что и депутаты ѣздившіе въ Вѣну принадлежали къ некрасовскимъ обществамъ. Но, съ другой стороны, представляется невѣроятнымъ, чтобы некрасовцы, положеніе которыхъ подъ властію султана было хорошо обезпечено, рѣшились искать счастія въ новомъ переселеніи подъ господство нѣмецкаго государя: въ Турціи они пользовались также совершенною свободой въ исповѣданіи своей „старой вѣры", кромѣ того еще своимъ собственнымъ казацкимъ судомъ и многими другими правами; а хлопотать о полномъ освобожденіи отъ военной службы было даже не въ характерѣ некрасовцевъ, которые и въ договорѣ съ турецкимъ правительствомъ условіемъ съ своей стороны поставили—во время войны снаряжать изъ молодыхъ людей казацкое войско на службу султану,—да и вообще австрійскіе липоване въ своемъ характерѣ представляютъ мало родственнаго съ добруджинскими раскольниками. Есть, наконецъ, нѣкоторыя положительныя данныя утверждать, что придунайскія старообрядческія общества, хлопотавшія о переселеніи въ австрійскую имперію, были не изъ числа некрасовскихъ. Однимъ изъ депутатовъ,

---

[1]) Грамота писана на пергаментѣ, въ два столбца,—на одномъ понѣмецки, на другомъ—по-русски. Оба текста приведены въ *Уставѣ Бѣлокрыницкаго монастыря* (гл. II, 1.); русскій напечатанъ также въ *Церковной исторіи* инока Павла (стр. 171—174).

ѣздившихъ въ Вѣну, названъ въ императорской грамотѣ Никифоръ Иларіоновъ; а во главѣ переселившихся потомъ въ Буковину дунайскихъ старообрядцевъ, ихъ предводителемъ и старшиною (Aeltester der Lippowaner) офиціально признанъ былъ Иларіонъ Петровичъ (Petrowitz). Но Иларіонъ Петровичъ, по прозванью „Коровьи-ножки“, и Никифоръ Иларіоновъ—личности не безъизвѣстныя въ исторіи раскола: они признаются основателями такъ-называемой секты чернобольцевъ. По существующимъ, очень скуднымъ впрочемъ извѣстіямъ объ этой сектѣ, [1]) стародубскіе жители Иларіонъ Петровъ и Никифоръ Иларіоновъ (вѣтковскій выходецъ) отдѣлились отъ старообрядцевъ (слобожанъ), которыхъ заподозрили въ ереси и развращеніи нравовъ, за ихъ близкія сношенія съ православными, установившіяся послѣ второй вѣтковской „выгонки“, когда въ Стародубье переселились главные представители вѣтковскаго согласія; сами же проповѣдывали ученіе, носившее безпоповскій отпечатокъ,—такъ между прочимъ они отвергали молитву за царей по той формѣ, какая разослана была отъ правительства въ стародубскія слободы, не дозволяли поступленія въ военную службу и вообще отправленія какихъ бы то ни было государственныхъ должностей, воспрещали принимать присягу и имѣть паспорты, проповѣдывали близкое наступленіе кончины міра и т. п.; бѣглопоповства въ сущности они не отвергали; но къ самымъ бѣглымъ попамъ, со времени паденія Вѣтки и заподозрѣннаго ими развращенія слободъ, относились съ крайнимъ пренебреженіемъ и смотрѣли на нихъ подозрительно. Сохранилось преданіе, что самъ Иларіонъ-Коровьи-ножки присвоилъ себѣ какую то высшую духовную власть, такъ что нѣкоторые почитали его за епископа [2]) Отдѣлившись отъ слобожанъ, Иларіонъ Петровъ и

---

[1]) Свѣдѣнія о чернобольцахъ находимъ у Андрея Іоаннова. (*Полн. истор. изв.* IV, стр. 61—64) и у игумена Пареенія въ *Книгѣ о промыслѣ* (стр. 193).

[2]) *Кн. о пром.* стр. 198—199. Андрей Іоанновъ описываетъ Иларіона Петрова, какъ человѣка невѣжественнаго и дерзкаго, доходившаго до крайняго кощунства (стр. 62—63); а игуменъ Парееній, на основаніи разсказовъ, слышанныхъ отъ людей лично знавшихъ Иларіона, называетъ его человѣкомъ разсудительнымъ, понимавшимъ неправильность не только бѣглопопов-

Никифоръ Иларіоновъ съ своими учениками ушли изъ Стародубья за тогдашнюю польскую границу, въ мѣстечко Черноболь, принадлежавшее пану Хаткевичу: здѣсь они устроили часовню и монастырь. Это было около 1775 года.[1]) Въ Черноболѣ имъ пришлось пожить недолго, и вѣроятно изъ страха предъ русскимъ правительствомъ, распоряжавшимся тогда судьбами Польши, они переселились во владѣнія турецкаго султана, къ устьямъ Дуная, гдѣ основали общество, отдѣльное отъ некрасовцевъ.[2]) Изъ этого общества и были тѣ рыболовы, которымъ удалось спасти отъ погибели австрійскаго сановника, и ему-то собственно предоставлены были грамотой Іосифа II указанныя выше права и преимущества.[3])

Но прежде нежели придунайскіе чернобольцы успѣли воспользоваться этими правами, онѣ, во всемъ ихъ объемѣ, распространены были на тѣхъ, жившихъ близь Сучавы старообрядцевъ, которые съ 1777 года состояли уже въ

ства, но и вообще старообрядчества (стр. 193, 199—200). Если это послѣднее извѣстіе можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ самъ же игуменъ Пареѳній называетъ Иларіона „закоснѣлымъ раскольникомъ“, то съ другой стороны уже самое положеніе его въ средѣ старообрядцевъ, переселившихся въ Австрію, извѣстное изъ источниковъ вполнѣ достовѣрныхъ, показываетъ въ немъ человѣка дѣйствительно умнаго и способнаго имѣть вліяніе на другихъ.

[1]) У Андрея Іоаннова сказано, что они „въ 1775 году *выдумали* свою секту“. Такъ точно опредѣлить время, когда „выдумана“ какая-либо секта, разумѣется, нельзя, и авторъ, конечно, разумѣетъ здѣсь время, когда чернобольцы рѣшились отдѣлиться отъ слобожанъ, оставить Стародубье.

[2]) О переселеніи чернобольцевъ въ Добруджу Андрей Іоанновъ совсѣмъ не упоминаетъ; но ему уже было извѣстно, что Иларіонъ Петровъ „уплелся въ нѣмецкую землю, гдѣ поселился въ нѣкоторой слободѣ“: это писалъ Андрей Іоанновъ спустя не болѣе 10 лѣтъ по переселеніи Иларіона въ Буковину (первое изд. *Истор. извѣстія* было въ 1793 году). А игуменъ Пареѳній положительно говоритъ, что Иларіонъ Петровичъ со своими единомысленными удалился (изъ Черноболя) въ Турцію на Дунай, *но съ некрасовцами не соединился*, а построилъ свою деревню на Георгіевскомъ гирлѣ, и стали они заниматься рыболовствомъ на устьяхъ Дуная“ (стр. 194).

[3]) Въ одной оффиціальной бумагѣ 1791 года (донес. буковин. крайзамта во Львовъ, отъ 8 августа, № 2.600) общество липованъ просившихъ о переселеніи съ Чернаго моря опредѣляется въ двадцать съ небольшимъ семействъ: als die etliche und zwanzig Lippowaner vom Schwarzen Meere hier im Jahre 1783 die Ansiedlungs-Erlaubniss erhielten...

австрійскомъ подданствѣ, а равно и на всѣхъ липованъ, которые пожелали бы перейти *изъ-за молдавской* границы подъ владычество Австріи. Надобно полагать, что депутаты чернобольцевъ, проѣзжая въ Вѣну, не преминули посѣтить сучавскихъ раскольниковъ, не только какъ своихъ единовѣрцевъ, [1]) но и съ тою цѣлію, чтобы получить отъ нихъ нужныя свѣдѣнія объ австрійскомъ правительствѣ, его отношеніяхъ къ старообрядцамъ, о мѣстахъ, гдѣ можно будетъ поселиться въ случаѣ успѣха ихъ просьбы. На возвратномъ пути, съ драгоцѣнною грамотой въ рукахъ, они имѣли тѣмъ больше побужденій заѣхать къ сучавскимъ раскольникамъ, близко заинтересованнымъ ихъ дѣломъ, чтобы сообщить о счастливомъ его исходѣ. Тогда эти послѣдніе, опираясь на данныя теперь придунайскимъ старообрядцамъ привилегіи, немедленно обратились къ правительству съ просьбою, чтобъ эти привилегіи были и имъ предоставлены, потому что они держатся одного закона съ получившими привилегіи; причемъ поставили правительству на видъ, что распространеніе изложенныхъ въ высочайшей грамотѣ правъ и преимуществъ на всѣхъ живущихъ въ Австріи старообрядцевъ будетъ имѣть вліяніе и на сосѣднихъ молдавскихъ липованъ, побудитъ ихъ также искать австрійскаго подданства. Правительство не нашло никакихъ препятствій къ удовлетворенію этой просьбы, тѣмъ болѣе, что умноженіе народонаселенія посредствомъ новыхъ выходцевъ изъ Молдавіи вполнѣ согласовалось съ его желаніями. Не прошло и мѣсяца со времени полученія депутатами придунайскихъ старообрядцевъ императорской гратоты, какъ послѣдовало „отъ всевысочайшихъ мѣстъ" распоряженіе: объявить сучавскимъ липованамъ, что имъ также предоставляется право имѣть одного попа „ихъ націи", для безпрепятственнаго и свободнаго „въ цѣломъ буковинскомъ дистриктѣ совершенія ихъ обыкновенныхъ божественныхъ службъ", а также право пользоваться „увольненіемъ отъ воинскаго стану". 31-го октября 1783 года, изъ черновицкаго областнаго правленія,

[1]) По словамъ Андрея Іоаннова, у чернобольцевъ было много послѣдователей въ Волошинѣ (IV, 62).

чрезъ буковинскаго крайскоммиссара, была имъ выдана грамота о дарованіи этихъ правъ, съ объясненіемъ, что грамота сія дается имъ въ свидѣтельство и удостовѣреніе дѣйствительнаго пріобрѣтенія ими упомянутыхъ правъ и „къ убѣжденію ихъ за границею живущихъ единовѣрцевъ, что и имъ даны будутъ, въ случаѣ ихъ переселенія, такія же выгоды и преимущества“ [1]).

Относительно дозволеннаго священника правительство предоставляло липованамъ свободу: возвратить ли изъ Молдавіи прежде бывшаго у нихъ попа, или вызвать откуда-нибудь другаго (von auswärts kommen zu lassen), или даже вновь поставить кого-либо изъ своей націи въ попы (einen Poppen von ihrer Nation zu bestellen). Объ этомъ состоялось 26 го ноября того же года высочайшее распоряженіе. Предоставляя липовинамъ между прочимъ право поставить въ попы кого-либо изъ своей среды, высочайшій „президіумъ“ показалъ уже довольно ясно, что не имѣетъ надлежащаго понятія о липованской религіи и іерархіи; еще яснѣе выразилось это незнаніе въ другомъ, тогда же послѣдовавшемъ распоряженіи, именно—чтобы дозволенный липованамъ попъ, „какъ и прочіе попы той области, подлежалъ вѣдѣнію буковинскаго епископа и карловицкаго митрополита“. [2]). Подчиняя липованскихъ поповъ вѣдѣнію высшихъ представителей православной іерархіи въ австрійскихъ владѣніяхъ наравнѣ съ прочими попами, правительство, очевидно, смѣшивало ихъ съ духовенствомъ православнымъ, и самихъ липованъ не отличало по религіи отъ русиновъ, молдовалаховъ и другихъ австрійскихъ подданныхъ православнаго исповѣданія. 15-го января 1784 года, изъ черновицкаго областнаго управленія это „высочайшее президіальное предписаніе“ получено было сучавскимъ директоромъ Шторромъ и отъ него въ копіи сообщено липованамъ, которые тогда вошли уже въ сношенія со своими молдавскими одновѣрцами по дѣлу объ ихъ

---

1) Грамот. отъ 31 октября 1783 года. Въ *Бѣлокр. арх.*

2) Musste dieser ihr Popp, so wie alle übrigen Poppen hier im Lande, dem Bukowinaer Herrn Bischofe und respective Carlowitzer Mitropoliten unterstellen.

переселеніи въ Австрію, ради предоставленныхъ старообрядцамъ отъ австрійскаго правительства „выгодъ и преимуществъ“. Понятно, съ какимъ изумленіемъ принято было липованами это распоряженіе о подчиненіи православнымъ архіереямъ ихъ попа, котораго имъ дозволено имѣть „для безпрепятственнаго и свободнаго совершенія ихъ обыкновенныхъ божественныхъ службъ“. Они объявили сучавскому директору, что на основаніи прежде полученной ими удостовѣрительной грамоты не могли и помыслить, чтобы попы ихъ должны были состоять въ зависимости отъ буковинскаго епископа и карловицкаго митрополита, что допустить такое подчиненіе они никакъ не могутъ, и что никто изъ молдавскихъ липованъ, при такомъ стѣсненіи ихъ духовенства, перейти на жительство въ Австрію не рѣшится. Это сказано было такъ прямо и рѣшительно, что сучавскій директоръ, „въ устраненіе всякихъ со стороны липованъ подозрѣній“, призналъ за лучшее взять обратно встревожившее ихъ предписаніе „высочайшаго президіума“ и не настаивать на точномъ его исполненіи. Въ объясненіе этого отступленія своего отъ распоряженій высшей власти, онъ писалъ черновицкому областному начальнику, что такъ необходимо было поступить, дабы не воспрепятствовать переселенію „заграничныхъ липованскихъ фамилій“, о чемъ буковинскіе липоване „обязались стараться не щадя трудовъ“. [1])

Между тѣмъ начались и переселенія старообрядцевъ. Въ теченіе зимы 1783 года изъ Молдавіи пришло семь липованскихъ семействъ; а съ Чернаго моря переселилось десять семействъ, и кромѣ того пять иноковъ (Kaluger) и трое „бурлаковъ или холостыхъ молодцевъ“ (Purlaken, oder ledige Bursche). [2]). Эти переселенцы съ Чернаго моря, наравнѣ съ молдавскими, тогда же получили названіе липованъ, сдѣлавшееся съ этого времени общимъ для всѣхъ старообрядцевъ въ Австріи.

---

[1]) Донесеніе директ. Шторра въ Черновцы, отъ 19 января 1784 года, за № 154. (*Бѣлокр. арх.*)

[2]) То-есть безсемейныхъ, бобылей. „Бурлакъ (южн.)—холостой, одинокій, бездомокъ, шатунъ, побродяга.“ (Даля, *Толк. слов.*).

II. Молдавскіе выходцы немедленно избрали себѣ мѣста для поселенія,—именно: шесть семействъ поселились въ „Митку-Драгомирнскомъ“ (zu Mittoka—Dragomirna) и одно въ Климоуцахъ. Селеніе Миттока-Драгомирна, или Соколинцы, получившее еще названіе *Липовени*, потому, конечно, избрано ими предпочтительно предъ всѣми другими, что здѣсь уже имѣли жительство ихъ одновѣрцы.

Не такъ скоро избрали себѣ мѣсто для постояннаго жительства прибывшіе съ Чернаго моря раскольники. Подъ руководствомъ самого Иларіона Петровича, своего „старѣйшины“, эти переселенцы, состоявшіе, какъ сказано выше, изъ десяти семействъ, явились первоначально въ сучавскій же округъ, и именно въ самый городъ Сучаву. Мѣстный директоръ немедленно распорядился, чтобъ они, до тѣхъ поръ пока выберутъ мѣсто для заведенія новаго, отдѣльнаго селенія, размѣстились на жительство по окрестнымъ деревнямъ. Но старообрядцы объявили, что къ пріисканію мѣста для жительства они могутъ приступить не ранѣе весны, когда прибудутъ къ нимъ еще нѣсколько семействъ, которыя должны принять участіе въ этомъ общемъ ихъ дѣлѣ; зиму же просили дозволенія прожить въ городѣ, такъ какъ здѣсь, живя всѣ въ одномъ мѣстѣ, могутъ найти себѣ пропитаніе гораздо легче, нежели размѣстившись по деревнямъ, что̀ и было имъ дозволено. Итакъ, первую зиму по пріѣздѣ изъ Турціи они прожили въ городѣ Сучавѣ. При наступленіи весны, директоръ Шторръ не преминулъ напомнить имъ о скорѣйшемъ пріисканіи мѣстъ для постояннаго жительства; но старообрядцы не желали спѣшить,—они отвѣтили, что дожидаются игумена, который долженъ прибыть въ самомъ непродолжительномъ времени, и когда онъ пріѣдетъ, немедленно займутся пріисканіемъ мѣста, удобнаго для поселенія. Совѣтъ и благословеніе игумена, быть-можетъ, они считали дѣйствительно необходимыми въ столь важномъ для нихъ дѣлѣ, какъ выборъ мѣста для осѣдлой жизни, гдѣ предполагалось притомъ основать и монастырь. Но такъ какъ игуменъ все еще медлилъ прибытіемъ, а правительство не прекращало настаивать на скорѣйшемъ выѣздѣ старообрядцевъ изъ Сучавы, то въ исходѣ апрѣля 1784 года они рѣ-

шились наконецъ приступить къ осмотру удобныхъ для ихъ поселенія мѣстъ. Ихъ вниманіе обращено было главнымъ образомъ на двѣ мѣстности — принадлежавшее Драгомирнскому монастырю урочище Корчешти и урочище Варница, принадлежавшее монастырю Путнѣ (Putna). Директоръ Шторръ донесъ объ этомъ, для зависящихъ распоряженій, администраціи буковинской области, извѣщая вмѣстѣ и о томъ, что игуменъ ожидается липованами со дня на день, что онъ уже выслалъ имъ разныя церковныя принадлежности, самъ же былъ задержанъ турецкимъ правительствомъ, которое очень недовольно переселеніемъ липованъ и отъ котораго онъ могъ только откупиться деньгами; по прибытіи игумена, директоръ надѣялся получить и сообщить администраціи точныя свѣдѣнія о числѣ семействъ, которыя еще намѣрены перейти въ Буковину.[1]). Буковинское областное начальство, какъ видно, очень заинтересованное переселеніемъ липованъ, приняло эти извѣстія съ большимъ участіемъ: въ отвѣтъ на донесеніе сучавскаго директора, ему немедленно было послано предписаніе „всячески способствовать" (allen nöthigen Vorschub zu leisten) липованамъ въ пріисканіи удобнаго мѣста для поселенія, имѣя впрочемъ въ виду, какъ бы липоване не избрали такихъ земель, которыя заселены уже другими императорскими поддаными и этимъ послѣднимъ необходимы. Что касается упомянутыхъ въ донесеніи мѣстностей, Корчешти и Варницы, то черновицкая администрація не находила съ своей стороны никакихъ препятствій передать во владѣніе липованамъ деревню Корчешти, если она пригодна (anständig) для нихъ, даже „не взирая на поссессію", то-есть не смотря на то, что Драгомирнскій монастырь, которому принадлежало это мѣсто, сдалъ его во владѣніе одному поссессору; относительно же Варницы администрація не находила возможности сдѣлать опредѣленное рѣшеніе, за неимѣніемъ отъ сучавскаго директоріата точныхъ извѣстій, на какомъ именно хуторѣ эта мѣстность находится, и есть ли тамъ жители (за что и сдѣ-

[1]) Донес. сучавск. директ., отъ 22 апрѣля 1784 года, за № 1.016 (*Бѣлокр. арх.*).

лано замѣчаніе директору): въ послѣднемъ случаѣ администрація находила неудобнымъ отдавать Варницу во владѣніе липованъ [1]).

Липованскіе соглядатаи однакоже отдавали предпочтеніе именно урочищу Варница, находившемуся въ сосѣдствѣ съ селеніемъ Климоуцы (въ верстѣ разстоянія). Варница представляла дѣйствительно весьма привольное и удобное для поселенія мѣсто, расположенное неподалеку отъ городовъ Радоуца и Серета,[2]) въ обширной долинѣ, среди предгорій Карпата, удобной для хлѣбопашества и садоводства; отличительную принадлежность Варницы составлялъ обильный источникъ, или ключъ, вода котораго, вслѣдствіе особенностей почвы, [3]) имѣла бѣлый цвѣтъ, отъ чего и самое это урочище получило названіе *Фонтина-Альба* (Fontina-Alba), или, на мѣстномъ нарѣчіи, *Бѣлая-Крыница*. Такъ какъ по справкѣ оказалось, что это урочище не занято никѣмъ изъ буковинскихъ жителей, то и послѣдовало распоряженіе правительства — отдать его во владѣніе липованамъ. Сюда въ непродолжительномъ времени переселились всѣ прибывшія съ Илларіономъ Петровымъ отъ Чернаго моря раскольническія семейства. И такимъ образомъ на урочищѣ Варница, составлявшемъ, какъ и Миттока-Драгомирна, собственность одного изъ православныхъ монастырей, образовалось раскольническое селеніе Бѣлая-Криница. [4])

Въ Бѣлой-Криницѣ, при поселившихся здѣсь липованскихъ семействахъ, пріютились на первое время и прибывшіе съ этими семействами иноки. Когда же наконецъ явился давно

---

1) Предпис. черновицкой администраціи сучавскому директоріату, отъ 26 апр. 1784 года. Того же числа администрація доносила „президенту надворнаго военнаго суда“ (Hofkriegsrath), графу фонъ-Гадикъ, о переселеніи липованъ въ Буковину, съ приложеніемъ самаго рапорта о томъ отъ сучавскаго директоріата, и о своихъ распоряженіяхъ относительно мѣстностей Корчешти и Варница, изъ которыхъ о первой сказано, что она „стоитъ пуста“ и только предоставлена отъ монастыря одному поссессору, почему и не найдено препятствій къ ея занятію.

2) Отъ Радоуца въ 15, а отъ Серета въ 10 верстахъ.

3) Почва здѣсь попреимуществу известковая.

4) Сосѣднее съ Бѣлой-Криницей селеніе Климоуцы также заселилось раскольниками, которые на половину безпоповцы.

ожидаемый игуменъ Симеонъ, тогда они стали хлопотать объ устроенiи монастыря. Игуменъ началъ дѣло законнымъ порядкомъ. На основанiи императорской грамоты, предоставляющей липованамъ и ихъ духовенству полную свободу религiи, онъ подалъ, куда слѣдовало, отъ имени всѣхъ липованъ, просьбу о дозволенiи построить монастырь для липованскихъ иноковъ и, вѣроятно, о предоставленiи въ ихъ собственность нужной для монастыря земли. Вопреки ожиданiямъ игумена и всѣхъ липованъ эта просьба ихъ потерпѣла совершенную неудачу. Не задолго передъ этимъ послѣдовало распоряженiе императора Iосифа II объ уничтоженiи существовавшихъ въ Австрiи монастырей: устроенiе новаго, который не имѣлъ къ томуже ни благотворительнаго, ни воспитательнаго назначенiя, было по этому совершенно не согласно съ видами правительства, и на просьбу игумена данъ былъ отвѣтъ, что монастырь, какой желательно устроить липованамъ, имѣлъ бы характеръ „страннаго духовнаго института, чуждаго всякихъ житейскихъ упражненiй, назначеннаго только для созерцательной жизни", и что права на учрежденiе такого страннаго института высочайшая грамота вовсе не даетъ липованамъ. Дѣло доходило до высшихъ инстанцiй, и наконецъ двумя опредѣленiями „надворнаго военнаго суда" (Hofkriegsraths), отъ 9-го iюня и 10-го iюля 1784 года, въ просьбѣ объ устроенiи монастыря липованамъ рѣшительно отказано. [1]) Для липованъ это рѣшенiе дѣла было сколько прискорбно, столько и неожиданно. Съ своей точки зрѣнiя они совершенно справедливо находили противорѣчiе въ распоряженiяхъ правительства, которое дозволило ихъ инокамъ свободно переселяться въ Австрiю, и въ то же время не дозволяетъ имъ устроить монастырь, какъ будто инокамъ можно жить, не имѣя монастыря. Они пожалѣли теперь даже о томъ, зачѣмъ обращались къ правительству за особымъ дозволенiемъ на построенiе монастыря, когда могли бы это сдѣлать, на основанiи высочайше дарованныхъ имъ привилегiй, и безъ

---

[1]) Объ этихъ опредѣленiяхъ Hofkriegsrath'а упоминается въ губернскомъ предписанiи крайзамту, отъ 21 марта 1842, за № 11.613 (*Бѣлокр. арх.*).

сношенія съ правительствомъ. Но такъ какъ дѣло было уже испорчено, то рѣшили поправить его тѣмъ хорошо знакомымъ для старообрядцевъ способомъ, къ какому обыкновенно прибѣгаютъ они при подобныхъ случаяхъ въ Россійской имперіи,—именно, рѣшили построить небольшой монастырь, или скитокъ, тайнымъ образомъ, безъ вѣдома правительства, хотя и подъ защитой ближайшихъ мѣстныхъ чиновниковъ, на благосклонность которыхъ имѣли основаніе расчитывать. Неподалеку отъ селенія Бѣлой-Криницы, въ урочищѣ Тернавка, на полянѣ, окруженной большимъ буковымъ лѣсомъ, поставили обширную деревянную избу, въ одинъ этажъ, раздѣленную на нѣсколько помѣщеній, гдѣ находились и часовня, и трапеза, и монашескія кельи. Здѣсь и поселился игуменъ Симеонъ съ своимъ братствомъ, состоявшимъ всего изъ пяти иноковъ.[1]) Въ 1788 году онъ лично явился въ крайзамтъ ходатайствовать, чтобы дозволено было еще двумъ „калугерамъ" переселиться изъ Молдавіи въ Буковину: крайзамтъ, на основаніи прежнихъ примѣровъ, безпрепятственно далъ это позволеніе, въ той конечно увѣренности, что новые переселенцы будутъ жить на общемъ со всѣми липованами положеніи.[2]) Вмѣсто двухъ, на этотъ разъ пришли изъ-за границы семь иноковъ и, разумѣется, поселились не въ Бѣлой-Криницѣ, а въ обители игумена Симеона, у котораго такимъ образомъ собралось братіи двѣнадцать человѣкъ.[3]) Около пяти лѣтъ скитокъ Симеона существовалъ довольно спокойно; мѣстное начальство, которому былъ онъ извѣстенъ, безпокоить липован-

---

[1]) Въ *Уставѣ* говорится, что мѣсто, гдѣ былъ основанъ монастырь, имѣло разстоянія отъ Бѣлой-Криницы только четверть мили. Изъ донесенія радоуцкой директоріи въ крайзамтъ, отъ 31 іюля 1791 года, видно, что въ 1786 году монастырекъ въ лѣсу существовалъ уже: значитъ къ построенію его липоване приступили не позднѣе 1785 года, то-есть вскорѣ послѣ отказа, полученнаго изъ Hofkriegsrath'а (*Бѣлокр. арх.*).

[2]) О принятіи ихъ крайзамтъ далъ предписаніе думеніи Санктъ-Онуфрій, за № 2.859.

[3]) Выписки изъ дѣлъ о переселеніи въ Буковину липованскихъ иноковъ (*Бѣлокр. арх.*).

скихъ калугеровъ не находило ни пользы, ни надобности.[1]) Но въ 1791 году о тайно построенномъ липованскомъ монастырѣ случайнымъ образомъ дошло до свѣдѣнія высшаго правительства, и его существованію положенъ былъ конецъ.

Уединенное среди лѣса мѣстоположеніе монастырскаго дома имѣло ту невыгоду, что дѣлало его беззащитнымъ отъ грабителей, которые дѣйствительно нападали на монастырь неоднократно. Одно изъ такихъ нападеній кончилось даже смертоубійствомъ. Это прискорбное для липованъ событіе случилось ночью съ 28-го на 29-е іюня 1791 года.[2]) Въ радоуцкую директорію липоване подали объявленіе о случившемся, и просили защиты отъ грабителей. Директорія донесла объ этомъ крайзамту, который съ своей стороны сдѣлалъ строгое предписаніе о разысканіи грабителей, объ учрежденіи и правильномъ содержаніи ночной стражи въ селеніи, вообще о принятіи необходимыхъ мѣръ къ предупрежденію на будущее время подобныхъ несчастныхъ случаевъ. Но въ то же время крайзамтъ возбудилъ вопросъ и о самомъ липованскомъ монастырѣ: отъ директоріи потребована справка, что это за монастырь и когда онъ основался. Радоуцкій директоръ Бейнеръ, привлеченный такимъ образомъ къ нѣкоторой отвѣтственности за существованіе монастыря, и быть-можетъ именно желая отстранить отъ себя всякое подозрѣніе въ потворствѣ липованамъ по этому дѣлу, далъ отвѣтъ крайне неблагопріятный для липованскихъ иноковъ. Вотъ какъ описалъ онъ, послѣ наведенныхъ справокъ, и самый монастырь и бытъ монаховъ въ своемъ объясненіи крайзамту, отъ 31-го іюля: „Какъ только липоване поселились на Варницѣ, тогда же они построили себѣ

1) Радоуцкая директорія, въ упомянутомъ выше донесеніи въ крайзамтъ, отъ 31 іюля 1791 г. не только не отвергаетъ того, что имѣла свѣдѣніе о липованскомъ монастырѣ, но и замѣчаетъ еще, что существованіе монастыря полагала извѣстнымъ даже самому крайзамту.

2) Извлеченія изъ дѣла объ уничтоженіи монастыря въ лѣсу (*Бѣлокр. арх.*). Въ оффиціальномъ документѣ не упоминается о смертоубійствѣ; но Павелъ, въ *Уставѣ Бѣл. мон.* и въ *Исторіи* (стр. 175) говоритъ, что „одинъ изъ иноковъ до смерти убитъ былъ злодѣями.“

въ лѣсу, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ села, домъ, раздѣленный на двѣ половины,—въ одной половинѣ моленная, или церковь, въ другой жилое помѣщеніе для особаго рода духовныхъ лицъ, которыя у нихъ называются иноками (die sie Kalugier nennen). Здѣсь живутъ вмѣстѣ, общежительно, пять иноковъ, а еще двое имѣютъ жительство въ селеніи, каждый въ своей отдѣльной хатѣ (Chaluppe). [1]) Одѣваются они помужицки (bäuerisch) и отъ прочихъ липованъ отличаются только небольшою черною мантіей на плечахъ (Schultermantel). Никакимъ опредѣленнымъ доходомъ не пользуются, а получаютъ пропитаніе, какъ и прочіе сельскіе жители, отъ полевыхъ работъ и еще отъ доброхотнаго подаянія мірянъ. На исправленіе духовныхъ требъ, крещенія, вѣнчанія и пр. не имѣютъ никакого права: ихъ обязанность состоитъ единственно въ томъ, чтобы строго держаться принятыхъ у липованъ благочестивыхъ обычаевъ и молиться. Сколько можно было узнать, липоване поставляютъ за долгъ религіи имѣть въ своемъ обществѣ такого рода духовныхъ, чтобы могли оказывать имъ христіанскую благотворительность. Принимая отъ нихъ милостыню, эти духовныя лица за нихъ молятся, и липоване вѣруютъ, что это даетъ имъ очищеніе отъ грѣховъ. Такія и иныя еще нелѣпости (Albernheiten) этотъ народъ признаетъ за основаніе и долгъ своей религіи...." Назвавъ построеніе монастыря современнымъ самому поселенію липованъ на урочищѣ Варница и далѣе съ большею еще опредѣленностью заявивъ, что монастырь существуетъ именно съ 1786 года, этою пятилѣтнею его давностью начальникъ радоуцкой директоріи старался доказать, что онъ нимало не отвѣтственъ за существованіе

---

[1]) Бейнеръ показываетъ то самое число липованскихъ иноковъ, которое значилось оффиціально извѣстнымъ правительству; а между тѣмъ, какъ выше показано, вмѣсто двухъ, дозволенныхъ правительствомъ, во второй разъ пришли къ игумену Симеону семь иноковъ, и всѣ они жили вмѣстѣ съ другими въ монастырѣ, а не въ селеніи, гдѣ однакоже должны были бы жить по распоряженію правительства. Неточность въ донесеніи директора, вѣроятно, вызвана опасеніемъ отвѣтственности за нестрогое исполненіе распоряженій правительства.

монастыря, оказавшагося теперь неизвѣстнымъ высшему правительству: „такъ какъ,—писалъ онъ,—это общество особаго рода духовныхъ, подъ именемъ монастыря, существуетъ при Варницѣ уже съ 1786 года, то невозможно было и предположить, чтобы высоко-кесарскому крайзамту не было извѣстно объ этомъ, и чтобы липоване могли безъ дозволенія отъ правительства учредить подобное духовное общество.“ Такимъ образомъ радоуцкій директоръ или не зналъ, или нашелъ благоразумнѣйшимъ умолчать о послѣдовавшемъ въ 1784 году распоряженіи „надворнаго военнаго суда“, которымъ учрежденіе иноческаго общежитія было рѣшительно воспрещено липованамъ. Наконецъ, какъ бы желая показать свою особенную ревность къ искорененію всякихъ безпорядковъ, онъ выражалъ мнѣніе, что учрежденіе такого рода, какъ липованскій монастырь, и религіозное общество подобное тому, какое составляютъ липованскіе иноки, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть терпимы болѣе,—онъ именно предлагалъ принять противъ нихъ слѣдующія мѣры: „1) приказать обществу липованъ, чтобы молитвенный домъ, или церковь на теперешнемъ, удаленномъ отъ селенія мѣстѣ, въ лѣсу, сломали и перенесли въ самое селеніе; 2) духовное, иноческое братство упразднить и отнынѣ дозволить имъ содержать при церкви одно только духовное лицо, которое было бы уполномочено исполнять, согласно требованіямъ ихъ религіи, всѣ обязанности приходскаго священника, ибо при такомъ маломъ обществѣ и одного духовнаго лица вполнѣ достаточно для попеченія о душахъ (zur Seelsorge); 3) если духовныя лица, извѣстныя у нихъ подъ именемъ иноковъ, пожелаютъ оставаться въ селеніи Варница, это можетъ быть дозволено имъ только подъ тѣмъ условіемъ, если они, какъ и прочіе сельскіе жители, построятъ себѣ домы, заведутъ хозяйство, станутъ исполнять наравнѣ съ другими общественныя повинности и совершенно откажутся отъ всѣхъ дѣйствій и внѣшнихъ отличій, принадлежащихъ духовенству; въ противномъ случаѣ, еслибъ они не захотѣли на все это согласиться, не останется иного средства къ уничтоженію этого особаго рода духовнаго общества, какъ выслать ихъ обратно за грани-

цу:“ [1]) На основаніи этого донесенія радоуцкой директоріи, крайзамтъ сдѣлалъ представленіе во Львовъ, губернскому начальству. Достойно замѣчанія, что крайзамтъ, изложивъ тѣ самыя свѣдѣнія о липованскомъ монастырѣ и липованскихъ инокахъ, какія сообщены были радоуцкою директоріей, не преминулъ однакоже замѣтить, что объ устроеніи монастыря липоване ходатайствовали предъ правительствомъ, какъ только переселились въ Австрію, и что въ этой просьбѣ тогда имъ было отказано. Въ своемъ мнѣніи относительно того, какъ поступить съ случайно открытымъ въ лѣсу, близь селенія Бѣлой-Криницы, липованскимъ монастыремъ и монашескимъ братствомъ, крайзамтъ также не вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ директоріи: находя съ своей стороны существованіе монастыря ни въ какомъ случаѣ недозволительнымъ, онъ предлагалъ однакоже менѣе строгія мѣры въ отношеніи къ липованскимъ инокамъ, и основаніе къ такому ихъ смягченію находилъ въ самомъ же донесеніи радоуцкаго директора,—именно въ томъ его замѣчаніи, что липоване, держась разныхъ нелѣпыхъ мнѣній насчетъ своихъ иноковъ (verschiedene Albernheiten um diesen Mönchen), считаютъ *домомъ религіи* имѣть ихъ (machen sich zur Religionspflicht diese Art Geistlichen zu haben). Принимая во вниманіе такія отношенія липованъ къ своимъ инокамъ, крайзамтъ выражалъ опасеніе, какъ бы упраздненіе самаго званія иноческаго не возбудило волненія между этими, исполненными всякихъ религіозныхъ предразсудковъ людьми (unter diesen sehr vorurtheiligen Religionisten), и какъ бы они современемъ не вздумали даже уйти опять за границу, чего правительство въ своихъ собственныхъ интересахъ никакъ не желало. Потому крайзамтъ, въ своемъ представленіи губернскому начальству, предлагалъ ограничиться тѣмъ, чтобы найденный въ лѣсу монастырь уничтожить, а иноковъ, не воспрещая строго самаго ихъ существованія у липованъ, перевести на жительство въ Бѣлую-Криницу, съ тѣмъ однакоже, чтобы здѣсь они построили себѣ домы, каждый отдѣльно, и какъ всѣ прочіе жители занимались сельскимъ

---

[1]) Объясн. радоуцкаго директора, отъ 31 іюля 1791 года (*Бѣлокр. арх.*).

хозяйствомъ, платя равныя съ другими общественныя повинности.[1]) Въ „губерніи" это мнѣніе крайзамта было принято, и 24-го августа 1791 года послѣдовало распоряженіе привести его въ исполненіе.[2]) Въ силу этого распоряженія крайзамтъ предписалъ радоуцкой директоріи: „дальнѣйшее существованіе тайно построеннаго въ лѣсу монастырька (Klosterchens) воспретить и перенести его въ самое селеніе; сюда же переселить и монаховъ, съ тѣмъ, чтобы они жили каждый самъ по себѣ, въ отдѣльныхъ домахъ, и, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ одинаково съ прочими жителями, несли повинности соотвѣтственно ихъ состоянію.[3])

Итакъ, секретно построенный въ лѣсу липованскій Бѣлокриницкій монастырь существовалъ не болѣе пяти лѣтъ: по распоряженію правительства онъ былъ уничтоженъ, какъ незаконное учрежденіе. По поводу этого распоряженія, насколько оно касалось самаго монастыря, подвергшагося запрещенію, липоване не имѣли побужденій слишкомъ много сѣтовать, такъ какъ опытъ показалъ, что мѣсто, на которомъ они устроили монастырь, представляло существенныя неудобства для мирной иноческой жизни; притомъ же монастырское строеніе, какъ общественную собственность, имъ дозволено было перенести въ Бѣлую-Криницу. Но рѣшеніе правительства по настоящему дѣлу было для нихъ весьма неблагопріятно въ своемъ общемъ значеніи, какъ офиціальное и во второй уже разъ издаваемое запрещеніе— имѣть свой, надлежащимъ образомъ устроенный монастырь съ иноческимъ общежитіемъ,—какъ постановленіе, отрицающее у липованъ самое право завести такого рода религіозное учрежденіе. Послѣ этого, казалось, нечего было и помышлять имъ о новомъ устроеніи монастыря и монастырскаго общежитія; но отказаться отъ того, что̀ они считали, по справедливому замѣчанію радоуцкаго директора „долгомъ

[1]) Представл. крайзамта въ губернію, отъ 8 авг. 1791, № 2.600, (*Бѣлокр. арх.*).

[2]) Предпис. изъ губерніи въ крайзамтъ, № 19.832. (*Тамъ же*).

[3]) Предпис. крайзамта радоуцкой директ., отъ 14 сент. 1791, № 2.990. (*Тамъ же*).

своей религіи", бѣлокриницкимъ липованамъ не хотѣлось,— и они сдѣлали новую попытку устроить монастырь, опять секретнымъ образомъ, но уже въ самомъ селеніи, воспользовавшись для этого даже изданнымъ теперь распоряженіемъ правительства объ уничтоженіи найденнаго въ лѣсу монастыря,—именно тѣмъ, что дозволено было перенести въ Бѣлую-Криницу монастырское строеніе и самимъ инокамъ имѣть жительство въ селеніи. Здѣсь главнымъ дѣятелемъ является опять Иларіонъ Петровичъ Коровьи-ножки. Какъ бы принимая на себя отвѣтственность за дальнѣйшее существованіе монастыря, онъ отвелъ для него мѣсто на своемъ собственномъ участкѣ земли. [1]) Монастырское строеніе со всѣми его принадлежностями онъ перенесъ изъ тернавицкаго лѣса и поставилъ въ нѣкоторомъ уединеніи сзади своего дома, среди разведеннаго имъ большаго сада, а къ своему дому, выходившему на улицу, сдѣлалъ пристройку собственно для жительства иноковъ. Сюда и перешли они вмѣстѣ съ игуменомъ Симеономъ; впрочемъ жили нѣкоторые и въ саду, въ старомъ монастырскомъ строеніи, куда обыкновенно всѣ собирались на молитву. Такимъ образомъ по формѣ предписаніе правительства было исполнено,—монастырскій домъ съ часовнею перенесенъ въ селеніе, а иноки помѣстились жить наряду со всѣми липованами; но вмѣстѣ достигнуто было и то, что монастырь и иноческое общество, вопреки тому же распоряженію, продолжали существовать. При жизни Иларіона, подъ его попеченіемъ, монастырь существовалъ на новомъ мѣстѣ около 27 лѣтъ; [2]) умирая, онъ завѣ-

---

[1]) Вотъ чтò говорится объ этомъ въ *Уставѣ Бѣлокрыницкаго монастыря*: „иноки вынуждены были перенестись съ того мѣста (изъ лѣсу), съ монастырскимъ заведеніемъ и со всѣми его принадлежностями, какъ-то: древлепечатными книгами, иконами, колоколами, всею церковною утварію и прòчимъ имуществомъ, въ самое село Бѣлую-Криницу, гдѣ они и приняты были тогдашнимъ жителемъ, старовѣромъ Иларіономъ Петровичемъ, въ свое покровительство и защиту, и водворились своимъ монастыремъ на собственномъ его грунтѣ". Нѣсколько короче то же самое повторено въ *Церковной Исторіи* (стр. 175).

[2]) Въ *Уставѣ* говорится, что на этомъ мѣстѣ монастырь существовалъ „при жизни Иларіона Петровича лѣтъ 15". Но Иларіонъ Петровъ умеръ не ранѣе 1818 года, и если на его землю, какъ говорится въ *Уставѣ*, мо-

щалъ и землю и все свое недвижимое имущество въ собственность инокамъ,—и это завѣщаніе, спустя три года послѣ его смерти, было признано ближайшими мѣстными властями въ полной его силѣ.[1]) Такимъ образомъ, несмотря на прямое и двукратное запрещеніе отъ высшаго правительства, липоване успѣли устроить монастырь среди самаго селенія Бѣлой-Криницы и даже отчасти обезпечить его существованіе.

III. Послѣ описаннаго приключенія съ монастыремъ, нарушившаго нѣсколько спокойствіе липованъ въ первое десятилѣтіе по водвореніи ихъ въ Бѣлой-Криницѣ, они продолжали устроивать свой хозяйственный, общественный и семейный бытъ на новомъ мѣстѣ поселенія, при новыхъ, весьма выгодныхъ условіяхъ жизни, предоставленныхъ имъ австрійскимъ правительствомъ. При своей природной склонности къ земледѣлію, при трудолюбіи и навыкѣ къ разнымъ хозяйственнымъ занятіямъ и промысламъ, они успѣли въ непродолжительное время такъ хорошо устроиться, что Бѣлая-Криница (равно какъ и другія занятыя липованами мѣстности) представляла уже большое, цвѣтущее и красивое селеніе. Примѣчательнѣйшую особенность Бѣлой-Криницы и прочихъ липованскихъ селеній въ Австріи (какъ и всѣхъ

настырь перенесенъ былъ изъ лѣсу, когда здѣсь случилось смертоубійство, то-есть въ 1791 году, то очевидно, что при жизни Иларіона монастырь существовалъ на его землѣ не 15, а 27 лѣтъ. Въ протоколѣ слѣдственной коммиссіи 1843 года есть извѣстіе, что въ Бѣлой-Криницѣ монастырь существуетъ только съ 1803 года; если принять (что едвали можно) это извѣстіе, то окажется, что при жизни Иларіона на его землѣ монастырь существовалъ дѣйствительно 15 только лѣтъ.

1) „Въ 1818 году, грунтъ, на которомъ водворились иноки, дарованъ *монастырю* по духовному завѣщанію Петровича въ вѣчное владѣніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ домъ и все прочее имущество безъ остатку, о чемъ удостовѣряетъ декретъ думенія Кочукмаре, подъ № 1594, основывающійся на судебномъ рѣшеніи к. к. буковинскаго форум-нобиліума, 5-го февраля 1821 года, № 247“. (*Уставъ Бѣл. мон.*). Указанныхъ здѣсь документовъ не имѣется между находящимися у насъ бумагами бѣлокриницкаго архива; но не можетъ быть сомнѣнія, что завѣщаніе сдѣлано было не на имя *монастыря*, существованіе котораго законнымъ порядкомъ признано не было, а на имя жившихъ при домѣ Иларіона иноковъ.

вообще старообрядческихъ деревень и домовъ за границей) составлялъ ихъ чисто русскій характеръ, ярко отражавшій себя въ каждой подробности внѣшняго и внутренняго быта липованъ, начиная съ домовъ и одежды, языка и обычаевъ. [1]) Среди коренныхъ жителей Буковины, среди руснацкихъ, молдаванскихъ и прочихъ селеній, липоване, съ ихъ Бѣлой-Криницей, Климоуцами, Соколинцами, представляютъ совершенно самобытное явленіе, какъ бы цѣликомъ перенесенное изъ Руси, и притомъ изъ древней Руси: „въ нихъ, по выраженію ученаго имѣвшаго случай наблюдать липованъ, народность русская со всѣми мельчайшими подробностями и оттѣнками какъ будто окаменѣла и пребываетъ въ такой цѣлости и чистотѣ, какую въ настоящее время не вездѣ сыщешь и въ самой Россіи". [2]) Какъ чистѣйшіе представители старорусской народности, во всемъ отличной отъ культуры нѣмецкой, липованы представляли особенно любопытное явленіе для австрійскаго правительства и вообще для нѣмцевъ. Императоръ Францъ въ 1816 году, при свиданіи съ Александромъ I въ Черновцахъ, не преминулъ даже обратить на нихъ вниманіе русскаго царя. Нѣсколько бѣлокриницкихъ, также климоуцкихъ и соколинскихъ жите-

---

[1]) „Весь домашній бытъ ихъ, по словамъ Надеждина, есть бытъ нашихъ около-московныхъ поселянъ: та же русская изба съ углами и съ крышею подъ князекъ, съ русскою печью, даже съ русскими ухватами, кочергою и помеломъ; въ домѣ и на дворѣ тѣ же принадлежности, та же утварь, тѣ же земледѣльческія и другія орудія: русская телѣга съ русскою упряжью, съ русскими хомутами и дугою; русская баня съ каменкою и полкомъ; одежда и наряды обоихъ половъ также чисто русскіе, самое домашнее продовольствіе и удовольствіе: щи, каша и квасъ, медъ, брага и зеленое" (*Сборн.* Кельс. ч. I. стр. 88).

[2]) Надеждинъ (*тамъ же* стр. 89). Вотъ какъ описанъ домашній бытъ липованъ въ протоколѣ слѣдственной коммиссіи 1844 года: „каждый липованъ имѣетъ въ своемъ домѣ образами и прочимъ приборомъ украшенную божницу, которая у него въ весьма великомъ почтеніи: входя въ домъ, дѣлаетъ на себѣ рукою крестъ и говоритъ: Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ. То же самое говоритъ послѣ всякаго яденія и питія. Ни одинъ липованъ ни трубки не куритъ, ни табаку не нюхаетъ, такъ что даже и въ домахъ ихъ этого дѣлать не позволено. Въ ихъ домахъ вездѣ особливая чистота; они имѣютъ около постелей и предъ иконами занавѣски; столы накрываютъ чистыми скатертями" (*Бѣлокр. арх.*).

лей разнаго возраста были представлены императору Александру, который, по сохранившемуся у липованъ преданію, съ любопытствомъ распрашивалъ ихъ о жизни буковинскихъ старообрядцевъ, благодарилъ за неизмѣнную вѣрность русской національности и одѣлилъ щедрыми подарками.[1]) Тогда былъ еще живъ достигшій глубой старости самъ предводитель липованъ—Иларіонъ Петровичъ, и находился, конечно, во главѣ представлявшейся русскому царю депутаціи. Вскорѣ послѣ этого императоръ Францъ, весьма довольный, что могъ показать своему гостю такую интересную достопримѣчательность, какъ чистокровные русскіе люди въ австрійскомъ подданствѣ, наградилъ въ память этого событія старика Иларіона золотою медалью. Изъ Вѣны медаль выслана была начальнику буковинской области, Плятцеру, который чрезъ кучурмарскую думенію нарочно вызвалъ Иларіона, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими членами липованскаго общества, въ Черновцы для полученія высочайше дарованной награды. Здѣсь, 6-го сентября 1816 года, Плятцеръ вручилъ Иларіону медаль[2]) и грамоту, въ кото-

---

[1]) Надеждинъ (*тамъ-же*). Одинъ изъ представлявшихся императору Александру липованъ, соколинскій житель Ерастъ (въ иночествѣ Епифаній) былъ еще живъ въ сороковыхъ годахъ (ум. въ 1850 г. 115 лѣтъ отъ роду), и самъ расказывалъ иноку Онуфрію, какъ бесѣдовалъ съ ними русскій царь. Быстро подойдя къ липованамъ, Александръ Павловичь спросилъ именно Ераста: „изъ какой губерніи? — изъ калужской?“ Ерастъ совсѣмъ растерялся, — едва могъ сказать, что онъ не бѣглый, а природный липованъ. Императоръ, улыбаясь, началъ распрашивать: „Ну что же,—и подъ дугой ѣздите, и въ баню ходите, и щи съ кашей ѣдите, и квасъ пьете?“—„Все какъ есть, Ваше Царское Величество,—безъ этого нельзя“. Тутъ же императоръ Александръ сталъ объяснять Францу понѣмецки, о чемъ спрашивалъ липованъ, и тотъ, вѣроятно желая показать, что понимаетъ объясненія, изобразилъ руками въ воздухѣ дугу, когда шла объ ней рѣчь. Потомъ императоръ Александръ спросилъ липованъ, хорошо ли имъ жить въ Буковинѣ. Отвѣчали: хорошо.—„Ну такъ и живите спокойно“,—сказалъ онъ въ заключеніе. Впослѣдствіи каждому изъ бывшихъ на представленіи липованъ выдано было отъ Его Величества по червонцу.

[2]) На одной сторонѣ этой медали изображены были вѣсы. О. Филаретъ слышалъ отъ Кирилла, что Плятцеръ, вручая липованамъ медаль, объяснялъ значеніе такого изображенія, — говорилъ, что вѣсы означаютъ правосудіе, и такъ какъ липоване живутъ честно, то правосудіе ихъ награждаетъ, а если не будутъ жить честно, то получатъ отъ того же правосудія наказаніе.

рой сказано было, что эта награда пожалована старѣйшинѣ липованъ въ память посѣщенія Буковины императоромъ и въ знакъ императорской милости къ нему за покорность правительству и за то, что „въ званіи начальника надъ другими липованами вѣрно начальствуетъ". 1)

Къ тому времени, когда у австрійскихъ липованъ началось дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры, именно спустя оклоо шестидесяти лѣтъ по приходѣ въ Буковину первыхъ липованскихъ семействъ, населеніе Бѣлой-Криницы, также Климоуцъ и Соколинцевъ, естественнымъ путемъ нарожденія, особенно же посредствомъ принятія новыхъ выходцевъ, привлекаемыхъ привилегированнымъ положеніемъ австрійскихъ раскольниковъ, достигло весьма значительной цифры. По конскрипціи 1843 года, въ Бѣлой-Криницѣ считалось уже 94 дома, и въ нихъ 108 липованскихъ семей, а всѣхъ жителей обоего пола около 600 душъ; населеніе Климоуцъ было еще значительнѣе,—здѣсь числилось домовъ 131, семействъ 156, а всѣхъ жителей обоего пола болѣе 800 душъ; въ Соколинцахъ считалось 63 липованскихъ дома, и въ нихъ 350 душъ жителей обоего пола. 2) Въ этомъ общемъ числѣ жителей каждаго изъ трехъ липованскихъ селеній, пришлецы, бѣжавшіе изъ Россіи, составляли весьма значительный процентъ. Иногда приходили они цѣлыми семьями, а чаще поодиночкѣ, и преимущественно мужчины. Большею частію это были бѣглые солдаты и вообще разныя подозрительныя лица, подлежавшія суду, или наказанію по законамъ; но бывали и такіе между ними, которыхъ приводила за границу дѣйствительно ревность по „старой вѣрѣ", гонимой, какъ они говорили, русскимъ правительствомъ. Въ числѣ этихъ бѣглецовъ являлись нерѣдко и православные, которые, разумѣется, дѣлались потомъ раскольниками поповскаго, или безпоповскаго согласія, смотря потому, въ какомъ липованскомъ обществѣ найдутъ себѣ пристанище—у поповцевъ, или у безпоповцевъ. Бѣглецовъ

---

1) Дѣло о награжденіи Иларіона золотой медалью (*Бѣлокр. арх.*).

2) Приведенныя свѣдѣнія заимствованы изъ протоколовъ коммиссіи, производившей слѣдствіе у липованъ въ февр. 1844 г. (*Тамъ же*).

липоване вообще принимали охотно, такъ какъ видѣли въ нихъ своихъ „единовѣрныхъ христіянъ", а отчасти и потому, что получали отъ нихъ немалую выгоду, пріобрѣтая новыя рабочія руки, которыми пользовались до тѣхъ поръ, пока пришельцы не заводились собственнымъ хозяйствомъ.[1] Правительству, при такъ называемыхъ конскрипціяхъ, этихъ бѣглецовъ выдавали обыкновенно за природныхъ липованъ, если только нельзя было укрыть ихъ отъ конскрипціи,— называли „непотами" (племянниками), какими нибудь круглыми сиротами, оставшимися послѣ родныхъ; самымъ же употребительнымъ въ этихъ случаяхъ способомъ служило зачисленіе ихъ на мѣсто умершихъ липованъ: уловка, которой не могло не знать мѣстное начальство, на которую однакожe оно смотрѣло сквозь пальцы. Дѣло это облегчалось еще и установившимся порядкомъ сношеній ближайшаго гражданскаго начальства (мандаторіата) съ липованскими обществами. Общества избирали изъ своей среды одно лицо въ званіе „дворника"; мандаторъ утверждалъ избраннаго и вручалъ ему, какъ символъ власти, общественную печать и трость: чрезъ этого „дворника" мандаторъ и велъ обыкновенно всѣ сношенія по дѣламъ липованъ, такъ что его свидѣтельства, подкрѣпленнаго свидѣтельствомъ одного или двухъ липованскихъ стариковъ, было достаточно для удостовѣренія въ принадлежности извѣстнаго лица или семьи къ числу природныхъ буковинскихъ липованъ. Но принимая бѣглыхъ раскольниковъ въ сожительство съ собою и полное обладаніе всѣми принадлежащими

---

[1]) Такъ было съ самаго перваго времени поселенія липованъ въ Буковинѣ. Въ Бѣлой-Криницѣ сохранилось преданіе, что обширный садъ Иларіона—Коровьи—ножки, гдѣ нынѣ монастырь, обработанъ и насаженъ бѣглыми русскими раскольниками, которыхъ онъ первый началъ принимать, и въ немаломъ количествѣ. Кто приходилъ съ паспортомъ, у тѣхъ, въ силу чернобольскаго ученія, паспорты Иларіонъ истреблялъ (Слыш. отъ о. Онуфрія). „На моей памяти (пишетъ о. Филаретъ въ своихъ замѣткахъ) у однихъ моихъ родителей (въ Климоуцахъ) перебывало бѣглыхъ до 20 человѣкъ, и они обыкновенно служили у насъ въ работникахъ. Если кто прибѣжитъ прямо изъ-подъ аммуниціи, стриженый и бритый, такихъ обыкновенно скрывали—лѣтомъ въ клунѣ (сарай, куда складываютъ снятый съ поля хлѣбъ), а зимой въ банѣ, пока обрастутъ бородой и станутъ похожи на липованъ".

имъ привилегіями, липоване все-таки не смѣшивали себя съ этими бѣглецами, а иногда, по крайней-мѣрѣ на словахъ, давали имъ понять, что они не по закону, а только по милости пользуются правами природныхъ липованъ. Причиною, которая держала коренныхъ липованъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ пришлыхъ, было то, что эти послѣдніе вообще не отличались хорошей нравственностью, тогда какъ природные липоване довольно строго соблюдаютъ добрые нравы предковъ.[1]) Въ Бѣлой-Криницѣ семейства бѣглыхъ раскольниковъ селились даже большею частію отдѣльно отъ коренныхъ бѣлокриницкихъ жителей,—тамъ есть даже особая улица, заселенная бѣглыми, которая и зовется „Бѣжнаркой", или „Бѣжнаревкой".[2]) Въ тридцатыхъ годахъ, когда относительно раскольниковъ у насъ приняты были строгія мѣры, число бѣглыхъ въ липованскихъ селеніяхъ особенно увеличилось. И такъ какъ первоначально занятое липованами количество земли въ Бѣлой-Криницѣ и Климоуцахъ было незначительно,[3]) а правительство, несмотря на возраставшее населеніе, въ новомъ надѣлѣ земли рѣшительно отказывало, то пришлось позаботиться о поселеніи новыхъ выходцевъ гдѣ-нибудь на наемныхъ земляхъ. Бѣлокриницкіе и климоуцкіе липоване поручились за нихъ, какъ за природныхъ липованъ, и, подъ именемъ бѣлокриницкихъ и климоуцкихъ выходцевъ, эти бѣжавшіе преимущественно

---

1) Между бѣглыми изъ Россіи, какъ и слѣдовало ожидать, бывали такія отчаянныя головы, что липованамъ приходилось выгонять ихъ изъ своихъ обществъ, — большею частію ихъ выпроваживали въ Молдавію.

2) Бѣжнарка заселена была собственно семействами раскольниковъ, бѣжавшихъ изъ елисаветградскихъ военныхъ поселеній, и именно изъ уланской колоніи Красный—Яръ (часть ихъ поселилась также и въ Климоуцахъ): туземные бѣлокриницкіе липоване, при ссорахъ, и доселѣ дразнятъ бѣжнарскихъ жителей „уланами" (Изъ замѣт. о. Филарета).

3) Въ Бѣлой-Криницѣ принадлежащей липованамъ земли считается всего 1.124 іоха (іохъ=1.600 кв. вѣнской сажени,=0,52.660 русск. десятины) и 464 саж., въ томъ числѣ удобной для хлѣбопашества только 625 іох. и 275 саж., сѣнокосной и подъ огородами 387 іох. и 854 саж. Въ Климоуцахъ 1.562 іох. и 1.161 саж., въ томъ числѣ годной для хлѣбопашества 1.256 іох. и 491 саж., подъ сѣнокосами и огородами 294 іох. и 1.335 саж. (*Протоколъ слѣд. ком.* 1844 года).

изъ Польши и Бессарабіи раскольники, въ 1837 году, наняли по контракту на 20 лѣтъ землю у думеніи Бергометъ, гдѣ и основали особый поселокъ, называющійся Мехидра, у самаго селенія Бергометъ на Серетѣ. [1]) Изъ природныхъ липованъ переселился въ Мехидру одинъ только бѣлокриницкій житель—Барабашъ, который для большаго удобства и велъ все это дѣло отъ своего имени: въ послѣдствіи однакоже онъ возвратился въ Бѣлую-Криницу. Въ 10 верстахъ отъ Мехидры, на землѣ тогоже владѣльца, спустя нѣсколько времени образовалось такимъ же образомъ еще небольшое селеніе Лукавецъ. Въ Мехидрѣ, по той же конскрипціи 1843 года, считалось 36 старообрядческихъ семействъ, состоявшихъ изъ 160 душъ обоего пола. [2]) Такимъ образомъ, по офиціальнымъ извѣстіямъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ во всѣхъ липованскихъ селéніяхъ Буковины считалось до 350 семействъ и въ нихъ до 2.000 душъ обоего пола. [3])

Всѣ вообще липоване были тогда народъ довольно зажиточный,—не особенно богатый, но за то ни въ чемъ не нуждавшійся. Главнымъ ихъ занятіемъ было хлѣбопашество и садоводство. Кромѣ пшеницы и гречихи, въ немаломъ коли-

[1]) *Проток.* 22 февраля 1844. По словамъ Надеждина, переселившіеся въ Мехидру липоване водворились на землѣ принадлежащей туземному помѣщику бояру Іордаки Васильчику (по-нѣмецки Edler von Wassilko), къ которому несутъ разныя помѣстныя обязанности (*Сбор.* Кельс. I, 87).

[2]) *Проток.* 22 февраля 1844. Несмотря на такое значительное количество бѣглыхъ, переселившихся въ Мехидру изъ Бѣлой-Криницы и Климоуцъ, въ этихъ слободахъ, по конскрипціи 1843 года, считалось около 150 душъ „иностранцевъ,“ то-есть такихъ раскольниковъ, которые не успѣли еще зачислиться въ разрядъ природныхъ липованъ. Такъ много раскольниковъ бѣжало тогда изъ разныхъ мѣстъ Россіи за границу!

[3]) Надеждинъ, полагая что въ каждой изъ трехъ большихъ слободъ находится по 120 семействъ, а въ Мехидрѣ 30, общее число липованскихъ семействъ доводилъ до 400, и потомъ, на каждое семейство полагая круглымъ числомъ по 10 душъ, все раскольничье населеніе Буковины опредѣлялъ въ 4.000 душъ (*Сборн.* Кельс. I, 85). Такимъ образомъ по его опредѣленію, сдѣланному въ 1846 году, общая цифра австрійскихъ липованъ вдвое больше офиціальной за 1843 годъ. Мы отдаемъ предпочтеніе относительно правильности этой послѣдней, и тѣмъ рѣшительнѣе, что опредѣленіе каждой семьи круглымъ числомъ по 10 человѣкъ представляется совершенно произвольнымъ.

чествѣ они сѣяли на своихъ и наемныхъ поляхъ ленъ и коноплю, изъ которыхъ приготовляли на собственныхъ заводахъ масло, составлявшее предметъ довольно значительной торговли. Для полевыхъ работъ и домашняго употребленія имѣли достаточно рогатаго скота и лошадей. Садоводство, при благопріятныхъ условіяхъ почвы и климата, составляло также одно изъ главныхъ занятій, — фруктами липоване производили торговлю въ Радоуцахъ, Серетѣ и другихъ мѣстахъ Буковины. Но по недостатку земли, увеличенія которой липоване тщетно просили у правительства, сельское хозяйство не могло у нихъ достигнуть того развитія, какого надлежало ожидать при склонности липованъ къ труду этого рода, и многіе за недостаткомъ земли должны были посвятить себя занятію разными ремеслами, особенно плотничествомъ и землекопствомъ [1]). Все это давало липованамъ достаточныя средства для жизни, тѣмъ болѣе, что правительство не отмѣнило ни одной изъ данныхъ имъ привилегій: на повинности и подати липованамъ приходилось удѣлять самую ничтожную сумму [2]).

IV. Подобно всѣмъ вообще старообрядцамъ, липоване жертвовали часть своихъ прибытковъ на церковныя потребы, на устройство общественнаго богослуженія по надлежащему чину. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, въ Бѣлой-Криницѣ существовала уже деревянная, довольно просторная церковь во имя Безсребренниковъ Космы и Даміана, устроенная около 1833 года. Освящалъ ее бѣглый іеромонахъИриней; [3]) антиминсъ же былъ для нея пріобрѣтенъ у одного бродяги-инока, промышлявшаго продажей

---

[1]) О хозяйственныхъ и промышленныхъ занятіяхъ липованъ въ протоколѣ 1844 года приводятся ихъ собственныя подробныя показанія; но показанія эти, по особымъ причинамъ, какъ будетъ сказано ниже, крайне преувеличены. Мы руководились свидѣтельствомъ людей долго жившихъ въ Буковинѣ среди липованъ, — о. о. Онуфрія, Филарета и др.

[2]) По словамъ Надеждина, ничтожный оброкъ, который правительство взимало съ липованъ, простирался до какихъ-нибудь гульдена полтора съ семейства, что̀, по его исчисленію, на наши деньги не составляетъ и рубля сер. (*Сбор. Кельс.* I, 87)

[3]) См. *Кн. о промыслѣ*, стр. 201. Ириней былъ бѣглый іеромонахъ Саровской пустыни.

раскольникамъ подобнаго рода священныхъ предметовъ, разумѣется, фальшивыхъ, своего собственнаго приготовленія (такихъ промышленниковъ существовало тогда не малое количество между раскольниками): антиминсъ, купленный для бѣлокриницкой церкви, былъ также фальшивый, въ чемъ сознался впослѣдствіи самъ продавецъ церковному ктитору, который во избѣжаніе соблазна хранилъ уже объ этомъ подлогѣ глубокое молчаніе все время, пока существовала деревянная церковь.[1]) Она стояла въ самой срединѣ селенія, у того мѣста, гдѣ находится знаменитый колодезь, или „бѣлая-крыница," давшая названіе селенію. Бѣлокриницкая церковь третья по времени изъ всѣхъ существующихъ за границей старообрядческихъ церквей[2]). Она считалась общею приходскою церковію и для прочихъ липованскихъ селеній въ Буковинѣ, которыя однакоже имѣли и свои собственныя часовни, куда собирался народъ для общественной молитвы. Въ Климоуцахъ кромѣ того существовала безпоповская часовня, такъ какъ селеніе это, одно изъ всѣхъ липованскихъ селеній въ Австріи, наполовину состояло изъ безпоповцевъ.

Точныхъ свѣдѣній о томъ, когда безпоповцы здѣсь появились, не имѣется; но по сохранившемуся у нихъ преданію, предки ихъ пришли сюда изъ нынѣшней Бессарабской области еще прежде того времени, какъ переселились въ Буковину придунайскіе старообрядцы. Нѣсколько безпопов-

---

¹) Въ 1861 году, когда началась перестройка этой церкви, бывшій ктиторъ, тогда уже митрополитъ бѣлокриницкій Кириллъ, расказалъ исторію антиминса о. Филарету, своему тогдашнему архидіакону, и на вопросъ послѣдняго, почему онъ не позаботился исправить такую великую погрѣшность пріобрѣтеніемъ настоящаго антиминса, Кириллъ отвѣчалъ: „нельзя этого сдѣлать,—тогда бы нужно сызнова святить церковь; а станешъ святить,—спросятъ: зачѣмъ? Солгать нельзя; а сказать правду опасно, — всѣ соблазнились бы, и Богъ знаетъ что бы вышло! Вотъ теперь положимъ настоящій". Т. о. около 30 лѣтъ служба отправлялась въ бѣлокриницкой приходской церкви на фальшивомъ антиминсѣ. (Изъ замѣт. о. Филарета). По словамъ о. Онуфрія такой же антиминсъ и у тогоже бродяги — инока пріобрѣтенъ былъ добруджинскими раскольниками для сарыкёйской церкви; но Аркадій Славскій, какъ только узналъ объ этомъ, немедленно замѣнилъ его новымъ, совершивъ секретно освященіе церкви.

²) Прежде бѣлокриницкой построены церкви въ Мануиловкѣ и въ Яссахъ.

скихъ семействъ именно жили въ руснацкомъ селеніи Комаровкѣ, между мѣстечкомъ Староженецъ и нынѣшнимъ селеніемъ Лукавецъ: эти семейства и перешли потомъ на жительство въ Климоуцы, когда здѣсь начали селиться получившіе привилегію раскольники поповскаго согласія, къ чему безъ сомнѣнія побудило ихъ желаніе наравнѣ съ послѣдними воспользоваться дарованными отъ императора Іосифа правами, которыя дѣйствительно и были имъ предоставлены.[1]) Не смотря на то, что климоуцкіе раскольники безпоповскаго и поповскаго согласія жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ и постоянныхъ взаимныхъ сношеніяхъ, тѣ и другіе твердо держались своихъ особенностей въ вѣроученіи; въ тоже время однако особенной религіозной нетерпимости и розни между ними не примѣчалось, напротивъ тѣ и другіе не считали за грѣхъ взаимное общеніе въ молитвѣ и даже безразлично ходили въ безпоповскую и поповскую часовни, равно какъ не считали недозволительнымъ заводить между собою родственныя связи посредствомъ браковъ. При бракахъ только принято было, чтобы невѣста переходила въ то согласіе, къ которому принадлежитъ женихъ, хотя случалось и такъ, что жена (особенно взятая изъ поповщинскаго семейства), по предварительному условію съ мужемъ, оставалась въ своемъ прежнемъ согласіи. Браки и служили однимъ изъ самыхъ главныхъ средствъ къ поддержанію взаимной близости между буковинскими поповцами и климоуцкими безпоповцами. У этихъ послѣднихъ утвердился даже, ни гдѣ въ безпоповскихъ обществахъ не встрѣчаемый, странный обычай—совершать браки посредствомъ вѣнчанія,

---

[1]) Со словъ о. Филарета, который слышалъ эти преданія отъ своего дѣда и бабки (на землѣ его прадѣда построена въ Климоуцахъ и безпоповская часовня); тоже подтверждаетъ и о. игуменъ Павелъ, который изъ Пруссіи пріѣзжалъ въ Климоуцы и жилъ здѣсь около года. Послѣдній кромѣ того передаетъ, что между климоуцкими безпоповцами находятся потомки—внуки и правнуки извѣстнаго Балакирева, состоявшаго въ качествѣ шута при Петрѣ 1-мъ, почему и всѣхъ климоуцкихъ безпоповцевъ зовутъ иногда „балакиревцами“. У нихъ есть преданіе, что Балакиревъ, вслѣдствіе какихъ-то непріятностей, бѣжалъ отъ Петра и за границей вступилъ въ общество безпоповцевъ.

для каковой цѣли они обманнымъ образомъ залучали къ себѣ наѣзжавшихъ въ Бѣлую-криницу бѣглыхъ поповъ, или сами ѣздили къ бѣглымъ попамъ въ Молдавію.[1]) Вообще между буковинскими липованами поповскаго и безпоповскаго согласія, не смотря на существенныя различія въ вѣроученіи, установились съ самаго начала ихъ совмѣстнаго жительства въ Буковинѣ мирныя отношенія и сохранялись постоянно до самаго учрежденія бѣлокриницкой митрополіи, — безпоповцы, какъ ниже увидимъ, оказали даже нѣкоторыя услуги учредителямъ митрополіи.[2])

Имѣя церковь и часовни, пользуясь полною свободой въ отправленіи богослуженія, бѣлокриницкіе и прочихъ селеній липоване испытывали затрудненіе только въ пріобрѣтеніи священниковъ для исправленія необходимыхъ церковныхъ требъ, — и затрудненіе это представлялось не со стороны правительства, которое никогда не нарушало данной липованамъ привилегіи—имѣть своего попа, а со стороны самихъ бѣглыхъ поповъ, коихъ они пріобрѣтали обыкновенно изъ Россіи, и пріобрѣтеніе которыхъ уже по этому самому представляло много неудобнаго. Притомъ же у липованъ сохранилось отчасти старое чернобольское подозрѣніе относительно бѣглыхъ поповъ. Что касается самого Иларіона, основателя чернобольской секты, то онъ до конца жизни сохранилъ это подозрѣніе и умеръ въ той увѣренности, что современное ему бѣглопоповство не имѣетъ „благодати древле-бѣгствовавшихъ іереовъ"[3]); того же убѣжденія дер-

---

[1]) Изъ *замѣт.* отцевъ Филарета и Онуфрія; см. также *Собр. сочиненій игумена Павла*, изд. 1871 г. стр. 601—602.

[2]) Объ этихъ мирныхъ отношеніяхъ согласно свидѣтельствуютъ отцы игуменъ Павелъ, Онуфрій, Филаретъ и др. Надеждинъ также писалъ о климоуцкихъ поповцахъ и безпоповцахъ: „между собою живутъ они если не въ совершенномъ братствѣ, то по крайней мѣрѣ и не въ открытой враждѣ, даже по наружности въ ладу и добромъ согласіи" (*Сборн.* Кельс. I, 90).

[3]) Свои сомнѣнія относительно бѣглыхъ поповъ Иларіонъ Коровьи-ножки простиралъ до того, что подобно безпоповцамъ находилъ невозможнымъ для своего времени самое даже совершеніе таинствъ, предоставленное единственно священникамъ, и поэтому молодымъ липованамъ рѣшительно воспрещалъ вступленіе въ браки. Такъ какъ и прочіе старики-липоване раздѣляли это мнѣніе, то молодые парни, задумавшіе жениться, вынуждены были при-

жались его ученики и друзья.[1]) Потомки ихъ, не отвергавшіе, какъ и тѣ не отвергали, самаго ученія о бѣглопоповствѣ, принуждены были въ крайнихъ случаяхъ прибѣгать и къ существовавшимъ бѣглымъ попамъ; но наслѣдованнаго противъ нихъ предубѣжденія не оставляли. Бѣглые попы, къ которымъ приходилось имъ обращаться, своимъ поведеніемъ нимало не содѣйствовали прекращенію этихъ подозрѣній. Поэтому, если являлись въ липованскихъ селеніяхъ бѣглые священники, то обыкновенно жили не долго: или сами уходили отъ липованъ, или прогоняли ихъ липоване.[2]) Вообще же эти послѣдніе обращались къ бѣглымъ попамъ только ради крайней нужды, для исправленія требъ, которыхъ простолюдину совершать не подобаетъ; а для отправленія службъ церковныхъ, для общественнаго богослуженія прибѣгали къ нимъ рѣдко: здѣсь гораздо больше значенія имѣли у липованъ такъ-называемые „дьяки", или церковные настоятели. Дьякъ былъ лицо почетное въ липованскомъ обществѣ, а по дѣламъ церковнымъ — главный авторитетъ. Въ то время, когда начались хлопоты объ учрежденіи архіерейской каѳедры, настоятелемъ при бѣло-

---

бѣгнуть къ хитрости: ушли въ Молдавію, повѣнчались тамъ, и съ молодыми женами воротились въ Бѣлую-Криницу; долго не принимали ихъ старики; наконецъ однакоже смиловались и приняли. Случай этотъ расказанъ у иг. Парѳенія въ *Кн. о промыслѣ* (стр. 196—197); его подтверждаетъ и о. Онуфрій, со словъ липованскихъ старожиловъ.

1) Инокъ Онуфрій засталъ еще въ Бѣлой-Криницѣ, жившаго въ землянкѣ, въ саду Бѣлокриницкаго монастыря, дряхлаго старика, пріятеля Иларіонова, который не принималъ бѣглыхъ поповъ, не принялъ также и поповъ Амвросіева посвященія.

2) Въ тридцатыхъ годахъ и началѣ сороковыхъ у липованъ были—помянутый выше черный попъИриней, который ушелъ отъ нихъ въ Молдавію, и (послѣ него) попъ Степанъ (хромой), котораго сами липоване прогнали за разныя безчинія. Это былъ дѣйствительно безчинникъ, какіе рѣдко бывали даже между раскольническими попами. Что творилъ онъ въ Бѣлой-Криницѣ, по расказамъ липованъ, объ этомъ и писать не удобно. Изъ Бѣлой-Криницы онъ ушелъ въ Яссы: здѣсь, въ Вербное воскресенье, торжественно проѣхался на коровѣ, въ сопровожденіи цыганъ-музыкантовъ, кощунственно изображая вшествіе во Іерусалимъ, за что ясскіе старообрядцы прогнали его съ позоромъ. Отсюда онъ ушелъ въ Тульчу; потомъ въ Майносъ, гдѣ и пропалъ его слѣдъ.

криницкой церкви былъ давній бѣлокриницкій житель, но уроженецъ молдавскій, Кипріанъ Тимоѳеевъ, человѣкъ недалекаго ума и не свѣдущій въ Писаніи, но имѣвшій, какъ выражаются старообрядцы, довольно твердую грамоту, хорошо знакомый съ церковнымъ уставомъ и, что въ липованахъ большое достоинство, человѣкъ трезвой жизни; только замѣчалась въ немъ и тогда уже наклонность къ любостяжанію,—иногда онъ позволялъ себѣ принудительные поборы за исправленіе церковныхъ требъ. Однажды его даже лишили за это дьяковской должности: въ дьяки былъ выбранъ сынъ бѣлокриницкаго почтеннаго старика Ивана Тихонова. Но такъ какъ при новомъ дьякѣ дѣло пошло несовсѣмъ удачно, къ тому же старый дьякъ унесъ съ собою церковныя книги, то, главнымъ образомъ по настоянію женской половины липованскаго общества, Кипріанъ былъ возстановленъ въ дьяковской должности. Первоначально онъ вступилъ въ эту должность еще при жизни Иларіона Коровьиножки; онъ принималъ дѣятельное участіе и въ самомъ построеніи бѣлокриницкой приходской церкви.[1])

Австрійское правительство, какъ мы уже замѣтили, въ своихъ дѣйствіяхъ относительно липованъ не нарушало данныхъ имъ грамотою Іосифа II привилегій, и никакихъ поводовъ жаловаться на правительство липоване не имѣли. Единственнымъ исключеніемъ было изложенное выше дѣло объ уничтоженіи монастыря, принятое ими за нарушеніе ихъ привилегій. Но въ началѣ тридцатыхъ годовъ возникло новое дѣло, которое липоване опять, безъ всякаго основанія, старались представить посягательствомъ на ихъ

---

[1]) Объ этихъ трудахъ Кипріана Тимоѳеева (что нынѣ митрополитъ Кириллъ) въ одномъ документѣ 1846 года сказано: „Чрезъ больше какъ тридесятолѣтное время при здѣшней старовѣрско-христіанской церкви, какъ церковный настоятель, свою службу вѣрно и честно исполнялъ, самую же настоящую церкву самъ своими трудами и ревностію воздвигнуть помогъ, и въ ней, въ недостаткѣ священства, обычественныя молебствія и церковныя послѣдованія, съ изъятіемъ божественныя литургіи, точно совершалъ“. („Свидѣтельство о достоинствѣ“ Кипріана, по случаю поставленія въ епископы, поданное отъ бѣлокриницкаго общества въ мандаторіатъ *Бѣлокр. арх.*)

законныя права, нарушеніемъ „высочайшей привилегіи“, какъ называютъ они обыкновенно самую грамоту Іосифа II. По смыслу существовавшаго у чернобольцевъ ученія, которымъ возбранялось между прочимъ принимать присягу и вообще вступать въ какія-нибудь обязательства предъ правительствомъ, и веденіе метрическихъ записей о родившихся, вступившихъ въ браки и умершихъ, какъ правительственная мѣра къ полученію точныхъ свѣдѣній о движеніи народонаселенія, почиталось у липованъ дѣломъ противнымъ ихъ религіи. Поэтому, въ силу предоставленной имъ религіозной свободы, они почли себя съ самаго водворенія въ Буковинѣ необязанными къ веденію метрикъ. Здѣсь, конечно, они имѣли въ виду и то, чтобъ обезпечить себѣ возможность безпрепятственнаго принятія въ свои общества, подъ именемъ природныхъ липованъ, всѣхъ приходящихъ раскольниковъ, — отнять у правительства ближайшее средство контролировать ихъ въ этомъ отношеніи, по официальнымъ записямъ опредѣлять кто природный липованъ, кто пришлый изъ-за границы. Въ первое время, когда число липованъ было незначительно и когда правительство заботилось о привлеченіи ихъ въ Австрію разными льготами, не было обращаемо вниманіе на это ихъ уклоненіе отъ общепринятаго въ имперіи порядка. Но въ послѣдствіи, когда липованскія селенія стали многолюдны и когда оказалось, что, благодаря именно отсутствію правильныхъ записей, по которымъ можно было бы въ точности опредѣлять дѣйствительное ихъ населеніе, къ липованамъ приходятъ во множествѣ изъ разныхъ мѣстъ раскольники крайне сомнительной репутаціи, правительство нашло нужнымъ потребовать, чтобы, по примѣру всѣхъ прочихъ австрійскихъ подданныхъ, липоване вели точныя записи о родившихся, вступившихъ въ браки и умершихъ. Исполнить это требованіе липоване отказались, и именно на томъ основаніи, что якобы оно противорѣчитъ дарованной имъ „высочайшею привилегіею“ религіозной свободѣ. Имъ было объяснено, что „провожденіе книгъ, въ которыхъ записываются всѣ рожденные, вѣнчанные и умершіе, есть не болѣе какъ политическій законъ, который съ религіей и службой Божіей ни-

чего общаго не имѣетъ, а служитъ къ тому только, чтобы получать вѣрныя извѣстія о числѣ народа и имѣть возможность дѣлать необходимыя для правительства справки". Липоване не вразумлялись. Дѣло восходило на разсмотрѣніе областнаго управленія Галиціи, откуда послѣдовало, 14-го августа 1833 года, распоряженіе: обязать липованъ къ непремѣнному учрежденію и правильному веденію метрикъ. Не смотря ни на что, липоване твердо держались своего первоначальнаго рѣшенія. По сему случаю назначена была въ липованскія селенія слѣдственная коммиссія: 11-го декабря того же 1833 года коммиссаръ Вагнеръ составилъ протоколъ произведеннаго имъ слѣдствія и препроводилъ по принадлежности.[1]) Въ то время, когда начались хлопоты объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, дѣло о метрикахъ еще не было кончено и, какъ далѣе увидимъ, было поставлено даже въ тѣсную связь съ самымъ дѣломъ объ учрежденіи каѳедры.

V. Бѣлокриницкій монастырь по смерти своего благодѣтеля—Иларіона Петровича Коровьи-ножки продолжалъ безпрепятственно существовать на предоставленной ему, по духовному завѣщанію Иларіона, усадьбѣ. Усадьба давала монастырю нѣкоторое матеріальное обезпеченіе;[2]) но главнымъ образомъ, какъ и прежде, онъ существовалъ на подаянія отъ липованъ, которыя были впрочемъ весьма незначительны: каждую субботу кто-либо изъ иноковъ отправлялся по селенію за сборомъ милостыни на недѣльное прокормленіе братства. Число братства было всегда ничтожно, рѣдко болѣе десяти человѣкъ. Обыкновенно это былъ пришлый изъ-за границы народъ, а изъ природныхъ липованъ,—и это достойно примѣчанія,—въ монахи не поступалъ почти никто; притомъ же и пришлые монахи рѣдко оставались здѣсь на постоянное жительство. Составъ бѣлокриниц-

[1]) О губернскомъ рѣшеніи отъ 14 августа 1833 года говорится въ губернской резолюціи крайзамту 21 марта 1842 года (*Бѣлокр. арх.*); о протоколѣ Вангера—въ протоколѣ слѣдственной коммиссіи 1844 года (*тамъ же*); а самыхъ документовъ въ *Бѣлокр. архивѣ* не имѣется.

[2]) Фруктовый садъ, яблонный и грушевый, сдавался, смотря по урожаю, за 100—150 левовъ въ годъ.

ствомъ начинаются тамъ дѣла, о какихъ не могли и помыслить въ простотѣ своей бѣлокриницкіе старцы, и спустя какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ ничтожный, никому почти не извѣстный липованскій монастырь получаетъ важное значеніе для всего старообрядческаго міра, пріобрѣтаетъ извѣстность въ исторіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. Хлопоты Павла и Геронтія о полученіи паспортовъ для путешествія по востоку. II. Замыслъ объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, III. Первое прошеніе о томъ, податное правительству. IV. Слѣдственная коммиссія, назначенная въ монастырѣ поповоду этого прошенія. V. Составленіе и переводъ „Устава бѣлокриницкаго монастыря." VI. Содержаніе Устава. VII. Назначеніе Геронтія настоятелемъ Бѣлокриницкаго монастыря.

I. Настоятель Бѣлокриницкаго манастыря инокъ Іоиль принялъ Павла и Геронтія очень радушно, тѣмъ больше что такіе гости бывали у него рѣдко. Разумныя рѣчи Павла, его примѣчательная наружность, умѣнье со всѣми обходиться невольно располагали каждаго старообрядца въ его пользу; притомъ же Павелъ и Геронтій не скрывали, что находятся въ связяхъ съ знаменитыми богачами петербургскаго и московскаго старообрядческихъ обществъ. Мы уже говорили, что главною цѣлію ихъ пріѣзда въ Бѣлую-Криницу было—пріобрѣсти здѣсь австрійскій паспортъ для путешесствія „въ цѣлый свѣтъ, куда только надобность позоветъ". [1]) Поживъ немного въ монастырѣ, заручившись расположеніемъ настоятеля и братства, они стали хлопотать о паспортѣ. Порядокъ добыванія паспортовъ для бѣглыхъ раскольниковъ былъ уже установленъ и хорошо извѣстенъ въ Бѣлой-Криницѣ: для этого нужно было, чтобы главныя, почетнѣйшія лица липованской „громады", въ томъ числѣ дворникъ и дьякъ, засвидѣтельствовали

---

[1]) Геронтій въ показаніи (*Чт. въ общ. ист. и др.* 1871 г. т. IV, отд. V, стр. 147).

въ думеніи, что желающій получить паспортъ есть природный ихъ липованъ и что онъ имѣетъ надобность съѣздить туда и туда; думенія, за ихъ поручительствомъ, выдавала отъ себя свидѣтельство, что это есть дѣйствительно австрійскій подданный; свидѣтельство думеніи представлялось въ крайзамтъ (въ Черновцахъ); затѣмъ отправлялось въ губернію (во Львовъ), откуда наконецъ и выдавался паспортъ. Павлу и Геронтію нужно было такимъ образомъ прежде всего задобрить въ свою пользу почетнѣйшихъ людей бѣлокриницкой липованской „громады". Дворникомъ былъ тогда тотъ самый Иванъ Тихоновъ, ближайшій сосѣдъ монастыря, о которомъ упоминалось выше, дьякомъ — Кипріанъ Тимоѳеевъ, а самымъ почетнымъ и уважаемымъ въ селеніи старикомъ—Иванъ Григорьевъ Поляковъ, или Полякъ: онъ, вмѣстѣ съ дьякомъ, ворочалъ всѣми дѣлами бѣлокриницкой громады, такъ что составилась поговорка у липованъ: „дьякъ да Полякъ всему дѣлу голова." Павелъ и Геронтій, рекомендованные Іоилемъ, скоро сошлись съ этими главами липованскаго общества. И на нихъ Павелъ произвелъ самое выгодное впечатлѣніе: такого разумника имъ еще не приводилось встрѣчать. Осторожно объяснилъ имъ Павелъ, что вмѣстѣ съ спутникомъ намѣренъ посѣтить святый градъ Іерусалимъ, и Ливанскія горы, и Египетскую страну, снисканія ради древлеправославныхъ епископовъ, якобы во оныхъ странахъ отъ лѣтъ никонова гоненія крыющихся, и таковому благочестивому подвигу, своимъ ходатайствомъ предъ земными властями, просилъ ихъ посодѣйствовать. Почтенные старѣйшины липованъ выразили сожалѣніе, что столь разумные „старцы" не хотятъ пожить въ ихъ Бѣлокриницкой обители, которой могли бы принести немалую пользу; однакоже содѣйствовать ихъ „подвигу" не отказались, такъ какъ Павелъ и Геронтій, по существующему въ липованіи обычаю, не преминули предложить симъ старѣйшинамъ приличное угощеніе. Теперь нужно было, по липованскому же обычаю, Павла и Геронтія зачислить на имя какихъ-нибудь умершихъ липованъ: и вотъ Павелъ называется Аѳанасіемъ, сыномъ бывшаго боташанскаго купца Василья Ѳедотова, а Геронтій—сыномъ нѣкоего умер-

шаго бѣлокриницкаго жителя Левона Бѣлаго. [1]) Дворникъ, дьякъ и старикъ Иванъ Поляковъ поручились въ думеніи предъ паномъ мондаторомъ, что эти Ѳедотовъ и Левоновъ ихъ природные липоване, что имѣютъ они намѣреніе сходить во святый градъ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню, и потому просили пана—мандатора дать имъ свидѣтельство на полученіе паса срокомъ на одинъ годъ. Мандаторъ,—свой человѣкъ,—не затруднился выдать свидѣтельство, съ которымъ новопроизведенные липоване и поѣхали въ городъ Черновцы, совсѣмъ распростившись съ бѣлокриницкою братіей, такъ какъ прямо изъ Черновцевъ намѣрены были отправиться во Львовъ и дальнѣйшій путь.

Итакъ, свои заграничные подвиги ради основанія „древлеправославной" старообрядческой іерархіи, въ силу того правила, что цѣль оправдываетъ средства, Павелъ и Геронтій начали обманомъ,—первымъ ихъ шагомъ здѣсь было самозванство. На этотъ разъ однакоже обманъ имъ не удался. Одинъ изъ бѣлокриницкихъ жителей, молодой липованъ Дей Парамоновъ, по враждѣ ли къ старшинамъ, завладѣвшимъ всѣми громадскими дѣлами, или недовольный тѣмъ, что мало-мальски порядочные калугеры все уходятъ изъ ихъ Бѣлокриницкаго монастыря, по другимъ ли какимъ причинамъ, сдѣлалъ въ крайзамтѣ доносъ на Павла съ Геронтіемъ, что они совсѣмъ не липоване, а бѣглые изъ Россіи калугеры. И вотъ, когда новонареченные Ѳедотовъ и Левоновъ явились къ крайскоммиссару для предъявленія выданнаго имъ въ думеніи свидѣтельства, онъ объявилъ, что не вѣритъ этому свидѣтельству, и посовѣтовалъ имъ скорѣе убираться назадъ въ монастырь, если не желаютъ, чтобы съ ними поступлено было какъ съ бѣглыми изъ за границы, такъ какъ въ крайзамтѣ получены вѣрныя свѣдѣнія о томъ, кто они такіе. Входить въ объясненія и пререканія съ паномъ крайскоммиссаромъ не приходилось; при томъ же съ его стороны

---

[1]) Такъ показалъ о себѣ инокъ Павелъ и слѣдственной коммиссіи 1844 года (проток. 17 февр. *Бѣлокр. арх.*); а за Геронтіемъ навсегда осталась фамилія Левоновъ,—на допросахъ въ 1847 году онъ показалъ, что происходитъ отъ Левона, именуемаго Бѣлымъ (*Чт. общ. ист. и др.* 1871 г. т. IV, отд. V. стр. 146).

и то уже было не малымъ благодѣяніемъ для самозванцевъ, что отпускалъ ихъ на свободу.

Крайне огорченные на первыхъ же порахъ встрѣтившейся неудачей, Павелъ и Геронтій поѣхали обратно въ Бѣлокриницкій монастырь, гдѣ ихъ никакъ не ожидали. Эта неудача была тѣмъ непріятнѣе, что отняла у нихъ всякую надежду на полученіе австрійскаго заграничнаго паспорта, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени. А между тѣмъ отказаться отъ предположенной поѣздки они уже теперь никакъ не хотѣли. Придумали попытать счастья въ Молдавіи,—нельзя ли будетъ при помощи ясскихъ старообрядцевъ добыть молдавскій паспортъ. Хлопотать поѣхалъ одинъ Геронтій, а Павелъ остался ждать его въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. Но эта вторая попытка была еще неудачнѣе: за Соколинцами, только что Геронтій перешелъ границу, его арестовали и засадили въ тюрьму. Онъ успѣлъ чрезъ мѣстныхъ липованъ извѣстить Павла о своемъ заключеніи: Павелъ страшно перепугался. Нужно было какъ-нибудь выручить товарища. Самъ онъ ѣхать не рѣшался, изъ опасенія подвергнуться такой же печальной участи, какая постигла Геронтія, а упросилъ одного изъ бѣлокриницкихъ липованъ похлопотать за узника, снабдивъ его необходимою на хлопоты суммою. За приличный выкупъ Геронтія отпустили на волю съ тѣмъ, чтобы ѣхалъ туда, откуда пріѣхалъ. Геронтій былъ доволенъ и тѣмъ, что могъ по крайней мѣрѣ соединиться опять съ другомъ и товарищемъ. Это приключеніе было въ исходѣ августа.

Положеніе искателей „древлеправославнаго" архіерейства было тогда очень затруднительно. Приступить къ главному предпріятію, пуститься въ предположенное странствіе не было никакой возможности за неимѣніемъ паспортовъ; о возвращеніи же въ Россію, опять ничего не сдѣлавши, они и думать не хотѣли. Послѣ многихъ и долгихъ размышленій, рѣшились наконецъ осень и зиму прожить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ,—выждать, не измѣнятся ли обстоятельства и само время не укажетъ ли выхода изъ настоящихъ затрудненій. Ожиданія эти были не напрасны. Осень и зима 1839 года, проведенныя Павломъ и Геронтіемъ въ Бѣлой-

Криницѣ, — время весьма замѣчательное въ исторіи бѣлокриницкой іерархіи: въ это время Павелъ успѣлъ совершенно ознакомиться съ бытомъ липованъ, упрочить свое положеніе и въ монастырѣ и въ обществѣ бѣлокриницкомъ,—овладѣть общимъ расположеніемъ и довѣріемъ; тогда же составилъ онъ въ главныхъ чертахъ и тотъ планъ относительно учрежденія законно—дозволенной и признанной правительствомъ старообрядческой архіерейской каѳедры, на осуществленіе котораго положилъ потомъ всѣ свои силы и таланты.

II. Планъ этотъ основанъ главнымъ образомъ на знаменитой „привилегіи" Іосифа II. Теперь только, изъ бесѣдъ съ липованами, Павелъ узналъ о существованіи „привилегіи"; но, къ немалому его удивленію, липоване не могли сообщить ему даже точныхъ извѣстій объ ея содержаніи. Однакоже и того, что можно было узнать изъ разговоровъ съ липованами, было достаточно Павлу, чтобы понять важность и значеніе этого документа въ отношеніи именно къ дѣлу объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры. Нужно было теперь надлежащимъ образомъ познакомиться съ привилегіей, — прочитать ее и, если можно, получить копію. Не малаго труда стоило даже узнать, гдѣ находится драгоцѣнный документъ: такъ мало въ то время липоване имъ дорожили! По слухамъ, привилегія хранилась у старика Елезвоя, одного изъ коренныхъ бѣлокриницкихъ жителей: Павелъ и Геронтій отправились къ Елезвою, запасшись на всякій случай карандашомъ и бумагой. Среди разумной и сладкорѣчивой бесѣды, Павелъ осторожно завелъ рѣчь о „привилегіи", расписалъ какъ слѣдуетъ ея значеніе и тонко польстилъ обладателю такой драгоцѣнности. Кончилось тѣмъ, что Елезвой вытащилъ привилегію изъ сундука, гдѣ хранилась она почти совсѣмъ забытая, чтобы показать гостямъ,—и пока происходило разсматриванье, пока Геронтій занималъ старика бесѣдами и распросами, Павелъ, извѣстный борзописецъ, успѣлъ снять точную копію русскаго текста этой драгоцѣнной грамоты [1].

---

[1]) Въ послѣдствіи, по совѣту Павла, „привилегія" передана была на сохраненіе въ бѣлокриницкую слободскую церковь, гдѣ и теперь находится.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ „привилегіи". Въ первомъ ея пунктѣ, которымъ предоставлялась липованамъ и *ихъ духовенству* полная свобода въ отправленіи религіи, онъ нашелъ такое, верховною властію утвержденное постановленіе, какого нигдѣ и никогда старообрядцы не имѣли; онъ сейчасъ же понялъ, что на основаніи этого постановленія можно завести у липованъ старообрядческую іерархію во всей ея полнотѣ, если только умѣючи взяться за дѣло,—что здѣсь-то, среди липованъ, можетъ найти себѣ безопасное, огражденное закономъ существованіе „древлеправославный" епископъ, если будетъ обрященъ,—здѣсь онъ безпрепятственно можетъ поставлять для всего старообрядчества и діаконовъ, и священниковъ и въ случаѣ надобности самыхъ даже епископовъ. Тогда-то въ предпріимчивой головѣ Павла возникла мысль и, по братскомъ совѣщаніи съ Геронтіемъ, составились начальные планы относительно учрежденія законнымъ порядкомъ, съ утвержденія австрійскаго правительства, старообрядческой архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. И все это, какъ онъ думалъ и проповѣдывалъ, устроилось не случайно: и въ существованіи и въ самомъ обрѣтеніи привилегіи онъ видѣлъ особенное устроеніе промысла, якобы неусыпно пекущагося о томъ великомъ дѣлѣ на пользу „древлеправославной" церкви, къ совершенію котораго онъ—Павелъ предназначенъ свыше и долженъ приступить теперь съ неослабнымъ ревніемъ...

Кромѣ Геронтія, Павелъ началъ посвящать въ свои планы нѣкоторыхъ бѣлокриницкихъ „старцевъ". Тогда уже находился въ Бѣлой-Криницѣ инокъ Онуфрій. Въ томъ же 1839 году онъ ушелъ изъ Россіи „черезъ сухую австрійскую границу", съ намѣреніемъ пробраться изъ Буковины въ Молдавію. Въ Бѣлую-Криницу онъ пріѣхалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ: встрѣча съ Геронтіемъ, и особенно съ Павломъ, побудила его не спѣшить отъѣздомъ изъ Бѣлокриницкаго монастыря[1]). Инокъ Павелъ нашелъ въ Онуфріѣ одного изъ самыхъ горячихъ и преданнѣйшихъ почитателей: ему-то первому послѣ Геронтія сообщилъ онъ о своихъ планахъ,

[1]) Записка, поданная о. Онуфріемъ митрополиту Филарету въ 1865 году.

внушенныхъ ближайшимъ знакомствомъ съ содержаніемъ „привилегіи“. Затѣмъ осторожно повелъ рѣчь объ нихъ и съ настоятелемъ, инокомъ Іоилемъ. Ему Павелъ далъ замѣтить, что по учрежденіи архіерейской каѳедры онъ могъ бы вскорѣ же поставленъ быть въ архимандриты Бѣлокриницкаго монастыря, а затѣмъ достигнуть и высшей іерархической степени. Павелъ коснулся этими намеками слабой струны Іоиля и потому легко расположилъ его въ пользу своихъ плановъ.

Гораздо больше предстояло труда, чтобы склонить въ пользу предпріятія липованское общество, — а войти въ объясненія съ липованами было необходимо, такъ какъ безъ ихъ участія и безъ согласія съ ихъ стороны дѣло не могло быть и начато. Прежде этого однакоже онъ почелъ нужнымъ посовѣтоваться съ людьми знающими австрійскіе законы и дѣлопроизводство, найдутъ ли они возможнымъ осуществленіе замышляемаго предпріятія. Тогда онъ успѣлъ уже завязать въ Черновцахъ знакомство съ чиновническимъ міромъ, къ чему первымъ поводомъ послужили неудачныя хлопоты о паспортѣ. Въ то время нашелся въ крайзамтѣ чиновникъ, нѣкій панъ Атанасевичъ, который хотя не безкорыстно, но все-таки принялъ участіе въ его положеніи: къ этому пану Атанасевичу онъ и отправился, съ копіей „привилегіи“, посовѣтоваться, можно ли на основаніи этого документа начать дѣло о дозволеніи австрійскимъ старообрядцамъ имѣть своего собственнаго епископа, и если можно, то какъ дѣло начать и повести. Атанасевичъ далъ совѣтъ начинать и указалъ для этого обыкновенный способъ: отъ имени липованскихъ обществъ подать прошеніе въ крайзамтъ съ точнымъ изложеніемъ основаній и условій, на которыхъ липованамъ желательно имѣть епископа. Никакихъ причинъ опасаться отказа онъ не предвидѣлъ. Хотя правительство, какъ ему было извѣстно, весьма недовольно липованами за ихъ упорное сопротивленіе введенію метрикъ, о чемъ существовало еще неконченное дѣло; но это обстоятельство, по его мнѣнію, можно было обратить даже въ пользу предпріятія, еслибы только липоване обязались, вслѣдъ за учрежденіемъ у нихъ архіерейской

каѳедры, ввести въ употребленіе и столь желаемыя правительствомъ метрики. Инокъ Павелъ съ своей стороны вполнѣ согласенъ былъ съ этимъ замѣчаніемъ; онъ находилъ даже, что между тѣмъ и другимъ дѣломъ имѣется тѣсная внутренняя связь, — что при существующихъ набѣглыхъ попахъ, которые притомъ мѣняются такъ часто, липованамъ, еслибъ они даже и хотѣли этого, неудобно установить правильный порядокъ въ веденіи метрическихъ записей, и, напротивъ, порядокъ этотъ весьма легко можетъ быть установленъ съ учрежденіемъ у липованъ архіерейской каѳедры, когда у нихъ явятся постоянные, для нихъ поставленные священники и никакого недостатка въ священствѣ они терпѣть уже не будутъ. Посему онъ выразилъ полную готовность соединить оба эти дѣла и былъ вообще очень доволенъ, что въ подкрѣпленіе просьбы о епископѣ можно представить такой важный для правительства аргументъ, какъ соединенное съ исполненіемъ этой просьбы введеніе у липованъ правильныхъ метрическихъ записей. Но въ то же время онъ понималъ, что относительно этого послѣдняго пункта придется встрѣтить сильныя затрудненія со стороны липованъ, съ характеромъ которыхъ успѣлъ уже достаточно познакомиться, — и своихъ опасеній не скрылъ отъ „благодѣтельнаго чиновника". Тѣмъ не менѣе однако Павелъ рѣшился и обѣщалъ Атанасевичу переговорить съ липованами насчетъ метрикъ [1]).

Объясненія съ липованами ведены были весьма осторожно и искусно. Павелъ считалъ необходимымъ прежде всего заручиться согласіемъ главныхъ представителей липованскаго общества, чрезъ которыхъ не трудно уже было бы дѣйствовать на другихъ. Начались свиданія и бесѣды съ Поля-

---

[1]) Атанасевичъ, который, надобно замѣтить, былъ православнаго исповѣданія, сдѣлался съ этого времени ближайшимъ пріятелемъ и совѣтникомъ Павла по сношеніямъ съ правительствомъ. Это званіе монастырскаго ходатая и совѣтника по дѣламъ гражданскимъ онъ сохранилъ потомъ до самой смерти (ум. въ 1866 г.), за что пользовался отъ монастыря приличнымъ вознагражденіемъ. О томъ, что дѣло о метрикахъ было поставлено въ связи съ дѣломъ объ архіерейской каѳедрѣ, см. въ показаніи Геронтія (*Чт. въ общ. ист. и др.* 1871 г. кн. 4, отд. V, стр. 140—147).

комъ-Иваномъ Кирилычемъ, съ дьякомъ Кипріяномъ, съ дворникомъ Иваномъ Тихоновымъ, — и съ каждымъ наединѣ, и въ общихъ собраніяхъ. Яркими чертами Павелъ изображалъ имъ повсюдное, всеобщее оскудѣніе священства въ старообрядческихъ обществахъ и претерпѣваемую оными крайнюю и ужасную нужду въ исполненіи самонужнѣйшихъ христіанскихъ потребъ. Никто лучше не могъ оцѣнить всю горькую правду этихъ павловыхъ рѣчей, какъ его собесѣдники, столько хлопотъ и горя испытавшіе съ бѣглыми попами. Но въ будущемъ инокъ Павелъ сулилъ имъ еще больше горя и хлопотъ: онъ расказалъ, какъ строго преслѣдуютъ теперь бѣгствующихъ священниковъ въ Россіи, откуда собственно и добывали ихъ липоване, и какъ мало осталось прежнихъ, дозволенныхъ поповъ въ самой даже Москвѣ. „Теперь предлежитъ намъ, продолжалъ Павелъ, единое средство спасенія — обрѣсти древлеправославнаго епископа, который неоскудно могъ бы снабдѣвать насъ истиннымъ священствомъ, о чемъ ревнители древлеотеческаго благочестія великое имѣютъ попеченіе: и мы, послѣднѣйшіе, оныхъ ревностію подвигшеся, всякій трудъ и самую душу, аще изволитъ Господь, положити желаемъ на пріобрѣтеніе онаго вожделѣннаго предмета, ибо, не безызвѣстно вамъ, для сего мы и предпріяли настоящее наше странствіе". Все это липованскіе старшины слушали съ услажденіемъ и сочувствіемъ. Но когда Павелъ, разъяснивъ имъ точное значеніе „привилегіи", сталъ излагать свои планы относительно учрежденія законнымъ порядкомъ старообрядческой архіерейской каѳедры именно у нихъ, въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ: на первый разъ это дѣло показалось имъ и несбыточнымъ, и опаснымъ. „Сколько, говорили, потребуется хлопотъ, сколько будетъ всякихъ спросовъ и переспросовъ отъ правительства! а если и выхлопочемъ епископа, не подчинилъ бы онъ насъ какому-нибудь рабству?—Богъ его знаетъ! Притомъ же и содержать его потребуются не малыя средства, — а мы люди небогатые!" Возраженія эти Павелъ предвидѣлъ, и разрѣшилъ безъ затрудненія. Всѣ хлопоты предъ правительствомъ онъ бралъ на себя и своихъ ближайшихъ сотрудниковъ: отъ липован-

скаго общества требовалось одно — чтобы заявило предъ правительствомъ о крайней нуждѣ и непремѣнномъ желаніи имѣть своего епископа, и чтобы дало монастырскимъ уполномоченнымъ формальную довѣренность на веденіе дѣла объ учрежденіи въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческой архіерейской каѳедры. „О томъ же, чтобы древлеправославный епископъ, аще обрѣсти таковаго сподобитъ Господь, могъ учинить какое-либо стѣсненіе сиротствующимъ нынѣ въ крайнемъ оскудѣніи священства старовѣрческимъ обществамъ, — о томъ, говорилъ Павелъ, и помышлять непростительно". Наконецъ, относительно средствъ на содержаніе будущаго епископа, онъ открылъ липованамъ, что на сей предметъ имѣетъ несумнительныя обѣщанія отъ первѣйшихъ по богатству старообрядцевъ россійскихъ; обществу же бѣлокриницкому не только не придется понести по сему случаю какіе-либо расходы, но пребываніе въ Бѣлой-Криницѣ „епископа всѣхъ древлеправославныхъ христіянъ" еще доставитъ Бѣлой-Криницѣ славу и матеріальныя выгоды. Такого рода бесѣдами инокъ Павелъ мало-по-малу успѣлъ внушить липованскимъ старѣйшинамъ готовность содѣйствовать, чѣмъ могутъ съ своей стороны, учрежденію въ Бѣлой-Криницѣ „древлеправославнаго" архіерейства; но какъ только въ своихъ бесѣдахъ касался онъ дѣла о метрикахъ, каждый разъ больше и больше убѣждался въ невозможности побѣдить закоренѣлое къ нимъ отвращеніе липованъ, такъ что призналъ за лучшее до времени не заводить и рѣчи объ этомъ предметѣ, чтобы какъ не повредить главному дѣлу. Начальству же, чрезъ „благодѣтельныхъ чиновниковъ", онъ надѣялся внушить, что со временемъ, когда у липованъ заведется правильное іерархическое устройство, дѣло о метрикахъ можно будетъ легко уладить къ полному удовольствію правительства.

Когда самыя почетныя и вліятельныя лица липованскаго общества въ Бѣлой-Криницѣ склонились на убѣжденія Павла ходатайствовать предъ австрійскимъ правительствомъ о дозволеніи имѣть липованамъ, на основаніи „высочайшей привилегіи", своего собственнаго епископа, то о прочихъ „рядовыхъ" липованахъ нечего было и заботиться: они всегда

полагались на мнѣніе старшинъ. Что будетъ гораздо лучше, если заведется у нихъ свой епископъ, что тогда и въ священствѣ не встрѣтится недостатка, теперь такъ чувствительнаго, — это всѣ понимали; а входить въ дальнѣйшія объ этомъ разсужденія считали не своимъ дѣломъ, — на то есть дьякъ съ калугерами.

III. Достаточно увѣрившись, что со стороны липованскаго общества не будетъ препятствій, Павелъ и Геронтій рѣшились начинать дѣло о епископѣ. Павелъ занялся составленіемъ прошенія въ крайзамтъ. Сущность прошенія онъ изложилъ въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: уполномоченные отъ липованскихъ въ Буковинѣ обществъ, иноки Бѣлокриницкаго монастыря 1) просятъ кесарокоролевское правительство дозволить имъ, на основаніи высочайше дарованной въ 1783 году привилегіи (съ которой прилагалась копія), привезти изъ-за границы своего, независимаго отъ другихъ религій, епископа, для восполненія претерпѣваемой липованами крайней и гибельными послѣдствіями грозящей нужды въ священствѣ и для безпрепятственнаго отправленія всѣхъ принадлежащихъ епископскому сану дѣйствій; 2) просятъ, чтобы жительство будущему епископу дозволено было имѣть въ монастырѣ, состоящемъ при селеніи Бѣлая-Криница; 3) обязуются съ своей стороны никакихъ будущему епископу вспоможеній отъ правительства не просить, а содержать его на полной своей отчетности. Пригласили липованскихъ старшинъ обсудить это прошеніе и затѣмъ дать окончательно свое согласіе на формальное начатіе дѣла: ни противъ содержанія, ни противъ подачи прошенія липованскіе думные люди не сдѣлали никакихъ возраженій; напомнили только, что всѣ хлопоты предъ правительствомъ, согласно обѣщанію, Павелъ и Геронтій должны принять на себя. Для окончательной редакціи прошенія и для перевода на нѣмецкій языкъ опять нужно было иноку Павлу съѣздить въ Червонцы къ Атанасевичу. Атанасевичъ замѣтилъ только, что въ прошеніи непремѣнно слѣдовало, какъ онъ и прежде говорилъ, упомянуть о согласіи липованъ на введеніе у нихъ метрическихъ записей въ томъ случаѣ, если имъ дозволено будетъ имѣть своего епископа. Павелъ съ сокрушеніемъ

сердца объяснилъ ему, что это, дѣйствительно важное „упущеніе" сдѣлано по крайней нуждѣ, такъ какъ предубѣжденіе липованъ противъ „метрики", чего онъ и опасался, оказалось слишкомъ сильно, и самое благоразуміе требовало сдѣлать имъ на первый разъ уступку, не вносить въ прошеніе пунктъ о метрикахъ; но тѣмъ не менѣе онъ старался увѣрить Атанасевича, что въ послѣдствіи, съ учрежденіемъ у липованъ правильнаго іерархическаго порядка, непремѣнно введены будутъ въ употребленіе и метрики, даже просилъ его, вмѣстѣ съ прочими „благодѣтельными чиновниками", словесно передать высшему начальству, что податели прошенія за это ручаются. Окончательно исправленное прошеніе было наконецъ подписано Бѣлокриницкаго монастыря настоятелемъ, инокомъ Іоилемъ, съ прочею братіей, и, 14-го (26-го) февраля 1840 года, подано въ Буковинскій крайзамтъ. [1])

Итакъ, Павелъ и Геронтій, неожиданно оставшись зимовать въ Бѣлой-Криницѣ, также нечаянно напали на мысль о предпріятіи чрезвычайной важности для всего старообрядческаго міра и въ теченіе зимы настолько сами освоились съ этою мыслію, настолько и другихъ расположили въ ея

---

[1]) Это именно число указанно въ „Рекурсѣ", поданномъ императору Фердинанду въ 1843 году. (*Бѣлокр. арх.*). Между тѣмъ въ *Уставѣ* говорится что прошеніе подано въ мартѣ мѣсяцѣ. Первое показаніе представляется болѣе точнымъ. Всѣ изложенныя нами подробности событій, съ пріѣзда Павла и Геронтія въ Бѣлокриницкій монастырь до подачи прошенія, основаны частію на запискахъ, частію на устныхъ разказахъ отца Онуфрія, которыя вполнѣ подтверждаются и отдѣльными замѣтками, встрѣчаемыми то въ оффиціальныхъ документахъ, то въ запискахъ и письмахъ другихъ участниковъ дѣла. Такъ Алимпій, отъ 27 іюля 1841 года, писалъ роднымъ своимъ въ Крылово: „Мы между собою сдѣлавъ совѣтъ заблагоразсудили просить (согласно привилегіи) государственной помощи для отысканія намъ себѣ епископа, въ чемъ имѣемъ крайнюю нужду. Посовѣтовшись *съ благодѣтельными намъ чиновниками*, мы, сдѣлавши на бумагѣ, за нужное почли предложить своимъ свободнымъ обществамъ и испросить ихъ на то совѣту. И собравши изъ общества старѣйшихъ значительныхъ людей, прочитали имъ наше предпріятое намѣреніе, которое и они одобрили, но оставили оное намъ на нашу волю. Мы отъ себя подали прошеніе." Самъ Алимпій однакоже во всемъ этомъ не участвовалъ; онъ пріѣхалъ въ Бѣлую-Криницу уже въ то время, когда прошеніе было подано.

пользу, что нашли возможность сдѣлать рѣшительный шагъ къ ея осуществленію. Подавъ прошеніе, они, кажется, были увѣрены, что со стороны правительства отказа не послѣдуетъ, и что, быть-можетъ, лѣтомъ же наступившаго 1840 года, снабженные правильными видами, отправятся въ давно желаемое путешествіе отыскивать „древле-православнаго епископа" на приготовленную уже и законно утвержденную каѳедру. Но здѣсь-то именно и встрѣтились затрудненія, съ которыми пришлось имъ бороться цѣлыхъ четыре года всевозможными позволенными и непозволенными средствами.

IV. Черновицкій крайзамтъ не нашелъ съ своей стороны никакихъ препятствій дать надлежащее движеніе просьбѣ бѣлокриницкихъ иноковъ объ учрежденіи самостоятельной липованской іерархіи съ епископомъ во главѣ. Напротивъ, черновицкія власти нашли, что примѣръ прочихъ существующихъ въ Австріи иновѣрцевъ и представленная въ копіи грамота Іосифа II составляютъ вполнѣ достаточное основаніе для такой просьбы; а заявленіе Павла, что липоване, съ учрежденіемъ у нихъ правильной іерархіи, не замедлятъ ввести въ употребленіе и метрическія записи, было принято ими съ такимъ довѣріемъ, что въ виду столь важнаго результата признали нужнымъ поддержать бѣлокриницкую просьбу и своимъ собственнымъ ходатайствомъ предъ высшимъ правительствомъ. Въ такомъ смыслѣ рѣшено было крайзамтомъ сдѣлать представленіе губернскому (во Львовъ) начальству, на разсмотрѣніе котораго надлежало препроводить и самую просьбу. Но въ просьбѣ этой имѣлись пункты, относительно которыхъ крайзамту необходимо было сдѣлать офиціальное дознаніе, чтобъ имѣть возможность, при представленіи дѣла въ губернію, дать нужныя по оному объясненія: 1) желаніе имѣть своего епископа выражено въ прошеніи отъ имени всѣхъ липованъ: нужно было удостовѣриться, дѣйствительно ли общества липованскія имѣютъ такое желаніе; 2) для жительства будущему епископу предназначенъ липованскій монастырь, находящійся при селеніи Бѣлая-Криница: нужно было собрать точныя свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ, когда онъ устроился и на

какихъ основаніяхъ существуетъ теперь; 3) содержаніе будущему епископу монастырь обязуется доставлять изъ собственныхъ средствъ: нужно было удостовѣриться, дѣйствительно ли имѣетъ монастырь достаточныя средства, чтобы могъ прилично содержать епископа; наконецъ 4) необходимо было развѣдать и о томъ, можно ли въ самомъ дѣлѣ положиться на обѣщаніе Павла, что метрики безпрепятственно будутъ приняты липованами, когда они получатъ правильно устроенную іерархію. Для собранія точныхъ свѣдѣній по всѣмъ этимъ пунктамъ, крайзамтъ, въ исходѣ апрѣля 1840 года, нарочно отправилъ въ Бѣлую-Криницу коммиссара Шаловскаго.

Эта первая „коммиссія" по дѣлу объ учрежденіи архіерейской каѳедры произвела очень непріятное впечатлѣніе на бѣлокриницкихъ липованъ: ихъ опасеніе, что начнутся разные хлопоты, спросы и переспросы, начало сбываться такъ скоро! Могло случиться, что, въ ожиданіи новыхъ подобныхъ непріятностей, они теперь и вовсе откажутся отъ участія въ затѣяхъ „калугеровъ". Для Павла съ Геронтіемъ это было очень тревожное время; требовалось все ихъ искуство, чтобъ успокоить липованъ. И сами не мало озабоченные пріѣздомъ коммиссара, они старались однако увѣрить липованъ, что эта „коммиссія" есть обыкновенная формальность, безъ которой невозможно обойтись, и что затѣмъ уже липованскому обществу нечего опасаться какихъ-либо новыхъ безпокойствъ. Между тѣмъ они вошли въ ближайшія сношенія съ самимъ черновицкимъ коммиссаромъ. Панъ Шаловскій оказался человѣкомъ весьма доступнымъ, и на свое порученіе, дѣйствительно, смотрѣлъ какъ на дѣло простой формальности. Можно было надѣяться поэтому, что всѣ показанія, какія будутъ ему сдѣланы, онъ приметъ, не подвергая строгой повѣркѣ. По вопросу о желаніи обществъ липованскихъ имѣть своего епископа, Шаловскій ограничился показаніемъ однихъ старшинъ, которые, по настоянію Павла, не отказались подтвердить предъ коммиссаромъ, что просьба о епископѣ подана съ согласія всей липованской громады и что епископа имъ желательно пріобрѣсти. Относительно средствъ на содержаніе будущаго

епископа настоятель инокъ Іоиль представилъ коммиссару, составленное инокомъ Павломъ, исчисленіе разныхъ „грунтовъ“ и угодій, якобы принадлежащихъ монастырю и дающихъ не малый доходъ (чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было), также сдѣланныхъ якобы монастырю нѣкоторыми лицами (небывалыхъ) денежныхъ вкладовъ: этимъ показаніемъ коммиссаръ удовлетворился вполнѣ и наводить справки не счелъ нужнымъ. Гораздо труднѣе было дать объясненія по двумъ остальнымъ пунктамъ. Вопросъ о монастырѣ имѣлъ ту весьма щекотливую сторону, что долженъ былъ вызвать изъ забвенія прежнія дѣла, въ силу которыхъ монастырь подвергнутъ двукратному запрещенію отъ правительства. Нѣтъ сомнѣнія, что инокъ Павелъ, проживъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ около года, успѣлъ хорошо познакомиться съ его исторіей и понималъ, какою опасностію грозили нынѣшнему существованію монастыря, а вмѣстѣ и самому дѣлу объ учрежденіи въ немъ архіерейской каѳедры, эти состоявшіяся въ прежнее время правительственныя рѣшенія. Устранить столь опасное по своимъ послѣдствіямъ затрудненіе, достигнуть того, чтобы прежнія правительственныя распоряженія относительно липованскаго монастыря оставались, какъ было доселѣ, въ забвеніи, или въ противномъ случаѣ были признаны не основательными и не дѣйствительными — это сдѣлалось теперь одною изъ главныхъ заботъ инока Павла. Въ показаніи пану Шаловскому онъ старался по возможности избѣжать всего, что̀ могло бы вести къ напоминанію о прежней исторіи монастыря, и ограничился общимъ отвѣтомъ, что монастырь съ давнихъ поръ существуетъ на грунтѣ, отданномъ и завѣщанномъ въ его владѣніе старовѣромъ Иларіономъ Петровичемъ Коровьи-ножки, въ настоящее время имѣетъ столько-то иноковъ и находится въ положеніи благоустроенномъ. Что же касается вопроса о метрикахъ, то бѣлокриницкіе старшины и теперь, въ показаніи Шаловскому, не отступили отъ своего прежняго рѣшенія, то-есть показали, что распоряженіе правительства о веденіи метрическихъ записей считаютъ нарушеніемъ предоставленной имъ грамотой Іосифа II религіозной свободы.

Павелъ, напротивъ, далъ показаніе, что веденіе метрикъ не противно ни религіи липованъ, ни „привилегіи" Іосифа II, что одно только неимѣніе правильно устроенной іерархіи было причиной, почему доселѣ употребленіе метрикъ не принято у липованъ, и что съ учрежденіемъ архіерейской каѳедры, очевидно, устранится главное и единственное къ тому препятствіе. Это формально данное имъ показаніе Павелъ, однакоже, просилъ коммиссара, въ видахъ успокоенія липованъ, сохранить въ тайнѣ. Протоколъ этой первой слѣдственной коммиссіи по дѣлу объ учрежденіи бѣлокриницкой іерархіи подписанъ былъ 30 апрѣля 1840 года.[1])

Заботясь главнымъ образомъ о соблюденіи формальной правильности въ дѣлопроизводствѣ, крайзамтъ нашелъ собранныя Шаловскимъ показанія достаточными, по крайней мѣрѣ на первый разъ, чтобы сдѣлать о поданной липованскими иноками просьбѣ представленіе губернскому начальству въ смыслѣ благопріятномъ для просителей. Это представленіе, вмѣстѣ съ подлиннымъ прошеніемъ иноковъ Бѣлокриницкаго монастыря и протоколами Шаловскаго, было отправлено во Львовъ 29-го іюня.

V. Но крайзамтъ не могъ не примѣтить, что въ его представленіи, а также и въ протоколахъ коммиссара, есть пунктъ весьма слабо разъясненный,—именно пунктъ о самомъ Бѣлокриницкомъ монастырѣ Не было сомнѣнія, что изъ губерніи потребуютъ гораздо болѣе полныхъ и точныхъ свѣдѣній о томъ, что это за монастырь, давно ли и на какихъ основаніяхъ существуетъ: представлялось необходимымъ поэтому заблаговременно позаботиться о собраніи такихъ свѣдѣній и приведеніи ихъ въ надлежащій порядокъ. Вообще, для успѣшнаго веденія начатаго липованскими иноками дѣла о епископѣ, въ интересѣ самыхъ просителей, крайзамтъ находилъ нужнымъ потребовать отъ нихъ подробнаго изложенія исторіи монастыря, его назначенія, принятыхъ въ немъ правилъ общежитія, — всѣхъ вообще свѣдѣній о внѣшнемъ и внутреннемъ его устройствѣ. Посред-

[1]) Это число указано въ губернскомъ рѣшеніи по настоящему дѣлу, отъ 16 октября 1842 года (*Бѣлокр. арх.*).

ствомъ такого изложенія, особенно если будетъ оно искусно составлено, крайзамтъ надѣялся расположить высшее правительство въ пользу монастыря. Наконецъ въ видахъ же содѣйствія успѣшному окончанію дѣла о епископѣ, крайзамтъ находилъ полезнымъ, чтобы сдѣлано было точное изложеніе самаго вѣроученія липованъ, такъ какъ правительство, не имѣя надлежащихъ о немъ свѣдѣній, не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи строгаго различія между липованами и австрійскими подданными православной грековосточной религіи, а потому и учрежденіе особой липованской іерархіи можетъ признать ненужнымъ при существованіи въ австрійскихъ предѣлахъ іерархіи православной, какъ и было однажды, когда липованскихъ поповъ хотѣли подчинить вѣдѣнію буковинскаго епископа и карловицкаго митрополита. Вслѣдствіе такихъ соображеній, изъ крайзамта послѣдовало, отъ 20-го іюня, [1]) предписаніе въ Бѣлокриницкій монастырь—сдѣлать и представить полное изложеніе монастырскаго устава „съ подробнымъ описаніемъ иноческаго житія и всѣхъ догматовъ вѣры старовѣрческой религіи.“ [2])

Указанныя сейчасъ соображенія „благодѣтельнаго“ для Липованъ черновицкаго начальства, безъ сомнѣнія, были извѣстны иноку Павлу, и онъ умѣлъ оцѣнить ихъ по достоинству. Но тѣмъ не менѣе это распоряженіе правительства о составленіи монастырскаго устава было новою непріятностію и для него, и для всего монастырскаго братства, ибо ощутительнымъ образомъ давало знать, что дѣло о епископѣ вовсе не такъ легко и, главное, не такъ скоро можетъ быть кончено, какъ они предполагали. Во всякомъ случаѣ предписаніе начальства необходимо было исполнить. Само собою разумѣется, что всѣ труды по составленію устава возложены были на инока Павла, какъ единственнаго

---

1) Такъ сказано въ *Рекурсѣ*.

2) Предисл. къ *Уставу*. Алимпій въ письмѣ къ роднымъ въ Крылово: „Правительство напередъ желаетъ узнать порядки нашего жительства и требуетъ отъ насъ устава, како имѣемъ жительство и состояніе монастыря, и о службѣ церковной, и о чиноположеніяхъ монастыря, даже и о пищѣ.“ Геронтій на допросѣ: „Мѣстное начальство, принявъ наше прошеніе, потребовало отъ насъ показать имъ нашу религію.“

человѣка, который могъ исполнить это дѣло. Составленіе монастырскаго устава само по себѣ не представляло особенной трудности для Павла: онъ достаточно знакомъ былъ съ аскетическими твореніями святыхъ отцевъ, раскрывающими духъ православнаго иночества, а внѣшнія правила монашеской жизни, вообще довольно строго соблюдаемыя въ раскольническихъ монастыряхъ, были извѣстны ему изъ опыта и вполнѣ имъ усвоены. Но уставъ, который надлежало ему составить, назначался не для того собственно, чтобы служить руководствомъ для монастырскихъ властей и монастырскаго братства, быть изложеніемъ правилъ обязательныхъ для непремѣннаго исполненія всѣми живущими въ монастырѣ; важнѣйшимъ его назначеніемъ, по требованію обстоятельствъ, было—служить предъ правительствомъ 1) своего рода апологіей липованскаго монастыря, оправданіемъ его существованія, и 2) документальнымъ основаніемъ для разъясненія и желаемаго рѣшенія вопроса объ учрежденіи въ монастырѣ архіерейской старообрядческой каѳедры. Имѣя въ виду именно такое назначеніе устава, инокъ Павелъ считалъ необходимымъ 1) и въ самомъ изложеніи правилъ иноческаго общежитія заботиться не столько объ ихъ удобоприложимости, сколько о томъ, чтобы они въ своей совокупности могли дать самое выгодное понятіе о томъ учрежденіи, которое считалось у правительства какимъ-то страннымъ, непозволительнымъ духовнымъ институтомъ; 2) тщательно собрать историческія свѣдѣнія о Бѣлокриницкомъ монастырѣ и изложить ихъ въ такомъ видѣ, чтобы законное существованіе монастыря представлялось не подлежащимъ сомнѣнію; 3) обстоятельно изложить всѣ основанія, на которыхъ должно утверждаться желаемое учрежденіе архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ,—исчислить всѣ права и обязанности будущаго епископа и его преемниковъ. Все это уже дѣлало трудъ составленія устава весьма не легкимъ: требовалось и терпѣніе и искусство, чтобы составить его какъ слѣдуетъ. Павелъ доказалъ, что въ достаточной степени обладалъ и тѣмъ и другимъ. Со всѣмъ усердіемъ занялся онъ собираніемъ матеріаловъ для устава,—дѣлалъ выписки изъ отеческихъ писаній, пользуясь

довольно богатымъ собраніемъ старопечатныхъ книгъ, доставшихся монастырю еще отъ перваго настоятеля Симеона,[1]) распрашивалъ старожиловъ, современниковъ Иларіона Коровьи-ножки, о заселеніи Бѣлой-Криницы, объ основаніи монастыря и постигшихъ его злоключеніяхъ, дѣлалъ подъ руководствомъ и при помощи Атанасевича справки въ присутственныхъ мѣстахъ, выписки изъ дѣлъ и правительственныхъ рѣшеній относительно монастыря въ Бѣлой-Криницѣ, совѣщался со своими ближайшими совѣтниками, читалъ имъ написанныя части устава и по ихъ указаніямъ дѣлалъ поправки, въ чемъ однакоже рѣдко представлялась надобность, такъ какъ все, что выходило изъ-подъ пера инока Павла, для его почитателей было образцомъ совершенства.[2]) Работа шла успѣшно и быстро приведена къ концу.

Но когда уставъ былъ написанъ, встрѣтилось новое затрудненіе: нужно было перевести его на нѣмецкій языкъ и найти такого переводчика, который могъ бы вѣрно передать смыслъ подлинника. Панъ Атанасевичъ для этого дѣла не годился: здѣсь нуженъ былъ человѣкъ, который, при совершенномъ знаніи славянскаго языка, не только вполнѣ владѣлъ бы языкомъ нѣмецкимъ, но имѣлъ бы также и близкое знакомство съ духовною литературой, съ языкомъ собственно богословскимъ, такъ какъ уставъ изобиловалъ текстами Священнаго Писанія и выписками изъ отеческихъ твореній, вообще по своему содержанію и изложенію имѣлъ характеръ церковно богословскаго сочиненія. На пріисканіе такого переводчика потрачено было много времени и хлопотъ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ,

---

[1]) Игуменъ Парѳеній свидѣтельствуетъ, что въ его время у бѣлокриницкихъ монаховъ была такая „библіотека книгъ, какая едва ли гдѣ и въ монастырѣ есть.“ *Кн. о пром.*, стр. 200.

[2]) Возражателемъ Павлу являлся только задорный инокъ Алимпій, въ это время возвратившійся уже въ Бѣлую-криницу. И такъ какъ Павелъ въ свою очередь былъ тоже человѣкъ горячій и особенно отъ своихъ мнѣній отступать не любилъ, то между ними по поводу устава происходили большіе споры; всякій разъ однакоже дѣло кончалось примиреніемъ, и „поликовавшись“ спорщики становились попрежнему друзьями.

найденъ былъ человѣкъ, на котораго можно было вполнѣ положиться, именно г. Тарновецкій, служившій консисторскимъ чиновникомъ у буковинскаго православнаго епископа Евгенія Гакмана. [1]) Тарновецкій успѣшно повелъ дѣло,—не затруднялся ни славянскимъ, ни нѣмецкимъ текстомъ. Впро-

[1]) По словамъ Надеждина, уставъ будто бы не только переводилъ, но даже и сочинялъ нѣкто іеродіаконъ Викторъ Кокорякъ. Вотъ что̂ именно писалъ онъ объ этой личности: „Чтобы соблюсти порядокъ, правительство потребовало отъ раскольниковъ подробнаго изложенія ихъ вѣроученія Подобное изложеніе написалъ для нихъ въ Буковинѣ одинъ изъ тамошняго православнаго духовенства, іеродіаконъ Викторъ Кокорякъ. Этотъ іеродіаконъ родомъ Волохъ, одаренный большими способностями и получившій основательное классическое образованіе, началъ было прекрасную карьеру, былъ отличнымъ профессоромъ въ Черновицкомъ теологическомъ институтѣ и готовился занять тамъ мѣсто ректора, но по несчастію свихнулся въ поведеніи, ударился въ пьянство и другіе пороки и теперь, отрѣшенный отъ всѣхъ должностей, живетъ на смиреніи, въ монастырѣ Драгомирнѣ. Тутъ сыскали его раскольники и, пользуязь его страстью, обратили его въ свое орудіе. Владѣя въ совершенствѣ языками нѣмецкимъ и латинскимъ, зная мѣстные законы и формы дѣлопроизводства, онъ служитъ имъ секретаремъ по всѣмъ оффиціальнымъ дѣламъ, пишетъ для нихъ всякую всячину за рюмку водки, за бутылку вина, за кружку пива. Такъ настрочилъ (!) онъ и требовавшееся отъ нихъ изложеніе вѣроученія, въ которомъ, по собственному его сознанію, высказанному мнѣ съ циническою откровенностію, самъ ничего порядочно не понимаетъ“. (Кельс. *Сборн.*, ч. I, стр. **204**) Еслибы Надеждинъ имѣлъ возможность видѣть составленный по требованію правительства уставъ Бѣлокриницкаго монастыря, онъ не могъ бы не понять, что это есть оригинальное произведеніе многоначитаннаго и искушеннаго въ сочинительствѣ старообрядца, какимъ былъ именно инокъ Павелъ, и что такого сочиненія не въ состояніи былъ составить никакой іеродіаконъ изъ православныхъ, хотя бы и классически образованный и хотя бы даже былъ человѣкъ не пьяный, понимающій что̂ пишетъ. Надеждина, какъ видно, ввелъ въ ошибку самъ Кокорякъ, расказами котораго между прочимъ пользовался онъ для своей записки *о заграничныхъ раскольникахъ*: „съ нимъ, замѣчаетъ Надеждинъ, я такъ успѣлъ сойтись, что онъ готовъ былъ отдать мнѣ всѣ черновыя бумаги, писанныя имъ для липованъ; только у этого пьяницы, къ сожалѣнію, не оказалось ни одного лоскутка.“ (*Тамъ же*, стр. **105**, прим.) Никакихъ бумагъ у него, конечно, и не бывало; по всей вѣроятности, онъ желалъ только порисоваться предъ Надеждинымъ, собиравшимъ извѣстія о липованахъ, своею вымышленною близостью къ этимъ послѣднимъ. А въ Бѣлой-Криницѣ не знали даже и имени Виктора Кокоряка,—по крайней мѣрѣ инокъ Онуфрій, который хорошо знаетъ всю исторію составленія устава, ничего не слыхалъ о немъ. Было извѣстно только, что Па-

чемъ для необходимыхъ объясненій въ томъ случаѣ, еслибы славянскій текстъ показался ему неудобовразумительнымъ, инокъ Павелъ самъ переѣхалъ въ Черновцы и поселился у него въ домѣ.

Здѣсь однакоже Павелъ занятъ былъ и другимъ, болѣе серьезнымъ дѣломъ. По зрѣломъ размышленіи онъ убѣдился, что согласно предписанію крайзамта необходимо еще составить изложеніе самаго вѣроученія липованъ, такъ какъ изложеніе это дѣйствительно могло способствовать успѣшному окончанію дѣла объ іерархіи устраненіемъ неправильныхъ понятій о религіи липованъ.[1]) Этимъ дѣломъ и занялся инокъ Павелъ, живя у Тарновецкаго въ Черновцахъ. Книги нужныя для справокъ онъ получалъ изъ Бѣлой-Криницы; тамъ же дѣлались по его указанію разныя справки и выписки изъ книгъ, которыхъ не имѣлъ онъ подъ руками: эти порученія обыкновенно исполнялъ инокъ Онуфрій, которому приходилось такимъ образомъ нѣсколько разъ путе-

---

велъ, когда искалъ способнаго переводчика, обращался между прочимъ къ кому-то въ монастырѣ Драгомирискомъ, и что этотъ драгомирнскій переводчикъ скоро оказался непригоднымъ для дѣла, почему и были прекращены съ нимъ всякія сношенія. Не мудрено, что это былъ именно Викторъ Кокорякъ,—и этимъ-то обстоятельствомъ онъ могъ воспользоваться, чтобы выдать себя предъ Надеждинымъ за автора бѣлокриницкаго устава и секретаря липованъ по всѣмъ оффиціальнымъ дѣламъ. А что уставъ переведенъ былъ съ русскаго языка на нѣмецкій дѣйствительно консисторскимъ чиновникомъ Тарновецкимъ, это, кромѣ свидѣтельствъ о. Онуфрія и другихъ, несомнѣнно подтверждается слѣдующей собственноручной подписью Тарновецкаго на подлинной книгѣ устава, подъ нѣмецкимъ текстомъ: Uebersetzt aus dem Slawisch-moskowitischen ins Deutsche And. Tarnowiecky, Consistorial-Kanzlist. Этотъ дѣйствительный переводчикъ устава, совершивъ свой подвигъ на пользу раскола, потерпѣлъ вскорѣ послѣ того весьма печальную участь. Вотъ что пишетъ о немъ о. Филаретъ въ своихъ *замѣткахъ*: „У Тарновецкаго умерли одинъ за другимъ — жена и единственный сынъ, потомъ самъ онъ ослѣпъ и также умеръ. Бывало Павелъ, сожалѣя объ немъ, говорилъ: „еслибы онъ не ослѣпъ, то со временемъ обратился бы въ нашу благочестивую вѣру, правоту которой достаточно видѣлъ изъ нашего устава".

[1]) Въ предисловіи къ уставу самъ онъ, между прочимъ, цѣлію этого изложенія поставляетъ то, чтобы „внѣшнихъ народовъ неправедное о древлехристіанской (липованской) религіи мнѣніе письменнымъ открытіемъ совершенно отклонить".

шествовать къ Павлу въ Черновцы.[1]) Составивъ изложеніе старообрядческаго вѣроученія, или такъ-называемую *Богословію липованъ*, инокъ Павелъ присоединилъ ее къ уставу, какъ особую его часть.

Лѣтомъ 1841 года все дѣло приведено было къ концу: уставъ съ богословіей и другими прибавочными статьями, переведенный по-нѣмецки и вновь пересмотрѣнный, былъ тщательно переписанъ на листахъ большаго формата, въ два столбца (на одномъ русскій текстъ, на другомъ нѣмецкій), и составилъ цѣлую довольно объемистую книгу.[2])

VI. Такъ какъ для исторіи бѣлокриницкой іерархіи это замѣчательное произведеніе инока Павла имѣетъ особенную важность, то здѣсь необходимо указать, хотя въ общихъ чертахъ, его содержаніе и отличительный характеръ.[3])

---

[1]) Инокъ Алимпій въ это время также большею частію жилъ въ Черновцахъ и опять нерѣдко заводилъ съ Павломъ споры изъ-за богословіи: здѣсь примирителемъ спорщиковъ обыкновенно являлся попъ Тарновецкій.

[2]) Подлинная книга устава, писанная въ листъ большаго формата, переплетенная въ зеленый сафьянъ, прошнурованная и скрѣпленная монастырской печатью, состоитъ изъ 121 стр., что и указано на концѣ книги въ слѣдующей подписи на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: „всего по сей книгѣ писанныхъ страницъ значится щетомъ сто тридцать одна вкупѣ съ предисловіемъ и каталогомъ“. Русскій текстъ отъ начала до конца переписанъ собственноручно инокомъ Павломъ съ величайшимъ тщаніемъ, и хотя не слишкомъ красиво, но чрезвычайно чисто и четко, какъ и слѣдовало ожидать отъ бывшаго зимогорскаго волостнаго писаря. Нѣмецкій же текстъ и переписанъ Тарновецкимъ, какъ можно судить по сдѣланной въ концѣ собственноручной его подписи. На первомъ листѣ книги, вмѣсто виньетки, выведена довольно искусно однимъ почеркомъ пера птица, несущая въ клювѣ письмо,— на крылѣ у нея сдѣлана мелкимъ почеркомъ надпись: *Уставъ Бѣлоколодезнаго монастыря*; а ниже, въ большомъ кругу, весьма фигурно написаны русское и нѣмецкое заглавія Устава. Понѣмецки оно переведено здѣсь такъ: Statuten des Bielokrinitzer altgläubigen Klosters in der k. k. oesterr. Bukowina. На концѣ книги приложенъ листъ рисунковъ, представляющихъ, весьма неискусно впрочемъ, раскольническихъ священно—инока и діакона въ полныхъ облаченіяхъ, схимниковъ и иноковъ въ торжественныхъ, соборныхъ и вседневныхъ одѣяніяхъ; здѣсь же помѣщены изображенія „благословящія и молящія рука“, и просфоры съ круглой печатью.

[3]) Поэтой же причинѣ, въ *прилож.* подъ № 2, уставъ печатается вполнѣ съ подлинника (См. *Опис. рукоп. библіотеки А. И. Хлудова*, сост. А. Н. Поповымъ, № 326).

„Уставъ Бѣлокрыницкаго старовѣрскаго общежительнаго монастыря" раздѣляется на семь главъ, или частей.

Въ *первой главѣ* говорится: „1) о первоначальномъ монастырскомъ общежительствѣ; 2) о истинномъ богопознаніи; 3) о богоразсужденіи; 4) о догматѣ вѣры и 5) о догматѣ церкви". Статья „о монастырскомъ общежительствѣ" кратко объясняетъ происхожденіе и назначеніе монашества; остальныя же четыре статьи посвящены собственно изложенію догматическаго ученія старообрядцевъ, или старообрядческой богословіи.

Первая изъ этихъ четырехъ статей излагаетъ ученіе о Богѣ, Его свойствахъ и дѣйствіяхъ,—ученіе, въ которомъ старообрядцы не разнятся отъ православныхъ. Инокъ Павелъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ своемъ изложеніи основался преимущественно на уважаемыхъ старообрядцами древлепечатныхъ книгахъ; но, увлекаемый своей постоянной наклонностью любомудрствовать, онъ и здѣсь высказалъ нѣкоторыя неосторожныя сужденія, „не согласующія православному ученію" и въ послѣдствіи самими старообрядцами, нѣсколько отрезвившимися отъ поклоненія его авторитету, признанныя за ересь. [1]) Такъ напримѣръ, въ самыхъ первыхъ словахъ, которыми начинается статья *о истинномъ богопознаніи*: „Богъ есть существо неповинно, яко ни отъ кого же, *ни самъ отъ себе*", разсудительнѣйшіе изъ старообрядцевъ справедливо находили выраженіе слишкомъ неосмотрительное, противное свидѣтельству Спасителя: *Отецъ и—мать животъ въ себѣ* (Іоан. гл. 5 ст. 26). Особенно заслуживаетъ вниманія, какъ любомудрствовалъ Павелъ о первомъ днѣ сотворенія міра. „Первѣе (писалъ онъ) простре Богъ небо, яко кожу, еже именуетъ Писаніе *небо небесъ*, сущее беззвѣздное, безчисленною добротою отъ божественныхъ лучей сіяюще; а земля, и воды, и прочія вещи всего зданія тогда были не ино что, какъ вещество смѣшенное и по-

---

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь, состоявшееся въ Москвѣ 17 авг. 1863 года, постановленіе раскольническихъ духовныхъ властей о догматическихъ погрѣшностяхъ въ сочиненіяхъ Павла, и главнымъ образомъ въ Уставѣ (см. объ этомъ въ книжкѣ: *Присоединеніе раск. епископовъ*, стр. 31—51; еще въ предисловіи къ восьми вопросамъ, *Душеполез. Чт.* 1865 г. ч. I, стр. 261—266).

груженное во ужасной тьмѣ и мрачномъ хаосѣ. И Духъ Божій носился надъ симъ влажнымъ и неустроеннымъ веществомъ. *Не о Святѣмъ же Дусѣ вдѣ Писаніе глаголетъ*: ибо не считается съ тварію несозданное; но духъ той бяше, по глаголу святаго Андрея Цареградскаго, *яже прежде всего отъ Бога сотворенъ бысть, существо вѣчнаго состава, еже есть вѣцы*". Такимъ образомъ Павелъ допустилъ бытіе какого-то существа, хотя и созданнаго, но имѣющаго вѣчное существованіе и участвовавшаго въ міротвореніи, которому имя „вѣкъ" или „вѣцы": мысль совершенно противная ученію православной вѣры. „Потомъ (продолжаетъ Павелъ) сотворилъ Богъ свѣтъ. Обаче за сотвореніе свѣта да не возмнимъ первобытную тьму быти искони присносущну, да не тѣмъ отъ нужди послѣдуетъ и Бога глаголати тьмою изъ начала бывша. Но убо достоитъ разумѣвати, яко Богъ, сый свѣтъ истинный, искони совершенъ и непремѣненъ есть: *точію до сотворенія дѣлъ своихъ бѣ въ молчаніи, имѣя единосущное во умѣ Слово, Сына Своего, Его же*, по глаголу блаженнаго Андрея Цареградскаго, *въ первомъ изреченіи: „да будутъ вѣцы" нетлѣнно родилъ*, сирѣчь во исхожденіи Соприсносущнымъ Духомъ своимъ Святымъ отъ сердца отрыгнулъ." Здѣсь, очевидно, инокъ Павелъ выразилъ мысли еретическія: рожденіе Сына и исхожденіе Духа призналъ подвременными, совершившимися якобы тогда, когда Богъ Отецъ разрѣшилъ молчаніе, въ которомъ (по ученію Павла) пребывалъ до сотворенія дѣлъ Своихъ. Изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, до чего довели инока Павла, въ статьѣ „о истинномъ богопознаніи", его учительская самоувѣренность и излишнее стремленіе къ любомудрію о предметахъ неудобоpазумѣваемыхъ.[1])

Статья „о богоразсужденіи" посвящена рѣшенію нѣкоторыхъ возраженій, или недоумѣній относительно изложеннаго въ предыдущей статьѣ ученія о божескихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ. Такого рода возраженія обыкновенно предлагались въ схоластическихъ богословіяхъ, и потому въ старо-

---

[1]) Андрей Цареградскій, на котораго ссылался Павелъ, есть Андрей Христа ради юродивый. Павелъ имѣетъ въ виду помѣщенные въ рукописномъ житіи Андрея отвѣты его на вопросы ученика Епифанія, — сочиненіе апокрифическаго происхожденія.

обрядческомъ сочиненіи представляютъ явленіе довольно неожиданное. Повидимому инокъ Павелъ имѣлъ здѣсь цѣлію коснуться нѣкоторыхъ мнѣній, принятыхъ римско-католическими и протестанскими богословами, какъ напримѣръ о чистилищѣ, о предопредѣленіи людей ко спасенію, объ оправданіи одною вѣрою, и др.

Особенную важность въ первой главѣ устава имѣютъ двѣ послѣднія статьи: *о догматѣ вѣры* и *о догматѣ церкви*, такъ какъ здѣсь содержится изложеніе и собственно старообрядческаго ученія. Что̀ такое *догматъ вѣры*, и что̀ такое *догматъ церкви*? какое между ними различіе? и почему напримѣръ ученіе о призываніи святыхъ, о почитаніи мощей и иконъ отнесено къ числу догматовъ вѣры, а ученіе о семи таинствахъ къ догматамъ церкви? — на все это инокъ Павелъ не даетъ объясненія; но цѣль представленнаго имъ раздѣленія догматовъ очевидна: ему желательно было усвоить догматическое значеніе тѣмъ обрядовымъ разностямъ, изъ-за которыхъ раскольники отдѣлились отъ церкви, и этимъ самымъ оправдать это отдѣленіе, такъ какъ обрядовыя дѣйствія, каковы напримѣръ употребленіе семи просфоръ на проскомидіи, исключительное почитаніе восьмиконечнаго креста, двуперстіе и пр. отнесъ онъ именно къ числу церковныхъ догматовъ.

Изложеніе *догматовъ вѣры* начинается символомъ, который приведенъ, разумѣется, по старообрядческому чтенію, и затѣмъ кратко излагается ученіе а) о Святой Троицѣ и воплощеніи Сына Божія, б) о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, в) о призываніи святыхъ, г) о почитаніи мощей и д) о чествованіи святыхъ иконъ. Достойно замѣчанія, что говоря о Богородицѣ инокъ Павелъ повторилъ еще въ челобитной Никиты высказанное [1]) мнѣніе о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи, и такимъ образомъ гораздо ранѣе Пія IX внесъ это мнѣніе въ число „догматовъ вѣры". Вотъ подлинныя слова его: „На земли предуготова Богъ на вселеніе единородному Сыну своему Слову одушевленное небо чисто и никоеяже скверны причастно, еже есть: сію преблагословенную Вла-

[1]) *Жезлъ прав. л. 27.*

дычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію, отъ сѣмене чистаго и еще прежде зачатія ея предочищеннаго и освященнаго. Тѣмъ убо только сія едина, отъ родовъ предызбранная и отъ пророкъ пронареченная, Содѣтеля всего міра мати, не только *отнюдь первородныя скверны бысть непричастна*, но даже вся яко небо чиста и добра зѣло пребысть".

Наконецъ Павелъ исчисляетъ слѣдующіе „въ неизмѣнномъ исполненіи соблюдаемые" у старообрядцевъ „*догматы* древлевосточныя соборныя апостольскія *церкви*":

а) „Седмь изящныхъ святыхъ таинъ церковныхъ". Здѣсь, говоря о таинствѣ *крещенія*, довольно обстоятельно излагаетъ онъ доказательства, почему крещеніе непремѣнно должно быть совершаемо въ три погруженія; но прямыхъ замѣчаній противъ крещенія чрезъ обливаніе онъ почему-то не нашелъ нужнымъ приводить здѣсь и ограничился только слѣдующими словами: „кромѣ сего единаго трепогружательнаго крещенія никакія инообразныя крещенія у насъ подъ строгимъ запрещеніемъ отнюдь не пріемлются: яко дерзати смѣющихъ святое крещеніе инако дѣйствовати или пріимати церковныя правила изъ священнаго сана изверженіемъ осуждаютъ". Говоря о таинствѣ *мѵропомазанія*, онъ приводитъ вполнѣ всѣ тѣ приглашенія, которыя по Іосифовскому требнику положено читать при помазаніи святымъ мѵромъ различныхъ частей тѣла и отмѣненіе которыхъ, какъ извѣстно, признано было еще первыми расколоучителями за великую погрѣшность въ новоисправленныхъ книгахъ [1]): употребленію этихъ приглашеній въ таинствѣ мѵропомазанія Павелъ такимъ образомъ усвояетъ догматическую важность. Относительно таинства *евхаристіи* онъ сдѣлалъ замѣчаніе, направленное противъ римскихъ католиковъ, что „обое непремѣнно (и тѣло и кровь Христовы) каждому православному христіанину подается во оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную: самъ бо Христосъ Спаситель нашъ всѣмъ повелѣ плоть Его ясти

---

1) Никита писалъ въ челобитной: „И та, государь, вся божественная приглашенія нарушили, послѣдуя отпадшія вѣры римскія неправославному крещенію." *Жезлъ прав.*, л. 41.

и кровь Его пити". Остальныя четыре таинства инокъ Павелъ только перечислилъ.

б) „Древней церкви благолѣпный чинъ божественной литургіи, устроенной Василіемъ Великимъ, и Іоанномъ Златоустомъ, и святымъ Григоріемъ папою римскимъ." Здѣсь инокъ Павелъ догматическую важность приписалъ между прочимъ тому, „чтобы на святой проскомидіи *непремѣнно* имѣть седмь просфоръ, именуемыхъ великія", и чтобы на нихъ печать была непремѣнно круглая „съ трисоставнымъ крестомъ Христовымъ": онъ изложилъ подробно за кого каждая просфора приносится и какое знаменованіе имѣетъ „круглое обведеніе" печати съ трисоставнымъ крестомъ. Здѣсь же онъ представилъ доказательства, что въ таинствѣ евхаристіи, вопреки ученію западныхъ, долженъ быть употребляемъ хлѣбъ квасный, — доказательства, изъ которыхъ видно достаточное знакомство Павла съ вопросомъ объ опрѣснокахъ.

в) „Непремѣнное содержаніе креста Христова тричастнаго или трисоставнаго, именуемаго также и четверочастнымъ." Объяснивъ значеніе каждаго изъ этихъ наименованій, но не обративъ вниманія на ихъ очевидное противорѣчіе, инокъ Павелъ такъ излагаетъ далѣе самую сущность якобы „церковнаго догмата" о трисоставномъ крестѣ, и отношеніе креста тричастнаго къ двучастному (четырехконечному): „Сей трисоставный крестъ Христовъ, какъ въ древлегреческой церкви, равно и у насъ, яко самосовершитель, присно во всѣхъ священнодѣйствіяхъ употребляется (?) и паче всѣхъ священныхъ вещей предпочитается, тѣмъ и на верхъ самой главы церкви Христовой поставляется: понеже осѣненіемъ благословлять его, кромѣ Бога, отнюдь никто не можетъ, но самъ той божественный крестъ вся осѣняетъ и вся освящаетъ. Двучастнаго же креста знаменіе, еже изъ двухъ частей составленнаго, имѣетъ отъ тричастнаго веліе различіе,—тако, яко образъ отъ истины, или паче отъ образа сѣнь. Понеже *двучастный крестъ есть сѣновнаго завѣта начертаніе* [1]): якоже

[1]) Это выраженіе было признано за „погрѣшительное, противное православному исповѣданію" самими старообрядческими властями, въ состоявшемся 17 авг. 1863 г. постановленіи (см. *Присоед. раск. епиcк.* стр. 51, въ прим.).

древле Моисей крестообразно руцѣ распростре и на мори жезломъ образъ креста начертавъ, тогда бо и силы дѣяшася отъ него; нынѣ же отъ Христова новоблагодатнаго закона вся та упразднися: прейде бо сѣнь законная благодати пришедши. Обаче, яко же сѣнь въ лицѣ солнца неотлучна есть отъ сущаго: тако и двучастный отъ тричастнаго креста неотлученъ есть; но только сей двучастный крестъ у насъ пріемлется во употребленіе на священныхъ одеждахъ, его же священникъ первѣе осѣняетъ и потомъ цѣлуетъ."

г) „Двуперстное сложеніе руки, непремѣнно употребляемое священниками на благословеніе и христіанами на крестное огражденіе." Сначала инокъ Павелъ со всею обстоятельностью описалъ, какъ именно надлежитъ слагать персты для крестнаго знаменія; потомъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ особеннымъ тщаніемъ изложилъ доказательства въ защиту этого, можно сказать, основнаго „догмата старообрядческой церкви". Свидѣтельства Стоглава, Максима-Грека, мнимаго Ѳеодорита, Мелетія Антіохійскаго, святыхъ чудотворныхъ иконъ — все это приведено Павломъ съ разными замѣчаніями и объясненіями. Вотъ какъ, напримѣръ, изложилъ онъ доказательство отъ святыхъ чудотворныхъ иконъ: „Христова благословенія видъ воистину былъ образъ вселенскому содержанію. Святый бо Лука евангелистъ во Евангеліи благовѣствуетъ, что Христосъ Спаситель, при вознесеніи на небо, апостоловъ своими пречистыми руками благословилъ. И хотя сей святый евангелистъ прочее тамо не упоминаетъ, како персты рукъ своихъ Христосъ слагалъ; обаче сей евангелистъ, будучи изуграфъ, благословящую десницу у Христа Спасителя, на первой имъ написанной богородичной иконѣ, двуперстнымъ сложеніемъ ясно изобразилъ. Таковой образъ Христова благословенія приняли первѣе святіи Апостоли, а отъ сихъ другопріимательнѣ древлегреческіе и прочіе вселенскіе первосвятители. И такъ были по оному святымъ Лукою написанному образу и множайшіи въ древлегреческой церкви иконы точно изобразуемы." Разумѣется, все изложеніе „догмата о перстосложеніи" направлено противъ троеперстія и именословнаго сложенія руки. „Литеросложное благословеніе", по словамъ Павла, неудобно

къ пріятію потому, „что не можетъ дѣйствоваться во вселенскомъ употребленіи, идѣже литеры другихъ языкъ не согласуютъ съ сложеніемъ перстовъ.“ „А тремя первыми вкупѣ сложенными персты, образующими только едино таинство Святыя Троицы, крестное знаменіе на себѣ изображати (якобы) сходственно есть ереси Севировой и прочихъ, которые божество на крестѣ страдавше злѣ мудрствоваху“; „оба же таинства (Св. Троицы и воплощенія Бога-Слова) изобразити тремя первыми персты не вмѣстимо, смѣшати же не праведно, да не подражаніе будетъ нѣкое ереси Евтихіевой и Діоскоровой, которыя двѣма естествома, Божеству и человѣчеству, въ совокупленіи смѣситися и во едино естество сотворитися злѣ проповѣдаста.“ Это были два любимыя доказательства, которыя обыкновенно приводилъ Павелъ противъ православнаго перстосложенія и въ первый разъ теперь изложилъ письменно [1]). Въ послѣдствіи даже сами старообрядческія власти признали эти доказательства не только неосновательными, но и „злочестивыми“ [2]).

д) „Истовое на себѣ знаменіе честнаго креста“, то-есть посредствомъ возложенія двухъ перстовъ десныя руки на чело, на чрево и на оба рама. Объяснивъ таинственное значеніе, усвояемое старообрядцами каждому изъ этихъ дѣйствій, Павелъ говоритъ въ заключеніе: „Сицевымъ чиномъ крестное знаменіе истово совершающихъ ангели Божіи свыше зрятъ и веселятся, понеже сила сего велика есть.... Есть же и во отеческихъ книгахъ писано о семъ: иже аще не по подобію лице свое знаменуетъ, сирѣчь не истово креститъ, гордости ради или лѣности, и махаетъ сѣмо и овамо, и тому маханію бѣси радуются.“

е) Такое же истовое и тѣми же двумя перстами изображеніе крестнаго знаменія въ священническомъ благословеніи. Здѣсь изложенъ весь существующій у старообрядцевъ чинъ благословенія.

ж) „Ненарушимое соблюденіе четырехъ въ году соборныхъ постовъ, составляющихъ всего до двадцати одной седмицы.“

---

[1]) Доказательства эти заимствованы Павломъ изъ *Поморскихъ отвѣтовъ*.

[2]) См. *Присоединеніе раск. еписк.* стр. 36—37, 43, 51.

Изложивъ всѣ эти „церковные догматы“, инокъ Павелъ заключаетъ свою богословію, или первую главу устава, слѣдующими словами: „Совокупно рещи, сохраняется у насъ неизмѣнно то самое вѣры догматствованіе и все церковное чиноположеніе и богослуженіе, еже, прежде нежели западная церковь отъ восточной раздѣлилася, вселенскими соборы утвержденное, святымъ же и равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ Кіевскимъ въ 6496 году отъ Грекъ во всей цѣлости принятое, и которое существовало въ Россіи *все обдержно и неизмѣнно* даже до перемѣнъ церковныхъ книгъ бывшимъ Московскимъ патріархомъ Никономъ 7163 года.“

Вторая глава содержитъ статьи: 1) „о первоначальномъ расположеніи и перенесеніи монастыря, и судебномъ рѣшеніи на его наслѣдственное имущество; 2) о количествѣ и плодоприношеніи монастырскихъ грунтовъ и о прочихъ пріобрѣтаемыхъ доходахъ; 3) о содержаніи монастырскихъ жителей.“

Первая изъ этихъ статей есть не что̀ иное, какъ основанная на собранныхъ инокомъ Павломъ расказахъ старожиловъ исторія первоначальнаго водворенія липованъ въ Бѣлой-Криницѣ (здѣсь, разумѣется, самое видное мѣсто занимаетъ, приведенная вполнѣ, пресловутая привилегія Іосифа II), и затѣмъ краткая исторія самаго монастыря, существующаго въ Бѣлой-Криницѣ. Соотвѣтственно цѣли, какая имѣлась въ виду при составленіи этой исторіи и вообще при составленіи устава, инокъ Павелъ и здѣсь, какъ на допросахъ коммиссара Шаловскаго, весьма тщательно и искусно ѳбошелъ всѣ тѣ обстоятельства, которыми совершенно ясно обличалось противозаконное существованіе Бѣлокриницкаго монастыря. Основаніе монастыря на урочищѣ Тернавкѣ, и потомъ перенесеніе въ Бѣлую-Криницу онъ изложилъ весьма кратко, и притомъ какъ событія безпрепятственно и законно совершившіяся: о правительственныхъ распоряженіяхъ 1784 и 1791 годовъ нѣтъ и помину. За то съ канцелярскою аккуратностью указаны декреты двухъ низшихъ судебныхъ инстанцій объ утвержденіи завѣщанія, составленнаго Иларіономъ Коровьи-ножки въ пользу монастыря: эти два документа, указанные съ

точнымъ обозначеніемъ нумеровъ, очевидно, должны были служить доказательствомъ, что само правительство признало монастырь законно существующимъ, когда составленное въ его пользу завѣщаніе не усомнилось утвердить въ полной силѣ. Здѣсь инокъ Павелъ употребилъ и еще хитрость, сказавъ, что Иларіоново завѣщаніе сдѣлано въ пользу монастыря, тогда какъ оно сдѣлано было на имя „калугеровъ", съ дозволенія правительства жившихъ въ Бѣлой-Криницѣ, въ Иларіоновомъ домѣ, а не на имя монастыря, который, какъ „институтъ", рѣшительно запрещенъ былъ правительствомъ.

Статья „о монастырскихъ грунтахъ и доходахъ" есть также не что иное, какъ болѣе обстоятельное изложеніе сдѣланнаго инокомъ Павломъ на этотъ счетъ показанія коммисару Шаловскому, и подобно предыдущей отличается тою же ловкостью или, вѣрнѣе сказать, недобросовѣстностью, употребленіе которой инокъ Павелъ уже привыкъ теперь считать совершенно позволительнымъ дѣломъ, когда рѣчь шла о предметѣ такой чрезвычайной важности для старообрядчества, какъ учрежденіе „древлеправославной іерархіи". Въ поданномъ крайзамту прошеніи монастырь обязывался содержать будущаго епископа „собственнымъ коштомъ": надлежало теперь показать, что монастырь дѣйствительно имѣетъ нужныя для того средства отъ своихъ недвижимыхъ имуществъ. И вотъ инокъ Павелъ дѣлаетъ исчисленіе „монастырскихъ грунтовъ" и доходовъ, выдумывая совсѣмъ не существующіе и безъ зазрѣнія совѣсти преувеличивая то, что монастырь дѣйствительно имѣлъ:

„*Первой монастырской грунтъ*, что съ самаго начала обсѣдланности, расчищенный собственно иноческими трудами, количествомъ 40 іоховъ 579 саж., 11 шу., отдаемый на хлѣбопашество своимъ старовѣрамъ, съ котораго и получаетъ монастырь отъ хлѣбопашцевъ въ продовольствіе свое разный хлѣбъ чистымъ зерномъ.

„*Другой грунтъ* количествомъ 5 іоховъ, 467 саж. 2 шу., занятый растущими разными фруктовыми деревами, а въ срединѣ его между деревъ расположенъ самый монастырь: сей грунтъ достался въ вѣчность монастырю отъ покойнаго старовѣра Иларіона Петровича на поминокъ души его.

„*Третій грунтъ*, количествомъ 4 іох. 43 саж. 9шу., весь занятъ также растущими разными фруктовыми деревами, дарованный въ вѣчность монастырю сему по духовному завѣщанію учиненному, въ 3-й день августа 1840 года, дѣвицею Евдокіею Ѳеимовою, по заповѣди покойнаго родителя ея, старовѣра Ѳеима Павлова, на поминокъ души его равно и ея.

„*Прудовъ рыбныхъ два*: одинъ на рѣчкѣ Тернавки(ѣ) издавна устроенный собственно иноками, а другой по духовному завѣщанію дарованный вышереченною дѣвицею Ѳеимовою въ вѣчное монастырю владѣніе."

Грунты, доставшіеся по завѣщаніямъ, дѣйствительно находились во владѣніи монастыря; [1]) что же касается до земли въ 40 іоховъ, „разчищеной иноческими трудами" на урочищѣ Тернавкѣ, то монастырь этою землей не пользовался и не пользуется, хлѣба съ нея не получалъ и не получаетъ, да и сами липоване посѣвовъ на ней не производятъ; точно также и „два рыбные пруда", по словамъ хорошо знающихъ Бѣлую-Криницу, имѣютъ только подобіе прудовъ и изобилуютъ вовсе не рыбой. А между тѣмъ, вотъ какъ Павелъ описываетъ дальше „пріобрѣтаемую отъ сихъ грунтовъ пользу":

„Пріобрѣтаемый на продовольствіе монастырскихъ жителей доходъ составляется изъ нижеслѣдующаго:

„а) Съ собственнаго монастырскаго грунта получаемый монастыремъ разный хлѣбъ чистымъ зерномъ и конопляное сѣмя на продовольствіе монастырскихъ жителей *достаетъ въ годовую препорцію съ излишествомъ*.

„б) Съ монастырскихъ значительныхъ фруктовыхъ садовъ ежегодно за продаемыя фрукты получаемая сумма опредѣляется на покупку одежды, дровъ и на прочія монастырскія потребности.

„в) Съ рыбныхъ двухъ прудовъ удовлетворяется монастырь рыбою *во всякое время сколько потребно*.

---

[1]) Въ 1840 году, въ то самое время, когда составляли уставъ, дѣвица Евдокія Ѳеимова дѣйствительно передала во владѣніе монастырю принадлежавшую ей землю съ садомъ: этотъ такъ-называемый „Дунинъ садъ" находится противъ самаго монастыря, отъ котораго отдѣленъ только шириной улицы.

„г) Съ огородовъ собираемая разная зелень приготовляется монастырскимъ жителямъ для брашна на цѣлый годъ, а изъ садовой суши навсегда дѣлается для питія квасъ.

„Итакъ, весь таковой доходъ можетъ ежегодно продовольствовать монастырскихъ жителей своимъ иждивеніемъ до *двадцати пяти* человѣкъ.“

Чтобы видѣть, много ли правды въ этомъ описаніи изобилія, господствавшаго будтобы въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, достаточно припомнить, что въ то время, когда пріѣхалъ сюда инокъ Павелъ, бѣлокриницкое братство, состоявшее не изъ 25, а всего изъ 10 человѣкъ, принуждено было для своего пропитанія каждую субботу ходить по слободѣ за сборомъ милостыни...

Что указанныхъ средствъ монастыря будтобы съ избыткомъ достаточно для продовольствія братіи, подтвержденіемъ этого назначена служитъ и слѣдующая затѣмъ статья: „о содержаніи монастырскихъ жителей“. Здѣсь со всѣмъ тщаніемъ изображены умѣренность и простота, соблюдаемыя бѣлокриницкими иноками относительно пищи и одежды,— въ точности обозначено: какая именно пища и въ какое время поставляется на братской трапезѣ, какое платье и въ какомъ количествѣ выдается каждому брату, равно какъ подробно описаны всѣ усвоенныя инокамъ особыя одежды.[1]) Вообще относитетьно платья замѣчено: „Одежды пышныя, какъ-то шелковыя, цвѣтныхъ матерій, и прочихъ мягкихъ одѣяній, собольихъ, или волчьихъ тулоповъ и тѣмъ подобныхъ соблазнительныхъ, подъ строгимъ запрещеніемъ не смѣютъ не только изъ братіи кто, но и самъ настоятель

---

[1]) Вотъ напримѣръ описаніе старообрядческой камилавки и каптыря, форма которыхъ нѣсколько отлична отъ употребляемыхъ православными: „Камилавка должна быть не высокая, *круглою скуфьею*, верхъ изъ черной матеріи, къ ней снизу пришитъ *обручикъ круглый* изъ черного агнчаго смушка (еже есть смиреніе), во образъ терноваго вѣнца Христова, которую инокъ не долженъ снимать съ главы никогда и ни предъ какимъ лицомъ, а только снимаетъ въ причащеніи св. таинъ и на прочихъ мѣстѣхъ Божіей службы поуставу... А каптырь, имѣющій два крыла, сшитый изъ черной матеріи, тонкой волны, покрываетъ сверху камилавку, власы, рамена и руки, во образъ куколи младенческаго незлобія.“

носить, хотя бы кто и собственно свой достатокъ на то имѣлъ: да не подручницы бѣсомъ будемъ, по глаголу святыхъ отецъ, безмѣрной пышности ради и тщеславія. Обаче и въ гнусныхъ одеждахъ инокамъ не только на сторону, но и на монастырѣ ходить не попускается, а наипаче на соборную молитву въ церковь Божію долженъ всякъ входить во всякой чистотѣ и опрятности. въ кротости и со всякимъ благоговѣніемъ.“

Съ *третьей главы* начинается изложеніе собственно монастырскаго устава, къ которому слѣдуетъ впрочемъ присовокупить и разсмотрѣнную сейчасъ статью „о содержаніи монастырскихъ жителей“. Въ главѣ этой говорится 1) „о времени божественнаго послѣдованія службы“, то-есть когда начинается и сколько продолжается каждая изъ службъ, составляющихъ кругъ суточнаго богослуженія, также великопостнаго и праздничнаго, и 2) о монастырскомъ управленіи.

Важна особенно эта послѣдняя статья, которая и составлена поэтому съ большимъ искусствомъ. Въ видахъ сохраненія на будущее время строгаго порядка въ монастырѣ, предназначенномъ быть епископіею старообрядчества, инокъ Павелъ со всею точностію опредѣлилъ составъ монастырскаго управленія и частныя обязанности каждаго изъ должностныхъ лицъ. Главное управленіе по монастырскимъ дѣламъ сосредоточено въ „духовномъ совѣтѣ“, который подъ предсѣдательствомъ настоятеля долженъ состоять „изъ достойнѣйшихъ четырехъ иноковъ“, по соборному избранію въ сію должность; „а по усмотрѣнію настоятеля и важности дѣла случаемъ приглашаются и болѣе, изъ числа достойныхъ иноковъ, по потребѣ же бываетъ и письмоводитель.“ Высшія же распоряженія по дѣламъ особенной важности производитъ „общебратскій соборъ“, гдѣ „имѣетъ волю подавать голосъ всякій, отъ перваго и до послѣдняго“. „На семъ соборѣ разсматриваютъ всѣ дѣла, какъ объ учрежденіи монастырскомъ, такъ и о томъ, аще окажется кто неспособенъ въ своей должности, казначей, или экономъ, или въ прочихъ которыхъ должностяхъ, даже хотя бы и самъ настоятель: и того соборомъ смѣняютъ и изъ среды себя до-

стойнаго на ту должность паки избираютъ, сами въ томъ и утверждаютъ. Также разсуждаютъ братію, мірянъ, и наказаніе имъ полагаютъ.“ Затѣмъ исчисляются слѣдующія права и обязанности настоятеля:

а) „Настоятель, неусыпнымъ окомъ взирая на весь монастырь, долженъ братію понуждати (подая собою примѣръ) къ молитвѣ, трудамъ и прочимъ благочестивымъ дѣламъ, и утѣшати братію, елика есть сила, богодухновенными словесы.

б) „Яко истинный монастыря хозяинъ, повелѣваетъ вообще всѣми по закону свободно, и въ случаѣ какого-либо подозрительнаго за братіями замѣчанія, но и ради сбереженія, можетъ съ обычною молитвою входить во всякое время въ братскія кеЛіи и досматривать, нѣтъ ли чего тамо иноку неприличнаго; буде же что обрящетъ у него неприличное иноку, да сотворитъ ему исправленіе духомъ кротости; аще ли, по второмъ и третьемъ исправленіи, братъ не уцѣломудрится, да изведенъ будетъ на соборное сужденіе.

в) „Отлучаться изъ монастыря, аки кокошъ съ гнѣзда своего, отнюдь не можетъ, развѣ самой нужной вины, егда потребованъ будетъ въ случаѣ какой надобности, касающейся до него именно, къ высшему начальству, или по значительному какому дѣлу упрошенъ будетъ братіею на соборѣ куда ѣхать.... Но дабы монастырь никогда безъ управленія и надзиранія настоятельскаго не оставался, долженъ есть настоятель свое, хотя и на нѣсколько минутъ, за ограду монастыря бываемое отсутствіе непремѣнно намѣстнику возвѣстить и до своего возвращенія управленіе и надзираніе монастыря ему препоручить.[1])

г) „Долженъ не только одно правило своей обязанности, но и прочихъ должностныхъ старцевъ правила, и даже весь монастырскій уставъ твердо знать, а для нужнаго освѣдомленія, при выборѣ въ какую кого-либо должность, правило его обязанности вычитать и тѣмъ его снабдить.

---

[1]) Упоминаемый здѣсь и въ другихъ мѣстахъ устава „намѣстникъ настоятеля“, къ удивленію, не значится въ числѣ должностныхъ лицъ, обязанности которыхъ далѣе подробно описаны.

д) „Настоятель надзираетъ, яко полный хозяинъ монастыря, и казначея, и, егда восхощетъ, повѣряетъ все казначейство, и припасы, и архивъ, и всю братію долженъ видѣть вечеръ и заутра, и благословить."

Дальше со всею подробностью опредѣляются обязанности каждаго изъ монастырскихъ должностныхъ старцевъ и всѣхъ лицъ составляющихъ братство монастыря,—именно: казначея, священноинока, іеродіакона, уставщика церковнаго, головщика, ризничаго, соборнаго старца надзирательнаго за благочиніемъ, письмоводителя, эконома, келаря, инока совершенно постриженнаго и схимника, наконецъ трудниковъ и послушниковъ. Здѣсь же, въ третьей главѣ, помѣщены статья о „призрѣніи больныхъ" и статья „о корреспонденціи". Послѣдняя особенно любопытна: „Въ нашемъ монастырскомъ общежительствѣ непремѣнно наблюдается, что братія безъ позволенія настоятеля, а настоятель безъ вѣдома намѣстника, никакихъ писемъ не пишутъ и никуда не посылаютъ, но всѣ, какъ на почту посылаемыя, равно и почтой присылаемыя письма завсегда записываются въ почтовую книжку; всѣ же съ почты и оказіями получаемыя письма и повѣстки прежде доставляются самому настоятелю, который всякое распечатываетъ и прочитываетъ, однакожь особобратскія непремѣнно при хозяинѣ, кому письмо принадлежитъ, а монастырскія и собственно настоятельскія при намѣстникѣ, и тогда же особобратскія письма отдаются по принадлежности хозяину."

Четвертая глава устава имѣетъ надписаніе: „о запрещеніяхъ" и содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи; 1) о присягѣ, какъ дѣйствіи воспрещенномъ; 2) о томъ, чтобы „никому безъ благословенія ничего не работать и изъ монастыря не выдавать"; 3) „за ограду монастыря безъ благословенія настоятеля не выходить"; 4) запрещеніе входа въ монастырь отрокамъ и женскому полу"; 5) „чрезъестественные преступленіи", къ которымъ отнесены между прочимъ „брадобритіе, какъ искони Богомъ запрещенное и древлегреческимъ христіанскимъ закономъ (?) вельми возбраненное", также „нюханіе и куреніе табака"; 6) злословіе.

Глава пятая, „о учрежденіи къ соблюденію особобратскихъ капиталовъ“, содержитъ нѣсколько правилъ относительно частной собственности живущихъ въ монастырѣ. Все, что̀ иноки, живя въ монастырѣ, пріобрѣтаютъ своимъ трудомъ, поступаетъ въ общую монастырскую казну; „только собственный, не въ монастырѣ пріобрѣтенный, но отъ отечества принесенный, или послѣ присланный капиталъ, какъ настоятель, такъ и вся братія, всякій при своей запискѣ, сверхъ общемонастырской казны, въ особомъ щетѣ въ казнохранилище подъ сохраненіе полагаютъ. Буде же кто пожелаетъ на положенный капиталъ имѣть себѣ росписку, то таковая дается безпрепятственно“. „Безъ воли и позволенія положителя собственности ни на какія общія потребы изъ тѣхъ особыхъ капиталовъ ни малѣйшей части ни подъ какимъ предлогомъ не должно употреблять; аще ли кто изъ положителей позволитъ что̀ въ пользу монастыря взять, о томъ на той же своей запискѣ самъ да означитъ. Прочее же всякому свой капиталъ, если кто восхощетъ, въ подобно время осмотрѣть свободно есть. А когда кто-либо отъ сихъ положителей собственности волею Божіею отъ житія сего преставится, тогда все то его имущество и капиталъ, хотя бы онъ и во инока не былъ постриженъ, во общебратскую казну совершенно причитается и о души его соборное и достодолжное поминовеніе сотворяется.“

Глава шестая: „о принятіи приходящихъ въ монастырское общежительство и о обѣтѣ иноческомъ“. Изложенныя здѣсь правила относительно приходящихъ въ монастырь отличаются строгостью. Такъ первое изъ этихъ правилъ гласитъ: „аще желающій поступить въ наше монастырское общежительство будетъ человѣкъ незнакомый и по распросѣ настоятелемъ *не будетъ имѣть надлежащаго письменнаго вида*, тогда дается ему въ путь укрой хлѣба и отпускается изъ монастыря съ миромъ.“ Но правило это назначалось единственно для отклоненія всякихъ подозрѣній со стороны правительства насчетъ бѣлокриницкой братіи, а вовсе не для практическаго употребленія, и въ дѣйствительности не только не было никогда примѣняемо, но и нарушалось постоянно. Въ другой статьѣ этой главы—„о ино-

ческихъ обѣтахъ", подробно изложенъ чинъ пострижения въ иночество и великую схиму.

Наконецъ въ послѣдней, *седьмой главѣ*, говорится „о странноприимствѣ и гостеприимствѣ". Она составлена также съ очевиднымъ намѣрениемъ оградить монастырь отъ справедливаго подозрѣния въ укрывательствѣ приходящихъ изъ-за границы бѣглыхъ раскольниковъ и вмѣстѣ обезпечить ему возможность оправдания на тотъ случай, еслибы кто-нибудь изъ такихъ бѣглецовъ дѣйствительно оказался въ монастырѣ. Таково именно назначение перваго правила „о странноприимствѣ": „по долгу христианскому и обычаю монастырскому, всякъ изъ числа нашихъ старовѣровъ *путешествующий, или по случаю въ монастырь приходящий*, инокъ или мирянинъ, удовлетворяется вопервыхъ пищею, а потомъ, аще кто пожелаетъ, *упокоевается и ночлегомъ* во общеприемницѣ, и воставши заутра отходитъ куда намѣренъ". Понятно, что монастырь, принимая каждаго приходящаго раскольника, по силѣ этого правила, въ нужномъ случаѣ всегда могъ сказать въ свое оправдание, что странникъ „обнощевалъ" только въ обители и „отошелъ", или „отходитъ куда намѣренъ". Что же касается „инославной религии" странниковъ, то уставъ предписываетъ удовлетворять ихъ только пищею, но отнюдь не позволять таковымъ „ночевать внутри монастыря". Подобныя же правила положены и относительно гостеприимства. Но здѣсь, по требованию обстоятельствъ, сдѣланы слѣдующия исключения для знатныхъ посѣтителей: а) „если кто случаемъ отъ знаменитыхъ лицъ прибудетъ, таковый приемлется особо въ настоятельскую келию и, чѣмъ Богъ послалъ, гостеприимнѣ привѣтствуется"; б) „аще ли пожелаетъ взойти въ нашу церковь, то, съ вѣдома настоятеля, кромѣ службы позволяется ему; аще ли же пожелаетъ смотрѣть нашего церковнаго обряда и во время богослужения послушать чтения и пѣния, то довлѣло бы таковому, съ позволения настоятеля, на особь для сего случая возвышенно устроенномъ мѣстѣ стоять, яко же бѣ древле владимировымъ посламъ въ Царѣ-градѣ; а по неустроению таковаго особаго мѣста, позволяется случайности ради желающему стать и внутрь церкви, созади крылоса, откуда

бы онъ могъ точію смотрѣть и слушать, а не молится вкупѣ.“ Затѣмъ излагаются правила, которымъ вообще должны слѣдовать бѣлокриницкіе иноки „относительно случающагося съ людьми инославныхъ религій обхожденія“,—правила, строго воспрещающія имъ сообщаться съ инославными въ ястіи и питіи, наипаче же въ моленіи. Впрочемъ и изъ этихъ строгихъ правилъ, на всякій случай, и именно для тѣхъ, кому ради пользы „христіянства“ придется жить внѣ монастыря, сдѣланы изъятія: „аще кто сообщится съ иновѣрными только въ ястіи и питіи, а не склоненіемъ къ чужой вѣрѣ согласовательными словами, то таковому за ересь не вмѣняется, но точію за грѣхъ небреженія причитается. Для того, возвратясь таковый во обитель, да не замедлитъ по долгу очистить свою совѣсть христіанскимъ смиреніемъ и испрошеніемъ прощенія отъ Бога и отъ настоятеля по обычаю.“

Здѣсь и кончается собственно такъ-называемый „уставъ Бѣлокриницкаго монастыря“. Но къ нему инокъ Павелъ присоединилъ, какъ необходимое его заключеніе, хотя внѣ счета главъ, особую статью подъ заглавіемъ: „Предметъ о водворенія у насъ своего епископа для необходимо нужнаго устроенія духовныхъ порядковъ“. Статья эта, очевидно, имѣетъ особенную важность. Приводимъ ее съ нѣкоторыми сокращеніями.

Здѣсь вопервыхъ изложены, указанныя и въ поданной крайзамту просьбѣ, основанія, почему буковинскимъ старообрядцамъ необходимо имѣть своего епископа и почему ходатайство объ этомъ приняли на себя иноки Бѣлокриницкаго монастыря.

„Необходимо нужно намъ присно имѣть издавна желаемаго нами святителя, который бы, согласно правиламъ св. Апостолъ и св. отецъ, у насъ священнодѣйствовалъ и намъ, изъ числа нашихъ старовѣровъ, достойныхъ пресвитеровъ законно посвящалъ. Поелику нынѣ обдержитъ насъ не одна скудость, что безъ священства невозможно быть производству иноческаго чина и совершенію божественной литургіи; но еще и другая предстоящая крайность побуждаетъ насъ душевными чувствами безпокоиться и до зѣла болѣзновать—

что наши въ цѣлыхъ четырехъ селеніяхъ многочисленные старовѣры находятся за скудостію священства въ крайне бѣдственномъ положеніи: ибо они для совершенія случающихся крещеній, бракосочетаній и прочихъ духовныхъ требъ часто вынуждены бываютъ ѣздить даже въ иныя владѣнія, за границу; не имущіе же на таковое иждивеніе достатка терпятъ великую духовную нужду, такъ что у нихъ многажды случается: новорожденные младенцы надолго остаются некрещенными, овыя же, не дождавъ священническаго совершенія, печати дара Святаго Духа, то есть безъ муропомазанія, умираютъ, а пришедшіе въ совершенный возрастъ остаются чрезъ свою временность безбрачны и нерѣдко, повреждая совѣсть, теряютъ естественныя чистоты непорочность и обычную богобоязность, умирающіе же, старые и младые, лишаются при смерти своей личнаго священническаго присутствія и разрѣшенія грѣховъ, и погребаются тѣла ихъ въ землю отъ братій своихъ, сущихъ простолюдиновъ. Нѣсть ли это крайняго сожалѣнія достойно! А хотя наши священники, которыхъ мы изъ Россіи отъ единовѣрныхъ нашихъ обществъ съ немалыми издержками достаемъ, здѣсь у насъ и бываютъ, однакожь, какъ мы своего святителя, коему бы они подчинены были, здѣсь не имѣемъ, уѣзжаютъ чрезъ короткое время за границу къ нашимъ старовѣрскимъ въ Молдавіи и за Дунаемъ живущимъ обществамъ: ибо и тамъ крайняя нужда въ духовенствѣ существуетъ....*Нынѣ же занятіе священниковъ изъ Россіи сдѣлалось весьма строже, такъ что уже старовѣры приходятъ въ отчаяніе.* Сіе, по истинѣ слезамъ достойное, присно предъ очима нашима предстоящее зрѣлище напоминаетъ совѣсти нашей, яко къ тому и намъ однимъ неправедно покоиться безмолвіемъ (?); а какъ мы, общіе богомольцы, наипаче должны есмы, по заповѣди Апостола Павла, другъ друга тяготы носити и тѣмъ исполнять законъ Христовъ: того ради единственно осмѣлились мы, по силѣ всевысочайшей привилегіи, еще въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго 1840 года, подать къ гражданскому правительству на предметъ сей наше покорнѣйшее прошеніе, и твердо надѣемся, что сіе наше теплѣйшее желаніе безъ препятствія исполнится:

понеже всемилостивѣйшее правительство Австрійской имперіи не только всѣмъ христіанскимъ религіямъ таковыя прошенія исполняетъ, но даже и евреемъ свободное содержаніе ихъ раввиновъ не возбраняетъ."

Не безъ намѣренія поставлено здѣсь на видъ больше всего крайнее затрудненіе претерпѣваемое липованами отъ скудости священства, въ отправленіи христіанскихъ требъ — крещенія, вѣнчанія и погребенія: хотя Павелъ и указываетъ собственно происходящій отсюда „душевный вредъ", но въ то же время очевидна невысказанная имъ цѣль—объяснить правительству, что при настоящемъ положеніи дѣла отъ липованъ никакъ нельзя требовать аккуратнаго веденія записей о родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ, и что оно возможно только съ учрежденіемъ у липованъ правильной іерархіи.

Затѣмъ права и обязанности будущаго липованскаго епископа опредѣляются слѣдующими правилами:

а) „Святителю священнодѣйствовать во всемъ неизмѣнно по нашему старогреческому закону и наблюдать вточности весь обычай, у насъ содержимый, древняго христіанскаго благочинія, *якоже въ монастырскомъ уставѣ изъяснено*.

б) „Онъ долженъ будетъ для всякаго нечаяннаго случая, какъ-то: скорой своей смерти, или чего иного непредвидимаго, одного изъ *нашихъ достойнѣйшихъ духовныхъ лицъ*, съ согласія общаго собора, въ наслѣдство своего святительскаго престола неотлагательно посвятить, дабы, *по дальнему за границей существованію согласнаго нашей религіи святителя*[1]), въ нашемъ мѣстѣ древлехристіанскаго исповѣданія святительскій престолъ многолѣтно не вдовствовалъ и дабы тѣмъ старовѣрскія наши общества толикою, якоже донынѣ, обдержащею духовною нуждою паки дозѣла не бѣдствовали. Однакожъ доколѣ дѣйствительный святитель въ жизни суще-

1) Инокъ Павелъ либо разумѣлъ здѣсь тѣхъ „древлеправославныхъ епископовъ", якобы сокровенно существующихъ гдѣ-то, о которыхъ ходили у старообрядцевъ темные слухи, либо хотѣлъ только дать знать правительству, что епископъ, котораго просили липоване, не единственный въ своемъ родѣ, но что будто бы такіе уже существуютъ безпрепятственно „за границей."

ствовать будетъ, до того времени въ наслѣдство его посвященный святитель да не дерзнетъ, по-8 правилу I-го вселенскаго собора, безъ благословенія дѣйствительнаго, ничего святительскаго совершать[1]).

в) „Долженъ составить свой духовный судъ изъ пяти членовъ, какъ-то: изъ своего наслѣдника, двухъ священноиноковъ и двухъ мірскихъ священниковъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, имѣя себѣ и писмоводителя.

г) „Долженъ изъ числа достойныхъ и божественное писаніе добрѣ знающихъ мірскихъ старовѣровъ каждому ихъ обществу потребное число священниковъ на неотлучное при ихъ церквахъ пребываніе поставлять[2]). Такожде и монастырю нашему священноиноковъ и іеродіаконовъ къ очередному седмицами служенію слѣдующее число посвящать.

д) „Егда же, паче чаянія, за нашимъ дѣйствительнымъ святителемъ послѣдуетъ какой-либо нетерпимый соблазнъ (чего Боже храни!), или начнетъ вводить что̀ противное нашей религіи закону: тогда наслѣдникъ его и прочіе духовные члены должны будутъ вступиться и отнюдь не допускать распространиться церковному раздору. Собравшись же *въ совѣтъ*, да разсмотрятъ дѣло, какъ предъ престоломъ Божія правосудія, безпристрастно. И ежели свидѣтельствованіе на святителя истиною окажется, тогда должно будетъ прежде изъ совѣта *единому, или двумъ* членамъ къ нему келейно дойти и о тихомъ прекращеніи соблазна сыноподобно и убѣдительно ему доложить. Аще ли тѣмъ не исправится, то надлежитъ изъ совѣта вторично послать къ нему нарочитыхъ *двухъ, или трехъ* членовъ *съ писаніемъ*. Аще ли же и то безуспѣшно явится, тогда будетъ *общій соборъ*, который бы ему о томъ рѣшительное предложеніе учинилъ. И если онъ къ исправленію своему согласится, то да пріимется

[1]) Въ 8 пр. 1 вселенскаго собора такого постановленія не содержится; тамъ есть только выраженіе: *нѣсть мощно двѣма епископома быти во единомъ градѣ*.

[2]) Здѣсь умышленно, или не умышлено допущена неопредѣленность,—говорится вообще о *старовѣрахъ* и ихъ *обществахъ*, такъ что можно разумѣть не однихъ липованъ, а всѣхъ вообще, въ томъ числѣ и русскихъ, старообрядцевъ.

терпѣніе; буде же и собору противнымъ отзовется, тогда да учинится соборный приговоръ съ достовѣрнымъ доказательствомъ. Обаче, какъ всѣ члены „святительскаго суда" и „монастырскаго духовнаго совѣта" сами совершенно святителя изъ сану его извергать не могутъ [1]): то должны они будутъ таковаго святителя, по силѣ учиненнаго приговора, въ присутствіи приглашенныхъ изъ всѣхъ здѣшнихъ старовѣрческихъ обществъ духовныхъ и мірскихъ первостатейныхъ лицъ, то-есть *полнымъ соборомъ* отъ всего завѣдыванія и совокупнаго съ нами богомоленія навсегда устранить, однакожъ да будетъ на томъ же нашемъ пропитаніи [2]). Если же, паче чаянія, подпадетъ святитель въ преступленіе гражданскаго закона, о томъ вѣдаютъ сами руководящіися закономъ, что̀ и какъ въ таковыхъ случаяхъ поступать съ нимъ подобаетъ.

c) „По смерти же дѣйствительнаго святятеля, или въ случаѣ совершеннаго удаленія его отъ престола, наслѣдникъ его имѣетъ право вступить въ полное онаго дѣйствіе, *съ донесеніемъ его императорскому величеству*, съ тѣмъ обаче, да и сей въ наслѣдство свое прежде всего произведетъ чинно другаго, соборнѣ избраннаго, во святителя, по тому же образу, какъ выше означено."

Въ обязанность будущему епископу поставлено между прочимъ заведеніе при монастырѣ училища „для обученія старовѣрческаго юношества". Здѣсь инокъ Павелъ высказалъ свои мысли о потребномъ для старообрядцевъ образованіи. Юношество старовѣрческое, писалъ онъ, — должно обучаться

---

1) Противъ этого сдѣлано въ уставѣ замѣчаніе, что судимаго епископа можно будетъ подвергнуть и изверженію, если для суда надъ нимъ, „собраны будутъ *отовсюду* духовные, хотя бы и поставленія всѣ его были." Къ удивленію, Павелъ основалъ это правило на отвѣтахъ вселенскихъ патріарховъ по дѣлу патріарха Никона: „о семъ пространно на Никона, 1663 года, въ соборныхъ отвѣтахъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ: зри въ книгѣ собранія государственныхъ грамотъ, печатанной въ Москвѣ, въ 4 части, на лист. 111 и 112."

2) Не излишне замѣтить, что это послѣднее правило о пропитываніи отставленнаго святителя, въ подлинномъ уставѣ вписано послѣ, между строкъ, и въ русскомъ и въ нѣмецкомъ текстѣ.

„не внутрь монастыря и не иновѣрными, но нашей религіи учителями, не по инымъ какимъ, но только по старопечатнымъ нашего закона книгамъ, или точно съ нихъ списаннымъ, читать, и обыкновенно писать, и упражняться въ истинномъ богопознаніи, а не въ звѣздочетствѣ, которое оставляемъ постигать астрономамъ: ибо старовѣрцы всегда спокойно наслаждаются дарами природы по чувствамъ своимъ и разсудку, не входя ни въ какія дальнѣйшія умствованія; довлѣетъ же имъ навыкать истиннаго христіянства и благочестиваго жительства, согласно завѣщанію Апостола Павла, рекшаго: *да вѣра ваша не въ мудрости человѣчестѣй, но въ силѣ Божіей будетъ; въ наученія же странна и различна не прилагайтеся.* (1 Кор. Зач. 125. Евр. Зач. 334). Итакъ, дабы всѣ старовѣрческія дѣти воспитываемы были по образу древнихъ христіанъ въ строгихъ правилахъ страха Божія, сирѣчь: не только законовъ и наказаній бояться, отъ коихъ иногда могутъ укрываться и самые злѣйшіе преступники, но страшиться всякихъ преступленій, и самыхъ даже сокровеннѣйшихъ, по одному только знаку совѣсти своей, твердо зная, что всевышній Богъ вся сокровенная, даже какъ и самыя мысли зарождаются, въ каждомъ человѣкѣ видитъ. Того ради непремѣнно требуютъ юноши, дабы съ самыхъ младыхъ лѣтъ первѣе всего вкоренять въ сердца ихъ таковые добрые нравы, и притомъ были бы они справедливѣйшими въ исполненіи христіянскихъ обязанностей, какъ то: въ вѣрности и приверженности къ своему государю, въ повиновеніи судебнымъ законамъ и властямъ [1]), въ душевномъ расположеніи къ духовнымъ отцамъ, въ совершенномъ послушаніи къ своимъ родителямъ“, и пр.

Этотъ параграфъ объ училищѣ внесенъ былъ въ уставъ вовсе не потому, чтобы дѣйствительно предполагалось устроить школу при Бѣлокриницкомъ монастырѣ, а единственно затѣмъ, чтобы мнимою заботливостью о воспитаніи вѣрныхъ и преданныхъ правительству гражданъ заслужить его благосклонность, нужную для главной цѣли. Въ тѣхъ же ви-

---

1) Любопытно, что все это писалъ человѣкъ, ни мало не затруднившійся измѣнить своему государю.

дахъ инокъ Павелъ написалъ слѣдующее вѣрноподданническое заключеніе устава:

„И такъ да пребудемъ въ мирѣ и тишинѣ, благодарствуя всемогущему Богу и вѣнценосному нашему австрійскому государю царю, успокоивающему наше смиреніе своимъ покровительствомъ, аки орелъ птенцы, подъ державныма крылома своима и ограждающему нашу религію отъ всякихъ опасностей всемилостивѣйшею привилегіею, за что и наша нелестная любовь и преданность къ своему предобрѣйшему царю доказывается еще и тѣмъ, что сверхъ исполненія каждодневныхъ нашихъ къ Богу молитвъ, по апостольскому и святыхъ отецъ заповѣданію, при совершеніи божественной литургіи приносится у насъ, въ числѣ седми, именуемыхъ великими, особенная просфира о здравіи его величества, всепресвѣтлѣйшаго, самодержавнѣйшаго нашего государя царя, да преблагій Искупитель рода человѣческаго соблюдетъ всемилостивѣйшаго нашего царя въ вожделѣнномъ здравіи на многія лѣта, яко да и мы подъ державою величества его прочее въ мирѣ и тишинѣ поживемъ...“

Кромѣ статьи „о водвореніи епископа“ приложена была къ уставу и еще статья „о родословныхъ книгахъ,“ или „родословіяхъ“. Этимъ библейскимъ названіемъ инокъ Павелъ хотѣлъ замѣнить ненавистное для липованскаго уха слово „метрики“, питая надежду, не удастся ли провести ихъ къ липованамъ подъ прикрытіемъ новаго имени. А въ самой статьѣ „о родословныхъ книгахъ“ онъ доказывалъ, что употребленіе оныхъ не противно ни религіи, ни церковнымъ уставамъ, и даже освящено примѣромъ самого Спасителя. Но и подъ этимъ прикровеннымъ заглавіемъ статья о метрикахъ не удержалась въ уставѣ. Когда совсѣмъ уже переписанный уставъ былъ прочитанъ бѣлокриницкому братству и предложенъ для подписанія, настоятель инокъ Іоиль, совершенно усвоившій себѣ духъ липованъ, рѣшительно возсталъ противъ статьи „о родословныхъ книгахъ“, и тогда только соглашался подписать уставъ, когда будетъ исключена изъ него эта блазнительная статья. Его голосъ былъ тѣмъ важнѣе, что находилъ себѣ поддержку во мнѣніи всего липованскаго общества: приходилось поневолѣ

подчиниться ему. Итакъ злополучная статья была исключена, и затѣмъ, 6-го іюня 1841 года, „уставъ Бѣлокриницкаго общежительнаго монастыря" подписанъ былъ настоятелемъ и прочими иноками. Между этими послѣдними тогда уже были распредѣлены разныя монастырскія должности, исчисленныя въ третьей главѣ устава: въ званіи должностныхъ лицъ они и подписались. Такъ инокъ Геронтій подписался уставщикомъ, Онуфрій—ризничимъ, а самъ Павелъ—письмоводителемъ; въ числѣ подписавшихся обрѣтается уже и „головщикъ крылоса инокъ Алимпій".

VII. Алимпій, послѣ долгаго отсутствія, возвратился въ Бѣлую-Криницу въ маѣ 1840 года. Онъ пріѣхалъ изъ Россіи, гдѣ занимался между прочимъ сборомъ подаяній для убогой Бѣлокриницкой обители, и дѣйствительно привезъ немалое количество пожертвованныхъ русскими старообрядцами церковныхъ вещей: иконъ, лампадъ, подсвѣчниковъ. На границѣ, со всѣми этими вещами, онъ попался было въ руки дозорщиковъ; но, благодаря своей безграничной отважности, успѣлъ выпутаться изъ бѣды и явился въ монастырь, ни одной вещицы не оставивъ во вражескихъ рукахъ. Павелъ и Геронтій не очень обрадовались пріѣзду этого воителя, который вообще не пользовался хорошею репутаціей между старообрядцами. Тогда дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, какъ мы видѣли, было уже въ ходу, и Павелъ съ Геронтіемъ опасались именно, какъ бы Алимпій, по своему задорному и запальчивому характеру, не сталъ противодѣйствовать этому дѣлу. Но оказалось, что ихъ замыслы о пріобрѣтеніи древлеправославнаго епископа, о снабженіи священствомъ всего старообрядческаго міра, несмотря на всѣ стѣсненія употребляемыя россійскимъ правительствомъ, принадлежали именно къ числу тѣхъ, которыми всего скорѣе способно было увлечься кипучее сердце инока Алимпія: ему нравились именно грандіозность и смѣлость предпріятія; труды и опасности, которые, какъ онъ ожидалъ, придется перенести ради любезнаго ему старообрядчества въ столкновеніи съ разными, можетъ-быть высокопоставленными, лицами въ странствіи по разнымъ мѣстамъ и краямъ свѣта, какъ нельзя больше

соотвѣтствовали его характеру и только способствовали тому, чтобъ онъ отдался всею душой замысламъ „батюшки отца Павла", въ которые этотъ послѣдній постепенно и осторожно посвятилъ его. Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь много значила самая личность инока Павла, вліянію котораго не могъ не подчиниться даже и Алимпій, вообще мало способный подчиниться чьему бы то ни было вліянію. Итакъ Павелъ и Геронтій пріобрѣли въ Алимпіи новаго сотрудника для осуществленія своихъ плановъ объ учрежденіи самостоятельной старообрядческой іерархіи,—сотрудника, который отдался этому дѣлу всей душой, для него готовъ былъ на самые отважные подвиги, и, подъ руководствомъ такого разсудительнаго и дальновиднаго человѣка, какъ инокъ Павелъ, могъ дѣйствительно принести ему большую пользу.

Въ то время, когда шли хлопоты по составленію устава, Алимпій еще не имѣлъ случая показать самымъ дѣломъ свою готовность—подвизаться ради снисканія древлеправославныхъ епископовъ, своимъ вмѣшательствомъ въ составленіе устава онъ даже нѣсколько затруднялъ Павла. Но одинъ поступокъ, изъ самыхъ обыкновенныхъ, учиненный имъ въ это время, и притомъ вовсе не въ видахъ служенія дѣлу о епископствѣ, по случайному сцѣпленію обстоятельствъ имѣлъ послѣдствія немаловажныя для этого именно дѣла. Въ качествѣ благотворителя Бѣлокриницкой обители, обязанной ему отчасти и первоначальнымъ своимъ устройствомъ и недавнимъ пріобрѣтеніемъ разныхъ церковныхъ вещей, инокъ Алимпій не слишкомъ почтительно относился къ настоятелю, иноку Іоилю. Іоиль, какъ нерѣдко бываетъ у старообрядческихъ иноковъ, имѣлъ жену и дѣтей, съ которыми при постриженіи въ иночество долженъ былъ навсегда разлучиться, но съ которыми однакоже не прерывалъ сношеній. Случилось, что жена его пріѣхала въ Бѣлую-Криницу; Алимпій, какъ всему старообрядческому міру извѣстно, не великій блюститель цѣломудрія, воспылалъ однакоже ревностію по поводу такого нарушенія иноческихъ правилъ, публично предъ всѣмъ бѣлокриницкимъ братствомъ явился обличителемъ Іоиля и требовалъ, чтобы соблазнъ немедленно былъ устраненъ. Іоиль долженъ былъ покориться, — отослалъ жену

обратно въ Молдавію; но обиды нанесенной Алимпіемъ онъ не забылъ; да и вообще власть, которую пріобрѣли въ монастырѣ пришлые искатели архіерейства, начала его тревожить: онъ задумалъ выпроводить изъ Бѣлой Криницы и Алимпія и Павла съ братіей.

Удобный поводъ къ этому Іоиль нашелъ въ извѣстныхъ ему секретныхъ дѣйствіяхъ Павла относительно вопроса о метрикахъ: обнаруженіемъ этихъ дѣйствій предъ липованами онъ надѣялся легко вооружить противъ Павла и его сообщниковъ всю липованскую громаду. У него имѣлись очевидныя доказательства: вопервыхъ, статья *о родословныхъ книгахъ*, которую Павелъ внесъ было въ уставъ и уничтожилъ только по его настоянію; вовторыхъ, показаніе данное Павломъ коммиссару Шаловскому, равносильное формальному обязательству предъ правительствомъ непремѣнно достигнуть, чтобы метрики введены были въ употребленіе у липованъ. Іоиль дѣйствительно расказалъ все это липованской громадѣ, объяснивъ притомъ, что пришлецы помышляютъ ни больше ни меньше, какъ съ помощію правительства захватить въ свои руки и монастырь и липованское общество, что за такія козни подобаетъ липованамъ учинить надъ ними судъ и расправу. И вотъ, спустя немного времени послѣ того, какъ подписанъ былъ уставъ, въ одинъ праздничный день, послѣ вечерни, Павелъ и его сотоварищи видятъ огромную толпу липованъ, со всего почти селенія, вооруженныхъ дреколіемъ и направляющихъ свое шествіе прямо къ монастырскимъ воротамъ. Понявъ въ чемъ дѣло, Павелъ прежде всего позаботился о томъ, чтобы удержать у себя ключи отъ монастырской часовни, какъ символъ обладанія монастыремъ: ихъ онъ отдалъ одному изъ иноковъ и велѣлъ ему поскорѣе скрыться въ безопасное мѣсто. Между тѣмъ толпа вошла въ монастырь и вызвала Павла, Геронтія и прочихъ на судъ „за предательство“: потребовали ключей отъ монастырской часовни, а виновныхъ приговорили къ изгнанію. Но ключей не оказалось; а приговоренные къ изнанію не хотѣли подчиниться рѣшенію толпы, не имѣвшей никакого права распоряжаться въ монастырѣ. Встрѣтивъ такой неожиданный отпоръ, липо-

ване не знали что имъ дѣлать: прибѣгнуть къ насилію они опасались, а уйти ни съ чѣмъ — не хотѣлось. Такъ какъ начало уже смеркаться, то рѣшили отложить судъ до утра, а ночью держать монастырь въ осадномъ положеніи: вокругъ часовни липоване, вооруженные дубинами, составили цѣпь, въ средину которой помѣстили заарестованныхъ — Павла, Геронтія и Алимпія. Участь сихъ послѣднихъ могла бы кончиться весьма непріятно, могли бы разлетѣться въ прахъ и всѣ замыслы объ учрежденіи въ Бѣлой-криницѣ „древлеправославнаго епископства", еслибы задремавшіе липованскіе ратники не дали возможности Павлу съ Алимпіемъ пробраться за составленную ими цѣпь. Съ величайшей осторожностью выйдя за монастырь, они побѣжали къ Гадикъ-фальву, къ мандатору, объявить о случившемся въ Бѣлой-Криницѣ возмущеніи. Само собою разумѣется, что они указали и главнаго виновника и причину всей смуты: какъ ревнители интересовъ правительства, страждущіе за дѣло о метрикахъ, они просили у мандатора законной защиты, обѣщавъ ему и вознагражденіе за желаемое возстановленіе тишины и порядка въ обители. Мандаторъ немедленно собрался ѣхать въ Бѣлую-Криницу. Здѣсь между тѣмъ проснувшіеся стражи и всѣ липоване до крайности изумлены были, увидѣвъ одного только Геронтія, спокойно сидѣвшаго на своемъ мѣстѣ: на вопросы о товарищахъ онъ не далъ имъ никакого отвѣта. Исчезновеніе Павла съ Алимпіемъ и подозрительное спокойствіе Геронтія не обѣщали ничего хорошаго. Липоване начали трусить; а когда завидѣли экипажъ пана-мандатора, то и окончательно растерялись. Панъ-мандаторъ, видя ихъ раскаяніе, простилъ ихъ; главный же виновникъ возмущенія, инокъ Іоиль, поплатился лишеніемъ настоятельства и долженъ былъ уѣхать въ Молдавію. На мѣсто Іоиля мандаторъ предложилъ бѣлокриницкому братству немедленно избрать новаго настоятеля. При этомъ случаѣ въ первый разъ принятъ къ руководству новый монастырскій уставъ, хотя не утвержденный еще правительствомъ, но по тому самому, что былъ уже подписанъ бѣлокриницкими старцами, имѣвшій для этихъ послѣднихъ обязательную силу. На основаніи той статьи, что

„общебратскій соборъ" имѣетъ право смѣнять настоятеля и „изъ среды себя достойнѣйшаго на ту должность паки избирать", тогдашній „общебратскій соборъ", по указанію Павла, единогласно избралъ въ настоятели инока Геронтія[1]. Эта перемѣна, случившаяся такъ неожиданно, но, разумѣется, очень желаемая, имѣла большую важность для учредителей Бѣлокриницкой іерархіи: теперь они по праву сдѣлались главными распорядителями въ монастырѣ, предназначаемомъ въ мѣстопребываніе будущему епископу, и здѣсь никто уже не могъ препятствовать осуществленію ихъ плановъ.

---

[1]) Въ *Памятникѣ происходящихъ дѣлъ Бѣлокр. монастыря* сказано (въ ст. подъ № 3), что избраніе это послѣдовало 4 іюля 1841 г. Геронтій, на допросѣ въ 1847 г., также показалъ, что оно случилось вслѣдъ за подачей устава: „Съ божіею помощію доставленъ отъ насъ правительству уставъ нашего монастыря, и часть отъ богословіи, исповѣданіе вѣры и догматъ, и предметъ о святителѣ и учрежденіи школы. И въ 1841 году доставлено сіе. *Тогда* братія избрали меня въ настоятели и мѣстное начальство утвердило" (*Чт. общ. ист. и др.* стр. 147.). Изложеніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ избраніе Геронтія, основано на расказѣ о. Онуфрія. Что мандатору за прекращеніе мятежа и содѣйствіе избранію новаго настоятеля была обѣщана и вручена награда, на это есть указаніе въ одномъ весьма курьёзномъ сочиненіи Геронтія, изъ написанныхъ имъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Сочиненіе называется: „Предсмертная грамота превѣчному Божеству". Здѣсь Геронтій представляетъ себя на страшномъ судѣ бесѣдующимъ съ Судіею, и вотъ что между прочимъ слышитъ отъ Судіи: „Не лучше еси предателя моего.... Оный убо за тридесять сребреникъ мене богоубійцамъ преда; ты же предмѣстника своего, который любезно въ сожительство къ себѣ пріятъ тя, *не за четыре ли десять гульденовъ нѣмецкаго сребра свергнулъ съ престола игуменства*, и онаго изъ общежительнаго монастыря изгналъ." (Принад. мнѣ рукопись.)

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I. Сношенія буковинскаго крайзамта съ губерніей по дѣлу объ учрежденія старобрядческой архіерeской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ; мнѣніе по сему дѣлу черновицкаго православнаго епископа и послѣдовавшій изъ губерніи декретъ. II. Мѣры противъ декрета, принятыя крайзамтомъ и Бѣлокриницкимъ монастыремъ; „послѣдняя революція" губернія по бѣлокриницкому дѣлу. III. Приготовленіе Павла къ подачѣ рекурса и поѣздкѣ въ Вѣну. IV. Павелъ и Алимпій въ Вѣнѣ; составленіе и содержаніе рекурса. V. Представленіе императору Фердинанду и другимъ высокимъ особамъ. VI. Приготовленія Павла и Геронтія къ принятію новой слѣдственной коммиссіи. VII. Дѣйствія коммиссіи въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. VIII. Назначеніе и производство новаго коммиссіоннаго слѣдствія. IX. Хлопоты Павла и Алимпія во Львовѣ и поѣздка въ Вѣну для подачи промеморій. X. Окончательное рѣшеніе по дѣлу объ архіерейской каѳедрѣ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ.

I. Въ хлопотахъ за монастырскимъ уставомъ прошелъ цѣлый годъ. Между тѣмъ въ это время крайзамтъ успѣлъ обмѣняться съ губерніей оффиціальными объясненіями по поводу представленнаго имъ іюлѣ 1840 года прошенія бѣлокриницкихъ иноковъ объ учрежденіи архіерейской каѳедры у липованъ. Въ губерніи весьма недовѣрчиво и неблагосклонно взглянули на это дѣло. Кажется, тамъ уже получены были косвеннымъ путемъ свѣдѣнія, объяснившія дѣйствительное значеніе затѣяннаго бѣлокриницкими иноками предпріятія, а также извѣстія и о самыхъ затѣйщикахъ, какъ лицахъ подозрительныхъ, бѣжавшихъ изъ Россіи. Предписаніемъ отъ 28-го сентября 1840 года губернское начальство потребовало отъ крайзамта, какъ онъ и опасался, болѣе полныхъ объясненій о Бѣлокриницкомъ монастырѣ и о томъ, на какихъ основаніяхъ крайзамтъ допустилъ суще-

ствованіе этого духовнаго института въ Бѣлой-Криницѣ; о привилегіи Іосифа II замѣчено, что она не даетъ липованамъ никакого права на устроеніе монастыря; веденіе метрическихъ записей, какъ ожидаемое послѣдствіе учрежденія правильной іерархіи у липованъ, признано также недостаточнымъ основаніемъ для просьбы о липованскомъ епископѣ, такъ какъ веденіе метрикъ есть дѣло гражданское, никакой связи съ религіей не имѣющее; наконецъ предписано находящихся въ монастырѣ „тайно пришедшихъ изъ-за границы липованскихъ калугеровъ“, которымъ собственно и принадлежитъ затѣя объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, выслать изъ Буковины обратно за границу.

Въ отвѣтъ на это предписаніе губернскаго начальства, крайзамтъ, новыми представленіями, отъ 5-го и 19-го декабря, старался отстоять свое мнѣніе относительно метрикъ, доказывалъ что въ липованскихъ селеніяхъ дѣйствительно придаютъ имъ значеніе религіозное и что только съ учрежденіемъ у липованъ правильной іерархіи можно ожидать въ ихъ обществахъ и правильнаго веденія метрическихъ записей. Вліянію монастыря на ожидаемый счастливый исходъ дѣла о метрикахъ и вообще на смягченіе липованскихъ нравовъ крайзамтъ усвоялъ также большое значеніе; а для нужныхъ объясненій о самомъ монастырѣ, его исторіи и учрежденіяхъ, обѣщалъ представить полный монастырскій уставъ, приготовляемый по его порученію. Наконецъ, предписаніе о высылкѣ за границу пришлыхъ калугеровъ крайзамтъ оставилъ вовсе безъ отвѣта, потому что не находилъ удобнымъ приводить его въ исполненіе, или дѣлать по поводу его какія-либо распоряженія. О Павлѣ съ Геронтіемъ, какъ сказано было выше, крайзамтъ имѣлъ отъ самихъ липованъ точныя свѣдѣнія, что они дѣйствительно „пришли тайно изъ-за границы“ и назвались чужими именами; но принявъ отъ нихъ прошеніе, какъ отъ туземныхъ жителей, состоящихъ подъ австрійскимъ подданствомъ, онъ долженъ былъ бы теперь дѣйствовать противъ самого себя, еслибы согласно губернскому предписанію распорядился о высылкѣ ихъ, какъ бѣглыхъ иностранцевъ, изъ Буковины. Вообще, своими

первоначальными распоряженіями по поводу просьбы бѣлокриницкихъ иноковъ объ учрежденіи епископской каѳедры у липованъ крайзамтъ такъ тѣсно связалъ себя съ этимъ дѣломъ, что поставлялъ уже своимъ долгомъ во что̀ бы ни стало защищать его; замѣчанія же губернскаго начальства, чувствительныя для самолюбія черновицкихъ властей, только еще болѣе подстрекали ихъ дѣйствовать въ принятомъ направленіи.

Живя въ Черновцахъ у пана Тарновецкаго, инокъ Павелъ имѣлъ возможность скоро узнать, какъ непріязненно отнеслись въ губерніи къ поданной имъ просьбѣ о епископѣ, и какіе даже, по поводу этой просьбы, возбуждаются опасные для монастыря и для него лично вопросы. Это было новымъ огорченіемъ для Павла: его замысламъ угрожала серьезная опасность, и съ такой стороны, откуда, повидимому, онъ совсѣмъ не ожидалъ ея. За то онъ вполнѣ убѣдился теперь, что его не выдастъ „благодѣтельное“ черновицкое начальство, что отселѣ оно будетъ его вѣрнымъ союзникомъ и покровителемъ достаточно сильнымъ, чтобы защитить его дѣло предъ губерніей: доказательство этого онъ могъ уже и видѣть въ представленіяхъ крайзамта, посланныхъ въ губернію отъ 5-го и 19-го декабря. Его личныя отношенія къ крайзамту съ этого времени, дѣйствительно, становятся такъ близки, что́ онъ получаетъ свободный доступъ въ его канцеляріи и архивы. На составленіе монастырскаго устава, которымъ онъ тогда занимался, предписаніе полученное изъ губерніи, также не осталось безъ вліянія: уставъ получалъ теперь еще больше значенія, такъ какъ и самъ крайзамтъ между прочимъ ссылался на него, обѣщая доставить въ губернію объясненіе на нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ оттуда замѣчаній. Нужно было поэтому усугубить тщаніе, съ какимъ вообще составлялся уставъ, пересмотрѣть со вниманіемъ особенно тѣ его статьи, которыя должны были служить какъ бы отвѣтомъ на сдѣланныя въ губерніи возраженія по поводу бѣлокриницкой просьбы. И мы видѣли, что эти статьи изложены дѣйствительно съ особеннымъ тщаніемъ и осторожностію, — таковы именно статьи: объ основаніи монастыря, о принятіи иноковъ, о строгомъ за ними наблюденіи,

о страннопріимствѣ, объ основаніяхъ, почему липованамъ необходимо имѣть своего епископа, объ училищѣ, и другія, въ которыхъ составитель заботился не о томъ, чтобы передать истину, а чтобы только умолчаніемъ, или искаженіемъ истины расположить правительство въ пользу монастыря и въ пользу дѣла о липованскомъ епископѣ. Въ іюнѣ 1841 года уставъ, подписанный, какъ мы уже сказали, должностными монастырскими лицами, представленъ былъ въ крайзамтъ. Примѣнительно къ его содержанію здѣсь приготовили новое представленіе, и 9-го августа вмѣстѣ съ уставомъ отправили во Львовъ. Въ этомъ новомъ представленіи крайзамтъ не преминулъ повторить, что по его убѣжденію „единственное средство привести въ порядокъ отправленіе духовныхъ требъ у липованъ и воспитаніе липованскихъ юношей, вообще сколько-нибудь исправить совершенно потерянную въ настоящее время нравственность липованъ, заключается въ томъ, чтобы оставить у нихъ неприкосновеннымъ духовенство (то-есть иноковъ Бѣлокриницкаго монастыря), существующее съ самаго ихъ водворенія въ Буковинѣ, которое и теперь, чрезъ совершеніе Божіихъ службъ, нѣсколько еще поддерживаетъ порядокъ въ липованскихъ громадахъ, и чтобы дать этому духовенству законныя установленія, съ возложеніемъ на него обязанности исполнять предписанія правительства относительно провожденія метрикъ и обученія липованскихъ юношей“.[1])

Новое представленіе крайзамта не поколебало прежняго мнѣнія губернскихъ властей по дѣлу о липованскомъ монастырѣ и епископѣ; относительно же присланнаго крайзамтомъ бѣлокриницкаго монастырскаго устава они нашли необходимымъ узнать предварительно мнѣніе православнаго буковинскаго епископа Евгенія, какъ главнаго въ области начальника по дѣламъ православной церкви, къ которой липоване считались имѣющими болѣе близкое отношеніе, нежели ко всѣмъ другимъ существующимъ въ имперіи исповѣданіямъ. Преосвященный Евгеній Гакманъ, русинъ по

---

[1]) Содержаніе этого представленія изложено въ другомъ представленіи крайзамта, отъ 3 іюня 1842 года, № 6.457 (*Бѣлокр. арх.*).

происхожденію [1]), человѣкъ образованный и глубоко преданный православію, всегда интересовался судьбой липованъ, какъ людей славянскаго племени и бывшихъ нѣкогда православными: онъ старался поддерживать сношенія съ ними, бывалъ даже въ монастырѣ Бѣлокриницкомъ,—и липоване вообще относились къ нему съ уваженіемъ [2]). Зная упорство ихъ въ такъ-называемой старой вѣрѣ, онъ, конечно, не расчитывалъ въ близкомъ будущемъ возвратить липованъ къ православію; но тѣмъ не менѣе считалъ ихъ не совсѣмъ чужими для православной церкви и не терялъ надежды на возвращеніе ихъ къ православію при благопріятныхъ условіяхъ, къ числу которыхъ относилъ и самое оскудѣніе священства у липованъ, такъ какъ полагалъ, что рано или поздно оно можетъ расположить ихъ къ принятію мѣстныхъ православныхъ священниковъ. Но эту надежду должны были совершенно разрушить замыслы бѣлокриницкихъ калугеровъ объ учрежденіи у липованъ самостоятельной архіерейской каѳедры, грозившіе притомъ, что̀ было гораздо важнѣе, и всему православію не малымъ вредомъ,—замыслы, о которыхъ епископу Евгенію, живущему въ Черновцахъ, не трудно было получить точныя извѣстія. Къ этимъ замысламъ не могъ онъ относиться равнодушно и потому еще, что видѣлъ полное сочувствіе имъ со стороны черновицкаго гражданскаго начальства, совершенно чуждаго интересамъ православной церкви, если только не враждебно къ ней расположеннаго. Можно догадываться, что въ видахъ противодѣйствія замышленному въ Бѣлой-Криницѣ неправому дѣлу онъ первый сообщилъ въ губернію тѣ свѣдѣнія о „тайно пришедшихъ изъ-за границы калугерахъ“ и объ ихъ замыслахъ, которыми, какъ выше замѣчено, губернское начальство руководилось между прочимъ въ своемъ предписаніи крайзамту отъ 28-го сентября 1840 года. Теперь, получивъ на разсмотрѣніе монастырскій уставъ, епископъ Евгеній

---

1) Настоящая фамилія Евгенія *Хибайло*. См. о немъ у Надеждина (*Сбор. Кел.* I, стр. 103).

2) Такъ наприм. онъ заѣзжалъ въ монастырь Бѣлокриницкій въ 1841 году, и здѣсь его принимали съ почетомъ; къ о. Онуфрію, отъ котораго мы слышали это, онъ заходилъ въ келью.

считалъ своимъ долгомъ войти въ подробное обсужденіе не только изложенныхъ въ немъ религіозныхъ мнѣній и правилъ иноческаго общежитія, но и самаго вопроса объ учрежденіи особой архіерейской каѳедры у липованъ. Что касается этого послѣдняго вопроса, то домогательства липованъ нашелъ онъ противными каноническимъ правиламъ православной восточной церкви [1]), и съ тѣмъ вмѣстѣ объяснилъ, что домогательства эти принадлежатъ собственно нѣсколькимъ монахамъ, прибывшимъ изъ-за границы, и не находятъ себѣ сочувствія даже въ большинствѣ липованъ, между которыми имѣется притомъ не малое количество и такихъ, которые совсѣмъ не принимаютъ священства и потому учрежденіе архіерейской каѳедры считаютъ совершенно излишнимъ. Относительно же вѣроученія липованъ и правилъ иноческаго общежитія отозвался, что они въ существенномъ своимъ содержаніи ничѣмъ почти не разнятся отъ принимаемыхъ православною церковію; все различіе состоитъ только въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ, которыя не даютъ липованамъ никакого основанія отдѣляться отъ православной церкви, тѣмъ паче искать учрежденія особой, самостоятельной іерархіи, и которымъ только по крайнему своему невѣжеству придаютъ они чрезвычайную догматическую важность. Вотъ чтò въ послѣдствіи писалъ объ этомъ самъ инокъ Павелъ, какъ видно, имѣвшій возможность прочесть отзывъ Евгенія о бѣлокриницкомъ уставѣ: „Губернія вздумала вопросить мнѣнія о нашемъ монастырѣ черновицкаго волохской религіи епископа, вовсе для насъ недоброжелательствующаго, который донесъ губерніи весьма для насъ вредную аттестацію. Онъ увѣрилъ губернію, что недавнѣ собравшіеся липованскіе монахи сами о себѣ затѣваютъ такое дѣло, но что даже

---

1) Надеждинъ, который лично знакомъ былъ и бесѣдовалъ съ Евгеніемъ о липованскихъ дѣлахъ, говоритъ, что „онъ входилъ съ формальнымъ протестомъ къ мѣстному начальству, въ которомъ, на основаніи каноническихъ правилъ церкви вообще и православной восточной церкви въ особенности, разъяснилъ и доказалъ всю нелѣпость и беззаконность раскольническихъ домогательствъ“ (стр. 103). Вѣроятно здѣсь разумѣется именно представленный Евгеніемъ отзывъ о бѣлокриницкомъ уставѣ, или же первое его донесеніе о „раскольническихъ домогательствахъ“.

и обществы ихъ изволенія совсѣмъ не имѣютъ: поелику (говоритъ) въ липованскихъ обществахъ, кои коренные и достаточные люди суть, всѣ какіе-то чуждые христіянства, вовсе не требующіе священства, и святыхъ таинъ никогда не причащаются [1]). А впрочемъ (говоритъ) хотя нѣкоторые и придерживаются священства, и тѣ суть пришедшіе изъ-за границы — изъ Россіи, изъ Молдавіи — разная сволочь, и они временемъ принимаютъ бѣжавшихъ изъ Россіи распутныхъ поповъ, или разстриженныхъ, или вовсе несвященныхъ, а только ложно называющихся. А потому (заключаетъ онъ въ клеветѣ (?) своей) эти липоване, кои придерживаются священства, могутъ перейти подъ его пастырство, поелику и россійская религія одного съ нимъ восточнаго греческаго закона и по всему одна другой согласуетъ — въ церковныхъ обрядахъ, въ крещеніи и въ самомъ символѣ вѣры. И такъ вовсе непотребно для липовановъ нетолько особаго своего епископа, но даже и монастырь съ монахами: ибо когда коренные жители не пріемлютъ священства, кольми паче для чего имъ потребны пустые монахи, развѣ для одного попрошажества? Собственнаго же достатку они вовсе ничего не имѣютъ, кромѣ подаемой имъ милостыни“ [2]).

---

[1]) „Это онъ говоритъ о безпоповцахъ; хотя и много клевещетъ, но лишь отчасти правда, ибо въ одномъ селѣ Климоуцахъ есть нѣсколько безпоповцевъ, и мужики заживные.“ (Прим. Павла.)

[2]) Письмо къ благотворителямъ отъ 16 окт. 1843 г. (*Сборникъ о. Онуфрія*). Въ *Рекурсѣ* Павелъ и Алимпій также жаловались, что епископъ Евгеній очень неблагосклонно отозвался „объ особенностяхъ, образованіи и способностяхъ липованъ“ (über unsere Individualität, unsere Kenntnisse und unsere Fähigkeiten). Геронтій же въ своемъ *Памятникѣ* пишетъ слѣдующее: „Славный кесарекоролевскій губерніалъ сосѣдственному и не менѣе завистію намъ враждебному нынѣшняго грековостока исповѣданія вологскому епископу поручилъ нашъ уставъ въ разсмотрѣніе, иже неутомимою жаждою томимъ бѣ, еже бы насъ подъ свою паству подчинити. Не имѣя же религіознаго средства въ нашемъ показаніи опровергати, сей убо витиранъ (sic), или паче рещи волагской діалектики царской фамиліи учитель (?), премудрый софистіанъ (sic), по зависти своея слѣпоты ощупавъ стезю, между нашего населенія нѣсколько непріемлющихъ священства, онъ отнесся губерніалу тако, яко въ показаніи ихъ исповѣданія вѣры нѣсть противнаго грековостоку, развѣ мало нѣчто разнствуетъ въ церемоніалахъ церковнаго обряда, и та не суть подъ канономъ церковныхъ правилъ; но при всемъ томъ первобыт-

Получивъ отъ епископа Евгенія отзывъ о бѣлокриницкомъ уставѣ, губернское начальство удовлетворилось имъ вполнѣ и вовсе не признало за уставомъ того значенія, какое усвояли ему въ Черновцахъ; а на представленіе крайзамта отъ 9-го января 1841 г. отвѣчало новымъ строгимъ подтвержденіемъ своихъ прежнихъ распоряженій по дѣлу о липованахъ. На сношенія между губерніей и буковинскимъ епископомъ потребовалось довольно времени, такъ что этотъ новый губернскій декретъ состоялся уже 21-го марта 1842 года. [1]) Опредѣливъ со всею точностью, что дѣло касается главнымъ образомъ двухъ вопросовъ: 1) о правильномъ веденіи метрическихъ книгъ въ липованскихъ селеніяхъ, и 2) о дальнѣйшемъ существованіи монастыря въ Бѣлой-Криницѣ, съ предоставленіемъ права на учрежденіе въ ономъ архіерейской каѳедры, губернское начальство относительно того и другаго постановило: 1) грамота Іосифа II, предоставляющая липованамъ свободу религіи, не освобождаетъ ихъ отъ веденія метрикъ, ничего общаго съ религіей не имѣющихъ, и потому относительно метрикъ крайзамтъ непремѣнно долженъ исполнить состоявшееся 14-го августа 1833 г. опредѣленіе; 2) та же грамота, хотя и предоставляетъ липованамъ свободу въ содержаніи своего собственнаго духовенства, не даетъ имъ права имѣть въ Бѣлой-Криницѣ особаго рода духовный институтъ, именуемый у нихъ монастыремъ, тѣмъ болѣе, что „въ самопервомъ началѣ ихъ поселенія здѣсь они просили уже о дозволеніи устроить таковый монастырь, но рѣшеніемъ надворнаго военнаго

ные липоване (тако они насъ называютъ), иже по силѣ высочайшей привилегіи въ австрійской провинціи поселившіеся, они священства ни подъ какимъ предлогомъ не пріемлютъ; но это ристорація (sic) отъ новопришельцевъ иноческаго скопища зависитъ быти, между коими незначительное число суть и міряне, которые не возгнушались бы и нами“ (Рукоп. пис. въ Шлиссельб.)

[1]) Геронтій въ этомъ замедленіи винитъ главнымъ образомъ епископа Евгенія. Въ показаніи своемъ онъ писалъ: „Уставъ нашъ правительствомъ доставленъ на разсмотрѣніе волохской духовной канцысторіи, которая *разсматривала болѣе года*, однако вреднаго не могла ничего изыскать, а по неблаговоленію ихняго епископа вознамѣрилась воспрепятствовать своимъ докладомъ губерніи“ (*Чт. общ. ист. и др.* стр. 147).

суда, 9-го іюня и 10-го іюля 1784 г., имъ это не дозволено, каковыя рѣшенія они должны были получить чрезъ военную мѣстную администрацію." Эти постановленія свои, въ сущности совершенно согласныя съ изданными прежде, губернія предписывала крайзамту „объявить старшинамъ липованской вѣры и старательно наблюдать, чтобы оныя, равно какъ всѣ прочіе общіе законы и правила, были ими въ точности исполняемы." Наконецъ, губернское начальство выражаетъ увѣренность, что, согласно прежнему его распоряженію, отъ 28-го сентября 1840 года, крайзамтъ распорядился уже высылкой за границу пришлыхъ калугеровъ, замыслившихъ дѣло о липованскомъ епископѣ. [1])

II. Итакъ, весь трудъ и все дипломатическое искусство, потраченные Павломъ на составленіе устава, напервый разъ не принесли ни какой пользы; надежда, какую возлагали на этотъ пресловутый уставъ и въ Бѣлой-Криницѣ, и въ Черновцахъ, не оправдалась. Благодаря указаніямъ епископа Евгенія и той добросовѣстности, съ какою вообще дѣйствовало губернское начальство по вопросу о липованахъ, ему не трудно было усмотрѣть фальшь и обманъ, какъ ни искусно они были прикрыты, въ тѣхъ самыхъ статьяхъ, на которыя всего болѣе расчитывали и Павелъ и черновицкіе чиновники: губернія осталась при своемъ прежнемъ рѣшеніи по поводу просьбы бѣлокриницкихъ иноковъ, и только на этотъ разъ выразила его опредѣленнѣе и тверже. Для Павла опять наступило тяжелое время, грозившее ниспроверженіемъ его смѣло замышленныхъ плановъ; но и теперь къ нему явились на помощь черновицкіе союзники и „благодѣтели," не менѣе какъ и онъ самъ недовольные распоряженіями губернскаго начальства. Хотя распоряженія эти были выражены такъ твердо, что, повидимому, не допускали никакихъ возраженій, крайзамтъ все-таки не намѣренъ былъ исполнять ихъ и составилъ планъ, какъ достигнуть того, чтобъ они были отмѣнены окончательно.

---

[1]) „Губернія полагаетъ, что крайзамтъ уже сдѣлалъ, что касается тайно изъ-за границы пришедшихъ липованскихъ калугеровъ, по губернскому приказанію отъ 28 сентября 1840 зависящее распоряженіе." Губ. предп. отъ 21 марта 1841 года, № 11.613 (*Бѣлокр. архивъ*).

Въ новомъ представленіи, отъ 3-го іюня 1842 года, крайзамтъ старался доказать губернскому начальству, что постановленное симъ послѣднимъ, въ 21 день марта, рѣшеніе по дѣлу о липованахъ „почти невозможно" исполнить, такъ какъ имѣются къ тому опытомъ дознанныя „чрезвычайныя препятствія," и потому просилъ объясненія, подлежитъ ли указанное рѣшеніе непремѣнному исполненію, или губернія благоволитъ сдѣлать въ ономъ по требованію обстоятельствъ какія-либо измѣненія, и какія именно. Въ изложеніи „чрезвычайныхъ препятствій," дѣлающихъ невозможнымъ исполненіе губернскаго рѣшенія, крайзамтъ не сказалъ ничего новаго противъ прежнихъ своихъ представленій въ губернію, только постарался описать несчастныхъ липованъ самыми мрачными красками, чтобы показать такимъ образомъ крайнюю необходимость для липованскихъ обществъ законно поставляемаго духовенства, которое одно будто бы только и можетъ завести въ этихъ обществахъ порядокъ и исправить липованскіе нравы. „И въ прежнее время, когда въ липованскихъ громадахъ находились старшіе чрезвычайно хорошаго поведенія и достоинства люди, которые старались склонить жителей, даже угрозами, къ веденію метрикъ, и тогда всѣ эти убѣжденія оставались безъ дѣйствія, ибо всегда имѣло силу то препятствіе, что по фанатическому понятію липованъ метрики не суть только политическая мѣра, но противны ихъ религіи. Въ настоящее же время липовнне, что касается благочестивой, вѣрной и справедливой жизни, стали гораздо хуже, нежели какъ были прежде, такъ что нѣтъ у нихъ ни одного человѣка, который бы могъ имѣть здравое понятіе о распоряженіяхъ правительства; притомъ же всѣ они впали въ слѣпой религіозный фанатизмъ: ибо много лѣтъ не имѣютъ порядочнаго духовенства и хорошаго воспитанія юношей. И потому склонить этихъ людей убѣжденіями, или наказаніями къ исполненію всѣхъ законныхъ требованій, указанныхъ въ губернскомъ рѣшеніи, представляется почти невозможнымъ; крайзамтъ же съ своей стороны предлагаетъ къ тому вѣрное средство: до тѣхъ поръ порядокъ у липованъ не будетъ возстановленъ, пока не будутъ они имѣть своего законнаго духовен-

ства, которое бы наблюдало за ними въ исполненіи религіозныхъ требованій, обученія юношей и провожденія метрикъ, подобно тому, какъ дѣлается въ иныхъ религіяхъ. Липованскіе калугеры берутъ на свою обязанность исполненіе указанныхъ въ губернскомъ высочайшемъ рѣшеніи требованій и просятъ только, чтобъ ихъ монастырскія учрежденія утвердить законнымъ порядкомъ.“ Представленіе свое крайзамтъ заключилъ слѣдующими словами: „*Теперь дѣло не въ томъ, какъ поступить съ липованами и ихъ калугерами,* а въ томъ, какъ уничтожить происходящій у нихъ безпорядокъ и довести ихъ до надлежащаго исполненія религіозныхъ требованій, воспитанія юношей и веденія метрическихъ книгъ. Въ уваженіе этихъ обстоятельствъ, крайзамтъ проситъ дать ему объясненіе, должно ли высочайшія рѣшенія 21-го марта 1842 года необходимо исполнить, или позволено будетъ на всѣ вышеупомянутыя обстоятельства имѣть уваженіе, и какого рода уваженіе.“ [1])

Нѣтъ сомнѣнія, что никакого „уваженія“ изъ губерніи крайзамтъ не ожидалъ и ожидать не могъ; равно какъ состоявшееся 21 марта губернское рѣшеніе вовсе не намѣренъ былъ исполнять и послѣ новаго подтвержденія, о которомъ спрашивалъ и которое непремѣнно должно было послѣдовать. Изъ всего содержанія и по самому тону донесенія видно, что оно писано подъ вліяніемъ уже принятаго плана, посредствомъ котораго крайзамтъ надѣялся достигнуть отмѣны губернскихъ распоряженій по дѣлу о липованахъ: планъ состоялъ въ томъ, чтобы перенести это дѣло на рѣшеніе высшихъ инстанцій. Въ исполненіи этого плана крайзамтъ, конечно, не могъ принимать непосредственнаго участія: аппеллировать, какъ недовольные рѣшеніемъ губерніи, должны были сами просители, уполномоченные на то отъ Бѣлокриницкаго монастыря. Убѣдить же Павла и Геронтія перенести дѣло о епископѣ въ столицу не предстояло никакого труда, такъ какъ они и сами видѣли, что въ губерніи это дѣло совсѣмъ испорчено и что другаго средства поправить его не остается, какъ только искать защи-

---

[1]) Донес. крайз. отъ 3 іюня 1842 г., № 6.457 (*Бѣлокр. архивъ*).

ты и суда у верховной власти. Притомъ же были основанія разсчитывать, что въ столицѣ примутъ дѣло совсѣмъ иначе, нежели какъ оно принято въ губерніи. Губернское начальство (въ этомъ были увѣрены и въ Бѣлой-Криницѣ и въ Черновцахъ) [1]) дѣйствовало относительно просьбы старообрядческихъ иноковъ подъ вліяніемъ православнаго буковинскаго епископа и, быть-можетъ, своего собственнаго сочувствія интересамъ православія: въ Вѣнѣ же подобныхъ вліяній никакъ не предполагалось, — напротивъ думали, что если разъяснить тамъ, какъ слѣдуетъ, причину неблагопріятнаго отношенія губернскихъ властей къ дѣлу о старообрядческой архіерейской каѳедрѣ, и если еще поставить на видъ, какой посредствомъ учрежденія этой каѳедры можетъ быть причиненъ значительный ущербъ интересамъ православія, имѣющаго существенное значеніе для сосѣдней великой имперіи, то на успѣхъ просьбы у австрійскаго императорскаго правительства можно смѣло разсчитывать.

Павелъ и Геронтій хорошо понимали основательность этихъ соображеній и тѣмъ охотнѣе готовы были перенести дѣло о епископѣ въ столицу, что другаго выхода изъ затрудненій, причиненныхъ имъ губернскимъ декретомъ, не представлялось; въ смѣлости же на такой важный шагъ недостатка у нихъ не было. Но чтобы имѣть законное основаніе аппеллировать столичнымъ властямъ, нужно было имѣть въ рукахъ самое рѣшеніе „губерніи", противъ котораго должна быть направлена аппелляція, а равно и другіе документы по ихъ дѣлу, находившіеся въ губерніи. Для этого придумано было подать непосредственно губернскому началь-

1) Въ *Рекурсѣ* Павелъ и Алимпій писали, что кесарокоролевская губернія дѣйствовала именно „по нѣкоторому, враждебному для ихъ обряда вліянію;" и въ другомъ мѣстѣ: „мы съ глубочайшею скорбію узнали, что къ изданію тягостнаго высокою губерніею рѣшенія содѣйствовало много мнѣніе, поданное отъ его преосвященства господина буковинскаго греконеуніатскаго (griechisch nicht unirten) епископа". О томъ же говорится у Геронтія въ его *Памятникѣ*; и на допросѣ онъ показалъ: „губернія учинила по желанію волохскаго епископа, всѣ наши предпріятія и труды уничтожила своимъ рѣшеніемъ". (*Чт. общ. ист. и др.* стр. 147.)

ству отъ имени монастыря прошеніе о милостивомъ рѣшеніи ихъ дѣла, или же, въ противномъ случаѣ (что̀ именно и ожидалось), — о выдачѣ документовъ, необходимыхъ для „ре-курсованія“ высшимъ властямъ. И вотъ, когда изъ крайзамта было послано въ губернію изложенное выше представленіе, съ котораго Павлу дана точная копія, Павелъ и Геронтій сами отправились во Львовъ, гдѣ и подали, 27 іюня 1842 года, „президенту всей Буковины, Галиціи и Лодомеріи“ прошеніе. „Будучи извѣщены отъ кесарокоролевскаго крайзамта (писали они въ этомъ прошеніи), что уставъ нашъ представленъ губерніи на разсмотрѣніе и утвержденіе, мы прибыли сюда для успѣшности нашего дѣла и въ случаѣ какой надобности что-бы могли подать наше еще потребное дополненіе. А какъ мы *здѣсь освѣдомились*, что по нашему дѣлу резолюція покончена и что крайзамтъ самъ неоднократно просилъ губернію насъ удовлетворить: отъ чего мы, соболѣзнуя дабы наша религія и вся свободность не уничтожилась, покорнѣйше просимъ милостиво и внимательно наше дѣло разсмотрѣть и насъ беззащитныхъ, согласно 1-го пункта всевысочайшей привилегіи, удовлетворить, дабы нашъ монастырь для вѣчнаго существованія утвердить и намъ здѣсь на оное милостивую резолюцію выдать. Для того мы, нижеподписавшіеся, *доносимъ*, что черновицкій неуніатскій епископъ, которому нашъ уставъ изъ губерніи на разсмотрѣніе былъ врученъ, намъ есть всегдашній недоброжелатель, *и нетолько для насъ, но и для здѣшняго государственнаго порядка не доброжелательствуетъ*; насъ же желательно ему подъ свое завѣдываніе подвести, и въ противномъ случаѣ настоять тщится совершенно даже изъ здѣшняго края за границу выслать. Но покорнѣйше просимъ внимательно вникнуть кесарокоролевскаго крайзамта во вторительное доношеніе, который въ виду имѣетъ всѣ наши обстоятельства.“ Такимъ образомъ цѣль прошенія, поданнаго Павломъ и Геронтіемъ, была, повидимому, та, чтобы достигнуть отмѣненія состоявшейся по ихъ дѣлу „резолюціи“, о которой, равно какъ и о дѣйствіяхъ крайзамта въ ихъ пользу, они будтобы узнали только по пріѣздѣ во Львовъ, куда-де прибыли единственно „ради успѣшности“ своего дѣла и чтобы „въ случаѣ какой

надобности" дать потребныя объясненія и дополненія. Вообще, нельзя не замѣтить, что они всячески старались выгородить крайзамтъ отъ подозрѣнія въ какой-либо солидарности съ ними, въ сочувствіи и покровительствѣ ихъ затѣямъ. За то Павелъ и Геронтій совсѣмъ иначе отнеслись въ своемъ прошеніи къ черновицкому епископу Евгенію, не посовѣстились написать на него чистый доносъ, обвинить, какъ православнаго и русина по происхожденію, въ недоброжелательствѣ даже австрійскимъ государственнымъ порядкамъ, до которыхъ имъ, казалось бы, не было никакого дѣла. Но мы говорили уже, что измѣненіе состоявшейся 21го марта губернской „резолюціи" было только благовиднымъ предлогомъ къ подачѣ прошенія, такъ какъ Павелъ и Геронтій были, конечно, вполнѣ увѣрены, что даже и доносомъ на черновицкаго православнаго епископа достигнуть этого измѣненія не могутъ; дѣйствительная цѣль, какою они въ настоящемъ случаѣ руководились, ясно высказана въ заключеніи ихъ просьбы: „А притомъ мы просимъ намъ объяснить, съ какого поводу шестидесятилѣтнее существованіе монастыря нашего опредѣлено уничтожить. И ежели сіе наше прошеніе губернія не можетъ удовлетворить, то просимъ со всѣми нашими актами и уставомъ, яко рекурсъ, въ высочайшій департаментъ доставить и намъ милостивую резолюцію здѣсь ожидающимъ вручить." [1])

„Милостивая резолюція" однакоже послѣдовала нескоро,— спустя болѣе трехъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ было подано Павломъ и Геронтіемъ прошеніе, именно 16-го октября 1842 года, одновременно съ отвѣтомъ на послѣднее представленіе крайзамта, и только въ январѣ слѣдующаго 1843 года доставлена, чрезъ посредство крайскоммиссара и мандатора, въ Бѣлокриницкій монастырь на имя настоятеля (Klostersvorsteher) Геронтія Левонова. Оба эти документа Павелъ справедливо назвалъ „послѣдними губернскими резолюціями о неутвержденіи монастыря." [2])

---

[1]) Черновой экземпляръ прошенія, писанный Павломъ (*Бѣлокр. архивъ*).

[2]) Заглавія, собственноручно сдѣланныя Павломъ на копіяхъ того и другаго документа, находящихся въ *Бѣлокр. архивѣ*.

На представленіе крайзамта, какъ здѣсь и ожидали, послѣдовалъ отвѣтъ, что губернское начальство не находитъ никакихъ основаній къ отмѣнѣ своего прежняго постановленія, отъ 21-го марта 1842 года, въ силу которага липоване обязуются къ непремѣнному веденію метрикъ, а устроенный ими монастырь подлежитъ уничтоженію; аргументовъ же, которыми крайзамтъ старался доказать неудобоисполнительность этого опредѣленія, губернское начальство не признаетъ уважительными. Разбирая эти аргументы подробно, губерніумъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, ясно обличающихъ недобросовѣстность черновицкихъ властей въ веденіи настоящаго дѣла о липованахъ. Такъ противъ постоянныхъ увѣреній крайзамта, что метрикамъ липоване усвояютъ исключительно религіозное значеніе и обязательство къ непремѣнному употребленію оныхъ считаютъ нарушеніемъ предоставленной имъ привилегіей Іосифа II религіозной свободы, замѣчено, что сами иноки Бѣлокриницкаго монастыря признали веденіе метрикъ не противнымъ ни религіи липованъ, ни данной имъ привилегіи, какъ видно изъ протокола составленнаго крайскоммиссаромъ Шаловскимъ 30-го апрѣля 1840 года. Другое подобнаго рода замѣчаніе сдѣлано противъ представленій крайзамта объ утвержденіи законнымъ порядкомъ издавна существующаго въ Бѣлой-Криницѣ монастыря: вина за то, что монастырь, устроенный вопреки распоряженіямъ высшаго правительства, послѣдовавшимъ въ 1784 и 1791 годахъ, столько времени существовалъ секретно, падаетъ главнымъ образомъ на крайзамтъ, „который въ отношеніи своемъ отъ 29-го іюня 1840 года и самъ признался, что только въ послѣднее время его примѣтилъ.“ [1]) Такимъ образомъ изъ документовъ, представленныхъ самимъ крайзамтомъ, губернское начальство доказало ему неосновательность приводимыхъ имъ доводовъ въ защиту дѣла о липованскомъ монастырѣ и епископѣ. Но теперь, когда это дѣло должно было перейти на разсмотрѣніе столичныхъ властей, крайзамтъ еще меньше прежняго думалъ тревожиться губернскими предписаніями и замѣча

---

[1]) Предпис. крайзамту отъ 16 октября 1842 г., № 39.976 (*Бѣлокр. архивъ*).

ніями, несмотря на всю ихъ справедливость, и даже не находилъ нужнымъ дать на нихъ объясненіе.

„Послѣдняя губернская резолюція“, полученная самими бѣлокриницкими просителями, оставивъ безъ вниманія ихъ жалобы и доносы, касалась только того, что̀, какъ мы замѣтили выше, составляло сущность ихъ прошенія. Они просили—„объяснить, съ какого повода шестидесятилѣтнее существованіе ихъ монастыря опредѣлено уничтожить“: губернское начальство теперь и объясняло, что „существованіе монастыря въ Бѣлой-Криницѣ признается непозволительнымъ, незаконнымъ и нетерпимымъ“ (unzulässig, gesetzwidrig und könne nicht geduldet werden) по слѣдующимъ причинамъ: „а) хотя по высочайшей привилегіи и предоставлено поселившимся въ Буковинѣ липованамъ безпрепятственное отправленіе богослуженія и духовныхъ требъ, также принятіе изъ-за границы попа ихъ націи, но никакого не дано имъ права на заведеніе чуждаго пастырскимъ обязанностямъ, посвященнаго только уединенію и созерцанію (contemplation), монастырскаго института“; б) „по поводу подобнаго же прошенія, учрежденіе монастыря было уже воспрещено рескриптомъ придворнаго военнаго совѣта (hofkriegsräthlichen Rescripte), отъ 1784 года, и декретомъ высокой губерніи (hohen Landstelle) отъ 24 го августа 1791 года;“ в) „липоване сами обязаны вести метрическія записи, такъ какъ онѣ составляютъ чисто политическую и административную мѣру, никакой связи съ религіей и богослуженіемъ не имѣющую“; г) „монастырь состоитъ изъ непостриженныхъ бѣльцовъ (Laienbruder) и большею частію изъ иностранцевъ.“ [1]) Вмѣстѣ съ этою „резолюціей“ изъ губерніи присланъ, какъ не нужный болѣе, и монастырскій уставъ (Klosterstatutenbuch).

III. Итакъ съ губерніей были покончены всѣ сношенія по дѣлу о признаніи Бѣлокриницкаго монастыря и объ учрежденіи въономъ архіерейской каѳедры. Теперь уже Павлу ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ позаботиться о составленіи „рекурса“ противъ изданнаго губерніей рѣше-

---

[1]) Подлинная копія губернскаго рѣшенія, выданная изъ мандаторіата Гадикъ-Фальвы (*Бѣлокр. архивъ*).

нія и затѣмъ ѣхать въ Вѣну—искать покровительства и защиты угнетенному старообрядчеству предъ императорскимъ апостолическимъ престоломъ. Но составить „рекурсъ" было не легкое дѣло. За совѣтомъ и помощію Павелъ отправился прежде всего въ Черновцы, къ своимъ „благодѣтелямъ", которые дѣйствительно принялись весьма усердно помогать ему совѣтами и разнаго рода услугами. Всего труднѣе было опровергнуть второй пунктъ губернскаго рѣшенія, гдѣ приведены указанія состоявшихся прежде правительственныхъ распоряженій о воспрещеніи и закрытіи Бѣлокриницкаго монастыря. Чтобъ уничтожить силу этого пункта, нужно было, также на основаніи какихъ-нибудь документовъ, доказать, что существованіе монастыря, напротивъ, допущено правительствомъ, или по крайней мѣрѣ терпѣлось снисходительно. И вотъ начались опять розыски въ архивахъ черновицкаго крайзамта,—вынуты и пересмотрѣны всѣ дѣла о водвореніи первыхъ липованъ въ Буковинѣ, о приходѣ липованскихъ калугеровъ, о заведеніи монастыря при селеніи Бѣлая-Криница. Павлу дозволено было сдѣлать точныя копіи съ важнѣйшихъ документовъ и нужныя ему выписки изъ всѣхъ этихъ дѣлъ. [1]) Оказалось, что нѣкоторые документы, если умѣючи воспользоваться ими, могутъ быть обращены противъ сдѣланнаго губерніей заключенія; но оказалось также и то, что роковые для монастыря декреты 1784 и 1791 годовъ дѣйствительно существуютъ и опровергнуть ихъ фактическую важность не представлялось никакой возможности. Тогда крайзамтъ рѣшился на поступокъ, не извинительный даже для мелкаго чиновничьяго люда. И самъ онъ, въ своихъ донесеніяхъ въ губернію, постоянно проходилъ молчаніемъ декреты 1784 и 1791 годовъ, на которые указывало ему губернское начальство; а Павлу далъ теперь согласіе, чтобы въ рекурсѣ было сказано, за ручательствомъ крайзамта, будто этихъ декретовъ

---

[1]) Сдѣланныя тогда копіи и выписки сохранились въ находящемся у насъ *Бѣлокриницкомъ архивѣ* и послужили главнымъ матеріаломъ для изложенной въ третьей главѣ первоначальной исторіи буковинскихъ липованъ и заведеннаго ими монастыря.

въ архивѣ не оказалось, и потому-де подлежитъ сомнѣнію, даже существовали ли они когда-нибудь. [1]) Значительное затрудненіе, повидимому, долженъ былъ бы представить еще четвертый пунктъ губернской резолюціи, гдѣ такъ справедливо было указано, что Бѣлокриницкій монастырь состоитъ преимущественно изъ бѣглыхъ иностранцевъ; но издавна принятый у липованъ способъ зачисленія бѣглыхъ раскольниковъ въ разрядъ коренныхъ буковинскихъ жителей давалъ полную возможность доказать противное, тѣмъ болѣе, что и самъ, крайзамтъ, три года тому назадъ отказавшій Павлу и Геронтію въ выдачѣ паспорта, какъ пришлымъ изъ-за границы, давно уже призналъ за ними всѣ права туземныхъ липованъ. Итакъ, нуженъ былъ только опытный юристъ, который, искусно воспользовавшись собранными матеріалами и всѣми аргументами, какіе только можно было сказать противъ губернской „резолюціи", привелъ бы ихъ въ надлежащій порядокъ и изложилъ въ формѣ „рекурса". Въ Черновцахъ нашелся и такой человѣкъ. Впрочемъ, составленный здѣсь рекурсъ, ради особенной важности этого документа для всей послѣдующей судьбы дѣла о липованскомъ монастырѣ и епископѣ, Павлу посовѣтывали показать въ Вѣнѣ болѣе опытнымъ юристамъ, къ которымъ и

---

[1]) Недобросовѣстность этого, дозволеннаго крайзамтомъ и дѣйствительно приводимаго въ *рекурсѣ*, показанія, будто декретовъ 1784 и 1791 не нашлось въ архивѣ, тѣмъ очевиднѣе и непростительнѣе, что Павлу не только показаны были всѣ документы по дѣлу объ уничтоженіи открытаго въ Тернавицкомъ лѣсу липованскаго монастыря, но и дозволено было снять съ нихъ копіи. (Эти копіи, сохранившіяся въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ*, и дали намъ возможность довольно подробно изложить дѣло объ уничтоженіи монастыря въ 1791 году). Есть извѣстіе, что изъ крайзамта всѣ декреты и другія бумаги, относящіяся къ настоящему дѣлу, были совсѣмъ отданы Павлу и этимъ послѣднимъ сожжены; по другимъ же извѣстіямъ, случился пожаръ въ самомъ архивѣ крайзамта, во время котораго и погибли всѣ документы о липованскомъ монастырѣ, или покрайней мѣрѣ распространены были слухи о такомъ пожарѣ (см. *Русск. Вѣст.* т. LXXXIV, стр. 181). Всѣ эти услуги „благодѣтельныхъ" крайзамтскихъ чиновниковъ, разумѣется, были пріобрѣтены Павломъ за денежныя приношенія, къ которымъ, по свидѣтельству Надеждина, „австрійское чиновничество вообще не нечувствительно" (*Сбор.* Кельсіева, ч. I, стр. 104).

дали ему рекомендательныя письма. Такимъ образомъ все нужное для подачи рекурса было заранѣе приготовлено еще въ Черновцахъ, по указанію и при содѣйствіи здѣшняго „благодѣтельнаго“ чиновничества. Эти хлопоты по собиранію матеріаловъ для рекурса, эти совѣщанія съ черновицкими „благодѣтелями“, вообще всѣ эти приготовленія къ поѣздкѣ въ Вѣну, предъ императорскій судъ, были однакоже весьма нелегкимъ дѣломъ для Павла, который не могъ притомъ не чувствовать, что рѣшился на смѣлый и опасный шагъ. Въ послѣдствіи, вспоминая это трудное время, онъ писалъ въ Москву своимъ благотворителямъ: „По причинѣ испорченнаго нашего дѣла губерніею, съ повода буковинскаго молдаванскаго епископа, тяжко было намъ поправиться во изысканіи долговременныхъ справокъ отъ самой обсѣдланности здѣсь нашихъ обществъ, и трудное было достиженіе—стать на высшую позицію и снова сражаться со всеоружными вовсе неоружнымъ, и со славными земли сущимъ безгласнымъ. Итакъ много прошло время и много труднаго дѣла...“ [1])

Вопросъ кому, отправляться въ Вѣну для подачи рекурса, былъ рѣшенъ въ Бѣлой-Криницѣ на общебратскомъ совѣтѣ еще до поѣздки Павла въ Черновцы. Само собою разумѣется, что безъ Павла этого дѣла не находили возможнымъ сдѣлать; требовалось только выбрать кого-нибудь ему въ спутники и помощники. Геронтій, ближайшій другъ и сотрудникъ Павла, долженъ былъ, какъ настоятель, остаться дома, тѣмъ больше, что занятъ былъ дѣлами по устройству монастыря; затѣмъ сопутствовать Павлу въ странствіи по европейскимъ градамъ не нашли никого способнѣе инока Алимпія. Съ этого времени инокъ Алимпій вступаетъ на то поприще хлопотливой дѣятельности по общественнымъ и церковно-іерархическимъ дѣламъ старообрядцевъ, на которомъ ему суждено было совершить не мало смѣлыхъ, хотя не всегда удачныхъ подвиговъ. Чтобы въ Вѣнѣ Павелъ и Алимпій могли безпрепятственно дѣйствовать какъ уполно-

---

[1]) Посланіе изъ Вѣны къ благотворителямъ, отъ 14 іюля 1843 г., (*Сборн. о. Онуфрія*).

моченные отъ монастыря депутаты, нужно было снабдить ихъ формальною довѣренностью отъ всего монастырскаго братства: 3-го марта 1843 года такая довѣренность „двумъ избраннымъ честнымъ инокамъ Алимпію Милорадову и Павлу Васильеву“ [1]) была подписана всѣми монастырскими должностными лицами и за всю прочую братію (не умѣющую грамотѣ) временнымъ монастырскимъ письмоводителемъ, а также и самими депутатами, которые посредствомъ подписи удостовѣряли, что „по просьбѣ настоятеля съ братіей добровольно пріемлютъ на себя порученіе сей довѣренности“. Изложенное въ довѣренности порученіе касалось двухъ пунктовъ: а) ходатайства объ утвержденіи монастыря и о дозволеніи учредить въономъ архіерейскую каѳедру, б) „покупки въ вѣчное владѣніе, за цѣну, какая отъ правительства назначена будетъ“, объявленныхъ въ аукціонную продажу грунтовъ, на которыхъ стоятъ селенія Бѣлая-Криница и Климоуцы. Пріобрѣтеніе въ монастырскую собственность части этихъ земель было въ послѣдствіи постоянною заботой Павла и настоятелей Бѣлокриницкаго монастыря; но теперь статья о покупкѣ грунтовъ внесена въ довѣренность, какъ надобно полагать, только для того, чтобы показать, будто монастырь располагаетъ значительными средствами (что̀ нужно было въ интересахъ дѣла о епископской каѳедрѣ); помышлять же серьезно о пріобрѣтеніи грунтовъ Бѣлокриницкій монастырь въ то время еще никакъ не могъ, по скудости своихъ средствъ. Существенное значеніе имѣлъ собственно первый пунктъ довѣренности, изложенный въ слѣдующихъ словахъ: „мы, нижеподписавшіеся монастырскіе члены, настоятель со всею общежительствующею братіей, поручаемъ совершенное полномочіе двумъ избраннымъ нашимъ честнымъ инокамъ Алимпію Милорадову и Павлу Васильеву, противу объявленныхъ намъ кесарокоролевскимъ мандаторіатомъ губернскихъ рѣ-

---

[1]) Здѣсь, какъ и въ другихъ бумагахъ, Алимпій поставленъ прежде Павла (въ томъ же порядкѣ обыкновенно они и подписывались) потому, что онъ имѣлъ передъ Павломъ преимущество старшинства по иночеству, какъ раньше его постриженный.

шеній, отъ 21-го марта и 16-го октября 1842 года, которыми прочее существованіе нашего здѣсь въ Бѣлой-Криницѣ до шестидесяти лѣтъ состоящаго монастыря запрещается, куда слѣдуетъ къ надлежащимъ мѣстамъ и даже къ самому его всевысочайшему кесарокоролевскому величеству рекурсовать и всеподданнѣйше просить *какъ существованіе нашего монастыря, въ его преимуществахъ, такъ равно и монастырскій нашъ уставъ на дальнѣйшее къ благочинію руководство наше надлежащимъ порядкомъ подтвердить*; а притомъ, согласно перваго нашего прошенія, поданнаго въ 1840 году первоначально въ кесарокоролевскій крайзамтъ, ходатайствовать къ прежней, имѣющейся у насъ привелегіи, съ яснымъ словомъ *позволеніе на водвореніе нашему сословію особаго своего святителя, на правилахъ въ монастырскомъ нашемъ уставѣ изображенныхъ*". Затѣмъ довѣрители предоставляютъ своимъ выборнымъ слѣдующее полномочіе: „имѣютъ они, Милорадовъ и Васильевъ, вмѣсто цѣлаго монастыря, полное право, какія надлежать будутъ прошеніи, по собственному ихъ усмотрѣнію и разсудку сочинять и заподписомъ ихъ къ надлежащимъ мѣстамъ подавать предъ всякое высокое правительство, и, если надобность укажетъ, даже и предъ самый высокій тронъ его императорскаго кесарокоролевскаго величества челобитно доступать; и что они въ предпомянутыхъ дѣлахъ распорядятъ и учинятъ, всегда за благо признавать и никогда не отвергать, но паче подкрѣплять будемъ".[1])

IV. Облеченные такимъ полномочнымъ довѣріемъ отъ монастырскаго братства, снабженные совѣтами, письмами и готовыми документами отъ своихъ черновицкихъ друзей, Павелъ и Алимпій, въ первыхъ числахъ іюля 1843 года, отправились въ „славную столицу" Вѣну, гдѣ должны были рѣшиться, вопросы, отъ которыхъ зависѣла вся дальнѣйшая судьба замысловъ объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ. Въ этотъ первый пріѣздъ свой въ Вѣну Павелъ и Алимпій до такой степени поражены были великолѣпіемъ австрійской столицы, гро-

1) *Сбор. о. Онуфрія.*

мадностью зданій, многолюдствомъ и всѣмъ вообще, совершенно чуждымъ для Русскаго строемъ жизни, кипѣвшей на вѣнскихъ улицахъ, что въ первое время, какъ выражается самъ Павелъ, „ходили по огромнымъ высотою стогнамъ аки въ темномъ лѣсу, аки глухіе и нѣмые"....[1]) Въ свою очередь и вѣнскіе жители немало дивились, встрѣчая Павла и Алимпія на стогнахъ своего града, гдѣ они представляли невиданное до тѣхъ поръ явленіе. Полномочные посланники Бѣлокриницкаго монастыря, строго слѣдуя предписаніямъ монастырскаго устава и ничѣмъ не стѣсняясь, ходили по вѣнскимъ улицамъ „во всемъ своемъ чину,"—въ клобукахъ съ вѣнчикомъ, покрытыхъ каптыремъ, въ манатейкахъ и съ лѣстовками. Это ихъ одѣяніе, надѣлавшее Павлу столько непріятностей въ Кутайсѣ и Тифлисѣ, служило предметомъ удивленія и для жителей Вѣны: „въ разсужденіи нашего страннаго для нихъ образа столь удивляются, раскязывалъ самъ Павелъ, что даже если по какому-либо случаю гдѣ идя на минуту остановишься вопросить кого-либо о чемъ, или въ лавкѣ что-нибудь купить, то со всѣхъ сторонъ толпами соберется народъ и обступя дивятся, аки на какое чудовище, потому что такого вида человѣка, какъ мы, никто здѣсь и сроду не видалъ".[2]) При всемъ этомъ Павелъ весьма доволенъ былъ вѣжливостью вѣнскихъ жителей, и въ самомъ любопытствѣ, съ какимъ они разсматривали невиданныхъ людей, не нашелъ ничего дерзкаго и оскорбительнаго. Еще больше Павелъ и Алимпій довольны были вниманіемъ и благосклонностью тѣхъ лицъ, съ которыми приходилось имъ входить въ сношенія по своему дѣлу. Прежде всего они отыскали рекомендованныхъ имъ черновицкими благопріятелями адвокатовъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, г. Дворачекъ, хорошо образованный юристъ, славянинъ родомъ, свободно объяснявшійся по-русски, сношенія съ которымъ по этому самому были всего удобнѣе, отнесся къ нимъ съ особеннымъ участіемъ, охотно

---

[1]) Письмо Павла изъ Вѣны къ благотворителямъ, отъ 14-го іюля 1843 года.

[2]) Тамъ же.

согласился взять на себя главные хлопоты по ихъ дѣлу и оказалъ имъ дѣйствительно большую помощь.[1])

Распросивъ у Павла всѣ подробности дѣла и разсмотрѣвъ всѣ привезенные имъ документы, Дворачекъ нашелъ, что послѣ состоявшагося въ губерніи рѣшенія, дѣйствительно, ничего болѣе не осталось дѣлать, какъ подать на высочайшее имя „рекурсъ.“ Правда, по зрѣломъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, онъ не могъ не сознаться, что губернское начальство въ своемъ рѣшеніи опиралось на законныхъ основаніяхъ и что напротивъ притязанія бѣлокриницкихъ просителей и дѣйствія ихъ черновицкихъ благопріятелей во многомъ лишены и законности и правильности: но при всемъ этомъ, какъ человѣкъ искусный въ адвокатскихъ хитростяхъ, онъ надѣялся и обнадеживалъ Павла, что дѣло еще не проиграно: нужно только поискуснѣе составить рекурсъ и еще лицамъ, власть имѣющимъ, указать въ бѣлокриницкомъ предпріятіи такія стороны, которыя, по его соображеніямъ, всего скорѣе могли расположить ихъ въ пользу этого предпріятія.

Рекурсъ, составленный въ Черновцахъ, Дворачекъ нашелъ нужнымъ подвергнуть тщательному исправленію. Изъ-подъ его редакціи документъ сей вышелъ наконецъ достойнымъ своего назначенія[2]).

---

[1]) По словамъ Бодянскаго, Дворачекъ былъ „родомъ Моравецъ изъ Тишнова, по имени Янъ, учился въ Берненской гимназіи, а потомъ въ университетахъ Пражскомъ, Львовскомъ и Вѣнскомъ (А въ *замѣткахъ* о. Филарета сказано, что Дворачекъ родился въ Россіи, въ западныхъ губерніяхъ, и самъ о себѣ говорилъ, что учился въ Кіевѣ); состоялъ придворнымъ адвокатомъ правительства и съ тѣмъ вмѣстѣ адвокатомъ при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ“. Но въ то время, когда познакомились съ нимъ бѣлокриницкіе иноки, по словамъ Липранди, Дворачекъ „находился почему-то въ отставкѣ“. (*Чт. въ Общ. ист. и др.* 1871 г. кн. IV, отд. V, стр. 159).

[2]) Павелъ писалъ своимъ благотворителямъ изъ Вѣны: „Сочиненный нашъ еще въ Черновцахъ рекурсъ (то-есть аппелляцію) мы здѣсь *по разуму умныхъ людей* еще оный передѣлывали и даже два раза набѣло переписывали, и конечно съ Божіею помощію привели въ порядокъ.“ Сохранившійся въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ* экземпляръ *Рекурса*, которымъ мы пользуемся, есть, какъ надобно полагать, тотъ самый, первый разъ переписанный въ Вѣнѣ, о которомъ упоминается въ письмѣ Павла и съ котораго потомъ переписанъ былъ экземпляръ, поданный императору Фердинанду: онъ писанъ

Прежде всего въ немъ изложена исторія переселенія задунайскихъ липованъ въ Буковину,—изложена, правда очень кратко, но при этомъ однакоже не забыто упомянуть, что „вскорѣ по своемъ пришествіи, липоване построили въ Бѣлой-Криницѣ монастырь,“ и что съ тѣхъ поръ и по настоящее время, шестьдесятъ уже лѣтъ, „монастырь сей у нихъ существуетъ, даже приведенъ теперь въ гораздо лучшее противъ прежняго положеніе.“ За тѣмъ въ трогательныхъ чертахъ изображается главное и какъ бы единственное зло, какое претерпѣваютъ въ настоящее время и монастырь и всѣ липованскія общества въ Буковинѣ,—зло, проистекающее отъ крайняго оскудѣнія священствомъ: „ибо для посвященія духовныхъ лицъ не имѣется во всемъ Австрійскомъ государствѣ ни одного святителя липованской религіи, и по сему только съ великимъ трудомъ и весьма рѣдко липованскія общества имѣютъ возможность достать священника изъ Россіи, и эти съ значительными издержками получаемые изъ Россіи священники остаются въ Буковинѣ только на малое время, а потомъ уѣзжаютъ либо въ Россію обратно, либо дальше за границу къ старовѣрческимъ обществамъ, проживающимъ въ Молдавіи и по ту сторону Дуная, гдѣ также господствуетъ величайшій недостатокъ въ духовенствѣ липованскаго обряда.“ „Проистекающее отсюда бѣдственное положеніе старовѣрческихъ обществъ, ихъ скорбь, доходящая почти до отчаянія (говорится дальше), не позволяютъ намъ — инокамъ оставаться равнодушными и недѣятельными, тѣмъ больше, что мы давно уже горячее имѣемъ желаніе посредствомъ исполненія духовныхъ требъ, чрезъ содѣйствіе народному просвѣщенію и распространеніе религіознаго образованія не только удовлетворить нуждамъ общества, но и послужить наилучшимъ образомъ государству, такъ какъ мы совершенно назначили себя къ духовному званію и посвятили все свое время и силы на пріобрѣтеніе *ученыхъ знаній* (wissenschaftlichen Kenntnissen),

---

на листахъ большаго формата, красивымъ почеркомъ; на поляхъ и въ текстѣ сдѣланы рукой Дворачка поправки и дополненія. Полный текстъ его см. въ прилож. подъ № 3.

необходимыхъ для открытой религіозной проповѣди, въ чемъ препятствуетъ намъ только невозможность получить хиротонію за неимѣніемъ святителя."... „И вотъ мы всеподданнѣйше подписавшіеся, дабы устранить столь бѣдственное положеніе липованскихъ обществъ и достигнуть нашихъ благихъ цѣлей, столь полезныхъ для самаго правительства, въ февралѣ 1840 года, подали чрезъ буковинскій крайзамтъ въ высокую кесаро-королевскую галицкую губернію просьбу о дозволеніи прибыть въ Бѣлую-Криницу нашего обряда святителю (Weihbischof), который могъ бы совершать у насъ хиротонію и оставался бы у насъ верховнымъ пастыремъ (Oberhirt). По приказанію крайзамта, мы послали также въ высокую кесаро-королевскую губернію и нашъ монастырскій уставъ. Потомъ извѣстившись, что, по нѣкоторому враждебному для нашего обряда вліянію, поставляется препятствіе даже и дальнѣйшему существованію нашего монастыря, мы, на основаніи высочайшей привилегіи блаженной памяти императора Іосифа II, подали непосредственно высокой кесаро-королевской губерніи вторичную просьбу о сохраненіи состоящаго въ Бѣлой-Криницѣ христіанскаго старовѣрческаго монастыря неприкосновеннымъ. Однако высокая кесаро-королевская губернія, декретами отъ 21-го марта 1842 года и отъ 16го октября того же года, опредѣлила—учрежденіе монастыря въ Бѣлой-Криницѣ признать дѣломъ непозволительнымъ, незаконнымъ и нетерпимымъ." Приведя вслѣдъ за симъ съ буквальной точностью тѣ, уже извѣстные читателямъ, четыре пункта губернской резолюціи, въ которыхъ изложены основанія къ такому строгому опредѣленію, податели рекурса съ глубочайшимъ страхопочитаніемъ объясняютъ, что высокое губернское рѣшеніе приведенными здѣсь доказательствами, или основаніями ни въ какомъ случаѣ оправдано быть не можетъ, и что эти доказательства они могутъ легко опровергнуть.

Опроверженіе губернской „резолюціи" по каждому ея пункту и составляетъ собственно задачу и существенное содержаніе „рекурса".

Главнымъ образомъ вниманіе остановлено впрочемъ на *первомъ* пунктѣ „резолюціи". Въ этомъ первомъ пунктѣ,

какъ мы видѣли, говорилось, что „привилегіей Іосифа II предоставлено липованамъ только ненарушимое отправленіе богослуженія и духовныхъ требъ, также привезеніе изъ-за границы попа ихъ націи, но не дано никакого права на заведеніе чуждаго пастырскимъ обязанностямъ, посвященнаго только уединенію и созерцанію, монастырскаго института". Все здѣсь сказанное „рекурсъ" признаетъ несправедливымъ.

1) Губернское начальство несправедливо будто бы объяснило смыслъ привилегіи Іосифа II, утверждая, что буковинскимъ липованамъ привилегія не давала права на учрежденіе монастыря. Въ „рекурсѣ" напротивъ утверждается, что именно привилегіей Іосифа II и предоставлено липованамъ такое право. Въ доказательство этого приведены слѣдующія соображенія: переселившимся въ Буковину старовѣрческимъ обществамъ и *ихъ духовенству* было дозволено привилегіей ненарушимое отправленіе богослуженія, духовныхъ требъ и всѣхъ вообще религіозныхъ обрядовъ; но духовенство, „которое пришло съ липованами въ Буковину, состояло не изъ бѣлыхъ только священниковъ, а также и изъ иноковъ, которые по самымъ правиламъ религіи (nach den Religionsgrundsätzen) непремѣнно должны жить въ монастырѣ и въ немъ только могутъ отправлять богослуженіе значитъ; имъ дозволено было всевысочайшею привилегіей и открыто устроить монастырь. Это явствуетъ также изъ того, что въ высочайшей привилегіи говорится вообще о духовенствѣ, никакого различія между бѣлымъ и монашествующимъ духовенствомъ не полагается и воспрещенія относительно пребыванія (въ Бѣлой-Криницѣ) иноковъ не сдѣлано". Всѣ эти соображенія съ липованской точки зрѣнія были совершенно правильны; мы говорили уже, что такъ именно разумѣли смыслъ привилегіи и первые буковинскіе липоване, для которыхъ показалось совершенною неожиданностью и непонятно было распоряженіе правительства объ уничтоженіи заведеннаго ими въ Тернавицкомъ лѣсу монастыря. Но въ „рекурсѣ" доказывалось, что точно также будто бы понимало смыслъ привилегіи и само правительство, ибо-де оно имѣло точныя свѣдѣнія о переселеніи въ Буковину липованскихъ иноковъ и однако же нисколько переселенію ихъ

не препятствовало, чего будто бы никакъ не могло случиться, еслибы правительство имѣло въ виду воспрепятствовать учрежденію монастыря у липованъ, хотя въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, было именно такъ, — не препятствуя липованскимъ инокамъ переходить въ Буковину, правительство однакоже требовало, чтобъ они жили не въ монастырѣ, а на одинаковыхъ съ прочими липованами правахъ.

2) Неправильно будто бы указано губернскимъ начальствомъ и главное назначеніе липованскаго монастыря. „Единственная цѣль нашего института не есть уединеніе и созерцаніе, какъ сказано въ высокомъ губернскомъ рѣшеніи; напротивъ, главная цѣль нашего института есть исполненіе богослуженія, религіознаго обученія и пастырской должности“ (seelsorgerlichen Berufes). Всѣ знакомые съ истиннымъ назначеніемъ иноческой жизни, и прежде всего сами старообрядцы, должны согласиться, что „уединеніе и созерцаніе“, вмѣстѣ съ исполненіемъ церковныхъ службъ, составляютъ существенную ея принадлежность, и что напротивъ исправленіе пастырской должности, составляющее прямую обязанность бѣлаго духовенства, назначенію иночества вовсе не соотвѣтствуетъ и никакъ не можетъ быть почитаемо за „главную цѣль монастырскаго института“. Значитъ губернское начальство не отступило отъ истины, назвавъ уединеніе и созерцаніе главнымъ назначеніемъ липованскаго монастырскаго института; но составителямъ *Рекурса* для ихъ цѣли нужно было доказать, что именно отправленіе пастырской должности составляетъ между прочимъ главное назначеніе липованскаго монастыря, — и вотъ сказанному въ губернскомъ рѣшеніи они противопоставляютъ свидѣтельство, по ихъ мнѣнію, не подлежащее пререканію и какъ будто единственное, откуда можно почерпнуть правильное понятіе объ этомъ монастырѣ, — „приложенный къ рекурсу монастырскій уставъ“, и именно статью о епископѣ... „А если у насъ, говорится далѣе, въ настоящее время, по той причинѣ, что всѣ старые священники умерли, существуютъ лишь простые иноки, не имѣющіе высшаго посвященія, то въ этомъ должно видѣть только слѣдствіе неблагопріятныхъ

обстоятельствъ, случайное, противъ нашей воли послѣдовавшее, удобоисправимое затрудненіе, но никакъ не отличительное свойство, принадлежащее къ самой сущности нашего института".

Наконецъ 3) неправильно будто бы утверждается въ губернской „резолюціи", что привилегіей Іосифа II разрѣшено липованамъ только привезти одного попа изъ-за границы. „Противъ сего (сказано въ рекурсѣ) мы находимъ себя вынужденными всепокорнѣйше замѣтить, что въ высочайшей привилегіи нельзя найти и слѣдовъ подобнаго ея значенія, и еслибы мы должны были довольствоваться однимъ только заграничнымъ священникомъ, то это не было бы совершенною свободой, какъ сказано во всевысочайшей привилегіи, а скорѣе стѣсненіемъ и даже лишеніемъ всякой возможности исправленія нашей религіи, потому что и за границей (въ Россіи и Молдавіи) немного священниковъ нашей вѣры." И затѣмъ, сказавъ опять какія притѣсненія чинитъ русское правительство старообрядческому духовенству, *рекурсъ* снова обращается къ главному предмету просьбы бѣлокриницкихъ иноковъ. „Единственное средство навсегда вывести изъ печальнаго положенія наши старовѣрческія общества заключается именно въ томъ, чтобы вмѣсто частаго призыванія духовныхъ изъ-за границы, однажды опредѣлить къ намъ своего святителя на высказанныхъ въ нашемъ бѣлокриницкомъ уставѣ основаніяхъ. Тогда мы уже не стали бы звать священниковъ изъ нерасположенной къ намъ Россіи, а въ послѣдствіи также не нуждались бы и въ святителѣ изъ-за границы, потому что, по нашему церковному обряду, въ крайне нужныхъ обстоятельствахъ нашъ святитель можетъ посвятить себѣ намѣстника. Такимъ образомъ у нашихъ австрійскихъ старовѣровъ явится исправленіе всѣхъ религіозныхъ и духовныхъ требъ."

„Мы увѣрены (далѣе говорится въ рекурсѣ), что это наше всепокорнѣйшее прошеніе не встрѣтитъ на пути своемъ никакого препятствія и чрезъ всемилостивѣйшее снисхожденіе къ сей нашей просьбѣ устранятся всѣ прежде упомянутые недостатки, чрезъ что притомъ для государства не можетъ произойти никакого убытка, потому что монастырь

обязывается нашего святителя самъ отъ себя содержать и никогда не просить на сей предметъ пособія или вспомоществованія отъ высокаго правительства. Всѣ христіанскія общества въ великой Австрійской монархіи имѣютъ, кромѣ многочисленнаго свѣтскаго духовенства, и своего собственнаго епископа, а также, смотря по обстоятельствамъ, и монастырскія учрежденія для тѣхъ, которые желаютъ жить въ монастырскомъ уединеніи; почему же это должно быть воспрещено только для христіанъ-старовѣровъ (Altgläubigen Christen), которымъ по всевысочайшей привилегіи всемилостивѣйше дозволено полное отправленіе ихъ религіи и которые кромѣ своихъ иноковъ не имѣютъ въ Буковинѣ другаго духовенства?. ..“

Здѣсь признано умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній противъ того лица, рѣшенію котораго ближайшимъ образомъ подлежалъ этотъ вопросъ и которымъ однажды онъ былъ уже рѣшенъ не въ пользу липованъ:

„Мы съ глубочайшею скорбію узнали, что изданію высокою губерніей тяжкаго для насъ рѣшенія много содѣйствовало мнѣніе, поданное отъ его преосвященства, господина буковинскаго греко-неуніатскаго (griechisch nicht unirten) епископа, который будто бы неблагосклонно отозвался объ нашихъ особенностяхъ, нашемъ образованіи и нашихъ способностяхъ.

„Но мы полагаемъ, что это неблагосклонное мнѣніе имѣетъ свое основаніе только въ непріязненности господина епископа, который желаетъ притѣснять нашъ монастырь и воспрепятствовать существованію духовенства нашей націи и нашей религіи, съ тою единственно цѣлію, чтобы принудить насъ либо принять греческую неуніатскую религію, либо переселиться отсюда, дабы такимъ образомъ избавиться въ Буковинѣ отъ того обряда, которому онъ не можетъ благопріятствовать.

„Мы не состоимъ подъ властію буковинскаго греко-неуніатскаго епископа. Правда, пришедшимъ въ 1784 году липованамъ предписано было со стороны начальства, что они должны находиться въ подчиненіи буковинскому господину епископу, и собственно карловицкому митрополиту; но какъ

это распоряженіе началамъ нашей религіи и самой всевысочайшей привилегіи было противно, то липоване такого условія принять не могли и хотѣли даже возвратиться обратно въ Молдавію, почему требованіе это и было тогда же отмѣнено, а липованамъ дано увѣреніе, что они не будутъ въ подчиненіи ни у буковинскаго господина епископа, ни у карловицкаго митрополита, какъ это можно видѣть изъ донесенія сучавской кесаро-королевской директоріи буковинской областной администраціи (Landesadministration) отъ 19-го января 1784 года. Посему буковинскаго греко-неуніатскаго епископа Евгенія Гакманъ нельзя почитать имѣющимъ право давать мнѣніе въ нашихъ религіозныхъ дѣлахъ".

Этими искусно составленными, хотя въ сущности несправедливыми замѣчаніями о православномъ епископѣ Евгеніи, въ которыхъ наброшена тѣнь на личныя его отношенія къ старообрядческому населенію Буковины и отрицается его право на какое бы то ни было участіе въ рѣшеніи вопроса о липованской іерархіи,—этими замѣчаніями и оконченъ разборъ перваго пункта губернской „резолюціи", составляющій бóльшую половину *рекурса*.

Во *второмъ* пунктѣ резолюціи сдѣлано было точное указаніе на состоявшіяся въ 1784 и 1791 годахъ правительственныя распоряженія о закрытіи липованскаго монастыря въ Бѣлой-Криницѣ, и мы уже имѣли случай замѣтить, что именно опроверженіе этого пункта представляло особенныя трудности. Поэтому составители рекурса ограничились слѣдующимъ краткимъ и уклончивымъ противъ него возраженіемъ: „Что высокимъ рескриптомъ придворнаго военнаго совѣта отъ 1784 года *будто бы* запрещено было основаніе нашего монастыря,—это невѣроятно (es ist nicht glaubwürdig), потому что тогда старовѣры, имѣя въ рукахъ всевысочайшую привилегію, *не имѣли никакой надобности* просить еще другаго особаго на то разрѣшенія". „И еслибы такой рескриптъ существовалъ дѣйствительно, то буковинскій крайзамтъ не могъ бы дать игумену Симеону, въ 1788 году, позволенія, чтобы пришли въ Буковину еще нѣсколько иноковъ. Въ высокомъ губернскомъ рѣшеніи упоминается кромѣ того, что *якобы* дано было такое же запрещеніе *какимъ-*

то губернскимъ декретомъ отъ 1791 года. Но ни этотъ декретъ, ни тотъ рескриптъ придворнаго военнаго совѣта никогда старовѣрческому духовенству доставляемы не были, и при устроеніи нашего старовѣрческаго монастыря препятствій со стороны правительства никогда не дѣлалось. Самъ славный кесаро-королевскій буковинскій крайзамтъ, на нашу просьбу—сообщить намъ о содержаніи помянутаго высокаго губернскаго декрета отъ 1791 года и рескрипта придворнаго военнаго совѣта отъ 1784 года, отвѣтилъ только, что сихъ актовъ *отыскать не могутъ*". Такимъ образомъ, благодаря обязательности крайзамтскихъ чиновниковъ, бѣлокриницкіе просители не затруднились подвергнуть сомнѣнію даже самое существованіе упомянутыхъ въ губернской резолюціи официальныхъ документовъ, а вмѣстѣ съ этимъ заподозрить и самихъ губернскихъ властей какъ бы въ намѣренной ссылкѣ на подложные документы,—вообще отважились на поступокъ очень смѣлый, такъ какъ при строгомъ изслѣдованіи дѣла не трудно было бы доискаться истины. Но, видно, главный редакторъ *рекурса* имѣлъ основаніе твердо расчитывать, что подобнаго изслѣдованія возбуждено не будетъ, что вообще по этому дѣлу столичныя власти поддерживать губернію не станутъ, почему и не нашелъ нужнымъ исключить изъ рекурса сказанное противъ втораго пункта губернской резолюціи.

Противъ выраженнаго въ *третьемъ* пунктѣ мнѣнія, что „метрики никакой связи съ религіей и богослуженіемъ не имѣютъ", въ рекурсѣ не безъ основанія замѣчено, что напротивъ тогда только метрическія книги могутъ имѣть значеніе правильно составленныхъ свидѣтельствъ о родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ, когда ихъ будутъ вести лица законно призванныя и обязанныя совершать крещеніе, вѣнчаніе и погребеніе, каковыми могутъ быть единственно священники, и пока не будетъ у липованъ священниковъ, дотолѣ невозможно установить у нихъ и правильнаго веденія метрикъ. Возложить это дѣло на думенію, или на кого-либо изъ міранъ, значило бы не достигнуть цѣли: „ибо за неимѣніемъ липованскаго духовенства въ Буковинѣ, крещеніе и вѣнчаніе у буковинскихъ липованъ

совершается большею частію въ Россіи, или въ Молдавіи, и такой составитель метрикъ (Matrikelbuchführer) о многихъ совершившихся крещеніяхъ, или вѣнчаніяхъ либо совсѣмъ не зналъ бы, либо получалъ бы свѣдѣнія только по слухамъ.“

И на сдѣланное въ *четвертомъ* пунктѣ резолюціи замѣчаніе, что Бѣлокриницкій монастырь „состоитъ изъ непостриженныхъ бѣльцовъ“, въ рекурсѣ съ твердостію отвѣчено: „напротивъ, въ монастырѣ нашемъ имѣются только немногіе бѣльцы, препровождающіе время въ искусѣ, остальные же всѣ вообще дѣйствительные иноки, получившіе отъ іеромонаха первое посвященіе, какъ это можно видѣть изъ прилагаемаго устава. У насъ, правда, въ настоящее время не имѣется іеромонаха; но это зависитъ не отъ характера нашего института, а отъ того, что у насъ нѣтъ архипастыря, или святителя, который одинъ только можетъ въ священныя степени поставлять. И это самое обстоятельство должно служить основаніемъ не къ закрытію монастыря, а скорѣе къ разрѣшенію имѣть намъ святителя, который чрезъ посвященіе нынѣ находящихся у насъ иноковъ могъ бы столь нужный для липовановъ монастырь сдѣлать и разсадникомъ (Pflanzschule) духовенства.“ Но въ этомъ же четвертомъ пунктѣ находилось и то замѣчаніе объ иностранцахъ, составляющихъ большинство монастырскихъ жителей въ Бѣлой-Криницѣ, противъ котораго повидимому такъ трудно было сдѣлать возраженіе, ибо весь почти Бѣлокриницкій монастырь состоялъ дѣйствительно изъ бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ. Вотъ что однакоже отвѣчено въ рекурсѣ на это щекотливое замѣчаніе: „Монастырь нашъ не состоитъ изъ иностранцевъ, какъ утверждаетъ высокое губернское рѣшеніе, ибо нынѣ уже *правительственнымъ порядкомъ* (amtlich) дознано, что почти всѣ иноки Бѣлокриницкаго монастыря либо здѣшніе уроженцы, либо если и пришли изъ-за границы, то все-таки рождены отъ австрійскихъ подданныхъ и потому, согласно § 28 гражданскихъ законовъ, владѣютъ правами австрійскаго подданнаго и гражданина. Если же между ними и нашлись бы нѣкоторые иностранцы, то развѣ только изъ Молдавіи; а это не можетъ быть препятствіемъ къ существованію монастыря, тѣмъ болѣе что

здѣсь дѣло касается самаго монастыря, а не лицъ."[1]) Такимъ образомъ и въ этомъ, весьма осторожно выраженномъ отвѣтѣ ложь прикрыта опять ссылкой на свидѣтельство мѣстнаго управленія.

Наконецъ, въ заключеніе рекурса, сдѣлано слѣдующее патетическое обращеніе къ императору Фердинанду:

„Безсмертный монархъ, блаженной памяти императоръ Іосифъ II прибывшему сюда липованскому духовенству даровалъ совершеннѣйшую религіозную свободу.

„Многолюбезнѣйшій, вѣчно незабвенный, блаженнѣйшій императоръ Францъ I соблюдалъ вышеупомянутую всевысочайшую привилегію въ полной ея силѣ.

„Ужели это доброе дѣло, которое вашего величества знаменитые предки устроили и защищали, должно теперь разориться? О, конечно нѣтъ! Мы пребываемъ въ твердой увѣренности, что ваше августѣйшее величество, какъ наслѣдникъ ихъ высокихъ добродѣтелей, будете столько же милостивы къ беззащитнымъ и не допустите чтобъ имъ безъ всякой вины оказывали несправедливость.

„Между тѣмъ мы, съ глубочайшимъ страхопочитаніемъ подписавшіеся, полагая, что оправдали необходимость того, о чемъ просимъ, и достаточно показали несостоятельность и несправедливость возбужденнаго противъ насъ со стороны высокой кесаро-королевской губерніи противодѣйствія, повергаемъ къ престолу вашего величества въ оригиналѣ нашъ уставъ, со всепокорнѣйшею просьбой, чтобы ваше величество благоволили всемилостивѣйше утвердить существованіе нашего монастыря и нашъ монастырскій уставъ, и разрѣшить намъ пріобрѣтеніе, откуда бы то ни было, по нашему

---

[1]) Въ находящемся у насъ спискѣ *рекурса* противъ этого мѣста рукой Павла сдѣлана слѣдующая замѣтка карандашомъ: „Спросить, есть ли, что тутъ дѣло не о лицахъ, а о монастырѣ." Должно-быть эта мысль о различеніи лицъ, составляющихъ монастырское братство, отъ самаго монастыря, какъ института, принадлежала самому Павлу и онъ очень заботился, чтобы въ нѣмецкомъ текстѣ рекурса она была удержана, — вообще видно, что Павла сильно безпокоило сказанное въ губернской резолюціи объ иностранцахъ, населяющихъ Бѣлокриницкій монастырь. Къ словамъ: zu mal es sich hier um die Sache selbst, nicht aber um Personen handelt, въ рекурсѣ было еще прибавлено: und einige Personen unbeschadet der Sache, eben so leicht ausgenommen, als auch entfernt werden können." Но даже и эта фраза признана не безопасною, — она зачеркнута и въ послѣднюю редакцію рекурса, какъ видно, не вошла.

желанію, *за исключеніемъ одной только Россіи*, святителя нашего обряда и нашей націи, подъ тѣмъ вышеуказаннымъ условіемъ, что мы содержать его будемъ сами отъ себя и никакого вспомоществованія просить не станемъ, и такимъ образомъ изъ урожденныхъ мѣстныхъ жителей учредить духовенство, котораго преимущественною обязанностью будетъ — вѣчно молить Царя царствующихъ, какъ это мы и теперь дѣлаемъ повседневно, да прославитъ Онъ вашего величества отеческое царствованіе миромъ, тишиной и непрестающимъ благополучіемъ, и да сохранитъ австрійскій скипертъ въ блескѣ и процвѣтаніи нынѣ и на всегдашнія времена....“

V. Какъ ни искусно изложены были въ рекурсѣ разные доводы въ опроверженіе губернской резолюціи, однакоже не трудно было бы разоблачить всю несостоятельность этихъ доводовъ, еслибы только высшее правительство пожелало надлежащимъ образомъ провѣрить ихъ. И самъ адвокатъ бѣлокриницкихъ просителей, обѣщая привести ихъ дѣло къ успѣшному концу, расчитывалъ конечно не на доводы изложенные въ рекурсѣ, а главнымъ образомъ на то, что въ дѣлѣ этомъ были стороны, которыя всего скорѣе могли расположить австрійское правительство въ его пользу, а съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлать снисходительнымъ и ко всему сказанному въ рекурсѣ. Выгодныя стороны заключались именно въ томъ, что предпріятіе бѣлокриницкихъ искателей „древлеправославнаго“ ахріерейства съ полной основательностью можно было выставить, какъ дѣло вредное для русскихъ интересовъ, во всякомъ случаѣ грозящее опасными послѣдствіями и крайне непріятное для Россіи, а враждебныя этому предпріятію распоряженія львовскихъ властей, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ буковинскаго православнаго епископа,—объяснить ихъ сочувствіемъ православно-русскимъ интересамъ и національною враждой ко всему, что этимъ интересамъ противно. Намеки на это были уже сдѣланы и въ самомъ рекурсѣ,— тамъ, гдѣ говорилось о непріязненныхъ якобы отношеніяхъ епископа Евгенія къ липованамъ и о притѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ старообрядцами и ихъ духовенствомъ отъ русскаго правительства. Но въ рекурсѣ, какъ оффиціальномъ документѣ, неудобно было раскрывать въ под-

робности, почему бѣлокриницкая затѣя должна быть крайне непріятна для Россіи; для того, чтобы раскрыть въ подробности только намѣченное въ *рекурсѣ*, чтобы разъяснить, какими опасностями учрежденіе въ Австріи раскольнической архіерейской каѳедры угрожаетъ интересамъ православія, составляющаго одинъ изъ главныхъ элементовъ силы русскаго народа и русскаго государства, какъ послѣ этого расколъ въ Россіи долженъ еще больше усилиться въ ущербъ православію и сами русскіе раскольники, имѣющіе огромное вліяніе на массы народа, притомъ уже недовольные русскимъ правительствомъ, естественно должны будутъ тяготѣть къ Австріи, гдѣ ихъ религія пользуется свободой и покровительствомъ государственной власти, откуда они будутъ снабжаться священствомъ и гдѣ постоянно будетъ находиться средоточіе ихъ церковнаго управленія, тогда какъ теперь, напротивъ, и буковинскіе старообрядцы стоятъ въ нѣкоторой зависимости отъ Россіи, гдѣ они получаютъ, хоть и съ большимъ трудомъ, священниковъ, — чтобы все это надлежащимъ образомъ разъяснить лицамъ, стоящимъ во главѣ правительства и особенно извѣстнымъ своимъ нерасположеніемъ къ Россіи, для этого нужно было представиться имъ лично, имѣть съ ними конфиденціальную бесѣду. Особенной трудности къ тому не представлялось. Слухи о странныхъ людяхъ, появившихся на улицахъ Вѣны и возбудившихъ здѣсь такое любопытство, распространились далеко: объ нихъ стало извѣстно и при дворѣ, и въ салонахъ вѣнской знати, и въ министерскихъ кабинетахъ, — лица самаго высокаго положенія интересовались знать, что это за люди и зачѣмъ пріѣхали въ Вѣну.[1]) И вотъ дѣйствительно Павелъ и Алимпій, руководимые своимъ адвокатомъ, легко получаютъ аудіенціи у самого императора Фердинанда и у высшихъ сановниковъ имперіи, гдѣ, при посредствѣ того же г. Дворачка, и могли съ полной откровенностью объясниться

---

1) Такъ напримѣръ, эрцгерцогъ Францъ-Карлъ, братъ императора Фердинанда и нареченный наслѣдникъ его престола, принимая Павла и Алимпія, самъ говорилъ, что очень желалъ съ ними видѣться, такъ какъ замѣтилъ ихъ однажды, проѣзжая по улицѣ. (Письмо Павла отъ 14 іюля 1848 г.).

относительно того, о чемъ неудобно было распространяться въ рекурсѣ.

1-го (12-го) іюля происходило представленіе императору Фердинанду. Павелъ и Алимпій для большей торжественности облеклись въ соборныя мантіи; одинъ взялъ въ руки возвращенную изъ губерніи книгу монастырскаго *устава*, другой — тщательно переписанный на большихъ листахъ *рекурсъ* и при немъ точныя копіи полученной отъ Іосифа II *привилеги* и того губернскаго рѣшенія, опроверженію котораго главнымъ образомъ посвященъ рекурсъ.[1]) Дворачекъ сопровождалъ ихъ въ качествѣ переводчика. Подавъ рекурсъ и прочіе документы, какъ пишетъ самъ Павелъ, — въ собственныя его, государя императора, руки, они „и словесно, чрезъ толмача, о главныхъ пунктахъ своего дѣла ему объяснились.“ „Царь принялъ насъ, — продолжаетъ Павелъ, — очень привѣтственно и сказалъ: по надлежащемъ разсмотрѣніи, если будетъ возможно, немедленно удовлетворитъ нашу просьбу.“[2]) Послѣ того, соблюдая надлежащую постепенность, бѣлокриницкіе депутаты испросили аудіенцію у наслѣднаго принца, эрцгерцога Франца-Карла. Для него, равно какъ и для прочихъ лицъ, которымъ считалось необходимымъ представиться, приготовлено было сокращенное изложеніе рекурса вмѣстѣ съ копіями губернскаго рѣшенія и знаменитой привилегіи.[3]) Представленіе эрцгерцогу Францу происходило 4-го (16 го) іюля. „Подавъ ему также лично наше прошеніе (разказываетъ Павелъ), и на словахъ чрезъ нашего толмача объяснились и защиты отъ его высочества просили“. „Герцогъ сей, родной братъ царскій (прибавляетъ Павелъ) столь желательно насъ принялъ, даже и благодарилъ, что лично къ нему явились.“[4])

---

[1]) Въ томъ самомъ видѣ, какъ представлялся императору Фердинанду, — въ соборной мантіи и съ уставомъ въ рукѣ, — инокъ Павелъ и изображенъ на прилагаемомъ портретѣ.

[2]) Письмо отъ 14 іюля 1843.

[3]) Всѣ эти документы, „для подачи важнымъ лицамъ, могущимъ содѣйствовать предпріятію“, приготовлены были, по свидѣтельству Павла, въ шести экземплярахъ. (Тамъ же.)

[4]) Тамъ же.

Итакъ, два раскольническіе монаха, бѣжавшіе изъ Россіи, назвавшись буковинскими липованами, и именно въ качествѣ депутатовъ отъ буковинскаго липованскаго общества имѣли высокую честь представиться самому австрійскому императору и наслѣднику его императорскаго апостолическаго величества: событіе дотолѣ небывалое въ лѣтописяхъ раскола! Учредители бѣлокриницкой іерархіи имѣли полное право имъ гордится, видѣть въ немъ особенную съ своей стороны заслугу для всего старообрядческаго міра. Впрочемъ для существа дѣла были не столько важны эти ихъ аудіенціи у австрійскаго императора и его наслѣдника, сколько представленія тѣмъ лицамъ изъ стоявшихъ во главѣ правительства, отъ которыхъ всего больше зависѣла судьба ихъ предпріятія.

Большимъ вліяніемъ на дѣла при особѣ императора пользовался тогда его дядя, эрцгерцогъ Лудвигъ: „за несовершеннымъ здоровьемъ царя (замѣчаетъ Павелъ) онъ правилъ всѣми царскими дѣлами.“ Ему то особенно, по соображеніямъ адвоката, нужно было разъяснить сущность бѣлокриницкаго предпріятія съ тѣхъ сторонъ, которыя всего лучше могли расположить въ его пользу австрійское правительство. 8го (20го) іюля эрцгерцоръ Лудвигъ принималъ депутатовъ вмѣстѣ съ Дворачкомъ. Онъ вошелъ въ самые подробные распросы объ ихъ дѣлѣ и такъ заинтересованъ былъ предпріятіемъ бѣлокриницкихъ учредителей раскольническаго архіерейства, отнесся къ нему съ такимъ сочуствіемъ, что былъ готовъ немедленно исполнить ихъ просьбу, еслибы только не требовалось соблюсти въ теченіи дѣла *формальный порядокъ*,—во всякомъ случаѣ обѣщалъ имъ свое покровительсто и защиту. Инокъ Павелъ, говоря объ этомъ представленіи эрцгерцогу Лудвигу, о томъ какъ „внимательно онъ распрашивалъ на словахъ о всемъ ихъ дѣлѣ“ и какъ вообще благосклонно принималъ ихъ, сдѣлалъ такое замѣчаніе: „по всему кажется, что *не позволятъ комулибо насъ обидѣть* и даже вскорѣ желали бы насъ вполнѣ удовлетворить; но какъ дѣло воспрепятствовано губерніей, то по закону надлежитъ не прежде приступить къ исполненію нашей просьбы, какъ прежде истребовать противу на-

шего рекурса отъ губерніи подробное объясненіе, на чемъ она рѣшеніе свое основала, и когда возвратится дѣло изъ губерніи, тогда уже приступятъ къ надлежащему разсмотрѣнію и рѣшенію."

Другимъ наиболѣе сильнымъ лицомъ, отъ котораго много зависѣла дальнѣйшая судьба предпріятія и на помощь котораго можно было разсчитывать въ дѣлѣ опасномъ для русскихъ интересовъ, былъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Коловратъ. Ему депутація представлялась 11-го (23) числа: вручили нужные документы и также „на словахъ чрезъ толмача обо всемъ довольно объяснились". Надежда, что министръ съ особеннымъ участіемъ отнесется къ дѣлу, которое должно было причинить непріятность Россіи и ущербъ русскимъ интересамъ, оправдалась вполнѣ: „сія столь важная особа (расказываетъ Павелъ) кажется больше всѣхъ возымѣлъ ревность къ полному удовлетворенію нашей просьбы и наконецъ съ пылкостію сказалъ: завтра же буду видѣть его высочество эрцгерцога Лудвига и буду о вашемъ дѣлѣ говорить, и когда возвратится дѣло изъ губерніи, я буду оное видѣть! Тѣмъ окончивъ аудіенцію, мы, нижайше благодаря его высокопревосходительство, почтенно раскланялись".[1]) Наконецъ депутаты не забыли представиться и тѣмъ лицамъ, на ближайшее разсмотрѣніе которыхъ должно было поступить ихъ дѣло по полученіи надлежащихъ справокъ изъ губерніи.[2])

Всѣ эти представленія лицамъ власть имущимъ, ихъ вниманіе и благосклонность, особенно же милостивыя обѣщанія столь высокихъ и сильныхъ особъ, какъ эрцгерцогъ Лудвигъ и графъ Коловратъ, преисполнили душу Павла отраднѣйшими надеждами: дѣло, испорченное губерніей, онъ считалъ уже если не вполнѣ выиграннымъ, то по крайней мѣрѣ испра-

---

1) Тамъ же.

2) Павелъ, тамъ же: „Были мы съ таковыми же краткими прошеніями (извлеченіями изъ рекурса) у реферейдовъ, которые разсматривать будутъ наше дѣло, но не прежде какъ возвратится изъ губерніи". Въ рукописи Чмигунова есть извѣстіе, что кромѣ названныхъ выше лицъ, прошенія были поданы именно: „тайнымъ совѣтникамъ Истлю и Вайсу, министру Инцаги и барону Миниху". *Сбор*. Кельсіева, ч. I, стр. 156).

вленнымъ и выведеннымъ на желаемый путь. Тогда же, подъ свѣжими пріятными впечатлѣніями всѣхъ этихъ аудіенцій у превысокихъ особъ, Павелъ въ дружескомъ посланіи къ своимъ благопріятелямъ писалъ: „*Кто Богъ велій*, *яко Богъ нашъ*! Воистину, *велій Господь и велія крѣпость Его* и *разуму Его нѣсть числа*, который и малѣйшее мравіе неожиданно окриляетъ и самыхъ младенцевъ умудряетъ! Тако и нынѣ воистину Онъ *тожде есть и лѣта Его* во благодѣяніяхъ *не оскудѣютъ*! Помогъ намъ испорченное наше дѣло поправить!“.. „Однако, (прибавляетъ онъ далѣе), хотя съ помощію Божіею для общей пользы наши труды и добрѣ теперь снова засѣяны, но не у еще время плоды жати и не часъ спати, а наипаче недремлемо бдѣти, дабы между прочимъ какой врагъ не насѣялъ бы какихъ не добрыхъ плевелъ. Того ради мы теперь абіе спѣшимъ ѣхать въ губернію, къ соперникамъ нашимъ прямо въ лице, въ томъ не сомнѣнномъ упованіи: аще Богъ дѣло строитъ, то ужъ человѣкъ не разрушитъ. Щедрый и всемогущій Господь силенъ есть укротити и самые свирѣпые звѣри, яко не только не враждати, но и мировати творитъ льву съ тѣльцемъ и волку съ овцой, кольми паче человѣковъ! Выправивши же въ губерніи свое дѣло, аще Господь восхощетъ и живи будемъ, паки должны будемъ поспѣшать сюда же въ столицу и здѣсь ожидать опредѣленной Богомъ судьбы, рѣшительнаго конца. Впрочемъ воля Господня да будетъ! Наше есть тщатися произволять, а Божіе на пользу совершать.“[1])

Павелъ очень справедливо замѣтилъ, что для нихъ, искателей „древлеправославнаго“ архіерейства, еще не наступило время жатвы и покоя, что теперь-то напротивъ и надлежитъ имъ „недремлемо бдѣти.“ Высокія персоны, такъ милостиво ихъ принявшія, не измѣнили своего расположенія къ нимъ, попрежнему вполнѣ желали и готовы были удовлетворить ихъ просьбу; но оказалось, что губернія въ основаніи своего рѣшенія относительно Бѣлокриницкаго монастыря имѣла положительный, еще при Іосифѣ II состоявшійся (уже упомянутый нами) законъ, которымъ прежде

1) Письмо отъ 14-го іюля 1843.

бывшіе монастыри, даже господствующей религіи, во всей Австрійской имперіи подвергались уничтоженію, а учрежденіе новыхъ строго воспрещалось, за исключеніемъ однакоже тѣхъ, которые могли представить въ обезпеченіе прочнаго на будущее время существованія недвижимую собственность, или достаточный капиталъ, и притомъ еще имѣли своимъ назначеніемъ не упражненіе только въ богомысліи, не провожденіе только иноческой, такъ-называемой созерцательной жизни, но приносили какую-нибудь пользу государству, напримѣръ воспитаніемъ юношества, призрѣніемъ бѣдныхъ, уходомъ за больными, или инымъ какимъ способомъ. Называя въ своемъ рѣшеніи Бѣлокриницкій монастырь „институтомъ посвященнымъ только уединенію и созерцанію", губернское начальство именно указывало на этотъ законъ императора Іосифа, сохранявшій въ имперіи всю силу дѣйствующаго закона, который поэтому не могъ быть нарушенъ и столичными властями, при всей ихъ готовности рѣшить дѣло о Бѣлокриницкомъ монастырѣ въ пользу просителей: ибо, какъ выразился по сему случаю Павелъ; „законы и царей выше". Но была возможность по крайней мѣрѣ обойти законъ Іосифа II, подведя Бѣлокриницкій монастырь подъ допущенныя въ этомъ законѣ исключенія: слѣдовало только принять во вниманіе, что и въ *рекурсѣ* и въ *уставѣ* главнымъ назначеніемъ Бѣлокриницкаго монастыря поставлена общественная польза—снабженіе всего липованскаго населенія Буковины законнымъ священствомъ посредствомъ учрежденія въ монастырѣ архіерейской каѳедры, содѣйствіе этимъ самымъ правильному веденію у липованъ метрическихъ записей и наконецъ образованіе липованскаго юношества въ предположенномъ къ учрежденію училищѣ, а на содержаніе и монастыря, и епископа, и школы указаны собственныя монастырскія средства, съ обязательствомъ никакихъ вспоможеній отъ правительства не требовать. На это дѣйствительно и обратили вниманіе высокіе покровители бѣлокриницкихъ депутатовъ, не измѣнившіе своему обѣщанію сдѣлать все возможное въ ихъ пользу: рѣшено было по поводу *рекурса* ограничиться истребованіемъ отъ губерніи точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній главнымъ

образомъ о средствахъ, обезпечивающихъ сущеттвованіе монастыря, о затрудненіяхъ, претерпѣваемыхъ липованами въ пріобрѣтеніи священниковъ, о ихъ желаніи имѣть своего епископа, — вообще такого рода свѣдѣній, на основаніи которыхъ можно было бы признать Бѣлокриницкій монастырь не подлежащимъ уничтоженію въ силу общаго закона о монастыряхъ.

Въ первыхъ числахъ августа состоялось относительно рекурса высочайшее опредѣленіе, сущность котораго Павелъ въ одномъ изъ писемъ своихъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ: „Государь императоръ самъ собственноручно на рекурсъ нашъ положилъ сигнатуру для скорѣйшаго учиненія отъ губерніи справокъ и чтобы чрезъ крайзамтъ о нашемъ монастырѣ сдѣлать обстоятельное и вѣрнѣйшее изслѣдованіе,— дѣйствительно ли общества наши такъ нуждаются священствомъ и просятъ сего позволенія о водвореніи особаго своей религіи святителя, и сколь они значительны, и будетъ ли у нихъ вестись всегдашній порядокъ, а наипаче изслѣдовать съ подробнымъ описаніемъ все состояніе монастыря, можетъ ли монастырь, согласно своего прошенія, соотвѣтствовать въ содержаніи при монастырѣ особаго своей религіи епископа къ непрерывному навсегда существованію епископіи, и на сей предметъ имѣетъ ли монастырь въ собственныхъ своихъ рукахъ или наличный капиталъ, или какія съ доходами недвижимыя имущества, и какой съ оныхъ есть монастырю доходъ, котораго бы достаточно было для монастыря и для епископа безъ всякаго попрошажества“... „Итакъ теперь (продолжалъ Павелъ) кажется видно, что по всевысочайшему мнѣнію сіи главные пункты нужны для окончательнаго рѣшенія на позволеніе намъ своего епископа: а) точно ли наши общества крайнюю необходимость въ томъ имѣютъ и монастырь ходатайствовать о водвореніи епископа просятъ; б) если монастырь пріемлетъ всю сію обязанность на свое иждивеніе, то дѣйствительно ли имѣетъ нынѣ въ собственныхъ своихъ рукахъ такой достатокъ, который бы каждогодно и навсегда соотвѣтствовать могъ сему предмету.“[1])

---

[1]) Письмо отъ 16-го октября 1843 г.

6го (18го) августа 1843 года рекурсъ препровожденъ былъ подлинникомъ изъ гофъ-канцеляріи въ губернію, съ предписаніемъ сдѣлать требуемыя состоявшеюся на ономъ собственноручною императорскою „сигнатурою" распоряженія, именно собрать, *чрезъ посредство буковинскаго крайзамта*, свѣдѣнія о томъ, дѣйствительно ли желаютъ липованскія общества въ Буковинѣ имѣть своего епископа, особенно же о томъ, есть ли у нихъ достаточныя и надежныя средства на всегдашнее содержаніе епископа: „хотя (въ *уставѣ* и *рекурсѣ*) показаны незначительльныя издержки на содержаніе святителя; но такъ какъ со временемъ могутъ онѣ увеличиться, то и нужно знать, могутъ ли липоване обезпечить его содержаніе на всегдашнее время". Кромѣ того гофъ-канцелярія предписывала губерніи собрать, *чрезъ посредство же крайзамта*, свѣдѣнія относительно веденія метрикъ у липованъ, и еще доставить въ канцелярію всѣ акты, касающіеся первоначальнаго поселенія липованъ въ Буковинѣ, документы о числѣ жителей въ липованскихъ селеніяхъ, за все время ихъ существованія, и о церковныхъ дѣлахъ у липованъ, а также всѣ акты и рѣшенія по настоящему дѣлу о монастырѣ и епископѣ. Предписывалось наконецъ ускорить производство дѣла и представить оное въ канцелярію не позднѣе 1-го октября.[1]) Во исполненіе этого предписанія послано изъ губерніи въ крайзамтъ, 20 августа (1 Сентября), распоряженіе, чтобы немедленно симъ послѣднимъ была назначена коммиссія для произведенія въ липованскихъ селеніяхъ слѣдствія по всѣмъ пунктамъ, изложеннымъ въ предписаніи императорской гофъ-канцеляріи.

VI. Назначеніе новой слѣдственной коммиссіи и даже самые пункты, которые она должна была разслѣдовать по требованію столичныхъ властей, хотя и дѣйствовавшихъ при этомъ въ видахъ особенной благосклонности къ бѣлокриницкимъ просителямъ, привели Павла въ большое затрудненіе. Вмѣсто того, чтобы въ губерніи смѣло стать „прямо въ лице своимъ соперникамъ", онъ поспѣшилъ въ Бѣ-

---

[1]) Предписаніе гофъ-канцеляріи отъ 18-го (6-го) августа 1843 года (*Бѣлокр. архивъ*).

лую-Криницу, гдѣ присутствіе его по случаю ожидаемой коммиссіи было необходимо и гдѣ опять его ожидали трудные и опасные хлопоты. Изъ прежнихъ опытовъ ему хорошо было извѣстно, какъ липованскія общества, да и монастырскіе жители не любятъ и боятся всякихъ коммиссій, съ которыми уже приходилось имъ вѣдаться по милости пришлыхъ искателей архіерейства. А новая коммиссія могла показаться тѣмъ страшнѣе, что первоначальное ея назначеніе шло уже не отъ крайзамта, даже не отъ губерніи, а изъ самой императорской гофъ-канцеляріи. Притомъ же одинъ изъ вопросовъ, которые должна была изслѣдовать коммиссія, казался именно липованскихъ громадъ, — имъ приходилось теперь дать рѣшительный отвѣтъ, дѣйствительно ли желаютъ онѣ имѣть своего епископа. Нужно было все вліяніе и все искусство Павла, чтобъ убѣдить липованъ не отказываться отъ прежняго на этотъ счетъ рѣшенія и не бояться вновь назначенной коммиссіи. Еще больше затрудненій представлялъ другой вопросъ, который должна была изслѣдовать коммиссія,—вопросъ о наличныхъ средствахъ Бѣлокриницкаго монастыря, достаточны ли онѣ, чтобы навсегда обезпечить существованіе епископа. Легко было расписать въ *уставѣ* доходы съ разныхъ угодій и садовъ, небывалыхъ рыбныхъ прудовъ, хлѣбныхъ запашекъ и т. п.; коммиссія же не ограничится одними увѣреніями: нужно будетъ какъ нибудь прикрыть обманъ, какъ-нибудь доказать коммиссіи, что монастырь нисколько не нуждается въ средствахъ. Но какъ это сдѣлать?—недоумѣвали всѣ знавшіе тогдашнюю крайнюю скудость монастыря; недоумѣвалъ и самъ Павелъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ благотворителямъ онъ очень откровенно и живо изобразилъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находился въ то время. „Не безызвѣстно вамъ,—писалъ онъ,—какія наши общества малодушныя и безъ числа мнительныя; они еще и отъ прежнихъ, бывшихъ за насъ о родѣ жизни вопросовъ большую оскому имѣютъ. А это дѣло не маловажное! Они прямо всегда такъ говорятъ: какъ что-нибудь противное въ несостояніи повстрѣчается, то иноки всѣ разбѣгутся, какъ зайцы, а вся опека ляжетъ на нихъ. Почему страшат-

ся и помыслить къ чему-либо въ нашемъ этомъ дѣлѣ подписываться. Что же касается до состоянія монастыря нашего, можетъ ли онъ всегда соотвѣтствовать епископскому, вкупѣ и братскому содержанію своею собственностію, то для всей здѣшней окрестности вещь удивленію есть достойна, на что мы только надѣясь такъ дерзаемъ и кого утруждаемъ! самого императора! И не только сіе удивляетъ посторонниxъ, но ужасаетъ даже нѣкихъ и нашихъ монастырскихъ о Христѣ братій, малодушныхъ сущихъ, такую принимать на себя ужасную обязанность, мысля въ себѣ такъ: кто знаетъ что далѣе будетъ! Ибо собственные наши доходы соотвѣтствовать могутъ только развѣ для одного немудраго крестьянина, а не для монастыря и толикаго числа народа: а кольми паче для епископіи и помыслить страшно! Обязательство же дать самому императору, дѣло не маловажное,—какъ говорится, близь царя, близь смерти! Да хотя бы монастырь и дерзнулъ завѣрять императора, что имѣемъ два сада съ фруктовыми деревами, пожертвованные отъ христолюбцевъ собственно монастырю въ вѣчность, съ одного же собираются для продовольствія своего, а съ другаго фрукты отдаются въ продажу, съ коего нынѣ получили 125 левовъ, то-есть по-русски 125 рублей ассигнаціями: но что это значитъ для содержанія всего монастыря, а наипаче епископа? Правительство почтетъ, по ихъ цѣнности, только для одного епископа сію статью, аки комаръ для слона! Развѣ будемъ увеличивать свои статьи и поставлять цѣну какъ бы комара за вола? Но съ императоромъ худо шутить!—да это и не шутка Если скажемъ, что капиталъ денежный имѣемъ, то коммиссія не захочетъ себя одурачить, а потребуетъ видимаго доказательства, или налицо денежную сумму, или на оную какой билетъ, или вексель. А отказаться теперь невозможно: поелику *рекурсъ* поданъ лично самому императору, и въ томъ увѣрили царя, что монастырь собственнымъ своимъ коштомъ епископа достать и навсегда содержать можетъ; повѣренные же имѣютъ у себя полномочную довѣренность, законнымъ порядкомъ засвидѣтельствованную. Вотъ, по писанному, яко же древле нѣкогда рече Сусанна: *тѣсно ми есть отвсюду!* Окрестность

же вся здѣсь и языки съ удивленнымъ взоромъ смотрятъ на сіе наше предпріятіе, аки на какой-либо важный театръ, и такъ гласятъ: что тутъ хощетъ быти? развѣ самъ Богъ пріидетъ и сотворитъ, яко же искони изъ ничего сотворилъ всяческая! Ибо всюду гремитъ сіе наше новое и удивительное дѣло. Извѣстно наше состояніе, какое было доселѣ, и что хощетъ быть. Итакъ, дѣло до такой точки дошло, что коммиссія, имѣющая быть по именному высочайшему повелѣнію, можетъ рѣшить все наше предпріятіе тѣмъ: или быть монастырю и епископу, или изгладить изъ мыслей и память о епископѣ, а монастырь вовсе уничтожить, если только не покажемъ фундусу, то-есть наличнаго капитала, или какихъ съ достаточными доходами имѣній."[1])

Въ эту тревожную пору, когда, по словамъ Павла, долженъ былъ рѣшиться вопросъ: *быть или не быть?*—нѣкоторымъ утѣшеніемъ для него и для его сотрудниковъ могло служить то обстоятельство, что непосредственное назначеніе коммиссіи зависѣло все-таки отъ благосклонно расположеннаго къ нимъ крайзамта, что ближайшимъ образомъ приходилось вѣдаться все-таки съ крайзамтскими чиновниками, съ которыми они уже привыкли обходиться. И, надобно полагать, именно этому благосклонному расположенію къ нимъ крайзамта они обязаны были вопервыхъ тѣмъ, что, несмотря на предписаніе высшихъ властей о скорѣйшемъ производствѣ дѣла, слѣдственная коммиссія очень долго не являлась въ Бѣлую-Криницу. По предписанію губерніи, отъ 20-го августа (1-го сентября), крайзамтъ только 7-го (19-го) сентября сдѣлалъ распоряженіе о назначеніи крайскоммиссара для производства слѣдствія, а этотъ послѣдній въ свою очередь промедлилъ еще болѣе мѣсяца и въ Бѣлую-Криницу пріѣхалъ уже 15-го (27-го) октября. У Павла съ братіей было такимъ образомъ достаточно времени, чтобы приготовиться къ принятію напугавшей ихъ коммиссіи, чтобы придумать что-нибудь для поправленія дѣла: въ теченіе двухъ мѣсяцевъ,

---

[1]) Письмо къ благотворителямъ изъ Бѣлокриницкаго монастыря, отъ 16-го октября 1843 года (*Сборн. о. Онуфрія*). Письмо это подписано настоятелемъ инокомъ Геронтіемъ; но сочинялъ его, безъ сомнѣнія, Павелъ.

пока ожидали коммиссію, они, какъ пишетъ самъ Павелъ, „всякій почти день и всякую ночь съ братіей совѣтовались, неусыпно Бога на помощь призывая“, — и дѣйствительно усовѣтовали что̀ сдѣлать.

Относительно липованскихъ громадъ употреблено было прежнее, испытанное средство — дѣйствовать просьбами, убѣжденіями и обѣщаніями только на старшихъ и начальныхъ людей. Опять инокъ Павелъ и Геронтій пошли кланяться къ бѣлокриницкимъ и климоуцкимъ сельскимъ властямъ и почетнымъ лицамъ — къ Поляку Ивану Кирилову, дьяку Кипріяну Тимоѳееву и другимъ, опять увѣряли всячески, что на содержаніе епископа не потребуется отъ липованскихъ обществъ ни одного крейцера, и умоляли только объ одномъ, чтобы на вопросъ коммиссіи отвѣтили за себя и за свои громады, что въ епископѣ крайнѣ нуждаются и имѣть его вседушевно желаютъ. Липованскіе старшины и теперь не отказались исполнить умиленныя просьбы сладкоглаголиваго Павла. А чтобы дѣло было вѣрнѣе, Павелъ предложилъ имъ—заранѣе, до пріѣзда коммиссіи, дать Бѣлокриницкому монастырю письменное свидѣтельство, что предпріятіе иноковъ учредить въ семъ монастырѣ епископскую каѳедру съ нуждами и желаніями липованскихъ громадъ вполнѣ согласно и о дарованіи имъ епископа они всеусердно просятъ правительство. Къ величайшему удовольствію Павла, старшины исполнили и эту его просьбу, полагая, вѣроятно, что гораздо удобнѣе отвѣчать письменно (въ чемъ, разумѣется, помогъ имъ самъ Павелъ), нежели лично держать отвѣтъ предъ коммиссіей. Получивъ желаемый документъ отъ бѣлокриницкаго и климоуцкаго обществъ, скрѣпленный подписью старшинъ и сельскими печатями, Павлу уже не трудно было склонить къ написанію такого же документа и два другія липованскія общества въ Буковинѣ—соколинское и мехидрское [1]). Такимъ образомъ одно затрудненіе можно было счи-

---

[1]) Павелъ, въ томъ же письмѣ: „Съ двухъ ближайшихъ обществъ просили сельскихъ начальниковъ и коихъ позначительнѣе людей, и убѣдили ихъ согласиться на такомъ условіи, что монастырь на предметъ святителя не потребуетъ отъ нихъ, ни на ходатайство, ни на содержаніе епископское,

тать благополучно устраненнымъ: монастырь имѣлъ теперь отъ обществъ липованскихъ письменныя удостовѣренія въ дѣйствительномъ ихъ желаніи пріобрѣсть своего епископа, которыя можно было представить крайскоммиссару и отъ которыхъ снаршины общества не могли уже отказаться, еслибы даже и лично позваны были къ отвѣту предъ коммиссіей.

Не такъ легко было устранить другое и самое главное затрудненіе — по вопросу о средствахъ, какими монастырь можетъ обезпечить содержаніе епископа [1]). Прежде всего требовалось, очевидно, приготовиться къ отчету о показанныхъ въ монастырскомъ уставѣ фундаментальныхъ статьяхъ дохода. Что онѣ существуютъ въ дѣйствительности, это еще можно было доказать: на владѣніе нѣкоторыми изъ грунтовъ, именно участками Иларіона Коровьи-ножки и Евдокіи Ефимовой, монастырь имѣлъ документы; нашли еще какой то „декретъ буковинскаго кесаро-королевскаго крайзамта на издавна принадлежащій монастырю (якобы) рыбный прудъ;“ относительно негодной ни къ какому употребленію земли въ Тернавицкомъ лѣсу, гдѣ прежде стоялъ монастырь, за неимѣніемъ документовъ на владѣніе, придумали ограничиться „планомъ.“ Но какъ доказать, что эти „грунты“ дѣйствительно приносятъ монастырю тѣ довольно значительные доходы, какіе расписаны въ монастырскомъ уставѣ? Только слѣпой могъ не примѣтить, что въ этомъ описаніи, какъ выразился Павелъ, „поставляли комара за вола“, и что дѣйствительныхъ монастырскихъ доходовъ съ разныхъ

ни одного грецаря (крейцера), а только бы на спросъ коммиссіи они показали, что дѣйствительно желаютъ имѣть своего епископа и крайне необходимую нужду въ томъ имѣютъ, для рукоположенія священниковъ изъ своихъ старовѣровъ, здѣшнихъ уроженцовъ, для исполненія въ обществахъ липованскихъ требъ, а безъ священника быть не могутъ. И Богъ вложилъ имъ въ сердце: паче всякаго нашего чаянія, они въ томъ сдѣлали на монастырь отъ себя довѣренность, на которой сами своеручно подписались и сельскія свои печати приложили. Въ другія же дальнія два селенія нарочно ѣздили отъ монастыря посланные: и тѣ, смотря на первыхъ, то же сдѣлали. Итакъ, съ Божіею помощію, въ первомъ пунктѣ успокоились.“

[1]) Самъ Павелъ находилъ, что „въ этомъ пунктѣ о собственности монастырской заключалась самая важность.“ (Тамъ же.)

грунтовъ, опять по признанію самого Павла, достаточно „развѣ только для одного немудраго крестьянина, а не для монастыря и толикаго числа народа, кольми паче для епископа.“ Всю надежду въ этомъ отношеніи Павелъ и Геронтій возложили на пріобрѣтеніе извѣстнымъ способомъ благоснисходительности ожидаемаго крайскоммиссара.... Однакоже они очень хорошо понимали, что крайскоммиссаръ, при всей къ нимъ благосклонности, въ такомъ только случаѣ можетъ пройти молчаніемъ недостаточность пріобрѣтаемаго отъ грунтовъ дохода и явное несоотвѣтствіе его съ указаннымъ въ монастырскомъ уставѣ, если найдутся въ монастырѣ другія, именно денежныя средства, вполнѣ достаточныя на содержаніе епископа, и что поэтому крайне нужно пріобрѣсти достаточную сумму денегъ для предъявленія коммиссіи. Собственно говоря, инокъ Павелъ не обманывалъ ни липованскія общества, ни австрійское правительство, утверждая, что Бѣлокриницкій монастырь будетъ содержать епископа на собственный счетъ: онъ имѣлъ твердыя основанія расчитывать на самыя обильныя приношенія отъ россійскихъ старообрядцевъ, которыми существованіе монастыря и епископской каѳедры будетъ вполнѣ обезпечено. Но эти вѣрные расчеты относились къ будущему; теперь же средства, какими могли располагать бѣлокриницкіе учредители старообрядческаго архіерейства, были вообще не велики и что̀ имѣлось въ наличности, необходимо требовалось на текущіе расходы и прежде всего на пріобрѣтеніе благосклонности самого ожидаемаго крайскоммиссара. Откуда же теперь взять потребную сумму для предъявленія коммиссіи? Это былъ главный и самый трудный вопросъ, обсуждавшійся на „деннонощныхъ“ собраніяхъ бѣлокриницкаго братства. Рѣшено было наконецъ прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ, употребленіе которыхъ, по іезуитской логикѣ, Павелъ считалъ вполнѣ дозволительнымъ для такого, какъ онъ, чрезвычайнаго Божія избранника и для такого дѣла, какъ „возстановленіе древлеправославнаго архіерейства“, — употребить въ дѣло обманъ и ложь, назвавъ ихъ отъ Бога ниспосланною мудростію: именно придумали просить зажиточныхъ людей изъ тѣхъ же липованскихъ обществъ — бѣлокриниц-

каго и климоуцкаго, не дадутъ ли они монастырю, только на время коммиссіонной ревизіи, свои наличныя деньги, чтобы настоятель могъ ихъ представить коммиссіи, какъ собственный монастырскій капиталъ, завѣривъ ихъ Богомъ и совѣстію, что немедленно по минованіи надобности всѣ оныя деньги въ совершенной сохранности и съ чувствительнѣйшей благодарностію возращены будутъ владѣльцамъ. А такъ какъ нельзя было ожидать, чтобы сборъ наличныхъ липованскихъ капиталовъ могъ быть значителенъ, то вмѣстѣ съ этимъ Павелъ и Геронтій придумали еще другую искусную уловку: просить нѣкоторыхъ, особенно зажиточныхъ и болѣе расположенныхъ къ нимъ людей между тѣми же липованами, чтобы дали монастырю заемныя письма, якобы состоятъ ему должными извѣстныя суммы, причемъ монастырь съ своей стороны, для полнаго ихъ успокоенія и обезпеченія отъ всякой случайности, выдастъ имъ въ то же самое время росписки, что должныя суммы уже уплачены ими сполна: векселя эти и могли бы быть представлены коммиссіи въ видѣ принадлежащихъ монастырю денежныхъ документовъ. Всѣ эти недобросовѣстныя уловки инокъ Павелъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ и даромъ убѣжденія, умѣлъ представить липованамъ какъ дѣло богоугодное и душеспасительное, предпріемлемое на пользу „вдовствующія невѣсты, древлеправославныя Христовы церкве", притомъ же (что̀ было всего важнѣе) нисколько для нихъ неубыточное,—и липованскія сердца склонились на его предложеніе, даже безпоповцы изъ селенія Климоуцъ не отказались снабдить монастырь своими наличными капиталами [1]). Умиленный такими, почти неожиданными успѣхами своихъ замысловъ—обмануть правительство, Павелъ, вѣрный своему характеру, дѣйствительно находилъ во всемъ этомъ какое-то устроеніе свыше: „воистину Божіимъ промысломъ сіе было (восклицаетъ онъ, описавши какъ удалось провести коммиссію),—Богъ умудряетъ и самые младенцы, умило-

---

[1]) Изъ климоуцкихъ безпоповцевъ услугу оказалъ въ этомъ случаѣ Михайла Ѳедоровъ, считавшійся очень богатымъ человѣкомъ (см. о немъ въ запискѣ Надеждина. *Сборн.* Кельсіева, ч. 1, стр. 94).

ствляетъ и самыхъ чужевѣрцевъ!...“ [1]) Векселей по небывалымъ займамъ липоване выдали монастырю на 10.000 левовъ серебромъ. [2]) Показанія большей суммы не просили отъ нихъ потому, что еще прежде Павелъ и Алимпій написали лично отъ себя „завѣщательные акты“ монастырю, якобы они предоставляютъ въ полную монастырскую собственность (будтобы) принадлежащіе имъ наслѣдственные капиталы по 5.000 левовъ каждый. [3]) Такимъ образомъ, кромѣ обѣщанной липованами наличной суммы, монастырь могъ представить ревизіонной коммиссіи документовъ на 20.000 левовъ серебромъ. Теперь оставалось только сдѣлать подробную опись (инвентарь) монастырскихъ имуществъ и доходовъ, съ приложеніемъ всѣхъ имѣющихся налицо документовъ, что́ и было исполнено Павломъ, какъ монастырскимъ посьмоводителемъ, со свойственной ему аккуратностію.

Итакъ, медленностію крайзамта и крайскомиссара въ монастырѣ умѣли воспользоваться какъ нельзя лучше,—успѣли приготовить все, что только можно было, для отвѣта на главные вопросы, разсмотрѣніемъ которыхъ должна была заняться коммиссія, и довольно спокойно стали ожидать ея прибытія. Правда, это было для всѣхъ очень тревожное время, такъ какъ и самъ Павелъ, несмотря на свои разглагольствія о промыслѣ, пекущемся даже о малѣйшемъ мравіи, о Богѣ, умудрящемъ младенцы и посрамляющемъ мудрыя міра, долженъ былъ внутренно сознаться, что затѣяно не чистое дѣло и что монастырь можетъ подвергнуться за него тяжкой отвѣтственности по законамъ; но всѣхъ ободряла надежда на пріобрѣтеніе благоснисходительности назначеннаго крайзамтомъ начальника коммиссіи и на то еще, что въ случаѣ крайности „иноки могутъ и разбѣжаться, какъ зайцы....“

---

[1]) Письмо отъ 16-го октября.

[2]) Векселя эти даны двумя бѣлокриницкими липованами—Перепелкой и Дѣемъ Парамоновымъ, какъ торговцами болѣе другихъ зажиточными.

[3]) Завѣщательные акты написаны Павломъ и Алимпіемъ 13-го сентября 1843 года.

VII. 15го (27го) октября прибылъ наконецъ давно ожидаемый крайскоммиссаръ, баронъ Кане. Геронтій и Павелъ поспѣшили явиться къ нему на поклонъ. Конфиденціальныя объясненія кончились благополучно: благоснисходительность барона-крайскоммиссара была пріобрѣтена, хотя и дорогою цѣной, принимая въ соображеніе тогдашнюю скудость монастыря [1]). Въ тотъ же день коммиссія приступила къ своему дѣлу. Прежде всего произведенъ былъ осмотръ самаго монастыря, и описаніе найденнаго по осмотру внесено въ протоколъ. Изъ того, какъ составлено это описаніе, не трудно уже видѣть, что крайскоммиссаръ дѣйствительно согласился оказывать бѣлокриницкой братіи всевозможную снисходительность. Вотъ что говорилось въ протоколѣ о Бѣлокриницкомъ монастырѣ: „Липованскій монастырь имѣетъ положеніе въ средѣ селенія Фонтана-Альба, на грунтѣ отъ Иларіона Петровича монастырю дарованномъ, въ саду, высокою градой огражденномъ. Среди этого сада стоитъ церковь: устроена изъ дерева *въ самомъ лучшемъ состояніи*, такъ какъ и прочія греческія церкви устроены, въ которой не болѣе какъ на 200 человѣкъ мѣста имѣется. Церковь имѣетъ три верха главъ съ крестами, изъ которыхъ въ первомъ колокольня. По показанію иноковъ и старшихъ отъ громады и начальниковъ сельскихъ, первоначально, назадъ тому лѣтъ шестьдесятъ, устроенный липованскими иноками монастырь находился въ лѣсу; но такъ какъ этотъ монастырь ограбленъ, (то) и перенесенъ въ самое селеніе съ иноками, въ которомъ селеніи теперешній монастырь ихъ *собственнымъ коштомъ устроенъ и всегда исправлялся* [2])... Иноки живутъ кругомъ монастыря, въ четырехъ деревянныхъ домахъ, въ кельяхъ, и кромѣ церковной службы они занимаются разными ремеслами, которыя къ ихъ существованію нужны. Одежда иноковъ обыкновенно небогатая,

---

[1]) По свидѣтельству о. Онуфрія, барону Кане дано было 500 лев. сер.

[2]) Достойно вниманія, что противъ этого мѣста сдѣлано *замѣчаніе*, въ которомъ приведено извлеченіе изъ состоявшихся въ 1791 году опредѣленій о переводѣ липованскихъ иноковъ съ прежняго мѣста жительства, на Тернавкѣ, въ селеніе Бѣлая-Криница, то-есть изъ тѣхъ самыхъ документовъ, на которые приведена ссылка въ послѣдней губернской резолюціи и суще-

такая, *какъ изображена въ ихъ книгѣ устава*; весь приборъ въ ихъ зданіяхъ также не богатъ и все отъ ихъ трудовъ сдѣланный. Они живутъ, употребляя только рыбу, фрукты и горохъ, картофли, фасоль, мамалыгу; никогда не ѣдятъ ни мяса, ни сала, и всегда только постную употребляютъ пищу, а молоко и прочее только изрѣдка позволяется имъ. Прочее провожденіе жизни *описано подробно въ ихъ статутахъ*." [1]) Затѣмъ, по осмотрѣ монастыря, настоятель инокъ Геронтій, при собственной объяснительной запискѣ, представилъ коммиссіи опись монастырскихъ имѣній и капиталовъ, со всѣми относящимися сюда документами[2]). Порядка ради, коммиссія сдѣлала осмотръ и монастырскихъ грунтовъ съ угодьями.

ствованіе которыхъ въ *рекурсѣ* подвергнуто сомнѣнію, такъ какъ будто-бы и самый крайзамтъ отыскать этихъ документовъ не могъ. Впрочемъ выписка приведена здѣсь неточно: говорится только о томъ, что инокамъ велѣно жить въ Бѣлой-Криницѣ, а о томъ неупоминается, что имѣть общежитіе, или монастырь было тогда воспрещено. Такимъ образомъ выписка эта приведена, очевидно, съ цѣлію доказать, что монастырь издавна существуетъ въ Бѣлой-Криницѣ съ дозволенія правительства. Этимъ, конечно, и слѣдуетъ объяснить внесеніе ея въ протоколъ, несмотря на то, что она противорѣчитъ сказанному въ *рекурсѣ*.

[1]) Протов. 15-го (27-го) октября 1843 года § 2 (*Бѣлокр. арх.*). Вся тетрадь протоколовъ этой коммиссіи писана рукой Павла и весьма поспѣшно: это или переводъ составленныхъ коммиссіей протоколовъ, или, вѣроятнѣе, составленный для крайскомиссара самимъ Павломъ черновой списокъ ихъ, съ котораго сдѣланъ былъ нѣмецкій переводъ.

[2]) Въ третьемъ пунктѣ объяснительной записки Геронтія именно говорилось: „Касательно статистическихъ обстоятельствъ мы представляемъ при семъ изъ монастырской описи выписку, съ принадлежащими къ ней въ пяти копіяхъ документами, какъ-то: 1) на собственный монастырскій грунтъ плановую карту; 2) на рыбный прудъ отъ издавна монастырю принадлежащій Буковинскаго кесаро-королевскаго крайзамта декретъ за № 22.959; 3) на имущество движимое и недвижимое, дарованное въ вѣчность монастырю по духовному завѣщанію покойнаго старообрядца Иларіона Петровича, о судебномъ рѣшенія декретъ думеніи Кучурмаре, за № 1.594; 4) на таковое же имущество, дарованное также въ вѣчность монастырю отъ покойной дѣвицы Евдокіи Ефимовой, духовное завѣщаніе, и 5) на денежную сумму 10.000 левовъ серебромъ, дарованную въ вѣчность монастырю отъ двухъ иноковъ, Алимпія Милорадова и Павла Васильева, завѣщательный актъ" (*Бѣлокр. арх.*). Въ послѣдствіи Геронтій писалъ, что въ монастырскомъ инвентаріумѣ показано было „всего движимаго и недвижимаго состоянія близь 50.000 гульденовъ сребра" (*Памятн.*, рукоп. написанная въ Шлиссельбургѣ).

Между тѣмъ, пока члены коммиссіи занимались этими осмотрами, заранѣе оповѣщенные липоване, точно исполняя свое обѣщаніе, собрались въ настоятельскихъ кельяхъ съ своими наличными деньгами, и когда коммиссія должна была приступить къ повѣркѣ монастырскихъ суммъ, вручили ихъ настоятелю, который въ свою очередь передалъ ихъ коммиссару: принесенныхъ липованами денегъ оказалось 6.000 левовъ серебромъ. Коммиссія пересчитала ихъ и возвратила Геронтію; а онъ, согласно обѣщанію, вручилъ ихъ немедленно владѣльцамъ, все это время сокровенно сидѣвшимъ въ особой комнатѣ.[1]) Точно такъ же коммиссія произвела повѣрку представленныхъ настоятелемъ векселей и нашла ихъ не подлежащими сомнѣнію; было только замѣчено, и то въ видахъ благожеланія монастырю, что было бы лучше и вѣрнѣе отданныя подъ векселя суммы помѣстить въ государственный банкъ, и что правительство, по всей вѣроятности, того потребуетъ. „Члены коммиссіи (писалъ Павелъ на другой же день послѣ этого въ Москву) полагаютъ, что такъ какъ заемныя векселя отъ людей изъ числа торговцевъ, нашихъ старовѣровъ, и не имѣютъ въ обезпеченіе никакихъ залоговъ, то сумнительно напередъ, дабы сумма не ущербла, или вовсе не погибла (которой вовсе не было[2]), въ случаѣ какого упадка занимателей. Уповательно (говорятъ), что на всякій случай императоръ непремѣнно повелитъ всю тую ходящую сумму въ безсумнѣнное обезпеченіе представить въ государственный банкъ.“[3])
По осмотрѣ и повѣркѣ имѣній и капиталовъ, якобы прина-

---

[1]) Письмо Павла отъ 16 го октября 1843 года. Вотъ что именно писалъ онъ здѣсь, въ особомъ *дополненіи*, объ этой продѣлкѣ: „кромѣ всякаго чаянія самые безпоповцы, кои имѣютъ наличный свой капиталецъ, принесли до послѣдняго золотника сами въ монастырь на такой необходимый случай; и пока производилась коммиссія, они у настоятеля сидѣли въ особой кельи, а какъ потребовали капиталъ, они вручили настоятелю и настоятель показалъ членамъ, и пересчитавши отъ насъ, и паки въ руки имъ отдали, и они съ миромъ отправились въ свое село Климоуцы. *И слава Богу!* Хотя только духъ перевели! Впрочемъ теперь не остается намъ что иное, какъ только *повергаемся въ неизглаголанную пучину милости и промысла Божія!*“

[2]) Насмѣшливое выраженіе самого Павла.

[3]) Тамъ же.

длежащихъ монастырю, коммиссія составила слѣдующій протоколъ: „На имѣніе и весь монастырскій приборъ вообще Геронтій Леоновъ, настоятель монастыря, инвентаріумъ коммиссіи предложилъ. Сей инвентарь *по всѣмъ пунктамъ повѣрялъ и нашелъ истинно такъ, какъ въ немъ значится,* съ тѣмъ, что *сумму наличныхъ денегъ при коммиссіи самъ коммиссаръ пересчиталъ.* Этимъ занятіемь день цѣлый игошелъ и коммиссія на другой отложена.“ [1])

Для другаго дня коммисіи оставалось не много дѣла. Нужно было спросить монастырское братство и липованскія громады, дѣйствительно ли желаютъ они имѣть епископа, какъ о томъ ходатайствуютъ иноки Павелъ и Алимпій, и еще, по порученію крайзамта, отобрать отъ нихъ показанія относительно сношеній по церковнымъ дѣламъ „съ прочими русскими громадами“ и относительно веденія метрикъ. По первому вопросу коммиссія удовольствовалась уже приготовленными письменными удостовѣреніями старшинъ четырехъ липованскихъ селеній, что епископа они дѣйствительно желаютъ имѣть, ибо терпятъ крайнюю нужду въ священствѣ; иноки Бѣлокриницкаго монастыря на допросѣ показали также, что Павелъ и Алимпій подали прошеніе о епископѣ по общему желанію монастырскаго братства, на что̀ и выдана имъ полномочная довѣренность, каковую „не только теперь, но и впредь въ полной силѣ братство утверждаетъ.“ [2]) По двумъ другимъ вопросамъ, настоятель монастыря и „старшіе громады Бѣлой-Криницы сельскіе начальники объяснили: что къ исполненію религійныхъ требъ липованскія громады собственнымъ коштомъ привозятъ изъ Россіи, именно изъ Бессарабіи, священника, однако здѣсь оставаться долго не можетъ, потому что онъ обыкновенно черезъ границу безъ паспорта тайно къ нимъ приходитъ, ибо Россія на такую отлучку никогда паспорта не даетъ;“ что сіи иностранные священники метрическихъ записей не дѣлаютъ, почему въ липованскихъ громадахъ веденія метрикъ не было и нѣтъ; что липованамъ необходимо имѣть

---

1) Протоколъ 15-го (27-го) октября, § 3 (*Бѣлокр. архивъ*).

2) Протоколъ 16-го (28-го) октября § 4 (*Бѣлокр. архивъ*).

своихъ священниковъ, которыхъ поставлялъ бы имъ собственный ихъ святитель, дабы учредить. согласно предписанію начальства, привильное веденіе метрикъ.[1]) Записавъ всѣ эти показанія въ протоколъ, коммиссія заключила свои занятія, и въ тотъ же день крайскоммиссаръ уѣхалъ изъ Бѣлой-Криницы. Своей снисходительностью и внимательностью къ желаніямъ бѣлокриницкихъ старцевъ члены этой коммиссіи оставили въ монастырѣ самое пріятное воспоминаніе: „Всѣ наши желанія (писалъ Павелъ) члены приняли со вниманіемъ и обходились съ нами *такъ благочинно и почтенно, чего лучше и не бываетъ*! И съ надеждой насъ оставили ожидать монаршей милости, ибо они заключили въ коммиссіонномъ протоколѣ, что монастырь въ состояніи соотвѣтствовать во всемъ своему прошенію.“[2]) Вообще Павелъ и все братство были очень довольны, что такъ ловко провели коммиссію, которая, какъ видно, и сама сквозь пальцы смотрѣла на ихъ продѣлки. Одно только приводило въ сомнѣніе Павла и Геронтія — какъ бы и въ самомъ дѣлѣ высшія власти не потребовали внесенія въ государственный банкъ не существующихъ монастырскихъ капиталовъ. По сему случаю Павелъ и Алимпій, какъ монастырскіе депутаты, нашли нужнымъ даже нарочно съѣздить въ Вѣну, посовѣтоваться съ своими адвокатами и въ случаѣ надобности похлопотать, гдѣ слѣдуетъ, чтобы такого стѣснительтельнаго для нихъ распоряженія не дѣлали, въ чемъ однакоже надобности не оказалось.

VIII. Когда слѣдственная коммиссія представила свои протоколы крайзамту, сей послѣдній не нашелъ въ нихъ ничего сомнительнаго, и со всѣми относящимися къ онымъ документами препроводилъ въ губернію, приложивъ также, согласно предписанію губернскаго начальства, и прочіе документы по дѣлу о липованахъ. При этомъ съ своей стороны крайзамтъ доносилъ губерніи, что относительно учрежденія архіерейской каѳедры у липованъ остается при прежнемъ своемъ мнѣніи, находя вопросъ о липованскомъ епископѣ

1) Тамъ же, § 6.

2) Письмо отъ 16-го октября 1843 года.

имѣющимъ тѣсную связь съ важнымъ вопросомъ о введеніи у липованъ правильныхъ метрическихъ записей.[1])

Но въ губерніи иначе взглянули на дѣйствія крайском миссара барона Кане; не остались довольны и распоряженіями самого крайзамта. Нашли именно, что крайзамтъ выслалъ не всѣ нужные документы по дѣлу о липованской архіерейской каѳедрѣ: такъ именно не были доставлены протоколы прежнихъ слѣдственныхъ коммиссій, составленные крайскоммиссарами Вагнеромъ и Шаловскимъ, тогда какъ для соображенія по настоящему дѣлу протоколы эти представлялись необходимо нужными. А что баронъ Кане произвелъ слѣдствіе неполно и небрежно, это губернскому начальству легко было усмотрѣть изъ самыхъ коммиссіонныхъ протоколовъ. Замѣчено вопервыхъ, что крайскоммиссаръ никакъ не долженъ былъ ограничиваться одной только „общей декларaціей,“ подписанной старшинами и депутатами отъ четырехъ липованскихъ громадъ, гдѣ они свидѣтельствуютъ, что съ прошеніемъ монастырскаго братства о дарованіи епископа липованамъ согласны, не упоминая даже имѣютъ ли достаточныя средства на постоянное содержаніе и монастыря и епископа. Найдено потомъ, что и самыя показанія о монастырскихъ имѣніяхъ и капиталахъ представляютъ много сомнительнаго. Особенно невѣроятнымъ и удивительнымъ показалось, „какъ могли дать монастырю по 5000 лев. сер., изъ своего отческаго наслѣдства, иноки Павелъ Васильевъ и Алимпій Милорадовъ, о которыхъ есть официальныя свѣдѣнія,[2]) что они дѣти простыхъ людей бѣлокриницкой громады, и что отецъ послѣдняго имѣлъ пропитаніе отъ ручнаго заработка“. На основаніи такихъ соображеній послѣдовало изъ губерніи, отъ 29го декабря 1843 (10 января 1844) года, новое предписаніе крайзамту, чтобы недостающіе документы по дѣлу о липованской архіерейской каѳедрѣ были разысканы и высланы въ губернію,

---

[1]) Донесеніе крайзамта № 20.512 (*Бѣлокр. архивъ*).

[2]) Свѣдѣнія эти найдены въ актахъ крайзамта 1840 года № 6619 и 1841 года № 5221. (Протоколъ слѣдственной коммиссіи 1844 года, § 1 й (*Бѣлокр. архивъ*).

и чтобы слѣдствіе въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ и липованскихъ селеніяхъ произведено было вновь съ большей полнотой и строгостью,—именно, согласно декрету императорской гофъ-канцеляріи, чтобы въ точности дознано было, какъ велико число липованъ въ каждомъ селеніи, „какъ значительны ихъ имущества, доходы съ заработковъ и проч., и въ состояніи ли они содержать монастырь и епископа“ также относительно суммы въ 10.000 левовъ серебромъ чтобы сдѣлано было самое тщательное изслѣдованіе, имѣютъ ли и откуда могутъ имѣть ее иноки Павелъ и Алимпій. „Губернія надѣется (сказано въ заключеніи предписанія), что панъ крайсгауптманъ все предписанное сдѣлаетъ скоро и вполнѣ удовлетворительно“.[1])

Согласно этому предписанію, крайзамтъ, 7-го (26-го) января 1844 года, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы тотъ же баронъ Кане опять ѣхалъ въ Бѣлую-Криницу для произведенія новаго коммиссіоннаго слѣдствія. 4-го (16-го) февраля новая коммиссія составила первый протоколъ. Въ немъ только опредѣлены главные пункты, относительно которыхъ по предписанію губерніи надлежало произвести изслѣдованіе; допросовъ же липованамъ въ этотъ день никакихъ не было, по той причинѣ, что многіе изъ нихъ находились тогда въ Радоуцахъ на ярмаркѣ и „прежде ночи домой возвратиться не могли.“ Затѣмъ коммиссія занималась слѣдствіемъ въ теченіе пяти дней, производя, съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, допросы депутатамъ липованскихъ громадъ и прочимъ соприкосновеннымъ къ дѣлу лицамъ. 5-го (17-го) февраля допрошена бѣлокриницкая громада (въ тотъ же день взято показаніе съ Павла и Алимпія по вопросу о завѣщанныхъ ими въ пользу монастыря 10.000 левовъ), 6-го (18-го) — климоуцкая, 8-го (20-го) — соколинская, 10-го (22-го) — мехидрская. Бѣлокриницкіе и климоуцкіе липоване собраны были въ селеніи Бѣлая-Криница; а въ Соколинцы и Мехидру ѣздили для допросовъ сами члены коммиссіи.

---

[1]) Губернское предписаніе отъ 10 января 1844 года (29 декабря 1843 г.). № 81.444 (*Бѣлокр. архивъ*).

Это новое слѣдствіе, несмотря на всю формальную строгость дѣлопроизводства, было уже не такъ страшно для бѣлокриницкаго братства, какъ бывшее передъ нимъ: теперь собственный, личный интересъ долженъ былъ заставить барона-крайскоммиссара при отобраніи показаній отъ липованскихъ громадъ и монастырскихъ жителей всячески имъ потворствовать, чтобы не впасть въ противорѣчіе съ своими прежними протоколами. Однакоже и эта коммиссія представляла не мало непріятнаго для учредителей старообрядческаго архіерейства: непріятно было и то, что губернское начальство, несмотря на *рекурсъ*, на императорскую „сигнатуру" и на всѣ успѣхи Павла и Алимпія въ Вѣнѣ, не хочетъ, какъ теперь оказалось, измѣнить своихъ прежнихъ непріязненныхъ отношеній къ дѣлу о липованскомъ епископѣ, и то, что опять приходилось толковать съ липованами, которымъ уже очень прискучили всѣ эти коммиссіи, и то, наконецъ, что дѣло вообще затягивалось, что все прибывали новые и новые хлопоты. Прибыли хлопоты главнымъ образомъ для Павла: ему предстояло не мало труда, и именно надъ тѣмъ, чтобы заготовить для каждаго липованскаго общества письменные отвѣты по вопроснымъ пунктамъ, — отвѣты, которые должны были войти (и дѣйствительно вошли) въ коммиссіонные протоколы, какъ бы собственные, непосредственно данные липованскими депутатами на допросахъ коммиссіи. Эту не очень легкую задачу Павелъ исполнилъ въ совершенствѣ. Заготовленные имъ отвѣты отъ четырехъ липованскихъ обществъ, правда, походятъ одинъ на другой, различаются только въ мелочахъ и частностяхъ; но иначе не могло и быть по самому существу дѣла. Они замѣчательны собственно тѣмъ, что представляютъ образчикъ самой беззастѣнчивой лжи, къ какой нерѣдко прибѣгалъ теперь инокъ Павелъ ad maiorem Dei gloriam, и рѣдкаго умѣнья „выдавать комарей за воловъ," по его собственному выраженію. [1]) Для примѣра достаточно привести показанія липованскаго общества Бѣлой-Кри-

[1]) Что всѣ показанія (за исключеніемъ можетъ быть одного алимпіева) суть произведеніе Павла, въ этомъ легко убѣдиться изъ самаго ихъ изложенія, обличающаго именно павлову руку.

ницы. Допросъ, какъ сказано выше, происходилъ 5-го (17-го) февраля. Въ протоколѣ говорится, что была собрана вся бѣлокриницкая громада; но ей предложено избрать уполномоченныхъ для отвѣта предъ коммиссіей за всю громаду, на что и дать симъ послѣднимъ формальную довѣренность: „выбрали въ присутствіи коммиссіи двухъ хозяевъ, Ивана Кирилова (Поляка) и Кипріяна Тимоѳеева (дьяка); громада по избраніи депутатовъ разошлась, а депутаты спрашиваемы были.“ [1]) Первымъ вопроснымъ пунктомъ требовалось дать подробное показаніе о числѣ жителей въ селеніи, объ ихъ имуществѣ и доходахъ: и въ показаніи, дѣйствительно, приводится, составленное по конскрипціи 1843 года, исчисленіе жителей обоего пола, количество принадлежащей имъ разнаго качества земли и получаемыхъ отъ нея доходовъ, также рогатаго скота и лошадей. [2]) Затѣмъ вотъ что говорится о разныхъ другихъ источникахъ благосостоянія бѣлокриницкихъ липованъ:

„Кромѣ поля, скота и прочихъ хозяйственныхъ доходовъ, имѣемъ въ нашемъ селѣ 43 сада съ разныхъ сортовъ лучшими фруктами, 14 алейныхъ заводовъ, 9 вѣтряныхъ мельницъ, 13 рыбныхъ ставовъ, которые собственно своимъ промысломъ сами устроили. Кромѣ того имѣемъ въ Бѣлой-

---

[1]) Протоколъ коммиссіи 1844 года, § 4-й. Къ протоколу приложена и довѣренность, засвидѣтельствованная подписями бѣлокриницкихъ липованъ и скрѣпленная общественной печатью. Въ ней сказано, что „повѣренные“ уполномочиваются по вопросамъ коммиссіи о пріобрѣтеніи епископа и содержаніи его на собственный коштъ дать положительный отвѣтъ, и вообще „по совѣсти, отъ имя громады и ихъ дѣтей и ихъ потомковъ, все дѣлать, и что сдѣлаютъ они, все то громада пріемлетъ и на все обязуется“. Къ этому сдѣлано, вѣроятно по требованію коммиссара, особое прибавленіе, что бѣлокриницкая громада уполномочиваетъ своихъ депутатовъ „давать всѣ нужныя объявленія крайзамтской коммиссіи и касательно метрическихъ книгъ“ (*Бѣлокр. архивъ*). Допросъ и прочихъ трехъ липованскихъ обществъ происходилъ также чрезъ посредство депутатовъ, уполномоченныхъ точно такими же довѣренностями отъ своихъ обществъ: на сохранившемся экземплярѣ довѣренности бѣлокриницкой громады сдѣлана замѣтка: „такъ равно и прочихъ трехъ громадъ одного содержанія.“

[2]) Точно такія же по этому пункту сдѣланы показанія и прочими тремя обществами. Выше мы имѣли случай привести эти числовыя данныя о населеніи липованскихъ слободъ въ Буковинѣ и принадлежащихъ имъ земляхъ.

Криницѣ многое число мастеровыхъ плотниковъ, повозочныхъ и санныхъ мастеровъ и прочихъ рукодѣлій. Большая часть жителей занимаются значительною торговлей, а особливо въ Молдавіи, хозяйственными желѣзными орудіями, какъ-то: плуги, лопаты, топоры и проч., о чемъ всѣмъ есть извѣстно. Наши жители имѣютъ въ Черновцахъ 9 складовъ и 1 склепъ, въ Радовцахъ 6 и въ Серетѣ 2 склада съ разными собственными продуктами: фрукты, медъ, воскъ и проч., и такими же продуктами не только Буковину, но даже Галицію и Молдавію снабжаютъ. А особливо производятъ наши липоване очень значительное число коноплянаго алею въ своихъ заводахъ, которые находятся въ нашемъ селеніи и въ Радовцахъ, котораго много отправляемъ и за границу. Также наши липоване засѣваютъ на своихъ и на наемныхъ поляхъ очень много льна, которымъ снабдѣваютъ Галицію и даже отправляютъ въ Молдавію. Наши же жители здѣсь первые мастера вѣтряныхъ мельницъ и построили таковыхъ много и по сторонамъ; то же и по контрактамъ дѣлаютъ въ Галиціи и Молдавіи значительные ставы, отъ чего имѣютъ хорошій заработокъ. Незначительные же жители занимаются разноской мелкихъ товаровъ и собираютъ щетину, а также и скота много откармливаютъ въ продажу."

Изъ этого описанія само собою явствовало, что бѣлокриницкіе липоване живутъ въ полномъ довольствѣ и имѣютъ достаточныя, хорошо обезпеченныя средства, чтобы жертвовать на содержаніе монастыря и епископа. Но *хотятъ ли* они жертвовать, и если хотятъ, то *сколько именно*? Таковы были два новые вопросные пункта, на которые слѣдовало отвѣтить депутатамъ бѣлокриницкой громады. Приготовить отвѣтъ на эти, такъ прямо поставленные вопросы Павлу было не легко. Онъ, какъ мы видѣли, постоянно увѣрялъ липованъ, что на содержаніе епископа имъ не придется жертвовать не единаго крейцера. Но сказать откровенно въ показаніи, что на этотъ предметъ они дѣйствительно ничего давать не будутъ, значило бы повредить дѣлу въ глазахъ правительства; а написать, что они обязуются доставлять извѣстную сумму на содержаніе монастыря и епископа, было неудобно въ томъ отношеніи, что такой отвѣтъ прямо проти-

ворѣчилъ бы его прежнимъ увѣреніямъ, и подписаться подъ нимъ липованскіе депутаты не согласились бы. Чтобы выдти изъ затрудненія, Павелъ далъ отвѣтъ, въ которомъ не сказано было ни да, ни нѣтъ, но вмѣстѣ говорилось и то и другое:

„На вопросъ: хочетъ ли громада обязаться на содержаніе монастыря и священства? мы отвѣчаемъ отъ имени громады, какъ депутаты, что въ теперешнее время таковая обязанность не есть нужна, потому что иноки нашего монастыря, въ прошеніи поданномъ его величеству о учрежденіи святителя, существованіи монастыря и утвержденіи *устава*, сами обязались содержать святителя и монастырь собственнымъ коштомъ. А что они въ состояніи дѣйствительно своимъ имѣніемъ выполнить оное (обязательство), о семъ явствуетъ изъ актовъ, сдѣланныхъ (прежней) крайзамтской коммиссіей. Кромѣ того: липоване обязаны по нашимъ церковнымъ законамъ давать десятую часть ежегодныхъ доходовъ священству; однакоже они того у насъ не желаютъ и не есть нужно. Но, дабы удовлетворить правительство, мы пріемлемъ на свою обязанность содержаніе духовнаго святителя нашего закона и нашего монастыря, *въ томъ случаѣ, если нужно будетъ*, по нашему состоянію и возможности.“

Затѣмъ вотъ что̀ отвѣчено на другой вопросъ,—о суммѣ, какую согласны жертвовать бѣлокриницкіе липоване на содержаніе епископа:

„Братство монастыря, какъ сказано, обязалось содержать собственнымъ коштомъ святителя, по положенію монастырскаго устава: потому мы полагаемъ, что теперь не нужно количество суммы дѣйствительно обозначать, какъ монастырь еще въ состояніи это выполнить; но правительство тѣмъ должно довольно остаться, что мы всегда готовы давать безъ принужденія что̀ только будетъ нужно. А что мы дѣйствительно въ возможности къ выполненію нашего обѣщанія, доказываетъ обстоятельство нашего имѣнія и промысла.“

Послѣдній вопросъ, предложенный депутатамъ бѣлокриницкаго липованскаго общества, касался веденія метрикъ, и отвѣтъ на него, какъ и прошлый разъ, сведенъ былъ къ

слѣдующему заключенію: „Необходимо нужно дабы его величество желаніе наше о учрежденіи святителя нашего закона удовлетворилъ: тогда бы къ провожденію предписанныхъ метрическихъ книгъ не было никакого препятствія; когда бы имѣли священниковъ нашего закона, тогда бы для каждаго селенія установленный священникъ обязанъ былъ, по предписанію правительства, метрическія книги вести". [1])

Таковы были составленные Павломъ и занесенные въ протоколъ коммиссіи показанія уполномоченныхъ бѣлокриницкой громады. Чтобы придать имъ больше достовѣрности и вполнѣ соблюсти формальную правильность дѣлопроизводства, въ предотвращеніе новыхъ замѣчаній изъ губерніи, крайскоммиссаръ отнесся къ мѣстному мандаторіату за повѣркой и удостовѣреніемъ громадскихъ „показаній касательно имѣній и хозяйственныхъ обстоятельствъ." Панъ-мандаторъ былъ свой человѣкъ: онъ засвидѣтельствовалъ, что „показанныя обстоятельства имѣній, доходы и прочее, по конскрипціи 1843 года и по грунтовымъ платежнымъ записямъ, нашелъ правильными". [2])

Показанія депутатовъ трехъ прочихъ липованскихъ громадъ, по тѣмъ же вопроснымъ пунктамъ, какъ было уже замѣчено, въ сущности не отличались отъ показаній депутатовъ бѣлокриницкихъ: послѣ оффиціальныхъ свѣдѣній о количествѣ жителей, земли и скота, слѣдовали такія же преувеличенныя описанія разныхъ хозяйственныхъ заведеній, промысловъ и т. п., и тѣ же лукавые, двусмысленные отвѣты по вопросу о содержаніи будущаго епископа". [3])

Но верхъ безстыдства въ сплетеніи всякаго рода лжи составляютъ показанія двухъ пресловутыхъ иноковъ Павла

---

[1]) Прот. слѣд. ком. 1844 года, §§ 4—6 (*Бѣлокр. архивъ*).

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, §§ 14 — 17, 19 — 26. Показанія этихъ липованскихъ громадъ также засвидѣтельствованы мѣстными мандаторіатами — Гадикъ-Фальва, Сантъ-Иліи и Бергометъ. Достойно замѣчанія, что показанія климоуцкой громады сдѣланы отъ имени всѣхъ жителей селенія, тогда какъ они на половину принадлежатъ къ безпоповскому толку и безпоповцы отношенія къ дѣлу объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ не имѣли. Даже одинъ изъ выборныхъ климоуцкихъ, подписавшій всѣ протоколы, былъ безпоповецъ, упомянутый выше Михаилъ Ѳедоровъ.

и Алимпія о 10.000 левовъ, якобы пожертвованныхъ ими Бѣлокриницкому монастырю. Вотъ какую сказку сочинилъ о себѣ инокъ Павелъ, біографію котораго мы изложили выше: „Я называюсь Павелъ Васильевъ, сынъ Василья Ѳедотова, родился въ Молдавіи, въ Баташанахъ; около 40 лѣтъ; старогреческаго закона. По смерти отца моего, 1818 года, пришелъ въ Буковину, поступилъ въ Бѣлокриницкій монастырь инокомъ, въ которомъ по сіе время живу. Отецъ мой, покойный Василій Ѳедотовъ (такъ какъ по нашему закону изъ имя отца мое имя происходитъ), родился въ Бѣлой-Криницѣ и былъ здѣшній подданный, [1]) и уже болѣе 40 лѣтъ какъ отсель перешелъ въ Молдавію, тамъ женился и занимался торговымъ промысломъ, и въ 1818 году померъ. Такихъ, здѣсь рожденныхъ и въ Молдавіи значительною торговлей занимающихся липовановъ и теперь есть очень много. О томъ, имѣю ли дѣйствительно имѣніе, прошу спросить здѣшнюю громаду, которая моего покойнаго отца и его имѣніе совершенно знаетъ, и можетъ подтвердить, что я дѣйствительно отъ онаго 5.000 левовъ серебромъ въ наслѣдство получилъ, и эту сумму, 13-го сентября 1843 года, здѣшнему липованскому монастырю подарилъ, будучи членомъ сего монастыря.“[2]) Показаніе Алимпія, согласно его характеру, отличалось еще большей отвагой,—онъ смѣло утверждалъ, что отецъ его, Савва Милорадовъ, умершій въ 1837 году въ Бессарабіи, оставилъ ему въ наслѣтство даже 8.500 левовъ серебромъ, на что впрочемъ письменныхъ документовъ у него—Алимпія Милорадова не имѣется; а въ подтвержденіе того, что онъ дѣйствительнно получилъ въ наслѣдство деньги, изъ которыхъ пожертвовалъ монастырю 5.000 левовъ, ссылался также на свидѣтельство мѣстныхъ

---

[1]) Сказать, что отецъ родился въ австрійскихъ владѣніяхъ, Павлу было необходимо для того, чтобы доказать свое право на жительство въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, о чемъ и въ рекурсѣ сказано было: „если нѣкорые (бѣлокриницкіе иноки) и пришли изъ-за границы, то все-таки *рождены отъ австрійскихъ подданныхъ* и потому, согласно § 28 гражданскихъ законовъ, владѣютъ правами австрійскаго подданнаго и гражданина“.

[2]) Протов. слѣд. ком. 1844, §§ 9 и 10 (*Бѣлокр. архивъ*).

липованъ.[1]) Коммиссія предложила депутатамъ бѣлокриницкой громады подтвердить эти показанія; депуттаты отвѣчали: „Мы подтверждаемъ, что истинно объявленіе иноковъ Павла Васильева и Алимпія Милорадова касательно ихъ происхожденія и наслѣдственныхъ обстоятельствъ, съ тѣмъ, что кто знаетъ положеніе здѣшнихъ липованъ, тотъ не будетъ сомнѣваться, что оные, отъ здѣшнихъ липовановъ происходящіи иноки такія суммы въ наслѣдствіе получили и въ состояніи по 5.000 левовъ серебромъ здѣшнему монастырю подарить: въ здѣшнихъ громадахъ находятся липованы, кои промысломъ и торговлей болѣе 10.000 левовъ пріобрѣли."[2]) Наконецъ, для соблюденія формальной правильности допроса, крайскоммиссаръ произвелъ о доставшихся Павлу и Алимпію наслѣдствахъ официіальную справку въ дѣлахъ думеніи Гадикъ-Фальва, и на основаніи этой справки сдѣлалъ въ протоколѣ слѣдующее оригинальное заключеніе: „Касательно подтвержденія объявленія о наслѣдственныхъ суммахъ Павла Васильева и Алимпія Милорадова подписавшійся коммисаръ дѣлалъ разсмотрѣніе въ наслѣдственныхъ актахъ по умершихъ липованахъ селеній Бѣлой-Криницы и Климоуцъ; но нигдѣ именъ родителей

---

[1]) Тамъ же, § 11. Любопытства ради приводимъ вполнѣ и это курьёзное показаніе: „Я называюсь Алимпій Милорадовъ; родился въ Бѣлой-Криницѣ; 39 лѣтъ, старовѣрскаго закона; есть инокъ здѣшняго монастыря. Мой отецъ Савва Петровъ, сынъ Петра Милорадова, моего дѣда, померъ тому лѣтъ 12 въ Бессарабіи. Онъ былъ здѣшній урожденный липованъ, а отецъ его тому 56 лѣтъ сюда прибылъ. Онъ церковныя книги переписывалъ, женился въ Бѣлой-Криницѣ и жилъ переплетчикомъ книгъ. По смерти моей матери, онъ поступилъ въ здѣшній монастырь, въ постриженіи названъ инокъ Симеонъ Петровъ. Онъ жилъ 14 лѣтъ въ здѣшнемъ монастырѣ инокомъ; послѣ перешелъ въ Молдавію и меня взялъ съ собою. Въ теченіе времени сдѣлали его настоятелемъ Серковскаго монастыря. Тамъ жилъ 10 лѣтъ въ монастырѣ онъ очень экономно и въ наслѣдство полученное имъ отъ дѣда моего имѣніе еще умножилъ. Въ 1832 году отецъ мой въ Бессарабіи въ монастырѣ померъ, оставивъ мнѣ въ наслѣдство словеснымъ распоряженіемъ 8.500 левовъ серебромъ. На это я письменныхъ документовъ не имѣю, однакожъ на здѣшнюю отношусь громаду, которая подтвердитъ, что я сіи 5.000 левовъ серебромъ, которые я здѣшнему липовановскому монастырю документально подарилъ, дѣйствительно въ наслѣдство отъ отца моего получилъ."

[2]) Тамъ же, § 12.

ихъ не нашелъ: потому и ихъ объявленіе, подтвержденное бѣлокриницкою громадой, что родители ихъ за границей померли, есть достовѣрно."[1]) Для того именно Павелъ съ Алимпіемъ и показали своихъ вымышленныхъ родителей-липованъ умершими за границей, въ Молдавіи и Бессарабіи, чтобы сдѣлать безопасными всякія справки; но выводъ, къ какому пришелъ крайскоммиссаръ, не отыскавъ въ дѣлахъ думеніи никакихъ свѣдѣній о Васильѣ Ѳедотовѣ и Саввѣ Милорадовѣ, все-таки представляется совершенно не ожиданнымъ и, очевидно, внушенъ ему тѣмъ же благоснисхожденіемъ къ Бѣлокриницкой обители, съ какимъ производилъ онъ и прежнее и настоящее слѣдствія.

Продолжая до конца это благоснисхожденіе, крайскоммиссаръ въ заключеніе всѣхъ протоколовъ сдѣлалъ такой общій отзывъ о липованахъ: „Они ведутъ жизнь очень религіозно и богобоязно. Громада Бѣлой-Криницы имѣетъ богатую церковь съ куполами, устроенную собственнымъ коштомъ, по подобію какъ и прочія старогреческія церкви, съ богатымъ внутреннимъ украшеніемъ. И громада Климоуцъ тоже имѣетъ церковь и каплицу; и громада Мехидра тоже имѣетъ свою каплицу. Впрочемъ каждый липованъ въ своемъ порядочномъ домѣ имѣетъ образами и прочимъ прибором украшенную божницу, которая у него въ весьма высокомъ почтеніи. Каждый липованъ, входя въ домъ, дѣлаетъ на себѣ рукой крестъ и говоритъ: *Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ*. Тоже самое говоритъ прежде всякаго яденія и питія. И ни одинъ липованъ ни трубки не куритъ, ни табаку не нюхаетъ, такъ что даже и въ домахъ ихъ этого дѣлать не позволено. Содержаніе поста строжайше наблюдаютъ, и въ теперешнемъ великомъ постѣ они теплой стравы не ѣдятъ, а ѣдятъ капусту квашенную и огурцы, и то только одинъ разъ въ день. Въ ихъ домахъ вездѣ особливая чистота: они имѣютъ около постелей и предъ иконами занавѣсы, столы покрываютъ хорошими

---

[1]) Тамъ же, § 18.

скатертями; народъ очень старательный и промышленный и всегда встаютъ на работы очень рано“ [1]).

IX. Итакъ, оба коммиссіонныя слѣдствія произведены барономъ Кане какъ нельзя болѣе благопріятно для учредителей старообрядческаго архіерейства въ Бѣлой-Криницѣ. Теперь они ясно видѣли, что повредить ихъ дѣлу губернія не можетъ, что благодаря покровительству крайзамта и его коммиссаровъ, дѣло это съ формальной стороны не представляетъ уже ничего сомнительнаго въ тѣхъ пунктахъ, относительно которыхъ, и только ради формы, предписано было изъ Вѣны навести нужныя справки, что поэтому всякое дальнѣйшее противодѣйствіе губерніи уже весьма легко будетъ представить благоснисходительнымъ столичнымъ властямъ, какъ явное притязаніе и притѣсненіе со стороны губернскаго начальства.... И теперь, дѣйствительно, бѣлокриницкое братство стало вести себя въ отношеніи къ губерніи съ особенной смѣлостью и самоувѣренностью. Какъ только слѣдственная коммиссія заключила свои занятія, и протоколы ея, вмѣстѣ съ „отыскавшимся протоколомъ Вагнера“ [2]), были отосланы во Львовъ, туда же отправились депутаты Бѣлокриницкаго монастыря Павелъ и Алимпій. Они подали „высокославной губерніи“ просьбу, въ которой между прочимъ доказывали, что ея рѣшеніе — уничтожить Бѣлокриницкій монастырь несправедливо, что изъ доставленныхъ въ настоящее время крайзамтомъ актовъ и протоколовъ она сама должна видѣть, что „монастырь изначала съ вѣдома правительства въ Буковинѣ основался и уже около шестидесяти лѣтъ тамъ существуетъ“, и назначеніемъ его служитъ „не одно только упражненіе въ богомысліи (контемплятивѣ), а совсѣмъ напротивъ, какъ обстоятельно объяснено сіе въ *рекурсѣ*“. Самая же просьба состояла въ томъ, чтобы губернія „*по крайней мѣрѣ теперь* вошла въ

---

1) Тамъ же, § 27. Всѣ эти подробности, со включеніемъ даже молитвы Іисусовой, въ выраженіяхъ исключительно употребляемыхъ старообрядцами, указаны и изложены, безъ сомнѣнія, Павломъ, хотя крайскомиссаръ и заключилъ свой протоколъ словами: „все таковое самъ видѣлъ.“

2) Объ этомъ упоминается въ протоколахъ коммиссіи 1844 года, § 1.

надлежащее разсмотрѣніе крайнѣйшихъ духовныхъ нуждъ липованскихъ громадъ и желаніе ихъ (относительно монастыря и епископа) удовлетворила" [1]). Тогда же Павелъ и Алимпій подали особое прошеніе „президенту губерніума" барону фонъ-Гохфельду. Объяснивъ кратко обстоятельства дѣла, поступившаго, послѣ двухъ коммиссіонныхъ слѣдствій, опять въ губернію на разсмотрѣніе, они писали: „изъявите, ваше превосходительство, съ своей стороны отеческое ваше благоволеніе къ безпрепятственному исполненію нашего прошенія (о монастырѣ и епископѣ), ибо удовлетвореніемъ этой покорнѣйшей нашей просьбы отнюдь не можетъ причиниться никакого вреда или ущерба ни общему благу государства, ниже частнымъ какимъ лицамъ, но паче будетъ сугубая польза — государству благочиніе, а самимъ обществамъ нашимъ отъ толикихъ настоящихъ духовныхъ бѣдствованій вожделѣнное спокойствіе, за что всѣ наши общества съ незабвеннымъ чувствованіемъ останутся къ вамъ на вѣки благодарны, а Всевышній Творецъ возвеличитъ славу вашего высокопревосходительства въ благоцвѣтущемъ блистаніи на многая лѣта" [2]). Но губернское начальство, на основаніи вѣрныхъ, хотя неофиціальныхъ свѣдѣній, будучи убѣждено въ фальшивости всего затѣяннаго въ Бѣлой-Криницѣ дѣла и хорошо зная о самозванствѣ самихъ бѣлокриницкихъ депутатовъ, не хотѣло имѣть и сношеній съ этими заграничными выходцами, такъ нагло выдающими себя за природныхъ липованъ: никакого отвѣта на ихъ прошенія изъ губерніи не послѣдовало. Однакоже, по полученіи протоколовъ второй слѣдственной коммиссіи, здѣсь не могли не видѣть, что дальнѣйшія усилія воспрепятствовать ихъ затѣямъ будутъ безполезны, и что во всякомъ случаѣ по этому непріятному дѣлу необходимо дать отзывъ въ императорскую гофъ-канцелярію. Къ боль-

---

[1]) Выписка изъ этого прошенія приведена въ промеморіи, вскорѣ потомъ поданной въ гофъ-канцелярію (*Бѣлокр. архивъ*).

[2]) *Бѣлокр. архивъ.* На этомъ прошеніи рукой Павла сдѣлана помѣтка: „составлено марта 1-го дня 1844 года (то-есть спустя недѣли три по окончаніи послѣдняго коммиссіоннаго слѣдствія), а подано...."

шему огорченію людей, защищавшихъ интересы православія и ясно понимавшихъ намѣренія учредителей старообрядческой іерархіи въ Буковинѣ, въ это именно время скончался одинъ изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ бѣлокриницкой затѣи—г. Бѣлявскій, завѣдывавшій въ губерніи дѣлами иностранныхъ религій, каковое событіе благочестивое братство Бѣлокриницкой обители привѣтствовало, напротивъ, какъ благое для нихъ предзнаменованіе [1])....

Между тѣмъ Павелъ и Алимпій, не получая въ губерніи отвѣта на свои прошенія, успѣли однакожь узнать, что дѣло ихъ, со всѣми документами, *рекурсомъ*, *уставомъ* и пр. уже отправлено въ гофъ-канцелярію [2]). Какое при этомъ губернія постановила рѣшеніе, въ точности развѣдать они не могли; но уже тѣмъ однимъ, что поданныя ими просьбы оставлены безъ всякаго отвѣта и относительно всего дѣла соблюдается таинственность, возбуждалось подозрѣніе, что рѣшеніе послѣдовало опять не въ ихъ пользу. По сему случаю они сами немедленно отправились въ Вѣну. Здѣсь имъ также, повидимому, не удалось собрать точныхъ свѣдѣній объ отвѣтѣ присланномъ изъ губерніи и только на основаніи указанныхъ выше соображеній о неблагопріятномъ его содержаніи составлена была, очевидно, съ помощію вѣнскаго адвоката, „промеморія“, которую они и подали въ императорскую гофъ-канцелярію. „Мы *полагаемъ* (говорилось въ промеморіи), что губернія и теперь представляемыя ду-

---

1) Вотъ что̀, напримѣръ, писалъ объ этомъ Геронтій: „Тако въ нашу пользу и вторая коммиссія порученіе своего дѣла кончила и губерніалу сіе доставивъ. По полученіи же сего коммиссіоннаго достовѣрнаго свѣдѣнія, губерніальный интереса нашего соперната (sic), иностранныхъ религій духовныхъ дѣлъ рефферендъ, господинъ Бѣлявскій, коему процессъ нашего дѣла принадлежалъ, не терпя отъ лилованъ побѣжденна себе зрѣти, сей убо дипломатъ (?) и духовному своему отцу успѣлъ ли отнестися, не вѣмъ, Богъ вѣсть, но на другой же день не явился въ свою канцелярію, но поспѣшилъ отъ должности своея удалиться на вѣчную свою дачу, юже въ семъ житіи геройствомъ своимъ стяжавъ....“ (*Памятникъ*, рукоп. писанная въ Шлиссельбургѣ.)

2) Въ промеморіи они писали: „губернія, отправивъ дѣло ко двору, намъ на прошеніе наше *ничего не объявила*.“

ховныя нужды старовѣрцевъ въ резонъ не принимаетъ. Слѣдовательно она не хочетъ соблаговолить того, чтобы мы, вѣрноподданные австрійскому скипетру, удовлетворялись своимъ покоемъ и устройствомъ благочинія, безъ заимствованія изъ чужихъ краевъ для удовлетворенія духовной нужды, но оставляетъ старовѣрцамъ то, что доселѣ было, то-есть завсегда заимствоваться священниками изъ Россіи, которыхъ они съ великимъ изнуреніемъ оттоль доставали посредствомъ своихъ единовѣрныхъ обществъ... Теперь же Россія приняла строгія мѣры не только въ охраненіи границы, но даже и самыя тѣ въ Россіи единовѣрныя съ нами общества, сверхъ существующихъ первыхъ священниковъ,[1]) вновь болѣе имѣть у себя таковыхъ уже позволенія не имѣютъ. Потому теперь здѣсь нашимъ старовѣрцамъ настоитъ въ священствѣ наибольшая нужда, какъ именно изъяснено въ нашемъ *рекурсѣ*. Итакъ, если не позволяется старовѣрцамъ, на правилахъ въ монастырскомъ уставѣ изображенныхъ, имѣть своего святителя: слѣдовательно не позволяется имъ имѣть и параxіальныхъ священниковъ, и монастыря, и настоятеля и самыхъ даже иноковъ. Поелику всѣ сіи происходятъ только отъ святителя; святитель же, по нашей религіи, происходитъ изъ чина иноческаго. А подъ симъ непозволеніемъ епископа разумѣется, что старовѣрцы теперь уже или изгоняются изъ Австрійскаго государства, или принуждаются перейти въ иную религію. Такое принужденіе совершенно противно дарованной имъ всевысочайшей привилегіи, въ которой позволена имъ неограниченная вольность религіи и духовенства, и не только таковой привилегіи, но даже и общему толеранцъ-патенту.“ Почти то же самое, какъ мы видѣли, говорилось и въ рекурсѣ, но не такъ смѣло и рѣшительно, какъ теперь. А вотъ и новое возраженіе противъ предполагаемыхъ притязаній губерніи, уже прямо заимствованное просителями изъ современныхъ обстоятельствъ дѣла и опять высказанное съ тою твердостью, какую давала имъ теперь увѣренность въ

[1]) Здѣсь, очевидно, разумѣются бѣглые попы, дозволенные указомъ 26 марта 1822 года.

несомнѣнномъ успѣхѣ ихъ просьбы „Не затрудняется ли губернія (говорилось дальше въ промеморіи) на позволеніе старовѣрцамъ своего святителя развѣ тѣмъ, что они не имѣютъ въ своихъ обществахъ много числа народу, или опасается недостатка въ фундусѣ на всегдашнее содержаніе святителя? Но самыя правила старовѣрческой религіи не позволяютъ излишней роскоши имѣть святителю, что̀ явствуетъ въ нашемъ монастырскомъ уставѣ (приложенномъ при *рекурсѣ*, поданномъ его величеству), въ *Предметѣ о святителѣ*. Святитель долженъ быть у насъ, по̀ образу древнихъ святыхъ іерарховъ, подражая начальнику вѣры Іисусу Христу, въ самоумѣренномъ смиреніи, то-есть во всѣхъ житейскихъ потребахъ такъ, какъ нынѣ есть нашего монастыря настоятель; но только святитель отличенъ будетъ саномъ и свѣтлыми церковными облаченіями во время богослуженія. *А на таковое содержаніе одинъ монастырь нашъ есть въ состояніи, обществы же сверхъ того во всякомъ случаѣ обязались быть готовыми на помощь, что̀ правительство можетъ видѣть изъ коммиссіонныхъ протоколовъ.* Уповательно же, что и здравое разсужденіе правительства можетъ разпознать сущность сего дѣла, какъ самая естественность показываетъ потребу, яко не для святителя есть народъ, но для народа святитель необходимо есть нуженъ. Да и законъ христіанскій никакъ не судитъ, якобы только во множественномъ числѣ народу потребно имѣть благочиніе, а въ маломъ не потребно. Ибо въ прежніе вѣка вселенская церковь не взирала на число народа, но судила предстоящія въ нихъ нужды, такъ что въ царство Авреліана, 5575 (267) года, Григорій Неокесарійскій былъ поставленъ епископомъ въ Неокесарію, гдѣ имѣлось христіанъ всего только осьмнадцать человѣкъ. Слѣдовательно лучше быть хотя малому числу народа, но въ благочиніи, нежели и малому и не въ благочиніи. А также извѣстно есть изъ церковной исторіи, что въ древности, даже и кромѣ нужныхъ случаевъ, при самомъ полномъ господствованіи вселенской церкви, права позволяли сверхъ градскихъ епископовъ устроять и въ селахъ особые епископы, какъ явствуетъ изъ соборныхъ правилъ: 8 пр. 1-го Никейскаго вселенскаго собора и прочихъ,

Антіохійскаго пр. 13 и 20, Неокесарійскаго пр. 13 же, и Анкирскаго пр. 13". [1])

Промеморія подана была въ іюнѣ мѣсяцѣ. Спустя немного времени изъ губерніи присланъ былъ въ гофъ-канцелярію новый отзывъ по дѣлу о липованскомъ монастырѣ и епископѣ. Губернія наконецъ принуждена была сдѣлать уступку,—дала мнѣніе, что просьбу липованъ о дозволеніи монастыря въ Бѣлой-Криницѣ можно уважить; но вмѣсто просимаго ими епископа полагала достаточнымъ дозволить липованамъ имѣть въ монастырѣ настоятеля и священниковъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ губернскомъ опредѣленіи, Павелъ и Алимпій, все еще жившіе въ Вѣнѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ подали на имя президента императорской гофъ-канцеляріи графа Инцаги новую промеморію. Они объясняли, что настоятелей Бѣлокриницкій монастырь имѣетъ и имѣлъ издавна; но поставлять священниковъ липованамъ, въ чемъ эти послѣдніе, какъ признала и сама губернія, крайне нуждаются, настоятель монастыря не можетъ, ибо право сіе принадлежитъ только однимъ епископамъ. „Почему (писали они дальше) мы въ обязанность себѣ поставляемъ *настаивать*, чтобы намъ для посвященія потребныхъ священниковъ дозволено было на все будущее время имѣть если не обергирта, то хотя консекратора", что̀ будетъ согласно и всевысочайшей привилегіи, „въ которой вольное нашей ре-

---

[1]) *Бѣлокр. архивъ.* Павелъ и Алимпій были уже такъ увѣрены въ скоромъ и счастливомъ окончаніи ихъ дѣла, что въ *промеморію* хотѣли даже внести слѣдующую просьбу: „Титуловать нашъ монастырь и будущаго святителя, согласно всевысочайшей привилегіи, даже и самой нашей религіи, старовѣрческими, а не по простонародному названію — липованскими. Ибо то названіе липованами произошло не отъ существа нашей вѣры, ниже отъ предводителей, коими основалась осѣдлаиность старовѣрцевъ въ Буковинѣ, но можетъ-быть только со взгляду отъ сосѣдственныхъ польскихъ, или прусскихъ филиппоновъ, которые также называются липованами.... Но филиппоны не одного съ нами содержанія религіи: они не признаютъ главныхъ таинъ церковныхъ, какъ-то: священства, мѵропомазанія, священнодѣйствія; наша религія отстоитъ отъ той секты филиппоновъ, подобно какъ римско-католическая религія отстоитъ отъ прочихъ сектовъ протестантскихъ, Лютера и Кальвина". Однакоже вся эта статья въ находящемся у насъ спискѣ промеморіи зачеркнута, — назначена къ исключенію.

лигіи содержаніе намъ допущено“, равно какъ и средствамъ монастыря будетъ соотвѣтствовать, ибо „мы своимъ коштомъ консекратора содержать въ состояніи“. Здѣсь наконецъ они просили, ихъ будущаго епископа, а равно и самый обрядъ ихъ. не называть „по простонародному *липованскимъ*, какъ называетъ высокая губернія („противъ каковаго названія, ошибочнаго и фальшиваго, они усиленно протестуютъ“), а именовать *старовѣрческимъ*, каковое названіе употреблено и въ высочайшей привилегіи.“ 1)

X. Цѣлый годъ прошелъ съ того времени, какъ Павелъ и Алимпій пріѣзжали первый разъ въ Вѣну и были такъ милостиво, такъ внимательно приняты высшими чинами имперіи и самимъ императоромъ Фердинандомъ. Оказалось, что въ теченіе этого времени расположеніе къ нимъ высокихъ персонъ ни мало не охладѣло: ихъ промеморіи и личныя просьбы были приняты и теперь съ прежней благосклонностью. И такъ какъ изъ присланныхъ губерніей документовъ оказывалось, что относительно тѣхъ пунктовъ, по которымъ предписано было произвести справки, двѣ слѣдственныя коммиссіи ничего сомнительнаго не нашли, то императорская гофъ-канцелярія постановила, вопреки мнѣнію губерніи, рѣшить дѣло о липованскомъ монастырѣ и о епископѣ согласно прошенію бѣлокриницкихъ депутатовъ.[2]) Въ то время императора Фердинанда не было въ Вѣнѣ,—онъ осматривалъ войска въ Венгріи: туда на высочайшее утвержденіе и было послано состоявшееся по липованскому дѣлу опредѣленіе.[3]) Здѣсь-то, 6го (18го) сентя-

---

1) Промеморія гр. Инцаги (*Бѣлокр. архивъ*).

2) Принятію такого рѣшенія много содѣйствовали, безъ сомнѣнія, указанныя выше враждебныя для Россіи политическія соображенія. Надеждинъ рѣшительно утверждаетъ, что умыселъ раскольниковъ увѣнчался успѣхомъ „вслѣдствіе тайнаго сочувствія къ нему со стороны австрійскаго правительства, угадавшаго тутъ недобрую будущность для православія вообще и для православной Россіи въ особенности“; въ этомъ, прибавляетъ Надеждинъ, сознался ему, „въ дружески откровенной бесѣдѣ, самъ преосвященный Евгеній, епископъ черновицкій“ (Кельс. *Сбор*. ч. I, стр. 103).

3) Извѣстіе объ этомъ находимъ у Геронтія. Вотъ какъ витійствовалъ онъ, воспоминая въ Шлиссельбургской крѣпости достигнутые тогда успѣхи: „Высоко и шумно интересъ дѣла нашего возлетѣлъ, и яко изъ фонтана клу-

бря 1844 года, императоръ Фердинандъ подписалъ наконецъ слѣдующаго содержанія декретъ объ учрежденіи въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческой архіерейской каѳедры:

„По прошенію липованской громады и старовѣрческихъ иноковъ Бѣлой-Криницы,

„а) всемилостивѣйше дозволяется привезти изъ-за границы одно духовное лицо, именно архипастыря, или епископа, съ тѣмъ что онъ можетъ преподавать находящимся въ Бѣлой-Криницѣ липованскимъ инокамъ высшее посвященіе и имѣетъ еще поставить себѣ преемника, который также долженъ будетъ поставлять священниковъ, равно какъ избрать и посвятить преемника себѣ. Однакоже имѣющее теперь прибыть изъ-за границы духовное лицо обязуется прежде вступленія въ должность, чрезъ посредство губерніи, сообщить гофъ-канцеляріи о своемъ имени, чтобы можно было дипломатическимъ путемъ собрать о немъ свѣдѣнія и удостовѣриться, что никакихъ сомнѣній относительно его не существуетъ.

„А такъ какъ по правиламъ греко-восточнаго обряда высшее духовенство можетъ быть производимо только изъ монаховъ, то его величество

„б) всемилостивѣйше соизволяетъ дальнѣйшее существованіе издавна находящагося въ Бѣлой-Криницѣ монастыря утвердить.[1])

бомъ источникъ живыя воды испусти, и яко наводненная рѣка быстро дѣла нашего интересъ потекъ и скоро высочайшей дистанціи достигъ. Но тамо его императорскаго величества присутствія зрѣти не улучилъ, и паки стремглавъ теченіе свое направи вслѣдъ его императорскаго величества гнати, и яко рѣка наводненна быстро текуще, своего предѣла достигше, въ море впадаетъ, сице и нашего дѣла интересъ въ моневрахъ венгерской арміи на смотру его императорскаго величества достигъ, гдѣ и предѣлъ приказомъ его императорскаго величества резолюцію себѣ получилъ“ (*Памят.*).

[1]) Текстъ императорскаго декрета приведенъ въ увѣдомленіи, выданномъ изъ крайзамта депутатамъ Бѣлокриницкаго монастыря за №№ 19.997. Ради особенной важности этого документа для исторіи бѣлокриницкой іерархіи, приводимъ здѣсь и нѣмецкій текстъ его: Ueber das Gesuch der Lippowaner Gemeinde und der Altgläuber Mönche in Fontina-alba a) die Einführung eines ausländischen Geistlichen, als Oberhirten, oder Weihbischof allergnädigst zu

Въ первомъ изъ этихъ пунктовъ, который собственно и составляетъ законное (въ отношеніи къ государственной власти) основаніе существующей доселѣ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческой архіерейской каѳедры, заслуживаютъ особеннаго вниманія два слѣдующія обстоятельства: 1) епископу, котораго дозволено привезти изъ-за границы, императорскимъ декретомъ предоставлялось право рукополагать въ священныя степени собственно *липованскихъ иноковъ, находящихся въ Бѣлой-Криницѣ*, то-есть, по точному смыслу этихъ словъ, не давалось ему права посвящать мірянъ, хотя бы они были липоване и жили въ Бѣлой-Криницѣ, а также и самыхъ иноковъ, если они по происхожденію не липоване и живутъ не въ Бѣлой-Криницѣ; 2) о личности епископа, который привезенъ будетъ изъ-за границы, предписывалось собрать дипломатическимъ путемъ свѣдѣнія, не имѣется ли относительно его какихъ-либо сомнѣній, то-есть, въ отправленіе своей должности у липованъ, по смыслу этой статьи, могъ онъ вступить тогда только, когда по наведеніи точныхъ справокъ не окажется никакихъ относительно его сомнѣній. Условія, очевидно, стѣснительныя для бѣлокриницкихъ учредителей архіерейства. Павелъ, безъ сомнѣнія, понималъ это очень хорошо; но хлопотать объ отмѣнѣ этихъ стѣснительныхъ условій уже было невозможно, да и крайней

---

genehmigen geruhet, der den in Fontina-alba befindichen Lippowaners Mönchen die höheren Weihen zu ertheilen im Stande ist, und der zugleich seinen Nachfolger zu ordiniren hätte, welcher dann wieder zur Priesterweihe, so wie zur Benennung und Ordinazion seines Nachfolgers befähiget wäre. Doch ist der gegenwärtig aus dem Auslande einzuführende Priester mittelst des Guberniums der Hofkanzlei vorläufig namhaft zu machen, um über denselben im diplomatischen Wege Auskünfte einholen, und sich so von dessen Unbedenklichkeit die Ueberzeugung verschaffen zu können. — Nachdem aber nach den Satzungen des griechisch-orientalischen Ritus die höhere Geistlichkeit nur aus den Mönchen hervorgehen kann, so haben Seine Majestät b) sich allergnädigst bewogen befunden den Fortbestand des in Bialo-Kiernica seit vielen Jahren befindlichen Klosters su genehmigen. Объ этомъ самомъ декретѣ упоминается въ напечатанномъ у Кельсіева „проектѣ меморіи“ нашего правительства австрійскому, составленномъ въ августѣ 1847 года (*Сбор*. Кел. ч. I, стр. 150); но число, когда послѣдовало изданіе декрета, здѣсь указано не совсѣмъ вѣрно, именно 12 (24) сентября вмѣсто 6-го (18-го) сентября.

надобности, по его мнѣнію, не представлялось, такъ какъ достигнувъ самаго главнаго, получивъ дозволеніе имѣть епископа въ Бѣлой-Криницѣ, онъ надѣялся, при своей ловкости въ дѣлахъ подобнаго рода, съ остальными затрудненіями справиться легко....

О состоявшемся высочайшемъ рѣшеніи по дѣлу о липованскомъ монастырѣ и епископѣ императорская гофъ-канцелярія, указомъ отъ 17-го (29-го) сентября, сообщила для зависящихъ распоряженій губерніи, причемъ съ своей стороны предписывала имѣть въ виду, „что иноки и липованское общество обязались: а) монастырь и епископа содержать на собственныя средства, не требуя отъ правительства никакой помощи, б) собственнымъ коштомъ устроить въ Бѣлой-Криницѣ и содержать сельскую школу“ [1]); за исполненіемъ этого послѣдняго обязательства гофъ-канцелярія предписывала губернскому начальству имѣть особенный надзоръ. О всѣхъ этихъ рѣшеніяхъ и распоряженіяхъ верховной власти губернія въ свою очередь сообщила буковинскому крайзамту, и наконецъ сей послѣдній имѣлъ удовольствіе офиціально увѣдомить депутатовъ Бѣлокриницкаго монастыря, иноковъ Павла Васильева и Алимпія Милорадова, присовокупляя, что имъ поставляется въ обязанность, какъ только найденъ будетъ дозволенный епископъ, донести о немъ чрезъ посредство крайзамта губерніи, съ точнымъ обозначеніемъ, гдѣ епископъ сей въ послѣднее время находился (mit genauer Angabe, wo sich derselbe zuletzt aufhielt), дабы можно было приступить къ дальнѣйшимъ относительно его распоряженіямъ [2]). Тогда же крайзамтъ препроводилъ

1) Das Gubernium in die Kentniss gesetzt, dass da sich die Mönche und Lippowaner Gemeinde erklärt haben a) das Kloster und den Weihbischof aus eigenen Mitteln zu erhalten ohne hiezu einen Reitrag von der Regirung ansprechen zu wollen, und zugleich b) sich verpflichteten eine Dorfschule im Orte auf eigene Kosten errichten und unterhalten zu wollen, auch in letzter Beziehung die geeignete Ueberwachung einzuleiten sei.

2) Изъ губерніи крайзамту предписаніе дано отъ 22-го сентября (4-го октября) 1844-го года, за № 63.748, а изъ крайзамта увѣдомленіе въ Бѣлокриницкій монастырь послано 1-го (12-го) ноября, за № 19.997. Подлинное увѣдомленіе, которымъ мы здѣсь пользовались, тщательно переписанное

въ монастырь и возвращенный изъ Вѣны подлинный экземпляръ устава, *для храненія* при монастырскихъ актахъ и *для руководства*" (zur Aufbewahrung in den Kloster-Acten und zur Richtschnur) [1]).

„Такъ совершилось,—говоритъ ученый наблюдатель, посѣтившій Буковину вскорѣ послѣ описаннаго нами времени, — такъ совершилось событіе, до сихъ поръ небывалое въ мірѣ раскольничьемъ и такое, о какомъ раскольники не смѣли и помышлять въ самыхъ дерзкихъ, въ самыхъ заносчивыхъ мечтаніяхъ ... Благоустроенное, могущественное государство, какова Австрія, торжественно даруетъ имъ всѣми формами гражданской законности обезпеченную епископскую каѳедру, и слѣдовательно расколъ, доселѣ пресмыкавшійся темной, отверженной сектой, возводитъ на степень офиціально признанной церкви! Понятно, какой восторгъ, какое потрясеніе должно было произвесть это во всемъ мірѣ раскольничьемъ. У буковинскихъ раскольниковъ, по общему отзыву туземцевъ, съ тѣхъ поръ обнаружилось чрезвычайное одушевленіе и движеніе. Я самъ, посѣщая ихъ, былъ лично свидѣтелемъ, что у нихъ только и мыслей, только и рѣчей, что о будущемъ архіереѣ" [2])....

Но если кто имѣлъ тогда всѣ основанія торжествовать и ликовать, то именно Павелъ и его сотрудники. Четырехлѣтніе постоянные, можно сказать, неусыпные хлопоты,

---

на большомъ листѣ, находится въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ*; есть и переводъ, писанный Алимпіемъ, тотъ самый, что̀ напечатанъ въ павловой *церковной исторіи* (стр. 176—179).

[1]) По полученіи устава, на немъ сдѣлана была рукою Алимпія слѣдующая надпись. „Сей монастырскій уставъ, бывъ представленъ въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго 1843 года чрезъ монастырскихъ депутатовъ иноковъ Алимпія Милорадова и Павла Васильева при рекурсѣ въ собственныя руки его величества государю царю Фердинанду 1-му, который нынѣ по всевысочайшему его величества рѣшенію, отъ 16 сентября 1844 года, чрезъ губернію изъ буковинскаго крайзамта сего же 1844 года 12 ноября за № 19.997 обратно въ Бѣлокриницкій монастырь для сохраненія въ монастырскихъ актахъ и руководства принялъ настоятель монастыря *инокъ Геронтій*" (собственноручно).

[2]) Надеждинъ, въ Запис. о загранич. раскольникахъ (*Сбор*. Кельс. ч. 1. стр. 106).

сопряженные со столькими трудами, опасностями и страхами, на которые потрачено столько ума и краснорѣчія, столько отваги и смѣлости, столько лжи и разныхъ обмановъ, наконецъ увѣнчались вожделѣннымъ успѣхомъ! Предпріятіе, къ которому Павелъ считалъ себя призваннымъ свыше, составившее задачу и интересъ всей его жизни наполовину осуществилось! Павелъ и Геронтій съ братіей, дѣйствительно, ликовали; но среди ликованій твердо помнили и то, что время полнаго торжества и покоя все еще не наступило, что въ будущемъ предстоитъ еще много разнаго рода трудовъ И прежде всего имъ предстояли заботы о приведеніи Бѣлокриницкаго монастыря въ приличный для епископіи видъ, о матеріальномъ обезпеченіи и на будущее время дозволеннаго правительствомъ существованія Бѣлокриницкой архіерейской каѳедры, всего же болѣе объ отысканіи и пріобрѣтеніи самаго лица, которое бы заняло эту каѳедру и начало собою рядъ бѣлокриницкихъ „древлеправославныхъ“ іерарховъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I. Сношенія Павла и Геронтія съ русскими старообрядцами по дѣлу объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ: поѣздка Павла съ Алимпіемъ въ Москву и Петербургъ. II. Поѣздка Геронтія въ Россію и путешествіе Павла съ Алимпіемъ по славянскимъ землямъ. III. Заботы о приведеніи Бѣлокриницкаго монастыря въ приличное для епископіи устройство; священноинокъ Іеронимъ и попъ Алексѣй. IV. Отъѣздъ Павла и Алимпія въ странствіе по Востоку: Мануиловка и Яссы. V. Некрасовскія селенія: краткая ихъ исторія и пребываніе тамъ Павла и Алимпія. VI. Тульча и Константинополь: сношенія съ польскими эмигрантами. VII. Путешествіе по Сиріи и Палестинѣ; пребываніе въ Іерусалимѣ. VIII. Отъѣздъ изъ Іерусалима; Суесъ, Каиръ и Александрія; плаваніе по Средиземному морю и дарданельской карантинъ.

I. Въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, пока шло дѣло о дозволеніи устроить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческую архіерейскую каѳедру, среди хлопотъ то въ крайзамтѣ, то въ губерніи, то въ столицѣ, Павелъ и Геронтій вели постоянныя сношенія съ тѣми вліятельными лицами россійскихъ старообрядческихъ обществъ, которыми были, такъ сказать, уполномочены на веденіе дѣла, восходившаго до „высокославныхъ“ министерствъ и даже до высочайшаго императорскаго трона. Къ великому ихъ огорченію, вскорѣ же послѣ того, какъ начали они это дѣло, послѣдовала смерть лица, бывшаго главою предпріятія, — умеръ знаменитый „гильдіецъ“ Сергѣй Громовъ. Для Павла съ Геронтіемъ это была дѣйствительно тяжелая потеря и много внушала опасеній за дѣло, начатое по прямому порученію Громова, за его ручательствомъ — доставлять имъ всякую помощь — и своимъ заступленіемъ предъ россійскими властями, и своимъ вліяніемъ на старообряд-

ческія общества, и особенно своими матеріальными средствами; но о прекращеніи начатаго дѣла они и теперь не допускали даже и мысли, почитая дѣло сіе, какъ выше показано, призваніемъ ихъ жизни, свыше предназначеннымъ для нихъ подвигомъ; и къ тому же — питая твердую надежду на россійскихъ старообрядцевъ, на ихъ никогда неизсякающую готовность жертвовать отъ своихъ стяжаній на нужды „христіянства". Они расчитывали частію на наслѣдниковъ Громова, особенно же на московское общество, въ которомъ, какъ имъ было извѣстно, находились горячіе поборники старообрядческаго архіерейства. Письменныя сношенія съ Петербургомъ и Москвою совершенно утвердили въ нихъ эту увѣренность. Ѳедулъ Громовъ, хотя не имѣлъ той ревности по „древнему благочестію", какою отличался покойный братъ его, не отказался однакоже помогать Бѣлой-Криницѣ: отъ него присылались подаянія чрезъ брата павлова — Алексѣя Великодворскаго, тогда уже состоявшаго на службѣ у Громовыхъ. Московскіе благодѣтели также изъявили готовность помогать „трудящимся на пользу христіянства".

Но одними письменными сношеніями ограничиться было нельзя. Какъ только дѣло объ учрежденіи епископской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ стало принимать серьезный оборотъ, Павелъ и Геронтій нашли нужнымъ лично переговорить объ немъ съ россійскими старообрядцами, о всемъ подробно посовѣтоваться и условиться. Таково было именно то время, когда уже нетолько подано было австрійскому правительству формальное прошеніе о дозволеніи имѣть епископа въ Бѣлой-Криницѣ, но и представленъ былъ монастырскій уставъ съ извѣстной статьей „о водвореніи епископа", гдѣ, какъ мы видѣли, изложены главныя основанія, на которыхъ предполагалось устроить бѣлокриницкую старообрядческую епископію. Павелъ и Геронтій тогда еще не знали, какую продолжительную и упорную борьбу съ губернскими властями придется имъ выдержать; полагаясь на обѣщанія крайзамтскихъ „благодѣтельныхъ" чиновниковъ, они ожидали напротивъ, что офиціально начатое ими дѣло, пройдя всѣ инстанціи, безъ

особенныхъ затрудненій и въ непродолжительномъ времени достигнетъ успѣшнаго окончанія: въ виду этаго предполагаемаго ими близкаго окончанія дѣла со стороны правительства, они и считали необходимымъ совокупное съ россійскими старообрядческими обществами обсужденіе главныхъ вопросовъ касательно учреждаемаго въ Бѣлой-Криницѣ архіерейства.

Въ исходѣ 1841-го года, по окончаніи всѣхъ трудовъ и хлопотъ съ *уставомъ*, самъ инокъ Павелъ рѣшился ѣхать, вмѣстѣ съ Алимпіемъ, въ Москву и Петербургъ. Прежде нежели отправиться въ это путешествіе, онъ, разумѣется, по совѣщаніи съ Геронтіемъ и прочей братіей, тщательно обсудилъ и предрѣшилъ уже тѣ вопросы, о которыхъ надлежало войти въ бесѣду съ россійскими старообрядцами. Такихъ вопросовъ было собственно два — вопросъ о матеріальныхъ средствахъ на приведеніе Бѣлокриницкаго монастыря въ приличное для епископіи устройство, на всегдашнее обезпеченіе будущей архіерейской каѳедры и на прочіе, необходимые по настоящему дѣлу расходы, другой — о способахъ и условіяхъ къ пріобрѣтенію желаемаго епископа. По соображеніямъ Павла и Геронтія, первый изъ этихъ вопросовъ не могъ встрѣтить затрудненій въ своемъ рѣшеніи: на благотворительность и щедроты богатыхъ старообрядческихъ обществъ они твердо расчитывали, особенно въ такомъ дѣлѣ, которое, по ихъ убѣжденію, должно было принести неисчислимую духовную пользу всему старообрядчеству. Инаго свойства былъ другой вопросъ. Здѣсь, при разсужденіи о качествахъ потребнаго старообрядцамъ епископа, о способахъ и условіяхъ къ его пріобрѣтенію, могло возникнуть немало недоумѣній, разногласій, вообще разнаго рода затрудненій: эти именно затрудненія и требовалось предусмотрѣть, разрѣшить заблаговременно общимъ совѣтомъ. Правда, всѣ затрудненія были бы устранены сами собою, еслибъ удалось найти одного изъ тѣхъ, якобы кроющихся гдѣ-то „древлеправославныхъ" епископовъ, никакимъ церковнымъ новинамъ непричастныхъ, въ существованіе которыхъ тогда еще искренно вѣрили нѣкоторые простодушные старообрядцы: очевидно, о такомъ возстановителѣ старообрядческой іерархіи никто

и никакихъ „сумнѣній" не имѣлъ бы. Такого именно „древле-православнаго" епископа и предположено было искать. Но, какъ люди разсудительные и искушенные многими странствіями, Павелъ и Геронтій съ братіей почитали дѣломъ весьма вѣроятнымъ (если только не признавали уже за несомнѣнное), что такихъ епископовъ или не найдется, или даже совсѣмъ не существуетъ. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? *Откуда* и *какъ* заимствоваться архіерействомъ, если древлеправославнаго епископа не обрящутъ? Въ этомъ вопросѣ и заключалась вся трудность; его-то рѣшеніе и могло возбудить въ старообрядческихъ обществахъ недоумѣнія и разногласія, а затѣмъ и открытые раздоры, которые были бы роковымъ ударомъ для новоучреждаемой іерархіи. Вотъ почему и представлялось Павлу весьма нужнымъ — этотъ именно вопросъ теперь же подвергнуть тщательному обсужденію въ старообрядческихъ обществахъ, теперь же рѣшить общимъ совѣтомъ. Предварительно же, какъ мы сказали, вопросъ этотъ рѣшенъ былъ на общемъ совѣщаніи бѣлокриницкаго братства, или, вѣрнѣе, рѣшенъ самимъ Павломъ, съ которымъ бѣлокриницкое братство согласилось безпрекословно Павлу, разумѣется, желательно было, чтобы сдѣланное имъ рѣшеніе вопроса, какъ несомнѣнно правильное, по его мнѣнію, было также безпрекословно принято и всѣми вообще старообрядцами. Съ этою цѣлію онъ призналъ нужнымъ для руководства россійскимъ старообрядцамъ изложить письменно свои соображенія по вопросу о томъ, откуда и какъ заимствоваться архіерействомъ, если не найдется древлеправославнаго епископа. Соображенія свои онъ изложилъ въ формѣ и подъ заглавіемъ *посланія* отъ всего бѣлокриницкаго братства къ московскому старообрядческому обществу, какъ главному изъ старообрядческихъ обществъ въ Россіи и на ближайшее участіе котораго въ исканіи архіерейства всего больше расчитывалось.[1]) Это посланіе Павелъ намѣренъ былъ представить

---

[1]) Вотъ полное заглавіе этого сочиненія: „Посланіе Бѣлокриницкаго монастыря, состоящаго въ Буковинѣ, австрійской державы, къ московскимъ старовѣрамъ, о предположеніи ихъ найти себѣ архіерея".

московскимъ и другимъ россійскимъ старообрядцамъ вмѣстѣ съ спискомъ помѣщенной въ *уставѣ* статьи: *Предметъ о водвореніи у насъ своего святителя для необходимо нужнаго устроенія церковныхъ порядковъ*, такъ что *посланіе* должно было служить какъ бы дополненіемъ къ этой статьѣ: по объясненію самаго Павла, его назначеніемъ было показать „въ чемъ состоитъ, сверхъ всего изображеннаго въ уставѣ, дальнѣйшее монастырское предположеніе о пріобрѣтеніи святителя". Кромѣ того къ *посланію* были присоединены еще двѣ статьи, посвященныя рѣшенію нѣкоторыхъ частныхъ, но весьма важныхъ вопросовъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ главному—о чинопріятіи будущаго епископа не изъ древлеправославныхъ: а) статья подъ заглавіемъ: „*Изъясненіе недоумѣній, чрезъ кого и когда на приходящихъ отъ ересей хиротонисанныхъ лицъ приходитъ благодать Духа Святаго*", и б) разсмотрѣніе, *что есть всеобдержность, и что благословный случай*." Всѣ эти сочиненія, въ общей ихъ совокупности, по мнѣнію Павла, были вполнѣ достаточны, чтобы служить руководствомъ для россійскихъ старообрядцевъ къ надлежащему, или правильнѣе — желаемому самимъ Павломъ рѣшенію вопроса о качествахъ и чинопріятіи будущаго старообрядческаго епископа.

Ниже мы будемъ имѣть случай изложить главное содержаніе *посланія* и добавочныхъ къ нему статей; здѣсь же достаточно указать только сущность павловыхъ „соображеній" по вопросу—*откуда* и *какъ* заимствоваться желаемымъ для старообрядцевъ архіерействомъ.

Мы ожидаемъ (говорилось въ *Посланіи* [1]), въ отвѣтъ на поданное въ 1840 году прошеніе, „государственнаго открытаго листа", съ которымъ наши депутаты и должны будутъ отправиться на исканіе „древлеправославнаго епископа". „Помянутый отъ правительства документъ для того нуженъ, да благонадежно посламъ нашимъ будетъ просить православнаго архипастыря, гдѣ только отыскать его возмогутъ, да и тому преосвященному лицу не сумнительно тогда на

---

1) Мы пользуемся спискомъ *посланія* и приложенныхъ къ нему статей, помѣщеннымъ въ *Сборникѣ* о. Онуфрія.

просьбу нашу прибыть къ намъ *на малое время*, для насыщенія жаждущихъ душъ духовною пищею, то-есть для возстановленія въ насъ по закону нашему святителя, *по примѣру постановленія московскихъ патріарховъ*; или можетъ-быть соизволится тому начальнѣйшему лицу *дать намъ оттоль* для возстановленія священнаго чина достойнаго въ санѣ человѣка, то-есть *нарочито избрать для насъ тамо и поставить святителя*, хотя бы онъ былъ и не русскаго языка, а только бы отъ религіи согласной съ нами, и соблюдалъ въ цѣлости православныя вѣры догматы." Такимъ образомъ предполагалось отыскать именно „православнаго", по раскольническимъ понятіямъ, архипастыря, и если таковой обрящется, просить его, чтобъ онъ или самъ прибылъ въ монастырь Бѣлокриницкій, только на малое время, для поставленія въ епископы кого-либо изъ природныхъ старообрядцевъ, подобно тому, какъ цареградскій патріархъ Іеремія пріѣзжалъ въ Москву поставить изъ природныхъ россіянъ перваго россійскаго патріарха Іова, или на самомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ обрѣтенъ, нарочно поставилъ бы въ епископы для старообрядцевъ кого-либо изъ такихъ же, какъ и самъ, православныхъ, хотя бы и не русскаго языка. Куда же, по монастырскому предположенію, бѣлокриницкимъ посламъ надлежало направить стопы, чтобъ отыскать такого „древлеправославнаго" архипастыря? Искать его предположено было главнымъ образомъ въ горахъ Ливанскихъ, такъ какъ, по раскольническимъ сказаніямъ, здѣсь именно существовало не пріявшее новопремѣненій „древлеправославное" священство; на пути же въ Ливанскія горы, предполагалось посѣтить и иныя христіанскія страны грековосточнаго исповѣданія: „главнымъ предметомъ, *по достовѣрному отъ путешественниковъ извѣстію, въ полной нашей надеждѣ* предположено направленіе въ Ливанскія горы; а между тѣмъ не оставить, *въ мимошествіи*, собрать обстоятельныя свѣдѣнія и въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ славянскія племена, кои въ древнія вѣка приняли христіанскую вѣру отъ святыхъ учителей Кирилла и Меѳодія, иже обитаютъ около Черной Горы, въ Сербіи, и въ островѣ Корфѣ, гдѣ хранятся мощи святаго Спиридонія Тримифійскаго; аще ли надобность

позоветъ, и еще въ какія-либо края вселенныя, нынѣ намъ ясно не предвидимыя, а въ послѣдствіи пути пословъ нашихъ, можетъ-быть, смотрѣніемъ Божіимъ могущія открытися, яко же случися прежде времени не предвѣдѣти и великому въ пророцѣхъ Иліи Фезвитянину хранимыхъ Богомъ седми тысящъ мужей, не преклоньшихъ колѣна предъ Валомъ" [1]). Дальше излагались соображенія и на тотъ, будто бы мало вѣроятный случай—какъ поступить, если во всѣхъ указанныхъ, извѣстныхъ старообрядцамъ и неизвѣстныхъ еще краяхъ вселенныя „древлеправославнаго" архипастыря не обрящется: „если, *паче всякаго чаянія,* посламъ нашимъ въ уповаемыхъ мѣстахъ единовѣрнаго намъ епископа изыскать невозможно будетъ, тогда *сряду же и не опустительно* предполагаемъ принять еще другія мѣры,—заимствоваться искомымъ священнымъ источникомъ (оставя духовенство неблаговолящей Россіи) отъ иной христіанской религіи, отъ коей *согласно правилъ* достойна будетъ къ принятію хиротонія, то-есть исключая только лишенныхъ трехпогружательнаго крещенія." Такимъ образомъ, и относительно искомаго епископа наконецъ выражалось то же самое мнѣніе, какого вообще держались старообрядцы поповскаго согласія относительно бѣгствующихъ священниковъ,—что за неимѣніемъ древлеправославнаго можетъ быть принятъ епископъ и отъ сущихъ въ ереси, но въ такой ереси, отъ которой приходящихъ священныхъ лицъ *правила церковныя* дозволяютъ принимать въ сущемъ ихъ санѣ: епископовъ—епископами, священниковъ — священниками, не требуя для нихъ повторительнаго рукоположенія. Возраженій противъ такого мнѣнія трудно было ожидать со стороны людей, державшихся бѣглопоповства; но разногласія могли возникнуть по вопросу: какимъ образомъ долженъ быть принятъ епископъ приходящій отъ ереси? По мнѣнію поповцевъ, хиротонія „недостойна къ пріятію" только у еретиковъ „лишенныхъ трехпогружательнаго крещенія", или, что то же, подлежащихъ пріятію *первымъ чиномъ,* чрезъ повторительное крещеніе; а затѣмъ отъ всѣхъ прочихъ еретиковъ прихо-

---

1) Посл. къ моск. обществу (*Сборникъ* о. Онуфрія).

дящія священныя лица сохраняютъ будто бы принадлежащіе имъ саны, какимъ бы чиномъ приняты ни были, третьимъ ли (чрезъ проклятіе ересей), или даже и вторымъ (подъ мѵропомазаніе). Какимъ же чиномъ, спрашивалось, нужно будетъ принять не-древлеправославнаго епископа, — третьимъ, или вторымъ? Повидимому, рѣшеніе и этого вопроса не должно бы представлять затрудненій: такъ какъ у поповцевъ онъ былъ уже рѣшенъ относительно бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви священниковъ. Этихъ послѣднихъ, на основаніи примѣра предковъ, положено принимать вторымъ чиномъ, подъ мѵропомазаніе: такъ же, очевидно, слѣдуетъ принять и бѣгствующаго епископа. Павелъ очень хорошо понималъ, что это, на примѣрѣ предковъ и на существующемъ обычаѣ основанное, рѣшеніе вопроса было бы дѣйствительно встрѣчено общимъ согласіемъ и сочувствіемъ въ средѣ старообрядцевъ; но онъ имѣлъ основательныя причины уклониться отъ такого *исключительнаго* рѣшенія въ пользу принятія вторымъ чиномъ. Епископа предполагается искать, „кромѣ неблаговолящей Россіи", въ такихъ странахъ, гдѣ о русскомъ старообрядчествѣ не имѣютъ и понятія, и всякіе намеки о чинопріятіи приходящихъ отъ ереси могутъ быть встрѣчены съ крайнимъ негодованіемъ; да и рѣчь идетъ о епископѣ, а не о какомъ-нибудь бѣгствующемъ, или по-просту бѣгломъ попѣ: въ сношеніяхъ съ такимъ лицомъ вообще потребуется крайняя осторожность и уступчивость, дабы въ противномъ случаѣ не утратить навсегда и самую надежду на пріобрѣтеніе „давно искомаго священнаго источника". Такія и подобныя соображенія побудили Павла, соблюдая всевозможную осторожность, изложить мнѣніе, что искомый не-древлеправославный епископъ долженъ быть изъ числа подлежащихъ пріятію третьимъ чиномъ, и только въ томъ уже случаѣ, если такого епископа не обрящется, можно будетъ принять подлежащаго второму чину, но и сего послѣдняго, на основаніи „смотрительныхъ" правилъ и „благословныхъ случаевъ", удобнѣе все-таки подвергнуть пріятію третьимъ чиномъ — только съ проклятіемъ ересей, а не вторымъ — подъ мѵропомазаніе. Онъ въ особенности настаивалъ на

этомъ своемъ мнѣніи, что принятіе будущаго епископа, по требованію обстоятельствъ и по руководству „благословныхъ случаевъ“, должно быть совершено третьимъ чиномъ, къ какой бы ереси оный епископъ ни принадлежалъ, лишь бы только трехпогружательнаго былъ крещенія, — и для этого-то собственно была написана Павломъ статья: *что есть всеобдержанность и что благословный случай.*

Впослѣдствіи вотъ какъ самъ Павелъ изложилъ „кратко“ свое мнѣніе по вопросу о чинопріятіи будущаго епископа: „По нашему разсужденію въ принятіи епископа (обойдя Россію) въ другихъ заграничныхъ краяхъ, *если за какимълибо обстоятельствомъ совершенно благочестиваго невозможно будетъ изобрѣсти*, то безотлагательно надлежитъ заняться отъ инославныхъ религій, отъ такихъ, *кои подлежатъ третьему чину*, *безъ мѵропомазанія*; если же, *паче всякаго ожиданія*, и таковыхъ не обрящемъ, тогда пріимемъ отъ такихъ, кои только не превосходили бы мѣру новшествъ великороссійскихъ, *по второму чину*, *подъ мѵропомазаніе.* Если же отъ сихъ послѣднихъ, иже второму чину подлежащихъ, убѣждаемое къ намъ въ епископы лицо, чтобы его подъ священническое мѵропомазаніе принимать, поступить къ намъ не согласится: тогда, *съ общаго православныхъ собора*, *не по всеобдержности, а только единственно благословнаго ради случая*, невозбранно можно принять его и *по третьему чину*, *безъ мѵропомазанія.* Ибо на всякія дѣйствія имѣются въ божественныхъ книгахъ отъ Святаго Писанія достовѣрныя засвидѣтельствованія, коимъ мы истинно вѣруемъ: а потому если и дѣйствіе согласно онымъ учинити, безъ сумнѣнія свято быти предпочитаемъ“.[1])

И такъ Павелъ и Алимпій отправились въ Россію для совѣщанія съ вліятельными лицами здѣшнихъ старообрядческихъ обществъ по дѣлу объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, достаточно приготовившись къ этимъ совѣщаніямъ, запасшись необходимыми для того матеріалами. Въ началѣ 1842 года они пріѣхали въ Москву. Здѣсь, между прихожанами Рогожскаго кладбища, какъ мы

---

[1]) Особое „предложеніе московскому обществу“ (*Сборникъ* о. Онуфрія).

видѣли, еще въ 1832 году образовалась сильная партія, во главѣ которой находились богатые купцы Рахмановы, расположенная въ пользу учрежденія старообрядческой архіерейской каѳедры, рѣшительно заявившая объ этомъ на общемъ собраніи московскихъ и иногородныхъ поповцевъ, бывшемъ тогда на Рогожскомъ кладбищѣ. Если Громовъ, приступая къ осуществленію мысли о раскольническомъ архіерействѣ, устранилъ эту партію отъ участія въ своемъ предпріятіи, то это сдѣлано было только на первое время, когда для успѣховъ предпріятія требовалось сохранять его въ величайшей тайнѣ, и сдѣлано было въ видахъ именно удобнѣйшаго сохраненія тайны; но и самъ Громовъ очень расчитывалъ на поддержку московскихъ ревнителей старообрядческаго архіерейства впослѣдствіи, когда предпріятіе приведено будетъ въ исполненіе, или будетъ близко къ исполненію. Съ своей стороны рахмановская партія, не смотря на испытанныя въ 1832 году неудачи и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, не охладѣвала къ мысли объ учрежденіи самостоятельной старообрядческой іерархіи, тѣмъ болѣе, что „оскуденіе бѣгствующаго священства" съ теченіемъ времени давало себя чувствовать сильнѣе и сильнѣе на Рогожскомъ кладбищѣ. Когда въ Москву стали приходить извѣстія о томъ, что́ Павелъ и Геронтій по порученію Громова затѣяли въ Бѣлой-Криницѣ, московскіе ревнители старообрядческаго архіерейства отнеслись къ этимъ извѣстіямъ съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, а по смерти Громова изъявили готовность принять въ ихъ дѣлѣ и ближайшее участіе, особенно же самый горячій изъ этихъ ревнителей—Ѳедоръ Рахмановъ, по своему тщеславію давно искавшій возможности стать во главѣ подобнаго предпріятія. Поэтому Павла и Алимпія, пріѣхавшихъ въ Москву съ подробными вѣстями и объясненіями по дѣлу объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, приняли здѣсь очень радушно и внимательно. По случаю ихъ пріѣзда Рахмановы опять устроили на Рогожскомъ кладбищѣ собранія для разсужденій о неотложной надобности—устроить за границей старообрядческую епископію и для сего воспользоваться начатымъ въ Бѣлой-Криницѣ пред-

пріятіемъ, И теперь, какъ десять лѣтъ тому назадъ, между прихожанами Рогожскаго кладбища явились противники старообрядческаго архіерейства, видѣвшіе въ немъ ненужное и небезопасное нововведеніе. Всѣхъ больше ораторствовалъ на эту тему, имѣвшій не малую извѣстность въ московскомъ старообрядческомъ обществѣ, дворникъ изъ Рогожской Иванъ Александровъ Гусевъ. Это былъ человѣкъ довольно начитанный и умный, но до изувѣрства преданный расколу, даже проповѣдывавшій безпоповское ученіе о мысленномъ антихристѣ; онъ потому особенно возставалъ и противъ учрежденія полной старообрядческой іерархіи, съ епископомъ во главѣ, что почиталъ это дѣломъ невозможнымъ во времена антихристова господства. Но голоса противъ старообрядческаго архіерейства и разглагольствія самого Гусева теперь уже не могли имѣть большой силы въ виду почти совершившагося факта, — въ виду того, что подана уже австрійскому правительству офиціальнымъ порядкомъ просьба о дозволеніи устроить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческую архіерейскую каѳедру и имѣется надежда на скорое и полное удовлетвореніе этой просьбы. Согласно желанію Рахмановыхъ было рѣшено, что учрежденіе старообрядческой архіерейской каѳедры за границей, по требованію настоящаго гонительнаго времени, есть дѣло необходимо нужное, что предпріятіе— устроить таковую каѳедру въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ заслуживаетъ полнаго одобренія и нужно помогать ему всѣми способами; а относительно того, какъ именно устроить каѳедру, всѣ предначертанія, изложенныя въ *уставѣ*, въ извѣстной статьѣ „о водвореніи епископа", были вполнѣ одобрены; равнымъ образомъ и соображенія, раскрытыя въ въ *посланіи* и добавочныхъ къ нему статьяхъ были признаны въ главномъ ихъ содержаніи вполнѣ разумными: всѣ согласились, что прежде всего надлежитъ позаботиться найти епископа изъ „древлеправославныхъ", а въ томъ случаѣ, если по тщательномъ изысканіи таковый не обрящется, можно принять и изъ сущихъ въ ереси. Но какимъ чиномъ надлежитъ принять его, — объ этомъ, какъ и опасался Павелъ, возникли прекословія. Съ его мнѣніемъ, что епископа нуж-

но будетъ принять непремѣнно третьимъ чиномъ, будь онъ даже изъ числа еретиковъ, подлежащихъ второму чину, согласились только весьма немногіе изъ членовъ Рогожскаго общества, только лица довольно свободнаго (для раскольниковъ) образа мыслей и особенные почитатели Павла; большинство же рогожскихъ учителей, какъ достойные потомки тѣхъ ревнителей перемазанства, которые на соборѣ 1779 такъ яростно ополчились на стародубцевъ дьяконова согласія, защищавшихъ пріятіе священниковъ по третьему чину, безъ мѵропомазанія,—большинство рогожцевъ рѣшительно высказалось противъ павлова предложенія. Основываясь именно на примѣрѣ предковъ, завѣщавшихъ принимать бѣгствующихъ священниковъ (а слѣдственно и епископовъ) подъ мѵропомазаніе, они говорили: „если нынѣ попустится по третьему чину принять епископа, то уничтожится наше древлеблагочестивое, донынѣ неизмѣнно влекущееся священство, и будетъ иное, новое и неблагочестивое“. Многіе при этомъ высказывали и то еще мнѣніе, что въ настоящее многоплачевное время еретиковъ третьяго чина уже вовсе не имѣется, что изъ существующихъ нынѣ инославныхъ религій, даже содержащія трехпогружательное крещеніе, соотвѣтствуютъ еретикамъ втораго чина и приходящіе отъ оныхъ могутъ быть принимаемы только подъ мѵропомазаніе. И такимъ образомъ „на совѣтѣ, на которомъ разсматриваемо было о епископѣ предложеніе, какъ свидѣтельствуетъ самъ Павелъ[1]), члены московскаго благочестиваго общества заключили: если невозможно будетъ отыскать совершенно-благочестиваго епископа, то одно остается средство, что отъ инославныхъ религій, въ коихъ имѣется трехпогружательное крещеніе, можно принять епископа, но *не иначе, какъ только подъ мѵропомазаніе*“. Для Павла это противорѣчіе его мнѣнію, оказанное рогожскими богословами, было крайне непріятно, и потому, что этимъ оскорблялось его самолюбіе, такъ какъ онъ былъ человѣкъ увѣренный въ непогрѣшимости своихъ мнѣній и возраженія вообще принималъ не равнодушно, и еще больше по-

---

[1]) Въ особомъ „Предложеніи московскому обществу“.

тому, что въ этомъ настойчивомъ требованіи „благочестиваго московскаго общества“—совершить надъ будущимъ епископомъ пріятіе по второму чину видѣлъ онъ сѣмя немалыхъ затрудненій въ будущемъ, когда нужно будетъ приступить къ дѣйствительному чинопріятію обрѣтеннаго епископа. Поэтому онъ рѣшился даже сдѣлать попытку измѣнить состоявшееся на рогожскомъ совѣтѣ постановленіе,—составилъ и представилъ письменное противъ него возраженіе, которое, по обычаю раскольниковъ, изложилъ въ формѣ вопросовъ.[1]) Здѣсь онъ требовалъ отъ московскихъ учителей дать ему „не голословное, но отъ божественныхъ писаній отвѣтственное совосписаніе“, почему они находятъ невозможнымъ въ настоящее время пріятіе отъ ереси приходящихъ священныхъ лицъ по третьему чину. Имѣя въ виду особенно выраженную нѣкоторыми странную, по его понятіямъ, мысль, что въ настоящее время есть только еретики перваго и втораго чина, онъ писалъ между прочимъ: „вы полагаете только *безсловесное* отрицаніе, что якобы третьему чину подлежащихъ еретиковъ нынѣ нигдѣ обрѣсти не возможно, тогда какъ никто изъ благоразумныхъ, въ противность всемогущему Божію промыслу, не можетъ отрицать въ пріобрѣтеніи и самаго настояще-благочестиваго епископа, и уже кажется никто не отважится дерзнуть рещи, дабы всюду могъ провидѣть больше пророка Иліи, когда и той въ своемъ Израилѣ не увѣдалъ седми тысящъ мужей истинно Богу вѣрующихъ! Или вы по какой другой причинѣ отрицаете нынѣ быти третьему чину подлежащихъ еретиковъ?—въ томъ не оставьте и насъ, Господа ради, вашимъ основательнымъ соотвѣтствіемъ....“ Предлагая свои вопросы на рѣшеніе московскимъ учителямъ, Павелъ просилъ ихъ руководиться при этомъ не желаніемъ „точію побѣды одолѣнія“, но стремиться къ тому, чтобы „духомъ кротости и единодушною о Христѣ любовію согласовать съ обѣихъ сторонъ къ единой истинѣ, якоже и обычай есть православнымъ, по трудномъ разслѣдованіи изобрѣтшимъ

---

[1]) Это и есть упомянутое выше особое „Предложеніе московскому обществу:“ подъ нимъ подписались и Павелъ и Алимпій. (*Сборникъ* о. Онуфрія).

истину и познавшимъ волю Божію, яко голубямъ лобзатися и присно о Господѣ радоватися" Изъ всего содержанія вопросовъ и изъ самаго тона, въ какомъ они изложены, нельзя однакоже не примѣтить, что самъ Павелъ искалъ именно „побѣды — одолѣнія", въ полной увѣренности, что съ противной стороны „основательнаго соотвѣтствія" на его возраженія послѣдовать не можетъ. И отвѣта дѣйствительно не послѣдовало, ибо „не голословно, а отъ божественныхъ писаній" отвѣтить на вопросы Павла никто изъ членовъ „благочестиваго московскаго общества" былъ не въ состояніи. При всемъ томъ однакоже окончательнаго рѣшенія по вопросу о чинопріятіи будущаго епископа на Рогожскомъ кладбищѣ постановлено теперь не было; а признали удобнѣйшимъ дождаться того времени, когда обрѣтено будетъ самое лицо, подлежащее чинопріятію, и тогда, соображаясь съ обстоятельствами, рѣшить вопросъ сей *общесоборнымъ разсужденіемъ*, какъ предлагалъ и самъ Павелъ. Противъ этого Павелъ не нашелъ нужнымъ дѣлать еще возраженія, въ томъ упованіи, что быть можетъ впослѣдствіи самыя обстоятельства дѣйствительно укажутъ способъ, какъ рѣшить къ общему удовольствію вопросъ, возбудившій теперь недоумѣнія и разногласія, которыя однакоже оставили въ душѣ его горькое чувство недовольства и опасеній за будущее.

За то по другому вопросу — относительно средствъ на приведеніе Бѣлокриницкаго монастыря въ надлежащее устройство и на обезпеченіе будущей епископіи, въ собраніи прихожанъ Рогожскаго кладбища послѣдовало рѣшеніе, вполнѣ согласное желаніямъ и ожиданіямъ Павла. Одобривъ самое предпріятіе — учредить въ Бѣлой-Криницѣ старообрядческую архіерейскую каѳедру и постановивъ содѣйствовать осуществленію этого предпріятія, они имѣли въ виду главнымъ образомъ содѣйствіе именно матеріальными средствами. Еще въ 1832 году, по предложенію Ѳедора Рахманова, отъ лицъ сочувствовавшихъ его тогдашнимъ замысламъ о раскольническомъ архіерействѣ былъ сдѣланъ по подпискѣ денежный сборъ на необходимые расходы по сему дѣлу, и подписная сумма простиралась, какъ говорили,

до 2.000.000 руб. по тогдашнему на ассигнаціи: этотъ капиталъ и рѣшено было теперь, согласно его первоначальному назначенію, употреблять по мѣрѣ надобности на расходы, какихъ потребуютъ учрежденіе архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ и обезпеченіе ея существованія въ будущемъ. Кромѣ того Рахмановы, теперь имѣвшіе полное право считать себя стоящими во главѣ предпріятія, изъявили готовность жертвовать своими собственными капиталами на „великое и спасительное дѣло возстановленія древлеправославной іерархіи въ полномъ ея чинѣ". Вообще же, Павлу и Алимпію было объявлено, чтобы они только постарались привести къ благополучному окончанію свои хлопоты предъ австрійскимъ правительствомъ о дозволеніи устроить въ Бѣлой-Криницѣ епископскую каѳедру, а затѣмъ средства на устроеніе и обезпеченіе оной будутъ имъ доставлены въ изобиліи. При этомъ Павелъ и Алимпій не забыли испросить у „благочестиваго московскаго общества" пособіе и на первоначальные хлопоты о епископѣ, также на текущіе необходимые монастырскіе расходы.[1])

Изъ Москвы они съѣздили въ Петербургъ повидаться и посовѣтоваться съ здѣшними благотворителями. Изъ этихъ благотворителей съ особеннымъ сочувствіемъ отнесся къ ихъ предпріятію богатый купецъ Я. М. Волковъ (пуговошникъ): онъ обѣщался нетолько жертвовать изъ своихъ капиталовъ на учрежденіе архіерейской каѳедры, но, въ случаѣ успѣшнаго окончанія дѣла, даже переселиться на жительство въ Бѣлокриницкій монастырь.

II. Окончивъ необходимые переговоры и совѣщанія съ россійскими старообрядцами, Павелъ и Алимпій отправились изъ Россіи обратно въ свою Бѣлокриницкую обитель, гдѣ надѣялись скоро получить отъ правительства благопріятный отвѣтъ на просьбу о епископѣ, съ утвержденіемъ,

---

[1]) Павелъ писалъ изъ Петербурга къ Геронтію въ Бѣлую-Криницу отъ 14 апрѣля 1842 года: „по отъѣздѣ нашемъ (изъ Москвы) обѣщались вскорѣ къ намъ въ монастырь послать деньги изъ конторы Рогожскаго кладбища, и Василій Григорьичъ (Рахмановъ, двоюродной братъ Ѳедора) принялъ сіе дѣло на себя".

поданнаго въ дополненіе къ просьбѣ, монастырскаго устава, и затѣмъ приступить къ исканію потребнаго имъ епископа. Читателямъ извѣстно уже, какъ обманулись они въ этой надеждѣ: около трехъ лѣтъ пришлось имъ вести упорную и опасную борьбу противъ губернскаго начальства, признавшаго учрежденіе архіерейской каѳедры у буковинскихъ липованъ и самое существованіе монастыря въ Бѣлой-Криницѣ незаконными и непозволительными. О ходѣ этой трудной борьбы съ „соперниками", особенно же о побѣдахъ, какія удавалось надъ ними одерживать, Бѣлокриницкій монастырь неопустительно извѣщалъ московскихъ и петербурскихъ своихъ благотворителей и прочихъ „радѣтелей" заграничнаго архіерейства, частію посредствомъ посланій, [1]) частію чрезъ нарочно посылаемыхъ довѣренныхъ людей. Но вотъ и борьба съ „соперниками" кончилась полнымъ торжествомъ липованскихъ ходатаевъ: именнымъ императорскимъ декретомъ позволено имъ привезти изъ-за границы епископа на постоянное жительство въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, съ правомъ поставлять себѣ преемника и посвящать липованскихъ иноковъ въ священныя степени. Пришло время отправиться и въ давно желаемое странствіе, а вмѣстѣ потребовать отъ московскихъ и вообще россійскихъ „благотворителей" обѣщанныхъ на учрежденіе архіерейской каѳедры пожертвованій. Съѣздить для этого въ Россію теперь рѣшился самъ настоятель инокъ Геронтій; а Павелъ и Алимпій отправились въ Вѣну хлопотать о полученіи заграничнаго паспорта, или, какъ выражается одинъ изъ раскольническихъ повѣствователей, „отрытаго листа на путешествіе во всю подсолнечную, куда ихъ надобность позоветъ." [2])

Геронтій пріѣхалъ въ Москву въ декабрѣ 1844 года. Здѣсь нашелъ онъ дѣла въ томъ же положеніи, въ какомъ ихъ оставили Павелъ и Алимпій около трехъ лѣтъ тому назадъ. Лица, принадлежавшія къ партіи Гусева, которыхъ въ на-

---

[1]) Этими *письмами къ благотворителямъ*, между прочимъ, мы и пользовались въ изложеніи описанныхъ выше событій.

[2]) Геронт. *Памятникъ*.

смѣшку нѣкоторые называли „гуситами,“ попрежнему смотрѣли весьма недовѣрчиво на бѣлокриницкую затѣю, и даже расказами Геронтія о достигнутыхъ въ Вѣнѣ успѣхахъ вовсе не умилялись; за то и Рахмановы съ своей партіей ни мало не охладѣли къ мысли объ учрежденіи заграничной іерархіи, и потому привезенныя Геронтіемъ извѣстія о благополучномъ окончаніи долгихъ хлопотъ предъ австрійскимъ правительствомъ были привѣтствованы въ ихъ кругу живѣйшею радостію, Относительно матеріальнаго обезпеченія будущей архіерейской каѳедры, къ полному удовольствію Геронтія, рогожское общество, подъ вліяніемъ Рахмановыхъ, постановило—на содержаніе каѳедры давать не менѣе 24,000 р. въ годъ, по 12.000 въ каждое полугодіе, и кромѣ того обѣщало неограниченный кредитъ на первоначальные расходы по дѣлу объ учрежденіи каѳедры. Здѣсь прежде всего имѣлись въ виду расходы на путешествіе въ разныя страны подсолнечной для отысканія и пріобрѣтенія епископа, также на приведеніе Бѣлокриницкаго монастыря въ устройство приличное мѣстопребыванію липованскаго епископа. На первое время, согласно предположенію Геронтія, считалось достаточнымъ исправить существующія въ монастырѣ зданія—часовню передѣлать въ церковь, кельи обновить и вновь построить для епископа небольшое помѣщеніе; но это на первое только время,—а затѣмъ Рахмановы намѣрены были обратить Бѣлокриницкій монастырь въ нѣкое подобіе лавры, сообщить ему благолѣпіе, подобающее мѣстопребыванію владыки всѣхъ „древлеправославныхъ христіанъ“, и прежде всего три главные жертвователя изъ этаго семейства—Ѳедоръ и Василій Рахмановы и близкая ихъ родственница Марья Симонова предположили построить обширное зданіе для епископскихъ и братскихъ келій, съ большою посрединѣ домовою церковію о трехъ престолахъ, во имя святыхъ *Ѳеодора*, *Василія и Маріи:* на построеніе этаго зданія они ассигновали сумму въ 200.000 р. Во время пребыванія Геронтія въ Москвѣ составленъ былъ однимъ изъ лучшихъ архитекторовъ подробный планъ всего зданія и врученъ Геронтію съ значительною суммой на первоначальныя работы по постройкѣ. Тогда же были выданы ему

деньги и на прочіе необходимые расходы. Кромѣ того Геронтій собралъ въ Москвѣ не малое количество разныхъ церковныхъ принадлежностей и утварей, пріобрѣлъ и архіерейскія облаченія. Сбору этихъ пожертвованій для будущей старообрядческой епископіи много содѣйствовала настоятельница одной изъ рогожскихъ обителей, мать Александра, скоро заявившая себя сторонницей заграничной іерархіи [1]). Изъ Москвы Геронтій ѣздилъ также въ Петербургъ, гдѣ видѣлся съ Волковымъ и получилъ отъ него полномочіе строить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ на собственный его счетъ каменный братскій корпусъ, на который ассигнована имъ сумма въ 10.000 рублей серебромъ. Изъ Петербурга Геронтій заѣзжалъ опять въ Москву, откуда потомъ и отправился въ обратный путь съ обильнымъ запасомъ денегъ и разныхъ вещей. [2])

---

1) *Записки* о. Онуфрія.

2) Въ показаніи, которое Геронтій далъ на первомъ допросѣ послѣ того, какъ былъ арестованъ, и которое вообще не отличается правдивостью, о поѣздкѣ своей въ Россію въ концѣ 1844 г. онъ писалъ: „Съ совѣта всѣхъ нашихъ обществъ вознамѣрились возвѣстить въ сосѣдственныхъ державахъ старовѣрамъ нашего единенія, а наиболѣе въ Россіи, о благоволеніи монаршей милости намъ въ духовенствѣ, *дабы они также прибѣгнули съ моленіемъ къ своему императору* осчастливить ихъ таковымъ же даромъ, дозволить имъ отъ насъ заимствоваться духовенствомъ на основаніи нашихъ правилъ. Итакъ я въ 1844 году отправился въ Россію; въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ объяснялъ я сіе конторщику, покойному Синицыну, который, принявъ сіе въ противную сторону, считалъ за какой-то обманъ и прочихъ развращалъ, что не можетъ тому быть, а мало нѣкіи признавали законнымъ дѣломъ, ежели совершится. Потомъ я и въ Петербургъ отправлялся съ тѣмъ же предлогомъ, но къ несчастному случаю поспѣлъ: въ то самое время молитвенный домъ ихъ по Высочайшей волѣ прекращенъ (Здѣсь разумѣется, вѣроятно, указъ отъ 21 марта 1844, которымъ предписывалось закрыть существовавшую въ домѣ купца Громова моленную). Мнѣ въ своемъ предметѣ и уста отверзать тогда невозможно было. Итакъ я въ скорости паки возвратился въ Москву; и пробылъ я тогда въ Москвѣ мѣсяцевъ до шести; покупалъ иконы и книги, а иныя такъ пожертвованы.“ (Чт. въ общ. Ист. и др. стр. 147—148). О несочувствіи россійскихъ старообрядцевъ бѣлокриницкому предпріятію Геронтій писалъ, очевидно, съ цѣлію выгородить петербургское и московское старообрядческія общества отъ отвѣтственности за участіе въ учрежденіи заграничной раскольнической іерархіи. О пріѣздѣ Геронтія

Между тѣмъ Павелъ и Алимпій получили въ Вѣнѣ заграничные паспорты для путешествія во всѣ страны подсолнечной и успѣли совершить странствіе—ради пріобрѣтенія „древлеправославныхъ“ епископовъ. Это первое ихъ путешествіе служило только предварительнымъ опытомъ странствія съ этою цѣлію, только приготовленіемъ къ главному. По плану инока Павла, какъ мы видѣли, главною цѣлію, куда слѣдовало направить разысканія, долженствовали служить Ливанскія горы; „а *между тѣмъ* предполагалось собрать обстоятельныя свѣдѣнія и въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ—славянскія племена, кои въ древніе вѣки приняли христіанскую вѣру отъ Свв. учителей Кирилла и Меѳодія, иже обитаютъ около Черной Горы, въ Сербіи, и въ островѣ Корфѣ“.[1]) Прежде путешествія въ Ливанскія горы, Павелъ и Алимпій теперь странствовали именно по славянскимъ землямъ, чтобы собрать точныя свѣдѣнія, не обрѣтаются ли въ сихъ земляхъ епископы, соблюдающіе „древнее благочестіе, никоновскими новопремѣненіями не поврежденное.“

Изъ Вѣны путь свой они направили въ Славонію, Далмацію и въ Черную Гору. Надежда обрѣсти въ этихъ странахъ епископа, по раскольническимъ понятіямъ, древле-

---

въ Петербургъ въ 1844 г. упоминаетъ и Ираклій въ своемъ показаніи: „Здѣсь въ Петербургѣ, *въ послѣдній годъ здѣшней моленной*, я опять увидѣлъ Геронтія: онъ былъ уже инокомъ австрійскаго Бѣлокриницкаго монастыря, прихаживалъ въ моленную для моленія. Съ кѣмъ былъ болѣе здѣсь въ связи, мнѣ не извѣстно; но онъ всегда хвалилъ Австрію и за это я съ нимъ поспорилъ. Онъ говорилъ, что *уже послали* за митрополитомъ; за чѣмъ онъ именно пріѣзжалъ я не знаю, но конечно за деньгами.“ (Тамъ же, стр. 188)

[1]) „Предлож. московск. старообряд. обществу“. Тотъ же планъ излагалъ и Алимпій въ одномъ письмѣ своемъ къ крыловскимъ родственникамъ: „Предстоитъ напередъ обратиться къ тѣмъ племенамъ словенскимъ, обитающимъ около Черной Горы, кои прежде приняли вѣру отъ Свв. учителей Кирилла и Меѳодія, и на островъ Корфу, гдѣ мощи Спиридона Тримифійскаго; нужно видѣть и островъ Кипръ; а главный предметъ — на Бѣлоглавый Ливанъ, то-есть въ Ливанскія горы, но даже и во всѣ концы свѣта, гдѣ только могли бы отыскать желаемый нами предметъ“. (Пис. отъ 27-го іюня 1842.)

православнаго, само собою разумѣется, не оправдалась: повсюду они видѣли тѣ же самые обряды, которые якобы введены въ употребленіе только отъ лѣтъ Никона патріарха, что̀ и служило для инока Павла несомнѣннымъ доказательствомъ поврежденія въ вѣрѣ всѣхъ славянскихъ племенъ, отъ святыхъ Кирилла и Меѳодія просвѣщеніе пріявшихъ. Съ этимъ понятіемъ о современномъ положеніи православія въ славянскихъ земляхъ не могъ онъ только помирить слышаннаго имъ въ Черной Горѣ о недавно открытыхъ нетлѣнныхъ мощахъ черногорскаго владыки Петра (скончавшагося 18-го октября 1830 года), такъ какъ явленіе ихъ должно было служить видимымъ знаменіемъ, что благодати Божіей церковь черногорская не лишилась и по сіе время, хотя приняла и троеперстіе, и трегубую аллилуію, и прочія „новопремѣненія." По раскольническому обычаю. Павелъ и Алимпій, разумѣется, питали сомнѣніе относительно дѣйствительнаго нетлѣнія мощей владыки Петра, какъ и вообще относительно подлинности новоявленныхъ мощей въ церкви православной, и этимъ въ другое время могли бы вполнѣ успокоить себя; но теперь у нихъ возникло желаніе собственнымъ ближайшимъ изслѣдованіемъ удостовѣриться — ужели одинъ изъ послѣднихъ черногорскихъ святителей и въ самомъ дѣлѣ прославленъ отъ Бога нетлѣніемъ? Ничто, конечно, не убѣдило бы Павла съ Алимпіемъ въ той очевидной истинѣ, что и троеперстіе, и двуперстіе, и вообще тѣ или другіе обряды сами по себѣ повредить вѣру и благочестіе въ церкви не могутъ, и что именно церковь православная, какъ свидѣтельствуютъ самыя знаменія дѣйствующей въ ней благодати, сохранила и вѣру, и благочестіе неповрежденными; но самоличное видѣніе такихъ знаменій въ той или другой частной церкви для нихъ было важно теперь какъ доказательство, что отъ такой церкви епископъ можетъ быть *принятъ* безъ всякаго сумнѣнія. И вотъ Павелъ и Алимпій всѣми способами стали добиваться возможности лично освидѣтельствовать нетлѣніе мощей владыки Петра. Давши, кому слѣдуетъ, сребренники довольны, ночью вошли они, какъ тати, въ церковь, гдѣ почиваютъ св. мощи; но въ то время, когда

подошли къ гробу святителя, послышался какой-то шумъ въ церкви, и въ страхѣ они бѣжали вонъ. Алимпій, при всей своей отважности, до того смутился, что повторить опытъ былъ уже не въ силахъ, какъ ни убѣждалъ его Павелъ; этотъ же послѣдній, болѣе твердый и настойчивый въ своихъ рѣшеніяхъ, прокрался въ церковь и слѣдующей ночью: та же святотатственная рука, что приняла липованскіе сребренники, дерзнула приподнять одежды нетлѣнно почивающаго святителя, чтобы показать обнаженныя части мощей. Впослѣдствіи Павелъ не скрываясь говорилъ, что въ дѣйствительномъ ихъ нетлѣніи сомнѣваться невозможно; но и видѣніе и осязаніе святыни не послужили на пользу липованскому Ѳомѣ, — онъ попрежнему остался невѣренъ, поставляя двуперстіе, сугубую аллилуію и пр. и пр. выше всѣхъ доказательствъ правой вѣры и истиннаго благочестія. Впрочемъ, Павелъ желалъ и дѣлалъ на всякій случай попытки заимствоваться архіерействомъ именно отъ Черной Горы; но попытки эти кончились, разумѣется, полною неудачей, и искатели древлеправославнаго епископства принуждены были даже съ особенной поспѣшностью утекать изъ черногорскихъ предѣловъ[1]).

Отсюда они направили стопы въ княжество Сербское, и именно въ Бѣлградъ, гдѣ желали объясниться о своемъ дѣлѣ съ сербскимъ митрополитомъ. Митрополитъ принялъ ихъ любовно, выслушалъ ихъ, соболѣзновалъ ихъ долголѣтнему пребыванію безъ пастыря, и такъ какъ всей правды они ему не объяснили, то, почитая ихъ православно вѣрующими, изъявилъ даже готовность поставить для нихъ епископа, при чемъ сожалѣлъ только о томъ, что князь сербскій находился въ отсутствіи, а безъ него исполнить такое дѣло, какъ поставленіе епископа для единовѣрныхъ и единоплеменныхъ жителей иностранной державы,

---

[1]) Надеждинъ, на основаніи собранныхъ имъ слуховъ, писалъ: „Черногорскій владыка велѣлъ даже будто бы выгнать ихъ (Павла и Алимпія) изъ своихъ владѣній съ нечестью и съ угрозой, что если они появятся опять, то имъ будутъ обрублены уши“. (*Сбор.* Кельсіева ч. I, стр. **108**) Игуменъ Парѳеній также увѣряетъ, что „изъ Черногоріи они едва убрались живыми и спаслись бѣгствомъ въ другую сторону“ (?) (*Кн. о Пром.*, стр. **38**).

находилъ неудобнымъ. Желая еще разъ обстоятельнѣе побесѣдовать объ ихъ дѣлѣ, онъ назначилъ имъ новое свиданіе и пригласилъ ихъ на трапезу. Но Павелъ и Алимпій, опасаясь разъясненія дѣла и могущихъ затѣмъ послѣдовать непріятностей, почли за лучшее уѣхать изъ Бѣлграда раньше назначеннаго для свиданія времени. Впослѣдствіи это внезапное прекращеніе сношеній съ сербскимъ митрополитомъ и преждевременный отъѣздъ свой изъ Бѣлграда они объясняли тѣмъ, что будто бы нашли въ Сербіи поливательное крещеніе. Сербскою страной путешествіе искателей „древлеправославнаго“ архіерейства на этотъ разъ и кончилось[1]). Въ половинѣ апрѣля, къ празднику Пасхи, они возвратились въ Бѣлую-Криницу.

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ путешествіи мы заимствовали изъ записокъ о. Онуфрія (*рукоп.*). Геронтій, въ своемъ витіеватомъ *Памятникѣ*, перечисляетъ тѣ же мѣста, посѣщенныя на этотъ разъ Павломъ и Алимпіемъ: „Пустилися въ принадлежащій свой путь, первоначально въ Моравію, начавъ любопытство свое отъ предгорія Черной Горы, проѣхавъ Славонію, иже возгласомъ сладковѣщанныхъ своихъ глаголъ многія церкви обогати, таже въ Сербію, иже во святыхъ отца нашего Саввы архіепископа, сербской нивы дѣлателя, зрѣти посѣвы его святыхъ трудовъ“. Есть извѣстія, что Павелъ и Алимпій ѣздили тогда, кромѣ указанныхъ мѣстъ, еще въ Венецію къ проживавшему тамъ, бывшему далматинскому епископу, Венедикту Кралевичу; но извѣстія эти, сами по себѣ разнорѣчивыя и не подтверждаемыя такими знающими дѣло свидѣтелями, какъ Геронтій, Онуфрій и др., не могутъ быть приняты съ полнымъ довѣріемъ. О сношеніяхъ раскольниковъ съ Венедиктомъ Кралевичемъ писалъ именно Надеждинъ. Въ *Русскомъ Архивѣ* за 1872 годъ (стр. 441—444) напечатана доставленная въ редакцію г-мъ Мельниковымъ „собственноручная записка“ Надеждина, которую онъ, какъ объяснено въ примѣчаніи отъ редакціи *Рус. Архива,* писалъ въ 1845 году для представленія министру внутреннихъ дѣлъ. Въ ней говорилось: „по частнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною *въ прошломъ году* изъ Вѣны и Песта, между раскольниками живущими въ предѣлахъ Австрійской имперіи обнаружилось сильное желаніе имѣть своего собственнаго архіерея, для каковой цѣли *обратились они* къ епископу Венедикту Кралевичу, имѣющему пребываніе въ Венеціи, безъ епархіи, на жалованьи Австрійскаго правительства.“ Сообщивши затѣмъ довольно подробныя біографическія свѣдѣнія о Венедиктѣ Кралевичѣ, Надеждинъ продолжаетъ: „Судя по изложеннымъ здѣсь обстоятельствамъ и по личному наблюденію моему (въ 1841 году) надъ характеромъ этаго старика, для котораго нѣтъ ничего священнаго, я не удивляюсь, *что онъ, какъ извѣщаютъ мои корреспонденты, изъявилъ согласіе пойти къ нашимъ раскольникамъ, сдѣлавшимъ ему богатыя предло-*

III. Въ это время Геронтій былъ уже дома и приступилъ къ работамъ по приведенію монастыря въ приличный видъ. Прежде всего онъ озабоченъ былъ устройствомъ церкви, гдѣ могъ бы служить епископъ хотя въ первое время, такъ какъ въ монастырѣ существовала только небольшая часовня, устроенная еще Паисіемъ (Пареeніемъ), и ветхая, изъ Тернавицкаго лѣса перенесенная изба, заступавшая мѣсто часовни въ зимнее время, а вмѣстѣ служившая и монастырскою трапезой. Ту и другую Геронтій старался привести въ сколько нибудь приличный видъ, — а первую притомъ обратить именно въ церковь. Для этого плоскій потолокъ былъ замѣненъ полукруглымъ сводомъ, надъ которымъ по-

---

женія. Пишутъ, что само Австрійское правительство сначала вызвалось было снабдить его на новомъ постѣ всѣми нужными пособіями къ устройству раскольничьей епископской каeедры" и проч. Но въ томъ же именно 1845 году Надеждинъ былъ опять за границей, гдѣ, по собственнымъ его словамъ, провелъ шесть мѣсяцевъ, разъѣзжая по мѣстамъ, заселеннымъ раскольниками (см. *Сбор. Кельс.* ч. 1, стр. 80), и по возвращеніи оттуда составилъ, на основаніи личныхъ наблюденій, а также и по сообщеніямъ своихъ вѣнскихъ и другихъ знакомыхъ и корреспондентовъ, съ которыми тамъ видѣлся, извѣстную статью „о заграничныхъ раскольникахъ", гдѣ сообщаетъ о сношеніяхъ Павла и Алимпія съ Венедиктомъ Кралевичемъ уже не то, что говорится въ вышесказанной запискѣ, — именно здѣсь онъ не утверждаетъ уже, что Венедиктъ „изъявилъ согласіе пойти къ раскольникамъ", а говоритъ только: „*слухи есть*, что они (Павелъ и Алимпій) *особенно расчитывали* на Венецію, гдѣ проживаетъ Кралевичь... но дѣло и съ нимъ *не сладилось*, безъ сомнѣнія потому, что старикъ не имѣетъ никакихъ выгодъ промѣнять великолѣпную, блестящую Венецію, на какую-нибудь бѣлокриницкую трущобу" (Тамъ же стр. 108),—т.-е. дѣло не сладилось потому, что Венедиктъ самъ *не изъявилъ* согласія пойти къ раскольникамъ. Такое разнорѣчіе передаваемыхъ Надеждинымъ извѣстій о поѣздкѣ Павла и Алимпія въ Венецію и переговорахъ съ Венедиктомъ Кралевичемъ, — извѣстій, которыя притомъ основаны только на *слухахъ*, не внушаетъ къ нимъ довѣрія (Болѣе подробныя замѣчанія о „запискѣ" Надеждина мы изложили въ статьѣ, напечатанной во 2 кн. *Русск. Вѣстника* за 1872 годъ). Изъ лицъ же, близко знавшихъ дѣло, Геронтій, исчисляя мѣста, посѣщенныя Павломъ и Алимпіемъ, совсѣмъ не упоминаетъ о Венеціи, а отецъ Онуфрій положительно утверждаетъ, что въ Венеціи Павелъ и Алимпій не были въ 1845 году и никакихъ сношеній съ Венедиктомъ Кралевичемъ не имѣли; кромѣ того о. Филаретъ въ своихъ *замѣткахъ* говоритъ, что *первый разъ* Алимпій былъ въ Венеціи въ 1861 году, вмѣстѣ съ нимъ—Филаретомъ и о. Сергіемъ.

ставили глухой (фальшивый) куполъ; стѣны изнутри заново покрашены; иконостасъ уставленъ привезенными изъ Москвы иконами, а съ восточной стороны была придѣлана для алтаря новая пристройка, также съ куполомъ. Предвидя всѣ затрудненія, какія пришлось бы встрѣтить при освященіи церкви, Геронтій и Павелъ нашли удобнѣйшимъ поставить въ алтарѣ подвижной престолъ съ „древлеосвященнымъ“ антиминсомъ. Такой именно престолъ Геронтію удалось пріобрѣсти, во время послѣдней поѣздки его въ Россію, въ городѣ Торжкѣ, у старообрядцевъ Мельниковыхъ, которые ради учреждаемой „древлеправославной“ епископіи охотно пожертвовали настоятелю Бѣлокриницкой обители хранившуюся у нихъ драгоцѣнность: этотъ престолъ и былъ поставленъ въ алтарной пристройкѣ бывшей часовни, которая такимъ образомъ превращена въ церковь и стала называться храмомъ Покрова Пресвятыя Богородицы.

Съ заботами о церкви соединялась другая—о пріобрѣтеніи бѣглаго попа, который совершалъ бы въ ней службу и, что̀ всего важнѣе, могъ бы принять будущаго епископа, если потребуется подвергнуть его чинопріятію. Когда началось дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, во всѣхъ липованскихъ селеніяхъ не было ни одного священника, и съ того самаго времени Павелъ и Геронтій постоянно наводили справки, нѣтъ ли гдѣ-нибудь подходящаго попа. Найти его было очень трудно при тогдашнемъ оскудѣніи бѣгствующаго священства. Только въ половинѣ 1844- года, когда явилась уже крайняя нужда имѣть какого бы то ни было священника, бѣлокриницкимъ властямъ удалось наконецъ разжиться и попомъ: это былъ священноинокъ Іеронимъ, — лицо, которому принадлежитъ въ исторіи бѣлокриницкой іерархіи первостепенное мѣсто, не по личнымъ его качествамъ, весьма непривлекательнымъ, и не по какому-нибудь вліянію на ходъ событій въ старообрядчествѣ, къ чему не имѣлъ онъ ни способности, ни возможности, а единственно потому, что привелось ему быть какъ выражаются старообрядцы, „преподателемъ совершительной благодати“ первому раскольническому епископу, а чрезъ него и всѣмъ потомъ бывшимъ и до нынѣ суще-

ствующимъ архіереямъ раскольническимъ и въ Россіи и за границей.

Сей пресловутый священноинокъ Іеронимъ, въ мірѣ Иванъ Розановъ, былъ родомъ изъ Москвы, принадлежалъ къ московскому мѣщанскому обществу. Начало иночества положилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, — томъ самомъ, имя котораго неразрывно связано съ именемъ патріарха Никона: здѣсь, при гробѣ знаменитаго и столь ненавистнаго раскольникамъ патріарха, постригся онъ въ иноки и нѣсколько времени служилъ въ санѣ священника, даже проходилъ должность ризничаго. Изъ Воскресенскаго монастыря, по приглашенію нѣкоего благопріятеля, переселился въ Одессу и тамъ запутался въ какое-то криминальное дѣло, грозившее ему большими непріятностями, такъ что и жить въ Одессѣ было уже не безопасно. Въ этихъ крайне-затруднительныхъ обстоятельствахъ нашелъ его раскольническій инокъ Паисій, одинъ изъ самыхъ опытныхъ ловителей „бѣгствующаго священства“, бродившій по русскимъ монастырямъ и весямъ съ тою именно цѣлію, чтобы высматривать, нѣтъ-ли гдѣ священника, котораго можно было бы увлечь въ расколъ, воспользовавшись затруднительностію его положенія въ церкви. Іерониму Паисій предложилъ, какъ единственное средство спастись отъ бѣды, переходъ за границу къ старообрядцамъ, обѣщая тамъ полную безопасность и всевозможныя удобства жизни. Іеронимъ соблазнился этимъ предложеніемъ, отдалъ себя въ распоряженіе Паисія, и тотъ привезъ его прямо въ Бѣлую-Криницу. [1]) Это было лѣ

---

[1]) *Записки* о. Онуфрія. Свѣдѣнія объ Іеронимѣ, разумѣется, не вполнѣ вѣрныя, сообщаются еще въ раскольнической рукописи: *Краткое описаніе обь австрійскихъ христіанпхъ* (Рукоп. М. Д. Академіи). Здѣсь изложенныя сейчасъ обстоятельства изъ жизни Іеронима передаются такъ: „Іеронимъ, природный бывшій московскій купецъ, поступилъ въ Воскресенскій монастырь, именуемый Новый Іерусалимъ, гдѣ и былъ постриженъ въ иночество и поставленъ по степенямъ духовнымъ въ священноинока въ Москвѣ отъ митрополита Филарета. По случаю былъ изъ Адеста архимандритъ въ Новомъ Іерусалимѣ и убѣдилъ его ѣхать съ нимъ въ Адестъ въ монастырь. И по прибытіи въ Адестъ, *познакомились наши* (!) *христіане съ нимъ,* чрезъ разговоры о вѣрѣ убѣдили его поступить въ наше (!) православіе“, и т. д.

томъ 1843 года. Однакоже бѣлокриницкіе липоване, не смотря на то, что въ священникѣ имѣли крайнюю нужду, принять Іеронима на этотъ разъ не согласились, такъ какъ онъ не имѣлъ при себѣ ни ставленной грамоты, ни иныхъ документовъ, удостовѣряющихъ дѣйствительность его сана, кромѣ одной записки одесскаго братскаго духовника, въ которой говорилось, что „бывый ризничій Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря, іеромонахъ Іеронимъ исповѣдывался и удостоился въ литургисаніи причаститься Святыхъ Таинъ"; притомъ же въ Бѣлой-Криницѣ некому было и „переправить"[1]) Іеронима, то-есть совершить надъ нимъ чинопріятіе. Ему предложили отправиться въ Молдавію, гдѣ находился единственный тогда для всѣхъ заграничныхъ старообряцевъ попъ Алексѣй, съ тѣмъ, что если этотъ послѣдній приметъ Іеронима, исправивъ надлежащимъ образомъ, тогда и въ Бѣлой-Криницѣ принять его будутъ согласны. Іерониму пришлось такимъ образомъ ѣхать за исправой въ Молдавію, къ мануиловскому попу Алексѣю.

Этотъ попъ Алексѣй лицо не менѣе значительное для исторіи Бѣлокриницкой іерархіи, какъ и самъ Іеронимъ, такъ какъ отъ него Іеронимъ получилъ ту „совершительную благодать", которую въ свою очередь преподалъ первому липованскому архіерею: попъ Алексѣй можетъ быть названъ поэтому первымъ родоначальникомъ нынѣ существующей у старообрядцевъ іерархіи. Алексѣй Егоровъ Булгаковъ[2]) принадлежалъ къ духовному званію; воспитаніе получилъ въ курской семинаріи, и по окончаніи курса, какъ самъ выражается, „съ титуломъ воспитанника богословскаго отдѣленія", то-есть по второму разряду, а не съ званіемъ „студента богословія", произведенъ въ курской епархіи во священника. Въ 1822 году, учинивъ какое то

---

[1]) Записка эта сохранилась въ *Бѣлокр. арх.* Она выдана Іерониму въ 1841 году, декабря 4 го дня, и подписана братскимъ духовникомъ іеромонахомъ Клеопою.

[2]) Онъ подписывался иногда двумя фамиліями: *Булгаковъ* и *Зеѣгинцевъ*. Ниже сообщаемыя свѣдѣнія о немъ заимствуются изъ собственнаго его письма въ Бѣлую-Криницу, къ Сергію и Филарету, писаннаго въ 1862 году *Бѣлокр. арх.*), также изъ *Записокъ* о. Онуфрія.

преступленіе, во избѣжаніе суда и наказанія, онъ ушелъ къ раскольникамъ въ Стародубье [1]), куда бѣжали въ то время многіе подобные ему, потерявшіе совѣсть священники, пользуясь изданнымъ тогда указомъ императора Александра I-го—не преслѣдовать такихъ бѣглецовъ и предоставить имъ свободу отправлять священническія требы у раскольниковъ, подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы вели для порядка метрическія книги. Попъ Алексѣй явился первоначально въ Добрянку: здѣсь раскольники приняли его, по обычаю, вторымъ чиномъ. Изъ Добрянки онъ перешелъ въ посадъ Лужки, гдѣ образовалась около этого самаго времени особая (лужковская) секта, признавшая „дозволенныхъ" поповъ незаконными и предписанное имъ веденіе метрикъ дѣломъ богопротивнымъ, и потому принявшая за правило и самихъ раскольническихъ поповъ принимать не иначе, какъ подвергая новой исправѣ [2]). Здѣсь и попъ Алексѣй былъ снова переправленъ и вторично произнесъ проклятія не только на церковь православную, но и на всѣхъ старообрядцевъ, пріемлющихъ отвергаемое лужковцами священство. Изъ Лужковъ наконецъ онъ ушелъ въ Мануиловку, къ молдавскимъ старообрядцамъ, которые не усумнились принять его, хотя вовсе не раздѣляли лужковскимъ мнѣній. Въ послѣднее время, при всеобщемъ оскудѣніи священства у старообрядцевъ, Алексѣй остался, какъ мы уже говорили, единственнымъ попомъ у заграничныхъ раскольниковъ и умѣлъ какъ нельзя лучше пользоваться своимъ положеніемъ, извлекая изъ него всевозможныя выгоды: онъ былъ

---

[1]) Въ упомянутомъ письмѣ 1862 г. онъ говоритъ о себѣ, что въ „древлеправославной вѣрѣ въ сану пресвитера состоитъ сорокъ лѣтъ": слѣдовательно изъ православной въ глаголемую „древлеправославную" вѣру онъ перешелъ именно въ 1822 году.

[2]) Первый такимъ образомъ принятый лужковцами попъ (Іоаннъ), за неимѣніемъ у нихъ ни единаго священнаго лица, вопреки всѣмъ правиламъ, былъ принятъ въ сущемъ его санѣ міряками, предъ которыми произносилъ проклятіе ересей, или, вѣрнѣе, самъ былъ и приходящій и пріемлющій отъ ереси. См. *Историч. сказаніе о первоначальномъ раздѣленіи лужковцевъ съ древлеправославною церковію*, приложенное къ „Отвѣтамъ на вопросы лужковцевъ", бывшаго епископа коломенскаго, нынѣ іеромонаха Пафнутія (рукопись).

дѣйствительно человѣкъ богатый, имѣлъ собственный домъ и большое хозяйство, — жилъ вообще въ полномъ довольствѣ. [1]) Понятно, что онъ вовсе не хотѣлъ раздѣлять выгоды своего положенія съ кѣмъ бы то ни было другимъ, и потому встрѣтилъ Іеронима весьма не привѣтливо,—на его просьбу—„принять его отъ никоніанскія ереси въ липованскую древлеправославную вѣру" отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Поставленный въ безвыходное положеніе, злополучный Іеронимъ нѣсколько мѣсяцевъ неотступно, какъ милости, просилъ у него исправы, кланялся, проливалъ слезы, и едва-едва успѣлъ умилостивить непреклоннаго пастыря молдавскихъ раскольниковъ. Впрочемъ Алексѣй, человѣкъ въ высшей степени лукавый, ограждая свои интересы, не иначе согласился совершить чинопріятіе Іеронима, какъ тайно, безъ свидѣтелей, чтобы въ случаѣ нужды имѣть возможность отъ него отказаться и вообще держать Іеронима у себя въ зависимости. Это сокровенное чинопріятіе совершилось именно ночью 28-го октября 1843 г.,— и какъ оно происходило, или въ чемъ состояло — никто не видалъ и не слыхалъ, даже происходило ли дѣйствительно— никто навѣрное знать не могъ. Іеронимъ однакоже сталъ предлагать теперь свои услуги старообрядцамъ, какъ священникъ надлежащимъ образомъ исправленный; но такъ какъ Алексѣй, съ своей стороны, насчетъ его исправы хранилъ молчаніе и давалъ вопрошавшимъ двусмысленные,

---

1) Вотъ что̀ писалъ о немъ въ 1845 году Надеждинъ: „При церкви (въ Мануиловкѣ) находится бѣглый русскій попъ, по имени Алексѣй, человѣкъ лѣтъ уже за 50, съ женой и дѣтьми.... Въ теперешнее время Алексѣй единовластительствуетъ во всей Молдавіи, оттого онъ очень богатъ, имѣетъ хорошенькій домикъ, ѣздитъ въ красивой вѣнской коляскѣ четверней, и сыновей своихъ, вывезенныхъ взрослыми (?) изъ Россіи, переженивъ здѣсь, пустилъ въ торговлю на собственные изрядные капиталы" (*Сбор.* Кельс. ч. I, стр. 113—114). Въ другомъ мѣстѣ Надеждинъ говоритъ о попѣ Алексѣѣ, что онъ „поведенія хорошаго, то-есть не питущаго, но въ книгахъ совершенный невѣжда" (стр. 116). Невѣждой въ книгахъ назвать его нельзя; также и о поведеніи его совсѣмъ иначе отзываются люди близко его знавшіе,—по ихъ отзывамъ, Алексѣй вовсе не чуждъ былъ общей слабости бѣглыхъ поповъ къ винопитію (см. ст. *Поѣздка за мѵромъ, Русск. Вѣст.* т. L, стр. 71).

а иногда и отрицательные отвѣты, то старообрядцы вообще сомнѣвались принимать отъ Іеронима тайны, и только одно раскольническое мѣстечко Дамаска согласилось взять его въ попы. Дошли слухи и до Бѣлой-Криницы, что Іеронимъ священствуетъ въ Молдавіи. Въ маѣ 1844 года, послѣ коммиссій барона Каке, когда бѣлокриницкая братія уже вполнѣ увѣрилась въ благополучномъ исходѣ просьбы объ учрежденіи архіерейской каѳедры и когда въ пріобрѣтеніи священника явилась именно крайняя надобность, рѣшено было отправить вѣрныхъ людей въ Молдавію — навести справки объ Іеронимѣ и затѣмъ пригласить его на жительство въ Бѣлую-Криницу [1]). Отправились ризничій инокъ Онуфрій и почетный бѣлокриницкій житель Дѣй Парамоновъ. Іеронимъ клятвенно увѣрялъ ихъ что исправленъ, какъ должно, и на приглашеніе ѣхать въ Буковину отвѣчалъ полнѣйшимъ согласіемъ. Спросили попа Алексѣя: тотъ говорилъ, что никакой исправы не было, — и какъ ни кланялись, какъ ни умоляли его инокъ Онуфрій съ Дѣемъ Парамоновымъ, чтобы сказалъ сущую правду, стоялъ на одномъ—что Іеронима никогда не перемазывалъ. Бѣлокриницкіе посланцы имѣли однакоже больше вѣры клятвамъ Іеронима и увезли его съ собою.

Такимъ образомъ въ Бѣлой-Криницѣ явился свой собственный попъ, относительно котораго все же однако оставалось сомнѣніе — исправленъ онъ, или не исправленъ. Чтобъ устранить это сомнѣніе, бѣлокриницкія власти продолжали посредствомъ писемъ упрашивать Алексѣя — открыть имъ всю истину о чинопріятіи Іеронима, — и тотъ наконецъ письменно же извѣстилъ ихъ, что 28-го октября 1844 года дѣйствительно перемазалъ Іеронима. Инокъ Павелъ, безъ сомнѣнія, хорошо понималъ, что тѣ или другія увѣренія человѣка, подобнаго попу Алексѣю, не много значатъ, и что самое чинопріятіе, имъ совершенное, если признать его несомнѣннымъ, какъ дѣйствіе лица принадлежавшаго къ не-

---

[1]) Къ этому же времени бѣлокриницкіе иноки успѣли навести справки и въ Москвѣ, по которымъ оказалось, что Іеронимъ дѣйствительно былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ іеромонахомъ.

терпимой у бѣглопоповцевъ лужковской сектѣ, не должно бы имѣть и надлежащей силы; но такъ велика была надобность въ какомъ бы то ни было священникѣ, что и Павелъ и прочая бѣлокриницкая братія были очень довольны письменнымъ удостовѣреніемъ попа Алексѣя, и съ того времени Іеронимъ несумнительно допущенъ къ отправленію требъ во всѣхъ липованскихъ селеніяхъ Буковины и служилъ въ сельской бѣлокриницкой церкви. Имъ же совершено и поставленіе подвижнаго престола въ монастырской часовнѣ, обращенной въ Покровскую церковь [1]).

Кромѣ церкви, Геронтій занимался устройствомъ и другихъ монастырскихъ зданій. Прежде всего построенъ былъ небольшой деревянный домикъ для жительства будущему епископу, по крайней мѣрѣ на первое время; а до пріѣзда его, здѣсь помѣстился самъ настоятель съ инокомъ Павломъ; заложенъ каменный двухъ-этажный корпусъ для братскихъ келій, на волковскія деньги; наконецъ въ глубинѣ монастырскаго сада, на востокъ отъ Покровской церкви, расчищено было мѣсто для рахмановскихъ палатъ, съ церковію и помѣщеніемъ для епископа и старшей братіи, и постепенно заготовлялись матеріалы для постройки этихъ чертоговъ.

Вотъ что сдѣлано было на деньги россійскихъ старообрядцевъ для приведенія Бѣлокриницкаго монастыря въ приличное для липованской епископіи устройство лѣтомъ 1845

---

[1]) *Записки* о. Онуфрія. Его же *Вопросы и отвѣты о бѣлокр. іерархіи* (рукоп.). Надеждинъ, путешествуя по липованскимъ селеніямъ Буковины, видѣлъ Іеронима и говоритъ о немъ слѣдующее: „Іеронимъ выбѣжалъ сюда изъ Россіи назадъ тому года три, но откуда именно—неизвѣстно. Я встрѣтилъ этого бѣглеца въ слободѣ Климовцахъ, гдѣ онъ ходилъ по домамъ съ разрѣшительною на скромное молитвой, предъ исходомъ Петрова поста. Человѣкъ онъ еще не старый, лѣтъ подъ сорокъ, съ физіономіей и манерами запечатлѣнными глубокимъ лукавствомъ, но въ отношеніи къ умственному образованію весьма недалекій“ (*Сбор.* Кельс. ч. I, стр. 91). Іеронимъ, по отзыву людей хорошо его знавшихъ, былъ дѣйствительно человѣкъ безъ всякаго образованія и весьма недалекій, къ тому же, по обычаю всѣхъ бѣглыхъ поповъ, и нетрезвой жизни; но лукавства и хитрости въ немъ вовсе не было,—напротивъ, онъ отличался простотой и откровенностью, какъ всѣ вообще „недалекіе“ люди.

года, когда Павелъ и Алимпій, отдохнувъ послѣ перваго путешествія въ славянскія страны, сбирались въ новое далекое странствіе.

Въ это же время, именно въ концѣ іюня, посѣтилъ Бѣлую-Криницу русскій ученый Н. И. Надеждинъ, путешествовавшій по порученію правительства преимущественно для собранія свѣдѣній о заграничныхъ старообрядцахъ. Инокъ Павелъ, незадолго предъ тѣмъ, по словамъ самого Надеждина, возвратившійся изъ своего путешествія въ Черногорію, и инокъ Геронтій принимали его очень внимательно, съ большимъ уваженіемъ; но, подозрѣвая цѣль его прибытія въ Буковину, старались въ то же время соблюдать въ бесѣдѣ съ нимъ большую осторожность. „Геронтій, въ качествѣ настоятеля (расказываетъ Надеждинъ), принималъ и угощалъ меня въ своихъ (новоустроенныхъ) кельяхъ, убранныхъ весьма не дурно, даже съ нѣкоторымъ, можно сказать, щегольствомъ. Между тѣмъ Павелъ, приглашенный, какъ я не могъ не замѣтить, нарочно настоятелемъ, не оставлялъ меня ни на минуту, занималъ и, главное, выпытывалъ своею краснобайною бесѣдой". Происходившія въ монастырѣ приготовленія къ открытію епископской каѳедры, о которыхъ мы сейчасъ говорили, Надеждинъ видѣлъ лично, на мѣстѣ, и вотъ что писалъ объ нихъ: „На деньги русскихъ раскольниковъ, согласно ихъ назначенію, открыто и съ особенною спѣшностію дѣлаются всѣ нужныя приготовленія къ принятію и водворенію епископа, точно будто бы онъ уже въ дорогѣ: собирается ризница и другія принадлежности необходимыя для архіерейскаго священнослуженія; дому, гдѣ долженъ помѣщаться архіерей съ своею свитой, предначертанъ планъ, заготовлены матеріалы и очищено мѣсто внутри монастыря; монастырская церковь перестраивается, чтобы получить размѣры и видъ достойные предназначенія ея быть каѳедральнымъ соборомъ епископіи.[1]) Все это я видѣлъ собственными глазами, все это

[1]) Громкимъ именемъ каѳедральнаго собора передѣланную изъ часовни деревянную, обмазанную глиной и очень небольшую церковь во всякомъ случаѣ назвать нельзя (см. объ ней въ *Поѣздкѣ за мгромъ. Русск. Вѣст.* т. L, стр. 61).

показывали мнѣ сами бѣлокриницкіе монахи, съ видомъ смиренно—лукаваго торжества.“ [1])

IV. Наконецъ, 4 іюня 1845 года, [2]) инокъ Павелъ съ тѣмъ же спутникомъ своимъ Алимпіемъ началъ и то странствіе, которое столько лѣтъ служило предметомъ его пламенныхъ желаній. Новое, предпринятое теперь странствіе должно было служить рѣшительною попыткой—тѣмъ или инымъ способомъ непремѣнно отыскать и пріобрѣсти епископа для Бѣлокриницкой каѳедры. Крайнимъ предѣломъ его, какъ мы уже знаемъ, служили „бѣлоглавыя“ Ливанскія горы, Египетъ и иныя мѣста, гдѣ, по мнѣнію старообрядцевъ, имѣлись сокровенно обитающіе „древлеправославные“ епископы. Впрочемъ исканіе въ этихъ странахъ „древлеправославнаго“ епископа Павелъ намѣренъ былъ произвести собственно потому, что таково было общее желаніе старообрядцевъ и такъ обѣщалъ онъ въ своемъ объясненіи съ московскимъ обществомъ,

---

[1]) *Сбор*. Кельс. ч. I, стр. 109.

[2]) Подъ этимъ числомъ въ памятной книжкѣ инока Павла записано: „Сего числа, отдавъ отчетъ отцу (т.-е. настоятелю Геронтію, евангельскому отцу его) за прошлое время путешествій, отправляемся паки въ путь на полуденную страну вселенныя“ Павелъ, какъ мы видѣли, съ юныхъ лѣтъ имѣлъ обычай вести памятныя книжки, или журнальцы: настоящая книжка, названная „Журналомъ 1845 года съ 4-го числа іюля мѣсяца“, изъ которой сохранилось, къ сожалѣнію, только нѣсколько листковъ, заведена была Павломъ для того, чтобы записывать не столько разныя путевыя приключенія, сколько свои собственные проступки, или, какъ выражался, „преступленія“, въ видахъ нравственнаго самоусовершенствованія, предостереженія отъ подобныхъ проступковъ на будущее время. Она имѣла эпиграфомъ слѣдующее изреченіе: „безъ нужды не любопытствуй и никого не вопрошай; безъ вопросовъ не отвѣщай, если къ коему дѣлу не вчиненъ“, и раздѣлена была на графы,—въ одной записывалось „содержаніе преступленій и прочихъ замѣчаній“, въ другой — „резолюціи“. Вотъ образцики преступленій: „Сего числа праздсловіе и безъ вопросовъ разсужденія и наставленія не моей мѣры“; еще: „согрѣшилъ, отца Алимпія заочно осуждалъ и поносилъ, что въ Мануиловкѣ съ попомъ, и со старостой, и съ прочими *хмѣльной неприлично обращался*.“ Павлу его спутникъ нерѣдко давалъ поводы къ преступленіямъ подобнаго рода.... Въ графѣ резолюцій писалось: „замѣтить излиха“, и под. Изъ самаго назначенія этой памятной книжки видно уже, какъ серьёзно смотрѣлъ инокъ Павелъ на предпринимаемое теперь путешествіе.

также отчасти для успокоенія и своей совѣсти; а на самомъ дѣлѣ, какъ мы говорили, онъ тогда уже мало вѣрилъ раскольническимъ сказаніямъ о сокровенныхъ епископахъ древняго благочестія, и потому предположилъ во время путешествія на Ливанъ, въ Палестину и Египетъ заняться преимущественно разысканіемъ—нѣтъ ли между подлежащими чиноріятію втораго, или третьего рода греко-восточными іерархами гдѣ-нибудь такого, который согласился бы на предложеніе сдѣлаться старообрядческимъ епископомъ. И во все время своего продолжительнаго путешествія онъ дѣйствительно не опускалъ изъ вида этой прямой, ближайшей своей цѣли, начавъ поиски съ сосѣдней съ Буковиною православной митрополіи молдавской.

Изъ Бѣлой-Криницы, какъ уже сказано, Павелъ и Алимпій выѣхали 4го іюля, и остановились сначала въ Мануиловскомъ скиту, гдѣ настоятельствовалъ бывшій бѣлокриницкій настоятель инокъ Іоиль.[1]) Въ скиту и въ селеніи Мануиловкѣ они пробыли нѣсколько дней. Мануиловка— главное и самое старое изъ раскольническихъ селеній въ Молдавіи; здѣсь у старообрядцевъ издавна существовала церковь, при которой и находился упомянутый выше попъ Алексѣй. Маленькіе и бѣдные скиты — мужской и женскій находятся неподалеку отъ селенія, пріютившись, какъ и самое селеніе, между высокими, поросшими лѣсомъ отрогами Карпатскихъ горъ. Мануиловскіе раскольники уже знали о томъ, что̀ затѣвается въ Бѣлой-Криницѣ; знали и то, что затѣя приняла серьезный характеръ, что получено уже отъ правительства разрѣшеніе учредить въ монастырѣ архіерейскую каѳедру, такъ какъ вообще имѣли частыя сношенія съ Бѣлою-Криницей. Іоиль, по своимъ прежнимъ отношеніямъ къ Геронтію и Павлу съ братіей, не особенно сочувствовалъ ихъ замысламъ. Здѣсь же, въ Мануиловскомъ скиту, Павелъ встрѣтился съ своими прежними друзьями, которыхъ такъ давно невидалъ,—съ бывшимъ настоятелемъ Лаврентьева монастыря Аркадіемъ и

[1]) Въ скитъ Мануиловскій Павелъ и Алимпій пріѣхали ночью съ 6-го на 7-е іюля (Журналъ Павла).

лаврентьевскимъ же инокомъ Евфросиномъ. Лаврентьевъ монастырь въ это время былъ уже закрытъ по распоряженію правительства, и Аркадій, поживши нѣсколько времени на родинѣ, въ Клинцовскомъ посадѣ, только что успѣлъ пробраться за границу: въ Минуиловскомъ скиту онъ былъ проѣздомъ, на пути въ Добруджу, въ Славскій скитъ, гдѣ намѣренъ былъ поселиться. Аркадій, какъ было уже сказано, принадлежалъ къ числу тѣхъ старообрядцевъ, которые на учрежденіе архіерейства смотрѣли неблагосклонно; живя въ Россіи, будучи настоятелемъ Лаврентьева монастыря, онъ высказывалъ это прямо. И теперь онъ, вмѣстѣ съ Іоилемъ, выражалъ несочувствіе къ предпріятію Павла. Притомъ же Аркадій, а равно и Евфросинъ, были недовольны Павломъ, что уѣзжая изъ Лаврентьева онъ скрылъ отъ нихъ—куда и зачѣмъ отправился съ Геронтіемъ. Такимъ образомъ Павлу пришлось въ Мануиловскомъ монастырѣ имѣть нѣкоторыя пререканія съ прежними друзьями. [1]) Но перемѣна обстоятельствъ однакоже не осталась безъ вліянія и на этихъ послѣднихъ: видѣвъ большее и большее оскудѣніе бѣгствующаго священства въ Россіи, убѣдившись въ сочувствіи старообрядческихъ обществъ къ учрежденію собственнаго архіерейства, узнавъ, наконецъ, какіе успѣхи въ этомъ отношеніи достигнуты Павломъ, и самъ Аркадій не нашелъ удобнымъ осуждать его рѣшительно. Еще не доволенъ былъ затѣей бѣлокриницкаго братства мануиловскій попъ Алексѣй, котораго личные интересы побуждали именно противодѣйствовать размноженію старообрядческаго священства; но и онъ въ свою очередь, какъ человѣкъ хитрый, нашелъ удобнѣйшимъ не выражать неудовольствія, нейти противъ общаго мнѣнія. Что же касается самихъ молдавскихъ раскольниковъ, то извѣстіе объ учрежденіи старообрядческаго архіерейства у нихъ принято бы-

---

1) Въ „Журналѣ“ Павла подъ 11-мъ числомъ іюля записано, въ видѣ преступленія: „Многословіе и оправданіе сильное и осужденіе отца Аркадія съ Евфросиномъ *за невинное мнѣ осужденіе*“. Подъ 14-мъ числомъ: „Отца Іоиля оскорбилъ, обаче къ тому гнѣва не держу, понеже обстоятельства такъ заводятъ“.

ло съ большою радостію: „событіе въ Буковинѣ простерло уже сюда свое заразительное вліяніе (писалъ Надеждинъ, побывавъ у молдавскихъ раскольниковъ около того самаго времени, какъ туда пріѣхали Павелъ и Алимпій), вѣсть объ учреждаемой раскольнической епископской каѳедрѣ, распространяясь между ними, носится изъ устъ въ уста любопытною новостью и возбуждаетъ общее участіе." [1]) Теперь Павелъ и Алимпій пріѣхали въ Мануиловку не столько затѣмъ, чтобы заручиться расположеніемъ молдавскихъ старообрядцевъ къ учреждаемому архіерейству, сколько — поразвѣдать у нихъ, нѣтъ ли въ Молдавіи епископа, удобнаго къ уловленію въ старообрядчество. Послужить имъ въ этомъ отношеніи могли больше ясскіе раскольники: изъ Мануиловки они и отправились въ Яссы.

Въ Яссахъ, какъ мы уже говорили, издавна существовало общество русскихъ старообрядцевъ. Они жили преимущественно въ предмѣстьи города, за Бухлуемъ: здѣсь находилась у нихъ, существовавшая также изстари, каменная Успенская церковь, при которой въ былыя времена, когда въ бѣгствующемъ священствѣ не было недостатка, имѣлись постоянно бѣглые попы, теперь же отправлялъ службу уставщикъ Никифоръ Панкратьевъ, почтенный старикъ, находившійся въ этой должности около 25 лѣтъ. Ясскіе старообрядцы издавна также поддерживали сношенія съ православными ясскими митрополитами, и поэтому-то между прочимъ раскольники въ своихъ попыткахъ пріобрѣсти епископа, въ прежнее время, обращали взоры преимущественно на ясскую митрополію. И Павелъ, подражая предкамъ, отсюда же вознамѣрился начать свои новые опыты въ исканіи архіерейства. Тогда у ясскихъ старообрядцевъ пользовался особеннымъ уваженіемъ митрополитъ Веніаминъ, старецъ кроткій и благочестивый. Старообрядцы къ нему хаживали; онъ принималъ ихъ съ любовію: ему нравились ихъ преданность старинѣ и строгое соблюденіе церковныхъ уставовъ. Между прочимъ онъ любилъ слушать, какъ раскольники на свой колокольнѣ зво-

---

[1]) *Сбор.* Кельсіева ч. I, стр. 117.

нійй по-русскй, и даже просилъ уставщика Никифора научить его соборныхъ звонарей этому старому русскому звону: просьбу владыки Веніамина уставщикъ, разумѣется, исполнилъ съ удовольствіемъ и получилъ отъ него за эту услугу наперсный крестъ[1]). Въ то время, какъ Павелъ и Алимпій пріѣхали въ Яссы, митрополитъ Веніаминъ уже оставилъ каѳедру и жилъ на покоѣ въ Слатинскомъ монастырѣ. Понятно, что ясскіе старообрядцы, которые вообще отнеслись съ большимъ сочувствіемъ къ ихъ предпріятію, не могли указать бѣлокриницкимъ искателямъ архіерейства никого лучше, какъ владыку Веніамина. То самое, что онъ жилъ на покоѣ, представлялось и имъ, и Павлу обстоятельствомъ особенно благопріятнымъ въ настоящемъ случаѣ. И вотъ Павелъ и Алимпій съ депутаціей отъ ясскихъ старообрядцевъ дѣйствительно отправились въ Слатинъ, просить митрополита Веніамина — или самого переселиться на жительство въ Бѣлую-Криницу, въ званіи верховнаго старообрядческаго пастыря, или, что еще лучше, посвятить нарочно въ епископы для Бѣлой-Криницы кого-либо изъ среды старообрядцевъ. Здѣсь Павелъ, подражатель предковъ, въ точности слѣдовалъ примѣру вѣтковцевъ, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ обращавшихся съ такою же просьбой къ ясскому митрополиту Антонію. Само собою разумѣется, что онъ, слѣдуя опять примѣру тѣхъ же предковъ, не считалъ нужнымъ предварительно сообщать митрополиту Веніамину о чинопріятіи, какому долженъ будетъ подвергнуться онъ, или поставленный имъ новый епископъ, по прибытіи въ Бѣлую-Криницу. Полагая, что старообрядцы желаютъ имѣть дѣйствительно православнаго епископа, митрополитъ Веніаминъ принялъ ихъ просьбу благодушно; но исполнить ее рѣшительно отказался: съ своимъ монастырскимъ уединеніемъ, котораго давно искалъ и ради котораго отказался отъ митрополіи, онъ, разумѣется, не желалъ разстаться для Бѣлой-Криницы; а поставить на бѣлокриницкую каѳедру новаго епископа считалъ себя не въ правѣ, какъ удалившійся отъ управленія церковными дѣлами:

---

[1]) *Записки* о. Онуфрія.

право это, въ области ясской митрополіи, принадлежало только дѣйствительному митрополиту, къ которому онъ и посовѣтовалъ старообрядцамъ обратиться съ своей просьбой.[1]) Потерпѣвъ неудачу въ переговорахъ съ митрополитомъ Веніаминомъ, Павелъ рѣшился, прикрываясь его совѣтомъ и какъ бы именно по его порученію, обратиться съ предложеніемъ о постановленіи епископа для буковинскихъ липованъ къ наличному ясскому митрополиту. Но здѣсь онъ уже не встрѣтилъ того благодушія, съ какимъ принялъ его митрополитъ Веніаминъ: проникая дѣйствительныя намѣренія раскольниковъ, ясскій владыка, безъ дальнихъ объясненій, прогналъ старообрядческую депутацію.[2])

Итакъ, „желаемымъ предметомъ" въ Яссахъ заимствоваться не удалось. Павелъ и Алимпій возвратились въ Мануиловку, и отсюда, по новомъ совѣщаніи съ старообрядцами, отправились въ Боташаны, гдѣ, по слухамъ, жилъ на покоѣ какой-то православный епископъ: оказалось, что епископъ дѣйствительно жилъ тамъ, но незадолго предъ тѣмъ временемъ скончался. Продолжая свои поиски, Павелъ и Алимпій задумали съѣздить въ Валахію, навѣдаться— нельзя ли тамъ позаимствоваться архіерействомъ; но даже и проѣхать чрезъ границу безъ разрѣшенія отъ валахскаго архіерея имъ не было дозволено. Вообще (замѣчаетъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Павла и Алимпія въ учрежденіи іерархіи) „кидались они по Молдавіи, какъ угорѣлые; искали епископа чтобы купить, и однако не нашли".[3])

Теперь уже ничего болѣе не оставалось, какъ отправиться „въ греки". Ближайшею цѣлію въ этомъ путешествіи къ грекамъ служилъ, какъ и слѣдовало, Царьградъ, — мѣстопребываніе вселенскаго патріарха. На пути же въ Царьградъ, Павелъ и Алимпій посѣтили живущихъ при Дунаѣ Некрасовцевъ.

---

1) Тамъ же. Чрезъ два года послѣ этого, въ 1847 году, митрополитъ Веніаминъ скончался въ Слатинскомъ монастырѣ (Ин. Парѳенія *Странствіе и путешествіе*, т. II, стр. 32).

2) *Зап.* о. Онуфрія.

3) Ин. Онуфрій, тамъ же.

V. Такъ какъ въ исторіи Бѣлокриницкой іерархіи некрасовскія общества занимаютъ непослѣднее мѣсто, то неизлишне сказать предварительно нѣсколько словъ о ихъ происхожденіи, внутреннемъ бытѣ и устройствѣ.

Первое появленіе русскихъ раскольниковъ за Дунаемъ относится къ началу XVIII столѣтія и находится въ связи съ извѣстнымъ возмущеніемъ донскихъ казаковъ подъ предводительствомъ атамана Кондратья Булавина. Поднятый собственно въ защиту казацкихъ вольностей, на которыя императоръ Петръ хотѣлъ наложить свою властную руку, прославъ разыскивать между казаками разнаго рода бѣглыхъ людей, свободно принимаемыхъ ими въ силу ихъ казацкихъ привилегій, булавинскій бунтъ имѣлъ отчасти и религіозный оттѣнокъ: въ царственномъ преобразователѣ Россіи казаки видѣли не только своего притѣснителя, но и гонителя такъ-называемой „старой вѣры", которой они были горячими поборниками, — брадобривца, ведущаго дружбу съ бусурманами, піющаго табакъ и иныя богопротивныя зелія; между ними даже ходили слухи, что изъ нѣмецкой земли пріѣхалъ не истинный царь Петръ Алексѣевичъ.... Въ своей грамотѣ, разосланной въ началѣ 1708 года, Булавинъ между прочимъ, писалъ, что Донское воинство положило „стоять со всякимъ радѣніемъ за домъ Пресвятыя Богородицы и за истинную вѣру христіанскую и *за благочестиваго царя*.... а нѣмцамъ за ихъ злое дѣло не спущать ради того, что они вводятъ всѣхъ въ еллинскую вѣру и отъ истинной вѣры христіанской отвратили своими знаменьми и чудесы прелестными".[1]) Когда царскія войска стали одолѣвать бунтовщиковъ, когда началась петровская расправа съ полоненными, одинъ изъ сподвижниковъ Булавина, атаманъ Игнатій Некрасовъ, видя бѣду неминучую, рѣшился съ своею дружиной, состоявшею изъ 2.000 казаковъ, бѣжать въ Кубань, за россійскій рубежъ, во владѣнія крымскаго хана.

Это была знакомая приволжскимъ и донскимъ раскольникамъ дорога: не мало казаковъ бѣжало на Кубань и въ

---

1) Соловьева *Ист. Россіи* т. XV, стр. 244.

прошломъ, XVII столѣтіи. Дружина Некрасова умножила въ значительной степени, существовавшія здѣсь раскольническія поселенія; самъ же Некрасовъ, какъ предводитель дружины, получилъ большое значеніе и власть среди кубанскихъ казаковъ. Но жилъ онъ во владѣніяхъ крымскаго хана недолгое время. Его постигла судьба всѣхъ нашихъ зарубежныхъ выходцевъ того времени. По мѣрѣ того, какъ съ успѣхами русскаго оружія отодвигались дальше и дальше рубежи русскаго государства, дальше отодвигались и усѣвшіеся за рубежами русскіе выходцы. Еще въ царствованіи Петра, когда начались войны съ турками, и русскія войска, направляясь къ турецкимъ предѣламъ, начали тревожить кубанскихъ поселенцевъ, Некрасовъ и бо̀льшая часть козаковъ поднялись съ Кубани и пустились дальше — искать осѣдлаго мѣста во владѣніяхъ турецкаго султана. Турецкому правительству они предложили свои услуги противъ царскаго войска, и вообще обязались—во время „размира" съ кѣмъ бы то ни было, являться на службу по первому призыву, не требуя отъ правительства никакихъ расходовъ на вооруженіе и содержаніе своей вольной дружины; за то они просили у султанскаго правительства дать имъ мѣста для поселенія и предоставить свободу исповѣданія „древлеправославной вѣры", также сохраненіе ихъ стародавняго казацкаго быта во всей его полнотѣ — отъ суда и расправы въ казацкомъ кругу до казацкаго платья включительно. Султанъ принялъ милостиво просьбу Некрасова: казакамъ было дано позволеніе селиться по берегамъ Дуная, при впаденіи его въ Черное море, и жить по своимъ обычаямъ, только не нарушая вѣрности султанскому правительству и исправно являясь на службу въ военное время. Новые подданные султана, по имени своего предводителя Игната Некрасова, получили у турокъ названіе *Игнатъ-казаковъ*, а сами стали называться *Некрасовцами*.

Такъ явились первыя поселенія русскихъ старообрядцевъ на Дунаѣ, — тамъ, гдѣ эта рѣка, направляясь къ морю, образуетъ своимъ изгибомъ небольшой полуостровъ, извѣстный подъ общимъ названіемъ Добруджи. Это мѣсто, и въ то время, когда пришелъ сюда Некрасовъ, лежавшее непода-

леку отъ русскихъ границъ, впослѣдствіи, когда начались частыя войны съ турками, сдѣлалось передовымъ постомъ, куда направлялись обыкновенно русскія войска. Это обстоятельство и было причиною, что у некрасовцевъ довольно рано начинаются переселенія изъ Добруджи во внутреннія области Турецкой имперіи, даже на окраины Турціи, въ сторону совершенно противоположную Добруджѣ. Правда, это были переселенія большею частію временныя: съ прекращеніемъ войны, по минованіи опасности, переселенцы возвращались обыкновенно на свои старыя мѣста, въ свою Добруджу; но случалось, что иные изъ этихъ переселенцевъ предпочитали оставаться и тамъ, куда на время загоняла ихъ нужда. Такимъ образомъ явились, поселенія некрасовцевъ даже въ мѣстахъ столь далекихъ отъ Добруджи и Дуная, какъ берега Эносскаго залива, гдѣ существуетъ и доселѣ некрасовское селеніе Казакъ-кёй,[1]) и даже малоазійскій берегъ Мраморнаго моря, гдѣ находится другое, болѣе извѣстное некрасовское селеніе съ турецкимъ названіемъ Бинъ-эвле (тысяча домовъ), иначе Майносъ, какъ обыкновенно зовутъ его сами Некрасовцы. Казакъ-кёй теперь ничтожное, полузабытое селеніе; Майносъ гораздо значительнѣе, но все-таки своему названію Бинъ-эвле далеко не соотвѣтствуетъ. Самую замѣчательную принадлежность Майноса составляетъ теперь то, что здѣсь сохранились во всей первобытной, неповрежденной чистотѣ своей казацкіе нравы и порядки временъ Некрасова съ товарищами: майносцы, это какимъ-то чуднымъ образомъ до нашего времени сохранившіеся въ азіятской глуши живые представители тѣхъ вольныхъ русскихъ людей, что въ началѣ XVIII вѣка пришли на Дунай съ береговъ Дона и Кубани [2]).

При совершенной незначительности тѣхъ казацкихъ поселеній, которыя были основаны добруджинскими выходцами

---

1) Еще два раскольническія селенія этого имени находятся на южномъ берегу Чернаго моря, одно при озерѣ Дерконъ, другое близь Бафры.

1) Домашній и общественный бытъ майносскихъ некрасовцевъ очень вѣрно и живо описанъ въ интересной статьѣ г. Иванова-Желудкова (Кельсіева): *Русское село въ Малой Азіи* (*Русск. Вѣст.* т. LXI, стр. 413—451).

нмъ разныхъ мѣстахъ Турецкой имперіи, Добруджа, гдѣпер воначально поселились некрасовцы, по прежнему осталась главнымъ мѣстомъ жительства задунайскихъ раскольниковъ. Здѣсь раскольническое населеніе съ теченіемъ времени достигло весьма значительной цифры, и не столько путемъ естественнаго размноженія казацкихъ семей, сколько вслѣдствіе наплыва новыхъ бѣглецовъ изъ Россіи по проложенной некрасовцами дорогѣ въ султанскія владѣнія. Эти новые русскіе выходцы уже вовсе не принадлежали къ потомкамъ славнаго войска донскаго: это были, какъ и въ липованскихъ селеніяхъ Буковины, тѣ изъ ревнителей „древняго благочестія“, которымъ почему-либо сдѣлалось не совсѣмъ удобно оставаться въ Россіи. Некрасовцы, по старому казацкому обычаю, радушно принимали ихъ въ свое общество, и многіе изъ этихъ выходцевъ начали жить подъ именемъ и на правахъ игнатъ-казаковъ, хотя тѣхъ казацкихъ качествъ, которыми отличаются прямые потомки некрасовцевъ, пріобрѣсть уже не могли. Впрочемъ, большею частію они селились отдѣльно отъ казаковъ, по турецкимъ городамъ и мѣстечкамъ, или заводили свои собственныя поселенія, и стали жить здѣсь какъ обыкновенные русскіе выходцы. Изъ такихъ поселеній, гдѣ раскольники живутъ не на казацкихъ правахъ, извѣстны въ Турціи: *Камень* (неподалеку отъ Мачина), *Новинка* (близь Гирсова), *Татарица* (на пути изъ Силистріи къ Туртукаю); кромѣ того, значительное число пришлыхъ изъ Россіи раскольниковъ живетъ въ Тульчѣ, Исакчѣ, Мачинѣ, Бабадагѣ (по раскольническому названію Бабѣ) и въ разныхъ мѣстечкахъ, разсѣянныхъ вдоль морскаго берега, до самаго Адріанополя,— до Ядрина, какъ называютъ его раскольники.

Средоточіе раскольническаго населенія въ Турціи составляютъ и нынѣ тѣ казацкія села, которыя были основаны первыми бѣжавшими съ Кубани некрасовцами. Таковы именно слѣдующія три слободы, сплошь населенныя раскольниками: *Сары-кёй*,[1]) *Слава и Журиловка*. Въ сороковыхъ

[1]) Въ одномъ письмѣ Аркадія славскаго находимъ объясненіе этого имени: „турецкимъ названіемъ Сары-кей, а по нашему *Желтое село*“ (Письмо въ Бѣлую-Криницу, отъ 7-го сентября 1857 г.).

Есть [illegible] соображение расп[illegible] [illegible]
[illegible] в [illegible] XVIII в. [illegible]

[illegible] 580 [illegible]

Обрисовавши [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] (к [illegible] [illegible]); [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] 2, 18. ~~[illegible]~~ [illegible]
[illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]

няъ ра
воначе
главни
Здѣсь
достик
естест
ствіе
ной н
вые р
камъ
повані
няго б
всѣмъ
му ка
общес
именеі
кихъ
красов
частік
кимъ
ныя п
русскі
живут
Камень
Татарі
того, а
живет
ничесі
сѣянні
до Яд
Сре
ляютъ
первы
именні
кольні

1) Въ
ни: „ту
въ

Важность вопроса о происхождении раскольничьей мысли о бег-
[...]ствующем священстве. Собственно это находит и важней-
[...] пункт диссертации, без чего последняя потеряла бы
[...]тельную долю научной цены. И Вы совершенно правиль-
[...]о открываете изследование решением этого вопроса. ~~[...]~~
~~[...]~~ В изследовании таких основных вопросов о происхож-
[...]нии известных ист. явлений обнаруживается критическая
[...]рукость(?) изыскателя. Для ~~[...]~~ подобных задач особенно
[...]ребуется от него осмотрительность и точность вос-
[...]роизведения фактов. Вы осторожный и строгий историк,
[...]обще расположены отвергать или подвергать сомнению.
[...] прискорбно(?) встретить в конце вступления, что Вы сверх
[...]ие привычных(?) приемов изследователя и вполне самостоятельный, а что
[...] изследователь и вполне самостоятельный, а что
[...] берете смелость утверждать это с решитель-
[...]остию.

Вы говорите о раскольничьих толках об ...(?) [...]арях(?), где-то на Востоке пребывающих, о сокровенных
[...]радах ... 7. – Позвольте узнать, из каких источников Вы
[по]черпнули эти легенды.
Они Вами взяты у Мельникова. Упомянутого указания
[ис]точники: Путешественник безпоповского инока Марка Топо-
[зе]рскаго 2й половины XVIII в. Послание из сокровеннаго царства Бе-
[ло]рецкаго будто бы 1702 г. сего года; сведение ~~[...]~~ чаще не дос-
[то]верно самого содержания.

Между тем эти легенды имеют у Вас важное
[...] раскольнической розни(?). Вы именно говорите, что этими
[...]легендами старообрядцы принуждены противодействие своего
[...]иерархического положения на первый раз, к первому ...
[...]раскола, до разделения его на две секты. Это разделение
[о]становившееся, как Вам известно, к концу XVIII в. Следовательно
[у]казанные Вами фантастические рассказы успокоивали совесть
[ст]арообрядцев до этой поры. Тогда Вы доказали, что

Эти легенды уже тогда б. распространены и имели значе-
щее каноническое дѣйствіе?..

Предлагаю вопросъ: писатели старообрядческіе п
перваго періода, такъ заботливо искавшіе съ такими сочине
пользовавшіеся ими для своего оправданія, ссылаются
ли на эти разсказы? Мы такъ часто встрѣчаемъ древнихъ находи
раскольническихъ бредней, а здѣсь ищемъ древности этои
мое и примѣровъ не имѣемъ.

...Мая, [illegible]?
[illegible]

Иногда Вы до такой степени обобщаете событія, что въ
...ъ стушевывается незначительныя ихъ характеристическія черты.
...ы пишете, что никакія историческія свидѣтельства не
...подтверждаютъ раскольническихъ сказаній о Макаріи Новгор.
...Маркеллѣ волог., будто они б. противъ исправленія ц. книгъ
...склонились на сторону раскольниковъ. А развѣ раскольничь-
...ія сказанія не могутъ быть вмѣстѣ и историческими. Ваша
...ла написана на основаніи раск. сказаній. Вы, изучавшіе
...внимательно исторію безпоповства, очень цените истори-
...ческій авторитетъ Ив. Филиппова. А по книгѣ же, что
говоритъ о Макаріи?...

Потомъ на стр. 1 Вы пишете, что даже при первомъ прояв-
...леніи обнаруженіи раскола только одинъ Павелъ явился
...бунщиковъ расколоучителей, прочіе бывшіе на ихъ сторону
...уклонились. А я хочу сказать, что и послѣ, когда въ расколъ
...не можно было видѣть рѣшительно (протестовъ), исключительно свойственное расколу,
...Вашими словами, ~~съ~~ сказывалось порой очень сочув-
...ствіе къ нему со стороны русскихъ епископовъ. Вы знаете
...ло Гр. Талицкаго 1700 г. Согласитесь, что въ пропагандѣ Та-
...лицкаго былъ сильный раскольническій элементъ. Однако еп.
...амбовскій Игнатій съ умиленіемъ и слезами слушалъ тетради
...лицкаго, самъ и просилъ его переложить свое ученіе въ этихъ
...тетрадкахъ, цѣловалъ ихъ, чтобы можно было ему Игнатію въ послѣднихъ
...онъ ему познать, и давалъ ему деньги на эту работу. Развѣ
...акой архіерей не могъ бы стать во главѣ раскола, если бы
...отняли у него возможности; развѣ это не Павелъ Коломен-
...скій?

Прежде всякого спора с Вами мне бы хотелось договорить о некоторых общих понятиях, не относящихся прямо к Вашей книге. Тогда, м.б., я увидел бы, что об иных и нет нужды спорить: иное неясное объяснилось бы само собою.

Меня занимают две особенности в нашем расколе: множество ~~[illegible]~~ сект, на которые он распался, и недостаток оснований для такого распадения. Мелкие особенности в мнениях и обрядах обыкновенно подавали повод к этому раздроблению. Согласитесь, что такое распадение ~~[illegible]~~ затрудняет воссоединение всей совокупности отпадшего общества с нашей церковью.

Что значит подобное распадение? Оно значит 1) недостаточность оснований, на которых совершилось первоначальное отделение: дальнейшие секты стремятся исправить это основание, каждая по своему; 2) значит слабость церковного руководительства, при котором совершилось это отделение: при сильном руководстве не могло бы произойти такого рассеяния в разные стороны. Согласитесь, что дальнейшие секты, все более удаляющиеся от первоначальных церковных основ, труднее возвратить к последним. Беспоповца напр. труднее обратить чем поповца.

Представьте себе теперь: если бы раскол представлял более единства и если бы церковная иерархия, им руководствующая, была в своих основаниях более близка к устройству нашей церкви, то дело обращения его было бы легче?

Беспоповцы отделились от поповцев, потому что не признали законности их беглого священства. Если бы иерархия была у них более правильна, раздвоения не последовало бы и примирение их друг с другом было бы удобнее. Не правда ли?

Что же значит Ваше разъяснение на 2 стр., ~~[illegible]~~ где вы [illegible] отрадное указание, противное в том, что ~~[illegible]~~ первые оставшиеся раскольники, не имея ни одного епископа, не могли основать своей иерархии, и имели в этом виде причину ее незаконности, т.е. неправильности и воссоединения?

Иерархи, как Димитрий Сеченов, иначе смотрели на дело. [illegible] поморца Осипа Степанова.

Ваше Высокопреподобие!

Позвольте мнѣ обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею

овольно
оло 350
в — 250,
» до 600
а.[1]) Не-
ихъ ка-
зать мо-
имаются
своими
мъ соб-
угу", —
рочемъ,
красова
всякомъ
авненіи
ное вре-
ихъ об-
ый эле-
, слѣды
старые
сохра-
іхъ то-

некра-
съ его

епископа
ъ между
аничныхъ
нихъ сло-
слобода
ъ въ *Се-*
найскаго
тся *болѣе*
по рѣчкѣ
домовъ.
мъ, про-
ду всѣми
транствѣ
й

-12 мая. Важно [illegible]

[illegible]

годахъ эти коренныя некрасовскія селенія были довольно многолюдны и не бѣдны. Въ Сарыкёѣ считалось около 350 домовъ или семей, въ Славѣ — 1000 и Журиловкѣ — 250, такъ что все населеніе этихъ слободъ простиралось до 600 семей, что̀ составляетъ около 5000 душъ обоего пола.[1]) Некрасовцы жили здѣсь (и доселѣ живутъ) на старыхъ казацкихъ правахъ: въ военное время обязаны высылать молодыхъ людей на службу, въ мирное свободно занимаются рыболовствомъ и иными промыслами, управляются своими стариками и выборнымъ атаманомъ, судятся своимъ собственнымъ судомъ и расправой въ казацкомъ „кругу", — держатся вообще старыхъ казацкихъ обычаевъ. Впрочемъ, настоящихъ, чистокровныхъ потомковъ дружины Некрасова теперь едва ли можно отыскать между ними, и во всякомъ случаѣ ихъ количество слишкомъ ничтожно въ сравненіи съ тѣми пришлыми раскольниками, которые въ разное время успѣли войти въ составъ казацкихъ некрасовскихъ обществъ. Преобразуясь въ казачество, этотъ пришлый элементъ и самъ въ свою очередь имѣлъ на него вліяніе, слѣды котораго можно усматривать именно въ томъ, что старые казацкіе нравы у добруджинскихъ некрасовцевъ не сохранились въ такой чистотѣ, какъ у майносскихъ ихъ товарищей.

Главнымъ связующимъ началомъ для нынѣшнихъ некрасовскихъ обществъ служитъ не столько казачество съ его

---

[1]) Это исчисленіе сдѣлано по указаніямъ бывшаго тульчанскаго епископа Іустина и самого архіепископа славскаго Аркадія, долго жившихъ между добруджинскими некрасовцами. Надеждинъ въ своей *Запискѣ о заграничныхъ раскольникахъ* слишкомъ преувеличилъ населеніе трехъ некрасовскихъ слободъ, и особенно Славы. Вотъ что писалъ онъ: „Самая большая слобода есть *Серакой* или *Сари-кой*, перековерканная русскимъ выговоромъ въ *Серяково*, кругомъ почти омываемая развѣтвленіями огромнаго дунайскаго лимана, извѣстнаго подъ именемъ озера *Разельмъ*: въ ней считается *болѣе 600 домовъ*. Другая слобода *Слава* разбросана въ дремучемъ лѣсу по рѣчкѣ *Славѣ*, изливающейся въ лиманъ *Головицу*: тутъ *тоже около 600 домовъ*. Слобода третья *Журиловка* лежитъ между Головицею и Разельмомъ, противъ самаго *Портицкаго гирла Дуная*: *домовъ въ ней до 500*. Между всѣми ими разстоянія не болѣе, какъ верстъ 15; и на этомъ маломъ пространствѣ скучено, выходитъ, до 1,700 семей, что составляетъ насесеніе *по меньшей мѣрѣ въ 8,000 душъ*". (*Сбор*. Кельсіева, ч. I, стр. 125)

старинными вольностями, сколько та мнимо-старая вѣра, якобы гонимая на Руси отъ лѣтъ Никона патріарха, за которую ихъ предки, Булавинъ и Некрасовъ съ товарищами, возстали не меньше, чѣмъ за свою казацкую волю. Слѣпая приверженность къ этой „старой вѣрѣ", соединенная съ сильною враждой противъ православія, къ сожалѣнію, удержалась въ ихъ обществахъ гораздо крѣпче, нежели самая любовь къ казачеству: она составляетъ общую и главную принадлежность всѣхъ добруджинскихъ некрасовцевъ и держитъ ихъ въ тѣсномъ общеніи не только между собой, но и со всѣмъ задунайскимъ раскольническимъ населеніемъ. Замѣчательно, что здѣсь, у турецкихъ раскольниковъ, нѣтъ даже того раздробленія на секты, которое составляетъ общую принадлежность раскола и вноситъ столько вражды въ раскольническія общества: всѣ турецкіе раскольники, за ничтожными исключеніями, всегда принадлежали и принадлежатъ доселѣ къ поповскому согласію, хотя пріобрѣтеніе бѣглыхъ поповъ всегда представляло для нихъ не малыя трудности, такъ что бывали времена, когда во всей Добруджѣ не имѣлось ни одного раскольническаго попа. Случалось также, что подъ именемъ поповъ жили и дѣйствовали у некрасовцевъ разные бродяги, никогда не имѣвшіе священнаго сана, — жили, разумѣется, до перваго случая, открывавшаго обманъ, и тогда надъ самозваннымъ попомъ, если не успѣвалъ онъ заблаговременно скрыться, чинилась короткая казацкая расправа: *въ куль — да въ воду*. И тѣ попы, которые приходили не съ фальшивыми ставленными грамотами, были въ нравственномъ отношеніи не много лучше бродягъ: сами некрасовцы, при всемъ своемъ невѣжествѣ и грубости нравовъ, терпѣли ихъ только ради крайней нужды въ священствѣ, для совершенія необходимыхъ церковныхъ требъ, и за тѣмъ не ждали отъ нихъ ничего. Ни религіознаго, ни нравственнаго вліянія на свою паству некрасовскіе попы обыкновенно не имѣли, да и не думали имѣть. Крайне ограниченнымъ потребностямъ некрасовцевъ въ этомъ отношеніи удовлетворяли ихъ уставщики и дьяки, ихъ старики-начетчики и живущіе между ними иноки.

Добруджинское иночество составляли главнымъ образомъ раскольническіе монахи, бѣжавшіе изъ Россіи, число которыхъ значительно возрасло именно въ царствованіе императора Николая, когда на раскольническіе монастыри у насъ въ Россіи обращено было строгое вниманіе правительства, что и побудило многихъ раскольническихъ иноковъ переселиться на болѣе спокойное жительство къ своимъ заграничнымъ одновѣрцамъ,—въ Австрію, въ Турцію, въ Дунайскія Княжества. Въ Добруджѣ нѣкоторые изъ иноковъ жили отдѣльными кельями, по близости некрасовскихъ селеній, и въ самыхъ селеніяхъ; но главнымъ пріютомъ задунайскаго раскольническаго иночества служилъ такъ-называемый *Славскій скитъ*, расположенный въ трехъ верстахъ отъ Славы, среди лѣса, и, какъ всѣ раскольническіе скиты, состоящій изъ отдѣльныхъ хатокъ, или келій, разбросанныхъ безъ порядка вокругъ часовни. Основателемъ Славскаго скита и настоятелемъ его въ сороковыхъ годахъ былъ старецъ инокъ Макарій; а братство главнымъ образомъ составляли выходцы изъ русскихъ раскольническихъ монастырей и скитовъ: въ томъ числѣ были иноки и Лаврентьева монастыря, — уже извѣстные читателямъ Аркадій Дороѳеевъ, или Лысый[1]), Алимпій Вепринцевъ и др. Въ матеріальномъ отношеніи Славскій монастырь, хотя единственный во всей Добруджѣ, не отличался ни довольствомъ ни особенными удобствами жизни; но онъ имѣлъ нѣкоторое нравственное вліяніе на добруджинскихъ некрасовцевъ,—особенно же по дѣламъ вѣры голосъ иноковъ славскихъ имѣлъ для нихъ значеніе.

Когда слухъ о томъ, что буковинскіе раскольники затѣваютъ дѣло о пріобрѣтеніи архіерея для старообрядцевъ и объ учрежденіи самостоятельной старообрядческой іерархіи, дошелъ до некрасовскихъ селеній, здѣсь приняли его съ большимъ сочувствіемъ. Некрасовцамъ по душѣ была мысль имѣть свое собственное священство, навсегда избавиться отъ этихъ бѣглыхъ великороссійскихъ поповъ, которые имъ такъ опротивѣли, и пріобрѣтеніе которыхъ становилось все

---

[1]) *Дороѳеевымъ* назывался онъ по имени своего евангельскаго отца, ибо въ иночество постриженъ былъ инокомъ Дороѳеемъ.

труднѣе и труднѣе. Правда, они знали отчасти, каковы бываютъ у раскольниковъ и свои собственные архіереи и попы: знаменитый владыка Анѳимъ и попы анѳимовскаго поставленія нѣкогда причинили некрасовцамъ большой соблазнъ и даже посѣяли раздоръ между ними. Но это было давно; и почему-же новый владыка долженъ непремѣнно походить на прежнихъ? Надѣялись, напротивъ, обрѣсти истиннаго пастыря, поборающаго по древнемъ благочестіи. Вообще, извѣстіе о намѣреніи бѣлокриницкихъ иноковъ завести самостоятельную старообрядческую іерархію принято было некрасовцами съ большимъ сочувствіемъ; врочемъ были между ними и такіе, чтò смотрѣли очень неблагосклонно на затѣю буковинскихъ искателей архіерейства.

Въ Добруджу, и именно въ Славскій монастырь, Павелъ и Алимпій пріѣхали 19 сентября 1845 года. Здѣсь пробыли они двое сутокъ, бесѣдуя со старцами о своихъ предположеніяхъ и надеждахъ относительно учрежденія старообрядческаго архіерейства. Старцы Славскаго скита вполнѣ сочувствовали ихъ предпріятію, и, какъ истые представители старообрядцевъ, искренно вѣруя въ существованіе сокровенныхъ „древле-православныхъ" епископовъ, выражали особенное желаніе, чтобы пріобрѣтенъ былъ епископъ именно изъ таковыхъ: настоятель инокъ Макарій даже снабдилъ Павла и Алимпія посланіемъ къ знакомымъ своимъ, издавна живущимъ при берегахъ Нила „египетскимъ старцамъ", которые, какъ онъ надѣялся, могли сообщить имъ свѣдѣнія о епископахъ „древняго благочестія"; славскіе отцы совѣтовали имъ не оставлять также безъ вниманія и извѣстныя, обращающіяся между старообрядцами сказанія о томъ, гдѣ и какъ можно обрѣсти „древлеправославное епископство". Павелъ смиренно внималъ этимъ старческимъ наставленіямъ и обѣщался въ точности оныя исполнить, хотя уже въ то время не имѣлъ никакого довѣрія къ раскольническимъ сказаніямъ о „древлеправославномъ епископствѣ", которымъ такъ простодушно вѣрили славскіе отцы.

Между тѣмъ о прибытіи въ Славскій монастырь такихъ знаменитыхъ гостей скоро провѣдали въ трехъ некрасов-

скихъ селеніяхъ. Сарыкёйцы почему-то особенно желали узнать о намѣреніяхъ и надеждахъ инока Павла относительно пріобрѣтенія епископа: они общимъ совѣтомъ рѣшили—снарядить къ нему посольство для приглашенія — посѣтить смиренную Сарыкёйскую весь. Назначили въ это посольство двухъ почетныхъ казаковъ, Ивана Широкова да Осипа Семенова Гончарова, которые утромъ 21-го числа и отправились въ Славскій скитъ. Между тѣмъ въ этотъ-же самый день и инокъ Павелъ съ Алимпіемъ выѣхалъ изъ Славскаго скита въ дальнѣйшій путь, имѣя намѣреніе побывать и въ Сарыкёѣ: сарыкёйскіе посланники встрѣтились съ ними, только что проѣхавъ Бабадагъ. Здѣсь Гончаровъ на нѣсколько времени задержалъ инока Павла; а свою подводу отправилъ поскорѣе назадъ, чтобы извѣстить стариковъ о скоромъ прибытіи дорогихъ гостей, которымъ желалъ такимъ образомъ устроить почетную встрѣчу. Старики собрались въ домѣ Гончарова, гдѣ назначена была квартира для Павла съ Алимпіемъ, и какъ только эти послѣдніе подъѣхали къ дому, вышли къ нимъ и, низко поклонившись, сказали: „благодаримъ, что вы посѣтили насъ своимъ честнымъ прибытіемъ,—спаси Христосъ!“ Гончаровъ пригласилъ стариковъ и нѣсколькихъ сарыкёйскихъ иноковъ къ себѣ потрапезовать и послушать назидательной бесѣды отца Павла. Отъ Гончарова всѣ отправились къ уставщику Карпу Яковлеву; потомъ перешли къ атаману Козьмѣ Василискову: и „просидѣли у него (пишетъ самъ Гончаровъ) даже до свѣту съ восторгомъ и великою любовію, даже не могли видѣть когда нощь прошла въ пріятномъ разговорѣ, даже никто изъ насъ той нощи и сна не принялъ ни мало“ [1]).

Инокъ Павелъ хорошо понималъ, что для успѣшнаго окончанія предпріятія ему было весьма неизлишне заручиться расположеніемъ некрасовскихъ обществъ, и потому употребилъ все свое искусство, чтобы заслужить это расположеніе. Въ Сарыкёѣ прожилъ онъ болѣе двухъ дней; видѣлся и бе-

---

[1]) Эти и слѣдующія подробности о пребываніи инока Павла у некрасовцевъ мы заимствуемъ изъ сочиненія Гончарова: *Первое начатіе происшествія нашего духовнаго дѣла объ устроеніи епископа* (рукопись).

сѣдовалъ со всѣми почетнѣйшими лицами въ селеніи. Бесѣды, само собою разумѣется, вращались по преимуществу около главнаго предмета — какъ и гдѣ обрѣсти древлеправославнаго епископа. Когда, наконецъ, дорогіе гости собрались ѣхать далѣе, сарыкёйцы не знали, чѣмъ выразить имъ свою признательность за посѣщеніе и какъ засвидѣтельствовать свое сочувствіе къ тому дѣлу, на которое шли они, презирая всѣ опасности и труды. Имъ приготовили подводу, нанесли разныхъ дорожныхъ запасовъ,— кто рыбы, кто винограду,—и кромѣ того присудили выдать изъ церковныхъ денегъ 100 левовъ на расходы.

— Это напрасно, говорилъ Павелъ,—денегъ у насъ довольно,

— Нѣтъ, возьми,—отвѣчали ему старики,—пусть и отъ нашего усердія во участіе будетъ хотя мало, дабы и мы были участники этому дѣлу.

Потомъ начали просить Гончарова, человѣка бывалаго, хорошо знавшаго дорогу въ Царьградъ, проводить гостей по крайней мѣрѣ до Тульчи и тамъ пристроить ихъ на покойную квартиру, пока найдутъ мѣсто на пароходѣ. Подали лошадей. Старики поклонились Павлу до земли и сказали; „даруй вамъ Господи получить вся благая",—вообще проводили его съ великою честію.

VI. Въ Тульчѣ Осипъ Семеновъ помѣстилъ путешественниковъ у самаго зажиточнаго изъ мѣстныхъ старообрядцевъ, Саввы Ивановича Рукавишникова. Здѣсь инокъ Павелъ написалъ, и вручилъ Гончарову для доставленія по принадлежности, благодарственныя письма сарыкёйскому обществу и настоятелю Славскаго скита Макарію. Вообще, онъ былъ очень доволенъ пріемомъ, какой ему сдѣлали некрасовцы, но здѣсь, въ Тульчѣ, пришлось ему встрѣтиться и съ однимъ изъ горячихъ противниковъ старообрядческаго архіерейства. Тамъ жилъ нѣкій инокъ Аркадій, называвшійся тульчанскимъ, человѣкъ не слишкомъ далекаго ума, но крайне самоувѣреный, даже съ притязаніями на прозорливость. Учрежденіе самостоятельной раскольнической іерархіи онъ, подобно Гусеву и нѣкоторымъ другимъ, почиталъ непозволительнымъ и опаснымъ нововведеніемъ, и потому громко порицалъ затѣю бѣлокриницкихъ иноковъ. Павлу это было извѣстно;

однакоже, предъ отъѣздомъ изъ Тульчи, уже отправляясь на пароходъ, онъ зашелъ къ Аркадію проститься, питая надежду, что смягчится его сердце. Побесѣдовали не много; Павелъ поднялся и говоритъ:

— Прости, отче, и благослови.

— Не благословляю, — отвѣчалъ Аркадій.

— Отче, благослови! — повторилъ Павелъ.

— Не благословляю! Не благословлю! — твердилъ непреклонный инокъ Аркадій.

Павелъ и Алимпій ушли отъ него съ огорченіемъ Случилось-же, что направляясь къ пароходной пристани встрѣтили они лаврентьевскихъ старцевъ, Аркадія и Евфросина, которые только что прибыли въ Тульчу на пути изъ Мануиловскаго монастыря въ Славскій скитъ. Рукавишниковъ, вмѣстѣ съ Гончаровымъ провожавшій ихъ, очень обрадовался этой встрѣчѣ, и сталъ просить Павла возвратиться съ новыми гостями къ нему въ домъ, чтобы побесѣдовать съ разумными старцами „объ общемъ дѣлѣ", такъ какъ до отъѣзда парохода времени оставалось еще довольно. Павелъ согласился. Потомъ Рукавишниковъ со всѣми гостями проводилъ его до пароходной пристани. Прощаясь, Павелъ, сказалъ Аркадію:

— Прости, отче, и благослови насъ на сіе дѣло.

Аркадій былъ поставленъ въ затрудненіе: ему не хотѣлось огорчить Павла рѣшительнымъ отказомъ; съ другой стороны онъ весьма боялся,, какъбы не погрѣшить, если дастъ благословеніе. Помолчавъ немного, онъ отвѣтилъ:

— Богъ да сотворитъ съ вами, якоже хощетъ!

Павелъ поклонился ему низко и сказалъ:

— Спаси Христосъ, отче!

„Смотрите обоихъ разумы, лаврентьевскаго Аркадія и тульчанскаго (замѣчаетъ по сему случаю старообрядскій повѣствователь): они были въ одномъ сомнѣніи о епископѣ; но первый не оскорбилъ отца Павла о благословеніи, а тульчанскій Аркадій невѣжествомъ своимъ опечалилъ".[1])

---

[1]) Гончаровъ, въ *Первомъ начатіи происшествія...*

Но самымъ важнымъ обстоятельствомъ для Павла и Алимпія во время ихъ пребыванія въ некрасовскихъ селеніяхъ и въ Тульчѣ было знакомство съ самимъ Осипомъ Семеновичемъ Гончаровымъ и чрезъ него съ нѣкоторыми покровителями особаго рода. Гончаровъ, или Гончаръ, какъ обыкновенно зовутъ его некрасовцы, въ высшей степени замѣчательная личность среди добруджинскихъ раскольниковъ. Человѣкъ тонкій и умный, надѣленный рѣдкой памятью, неутомимо дѣятельный и предпріимчивый, словомъ—совершеннѣйшій типъ русскаго казака — некрасовца, къ тому-же умѣющій говорить по-турецки, онъ имѣлъ тѣсныя связи съ польскою эмиграціей въ Константинополѣ и другихъ городахъ Турціи: самъ панъ Чайковскій (Садыкъ-паша) былъ въ числѣ ближайшихъ его друзей и благодѣтелей [1]). Принявъ во вниманіе,

[1]) Объ отношеніяхъ Гончарова къ польской эмиграціи въ Константинополѣ мы говорили подробно въ книгѣ: *Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій.* Весьма люпопытныя извѣстія объ нихъ сообщаются также въ статьѣ г. Кельсіева: *Польскіе агенты въ Царь-градѣ* (*Русск. Вѣст.* т. LXXXIV). Здѣсь читатели найдутъ и мастерски написанную характеристику Гончара. Но относительно того, что г. Кельсіевъ говоритъ объ участіи Гончарова и Чайковскаго въ дѣлѣ учрежденія бѣлокриницкой іерархіи, необходимымъ считаю замѣтить, что разказъ его никакъ не можетъ быть признанъ правильнымъ. Доложивъ читателямъ, что „ни г. Субботину, ни г. Мельникову неизвѣстны, повидимому (?), подробности о томъ, какъ митрополитъ Амвросій сдѣлался старообрядческимъ митрополитомъ", г. Кельсіевъ самъ „расказываетъ объ этомъ дѣлѣ (будто бы) *со словъ Гончарова и Чайковскаго*" слѣдующее: „Иноки Павелъ и Алимпій *съѣздили въ Египетъ, побывали въ Сиріи, въ Палестинѣ, священства тамъ не нашли, и послѣ многихъ и долгихъ путешествій очутились въ Тульчѣ и поклонились Гончару*... Гончаръ *поѣхалъ* въ Царьградъ и обратился къ Чайковскому.... Потолковавъ съ Гончаромъ, *Чайковскій списался съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, и тутъ началась* исторія такого рода: Чарторыйскій переговорилъ объ этомъ предпріятіи съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Тотъ снесся съ Метернихомъ. Но разрѣшеніе на заведеніе Бѣлокриницкой митрополіи получилось только послѣ большихъ усилій", и т. д. Нужно ли говорить, что хронологія во всемъ этомъ расказѣ совершенно перепутана? По хронологіи г. Кельсіева, Павелъ сначала побывалъ въ Египтѣ, Сиріи и Палестинѣ, потомъ въ Тульчѣ обратился за помощью къ Гончару, и потомъ уже, по ходатайству Чайковскаго, чрезъ посредство Чарторыйскаго и французскаго министра, началось въ Вѣнѣ дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ!... Самое извѣстіе о томъ, будто это дѣло начато (хотя бы

что Павелъ первый еще разъ ѣхалъ въ Константинополь и потомъ долженъ былъ отправиться въ далекія и опасныя странствія, не имѣя нигдѣ ни знакомыхъ, ни покровителей, Гончаровъ нашелъ не лишнимъ предложить ему покровительство своихъ ясновельможныхъ друзей, у которыхъ повсюду имѣлись сильныя связи; да и въ главномъ дѣлѣ, въ пріисканіи епископа, эти вельможные покровители, по соображеніямъ Гончарова, могли оказать Павлу съ Алимпіемъ весьма важныя услуги и въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ, особенно-же еслибы потребовалась защита отъ какихъ-нибудь нападеній со стороны русскаго правительства. Павелъ какъ нельзя лучше оцѣнилъ всю важность предложенныхъ Гончаровымъ услугъ и принялъ ихъ съ величайшею благодарностью: съ этого времени онъ звалъ Іосифа Семеновича не только своимъ искреннимъ благопріятелемъ, но и незабвеннымъ благодѣтелемъ. Сами сарыкёйскіе некрасовцы, хотя и невыгодно смотрѣли на сношенія Гончарова съ польскими агентами, но именно какъ человѣку сильному между прочимъ этими связями и поручили ему проводить Павла съ Алимпіемъ до Тульчи. Здѣсь Осипъ Семеновъ дѣйствительно представилъ ихъ постоянно жившему въ Тульчѣ эмиссару польской эмиграціи, Жуковскому [1]). Объяснивъ сущность дѣла, ради котораго странствуютъ липованскіе иноки, Гончаровъ просилъ Жуковскаго рекомендовать сихъ иноковъ и самое ихъ дѣло покровительству эмиграціи и въ Константинополѣ и въ иныхъ мѣстахъ, куда позоветъ ихъ

и въ свое время) при посредствѣ Чарторыйскаго и французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, никакими изъ извѣстныхъ намъ немалочисленныхъ документовъ не подтверждается и съ изложенною нами точною исторіей дѣла объ учрежденіи бѣлокриницкой архіерейской каѳедры примирено быть не можетъ; наконецъ и потому уже это извѣстіе представляется недостовѣрнымъ, что до конца 1845 года никакихъ сношеній съ Гончаровымъ и Чайковскимъ по дѣлу о іерархіи и ни по какимъ вообще дѣламъ Павелъ не имѣлъ. Слѣдующій затѣмъ расказъ о веденіи бѣлокриницкаго дѣла въ Черновцахъ и Вѣнѣ также лишенъ всякой достовѣрности. Очевидно, или Гончаровъ съ Чайковскимъ ввели въ заблужденіе г. Кельсіева, или г. Кельсіевъ передаетъ не то, что̀ слышалъ отъ Гончарова и Чайковскаго....

1) О Жуковскомъ см. въ кн. *Расколъ, какъ орудіе партій*, на стр 11 и въ прим.

надобность. Члены польской эмиграціи, работавшіе въ Турецкой имперіи, чрезвычайно дорожили тогда своими связями съ раскольническимъ населеніемъ Турціи; [1]) притомъ-же въ самомъ предпріятіи основать раскольническую архіерейскую каѳедру Жуковскій съ перваго раза почуялъ недоброе для Россіи: понятно, что онъ принялъ Павла и Алимпія съ распростертыми объятіями, со всею готовностью предложилъ имъ мощное покровительство эмиграціи. И вотъ бѣлокриницкіе искатели архіерейства отправились изъ Тульчи въ Константинополь, снабженные рекомендательными письмами къ пану Чайковскому и другимъ близкимъ ко двору султана лицамъ польскаго происхожденія.[2])

Въ Константинополѣ Садыкъ-паша съ товарищи встрѣтилъ Павла и Алимпія такъ-же ласково и предупредительно, какъ и тульчинскій ихъ сотрудникъ, — „охапились аки друзья одноземельные, отъ одного врага гонимые," по выраженію инока Онуфрія За учрежденіе заграничной раскольнической іерархіи Чайковскій готовъ былъ взяться съ своимъ обычнымъ энтузіазмомъ, какъ за одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ завязать и укрѣпить связи съ заграничными, а чрезъ нихъ и съ россійскими старообрядцами, и такимъ образомъ заручиться ихъ содѣйствіемъ въ пользу дорогаго ему польскаго дѣла: услуга,—расчитывалъ онъ—которую мы окажемъ старообрядцамъ, помогши имъ учредить архіерейскую каѳедру, обяжетъ этихъ честныхъ и добродушныхъ людей неизмѣнной къ намъ благодарностью; самое-же учрежденіе архіерейства, которое дастъ старообрядцамъ одного духовнаго главу, тѣснѣе свяжетъ ихъ между собою, а съ тѣмъ вмѣстѣ и намъ откроетъ возможность дѣйствовать на нихъ чрезъ этого главу гораздо удобнѣе. И вотъ Садыкъ-паша принимаетъ Павла и Алимпія, рекомендованныхъ ему Жуковскимъ и Гончаровымъ, со всей предупредительностью,

---

1) См. въ той же книгѣ и въ упомянутой статьѣ Кельсіева.

2) *Записки* о. Онуфрія. О томъ, что благодаря рекомендаціи Гончарова нашелъ въ Цареградѣ сильное покровительство среди властей польскаго происхожденія, и самъ Павелъ, чрезвычайно осторожный на этотъ счетъ, упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, о которомъ будетъ сказано ниже.

и съ полнѣйшею готовностью предлагаетъ имъ свое покровительство и услуги.

Для Павла и Алимпія помощь пана Чайковскаго имѣла чрезвычайную важность. Въ этомъ они убѣдились на первыхъ-же порахъ своего пребыванія въ Царѣ-градѣ. Распросивъ ихъ подробно о цѣли пріѣзда собственно въ Константинополь, Чайковскій, вопервыхъ, объяснилъ имъ, что входить въ какія-либо сношенія съ патріархомъ по дѣлу объ учрежденіи старообрядческой іерархіи никакъ не слѣдуетъ: „ибо (писалъ въ послѣдствіи инокъ Павелъ со словъ Чайковскаго) каждое слово будетъ вѣдомо русскому консулу, у коего тамъ, въ патріархіи, всегда присутствуетъ логоѳетъ: *а духъ русскій всѣмъ извѣстенъ*!“[1]) Затѣмъ онъ указалъ Павлу ближайшій способъ обрѣсти епископа,—именно совѣтовалъ обратиться къ живущимъ въ Константинополѣ безмѣстнымъ архіереямъ: ибо „тамъ, въ одной окружности города (какъ опять писалъ инокъ Павелъ со словъ Чайковскаго), находится шесть патріарховъ и болѣе двадцати архіереевъ, удаленныхъ отъ своихъ епархій по прихотямъ Порты, но изверженію, или запрещенію не подлежащихъ, — они всѣ свободны, когда только восхотятъ—и священнодѣйствуютъ надлежащимъ порядкомъ, по чину архіерейскому“.[2]) О существованіи такихъ „безмѣстныхъ“ архіереевъ въ Царѣградѣ Павлу и прежде было извѣстно,—на нихъ именно онъ и расчитывалъ больше всего, предпринимая сюда путешествіе; со стороны Чайковскаго важна была собственно та услуга, что онъ, чрезъ своихъ агентовъ, могъ собрать и сообщить Павлу точныя свѣдѣнія объ этихъ существующихъ въ Константинополѣ епископахъ; мало того, Чайковскій объяснилъ Павлу, что онъ долженъ возложить эту заботу именно на него— Садыкъ-пашу и его агентовъ, самъже отнюдь не вмѣшиваться въ это дѣло, изъ опасенія тогоже „всѣмъ извѣстнаго русскаго духа“. Въ отклоненіе всякихъ подозрѣній со стороны греческихъ и русскихъ „шпіоновъ“, самымъ разумнымъ находилъ онъ, еслибы Павелъ и Алимпій на вре-

---

1) Письмо Павла къ Геронтію изъ Дарданеллъ, изъ карантина.
2) Тамъ же.

мя и совсѣмъ уѣхали изъ Константинополя. Не могъ не видѣть инокъ Павелъ всей разумности этихъ совѣтовъ, равно какъ всей искренности, съ какой они давались,—и преисполнился глубочайшею благодарностью къ своему вельможному другу. А предложеніе уѣхать на время изъ Константинополя онъ могъ тѣмъ удобнѣе исполнить, что во всякомъ случаѣ ему необходимо было, ради успокоенія старообрядцевъ и для очищенія совѣсти, совершить путешествіе въ Сирію, Палестину и Египетъ,—въ страны якобы обитаемыя „древнеправославными епископами,“ въ каковое путешествіе и могъ онъ немедленно отправиться, предоставивъ новымъ друзьямъ своимъ заботу о пріисканіи въ Царѣ-градѣ „желаемаго предмета“. Чайковскій, съ своей стороны, вполнѣ одобрилъ этотъ планъ, и, продолжая покровительство раскольническимъ депутатамъ, снабдилъ ихъ на прощаньи рекомендательными письмами къ членамъ польской эмиграціи въ Бейрутѣ, Яффѣ, Каирѣ и другихъ мѣстахъ, — новая услуга, которую очень дорого цѣнилъ инокъ Павелъ. [1]).

VII. Итакъ бѣлокриницкіе странствователи отправились изъ Царяграда въ дальнѣйшій путь, здѣсь, въ Константинополѣ, оставивъ свое дѣло въ надежныхъ рукахъ пана Чайковскаго со товарищами. Теперь, когда инокъ Павелъ могъ питать уже несомнѣнную надежду на пріобрѣтеніе епископа изъ числа безмѣстныхъ, проживающихъ въ Константинополѣ, путешествіе въ Сирію и прочія страны онъ предпринималъ не столько для того, чтобы искать тамъ потребнаго для бѣлокриницкой каѳедры архипастыря (хотя, разумѣется, не преминулъ бы воспользоваться представившимся къ тому случаемъ),-сколько съ двумя слѣдующими цѣлями: 1) навести точныя справки о мнимыхъ „древлеправославныхъ“ епи-

---

1) Объ этихъ рекомендаціяхъ инокъ Онуфрій пишетъ въ своихъ *запискахъ*: „Въ Царѣградѣ они (Павелъ и Алимпій) были снабжены письмами къ другимъ агентамъ, подобнымъ цареградскимъ, и нашихъ пословъ передавали одинъ другому изъ Дамаска въ Іерусалимъ, изъ Іерусалима въ Каиръ, Александрію и обратно въ Царьградъ.“ О рекомендательныхъ письмахъ отъ цареградскихъ „благодѣтельныхъ пановъ“ упоминаетъ и самъ Павелъ въ посланіяхъ къ Геронтію.

скопахъ, якобы тамъ обитающихъ, чтобы можно было такимъ образомъ дать рѣшительный отвѣтъ тѣмъ старообрядцамъ, которые простодушно вѣрили въ существованіе такихъ епископовъ; 2) личнымъ наблюденіемъ дознать, какое крещеніе употребляютъ живущіе въ тѣхъ странахъ христіане,—трехпогружательное, или обливательное, такъ какъ именно вопросъ о крещеніи былъ единственнымъ, рѣшеніе котораго считалось необходимымъ „для безсумнительнаго пріятія приходящихъ отъ ереси священныхъ лицъ въ сущемъ ихъ санѣ“. Изъ своихъ странствій по Сиріи, Палестинѣ и Египту писалъ инокъ Павелъ пространныя, весьма примѣчательныя письма къ Геронтію, очевидно съ тою цѣлію, чтобы письма эти изъ Бѣлой-Криницы были сообщаемы во всѣ главныя старообрядческія общества: въ нихъ онъ излагалъ попреимуществу свои наблюденія именно по двумъ указаннымъ пунктамъ.[1])

1) Всѣхъ писемъ было три: одно изъ Бейрута, писанное на возвратномъ пути изъ Сиріи, другое изъ Іерусалима (отъ 8-го декабря 1845 года), третье изъ карантина въ Дарданеллахъ (отъ 12-го февраля 1846 г.). Переписка шла чрезъ посредство тѣхъ польскихъ агентовъ, подъ покровительствомъ которыхъ Павелъ и Алимпій путешествовали: въ письмѣ изъ Іерусалима Павелъ говоритъ, напримѣръ: „Письмо сіе, запечатавъ, посылаемъ съ надписью *благодѣтелю нашему въ Яффу*, и просимъ, когда будетъ случай, съ почтой, или оказіей (потому что почта здѣсь необстоятельная), отправить *на благодѣтелей нашихъ въ Константинополь*, а тыя, получа, безъ сумнѣнія не задержатъ и къ вамъ перешлютъ оттоль почтой.“ Еще: „Мы льстились надеждой воспользоваться какимъ-нибудь съ вашей стороны извѣстіемъ *чрезъ посредство цареградскихъ нашихъ благодѣтелей*, коимъ извѣстенъ ходъ къ намъ въ Іерусалимъ *чрезъ друзей ихъ въ Байрутѣ и Яффѣ*.“ А что письма дѣйствительно назначались для общаго чтенія старообрядцевъ и по многимъ мѣстамъ читались, это несомнѣнно. Такъ въ Сарыкёѣ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1846 г., читали уже письмо Павла изъ Дарданеллъ, гдѣ говорилось „какъ они были въ Сиріи и во Аравіи, во Іерусалимѣ и во Египтѣ, во Александріи и даже во всей Палестинѣ.... и всѣ удивлялись его мудрому описанію и путешествію ихъ“ (Гончар. *Первое начатіе происшествія нашего дѣла о епископѣ*). Въ 1847 году, пріѣзжавшій въ Бѣлую-Криницу за мνромъ, В. В. Борисовъ взялъ подлинныя павловы письма въ Москву, чтобы сообщить ихъ и московскимъ старообрядцамъ. Впослѣдствіи Павелъ поручалъ Геронтію, находившемуся въ Москвѣ, привезти съ собою эти подлинники: „когда будете возвращаться, тогда, если будетъ возможно, слѣдовало бы подлинныя взять отъ Василья Васильича моей руки письма, писанныя въ

Любезно распрощавшись съ своими цареградскими благодѣтелями, провожавшими ихъ до пристани, Павелъ и Алимпій сѣли на пароходъ вмѣстѣ съ пассажирами, отправлявшимися въ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню. Между этими пасажирами были какіе-то, по выраженію Павла, „петербургскіе два монаха: попъ Іосифъ, съ золотымъ крестомъ, и іеродіаконъ Филаделфъ.“ Разумѣется, они обратили особенное вниманіе на старообрядческихъ иноковъ, странствовавшихъ, по обычаю, во всемъ своемъ иночествѣ, и вступили въ бесѣду съ ними о цѣли ихъ путешествія. Павелъ, вообще не очень довольный этою встрѣчей, старался напротивъ уклоняться отъ разговоровъ съ ними и на разспросы ихъ отвѣчалъ уклончиво. Вмѣстѣ они ѣхали однако-же недолго. Предположивъ начать свои странствія съ патріархіи антіохійской, Павелъ и Алимпій вышли на берегъ въ Бейрутѣ, а прочіе поклонники поѣхали въ Яффу.

Совершивъ трудный переходъ черезъ Ливанскія горы, Павелъ и Алимпій направили путь прямо къ Дамаску, въ мѣстопребываніе антіохійскаго патріарха. Всѣ христіане, какихъ случалось имъ встрѣчать на этомъ пути, крестились троеперстно; о существованіи не только епископовъ глаголемыхъ „древлеправославныхъ“, но и вообще старообрядцевъ здѣсь не было и слуху. На „бѣлоглавомъ Ливанѣ“ вниманіе Павла заняли больше всего „грозно-величествен-

монастырь *изъ Іерусалима и Царьграда,* съ прочими забранныя Висильемъ Висильичемъ“ (пис. отъ 27-го мая 1847). Но Василій Васильичъ, по причинѣ наставшихъ для Геронтія и для него самого смутныхъ обстоятельствъ, не только не возвратилъ подлинниковъ въ Бѣлую-Криницу, но и совсѣмъ ихъ затерялъ. Въ Москвѣ ходили впрочемъ по рукамъ списки, сдѣланные съ этихъ знаменитыхъ писемъ, но очень рѣдкіе. Одинъ изъ таковыхъ, превосходнаго уставнаго письма, удалось намъ пріобрѣсти; кромѣ того, отъ іеродіакона Ипполита мы получили какими-то судьбами сохранившійся листокъ собственноручнаго павлова письма изъ Дарданеллъ: этими письмами Павла изъ Іерусалима и Дарданеллъ мы главнымъ образомъ и будемъ пользоваться въ дальнѣйшемъ расказѣ. Что же касается письма изъ Бейрута, то его не имѣется, да едвали оно и дошло до Бѣлой Криницы: по крайней мѣрѣ В. В. Борисовъ, какъ видно изъ приведенныхъ словъ Павла, могъ взять оттуда только два письма: *изъ Іерусалима и Царьграда.*

ныя" красоты природы и самый способъ переѣзда черезъ горы, „гдѣ вьючные кони, необычно естеству ихъ, проходятъ по краямъ неизъяснимыхъ пропастей, какъ козы, несчастные же обремененные ослики, какъ мыши, пролѣзаютъ между ущеліями огромныхъ камней, слѣдокъ въ слѣдокъ по тѣсному утесу" [1]). Выходъ изъ этихъ горъ и утесовъ въ цвѣтущую долину Дамаска былъ для путниковъ отраднѣйшимъ событіемъ, и дамасскую долину Павелъ описывалъ съ восторгомъ. Въ Сиріи онъ обратилъ особое вниманіе на существующихъ донынѣ послѣдователей древнихъ, современныхъ вселенскимъ соборамъ сектъ, и именно тѣхъ, которыя поименованы въ 95 правилѣ шестаго вселенскаго собора, какъ подлежащія пріятію третьимъ чиномъ, каковы: несторіане, евтихіане и северіане. Наблюденія надъ ними Павелъ производилъ съ тою цѣлію, чтобы рѣшить, нельзя-ли будетъ въ случаѣ крайности заимствоваться отъ нихъ епископомъ,—и вотъ къ какимъ пришелъ заключеніямъ: „Еретиковъ этихъ — несторіановъ, евтихіановъ северіановъ и прочихъ, кои по 95 правилу шестаго вселенскаго собора могутъ приняты быть въ православіе третьимъ чиномъ, мы видѣли, церкви ихъ и богослуженіе смотрѣли; но теперь просить ихъ архипастырей въ нашу вѣру не разсудили, по причинамъ слѣдующимъ: а) самые главные догматы ихъ вѣры, за которые они соборами осуждены, столь богопротивны, что греки благочестіемъ догмата вѣры о самомъ Богѣ отстоятъ отъ нихъ столь высоко, какъ небо отъ земли; б) наружные церковные обряды ихъ, не говоря предъ нашими, но и предъ греческими весьма отвратительны; в) каждая изъ нихъ ересь въ своихъ догматахъ и преданіяхъ столь укоренѣвши, что поколебать ихъ архипастырей весьма трудно." Трудность Павелъ находилъ именно въ этой ихъ приверженности къ своимъ лжеученіямъ и во враждѣ къ греческому православію. Въ примѣръ онъ приводилъ особенно послѣдователей евтихіевой ереси, которые вытѣснили даже греческаго патріарха изъ Антіохіи въ Дамаскъ и, по его наблюденію, скорѣе готовы принять латинскіе догматы, не-

[1]) Письмо изъ Дарданеллъ.

желая соединиться съ греческою церковью. Въ нынѣшнее время (писалъ объ нихъ Павелъ) распространенная по Востоку рука европейцевъ, посредствомъ своихъ миссіонеровъ нѣсколько (евтихіанъ) изъ простаго народа обратила къ западной церкви, а наиболѣе въ уніатство; но духовенство ихъ и нои ученые люди твердо укрѣпились въ своей вѣрѣ; по общему взгляду они лучше склоняются къ западнымъ догматамъ, нежели къ греческимъ, *а кольми паче къ нашимъ, кажется вовсе неприступны*". Оставалось наконецъ навѣдаться у здѣшнихъ православныхъ грековъ, нельзя-ли отъ нихъ получить епископа. Павелъ нашелъ доступъ къ самому патріарху антіохійскому Макарію; но изъ личной бесѣды съ нимъ вынесъ убѣжденіе въ совершенной невозможности и отсюда заимствоваться епископствомъ, якобы потому, что антіохійская патріархія находится въ совершенномъ подчиненіи русскому вліянію: „Были мы въ Домаскѣ (писалъ Павелъ) и лично съ греческимъ антіохійскимъ патріархомъ говорили, который, по замѣчанію нашему, кажется, не можетъ даже и двигнуться безъ вѣдома русскаго консула, подъ надзоромъ коего строится въ Дамаскѣ при патріархіи огромная каменная церковь во имя Святителя Николы Чудотворца, отъ имени и иждивенія русскаго царя Николы: *то что тутъ можно сдѣлать?*" [1]). Притомъ-же въ патріаршествѣ антіохійскомъ совсѣмъ не было „безмѣстныхъ" епископовъ, на которыхъ собственно и расчитывали бѣлокриницкіе ловители архіереевъ. За всѣ эти, впрочемъ не особенно непріятныя, неудачи Павелъ достаточно вознагражденъ былъ тѣмъ, что повсюду здѣсь видѣлъ въ употребленіи трехпогружательное крещеніе.

Изъ Дамаска Павелъ и Алимпій возвратились въ Бейрутъ, и, дождавшись новаго парохода, поплыли въ Яффу. „Прибывши мы въ Яффу (расказываетъ Павелъ), тотчасъ, по письмамъ даннымъ изъ Царяграда посредствомъ рекомендаціи Іосифа Семеновича, обрѣли еще и здѣсь одного *таковаго же благодѣтельнаго пана*, которому всѣ здѣшнія обстоятельства потонку извѣстны, и мы въ своемъ предметѣ и о

1) Тамъ же.

22

существѣ нашей религіи чистосердечно ему открылись.“[1]) Но по тому самому, что панъ сей до тонкости зналъ между прочимъ и всѣ обстоятельства пребывающихъ въ Іерусалимѣ поклонниковъ, онъ поставленъ былъ въ затрудненіе, какъ устроить тамъ безопаснымъ и удобнымъ образомъ существованіе рекомендованныхъ ему раскольническихъ иноковъ, потому что въ Іерусалимѣ не имѣлось ни одного человѣка имъ „единовѣрнаго“, который могъ бы принять ихъ и успокоить, не было и австрійскаго консула, покровительству котораго онъ могъ бы поручить ихъ. Однакоже, по зрѣломъ размышленіи, „благодѣтельный тотъ господинъ въ Яффѣ (какъ выражается самъ Павелъ) обѣщалъ сотворить имъ нѣкую отраду, и сотворилъ“: онъ придумалъ поручить липованскихъ странниковъ покровительству жившаго въ Яффѣ и состоявшаго съ нимъ въ дружбѣ русскаго консула, который въ это самое время находился въ Іерусалимѣ. Итакъ яффскій „благодѣтельный панъ“ снабдилъ Павла и Алимпія дружескимъ рекомендательнымъ письмомъ къ русскому консулу и съ первымъ karаваномъ отправилъ ихъ въ Іерусалимъ. Но ѣдучи туда, они „встрѣтили консула со множествомъ провожатыхъ на дорогѣ, возвращающагося въ Яффу“. Потерявъ такимъ образомъ надежду на его покровительство въ Іерусалимѣ, они продолжали путь сильно озабоченные мыслію о предстоящихъ имъ затрудненіяхъ во святомъ градѣ. Письмо благодѣтельнаго пана было однакоже для нихъ небезполезно.

„23-го ноября мы достигли святаго Сіона, отколь изыде законъ, то-есть пресловутаго во всѣхъ вѣкахъ града Іерусалима“: такъ начинаетъ Павелъ въ письмѣ къ Геронтію свое повѣствованіе о странствіи по святымъ мѣстамъ. У городскихъ воротъ встрѣтили караванъ посланные изъ патріархіи: узнавъ по языку, что Павелъ и Алимпій русскіе люди, эти посланные привели ихъ прямо на патріаршій дворъ. Здѣсь однакоже липованскіе гости почли нужнымъ прежде всего объяснить — кто они такіе, чтобы впослѣдствіи не подвергнуться изгнанію. Объясненія эти привели

[1]) Пис. изъ Іерусалима.

грековъ въ нѣкоторое недоумѣніе: въ паспортахъ Павла и Алимпія значилось, что они австрійскіе подданные, по языку оказались русскими, а по вѣрѣ, или точнѣе по обрядамъ, какъ сами говорили, нѣсколько разнятся и отъ русскихъ и отъ грековъ. Но вотъ они показали данное имъ письмо къ русскому консулу: письмо это прочелъ тутъ же находившійся племянникъ консула, — и сомнѣнія на ихъ счетъ были оставлены. Тогда же безпрепятственно дали имъ помѣщеніе въ патріаршемъ домѣ: „тотчасъ приняты мы были не какъ странники, но какъ милые гости, въ особой и довольно чистой, убранной по азіатскому обычаю горницѣ, и что̀ Богъ имъ послалъ угощены, и на двое сутки тамъ упокоены.“[1])

Здѣсь покойное пребываніе Павла и Алимпія было нарушено нѣсколько встрѣчей съ тѣми же двумя лицами изъ русскаго духовенства, которыя были ихъ спутниками до Бейрута, а „наипаче“ — съ аѳонскимъ инокомъ Парѳеніемъ, бывшимъ въ старообрядчествѣ Паисіемъ, который, какъ мы говорили въ свое время, участвовалъ въ устроеніи Бѣлокриницкаго монастыря.[2]) Всѣ трое, узнавши о пріѣздѣ липованскихъ иноковъ, пришли въ патріархію повидаться съ ними.[3]) При этомъ первомъ свиданіи, „какъ бы со стороны доброжелательства“ (замѣчаетъ Павелъ), они старались познакомить липованскихъ странниковъ съ тѣми порядками, какіе соблюдаются въ Іерусалимѣ относительно поклонниковъ,—именно сообщили имъ, что есть обычай „жертвовать по состоянію каждаго на записку именъ для богомоленія на литургіяхъ за здравіе и за упокой, и будутъ наутріе, какъ православнымъ поклонникамъ, умывать имъ ноги и дѣлать цѣлованіе“; совѣтовали также, „какъ бы съ дружеской сто-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) „А наипаче случился быть одинъ изъ нашихъ мануиловскихъ отступниковъ, инокъ Паисій, нынѣ онъ Аѳонской горы схимникъ Парѳеній“ (Тамъ же).

[3]) Игуменъ Парѳеній, какъ извѣстно, описалъ свои іерусалимскія свиданія и бесѣды съ Павломъ и Алимпіемъ въ своей *Книгѣ о промыслѣ*. Здѣсь онъ замѣчаетъ, что извѣстіе о пріѣздѣ раскольническихъ монаховъ въ Іерусалимъ получилъ отъ племянника русскаго консула (стр. 40).

роны, перемѣнить камилавки и мантіи, ибо они въ Іерусалимѣ странны и соблазнительны". Относительно іерусалимскихъ обычаевъ Павелъ сдѣлалъ имъ уклончивый отвѣтъ, не желая вовсе поминовенія на православной литургіи, которое служило бы знакомъ единенія съ церковію: „когда старѣйшины потребуютъ отъ насъ пожертвованія (говорилъ онъ), то мы по силѣ нашей дадимъ; а не будутъ требовать, мы просить о томъ не желаемъ, ибо мы пришли не ноги умывать, ни цѣлованія принимать, а пришли единственно поклониться на мѣстѣ, идѣже стоястѣ нозѣ Христовы." Перемѣнить же мантіи и камилавки Павелъ и Алимпій рѣшительно отказались. „Послѣ сего (замѣчаетъ Павелъ) ноги намъ не умывали и о запискѣ именъ и пожертвованіи денегъ даже и не воспомянули, и мы остались въ покоѣ тѣломъ и совѣстію своею."[1])

На третій день по пріѣздѣ въ Іерусалимъ, въ тѣхъ же отведенныхъ имъ патріаршихъ покояхъ, Павелъ и Алимпій имѣли съ инокомъ Парѳеніемъ торжественное, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, преніе о вѣрѣ, или лучше — о обрядахъ, употребляемыхъ православною церковію и у глаголемыхъ старообрядцевъ. Сначала происходило горячее и длинное преніе, разумѣется, о перстосложеніи, потомъ о крестѣ двучастномъ и о имени *Іисусъ*. Павелъ рѣшительно

---

1) Пис. изъ Іерусалима. Всѣ изложенныя сейчасъ обстоятельства въ *Книгѣ о промыслѣ* передаются иначе. Здѣсь говорится, что будто бы умовенія ногъ Павелъ и Алимпій желали сами, за что „давали деньги"; но имъ отказали, и сказали: „хотя мы васъ и приняли, но все-таки сомнѣваемся въ васъ, чистые ли вы христіане, а потому и не можемъ вамъ умыть ноги" (стр. 44). И о самомъ прибытіи ихъ въ Іерусалимъ говорится, будто въ патріархію принять ихъ никакъ не хотѣли, не смотря на всѣ ихъ просьбы, что у самого инока Парѳенія они просили покровительства и заступленія предъ патріархомъ, что они подробно расказали ему, Парѳенію, о своихъ странствіяхъ и даже не скрыли того, что ищутъ повсюду епископа и путешествуютъ на московскія деньги, которыхъ „прислано имъ довольное количество" (стр. 41—44). Сомнительно, чтобы осторожный инокъ Павелъ рѣшился разглагольствовать съ „отступникомъ" (какъ называлъ онъ о. Парѳенія) о своихъ планахъ касательно епископа и о московскихъ деньгахъ, — предметахъ крайне щекотливыхъ. Въ письмѣ изъ Іерусалима онъ прямо говоритъ: „о предметѣ нашемъ *никому* здѣсь не открыто."

и смѣло высказывалъ свои обычныя доказательства въ защиту старообрядческихъ мнѣній по всѣмъ этимъ вопросамъ;[1] инокъ Парѳеній, съ своей стороны, горячо, какъ и всегда, защищалъ православные обряды. Участіе въ преніяхъ, и больше съ примирительною цѣлію, принимали также нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, особенно петербургскій іеромонахъ Іосифъ и „скромный іеромонахъ Тихонъ, Аѳонской же горы, русскій уроженецъ“. Этотъ послѣдній, въ минуту самаго запальчиваго препирательства, „возставъ съ мѣста, началъ съ лаской убѣждать: молю васъ, оставьте вы всѣ эти безуспѣшные разговоры и споры, ибо это дѣло совсѣмъ не наше, но высшихъ архипастырей“; и, обратясь собственно къ Павлу съ Алимпіемъ, прибавилъ: „повѣрьте, други, всѣ наши архипастыри всегда молятся о всѣхъ заблудшихъ и желаютъ миру, но вы не смиряетесь.“[2] Описавъ эти споры съ противниками, — споры слишкомъ горячіе и, какъ бываетъ обыкновенно съ такими спорами, ни къ чему не приведшіе, Павелъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Все сіе происшествіе слышно было, кажется, не только живущимъ въ патріархіи, но и самому патріарху Кириллу; ибо отведенная намъ келія была на самомъ лоб-

1) Это „преніе съ противниками о религіи“ Павелъ изложилъ весьма подробно въ своемъ іерусалимскомъ письмѣ. Сообщать вполнѣ его содержаніе здѣсь было бы не у мѣста; замѣтимъ только, что сдѣланное Павломъ изложеніе мало имѣетъ сходнаго съ изложеніемъ того же самаго пренія, сдѣланнымъ въ *Книгѣ о промыслѣ* (стр. 45 — 50), гдѣ Павелъ и Алимпій представлены людьми почти безотвѣтными и смиренно сознающимися въ своихъ заблужденіяхъ, что трудно согласить съ характеромъ того и другаго. Замѣтимъ еще, что и здѣсь, также какъ въ *уставѣ* и другихъ сочиненіяхъ, защищая двуперстіе, Павелъ приводитъ заимствованное изъ *Поморскихъ отвѣтовъ* и любимое свое доказательство, будто бы въ трехъ перстахъ, изображающихъ таинство Святыя Троицы, „таинство воплощенія Бога-Слова вмѣстить невозможно“.

2) Любопытенъ отвѣтъ Павла на эту примирительную рѣчь іеромонаха Тихона: „Если высшія власти поистинѣ хотятъ миру, то нужно имъ прежде разрушить поставленную въ 1667 году на новомосковскомъ соборѣ клятвенную стѣну, *и не просто, но соборнѣ пусть сознаютъ, что она поставлена неправедно и безразсудно; притомъ признаютъ древнецерковныя преданія, которыя мы нынѣ содержимъ, что воистину они суть православны и безъ всякаго сумнѣнія душеспасительны*“.

номъ мѣстѣ. А какъ никто изъ нихъ не разумѣютъ русскаго языка, кромѣ эконома іеромонаха Діонисія и старфишаго изъ архіереевъ духовника, коего называютъ святцомъ Петромъ,[1]) то никто изъ нихъ не входилъ къ намъ, давали всю волю состязаться безъ всякаго прерыва... И такъ окончилась бесѣда, или преніе наше, поелику уже время наступало разойтися всѣмъ увѣщателямъ нашимъ по своимъ мѣстамъ. Однако разошлись съ миромъ, и послѣ сего *сраженія* уже мы безпокоены болѣе не были."

Оставленные такимъ образомъ въ покоѣ, Павелъ и Алимпій занялись осмотромъ Іерусалима и его окрестностей. Въ письмѣ къ Геронтію Павелъ очень подробно и съ большимъ талантомъ описалъ іерусалимскія свои наблюденія и впечатлѣнія.[2]) Вообще говоря, Павелъ смотрѣлъ съ свойственнымъ раскольнику предубѣжденіемъ и на городъ съ его обитателями, и еще больше на обладаемыя невѣрными святыя мѣста; но по временамъ, при посѣщеніи этихъ мѣстъ, онъ невольно подчинялся движенію религіознаго чувства, забывая всѣ свои предубѣжденія, какъ напримѣръ это случилось съ нимъ, когда среди глубокой ночной тишины вступилъ онъ въ пещеру гроба Господня. Вотъ какъ описалъ онъ это поклоненіе живоносному гробу:

„Если хочешъ воздать поклоненіе Спасителю міра, то предпочитается для этого безмолвіе и мракъ ночи, когда народы удалятся изъ храма, когда онъ освѣщенъ блескомъ немногихъ лампадъ и только можно въ немъ слышать шелестъ шаговъ. И ты, приближившися къ часовнѣ, окружающей гробъ Господенъ, не прежде внидешь тамо, какъ изу-

1) Митрополитъ Петры аравійской.

2) Прося извиненія у Геронтія за свои пространные раскачы о святыхъ мѣстахъ, вотъ чѣмъ объяснялъ ихъ Павелъ: „Простите насъ, Бога ради, что мы въ сію письмо разсказовъ верхомъ насыпали и много *не о томъ, въ чемъ состоитъ ваше отъ насъ ожиданіе.* Но этому виной были нѣкоторые праздные часы, въ коихъ, избѣгая скуки, занимались заочно съ вами бесѣдой, аки лично; и мы тѣмъ по крайней мѣрѣ утѣшались, что *намъ писать, а вамъ читать не накимать отать*; а наипаче чувствуя по себѣ, что если бы мы получили отъ васъ хотя втрое сего больше, почли бы то за удовольствіе" (Пис. изъ Іерусалима).

ешь сапоги свои (такъ какъ на Голгоѳѣ для того есть строгое приказаніе). Когда внидешь, преклонившись, въ преддверіе, внушающее тебѣ глубокое благоговѣніе, видишь посреди горящихъ день и ночь безчисленныхъ лампадъ то самое страшное мѣсто, гдѣ умащалъ достопокланяемое тѣло Спасителя вѣрный, но тайный ученикъ Его и, обвивъ плащаницами, полагалъ въ самомъ этомъ гробѣ. Боже мой! какое теперь поражаетъ насъ благодарное къ Богу чувствіе, какое кипитъ въ странствующей душѣ умиленіе, что мы — недостойные удостоились не только видѣть, но и ходить по слѣдамъ, столь необмыслимымъ, что кажется на каждомъ почти шагу и нынѣ слышанъ голосъ, говорящій: *не приближайся сѣмо, изуй сапоги отъ ногъ твоихъ: мѣсто бо, на немже ты стоиши, земля свята есть!*... Поистинѣ, здѣсь, приходящій поклонникъ, влѣзши въ столь божественную пещеру, когда ничей взоръ не возмущаетъ его, по силѣ способностей предаваться впечатлѣнію, припадаетъ челомъ къ земли, смирившись подъ тяжестію мысли о таинствѣ и вѣрѣ; лобызаетъ камень гроба, прильнувъ къ нему губами, какъ бы желая впить въ себя что-то божественное; и, благодаря Господа, молится, яко, сподобивъ его быть въ земномъ Іерусалимѣ, да не лишитъ его и горняго, и да помянетъ его, яко разбойника, во царствіи своемъ небесномъ; а при томъ воспоминаетъ въ молитвѣ о всѣхъ кровныхъ и ближнихъ, и о всѣхъ, иже въ пути жизни его благодѣтельствовавшихъ и молиться ему заповѣдавшихъ. Здѣсь, изъ столь многочисленнаго приходящаго народа, *никогда ни у кого не увидишь улыбки, и кто ни входитъ туда изъ поклонниковъ, едва ли кто вышелъ съ сухими глазами*...."[1])

Написавъ это, Павелъ какъ будто испугался своихъ собственныхъ чувствъ, — этого выраженнаго имъ невольнаго благоговѣнія предъ святыней, обладаемой невѣрными, — и сей-часъ же совершенно въ раскольническомъ духѣ начинаетъ разсуждать о безполезности и небезопасности, особенно въ настоящее время, странствованій по святымъ мѣстамъ, опираясь притомъ на превратно понимаемыя сви-

---

[1]) Тамъ же.

дѣтельства богомудрыхъ отцевъ — Іеронима, Августина, преподобнаго Никона Черныя горы, „который странствіе самымъ опытомъ дозналъ и о томъ ужасное въ книгѣ своей написалъ". „Поистинѣ (заключаетъ Павелъ эти свои разсужденія) — поистинѣ и мы — послѣдніи, еслибы только странствовали не за послушаніе и не по воли вашего отеческаго благословенія *для важнаго предмета*, то убо давно потонули бы душей въ сланомъ и многоволнящемся морѣ — грѣховномъ семъ мірѣ! Только святыми молитвами вашими дышимъ и движемся (!) и вѣрой о Господѣ утѣшаемся, по писанному: *вѣруяй въ Онь не погибнетъ*, и паки: *аще и смертно* (не только не чисто) *испіютъ*, *не вредитъ имъ*. Потому нѣкогда и Аврамій за спасеніе одной души измѣнялъ свой иноческій образъ, даже входилъ въ трактиръ и ялъ мясо; но намъ, за молитвы ваши, еще такой нужды не настояло...."[1])

„Важный предметъ" дѣйствительно прежде всего имѣлся въ виду при странствіяхъ по Іерусалиму и его окрестностямъ. Что здѣсь не возможно обрѣсти ни единаго именуемаго „древлеправославнаго" епископа, это не подлежало сомнѣнію, ибо всѣ и повсюду крестились тремя персты и содержали прочіе обряды, согласно именуемымъ никоновскимъ „новопремѣненіямъ". Павелъ весьма внимательно слѣдилъ за ходомъ церковныхъ службъ и въ патріаршей церкви, и въ храмѣ Воскресенія, и въ другихъ. Онъ былъ настолько справедливъ, что о службѣ въ патріаршей церкви отозвался съ похвалой: „во время службы весьма было чинно, даже и поклоны полагали *вси вкупѣ*, согласно уставу", — обстоятельство весьма важное въ глазахъ старообрядца.[2]) Также и о воскресной службѣ, 25-го ноября, въ храмѣ Воскресенія, которую отправлялъ самъ патріархъ „въ при-

---

[1]) Тамъ же. Нужды, дѣйствительно, не имѣлось; но объ Алимпіѣ извѣстно, что онъ и безъ нужды нерѣдко дозволялъ себѣ то, на что преподобный Аврамій рѣшился нѣкогда „за спасеніе одной души". Что отецъ Алимпій былъ хмѣленъ и, по обычаю, во хмѣлю не спокоенъ, — это не разъ отмѣчалъ самъ Павелъ въ записной своей книжкѣ.

[2]) Пис. изъ Іерус. О самой же церкви патріаршей Павелъ замѣтилъ, что „украшеніе въ ней чрезъ мѣру богатое, иконы весьма искуснаго писанія; полагательно, все это есть благотвореніе Россіи".

сутствіи пяти архіереевъ, и многихъ архимандритовъ и прочихъ лицъ", замѣтилъ, что служеніе это было „удивленія достойно". И все это благолѣпіе, вся чинность не имѣли однакоже въ его глазахъ никакого значенія, ибо онъ видѣлъ здѣсь и троеперстіе и прочія глаголемыя „новопреніенія". Не забылъ онъ упомянуть и того, что „греки и арабы ведутъ себя въ церкви безчинно, — сверхъ того, что, какъ въ Россіи, *кланяются безъ толку*, даже въ шапкахъ и чалмахъ стоятъ въ церкви и молятся Богу". И такъ обрѣсти „древлеправославнаго" епископа здѣсь, въ Іерусалимѣ, Павелъ не могъ имѣть и помышленія; не видѣлъ онъ возможности предложить бѣлокриницкую каѳедру и кому-нибудь изъ дѣйствительно — православныхъ епископовъ, тѣмъ больше, что и здѣсь, какъ въ Сиріи, безмѣстныхъ архіереевъ вовсе не было: посему-то Павелъ во все время своего пребыванія въ Палестинѣ хранилъ объ этомъ предметѣ глубокое молчаніе. За-то онъ весьма доволенъ былъ своими изысканіями объ употребляемомъ здѣсь способѣ крещенія. Изысканія же эти онъ производилъ съ величайшею внимательностью, и въ письмѣ своемъ къ Геронтію говоритъ о нихъ подробно. Здѣсь, во-первыхъ, помѣстилъ онъ цѣлую статью „О крещеніи дѣтей арабскихъ въ Іерусалимѣ"; вовторыхъ — бесѣду съ греками въ Архангельскомъ монастырѣ[1]) о совершаемомъ у нихъ крещеніи. Въ описаніи крещенія арабскихъ дѣтей онъ сдѣлалъ, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій, такое общее заключеніе: „а крестятъ непремѣнно во всей даже окрестности іерусалимской совершенно тремя погруженіями; для того въ церквахъ имѣютъ по двѣ купели: одна обыкновенная—для новорожденныхъ, а другая, на случай, великая—для взрослыхъ". Чтобъ это общее заключеніе подтвердить еще болѣе, для того и вступилъ онъ въ бесѣду со старцами Архангельскаго монастыря, начавъ бесѣду именно вопросомъ: „давно ли у нихъ, грековъ, стали крестить въ три погруженія?" „На вопросъ сей (пишетъ Павелъ) они посмѣялись, почли это за глупый вопросъ. Неужели мы, тот-

---

1) Въ этотъ монастырь Павелъ и Алимпій переведены на жительство съ патріаршаго двора, гдѣ прожили только двое сутокъ.

часть возразили намъ, о принятіи сего божественнаго догмата не знаемъ, что греки приняли крестить погруженіемъ въ водѣ отъ самого Іисуса Христа, крестившагося во Іорданѣ, что самые уставы въ книгахъ греческихъ какъ въ древнихъ, такъ точно и въ нынѣшнихъ, всякому умѣющему читать очевидно свидѣтельствуютъ, а обливаніе есть римскаго папы преданіе, что въ грекахъ называется схизма". Далѣе Павелъ пространно излагаетъ, что говорено было греками въ защиту постояннаго, неизмѣннаго употребленія у нихъ трехпогружательнаго крещенія противъ возраженій, которыя нарочно, искушая ихъ, предлагалъ имъ Павелъ; сообщаетъ также и съ своей стороны нѣкоторыя новыя соображенія и доказательства въ подтверждение сдѣланныхъ греками показаній. Все это онъ писалъ, очевидно, съ цѣлію — убѣдить своихъ многочисленныхъ читателей, что старообрядцы несправедливо обвиняютъ грековъ въ обливаніи и что отъ грековъ, какъ отъ имѣющихъ трехпогружальное крещеніе, самое священство къ принятію несумнительно.

Собравши въ Іерусалимѣ нужныя свѣдѣнія о крещеніи въ грекахъ, Павелъ считалъ вполнѣ достигнутою цѣль своего путешествія въ Палестину и не видѣлъ уже надобности долѣе жить въ Іерусалимѣ: „теперь мы уже ни въ какія, разглагольствія не простираемся, но отъ всѣхъ уклоняясь располагаемъ только свой планъ, и каждодневно пріискиваемъ случая, какъ-бы скорѣе отправиться на предлежащее дѣло главной нашей препорученности". Это значило, что Павелъ готовъ былъ ѣхать изъ Іерусалима прямо въ Константинополь, гдѣ производились уже Чайковскимъ и прочими его благопріятелями хлопоты „по дѣлу главной препорученности", и путешествіе въ Египетъ даже не считалъ теперь особенно нужнымъ. Но отправиться въ Константинополь не было возможности за неимѣніемъ „благонадежной оказіи", и по причинѣ неблагопріятнаго для морскихъ путешествій времени, тѣмъ болѣе, что тогда не существовало еще правильныхъ пароходныхъ рейсовъ изъ Бейрута и Яффы. Представился-же случай пробраться въ Константинополь другимъ путемъ, правда слишкомъ далекимъ и опаснымъ, на кото-

рый однакоже Павелъ и Алимпій по разнымъ соображеніямъ безотлагательно рѣшились. „Открылся случай ѣхать другою страной, чрезъ Аравію въ Синай, и, полагаемъ, если Богъ благословитъ, нежели намъ на мѣстѣ сидѣть въ въ ожиданіи случая, лучше между тѣмъ отправиться въ Синай; а тамъ переѣдемъ Чермное, то-есть Красное море, гдѣ переходилъ Моисей, и побываемъ въ Египтѣ; потомъ чрезъ Александрію прямо въ Константинополь. И какъ говорятъ, что мы въ Александріи успѣемъ застать пароходъ, то этотъ путь нашъ продолжится немного дольше, чѣмъ чрезъ Байрутъ, куда случая намъ еще не предвидится. И такъ мы на это рѣшились. А наипаче сіе произволеніе наше состоитъ въ томъ, чтобы пройти тою страной *единственно для вѣрнаго свѣдѣнія и конечнаго успокоенія дальныхъ размышленій своихъ и прочихъ*“. [1])

VIII. Изъ Іерусалима Павелъ и Алимпій выѣхали 12-го декабря 1845 года, проживъ тамъ ровно двадцать дней. Отъ Газы до Суеса шли болѣе трехъ недѣль, испытавъ всѣ лишенія и трудности путешествія по песчаной Аравійской пустынѣ. „На ней, какъ на обширномъ морѣ (такъ описывалъ Павелъ свое странствіе по пустынѣ), кромѣ сыпучаго песка, и навѣявшихся курганцевъ, и изрѣдка полусухихъ колючихъ кустарничковъ отнюдь ничего не видно. Верблюды не останавливаясь идутъ съ рана до вечера, ни пивши, ни ѣвши, хватаютъ на пути, гдѣ случится, только полусухой и колючій тотъ терначекъ,—идутъ разсыпавшись по всей степи: ибо настоящей дороги, отъ безпрестаннаго засѣянія пескомъ, отнюдь никакого знака не видно. Удивленію достойно, какъ эти арабы съ своими караванами путь проѣзжаютъ! — простые люди, безъ всякаго компасоводства, совершенно подобно дикимъ гусямъ, глазомѣрно достигаютъ своей цѣли! Воды прѣсной во всю дорогу нигдѣ нѣтъ, — для людей запасаются оною въ Газѣ, да еще на границѣ Египта, въ эль-аришескомъ карантинѣ. Потому верблюды (чудная порода!) идутъ совершенно не пивши нѣсколько дней, и столь умораются, что ѣдучи внезапно падаютъ и издыхаютъ: тру-

[1]) Пис. изъ Іерусалима.

повъ ихъ лежитъ на пути ономъ многое множество. А потому, сидя на нихъ высоко, и ноги подкорчены, на высокихъ креселъцахъ, всякій часъ въ страхѣ"... [1]).

Въ Суесъ путешественники пріѣхали 6-го января 1846. Здѣсь Павелъ и Алимпій отдѣлились отъ прежняго каравана: „въ Суеши открылся намъ другой путь и другіе надежные спутники — скорѣе отправиться на Египетъ, по плану обстоятельствъ нашего дѣла". Отсюда до Каира они ѣхали, на верблюдахъ-же, три дня. „Мѣстоположеніе (писалъ Павелъ) тоже безводное и безплодное, воды никакой нѣтъ ни капли, земля голая и песчаная, только отлична отъ пустыни тѣмъ, что покрыта вся мелкимъ камнемъ, какъ будто-бы нарочно въ грохотъ просѣяннымъ, потому уже и дорога весьма твердая, притомъ-же насыпанная камнемъ и утрамбованная, и не такъ уже опасна, какъ по Аравіи". Но удобства существовали только для тѣхъ, кто ѣхалъ въ дилижансахъ (за весьма дорогую цѣну); а такъ какъ Павелъ и Алимпій путешествовали на верблюдахъ, то „окружены были все еще тѣми-же опасностями, ибо люди все тѣже арабы, и ночевать приходилось попрежнему среди пустыни, на голомъ песку". Съ восторгомъ привѣтствовалъ Павелъ окончаніе этого труднаго пути, когда открылась давно ожидаемая нильская долина: „Послѣ нѣсколькихъ спусковъ и подъемовъ, наконецъ, за послѣднею горой, вдругъ открылся въ ногахъ предъ нами удивительный видъ, аки прекрасной розы, цвѣтущей подлѣ тернія: это уже Египетъ! Мы, столь обрадовашись, говорили другъ другу: теперь мы, слава Богу, вышли изъ острога, или изъ заточенія въ царство Европы! Пріостановившись же на той послѣдней горѣ, мы любовались какъ на удивительную картину: ровная и весьма обширная долина, по коей знаменитая рѣка Нилъ господственно разливаетъ свои щедроты, зеленѣла разными произрастеніями и древесами подобно едемскому саду! Хотя видѣли мы довольно прекрасную и плодовитую дамаскову долину, но сія весьма превосходитъ! Тамъ видны ограничивающія оную горы: а сія равнина, аки океанъ, необъятна.

[1]) Пис. изъ карантина въ Дарданеллахъ.

глазами. Посреди же этой красы располагается славный город Каиръ, египетская столица, издали показывающаяся въ гордомъ видѣ огромныхъ зданій, безчисленныхъ мечетей и высокихъ минаретовъ"... [1])

Въ Каирѣ Павелъ и Алимпій позаботились прежде всего отыскать тѣхъ старообрядческихъ старцевъ, къ которымъ имѣли посланіе отъ славскихъ отцевъ. Ихъ было четверо; жили они на Вулакѣ, близь рѣки Нила, „питаясь отъ трудовъ рукъ своихъ". Настоятель этого маленькаго братства—инокъ Симеонъ жилъ тамъ уже около сорока лѣтъ. „Какою же они радостію были обрадованы (повѣствуетъ Павелъ), какъ увидѣли насъ паче всякаго чаянія!—и приняли въ свою келію съ распростертыми объятіями, какъ присныхъ братій своихъ, и мы пробыли у нихъ дней шесть". Подъ ихъ руководствомъ Павелъ и Алимпій осмотрѣли городъ, его окрестности и достопримѣчательности; наипаче же „разспрашивали у нихъ о тамошнихъ обстоятельствахъ и о разныхъ религіяхъ, такъ какъ имъ все обстоятельно тамъ извѣстно". [2])

О церковныхъ обстоятельствахъ Павелъ и Алимпій узнали отъ нихъ, что тогда на александрійской каѳедрѣ патріарха небыло; а съ епископами александрійской патріархіи говорить о переходѣ въ старообрядчество старцы совѣта не дали, да и безмѣстныхъ, которымъ можно было-бы сдѣлать предложеніе, точно также, какъ въ Сиріи и Палестинѣ, не имѣлось. О „древлеправославныхъ" же епископахъ, акибы крыющихся между прочимъ и въ Египтѣ, они отвѣчали рѣшительно, что здѣсь таковыхъ вовсе не существуетъ, и всѣ объ нихъ слухи—совершенный вымыселъ; [3]) наконецъ „о тамошнихъ религіяхъ засвидѣтельствовали, что не толь-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же. У этихъ, жившихъ въ Египтѣ старообрядцевъ, былъ во время своего странствія и инокъ Ираклій. Онъ также говорилъ, что нашелъ четырехъ старцевъ и что отецъ Симеонъ былъ „очень престарѣлый" (*Чт. общ. ист. и др.* 1871 г. IV, отд. V, стр. 183).

[3]) Тоже они говорили и Ираклію съ товарищами: „иноки эти увѣрили насъ (писалъ Ираклій въ своемъ показаніи), что они сами ѣздили и искали даже по всему Нилу до Еѳіопіи, но нигдѣ нашего согласія не встрѣчали" (тамъ же).

ко восточные тамъ крестятъ въ три погруженія всеобдержно, но даже и католической вѣры также погружаютъ, подражая восточнымъ обычаямъ". Такъ написали они обо всемъ этомъ и славскимъ отцамъ, въ отвѣтъ на письмо ихъ.[1]) Свиданіе съ египетскими старцами имѣло такимъ образомъ великую важность для Павла: на ихъ свидѣтельство онъ могъ смѣло опереться въ томъ, что и самъ говорилъ о невозможности обрѣсти „древлеправославнаго" епископа и о повсюдномъ существованіи у грековъ трехпогружательнаго крещенія. Египетскіе старцы оказали Павлу съ Алимпіемъ и ту еще важную услугу, что подъ ихъ покровительствомъ они очень удобно жили въ Каирѣ и безпрепятственно устроили свой отъѣздъ въ Константинополь. „Они (писалъ Павелъ о старцѣ Симеонѣ съ братіей) имѣютъ отъ тамошняго паши привилегію на свободное жительство въ какомъ только городѣ изволятъ, и на продажу рукодѣлія и на содержаніе своей религіи безъ всякаго препятствія. Даже когда отправляли насъ на судно, настоятель только предъявилъ свою грамоту въ таможнѣ, что мы есть ихъ бра-

---

1) Два отвѣтныя письма инока Симеона въ Славскій скитъ были вручены Павлу незапечатанныя; потому онъ, въ посланіи къ Геронтію изъ дарданельскаго карантина, не только изложилъ ихъ содержаніе, но даже снялъ съ нихъ копіи. Копія одного письма сохранилась на томъ листкѣ собственноручнаго павлова письма, о которомъ мы упоминали выше. Вотъ что именно писалъ Симеонъ въ предостереженіе старообрядцамъ, пускающимся странствовать для отысканія „древлеправославнаго" священства, и о крещеніи у египетскихъ христіанъ: „Извѣствуемъ васъ, яко вси вожаки, иже хотятъ васъ вести *христіанъ искать* въ Тунусъ, и въ Траблусъ, и въ Фесъ-Скалю, сирѣчь въ Фесъ-Солтанъ, и на рѣку Миричь, то всѣ лжутъ, не вѣруйте имъ и не ходите съ ними, они хотятъ васъ обобрать и погубить. И еще: аще хощете священство принять, то здѣ крещеніе въ три погруженія и вѣруютъ въ Святую Троицу — Отца, и Сына, и Святаго Духа". Достойно замѣчанія также слѣдующее мѣсто павлова письма, относящееся къ той же переписке славскихъ и египетскихъ отцовъ: „А какъ славскіе отцы писали къ нимъ (египетскимъ) въ письмѣ о Россіи безъ мѣры ужасное, такъ что они, хотя за Дунаемъ, но трепещутъ гоненія, понеже *мѣстоположеніе задунайскихъ настоящая путь войскъ россійскихъ*, — если послѣдуетъ что не мирно. Симъ египетскіе отцы обнадежились, ожидать къ себѣ цѣлаго монастыря, или общества; но только весьма сожалѣютъ они, что теперь власти египетскаго паши ограничена цареградскимъ султаномъ".

тія, — и тотчасъ отпустили насъ, не заглянувъ ни на одну вещинку, чтд мы при себѣ имѣемъ, тогда какъ никому безъ осмотра таможни не вольно выступить изъ города къ отправкѣ по рѣкѣ Нилу въ Средиземное море. Итакъ, давъ другъ другу любовное о Христѣ цѣлованіе, мы отправились по рѣкѣ Нилу въ Александрію."

Въ Александріи Павелъ и Алимпій пробыли менѣе сутокъ: „ибо надобности въ ней уже не было" послѣ того, какъ о всѣхъ „обстоятельствахъ" они собрали точныя свѣдѣнія въ Каирѣ, главнымъ же образомъ потому, что представилась возможность немедленно отправиться въ Константинополь. Въ самый день пріѣзда въ Александрію, 21-го января, они взяли мѣсто на пароходѣ, который на слѣдующее утро долженъ былъ выйти въ море. Такому скорому отъѣзду они очень обрадовались: „вотъ счастіе!—восклицаетъ Павелъ,— но недалеко предстояло и ужасное бѣдствіе". Въ Средиземномъ морѣ имъ пришлось выдержать страшную бурю. Павелъ описалъ ее со своимъ обычнымъ искусствомъ:

„22-го генваря, во вторникъ, сѣли мы на пароходъ и отправились изъ Александріи. День былъ ясный; а какъ скрылись со всѣхъ сторонъ берега, началъ дуть противный, сѣверный вѣтръ. А на другой день, чѣмъ далѣе пароходъ убѣгалъ въ средину моря, тѣмъ сильнѣе вѣтръ раздувалъ волны. А когда выѣхали на средину моря, столь ужасная воздвиглась буря, что уму непостижимо! Море воскипѣло, кажется, до самой бездны. Разъяренныя волны столь ужасно ревѣли и съ трескомъ, какъ будто какими огромными колодами, ударяли въ пароходъ. Свирѣпый вихрь съ визгомъ и даже съ пылью, срывая верхушки волнъ, безпрестанно бросалъ на палубу парохода, который сколь великъ ни былъ, но въ ужасныхъ волнахъ купался, какъ малая утка. И весь день такъ обуревались; но, ужаснѣе всего, буря еще сильнѣе готовилась на ночь. Всѣ пассажиры, всѣ правители и служители въ отчаяніе приходили! Какимъ-же ужасомъ, какою скорбію всѣ объяты были—неизъяснимо! Всякій по своей вѣрѣ съ умиленною молитвой прибѣгалъ къ Богу и всѣ стали полагать обѣты: турки стали между себя складать деньги, упоминая на какую-то искендерію, можетъ-быть на

какого-нибудь угодника ихъ вѣры; а греки тоже собирали на молебенъ святому Чудотворцу — Николѣ и насъ къ тому приглашали. Но мы объявили обѣтъ свой, что сами, особо отъ всѣхъ, по благополучномъ прибытіи, отслужимъ святому Чудотворцу — Николѣ, за ходатайство его къ Богу, не только молебенъ, но всю службу со всенощнымъ бдѣніемъ.[1]) И такъ всю тую нощь безъ сна бесѣдовали въ неизъяснимомъ ужасѣ, такъ что съ часу на часъ, съ минуты на минуту, ожидали отъ сильныхъ ударовъ и волнъ—вотъ развалится пароходъ, или отъ безмѣрнаго обуреванія опрокинется и погрязнетъ на днѣ моря, аки камень.... Уже третій день сталъ разсвѣтать, а море реветъ, вихрь рветъ и буря ни мало не утихаетъ. Только мало стало намъ отраднѣе, что, слава Богу, всѣ живы дождались свѣту. Но уже отъ полудни стало нѣсколько посмирнѣе, и лежащіе полумертвые люди, въ числѣ коихъ малыя дѣти и женщины, стали шевелиться и надеждой спасенія оживляться.... На пятый день стали открываться нѣкоторые острова, а на шестой день достигли города Смирны: тамъ въ пристани простоя одни сутки, въ седьмой день отправились въ Дарданелы."

Въ Дарданельскомъ проливѣ пароходъ также болѣе сутокъ боролся съ вѣтрами, и только 30-го января удалось пассажирамъ высадиться въ карантинъ. Здѣсь, сидя въ карантинѣ, въ преддверіи Царяграда, Павелъ на свободѣ подводилъ итоги своихъ наблюденій во время трехмѣсячнаго странствованія по Сиріи, Палестинѣ и Египту. Свои заключенія, дальнѣйшіе планы и ожиданія онъ изложилъ въ пространномъ письмѣ къ Геронтію, писанномъ отсюда-же, изъ дарданельскаго карантина. Сущность этихъ павловыхъ заключеній и ожиданій состояла въ слѣдующемъ: „Касательно настоящаго нашего дѣла о занятіи священствомъ отъ грековъ мы теперь *совѣстію совершенно спокойны*, потому что обтекли при помощи Божіей всѣ четыре греческія патріархіи и своими глазами ясно видѣли, что вездѣ у нихъ

---

1) Черта весьма примѣчательная: даже и въ минуту смертной опасности Павелъ не могъ забыть раскольническаго правила—не сообщаться съ иновѣрными въ молитвѣ!

единообразно совершается крещеніе въ тріипостасное Божіе имя тремя погруженіями... Во всѣхъ четырехъ греческихъ патріархіяхъ, кого ни спроси, всѣ духовные и мірскіе также свидѣтельствуютъ о томъ единогласно, даже и самые уставы въ ихъ книгахъ древнихъ и нынѣшнихъ то-же самое показуютъ. Послѣ сего остаётся-ли чего требовать вѣрнѣе? А когда крещеніе отъ еретикъ пріято, то уже рукоположеніе *наипаче*... Отъ цареградской патріархіи, гдѣ дѣйствительно трехпогружательное крещеніе производится, мы уже не сомнѣвались заимствоваться архіереемъ; но однако отправились во вселенную,—желательно было осмотрѣть и прочія восточныя патріархіи за Средиземнымъ моремъ; да еще льстились мы и другою надеждой,— не благоволитъ-ли Богъ гдѣ обрѣсти точно намъ единовѣрнаго архіерея. Но теперь, сверхъ нашего краткаго по вселенной обтеченія и обозрѣнія, еще освѣдомились отъ отцевъ египетскихъ, что еслибъ угодно было Богу, то имъ, по столь долговременному въ тѣхъ странахъ обитанію и прилѣжному распытыванію, кажется всѣхъ лучше и удобнѣе узнать-бы можно,— однако они ничего о томъ не знаютъ. *Слѣдовательно, Богъ не благоволитъ намъ тѣхъ искать, если гдѣ и есть покровены Божіею рукою отъ знанія міра*; а намъ есть довольно возможное предоставлено средство—искать сообразно правиламъ соборнымъ... Поэтому нужно намъ было осмотрѣть въ Сиріи, Палестинѣ, Аравіи и Египтѣ еще и прочія вѣры, которыя за ереси ихъ вселенскими соборами осуждены и проклятію преданы, но, по 95 правилу шестаго вселенскаго собора, достойны къ принятію въ православіе безъ покрещеванія.“ Еретиковъ этихъ—несторіанъ, евтихіанъ, северіанъ и др., какъ было уже сказано, Павелъ нашелъ по религіозному состоянію несравненно хуже грековъ и совершенно ненадежными къ просвѣщенію свѣтомъ старообрядчества. На православныхъ епископовъ трехъ патріархій: антіохійской, іерусалимской и александрійской въ этомъ отношеніи также надежды не было. „Въ тамошнихъ мѣстахъ, — въ Сиріи, Палестинѣ, Аравіи и Египтѣ, свободныхъ епископовъ ни у грековъ, ни у прочихъ вовсе нѣтъ; тамъ единожды опредѣлится архіерей на епархію, и сидитъ, доколь не умретъ,

или за какую законную вину совершенно изъ сана извержется и вовсе непотребенъ будетъ." Правда нужно было-бы попытаться „уцѣломудрить" кого-нибудь изъ сихъ дѣйствительныхъ патріарховъ, или епископовъ, то-есть обратить въ старообрядчество: но „это дѣло,—замѣчаетъ Павелъ,—есть претрудное и только одного Бога. Хотя Богъ все можетъ сдѣлать, какъ мы несумнѣнно вѣримъ; но Онъ же далъ человѣку чувство и разумъ, дабы не всегда человѣкъ хватался за откровенія Божіи выше обычайности, но первѣе соображался бы съ предоставленными ему мѣрами... А какъ мы *уже видѣли* въ Царьградѣ удобное средство, такъ что тамъ въ одной окружности города находится шесть патріарховъ и болѣе двадцати архіереевъ, удаленныхъ отъ своихъ епархій по прихотямъ Порты, но изверженію, или запрещенію не подлежащихъ: то мы оставили тѣ мѣста и пріѣхали на здѣшній берегъ, гдѣ начнемъ дѣло обыкновеннымъ порядкомъ. Когда изъ таковаго множества свободныхъ архіереевъ, *паче всякаго нашего чаянія*, не изыщется ни единъ желающій епископъ поступить въ нашу вѣру: тогда знаменіе намъ да будетъ, что Богъ изволяетъ обратиться въ языки, — опять на ту страну Средиземнаго моря, гдѣ начнемъ поступать прямымъ путемъ, проповѣдуя истинную вѣру, и будемъ ожидать содѣйствія Божія, что Онъ Самъ всемогущею божественною властію довершитъ наше дѣло, имиже Самъ знаетъ судьбами. А когда въ Царьградѣ желаемое получимъ, *какъ и не сумнѣваемся*, тогда воспоемъ ему благодарнымъ гласомъ: *Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако!*"[1]),

---

[1]) Письмо изъ Дарданеллъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I. Возвращеніе Павла и Алимпія въ Константинополь; неудачные переговоры съ однимъ изъ безмѣстныхъ архіереевъ. II. Митрополитъ Амвросій: его жизнь до встрѣчи съ Павломъ и Алимпіемъ. III. Сношенія Павла и Алимпія съ сыномъ Амвросія. IV. Переговоры съ самимъ Амвросіемъ; сочиненія, написанныя Павломъ для Амвросія. V. Заключеніе формальнаго условія между Амвросіемъ и бѣлокриницкими депутатами. VI. Отъѣздъ Амвросія и путешествіе отъ Константинополя до Вѣны. VII. Пребываніе Амвросія и Павла въ Вѣнѣ; аудіенція у императора Фердинанда и представленіе другимъ высокопоставленнымъ лицамъ; отъѣздъ изъ Вѣны.

I. Послѣ долгихъ и трудныхъ странствій по Сиріи, Палестинѣ и Египту, совершивъ бурное плаваніе по Средиземному морю и высидѣвъ опредѣленный срокъ въ дарданельскомъ карантинѣ, 15-го февраля 1846 года Павелъ и Алимпій возвратились въ Константинополь. Здѣсь, на пристани, ихъ ожидали уже цареградскіе друзья и благодѣтели, которымъ они изъ карантина успѣли послать вѣсточку о своемъ пріѣздѣ: встрѣча была самая радушная, особенно со стороны „благодѣтельнѣйшихъ пановъ", давно и съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ возвращенія бѣлокриницкихъ посланниковъ, въ предпріятіи которыхъ они принимали такое живое участіе[1]). Для Павла эта радушная встрѣча отъ вельможныхъ покровителей была тѣмъ пріятнѣе, что теперь-то

---

[1]) Вотъ какъ описалъ эту встрѣчу Геронтій въ своемъ *Памятникѣ*: „На пристани, чрезъ чаянія, благодѣтельнѣйшими ихъ друзьями были встрѣчены, иже нетерпѣливо ожидавшими ихъ; съ неизреченною радостію охапившеся, другъ друга лобызаху и надолзѣ молчаху, не зная о чемъ единъ другаго вопрошати, понеже въ отчаянныхъ уже были, болѣе бо года (?) изъ опасныхъ мѣстъ извѣстіе о себѣ не давали. И тако спѣшно со станціи влекоми бяху."

именно и предстояла надобность въ ихъ помощи и покровительствѣ. Надежда обрѣсти въ восточныхъ странахъ „древлеправославнаго“ епископа для бѣлокриницкой каѳедры, какъ и ожидалъ онъ, оказалась тщетною; оставалось начать давно предположенныя и рѣшенныя хлопоты о пріобрѣтеніи для сей цѣли какого-либо изъ проживающихъ въ Царѣ-градѣ безмѣстныхъ архіереевъ: въ этихъ-то не легкихъ поискахъ Павлу нужна была поддержка и помощь опытныхъ и вліятельныхъ цареградскихъ друзей, о чемъ и повелъ онъ откровенную, пріятельскую бесѣду съ ними, расказавъ предварительно о своихъ безплодныхъ странствіяхъ по далекому Востоку ради изысканія „древлеправославныхъ“ архіереевъ. Благодѣтельные паны съ прежнимъ усердіемъ изъявили готовность всѣми способами помогать бѣлокриницкимъ посланникамъ въ предстоящихъ имъ трудахъ, и при этомъ сообщили имъ, что въ ихъ отсутствіе, согласно обѣщанію, навели уже необходимыя справки — на кого изъ мѣстныхъ архіереевъ могутъ они расчитывать, какъ на способнаго принять ихъ предложенія. Справки эти оказались впрочемъ не особенно утѣшительны для Павла и Алимпія: не взирая ни на какія нужды и лишенія, никто почти изъ православныхъ епископовъ не согласился и помыслить объ измѣнѣ православію. „Изъ числа толикаго множества архіереевъ (писалъ впослѣдствіи Павелъ) только два изъявили желаніе выслушать предложеніе (о бѣлокриницкой каѳедрѣ), а то всѣ формально, съ перваго слова, какъ только услышатъ, что (нужно идти) въ чужую землю и другую религію, отряхивали руки, и просили отъити скорѣе прочь, чтобы кто не услышалъ и не узналъ бы патріархъ.“[1]) Всю надежду пришлось возложить теперь на этихъ двухъ, оказавшихся менѣе неприступными. Чтобы войти съ ними въ переговоры, Павлу и Алимпію

---

[1]) *Письмо въ Торжокъ.* Письмо это писано отъ лица всего бѣлокриницкаго братства, незадолго предъ чинопріятіемъ Амвросія, къ торжковскимъ старообрядцамъ, какимъ-то Кириллѣ Павлычу, Григорію Филипычу и Ѳедору Иванычу, „истиннымъ древлеправославнаго благочестія ревнителямъ и святоотеческихъ преданій всеопаснымъ блюстителямъ“. Что письмо павлова сочиненія—это не подлежитъ сомнѣнію.

необходимъ былъ искусный, знающій языки посредникъ: благодѣтельные паны пріискали уже и вполнѣ способнаго къ этому дѣлу человѣка, которымъ и сами они пользовались до пріѣзда Павла и Алимпія, — это былъ нѣкто Константинъ Огняновичъ, изъ православныхъ сербовъ, человѣкъ довольно образованный и свободно объяснявшійся на нѣсколькихъ языкахъ, въ томъ числѣ погречески и порусски, имѣвшій связи съ патріаршимъ домомъ и многимъ изъ православныхъ епископовъ лично знакомый, къ тому же еще и австрійскій подданный, такъ какъ родина его была въ Банатѣ.[1]) Онъ принялъ съ готовностью предложеніе ца-

[1]) Павелъ, въ письмѣ Геронтію изъ Браилова, отъ 8-го іюня 1846 года, писалъ объ Огняновичѣ: „Господинъ переводчикъ искренній и нелицемѣрный по нашему дѣлу другъ и нашъ землякъ, австрійскій подданный, но по религіи сербинъ, урожденецъ изъ Баната". Что Павлу рекомендовали Огняновича константинопольскіе поляки, — это мы слышали отъ отца Онуфрія. Впослѣдствіи старообрядцы, вообще избѣгавшіе упоминать объ участіи поляковъ въ дѣлѣ объ учрежденіи бѣлокриницкой іерархіи, говорили, что Огняновича рекомендовалъ Павлу собственно Гончаровъ. Вотъ что̂, напримѣръ, читаемъ въ *Сказаніи о первомъ учрежденіи нынѣ существующей іерархіи*: „Въ разговорахъ съ митрополитомъ Амвросіемъ инокамъ Алимпію и Павлу содѣйствовалъ Константинъ Ѳеимовичъ Огняновичъ, родомъ сербинъ, служившій при цареградской патріархіи, многоученый человѣкъ и довольно знающій многіе языки, вступившій въ помощь страннымъ путешественникомъ по прошенію Осипа Семеновича Гончарова, главнокомандующаго (?) заграничныхъ казаковъ-некрасовцевъ, единовѣрнаго намъ христіянина". Напечатанныя въ *Книгѣ о промыслѣ* и потомъ многими (въ томъ числѣ авторомъ *Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ*: см. т. VIII, стр. 479—480) повторенныя сказанія объ Огняновичѣ, будто онъ былъ „родомъ и вѣрой жидовинъ, Костюшка, отпѣтый мошенникъ, ни съ однимъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, честно и безъ обмана не расходившійся" (*Кн. о пром.* стр. 50 — 51), опровергаются достовѣрными свидѣтельствами лицъ весьма близко знавшихъ Огняновича, каковы о. Онуфрій, о. Филаретъ (см. его *Отвѣтъ на письмо старообрядца*: *Душеп. Чт.* 1855 года, кн. 12, стр. 192) и другіе: они положительно говорятъ, что Огняновичъ былъ сербъ, православнаго исповѣданія и человѣкъ не безчестный. По своему участію въ бѣлокриницкихъ предпріятіяхъ онъ дѣйствительно стоитъ нисколько не ниже гг. Атанасевича, Тарновецкаго, Дворачка и др., не говоря уже о панахъ Чайковскомъ, Жуковскомъ и прочихъ. Находящіяся въ *Бѣлокрин. архивѣ* подлинныя письма Огняновича, писанныя твердымъ, весьма красивымъ почеркомъ, отличаются такою правильностью рѣчи, какой невозможно ожидать отъ цареградскаго жида, а немногія неупотребительныя въ рус-

реградскихъ пановъ, а потомъ и самихъ Павла и Алимпія — быть переводчикомъ и вообще ихъ посредникомъ въ переговорахъ съ православными епископами о принятіи сими послѣдними архіерейства у старообрядцевъ, подробно ознакомился со всѣми обстоятельствами дѣла о бѣлокриницкой архіерейской каѳедрѣ, и сталъ дѣйствительно однимъ изъ самыхъ усердныхъ и полезныхъ для Павла помощниковъ. Взять на себя такую, во всякомъ случаѣ неблаговидную обязанность, какъ быть посредникомъ въ совращеніи православныхъ архіереевъ изъ православія въ расколъ, Огняновичъ, не имѣвшій никакого состоянія, находившійся въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ, прежде всего убѣжденъ былъ, конечно, весьма выгодными предложеніями бѣлокриницкихъ пословъ; но при этомъ нельзя не принять въ соображеніе, что едвали онъ и понималъ какъ слѣдуетъ истинное значеніе дѣла, въ которомъ рѣшился участвовать, не зная хорошо, какъ и всѣ вообще иностранцы, даже исповѣдующіе православную вѣру, чѣмъ въ сущности отличается русскій расколъ отъ православія. Полагая все различіе въ незначительныхъ внѣшнихъ обрядахъ, онъ едвали видѣлъ въ томъ особенную важность, если греческій епископъ сдѣлается епископомъ русскихъ старообрядцевъ; напротивъ, содѣйствовать тому, чтобы цѣлое единоплеменное съ нимъ общество, претерпѣвающее величайшую нужду въ священствѣ, получило правильно устроенную іерархію, могъ онъ считать даже хорошимъ дѣломъ, что̀ именно и старался внушить ему, въ чемъ и утвердилъ его инокъ Павелъ.

Итакъ, Павелъ и Алимпій, подъ покровительствомъ Чайковскаго и при посредствѣ Огняновича, рѣшились вступить въ переговоры съ двумя изъ проживавшихъ въ Константинополѣ безмѣстныхъ архіереевъ, изъявившими нѣкоторую готовность выслушать предложенія о бѣлокриницкой каѳедрѣ. Первый, съ котораго начаты были переговоры и имя котораго въ точности намъ не извѣстно, по свидѣтельству Павла, „весьма занялся выслушаніемъ бѣлокриницкихъ посланни-

скомъ языкѣ слова и формы выраженія указываютъ въ писавшемъ именно серба.

ковъ и чрезъ многіе дни велъ съ ними бесѣду объ религіи.“ [1]) У Павла, очевидно, составленъ былъ опредѣленный планъ, какъ вести бесѣду съ греческими епископами въ видахъ удобнѣйшаго склоненія ихъ въ пользу старообрядчества. Какъ человѣкъ предусмотрительный, хорошо понимавшій характеръ лицъ, съ которыми велъ дѣло, и давно уже рѣшившій въ своей совѣсти, что ради доброй цѣли дозволительно всякое лукавство, умолчаніе и искаженіе истины, онъ положилъ за правило: въ бесѣдахъ о старообрядчествѣ съ грековосточными епископами никакъ не упоминать самаго главнаго, — что старообрядцы признаютъ греко-восточную церковь еретическою и что за это соборомъ греческихъ и россійскихъ іерарховъ въ 1667 году сами подвергнуты проклятію и отлученію отъ православной церкви. Онъ понималъ какъ нельзя лучше, что упомянуть объ этомъ греческому епископу, приглашать его къ переходу въ общество, православною церковію канонически отлученное и подвергнутое анаѳемѣ, значило бы съ перваго же раза положить конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ бесѣдамъ о старообрядчествѣ; умолчать же объ этомъ главнѣйшемъ пунктѣ онъ имѣлъ полную возможность, такъ какъ о дѣйствительныхъ отношеніяхъ раскола къ православію въ то время, точно такъ же какъ и нынѣ, не имѣли понятія даже и тѣ весьма немногіе изъ греческихъ пастырей, которые считали себя знакомыми съ исторіей церкви россійской. Минуя такимъ образомъ самую сущность дѣла, Павелъ въ своихъ бесѣдахъ съ совращаемыми епископами намѣренъ былъ ограничиваться указаніемъ, что старообрядчество содержитъ обряды отличные отъ обрядовъ греко-россійской церкви и что въ этомъ отношеніи имѣетъ предъ сею послѣднею великое преимущество, такъ какъ будто бы въ своихъ

---

[1]) *Пис. въ Торжокъ.* Въ письмѣ этомъ, изъ котораго собственно и узнаемъ, что были переговоры съ другимъ епископомъ, кромѣ Амвросія, Павелъ намѣренно не назвалъ его имени: „не поясняемъ при семъ имя его“. По словамъ о. Онуфрія, епископа этого звали Кирилломъ; но какую занималъ онъ каѳедру предъ тѣмъ, какъ отозванъ въ Константинополь, это о. Онуфрію не извѣстно.

обрядахъ осталось вполнѣ вѣрнымъ священной древности, греко-россійская же церковь, принявъ якобы новые обряды, чрезъ то самое отступила отъ святоотеческихъ преданій. Правда, онъ хорошо понималъ, что нельзя будетъ ограничиться только этими уклончивыми объясненіями, что рано или поздно епископу, убѣжденному или убѣждаемому перейти въ старообрядчество, нужно будетъ сказать и о томъ, что, переходя въ старообрядчество, онъ обязанъ будетъ отречься отъ православной церкви, признать ее еретическою, и самъ яко еретикъ, подвергнуться извѣстному чинопріятію. Но когда и какъ приступить къ такимъ щекотливымъ объясненіямъ, на это Павелъ намѣренъ былъ ожидать указанія отъ будущихъ обстоятельствъ, полагаясь притомъ, какъ любилъ выражаться, на „судьбы Божіи", которыя все устроятъ къ лучшему; теперь же считалъ необходимымъ въ бесѣдахъ съ инославными епископами соблюдать именно указанную выше „благоразумную" осторожность и уклончивость, не входя въ объясненія о томъ, чтд имъ надлежало бы вѣдать прежде всего и что однако же до-времени опасно было сообщать имъ.

Такъ и ведены были бесѣды съ первымъ изъ греческихъ епископовъ, изъявившихъ готовность выслушать бѣлокриницкія предложенія. Со стороны внѣшней законности дѣло о занятіи, съ разрѣшенія австрійскаго правительства, архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ не представляло ничего сомнительнаго; вопросъ заключался собственно въ томъ, какія отношенія должна имѣть новая архіерейская каѳедра къ православной іерархіи вообще, или—чѣмъ будетъ отличаться старообрядческій епископъ отъ православнаго. Бесѣда должна была такимъ образомъ сосредоточиться на различіи между старообрядчествомъ и православіемъ. Различіе Павелъ указалъ именно въ обрядахъ, — и, ставши на эту почву, гдѣ онъ чувствовалъ себя особенно сильнымъ, представилъ многочисленныя свидѣтельства въ подтвержденіе правильности и древности такъ-называемыхъ старыхъ обрядовъ. Свидѣтельства эти, истинное значеніе которыхъ могъ оцѣнить только человѣкъ хорошо изучившій старообрядческую литературу, произвели желаемое впечатлѣніе: собе-

сѣдникъ Павла не нашелъ основанія отвергнуть древность и правильность защищаемыхъ имъ обрядовъ, тѣмъ больше, что въ ихъ объясненіи не слышалъ отъ Павла ничего противнаго православному ученію, и потому употребленіе такъ-называемыхъ старыхъ обрядовъ не признавалъ противузаконнымъ; но съ этимъ вмѣстѣ и относительно правильности обрядовъ церкви греческой онъ не допускалъ никакого сомнѣнія, и всѣ предъявленныя Павломъ возраженія противъ нихъ отвергалъ, какъ не имѣющія силы. Признавъ такимъ образомъ, что главное, чѣмь отличается такъ-называемое старообрядчество отъ православія, ничего существенно-важнаго не представляетъ, онъ соглашался принять на себя званіе старообрядческаго епископа, но такъ, чтобы и онъ самъ и его паства находились въ полномъ общеніи съ православною церковію, къ каковому общенію никакого препятствія въ старообрядчествѣ, по его мнѣнію, не обрѣталось. Выразивъ съ такою опредѣленностью свои понятія объ отношеніяхъ между старообрядчествомъ и православіемъ, основанныя на томъ, что самъ же Павелъ указалъ ему въ обрядахъ всю сущность различія между ними, этимъ самымъ онъ вызывалъ своихъ собесѣдниковъ къ болѣе откровенному указанію дѣйствительныхъ отношеній между старообрядчествомъ и православіемъ. Приходилось открыть ему хотя отчасти то, чего до времени не хотѣлось бы открывать,—и Павелъ со всею осторожностію доложилъ ему, что принявши такъ-называемые старые обряды нужно будетъ навсегда уже отказаться не только отъ новыхъ обрядовъ, но и отъ самой церкви, которая эти обряды содержитъ, и отреченіе отъ нихъ учинить законнымъ образомъ, по правиламъ. Одного указанія на все это было достаточно, чтобы православный епископъ, доселѣ такъ довѣрчиво слушавшій сладкоглаголивую бесѣду Павла о древности и правильности именуемыхъ старыхъ обрядовъ, теперь, понявши въ чемъ дѣло, съ негодованіемъ прекратилъ всякія сношенія съ бѣлокриницкими обольстителями: „когда ему предложено было (повѣтствуетъ самъ Павелъ), что онъ долженъ будетъ приступить на староцерковныя преданія *законнымъ образомъ* и къ тому *не мѣшать сладкое съ горькимъ*, то въ тотъ-

же часъ и сей отряхнулъ руки, и рѣшительно отказалъ, *и горше всѣхъ сдѣлался не приступенъ.*" [1])

II. Испытавъ неудачу въ сношеніяхъ съ первымъ изъ безмѣстныхъ греческихъ епископовъ, подававшихъ нѣкоторыя надежды на принятіе бѣлокриницкихъ предложеній, Павелъ и Алимпій обратились къ другому. Это былъ именно— лишенный каѳедры, босно-сараевскій митрополитъ Амвросій. Нужно познакомиться съ предшествовавшими обстоятельствами его жизни, чтобы правильно судить о его сношеніяхъ съ бѣлокриницкими послами и о томъ печальномъ исходѣ, какой имѣли эти сношенія.

Амвросій родился въ 1791 году и при крещеніи названъ былъ Амиреемъ.[2]) Отецъ его, Георгій, былъ священникомъ румелійскаго города Эноса и считалъ себя двадцать вторымъ священникомъ въ своемъ родѣ, поставляя себѣ это обстоятельство въ особенную честь. Сына онъ рѣшился воспитать, по примѣру предковъ, также для священническаго званія, и съ этою цѣлію отдалъ его въ духовное училище, гдѣ Амирей, получившій по отцѣ фамилію Паппа-Георгоподи (Παππα-Γεωργοπολοι), выслушалъ курсъ богословскихъ наукъ.[3]) Въ 1811 году, имѣя 20 лѣтъ отъ роду, онъ женился и тогда же эносскимъ митрополитомъ Матѳеемъ поставленъ во священника. Съ женою молодой священникъ

---

[1]) *Пис. въ Торжокъ.*

[2]) Извѣстно, что у Грековъ есть обычай давать при крещеніи имена и не находящіяся въ святцахъ: въ силу этого обычая и Амвросій названъ былъ Амиреемъ (Ἀμοιραίας). Извѣстіе объ этомъ сообщено сыномъ Амвросія Георгіемъ, который въ послѣдній пріѣздъ свой въ Москву, въ 1870 году, оставилъ даже, хранящуюся у насъ, собственноручную о томъ записку. Считая, со старообрядческой точки зрѣнія, не малымъ соблазномъ, что при крещеніи Амвросію дано было имя не обрѣтающееся въ святцахъ, инокъ Павелъ постарался скрыть это обстоятельство отъ старообрядцевъ, — онъ говорилъ, что мірское имя Амвросія было не Амирей, а Андрей, и чтобы не выдать правды, уговорилъ амвросіева сына называться и писаться Андреевичемъ—Ἀνδρεάδης, вмѣсто Ἀμοιρίδης.

[3]) И эту фамилію Амвросія, означенную въ упомянутой запискѣ его сына, Павелъ передѣлалъ на другую: *Поповичь*, и тѣмъ подалъ нѣкоторымъ поводъ въ самой фамиліи Амвросія находить доказательство его, будто бы, славянскаго происхожденія.

жилъ очень недолго: въ 1814 году она скончалась, оставивъ ему сына Георгія. Овдовѣвши, онъ провелъ еще три года въ званіи приходскаго священника и потомъ рѣшился принять постриженіе въ иноки: въ иночествѣ получилъ имя Амвросія. Это было въ 1817 году; Амвросій имѣлъ тогда отъ роду 27 лѣтъ. Тотъ же эносскій митрополитъ Матѳей принялъ новопостриженнаго инока къ себѣ въ архіерейскій домъ. Дальнѣйшая служба Амвросія шла вообще довольно успѣшно. Въ 1823 году онъ сдѣланъ, въ санѣ игумена, настоятелемъ Троицкаго монастыря, что̀ на островѣ Халки; здѣсь успѣлъ обратить на себя вниманіе константинопольскаго патріарха Константія, и въ 1827 году, по желанію патріарха, переведенъ ближе къ столицѣ въ настоятели же мега-ревмской церкви, что̀ въ Босфорѣ, а потомъ патріархъ Константій взялъ его въ самую патріархію, на должность протосингелла великой церкви. Здѣсь Амвросій сталъ уже на прямую дорогу къ полученію архіерейскаго сана. Въ 1835 году умеръ босно-сараевскій митрополитъ Веніаминъ: Амвросій предложенъ былъ въ числѣ другихъ кандидатовъ на упразднившуюся каѳедру. Патріаршій синодъ, состоявшій изъ архіереевъ ефесскаго Хрисанѳа, ираклійскаго Діонисія, который имѣлъ полномочіе и отъ Панарета никомидійскаго, анкирскаго Герасима и софійскаго Паисія, собравшись подъ предсѣдательствомъ патріарха Григорія въ патріаршей Георгіевской церкви, „избралъ и предпочелъ всѣмъ другимъ его, священно-словеснѣйшаго (πανοσιολογιάτατον), великаго протосингелла святыя Христовы великія церкви, господина Амвросія, яко достойнаго воспріяти архіерейское предстоятельство (προστασίαν) и пастырскій жезлъ святѣйшія митрополіи боснійскія.“[1]) Въ епископы Амвросія рукополагалъ тотъ же патріархъ Григорій, при соучастіи упомянутыхъ выше архіереевъ. Снабженный ставленною архіерейскою грамотой отъ 9 сентября 1835 года, Амвросій отправился въ свой епархіальный городъ Босно-Сараевъ.[2])

---

[1]) Ставлен. грам. Амвросія. (*Бѣлокр. архивъ*)

[2]) Прошеніе Амвросія, подданное имп. Фердинанду въ іюлѣ 1846, и ставлен. грам. (*Бѣлокр. Архивъ*).

Положеніе православнаго епископа въ Босніи, равно какъ и въ другихъ славянскихъ областяхъ Турціи, было очень затруднительно: ему приходилось стать или на сторону турецкихъ правителей, изнурявшихъ народъ тяжкими поборами, всякаго рода притѣсненіями, и въ такомъ случаѣ сдѣлаться предметомъ народной ненависти, или—на сторону угнетаемаго народа и чрезъ то возбудить противъ себя вражду турецкаго правительства. Присылаемые изъ Константинополя архіереи-фанаріоты легко выходили изъ этого затрудненія. Не имѣя ничего общаго съ иноплеменнымъ народомъ, кромѣ религіи, которою впрочемъ не слишкомъ дорожили, всегда поставляя на первомъ планѣ свои денежные разсчеты, они обыкновенно становились на сторонѣ сильнаго, вступали въ союзъ съ пашами, заодно съ ними и съ зажиточнымъ классомъ горожанъ дѣлались притѣснителями бѣднаго, измученнаго народа. Архіереи-фанаріоты были поэтому ненавистны для народа неменѣе турецкихъ пашей. Но митрополитъ Амвросій явился исключеніемъ изъ боснійскихъ владыкъ-фанаріотовъ. Человѣкъ отъ природы добрый, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на бѣдственное положеніе народа,—сталъ на его сторону и по возможности старался облегчать его нужды. Это было такимъ необыкновеннымъ явленіемъ, такъ противорѣчило издавна сложившемуся народному понятію о греческихъ архіереяхъ, что народъ даже не признавалъ Амвросія за грека: утвердился слухъ, что онъ природный славянинъ, и именно болгаринъ. Вотъ замѣчательныя слова объ Амвросіѣ, занесенныя въ одну боснійскую лѣтопись: „Этотъ владыка былъ святой человѣкъ, онъ много заботился о бѣдныхъ. Онъ былъ родомъ болгаринъ, вовсе не былъ среболюбивъ и радѣлъ только о томъ, чтобы народу было покойно, чтобы народъ не терпѣлъ неправды“ [1]). Были случаи, когда Амвросій дѣйствительно смѣло

---

[1]) Стаки Скендеровой *Лѣтопись Босніи* (*Зап. Имп. рус. географическаго общества*, кн. XIII, стр. 587). Вотъ подлинныя слова лѣтописи:

Тай владыка свети чоекъ біо,
Сиротиню млого е угледа,
Тай е родомъ одъ Бугара біо
Сребра ніе нимало любіо,

заявлялъ себя человѣкомъ, готовымъ стоять за интересы народа, даже пренебрегая своею личною безопасностью. Такой случай былъ именно въ 1840 году, когда одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ сараевскихъ жителей, по имени Глоджо, выведенный изъ терпѣнія несправедливыми притязаніями Мустафа-паши, управлявшаго въ Сараевѣ отъ имени боснійскаго визиря Веджидъ-паши, рѣшился поднять народъ противъ правительства. Замысливъ это дѣло, Гладжо обратился къ Амвросію съ вопросомъ, на чью сторону намѣренъ онъ стать; Амвросій отвѣчалъ: „за кого народъ, за того и владыка". Онъ дѣйствительно поддержалъ своимъ вліяніемъ народное движеніе. Предпріятіе Глоджи кончилось полною неудачей: главные зачинщики возстанія пострадали. Митрополитъ, и прежнимъ своимъ поведеніемъ уже вызвавшій неудовольствіе пашей, теперь сталъ для нихъ еще ненавистнѣе. Веджидъ-паша потребовалъ его къ отвѣту за участіе въ дѣлѣ Глоджи: Амвросій извинялъ себя тѣмъ, что „долженъ былъ пристать къ этому дѣлу поневолѣ". Паша отпустилъ его; но, прибавляетъ лѣтопись, и за это дѣло „сохранилъ злобу противъ владыки". Амвросій между тѣмъ и самъ не думалъ заискивать расположенія Веджидъ-паши, напротивъ вступилъ съ нимъ въ открытую борьбу, и опять главнымъ образомъ за народный интересъ: онъ послалъ въ Константинополь отъ своего имени и отъ имени народа жалобу на притѣсненія со стороны паши и на разныя его зло-

---

Радъ бы біо да е народъ миранъ
Да народу не има зулума.

На основаніи этихъ словъ нѣкоторые утверждаютъ, будто Амвросій и дѣйствительно былъ родомъ болгаринъ. Несостоятельность такого мнѣнія мы уже имѣли случай показать: см. *Расколъ, какъ орудіе партій*, стр. 173, въ прим. А что слухи о болгарскомъ происхожденіи Амвросія были довольно распространены, это видно изъ одного письма извѣстнаго историка Зубрицкаго, сообщавшаго въ Россію извѣстія о новоучрежденной бѣлокриницкой митрополіи. Вотъ что именно писалъ онъ 1849 году къ М. П. Погодину: „Митрополитъ (Амвросій) — грекъ, *хотя меня увѣряли, что онъ булгаринъ*. Еслибы то былъ булгаринъ, то ненужный бы былъ переводчикъ, который стоитъ обществу нѣсколько червонцевъ ежемѣсячно, онъ бы зналъ церковно-славянскую печать и не литургисалъ бы на греческомъ языкѣ" (Копія съ письма, сдѣланная рукой Т. Ѳ. Большакова).

употребленія. Жалоба принята въ уваженіе, и въ томъ же 1840 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Веджидъ-паша, совершенно неожиданно для него, отозванъ изъ Босніи: на его мѣсто присланъ новый визирь Хозревъ-паша. Но и Амвросій вскорѣ долженъ былъ тяжко поплатиться за противодѣйствіе жестокимъ и произвольнымъ распоряженіямъ пашей. Тотъже Мустафа-паша, и новымъ визиремъ оставленный управлять въ Сараевѣ, уговорилъ богатыхъ сараевскихъ купцовъ, которые заодно съ пашами грабили народъ, написать константинопольскому патріарху доносъ на Амвросія, что онъ „вовсе не такой человѣкъ, какой имъ надобенъ, что онъ мѣшается не въ хорошія дѣла, состоялъ въ заговорѣ съ Глоджей и сочинилъ клевету на Веджидъ-пашу". [1]) Если-бы въ то время патріархомъ былъ Григорій, рукоположитель Амвросія, по всей вѣроятности, онъ не оставилъ-бы этого доноса безъ надлежащей повѣрки; но тогда уже на патріаршей каѳедрѣ не было ни Григорія, ни его преемника Анѳима никомидійскаго. Новый патріархъ, Анѳимъ 2-й кизическій, помня участь предшественниковъ, такъ быстро смѣнявшихся, и стараясь по возможности упрочить свое положеніе, находилъ удобнѣйшимъ не противодѣйствовать желаніямъ турецкихъ властителей, когда они, выражая недовольство тѣмъ или другимъ изъ высшихъ духовныхъ лицъ патріаршей области, искали ихъ смѣщенія. По опредѣленію патріарха, отъ 12-го сентября 1840 года, митрополитъ Амвросій былъ отозванъ изъ Сараева въ Константинополь, и въ преемники ему на митрополію боснійскую назначенъ Игнатій, о которомъ именно ходатайствовалъ Хозревъ-паша и который оказался настоящимъ архіереемъ-фанаріотомъ, притѣснителемъ бѣднаго народа" [2]).

---

[1]) Лѣт. Стаки Скендеровой, стр. 593.

[2]) Прошеніе, поданное Амвросіемъ имп. Фердинанду; его же объясненіе на письмо патріарха константинопольскаго, данное 26-го января 1848 года (*Бѣлокр. архивъ*); Лѣт. Стаки Скендеровой. На допросѣ у кіевскаго генералъ-губернатора, 20-го декабря 1846 года, однимъ изъ лицъ соприкосновенныхъ къ дѣлу о бѣлокриницкой митрополіи, прусскимъ подданнымъ Ивановымъ, было показано также, что „доставленный въ Бѣлую-Криницу митрополитъ Амвросій, находясь въ одной изъ греческихъ епархій въ

Положеніе Амвросія было въ то время самое бѣдственное. Не задолго до отозванія онъ женилъ своего единственнаго сына, Георгія, который находился при отцѣ, какъ видно, безъ всякой должности, выбравъ для него невѣсту изъ одного сербскаго семейства, проживавшаго въ Босніи Нужно было отпраздновать свадьбу и устроить семейную жизнь молодыхъ,—купить для нихъ домъ, завести хозяйство. Такъ какъ въ теченіе пятидѣтняго управленія боснійскою епархіей Амвросій не успѣлъ нажить денегъ, которыя нужно было бы для этого вымогать изъ народа, то на свадебные расходы онъ и принужденъ былъ сдѣлать заемъ у одного изъ сараевскихъ жидовъ, промышлявшихъ, какъ и вездѣ, доходнымъ ремесломъ ростовщиковъ.[1]) Когда получено было отъ патріарха предписаніе Амвросію ѣхать въ Константинополь, неумолимый заимодавецъ потребовалъ немедленной уплаты долга, и такъ какъ уплатить было нечѣмъ, то, по распоряженію турецкихъ властей, несчастный Амвросій, какъ несостоятельный должникъ, былъ посаженъ въ тюрьму,

Турціи, донесъ султану о какихъ-то безпорядкахъ мѣстнаго паши; султанъ смѣнилъ пашу: назначенный на его мѣсто донесъ на митрополита, и синодъ смѣстилъ его" (*Сбор. Кельс.* 1, стр. 141). Сказка же о томъ, что будто бы Амвросій, управляя митрополіей боснійской, „по ненасытной страсти къ сребролюбію всячески тѣснилъ и грабилъ свою паству", а одного богатаго христіанина своими „притѣсненіями и тиранствомъ" довелъ даже до того, что тотъ, отрекшись отъ Христа, принялъ магометанство, каковое событіе и послужило будто бы главнымъ поводомъ къ отозванію Амвросія изъ Босніи, соборному суду надъ нимъ и запрещенію священнодѣйствія, — эта сказка, сочиненная апокрифическимъ Платономъ Аѳанацковичемъ и пущенная въ ходъ, чрезъ обнародованіе въ печати, игуменомъ Парѳеніемъ (см. *Кн. о промыслѣ*, стр. 21), который пріукрасилъ ее и собственными вымыслами (какъ наприм. онъ увѣряетъ, что патріархъ не только запретилъ Амвросію священнослуженіе, но и приказалъ святѣйшему синоду своему судить его по правиламъ святыхъ отецъ, *извергнуть изъ сана и сослать на вѣчное заточеніе*: тамъ же стр. 59), а вслѣдъ за нимъ довѣрчиво повторенная и другими писателями, даже, къ удивленію, г. Варадиновымъ, имѣвшимъ подъ руками такое множество матеріаловъ подостовѣрнѣе *Книги о промыслѣ* (см. его *Исторію мин. внутр. дѣлъ*, т. VIII, стр. 480), очевидно, не заслуживаетъ никакого довѣрія.

[1]) По свидѣтельству Стаки Скендеровой, весьма обстоятельно передающей подробности этого дѣла, Амвросій именно „задолжалъ жиду Соломону Травникли 28 мѣшковъ піастровъ" (стр. 594).

гдѣ и находился до тѣхъ поръ, пока не было продано, для уплаты долга, все его имущество, въ томъ числѣ и купленный для сына домъ. Наконецъ, 27го декабря 1841 года, Амвросій выѣхалъ изъ Сараева, горько жалуясь на неблагодарность народа, который допустилъ его до позора—сидѣть въ тюрьмѣ. Вотъ что говорится объ этомъ въ боснійской лѣтописи: „Выпроводили владыку изъ Сараева на Степановъ день, третій день Рождества. Владыка Амвросій отправился въ путь, проливая горючія слезы: онъ снималъ шапку и проклиналъ народъ. Ему было черезчуръ горько, что во всемъ народѣ не нашелся ни одинъ человѣкъ, который постарался бы спасти его отъ заключенія, поручившись за него на нѣсколько дней, пока не распродадутъ его имущества, но всѣ потерпѣли, чтобы на него палъ приговоръ суда.“ [1])

Не зная за собою вины, за которую дѣйствительно подлежалъ бы лишенію каѳедры, Амвросій ѣхалъ въ Константинополь не безъ надежды, что его дѣло разъяснится и что вмѣсто босно-сараевской онъ получитъ по крайней мѣрѣ другую епархію. Съ дороги, изъ Браилова, онъ написалъ одному изъ константинопольскихъ друзей своихъ, чтобы тотъ навѣдался въ патріархіи, что̀ послужило причиной его отозванія съ босно-сараевской каѳедры и какія дальнѣйшія намѣренія на его счетъ имѣетъ вселенскій патріархъ. Посовѣтовавшись съ другими лицами, знавшими невинность Амвросія, этотъ другъ его нашелъ удобнѣйшимъ навести о немъ справку въ патріархіи чрезъ посредство русскаго посланника въ Константинополѣ, г. Титова, который, какъ представитель православнаго императора, считался защитникомъ и покровителемъ православнаго духовенства и народа отъ притѣсненій мусульманскаго правительства, и потому самому пользовался большимъ уваженіемъ въ патріархіи, имѣлъ вліяніе на производившіяся тамъ дѣла. Рус-

[1]) Лѣт. Ст. Скендеровой (стр. 594). Здѣсь же говорится, что „бѣдные люди, и турки и христіане“, собирались жаловаться на пашей Мустафу и Фазли за то, что по ихъ проискамъ митрополитъ Амвросій удаленъ изъ Босніи, но что тѣже паши успѣли отклонить эту жалобу.

скій посланникъ, по просьбѣ расположенныхъ къ Амвросію духовныхъ лицъ, дѣйствительно обращался къ патріарху Анѳиму за объясненіями о причинахъ его смѣщенія съ босно-сараевской епархіи, — спрашивалъ не имѣется ли за Амвросіемъ какой-нибудь вины противъ вѣры православной, или противъ церкви, или наконецъ противъ самой власти патріаршей. Патріархъ отвѣтилъ, что ничего онъ не знаетъ за Амвросіемъ, а отозвалъ его съ босно-сараевской каѳедры, только уступая настоятельному желанію турецкихъ правителей Босніи, отъ которыхъ взведены на Амвросія многія клеветы.[1]) Получивъ такія извѣстія, Амвросій пріѣхалъ въ Константинополь съ твердою надеждой, что получитъ назначеніе на первую упразднившуюся архіерейскую каѳедру. Но эта надежда оказалась напрасною. Вскорѣ (именно 12-го іюня 1842 года) патріархъ Анѳимъ скончался, не оказавъ особенной заботливости о томъ, чтобы пристроить Амвросія. Преемники Анѳима: Германъ, Мелетій и Анѳимъ 3-й заботились о томъ еще меньше.

Такимъ образомъ митрополитъ Амвросій поступилъ въ число безмѣстныхъ архіереевъ, которыхъ было тогда въ Константинополѣ особенно много и которые влачили вообще самую жалкую, тяжелую жизнь, среди униженій и лишеній всякаго рода.[2]) Положеніе Амвросія, можно сказать, было еще бѣдственнѣе, чѣмъ положеніе его сотоварищей. При постоянной мысли объ оказанной ему несправедливости, при горькихъ разочарованіяхъ въ своей надеждѣ на полученіе каѳедры, онъ долженъ былъ, какъ человѣкъ семейный, испытывать еще самыя тяжкія матеріальныя лишенія. Скудной

---

[1]) Объясненія Амвросія, данныя графу Инцаги 30 янв. 1848 г. (*Бѣлокр. архивъ.*)

[2]) Вотъ что, напримѣръ, говоритъ объ нихъ Надеждинъ: „Эти безмѣстные архіереи, во всѣхъ отношеніяхъ, суть крайній позоръ своего сана. Ихъ находится немало даже въ Молдавіи и Валахіи, и я видалъ неоднократно собственными глазами какъ они — въ Яссахъ или Букурештѣ — взявъ подмышку узелъ съ своимъ архіерейскимъ облаченіемъ, бѣгутъ на похороны, или на другую какую-нибудь церковную церемонію, вовсе непрошеные, съ тѣмъ, чтобы получить за работу какую-нибудь полтину серебра, или много карбованецъ“ (*Сбор. Кельс.*, ч. 2, стр. 273).

пенсіи, которая выдавалась ему изъ патріархіи,[1]) и случайныхъ ничтожныхъ доходовъ, для полученія которыхъ приходилось столько унижаться, едва доставало ему съ сыномъ на самыя необходимыя потребности; а невѣстку, молодую жену его сына, пришлось даже отправить на жительство къ ея роднымъ въ Боснію. Въ такомъ положеніи провелъ Амвросій около пяти лѣтъ, при патріархахъ Анѳимѣ 2-мъ, Германѣ и Мелетіѣ. Въ теченіе этихъ пяти лѣтъ, подъ вліяніемъ огорченій и нуждъ всякаго рода, воспиталась въ душѣ его глубокая вражда къ констатинопольскому церковному правительству, и вообще послѣдовала печальная перемѣна въ его характерѣ, — теперь это былъ уже непрежній босносараевскій Амвросій, о которомъ говорится въ лѣтописи: *свети чоекъ бiо, сребра нимало любiо...* Еще болѣе почувствовалъ Амвросій тяжесть своего безвыходнаго положенія, когда на патріаршій престолъ возведенъ былъ Анѳимъ 3-й. Анѳимъ находился прежде въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Амвросію и даже, когда постигло Амвросія несчастіе, отнесся съ особеннымъ участіемъ къ его положенію: понятно, что съ избраніемъ Анѳима на патріаршество оживились и надежды Амвросія на полученіе какой-нибудь каѳедры. Праздныя архіерейскія каѳедры открывались; но патріархъ Анѳимъ замѣщалъ ихъ молодыми людьми изъ своихъ приближенныхъ, объ Амвросіѣ же и подобныхъ ему безмѣстныхъ архіереяхъ оставилъ всякое попеченіе. [2]) Это было самымъ чувствительнымъ ударомъ для Амвросія: онъ понялъ, что теперь окончательно погибла всякая надежда на облегченіе его участи въ Константинополѣ; а глубокая затаенная вражда, которую съ тѣхъ поръ сталъ онъ пи-

---

[1]) Что Амвросій получалъ вспоможеніе изъ патріархіи, это подтверждается собранными о немъ свѣдѣніями нашего посольства въ Константинополѣ: г. Устиновъ, отъ 14-го (26-го) марта 1847, доносилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, что „Амвросій проживалъ въ Константинополѣ въ бѣдномъ положеніи, при оказываемыхъ ему впрочемъ ежемѣсячныхъ пособіяхъ изъ патріархіи“ (*Сбор. Кельс.* ч. 2, стр. 294). То же подтверждается и другими извѣстіями: Зубрицкій, наприм., писалъ, что Амвросій „получалъ *скудное* подаяніе казны“ (пис. къ М. П. Погодину).

[2]) Объясненія Амвросія графу Инцаги (*Бѣл. арх.*).

тать къ своему бывшему пріятелю — новому патріарху, дѣлала его цареградскую жизнь, подъ надзоромъ и на нищенскомъ жалованьѣ у этого самаго патріарха, еще болѣе невыносимою....

Въ такомъ положеніи находился митрополитъ Амвросій, когда явились къ нему Павелъ и Алимпій съ предложеніемъ занять открываемую въ Бѣлой-Криницѣ съ разрѣшенія австрійскаго правительства архіерейскую каѳедру у буковинскихъ старообрядцевъ.

III. Первоначально и Амвросій, подобно прочимъ епископамъ, отвѣчалъ на предложеніе бѣлокриницкихъ депутатовъ рѣшительнымъ отказомъ, видя въ немъ оскорбленіе и православной вѣры и своего епископскаго достоинства: „Казалось ему (расказываетъ Павелъ), что если отступить отъ своей религіи, то какъ-бы отступить отъ самого Бога, ибо всѣ Греки вообще такъ говорятъ, что ихъ вѣра, вкупѣ съ великороссійскою, надъ всѣми въ цѣломъ свѣтѣ вѣрами, какъ солнце надъ землею, благочестіемъ сіяетъ. Итакъ митрополитъ сперва отказалъ, яко боится и помыслить, чтобы отступить отъ своего патріарха и отъ своей греческой церкви.“[1]) Отказу Амвросія Павелъ и Алимпій однако-же не придали такой важности, какъ подобнымъ отказамъ прочихъ православныхъ епископовъ. Они ясно видѣли, что Амвросій говорилъ только подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній, вызванныхъ предложеніемъ, о дѣйствительномъ значеніи котораго онъ не могъ еще имѣть надлежащаго понятія, и надѣялись мало-по-малу ослабить силу этихъ впечатлѣній,—дать иное направленіе его мыслямъ, воспользовавшись для этого именно крайне затруднительнымъ его положеніемъ, всѣми вообще печальными обстоятельствами его жизни, о которыхъ имѣли уже самыя точныя свѣдѣнія и которымъ намѣрены были, съ своимъ обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ искусствомъ, противопоставить спокойствіе и довольство вполнѣ обезпеченной жизни, ожидающей его съ принятіемъ почетнаго званія „первосвятителя всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“. Здѣсь Павелъ и Алимпій

1) Пис. въ Торжокъ.

намѣрены были приложить къ дѣлу тотъ-же, хорошо знакомый имъ способъ совращенія въ расколъ посредствомъ обѣщанія житейскихъ выгодъ, который съ такимъ успѣхомъ обыкновенно употреблялся у раскольниковъ для пріобрѣтенія бѣглыхъ поповъ изъ среды угнетеннаго нуждой православнаго духовенства.

Теперь однакоже приходилось повторить давно извѣстный опытъ въ размѣрахъ, такъ-сказать, грандіозныхъ и съ лицомъ, по своему іерархическому положенію и по своимъ личнымъ качествамъ, стоявшимъ несравненно выше того класса людей, откуда обыкновенно набирались у раскольниковъ бѣглые попы. Требовалось поэтому вести дѣло съ большою осмотрительностью и ловкостью. У Павла и его сотрудниковъ не было недостатка въ этихъ качествахъ, и дѣло повели они съ замѣчательнымъ искусствомъ. Амвросія они оставили до времени совершенно въ сторонѣ, а все вниманіе устремили на его сына—Георгія. Переговоры съ этимъ молодымъ еще человѣкомъ, по ихъ соображеніямъ, должны были весьма много облегчить имъ дѣло. Онъ не имѣлъ, подобно отцу, ближайшихъ побужденій дорожить вообще интересами православной іерархіи и гораздо болѣе нежели отецъ тяготился своимъ крайне бѣдственнымъ положеніемъ, вынудившимъ его даже растаться съ женой: по всему этому съ нимъ легко было начать бесѣду о представляющемся удобномъ случаѣ—измѣнить свою бѣдную жизнь, полную лишеній всякаго рода, на совершенно обезпеченную, во всякомъ изобиліи и довольствѣ, пожертвовавъ для этого весьма немногимъ—чтобъ отецъ его отрекся отъ подчиненія той высшей іерархической власти, которая собственно и виновата во всѣхъ его заключеніяхъ, вовсе не измѣняя притомъ ни древлеправославному ученію, ни древлеправославной церкви. А склонивши на свою сторону подобными аргументами амвросіева сына, единственнаго и любимаго, они пріобрѣли бы въ его лицѣ такого союзника, такого сильнаго ходатая предъ Амвросіемъ, что при его помощи уже было бы не трудно и съ симъ послѣднимъ возобновить прерванныя объясненія и мало-по-малу привести эти объясненія къ вожделѣнному концу.

Павелъ и Алимпій пригласили Георгія Амиридиса къ себѣ на квартиру и при посредствѣ Огняновича повели съ нимъ бесѣду по предположенному плану. Изложили сначала сущность своего дѣла, указавъ, разумѣется, на тѣ его стороны, съ которыхъ оно представляется въ наиболѣе благопріятномъ свѣтѣ, — говорили именно, что въ австрійскихъ владѣніяхъ, въ Буковинѣ, имѣется большое общество людей русскаго племени, исповѣдующихъ древлеправославную вѣру, но, по судьбамъ Божіимъ, многіе годы не имѣющихъ у себя полной и законно устроенной іерархіи; что общество это обратилось къ австрійскому императору за дозволеніемъ учредить у себя, въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, архіерейскую каѳедру и всемилостивѣйшій императоръ далъ на то свое высочайшее дозволеніе (въ доказательство были представлены Георгію подлинные находившіеся у Павла документы); что теперь они — Павелъ и Алимпій ищутъ именно епископа, который согласился бы занять въ Бѣлой-Криницѣ архіерейскую каѳедру, и между прочимъ обращались съ этимъ предложеніемъ къ его родителю, но сей послѣдній не благоволилъ надлежащимъ образомъ вникнуть въ ихъ дѣло и отвѣчалъ отказомъ на ихъ предложеніе; а между тѣмъ дѣло сіе, какъ видно изъ сказаннаго, дѣло вполнѣ законное и для него, владыки - Амвросія, ни мало неунизительное, напротивъ еще доставитъ ему благословеніе многихъ христіанскихъ обществъ, столько времени страждущихъ лишеніемъ священства, и славу въ потомствѣ, какъ великому ихъ благодѣтелю, сверхъ же всего вышесказаннаго принесетъ еще и немалыя житейскія выгоды, ибо съ занятіемъ новоучреждаемой каѳедры, какъ они могутъ формальнымъ образомъ поручиться, ему доставлено будетъ со всѣмъ его семействомъ такое обезпеченіе, какое самъ онъ, по взаимному съ ними условію, признаетъ для себя достаточнымъ. Изложивъ все это, Павелъ просилъ Георгія безпристрастно и внимательно разсудить, осмотрительно ли поступилъ его родитель, отвергувъ предложеніе, столь законное, почетное и въ его положеніи столь выгодное.

Несомнѣнную выгодность этого предложенія никто, конечно, не могъ оцѣнить такъ хорошо, какъ злополучный

сынъ Амвросія; да и во всемъ дѣлѣ о Бѣлокриницкой каѳедрѣ, какъ изложилъ его Павелъ, онъ не находилъ, дѣйствительно, ничего противозаконнаго или безчестнаго; но съ другой стороны, и тѣ причины, по которымъ его отецъ отвергнулъ предложеніе сдѣлаться старообрядческимъ епископомъ, считалъ онъ вполнѣ уважительными, если только въ настоящемъ случаѣ онѣ имѣли мѣсто. На нихъ-то и указалъ онъ Павлу, желая получить отъ него объясненіе — дѣйствительно ли Амвросій долженъ будетъ, вступая на бѣлокриницкую каѳедру, отречься отъ всякаго общенія съ патріархомъ, у котораго состоитъ въ законной зависимости, и даже отъ самой религіи православной. Павелъ не отрицалъ того, что Амвросій долженъ будетъ прервать всѣ сношенія съ петріархомъ и не испрашивать патріаршаго дозволенія на занятіе бѣлокриницкой каѳедры: но (прибавилъ онъ), послѣ тѣхъ обидъ и несправедливостей, какія оказаны Амвросію прежними патріархами и особенно нынѣшнимъ, можно ли сколько-нибудь затрудняться этимъ обстоятельствомъ? напротивъ, несправедливыя, антиканоническія въ отношеніи къ Амвросію дѣйствія константинопольскихъ духовныхъ властей не должны ли служить для него законнымъ основаніемъ прекратить съ этими властями всякое общеніе? Что же касается православной религіи, то, по объясненію Павла, Амвросію не только не предстояло надобности измѣнять ей, напротивъ, именно потребуется, чтобъ онъ содержалъ истинную древлеправославную вѣру. Это служило прямымъ переходомъ къ тому, чтобы познакомить Георгія Амиридиса, сколько было нужно, съ глаголемымъ старообрядчествомъ. Сказавши, какъ вообще строго заботятся старообрядцы о соблюденіи правой вѣры во всей неизмѣнной чистотѣ ея, Павелъ указалъ и на то, что составляетъ якобы существенное различіе между глаголемымъ старообрядчествомъ и православною церковію, то-есть на именуемые старые обряды, представляющіе будто бы болѣе вѣрное соотвѣтствіе святоотческимъ преданіямъ, нежели обряды употребляемые церковію, и особенно распространился, по обычаю, о перстосложеніи для крестнаго знаменія; указалъ также на строгое возбраненіе у старообряд-

цевъ непозволительныхъ православному христіанину обычаевъ, каковы—брадобритіе, употребленіе табаку и другіе, относительно которыхъ церковные власти попускаютъ недозволительное послабленіе[1]).

Само собою разумѣется что сынъ Амвросія, вообще неотличавшійся особенною проницательностью ума, притомъ же получившій весьма скудное образованіе, о русскомъ расколѣ не имѣлъ дотолѣ ни малѣйшаго понятія: все, чтò говорилъ ему Павелъ, онъ принималъ поэтому съ полнымъ довѣріемъ, безъ всякихъ возраженій, тѣмъ болѣе, что внутренно былъ уже предрасположенъ вѣрить всему, чтò такъ или иначе способствовало осуществленію дѣла, обѣщавшаго столь неожиданную и счастливую перемѣну въ его безотрадной жизни. Этимъ конечно и объясняется, почему Георгій Амиридисъ весьма скоро сдался на предложенія Павла: послѣ первой же бесѣды Георгій далъ ему обѣщаніе—ходатайствовать предъ отцомъ, чтобы тотъ благосклонно выслушалъ бѣлокриницкихъ пословъ и безпристрастно разсмотрѣлъ ихъ предложенія, въ которыхъ якобы не находится ничего оскорбительнаго для православной вѣры и епископскаго достоинства. Но Павелъ, какъ будто въ насмѣшку, объяснялъ такой легкій и скорый успѣхъ своихъ объясненій съ амвросіевымъ сыномъ особенною будто бы „разумностью“ сего послѣдняго: „Онъ по одаренію природы отъ естественнаго разума всему весьма внялъ и почелъ за лучшее въ нашемъ содержаніи и началъ по малу предлагать своему отцу къ воспріятію древнихъ обрядовъ благоволенія“[2]).

Для Амвросія наступила тяжелая пора внутренней борьбы между сознаніемъ лежащаго на немъ долга, желаніемъ соблюсти, не взирая на всѣ огорченія, на всѣ угнетавшія его нужды, непоколебимую вѣрность своимъ обязанностямъ

---

1) Пис. въ Торжокъ. Вотъ чтò именно говорится здѣсь о свиданіи и бесѣдѣ съ Георгіемъ: „послы призвали къ себѣ его (амвросіева) сына и подробно ему все расказали о догматѣхъ нашея вѣры, и о крестномъ знаменіи, и о табакѣ ясно протолковали.“ Другія подробности этой бесѣды заимствованы изъ письма самого Георгія въ Московскій духовный совѣтъ, отъ 7-го декабря 1864 года, которое въ извлеченіи приведено будетъ ниже.

2) Пис. въ Торжокъ.

православнаго пастыря съ одной стороны, и искусительною возможностью посредствомъ искренняго или не искренняго, дѣйствительнаго или притворнаго нарушенія этихъ обязанностей устроить себѣ и своему семейству жизнь спокойную, вполнѣ обезпеченную — съ другой. Многое влекло Амвросія на эту послѣднюю сторону,—и его личныя отошенія къ цареградскому духовному правительству, и воспоминаніе перенесенныхъ отъ этого правительства несправедливыхъ огорченій, и безотрадность настоящаго положенія въ зависимости отъ патріарха, и безнадежность будущаго при наступающей уже старости, и ко всему этому забота объ обезпеченіи сына, который именно обращался теперь къ его родительскому чувству съ неотступными просьбами принять предложеніе, обѣщающее такія несомнѣнныя выгоды. Требовалось не мало нравственной силы, чтобы выдти побѣдителемъ изъ этой борьбы, не поступиться своимъ долгомъ въ виду стольких искушеній. Прежде, когда Амвросій былъ дѣйствительнымъ босно-сараевскимъ митрополитомъ, онъ не имѣлъ недостатка въ нравственной силѣ; но теперь, какъ мы уже говорили, Амвросій былъ не тотъ, что прежде: подъ вліяніемъ разныхъ огорченій и нуждъ его характеръ значительно измѣнился, и устоять противъ столькихъ искушеній у него не стало уже силы, когда особенно на сторонѣ искусителей явился его собственный сынъ. Относительно выгодности бѣлокриницкихъ предложеній, онъ, разумѣется, не могъ сдѣлать сыну никакихъ возраженій; при своихъ личныхъ отношеніяхъ къ тогдашнему патріарху, безъ большаго труда сдѣлалъ онъ уступку и въ томъ, чтобы оставить Константинополь, не испрашивая патріаршаго разрѣшенія: павловы доказательства, что неправильныя, антиканоническія въ отношеніи къ нему дѣйствія цареградскихъ властей даютъ ему законное право прервать съ этими властями всякое общеніе, повидимому, имѣли на него немалое также вліяніе въ этомъ случаѣ [1]). Оставалось одно, и

[1]) Въ своемъ прошеніи австрійскому императору Амвросій именно указывалъ, какъ на причину своего удаленія отъ греческой церкви, на то, что незаконно смѣщенъ съ архіерейской каѳедры, и вообще на допускаемыя въ

самое главное затрудненіе — не придется ли ради бѣлокриницкой каѳедры измѣнять православной церкви и православной вѣрѣ. Но сынъ доказывалъ ему, утверждаясь на словахъ Павла, что о такой измѣнѣ не можетъ быть и рѣчи, потому что старообрядцы такіе же православные христіане, какъ и греки, отличаются же отъ нихъ только обрядами, которые притомъ еще согласнѣе съ древностію, нежели обряды греческой церкви; а дабы во всемъ этомъ увѣриться точнѣе, онъ просилъ отца пригласить самихъ бѣлокриницкихъ посланниковъ, которые все объяснятъ ему въ подробности. Амвросій также мало имѣлъ понятія о русскомъ расколѣ, какъ и его сынъ; въ этой мысли, что такъ называемое старообрядчество будто бы ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ православія и переходъ въ старообрядческіе архіереи будто бы вовсе не потребуетъ отреченія отъ православной церкви, ему блеснула отрадная надежда легко устранить и послѣднее препятствіе къ принятію предложенія, столь выгоднаго и на сторону котораго онъ склонился уже такъ далеко. Амвросій объявилъ сыну, что готовъ выслушать бѣлокриницкихъ пословъ. Съ его стороны это былъ самый несчастный, роковой шагъ, который скоро привелъ его къ окончательному паденію; для Павла и Алимпія напротивъ это его согласіе возобновить переговоры съ ними было не малымъ торжествомъ: планъ ихъ удался вполнѣ; то, чего хотѣли достигнуть чрезъ посредство амвросіева сына, было достигнуто. И Павелъ даже не скрывалъ, что именно Георгію обязанъ былъ первою, и потому самою важною побѣдой надъ Амвросіемъ: „мало-по-малу предлагая своему отцу къ воспріятію древнихъ обрядовъ благоволенія, онъ *такъ склонилъ его сердце*, что митрополитъ присылаетъ уже и *проситъ* пословъ дабы пришли къ нему побесѣдовать“ [1]).

греческой церкви „противозаконныя смѣщенія и новыя поставленія епископовъ, еще при жизни перваго, въ христіанскомъ законѣ жестоко запрещенныя, яко духовное прелюбодѣяніе“, каковыя „и другія премногія порочныя дѣла греческой церкви онъ, Амвросій, съ жалостію и сердечною болѣзнію оплакивалъ“ (*Бѣлокр. архивъ*).

[1]) Пис. въ Торжокъ. Самъ Георгій Анирадисъ также рѣшительно утверж-

IV. И бесѣды начались. Павелъ говорилъ Амвросію, разумѣется, при посредствѣ Огняновича, о догматахъ вѣры, о церковныхъ тайнахъ, о неизмѣнно содержимыхъ старообрядцами древлеотеческихъ преданіяхъ и обрядахъ. Амвросій выслушалъ его со всѣмъ вниманіемъ и нашелъ, что ничего противнаго православію въ ученіи старообрядцевъ, какъ изложилъ его Павелъ, дѣйствительно не находится, за исключеніемъ нѣкоторыхъ обрядовъ. „Я вижу,—отвѣтилъ онъ,—что староверческая церковь съ греческою во всемъ согласна, кромѣ только перстосложенія для крестнаго знаменія; а почитаніемъ осьмиконечнаго креста старообрядцы не отличаются отъ грековъ, ибо и греки почитаютъ крестъ сей, какъ истинный крестъ Христовъ, таковымъ же признавая и крестъ четырехконечный; брадобритіе же, табакъ и прочее не одобряетъ и греческая церковь, какъ что-либо законное, а только не со всею строгостію преслѣдуетъ ихъ употребленіе“.[1]) Отвѣтъ Амвросія показывалъ, что и онъ, подобно тому епископу, съ которымъ объясненія Павла кончились такъ неудачно, предполагалъ совершенное согласіе между

даетъ, что отецъ только уступая его настоятельнымъ просьбамъ согласился занять архіерейскую каѳедру у раскольниковъ. Въ 1864 году онъ писалъ къ Антонію и московскому духовному совѣту: „Въ Константинополѣ покойный отецъ Павелъ и отецъ Алимпій Милорадовъ вопервыхъ со мною имѣли разговоръ и вообщали меня свои благопріятныя желанія и намѣреніе, за которыхъ они толико далеко ходили и толико деньги вонъ дали; при семъ показали меня и высочайшею изволенію самого императора аустрійскаго. Вопервыхъ, мой покойный родитель не хотѣлъ ни слышать за этой дѣло, али я (еслибы не я) представлялъ ему нашой ползость душевно и тѣлесно и горяцкою желаніе одному народу, который желаетъ послѣ толико вѣка имѣть свои свищенства и Бога выснаго хвалить по своему обычаю, и даже я ему сказалъ, что ево имя безсмертный бы сдѣлался, исполняючи это божественно дѣло (это, очевидно, павловы мысли), и отъ другой сторона *и я съ моимъ семействомъ счастливы бы были до конецъ нашего живота*. Господинъ покойный мой слатки родитель *послушалъ моихъ словахъ* и рѣшился принять старовѣрскаю религію“. Въ другомъ письмѣ, къ сыну бывшаго старообрядческаго епископа Сергія, Якову Семеновичу, отъ 29-го ноября 1864 года, Георгій Амиридисъ писалъ: „покойный родитель не хотѣлъ пріитить на липованску ерись, ежели (бы) я не былъ добрый за липована“ (находящееся у насъ подлинное письмо Георгія).

[1]) Пис. въ Торжокъ.

православіемъ и старообрядчествомъ, и потому не видѣлъ надобности измѣнять въ чемъ-либо православнымъ обычаямъ, чтобы сдѣлаться епископомъ у старообрядцевъ. Это было, по выраженію Павла, большимъ „легкомысліемъ" со стороны Амвросія. Чтобы вразумить его, требовалось въ извѣстной степени раскрыть ему дѣйствительныя отношенія между глаголемымъ старообрядчествомъ и православною церковію. Однажды, какъ мы видѣли, потерпѣвъ уже неудачу на этомъ самомъ пунктѣ, инокъ Павелъ призналъ за лучшее, вмѣсто устной бесѣды, въ которой легко можетъ быть допущено рѣзкое, неосторожное слово, объясниться съ Амвросіемъ письменно, — „на бумагѣ представить ему возраженія противъ его легкомыслій". Въ сочиненіи своемъ, нарочито написаномъ для Амвросія, Павелъ доказывалъ, что есть великое различіе между такъ-называемыми старыми и новыми обрядами, и что рѣшившись быть епископомъ у старообрядцевъ, Амвросій долженъ будетъ непремѣнно оставить обряды церкви греческой, какъ „не согласующіе святоотеческимъ преданіямъ", и во всемъ подчиниться существующимъ у старообрядцевъ древлецерковнымъ обычаямъ. „Написали ему и то, чтобъ онъ не смущенно, но правою совѣстію вступилъ въ нашу церковь, и во единъ духъ соединился съ нами совершенно по Бозѣ. Такимъ образомъ необходимо онъ долженъ будетъ по прибытіи къ нашей церкви первѣе всего дѣйствія принять себѣ отца духовнаго *изъ нашихъ священниковъ*, по закону христіанскому, вручась ему во всемъ душевно, и что̀ духовникъ предлагать будетъ *необходимое въ присоединеніи церковномъ*, согласно правиламъ святыхъ отецъ, то исполнить долженъ безъ всякаго прекословія".[1]) Огняновичъ перевелъ павлово сочиненіе на греческій языкъ и вручилъ Амвросію. Чтобы выразумѣть вполнѣ сокровенный смыслъ этого хитросоставленнаго произведенія, необходимо было имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о русскомъ расколѣ и его отношеніяхъ къ церкви: тогда только могъ бы Амвросій понять, что̀ значитъ это отреченіе отъ новыхъ якобы обрядовъ и это вступле-

1) Тамъ же.

ніе въ старообрядческую церковь, о какомъ духовникѣ изъ „нашихъ священниковъ“ идетъ здѣсь рѣчь, и что такое будетъ предлагать этотъ духовникъ, какъ *необходимое въ присоединеніи церковномъ*. Еслибы Амвросій дѣйствительно имѣлъ надлежащее понятіе о расколѣ, еслибы зналъ онъ, что вмѣстѣ съ содержимыми православною церковію обрядами долженъ будетъ отречься отъ самой церкви православной и вступить въ общество, осужденное соборами и состоящее подъ церковною анаѳемой, что отъ него требуютъ принять духовникомъ лице, по каноническимъ правиламъ подлежащее изверженію изъ сана, и что наконецъ этимъ духовникомъ онъ будетъ подвергнутъ извѣстному чинопріятію, какъ приходящій отъ ереси, — еслибы все это митрополитъ Амвросій могъ уразумѣть изъ павлова сочиненія, по всей вѣроятности, онъ еще остановился бы во-время, не допустилъ бы себя до преступленія—сдѣлаться раскольническимъ епископомъ. Но въ сочиненіи этомъ для незнакомаго съ расколомъ не содержалось ничего особенно страшнаго, не говорилось ни о какихъ церковныхъ проклятіяхъ, „наши“ священники даже не названы и „бѣгствующими“, ни о какихъ „чинопріятіяхъ отъ ереси приходящимъ“ не было и помину.... Рѣчь шла, повидимому, только о предпочтительности именуемыхъ старыхъ обрядовъ предъ новыми, и о томъ, что будущій епископъ старообрядцевъ долженъ исключительно держаться первыхъ,—вообще „правою совѣстію вступить въ старообрядческую церковь“ и въ свидѣтельство того „принять себѣ отца духовнаго“. Какъ истый почитатель чиновъ и обрядовъ греко-восточной церкви, въ которой родился и воспитанъ, митрополитъ Амвросій ни въ это время и никогда послѣ, несмотря на всѣ „доводы“ инока Павла, не допускалъ мысли, чтобъ эти чины и обряды были дѣйствительно неправильны, несовершенны, противны древле-церковнымъ преданіямъ; но, съ другой стороны, и въ обрядахъ, которые предлагалось ему принять, не находилъ онъ также ничего противнаго православной вѣрѣ, а исключительное къ нимъ уваженіе старообрядцевъ, доходящее до порицанія употребляемыхъ церковію обрядовъ, объяснялъ недостаткомъ просвѣщенія и ложно направлен-

ною религіозностью. И потому принятіе этихъ, не противныхъ православію, именуемыхъ старыхъ обрядовъ, ради снисхожденія къ немощи сторообрядцевъ, при неизмѣнномъ съ своей стороны уваженіи къ обрядамъ церкви греко-восточной, тѣмъ паче безъ всякой измѣны православному ученію сей церкви, Амвросій не признавалъ какимъ-либо тяжкимъ грѣхомъ; а затѣмъ не находилъ уже противнымъ совѣсти и то, если вступая въ общество, которое въ сущности почиталъ православнымъ, несмотря на употребляемые въ немъ иные обряды и на существующее ради этихъ обрядовъ несогласіе съ греко-восточною церковію, приметъ себѣ и духовнаго отца изъ старообрядческихъ священниковъ. Къ такимъ соображеніямъ, какъ видно изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, привело Амвросія чтеніе павловой записки, — и, по возможности успокоивъ себя этими соображеніями, онъ рѣшился наконецъ объявить бѣлокриницкимъ посланникамъ о своей готовности быть верховнымъ пастыремъ старообрядцевъ. „Изложеннымъ на бумагѣ возраженіямъ противъ его легкомыслій (повѣствуетъ Павелъ) митрополитъ очень внялъ и въ томъ успокоился и не замедлилъ изъявить свою готовность.“[1]) Въ качествѣ будущаго митрополита старообрядцевъ, Амвросій потребовалъ теперь отъ Павла и Алимпія подробныхъ объясненій относительно ожидающихъ его условій жизни въ Бѣлой-Криницѣ: ему даны были на этотъ счетъ самыя удовлетворительныя объясненія. „Спросилъ и то (продолжаетъ Павелъ) какимъ образомъ онъ можетъ утвердиться на всегдашнее у насъ пребываніе и жить небоязненно, и въ томъ послы увѣрили его и расказали подробно планъ дѣла съ самой первой точки, то-есть какимъ образомъ онъ можетъ пріѣхать, и какъ объявиться правительству, и какъ навсегда безбоязненно въ мирѣ и тишинѣ у насъ жить, *что̀ ему казалось весьма пріятно*.“[2])

Всѣ указанныя соображенія, равно какъ всѣ расписанныя Павломъ пріятности мирной и тихой жизни въ Бѣло-

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.

криницкой митрополіи, не могли однакоже вполнѣ успокоить Амвросія: внутренній голосъ все-таки говорилъ ему, что дѣло, на которое онъ рѣшился, не совсѣмъ чисто и во всякомъ случаѣ представляетъ много сомнительнаго и темнаго. Особенно смущался онъ опасеніемъ, не составилъ ли, основываясь на однихъ только павловыхъ показаніяхъ, ошибочнаго понятія о старообрядчествѣ, не отличается ли оно отъ православія чѣмъ-нибудь болѣе важнымъ и существеннымъ, нежели одни только обряды, и принять старообрядчество не будетъ ли значить именно отречься отъ православія, о чемъ тогда онъ боялся и помыслить. Все это могъ бы разъяснить ему только человѣкъ, вполнѣ знакомый съ расколомъ и не имѣющій, подобно Павлу, какихъ-либо побужденій изображать его въ невѣрномъ свѣтѣ. Амвросій очень желалъ бы посовѣтоваться именно съ такимъ человѣкомъ; но гдѣ найти его и какъ посовѣтоваться? Всего вѣрнѣе было бы, конечно, обратиться въ этомъ случаѣ къ кому-либо изъ русскихъ, проживавшихъ въ Константинополѣ, и притомъ человѣку образованному, на слова котораго можно было бы положиться; но именно отъ русскихъ и необходимо было хранить дѣло въ величайшей тайнѣ; ему было извѣстно, что бѣлокриницкіе посланники и цареградскіе ихъ покровители о томъ и заботились больше всего, чтобы какъ не возбудить своими затѣями подозрѣнія со стороны русскаго консульства, имѣвшаго притомъ, что̀ было для Амвросія особенно важно, такія близкія связи съ патріархіей. Вообще объясняться съ кѣмъ-нибудь изъ русскихъ относительно раскола было и трудно и крайне опасно. Обратиться къ какому-нибудь изъ своихъ собратій — грековъ было также небезопасно, а главное — совершенно безполезно: всѣ они о русскомъ расколѣ знали, конечно, не больше Амвросія. Былъ однако между ними одинъ ученый мужъ, какой-то проповѣдникъ и дидаскалъ при патріаршей каѳедрѣ, къ богословскимъ и церковно-историческимъ познаніямъ котораго Амвросій, какъ видно, питалъ большое уваженіе: его-то и рѣшился онъ какъ-нибудь искуснымъ образомъ вызвать на бесѣду о русскихъ раскольникахъ, въ надеждѣ получить отъ него точныя, вѣрныя свѣдѣнія по этому во-

просу. Случай объясниться съ этимъ ученымъ представился вскорѣ же послѣ того, какъ Амрвосій, повидимому, совсѣмъ уже рѣшилъ дѣло̀ съ бѣлокриницкими послами. Въ Страстную недѣлю и въ Пасху, въ то именно время, когда шли переговоры съ Павломъ, — „во время сватовства", какъ выражается этотъ послѣдній, — Амвросій нерѣдко ходилъ въ патріархію къ службамъ и участвовалъ вмѣстѣ съ другими архіереями въ торжественныхъ патріаршихъ служеніяхъ: здѣсь-то, встрѣчаясь съ ученымъ дидаскаломъ и заводя съ нимъ ученыя бесѣды, Амвросій „отдаленными разговорами о всѣхъ ересяхъ и разныхъ по вселеннѣй вѣрахъ, подобрался между прочимъ испытать того проповѣдника и мудраго учителя, вельми всѣми уважаемаго, и такимъ вопросомъ: что̀ это за люди липоване, староверы и старообрядцы?" Дидаскалъ, по свидѣтельству Павла, отвѣчалъ: „это все одни люди, только *по мѣстожительству* ихъ разными наименованіями зовутся; но они *не еретики*, а только въ сложеніи перстъ во образованіи Святыя Троицы меньшимъ перстомъ (мизинцемъ) *уменьшаютъ равность Святаго Духа*, да еще не принимаютъ новописанныхъ иконъ, а только старыя содержатъ."[1]) Если такъ именно отвѣчалъ многоученый дидаскалъ, онъ, очевидно, не много больше другихъ грековъ имѣлъ понятія о русскомъ расколѣ.[2]) Однако же отвѣтъ его, какъ ни былъ слабъ и ничтоженъ, смутилъ Амвросія. Правда, ученый мужъ утверждалъ рѣшительно, что липоване, старообрядцы и староверы — не еретики; но онъ же далѣе, вопреки этому увѣренію, говорилъ, что своимъ перстосложеніемъ старообрядцы выражаютъ мысль именно еретическую, „уменьшаютъ равность Св. Духа", — проповѣдуютъ неравенство лицъ во Святой Тройцѣ. Это замѣчаніе о старообрядческомъ перстосложеніи, составлявшемъ, по мнѣнію Амвросія, самое главное отличіе старообрядцевъ отъ греко-восточныхъ христіанъ, и возбудило въ

[1]) Тамъ же.

[2]) Что Павелъ по крайней мѣрѣ не исказилъ отвѣтъ дидаскала, вскорѣ же переданный ему Амвросіемъ, это доказываетъ и вызванное симъ отвѣтомъ павлово сочиненіе, о которомъ будетъ рѣчь ниже, посвященное именно изслѣдованію о перстосложеніи.

немъ опять сильное сомнѣніе относительно старообрядчества, такъ что онъ готовъ былъ взять назадъ данное Павлу и Алимпію согласіе на ихъ предложеніе: „Основываясь на этихъ отъ учителя слышанныхъ пустыхъ словахъ (расказывалъ Павелъ), митрополитъ паки остановился и весьма сдѣлался недовѣрчивъ на всѣ прежнія пословъ представленія и разныя доказательства, и сталъ неподвиженъ, единственно боясь, что не пристрастно ли прельщаютъ его въ неправую вѣру. И такъ остался не рѣшимымъ *за одинъ только сей пунктъ крестнаго знаменія*.“ 1)

„Во врачеваніе сего недуга“ инокъ Павелъ употребилъ уже испытанное средство: составилъ и представилъ Амвросію новое сочиненіе, посвященное собственно разсмотрѣнію вопроса о перстосложеніи для крестнаго знаменія и святительскаго благословенія. Это былъ, какъ мы уже замѣчали, изъ всей области старообрядческаго вѣроученія вопросъ наиболѣе знакомый иноку Павлу, и въ сочиненіи своемъ онъ дѣйствительно явился предъ Амвросіемъ во всеоружіи раскольнической учености, указалъ всѣ наиболѣе важныя, и готовыя и имъ самимъ придуманныя, свидѣльства и „доводы“ въ защиту двуперстія, съ одной стороны, и въ опроверженіе именословнаго и триперстнаго сложенія — съ другой.2) Достойно замѣчанія, что Павелъ, въ видѣ доказательства ad hominem, потщился представить Амвросію свидѣтельства въ защиту двуперстія преимущественно изъ „источниковъ *древлегреческой* церкви, отъ писанія *греческихъ* святыхъ отецъ и отъ *греческихъ* иконъ.“ Изъ мнимо-отеческихъ свидѣтельствъ, онъ привелъ: а) извѣстное изреченіе Петра Дамаскина (котораго совершенно несправедливо назвалъ „свя-

1) Пис. въ Торжокъ.

2) Сочиненіе это, озаглавленное: *Господину митрополиту Амвросію о перстосложеніи и о прочемъ предложеніе*, распространено у старообрядцевъ во множествѣ списковъ (мы пользуемся спискомъ тщательнаго полууставнаго письма). Содержаніе его довольно точно обозначено въ письмѣ къ старообрядцамъ города Торжка: „Послы сочинили ему (Амвросію) о крестномъ знаменіи и благословеніи двуперстнаго сложенія, и ясно пояснили о нововыдуманномъ литеросложномъ благословеніи и о триперстномъ сложеніи, съ достовѣрнымъ обо всемъ засвидѣтельствованіемъ и ясным доказательствомъ.“

щенномученикомъ“), что „два перста и едина рука являетъ единаго Христа во двою естеству и единомъ составѣ познаваема“;[1]) б) не менѣе извѣстное у старообрядцевъ Ѳеодоритово слово, приписавъ его рѣшительно „блаженному греческому учителю Ѳеодориту епископу Кирскому“;[2]) в) свидѣтельство Максима Грека, и г) не относящееся къ дѣлу объясненіе Симеона Солунскаго, что̀ означаетъ архіерейское осѣненіе дикиріемъ и трикиріемъ. Приводя древлегреческія свидѣтельства отъ святыхъ иконъ, Павелъ указывалъ между прочимъ на свои собственныя наблюденія: „Въ гре-

---

[1]) Не безъ намѣренія Павелъ направилъ это свидѣтельство собственно противъ *именословнаго*, или, какъ онъ обыкновенно называетъ его, *литеросложнаго* перстосложенія, а не противъ троеперстія: „Сіе доказательство (писалъ онъ) относится не къ литеросложному (изъ пяти перстовъ), но къ двуперстному сложенію, которое нынѣ содержатъ старообрядцы.“ Къ именословному сложенію свидѣтельство Петра Дамаскина, дѣйствительно, прилагать нельзя; но свидѣтельство это, во всякомъ случаѣ неопредѣленное, не называющее прямо какіе два перста единой руки здѣсь именно разумѣются, очевидно, можетъ имѣть приложеніе и къ православному перстосложенію для крестнаго знаменія, гдѣ также имѣютъ извѣстное значеніе *два* послѣдніе перста, пригнутые къ длани, и такимъ образомъ еще явственнѣе соединенные съ *единою* рукой.

[2]) Въ доказательство подлинности этого слова Павелъ въ выноскѣ подъ строкой сдѣлалъ для Амвросія слѣдующее примѣчаніе: „О таковомъ истинномъ (!) блаженнаго Ѳеодорита писаніи удостовѣряетъ древлероссійская церковь во Псалтырѣхъ со возслѣдованіемъ, печатанныхъ при прежнихъ благочестивыхъ патріархахъ, въ словѣ о крестномъ знаменіи, да и самый достопамятный источникъ (?), то-есть цѣлое слово блаженнаго Ѳеодорита, имѣется въ древнѣйшей книгѣ Никона Черныя горы, въ Словѣ 94, которая хранится въ Москвѣ, въ патріаршей ризницѣ, подъ № 503“ (въ другомъ спискѣ прибавлено: „или въ Чудовомъ монастырѣ“). Дѣлая съ такою рѣшительностью и опредѣленностью эту ссылку, Павелъ показалъ только, что ни мало не затруднялся говорить ложь: ни въ той, ни въ другой библіотекѣ подъ указаннымъ № книги Никона Черногорца не обрѣтается, а въ существующихъ и тамъ и здѣсь спискахъ книги, не только не содержится мнимаго Ѳеодоритова слова „како креститися и благословити“, но даже и главы 94-й не имѣется (см. *Описаніе слав. рукоп. синод. библ.* Пр. А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, II, 3, № 207 и слѣд.). Надобно впрочемъ замѣтить, что эту ложную ссылку на рукопись Никона Черныя горы Павелъ заимствовалъ изъ *Поморскихъ отвѣтовъ*, руководству которыхъ онъ вообще очень охотно ввѣрялся, что̀ никакъ не можетъ служить къ чести сего великаго учителя поповцевъ.

ческихъ и нынѣ существующихъ церквахъ (писалъ онъ), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Сиріи, Палестинѣ, Аравіи и Египту, и наипаче въ самихъ патріархіахъ — въ Дамаскѣ, Іерусалимѣ и Египтѣ, мы сами очевидно видѣли, что на *многихъ* иконахъ, кои древлегреческаго писанія, у Христа Спасителя благословящая десница имѣетъ перстосложеніе двутаинственное, а не литеросложно. У насъ, въ Буковинѣ, существуютъ весьма съ давнихъ лѣтъ сооруженныя каменныя церкви, одна въ городѣ Сочавѣ, гдѣ положены мощи святаго Великомученика Іоанна, и другая въ монастырѣ Сочавицкомъ, и третія въ монастырѣ Будинскомъ: въ этихъ церквахъ, не только внутри, но даже снаружи, удивленія достойно, по всѣмъ стѣнамъ, отъ самаго верхняго карнизу до карнизу нижняго, написано есть иконное изображеніе древняго греческаго искусства; *отличнѣйше же въ монастырѣ Сочавицкомъ* и до днесь стоитъ въ чудесной цѣлости и ясности. Въ томъ иконномъ изображеніи у Господа Саваоѳа и у Христа Спасителя благословящія руки, а въ рядахъ въ безчисленномъ множествѣ у *всѣхъ* предстоящихъ святыхъ апостоловъ, мучениковъ, святителей и преподобныхъ молящія руки имѣютъ перстосложеніе одинаковымъ образомъ, двутаинственно"[1]). На основаніи всѣхъ этихъ

---

[1]) И здѣсь Павелъ приводитъ свидѣтельства, по обычаю, недобросовѣстно. Нѣтъ сомнѣнія, что на Востокѣ онъ видѣлъ много и такихъ иконъ древняго письма, на которыхъ изображены благословящія руки именословно, о чемъ надлежало бы упомянуть; равнымъ образомъ немало такихъ изображеній находится и въ церквахъ сочавской и сочевицкой. Московскаго единовѣрческаго монастыря настоятель, о. игуменъ Павелъ, внимательно обозрѣвавшій иконопись той и другой церкви въ 1871 году, нашелъ, что въ Сочавской церкви, оконченной постройкою въ 1522 году, всѣ почти благословящія руки изображены *именословно* и что есть такія изображенія и въ монастырѣ Сочевицкомъ. „Я удивлялся (замѣчаетъ онъ, изчисливъ эти изображенія), почему въ сучавской церкви, созданной *въ началѣ шестнадцатаго* вѣка, въ стѣнномъ писаніи нашлась одна только благословящая рука съ двуперстнымъ сложеніемъ, въ Сочевицахъ же, въ храмѣ *семнадцатаго вѣка*, много изображеній съ двуперстнымъ сложеніемъ благословящей руки. Я подумалъ, не по той ли это причинѣ, что въ Сочевицѣ стѣнная живопись, по характеру своему близко подходящая къ московской, писана можетъ-быть московскими мастерами. Эту догадку мою и подтвердилъ одинъ іеромонахъ, который

якобы несумнительно достовѣрныхъ свидѣтельствъ Павелъ рѣшительно утверждалъ, что „во святой древлевосточной церкви *ни малѣйшаго даже слѣду не видно*, чтобы было литеросложное, или триперстное сложеніе, но *только двуперстное*, которое и до днесь старовѣрческая церковь не упустительно содержитъ“. Доказывать за симъ неправильность литеросложнаго и триперстнаго сложенія Павелъ считалъ по настоящему даже излишнимъ; но, какъ бы только уступая желаніямъ Амвросія, сдѣлалъ и это. Оба перстосложенія, по его словамъ, суть нововводныя, что будто бы несомнѣнно явствуетъ изъ приведенныхъ уже имъ свидѣтельствъ объ исключительномъ употребленіи во святой древлевселенской церкви одного двуперстнаго сложенія; троеперстное же сложеніе сверхъ того будто бы представляетъ еще противности православнымъ догматамъ вѣры: здѣсь Павелъ повторяетъ приведенныя въ „Бѣлокриницкомъ уставѣ“, изъ *Поморскихъ отвѣтовъ* заимствованныя, нелѣпости о триперстномъ сложеніи, будто оно согласуетъ ереси евтихіевой, севировой и діоскоровой. Наконецъ, онъ подвергъ разбору представляемыя православными доказательства въ защиту троеперстія, между которыми будто бы нѣтъ ни одного „отъ святой древлевселенской церкви, отъ священныхъ писаній и отъ иконнаго изображенія“, а всѣ будто бы основаны на сочиненіяхъ новыхъ, на свидѣтельствахъ подложныхъ, и доводахъ съ дѣломъ несообразныхъ. Само собою разумѣется, что въ примѣръ подложныхъ свидѣтельствъ онъ указалъ съ торжествомъ на соборное дѣяніе противъ нѣкоего еретика Мартина, о которомъ дѣяніи „теперь сами великороссійскія ученыя лица и воспоминать стыдятся“. Одного изъ сихъ великороссійскихъ ученыхъ лицъ Павелъ и называетъ: „въ бытность у насъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, 1845 года, изъ петербургскихъ академическихъ учителей (?) господинъ Николай Ивановичъ Надеждинъ истинно самъ соз-

---

сказалъ мнѣ, что церковь эта росписана дѣйствительно московскими мастерами“ (см. собраніе сочиненій иг. Павла, изд. 2-е, стр. 719 и 720, 731 и 732). Понятно теперь, почему инокъ Павелъ въ особенности указывалъ на иконопись въ монастырѣ Сочевицкомъ.

нался, при лицѣ настоятеля и братіи, что вышепомянутое соборное дѣяніе никогда не бывало.“ Здѣсь же Павелъ разсмотрѣлъ извѣстное сказаніе о Мелетіи, причемъ старался доказать, что напрасно въ новыхъ сочиненіяхъ свидѣтельство это толкуется въ пользу православнаго перстосложенія, и что напротивъ оно подтверждаетъ будто бы древлецерковный обычай двуперстнаго сложенія[1]). Здѣсь же, наконецъ, подвергаетъ разбору и сдѣланный Амвросіемъ со словъ ученаго дидаскала „доводъ о перстосложеніи“, который собственно послужилъ поводомъ къ составленію сочиненія: „А какое оправданіе преданію триперстнаго сложенія представляете вы, высокопреосвященнѣйшій владыко, что тремя *равными* перстами православно образуете Пресвятой Троицы равенство, оно есть только голословное оправданіе ваше, и голословно же вы увѣряете, что тремя *неравными* перстами невозможно православно изображать въ Пресвятой Троицѣ *равенство.* Но мы увѣряемъ съ доказательствомъ отъ святыхъ писаній, что не только неравными перстами, но даже еслибы какой уродъ былъ, имѣя у себя и совершенно по всему три персты равны, то и такими бы перстами невозможно изображать равенство въ Пресвятѣй Троицѣ, поелику святая древлевселенская церковь богомудрствовала, по глаголамъ святыхъ отецъ Григорія Богослова и Максима Грека, что невозможно на земли во всей видимой и описуемой твари обрѣстися образу, коимъ бы равноподобное изображеніе Пресвятыя Троицы показывалось.... Посему, возможно ли бренной руки перстами православно изобразить равенство Пресвятыя Троицы, какъ бы они равны ни были? Не есть ли это ослѣпленіе и даже помраченіе, во еже напротивъ мудрствовати не только частнымъ вышереченнымъ святымъ отцамъ, но и всей древлевселенской православной церкви, которая почитала образованіе Пресвятыя Троицы тремя святыми отроками, бывшими въ плѣнѣ вавилонскомъ (кои были сыны ехоніевы, имовѣрно большій, средній и меньшій), какъ и доднесь

1) Доказательства приводятся тѣже самыя, что и въ „Бѣлокриницкомъ уставѣ“.

слышанъ есть церковный гласъ: *благословите дѣти, Троицы равночисленніи*. Сими краткими и внятными словами святая древлевселенская церковь преясно научаетъ, что треми вещьми осязаемыми надлежитъ образовать только равночисленность ипостасей Пресвятыя Троицы, а не самую сущность равенства ея, которую мы исповѣдуемъ писаніемъ и устно".[1])

Всѣ эти свидѣтельства и доказательства, которыми Павелъ въ изобиліи снабдилъ свое сочиненіе, были въ сущности весьма несильны и большею частію лживы; но въ своей совокупности они должны были произвести немалое впечатлѣніе на человѣка вовсе незнакомаго съ дѣломъ, неимѣвшаго даже и понятія о раскольнической и противураскольнической литературѣ, каковъ былъ Амвросій. Для него было вопервыхъ ясно, что старообрядцы не безъ основаній держатся такъ крѣпко своего перстосложенія; затѣмъ, хотя не имѣлъ онъ возможности провѣрить и оцѣнить надлежащимъ образомъ истинное значеніе большей части этихъ основаній, однакоже могъ замѣтить что нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно имѣютъ силу. Павелъ съ обычною раскольническою смѣлостью указывая Амвросію именно свидѣтельства древлегреческой церкви, этимъ самымъ какъ бы вызывалъ его на повѣрку сихъ свидѣтельствъ. Повѣрить свидѣтельство Максима Грека Амвросій, разумѣется, не имѣлъ возможности, первый разъ, конечно, услышавъ даже о самомъ Максимѣ Грекѣ, и потому свидѣтельство его, такъ рѣшительно выставленнное Павломъ, долженъ былъ принять на вѣру. Съ твореніями блаженнаго Ѳеодорита Амвросій, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе былъ знакомъ; но во всякомъ случаѣ не на столько, чтобъ отвергнуть подлинность приписаннаго ему слова о двуперстіи, особенно же когда Павелъ сдѣлалъ такія, по видимому, точныя указанія, гдѣ именно обрѣтается это слово. Что касается третьяго свидѣтеля, Петра Дамаскина, то, къ сожалѣнію, Амвросій имѣлъ возможность найти въ своихъ источникахъ подтвержденіе

[1]) И это доказательство также было приведено уже въ „Бѣлокриницкомъ уставѣ".

того, что приведенное Павломъ изреченіе Петра Дамаскина несомнѣнно принадлежитъ этому писателю, и что даже его слѣдуетъ понимать въ томъ самомъ смыслѣ, какъ объяснилъ Павелъ. Чтобы сдѣлать такую справку Амвросію не было нужды даже обращаться къ подлиннымъ сочиненіямъ Петра Дамаскина, или *Добротолюбію*, гдѣ приведены изъ нихъ извлеченія: въ этомъ случаѣ ему оказала нехорошую услугу книга весьма нужная и потому хорошо знакомая каждому греческому архіерею — изданная въ 1800 году Кормчая (Πηδάλιον), съ примѣчаніями іеромонаха Агапія и монаха Никодима. Сіи-то комментаторы въ одномъ изъ своихъ примѣчаній пишутъ, что древніе христіане употребляли для крестнаго знаменія не то перстосложеніе, какое употребляютъ нынѣ, — слагали не три перста, а только два (средній и указательный), и въ подтвержденіе своихъ словъ приводятъ именно изреченіе Петра Дамаскина, на которомъ единственно и основались[1]). Въ лицѣ новыхъ толкователей греческой кормчей Павелъ пріобрѣлъ такимъ образомъ неожиданныхъ и сильныхъ союзниковъ, которые, подтвердивъ приведенное имъ свидѣтельство Петра Дамаскина, тѣмъ самымъ должны были внушить Амвросію довѣріе и къ прочимъ его свидѣтельствамъ въ защиту двуперстія; во всякомъ случаѣ Амвросій могъ теперь вполнѣ убѣдиться, что двуперстіе не содержитъ въ себѣ никакой еретической мысли и ничего вообще противнаго православію, если по свидѣтельству самихъ греческихъ уважаемыхъ писателей, находящемуся притомъ въ книгѣ имѣющей такое важное назначеніе въ церковной практикѣ, перстосложеніе это было

---

[1]) Это, въ греческой книгѣ совершенно неожиданное, толкованіе словъ Петра Дамаскина, во всякомъ случаѣ, какъ мы говорили уже, неясныхъ, находятся именно въ примѣчаніи на Посл. Василія Великаго къ Амфилохію περὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος. Приводимъ его вполнѣ: Τὸν τύπον τοῦ τιμίου ςαυροῦ οἱ παλαιοί χριςιανοὶ κατ' ἄλλον σχηματισμὸν τῆς χείρος ἔκαμναν. Δηλ. μέ μόνα τὰ δύο δάκτυλα τῆς χειρὸς, τὸν μέσο[illegible]καὶ τὸν λιχανὸν, κατῶς λέγει ο ὅσιος Πέτρος ο Δαμάσκηνος (σελ. 642 τῆς φιλοκαλ.), ὅπου λέγει, ὅτι ἡ μέν χεὶρ ὅλη σημαίνει τὴν μίαν ὑποςασιν τοῦ Χριςοῦ, οἱ δὲ δύο δᾶκτυλοι τὰς δύο φύσεις ἇυτοῦ. ἡ δὲ ἤδη ἐπικράτουσα συνήθεια τῶν Χριςιανῶν εἶναι, να σμίγουν τά δύο δάκτυλα τῆς χειρὸς, ὁμοῦ μέ τὸν μεγάλον (Πηδάλιον, изд. 1841, стр. 386).

употребляемо „древними христіанами".[1]) Могъ онъ также провѣрить отчасти справедливость и указанныхъ Павломъ видѣтельствъ отъ греческихъ святыхъ иконъ, ибо и самъ могъ видѣть на нѣкоторыхъ иконахъ изображеніе двуперстно сложенной благословящей руки, что̀ опять служило доказательствомъ, что ничего противнаго православію въ семъ перстосложеніи не содержится. Наконецъ Павелъ, понимавшій всю важность настоящихъ обстоятельствъ, позаботился и о томъ, чтобы представить Амвросію осязательное, очевидное доказательство несомнѣннаго употребленія двуперстія въ древле-россійской церкви: онъ нарочно обращался къ майносскимъ некрасовцамъ за Слѣдованною Псалтырью іосифовскаго изданія, и въ ней-то показалъ Амвросію по благословенію московскаго и всея Россіи патріарха изданное *Слово о крестномъ знаменіи*, гдѣ приводились и ѳеодоритово и иныя указанныя въ павловомъ сочиненіи свидѣтельства въ пользу двуперстія и гдѣ о двуперстномъ

---

1) Книгу Πηδάλιον Амвросій взялъ потомъ въ Бѣлую-Криницу, и найденное въ ней свидѣтельство въ пользу двуперстія съ того времени сдѣлалось достояніемъ старообрядческой литературы: старообрядцы стали имъ доказывать не только древность двуперстія и нововводность триперстія, но и то, что сами нынѣшніе греки признаютъ двуперстіе древнѣйшимъ обычаемъ, а троеперстіе нововводнымъ. Въ одномъ сочиненіи, написанномъ въ защиту бѣлокриницкаго священства, приведено это свидѣтельство греческой Кормчей въ точномъ переводѣ, и именно въ доказательство послѣдней мысли: „О крестномъ знаменіи у Грековъ нынѣ не только проклятія не полагаютъ, или каковымъ неправильнымъ порицаніемъ порицаютъ, *но даже древностію и истинностію похваляютъ двуперстное сложеніе*, что свидѣтельствуется въ главной закона ихъ книгѣ Кормчей, по-гречески именуемой Пидаліонъ, печатанной 1800 года, въ толкованіи 91 правила св. Василія Великаго, на листу 447, въ примѣчаніи второмъ, гласитъ сице: „знаменіе честнаго креста древніе христіане другимъ образомъ рукою изобразовали, то-есть самыми двумя перстами руки указательнымъ и среднимъ, какъ глаголетъ преподобный Петръ Дамаскинъ въ книгѣ именуемой Добротолюбіе, на листу 642, гдѣ пишетъ сице: едина рука значитъ одну ипостась Христову, а два перста показуютъ два естества Христова. Но теперь обычай есть нынѣшнихъ христіанъ соединять два реченные перста руки вмѣстѣ съ великимъ пальцемъ". Любопытно, что этотъ самый переводъ мы нашли въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ*, на особомъ лоскуткѣ бумаги, писанный собственноручно инокомъ Павломъ, который, очевидно, весьма дорожилъ этимъ свидѣтельствомъ греческой Кормчей.

сложеніи говорилось, какъ о находящемся и долженствующемъ быть у православныхъ христіанъ во всеобщемъ употребленіи.[1]) Амвросій не сомнѣвался въ православіи патріарховъ россійскихъ, какъ послѣ Никона, такъ и до Никона существовавшихъ, и потому свидѣтельство изданной по патріаршему благословенію книги могло служить для него убѣдительнымъ доказательствомъ, что старообрядцы, слѣдуя въ своемъ перстосложеніи примѣру и наставленію нѣкоторыхъ древле-россійскихъ патріарховъ, содержатъ обычай непротивный православію. Вообще, смутившее Амвросія замѣчаніе ученаго дидаскала, неосновательное и само по себѣ, не могло устоять противъ доводовъ павлова сочиненія, и если нельзя согласиться съ свидѣтельствомъ Павла, будто, разсмотрѣвши это его сочиненіе, Амвросій призналъ „греческое и великороссійское литеросложное благословеніе и триперстное сложеніе и прочее (?) за неправильное и по-

1) Пис. въ Торжокъ. „А сверхъ того въ удостовѣреніе представили ему (Амвросію) древлепечатную Псалтырь со возслѣдованіемъ, гдѣ есть достаточное свидѣтельство о крестномъ знаменіи и двуперстномъ сложеніи, за которою нарочито посылали въ Майносъ къ некрасовцамъ, кои живутъ за Царьградомъ у Мраморнаго моря.“ Есть извѣстіе, что въ Майносъ за книгой ѣздилъ самъ Павелъ. У Гончарова, въ его расказѣ о *первомъ начатіи нашего духовнаго дѣла объ устроеніи епископа,* говорится между прочимъ: „Алимпій увѣдомилъ насъ письмомъ.... было прописано, *какъ Павелъ къ кубанцамъ ѣздилъ*, и какъ они ему книги дали и толмача послали съ нимъ, и какъ они митрополиту представили, и какъ митрополитъ принялъ и прочиталъ“. Объ этихъ обстоятельствахъ повѣствуетъ и Геронтій въ своемъ *Памятникѣ*; у него находимъ извѣстіе, что именно привезена была столь уважаемая старообрядцами Псалтырь, изданная въ восьмое лѣто Іосифова патріаршества: „Митрополитъ не иначе рѣшилъ себе довѣрити словесамъ нашихъ пословъ, аще, рече, не вижду самолично моими очами оригеналомъ первобытныхъ россійскихъ патріарховъ печатныхъ книгъ. На что наши послы и въ этомъ отношеніи не отказалися ему: они обратишася ко взысканію сего предмета въ Майносы, въ прибрежіи средиземнаго моря живущимъ нашего единенія обществамъ, гдѣ досташа себѣ самонужнѣйшій предметъ, пятаго святѣйшаго Іосифа патріарха Псалтырь со возслѣдованіемъ церковной повседневной службы, съ приложеніемъ пространнаго толкованія о сложеніи перстовъ на благословеніе и крестное знаменіе: выходъ ея въ лѣто 7157, совершена же бысть въ лѣто по седми тысящахъ 158, во осмое лѣто патріаршества куръ Іосифа московскаго и всея Россіи“ (Рук. писанная въ Шлиссельбургѣ).

грѣшительное дѣйствіе,"[1]) то по крайней мѣрѣ можно считать несомнѣннымъ, что съ этого времени онъ не опасался уже признать самое старообрядчество непричастнымъ никакой ереси, а принятіе такъ-называемыхъ старыхъ обрядовъ, при неизмѣнномъ уваженіи къ обрядамъ церкви грековосточной, несоставляющимъ измѣны православію, такъ какъ дѣйствительныя отношенія старообрядчества къ православію попрежнему оставались для него неизвѣстными.[2])

Успокоивая себя такими мыслями и уступая не прекращавшимся постояннымъ убѣжденіямъ и просьбамъ сына, Амвросій объявилъ наконецъ Павлу и Алимпію, что онъ окончательно рѣшился занять бѣлокриницкую каѳедру и что готовъ объ этомъ дѣлѣ заключить съ ними формальный договоръ.

V. Формальный договоръ, съ точнымъ обозначеніемъ взаимныхъ условій, былъ равно желателенъ для обѣихъ сторонъ, видѣвшихъ нужду оградить по возможности именно тѣ свои

---

1) Пис. въ Торжокъ. Увѣрять въ этомъ старообрядцевъ Павелъ имѣлъ необходимую надобность; но самъ онъ и другіе, ближайшимъ образомъ знавшіе Амвросія, ясно видѣли, что отъ церкви греческой, ея чиновъ и обрядовъ, Амвросій никогда не думалъ отказываться. Мы будемъ имѣть случай представить на то доказательства.

2) Замѣчательно, что въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, написанномъ для Амвросія, какъ и въ первомъ, Павелъ не упомянулъ ни разу о соборѣ 1867 года, на которомъ греко-россійская церковь, въ лицѣ высшихъ представителей ея іерархіи, осудила расколъ и подвергла раскольниковъ отлученію за противленіе церковной власти и за клеветы на церковь, между тѣмъ какъ на этотъ именно соборъ Павлу и слѣдовало прежде всего указать Амвросію, потому что его обыкновенно старообрядцы поставляютъ въ наибольшую вину церкви и въ оправданіе себѣ. Очевидно, Павелъ о томъ и прилагалъ особенную заботу, чтобы оставить Амвросія въ невѣдѣніи объ этомъ важнѣйшемъ событіи въ исторіи раскола, такъ какъ зналъ, что оно указало бы Амвросію истинныя отношенія между глаголемымъ старообрядчествомъ и православною церковію, а тогда, при всей затруднительности своего положенія въ Константинополѣ, Амвросій, надобно полагать, никакъ не согласился бы принять старообрядчество, то-есть вступить въ общество соборнѣ сужденное и осужденное вселенскою церковію, вмѣстѣ съ этимъ обществомъ стать подъ церковное отлученіе. Вотъ почему въ объясненіяхъ съ Амвросіемъ Павелъ и обходилъ молчаніемъ соборъ 1667 года, равно какъ все, что могло бы уяснить Амвросію истинныя отношенія церкви къ расколу.

интересы, которыми каждая особенно дорожила. Если Амвросій такъ долго колебался дать окончательное рѣшеніе о занятіи бѣлокриницкой каѳедры, это вовсе не значило, чтобы въ своемъ рѣшеніи онъ руководствовался, или хотѣлъ руководствоваться убѣжденіемъ въ дѣйствительныхъ преимуществахъ старообрядчества предъ православіемъ; напротивъ, внѣшніе, житейскіе разсчеты и выгоды служили главнымъ, единственнымъ мотивомъ принятаго имъ рѣшенія, а всѣ предшествовавшія ему колебанія были вызваны только заботами—какъ-нибудь успокоить совѣсть, предпринимая дѣло очевидно незаконное. Для Амвросія поэтому было всего важнѣе обезпечить посредствомъ письменнаго договора тѣ внѣшнія, матеріальныя выгоды, ради которыхъ сдѣлалъ онъ, съ насиліемъ совѣсти, довольно тяжкія, хотя не искреннія, уступки въ пользу старообрядчества. Для Павла напротивъ всего важнѣе было посредствомъ такого договора обезпечить исполненіе именно этихъ, уже сдѣланныхъ Амвросіемъ уступокъ и сверхъ того многихъ другихъ, которыхъ онъ, Амвросій, тогда не могъ еще и предвидѣть, но отъ которыхъ въ послѣдствіи не могъ бы отказаться по силѣ самаго договора.

Противъ выраженнаго Амвросіемъ желанія, чтобы всѣ статьи условленнаго матеріальнаго обезпеченія и ему лично, и его сыну, были точно обозначены въ письменномъ договорѣ, инокъ Павелъ, съ своей стороны, не дѣлалъ никакихъ возраженій, лишь бы только этимъ договоромъ были обезпечены въ то же время со стороны Амвросія интересы старообрядчества; одно только находилъ онъ затрудненіе, — именно то, что въ формальномъ документѣ, который долженъ быть представленъ австрійскому правительству и потомъ храниться въ монастырскомъ архивѣ, будетъ очень соблазнительно для старообрядцевъ говорить подробно, какою цѣной пріобрѣтено согласіе митрополита Амвросія сдѣлаться старообрядческимъ епископомъ. Въ устраненіе этого неудобства Павелъ придумалъ составить договоръ въ трехъ различныхъ экземплярахъ — одинъ отъ имени депутатовъ Бѣлокриницкаго монастыря, другой отъ имени Амвросія, такъ чтобы первый поступилъ во владѣніе Амвросія, въ

обезпеченіе его правъ, а второй остался у депутатовъ: въ этихъ то, такъ-сказать, секретныхъ договорахъ и предлагалъ Павелъ изложить со всею полнотой и точностью условія, на которыхъ Амвросій согласился занять бѣлокриницкую каѳедру; а въ третьемъ, формальномъ договорѣ, который слѣдовало представить правительству и хранить потомъ въ монастырскомъ архивѣ, предполагалось обозначить эти условія уже только въ общихъ чертахъ.

Такъ и было поступлено. Два первые документа подписаны тою и другою стороной 15-го апрѣля 1846 года. Въ договорѣ, составленномъ отъ имени Павла и Алимпія, сіи послѣдніе, въ качествѣ „уполномоченныхъ депутатовъ Бѣлокриницкаго старовѣрческаго монастыря", дали такія обязательства: 1) относительно самого Амвросія: „Его высокопреосвященство будетъ жить въ Бѣлой-Криницѣ, въ нашемъ монастырѣ, *на всемъ монастырскомъ содержаніи*; *сверхъ же того монастырь обязуется давать его высокопреосвященству жалованье въ каждый годъ 500 червонцевъ австрійскаго, золота, пока онъ живъ будетъ, съ тѣмъ, чтобы исполнять ему все по правиламъ святыхъ отецъ, согласно монастырскаго устава, безъ нарушенія*"; 2) относительно сына амвросіева: „обязуется монастырь дать его родному сыну Георгію Поповичу коштъ на дорогу до Босніи, и обратно, на привезеніе своей жены оттуда; еще купить ему въ Бѣлой-Криницѣ домъ, съ принадлежащимъ ему дворомъ и огородомъ, въ вѣчную его собственность; однакоже, если по краткомъ или долгомъ времени случится его высокопреосвященству, Божіимъ повелѣніемъ, по общему долгу человѣчества, смерть, наградить его господина Георгія за службу родителя отца его, удовольствовать его, судя по обстоятельствамъ и благоразсужденію монастыря". Эти условія повторены и въ другомъ договорѣ, писанномъ отъ имени Амвросія. [1]) Они показываютъ достаточно какъ

---

[1]) Достойно замѣчанія, что въ этомъ другомъ договорѣ, писанномъ отъ имени Амвросія, послѣднія статьи выговореннаго Георгію вознагражденія обозначены гораздо точнѣе: „Монастырь обязанъ перевезти на свой счетъ изъ Босніи роднаго моего сына Георгія Поповича и его жену Анну Николаевну, и купить имъ въ Бѣлой-Криницѣ въ вѣчную собственность домъ съ дворомъ и огородомъ *въ тысячу червонныхъ*, а въ случаѣ смерти моей—

заботился Амвросій, чтобы вполнѣ обезпечить съ матеріальной стороны не только свое собственное положеніе въ званіи старообрядческаго епископа, но и положеніе своего семейства, ради котораго собственно онъ всѣмъ и жертвовалъ. Успокоенный точнымъ обозначеніемъ въ двухъ секретныхъ договорахъ условленнаго ему съ семействомъ вознагражденія, Амвросій могъ уже безъ опасенія дозволить, чтобы въ формальномъ документѣ, который подписанъ на другой день, 16го апрѣля, было упомянуто объ этомъ вознагражденіи въ общихъ выраженіяхъ, именно — что монастырь обязуется „содержать его на всемъ монастырскомъ иждивеніи, *во всякомъ спокойствіи и удовлетвореніи на всю его жизнь.*"

Что же касается данныхъ самимъ Амвросіемъ обязательствъ относительно его будущей должности старообрядческаго архіерея, то онѣ почти одинаково изложены во всѣхъ трехъ документахъ. Изложеніе это не отличалось особенною полнотой и точностью въ опредѣленіи обязанностей

Амвросія, вознаградить ихъ отъ монастыря по усмотрѣнію, *но не менѣе тысячи червонныхъ*". Можно догадываться, что Павелъ не безъ намѣренія выразился такъ опредѣленно о покупкѣ дома Георгію и особенно на счетъ его вознагражденія по смерти Амвросія, именно въ томъ документѣ, который долженъ былъ остаться у него самого, и напротивъ такъ неопредѣленно (*судя по обстоятельствамъ и благоразсужденію монастыря*) въ документѣ, который долженъ былъ поступить въ собственность Амвросія и на основаніи котораго Амвросій, или сынъ его могли требовать точнаго исполненія условій. Впослѣдствіи оказалось именно, что Павелъ поступилъ такимъ образомъ очень предусмотрительно, — сберегъ интересы монастыря: извѣстно, что Георгій по смерти Амвросія напрасно ищетъ съ Бѣлокриницкаго монастыря уплаты условленной и потому законно ему слѣдующей суммы за домъ и условленнаго, также законно слѣдующаго вознагражденія въ случаѣ смерти отца, такъ какъ въ находящемся у него документѣ та и другая сумма не означены, а все предоставлено „обстоятельствамъ и благоразсужденію монастыря"; подлинникъ же выданнаго Амвросіемъ договора, гдѣ обѣ суммы обозначены такъ точно, хранился въ монастырскомъ архивѣ и потомъ истребленъ инокомъ Онуфріемъ изъ опасенія, чтобы не попалъ въ руки старообрядцевъ и не соблазнилъ ихъ упоминаніемъ о 500 червонцевъ: въ 1858 году, на пути въ Россію, въ Формосѣ, у извѣстнаго по недавнимъ событіямъ Прокопа Лаврентьева въ домѣ, онъ разорвалъ этотъ документъ на мелкіе клочки. Вообще, достопочтеннѣйшій о. Онуфрій, къ сожалѣнію, не мало истребилъ подобнаго рода любопытныхъ и немаловажныхъ документовъ, оберегая достоинство нѣкогда любезнаго ему старообрядчества.

Амвросія; но будучи составлено въ выраженіяхъ общихъ и неопредѣленныхъ, этимъ самымъ оно и отдавало Амвросія, такъ-сказать, въ полное распоряженіе бѣлокриницкихъ старцевъ. Вотъ какъ именно изложены обязательства Амвросія въ формальномъ договорѣ, написанномъ отъ лица обѣихъ сторонъ: „Я, митрополитъ Амвросій, не желая долѣе провождать жизнь свою праздно, и ни по нуждѣ, ни по какой страсти, но по чистой своей совѣсти согласился съ депутатами Бѣлокриницкаго монастыря, согласно данному имъ всевысочайшему указу.... *поступить въ старовѣрческую религію*, въ сущемъ званіи митрополита, надъ всѣми духовными лицами и мірскими людьми, состоящими въ оной религіи, верховнымъ пастыремъ; и притомъ *обязуюсь*, по прибытіи въ Бѣлокриницкій монастырь, *учинить церковное присоединеніе* согласно правиламъ святыхъ отецъ, и неотлагательно поставить тамъ въ намѣстника себѣ другаго архіерея, такъ какъ дозволено имъ всевысочайшимъ указомъ".[1]) Какъ важно было для учредителей бѣлокриницкой іерархіи внести въ формальный документъ, именно въ видахъ обезпеченія этой іерархіи на будущее время, обязательство Амвросія немедленно поставить себѣ намѣстника, это очевидно само собою. Не менѣе важно было и то, что въ договорѣ упоминалось обязательство Амвросія учинить церковное присоединеніе: здѣсь тѣмъ самымъ, что не было въ точности указано какого рода будетъ это присоединеніе,— по третьему, или второму чину,— Амвросій обязывался безпрекословно подчиниться бѣлокриницкимъ властямъ, какому чинопріятію они ни присудили бы его подвергнуть, хотя Амвросій, заключая и подписывая условіе, не допускалъ и мысли о чинопріятіи, особенно по второму чину,—

---

[1]) Въ двухъ другихъ договорахъ упомянуто еще о принятіи духовника. Наприм. въ договорѣ отъ имени депутатовъ говорится: „По прибытіи въ нашъ монастырь его высокопреосвященство первоначально имѣетъ по долгу христіанскому принять себѣ отца духовнаго изъ нашихъ священниковъ, и что̀ духовникъ предлагать будетъ необходимое въ присоединеніи церковномъ, учинить по всему согласно соборнымъ правиламъ св. отецъ, потомъ неотлагательно поставить въ намѣстника себѣ другаго епископа изъ нашего духовенства, такъ какъ намъ дозволено всевысочайшимъ указомъ".

подъ мѵропомазаніе. Еще одно весьма важное обязательство со стороны Амвросія помѣщено въ томъ мѣстѣ договора, гдѣ рѣчь идетъ собственно о обязательствахъ со стороны самихъ бѣлокриницкихъ депутатовъ относительно Амвросія. Вотъ какъ изложена эта часть договора: „Мы же, монастырскіе депутаты Милорадовъ и Васильевъ, обязуемся, по данному намъ отъ монастыря довѣрію, по прибытіи его высокопреосвященства господина митрополита Амвросія въ Бѣлокриницкій монастырь содержать его на всемъ монастырскомъ иждивеніи, во всякомъ спокойствіи и удовлетвореніи во всю его жизнь, *съ тѣмъ что его высокопреосвященство долженъ у насъ все законно исполнять по правиламъ святыхъ отецъ, согласно монастырскаго устава безъ нарушенія*"[1]). Подписывая это условіе, Амвросій, разумѣется, не имѣлъ и понятія объ уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря, о которомъ ему только сказано было, что онъ во всемъ согласенъ съ правилами св. отецъ; а между тѣмъ, обязавшись „безъ нарушенія исполнять монастырскій уставъ", онъ очевидно обязался принять изложенное въ уставѣ старобрядческое ученіе во всѣхъ его пунктахъ, слѣдовать всѣмъ старообрядческимъ обычаямъ и обрядамъ, также во всей подробности описаннымъ въ уставѣ, и наконецъ подчиниться здѣсь же изложеннымъ строгимъ правиламъ относительно самого бѣлокриницкаго митрополита, по силѣ которыхъ митрополитъ не соблюдающій устава можетъ быть даже лишенъ каѳедры и „отъ всего завѣдыванія навсегда устраненъ". Такую важность для Амвросія, вовсе имъ не подозрѣваемую, имѣло это, по видимому, незначительное обязательство—ненарушимо соблюдать монастырскій уставъ! И Павелъ, конечно, не безъ намѣренія поставилъ во всѣхъ трехъ договорахъ это именно обязательство со стороны Амвросія въ непосредственной связи съ обязательствомъ монастыря содержать его и платить ему жалованье, такъ что въ случаѣ несоблюденія съ его стороны обязательства во всемъ „безъ

---

[1]) Подлинный договоръ, собственноручно подписанный Амвросіемъ и монастырскими депутатами (*Бѣлокр. архивъ*). О соблюденіи Амвросіемъ монастырскаго устава безъ нарушенія сказано и въ двухъ другихъ договорахъ.

нарушенія исполнять монастырскій уставъ", и монастырь пріобрѣталъ себѣ право не исполнять обязательства относительно его содержанія и вознагражденія[1]). Такимъ образомъ Павелъ, оградивши письменными договорами права Амвросія, умѣлъ въ то же время еще лучше оградить этими договорами права своей Бѣлокриницкой обители относительно Амвросія.

Чтобы сообщить надлежащую силу своимъ письменнымъ условіямъ, не облеченнымъ, разумѣется, въ законную форму и неимѣвшимъ по этому никакого юридическаго значенія, обѣ стороны обязались хранить ихъ „свято и ненарушимо", и обязательство свое утвердили не только собственноручными подписями, но и клятвами при свидѣтеляхъ. [2])

VI. Условія подписаны были, какъ сказано выше, 15-го и 16-го апрѣля 1846 года. Съ этого времени Павелъ, считая уже Амвросія какъ бы законнымъ своимъ архипастыремъ, сталъ оказывать ему всевозможные знаки почтенія и окру-

---

1) Въ „Уставѣ" сказано только, что такой устраненный отъ завѣдыванія каѳедрой митрополитъ будетъ получать монастырское „пропитаніе".

2) На условіи, составленномъ отъ имени Павла и Алимпія, находятся слѣдующія подписи: „хранити сіе правило свято и ненарушимо, въ вѣрность чего *при нижеподписавшихся свидѣтеляхъ* подписуемся: Инокъ Алимпій Милорадовъ, инокъ ПавелъВасильевъ, Μητροπολίτης Αμβρόσιος. При семъ условіи свидѣтелемъ былъ подданникъ австрійскій и подписуюсь Константинъ Огняновичъ". Подписи другихъ свидѣтелей нѣтъ хотя, какъ видно изъ употребленнаго выше выраженія, присутствовали при этомъ свидѣтели и кромѣ Огняновича. Вѣроятно паны почему-либо нашли неудобнымъ прикладывать руки, или не нашелъ этаго удобнымъ Павелъ. А на условія, составленномъ отъ имени Амвросія, приписано: „Уполномоченные отъ Бѣлокриницкаго монастыря депутаты, Алимпій и Павелъ, клялися митрополиту въ вѣрности исполненія условія предъ св. Евангеліемъ и цѣловали оное". Формальное же условіе, писанное отъ обѣихъ сторонъ, для пущей торжественности начиналось словами: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь*. Это формальное условіе написано было въ двухъ экземплярахъ, какъ сказано въ самомъ его текстѣ: „сіе условіе учинили въ двухъ экземплярахъ, дабы хранитъ содержаніе онаго съ обѣихъ сторонъ свято и ненарушимо". Кромѣ того сдѣланъ былъ точный переводъ его на нѣмецкій языкъ, для представленія австрійскому императору: на подлинномъ экземплярѣ, находящемся въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ*, есть собственноручная Павлова помѣтка: „А нѣмецкой переводъ точной сего условія, для императора переведенной, на особомъ листу, оставленъ въ крайзамтѣ при дѣлѣ".

жилъ его особу самою нѣжною попечительностью. Теперь всѣ его помышленія устремлены были на то, какъ обезопасить Амвросія отъ подозрѣній со стороны патріаршаго правительства и устроить секретный отъѣздъ его изъ Константинополя, а также и дальнѣйшее его путешествіе. Совѣтниками и помощниками Павлу въ этомъ дѣлѣ, кромѣ Огняновича, были опять „благодѣтельные цареградскіе паны", которые именно здѣсь могли оказать ему большую помощь; спутникъ же и главный сотрудникъ его — Алимпій немедленно по заключеніи условій съ Амвросіемъ уѣхалъ изъ Константинополя для сообщенія „своимъ христіянамъ" радостныхъ извѣстій о пріобрѣтеніи желаемаго епископа: онъ отправился для этого въ Бѣлую-Криницу, а потомъ и въ Россію.

На основаніи императорскаго декрета отъ 6-го (18го) сентября 1844 года, Амвросію надлежало ѣхать прямо въ свою новую митрополію и оттуда, немедленно по пріѣздѣ, не вступая еще въ должность, сообщить о себѣ необходимыя свѣдѣнія губернскому начальству, съ тѣмъ чтобы это послѣднее, въ свою очередь, препроводило оныя въ императорскую канцелярію для наведенія о немъ надлежащихъ справокъ дипломатическимъ путемъ. Но порядокъ этотъ, на общемъ совѣщаніи Павла и его друзей, найденъ былъ неудобнымъ для Амвросія: дѣйствовать чрезъ посредство губернскаго начальства, которое такъ враждебно отнеслось къ предпріятію бѣлокриницкихъ калугеровъ и такъ оскорблено было состоявшимся въ столицѣ рѣшеніемъ по ихъ дѣлу, нашли они опаснымъ, весьма основательно предполагая, что начальство это, чрезъ посредство галицкихъ православныхъ архіереевъ,— карловицкаго митрополита, или черновицкаго епископа, — можетъ войти въ переписку объ Амвросіи съ константинопольскимъ патріархомъ, объяснить ему истинную цѣль амвросіева пріѣзда въ Буковину и этимъ вызвать самого патріарха къ невыгоднымъ отзывамъ объ Амвросіи, что могло ему очень повредить въ глазахъ австрійскаго правительства и пожалуй испортить все, что теперь сдѣлано. Поэтому признали за лучшее, чтобы Амвросію изъ Константинополя ѣхать прямымъ путемъ, по Дунаю, въ

столичный городъ Вѣну, гдѣ, минуя неблагосклонное губернское начальство, могъ онъ самъ представиться столичнымъ властямъ, на благосклонность которыхъ по прежнимъ опытамъ смѣло разчитывали, а чрезъ нихъ и самому императору лично подать о себѣ записку и прочіе документы, со всеподданнѣйшей просьбой о дозволеніи вступить въ свою должность и о принятіи въ число австрійскихъ подданныхъ. Относительно же отъѣзда изъ Константинополя всѣ, и особенно самъ Амвросій, были того мнѣнія, что выѣхать онъ долженъ секретнымъ образомъ, соблюдая всевозможную осторожность, даже подъ чужимъ именемъ, то-есть съ фальшивымъ паспортомъ. Хлопоты насчетъ паспорта и какъ устроить самый отъѣздъ Амвросія приняли на себя благодѣтели-паны. Сопутствовать Амвросію въ путешествіи до Вѣны, изъ опасенія также навлечь какое-либо подозрѣніе, должны были только Павелъ и Огняновичъ, который въ качествѣ переводчика сдѣлался необходимымъ человѣкомъ при особѣ Амвросія и за условленную плату принятъ Павломъ на службу въ этой должности; сына же амвросіева признали за лучшее предварительно отправить въ Боснію, гдѣ жила его супруга, чтобы оттуда вмѣстѣ съ нею онъ пріѣхалъ къ Амвросію уже въ Вѣну, на каковое путешествіе ему и была выдана Павломъ, согласно условію, потребная сумма денегъ.[1])

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ въ разныхъ хлопотахъ и приготовленіяхъ къ отъѣзду. Въ концѣ мая было наконецъ все устроено: выправленъ паспортъ на имя майносскаго казака-некрасовца, взято мѣсто на пароходѣ до Тульчи, гдѣ Амвросій и Павелъ предположили выйти на берегъ, чтобы отдохнуть немного у турецкихъ раскольниковъ и при ихъ посредствѣ выправить для Амвросія болѣе правильный пас-

---

1) Такъ какъ продолжительное путешествіе по восточнымъ странамъ истощило денежный запасъ, взятый Павломъ и Алимпіемъ изъ Бѣлой-Криницы, то на расходы въ Константинополѣ и на проѣздъ до Вѣны взята была значительная сумма у константинопольскихъ друзей (въ числѣ этихъ друзей находился и французскій банкиръ Аліонъ), которая впослѣдствіи возвращена съ благодарностію (см. *Расколъ, какъ орудіе партій*, стр. 11, прим. и 14).

портъ для проѣзда въ Вѣну. Въ назначенный для отъѣзда день Павелъ заранѣе со всѣмъ багажомъ отправился на пароходъ и ждалъ тамъ Амвросія, для котораго занято было мѣсто въ каютѣ втораго класса. Между тѣмъ Огняновичъ и павловы друзья изъ польскихъ пановъ хлопотали, какъ провести Амвросія секретнымъ образомъ на пароходъ. Дѣло это было нелегкое: Амвросій, согласно паспорту, долженъ былъ явиться въ каюту казакомъ-некрасовцемъ, то-есть переряженнымъ въ казацкое платье; а въ такой одеждѣ идти по городу было опасно, потому что могли встрѣтиться знакомые, которыхъ у Амвросія имѣлось довольно. Но опытные въ дѣлахъ подобнаго рода амвросіевы руководители знали, какъ выйти изъ этого затрудненія: переодѣванье они устроили въ одной гостинницѣ, стоявшей на самомъ берегу, близь пароходной пристани; осторожно вывели оттуда переряженнаго Амвросія другимъ выходомъ, прямо на стоявшую у берега лодку, и съ разными предосторожностями благополучно доставили на пароходъ, гдѣ въ большомъ безпокойствѣ ожидалъ ихъ Павелъ [1]. Это, говоря по правдѣ, воровски устроенное бѣгство, во время котораго Амвросій, какъ и слѣдовало, находился въ ужасной тревогѣ, Павелъ впослѣдствіи изобразилъ довольно обстоятельно въ одномъ изъ своихъ посланій къ Геронтію, приписавъ успѣхъ его, разумѣется, Божію покровительству. „*Богъ промыслилъ посредствомъ благодѣтелей нашихъ* (писалъ онъ)! Назначено было одно великое зданіе, заведеніе близь пристани, чтобы въ однѣ ворота войти митрополитомъ, а въ другія выйти казакомъ, прямо на пароходъ: что и учинено было съ великимъ страхомъ и трепетомъ. Переѣхавъ на пароходъ между безчисленнаго множества лодокъ и народовъ, въ странной одеждѣ, закрытъ весь,—едва только видны одни глаза, и притомъ отъ сильнаго зноя подъ зонтикомъ провожавшихъ *пріятелей*,—а я былъ уже на пароходѣ и уготовилъ мѣсто, а онъ, аки плѣнный и трясущійся, введенъ былъ скоро въ

---

1) Надобно полагать, что въ этихъ проводахъ участвовалъ и Гончаровъ, такъ какъ изъ его расказа (въ *Первомъ начатіи*) видно, что въ это самое время онъ находился въ Константинополѣ.

комару (камеру) втораго номера, и аки безчувственъ положенъ въ ложу за занавѣсочку мало отдохнуть и собраться съ духомъ". [1])

Это былъ, по выраженію Павла, „первый подвигъ" Амвросія, за которымъ слѣдовалъ цѣлый рядъ „скорбей и необыкновенныхъ искушеній". Въ самомъ дѣлѣ, злая судьба какъ будто преслѣдовала Амвросія; разныя, крайне опасныя для него случайности какъ будто нарочно слѣдовали одна за другой, чтобы вразумить его, показать ему на первыхъ же порахъ, какія тревоги и огорченія ожидаютъ его неизбѣжно на той фальшивой, незаконной дорогѣ, на которую противъ совѣсти рѣшился онъ вступить. Едва успѣлъ Амвросій „собраться съ духомъ", лежа за своею занавѣсочкой, какъ входитъ въ туже самую каюту и прямо противъ него занимаетъ мѣсто одинъ близко знакомый ему купецъ, который могъ узнать его во всякомъ нарядѣ и по первому слову. Положеніе Амвросія было самое критическое. Оставалось одно средство избѣжать позорной и опасной встрѣчи: не взирая ни на что, оставаться безвыходно за своею занавѣской! И онъ, дѣйствительно, какъ мертвый, почти безъ движенія пролежалъ въ койкѣ все время, пока его знакомецъ былъ на пароходѣ. Къ его счастію это продолжалось лишь немного болѣе сутокъ, потому что купецъ ѣхалъ только до Варны. Павелъ не менѣе Амвросія терзался, видя его безвыходное положеніе и не зная какъ помочь ему. „Неутихшимъ, трясущимся его членамъ (расказываетъ Павелъ) это придало еще жесточайшей сердечной тревоги, такъ что онъ не могъ подняться съ того самаго ложа ни для пищи и питія, ниже для нужды, цѣлый той день и всю нощь до половины другаго дня, доколь пощадилъ его Богъ, что купецъ

---

[1]) Письмо Павла къ Геронтію отъ 8-го іюня 1846 года съ браиловской пароходной пристани. Изъ этого Павлова письма, и другаго, писаннаго къ Геронтію же изъ Вѣны отъ 3-го іюля, мы будемъ главнымъ образомъ заимствовать и дальнѣйшія подробности о путешествіи Амвросія отъ Константинополя до Вѣны. Георгій Амиридисъ, въ письмѣ на имя московскаго духовнаго совѣта, также упоминаетъ, что отецъ его, выѣзжая изъ Царьграда, „перемѣнилъ одежду и какъ простой человѣкъ имѣлъ на голову одно колпакъ болгарски".

той, приставши къ берегу Варны, выступилъ въ городъ. Я былъ сокрушенъ внутренно сугубою болѣзнію во все время того лежанія его безгласнаго, боясь, какъ бы кельнеръ не довелъ до свѣдѣнія капитана, что человѣкъ лежитъ толикое время недвижимъ и безгласенъ, въ сомнѣніи его не только болѣзни, но и самой жизни" [1]). Послѣ этого несчастнаго случая не встрѣтилось никакой непріятности во все время переѣзда до Тульчи; но Амвросій, страшно перепуганный, не смѣлъ уже „никуда ни ходить, ни глядѣть, и ни пить, и ни ѣсть". Павелъ съ Огняновичемъ едва могли убѣдить его выдти на палубу, чтобы подышать чистымъ воздухомъ: здѣсь, выбравши наиболѣе уединенное мѣсто, на самомъ носу парохода, онъ помѣстился, усадивъ около себя обоихъ спутниковъ, и развлекалъ себя только тѣмъ, что „въ малую подзорную трубку непрестанно смотрѣлъ на волны морскія и на идущіе корабли"...

Въ Сулинѣ взошелъ на пароходъ одинъ изъ значительнѣйшихъ тульчанскихъ старообрядцевъ, уже извѣстный намъ Савва Рукавишниковъ: инокъ Павелъ извѣстилъ его письмомъ изъ Константинополя о времени, когда будетъ проѣзжать съ Амвросіемъ, и Рукавишниковъ съ разными гостинцами явился именно привѣтствовать „богодарованнаго владыку" и лично проводить его до Тульчи, гдѣ предложилъ ему помѣщеніе въ своемъ домѣ. Такая внимательность была, конечно, пріятна Амвросію, но не могла успокоить его послѣ испытанныхъ треволненій. А между тѣмъ съ пріѣздомъ въ Тульчу его ожидала новая непріятность. Тамъ изъ павлова же письма къ Рукавишникову случайно узнали о предстоявшемъ пріѣздѣ Амвросія,—и тульчанскіе старообрядцы, вмѣстѣ съ жителями близь лежащихъ некрасовскихъ селеній, задумали устроить ему торжественную встрѣчу, нимало не подозрѣвая, въ какомъ видѣ и съ какими предосторожностями совершалъ плаваніе ихъ „богодарованный архипастырь". Когда пароходъ подъѣзжалъ къ Тульчѣ, весь берегъ покрытъ былъ толпами старообряцевъ обоихъ половъ и всякаго возраста, разодѣтыхъ въ праздничныя платья, а

---

[1]) Письмо къ Геронтію съ браиловской пристани.

впереди всѣхъ старики—общественные депутаты съ хлѣбомъ-солью, и депутація отъ иноковъ Славскаго монастыря, въ которой находился даже Аркадій лаврентьевскій, который этимъ самымъ какъ будто давалъ знать, что успѣхъ, увѣнчавшій предпріятіе инока Павла, поколебалъ нѣсколько его прежнее нерасположеніе къ учрежденію старообрядческой архіерейской каѳедры. Понятно, какъ некстати была эта почетная встрѣча, сколько непріятностей могла она причинить переряженному въ казацкій балахонъ митрополиту. На этотъ разъ только Павелъ своею находчивостью и отважностью спасъ Амвросія отъ бѣды: онъ успѣлъ прежде всѣхъ пассажировъ выдти на берегъ, увлекъ за собою обратно въ городъ толпы некрасовцевъ и такимъ образомъ разстроилъ неумѣстную церемонію встрѣчи; Амвросій же, брошенный имъ на попеченіе Огняновича и Рукавишникова, „поблѣднѣлый и аки мертвый" проведенъ былъ осторожно „задворками" въ хату какого-то старообрядца, уединенно стоявшую гдѣ-то на краю города [1]). Сюда потихоньку,

[1]) Вотъ о всемъ этомъ собственный разсказъ инока Павла въ письмѣ его къ Геронтію: „Боже мой! Мы ѣдемъ отдохнуть въ Тульчѣ и, по необходимости, для перемѣны пачпорта, въ Серякое, ничего того не зная, и даже не рѣшился митрополитъ изъ принесенныхъ Саввою Ивановичемъ гостинцевъ ничего вкусить, доколѣ не внидемъ въ его домъ въ Тульчѣ: а въ Тульчѣ, еще наканунѣ нашего прибытія, отецъ Аркадій, по порученію настоятеля Славскаго монастыря отца Макарія, со многочисленною братіею иноковъ, съ Ссрекой (изъ Сарыкёя) господинъ атаманъ съ общественными людьми и со всѣхъ слободъ старики съ хлѣбомъ и солью для встрѣчи митрополита, и множество по произволенію народа, убранные хорошо, яко на праздникъ, съ женами и дѣтьми, какъ говорится, старые и малые, пріѣздомъ своимъ покрыли Тульчу, и прогремѣло всюду, паче грома! Пароходъ прибѣжалъ къ берегу,—на полчаса не болѣе остановился для высадки, кого надлежало, и скоро всѣ вещи и насъ побуждаютъ перенести на берегъ. Я выскочилъ изъ комары (камеры) на палубу, — и какъ взглянулъ на берегъ, такъ отъ неизъяснимаго ужаса омрачился и не зналъ что̀ вообразить! Эта минута даже подобилась нѣчимъ Моисею при Черномъ морѣ (?): съ парохода капитанъ тотчасъ гонитъ, какъ Фараонъ; а напротивъ, какъ синяя пучина, волнуется полкъ безчисленнаго народа, одинъ другаго угнетая видѣть митрополита! Эта минута не представляла мнѣ сроку ни разсуждать что̀, ни вопить, ни молиться; едва только умомъ безгласно могъ восклинуть (яко вторый Моисей): О, всемогущій Боже! что̀ сотворю? И вдругъ положилъ Господь на мысль: бросить все на пароходѣ, вещи и сущихъ со

одинъ за другимъ пришли къ нему Павелъ, старцы Славскаго скита и выборные некрасовскихъ обществъ съ хлѣбомъ-солью, утѣшали его и просили нимало не безпокоиться, увѣряя, что теперь подъ ихъ защитой онъ совершенно безопасенъ. Это нѣсколько ободрило Амвросія: „онъ мало оживился и обрадовался, чего уже и не надѣялся (расказываетъ Павелъ); однако и тутъ отъ неизъяснимаго бывшаго возмущенія не могъ ничего ни ѣсть, ни пить, а просилъ мало покою отдохнуть“. Впрочемъ, въ виду распространившихся по городу толковъ о пріѣздѣ какого-то загадочнаго лица, которому старообрядцы готовили торжественную встрѣчу, и сами новые покровители и защитники Амвросія признали за лучшее въ тотъ же самый, столь тревожный для нихъ день увезти его изъ Тульчи въ некрасовское селеніе Сары-кёй. Здѣсь, въ домѣ Гончарова, хотя самъ хозяинъ и находился въ отсутствіи [1]), была приготовлена квартира Амвросію и здѣсь онъ первый разъ по выѣздѣ изъ Константинополя вздохнулъ свободно.

Въ Сарыкёѣ Амвросій проживъ болѣе четырехъ сутокъ, частію для того, чтобы доставить утѣшеніе некрасовцамъ, такъ желавшимъ его видѣть, главнымъ же образомъ потому, что нужно было хлопотать о полученіи отъ турецкаго правительства другаго паспорта на проѣздъ въ Вѣну. Въ это время Амвросій часто видался съ почетными сарыкёй-

---

мною, и скорѣе всѣхъ, не ожидая вапорнаго перевозу, закричалъ: подайте лодку! И вскорѣ перескочилъ одинъ ни съ чѣмъ на берегъ въ полкъ народа; поликовался съ отцемъ Аркадіемъ и съ прочими первѣйшими, абіе скорыми шагами пошелъ въ домъ Саввы Ивановича, возгласивъ всѣмъ: „Идите скоро со мною, имѣю вамъ нѣчто предложить весьма нужное; а на пароходѣ нѣтъ ничего моего и со мною нѣтъ никого“. Чудо было зрѣть! весь пароходъ удивился, что это былъ за человѣкъ такой, на коего они почти ни мало не внимали, а вдругъ дивную встрѣчу увидали! Итакъ весь народъ я увелъ за собою, такъ что не осталось никого принять митрополита. И онъ былъ столь пораженъ таковою нечаянностію, что стоялъ поблѣднѣлый, аки мертвый, какъ мнѣ сказывали тѣ, коихъ я послалъ на помощь Саввѣ Ивановичу забрать наши вещи ко мнѣ, а его съ переводчикомъ (Огняновичемъ) отвести задворками на самый край города, къ одному нашему христолюбцу“ (Пис. изъ Браилова).

[1]) Онъ еще не возвратился тогда изъ Константинополя.

скими, также славскими и журиловскими жителями, и нѣкоторыхъ удостоилъ посѣщеніемъ. 31-го числа сарыкёйскіе старики пришли просить его, чтобы посѣтилъ ихъ церковь. Амвросій надѣлъ иноческую одежду, которая заблаговременно была приготовлена для него еще въ Тульчѣ инокомъ Алимпіемъ, и отправился смотрѣть церковь. По улицамъ стояли большія толпы народа, которому хотѣлось посмотрѣть на митрополита. Въ церкви, по сказанію раскольническáго бытописателя, случилось слѣдующее событіе: „Когда взошли во алтарь, митрополитъ взялъ Евангеліе на престолѣ, разгнулъ и сказалъ: „смотрите, чтò тутъ написано.“ Вотъ Серапіонъ старецъ сталъ читать, и бѣ написано: *Господи, се мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебе идохомъ.* Митрополитъ спросилъ: чтò тутъ написано? Толмачъ сказалъ ему: владыко, тутъ написано: *Господи, се мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебе идохомъ.* Митрополитъ весьма удивился, со умиленіемъ, о томъ, что прилучися рѣчь такая.“ Изъ церкви „зашли къ попечителю Евтею,—митрополитъ, и старики, и старцы, и простаго народа множество, и обѣдали тамъ.“ Черезъ день послѣ этого, именно 2-го іюня, опять „собралися всѣ старики и старцы, и простаго народа много, и попросили господина митрополита пройтись по селу. Онъ тотчасъ всталъ и пошелъ съ ними по селу, и вышли на степь, народу множество, — всѣ кланяются.“ [1])

Между тѣмъ въ Бабадагѣ успѣли выправить для Амвросія новый паспортъ. За отсутствіемъ Гончарова, великаго мастера этихъ дѣлъ, о выдачѣ паспорта хлопотали главнымъ образомъ сарыкёйскій атаманъ и Аркадій лаврентьевскій. Имъ удалось выправить паспортъ на имя *башъ-папаса*, чтò, по объясненію Павла, значитъ: „верховный надъ всѣми старовѣрскими попами святитель“; но все-таки въ паспортѣ допущена была ошибка, — неправильно написали собственное имя Амвросія, чего никакъ не случилось бы, еслибъ это дѣло велъ Гончаровъ, который въ своемъ сочиненіи и выражается довольно презрительно о томъ, что не умѣли сдѣлать, какъ слѣдуетъ, такого простаго дѣла. Но

---

[1]) Гончаровъ: *Первое начатіе происшествія.*

Павелъ былъ доволенъ и тѣмъ паспортомъ, какой успѣли получить отъ турецкаго правительства: „спаси Христосъ господина атамана и всѣхъ стариковъ, а наипаче отца Аркадія и отца Евфросина за ихъ благое наставленіе и усердное содѣйствіе.“ [1]).

Теперь можно было отправляться дальше. Присудили не заѣзжать уже въ Тульчу, а проѣхать на лошадяхъ до Браилова и тамъ сѣсть на пароходъ. Послѣ тульчанской исторіи эту дорогу находили безопаснѣе; старики совѣтовали только поосторожнѣе ѣхать мимо Камня, такъ какъ жителей этого селенія считали враждебно расположенными къ принятію епископовъ. 3-го числа Амвросій съ Огняновичемъ и Павломъ выѣхалъ изъ Сарыкёя, весьма довольный сдѣланнымъ здѣсь пріемомъ. Проводы были торжественные: „Собрался весь міръ,—расказываетъ Гончаровъ, и приготовили двѣ подводы: Давыда Аблая и Веденея Чепуру, и Еремея Гапѣева, чтобъ онъ проводилъ митрополита до Браилова и дондеже на пароходъ сядетъ, а на дорогу приготовили рыбы бѣлуги и икры черной. А когда стали выѣзжать, то даже весь міръ собрался, отъ стараго и до малаго, и приказали звонить на выѣздъ ему. Когда сталъ митрополитъ на повозку садиться, *благословилъ всѣхъ*, *и всѣ ему поклонились до земли*, и звонили много, дондеже изъ глазъ скрылися“.

Мимо Камня проѣхали благополучно; но въ Браиловѣ Амвросій не избѣжалъ огорченій и тревогъ, которыми во все время путешествія преслѣдовала его судьба. Пріѣхавъ на браиловскую пристань, во вторникъ, того же 3-го числа, Павелъ къ немалому огорченію своему узналъ, что цареградскій пароходъ ожидается сюда не раньше воскресенья: пришлось такимъ образомъ ожидать его цѣлые пять дней. Жить все это время въ городѣ, или въ карантинѣ, опять нашли неудобнымъ, изъ опасенія какой-нибудь непріятной встрѣчи; а рѣшили дожидаться парохода на противоположномъ отъ города берегу, гдѣ не было никакихъ почти жилыхъ строеній: отыскали какой-то полуразрушеный пустой овечій сарай, и въ нёмъ рѣшились пріютиться. Для Амвросія въ

[1]) Пис. съ браиловской пристани.

этомъ сараѣ очистили особое мѣсто и устлали коврами, такъ что онъ могъ расположиться довольно удобно, а главное, какъ полагали, совершенно безопасно. Между тѣмъ, къ общему удивленію, вскорѣ же начали являться сюда разные посѣтители. Сначала пришелъ какой-то греческій попъ и сталъ просить благословенія у Амвросія, назвавъ его владыкой: его успѣли выпроводить, увѣривъ что никакого владыки тутъ не было и нѣтъ. Потомъ явился какой-то аѳонскій монахъ и также обратился къ Амвросію за благословеніемъ: монаха надѣлили деньгами и также успѣли выпроводить. Однакоже эти нечаянные посѣтители, по выраженію Павла, всѣхъ повергли въ „неизъяснимое недоумѣніе,—что̀ тутъ хощетъ быти!" Еще больше смутилъ Амвросія и всѣхъ его спутниковъ пріѣздъ одного мачинскаго грека, извѣстнаго Павлу и некрасовцамъ своею враждой къ старообрядцамъ, — онъ также расположился станомъ на правомъ берегу Дуная, неподалеку отъ того мѣста гдѣ пріютился Амвросій съ своими провожатыми: Амвросія укрыли въ уголку, занавѣсивъ какимъ-то пологомъ, и съ трепетомъ ожидали непрошеннаго гостя, который, какъ всѣмъ казалось, за тѣмъ нарочно и пріѣхалъ, чтобы накрыть бѣглаго митрополита, такъ какъ могъ узнать о путешествіи Амвросія въ Мачинѣ, гдѣ пришлось останавливаться для прописанія паспортовъ. Страхи и опасенія были однакоже напрасны: грекъ уѣхалъ, не обративъ никакого вниманія на подозрительныхъ людей, укрывавшихся въ полуразрушенномъ сараѣ. Но едва только амвросіева компанія успѣла оправиться отъ причиненной имъ тревоги, какъ случилось обстоятельство, которое повергло Амвросія въ такой уже страхъ, что онъ буквально не зналъ куда дѣваться: тотъ же грекъ опять возвратился на прежнее мѣсто, и притомъ съ какимъ-то близко знакомымъ Амвросію греческимъ архіереемъ, имѣвшимъ при себѣ еще большую свиту! Вотъ что̀ писалъ инокъ Павелъ и объ этомъ событіи и о страшномъ смятеніи Амвросія: „Въ пятницу наисильнѣйше обновленіе ранамъ сердечнымъ, такъ что митрополиту уже недоставало полога во укрытіе, но *влѣзъ въ скотскія ясли и хотѣлъ закопаться въ навозъ и овчія объѣди*. Едва мужественными о

Бозѣ уговорами убѣдили его предаться воли Божіей. А что имянно? Тотъ же бывшій въ среду врагъ, паче всякаго нашего чаянія, явился къ намъ на берегъ опять, но уже не одинъ, а еще съ однимъ епископомъ и съ многими при немъ разными людьми; а этого епископа при недавнемъ времени на поставленіи присутствовалъ въ служеніи и теперешній нашъ митрополитъ и близкій ему знакомецъ. Мы болѣе испугались, какъ сказали намъ, что они прибыли со стороны отъ Тульчи и якобы знаютъ о нашемъ дѣлѣ. Они расположились всею свитой тутъ же на берегу, близь насъ, въ одной корчмѣ, и поѣхали всѣ въ Браиловъ, и оттоль возвратились и пробыли даже до вечера; а мы ни ѣвши, ни пивши, въ неизъяснимой скорби не могли изъ сарая никуда выступить, полагали себя такими, *какъ сѣдящая рыба во мрежи.*"[1]) Впрочемъ инокъ Павелъ, такъ любившій говорить текстами Священнаго Писанія, могъ бы здѣсь болѣе кстати привести слѣдующія изреченія: *бѣгаетъ нечестивый ни единому же гонящу*, и: *тамо убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ.* Ибо оказалось что греческій епископъ и его спутники пріѣзжали въ Браиловъ „по своимъ дѣламъ", объ Амвросіи же и бѣлокриницкихъ дѣлахъ были совсѣмъ „неизвѣстны". Ночью они уѣхали обратно. Это было наканунѣ того дня, когда наконецъ долженъ былъ придти цареградскій пароходъ. Утромъ Амвросій со всѣми спутниками переѣхалъ на другую сторону Дуная, къ пристани, гдѣ въ ожиданіи парохода инокъ Павелъ, „по порученію смиреннаго митрополита Амвросія", написалъ въ Бѣлую-Криницу къ Геронтію посланіе, въ которомъ изложилъ всѣ

---

[1]) Письмо съ браиловской пристани. Гончаровъ въ своемъ *Первомъ начатіи* нѣсколько иначе передаетъ эти обстоятельства со словъ старика Еремея Гапѣева, посланнаго сарыкёйскими некрасовцами проводить Амвросія въ Браиловъ: „Еремей съ Браилова пріѣхалъ и расказывалъ, какой имъ случай злощастный былъ, и какъ митрополитъ хоронился и говорилъ Еремею: я лягу, сказалъ, въ ясли, а ты, Еремей, возми объѣдями меня прикрой. А Еремей убоялся и сказалъ: я не могу этого сдѣлать,—какъ я могу такое лицо въ ясли положить и объѣдями закрыть! Но вмѣсто того взялъ митрополита и Павла и отвелъ въ камышъ." Павелъ, писавшій на другой день послѣ приключенія, надобно полагать, разказалъ его вѣрнѣе.

приключившіяся ему „скорби и искушенія“ на пути изъ Царяграда.

Но скорби и искушенія еще не кончились. На первой же отъ Браилова пароходной пристани, именно въ Силистріи, случилось новое непріятное для Амвросія обстоятельство, дѣйствительно примѣчательное: на пароходъ, въ ту самую камеру, гдѣ находился Амвросій, входитъ опять тотъ греческій купецъ, что̀ такъ напугалъ его въ Константинополѣ, занявъ мѣсто въ одной съ нимъ каютѣ, и заставилъ тогда пролежать болѣе сутокъ *еле жива суща*. Понятно, что и теперь Амвросій пришелъ въ неменьшее смятеніе. Павелъ не расказываетъвъ подробности, какъ на этотъ разъ укрывался бѣглый митрополитъ отъ взоровъ своего знакомца: онъ замѣчаетъ только, что все время ѣхали „какъ сжатые въ клещахъ“ и что „Богъ покрылъ ихъ, — *не позналъ оселъ господина своего!*“ [1]) Вѣроятно Амвросію помогло укрыться то обстоятельство, что и теперь онъ ѣхалъ въ простомъ платьѣ, безъ клобука и рясы, да и плаваніе было довольно безпокойно, такъ что пассажирамъ было не до наблюденія за спутниками: долго пришлось ѣхать въ открытомъ суднѣ, подъ проливнымъ дождемъ, такъ что на австрійскую границу, въ нѣмецкій карантинъ, пріѣхали измоченные поздно ночью.

Австрійскій карантинъ былъ привѣтствованъ Павломъ, какъ надежное убѣжище отъ всѣхъ преслѣдовавшихъ Амвросія опасностей: здѣсь уже Павелъ находился какъ бы въ родной странѣ! Немедленно взялъ онъ особую комнату въ карантинѣ и, отдохнувши, составилъ слѣдующій планъ дальнѣйшаго плаванія по Дунаю, во избѣжаніе непріятной встрѣчи съ безотвязнымъ грекомъ: онъ придумалъ уѣхать съ Амвросіемъ и Огняновичемъ на недѣлю въ Мерадію, подъ предлогомъ пользованія тамошними водами, и для этого кстати выправить для Амвросія здѣсь, въ карантинѣ, нѣмецкій паспортъ, такъ какъ взятый въ Бабадагѣ хотя и былъ написанъ на имя башъ-папаса, но по ошибкѣ въ немъ было поставлено, какъ мы говорили, вмѣсто собственнаго

---

1) Письмо Геронтію изъ Вѣны, отъ 3-го іюля 1846 г.

имени Амвросія какое-то другое. Утромъ всѣ одѣлись какъ слѣдуетъ,—Амвросій даже украсился панагіей,—и Павелъ приступилъ къ исполненію своего плана. „Когда на утро (расказываетъ самъ онъ) вошелъ къ намъ перепищикъ и увидѣлъ старика въ архіерейской одеждѣ и на спросъ извѣстился, что это митрополитъ, вдругъ ужаснулся и самъ себѣ тихо сказалъ: *ахъ сакраменъ*! — и въ ту минуту убѣжалъ. Мы, избѣгая далѣе компаніи своихъ спутниковъ, объявили желаніе ѣхать на теплыя купели въ Мегадію и пробыть тамо недѣлю, до другаго будущаго парохода. Итакъ съ того часа совершенно разрѣшились тѣхъ тягостныхъ клещей“.[1]) Къ пріѣзду новаго парохода Павелъ съ Амвросіемъ и Огняновичемъ дѣйствительно возвратились изъ Мегадіи на австрійскій пограничный карантинъ, и дальнѣйшее плаваніе совершили уже безъ всякихъ непріятныхъ приключеній. Въ Вѣну пріѣхали они 28-го іюня.

VII. Въ Вѣнѣ Павелъ прежде всего поспѣшилъ повидаться съ своимъ старымъ благопріятелемъ и совѣтникомъ г. Дворачкомъ. По всей вѣроятности Дворачекъ и прежде имѣлъ уже отъ Павла извѣстіе о пріобрѣтеніи „желаемаго предмета“ и, конечно, не безъ его совѣта принято было рѣшеніе ѣхать изъ Царяграда прямо въ Вѣну, минуя Черновцы и Львовъ, чтобы дѣло о признанія и утвержденіи Амвросія въ санѣ липовановскаго верховнаго пастыря вести непосредственно въ столицѣ, у здѣшнихъ властей, не входя въ сношенія съ губернскимъ начальствомъ. Теперь Павлу нужна была помощь Дворачка именно въ томъ, чтобы успѣшнымъ образомъ повести это дѣло въ столицѣ. По силѣ императорскаго декрета, отъ 6-го (18-го) сентября 1844 года, требовалось, какъ выше сказано, чтобы правительству представлены были удовлетворительныя свѣдѣнія о личности Амвросія, затѣмъ свѣдѣнія эти имѣли быть провѣрены доиломатическимъ путемъ, и тогда уже, если не возбудится никакихъ сомнѣній насчетъ Амвросія, должно было послѣдовать со стороны правительства и признаніе его въ должности липованскаго епископа и принятіе въ ав-

[1]) Тамъ же.

стрійское подданство. Понятно, что эта процедура дипломатическихъ справокъ была не очень удобна для Амвросія при тѣхъ обстоятельствахъ, какъ оставилъ онъ Константинополь. Поэтому и надлежало теперь позаботиться собственно о томъ, нельзя ли выхлопотать, чтобы правительство утвердило Амвросія въ званіи старообрядческаго епископа и признало австрійскимъ подданнымъ, не наводя справокъ о немъ въ Константинополѣ, а если ужъ безъ этого обойтисъ невозможно, то по крайней мѣрѣ не обращалось бы за ними непосредственно къ патріарху и во всякомъ случаѣ не придавало бы имъ большаго значенія, еслибъ онѣ оказались не вполнѣ благопріятны для Амвросія. Въ этихъ видахъ Дворачекъ находилъ самымъ лучшимъ, если Амвросій теперь же лично представится императору и собственноручно подастъ его величеству прошеніе, со всѣми документами, нужными для удостовѣренія его личности: будучи принятъ торжественно и милостиво самимъ императоромъ, онъ этимъ самымъ много обезопасилъ бы себя даже на случай неблагопріятныхъ для него дипломатическихъ справокъ. А выхлопотать аудіенцію для Амвросія Дворачекъ смѣло надѣялся при посредствѣ тѣхъ высокихъ покровителей, которые съ самаго же начала отнеслись такъ благосклонно къ предпріятію бѣлокриницкихъ калугеровъ и такъ много уже сдѣлали для нихъ.

Ко всѣмъ этимъ благодѣтелямъ Павелъ, въ сопровожденіи Дворачка, и теперь явился на поклонъ, — объяснилъ имъ настоящія обстоятельства своего дѣла, просилъ о продолженіи ихъ высокихъ милостей, о защитѣ Амвросія отъ преслѣдованій патріарха и о доставленіи ему возможности лично представиться всемилостивѣйшему императору. Высокіе покровители приняли его съ прежнею благосклонностію и обѣщали всякую помощь, — самымъ милостивымъ и внимательнымъ изъ нихъ явился и на этотъ разъ эрцгерцогъ Лудвигъ, на мощное покровительство котораго больше всего и возлагалась надежда. [1]) А что касается аудіенціи у

[1]) Это можно видѣть, между прочимъ, изъ письма Дворачка въ Бѣлую-Криницу, писаннаго въ началѣ 1847 года, гдѣ именно говорится о томъ,

императора, то она дѣйствительно обѣщана была безъ всякихъ затрудненій и скоро послѣдовало даже назначеніе времени, когда Амвросій долженъ явиться во дворецъ для представленія его величеству.

Между тѣмъ Дворачекъ, при содѣйствіи Павла и Огняновича, занялся составленіемъ прошенія, которое Амвросій долженъ былъ представить императору, и приведеніемъ въ порядокъ тѣхъ документовъ, которые нужно было приложить къ прошенію. Это были: а) подлинная архіерейская ставленная грамота Амвросія, которая должна была служить удостовѣреніемъ, что Амвросій есть законнопоставленный архіерей: грамота переведена съ греческаго языка на нѣмецкій состоявшимъ при императорской канцеляріи офиціальнымъ переводчикомъ, и переводъ этотъ, засвидѣтельствованный относительно его точности подписью переводчика, приложенъ къ подлиннику;[1] б) документъ, долженствовавшій служить удостовѣреніемъ, что Амвросій и по удаленіи съ босносараевской каѳедры оставался архіеремъ и пользовался архіерейскими правами, то-есть не былъ лишенъ сана и не находился подъ запрещеніемъ: это была также подлинная, выданная Амвросію изъ патріаршей канцеляріи записка, съ дозволеніемъ отслужить литургію въ одной изъ константинопольскихъ церквей, — каковыя записки обыкновенно выдавались проживавшимъ въ Константинополѣ многочисленнымъ безмѣстнымъ епископамъ, если кто изъ нихъ желалъ, или приглашаемъ былъ гдѣ-нибудь служить литургію, такъ что ни одинъ изъ нихъ безъ такой

какъ эрцгерцогъ Лудвигъ интересовался окончаніемъ дѣла о бѣлокриницкой архіерейской каѳедрѣ (письмо это будетъ приведено ниже).

[1] Въ *Бѣлокр. арх.* находится подлинникъ этого перевода, по окончаніи дѣла препровожденный въ монастырь изъ черновицкаго крайзамта. Переводъ весьма тщательно переписанъ самимъ переводчикомъ и скрѣпленъ слѣдующею подписью: Vorliegende Uebersetzung, vom gefertigten Translator selbst verfasst, ist dem griechischen patriarchalischen orig. Ernennugs-Decrete von Wort zu Wort gleichlautend. Urkund dessen meine Amtsfertigung Wien am 18 Julius 1846 Georg Gilany k. k Tolmatsch für die griech. Sprache. Въ *архивѣ* имѣются также списки греческаго текста грамоты и славянскаго перевода, сдѣланнаго Огняновичемъ. Послѣдній напечатанъ Павломъ въ его *Церковной исторіи* (стр. 182—188).

дозволительной записки отправлять священнослуженіе въ области патріарха не имѣлъ права; документъ сей, весьма предусмотрительно сохраненный Павломъ, былъ также переведенъ на нѣмецкій языкъ официальнымъ переводчикомъ, и переводъ приложенъ къ подлиннику; [1]) в) переведенный

---

[1]) Въ *Бѣлокр. арх.* имѣется подлинникъ и этого перевода, на которомъ означено тоже 6-е (18-е) число іюля; есть такъ же списки греческаго текста и славянскаго перевода. Этотъ послѣдній переводъ, не совсѣмъ вразумительно сдѣланный Огняновичемъ, напечатанъ въ павловой *Церковкой исторіи* (стр. 188—189). Настоящій документъ имѣлъ вообще большую важность для Павла, ибо могъ служить не для австрійскаго только правительства, но (что еще важнѣе) и для самихъ старообрядцевъ удостовѣреніемъ, что Амвросій не состоялъ подъ запрещеніемъ священнодѣйствія. И такъ какъ въ документѣ этомъ находилось выраженіе, которое могло подать инымъ поводъ къ недоумѣнію, — именно, что Амвросій долженъ былъ служить литургію „безъ сѣдѣнія священнаго сопрестола" (δίχα τῆς τοῦ ἱεροῦ συνθρόνου ἐγκατιδρύσεος), то Павелъ написалъ къ этому выраженію слѣдующее примѣчаніе: „Безъ сѣдѣнія священнаго сопрестола значитъ то, что въ Царьградѣ патріархъ въ каждой церкви, на случай его службы, имѣетъ свой престолъ на горнемъ мѣстѣ и въ церкви. А потому всѣ служащіе въ Царьградѣ архіереи не могутъ сидѣть на патріаршемъ престолѣ, но подлѣ онаго, на маломъ, то-есть на креслахъ, и въ присутствіи патріарха и безъ присутствія." Для подтвержденія этого, совершенно правильнаго объясненія, Павелъ искусно воспользовался, въ другихъ случаяхъ столь ненавистнымъ для старообрядцевъ, дѣяніемъ Московскаго собора 1667 года: „сіе дѣлается, по силѣ *соборнаго правила*, якоже явствуетъ въ московскомъ соборномъ свиткѣ, учиненномъ греческими патріархи, сице: „еще слухъ намъ есть и „о семъ, яко здѣ въ Россіи, въ божественной литургіи, въ чтеніи апостола „всякій священникъ сѣдитъ на священносопрестолѣ, сирѣчь на горнемъ „мѣстѣ: и то пребеззаконно есть и въ прелюбодѣяніе вмѣняется: зане то „архіерейское мѣсто и сѣдалище есть, и сущій престолъ, и невѣста его; и „не токмо священникомъ, или архимандритомъ (не)подобаетъ сидѣти на горнемъ „мѣстѣ, но *ниже архіереемъ въ чужихъ епархіяхъ, ни въ какой церкви сѣдѣти на горнемъ мѣстѣ, ниже самому патріарху, аще прилучится ему „путешествовати во епархіи митрополита, или епископа своего, не можетъ „сѣдѣти на томъ мѣстѣ*" (собственноручное павлово прим. на славянскомъ переводѣ „дозволенія", писанномъ рукой Огняновича, въ *Бѣлокр. арх.*; правило собора 1667 года см. въ *Дополн. къ акт. ист.* т. V, стр. 468). Въ нѣмецкомъ переводѣ, поданномъ императору Фердинанду, это примѣчаніе Павла не помѣщено; а въ его *Церковной исторіи* напечатано (стр. 189). Нѣкоторые писатели въ настоящемъ документѣ видятъ доказательство того, что Амвросій былъ запрещенъ отъ священнодѣйствія и получилъ отъ патріарха разрѣшеніе „только для отслуженія одной заупокойной литургіи,

по-нѣмецки экземпляръ *формальнаго условія*, заключеннаго Амвросіемъ съ депутатами Бѣлокриницкаго монастыря. Эти документы Дворачекъ находилъ достаточными для устраненія всякихъ подозрѣній со стороны правительства насчетъ личности Амвросія, и въ прошеніи, которое Амвросій долженъ былъ подать императору, онъ находилъ нужнымъ между прочимъ раскрыть именно это значеніе документовъ, дѣлающихъ почти излишнимъ наведеніе справокъ дипломатическимъ путемъ, а вмѣстѣ указать и тѣ обстоятельства, по которымъ эти справки должны быть произведены и приняты съ осторожностію. Вотъ какого именно содержанія было это, общимъ совѣтомъ составленное прошеніе Амвросія:

„По высочайшемъ рѣшеніи отъ 18-го сентября 1844 года, ваше императорское величество всемилостивѣйше позволили старовѣрческому Бѣлокриницкому обществу, состоящему въ Буковинѣ, изыскать, гдѣ восхощутъ, за границей

безъ всякой архіерейской власти (?) и притомъ безъ права входить на архіерейскую каѳедру“; расказываютъ даже что будто бы дозволеніе это, по просьбѣ Павла, добыли „жидовое“ („Костюшька съ своими жидами-факторами“) обманомъ, „посыпавши червонцы довольнымъ количествомъ, составивши ложную духовную“ и пр. (см. *Кн. о промыслѣ* стр. 55—56; Варадинова *Ист. минист. внутр. дѣлъ*, т. VIII, стр. 480). Мы уже замѣтили, что видѣть въ документѣ, выданномъ Амвросію изъ патріаршей канцеляріи что-либо особенное нѣтъ никакого основанія, и что выраженіе *δίχα τῆς του ιερου συνθρόνου εγκατιδρυσεος* правильно объяснено у Павла. А совершенный вымыселъ въ расказѣ, какъ Павелъ будто бы чрезъ посредство Жидовъ успѣлъ добыть Амвросію этотъ документъ, очевиденъ изъ того уже, что дозволеніе выдано изъ патріаршей канцеляріи 8-го марта (въ печатной исторіи Павла ошибочно поставлено 5-го марта), то-есть болѣе чѣмъ за мѣсяцъ до того времени, какъ Павелъ кончилъ переговоры съ Амвросіемъ, когда переговоры эти еще не начинались даже и слѣдственно Павлу съ „Костюшкой и его жидами“ не было никакой надобности хлопотать за Амвросія въ патріаршей канцеляріи и сыпать тамъ червонцами. При томъ же Амвросій, какъ было уже сказано, во время переговоровъ съ Павломъ, на страстной недѣлѣ и на Пасхѣ участвовалъ въ торжественныхъ патріаршихъ служеніяхъ, а незадолго до бѣгства изъ Константинополя участвовалъ въ рукоположеніи того епископа, который своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ такъ напугалъ его въ Браиловѣ: ясно, что Амвросій не находился подъ запрещеніемъ священнослуженія и продѣлки „жидовъ-факторовъ“, чтобы получить ему право отслужить литургію, были совсѣмъ ненужны.

архіерея и имѣть у себя навсегда верховнымъ пастыремъ, никѣмъ отъ иныхъ религій независимаго.

„Вслѣдствіе таковой всевысочайшей милости отправились тотчасъ отъ Бѣлокриницкаго монастыря два посланника — иноки Алимпій Милорадовъ и Павелъ Васильевъ въ державу турецкую, посѣтивше не токмо Турцію европейскую, но и азіятскую, вмѣстѣ и святую землю Іерусалима, и далѣе Аравію и Египетъ, потрудились объ таковомъ дѣлѣ единственно для изысканія таковаго архіерея, какой бы полезенъ былъ старовѣрческимъ обществамъ и *вѣренъ австрійскому государству*.

„При особенныхъ обстоятельствахъ сіи христіане отъ многихъ лѣтъ во угнетеніи отъ великороссійской церкви находились, и при крайней боязни, не избрать бы пастыря, который бы былъ желателемъ соединенія, проискиваемаго отъ русской церкви словами и угнетеніями (?); по желанію же ихъ угодно было милосердію Божію, да азъ, съ глубочайшимъ страхопочитаніемъ нижеподписанный греческій митрополитъ, по правиламъ святыхъ вселенскихъ соборовъ (?) и примѣрамъ святыхъ отецъ (?), къ вышереченному обществу старовѣрцевъ согласился бы быть верховнымъ ихъ пастыремъ на условіи, *учиненномъ 16-го апрѣля 1846 года, иже своеручно мною подписанномъ*".

Затѣмъ излагалась кратко біографія Амвросія, гдѣ особенное вниманіе обращено на поставленіе его въ митрополиты и на обстоятельства его удаленія съ епархіи. Объ этомъ послѣднемъ говорилось, какъ о дѣлѣ противозаконномъ, строго запрещенномъ церковными правилами, и оно-то, вмѣстѣ съ другими якобы „премногими" пороками греческой церкви, выставлено главнымъ побужденіемъ для Амвросія оставить сію церковь и перейти къ старообрядцамъ, якобы строго соблюдающимъ всѣ церковные каноны:

„Наконецъ синодально избранъ я въ Царьградѣ и поставленъ въ митрополита босанскаго, утвержденъ же патріаршею грамотой отъ 9-го сентября 1835 года, *которую при семъ въ подлинникѣ на благоусмотрѣніе вашему императорскому величеству представляю*. Но какъ въ то время въ патріархахъ разныя происходили перемѣны: перемѣненнымъ двумъ патріархамъ, Григорію и Анѳиму никомидійскому, при Анѳимѣ патріархѣ кизическомъ, вызванъ я былъ отъ моей митрополіи въ Царьградъ 1841 года, на мѣсто же мое опредѣленъ по желанію и ходатайству визиря Хусревъ-паши босанскаго, другой митрополитъ Игнатій.

„Такія противозаконныя смѣненія и новыя поставленія епископовъ, еще при жизни перваго, въ христіанскомъ законѣ жестоко воспрещаются, яко духовное есть прелюбодѣяніе. Однако въ греческой церкви уже происходитъ сего премножество, такъ что теперь въ Царьградѣ находится вдовствующихъ шесть патріарховъ и болѣе двадцати митрополитовъ и епископовъ (въ числѣ которыхъ находился и азъ смиренный митрополитъ нижеподписанный). И всѣ таковые іерархи отъ своихъ престоловъ удалены *безъ измѣны сана ихъ* [1]), а на мѣста ихъ другія лица поставлены.

„Я всѣ эти, даже и другія премногія (?) порочныя дѣла греческой церкви во все время моего удаленія отъ своей епархіи съ жалостію и сердечною болѣзнію оплакивалъ; а къ тому и совершенно увѣрился, что всѣ догматы и уставы греческой церкви только у реченныхъ старовѣрцевъ въ своей первой чистотѣ и точности содержатся... И свободенъ будучи, съ твердостію рѣшился принять избраніе реченнаго старовѣрческаго общества въ верховнаго пастыря, видя предъ собою самое явное Божественное Провидѣніе (?), которое меня предназначило дабы лишенное до сихъ поръ священнаго архипастыря оное общество (*числющееся кромѣ австрійскаго царства, въ сосѣдственныхъ державахъ до трехъ милліоновъ*) руководить къ вѣчному блаженства пути“.

Наконецъ Амвросій объясняетъ, почему рѣшился обратиться непосредственно къ императору съ своею просьбой объ утвержденіи его въ этомъ званіи „верховнаго пастыря старовѣрческихъ обществъ“:

„Я, покорнѣйше нижеподписанный, имѣя неограниченную надежду на всевысочайшую милость вашего императорскаго величества, дерзнулъ самъ лично сіе мое прошеніе на степень высочайшаго императорскаго престола принесть, для чего и предпринялъ путешествіе прямо въ Австрію, *не ожидая должнаго о мнѣ и моей непорочности доложенія, дабы въ долгимъ изъясненіемъ не могло случиться со стороны греческой церкви какихъ-либо препятствій*; а какъ совѣсть моя чиста и мое желаніе богобоязливо и смиренно, такъ и я (то я и) увѣ-

---

1) Ниже Амвросій говоритъ объ этомъ еще опредѣленнѣе, относительно себя: „По возваніи моемъ отъ своей митрополіи, я имѣю также въ неизмѣнномъ содержаніи мое высокое священнослуженія достоинство, какъ явствуетъ отъ патріаршаго даннаго мнѣ написанія, 8 марта сего 1846 года, для богослуженія въ Царьградѣ, *которое также подлинникомъ при семъ вашему императорскому величеству представляю.*“

ренъ, что ваше императорское величество, *возмше въ разсужденіе неотложныя церковныя нужды старовѣрческаго общества*, таковое мое дерзновеніе и скорое пришествіе всемилостивѣйше оправдаетъ.

„Еще покорнѣйше прошу, дабы ваше императорское величество благоизволили мнѣ, нижеподписанному, позволить вступить въ кесаро-королевское австрійское подданство, по причинѣ принимаемой мною публичной должности" [1]).

Итакъ просьба Амвросія состояла въ томъ, чтобы всемилостивѣйшій императоръ, не требуя необходимыхъ дипломатическихъ справокъ о немъ, которыя по причинѣ ожидаемыхъ препятствій со стороны греческой церкви могли надолго замедлиться, между тѣмъ какъ старообрядцы имѣютъ крайнюю безотлагательную нужду въ духовномъ пастырѣ, и полагаясь на непосредственно представленныя его величеству объясненія и подлинные документы, удостовѣряющіе личность и епископское достоинство Амвросія, дозволилъ сему послѣднему вступить въ должность „верховнаго пастыря старовѣрческихъ обществъ" и числиться австрійскимъ подданнымъ. Достойно замѣчанія, что здѣсь, въ прошеніи Амвросія, говоря о „старовѣрческихъ обществахъ", Павелъ и Дворачекъ называютъ не однихъ уже буковинскихъ раскольниковъ (какъ было въ *рекурсѣ* и всѣхъ прежнихъ документахъ представленныхъ правительству), но и „старовѣрческія общества сосѣдственныхъ державъ", причемъ живущіе въ этихъ державахъ старовѣры (то-есть собственно раскольники поповскаго согласія) показаны въ огромномъ количествѣ трехъ милліоновъ. Очевидно, изъ сосѣдственныхъ державъ здѣсь разумѣлась преимущественно Россія. Такимъ образомъ теперь найдено нужнымъ и, какъ видно, удобнымъ сдѣлать предъ правительствомъ, хотя и косвеннымъ образомъ, заявленіе, что Амвросій долженъ быть верховнымъ пастыремъ не австрійскихъ только, но и огромнаго количества живущихъ въ Россіи старообрядцевъ...[2])

[1]) „Копія съ переводу на русскій языкъ съ митрополитскаго прошенія", собственноручно писанная Павломъ (*Бѣлокр. архивъ*). Этотъ самый переводъ напечатанъ и въ павловой *Церковной исторіи* (стр. 190—197).

[2]) Впослѣдствіи русскимъ правительствомъ обращено было особенное вниманіе именно на это мѣстоамвросіэва прошенія, гдѣ идетъ рѣчь о трехъ

Аудіенція у императора назначена была на 11-е іюля. Амвросій съ самаго пріѣзда въ Вѣну чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ, быть-можетъ вслѣдствіе разныхъ испытанныхъ имъ во время путешествія тревогъ; но торжественная церемонія представленія императору и оказанные ему знаки особеннаго высочайшаго вниманія произвели на него такое пріятное впечатлѣніе, что даже прошла и болѣзнь. „Когда пріѣхали во дворецъ (повѣтствуетъ Павелъ), то неизъяснимое великолѣпіе царскихъ чертоговъ и предстоящихъ отъ разныхъ полковъ генераловъ, разсыпало всю дряхлость господина митрополита"; а когда онъ возвратился изъ дворца, отличенный особеннымъ императорскимъ вниманіемъ въ присутствіи блестящаго генеральскаго собранія, то и „совершенно сталъ здоровъ". Представленіе было дѣйствительно очень торжественное и вниманіе Амвросію было оказано большое. Когда предъ выходомъ императора выстроился въ пріемной залѣ „цѣлый полкъ разныхъ чиновъ", то Амвросій съ сопровождавшими его Павломъ, Дворачкомъ и Огняновичемъ смиренно стали на послѣднихъ мѣстахъ; но явившійся изъ императорскихъ покоевъ распорядитель аудіенціи „съ великимъ почтеніемъ" взялъ ихъ и поставилъ „на самое первое мѣсто", впереди всѣхъ предстоящихъ. Такимъ образомъ митрополитъ Амвросій былъ первымъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ на аудіенціи высокихъ особъ, къ кому обратился императоръ Фердинандъ, какъ только вступилъ въ пріемную залу. Амвросій въ краткихъ словахъ изложилъ сущность своей просьбы, которую тутъ же и вручилъ его величеству „со всѣми принадлежащими актами": императоръ весьма благосклонно выслушалъ Амвросія, принялъ бумаги „и обнадежилъ, что *по справкѣ* всевозможное удовлетвореніе самого его и старовѣрцевъ учинено будетъ" [1]).

милліонахъ старообрядцевъ „сосѣдственныхъ съ Австріей державъ", и поставлено на видъ австрійскому правительству, что такое прошеніе, очевидно касавшееся россійскихъ подданныхъ, было имъ принято и уважено (см. *Сбор. Кельс.* I, стр. 151).

[1]) Письмо Павла къ Геронтію, изъ Вѣны, отъ 27-го іюля.

Понятно, что это милостивое вниманіе одного изъ могущественныхъ государей Европы и вся вообще обстановка аудіенціи должны были сильно поднять духъ Амвросія, который еще такъ недавно, изъ опасенія быть узнаннымъ, рядился въ казацкое платье и трепеталъ встрѣчи съ какимъ-нибудь греческимъ купцомъ, или монахомъ: теперь только, выходя изъ императорскихъ чертоговъ, могъ онъ увѣриться, что дѣло, въ которое увлекъ его Павелъ, не сонъ и не мечта.... Въ этомъ убѣждали его и другія обстоятельства. Послѣ аудіенціи у императора Павелъ и Дворачекъ ѣздили съ нимъ къ одному изъ сановныхъ покровителей, помощь котораго была особенно нужна въ предстоящихъ „справкахъ“,—тайному совѣтнику Вайсу: „и тотъ *съ превеликимъ удовольствіемъ* всевозможное содѣйствіе обѣщалъ“ [1]). Потомъ Амвросій представился и всѣмъ другимъ высокимъ покровителямъ бѣлокриницкаго братства, — всѣ также приняли его съ большимъ вниманіемъ и предупредительно обѣщали содѣйствовать скорѣйшему утвержденію его въ новомъ званіи липованскаго верховнаго святителя [2]). Дворачекъ, знакомый съ обычаями высокихъ особъ, объяснилъ Павлу, что всѣ тѣ сановники, которымъ представлялся Амвросій, непремѣнно сдѣлаютъ ему и съ своей стороны визитъ. Все это было, разумѣется, весьма лестно для Амвросія и Павла; но послѣдній нѣсколько смущался предстоящими визитами вельможъ, которые требовали и умѣнья принять и даже не малыхъ расходовъ. А между тѣмъ по пріѣздѣ въ Вѣну Павелъ уже началъ нуждаться въ деньгахъ. Правда, Геронтій успѣлъ ему выслать сюда банковый билетъ въ 400 р. сер.; но что̀ значила эта ничтожная сумма при вѣнскихъ расходахъ! „Нашъ агентъ говоритъ (писалъ по сему случаю Павелъ къ Геронтію), что всѣ тѣ высокія лица взаимно бу-

---

1) Тамъ же.

2) Геронтій въ *Памятникѣ*: „по приличію своего достоинства благодѣтельнѣйшимъ лицамъ въ содѣйствіи нашему монастырю помощи далъ (Амвросій) благодарственный визитъ“. Въ показаніяхъ Геронтія и другихъ, взятыхъ съ нимъ лицъ, также говорится, что Амвросій въ Вѣнѣ „представлялся *главнымъ властямъ* и австрійскому императору“ (*Сбор. Кельс.* ч. I, стр. 149).

дутъ къ новоприбывшему митрополиту на квартиру: вотъ для насъ другая, новая задача! Какая должна быть наша квартира и каковъ будетъ таковыхъ лицъ нашъ пріемъ! По таковымъ-то обстоятельствамъ сколько въ прожитіи время и какія издержки потребуетъ отъ насъ Вѣна—не знаемъ. И присылки еще денегъ отъ васъ просить надо; а сколько просить не знаю: ибо такія необычайныя дѣла въ цѣломъ моемъ вѣкѣ отнимаютъ теперь всю мою на соображеніе возможность" [1]).

Итакъ первое время по пріѣздѣ въ Вѣну все шло удачно, и Амвросій хорошо себя чувствовалъ; но потомъ явились и кое-какія огорченія. Такъ вскорѣ же послѣ аудіенціи у императора Павелъ сильно занемогъ и болѣе двухъ недѣль пролежалъ въ постели. Эта Павлова болѣзнь весьма огорчила Амвросія, ибо онъ ясно видѣлъ что Павелъ есть душа всего дѣла, въ которомъ ему, Амвросію, пришлось принять такое близкое участіе,—что не будь Павла, все это дѣло можетъ легко разрушиться и тогда онъ, Амвросій, будетъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Безпокоило Амвросія и то еще, что съ тѣхъ поръ, какъ отпустилъ сына въ Боснію, не получалъ отъ него никакихъ извѣстій. „Однако (писалъ Павелъ) господинъ митрополитъ нестолько сожалѣетъ о сынѣ, какъ скорбитъ за мое нездоровье, все время не выходитъ вонъ изъ покоевъ, не хощетъ никуда ходитъ и ничего смотрѣтъ безъ меня; а о сынѣ хотя не слышитъ, но полагаетъ, что причинитъ ему какого-либо вреда не могутъ; ибо той человѣкъ посторонній, поѣхалъ гласно, по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ." [2]) Но эти огорченія скоро прошли: Павелъ выздоровѣлъ; вскорѣ затѣмъ прилетѣлъ „изъ своего гнѣздышка", изъ Бѣлой-Криницы, „ясный соколъ" — отецъ Алимпій, не задолго передъ тѣмъ возвратившійся изъ Россіи, съ деньгами

---

[1]) Пис. изъ Вѣны отъ 3-го іюля. О полученіи денегъ говорится въ томъ же письмѣ: „на другой день (по пріѣздѣ въ Вѣну) получили любезное и пріятное ваше начертаніе, съ приложеніемъ векселя на 400 серебромъ, за что приносимъ вамъ чувствительную нашу благодарность".

[2]) Письмо изъ Вѣны, отъ 27 іюля.

и на помощь больному Павлу;[1]) а вслѣдъ за нимъ благополучно пріѣхалъ и Георгій Амиридисъ съ женой.[2])

Всего непріятнѣе было то обстоятельство, что дѣло о признаніи Амвросія въ должности липованскаго святителя и о принятіи его въ австрійское подданство шло не совсѣмъ такъ, какъ желалъ Павелъ, и значительно замедлилось. Императоръ Фердинандъ обѣщалъ Амвросію на аудіенціи удовлетворить его просьбу, но не иначе какъ „по справкѣ". Избѣжать этой формальности, которая такъ ясно указана въ собственномъ императорскомъ декретѣ отъ 6 (18го) сентября 1844 года, такимъ образомъ не представлялось никакой возможности. Нужно было позаботиться по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы при наведеніи справокъ были обойдены наиболѣе опасныя для Амвросія обстоятельства. Этого, при помощи Дворачка и благодаря покровительству высокихъ сановниковъ, Павелъ успѣлъ достигнуть: австрійскому консулу въ Константинополѣ предписано было навести въ патріаршей канцеляріи справки относительно правильности только тѣхъ свѣдѣній, какія сообщилъ о себѣ самъ Амвросій, то-есть дѣйствительно ли онъ поставленъ былъ въ митрополиты на босно-сараевскую каѳедру и по удаленіи съ сей каѳедры дѣйствительно ли оставленъ въ санѣ митрополита безъ запрещенія священнодѣйствовать, также не состоитъ ли подъ судомъ за какія-либо преступленія; но консулу не поручалось спрашивать о томъ, съ разрѣшенія

---

[1]) О поѣздкѣ его въ Россію и возвращеніи оттуда незадолго предъ симъ есть упоминаніе въ павловомъ письмѣ къ Геронтію отъ 27-го іюля, изъ Вѣны: „Я едва пустилъ письмо на почту, приноситъ разнощикъ вожделѣнное ваше письмо и распечатавъ наипаче обрадовался, увидя пріятное начертаніе возлюбленнаго моего *спутника и сподвижника, яко уже прилетѣлъ мой ясный соколъ въ преблагословенное наше гнѣздышко*".

[2]) Георгій Амиридисъ, расказывая о дѣяніяхъ отца, говоритъ между прочимъ: „родитель мой вкупѣ съ покойнымъ Павелъ сѣдѣли въ пароходъ и присли прямо въ Вѣну; азъ же сухопутемъ отъ Константинополя поѣхалъ въ Босну, чтобъ отъ-тамъ взялъ мою супругу, и присли и мы въ Вѣну, гдѣ тамъ насли моего покойнаго родитела и покойнаго Павла *и отца Алимпій, и въ Вѣну были три мѣсяца*" (Пис. въ моск. дух. совѣтъ, 7-го декабря 1864 г.). Изъ этого указанія именно слѣдуетъ, что Георгій Амиридисъ пріѣхалъ въ первыхъ числахъ августа, а Алимпій нѣсколько раньше.

ли патріарха Амвросій уѣхалъ изъ Константинополя и не имѣется ли вообще со стороны церковнаго правительства какихъ препятствій къ тому, чтобы Амвросій занялъ архіерейскую каѳедру именно у буковинскихъ раскольниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ австрійскому консулу внушено было даже наблюсти осторожность, чтобы собираніемъ свѣдѣній объ Амвросіи не возбудить какого подозрѣнія со стороны русскаго консульства.[1]) По всему этому справки объ Амвросіи, которыя долженъ былъ собрать въ Константинополѣ австрійскій консулъ, были не особенно страшны для Павла; — притомъ же онъ не преминулъ, конечно, увѣдомить и цареградскихъ пріятелей, пана Чайковскаго съ товарищами, чтобы поруководствовали консула, какъ исполнить данное ему порученіе не во вредъ будущей бѣлокриницкой митрополіи. Но непріятна и тяжела была проволочка дѣла: проходили недѣли и мѣсяцы, а нетерпѣливо ожидаемыхъ изъ Царяграда бумагъ не присылалось!

Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, какъ тянулось это дѣло, Павелъ не разъ являлся къ высокимъ покровителямъ съ слезными просьбами — войти въ бѣдственное положеніе липованскихъ обществъ, имѣющихъ такія „неотложныя духовныя нужды", отпустить къ нимъ богодарованнаго ихъ епископа, и если до полученія необходимыхъ справокъ невозможно принять Амвросія въ австрійское подданство, то по крайней мѣрѣ дать ему законное дозволеніе отправиться въ Бѣлую-Криницу и вступить тамъ въ отправленіе своихъ пастырскихъ обязанностей. Этого онъ успѣлъ наконецъ достигнуть: въ императорско-королевской тайной придворной и правительственной канцеляріи (die k. k. geheime Hof- und Staatskanzley) состоялось относительно поданной Амвросіемъ просьбы постановленіе, что ему, Амвросію,

---

1) Въ этомъ отношеніи дѣло ведено было вообще такъ искусно, что наша миссія въ Константинополѣ стала наводить справки объ Амвросіи уже только въ 1847 году, вслѣдствіе предписаній изъ Петербурга, а до тѣхъ поръ, какъ видно, о бѣгствѣ Амвросія къ буковинскимъ раскольникамъ ничего не знала.

„позволяется ожидать окончательнаго рѣшенія по своему дѣлу въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ и тамъ (пока не получится настоящее утвержденіе) отправлять святительскія обязанности согласно высочайшему опредѣленію отъ 18го сентября 1844 года.“ [1]) Объ этомъ рѣшеніи соединенная императорско-королевская канцелярія (die vereinigte k. k. Hof-Kanzley) дала знать галицко-лодомірскому губернскому правленію декретомъ отъ 3го (15го) ноября 1846 года. Прежде нежели этотъ декретъ былъ изданъ и посланъ въ губернію, Амвросій, получивъ словесное дозволеніе, отправился на мѣсто своей новой службы. Въ первыхъ числахъ октября, сдѣлавъ прощальные, „благодарственные“ визиты высокимъ особамъ, онъ выѣхалъ изъ Вѣны вмѣстѣ съ Павломъ, Огняновичемъ, сыномъ и невѣсткой (Алимпій уѣхалъ изъ Вѣны гораздо раньше). Останавливались на короткое время только во Львовѣ и Черновцахъ: отсюда, въ трехъ почтовыхъ экипажахъ, направили путь къ Бѣлой-Криницѣ, гдѣ уже приготовлена была Амвросію торжественная встрѣча.

---

[1]) Декретъ соединенной гоф-канцеляріи галицкому губернскому правленію отъ 3-го (15-го) ноября 1846, № 34.987 (*Бѣлокр. архивъ*). Вотъ подлинный текстъ этого опредѣленія, противъ котораго впослѣдствіи протестовало русское правительство (См. *Сборн. Кельс.* I, стр. 151): demselben (Ambrosius) die Bewilligung ertheilt, die Entscheidung über sein Besuch im Kloster zu Bialokrinitza abzuwarten, und dort (ohne jedoch hiervon ein Recht für die Zukunft abzuleiten) die Functionen eines Weihbischofs, nach der h. v. Entschlissung vom 18 September 1844, auszuüben.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I. Приготовленія къ встрѣчѣ Амвросія въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ; церемонія встрѣчи; впечатлѣніе, произведенное Амвросіемъ на буковинскихъ липованъ. II. Приготовленія къ чинопріятію Амвросія: сочиненія по вопросу о чинопріятіи епископа, составленныя Павломъ въ 1841 году, — ихъ содержаніе и мнѣнія, по поводу ихъ высказанныя въ старообрядческихъ обществахъ. III. Новое сочиненіе Павла по тому же вопросу, — его содержаніе и цѣль. IV. Опредѣленіе о чинопріятіи Амвросія, состоявшееся на собраніи въ Славскомъ скиту; пріѣздъ ясскихъ депутатовъ въ Бѣлую-Криницу; возникшія здѣсь опасенія и затрудненія относительно предстоявшаго амвросіева чинопріятія. V. Рѣшеніе вопроса о чинопріятіи Амвросія на бѣлокриницкомъ соборѣ: описаніе происходившаго на соборѣ, составленное Павломъ, и достовѣрныя о семъ сказанія; невольное подчиненіе Амвросія соборному рѣшенію. VI. Принятіе Амвросія отъ церкви въ расколъ; празднество по сему случаю въ Бѣлой-Криницѣ.

I. Въ то время, когда инокъ Павелъ совершалъ свои подвиги ради возстановленія „древлеправославной" іерархіи, странствуя по восточнымъ странамъ, проживая въ Костантинополѣ и Вѣнѣ,—инокъ Геронтій съ своей стороны занимался приведеніемъ Бѣлокриницкаго монастыря въ приличное для будущей епископіи устройство. Съ особеннымъ прилежаніемъ занялся онъ этимъ дѣломъ, когда получилъ изъ Царяграда утѣшительное извѣстіе о заключеніи письменныхъ условій съ босносараевскимъ митрополитомъ Амвросіемъ. Такъ какъ возведеніе большаго рахмановскаго дворца, гдѣ предполагались покои для будущаго „владыки", еще не было и начато, то Геронтій озаботился, вопервыхъ, приличнымъ устройствомъ временнаго помѣщенія для митрополита Амвросія. Для сего предназначался незадолго передъ тѣмъ построенный небольшой деревянный домикъ о шести комнатахъ, о которомъ мы уже упоминали выше: въ немъ четыре комнаты отдѣлены были собственно для помѣ-

щенія Амвросія, а двѣ остальныя назначены, для переводчика и для инока Павла, постоянное присутствіе котораго при особѣ Амвросія, въ званіи его письмоводителя, а на самомъ дѣлѣ въ качествѣ управляющаго всѣми церковно-іерархическими дѣлами старообрядцевъ, считалось необходимымъ. Другою заботой Геронтія было приготовить помѣщеніе для амвросіева сына съ семействомъ. По заключеннымъ въ Константинополѣ условіямъ, монастырь обязанъ былъ купить для него домъ въ полную его собственность; но на первый разъ Геронтій нашелъ удобнѣйшимъ предоставить въ распоряженіе Георгія Амиридиса монастырскій двухъэтажный деревянный домъ, извѣстный подъ именемъ дунина. Домъ этотъ былъ уже довольно старъ; но Геронтій обновилъ его, вновь оштукатурилъ и выбѣлилъ; помѣщеніе въ немъ было просторное, — изъ семи комнатъ; а главное удобство состояло въ томъ, что онъ находился у самой монастырской ограды, такъ что Георгій могъ во всякое время бывать у отца. Тогда же Геронтій нашелъ нужнымъ съѣздить еще разъ въ Москву. Правда, въ Москву уже ѣздилъ не задолго предъ тѣмъ для сообщенія извѣстій о пріобрѣтеніи епископа инокъ Алимпій, который даже привезъ оттуда устроенное, по усердію московскихъ раскольниковъ, полное архіерейское облаченіе для Амвросія и другія необходимыя при архіерейской службѣ принадлежности. Но и самъ Геронтій считалъ нелишнимъ повидаться съ московскими благотворителями для совѣщанія въ настоящихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и для пріобрѣтенія новыхъ пожертвованій на предстоящіе многочисленные расходы. Имѣлъ Геронтій и еще одно важное побужденіе побывать тогда въ Москвѣ. Дѣло касалось именно священ-

[2]) Вотъ что̀ пишетъ о помѣщеніи Амвросія и его сына самъ Геронтій въ своемъ *Памятникѣ*: „Святитель въ монастырѣ занялъ деревянный подъ штукатуркой домъ, кромѣ прихожихъ сѣнецъ при шести покояхъ, имѣя при себѣ постоянно четыре лица: переводчика и монастырскаго письмоводителя, иже и путешествію его высокопреосвященства виновенъ бѣ, и двѣ прислуги — повара и постельника. А сыну его съ семействомъ отъ монастырской ограды на сельской улицѣ отведенъ двухъэтажный о седми покояхъ домикъ, такожде подъ штукатуркой деревянный.“ (*Рук., писанная въ Шлиссельбургѣ.*)

ноинока Іеронима, который долженъ былъ совершить пріятіе Амвросія отъ церкви въ расколъ. Мы говорили уже, что относительно самого Іеронима существовало сомнѣніе, дѣйствительно ли получилъ онъ исправу отъ мануиловскаго попа Алексѣя, такъ какъ этотъ послѣдній долгое время отвѣчалъ уклончиво на вопросы о чинопріятіи Іеронима, хотя и далъ наконецъ письменно утвердительный отвѣтъ. Толки поповоду этихъ уклончивыхъ отзывовъ попа Алексѣя, невполнѣ утихшіе и въ бѣлокриницкомъ старообрядческомъ обществѣ, могли дойти до русскихъ старообрядцевъ и здѣсь еще скорѣе возбудить сомнѣнія насчетъ исправы Іеронима, а затѣмъ и насчетъ исправы самаго Амвросія, что̀ повлекло бы послѣдствія крайне непріятныя для учредителей бѣлокриницкой іерархіи. И такія сомнѣнія, какъ видно, уже существовали у русскихъ старообрядцевъ, — по крайней мѣрѣ московскіе, при свиданіи съ Алимпіемъ, прямо сказали этому послѣднему, что хорошо бы онъ сдѣлалъ, еслибы привезъ Іеронима въ Москву для окончательной исправы отъ котораго-нибудь изъ существовавшихъ на Рогожскомъ кладбищѣ бѣглыхъ поповъ и священноиноковъ. Отпустить въ Москву Іеронима, человѣка не отличавшагося трезвостью, съ такимъ провожатымъ, какъ инокъ Алимпій, самого Павла выводившій изъ терпѣнія своими поступками въ хмѣльномъ видѣ, Геронтій нашелъ небезопаснымъ, и поэтому-то главнымъ образомъ рѣшился, не смотря на всѣ недосуги, самъ отправиться съ Іеронимомъ въ Москву. Рахмановы и другіе московскіе радѣтели заграничной іерархіи приняли Геронтія, какъ и всегда, съ большимъ вниманіемъ, — удовлетворили всѣ его просьбы; что же касается Іеронима, то его принялъ къ себѣ на духъ извѣстный всѣмъ московскимъ раскольникамъ того времени священноинокъ Иларій, и этого въ глазахъ старообрядцевъ было вполнѣ достаточно, чтобы отселѣ считать Іеронима „безсумнительно“ принятымъ въ старообрядчество.[1])

---

1) Объ исправѣ Іеронима священноинокомъ Иларіемъ говорится между прочимъ въ раскольническомъ *Краткомъ извѣстіи о буковинскихъ христіанѣхъ* (рук. М. Д. А.). Не упоминая о чинопріятіи отъ попа Алексѣя, авторъ этого *извѣстія* обращаетъ особенное вниманіе именно на то, что Іеронимъ

Геронтій на этотъ разъ въ Москвѣ пробылъ недолго: онъ спѣшилъ въ Бѣлую-Криницу, гдѣ его присутствіе было необходимо, тѣмъ болѣе что амвросіева пріѣзда тамъ ожидали въ непродолжительномъ времени.[1]) Прощаясь съ нимъ, Рахмановы выразили желаніе, что хорошо было бы кому-нибудь изъ московскаго старообрядческаго общества самолично присутствовать при торжественномъ прибытіи Амвросія въ Бѣлую-Криницу и при совершеніи надъ нимъ чинопріятія. У нихъ имѣлся въ виду и способный на то человѣкъ — шуринъ Досужева, тогдашняго попечителя Рогожскаго кладбища, В. В. Борисовъ, который въ это время находился въ Чернобольскомъ монастырѣ на богомольѣ. Рахмановы поручили Геронтію заѣхать въ Черноболь, повидаться съ Борисовымъ, объявить ему о желаніи московскаго общества и пригласить его вмѣстѣ отправиться за границу. Все это Геронтій исполнилъ въ точности; онъ и съ своей стороны очень упрашивалъ Василья Васильевича съѣздить въ Бѣлую-Криницу; но этотъ послѣдній, несмотря на все желаніе быть свидѣтелемъ великаго, невиданнаго у старообрядцевъ торжества, ѣхать не рѣшился: его, привыкшаго къ покойной и привольной жизни, очень напугали расказы Іеронима о трудностяхъ и опасностяхъ секретной переправы черезъ границу.[2])

былъ принятъ Иларіемъ, и для сообщенія пущей важности этому обстоятельству прибавляетъ, что самъ Иларій принятъ былъ на Иргизѣ, въ монастырѣ, въ 1818 г., и когда въ 1848 г. умеръ (отъ холеры), то его тѣло черезъ три года найдено еще непредавшимся тлѣнію. А между тѣмъ объ этомъ раскольническомъ праведникѣ извѣстно, что онъ находился въ связи съ сестрою настоятельницы раскольнической Игнатьевой обители (въ Комаровскомъ скиту, семеновскаго уѣзда нижегородской губерніи) — матери Александры, инокиней Елизаветой, и имѣлъ отъ ней дочерей (о похожденіяхъ Иларія см. у П. И. Мельникова въ *Очеркахъ поповщины: Русскій Вѣст.*, т. LXIII, стр. 58—61).

[1]) Это и самъ онъ показалъ на допросѣ 20-го іюня 1847 года: „въ 46 году, по возвращеніи нашихъ пословъ въ Вѣну съ обрѣтеннымъ желаемаго нами святителя, я поспѣшилъ въ Москву.... и возвратился *вскорѣ* во свое мѣсто и ускорилъ встрѣтить митрополита“ (*Чт. Общ. ист. и древн.* 1871, кн. IV, отд. V, стр. 148).

[2]) Вотъ его собственныя слова объ этомъ: „Геронтій совсѣмъ было уговорилъ меня ѣхать съ нимъ; но Іеронимъ, бывшій подъ хмѣлькомъ, выска-

12-го (24-го) октября 1848 года, Амвросій со всею свитой пріѣхалъ въ Черновцы. Павелъ немедленно извѣстилъ объ этомъ Геронтія, и тогда же Геронтій сдѣлалъ распоряженія относительно торжественной встрѣчи митрополиту, по заранѣе условленному плану. Впослѣдствіи, сидя въ Шлиссельбургской крѣпости, онъ съ восторгомъ вспоминалъ всѣ подробности этого достопамятнаго для старообрядцевъ событія и описалъ ихъ съ своимъ обычнымъ витійствомъ, изукрасивъ притомъ вымыслами собственной фантазіи, которые, быть-можетъ, и самъ уже принималъ тогда за дѣйствительность.[2]) Обстоятельства сдѣланной Амвросію встрѣчи въ Бѣлой-Криницѣ мы изложимъ сначала по геронтіеву разсказу.

До сорока человѣкъ бѣлокриницкихъ и климоуцкихъ молодыхъ липованъ верхами, подъ предводительствомъ дворника, встрѣтили амвросіевъ поѣздъ за двѣ мили отъ Бѣлой-Криницы, на поворотѣ съ большой (царской) шоссейной дороги, и, окруживъ экипажъ Амвросія, провожали его до самаго селенія. Здѣсь, какъ только показался поѣздъ, на обѣихъ колокольняхъ, и сельской и монастырской, начался торжественный звонъ: все бѣлокриницкое и климоуцкое населеніе вышло смотрѣть на небывалое зрѣлище — пріѣздъ старообрядческаго архіерея. „Егда показася экипажа верхъ, четвероконнаго дилижанса, четыредесятію конныхъ всадникъ сельской дружины, подъ руководствомъ сельскаго дворника, окружаемый, при двухъ церковныхъ храмахъ часто заго-

---

завъ искренно всю опасность путешествія, рѣшительно меня разстроилъ: батюшка! ради Христа не ѣзди, — говорилъ онъ, — это такой страхъ, что Боже упаси! я самъ испыталъ. Когда въ первый разъ переходилъ границу, такъ огромный стаканъ водки хватилъ, и то не помогло, куда и хмѣль дѣвался! Дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, когда пришлось ползти на четвереньках версты три! Да ты умрешь сотраху. Я врагу моему не пожелаю, — ужь развѣ кому отъ бѣды“. (*Поѣздка за мгромъ. Рус. Вѣст.* т. L, стр. 46, примѣч.).

2) Двадцатилѣтнее одиночное заключеніе дѣйствительно очень вредно отозвалось на Геронтіи, всегда имѣвшемъ склонность къ мистицизму: написанныя имъ въ Шлиссельбургской крѣпости сочиненія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носятъ очевидные слѣды невполнѣ нормальнаго состоянія умственныхъ способностей.

ворили колокола: *нынче праздникъ — завтра праздникъ*, *нынче праздникъ — завтра праздникъ*, и надолзѣ часто такъ твердили.... Народъ же двухъ ближайшихъ селъ весь, яко вторымъ на землю Спасителя нашего Iсуса Христа приходомъ возбужденъ (!), отъ старца до ссущаго младенца, на рукахъ матернихъ несома, тревожно на встрѣчу преосвященнѣйшаго своего владыки (идяше), спѣшно другъ друга предворяя"....[1]) Поѣздъ направился первоначально къ приходской сельской церкви: здѣсь ожидали Амвросія священноинокъ Iеронимъ, „въ облаченіи, съ крестомъ, и весь освященный причетъ (?) со свѣщами и хоругвями".[2]) Какъ только Амвросій вышелъ изъ экипажа, народъ, стоявшій около церкви, „по обычаю своего привѣта, весь ницъ на землю падъ, поклонися ему". Амвросій вслѣдъ за Iеронимомъ вошелъ въ церковь, приложился къ мѣстнымъ иконамъ и обратясь къ народу сказалъ: „миръ всему православію сему; народъ же взаимно благодарностію отвѣща: и духови твоему, преосвященнѣйшій владыко! таже, паки ницъ падше, поклонися".[3]) Изъ приходской церкви Амвро-

---

[1]) *Памятникъ* Геронтія. И здѣсь уже, въ описаніи торжественной встрѣчи Амвросія, Геронтій, по безпамятству или можетъ-быть намѣренно, желая придать больше торжественности описуемому событію, излагаетъ его не совсѣмъ вѣрно. Такъ самый пріѣздъ Амвросія въ Бѣлую-Криницу онъ отнесъ не къ 12-му, а къ 4-му октября, ко дню „обрѣтенія честныхъ мощей Гурія и Варсонофія казанскихъ чудотворцевъ, наканунѣ же святыхъ тріехъ святителей Петра, Алексія и Iоны московскихъ митрополитовъ", и указалъ въ этомъ обстоятельствѣ тотъ знаменательный смыслъ, что Амвросій есть „преемникъ сихъ первопрестольныхъ Россіи святителей". Краткая, но вполнѣ вѣрная запись о пріѣздѣ Амвросія въ Бѣлую-Криницу и объ устроенной ему встрѣчѣ сдѣлана Павломъ въ *Памятникѣ происходящихъ дѣлъ* Бѣлокриницкаго монастыря, который этою записью и начинается. Этотъ, весьма важный для исторіи Бѣло-Криницкой іерархіи документъ, мы печатаемъ вполнѣ, въ прилож. № 4.

[2]) Такъ сказано даже въ *Памятникѣ происходящихъ дѣлъ*; но никакого *освященнаго причта* съ Iеронимомъ, разумѣется, не было.

[3]) Далѣе Геронтій въ своемъ *Памятникѣ* передаетъ довольно длинную рѣчь Iеронима Амвросію и Амвросія Iерониму, также рѣчи, которыми будто бы обмѣнялись самъ Геронтій и Амвросій. Всѣ эти рацеи составлены Геронтіемъ на досугѣ, въ Шлиссельбургской крѣпости, а въ дѣйствительности никакихъ рѣчей не было.

сій отправился къ монастырю пѣшкомъ. „По обою страну его (повѣствуетъ Геронтій) слѣдоваху наши послы (Павелъ и Алимпій), созади же переводчикъ и ближайшее семейство его, посемъ весь всего села народъ; настоятель же монастыря при хоругвяхъ, съ предходящими свѣщники, со всею своею братіей, во святыхъ вратахъ въ два ряда чинно поставленною,—настоятель и клиръ въ соборныхъ мантіяхъ, прочіе же братія обычно въ келейныхъ, вси кукольми покровени бяху, дожидая прихода преосвященнѣйшаго своего владыки. И егда приближися владыко ко святымъ вратамъ, предвратной иконѣ три поклона положивъ, настоятеля и всю братію поздравствова. Настоятель же и вся братія такожде ницъ вси падше до земли поклонишася ему, и, воставше, настоятель съ хлѣбомъ и солью привѣтствова святителя.“ На заключительныя слова Геронтія: „Благослови, владыко, входомъ твоимъ святое мѣсто сіе!“—Амвросій, „чрезъ толка увѣдавъ сей благопріятнѣйшій къ нему привѣтъ, сотвори входа молитву, рекъ: *Благословенъ входъ святыхъ твоихъ, всегда, и нынѣ, и присно и во̀ вѣки вѣкомъ* (sic)! и *знаменова крестообразно* святыя врата, и ликъ отвѣща: аминь. Хоругви же съ предыдущими свѣщники двинулись въ ходъ, а клиръ отъ лица церкви умильный *Пѣсни-пѣсней* испусти гласъ: *На ложи моемъ въ нощи искалъ, его же возлюби душа моя*“ и пр.[1]) Шествіе направилось къ монастырской церкви: „церковь же вся освѣщена бѣ свѣтозарнымъ блескомъ, храмоваго праздника свѣтомъ, — мѣстныя большаго калибра свѣщи, среди церкви висящее паникадило и вси приправленныя иконамъ лампады возжены быша.“ Между тѣмъ священноинокъ Іеронимъ, возвратившись въ монастырь, успѣлъ снова облечься въ ризы и съ крестомъ въ рукахъ встрѣтилъ Амвросія при входѣ въ монастырскую церковь: „стоя во дверѣхъ церкви и осѣнивъ путниковъ крестомъ, онъ воскликнулъ: *Благословенъ еси грядый!* и клиръ высоко возвелъ свой гласъ: *во имя Господне, осанна въ вышнихъ!* Егда же вступиша вси, елико ихъ церковь вмѣсти, положиша *обычный прихода седмипоклон-*

[1]) Это есть также вымыселъ Геронтія: пѣли не стихи изъ *Пѣсни-пѣсней*, а просто догматики.

ный началъ, таже начася *молитва очищенія отъ скверны.*[1]) По молитвѣ же, преосвященнѣйшій владыко осѣнивъ себе крестомъ, и по лобзаніи отдалъ священноиноку, посемъ лобызалъ царскія двери и мѣстныя иконы, таже обратяся къ настоятелю съ братіей и всему предстоящему міру миръ далъ". Геронтій отвѣчалъ ему новымъ привѣтствіемъ и затѣмъ обратился къ народу съ поздравительною рѣчью, которую заключилъ слѣдующими словами: „идите кійждо съ миромъ въ домы своя, молитву творяще, ибо драгіе сіи наши гости не безъ утомленія суть и мы долженствуемъ опочитіе имъ дати". Изъ церкви Амвросія такъ же торжественно, — со свѣщами и пѣніемъ, — проводили до самыхъ келій, гдѣ приготовлено было „учрежденіе", приличное такому великому торжеству,—„самоваръ и напитки, и ликеры, и шанпанъ (sic), съ закуской на столѣ уже поставлены были." Затѣмъ „подана сытная и вкусная вечеря, по вечери же святитель, благодаривъ настоятеля, пожелалъ всѣмъ спокойной нощи."

Такъ происходила, по описанію Геронтія, торжественная встрѣча митрополита Амвросія въ Бѣлой-Криницѣ, — все будто бы происходило чинно, благолѣпно, умилительно. Но въ дѣйствительности было нѣсколько иначе. Не говоря уже о томъ, что не было ни привѣтственныхъ рѣчей, ни торжественнаго пѣнія избранныхъ изъ *Пѣсни-пѣсней* стиховъ, ни другихъ подобныхъ церемоній, должно замѣтить, что вообще порядка при встрѣчѣ Амвросія было очень мало и соблюсти его было очень трудно, особенно между толпами липованъ, которые руководились единственно любопытствомъ,—желаніемъ посмотрѣть,—кого это привезли къ нимъ калугеры, а вовсе не тѣми чувствами благоговѣнія къ „богодарованному владыкѣ", о которыхъ повѣтствуетъ Геронтій. И общее впечатлѣніе, какое вынесъ народъ изъ встрѣчи Амвросія, совсѣмъ не походило на чувства умиленія отъ всего здѣсь видѣннаго и слышаннаго; напротивъ, большинство народа соблазнилось тѣмъ, что̀ пришлось увидѣть и услышать, и всѣ разошлись въ недоумѣніи. Этому

[1]) „Начала" не полагали и „молитву отъ оскверненія" не читали.

способствовали особенно два обстоятельста. Въ сельской церкви, приложившись къ иконамъ, Амвросій обратился къ народу и сталъ благословлять, хотя двуперстно, но обѣими руками, чего раскольники до тѣхъ поръ не видывали и что̀ еще въ первыя времена раскола оглашено было никоніанскимъ нововведеніемъ.[1]) Непосредственно за этимъ послѣдовало и другое обстоятельство, уже окончательно соблазнившее липованъ. Когда Амвросій благословлялъ народъ, Огнявовичъ обратился къ пѣвцамъ и велѣлъ имъ пѣть, по православному обычаю, *ис-пола-эти-деспота*. И такъ какъ липованскіе пѣвцы не могли даже понять, чего отъ нихъ требуютъ, то Огнявовичъ и сынъ Амвросія, Георгій, сами затянули и пропѣли это привѣтствіе своимъ гнусливымъ греческимъ напѣвомъ. Та же исторія повторилась и въ монастырской церкви. Это странное и непріятное, особенно для непривычнаго уха, пѣніе какихъ-то неслыханныхъ и совершенно непонятныхъ липованамъ словъ, которыя имъ пришлось услышать въ своихъ „древлеправославныхъ" храмахъ, исполняемое какими-то невиданными людьми, очень похожими на турокъ, по крайней мѣрѣ съ турецкими фесами въ рукахъ, произвело на липованскій людъ весьма тяжелое впечатлѣніе. „Вотъ такъ благочестіе привезли намъ! да это чистые турки!" — „Господи! ужь не послѣднее ли время пришло? въ церкви запѣли что-то, чего и понять не можно!" — такія рѣчи вели между собою липоване, расходясь по домамъ, послѣ торжественной встрѣчи Амвросія.[2]) Правда,

1) Лазарь въ своей челобитной писалъ: „Никонъ патріахъ и вси власти благословляютъ обѣма рукама, въ премѣненіи, по чину жидовскому" (*Жезлъ прав. л.* 86). Амвросій однакоже постоянно держался православнаго обычая благословлять обѣими руками; его примѣру слѣдовалъ сначала и Кириллъ, но въ послѣдствіи началъ благословлять одною рукой, какъ дѣлаютъ теперь и всѣ раскольническіе архіереи. Здѣсь же кстати замѣтимъ, что дозволивъ Амвросію прежде „пріятія отъ ереси" благословлять народъ въ церкви и принимая отъ него благословленіе, бѣлокриницкія власти этимъ самымъ отступили уже отъ общепринятыхъ у раскольниковъ правилъ и обычаевъ.

2) Записано со словъ о. Онуфрія; то же подтверждаетъ о. іеромонахъ Филаретъ, сынъ климоуцкаго старообрядца, бывшаго впослѣдствіи священникомъ въ Климоуцахъ. Вотъ подлинныя слова послѣдняго изъ его письма къ

инокъ Павелъ, смотрѣвшій на все это съ великимъ прискорбіемъ, употребилъ всѣ мѣры, чтобы успокоить липованъ, и изгладить непріятное впечатлѣніе, какое произвели на нихъ Огняновичъ и Амиридисъ своимъ пѣніемъ: онъ поспѣшилъ разъяснить имъ, что пропѣтое сими послѣдними греческое многолѣтіе есть необходимая принадлежность всякаго архіерейскаго служенія и издревле употреблялось въ русской церкви, въ доказательство чего представилъ старопечатный іосифовскій Потребникъ, гдѣ многолѣтіе это напечатано славянскими буквами безъ перевода;[1]) а для того, чтобы не смущался липованскій слухъ греческимъ напѣвомъ, онъ немедленно переложилъ *ис-полла-эти-деспота* на напѣвъ старообрядческій.[2]) Липоване успокоились; но тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ, что торжественная встрѣча Амвросія въ Бѣлой-Криницѣ далеко не имѣла той чинности и умилительности, которыми такъ изобильно украсилъ ее инокъ Геронтій въ своемъ описаніи.

II. Спустя двѣ недѣли послѣ торжественной встрѣчи „богодарованнаго владыки", въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ происходило новое торжество — чинопріятіе Амвросія отъ православія въ старообрядчество и вмѣстѣ, такъ-сказать, утвержденіе его въ санѣ „бѣлокриницкаго и всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ митрополита". Время между этими двумя

намъ: „Разговоры такіе и я помню, ибо они и въ Климоуцахъ происходили; даже родитель мой, ѣздившій посмотрѣть встрѣчу, съ недоумѣніемъ повторялъ потомъ, воротившись домой, гнусливымъ голосомъ, въ носъ, пѣніе Огняновича и Георгія, разумѣется безъ словъ, которыхъ не могъ понять, и говорилъ: „Богъ знаетъ что́ такое случилось! и на пользу ли будетъ, или на погибель!"

1) См. *іосиф. Потр.* лѣта 7160 (1652), л. 763 об. Точно такъ же и въ Требникѣ іоасафовскомъ, лѣта 7147 (1639), л. 16 особаго счета.

2) Такъ какъ въ іосифовскомъ Потребникѣ напечатано *исполайти деспота̀*, то эти самыя слова и положены на ноты: такъ пѣли потомъ въ Бѣлой-Криницѣ; такъ поется теперь и повсюду у раскольниковъ приархіерейскихъ службахъ. И здѣсь раскольники остались вѣрны себѣ: держатся буквально напечатаннаго въ старой, дониконовской книгѣ, хотя напечатанныя въ ней слова не имѣютъ никакого смысла. Павелъ, разумѣется, понималъ ихъ неправильность; но по своимъ расчетамъ не находилъ удобнымъ отступать отъ текста старопечатной книги.

торжествами было проведено не безъ дѣла. Амвросія старались пріучить сколько-нибудь къ липованскимъ порядкамъ, особенно же произносить по-славянски всѣ тѣ молитвы и возгласы, которые во время литургіи архіерей долженъ провозглашать во всеуслышаніе народа. Такъ какъ Амвросій не умѣлъ ни читать, ни говорить по-славянски, то по необходимости пришлось предоставить ему читать всѣ молитвы и вообще отправлять службу по греческому служебнику, въ которомъ, разумѣется, вездѣ напечатано было Ἰησοῦς, аллилуія трижды, на проскомидіи повелѣвалось приносить пять просфоръ, пѣть на клиросѣ: *Господи спаси благочестивыя*, къ *Достойно и праведно* прибавлять: *покланятися Отцу и Сыну и Св. Духу, Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй*, — содержались вообще всѣ именуемыя у старообрядцевъ никоніанскія новопремѣненія въ чинѣ литургіи. Во избѣжаніе соблазна, Павелъ и Геронтій признали необходимымъ сохранять въ тайнѣ отъ липованъ, что Амвросій будетъ служить по греческому, то есть, какъ они понимали, еретическому служебнику; а дабы не выдать секрета и избѣжать вящшаго соблазна, убѣдили Амвросія по крайней мѣрѣ возгласы выучиться произносить по-славянски. Назначенный для его употребленія архіерейскій служебникъ былъ нарочно переписанъ въ особую тетрадь такимъ образомъ, что всѣ возгласы и молитвы произносимыя архіереемъ вслухъ были выписаны изъ іосифовскаго служебника по-славянски, но греческими буквами.[1]) Пріучивъ Амвросія

---

[1]) Геронтій въ своемъ *Памятникѣ* пишетъ: „По семъ занявшеся составомъ святительской службы россійскаго въ греческомъ букварѣ деалекта, дабы святителю удобно было чести святительскія россійскаго деалекта молитвы, а прихожаномъ разумно чтомаго внимати“. Этой перепиской славянскихъ молитвъ греческими буквами занимался Огняновичъ, хорошій каллиграфъ. У насъ имѣется одинъ листочекъ его работы, именно слѣдующій *Отпусть воскресной литургіи*, написанный весьма четко и красиво съ киноварью: Απόλυσις τῆς λητουργίας, της Κυριακης. Βοσκρεσίη ἠζ μερτβηχ Χριςὸς ἤςηννιῆ Πόγ νάς, μολητβαμη πρετζηςήγια ἰεγῶ μάτερε, σβιατήχ σλάβνηχ ή βσεχβάλνηχ ἀπόςωλ, ηζε βο σβιατήχ οττζὰ νάσεγω ιωάννα, αρχιεπίσχοπα Κωνςαντίνια γράδα ζλατοοίςαγως [ἐι δὲ ἐςὶ λητουργία τοῦ μεγάλου Βασίλιου, λέγε τὸ παρὸν: ηζε βο σβιατήχ οττζὰ νάσεγω Βασίλια, αρχιεπίσχοπα Κεσάριη Καππαδοκίησκηια

читать написанныя такимъ способомъ молитвы и возгласы, Павелъ и Геронтій надѣялись, что теперь онъ въ состояніи отправить службу, не причиняя большаго соблазна липованамъ. Другое, болѣе важное дѣло, которымъ занятъ былъ инокъ Павелъ въ эти двѣ недѣли по пріѣздѣ Амвросія въ Бѣлую-Криницу, составляли приготовленія къ „дѣйствію чинопріятія.“

Давно уже, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началъ питать сомнѣнія относительно раскольническихъ сказаній о „сокровенныхъ древлеправославныхъ епископахъ“ и вмѣстѣ съ этимъ пришелъ къ убѣжденію, что потребный старообрядцамъ епископъ можетъ быть принятъ только изъ сущихъ въ ереси, инокъ Павелъ занятъ былъ вопросомъ о чинопріятіи, какому необходимо будетъ подвергнуть этого перваго старообрядческаго епископа, имѣющаго начать собою цѣлый рядъ послѣдующихъ и положить такимъ образомъ начало новой, самостоятельной іерархіи у старообрядцевъ. Правильному, съ раскольнической точки зрѣнія, рѣшенію этого вопроса онъ справедливо усвоялъ великую важность, имѣя въ виду, какіе споры и несогласія возникали между старообрядцами въ прежнее время по вопросу о чинопріятіи бѣглыхъ поповъ, и основательно предполагая, что еще

βελήχαγω] ή βσίεχ σβιατὴχ, πομήλουετ η σπασὲτ νὰς, ἰάχω πλάγ η τζελοβιεχολιουπετζ. Вообще, предоставивъ Амвросію свободу въ алтарѣ дѣйствовать во всемъ согласно греческому служебнику, Павелъ заботился только, чтобы онъ оставилъ неприкосновенными для всѣхъ видимыя и слышимыя старообрядческія отличія въ совершеніи литургіи; но и въ этомъ успѣлъ не вполнѣ: такъ напримѣръ Амвросій никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы, согласно старообрядческому обычаю на клиросѣ не пѣли: *Господи спаси благочестивыя*. Такія и подобныя „новшества“ очень смущали старообрядцевъ. Такъ пріѣзжавшіе за мνромъ московскіе посланники, услышавъ именно пѣніе стиха: *Господи спаси благочестивыя,* сильно упрекали Павла за такое греко-россійское нововведеніе, и Павелъ съ сокрушеніемъ признался имъ, что никакъ не могъ убѣдить Амвросія отложить пѣніе этаго стиха: „Что, говоритъ, вы тутъ за ересь нашли—молиться Богу о спасеніи благочестивыхъ?“—такъ и отступились! (*Поѣздка за мνромъ. Русск. Вѣст.* т. L. стр. 66 и 67). Не могъ также Павелъ убѣдить Амвросія, чтобы во время херувимской пѣсни, предъ перенесеніемъ даровъ, не вынималъ частицы за живыхъ и умершихъ по православному обычаю (у раскольниковъ такъ не дѣлается).

больше подобныхъ, весьма опасныхъ для будущности новоучреждаемой іерархіи, распрей и споровъ можетъ возбудить вопросъ о чинопріятіи епископа, если не позаботиться устранить ихъ заблаговременно тщательнымъ обсужденіемъ и рѣшеніемъ сего вопроса. И, сколько могъ, Павелъ дѣйствительно позаботился объ этомъ. Для вразумленія и руководства старообрядцевъ, чтобы навсегда устранить всякія съ ихъ стороны недоумѣнія относительно учреждаемаго архіерейства, онъ составилъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ подвергнулъ тщательному разсмотрѣнію вопросъ какъ вообще—о пріятіи епископа отъ сущихъ въ ереси, такъ вчастности — о пріятіи епископа именно отъ греческой церкви.

Мы видѣли, что еще въ 1841 году, приготовляясь ѣхать въ Россію для ближайшихъ совѣщаній съ здѣшними старообрядческими обществами по дѣлу о бѣлокриницкой архіерейской каѳедрѣ, тогда только что начатому, инокъ Павелъ написалъ отъ имени всего бѣлокриницкаго братства „посланіе" къ московскимъ старообрядцамъ съ двумя прибавочными статьями. [1]) Поставивъ вопросъ: возможно-ли въ томъ случаѣ, если предполагаемый „древлеправославный" епископъ обрѣтенъ не будетъ, принять епископа отъ сущихъ въ ереси? — и рѣшая вопросъ этотъ положительно, инокъ Павелъ изложилъ здѣсь, въ одной изъ добавочныхъ статей [2]), такъ сказать, догматическія основанія, почему и сущій въ ереси епископъ можетъ быть принятъ старообрядцами безъ всякаго сомнѣнія.

Онъ выходилъ изъ того общепринятаго у раскольниковъ — поповцевъ положенія, что всѣ еретики, „кои имѣютъ трехпогружательное крещеніе, не требуютъ повторенія ни крещенію, ни хиротоніи, а точію непремѣнно требуютъ отъ православной церкви *въ самомъ присоединеніи*

---

1) См. выше стр. 285—286; тамъ приведены и полныя заглавія этихъ павловыхъ сочиненій.

2) Именно въ статьѣ: „Изъясненіе недоумѣній, чрезъ кого и когда на приходящихъ отъ ерсеей хиротонисанныхъ лицъ приходитъ благодать Духа Святаго."

Духа Св. сообщенія;" но такъ какъ этому положенію, которымъ признается за таинствами, совершаемыми у еретиковъ, до извѣстной степени сила дѣйствительныхъ таинствъ, противорѣчило другое, всѣми вообще раскольниками принятое правило, что „въ еретическихъ сонмищахъ ни единыя-же тайны нѣсть," [1]) на каковое противорѣчіе нѣкоторые и указывали Павлу (а безпоповцы и постоянно указываютъ поповцамъ), то въ отстраненіе всякихъ „недоумѣній" инокъ Павелъ и призналъ за нужное подвергнуть разъясненію это, будтобы только кажущееся, противорѣчіе. Если въ еретическихъ обществахъ „ни единыя тайны нѣсть," — если таинства, у нихъ совершаемыя, не суть дѣйствительныя таинства, то какимъ-же образомъ хиротонисанный въ ереси, т. е. на самомъ дѣлѣ не имѣющій священства, по переходѣ въ старообрядчество, является, безъ новой хиротоніи, имѣющимъ священство?—вотъ какой вопросъ задавалъ себѣ Павелъ, и здѣсь-то, въ рѣшеніи этого вопроса, онъ изложилъ тѣ догматическія сужденія свои о таинствѣ священства вообще и еретической хиротоніи вчастности, посредствомъ которыхъ думалъ навсегда устранить всякія сомнѣнія старообрядцевъ о епископскомъ достоинствѣ ихъ будущаго архіерея, подлежащаго чинопріятію отъ ереси. Сужденія эти, какъ сейчасъ увидимъ, въ высшей степени странны, основаны на самыхъ непозволительныхъ софистическихъ уловкахъ, въ родѣ тѣхъ, къ какимъ въ свое время такъ часто прибѣгалъ любимый и уважаемый Павломъ авторъ „Поморскихъ отвѣтовъ," и однако-же защитниками прежняго и нынѣшняго раскольническаго священства приняты (нужды ради), какъ единственное мнимо-богословское основаніе, на которое могутъ они опереться для защиты этого священства. Оба приведенныя выше общепринятыя у старообрядцевъ положенія Павелъ признаетъ правильными; но старается доказать посредствомъ разныхъ словоизвитій и уловокъ, что противорѣчія между ними нѣтъ: „воистину (писалъ онъ) у еретиковъ ниединыя *тайны нѣсть*; не глаголемъ

---

[1]) Это любимое свое выраженіе раскольники заимствуютъ изъ *Толковаго Апостола*. (Толк. на 108 зач. *посл. къ Коринѳ., л.* 549).

же *дѣйствія у нихъ нѣсть.*" Это значитъ: благодатной силы, принадлежащей таинствамъ, таинства совершаемыя еретиками не имѣютъ; но внѣшнія, формальныя дѣйствія таинствъ у еретиковъ соблюдаются, напримѣръ въ крещеніи троекратное погруженіе въ воду, въ хиротоніи возложеніе рукъ и пр. Для каждаго знакомаго съ ученіемъ православной вѣры и для каждаго вообще здравомыслящаго человѣка вполнѣ ясно, что сущность таинства заключается въ присущей ему силѣ благодати и что формальныя дѣйствія сами по себѣ, безъ сопровождающей ихъ благодатной силы, никакого значенія не имѣютъ, якоже и не суть. По мнѣнію-же Павла, въ этихъ формальныхъ дѣйствіяхъ, напримѣръ въ рукоположеніи, совершаемомъ и безъ преподанія благодати священства еретическимъ епископомъ, заключается такое важное значеніе, что дѣйствій этихъ у старообрядцевъ невластны совершить даже лица, якобы имѣющія власть преподавать самую благодать священства. Это онъ старается доказать примѣромъ, или, по его выраженію, „прикладомъ отъ бываемой вещи." „Скудельный сосудъ (разсуждалъ онъ) состоитъ изъ вещества, еже есть глина; видъ-же сосуда изъ глины по требующемуся образу содѣланъ; а совершенство сосуда огнь содѣловаетъ. И дондеже сей сосудъ изъ помянутаго вещества устроеннымъ видомъ пребываетъ, совершенно потребу исполнять не можетъ, сирѣчь варенія или налитія воды удобно содержать; а егда ожжется огнемъ, тогда совершенъ и благопотребенъ на всякое подобающее дѣло будетъ. Пріидемъ-же отсюда на хиротонію инославныхъ религій. Въ тѣхъ убо хиротонія два существа токмо имать: вещество и видъ,—вещество—опредѣляемый человѣкъ, видъ же его содѣловается отъ рукоположенія; а третей, совершительной силы, еже есть благодати Св. Духа, не имѣетъ... Къ сему что остаетъ таковому въ ереси хиротонисанному лицу, аще пріидетъ въ православіе, дополнить? Благоявленно есть, ничтоже ино, токмо на имѣющуюся съ нимъ хиротонію воспріяти совершительную силу Духа Святаго."

Это разсужденіе, по своей очевидной странности, возбуждало многіе вопросы и недоумѣнія, какъ напримѣръ слѣдующіе, ближайшимъ образомъ изъ него вытекавшіе: если хиро-

тонія еретическая не имѣетъ благодатной силы, то какое-ж могутъ имѣть значеніе совершаемыя въ оной формальныя дѣйствія и какая въ нихъ надобность тому, кто самъ можетъ преподавать благодать хиротоніи? И гдѣ у старообрядцевъ это лицо, могущее преподавать благодать священства, или, какъ выражается Павелъ, совершительную благодать Св. Духа въ хиротоніи?--Совершеніе таинства хиротоніи, власть на преподаніе въ ономъ благодати Св. Духа принадлежитъ единственно и исключительно епископскому сану; священники, совершающіе у старообрядцевъ чинопріятіе приходящихъ отъ ереси, еслибъ даже они были законные священники, не могутъ преподавать того, чего сами не имѣютъ. Особенно этотъ послѣдній вопросъ, всегда служившій со стороны православныхъ (также и безпоповцевъ) сильнѣйшимъ возраженіемъ противъ раскольническаго бѣгствующаго священства, пріобрѣталъ теперь значеніе въ виду того обстоятельства, что бѣглому раскольническому попу предстояло сообщить благодать хиротоніи даже епископу, хиротонисанному въ ереси, по мнѣнію старообрядцевъ, т. е. неимѣющему благодати архіерейства. И Павелъ, дѣйствительно, нашелъ нужнымъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса, употребилъ всю силу своей діалектики, чтобы рѣшить его въ пользу раскольническаго священства. „*Мнози глаголютъ* (писалъ онъ): аще кто чего у себе не имѣетъ; того и другому подати не можетъ; священникъ на рукоположеніе должной власти у себя не имѣетъ: то како другому, требующему сего, подастъ? — аще и покусится даяти, окажется дѣло несвойственно.“ Выразивъ такъ опредѣленно сущность вопроса, что-же отвѣчалъ на него Павелъ? Первое положеніе, на которомъ основанъ вопросъ, онъ признаетъ правильнымъ: „воистину тако есть,— аще кто чего у себя не имѣетъ, того и другому подать не можетъ;“ не отрицаетъ и втораго положенія, что „священникъ не пріялъ на себя власти на *хиротонисаніе* и *хиротонисати* не можетъ;“ [1]) но въ *хиротонисаніи* (продолжалъ Па-

---

[1]) Не безъ намѣренія Павелъ избѣгаетъ здѣсь выраженія: „таинство хиротоніи,“ или „преподаніе благодати въ таинствѣ хиротоніи“, а говоритъ

велъ) здѣсь и надобности не имѣется, власть-же на преподаніе благодати рукоположенія будто-бы и священникъ имѣетъ наравнѣ съ епископомъ: „егда священникъ, по христову словеси, рекшему: *туне пріясте, туне дадите*, и по разуму святой церкви, пріялъ благодать священнодѣйствія совершенну и равну, такову, якову-же пріяли епископы, митрополиты и самые патріархи, *то всяко можетъ*, по вышереченному глаголу христову, *и самъ туне подати* (сію благодать священнодѣйствія) волею приходящему отъ внѣшней религіи, трехпогружательно крещенному, какъ іерею, *равно такъ и архіерею*, безъ всякаго сумнѣнія.“ Такова основная мысль, на которой тщится Павелъ построить свой отвѣтъ, и въ подтвержденіе этой лживой, самопроизвольной мысли онъ приводитъ, разумѣя и толкуя по своему, разныя правила и изреченія святыхъ отцевъ яко-бы о совершенномъ равенствѣ епископовъ и пресвитеровъ относительно преподанія, во всѣхъ вообще таинствахъ, даровъ благодати. Такъ между прочимъ онъ заимствуетъ изъ Кормчей слѣдующее изреченіе: „токмо бо яко не *поставляетъ* іерей отъ епископа разнствуетъ, *священство* же совершенно имать“ (Кормчая, на л. 283 на оборотѣ, въ красныхъ строкахъ); изъ бесѣдъ св. Златоуста — слѣдующія слова: „яко между епископомъ и пресвитеромъ ни едино различіе бысть, понеже и пресвитеромъ церкви попеченіе ввѣренно бысть, и еже о епископѣхъ рече, пресвитеромъ достоитъ, токмо бо единымъ устроеніемъ они высочайши суть.“ [1]) Особенно-же вотъ како-

---

именно о *хиротонисаніи*, очевидно разумѣя подъ онымъ внѣшнія, видотворныя дѣйствія таинства, на совершеніе которыхъ, по его мнѣнію, собственно и не имѣетъ власти священникъ, тогда какъ будто бы на преподаніе самой благодати таинства хиротоніи имѣетъ равную съ епископомъ власть. Такимъ образомъ по догматикѣ Павла епископъ только тѣмъ преимуществуетъ предъ священникомъ, что имѣетъ власть совершать видотворныя, внѣшнія, формальныя дѣйствія таинства хиротоніи!

[1]) Приводя эти слова внѣ связи и превратно толкуя ихъ въ пользу своего мнѣнія, Павелъ намѣренно оставилъ безъ вниманія, конечно, хорошо извѣстныя ему многочисленныя и весьма ясныя изреченія отцевъ о различіи епископскаго и пресвитерскаго сана, и именно въ отношеніи къ священнодѣйствію хиротоніи. Особенно ясно выражается это различіе въ слѣдующихъ

му доказательству Павелъ придавалъ большую важность. „Аще-бы (разсуждалъ онъ) святая церковь, идѣже несущу епископу, не уполномочивала іереевъ на принятіе священныхъ лицъ, приходящихъ отъ еретикъ, равномощнымъ исправленіемъ и *подаяніемъ благодати Св. Духа на священнодѣйствіе*: то всяко-бы въ соборныхъ правилахъ и въ номоканонахъ непремѣнно ограничила раздѣленіемъ—дабы принимать приходящихъ отъ ереси простолюдиновъ іерею, а хиротонисанныхъ — архіерею. Но сего раздѣленія нигдѣ во святомъ писаніи не видится и даже не слышится, [1]) кромѣ всеобдержнаго изреченія: „пріимати архіерею, или іерею" (Потребникъ вел. въ чинѣ пріятія отъ ереси приходящихъ), и паки шестаго вселенскаго собора правило 78 сице глаголетъ: „приходяй къ соборнѣй церкви вѣру являетъ предъ епископомъ, или предъ пресвитеромъ" (Кормчая, гл. 17.) [2])

словахъ столь уважаемаго старообрядцами Симсона Солунскаго: „инъ есть іерархъ, яко божественная и священная *вся* дѣйствовати могущь *и преподателень сихъ сый...Іерее же тоя* (преподательныя) *благодати не имуть*. Но токмо священнодѣйствовати могутъ и крещати. *И сихъ же безъ архіерейскія не творять мощи.*" (Отв. на 37 вопр.)

[1]) Опять иноку Павлу намѣренно не видится и не слышится ясно напечатанное и читаемое въ Кормчей и Номоканонахъ. Наприм. въ толкованіи на 6 пр. кареагенскаго собора сказано: „совершенное прощеніе сущимъ въ покаяніи творити, якоже стояти имъ несумнѣнно съ вѣрными и божественныхъ таинъ причаститися, *пресвитеру не оставляти того творити, но отъ епископовъ подобаетъ таковымъ быти.*" (Корм. л. 120 на об.). Въ предисловіи къ Номоканону, изданному при патріархахъ Іоасафѣ и Іосифѣ, напечатано: „іереевъ и протодіаконовъ грѣхи, яже изверженія томленія наводять, да не дерзаетъ духовникъ разрѣшити ихъ. *Якоже бо невозможно ему хиротонисати, сице ни испадшаго паки возвращати на степень священства.*" Точно такъ же и въ древнѣйшемъ славянскомъ изданіи Номоканона (Кіевское 1624 г., второе по времени изъ извѣстныхъ доселѣ): „іереовъ и еродіаконовъ грѣхи, яже изверженія томленіе наводятъ, епископомъ суду подлежатъ: да не дерзаетъ духовникъ разрѣшати ихъ. Якоже бо не возможно ему хиротонисати, сице ниже на священства степень спадшаго паки возвращати" (библ. А. И. Хлудова № 83; сл. *Павлова: Номоканонъ съ греческимъ подлин.* 1872 г. стр. 223).

[2]) Вотъ что собственно гласитъ 78 пр. 6 вселенскаго собора: „подобаетъ приходящему къ божественному крещенію вѣрѣ учитися, сирѣчь навыкнути: Вѣрую во единаго Бога, и въ четвертокъ коеяждо недѣли предъ креще-

Затѣмъ, указавъ еще нѣкоторые „смотрительные случаи", Павелъ излагаетъ слѣдующее, имъ самимъ измышленное, якобы на основаніи сихъ „смотрительныхъ случаевъ," общее правило: „идѣже присутствуютъ главнѣйшіе члены, тамъ оставляется тѣмъ совершенства вещи показати, а идѣже симъ несущимъ, *тамо благодать Божія чрезъ посредство меньшихъ совершенство творитъ.*"

Такими-то доводами инокъ Павелъ старался доказать, что іерею, *равно такъ и архіерею*, имѣющему на себѣ видотворныя дѣйствія еретическаго рукоположенія, можетъ и священникъ благодать хиротоніи сообщить. Для всѣхъ мудрствующихъ „по разуму святой церкви" сама собою очевидна совершенная лживость аргументаціи въ этихъ разсужденіяхъ Павла, гдѣ самымъ непростительнымъ образомъ искажены и перепутаны основныя догматическія понятія о различіи епископскаго и пресвитерскаго чина, равно какъ о различіи даровъ благодати въ различныхъ таинствахъ, по силѣ котораго напримѣръ таинство мѵропомазанія не можетъ сообщить даровъ, преподаваемыхъ въ таинствѣ хиротоніи, [1]) и гдѣ къ тому-же съ очевидной недобросовѣстностью искаженъ подлинный смыслъ церковныхъ правилъ и отеческихъ изреченій. Но Павелъ хорошо зналъ, для кого пишетъ свое сочиненіе: онъ справедливо расчитывалъ, что для всѣхъ старообрядцевъ поповскаго согласія представленные имъ доводы будутъ имѣть полную силу убѣдительности уже потому только, что еслибы они признали ихъ несостоятельными, то принуждены были-бы признать несостоятельность и всего ученія о

ніемъ своимъ, *предъ епископомъ, или предъ пресвитеры исповѣдати таковое сложеніе вѣры.*" Это правило о наученіи символу вѣры приходящихъ ко крещенію, очевидно, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ вопросу о чинопріятіи приходящихъ отъ ереси священныхъ лицъ.

[1]) Мы потому указали здѣсь на таинство мѵропомазанія, что по ученію Павла чрезъ это именно таинство, употребляемое въ пріятіи бѣгствующихъ священниковъ по второму чину, преподается имъ совершительная благодать хиротоніи, хотя, разумѣется, это раскольническое мазаніе, или перемазаніе фальшивымъ мѵромъ, не можетъ быть признано и таинствомъ.

бѣгствующемъ священствѣ, отказаться нетолько отъ желаемаго пріобрѣтенія епископа, но и отъ всѣхъ прежде бывшихъ и оставшихся іереевъ, іереями-же принятыхъ отъ ереси въ сущемъ ихъ санѣ.

Такимъ образомъ инокъ Павелъ былъ увѣренъ, что представилъ старообрядцамъ вполнѣ достаточныя догматическія основанія, почему священныя лица, получившія еретическое поставленіе, но крещенныя трехпогружательно, — все равно, будетъ ли то пресвитеръ, или епископъ,—переходя въ старообрядчество, будтобы безъ всякаго сумнѣнія могутъ быть приняты старообрядческими іереями съ сохраненіемъ принадлежащихъ имъ сановъ. Какимъ же чиномъ сіи священныя лица могутъ быть принимаемы, и какимъ чиномъ надлежитъ принять именно желаемаго старообрядцами епископа? Вопросъ этотъ Павелъ разсмотрѣлъ съ особенной обстоятельностью. Онъ сдѣлалъ въ „посланіи" самый полный сводъ всѣхъ „соборныхъ правилъ" и „святоотеческихъ подобій", относящихся къ пріятію отъ ереси приходящихъ, съ толкованіями на сіи правила и подобія, историческими и иными примѣчаніями.

Прежде всего изложилъ онъ правила относительно еретиковъ, подлежащихъ пріятію третьимъ чиномъ, изъ которыхъ вывелъ заключеніе, что приходящія отъ сихъ еретиковъ священныя лица могутъ быть безъ всякаго сумнѣнія принимаемы у старообрядцевъ въ сущемъ ихъ санѣ также посредствомъ третьяго чина. Онъ привелъ именно: кареагенскаго собора пр. 69 съ толкованіемъ, второ-перваго собора пр. 15, опять кареагенскаго собора пр. 70, съ толкованіемъ же и „изъясненіемъ ереси донатіанъ", шестаго вселенскаго собора пр. 95, въ толкованіи, съ изъясненіями несторіанской и евтихіанской ересей. Затѣмъ слѣдуютъ сюда же относящіяся святоподобія: мнимое пріятіе святымъ Максимомъ исповѣдникомъ Пирра патріарха и Ѳеодосія епископа отъ ереси единовольниковъ, съ подробнымъ „изъясненіемъ" сей ереси, еще святымъ Саввою Освященнымъ—Іоанна патріарха іерусалимскаго отъ ереси севировой, также съ подробнымъ „изъясненіемъ" сей ереси, и наконецъ седьмымъ вселенскимъ соборомъ—епископовъ—иконоборцевъ, съ

пространными историческими сказаніями и замѣчаніями о иконоборной ереси. Много разъ и весьма обстоятельно было доказано нетолько православными, но и безпоповскими писателями, что всѣ эти правила и святоподобія не могутъ имѣть приложенія къ дѣйствіямъ старообрядцевъ, пріемлющихъ бѣгствующее священство; но, разумѣется, Павелъ, какъ и всѣ поповцы, никакими доводами противниковъ не убѣждался и на основаніи указанныхъ правилъ и святоподобій рѣшительно утверждалъ, что если между существующими инославными религіями найдутся такія, которыя не превосходятъ мѣру лжеученій донатіанскихъ, Несторія, Евтихія, Севира и иконоборческихъ (а таковыхъ религій,—прибавлялъ Павелъ,—„достаточно можно обрѣсти въ иныхъ, кромѣ Россіи, державахъ"), то приходящій отъ оныхъ епископъ безъ всякаго будтобы сумнѣнія можетъ быть принятъ у старообрядцевъ третьимъ чиномъ.

„И егда бы (писалъ дальше Павелъ), *паче чаянія*, не обрѣталось и таковаго во инославныхъ духовенства, еже бы третьему чину подлежащихъ, то еще *можно безъ сумнѣнія* принимать священныхъ лицъ изъ числа инославныхъ, иже второму чину подлежащихъ, подъ мѵропомазаніе, подобныхъ коимъ въ самой очевидности нашей предостаточно имѣется. Очевидность, на которую указывалъ Павелъ, преставляли, конечно, бѣгствующіе отъ великороссійской церкви священники, всеобдержно принимавшіеся у старообрядцевъ—перемазанцевъ вторымъ чиномъ. Соглашаясь такимъ образомъ въ указанномъ только случаѣ, притомъ мало вѣроятномъ, т. е. еслибы сверхъчаянія не нашлось инославнаго духовенства подлежащаго третьему чину, послѣдовать въ пріятіи епископа общепринятому у старообрядцевъ обычаю принятія приходящихъ къ нимъ священныхъ лицъ вторымъ чиномъ, подъ мѵропомазаніе, инокъ Павелъ нашелъ нужнымъ привести и то единственное свидѣтельство Кормчей, въ которомъ этотъ обычай имѣетъ будтобы твердое основаніе, — такъ названное у Павла „столповое правило святыхъ отецъ перваго вселенскаго собора", то есть общеизвѣстное у старообрядцевъ *восьмое* правило помянутаго собора, или вѣрнѣе толкованіе этого правила, внесенное въ

старопечатную Кормчую [1]) Правда, инокъ Павелъ еще привелъ шестаго вселенскаго собора правило 95; но здѣсь только исчисляются еретики втораго чина, о томъ же, что приходящія отъ сихъ еритиковъ священныя лица должны быть принимаемы въ своихъ санахъ, вовсе нѣтъ и рѣчи. И однакоже, инокъ Павелъ, не обращая на это нималѣйшаго вниманія и основываясь все-таки на своемъ „столповомъ правилѣ", якобы повелѣвающемъ отъ всѣхъ еритиковъ втораго чина приходящія священныя лица принимать въ сущемъ ихъ санѣ, изложилъ довольно подробныя „изъясненія" о всѣхъ еретикахъ, упомянутыхъ въ 95 правилѣ шестаго вселенскаго собора, какъ такихъ именно, отъ которыхъ приходящія къ церкви священныя лица якобы сохраняютъ полученную съ ереси хиротонію.

Свои выписки изъ правилъ, изложеніе святоподобій и заимствованныя изъ разныхъ книгъ „изъясненія" ересей инокъ Павелъ заключилъ слѣдующимъ воззваніемъ къ старообрядцамъ: „Толикъ имамы облежащь насъ облакъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ! И аще, сообразно онымъ, еще и прежде насъ благочестивые послѣдователи святоотеческихъ древнихъ преданій, отъ лѣтъ измѣненія церковныхъ книгъ патріархомъ

---

[1]) Вотъ что говорится въ правилѣ: „Еретицы, глаголеміи чистіи, приходяще къ соборной церкви, первое да исповѣдятъ, яко повинуются церковнымъ законамъ, и пріобщаются съ двоеженцы, и простятъ согрѣшающихъ, и аще убо будетъ въ коемъ градѣ истинный епископъ града того, будетъ же и отъ сихъ, глаголемыхъ чистіи, другій епископъ поставленъ, или пресвитеръ, въ своемъ сану да пребываетъ" Толкованіе же гласитъ: „таковіи (чистіи)... свою ересь проклевше и иныя вся, пріяти да будутъ и *токмо святымъ мѵромъ помажутся.* Аще нѣціи отъ нихъ суть и епископы, паки въ своемъ чину да пребываютъ" (Корм. 1653 г. л. 35—36). Что поповцы неправильно разумѣютъ и незаконно примѣняютъ къ своимъ дѣйствіямъ это „столповое правило", что вообще по мѵропомазаніи необходимо повтореніе хиротоніи надъ приходящими отъ ереси священными лицами, на это обстоятельныя доказательства были представляемы и старообрядческими писателями не только безпоповскаго, но даже и поповскаго согласія. Такъ инокъ Никодимъ, еще будучи старообрядцемъ, побѣдоносно доказалъ это на перемазанскомъ соборѣ 1779 года (Андр. Іоан. *Ист. изв. о раск.* ч. IV, стр. 44—45). Изъ безпоповскихъ же писателей весьма обстоятельно разсмотрѣлъ вопросъ о 8 правилѣ 1-го никейскаго собора Тимоѳей Андреевъ въ своей книгѣ *Щитъ* (ч. 11, отв. 10).

Никономъ даже доселѣ, заимствовались необходимо нужнымъ христіанству священствомъ изъ Великой Россіи, отъ инославнаго духовенства, новинами въ религіи и спещреннаго (?): то кто изъ благоразумныхъ нынѣшнему нашему предпріятію воспрекословитъ,—не надѣемся, кромѣ развѣ закоснѣлыхъ въ самомнѣніи и о животворящихъ божественныхъ обѣтованіяхъ забывшихъ, или невѣрующихъ!"

Итакъ Павелъ, на основаніи якобы церковныхъ правилъ и святоподобій, потщился доказать, что будущій епископъ можетъ быть принятъ старообрядцами безъ всякаго сумнѣнія третьимъ чиномъ, а въ крайнемъ случаѣ, „егда бы, паче чаянія, подлежащаго третьему чину не оказалось", можетъ быть принятъ и по второму, какъ пріемлются бѣгствующіе отъ великороссійской церкви священники. Но по особеннымъ соображеніямъ, которыя мы указали въ своемъ мѣстѣ, Павлу очень хотѣлось, чтобы будущій епископъ былъ принятъ непремѣнно третьимъ чиномъ, безъ мѵропомазанія, и потому онъ употребилъ всѣ усилія—убѣдить старообрядцевъ, что еслибы желаемый епископъ принадлежалъ и къ числу еретиковъ втораго чина, его все таки можно и должно принять не по второму, а по третьему чину, на основаніи такъ называемыхъ, „смотрительныхъ правилъ", или „случайныхъ обстоятельствъ". Для этого онъ и сочинилъ вторую добавочную при *Посланіи* статью, подъ заглавіемъ: „Что есть всеобдержность, и что благословный случай". „Всеобдержность (по его опредѣленію) слагается изъ соборныхъ и особь святыхъ отецъ бывшихъ законоположительныхъ правилъ"; но въ подобіяхъ святоотеческихъ онъ нашелъ и указалъ нѣсколько примѣровъ, когда святые отцы дѣлали и отступленіе отъ точнаго смысла этихъ правилъ, [1]) како-

[1]) Онъ указалъ именно слѣдующіе примѣры: „*Всеобдержность*: Правило 76 св. Апостолъ (въ толкованіи) не повелѣваетъ епископу хотящу скончатися, брата, или сына, или *иного сродника* по любви въ епископскій санъ поставити (Корм. гл. 1, л. 21). *Случайность же*: Св. Стефанъ архіепископъ сурожскій, еще при животѣ ему сущу, въ наслѣдство своего престола единаго отъ клирикъ своихъ поставилъ архіепископомъ" (Мин. Чет. и Прол. дек. 15). *Всеобдержность*: „Святый соборъ, иже въ Кареагенѣ, правиломъ 49 законоположилъ не менѣе трехъ епископовъ въ поставленіе

вое отступленіе (если допускается „благословнаго ради случая, единовременно только и не на разореніе Христомъ преданнаго новоблагодатнаго закона и священнаго чина, но *въ поддержаніе, или паче къ возстановленію онаго*“) „не вмѣняется дѣйствующему въ погрѣшеніе, но безъ сумнѣнія достойно Божія мздовоздаянія“. Всѣми этими соображеніями и выраженіями инокъ Павелъ старался навести старообрядцевъ на мысль, что такого рода отступленія отъ положительныхъ правилъ можно безъ всякаго сумнѣнія допустить и въ отношеніи къ будущему ихъ епископу,—то есть хотябы принадлежалъ онъ и къ еретикамъ втораго чина, не подвергать его мνропомазанію, какъ требуетъ всеобдерж-

---

епископа довлѣти, аще же мощно и всея области епископи должни суть снитися“ (Корм. гл. 15). *Случайность же*: „Святый священномученикъ Автономъ... въ Виѳиніи... будучи самъ единъ токмо епископъ, обаче постави и другаго епископа.“ (Старообрядцы впослѣдствіи не рѣдко дѣйствовали на основаніи сей *случайности*). „Но и еще дивнѣйшее въ святѣй церкви бысть событіе (продолжаетъ Павелъ), яко спасительный промыслъ Божій случайныя наши нужды милостивно и чудесно совершаетъ... Блаженный Ѳедимъ епископъ сотвори вещь странну и необычну: небреже о семъ, яко нѣсть прибылъ къ нему Григорій и яко разстояніе между има путнаго шествія бѣ три дни, освяти и не пришедша Григорія епископомъ въ неокесарійскую церковь... о чесомъ свидѣтельствуетъ св. Григорій Нисскій, пиша житіе сего святаго (Мин. чет. нояб. 17).“ На основаніи этой случайности у старообрядцевъ, какъ мы видѣли, было уже одно архіерейское поставленіе, о которомъ Павлу, изъ уваженія къ памяти и примѣру предковъ, неизлишне было бы здѣсь припомнить, чего однакоже онъ не нашелъ удобнымъ сдѣлать... Но въ статьѣ его особенное значеніе усвоялось, очевидно, слѣдующему примѣру, поставленному у него на первомъ мѣстѣ: „*Всеобдержность*: Правиломъ 19 перваго вселенскаго собора отъ ереси Павла Самосатскаго крещенныхъ покрещивати, такожде хиротонисанныхъ паки хиротонисати непремѣнно святый соборъ повелѣваетъ“ (Кормч. гл. 5). *Случайность*: „Святѣйшій же Никифоръ патріархъ, въ правильной своей книгѣ, на вопросъ о томъ, кіимъ осужденнымъ, отъ нихже хиротонисавшіися ничимже вредишася, сбывшійся случай сказуетъ сице: „Павлу Самосатскому изгнану бывшу, а хиротонисавшіеся отъ него ни единъ изгнанъ, аще и содѣйствоваху ему оная, за яже онъ изгнанъ бысть“, и прочая подобна сему явствуетъ.“ За свидѣтельствомъ объ этой *случайности*, къ которой всего больше подходило желаемое Павломъ изъятіе будущаго епископа изъ общепринятаго у старообрядцевъ чиноpріятія, онъ отсылаетъ читателя къ неизвѣстному „древлегреческому патріаршему потребнику, иже хранится въ Москвѣ, на печатномъ дворѣ(?).“

ное, господствующее у старообрядцевъ правило, а принять третьимъ чиномъ, только чрезъ одно проклятіе ересей, ради „благословнаго случая,"—ради тѣхъ плачевныхъ обстоятельствъ, въ какихъ находится старообрядчество, когда нужно не о томъ заботиться, „еже бы церкви и священству царствующее и господствующее мѣсто обрѣсти, но елико точію блаженный ея корень, расторганный дивіимъ отъ пустыни вепремъ и разбросанный на всей Европѣ, паки, подъ промысломъ Божіимъ, аки во единой горсти укоренити и увялыя розги ея оживити"...

Россійскіе старообрядцы разныхъ обществъ, съ которыми Павелъ видѣлся и бесѣдовалъ на пути въ Москву, также московскіе и петербургскіе безпрекословно соглашались съ его мнѣніемъ, что епископа, за неимѣніемъ древлеправославныхъ, можно принять и отъ сущихъ въ ереси; признали также вполнѣ убѣдительными его доказательства, что чинопріятіе епископа можетъ и священникъ совершить безъ всякаго сумнѣнія; но относительно разсужденій о самомъ способѣ пріятія будущаго епископа Павлу пришлось встрѣтить очень рѣшительныя возраженія отъ старообрядцевъ нѣкоторыхъ обществъ, притомъ возраженія совершенно различнаго характера.

Такъ орловскіе старообрядцы нашли невозможнымъ согласиться съ тѣмъ, чтобы епископа можно было принять по второму чину; они утверждали напротивъ, что епископъ долженъ быть принятъ непремѣнно третьимъ чиномъ, и это не ради какого-либо смотрительнаго случая, какъ предлагалъ Павелъ своихъ сочиненіяхъ, а по силѣ всеобдержныхъ правилъ. Орловскіе старообрядцы принадлежали къ согласію дьяконовцевъ, представители которыхъ, въ 1779 году, на преніяхъ съ перемазанцами, такъ убѣдительно доказывали этимъ послѣднимъ неправильность обычая принимать бѣгствующихъ священниковъ вторымъ чиномъ, подъ мѵропомазаніе: строго слѣдуя ученію уважаемыхъ предковъ, они потому считали невозможнымъ допустить пріятіе епископа вторымъ чиномъ, что „дѣйствіемъ мѵропомазанія, равно какъ и крещеніемъ, уничтожается самая хиротонія, такъ что по мѵропомазаніи подобаетъ уже изнова хиротонисати;" къ этому

они прибавляли еще, что и „священнику епископа мνромъ помазывати есть дѣло ни съ чѣмъ не совмѣстное.“ Хотя инокъ Павелъ и самъ очень желалъ устроить принятіе епископа именно по третьему чину, но никакъ не могъ онъ согласиться съ разсужденіями орловскихъ дьяконовцевъ, которые утверждались совершенно на другихъ основаніяхъ, нежели представленныя имъ самимъ, и тѣмъ болѣе, что согласиться съ ними значило-бы признать незаконнымъ существовавшее доселѣ старообрядческое священство, принятое, согласно утвердившемуся у старообрядцевъ обычаю, вторымъ чиномъ, подъ мνропомазаніе. И вотъ Павелъ, который никакъ не желалъ идти противъ этого, по его выраженію, „досточтимаго“ обычая предковъ, напротивъ и его между прочимъ приводилъ въ основаніе своихъ разсужденій, нашелся вынужденнымъ войти съ орловскими возражателями въ словопреніе, которымъ однакоже разубѣдить ихъ не успѣлъ. [1]).

Напротивъ московскіе старообрядцы, въ большинствѣ своемъ, какъ уже и было замѣчено выше, признали невозможнымъ согласиться съ тѣмъ павловымъ мнѣніемъ, что епископа можно принять по третьему чину: как достойные потомки перемазанцевъ, они утверждали, что епископъ можетъ быть принятъ не иначе, какъ только вторымъ чиномъ, подъ мνропомазаніе, и что третьяго чина еретиковъ въ настоящее время даже вовсе не имѣется.

По вопросу о чинопріятіи епископа обнаружилось такимъ образомъ въ средѣ старообрядцевъ тоже разногласіе, какое существовало прежде относительно принятія бѣгствующихъ священниковъ и породило споры между дьяконовцами и перемазанцами; разногласіе это имѣло даже очевидную связь съ тѣми спорами дьяконцевъ и перемазанцевъ: потомки обоихъ и теперь защищали тѣже, чтò и прежде, совершенно различныя положе-

---

1) Объ этомъ разногласіи и преніи съ орловскими старообрядцами самъ Павелъ рассказываетъ въ своемъ „Предложеніи московскому старообрядческому обществу“ (*Сбор. о. Онуфрія*), Недовольствуясь устной бесѣдой, орловскіе старообрядцы обѣщали Павлу въ доказательство своего мнѣнія прислать „отъ святыхъ писаній удостовѣреніе,“ чтò однакоже Павелъ съ своей стороны считалъ невѣроятнымъ.

нія,—одни доказывали, что епископа вторымъ чиномъ принимать невозможо, другіе утверждали напротивъ, и утверждали „голословно,“ что только вторымъ чиномъ и можно принять епископа. Если Павелъ имѣлъ причины не согласиться съ мнѣніемъ первыхъ, то неменѣе побужденій имѣлъ онъ возразить и противъ мнѣнія московскихъ старообрядцевъ,—защитниковъ перемазанства,—что̀ дѣйствительно и сдѣлалъ. Возраженія его, написанныя въ формѣ вопросовъ, были очень сильны; но мнѣнія, принятаго „благочестивымъ московскимъ обществомъ“, все-таки не измѣнили и Павелъ долженъ былъ, какъ мы говорили уже, окончательное рѣшеніе вопроса о будущемъ чинопріятіи епископа отложить до того времени, когда отыскано будетъ самое лицо, подлежащее пріятію, чтобы тогда, соображаясь съ обстоятельствами, рѣшить вопросъ этотъ обще-соборнымъ разсужденіемъ.

III. Встрѣтивъ такимъ образомъ на первыхъ-же порахъ затрудненія къ рѣшенію вопроса о чинопріятіи епископа, и именно къ рѣшенію въ томъ смыслѣ, какъ ему желательно было по многимъ серьёзнымъ соображеніямъ, инокъ Павелъ съ этого времени еще больше озаботился мыслію—какъ поступить, чтобы не возникло разнорѣчій и сомнѣній въ старообрядческихъ обществахъ, когда потребуется уже неотлагательное, *самымъ дѣломъ*, рѣшеніе этаго вопроса, и постоянно имѣлъ въ виду пріисканіе всевозможныхъ средствъ и способовъ къ устраненію ожидаемыхъ при этомъ затрудненій. Такъ во время путешествія по восточнымъ странамъ, когда для него уже было очевидно, что за неимѣніемъ „древлеправославныхъ“, якобы сокровенно живущихъ епископовъ, придется заимствоваться архіерействомъ отъ грековъ, онъ постоянно дѣлалъ наблюденія относительно трехпогружательнаго у грековъ крещенія и наблюденія эти, какъ мы видѣли, съ особеннымъ тщаніемъ излагалъ въ своихъ посланіяхъ, которыя предполагалось распространять между старообрядцами. Распространеніе-же „достовѣрныхъ“ извѣстій о трехпогружательномъ въ грекахъ крещеніи нужно было именно въ видахъ пресѣченія всякихъ сомнѣній относительно возможности пріятія отъ грековъ священства: ибо основное, принятое у старообрядцевъ правило, которое

опять особенно старался утвердить и распространить инокъ Павелъ, гласило, что священство достойно къ пріятію отъ всѣхъ еретиковъ, кромѣ не имѣющихъ правильнаго крещенія и посему подлежащихъ первому чину, а относительно грековъ въ старообрядческихъ обществахъ, къ немалому, какъ оказалось теперь, прискорбію самихъ-же старообрядцевъ, издавна утвердилось мнѣніе, основанное главнымъ образомъ на искаженномъ Проскинитаріѣ Суханова, что будто-бы они—греки именно крещеніе содержатъ неправильное,—крестятъ чрезъ обливаніе. Такимъ образомъ инокъ Павелъ, отвергая это общепринятое у старообрядцевъ мнѣніе своими обстоятельными, на личныхъ наблюденіяхъ основанными извѣстіями о повсюду существующемъ у грековъ трехпогружательномъ крещеніи, имѣлъ въ виду именно устранить главное и единственное въ глазахъ старообрядцевъ препятствіе къ принятію священства отъ грековъ. Но оставалась еще другая забота—какъ расположить старообрядцевъ къ пріятію епископа-грека не вторымъ (чего требовала большая часть изъ нихъ), а третьимъ чиномъ, ибо не предвидѣлось возможности, чтобы кто-нибудь изъ епископовъ — грековъ согласился подчиниться пріятію подъ мѵропомазаніе. Это затрудненіе много облегчили для Павла такъ искуссно веденные и такъ счастливо кончившіеся переговоры съ Амвросіемъ: во все время переговоровъ и при заключеніи письменныхъ условій, какъ мы видѣли, не было сказано ничего опредѣленнаго относительно чинопріятія, которому долженъ подлежать Амвросій, и слѣдственно этотъ послѣдній не могъ уже предъявлять съ своей стороны никакихъ на этотъ счетъ своихъ собственныхъ требованій, тогда какъ Павелъ напротивъ, въ случаѣ надобности, опираясь на нѣкоторыя включенныя въ условіе выраженія, могъ отъ Амвросія требовать, чтобы онъ подчинился пріятію даже вторымъ чиномъ, подъ мѵропомазаніе. Впрочемъ инокъ Павелъ и въ это время все еще желалъ и не терялъ надежды устроить пріятіе Амвросія только чрезъ проклятіе ересей, то-есть третьимъ чиномъ. Тогда именно, покончивъ дѣло съ Амвросіемъ и проживая еще въ Константинополѣ, написалъ онъ замѣчательное сочиненіе, которое намѣренъ

былъ предъявить старообрядцамъ, какъ руководство къ окончательному рѣшенію вопроса о чинопріятіи „богодарованнаго владыки:“ здѣсь Павелъ, представивъ доказательства, что Амвросій, какъ и всѣ греки, крещенный въ три погруженія, несумнительно можетъ быть принятъ старообрядцами въ сущемъ его санѣ, опять проводилъ, хотя не такъ уже рѣшительно, какъ прежде, все туже мысль, что пріятіе епископа, и именно епископа изъ грековъ, можетъ быть исполнено по третьему чину.

Новое сочиненіе Павла называлось: *Краткое соображеніе, или сличеніе о равныхъ религіяхъ, то-есть вѣрахъ, за ереси осужденныхъ, однако тѣхъ только, отъ которыхъ дѣйствуемыя тайны, крещеніе и хиротонія, по правиламъ святыхъ соборовъ, въ православную церковь къ пріятію есть достойны.*[1]) Разсмотрѣнію подвертнуты слѣдующіе еретики: 1) новатіане, или чистые еретики, 2) аріане, 3) несторіане, 4) евтихіане, 5) единовольники, 6) иконоборцы, и потомъ (будто бы тоже „за ереси осужденные“) 7) никоніане и 8) нынѣшніе греки. А самое разсмотрѣніе сдѣлано по слѣдующимъ шести пунктамъ: „а) Когда (еретики подлежащіе разсмотрѣнію) за ереси ихъ осуждены и на случай обращенія ихъ въ православіе какимъ чиномъ принимать опредѣлены? б) погрѣшеніе въ догматахъ вѣры о самомъ божествѣ; в) погрѣшеніе въ догматахъ закона церковнаго (?), вселенскими соборами утверженныхъ; г) погрѣшеніе въ обычаяхъ церковныхъ, въ богослуженіи и молитвословіи; д) обычай въ народѣ; е) образецъ къ принятію священства отъ еретиковъ.“

Само собою разумѣется, что наибольшую важность имѣли здѣсь проведенныя по всѣмъ этимъ пунктамъ „соображенія“ о никоніанахъ и нынѣшнихъ грекахъ; но и разсмотрѣніе древнихъ еретиковъ сдѣлано было не безъ цѣли, которая выступаетъ оссобенно ясно въ статьяхъ о евтихіанахъ, единовольникахъ и инокоборцахъ. Здѣсь именно говорится, что всѣ они осуждены вселенскими соборами, всѣ погрѣшали относительно существенныхъ догматовъ христіаскаго

---

[1]) Мы пользуемся спискомъ этого сочиненія, находящимся въ *Сборникѣ о. Онуфрія.*

вѣроученія, всѣ оказывали непокорство вселенской церкви, — и, не смотря на то, были принимаемы отъ ереси только *третьимъ чиномъ*, какъ явствуетъ изъ соборныхъ опредѣленій и бывшихъ „образцевъ" чинопріятія, каковы суть: пріятіе патріарха Іоанна отъ ереси севировой, патріарха Пирра — отъ ереси единовольниковъ и множества епископовъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ — отъ ереси иконоборческой. Такіе образцы принятія третьимъ чиномъ отъ ересей, столь важныхъ и столь рѣшительно осужденныхъ вселенскими соборами, должны были вести прямо къ заключенію, что тѣмъ паче дозволительно допустить именно такого рода чинопріятіе относительно еретиковъ гораздо менѣе значительныхъ, каковы никоніане и нынѣшніе греки. Правда, заключенія этого Павелъ не высказываетъ прямо; но къ нему должно было само собою вести, непосредственно за разсмотрѣніемъ евтихіанъ, единовольниковъ и иконоборцевъ слѣдовавшее, сличеніе съ ними никоніанъ и нынѣшнихъ грековъ, — сличеніе, составленное съ особеннымъ тщаніемъ.

О тѣхъ и другихъ, о россіянахъ и грекахъ, сказано, что они „вселенскими соборами не суждены", такъ что представляется совершенно непонятнымъ, за что же помѣстилъ ихъ Павелъ въ число „еретиковъ за ереси осужденныхъ". О тѣхъ и другихъ сказано потомъ, что „никоніане во Святую Троицу и Христа Спасителя вѣруютъ православно", а греки вообще „въ догматахъ вѣры о самомъ Божествѣ никакой погрѣшности не имѣютъ, *что есть главный пунктъ православія*". И далѣе о тѣхъ и другихъ говорится также, что „всѣ седмь вселенскіе и девять помѣстные православные соборы они пріемлютъ". Такимъ образомъ давалось вѣдать старообрядцамъ, что никоніане и греки имѣютъ великое превосходство предъ древними еретиками, не должны быть судимы такъ строго, какъ эти послѣдніе, и потому еще удобнѣе, чѣмъ они, могутъ-быть принимаемы отъ ереси третьимъ чиномъ. Правда, Павелъ исчисляетъ и разныя (мнимыя) отступленія россіянъ и грековъ отъ чистоты православія, — у первыхъ даже потщился найти якобы „погрѣшенія въ догматахъ вѣры о самомъ Божествѣ", и именно указалъ (къ своему собственному

посрамленію) слѣдующія мнимыя погрѣшенія: „имя Іисусово, пишемое съ единою іотою, опорочили.... зловредно (?) аки бы оно не изображаетъ Спасителя, но инаго нѣкоего равноухаго Ісуса[1]); еще же Пресвятую Владычицу нашу Богородицу только отъ воплощенія Сына Божія исповѣдуютъ православно, а до зачатія Христова исповѣдуютъ быти ю просту дѣвицу и подобно прочимъ женамъ прародительную скверну въ себѣ имѣвшу, но якобы очищена она только архангеловымъ благовѣстіемъ: такъ у нихъ напечатано въ книгѣ *Скрижали*. Симъ отъемлютъ Богородицы честь и дѣлаютъ ю пороку причастну, да аки бы Богъ не въ силахъ былъ сотворить себѣ и на земли сіе одушевленное небо, отнюдь никакой скверны не причастно".[2]) Потомъ никоніанъ Павелъ обвинилъ еще въ томъ, что, принимая вселенскіе и помѣстные соборы, они отвергаютъ россійскій Стоглавый соборъ и филаретовскій, а грековъ — что приняли „новомосковскій неправославный соборъ", то-есть соборъ 1667 года. И никоніанъ и грековъ онъ обвинилъ далѣе въ томъ, что употребляютъ якобы чуждое православной церкви

[1]) Здѣсь, очевидно, Павлу слѣдовало говорить не о томъ, что будто бы имя *Ісусъ похулено* великороссійскою церковію, а о томъ, что *принято ею* „писать имя Спасителя съ приложеніемъ другой гласной литеры *иже*, тако: *Іисусъ*, означающее явѣ инаго Іисуса, его же православная церковь прежде сего никогда не исповѣдала." Такъ именно и выражалъ Павелъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ (напримѣръ въ своей *Церковной исторіи*, на стр. 58, откуда мы и заимствовали приведенныя слова) эту якобы догматическую погрѣшность великороссійской церкви въ ученіи о имени Спасителя; но въ настоящемъ случаѣ онъ, по лукавству, уклонился отъ прямаго выраженія своей мысли, такъ-какъ обвиняя великороссійскую церковь въ ереси за имя *Іисусъ*, онъ долженъ былъ бы въ той же ереси обвинить и церковь греческую, чего, по разнымъ соображеніямъ, ему на сей разъ неудобно было сдѣлать; ему, напротивъ, нужно было сказать, что „въ догматахъ вѣры Греки вообще *никакой погрѣшности не имѣютъ*." Вотъ почему въ примѣръ мнимаго „погрѣшенія русскихъ въ догматахъ вѣры" онъ и указываетъ здѣсь мнимую хулу ихъ на имя *Ісусъ*.

[2]) Вооружаясь противъ этого православнаго ученія, Павелъ такимъ образомъ проповѣдуетъ и здѣсь, вполнѣ совпадающее съ новымъ римско-католическимъ догматомъ, ученіе „о непорочномъ зачатіи" Пресвятой Дѣвы, которое съ большимъ тщаніемъ развивалъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ (оно высказано, какъ мы говорили уже, и въ бѣлокриницкомъ *Уставѣ* и съ особенною полнотой въ *Церковной исторіи*: см. стр. 40—42, 44—47).

троеперстное и именословное перстосложеніе, „въ богослуженіи и въ стихословіи, въ чинахъ и уставахъ церковныхъ многія учинили перемѣны (якобы) напротивъ древле-православной церкви". Тѣхъ и другихъ обвинилъ наконецъ въ содержаніи неправославныхъ обычаевъ — брадобритія, сверхъ-естественнаго употребленія табаку, и др. Но всѣ эти мнимыя погрѣшности и отступленія отъ чистоты православія, содержимыя никоніанами и нынѣшними греками, старообрядцы, по самому строгому объ нихъ сужденію, должны были признать если не менѣе, то никакъ уже не болѣе важными, чѣмъ изложенныя передъ тѣмъ догматическія, церковныя и иныя тяжкія погрѣшенія евтихіанъ, единовольниковъ и иконоборцевъ. Если же отъ сихъ послѣднихъ приходящія священныя лица были принимаемы церковію въ сущемъ ихъ санѣ *третьимъ чиномъ*, то отсюда и слѣдовало заключить, что тѣмъ же чиномъ безвозбранно могутъ быть принимаемы священныя лица приходящія отъ никоніанъ и грековъ. Этого заключенія опять-таки инокъ Павелъ, наученный опытомъ, прямо не высказалъ, хотя имѣлъ къ тому ближайшій поводъ, такъ-какъ въ послѣднихъ статьяхъ своего „соображенія" о никоніанахъ и нынѣшнихъ грекахъ занимался именно рѣшеніемъ вопроса о принятіи отъ оныхъ священства, согласно существующимъ „образцамъ".

Эти двѣ статьи „о образцахъ къ принятію священства отъ никоніанъ и нынѣшнихъ грековъ", очевидно, составляли самую важную, существенную часть въ сочиненіи Павла, и онъ употребилъ не мало старанія и не мало своего обычнаго лукавства, чтобы составить ихъ въ смыслѣ благопріятномъ такому именно рѣшенію вопроса о принятіи Амвросія, какое было ему желательно всего болѣе, — составить такъ, чтобы изъ нихъ само собою слѣдовало, что пріятіе должно быть учинено по третьему чину. Изысканія относительно „никоніанскаго" священства въ этомъ случаѣ, повидимому, служили ему не на пользу, такъ какъ „образецъ", или общепринятый у старообрядцевъ обычай требовалъ пріятія бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви іереевъ вторымъ чиномъ — подъ мѵропомазаніе; но Павелъ умѣлъ довольно ловко вывернуться изъ этого затрудненія

и даже обратить его въ свою пользу. По обычаю своему не очень заботясь о правдѣ и не обращая большаго вниманія на свидѣтельства исторіи, онъ рѣшительно утверждалъ. что такое правило установлено старообрядцами только будто бы со временъ Петра І-го, между тѣмъ какъ дотолѣ якобы общимъ обычаемъ у старообрядцевъ было принимать священниковъ третьимъ чиномъ, и что такая перемѣна относительно чинопріятія послѣдовала главнымъ образомъ вслѣдствіе будто бы принятаго при Петрѣ великороссійскою церковію римскаго ученія о поливательномъ крещеніи. „Отъ великороссійской церкви (писалъ онъ) принимали старообрядцы священниковъ и простыхъ людей до времени Петра І-го императора третьимъ чиномъ; а послѣ того и донесь принимаются приходящіе оттоль уже вторымъ чиномъ. Самая причина въ премѣненіи чина въ принятіи отъ великороссійской церкви священства съ третьяго чина на вторый произошла отъ важнаго переворота въ самомъ сердцѣ великороссійской церкви со временъ Петра І-го императора, а именно: сверхъ смѣшенія съ обливанцами, малороссіанцами и украинцами, когда Петръ І-й, путешествуя по нѣмецкимъ землямъ, вздумалъ подобно тѣмъ преобразить и Россію, и при томъ, похитивъ власть духовную, учичтожилъ существованіе московскаго партіарха, пожелалъ быть главой народа и главой церкви, — церкви уже Никономъ съ праваго пути совращенной, — сей другій тиранъ, между новостьми, чего отъ Никона введено не было, ввелъ беззаконное брадобритіе и чрезъестественный грѣхъ открыто въ употребленіи табака, наипаче же еще и о самой первой и главной тайнѣ церковной святаго крещенія предалъ великороссійской церкви мудрствовать по всему согласно латинамъ, такъ что якобы не весьма нужно трехпогружательное крещеніе, а довольно обливанія какимъ-нибудь образомъ, что даже повелѣніемъ его отъ самаго правительствующаго духовнаго синода *догматомъ церкви постановлено* (?) и напечатано въ книгѣ именуемой: *Оправданіе о поливательномъ крещеніи*....[1]) И какъ обнародовалось въ великороссійской

1) Далѣе Павелъ приводитъ изъ этого сочиненія Өеофана Прокоповича

церкви таковое противузаконное догматствованіе, *съ тѣхъ поръ* наши общества заблагоразсудили въ принятіи священниковъ поступать тверже, то-есть вмѣсто третьяго чина принимать вторымъ, только бы самъ приходящій священникъ трехпогружательнаго крещенія былъ, согласно соборному повелѣнію святѣйшаго Филарета, въ великомъ потребникѣ напечатанному.... Послѣдовало также въ нашихъ христіанѣхъ во времена Петра I-го и раздѣленіе, по причинѣ той, что нѣкоторые не восхотѣли перемѣнить первый обычай въ принятіи священниковъ отъ третьго чина на второй. И такъ составилась отдѣльная отъ насъ секта подъ названіемъ діаконовцевъ, ибо нѣкій діаконъ виновникъ былъ сего несогласія и раздора церковнаго".[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что ре-

---

нѣсколько выраженій и объясняетъ ихъ въ томъ смыслѣ, что будто бы „отвергается оными за ненужное не только погруженіе, но даже и троекратное число (?), и тѣмъ совершенно попирается пятьдесятое правило св. Апостолъ, въ коемъ сказано: аще кто не креститъ въ три погруженія, изъ сана да отвержется". Приведенныя Павломъ выраженія изъ Ѳеофановой книжки, дѣйствительно, не совсѣмъ осторожныя, если разсматривать ихъ внѣ связи (какъ именно и разсматриваетъ Павелъ), въ общемъ составѣ рѣчи совсѣмъ не имѣютъ того смысла, какой онъ постарался имъ усвоить: все содержаніе и цѣль книжки о „поливательномъ крещеніи", какъ извѣстно, направлены были только къ тому, чтобы устранить крайнія раскольническія мнѣнія о крещеніи, по нуждѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по принятому обычаю, совершаемомъ чрезъ обливаніе, но вовсе не къ тому, чтобы крещенію сему отдать предпочтеніе предъ крещеніемъ трехпогружательнымъ, тѣмъ паче „отвергнуть" это послѣднее. Весьма справедливыя замѣчанія объ этомъ см. у отца игумена Павла (*Собр. сочиненій*, изд. 2, стр. 229—231).

[1]) Здѣсь явная несообразность. Начало особой дьяконовской секты положено въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, и самъ дьяконъ Александръ казненъ въ 1820 году; а сочиненіе Ѳеофана Прокоповича о поливательномъ крещеніи напечатано первый разъ въ 1724 году (см. Пекар. *Наука и литература при Петрѣ*, т. II, стр. 610 и слѣд.). Если допустить, какъ утверждаетъ Павелъ, что отдѣленіе дьяконовцевъ отъ прочихъ старообрядцевъ произошло „изъ-за перемѣны перваго обычая въ принятіи священниковъ", то перемѣна эта, очевидно, не могла находиться въ связи съ изданіемъ книжки о поливательномъ крещеніи, которая явилась на свѣтъ спустя довольно времени послѣ отдѣленія дьяконовцевъ отъ прочихъ раскольниковъ поповскаго согласія. На самомъ же дѣлѣ появленіе дьяконовскаго толка не имѣло ничего общаго съ вопросомъ о чинопріятіи священниковъ, и мнѣніе дьяконовцевъ по этому вопросу сдѣлалось однимъ изъ

формы Петра I-го въ общественной и особенно религіозной жизни русскаго народа много содѣйствовали усиленію раскола, укоренію враждебныхъ отношеній раскольниковъ къ гражданскому и церковному правительству: распоряженія, прямо направленныя къ уничтоженію благоговѣйно чтимыхъ русскихъ обычаевъ, чрезъ введеніе обычаевъ иноземныхъ, каковы — употребленіе нѣмецкаго платья, бритье бородъ, куреніе табаку, особенно же измѣненіе издревле существовавшаго въ Россіи церковнаго устройства чрезъ отмѣну патріаршества, дали дѣйствительно раскольникамъ новый удобнѣйшій поводъ обвинять русскую церковь въ отступленіи отъ древлеотеческаго благочестія, проповѣдывать „настатіе“ временъ антихристовыхъ и еще крѣпче замкнуться въ своемъ собственномъ кругу. Несомнѣнно также, что не послѣднее мѣсто при этомъ заняла и книжка о поливательномъ крещеніи, съ самаго появленія своего крайне враждебно принятая раскольниками и перетолкованная въ смыслѣ доказательства, что великороссійская церковь приняла поливательное крещеніе якобы во всеобдержный обычай. Но того значенія, какое усвояетъ ей Павелъ, она все-таки не имѣла, и та его мысль, что будто бы именно изданіе этой книжки побудило раскольниковъ принимать приходящихъ отъ великороссійской церкви священниковъ непремѣнно вторымъ чиномъ, вмѣсто третьяго, какъ было дотолѣ, лишена историческаго основанія. Исторія раскола показываетъ напротивъ, что старообрядцы и прежде временъ Петра, очень за долго до изданія книжки о поливательномъ крещеніи, принимали иногда священниковъ и вторымъ, и даже первымъ чиномъ (какъ принимали мірянъ)[1], — что вообще опредѣленнаго правила на сей предметъ у нихъ

отличительныхъ пунктовъ ихъ ученія уже со времени извѣстныхъ споровъ ихъ съ перемазанцами, а дотолѣ они отличались отъ прочихъ старообрядцевъ, кромѣ извѣстныхъ частныхъ мнѣній, принятыхъ еще при Александрѣ, вообще менѣе фанатическими, чѣмъ у другихъ раскольниковъ, понятіями о православной церкви.

[1]) Примѣры этого указаны выше, въ 1-й главѣ; это засвидѣтельствовали и сами раскольники на перемазанскомъ соборѣ 1779 года. (См. Іоан. *Ист. извѣст. о раск.* стр. 4, ч. 42).

не существовало до того самаго времени, пока не было сварено ими на Рогожскомъ кладбищѣ собственное муро, вслѣдствіе чего и возникли извѣстные споры перемазанцевъ съ діяконовцами: тогда-то большинство постановило правиломъ перемазывать приходящихъ отъ церкви іереевъ, то-есть принимать ихъ вторымъ чиномъ, и правило это сдѣлалось общимъ у поповцевъ (за исключеніемъ дьяконовцевъ). Инокъ Павелъ и самъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ, какъ далеко въ словахъ своихъ о книжкѣ Прокоповича отступалъ отъ истины; но ему нужно было доказать, что со временъ Петра россійская церковь признала обливательное крещеніе правильнымъ и законнымъ, даже предпочла его трехпогружательному, какъ будто бы несомнѣнно явствуетъ изъ упомянутой книжки, и что собственно съ этого времени, по изданіи этой злополучной книжки, начали старообрядцы принимать приходящихъ отъ великороссійской церкви священниковъ вторымъ чиномъ, вмѣсто третьяго, каковымъ принимали дотолѣ, — и вотъ онъ потщился доказать это, нисколько не заботясь объ исторической правдѣ. А доказать это Павлу нужно было ради удобнѣйшаго рѣшенія, въ желаемомъ для него смыслѣ, чрезвычайно важнаго вопроса о чинопріятіи греческаго священства.

Какъ же именно рѣшалъ онъ этотъ вопросъ въ своемъ сочиненіи? „Отъ греческой церкви (писалъ онъ) послѣ нововведеній никоновыхъ въ принятіи священства *образца еще не было,* ибо ихъ попы не способны для русскаго народа ради языка, архіерея же принимать не осмѣливались; потому *донынѣ* и не имѣли надобности вникать о существѣ ихъ вѣры обстоятельно, и лучше къ русскимъ попамъ привыкли по словесности ихъ.“ *Нынѣ* такая надобность явилась. Какимъ же образцомъ слѣдуетъ руководиться въ принятіи священства отъ греческой церкви? Очевидно — образцомъ въ принятіи священства отъ церкви россійской, съ которою греческая имѣетъ ближайшее сходство. Относительно россійской церкви инокъ Павелъ доказалъ уже, что пока небыло основанія обвинять ее въ усвоеніи обливательнаго крещенія, старообрадцы принимали отъ оной священниковъ третьимъ чиномъ: теперь, если будетъ доказано, что грече-

скую церковь невозможно заподозрить даже въ снисходительности къ употребленію поливательнаго крещенія, то само собою будетъ явствовать, что принятіе священства отъ грековъ можетъ-быть безъ всякаго сумнѣнія совершаемо по „прежнему“, допетровскому образцу въ принятіи священства отъ церкви великороссійской. И вотъ, вмѣсто прямаго отвѣта на вопросъ о чинопріятіи Амвросія и вообще приходящихъ отъ греческой церкви священныхъ лицъ, Павелъ предлагаетъ читателямъ статью: *О трехпогружательномъ въ грекахъ крещеніи.* Здѣсь онъ замѣчаетъ прежде всего, что „довольно уже извѣщалъ письменно“ старообрядцевъ о повсемѣстномъ существованіи въ цареградской патріархіи, къ которой принадлежитъ Амвросій, трехпогружательнаго крещенія, и что теперь приведетъ немногія свидѣтельства. И вопервыхъ приводитъ свидѣтельство самого Амвросія, который „по долгу присяги, съ цѣлованіемъ святаго образа и своеручнымъ подписаніемъ, завѣрилъ ихъ—Павла и Алимпія,—что крещенъ въ три погруженія“: ибо отецъ его былъ „всеревностный священникъ и всеопасный хранитель предписаній церковныхъ“, а въ требникѣ греческомъ именно „напечатано крестить въ три погруженія, какъ и самое слово у нихъ показуетъ *ваптизма*“; да и самъ онъ „твердо помнитъ, что еще во время ученія его грамотѣ, бывшій въ то время въ Эносѣ архіерей хотящихъ происходить въ попы на экзаменацыи испытывалъ каждаго, твердо ли знаетъ своей восточной греческой церкви законъ и поучалъ, дабы различить могъ отъ западнаго латинскаго, а особенно о крещеніи младенцевъ“; такъ поступали и прочіе эносскіе архіереи; такъ и самъ онъ — Амвросій „во все время своего священничества дѣйствовалъ и прочихъ тоже творящихъ повсюду видѣлъ“. Вовторыхъ, Павелъ ссылается опять на свои собственныя наблюденія въ Царѣградѣ, въ Сиріи и въ Палестинѣ, гдѣ „самъ очевидно видѣлъ устроеніе крестильней и самое трехпогружательное дѣйствіе, и по многихъ распросахъ ни отъ одного человѣка не слыхалъ, не только чтобы въ нынѣшнее время греки обливаніемъ крестили, но ниже помнитъ кто, чтобы когда у нихъ обливали.“ Затѣмъ слѣдуетъ сравненіе въ этомъ отношеніи греческой

церкви съ русскою, въ которомъ и заключается сущность дѣла. „Если взвѣсить греческія патріархіи съ россійскими митрополіями (отколь мы принимали священниковъ), найдемъ, что греческая церковь въ главномъ догматѣ вѣры состоитъ весьма справедливѣе великороссійской. Потому что греческая церковь обливаніемъ дѣемое крещеніе латинскою схизмой порицаетъ, и если обличенъ будетъ за обливаемое крещеніе греческій попъ въ верховной духовной ихъ власти, абіе за то отрѣшается отъ парохіи и отлучается отъ службы. А великороссійская церковь ругаетъ сумазбродами, аѳеистами, прямыми безбожниками, кто не пріемлетъ обливательное крещеніе за православное, что явствуетъ въ книгѣ печатанной отъ правительствующаго сѵнода 1724 года, подъ названіемъ: *Оправданіе о поливательномъ крещеніи*, и всему свѣту извѣстно, что цѣлыя епархіи имѣетъ въ Малороссіи и Украйнѣ, гдѣ всеобдержно въ крещеніи обливаютъ". „Итакъ, если мы принимали священниковъ отъ великороссійской церкви не сомнѣваясь, то кольми паче о принятіи нынѣ митрополита Амвросія за крещеніе никакого сомнѣнія быть не должно." Но какимъ же именно чиномъ надлежитъ принять Амвросія? Этого осторожный инокъ Павелъ не сказалъ и здѣсь, предоставивъ самимъ читателямъ сдѣлать заключеніе, ясно вытекающее изъ указанныхъ имъ выше образцовъ чинопріятія отъ евтихіанъ, единовольниковъ, инокоборцевъ, а особенно отъ церкви великороссійской, отъ которой приходящіе священники, по его словамъ, были принимаемы третьимъ чиномъ до самыхъ лѣтъ Петра I-го и даже до изданія книжицы о поливательномъ крещеніи, то есть, по его объясненію, до тѣхъ поръ, пока великороссійская церковь не признала будто бы сіе крещеніе безусловно законнымъ и правильнымъ.

Таково было по содержанію и характеру написанное Павломъ *Соображеніе о вѣрахъ*. Сочиненіе это онъ намѣренъ былъ сообщить старообрядцамъ разныхъ обществъ, какъ руководство къ окончательному рѣшенію вопроса о чинопріятіи Амвросія. И вопервыхъ онъ передалъ экземпляръ *Соображенія о вѣрахъ* поселившемуся въ Славскомъ скиту иноку Аркадію, прежнему настоятелю Лаврентьева монастыря, когда вмѣстѣ съ Амвро-

сіемъ, на пути изъ Константинополя въ Вѣну, останавливался на нѣсколько дней въ некрасовскихъ селеніяхъ. При этомъ Павелъ прежде всего имѣлъ въ виду подѣйствовать на самого Аркадія, который, какъ не могъ онъ не замѣтить, все еще колебался разными сомнѣніями относительно учреждаемой іерархіи, а также былъ нечуждъ сомнѣнія относительно личности новопріобрѣтеннаго митрополита, хотя и обращался къ нему съ должнымъ почтеніемъ; затѣмъ Павелъ надѣялся, что Аркадій, какъ человѣкъ уважаемый старообрядцами за вѣдѣніе писанія и преданность „древнему благочестію,“ лучше всякаго можетъ разъяснить дѣйствительный смыслъ сочиненія и другимъ, вообще — приготовить добруджинскихъ старообрядцевъ къ желаемому рѣшенію вопроса о чинопріятіи Амвросія. Списки сочиненія, полные, или же только важнѣйшихъ статей его, были посланы и въ разныя россійскія старообрядческія общества. [1])

IV. Вполнѣ достигнуть цѣли, для которой написано было *Соображеніе о вѣрахъ*, Павлу однако-же не удалось. И вопервыхъ, славскіе отцы, на соборномъ совѣщаніи съ выборными отъ некрасовскихъ селеній, происходившимъ 23-го іюня въ часовнѣ Славскаго скита, рѣшили вопросъ о чинопріятіи Амвросія несовсѣмъ такъ, какъ желательно было Павлу и какъ-бы слѣдовало по смыслу его сочиненія. На Аркадія, если вѣрить его собственному признанію, это павлово сочиненіе произвело рѣшительное вліяніе. „Не скры-

---

[1]) Такъ въ извѣстномъ письмѣ своемъ въ Торжокъ, гдѣ подробно изложена исторія пріобрѣтенія Амвросія, Павелъ въ самомъ концѣ помѣстилъ всю статью „о трехпогружательномъ въ грекахъ крещеніи“, выписавъ ее слово въ слово изъ *Соображенія о вѣрахъ* и прибавивъ только слѣдующее заключеніе: „*Вторительно уже* васъ о семъ утруждаемъ и просимъ благаго вашего о Христѣ совѣта. Безпристрастно все вышеписанное разсмотрите и, какъ передъ Богомъ, свое мнѣніе нелицемѣрно намъ откройте, какъ вамъ Богъ вразумитъ, *и поскорѣе увѣдомьте, доколѣ еще дѣло не кончено,* дабы послѣ времени не дать мѣста между насъ поселиться враждѣ (чего Боже сохрани!) на радость діаволу; а если нынѣ умолчите и послѣ противное на развратъ возглаголете, въ томъ да судитъ васъ Богъ!“ (*Пис. въ Торжокъ*, рук.) Въ Москву же списокъ павлова сочиненія, вѣроятно отвезенъ былъ Геронтіемъ въ послѣднюю его поѣздку туда съ Іеронимомъ, или даже нѣсколько ранѣе — Алимпіемъ.

ваю, — писалъ онъ впослѣдствіи, — а паче проповѣдую свое мнѣніе: видѣлъ митропотита, цѣловалъ его руку, но все еще не былъ расположенъ; былъ провожаемъ изъ Сарыкёя отцемъ Павломъ, но только я молчалъ и не объявлялъ своего мнѣнія. Здѣсь получилъ отъ него *правила* и принялъ ихъ хладнокровно. По прибытіи-же въ свою келью началъ оныя читать, и по прочтеніи *въ одну минуту десяти-лѣтнее сомнѣніе меня оставило* и я сотворился отъ инаго инымъ". [1]) Отъ чего-бы ни зависѣла эта перемѣна, такъ мгновенно совершившаяся, — убѣдился ли Аркадій доводами инока Павла въ законности и правильности новоучреждаемой іерахіи отъ амвросіева корене, или, — что гораздо вѣроятнѣе, — дѣйствовалъ подъ вліяніемъ ожидаемыхъ отъ этой іерархіи выгодъ для всего старообрядчества и для себя лично, [2]) только съ этого времени онъ дѣйствительно становится жаркимъ поборникомъ бѣлокриницкаго священства и защитникомъ Амвросія. Съ *Соображеніемъ о вѣрахъ* онъ познакомилъ настоятеля Славскаго скита и нѣкоторыхъ, свѣдущихъ въ писаніи иноковъ, такъ что, когда на соборѣ надлежало при-

---

1) Письмо Аркадія въ Бѣлую-Криницу отъ 25 апрѣля 1847 г.

2) Что Аркадій никогда не покидалъ сомнѣній относительно Амвросія и начавшуюся отъ него іерархію никогда не признавалъ *вполнѣ* правильною и законною, это очевидно и изъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ его писемъ. Такъ наприм. отъ 18 октября 1861 года онъ писалъ Кириллу: „Владыко святый! Если бы я на сей хартіи открылъ вамъ амвросіевы недостатки!.. Но открыть не на пользу, развѣ когда потребуется надобность. Амвросій принятъ *по великой нуждѣ*, а не по обдержнымъ правиламъ... Если по обдержнымъ правиламъ повѣрять всѣхъ (нашихъ) святителей достоинства, то *затворите церкви вся... Покойный Павелъ намъ на вопросъ объ Амвросіи не далъ отвѣта: и теперь лучше молчать*" (Подлинное письмо въ *Бѣлокр. арх.*). Вотъ что писалъ еще Аркадій около того же времени къ каменскому попу Василью: „Глаголеши: вратами подобаетъ внити. Отче, вратами входа нѣсть, понеже человѣцы изнемогоша. *Церковь наша вся на случайныхъ обстоятельствахъ, и вратъ не иматъ*, т. е. обдержныя правила празднуютъ (остаются праздны, безъ исполненія)... Разсмотримъ *самый корень* — Амвросія: *не вратами, но тѣснотою, съ великою нуждою!* Я однажды отцу Павлу написалъ о Амвросіи пунктовъ до четырнадцати: онъ отвѣтъ далъ. Я паки возразилъ: не о томъ вопрошаю; но не погрѣшилъ ли о вѣрѣ Амвросій (*а что? — не подобаетъ глаголати*)? *И такъ отецъ Павелъ не доказалъ.* (Подлинное пис. въ *Бѣлокр. арх.*).

ступить къ разсужденіямъ о чинопріятіи Амвросія, они прежде всего предложили Аркадію прочесть, какъ руководство къ предстоящимъ разсужденіямъ, это павлово сочиненіе. Всѣ слушали его со вниманіемъ, и выслушавъ нѣкоторые сказали: „это очень хорошо, — дай Богъ привести дѣло въ совершеніе!“ Но тогда въ некрасовскихъ селеніяхъ образовалась уже значительная партія недовольныхъ пріобрѣтеніемъ архіерея — грека, громко проповѣдывавшихъ, что Амвросія, какъ обливанца, какими они считали всѣхъ грековъ согласно свидѣтельству мнимаго Суханова и прочихъ раскольническихъ авторитетовъ, никакъ не возможно принять въ сущемъ его санѣ. На славскомъ соборѣ находились нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ этой партіи, — инокъ Іовъ, Илія Градищанскій (одинъ изъ сарыкёйскихъ депутатовъ), Власій, Филаретъ и другіе: они и здѣсь объявили, вопреки всѣмъ доказательствамъ Павла, что отъ грековъ принимать священство не подобаетъ. Защищать противъ нихъ павлово сочиненіе, а вмѣстѣ и самое дѣло Амвросія выступилъ бывшій лаврентьевскій инокъ Евфросинъ, извѣстный своею начитанностію. Съ этимъ великимъ „книгчіемъ“ некрасовскимъ грамотѣямъ трудно было состязаться: онъ засыпалъ ихъ свидѣтельствами изъ разныхъ уважаемыхъ старообрядцами книгъ, которыя приводилъ съ буквальной точностью. „Началъ Ефросинъ, — расказываетъ одинъ изъ присутствовавшихъ на соборѣ, — приводить свидѣтельства, съ *Кириловой*, и изъ *Вѣры, и Кормчей*: и какъ онъ на какую книгу укажетъ, и мы посмотримъ, вѣрно-ли онъ говоритъ, — и такъ вѣрно, что даже ни въ одномъ словѣ ошибки не замѣтили“. [1]) Упорства некрасовскихъ грамотѣевъ инокъ Евфросинъ не поколебалъ своими доказательствами; но, не зная что̀ отвѣтить ему, они все-таки принуждены были замолкнуть. Послѣ этого вопросъ: *можно-ли* принять Амвросія? — считали рѣшеннымъ въ пользу принятія. Слѣдовало разсмотрѣть другой: *какимъ чиномъ* принять его? Согласно изложенному въ сочиненіи Павла ученію о грекахъ, на основаніи церковныхъ правилъ и святоподобій, Аркадій и

1) Гончаровъ въъ *Первомъ начатіи происшествія...*

его единомышленники настаивали, что Амвросія надлежитъ принять третьимъ чиномъ. Нашлось немало такихъ, которые высказались въ пользу этого мнѣнія; противники-же Амвросія опять заявили, что отъ грековъ съ соблюденіемъ священства никого принять невозможно. Тогда настоятель инокъ Макарій, чтобы примирить ту и другую сторону, предложилъ свое посредствующее мнѣніе: „ради многихъ немощныхъ и писанія несвѣдущихъ, привыкшихъ къ священникамъ, которые всеобдержно принимаемы суть вторымъ чиномъ, такожде и нынѣ приступающаго греческаго митрополита Амвросія принять тѣмъ-же вторымъ чиномъ, если онъ не тяжко себѣ вмѣнитъ на сіе соизволить“. „Сумнящіеся“ и теперь остались при своемъ прежнемъ рѣшеніи; а большинство согласилось съ мнѣніемъ старца Макарія, и тутъ-же рѣшено было составить соборное опредѣленіе въ такомъ смыслѣ, что хотя на основаніи церковныхъ правилъ и святоотеческихъ примѣровъ (указанныхъ въ павловомъ *Соображеніи о вѣрахъ*) признано правильнымъ сдѣлать пріятіе Амвросія третьимъ чиномъ, „но, согласно предложенію настоятеля инока Макарія, ради указанныхъ имъ причинъ, положили принять митрополита вторымъ чиномъ.“ Это постановленіе, или „дѣяніе“ славскаго собора, по порученію предсѣдателя и присутствовавшихъ, было записано Аркадіемъ [1]) и вручено для доставленія въ Бѣлокриницкій монастырь находившемуся тогда въ Славскомъ скиту и также присутствовавшему на соборѣ — иноку Онуфрію.

Понятно, что инокъ Павелъ не могъ быть доволенъ такимъ исходомъ соборныхъ совѣщаній въ Славскомъ скиту, доказавшихъ самымъ дѣломъ, что его пресловутое *Соображеніе о вѣрахъ* несильно поколебать утвердившееся въ старообрядческихъ обществахъ мнѣніе о грекахъ и укоренившійся обычай принятія приходящихъ отъ ереси священныхъ лицъ подъ муропомазаніе. Его увѣренность въ неотразимой силѣ приведенныхъ въ *Соображеніи* аргументовъ съ этого времени значительно ослабѣла и надежда устроить приня-

1) Текстъ его приводится въ „Соборномъ дѣяніи Бѣлокриницкаго монастыря“, о которомъ будетъ сказано ниже.

тіе Амвросія третьимъ чиномъ поколебалась еще больше; но окончательно онъ все еще не терялъ этой надежды, тѣмъ болѣе, что и въ самомъ опредѣленіи славскаго собора рѣшительно высказана мысль, что *по правиламъ слѣдовало-бы* принять Амвросія именно третьимъ чиномъ, а рѣшеніе принять его вторымъ чиномъ ограничено условіемъ: *если самъ Амвросій не тяжко себѣ вмѣнитъ на сіе соизволить.*

Для окончательнаго рѣшенія вопроса теперь особенно важно было, какія мнѣнія и отзывы даны будутъ, по прочтеніи *Соображенія*, другими заграничными старообрядческими обществами, особенно же россійскими. Чтобы дождаться этихъ отзывовъ, и еще чтобы склонить и представителей липованскихъ обществъ въ пользу желаемаго Павломъ чинопріятія, — вотъ для чего потребовалось между прочимъ то время, которое прошло по пріѣздѣ Амвросія изъ Вѣны до торжественнаго объявленія его бѣлокриницкимъ владыкой. Съ бѣлокриницкими и иныхъ липованскихъ селеній стариками — дьякомъ Кипріаномъ Тимоѳеевымъ, Полякомъ Иваномъ Кирилловымъ, Иваномъ Тихоновымъ и другими, Павлу не трудно было управиться: тогда онъ уже пользовался безграничнымъ ихъ довѣріемъ, какъ человѣкъ, совершившій такія дѣла, о какихъ они и помыслить не смѣли. Отъ представителей липованскихъ обществъ Павелъ дѣйствительно заручился обѣщаніемъ, что они, согласно его желанію, будутъ требовать пріятія Амвросія третьимъ чиномъ. Но ожиданія Павла относительно полученія отзывовъ на его *Соображеніе* отъ разныхъ старообрядческихъ обществъ внѣ Буковины оказались напрасны: дни проходили за днями, а мнѣній по вопросу о чинопріятіи Амвросія ниоткуда не получалось. Прибыли только для личнаго присутствія на соборныхъ разсужденіяхъ по этому вопросу депутаты молдавскаго старообрядческаго общества: ясскій знаменитый уставщикъ Никифоръ Панкратьевъ и ясскіе-же купцы Лонгинъ Богомоловъ и Яковъ Желѣзниковъ. Павелъ былъ очень обрадованъ ихъ пріѣздомъ; но, побесѣдовавъ съ ними, онъ увидѣлъ однакоже, что по вопросу о чинопріятіи Амвросія молдавскіе депутаты намѣрены твердо отстаивать общепринятый у старообрядцевъ обычай. Съ этого времени

Павелъ совсѣмъ почти утратилъ надежду устроить принятіе Амвросія третьимъ чиномъ. Между тѣмъ откладывать еще далѣе рѣшеніе этого дѣла не представлялось уже настоятельной надобности, и въ воскресенье, 27-го октября, назначено было въ монастырской церкви общее торжественное собраніе для рѣшенія соборнымъ разсужденіемъ вопроса: какимъ чиномъ надлежитъ принять Амвросія въ старообрядчество?

Здѣсь однакоже встрѣтилось неожиданное, но очень важное затрудненіе. Принятіе Амвросія, третьимъ-ли чиномъ, или, какъ теперь слѣдовало ожидать, вторымъ, подъ мvропомазаніе, долженъ былъ совершить единственный въ Бѣлой-Криницѣ и во всей Буковинѣ черный попъ Іеронимъ, котораго, какъ мы говорили, для этой собственно цѣли пріобрѣли и держали въ своемъ монастырѣ Геронтій и Павелъ. Такихъ расчетовъ на его особу Іеронимъ въ простотѣ своей не подозрѣвалъ до тѣхъ самыхъ поръ, когда очевиднѣйшимъ образомъ обнаружилось, что отъ него потребуется услуга величайшей важности для всего старообрядческаго міра. Съ самаго поступленія въ этотъ темный міръ встрѣчая однѣ только невзгоды и оскорбленія, Іеронимъ впервые почуствовалъ теперь, что онъ сила, что отъ него зависитъ судьба дѣла, которымъ заинтересовано все старообрядчество,—и при всемъ своемъ простосердечіи рѣшился воспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что не могъ не сообразить, какимъ значительнымъ ущербомъ угрожаетъ всему бѣгствующему іерейству, и ему вчастности, учрежденіе самостоятельной раскольнической іерархіи въ Бѣлой-Криницѣ. И вотъ Іеронимъ объявляетъ Геронтію и Павлу, что принимать Амвросія отъ мнимой ереси, тѣмъ паче перемазывать какимъ-то фальшивымъ раскольническимъ мvромъ онъ не станетъ. Дѣло могло бы принять очень серьезный оборотъ, еслибы Геронтій и Павелъ были менѣе хитры и лукавы, а Іеронимъ болѣе твердъ и проницателенъ. Зная вполнѣ характеръ этого послѣдняго, Геронтій приступилъ къ нему съ самыми лестными обѣщаніями всевозможныхъ наградъ отъ признательнаго старообрядчества за участіе въ событіи такой важности, какъ

учрежденіе старообрядческой іерархіи: краснорѣчиво расписалъ ему разныя ожидающія его выгоды и между прочимъ рѣшительно обѣщалъ, что онъ, священноинокъ Іеронимъ, произведенъ будетъ въ намѣстники Амросія, то-есть въ епископы, а затѣмъ пожалуй и въ митрополиты.... Простодушіе Іеронима, падкаго на всякія житейскія выгоды, уступило этимъ льстивымъ обѣщаніямъ, — онъ согласился наконецъ быть духовнымъ отцомъ Амвросія и воспріять его въ старообрядчество. [1])

Предстояло, правда, еще болѣе важное затрудненіе со стороны самого Амвросія, неслыхавшаго доселѣ ни о какихъ ожидающихъ его чинопріятіяхъ. Павелъ чувствовалъ дѣйствительно всю щекотливость неизбѣжныхъ на этотъ счетъ объясненій съ митрополитомъ, особенно-же въ томъ случаѣ, когда рѣшено будетъ принять его подъ мѵропомазаніе; [2]) но въ благопріятномъ исходѣ этихъ объясненій онъ ни мало не сомнѣвался, зная, что Амвросій, связанный условіями и поставленный въ безвыходное положеніе, находился совершенно въ его рукахъ и долженъ былъ на все согласиться.

V. Происходившія на бѣлокриницномъ соборѣ разсужденія о чинопріятіи Амвросія инокъ Павелъ изложилъ въ особомъ сочиненіи, подъ оѳиціальнымъ названіемъ *Соборнаго дѣянія* [3]). Павелъ написалъ его собственно для старообряд-

---

[1]) *Зап. о. Онуфрія.* Здѣсь говорится между прочимъ: „Въ часъ принятія Амвросія Іеронимъ восторжествовалъ было: наканунѣ, съ вечера, не хотѣлъ быть и на соборѣ и никакъ не мазать; настоятель едва-едва могъ уговорить его, приласкавши будущимъ намѣстничествомъ, и дарами и прочими мѣрами."

[2]) Въ этомъ случаѣ Павелъ и друзья его особенно опасались со стороны Амвросія вопросовъ о мнимомъ раскольническомъ мѵрѣ: „боялись, пишетъ инокъ Онуѳрій, чтобъ онъ не спросилъ насъ о нашемъ мѵрѣ, — какое оно, и гдѣ взяли его и отъ кого." На эти вопросы, дѣйствительно, и самъ Павелъ не нашелся бы дать мало-мальски удовлетворительный отвѣтъ По' этому между прочимъ, прибавляетъ о. Онуѳрій, „мы всѣ и настаивали, чтобы не мазать Амвросія ничѣмъ, признавали, что очень незаконно". (*Зап. о. Онуфрія.*)

[3]) Вотъ полное надписаніе этого павлова сочиненія: „Соборное дѣяніе Бѣлокриницкаго старовѣрческаго монастыря, состоящаго въ Буковинѣ

ческихъ обществъ, съ цѣлію — показать симъ послѣднимъ и всему вообще старообрядческому міру, какъ будто-бы благоговѣйно и мирно, къ какою осмотрительностью и съ какимъ попеченіемъ о соблюденіи церковныхъ правилъ учинено было принятіе перваго бѣлокриницкаго епископа, положившаго основаніе новой старообрядческой іерархіи. По этому павлову описанію соборныя разсужденія начались и происходили слѣдующимъ образомъ:

27-го октября, въ воскресенье, по окончаніи литургіи, сдѣланы въ монастырской церкви надлежащія приготовленія къ открытію собора: „на амвонѣ, на убранномъ налоѣ, положено св. Евангеліе съ предстоящею возженною свѣщей; по обѣимъ сторонамъ отъ амвона вдоль церкви, для засѣданія присутствующимъ, поставлены во многомъ числѣ стулья; а посрединѣ, на другомъ налоѣ, положена Кормчая книга, притомъ-же приготовлены и другія книги на случай справокъ въ божественномъ писаніи“.

Около вечеренъ три раза ударили въ колоколъ, и всѣ собравшіеся для присутствія на соборѣ, предводимые Іеронимомъ и Геронтіемъ, вошли въ церковь; положили „началъ“ и заняли мѣста по достоинству и чину каждаго: „по одной странѣ въ началѣ сидѣлъ настоятель монастыря инокъ Геронтій со всѣми своими соборными старцами и прочими иноками; а по другой, также въ началѣ, сидѣлъ священноинокъ Іеронимъ, а за нимъ уставщикъ бѣлокриницкой церкви Кипріанъ Тимоѳеевъ, потомъ отъ Молдавіи депутаты, ясскіе купцы Никифоръ Панкратіевъ, Яковъ Ивановъ Желѣзниковъ и Лонгинъ Андреевъ Богомоловъ, а далѣе и прочіе депутаты отъ своихъ слободъ, какъ-то бѣлокриницкіе, соколинскіе и мехидрскіе; прочіе-же единовѣрные христіяне, собравшіеся изъ окрестныхъ слободъ въ безчисленномъ (!) множествѣ, предстояху съ угнетеніемъ“.

австрійской державы, о чиноприятіи желающаго вступить въ нашу древле-греко-россійскую православную церковь, греческаго господина митрополита Амвросія, 27-го октября 7354 (1846) года“. *Соборное дѣяніе* въ первый разъ напечатано было игуменомъ Парѳеніемъ въ *Книгѣ о промыслѣ* (стр. 61 — 75). Мы пользуемся болѣе исправнымъ спискомъ, находящимся въ *Сбор. о. Онуфрія.*

Геронтій открылъ соборныя разсужденія краткимъ обращеніемъ къ присутствовавшимъ, въ которомъ просилъ ихъ „разсуждать и строить предлежащее дѣло безъ всякаго лицемѣрія, сообразно святыхъ писаній“, и постановилъ самый вопросъ подлежащій обсужденію: „приступающаго нынѣ въ наше древлеистинное православіе отъ нынѣшней греческой религіи, господина высокопреосвященнѣйшаго митрополита Амвросія, какимъ чиномъ принять его долженствуетъ?“

„Откройте и предложите на среду, какія есть во святомъ писаніи по сему предмету правила святыхъ соборовъ и какіе примѣры отъ собывшихся въ древлеправославной церкви святоподобій“: такъ (будто-бы) „отвѣщалъ соборъ“ на предложеніе Геронтія.

Пріискивать правила и святоподобія не предстояло надобности: все это надлежащимъ образомъ было уже сдѣлано Павломъ въ его *Соображеніи о вѣрахъ*, и настоятель предложилъ теперь приступить именно, какъ было и на славскомъ соборѣ, къ чтенію этого павлова сочиненія. Читалъ, по приказанію Геронтія, самъ авторъ, съ приличными объясненіями, и въ потребныхъ мѣстахъ, для пущей убѣдительности, вычитывалъ правила непосредственно изъ Кормчей, — вообще „инокъ Павелъ (какъ самъ замѣчаетъ въ *Соборномъ дѣяніи*) настоятельское повелѣніе исполнилъ въ полной мѣрѣ, такъ что для всякаго со вниманіемъ слушающаго было ясно и внятно“. Такъ какъ на основаніи тѣхъже самыхъ, прочитанныхъ теперь, правилъ и святоподобій на одномъ соборѣ уже было сдѣлано постановленіе о чинопріятіи Амвросія, то прочитано было, вслѣдъ за *Соображеніемъ о вѣрахъ*, и это постановленіе славскаго собора.

Затѣмъ приступили къ совѣщаніямъ и разсужденіямъ. Первые подали голосъ молдавскіе депутаты. „Помолчавъ мало и посовѣтовавъ между собою, они возгласили ко всему собору: не лучше-ли (?) учинить такъ, какъ положилъ мнѣніе Славскаго скита настоятель, на чемъ положился и весь соборъ задунайскій, дабы ради многихъ немощныхъ и совершенно не свѣдущихъ писанія приступающаго нынѣ въ наше православіе греческаго господина митрополита Амвросія принять вторымъ чиномъ?“.

И такъ молдавскіе депутаты высказали мнѣніе, противное раскрытому въ въ павловомъ *Соображеніи о вѣрахъ*; но защитниками этого послѣдняго выступили настроенные Павломъ депутаты отъ буковинскихъ раскольническихъ селеній: „бѣлокриницкіе-же депутаты и весь народъ, слышавшіе соображеніе по прочитаннымъ правиламъ и яснымъ святоподобіямъ, самымъ дѣломъ въ древлеправославной церкви сбывшимся, желали конечно положиться, дабы принятіе господина митрополита учинено было третьимъ чиномъ.“

Тогда въ качествѣ посредника между тою и другою стороной явился одинъ изъ молдавскихъ депутатовъ, купецъ Лонгинъ Богомоловъ. „Приступивъ къ настоятелю, онъ предъ соборомъ *благочинно* предложилъ свое мнѣніе, что принятіе г. митрополита третьимъ чиномъ, сообразно правиламъ св. отецъ и сбывшимся святоподобіямъ, *признаетъ воистину правильнымъ*; но однако нѣтъ-ли какого средства, чтобъ учинить принятіе г. митрополита вторымъ чиномъ и на томъ-бы можно утверждаться святымъ писаніемъ безъ погрѣшительности? — Тогда-бы соборное наше дѣйствіе согласовало и съ прежнимъ всеобдержнымъ обычаемъ, какъ мы уже издавна принимаемъ священниковъ, и успокоило-бы совѣсть прочихъ многихъ единовѣрныхъ нашихъ христіянъ, *не могущихъ участвовать въ теперешнемъ нашемъ соборѣ и въ такомъ понятіи*, каковой ради вины и задунайскій соборъ рѣшился, чтобы согласить г. митрополита подъ второй чинъ, если будетъ возможно.“

Настоятель инокъ Геронтій на обращенный къ нему запросъ Богомолова отвѣчалъ, „съ подтвержденіемъ и прочихъ иноковъ“, цѣлою рѣчью, въ которой заявилъ рѣшительно, что „чрезъ принятіе Амвросія вторымъ чиномъ обнаружится одна только неуважительная къ нему жестокость, на которую *не видится подобнаго образца въ цѣломъ христіанскомъ вѣкѣ*: понеже для всѣхъ, хотя бы и простыхъ, приходящихъ отъ ереси въ православіе, столь важное въ древлевселенской церкви положено снисхожденіе, что даже и крещенію подлежащихъ за единъ стыдъ, обнаженія ради, повелѣно принимать безъ покрещеванія (какъ гласитъ первое правило въ отвѣтахъ святѣйшаго Тимоѳея архіепископа александ-

дрійскаго); а кольми паче столь высокимъ лицамъ, приступающимъ въ истинное православіе, всегда оказываемо было снисхожденіе!“ Но высказавшись такъ рѣшительно противъ принятія Амвросія вторымъ чиномъ, Геронтій однакоже заключилъ свою рѣчь заявленіемъ, что и такое, вторымъ чиномъ, принятіе правиламъ непротивно: „что касается до правилъ и безпогрѣшительной возможности, дабы возможно было г. митрополита, аще самъ соизволитъ, принять вторымъ чиномъ, и о томъ есть *безсумнительныя свидѣтельства*“. Такія безсумнительныя свидѣтельства онъ заимствовалъ именно изъ толкованія на 8 правило перваго вселенскаго собора и еще изъ „книги Никифора патріарха отъ правилъ соборныхъ, въ патріаршемъ греческомъ потребникѣ, иже хранится въ Москвѣ на Печатномъ дворѣ“ [1]).

Затѣмъ повѣствуется въ *Дѣяніи*, что „нѣцыи, аки забывшись, еще вопрошали: можетъ-ли священникъ принять епископа, когда по церковнымъ узаконеніямъ меншій отъ большаго благословляется?“ И въ разрѣшеніе этого вопроса предлагается наполненное софизмами пространное павлово разсужденіе о власти іереевъ вязать и разрѣшать (на исповѣди) даже святѣйшихъ патріарховъ, о равенствѣ пресвитерскаго и архіерейскаго чина относительно строенія тайнъ, и пр.[2]).

Наконецъ для рѣшенія всѣхъ разногласій „отцы монастырскіе, вседушно пекущіеся, дабы при столь великомъ богодарованномъ священно-духовномъ источникѣ не отчуж-

---

[1]) Свидѣтельство это, по всей вѣроятности, придуманное самимъ Павломъ, было приведено имъ еще раньше, въ указанномъ выше „Посланіи къ Московскимъ старообрядцамъ о предположеніи найти архіерея“.

[2]) Это разсужденіе, помѣщенное въ *Дѣяніи*, имѣетъ буквальное сходство съ сказаннымъ по этому же вопросу въ статьѣ: „Изъясненіе недоумѣній, чрезъ кого и когда на приходящихъ отъ ересей хиротонисанныхъ лицъ приходитъ благодать Духа Святаго“, представленной Павломъ московскому старообрядческому обществу въ 1842 году, содержаніе которой мы изложили выше. Въ *Соборное дѣяніе* Павелъ, очевидно, внесъ это разсужденіе съ цѣлію—отстранить могущія встрѣтиться по указанному вопросу недоумѣнія въ тѣхъ старообрядческихъ обществахъ, для которыхъ *Дѣяніе* назначалось и которымъ статья, писанная для московскихъ старообрядцевъ, могла быть неизвѣстна.

дить немощныхъ души отъ любве и единенія вѣры, предложили собору заключительное слово въ слѣдующемъ. Если угодно будетъ всему богодухновенному (!) собору, положимся на всемогущій и спасительный промыслъ Божій, да будетъ намъ въ знаменіе непререкаемое, — предложимъ наше требованіе самому богодарованному нашему господину митрополиту: если онъ на вторый чинъ согласить свою совѣсть произволитъ, то такъ есть угодно и Божіей воли; а если отвергнетъ требованіе, яко ожесточенныхъ, тогда и мы отвергнемъ все малодушіе прочихъ и учинимъ пріятіе его третьимъ чиномъ.“

„На сіе *вси до единаго*, бывшіе на соборѣ, *единогласно* возгласили: воистину тако сотворить надлежитъ, да и воля Божія открыта намъ будетъ!“

Къ объясненію съ Амвросіемъ положено было приступить въ слѣдующій день, утромъ, совершивши „всенощное бдѣніе святителю Чудотворцу — Николѣ“, — нарочитому яко бы покровителю Павла и такъ какъ будтобы подъ его-же особеннымъ заступленіемъ совершилось все дѣло объ учрежденіи „древлеправославной іерархіи,“ теперь доведенное до послѣдняго заключительнаго акта. Наконецъ „вси единодушно предъ святымъ Евангеліемъ положили обычный началъ и съ миромъ разошлися“.

Такъ мирно и благочинно происходили на бѣлокриницкомъ соборѣ совѣщанія о чинопріятіи Амвросія, по сказанію Павла въ *Соборномъ дѣяніи*; но въ дѣйствительности было несовсѣмъ такъ. Пока продолжалось чтеніе правилъ, тоесть павлова *Соображенія о вѣрахъ* и акта дѣяній славскаго собора, еще соблюдался нѣкоторый порядокъ; но едва приступили къ „разсужденіямъ“, какъ начались обычные на раскольническихъ сборищахъ шумные и безпорядочные споры. Вотъ что̀ пишетъ объ этомъ пресловутомъ соборѣ непосредственный участникъ его и безпристрастный свидѣтель: „Охъ, какое тѣсное было время! Съ вечера происходилъ соборъ шумною толпой,—кто кричитъ: надо мазать, какъ мазали бѣглыхъ поповъ! а больше кричали: не надо маза̀ть! Даже Амвросій, сидя въ кельѣ, слышалъ эти крики и приходилъ въ крайнее смущеніе, не зная, за что такое

народное движеніе; но ему все передавали въ самомъ превратномъ и тихомъ видѣ. И хотя больше было такихъ которые кричали: не надо мазать! однако голосъ перемазанцевъ взялъ верхъ: рѣшили мазать.“ [1]). И рѣшеніе это было окончательное, такъ что всѣми изъявленное затѣмъ согласіе предоставить дѣло свободному произволенію митрополита Амвросія, о чемъ повѣствуется такъ чувствительно въ *Соборномъ дѣяніи*, было одною только формальностью, которая не могла уже ни въ какомъ случаѣ измѣнить состоявшееся рѣшеніе, и на которую согласились тѣмъ охотнѣе, что никто не допускалъ и мысли, чтобъ Амвросій могъ воспротивиться общему соборному рѣшенію. А между тѣмъ формальность эта, въ глазахъ Павла и прочихъ главныхъ дѣятелей по учрежденію іерархіи, имѣла весьма важное значеніе: она могла быть представлена какъ свидѣтельство оказаннаго старообрядцами подобающаго митрополиту Амвросію уваженія, и вмѣстѣ могла служить доказательствомъ, что принятіе по второму чину состоялось вслѣдствіе свободнаго и непринужденнаго соизволенія со стороны самого митрополита, какъ требовали и славскіе отцы, — вообще открывала возможность придать всему дѣлу тотъ благовидный характеръ, въ какомъ изобразилъ его впослѣдствіи на пользу и назиданіе старообрядцамъ дальновидный авторъ *Соборнаго дѣянія*.

И такъ пришло наконецъ время откровенно объясниться съ Амвросіемъ насчетъ предстоящаго ему „чинопріятія отъ ереси“. Формальное предложеніе этого дѣла на свободное яко-бы рѣшеніе самого Амвросія отложено было, какъ мы видѣли, до утра 28-го октября; но Павелъ приступилъ къ объясненію въ ту же ночь, какъ только были окончены соборныя разглагольствія и участники собора разошлись по кельямъ и домамъ: онъ понималъ необходимость теперь-же, немедленно, рѣшить трудный вопросъ, чтобы утромъ, на формальное предложеніе, Амвросій могъ уже дать опредѣленный, готовый отвѣтъ. Какъ происходило это секретное объясненіе Павла съ Амвросіемъ, въ тишинѣ ночи, съ гла-

---

[1]) *Записки* о. Онуфрія.

зу на глазъ, безъ постороннихъ свидѣтелей, въ присутствіи одного только переводчика, жившаго вмѣстѣ съ ними, въ однѣхъ и тѣхъ-же кельяхъ, — объ этомъ инокъ Павелъ не любилъ говорить даже съ своими ближайшими друзьями. Представивъ состоявшееся рѣшеніе, какъ неизмѣнную волю народа, расказавъ о своихъ долгихъ и напрасныхъ усиліяхъ отклонить это рѣшеніе, онъ, разумѣется, привелъ всѣ возможные аргументы, чтобы склонить Амвросія подчиниться народной волѣ: указалъ примѣры изъ Священнаго писанія, какъ даже великіе святые дозволяли себѣ ради спасенія ближнихъ отступленіе отъ правилъ, допускали дѣйствія неодобряемыя ихъ совѣстію, — „какъ блаженный Павелъ Апостолъ, будучи зельный запретитель іудейскихъ обычаевъ, ради мира и союза церковнаго повелѣлъ ученику своему Тимоѳею обрѣзаться по іудейскому закону“ и т. п.; не скрылъ, вѣроятно, и того, что Амвросію не слѣдуетъ слишкомъ строго смотрѣть на предстоящее ему чинопріятіе посредствомъ мѵропомазанія, — что чинопріятіе это будетъ исполнено больше для формы, ради успокоенія народа, а въ сущности и значенія имѣть не будетъ, ибо и настоящаго мѵра въ Бѣлой-Криницѣ, да и вообще у старообрядцевъ, не имѣется. Но для Амвросія убѣдительнѣе всѣхъ павловыхъ аргументовъ была, конечно, совершенная безвыходность его положенія, — положенія „рыбы во мрежи сѣдящей“ и человѣка „сжатаго клещами“, какъ нѣкогда выразился о немъ самъ-же инокъ Павелъ. Продавшись липованамъ, разорвавъ окончательно всѣ связи съ обществомъ, къ которому принадлежалъ доселѣ, могъ-ли Амвросій противиться тому, что Павелъ называлъ народнымъ липованскимъ рѣшеніемъ? „И онъ, бѣдненькій (такъ повѣствуетъ непосредственный свидѣтель тогдашнихъ бѣлокриницкихъ событій), будучи завезенъ въ чужую землю и въ другіе языки, и не хотѣлъ, а долженъ былъ и поневолѣ рѣшился — исполнить желаніе народа“. [1]) И такъ Амвросій, конечно, не безъ упрековъ Павлу, неупоминавшему прежде ни о какихъ чинопріятіяхъ, изъявилъ согласіе быть принятымъ

[1]) Тамъ же.

по образцу еретиковъ втораго чина. Это согласіе однакоже стоило дорого и Павлу и всему раскольническому обществу: можно рѣшительно сказать, что съ этой именно поры возникло и утвердилось въ Амвросіи то глубокое отвращеніе къ расколу и раскольникамъ, котораго даже предъ самими раскольниками не скрывалъ онъ впослѣдствіи при многихъ случаяхъ, и съ этого-же времени сталъ онъ смотрѣть на свои отношенія къ расколу исключительно съ денежной стороны, какъ на коммерческую сдѣлку, какъ на средство получать деньги съ раскольниковъ, что также съ крайнимъ прискорбіемъ скоро замѣчено было самими бѣлокриницкими властями.

Утромъ 28-го числа, послѣ всенощнаго бдѣнія святителю и Чудотворцу-Николѣ, согласно принятому наканунѣ рѣшенію, отправилась къ Амвросію депутація съ формальнымъ отъ собора предложеніемъ — соблаговолить на присоединеніе къ старообрядчеству посредствомъ втораго чина. Депутація состояла только изъ настоятеля инока Геронтія „съ нѣкоторыми отцами"; міряне-же, не исключая и почетныхъ ясскихъ гостей, были устранены отъ участія въ оной, какъ надобно думать, изъ опасенія, какъ-бы Амвросій даже и теперь не сказалъ чего-нибудь такого, чего постороннимъ свидѣтелямъ слышать не подобаетъ, и въ томъ соображеніи, что на постороннихъ вообще не можетъ произвести благопріятнаго впечатлѣнія объясненіе съ митрополитомъ посредствомъ толмача. Амвросій встрѣтилъ депутацію уже съ готовымъ отвѣтомъ и конечно не вступалъ съ нею въ длинныя разглагольствія. Въ *Соборномъ дѣяніи* излагается однакоже „трогательная бесѣда", которую будто бы имѣли съ нимъ явившіеся въ качествѣ депутатовъ отъ собора бѣлокриницкіе отцы. Теперь ли именно, или наканунѣ, въ объясненіяхъ съ однимъ только Павломъ, были сказаны тѣ слова, которыя отъ имени Амвросія приводятся въ *Дѣяніи*, во всякомъ случаѣ въ этихъ словахъ нельзя не обратить вниманія на два слѣдующія, очевидно, Амвросію принадлежащія изреченія. Выслушавъ предложеніе — присоединиться отъ мнимой ереси къ мнимо-древнему православію посредствомъ втораго чина, вѣроятно, изложенное отъ

имени собора инокомъ Павломъ, Амвросій „обратился къ нему *веселымъ лицомъ* и сказалъ: *видно и ты Павелъ глупый!*“ Вотъ и все, что, по откровенному, сверхъ ожиданія, рассказу самого Павла въ *Соборномъ дѣяніи*, отвѣтилъ Амвросій; но въ этомъ краткомъ отвѣтѣ выразилось, можно сказать, все его презрѣніе къ расколу, такъ какъ смыслъ отвѣта очевидно тотъ, что всѣ раскольники, по мнѣнію Амвросія, совершенные невѣжды, и что былъ между ними одинъ только человѣкъ, котораго считалъ онъ и умнымъ и стоющимъ уваженія, но и тотъ оказался теперь нелучше другихъ, такимъ-же, какъ всѣ прочіе, „глупымъ“... И очень понятно, что обманутый, оскорбленный Амвросій, въ отвѣтъ на обидное и нелѣпое предложеніе о чинопріятіи отъ ереси, рѣшился сказать эту горькую правду прямо въ глаза иноку Павлу при цѣлой депутаціи изъ бѣлокриницкихъ отцовъ; одному трудно повѣрить, чтобы въ ту тяжелую для него пору и на предложеніе такого рода могъ онъ отвѣчать „веселымъ лицомъ“. Другое замѣчательное изреченіе Амвросія сказано имъ, по свидѣтельству *Соборнаго дѣянія*, въ отвѣтъ на „простертую къ нему трогательную“ рѣчь, въ которой убѣждали его къ согласію на соборное предложеніе и указаннымъ выше примѣромъ апостола Павла и совершенно неподходящими къ дѣлу примѣрами святаго Григорія Богослова, который „изволилъ оставить патріаршій престолъ, да не будетъ его ради церковная распря“, также святаго пророка Іоны, который, „за спасеніе только сущихъ въ кораблѣ повелѣлъ себя бросить въ море“. Убѣжденный будто-бы этою рѣчью, митрополитъ Амвросій, „обратясь къ настоятелю съ братіей“, сказалъ наконецъ: „изволяю на ваше предложеніе; *только съ тѣмъ, да будетъ свидѣтель Богъ, если состоитъ въ этомъ какой грѣхъ, да будетъ на васъ, а я чистъ отъ таковаго.*“ И такъ вотъ чѣмъ Амвросій хотѣлъ успокоить свою совѣсть, согласившись, хотя и по нуждѣ, но все-таки сознательно, на преступное дѣло: подражая извѣстному примѣру, и онъ умываетъ руки, клянется, что онъ чистъ отъ грѣха, и всю вину за грѣхъ слагаетъ на другихъ.... А эти другіе, опять какъ будто стараясь именно подражать извѣстному-же примѣру, охотно бе-

рутъ его грѣхъ на себя: „отцы съ радостію на то соглашовали“, прибавляетъ *Соборное дѣяніе*....

VI. О изволеніи Амвросія на пріятіе вторымъ чиномъ немедленно возвѣщено было всему „благочестивому“ собранію, ожидавшему возвращенія депутаціи, и затѣмъ начался звонъ къ литургіи. По прочтеніи часовъ Амвросій вошелъ въ церковь, облаченный въ мантію и „въ достодолжномъ сопровожденіи“; положилъ началъ и отдалъ поклоненіе народу (ибо, замѣчаетъ *Соборное дѣяніе*, пребывая въ монастырѣ съ 15-го по 27-е октября, и обычаю нѣсколько приспособился); прошелъ въ алтарь, и тамъ облачился въ полное архіерейское облаченіе московскаго художества. За симъ началось дѣйствіе чинопріятія. Инокъ Павелъ въ *Соборномъ дѣяніи* описалъ его довольно кратко, съ замѣтною, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, осторожностью выраженій. Приводимъ это описаніе. „Облачившись во вся святительскія облаченія, вышелъ (митрополитъ) изъ алтаря и сталъ на амвонѣ, гдѣ приготовлены (были) два налоя рядомъ, — на первомъ для митрополита положенъ списанный чинъ проклятія ересей, *съ переводомъ на греческія литеры, а выговоръ словъ порусски*, точно такъ, какъ напечатано въ нашемъ потребникѣ, на другомъ-же налоѣ положенъ для священника раскрытый номоканонъ. Митрополитъ, стоя предъ царскими дверьми, началъ *велегласно, русскимъ языкомъ*, проклинать всѣ ереси (поелику онъ имѣетъ способность (?) говорить пославянски и кромѣ греческихъ литеръ; хотя босанское нарѣчіе есть самое сербское нарѣчіе, но почти во всѣхъ существенныхъ словахъ единогласуетъ съ русскими словами[1]). По проклятія-

[1]) Вотъ единственное извѣстіе, что будтобы Амвросій „имѣлъ способность говорить пославянски и кромѣ греческихъ литеръ“; но извѣстіе это, какъ и все примѣчаніе, Павелъ внесъ въ *Соборное дѣяніе* собственно для успокоенія старообрядцевъ, такъ какъ для нихъ совершенное незнакомство Амвросія съ славянскимъ языкомъ и славянской грамотой могло служить немалымъ соблазномъ и поводомъ къ разнаго рода недоумѣніямъ. А что Амвросій на самомъ дѣлѣ не умѣлъ говорить пославянски, на это самъ Павелъ здѣсь же представилъ доказательство, сказавши, что чинъ проклятія ересей былъ для Амвросія „переведенъ на греческія литеры“, чего, разумѣется, совсѣмъ бы не потребовалось, еслибы Амвросій дѣйствительно умѣлъ „говорить пославянски *и кромѣ греческихъ литеръ*“.

тіи ересей принялъ себѣ во отца духовнаго нашего священноинока Іеронима, *исповѣдавшись ему во святомъ алтарѣ, выполняя и прочее все, какъ есть законоположено во второмъ чинѣ* [1]). Окончивши-же *должнымъ порядкомъ* принятіе, священникъ отверзъ царскія двери, возгласилъ къ народу пристойное поздравленіе, объявляя достоинство митрополита.“

Нельзя не обратить вниманія на то, что въ этомъ описаніи инокъ Павелъ, говоря о самомъ важномъ дѣйствіи совершеннаго надъ Амвросіемъ чинопріятія, употребилъ общее выраженіе: „выполняя и прочее все, какъ есть законоположено во второмъ чинѣ“, а не сказалъ прямо, что Іеронимъ, исповѣдавъ Амвросія, помазалъ его, какъ есть законоположено во второмъ чинѣ, освященнымъ мνромъ. Павелъ, очевидно, съ намѣреніемъ избѣгалъ этого выраженія; онъ какъ будто совѣстился назвать освященнымъ мνромъ то, что раскольники святотатственно выдавали за мνро, и не имѣлъ духа упомянуть о помазаніи, которое совершилъ надъ Амвросіемъ Іеронимъ... Съ такою-же осторожностію и краткостію выразился Павелъ и объ исповѣди господина митрополита во святомъ алтарѣ. Правда, въ тотъ-же самый день инокъ Павелъ предложилъ Іерониму подписать заранѣе приготовленное *Свидѣтельство о достоинствѣ Амвросія*, гдѣ объ этой исповѣди говорится пространно: „къ торжественному принятію его высокопреосвященства опредѣленъ былъ особенно нареченный *сей день*, въ который собрались всѣ общества окружныхъ мѣстъ и даже изъ-за границы нарочно присланные три депутата.... въ святую Бѣлокриницкую обитель, въ храмъ Пресвятыя Владычицы нашея и Приснодѣвы Маріи, честнаго и славнаго ея Покрова, гдѣ присту-

[1]) Въ напечатанномъ у игумена Парѳенія *Соборномъ дѣяніи* это мѣсто читается иначе, именно такъ: „по проклятіи ересей, *митрополитъ* принялъ себѣ во отца духовнаго священноинока Іеронима, *которому* исповѣдавшись въ алтарѣ, *былъ помазанъ отъ священника* (?) *святымъ мνромъ* (*Кн. о Пром.*, стр. 74). Но списокъ *Дѣянія*, которымъ мы пользуемся, какъ писанный въ Бѣлой-Криницѣ и принадлежащій одному изъ лицъ присутствовавшихъ на соборѣ и принимавшихъ ближайшее участіе во всѣхъ бѣлокриницкихъ событіяхъ того времени, очевидно, слѣдуетъ предпочесть напечатанному въ *Книгѣ о промыслѣ*, который вообще большою исправностію не отличается.

пилъ я къ исповѣди его высокопреосвященства, по правиламъ святыхъ Апостолъ и богоносныхъ отецъ, представивъ ему съ великою важностію высокій его чинъ и о паствѣ неотложную его должность, даже и самую будущую смерть, судъ, муку грѣшныхъ и воздаяніе праведнымъ, *и испытавъ тщательно глубины сердца его, обрѣлъ его во всемъ по желанію нашему достойна*, и его высокопреосвященство съ сокрушеннымъ сердцемъ и въ страсѣ Божіи истинно исповѣдалъ всю сущность православныя христіянскія вѣры" и пр. [1]) Такъ разглагольствовалъ Павелъ о исповѣди Амвросія, говоря отъ имени Іеронима; но въ *Соборномъ дѣяніи* онъ выразился объ ней, какъ мы видѣли, очень осторожно, — не упомянулъ „о тщательномъ испытаніи глубинъ амвросіева сердца" и о прочемъ, понимая, конечно, какъ неудобно говорить объ этомъ, когда есть основаніе усомниться даже въ возможности самой исповѣди Амвросія предъ Іеронимомъ. Какъ могъ и въ самомъ дѣлѣ Амвросій, ни слова не знавшій порусски, исповѣдываться у Іеронима, ни слова не знавшаго погречески? Какая могла быть исповѣдь между двумя лицами, непонимавшими другъ друга? На этотъ именно вопросъ: какъ Амвросій исповѣдывался Іерониму?— одинъ изъ ближайшихъ участниковъ всего происходившаго тогда въ Бѣлой-Криницѣ далъ слѣдующій откровенный отвѣтъ: „затворились они оба въ алтарѣ *на нѣсколько минутъ*, уповательно — *посмотрѣли другъ на друга*, — тѣмъ и кончилась исповѣдь!" [2]) Вообще, все это дѣйствіе амвросіева чинопріятія, которому старообрядцы усвояютъ величайшее значеніе, каковое и должно принадлежать ему

---

[1]) Подлинное, собственноручно писанное Павломъ и только подписанное Іеронимомъ свидѣтельство (*Бѣлокр. арх.*). Оно было написано и хранилось въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, какъ видно, съ тою главнымъ образомъ цѣлію, чтобы въ случаѣ надобности могло служить для всѣхъ „сумнящихся" удостовѣреніемъ о истинномъ достоинствѣ Амвросія. На эту цѣль особенно ясно указываютъ слѣдующія слова: „его высокопреосвященство въ страсѣ Божіи истинно исповѣдалъ.... и то, что онъ истинно въ три погруженія крещенъ (о которомъ и приведшіе его изъ Царьграда монастырскіе отцы, испытавшіе дѣло въ странахъ тѣхъ потонку, насъ довольно объ этомъ увѣрили)."

[2]) Записки о. Онуфрія.

съ старообрядческой точки зрѣнія, походило скорѣе на н… кое „комедійное дѣйство“, такъ что и самъ раскольниче… кій повѣствователь, вопреки своему обычаю и несоотвѣ… ственно важности дѣла, описалъ оное, какъ мы видѣл… въ краткихъ и общихъ выраженіяхъ, не входя въ подро… ности...

Но этотъ же самый повѣствователь дѣлается неистощи… въ краснорѣчіи, когда вслѣдъ за симъ начинаетъ описыват… что происходило послѣ загадочнаго пребыванія Амвро… съ Іеронимомъ въ алтарѣ, — какъ митрополитъ „выступи… оттуда чрезъ царскія двери во всемъ своемъ святительско… облаченіи“, [1]) какъ „пріемъ въ руки трикиріи и дикирі… сталъ благословлять народъ прямо на церковь и по сторо… намъ“, — и какія все это произвело впечатлѣнія: „вотъ зр… лище трогательное и радость восхитительная всемогущи… промысломъ Божіимъ устроися нынѣ! На что вси люді… всякаго возраста и сословія, со слезами взирали, и кажд… ощущалъ въ душѣ своей истинное удовольствіе, и вся… изъ глубины сердца своего приносилъ благодареніе Госпо… Богу, явившему людемъ своимъ новому Израилю милос… свою попремногу. И подобно нѣчто евангельскому глас… мнози себѣ повторяли, яко воистину блажени очи наши… что мы нынѣ видимъ, яже отъ многихъ лѣтъ не вид… отцы наши!“

Торжество чинопріятія было теперь кончено: бѣглый ра… скольническій попъ призналъ и „объявилъ“ бѣглаго грече… каго митрополита въ „достоинствѣ“, или, что тоже, в… санѣ раскольническаго архіерея, и сей послѣдній „выст… пилъ“ предъ народомъ, какъ признанный уже архипасты… раскольниковъ, обладающій всѣми принадлежащими ем… правами, въ силу которыхъ и преподалъ своей новой па… ствѣ благословеніе—дикиріями и трикиріями, чрезъ каково…

---

[1]) „Во всемъ святительскомъ облаченіи“ вскорѣ затѣмъ Амвросій изо… раженъ былъ на портретѣ, который вмѣстѣ съ портретомъ Павла (оба од… наковыхъ размѣровъ), поставленъ былъ въ монастырской трапезѣ. С… амвросіева портрета, какъ и съ павлова, былъ сдѣланъ потомъ фотогр… фическій снимокъ: прилагаемый здѣсь портретъ Амвросія есть точная ко… съ этого послѣдняго.

Къ 484 стр. I тома Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи.
Москов. Духовн. Акад. 15 Марта 1873 г.
ὁ Μητροπολίτης Ἀμβρόσιος

дѣйствіе, по свидѣтельству бѣлокриницкаго дѣеписателя, въ неописанное умиленіе привелъ всѣ липованскія сердца.

Затѣмъ Іеронимъ отслужилъ обѣдню и по окончаніи обѣдни (повѣствуетъ тотъже дѣеписатель) „всеобщимъ соборомъ съ подобающею честію и пѣснопѣніемъ проводили митрополита до келии его; святитель же, обращся предъ дверми входа, благословилъ народъ и отпустилъ съ миромъ. Потомъ всѣ отцы и братія и многіе бывшіе гости приглашены были въ настоятельскія келии на утѣшеніе и поздравленіе, по поздравленіи же въ трапезу на обѣдъ, и чѣмъ Богъ послалъ угощены, и весь день праздновали во славу Божію радостно“. [1])

[1]) *Собор. дѣяніе.* Существуетъ еще одно пространное и весьма витіеватое сочиненіе, относящееся къ торжеству амвросіева чинопринятія, подъ такимъ названіемъ: „Слово, произнесенное митрополитскимъ духовникомъ, священноинокомъ Іеронимомъ, въ Бѣлокриницкомъ старовѣрческомъ монастырѣ, состоящемъ въ Буковинѣ, австрійской державы, на принятіе отъ грековъ въ нашу древлеправославную церковь его высокопреосвященства господина митрополита Амвросія, 28-го Октября 1846 года, въ понедѣльникъ“ (*Сборн. о. Онуфрія*). Въ словѣ семъ, вопервыхъ, изображается высокимъ слогомъ величіе и важность совершившагося торжества для всѣхъ повсюду сущихъ старообрядцевъ, чрезъ сравненіе ихъ прежняго безъіерархическаго состоянія, бѣдственнаго и безславнаго, съ нынѣшнимъ, когда имѣютъ они своего собственнаго архипастыря („Се моя цѣль, для которой продолжалъ я слово, чтобы познать вамъ и почувствовать прежнее наше безславіе противъ величественной славы сего неоцѣненнаго и святоторжественнѣйшаго дня, и соразмѣрить вамъ разнство прежняго несчастія противъ настоящаго нынѣ нечаяннаго и рѣдкаго нашего блаженства“ и т. д); потомъ приглашаются липоване воздать благодареніе виновникамъ настоящаго блаженства,— австрійскому императору и самому Амвросію; въ заключеніе, къ этому послѣднему дѣлается слѣдующее обращеніе: „Ты же, высокопреосвященнѣйшій владыко, богоизбранный и превожделѣнный нашъ архипастырь, посѣтивый изъ дальныхъ предѣловъ, по непостижимой судьбѣ Божіей, нищету нашу, возведи убо днесь окрестъ очи твои и виждь собранная чада твоя, съ любве полнымъ страхопочитаніемъ тебя окружающія, посмотри на веселые наши взоры и на очи, точащія радостныя слезы,“ и т. д. Этотъ любопытный памятникъ старообрядческаго витійства назначался, вѣроятно, для раскольниковъ, небывшихъ непосредственными свидѣтелями амвросіева чинопріятія, или еще вѣроятнѣе для „предбудущихъ“ старообрядческихъ родовъ, дабы пробудить и сохранить въ оныхъ вящшее благоговѣніе къ сему достопамятному событію; при самомъ же чинопріятіи Амвросія слова этого никто не слыхалъ и тогда оно еще не было даже написано. Вотъ что сообщаетъ о

Въ этихъ липованскихъ празднествахъ и ликованіяхъ самъ виновникъ ихъ—митрополитъ Амвросій, какъ видно изъ павлова расказа, не принималъ, однакоже, никакого участія; даже за торжественною монастырскою трапезой, вопреки принятому обычаю, не удостоились бѣлокриницкіе отцы и многочисленные гости лицезрѣть и привѣтствовать поздравленіями новоявившагося владыку своего. Прямо изъ церкви Амвросій прошелъ въ свою келью, отстранивъ всякія поздравленія и всѣхъ поздравителей, и тамъ остался одинъ съ своими присными. Какія думы занимали его, какія чувства наполняли его душу во все время, пока липоване радостно праздновали его измѣну православію,—это осталось тайной его совѣсти; но мы не ошибемся, если скажемъ, что тогдашнія думы и чувства Амвросія были нерадостныя, и что къ этому, безъ сомнѣнія, времени имѣютъ ближайшее отношеніе слѣдующія примѣчательныя слова его сына: „много и много разъ мой покойный родитель бранилъ меня за это дѣло, то есть за это липованское православіе, и сказалъ мнѣ покойникъ, что я буду наказанъ отъ Бога за это дѣло, потому что самъ онъ не хотѣлъ переходить въ липованскую ересь, еслибы я не порадѣлъ липованамъ"....[1]) Хорошо понимая тогдашнее внутреннее состояніе Амвросія и щадя его, инокъ Павелъ съ своей стороны, конечно, и не настаивалъ на томъ, чтобы онъ участвовалъ въ липованскихъ празднествахъ; Павелъ имѣлъ и другое важное побужденіе не настаивать на этомъ: въ его расчетахъ было какъ можно меньше показывать Амвросія липованамъ, устранять его отъ всякихъ личныхъ

немъ въ своихъ замѣткахъ инокъ Онуфрій: „Сіе слово сочинилъ Огняновичъ, переводчикъ Амвросія, а отецъ Павелъ поправилъ на липованскій тонъ, *спустя нѣсколько времени послѣ перемазанія*; а Іеронимъ никакого слова не говорилъ, да и не могъ говорить: онъ и печатное съ трудомъ читалъ,—былъ тупограмотенъ."

[1]) Собственноручное письмо Георгія Амиридиса отъ 29-го ноября 1864 года. Вотъ подлинныя слова его: „Много и много крата мои покойный родитель меня бранилъ за это дѣло, сирецъ за это липованску православію, и сказалъ меня покойникъ, да я буду отъ Бога наказанъ за это дѣло: понеже онъ не хотѣлъ пріитить на липованску ерись, ежели я не былъ добрый за липована."

съ ними сношеній, именно изъ опасенія соблазна, къ которому онъ такъ легко могъ подать имъ поводъ своимъ невѣдѣніемъ липованскихъ правилъ и обычаевъ и своимъ нескрываемымъ презрѣніемъ къ этимъ обычаямъ и правиламъ. Итакъ Амвросій своимъ присутствіемъ не украсилъ липованскаго праздненства въ день его пріятія въ старообрядчество и торжественнаго вступленія на каѳедру бѣлокриницкой митрополіи; но тѣмъ не менѣе липоване, по свидѣтельству Павла, „весь тотъ день праздновали свѣтло". И какъ же имъ было не праздновать такой „благознаменитый" для нихъ день, когда собственными очами они узрѣли то, чего „отъ лѣтъ многихъ не видѣли отцы и дѣды ихъ", о чемъ и сами прежде никогда не помышляли, чего не надѣялись получить даже и въ послѣднее время, не взирая на всѣ хлопоты и подвиги бѣлокриницкихъ старцевъ,—узрѣли своего собственнаго, липованскаго епископа, который безпрепятственно будетъ поставлять имъ и священниковъ, и діаконовъ, — весь вообще церковный причетъ! Какой особенно былъ это праздникъ для главныхъ дѣятелей по учрежденію архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ,—для Павла, Геронтія, Алимпія и прочей братіи! Теперь только могли они сказать, что шестилѣтніе неутомимые труды, такъ ловко и хитро веденные, не пропали даромъ, — что долгая, неустанная борьба съ разнаго рода опасностями и препятствіями увѣнчалась вожделѣннымъ успѣхомъ, ближайшая цѣль, къ которой они стремились и достиженіе которой было особенно важно и трудно, наконецъ достигнута... Вообще, день этотъ, 28-е октября 1846 года, съ котораго ведетъ свое начало нынѣ существующая у старообрядцевъ іерархія, когда послѣдовало событіе составляющее эпоху въ исторіи раскола, долженъ быть отмѣченъ въ лѣтописяхъ старообрядчества, какъ одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I. Заботы о избраніи намѣстника бѣлокриницкой митрополіи: первые ставленники, посвященные Амвросіемъ; кандидаты, предназначенные къ избранію въ намѣстники; избраніе намѣстника. II. Постриженіе Кипріана Тимоѳеева въ иноки; новые ставленники; приготовленія ко дню посвященія Кирилла въ епископы. III. Поставленіе Кирилла въ епископы; допущенныя при этомъ отступленія отъ церковныхъ правилъ. IV. Церемонія богоявленскаго водосвященія; празднество въ Бѣлой-Криницѣ.

I. Первый бѣлокриницкій митрополитъ, возведенный въ это званіе посредствомъ чинопріятія отъ ереси, былъ нуженъ и дорогъ старообрядцамъ нестолько самъ по себѣ, еще меньше по какимъ-либо своимъ собственнымъ личнымъ достоинствамъ, еслибы таковыя въ немъ обрѣтались, сколько по своему значенію для возстановленія у нихъ такъ называемаго „древлеправославнаго священства," — былъ нуженъ и дорогъ, какъ первоначальникъ и насадитель раскольнической іерархіи, какъ лицо, по ихъ мнѣнію, имущее власть поставлять другихъ во всѣ священныя степени и поставленіемъ новаго епископа могущее обезпечить у раскольниковъ дальнѣйшее существованіе священства въ полномъ, трехчинномъ его устройствѣ. Не въ томъ состояла послѣдняя, конечная цѣль учредителей іерархіи, чтобы найти и пріобрѣсть епископа, а въ томъ, чтобы при посредствѣ этого перваго епископа имѣть возможность получить другаго уже изъ „своихъ христіянъ," изъ настоящихъ старообрядцевъ, не подлежащаго чинопріятію, и такимъ образомъ существованіе іерархіи твердо упрочить на будущее время. Эту цѣль учредители іерархіи преслѣдовали постоянно и неуклонно. При самомъ началѣ дѣла объ архіерейской каѳедрѣ у буковинскихъ липованъ, въ важнѣйшихъ отно-

сящихся къ этому дѣлу документахъ — въ *Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря*, въ разныхъ прошеніяхъ и промеморіяхъ, поданныхъ австрійскому правительству, какъ мы видѣли, непремѣннымъ условіемъ учрежденія каѳедры они поставляли то, чтобы дарованный липованамъ епископъ немедленно посвятилъ другаго епископа въ званіи своего намѣстника; при заключеніи формальныхъ условій съ Амвросіемъ они также самымъ главнымъ съ его стороны обязательствомъ поставили, чтобы онъ, „по прибытіи въ Бѣлокриницкій монастырь, учиня церковное присоединеніе, неотлагательно поставилъ въ намѣстники себѣ другаго архіерея;“ испросивъ у правительства дозволеніе Амвросію отправиться изъ Вѣны въ Бѣлую-Криницу до полученія надлежащихъ о немъ справокъ дипломатическимъ путемъ и до утвержденія его въ австрійскомъ подданствѣ, они опять-таки позаботились, чтобы Амвросію при этомъ дано было право совершать у липованъ всѣ архіерейскія дѣйствія и слѣдовательно поставить епископа въ намѣстники себѣ. Понятно, что теперь, по исполненіи „надлежащаго чинопріятія“ надъ Амвросіемъ, первою и главною ихъ заботою было устроить избраніе и поставленіе новаго липованскаго епископа и вмѣстѣ намѣстника бѣлокриницкой митрополіи.

Прежде этого однакоже признано было необходимымъ учинить посвященіе нѣкоторыхъ лицъ на нисшія священныя степени — въ діаконы и священники, ибо тѣ и другіе были необходимы для архіерейскаго служенія, особенно же для столь торжественнаго, какъ предстоявшее рукоположеніе новаго епископа.

На избраніе перваго ставленника, котораго долженъ былъ посвятить Амвросій, въ Бѣлой-Криницѣ обратили особенное вниманіе: Павлу и Геронтію желательно было, чтобы эта честь досталась человѣку достойному. Конечно, всего лучше и пріятнѣе было бы предоставить честь сію кому-либо изъ самихъ бѣлокриницкихъ властей; но по нѣкоторымъ соображеніямъ найдено это неудобнымъ. А что касается Павла и Алимпія, которые ради понесенныхъ ими трудовъ и подвиговъ имѣли наибольшее право на полученіе всякихъ преимуществъ и почестей, то они еще пред-

варительно условились между собою не вступать ни на какую священную степень, дабы не возбудить подозрѣнія, что будтобы столько всякихъ стараній и хлопотъ объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры они употребили по своимъ личнымъ разсчетамъ, ради полученія сановъ и съ ними соединенныхъ почестей и выгодъ. Приходилось такимъ образомъ выбирать ставленника изъ рядовой братіи, — и избраніе пало на инока Евфросина.[1]) Поставленіе его въ діаконы назначено было произвести 30-го октября, черезъ день по совершеніи чинопріятія надъ Амвросіемъ. Наканунѣ священноинокъ Іеронимъ исповѣдалъ Евфросина и далъ письменное свидѣтельство, что по испытаніи глубинъ его сердца нашелъ его къ воспріятію сана достойнымъ. [2]) Ради евфросинова поставленія Амвросій служилъ свою первую литургію въ Бѣлой-Криницѣ, какъ раскольническій архіерей, — и, разумѣется, въ высшей степени странное зрѣлище представляла эта архіерей-

[1]) Это былъ, разумѣется, русскій выходецъ, одинъ изъ иноковъ Лаврентьева монастыря. Въ *Памятникѣ происх. дѣлъ*, подъ № 2, записано: „Сей инокъ Ефросинъ есть первый самый поставленный во священнослужители, и изъ числа пяти персонъ избралъ его промыслъ Божій жребіемъ во діакона, въ церкви, на соборномъ богомоленіи“. Избраніе перваго липованскаго ставленника посредствомъ жребія инокъ Павелъ придумалъ здѣсь вѣроятно ради назиданія „предбудущихъ“ старообрядческихъ родовъ, во свидѣтельство имъ, что якобы всѣ важнѣйшія дѣйствія производились тогда въ Бѣлой-Криницѣ по указанію „Божія промысла“; на самомъ же дѣлѣ, какъ свидѣтельствуетъ инокъ Онуфрій, избраніе Евфросина происходило вовсе не по жребію.

[2]) Со времени поставленія Евфросина въ Бѣлой-Криницѣ принята въ постоянное употребленіе, при поставленіи каждаго и на каждую священную степень, отъ діакона и до епископа, слѣдующая форма „свидѣтельства“, выдаваемаго ставленнику духовникомъ: „Иже божественная добрѣ устроивше проповѣдницы Апостолы и сословіе святыхъ отецъ, апостольскими и соборными канонами повелѣваютъ, чтобы всѣ, къ великому священства достоинству приступающіи, имѣли житіе непорочно и исповѣдалисъ прежде духовному своему отцу и свидѣтельствовались отъ него. Тѣмъ же и пріиде по Духу Святому сынъ мой (имя рекъ), который предъизбранъ (во діакона.... во священника.... во епископа....), его же и поставихъ предъ образомъ Господа нашего Іисуса Христа, напомнивъ судъ и муку, и испытавъ глубины сердца его не нашелъ ничего, отлучающаго его таковаго сана, о чемъ и свидѣтельствую его достойна по самому его исповѣданію“ (Такихъ свидѣтельствъ, выданныхъ разнымъ лицамъ, имѣется нѣсколько въ *Бѣлокр. архивѣ*).

ская служба безъ дьякона, съ однимъ только священникомъ, отправленная митрополитомъ — грекомъ при липованскомъ пѣніи и съ липованскими обрядами... Но развѣ только инокъ Павелъ съ Геронтіемъ, да еще немногіе, видавшіе въ Россіи благолѣпіе православныхъ архіерейскихъ служеній, могли смутиться его странностію и недостатками; для большинства же присутствовавшихъ старообрядцевъ это первое служеніе ихъ собственнаго архіерея было зрѣлищемъ даже умилительнымъ, и только однимъ сильно смутились липованскія сердца, — именно тѣмъ, что Амвросій, поставляя Евфросина въ иподіаконы, прочелъ положенныя при этомъ молитвы погречески. Инокъ Павелъ немедленно принялъ мѣры къ устраненію на будущее время подобныхъ поводовъ къ соблазну липованъ, — упросилъ Амвросія вслухъ не читать погречески въ церкви ничего. Теперь, послѣ перваго ставленника, найдено было удобнымъ произвести въ первыя священныя степени и самого бѣлокриницкаго настоятеля инока Геронтія. Въ ближайшій воскресный день (3-го ноября), при второмъ, уже болѣе чинномъ и благолѣпномъ служеніи, Геронтій былъ поставленъ Амвросіемъ въ діаконы,[1]) а 8-го числа, въ праздникъ Архистратига Михаила, во священники.[2])

Между тѣмъ шли совѣщанія о кандидатахъ въ званіе епископа — намѣстника митрополіи. За отказомъ Павла и Алимпія проходить священныя степени, первымъ кандидатомъ безъ всякаго прекословія общесоборнѣ назначенъ былъ

---

[1]) *Памятникъ происх. дѣлъ*, подъ № 3. И самъ Геронтій въ своемъ *Памятникѣ* пишетъ: „таже по необходимой должности и по убѣжденію братской просьбы, ноября 3-го дня, настоятеля во единъ день на двѣ степени— на девятомъ часѣ иподіакона, а за литургіею іеродіакона, рукоположилъ“ (митрополитъ).

[2]) Это число показано самимъ Геронтіемъ при допросахъ въ Петербургѣ, въ III отдѣленіи собств. Е. И. В. канцеляріи (*Чт. общ. ист. и др.* 1871, кн. IV, отд. V. стр. 148); въ своемъ *Памятникѣ* онъ также пишетъ, что „въ священноиноческое пресвитерство“ хиротонисанъ 8 ноября „на праздникъ св. Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ собора“. Но у Павла, въ *Памятникѣ происход. дѣлъ*, подъ № 4, какъ видно по ошибкѣ, поставленіе Геронтія во священники отнесено не къ 8, а къ 13 числу ноября.

Геронтій, котораго инокъ Павелъ именно прочилъ въ намѣстники, съ надеждою скоро увидѣть его и дѣйствительнымъ митрополитомъ бѣлокриницкимъ, что̀ было горячимъ желаніемъ и самого Геронтія; другимъ достойнѣйшимъ въ это званіе лицемъ изъ монастырскаго братства признанъ казначей — инокъ Нифонтъ:[1]) при ихъ назначеніи, кромѣ нравственныхъ качествъ, было принято во вниманіе и то обстоятельство, что оба они оффиціально числились природными липованами и слѣдовательно никакихъ затрудненій со стороны правительства къ признанію ихъ въ епископскомъ и намѣстническомъ званіи встрѣтиться не могло. О злосчастномъ Іеронимѣ, котораго недавно увѣряли такъ рѣшительно, что онъ будетъ намѣстникомъ Амвросія, разумѣется, не было и рѣчи при этомъ избраніи кандидатовъ на намѣстничество. Слѣдовало по общепринятому правилу (Кормч. гл. 42, л. 318) назначить еще третьяго кандидата, — и объ немъ-то главнымъ образомъ происходили разсужденія у бѣлокриницкихъ властей. Нашелся бы конечно и третій кандидатъ изъ монастырскаго братства; но Павелъ и Геронтій опасались, какъ бы назначеніемъ кандидатовъ на архіерейство только изъ своей монастырской братіи, притомъ же все изъ русскихъ выходцевъ, не возбудить неудовольствія въ липованскомъ обществѣ, не вызвать подозрѣнія, что будто и все дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ они затѣяли въ своихъ личныхъ видахъ и интересахъ. Поэтому рѣшились, послѣ немалыхъ колебаній, допустить и липованъ къ участію въ выборѣ намѣстника, — именно предоставить имъ назначеніе третьяго кандидата изъ своей собственной среды. 10-го ноября, въ воскресенье, приглашены были въ монастырь почетнѣйшія лица изъ бѣлокриницкаго и климоуцкаго сельскихъ обществъ. Въ монастырской трапезѣ имъ предложено было

---

[1]) Онъ былъ русскій же выходецъ и собственное имя его было Дороѳей: такъ его и звали обыкновенно (*Поѣздка за мгромъ*, *Русск. Вѣст.* т. L. стр. 68, прим.), такъ и самъ онъ подписывался въ неоффиціальныхъ бумагахъ (какъ наприм. въ извѣстномъ письмѣ о поставленіи Кирилла); а подъ именемъ Нифонта онъ записанъ былъ въ конскрипціи, — это было липованское, или оффиціальное его имя.

угощеніе, по липованскому обычаю, и затѣмъ инокъ Павелъ объяснилъ имъ, что согласно извѣстнымъ пунктамъ монастырскаго *Устава* и высочайшему императорскому указу отъ 6-го (18-го) сентября 1844 года, надлежитъ позаботиться о поставленіи намѣстника богодарованному митрополиту, избрать достойныхъ въ сіе званіе кандидатовъ; что изъ монастырской братіи, по общесоборному избранію, предназначены для сего всечестные отцы — священноинокъ Геронтій, настоятель обители, и казначей — инокъ Нифонтъ; что требуется избрать еще одного кандидата, и монастырское братство пригласило ихъ, какъ представителей главныхъ старообрядческихъ обществъ въ Буковинѣ, чтобы предложить, не угодно-ли имъ будетъ избрать третьяго кандидата изъ своей собственной среды. Предположеніе это было, разумѣется, очень лестно для липованскихъ стариковъ, и, не раздумывая долго, они общимъ голосомъ рѣшили, что къ этому дѣлу всего пригоднѣе ихъ старый дьякъ, бывшій столько лѣтъ настоятелемъ приходской бѣлокриницкой церкви, Кипріанъ Тимоѳеевъ, — ему же, говорили, какъ человѣку вдовому и иночество принять никакого не предстоитъ затрудненія. Для Кипріана все это было неожиданностью: онъ смутился; началъ просить увольненія, — отговаривался и своимъ недостоинствомъ принять высокій епископскій санъ и еще больше тѣмъ, что обязанъ попеченіями и заботами о своемъ немаломъ семействѣ... Павелъ и Геронтій съ братіей не ожидали ничего хорошаго для будущности митрополіи отъ такого кандидата на намѣстничество, каковъ былъ старый бѣлокриницкій дьякъ, выросшій и загрубѣвшій въ липованскомъ невѣжествѣ; но, будучи поставлены въ необходимость подчиниться какому бы то ни было избранію со стороны липованъ, къ тому же зная, что трудно отыскать между липованами и человѣка, которому можно было бы отдать рѣшительное предпочтеніе предъ Кипріаномъ Тимоѳеевымъ, а больше всего питаясь надеждою, что окончательный выборъ падетъ не на липованскаго кандидата, они почли нужнымъ предложить Кипріану и съ своей стороны убѣжденія, чтобы не противился общественному избранію, говорили ему въ успокоеніе и то,

чѣмъ утѣшали самихъ себя, то есть — что избраніе это еще не окончательное, что санъ и подвигъ епископства быть можетъ достанутся кому-либо изъ двухъ другихъ предъизбранныхъ кандидатовъ. Кипріанъ согласился. [1]).

Окончательное избраніе перваго въ строгомъ смыслѣ раскольническаго епископа изъ числа предназначенныхъ трехъ кандидатовъ, какъ дѣло величайшей важности, бѣлокриницкія власти заблаговременно рѣшили произвесть посредствомъ жребія, что значило, по мнѣнію Павла, предоставить дѣло сіе „указанію Божія промысла". Въ тотъ же день 30-го ноября, какъ только получено было отъ Кипріана Тимоѳеева согласіе—быть избираемымъ въ званіе намѣстника, Павелъ въ присутствіи всего собранія написалъ на трехъ равной величины билетахъ имена каждаго изъ кандидатовъ въ

[1]) Это общественное избраніе Кипріана Тимоѳеева въ кандидаты на епископство было впослѣдствіи облечено въ форму законнаго письменнаго акта, который и помѣченъ тѣмъ самымъ числомъ, 10-го ноября, когда происходило избраніе. Въ актѣ этомъ, имѣющемъ значеніе собственно письменнаго свидѣтельства о достоинствѣ Кипріана на полученіе епископскаго званія, исчисляются разныя похвальныя качества его и заслуги для старообрядчества. Такъ говорится, что онъ „отъ самыхъ младыхъ своихъ лѣтъ даже до настоящаго сего времени велъ себя всегда честно, мирно, добродѣтельно и трезвенно, обхождалъ свое домоводство прилѣжно и честно строилъ, христіански и благонравно жилъ, свои три сыны и три дочери въ христіанскомъ законѣ воспиталъ и ихъ къ честному житію наставилъ"; дальше исчисляются его труды въ званіи церковнаго настоятеля, гдѣ между прочимъ сказано, что липованъ и дѣтей ихъ онъ училъ „страху Божію, честности, добродѣтели и повиновенію къ своему государю и царю" (Это исчисленіе качествъ и подвиговъ Кипріана, съ нѣкоторыми сокращеніями, какъ увидимъ, внесено было въ проэктъ ставленной грамоты Кирилла). Актъ сей, написанный въ два столбца на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ, препровожденъ былъ для засвидѣтельствованія и утвержденія въ мѣстный мандаторіатъ: „мы сіе на истинѣ основанное свидѣтельство собственноручными своими подписями подписавше, просимъ и славный камеральный мандаторіатъ, какъ-то нашъ доминіумъ, чтобъ таковое подтвердить благоизволилъ". Въ *Бѣлокр. арх.* находится черновой списокъ этого документа, писанный Огняновичемъ, который, вѣроятно, и составлялъ и переводилъ его. Въ концѣ рукою Павла приписано: „На подлинномъ подписались: священноинокъ Іеронимъ и многіе бѣлокриницкой громады старики и прочіе жители, а дворникъ Ѳедоръ Петровъ засвидѣтельствовалъ съ приложеніемъ казенной сельской печати. И мандаторъ г-нъ Лачинскій съ приложеніемъ думеніальной печати все то удостовѣрилъ".

отдѣльности и затѣмъ всѣ приглашены были въ церковь на торжественное богомоленіе. Скоро явился туда и Амвросій, покорно подчинявшійся все это время распоряженіямъ Павла. Амвросій сталъ на архіерейское мѣсто, облекся въ мантію и омофоръ, принялъ отъ Павла жребіи съ именами предъизбранныхъ кандидатовъ, свернулъ ихъ всѣ одинаковымъ образомъ, положилъ на блюдо, перемѣшалъ, накрылъ пеленою и поставилъ блюдо въ алтарѣ на престолъ. Іеронимъ съ іеродіакономъ Евфросиномъ, принявъ благословеніе у Амвросія, начали при отверстныхъ царскихъ дверяхъ молебствіе Покрову Пресвятыя Богородицы и, разумѣется, святителю Чудотворцу-Николѣ. По окончаніи молебствія Амвросій вошелъ царскими дверями въ алтарь къ престолу, вынулъ, не снимая пелены, одинъ изъ положенныхъ на блюдо жребіевъ и передалъ іеродіакону Евфросину — прочесть во всеуслышаніе начертанное на ономъ имя избранника. Евфросинъ громогласно провозгласилъ: „Божіею милостію избирается во епископы Кипріанъ Тимоѳеевъ“. Послѣдовало общее смущеніе. Геронтій, не только желавшій, но почему-то и сильно разсчитывавшій сдѣлаться намѣстникомъ Амвросія, не могъ даже скрыть своего огорченія. Не меньше другихъ пораженъ былъ и самъ Кипріанъ Тимоѳеевъ, никогда не помышлявшій дотолѣ о епископствѣ. Но „избранію Божія промысла“ всѣ должны были безпрекословно покориться.[1]) Не знаемъ, какія „судь-

---

[1]) Въ *Памятникѣ происх. дѣлъ* сказано, что Кипріанъ Тимоѳеевъ „предварительно изволеніемъ г-на митрополита и прочимъ духовенствомъ на соборѣ принятъ въ выборъ епископа въ число трехъ персонъ — монастырскаго настоятеля Геронтія и казначея инока Дороѳея, яко тридцатилѣтній настоятель сельской церкви, коего *промыслъ Божій избралъ жребіемъ* во епископа“ (№ 11). Прочія изложенныя нами подробности о кипріановомъ избраніи въ намѣстники заимствованы изъ записокъ и разсказовъ отца Онуфрія и отца Филарета. Иначе передается вся эта исторія въ нѣкоторыхъ печатныхъ разсказахъ. Такъ въ извѣстной „Повѣсти Платона Аѳанацковича“ повѣствуется, будто Кипріанъ Тимоѳеевъ былъ злѣйшимъ противникомъ Амвросія и самъ будтобы Амвросій, желая расположить его въ свою пользу, настоялъ на томъ, чтобы его внесли въ число кандидатовъ на архіерейство, а потомъ „хитрою рукою“ взялъ именно кипріановъ жребій. Далѣе слѣдуетъ цѣлая неприличная сказка о томъ, какъ будтобы

бы промысла Божія“ усматривалъ инокъ Павелъ въ этомъ неожиданномъ избраніи амвросіева намѣстника; но если можно дѣйствительно находить здѣсь пути провидѣнія, такъ именно въ томъ, что вопреки желанію ревнителей незаконнаго дѣла жребій достался человѣку, наименѣе способному устроить и упрочить процвѣтаніе новой раскольнической іерархіи, имѣвшему напротивъ всѣ задатки, чтобы помочь ей обнаружить свою внутреннюю несостоятельность, возбудить тѣ нескончаемыя распри и раздоры, которыми она поядается нынѣ и изъ которыхъ напрасно ищетъ выхода.

Кипріана силою повели въ монастырь и какъ онъ со всей своей семьей, вооруженной дреколіемъ, ухватами и помелами, отбивался отъ народа и даже въ церкви въ лицо ругалъ Амвросія, пока не узналъ о назначеніи своемъ въ епископы, послѣ чего „въ одно мгновеніе превратился въ агнца кроткаго“, и проч. (Сбор. Н. Попова, ч. 1, стр. 25—29). Со словъ этой странной „Повѣсти“, тоже самое передаетъ игуменъ Парѳеній въ своей „Книгѣ о промыслѣ“, исключивъ только сказку о процессіи съ дреколіями, но прибавивъ съ своей стороны, что Амвросій будтобы всячески противился и долго не соглашался поставить кого бы то ни было въ епископы (стр. 120—121). Подобный же расказъ находимъ въ составленной г. Липранди въ 1847 году офиціальной „запискѣ къ всеподданнѣйшему докладу шефа жандармовъ“. Здѣсь говорится, что „Купріянъ былъ предложенъ въ кандидаты *единственно по усиленному личному настоянію митрополита*, а какъ самъ же митрополитъ клалъ на престолъ и бралъ съ него жребій, то первенство, доставшееся Купріяну, *едва ли было дѣломъ одного случая*, ибо митрополиту во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе и безопаснѣе имѣть себѣ помощника и объявленнаго преемника въ простомъ мужикѣ, чѣмъ въ такомъ человѣкѣ, каковъ былъ Геронтій, или казначей—клевретъ Геронтія“ (*Чт. общ. ист. и др.* 1871, кн. IV, отд. V, стр. 161). Въ расказахъ Аѳанацковича и игумена Парѳенія вымыселъ очевиденъ; но г. Липранди, надобно полагать, писалъ на основаніи какихъ-нибудь донесеній и иныхъ секретнымъ способомъ добытыхъ свѣдѣній,—и тѣмъ не менѣе однакоже переданныя имъ извѣстія, будто Кипріанъ выбранъ единственно по настоянію Амвросія и этотъ послѣдній не случайно, а съ намѣреніемъ, по своимъ личнымъ расчетамъ, взялъ именно кипріановъ жребій, не могутъ быть признаны достовѣрными, такъ какъ не подтверждаются свидѣтельствомъ людей, близко знающихъ весь ходъ дѣла о избраніи Кипріана, да и самому положенію Амвросія въ Бѣлой-Криницѣ не соотвѣтствуютъ: Амвросій не имѣлъ ни цѣли, ни возможности агитировать въ пользу кого-либо изъ бѣлокриницкихъ липованъ и въ то время едвали даже близко зналъ кого-нибудь изъ нихъ; при томъ же, не умѣя читать писаннаго порусски, какъ могъ бы онъ отличить жребій Кипріана отъ двухъ остальныхъ, еслибы даже разсматривалъ ихъ передъ тѣмъ, какъ класть на престолъ?

II. Посвященіе „богоизбраннаго“ намѣстника пришлось по необходимости отложить на нѣкоторое время, такъ какъ нужно было предварительно постричь Кипріана въ иноки и подвергнуть обязательному у старообрядцевъ для всякаго новопостриженнаго шестинедѣльному безвыходному пребыванію въ келіи. Постриженіе Кипріана Тимоѳеева въ иноки происходило 16-го ноября: при этомъ получилъ онъ имя Кирилла.[1]) День постриженія, очевидно, былъ выбранъ такъ, чтобы срокъ безвыходнаго келейнаго пребыванія могъ кончиться для Кирилла къ празднику Рождества Христова, съ котораго предполагалось начать возведеніе его въ священныя степени. Когда Кирилла, привыкшаго къ жизни семейной, немедленно по постриженіи отвели въ келью, онъ едва въ силахъ былъ вынести это одиночное келейное заключеніе, длившееся цѣлыхъ шесть недѣль. Въ тоскѣ по дѣтяхъ, какъ самъ признавался впослѣдствіи, ему даже приходило на мысль тайнымъ образомъ „утечь“ изъ монастыря, чтобы только повидаться съ домашними, и большаго труда ему стоило преодолѣть это искушеніе.[2])

Между тѣмъ, пока новопостриженный инокъ Кириллъ находился въ затворѣ, Амвросій успѣлъ посвятить для Бѣлокриницкаго монастыря еще нѣсколько ставленниковъ. Это признано было нужнымъ для того особенно, чтобы ко времени кириллова рукоположенія въ епископы приготовить достаточное количество священныхъ лицъ, которыя могли бы участвовать въ этомъ торжественномъ служеніи, а также

---

1) *Памят. происх. дѣлъ*, подъ № 9.

2) Такъ расказывалъ самъ Кириллъ о. Филарету, со словъ котораго мы и привели это извѣстіе, не представляющее никакихъ основаній сомнѣваться въ его достовѣрности. О томъ же обстоятельствѣ упоминаетъ г. Липранди въ своей запискѣ, но вотъ въ какомъ извращенномъ видѣ: „этотъ раскольническаго произведенія архіерей (Кириллъ), дотолѣ не только не участвовавшій въ замыслахъ и происках раскольниковъ по предмету епископства, но и *постоянно противившійся имъ и вовсе не признававшій найденнаго митрополита*, тутъ былъ до того пораженъ такимъ внезапнымъ, чудовищнымъ (?) возвышеніемъ изъ простыхъ мужиковъ, что *едва не рехнулъ въ умѣ* и передъ самымъ посвященіемъ въ архіерея чуть было ночью не убѣжалъ изъ монастыря, *такъ что принуждены были окружить его бдительною стражею*.“ (*Чт. общ. ист. и др.* 1871, IV, отд. V. стр. 161—162).

и Амвросій чтобы пріучился къ тому времени поисправнѣе служить съ тѣми особенностями, какихъ требовали отъ него въ Бѣлой-Криницѣ. 22-го ноября поставленъ въ діаконы инокъ Іоасафъ;[1] 24-го іеродіаконъ Евфросинъ рукоположенъ во священники и въ тотъ же день инокъ Арсеній—въ діаконы;[2] а 6-го декабря, въ день нарочито празднуемый Павломъ, этотъ послѣдній имѣлъ утѣшеніе видѣть друга, сотрудника и евангельскаго отца своего священноинока Геронтія произведеннымъ во архимандриты: это сдѣлано было якобы „по желанію всего монастырскаго общебратства,"[3] а главнымъ образомъ въ утѣшеніе Геронтію за понесенную имъ неудачу при избраніи на епископство. Такимъ образомъ, къ празднику Рождества Христова, когда предназначено было поставленіе Кирилла въ первую священную степень, Амвросій уже имѣлъ при себѣ немалочисленный „освященный соборъ": архимандрита, двухъ священноиноковъ и двухъ іеродіаконовъ.

Будущій намѣстникъ бѣлокриницкой митрополіи, вопреки соборнымъ правиламъ (сардик. соб. пр. 11, Кормч. л. 112; первовтораго соб. пр. 17, Кормч. л. 221. об.), быстро проведенъ былъ по всѣмъ священнымъ степенямъ: 25-го декабря поставленъ въ иподіаконы и діаконы, 1-го января 1847 года — въ священники, а на 6-е число тогоже мѣсяца назначено было и поставленіе въ епископы, „на паству, идѣже господинъ митрополитъ опредѣлитъ изволитъ". Приготовленія къ этому дню дѣлались большія — и по церковной части, и по внѣшней, мірской. Геронтій и Павелъ съ старшей

---

1) *Память. происх. дѣлъ*, подъ № 5. Здѣсь между прочимъ замѣчено, что Іоасафъ „поступилъ (т. е. постриженъ) въ иноки Бѣлокриницкаго монастыря 30-го октября сего года." Значитъ шестинедѣльнаго пребыванія въ келіи послѣ постриженія онъ не выполнилъ и такимъ образомъ для него сдѣлано отступленіе отъ правила. Іоасафъ былъ, разумѣется, русскій выходецъ,— гуслякъ, изъ села Запонорья (*Русск. Вѣст.* т. L., стр. 63, прим.).

2) *Память. происх. дѣлъ*, №№ 6 и 7. Для Арсенія также сдѣлано исключеніе: онъ постриженъ даже очень незадолго до посвященія, именно 15-го ноября. Арсеній былъ родомъ изъ Стародубья, изъ слободы Митьковской.

3) Тамъ же, № 8.

братіей весьма озабочены были тѣмъ, чтобы невиданный и небывалый въ старообрядчествѣ, притомъ весьма сложный чинъ архіерейскаго поставленія былъ исполненъ безъ замѣшательствъ, безъ нарушеній порядка, подобающаго столь важному дѣйствію: нужно было поэтому, чтобы всѣ лица, долженствовавшія участвовать въ ономъ, изучили по возможности общій порядокъ службы и свои частныя въ ней обязанности. Кромѣ того, по случаю праздника Богоявленія Господня, предположено было въ назиданіе и утѣшеніе не только буковинскимъ, но и повсюду сущимъ старообрядцамъ, устроить по окончаніи литургіи торжественное шествіе на освященіе воды, положенное въ тотъ день по уставу: надлежало позаботиться объ устроеніи въ полномъ чинѣ и этого благолѣпнаго дѣйствія,—приготовить іордань, заранѣе распредѣлить порядокъ шествія и сдѣлать другія распоряженія. А такъ какъ ради столь великихъ торжествъ, невиданныхъ и неслыханныхъ между липованами, ожидалось большое отовсюду стеченіе народа, то предстояла забота и о надлежащемъ учрежденіи посѣтителей трапезою, тѣмъ болѣе, что приглашены были и ожидались посѣтители даже высокихъ чиновъ и не липованскаго закона. Незадолго передъ симъ въ буковинскомъ крайзамтѣ было получено изъ галицко-лодомірскаго правленія офиціальное извѣстіе объ Амвросіѣ, что, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія по его просьбѣ о принятіи въ австрійское подданство, ему высочайше дозволено жить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ и вступить въ отправленіе своей должности.[1]) Будучи немедленно извѣщенъ объ этомъ, Амвросій, разумѣется, по совѣту бѣлокриницкихъ думныхъ людей, обратился въ крайзамтъ съ прошеніемъ, чтобы о состоявшемся высочайшемъ опредѣленіи, для его успокоенія, сообщено было и ближайшему мѣстному начальству (думеніи): чрезъ недѣлю полученъ изъ крайзамта отвѣтъ,

---

1) Изъ гоф-канцеляріи декретъ за № 34.987 посланъ въ губернію, во Львовъ, 15 (3) ноября 1846 г.; а изъ губерніи предписаніе черновицкому крайзамту, за № 69.955, помѣчено 11 декабря (Копія послѣдняго въ *Бѣлокр. архивѣ*).

что просьба эта будетъ исполнена.[1]) Такимъ образомъ Амвросій вошелъ въ офиціальныя сношенія съ мѣстными властями, какъ признанное правительствомъ одно изъ высшихъ духовныхъ лицъ въ Буковинѣ. Познакомившись въ Вѣнѣ съ правилами вѣжливости, соблюдаемой сановными лицами въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, инокъ Павелъ находилъ нужнымъ, чтобы Амвросій сдѣлалъ визиты къ болѣе значительнымъ изъ областныхъ чиновъ и пригласилъ ихъ для приличнаго угощенія къ себѣ въ митрополію. Съ старообрядческой, а тѣмъ паче съ липованской точки зрѣнія это было, правда, дѣломъ непозволительнымъ, обязанностію крайне тяжелою; но бѣлокриницкія власти считали необходимымъ исполнить эту обязанность даже не по долгу одной вѣжливости, а и въ видахъ собственной пользы, въ огражденіе себя на будущее время отъ всякихъ могущихъ встрѣтится непріятностей; при томъ же въ отношеніи къ черновицкимъ благодѣтелямъ, которые такъ усердно помогали благополучному окончанію дѣла объ іерархіи, этого требовало и чувство признательности. День 6-го января, когда имѣли происходить такія необыкновенныя торжества въ Бѣлой-Криницѣ, представлялся самымъ удобнымъ для приглашенія въ митрополію высокоблагородныхъ гостей, — и приглашеніе, послѣ надлежащихъ визитовъ, было сдѣлано. Впослѣдствіи вотъ что писалъ объ этомъ самъ Павелъ московскимъ благотворителямъ и друзьямъ: „Съ самаго прибытія къ намъ господина богодарованнаго митрополита Амвросія облежало на нашей выи тягчайшее бремя, или, такъ сказать, житейскій долгъ, коего необходимо требовалъ суетный міръ: ибо невозможно вновь прибывшему столь важному лицу на мѣсто всегдашняго жительства въ сію буковинскую область не дать чести свѣтскимъ начальникамъ, подъ покровительствомъ коихъ, на правахъ привилегированныхъ, господинъ

[1]) Bitte ich (писалъ Амвросій) ein löbliches k. k. Kreisamt von dieser allerhöchsten Entschliessung zu meiner Beruhigung auch das Hadikfalwer Kamaral-Dumenium in die Kenntniss setzen zu wollen. Подлинное прошеніе Амвросія въ *Бѣлокр. архивѣ*. Оно возвращено изъ крайзамта съ надписью, помѣченною 28 числомъ декабря, что особое увѣдомленіе въ думенію Гадикъ-Фальва послано будетъ.

митрополитъ и мы сами всѣ находимся; а и по заповѣди апостольской обязаны, гласящей такъ: *убо всѣмъ должная, емуже урокъ, урокъ, емуже дань, дань, а емуже страхъ, страхъ, и емуже честь, честь.* И тако, со дня на день. даже до сего времени оставались мы аки нечувствительны. Но вотъ наступило время — знаменитое рукоположеніе новаго архіерея и іорданское водоосвященіе. Въ этотъ день рѣшились мы отдать единовременный сей долгъ высокославнымъ начальникамъ буковинскимъ, коихъ пріѣхать къ намъ на праздникъ за время просили".[1]) Приглашеніе было принято съ удовольствіемъ. Черновицкій областной начальникъ и другія чиновныя лица не только сами обѣщались пріѣхать цѣлыми семействами, но просили еще позволенія привезти своихъ пріятелей и знакомыхъ, такъ что, по словамъ Павла, „дѣло сіе (посвященіе липованскаго архіерея и крестный ходъ на водосвященіе) во всю буковинскую область разгласилось, ибо для каждаго любопытно было столь важное и рѣдкое происшествіе, паче всякаго ихъ чаянія, у презрѣнныхъ за религію липованскихъ старовѣрцевъ абіе на самомъ дѣлѣ видѣть". [2]) Итакъ разныхъ „благородныхъ" гостей ожидалось немалое количество. Нужно было позаботиться объ ихъ помѣщеніи и о приличномъ для нихъ пиршествѣ. Рѣшились очистить и приговить для гостей домъ за монастырской оградой, и здѣсь же предложить

---

[1]) *Пис. въ Москву*, отъ 15 января 1847 г. (рукоп.). Письмо это, очевидно, назначавшееся для распространенія между старообрядцами, и довольно распространенное дѣйствительно, за отсутствіемъ Геронтія, тогда уже бывшаго на пути въ Москву, подписано казначеемъ инокомъ Дороѳеемъ съ братіей; но сочинялъ его, какъ можно замѣтить съ первыхъ же словъ, инокъ Павелъ. Къ письму было сдѣлано приложеніе, которое, надобно полагать, назначалось уже не для всеобщаго свѣдѣнія, ибо содержитъ изложеніе обстоятельствъ, о которыхъ въ письмѣ найдено неудобнымъ говорить: „о происходившемъ на гостиномъ дворѣ торжествѣ невмѣстимо здѣсь описывать,"—сказано въ письмѣ; а въ приложеніи описывается именно торжественное пиршество на гостиномъ дворѣ. Приведенныя въ текстѣ слова заимствованы изъ этого приложенія. Письмо напечатано въ *Чт. общ. ист. и др.* (1862 г. кн. 3), но безъ приложенія; мы пользуемся принадлежащимъ намъ полнымъ спискомъ, полученнымъ отъ покойнаго В. А Сапѣлкина.

[2]) Тамъ же.

имъ угощеніе, такъ какъ присутствіе „разныхъ религій гостей“ за трапезою, вмѣстѣ съ „древлеправославными христіянами“, признано было неудобнымъ, изъ опасенія — „дабы нѣкихъ ревнителей симъ не соблазнить“. Запасы для угощенія ожидаемыхъ гостей были приготовлены въ великомъ изобиліи; а всѣ хлопоты по устроенію пиршества Геронтій и Павелъ, какъ люди бывалые, предоставили нарочито приглашеннымъ изъ Черновцевъ „кондитерамъ“. Къ 6-му января гостей въ Бѣлую-Криницу съѣхалось дѣйствительно очень много: кромѣ разныхъ чиновныхъ лицъ, было „болѣе пятидесяти человѣкъ благородныхъ помѣщиковъ, съ супругами и взрослыми дѣтьми“. По распоряженію областнаго начальника, желавшаго оказать особенное вниманіе Амвросію, была приведена изъ думеніи воинская команда, для наблюденія за внѣшнимъ порядкомъ при церемоніяхъ, и привезено нѣсколько пушекъ малаго калибра, чтобы стрѣлять при поставленіи епископа и при освященіи воды. Но это послѣднее намѣреніе было уже такъ противно липованскимъ обычаямъ, что инокъ Павелъ обратился къ благодѣтельному начальству съ усерднѣйшею просьбою — не производить пушечной пальбы при священнодѣйствіяхъ: „ибо (говорилъ онъ) по нашему обряду неприлично и даже грѣшно въ столь важный часъ святаго дѣйствія волновать слухи благоговѣйныхъ христіянъ пустыми звуками“.[1]) Просьба его, разумѣется, была уважена и пушечные выстрѣлы назначено производить за обѣдомъ, во время тостовъ.

III. По свидѣтельству очевидцевъ порядокъ при поставленіи перваго липованскаго епископа, тщательно изученный предъ этимъ всѣми участвующими лицами, не былъ нарушенъ никакимъ особенно выдающимся неблагоприличіемъ, хотя самъ Кириллъ, такъ быстро превращенный изъ сельскаго дьяка въ епископы, не смотря на свои златотканныя архіерейскія одежды, многимъ даже изъ зрителей липованскаго закона казался слишкомъ мало похожимъ на епископа. Правда, было одно весьма важное обстоятельство, которое должно бы, повидимому, обратить на себя вниманіе каждаго, хотя не-

1. Тамъ же.

много знакомаго съ церковными правилами, какъ рѣшительное и явное отступленіе отъ сихъ послѣднихъ: поставленіе Кирилла въ епископы совершено однимъ только епископомъ, тогда какъ первое апостольское, а вслѣдъ за нимъ и соборныя правила (перваго всел. пр. 4, Кормч. л. 34. об.; карѳаген. 49, Кормч. л. 136.) требуютъ, чтобы по крайней мѣрѣ три, или два епископа поставляли епископа. Но это обстоятельство инокъ Павелъ предусмотрѣлъ заранѣе и принялъ надлежащія мѣры, чтобы ослабить его значеніе въ глазахъ старообрядцевъ. Еще въ *Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря* внесъ онъ замѣчаніе, что „по древле во святыхъ отцахъ сбывшимся примѣрамъ, *нужнаго ради случая*, незазорно можетъ и единъ епископъ поставить другаго"[1]). Въ статьѣ же: *Что есть всеобдержность и что благословный случай?* — онъ указалъ потомъ и самые эти „во святыхъ отцахъ сбывшіеся примѣры", когда „нужнаго ради случая" одинъ епископъ поставлялъ епископа, — именно примѣры священномученика Автонома и блаженнаго Ѳедима.[2]) Этихъ указаній, по мнѣнію Павла, было вполнѣ достаточно для устраненія всякихъ между старообрядцами

---

1) Въ статьѣ: *Предметъ о водвореніи епископа.* Достойно примѣчанія, что впослѣдствіи инокъ Павелъ придалъ этой статьѣ *Устава* значеніе, равносильное значенію каноническихъ правилъ, наряду съ этими послѣдними сталъ приводить ее въ доказательство правильности архіерейскаго поставленія, совершаемаго однимъ епископомъ. Такъ наприм. говоря о поставленіи въ епископы инока Онуфрія однимъ Кирилломъ, онъ объясняетъ, что это учинено „на основаніи староцерковнаго чиноположенія 28 и 29 заповѣди, яже въ Кормчей, во гл. 42, на л. 302 и 318, и *по силѣ правилъ монастырскаго устава о святителѣ*, и древлесбывшимся святоподобіямъ" (*Памят. происх. дѣлъ*, № 52).

2) См. выше. Замѣтимъ кстати, что впослѣдствіи инокъ Павелъ для оправданія происходившихъ у раскольниковъ поставленій епископа однимъ епископомъ, кромѣ „древлесбывшихся святоподобій", началъ ссылаться еще на „староцерковное законоположеніе 28 и 29 заповѣди, яже въ Кормчей, во главѣ 42" (см. предыдущее прим.). Но здѣсь уже инокъ Павелъ или совсѣмъ не понялъ подлиннаго смысла указанныхъ правилъ императора Юстиніана (что однакоже трудно предположить), или (что гораздо вѣроятнѣе) сознательно извратилъ его въ благопріятную для раскольниковъ сторону: въ приведенныхъ имъ правилахъ рѣчь идетъ о томъ, какъ производить *избраніе* епископа, а вовсе не о *поставленіи*.

сомнѣній относительно законности архіерейскаго поставленія, совершаемаго нужды ради и однимъ епископомъ, тѣмъ болѣе, что старообрядцы и въ прежнее время не показывали въ отношеніи къ этому обстоятельству той крайней притязательности насчетъ соблюденія самомалѣйшихъ, даже не каноническаго достоинства, правилъ, какою вообще отличаются и любятъ хвалиться предъ православными. И дѣйствительно, старообрядцы, какъ заграничные, такъ и русскіе, ни относительно поставленія Кирилла однимъ только Амвросіемъ, ни даже относительно многихъ подобныхъ же поставленій, происходившихъ впослѣдствіи, когда у нихъ имѣлось уже понѣскольку епископовъ, нимало не смущались такимъ явнымъ отступленіемъ отъ основныхъ церковныхъ правилъ.

Достойны замѣчанія еще слѣдующія два обстоятельства, относящіяся къ поставленію Кирилла въ епископы:

1) Когда происходило избраніе намѣстника изъ трехъ предназначенныхъ кандидатовъ, тогда еще не было рѣшено, или покрайней мѣрѣ объявлено, на епископію какого града, на какую упразднившуюся, или вновь открываемую епископскую каѳедру онъ избирается, а было сказано объ этомъ въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ: „избирается въ епископа, господину митрополиту Амвросію намѣстникомъ, *на паству, идѣже г-нъ митрополитъ опредѣлитъ изволитъ.*"[1]) Но при нареченіи и поставленіи Кирилла уже необходимо было объявить, на епископію какого именно града онъ нарекается и поставляется, и непремѣнно града, при томъ не малолюднаго и жители котораго принять его готовы, а не селенія, или какой-либо веси, такъ какъ правила воспрещаютъ поставлять епископовъ даже для городовъ малолюдныхъ (сардик. соб. пр. 7, Кормч. л. 110 об.), а будучи сельскимъ епископомъ, т. е. хорепископомъ, онъ не имѣлъ бы власти (по 13 пр. анкирскаго собора) поставить кого-либо, даже въ своей паствѣ, въ пресвитеры, или діаконы „безъ повелѣнія градскаго епи-

---

[1]) Такъ и въ свидѣтельствѣ духовника кириллова, отъ 1 января 1847 года (*Бѣлокр. арх.*).

скопа."[1]) Выбрать же епархіальной городъ для Кирилла было не легко. Въ Буковинѣ не имѣлось ниодного города, заселеннаго старообрядцами, — Климоуцы, Мехидра, Лукавецъ, даже самые Соколинцы — все это были селенія, а не города; съ другой стороны назначить городъ, не населенный липованами, или и городъ старообрядческій, но не въ австрійскихъ владѣніяхъ, было бы противно изданному 6 (18) сентября 1844 года императорскому декрету о дозволеніи липованамъ имѣть въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ своего епископа, власть котораго здѣсь прямо ограничена предѣлами однихъ только липованскихъ селеній Буковины, такъ что поставлять кого-либо въ священныя степени для мѣстъ, не заселенныхъ липованами, или для старообрядцевъ, живущихъ внѣ австрійской имперіи, по смыслу этого декрета, онъ не имѣетъ права. Достанься жребій не Кириллу, а Геронтію, или Никонту, бѣлокриницкіе распоряди-

---

[1]) Для Амвросія, и вообще для бѣлокриницкихъ митрополитовъ, сдѣлано исключеніе изъ этого правила, на томъ основаніи, что митрополитъ бѣлокриницкій хотя имѣетъ каѳедру въ селеніи, но власть его простирается и на многіе грады, не исключая даже столичныхъ, — на всѣ вообще мѣста, гдѣ только есть старообрядцы, пріемлющіе бѣлокриницкое священство, почему и называется онъ не только митрополитомъ бѣлокриницкимъ, но и „верховнымъ пастыремъ всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ". Непринявшіе бѣлокриницкаго священства старообрядцы, въ числѣ другихъ возраженій противъ него, указывали и на это, что Амвросій, какъ не имѣющій града, сельскій епископъ, не можетъ поставлять другихъ въ священныя степени. Лужковцы, наприм., писали въ своихъ вопросахъ „австрійской митрополіи главному наставнику": „нынѣ у васъ отъ еретикъ принятъ по вашей сребролюбивой, якоже видимъ, страсти митрополитъ Амвросій, *не имущій града*.... Слышите, что гласитъ правило (Корм. гл. 7, пр. 14): сельскіи епископи.... ни пресвитера ни діакона не поставляютъ". На это возраженіе, тогдашній епископъ коломенскій Пафнутій именно отвѣчалъ, что „бѣлокриницкій святитель есть не точію сельскій епископъ, или единаго коего града, но всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ митрополитъ" (*Лужков. отв.* Вопр. и отв. 46. Принадлеж. намъ рукоп.) Такое же исключеніе сдѣлано потомъ для задунайскаго епископа, который названъ славскимъ, по имени извѣстнаго некрасовскаго селенія, но получилъ въ свое вѣдѣніе всѣхъ, живущихъ въ турецкой имперіи старообрядцевъ, почему и назывался епископомъ (а потомъ архіепископомъ) не только славскимъ, но и всѣхъ задунайскихъ старообрядческихъ обществъ (*Памят. происх. дѣлъ*, № 38).

тели не затруднились бы ни церковными правилами, ни тѣмъ паче императорскимъ декретомъ, — назвали бы намѣстника либо епископомъ какого-нибудь изъ липованскихъ селеній, съ правами градскаго епископа, либо епископомъ одного изъ ближайшихъ молдавскихъ городовъ, обитаемыхъ раскольниками, извѣстными притомъ своею расположенностію въ пользу новоучреждамой іерархіи, наприм. боташанскимъ, фурмосскимъ, васлуйскимъ... И теперь, при выборѣ епархіи для Кирилла, они озабочены были не этими затрудненіями со стороны церковныхъ правилъ и императорскихъ указовъ, а соображеніями совершенно другаго свойства. Для Павла и Геронтія съ братіей, какъ мы говорили уже, избраніе Кирилла въ намѣстники по многимъ причинамъ было крайне непріятно, и не смотря на то, что избраніе сіе, какъ выражался Павелъ, устроилось Божіимъ промысломъ, они вскорѣ же рѣшили, что въ видахъ желаемаго процвѣтанія новоучреждаемой іерархіи, ради пользы церковной, необходимо будетъ этого „богоизбраннаго" намѣстника, при первой возможности, подъ благовиднымъ предлогомъ, выпроводить изъ митрополіи въ его собственную епархію, а для этого и епархіальный городъ выбрать ему подальше отъ Бѣлой-Криницы. Посовѣтовавъ между собою нашли, что можно назначить именно Майносъ, — одно изъ самыхъ отдаленныхъ и заброшенныхъ некрасовскихъ селеній въ Турціи, собственною властію переименовавъ его изъ селенія въ городъ. И вотъ Амвросій дѣйствительно поставляетъ Кирилла „епископомъ богоспасаемаго града Майноса",[1]) жители котораго, надобно замѣтить еще, какъ въ то время не имѣли нималѣйшаго расположенія къ іерархіи отъ амвросіева корене, такъ и до сихъ поръ не хотятъ принять ее.[2]) Такимъ образомъ и въ самомъ назначеніи

[1]) *Памят. происх. дѣла*, № 11. Здѣсь говорится, что Амвросій будтобы учинилъ это „по своему благоусмотрѣнію".

[2]) Впослѣдствіи, когда учреждена была задунайская архіерейская каѳедра, Майносъ, какъ и слѣдовало, отошелъ въ вѣдѣніе задунайскаго епископа; но майносцы и этого епископа своимъ архіереемъ признать не захотѣли и священства отъ него не берутъ. Въ 1855 году, Аркадій—экзархъ, проживая около Эноса съ своими „странствующими христіянами", хотѣлъ

каѳедры первому въ строгомъ смыслѣ раскольническому епископу, при поставленіи его въ этотъ санъ, допущено было, и притомъ съ хитрымъ намѣреніемъ, отступленіе отъ церковныхъ правилъ и нарушеніе императорскаго декрета. На это послѣднее обстоятельство должны были бы всего скорѣе обратить вниманіе находившіяся при поставленіи Кирилла черновицкія гражданскія власти, обязанныя наблюдать за исполненіемъ императорскихъ указовъ, еслибы могли, или хотѣли обратить на это вниманіе. Вскорѣ же затѣмъ препровождено было въ крайзамтъ и офиціальное увѣдомленіе отъ Амвросія о поставленіи Кирилла въ епископы; но здѣсь, разумѣется, о Майносѣ упомянуто не было и вообще о епархіи кирилловой не говорилось ни слова, а сказано только, что новому епископу Амвросій назначилъ пребываніе въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ,[1]) — и крайзамтъ,

---

было сдѣлать первую попытку—убѣдить майносцевъ къ принятію бѣлокриницкаго священства и собрался къ нимъ съѣздить вмѣстѣ съ Гончаровымъ, который однакоже, „знавши убійственный ихъ нравъ", отговаривалъ ѣздить: попытка не удалась,—и въ 1856 году Аркадій писалъ въ Бѣлую Криницу, что „жестокость" майносцевъ покорить нѣтъ никакой возможности, что у нихъ и теперь исправляютъ требы «харьковскій хохолъ» (Подлин пис. Арк. въ *Бѣлокр. арх.*). Весьма любопытные отзывы майносцевъ о бѣлокриницкомъ священствѣ, или, по ихъ выраженію, о «гончаровой вѣрѣ», приводитъ Кельсіевъ изъ своихъ бесѣдъ съ ними въ 1863 году: „Гончаровъ отъ гречина вѣру взялъ,—говорилъ одинъ изъ майносскихъ некрасовцевъ,—греческаго митрополита въ христіанство привелъ и новую вѣру завелъ. А мы его не держимъ, потому что намъ не показано отъ гречина вѣру брать.... Гончаровъ и къ намъ прибѣгалъ, и владыку своего привозилъ, и соборъ дѣлали мы, да не приходится, не выходитъ по писанію. Такъ кругъ приговорилъ: кто въ гончарову вѣру пойдетъ, тому сто плетей! А то бы вражій Гончаръ много казаковъ смутилъ" (*Русск. Вѣст.* т. LXIII, стр. 434).

1) Донесеніе Амвросія послано было 8 (20) февраля 1847 года. Въ немъ сказано, что Амвросій при поставленіи Кирилла руководствовался даннымъ ему изъ придворной канцеляріи отъ 15 ноября 1846 года всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ исполнять въ Бѣлой-Криницѣ всѣ архіерейскія дѣйствія (die Ausübung der Functionen als Bischof in Fontina-alba allergnädigst bewilliget worden); о самомъ же поставленіи Кирилла, послѣ похвальнаго отзыва о его качествахъ, сказано только: habe ich denselben, nachdem er in den Mönchsorden unter dem Namen Cirillus getreten ist, Stufenweise erstlich zum Diaconus, dann zum Priester und zuletzt am $^{6}/_{18}$ Jan. 1847 zum Bischof ausgeweiht, und ihm den Aufenthalt im dasigen Kloster angewiesen (*Бѣлокр.*

не найдя съ своей стороны никакихъ препятствій признать Кирилла въ званіи намѣстника липованскаго святителя (Lippowaner Weihbischof), препроводилъ донесеніе Амвросія въ губернію, откуда не послѣдовало также никакихъ возраженій, о чемъ крайзамтъ въ свою очередь увѣдомилъ Амвросія.[1])

2) Согласно соборному правилу (кареаген. пр. 90, Кормч. л. 184) и древнему церковному обычаю, новопоставленному епископу Кириллу, немедленно по поставленіи, достовѣрнаго ради свидѣтельства о дѣйствительности его сана, или, по выраженію Павла, „во утвержденіе его высокаго архіерейскаго достоинства и въ знаменіе духовнаго правленія", [2]) надлежало вручить ставленную грамоту, „подписанную рукою поставльшаго и епископа". Хорошо понимая значеніе этого акта и принявъ во вниманіе то обстоятельство, что ставленная грамота перваго липованскаго епископа должна будетъ служить на будущее время образцомъ, или постоянной формой для такихъ же грамотъ всѣмъ новымъ раскольническимъ епископамъ, инокъ Павелъ своевременно занялся ея составленіемъ и трудъ свой исполнилъ со всѣмъ тщаніемъ. Онъ очевидно руководствовался при этомъ ставленною грамотою самого Амвросія. Такъ начало кирилловой грамоты заимствовано изъ нея почти съ буквальной точностью: „Великоименитая премудрость отча, непремѣнный образъ присносущія его" и т. д.[3]). Слѣдующее за симъ отдѣленіе, какъ и въ грамотѣ Амвросія, посвящено изложенію частныхъ обстоятельствъ, относящихся собственно къ тому лицу, которому вручается грамота, т. е. изложенію обстоятельствъ кириллова избранія и поставленія. Это есть глав-

---

арх.). При донесеніи Амвросія препровождено было въ крайзамтъ и громадское свидѣтельство о достоинствѣ Кипріана Тимоѳеева: въ *Памятникѣ происх. дѣлъ*, подъ № 13, записано: „донесеніе отъ г-на митрополита, *съ приложеніемъ подлиннаго свидѣтельства о достоинствѣ епископа Кирилла*, въ к. к. крайзамтъ отправлено съ нарочнымъ инокомъ Алимпіемъ".

[1]) Извѣщеніе изъ крайзамта послѣдовало 4 авг. 1847 года (подлинное въ *Бѣлокр. арх.*).

[2]) Черновой списокъ кирилловой ставленной грамоты (*Бѣлокр. арх.*).

[3]) См. ставлен. грам. Амвросія въ павловой *Церков. исторіи*, стр. 182.

ная, существенная часть въ ставленной грамотѣ Кирилла, надъ сочиненіемъ которой Павелъ, очевидно, потрудился не мало. Мы приведемъ ее вполнѣ.

„Азъ смиренный Амвросій митрополитъ, Божіимъ всепремудрымъ промышленіемъ удостоившійся одержевати новоучрежденный архіерейскій престолъ бѣлокриницкій, состоящій подъ покровительствомъ великаго скиптра высокоцарственной австрійской державы, и подчиненныя сему престолу церкви недремлющима очима посѣщати и укрѣпляти, якоже подобаетъ, во спасеніе. Предусматривая же для святаго престола сего вся *полезная и прочная къ неупустительному его существованію*, и со общаго согласія всего освященнаго собора заблагоразсудили мы, на основаніи уставоположенныхъ для сего престола правилъ и согласно дозволительнаго всевысочайшаго рѣшенія, послѣдовавшаго 18 сентября 1844 года, немедленно поставить бѣлокриницкому верховному святителю [1]) намѣстника въ званіи епископа. Для того и повелѣно отъ насъ быть правильному избранію въ митрополіи нашей, внутри Бѣлокриницкой киновіи, въ церкви Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы честнаго и славнаго ея Покрова. При собраніи же многихъ достопочтенныхъ лицъ священническаго и иноческаго чина и окрестныхъ обществъ депутатовъ, въ присутствіи нашемъ, къ числу двухъ избранныхъ отъ отецъ, — монастыря сего господина настоятеля и казначея,—присовокупленъ и третій изъ числа достопочтенныхъ бѣлокриницкихъ жителей, Кипріанъ Тимоѳеевъ, удостоенный къ высокому сему выбору отъ цѣлаго бѣлокриницкаго общества и даже монастырскаго общебратства письменнымъ свидѣтельствомъ, и отъ отца духовнаго особымъ удостовѣреніемъ, что онъ есть самаго лучшаго нравственнаго поведенія и непорочнаго житія, богобоязненный, честный и добродѣтельный человѣкъ, по смерти законной жены своей свободь сый отъ міра, достоинъ къ воспріятію архіерейскаго сана: понеже онъ отъ самыхъ младыхъ своихъ лѣтъ даже до настоящаго сего времени велъ себя всегда честно и трезвенно, устроялъ домо-

---

[1]) Сначала написано было: поставить *себѣ*.

водство свое прилѣжно и благонравно [1]), при всемъ томъ болѣе тридесяти лѣтъ при бѣлокриницкой сельской церкви церковнымъ настоятелемъ и уставщикомъ находился безпорочно, и даже самую настоящую церковь собственными своими трудами и ревностію воздвигнуть содѣйствовалъ и въ ней, за недостаткомъ священства, обычественныя богомоленія церковнаго послѣдованія, исключа литургіи, тщательно и благоговѣйно совершалъ, единовѣрныхъ своихъ христіянъ и дѣтей ихъ вмѣсто отца духовнаго страху Божію и церковнымъ заповѣдямъ училъ и наставлялъ. Къ совершеному же заключенію достоинства его на воспріятіе епископскаго сана и самый промыслъ Божій, во святой церкви, на соборномъ богомоленіи, посредствомъ жребія избралъ его предъ прочими самымъ первымъ. А потому, когда онъ предварительно поступилъ законнымъ постриженіемъ въ чинъ иночества подъ именемъ Кирилла, азъ смиренный митрополитъ Амвросій, хиротонисавъ его по степенямъ въ діякона, потомъ въ презвитера, и наконецъ произвелъ во епископа, *который до времени будетъ находиться въ сей митрополіи намѣстникомъ* [2]).

„А какъ единовѣрные намъ древле-истинной христіянской религіи христіяны и цѣлыя обществы таковыхъ находятся въ разныхъ государствахъ, въ числѣ коихъ извѣстно свѣдали мы, что имѣется въ турецкой державѣ, въ Анатоліи, особаго жительства правъ, богоспасаемый градъ Майносъ, не имѣя у себя законнаго своего пастыря: для чего, по благоусмотрѣнію нашему и всего освященнаго собора, и опредѣляется въ оный градъ на епископскій престолъ сей

---

1) Въ этомъ мѣстѣ, которое почти буквально заимствовано изъ „свидѣтельства о достоинствѣ Кирилла“, были вписаны изъ того же свидѣтельства слѣд. слова: „три сына и три дщери по христіянскому долгу воспиталъ и къ честному житію наставилъ и опредѣлилъ“; но потомъ эти слова зачеркнуты. Вѣроятно Павелъ нашелъ болѣе удобнымъ умолчать о благовоспитанности кирилловыхъ дѣтей, изъ которыхъ наприм. Никита, нынѣшній бѣлокриницкій сельскій попъ, даже самихъ липованъ приводитъ въ изумленіе своими безчинствами.

2) Такимъ образомъ Павелъ и въ ставленную грамоту Кирилла позаботился внести замѣчаніе, что этотъ послѣдній только *до времени* имѣетъ быть намѣстникомъ и жить въ митрополіи.

возлюбленный по духу братъ нашъ и сослужитель преосвященный епископъ Кириллъ, яко достоинъ воспріяти архіерейское предстательство и пастырскій жезлъ новоопредѣленной епархіи Майноса и отнынѣ да именуется майносскій епископъ. Того ради и приглашается нынѣ новопоставленный епископъ на полученіе надлежащей ему сей грамоты къ престолу благодати, вкупѣ да воспріиметъ и архипастырское нижеслѣдующее наставленіе отъ нашего смиренія".

За симъ излагаются, въ формѣ рѣчи, обращенной къ Кириллу, обязанности епископа; а въ заключеніе говорится о правахъ и высокомъ достоинствѣ епископскаго сана. Въ этихъ двухъ послѣднихъ отдѣленіяхъ кирилловой ставленной грамоты видно также подражаніе грамотѣ Амвросія, только содержащееся въ этой послѣдней Павелъ изложилъ посвоему и мѣстами сократилъ, мѣстами дополнилъ любимыми у старообрядцевъ свидѣтельствами [1]).

Въ такомъ видѣ была сочинена и изложена Павломъ ставленная грамота Кирилла, и въ этомъ самомъ видѣ она осталась образцомъ для всѣхъ ставленныхъ грамотъ, выдававшихся впослѣдствіи новымъ раскольническимъ архіереямъ. Но для самого Кирилла (что собственно и важно въ настоящемъ случаѣ) эта его ставленная грамота не имѣла и не имѣетъ никакого значенія. Дѣло въ томъ, что инокъ Павелъ ограничился только составленіемъ грамоты; представить же ее своевременно Амвросію для подписанія и врученія Кириллу, какъ надобно полагать, опять-таки изъ нерасположенности къ этому послѣднему, онъ не разсудилъ, а призналъ за лучшее отложить подписаніе грамоты до будущаго времени; время же мало по малу продлилось до са-

---

1) Такъ онъ между прочимъ исключилъ тѣ мѣста амвросіевой грамоты, гдѣ говорится о взиманіи принадлежащихъ епископу доходовъ и воспрещается ихъ удержаніе; а внесъ между прочимъ весьма уважаемое старообрядцами поповскаго согласія свидѣтельство изъ притчи о минасахъ: *куплюдѣйте дондеже пріиду*, съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „и такъ да всемогущій Христосъ Богъ благоволитъ соблюдатися и хранитися (разумѣется, у старообрядцевъ, получившихъ теперь епископство) неложному его обѣтованію *во истинномъ дѣйствіи* до втораго и страшнаго его пришествія"....

маго удаленія Амвросія изъ Бѣлой-Криницы, когда въ свою очередь Амвросій не захотѣлъ уже ее подписывать [1]). Такимъ образомъ Кириллъ навсегда остался безъ ставленной грамоты, — и это была новая неправильность, допущенная при его произведеніи въ епископы.

IV. Указанныя отступленія отъ правилъ и императорскихъ декретовъ были вѣдомы только Павлу и Геронтію съ ихъ ближайшими сотоварищами; говорить же объ нихъ кому-либо изъ старообрядцевъ и вообще людей, не посвященныхъ въ бѣлокриницкіе секреты, Павелъ, какъ само собою понятно, остерегался, — онъ избѣгалъ даже всякихъ случаевъ, которые могли бы наводить на бесѣду о томъ, все ли въ порядкѣ, законно и по чину исполнено было при поставленіи перваго старообрядческаго епископа. Поэтому-то, конечно, и въ письмѣ къ московскимъ благопріятелямъ, которое посвящено было именно сказанію о произведеніи Кирилла въ епископы, Павелъ нашелъ неудобнымъ входить въ подробное описаніе самаго чина поставленія: „о внутрь-церковномъ чиносовершеніи невмѣстимо здѣсь пояснять“,—писалъ онъ. За то со всѣми подробностями изложено было въ этомъ письмѣ все, „внѣ церкви происходившее“, т. е. церемонія богоявленскаго водосвященія и устроенное затѣмъ пиршество. Мы приведемъ вполнѣ это павлово сказаніе о торжествахъ, происходившихъ въ Бѣлой-Криницѣ 6-го января 1847 года.

„По совершеніи архіерейскаго хиротонисанія и божественной литургіи, великолѣпно шли изъ церкви со всѣмъ освященнымъ соборомъ митрополитъ, новопоставленный архіерей и архимандритъ, и съ ними по чину и прочіе священнослужители,—всѣ въ блестящихъ златотканыхъ облаченіяхъ и множество въ полномъ чину иноковъ и православнаго

---

1) Въ *Бѣлокр. архивѣ* сохранилась собственноручно писанная Павломъ, какъ надобно полагать, черновая, со многими помарками и поправками, ставленная грамота Кирилла, изъ которой мы и заимствовали приведенныя выше извлеченія. На ней Павломъ же сдѣлана подпись: „Дана сія грамота въ Бѣлокрыницѣ, генв. въ $^{6}/_{18}$ день $^{7355}/_{1847}$ годъ“. Что грамота сія Амвросіемъ не подписана и Кирилломъ не получена, объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ всѣ лица, близко знакомыя съ бѣлокриницкими дѣлами.

народа. Весь же монастырь покрытъ былъ безчисленнымъ множествомъ народа разныхъ сословій и языковъ, по пронесшемуся напередъ слуху о произведеніи въ сей день новаго архіерея со всей буковинской области съѣхавшихся. А когда встрѣтились при выходѣ изъ вратъ монастыря съ ожидавшимъ уже на улицѣ другимъ ходомъ кресннымъ изъ слободской церкви: тогда вся улица какъ налита была разнаго сословія народомъ до крайняго утѣсненія, такъ что если бы начальникъ думеніи со статскою своею командою, въ подобіе жандармовъ, по распоряженію бывшаго здѣсь самого барона, здѣшняго областнаго начальника, не сдѣлали бы по всей улицѣ проходъ, то никакъ невозможно бы было всему священному собору со иконами и прочей святыней по улицѣ на устроенную іордань пройти. Достигши же пространной площади среди села, гдѣ уготовано мѣсто бысть водоосвященію, устроились съ иконами по надлежащему чину и совершилось водоосвященіе великолѣпно, и все происходило благочинно, тихо и стройно"...

Такъ какъ довольно продолжительныя молитвы при освященіи воды въ день Богоявленія, читаемыя вслухъ, не были переложены на греческія буквы и во всякомъ случаѣ Амвросію прочесть ихъ пославянски было очень трудно, то обязанность эту возложили на новопоставленнаго намѣстника; самъ же Амвросій прочелъ только положенное Евангеліе, какъ извѣстно, очень краткое,—и прочелъ, разумѣется, пославянски. Утомленный длинною службою, а также по причинѣ довольно холодной погоды, Амвросій предоставилъ уже одному Кириллу сопровождать торжественное крестное шествіе обратно въ монастырь; самъ же возвратился домой въ нарочно приготовленныхъ для него санях.

„По окончаніи всего происшествія новопоставленный архіерей провожаемъ былъ изъ церкви до его келіи великолѣпнымъ тѣмъ чиномъ, какъ и митрополитъ, поелику первый день былъ его поставленія [1]). Архіерей въ келіи своей

1) Это значило, что впослѣдствіи воздавать подобныя почести Кириллу не предполагалось, — и дѣйствительно ни встрѣчь, ни провожаній, даже са-

принялъ пѣвцевъ и братію приличнымъ и краткимъ, по нашему обычаю, угощеніемъ и они поздравляли его многолѣтнымъ привѣтствіемъ.

„Потомъ благочинно собрались на обѣдъ. Посадивши братію за общую братскую трапезу, сами всѣ трое—митрополитъ, новый архіерей и архимандритъ пошли на гостинный дворъ монастырскій, расположенный между ограды и сельской улицы, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ для всѣхъ приходящихъ разныхъ религій гостей. Весь монастырской бѣлой дворъ наполненъ былъ разнымъ простымъ народомъ; тамъ же и солдаты штатской команды заряжали пушки; а домъ до крайняго утѣсненія былъ наполненъ: верхніе три большіе покои благородными, низъ весь кондитерами и служителями и разными припасами и вещами Какъ скоро святители съ архимандритомъ появились на гостиный дворъ, вдругъ сдѣлали выстрѣлъ изъ шести пушекъ. Святители вошли въ покои, сдѣлали къ собравшимся при столахъ гостямъ долженствующее привѣтствіе, а они имъ поздравленіе. Потомъ сѣли всѣ трое рядомъ на прилично убранныя мѣста: митрополитъ въ срединѣ, архіерей съ правой стороны, архимандритъ съ лѣвой. Также и всѣмъ прочимъ гостямъ повелѣлъ митрополитъ садиться по своимъ мѣстамъ, и во здравіе ясти и пити предлагаемая. Итакъ начался обѣдъ во всѣхъ покояхъ на всѣхъ столахъ. Гости пили вино и громогласно пѣли безчисленно: виватъ! виватъ! многая лѣта!—всѣмъ по имени и по чину ихъ обыкновенія; а на дворѣ при всякомъ общегласномъ восклицаніи подавали сигналъ и палили изъ пушекъ. Этотъ обѣдъ продолжался отъ полудня до вечера и до огня. И наконецъ гости съ неизъяснимымъ удовольствіемъ и великою благодарностію отправились восвояси съ миромъ“.

мыхъ обыкновенныхъ, ему потомъ уже не дѣлали, частію находя это неприличнымъ въ присутствіи митрополита, а больше изъ пренебреженія къ Кириллу, чего этотъ послѣдній и самъ не могъ не замѣтить. Какъ-то разъ онъ рѣшился даже протестовать противъ такого неуваженія къ его епископскому достоинству; но Павелъ предложилъ ему отправиться въ свою собственную епархію, гдѣ можетъ требовать себѣ всякихъ почестей, — и Кириллъ никакихъ уже неудовольствій послѣ этого предъявлять не рѣшался.

Письмо, излагавшее такъ подробно бѣлокриницкія торжества по случаю кириллова поставленія въ епископы, заключено было слѣдующими примѣчательными словами, въ которыхъ ясно обнаружилось, какъ смотрѣли на это событіе учредители бѣлокриницкой іерархіи: „Итакъ мы свое, изъ давнихъ лѣтъ сердечно желаемое благоустроеніе въ дѣло произвели, и теперь остается намъ, съ упованіемъ на всемогущій промыслъ Божій, въ смиреніи, мирѣ и любви о Христѣ жити, восхваленія и благодаренія за все, иже въ Троицѣ единому, Богу и всѣхъ Создателю непрестанно приносить и о самодержавнѣйшемъ великомъ государѣ царѣ нашемъ Фердинандѣ и о всемъ мірѣ Бога молить во вся дни живота нашего, аминь!"

Учредители бѣлокриницкой іерархіи теперь дѣйствительно могли сказать уже съ полной увѣренностью, что наконецъ изъ давнихъ лѣтъ ими сердечно желаемое дѣло приведено въ совершеніе, и то, что было главною, послѣднею цѣлію ихъ многолѣтнихъ неустанныхъ трудовъ, вполнѣ достигнуто: съ поставленіемъ перваго, въ строгомъ смыслѣ раскольническаго епископа, новоизобрѣтенная ими „древлеправославная" іерархія получила нетолько дѣйствительное бытіе, но и прочное, какъ они надѣялись, обезпеченіе для своего дальнѣйшаго существованія. Теперь, казалось имъ, остается только въ мирѣ и тишинѣ пользоваться плодами прежнихъ подвиговъ, услаждаться созерцаніемъ старообрядчества, беззавистно и неоскудно снабдѣваемаго священствомъ отъ собственныхъ „древлеправославныхъ" епископовъ, красующагося во всей полнотѣ іерархическихъ чиновъ.... Правда и въ будущемъ предстояли заботы; но въ сравненіи съ понесенными трудами и испытаніями онѣ казались уже и не значительными и удобоисполнимыми; — это именно заботы о распространеніи вліянія и власти новоучрежденной іерархіи на весь старообрядческій міръ, объ ея успѣхахъ и процвѣтаніи, въ чемъ могла служить для нихъ вѣрнымъ ручательствомъ самая нужда въ священствѣ, претерпѣваемая старообрядцами. Къ этимъ новаго рода трудамъ и приступили, немедленно по рукоположеніи намѣстника, Геронтій и Павелъ, оставшіеся и теперь, не смотря на присутствіе митрополита и другаго епископа, главными распорядителями

іерархическихъ и иныхъ дѣлъ въ Бѣлой-Криницѣ, которая отселѣ получила названіе старообрядческой митрополіи. Спустя неболѣе недѣли послѣ бѣлокриницкихъ торжествъ по случаю кириллова поставленія въ епископы, 14-го января, Геронтій отправился въ Россію, и именно за тѣмъ, чтобы лично во всей подробности сообщить россійскимъ старообрядческимъ обществамъ, преимущественно московскому и петербургскому, о совершившихся въ Бѣлой-Криницѣ великихъ событіяхъ, — о принятіи митрополита и поставленіи намѣстника;—всѣ эти общества пригласить къ неукоснительному пріобрѣтенію отъ бѣлокриницкаго архіерейства столь нужныхъ имъ священниковъ, а если желательно, то и епископовъ; въ Москвѣ и по другимъ мѣстамъ собрать приношенія на новоучрежденную митрополію; вообще—положить начало тѣхъ связей между россійскими старообрядцами и бѣлокриницкой митрополіей, которыя имѣлись въ виду при самомъ учрежденіи сей послѣдней и были особенно желательны ея учредителямъ. А Павелъ, оставшись въ Бѣлой-Криницѣ, озаботился установленіемъ надлежащихъ отношеній митрополіи къ заграничнымъ—буковинскимъ, молдавскимъ и добруджинскимъ старообрядцамъ, также учрежденіемъ правильнаго веденія всѣхъ вообще церковно-іерархическихъ дѣлъ въ митрополіи. Мы увидимъ изъ дальнѣйшей исторіи, насколько оправдались желанія и ожиданія того и другаго,—какія невзгоды нечаянно постигли Геронтія среди новыхъ его трудовъ и съ какими непредвидѣнными трудностями пришлось бороться иноку Павлу на пути къ упроченію основанной имъ іерархіи.

ОПЕЧАТКИ.

(Имѣя жительство внѣ Москвы, авторъ не могъ постоянно и лично наблюдать за печатаніемъ книги: вслѣдствіе этого, къ сожалѣнію, оказалось въ книгѣ много, по мѣстамъ довольно важныхъ, опечатокъ, за которыя авторъ проситъ у читателей снисхожденія. Ниже указаны болѣе значительныя изъ сихъ опечатокъ).

Напечатано:			*Должно быть:*
Стран.	Стр.		
5	7 сн.	сочинителс	сочинителемъ
6	18 св.	себѣ	себя
7	20 —	постоятельная	настоятельная
9	13 сн.	прийято	принято.
12	2 —	п оискать	поискать
14	13 —	умѣли	имѣли
17	24 св.	соглашеніс,	соглашеніе
18	14 —	странствія.	странствія?
24	14 —	Аѳонинъ	Аѳонимъ
—	17 сн.	высшій	высшей
26	5 —	и	й
27	5 —	Малдавіи	Молдавіи
29	6 св.	преключеній	приключеній
31	16 сн.	ноконецъ	наконецъ
—	4 —	Епаѳаній	Епиѳаній
—	3 —	коломонскій	коломенскій
33	9 —	ещ	еще
35	1 —	границей,	границей
36	3 св.	предподчтительно	предпочтительно
41	3. св.	архіеревъ	архіереевъ
—	5 —	производившіеся	производившіяся

Напечатано:			Должно быть:
Стран.	Стр.		
44	14 св.	церкви	церкви
45	1 сн.	ятр.	стр.
56	4 —	при надлежащихъ	принадлежащихъ
59	2 —	Жизноеписаніе	Жизнеописаніе
60	3 —	предетавлено	предоставлено
62	5 —	сознавасмыхъ	сознавасмомъ
63	9 —	Среднепреображенскомъ	Верхнепреображенскомъ
64	3 св.	на добно	надобно
65	7 —	ни когда	никогда
66	15 сн.	каждой удобной и неудобной	каждый удобный и неудобный
69	18 св.	страрообрядчество	старообрядчество
70	13 сн.	ноповщины	поповщины
79	11 —	долгъ	домъ
83	15 —	ко которыми	которыми
90	20 св.	витіеваго	витіеватаго
	23 —	должо	должно
93	18 сн.	въ монастырѣ	монастырѣ
95	11 св.	отстоятъ	отстоять
101	20 сн.	онъ	онъ
	9 —	Гернстія	Геронтія
102	18 —	уединенный	уединенный
103	6 —	тысящи	тысящи
107	20 св.	новопостриженному,	новопостриженному.
111	11 —	возвращаясь	возвращался
119	20 —	семействати	семействами
124	4 сн.	онтабря	октабря
127	15 —	поддаными	подданными
132	2 св.	раздѣленный	раздѣленный
138	16 —	липованы	липоване
139	6 —	глубой	глубокой
140	3 —	оклоо	около
146	12 сн.	ни гдѣ	нигдѣ
149	12 —	липоване опять,	липоване, опять
155	4 св.	податное	поданное
157	3 —	мондаторъ	мандаторъ
165	5 сн.	Червонцы	Черновцы
170	14 —	монастырѣ	монастырѣ.
—	7 —	самыхъ	самихъ
176	17 св.	попъ.	панъ

Напечатано:			*Должно быть:*
Стран.	Стр.		
176	20 св.	121	131
178	5 —	*яже*	*иже*
187	8 —	господствавшаго	господствовавшаго
—	16 —	служитъ	служить
—	13 сн.	тулоповъ	тулуповъ
201	7 св.	подчиниться	подчиняться
205	3 —	кафедры	каѳедры
—	6 —	революція	резолюція
220	11 —	gesetzwirdig	gesetzwürdig
223	20 —	вопросъ кому	вопросъ, кому
—	7 сн	общественныъ	общественнымъ
225	13 —	иикогда	никогда
227	14 св.	не про	не
230	17 сн.	богослуженіе значитъ;	богослуженіе; значитъ
238	13 —	ахріерейства	архіерейства
244	11 св.	спосо-	спо-
245	1 —	сущеттвованіе	существованіе
246	8 св.	разлѣдовать	разслѣдовать
247	12 св.	кавался	касался
252	5 сн.	избраника	избранника
261	9 св.	излѣдованіе	изслѣдованіе
268	2 —	депуттаты	депутаты
282	8 сн.	начили	начали
297	10 —	отрытаго	открытаго
314	7 св.	третьего	третьяго
316	17 —	Бухлуемъ	Бахлуемъ
321	1 сн.	Азій	Азіи
326	11 св.	врочемъ	впрочемъ
334	10 —	древнеправославными	древлеправославными
—	16 сн.	со	съ
338	1 св.	вынѣшнее	нынѣшнее
—	16 —	Домаскѣ	Дамаскѣ
—	2 сн.	распостраненная	распространенная
352	3 св.	волько	вольно
353	6 сн.	еовершенно	совершенно
257	18 св.	мѣстныхъ	безмѣстныхъ
364	2 сн.	подданное	поданное
375	14 св.	петріархомъ	патріархомъ
376	3 —	церковные	церковныя
384	2 —	Амвосій	Амвросій

Напечатано:			*Должно быть:*
Стран.	Стр.		
385	20 св.	свидѣльства	свидѣтельства
392	3 —	видѣтельствъ	свидѣтельствъ
393	7 сн.	средиземнаго	Средиземнаго
401	19 св.	пачальству	начальству
407	19 —	проживъ	прожилъ
410	4 сн.	наисидьнѣйше	наисильнѣйшее
415	18 св.	архіеремъ	архіереемъ
432	8 —	предворяя	предваряя
433	16 сн.	*искалъ*	*искахъ*
435	10 св.	*пола*	*полла*
443	12 сн.	хиротописаніи	хиротонисаніи
447	17 —	имѣется.	имѣется".
451	13 —	непременно	непремѣнно
—	11 —	своихъ	въ своихъ
455	6 —	оссобенно	особенно
—	3 —	христіаскаго	христіанскаго
459	16 —	учичтожилъ	уничтожилъ
465	20 —	происходившимъ	происходившемъ
471	4 сн.	Амросія	Амвросія
500	16 —	встрѣтится	встрѣтиться

Поправка: На стр. 71 купецъ Николай Царскій названъ собирателемъ старинныхъ рукописей: это не справедливо,—собирателемъ былъ другой Царскій, Иванъ Никитичъ, родственникъ здѣсь упоминаемаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

СОВРЕМЕННЫЯ СКАЗАНІЯ

О РАСКОЛЬНИЧЕСКИХЪ ЕПИСКОПАХЪ И ПОПАХЪ.

....

О епископѣ Вѣтковскомъ Епифаніи Реуцкомъ,

гдѣ родися и отъ коего рода.

Рожденіе его бѣ близъ мѣстечка Полоннова въ Полшѣ, а отъ рода жидовска и отъ жены нѣкія нечистыя жидовки, хуждьша и послѣдняго рода и нищенскаго житія. И по шести лѣтѣхъ рожденія своего изъ Полши вышелъ и близъ Чернигова города жительство имѣлъ, и ту обливаніемъ крещенъ. И потомъ пріиде въ Кіевъ ко архіерею и постриженіе тамо пріятъ монашеское, и былъ у архіерея келейникомъ, и поставленъ въ діаконы, и потомъ въ попы, и послѣжде посланъ игуменомъ въ монастырь, который имѣется во градѣ Черниговѣ, и тамо былъ игуменомъ въ томъ монастырѣ нѣколико лѣтъ. И будучи во игуменствѣ, впаде въ неискусенъ умъ. И у нѣкоей тогда тамо бывшей полковницы въ то время была племянница дѣвица, и прельстилъ онъ ея Епифаній и жилъ съ нею скверно И отъ него родила та дѣвица дѣтище мужескъ полъ. И о семъ оная полковница увѣдала и на него Епифанія за безчестіе племянницы своея просила въ Синодѣ. И по челобитью ея взялиево въ Синодъ, и разстригли его, и сидѣлъ подъ карауломъ долгое время простымъ человѣкомъ, а не чернецомъ. И усмотря время, оный разстрига отходомъ бѣжалъ и пристанища никакого не имѣлъ. И потомъ пришелъ въ Шветы и люторскую прелесть воспріялъ и всю латынскую скверную вѣру. И нѣколико время съ ними оной прелести общаяся, и у присяги былъ люторской прелести, и все христіанство зло проклиналъ и отрицался. И тамо за нѣкое безчинство его выгнали съ поруганіемъ. И потомъ прибѣжалъ онъ въ первое свое сонмище жидовское, и по многой его клятвѣ и пріятъ бысть жидами. И былъ онъ въ жидовствѣ не мало время и общеніе съ ними во всемъ имѣлъ неопасно и христіанъ всѣхъ ругалъ и проклиналъ. И за нѣкое безчинство свое и отъ жидовъ бѣжалъ, и пришедъ на рубежъ къ городу Смоленцу, и ту пойманъ бысть

караульными драгуны и допрашиванъ, и въ разспросѣ про себя сказалъ что родомъ оной Епифаній кіевлянинъ, прозваніемъ Реуцкій. И по сказки ево отосланъ онъ въ Кіевъ и тамо подъ карауломъ сидѣлъ многое время. И ту по нѣкоему знакомству свободился изъ неволи по архіерейскому прошенію. И знаемъ бысть оной Епифаній учинился епископу кіевскому, и по нѣкоему времени учини его архіерей кіевскій съ прочими у себе быть, и ходилъ за духовными дѣлами многое время. И Божіею волею умре архіерей кіевскій. И потомъ оной Епифаній, вымысливши зло нѣкое, и по днѣхъ нѣкіихѣ упоилъ хмѣльнымъ питіемъ келейника архіерейскаго. И взявши ключи у пьянаго, и вынелъ изъ крыны три печати, отъ которыхъ архіерейство преподается по епархіямъ. И взявши оныя три печати кіевскую, галицкую, львовскую, и самъ написавши указъ за подписаніемъ, окрадши руки ложно, и къ яскому епископу доступилъ, дабы поставилъ его Епифанія въ Кіевъ епископомъ. И то умысливши, первое восхитилъ на себе чинъ іеромонашескій и поиде съ чиномъ и указомъ въ Ясы. Егда же бысть въ Ясахъ у епископа и вопрошенъ бысть отъ яскаго епископа, почто чрезъ предѣлъ російскихъ государствъ поставленія просиши, и оной же Епифаній на то отвѣтствовалъ епископу яскому, яко въ Росіи умножися велми ересь иконоборная, и того ради я не смѣю отъ російскихъ епископовъ поставленія пріяти. И тако тѣмъ оболсти епископа яскаго, еще же и казны далъ за поставленіе много, за что и поставленъ бысть тогда въ лѣто 7227. И потомъ поиде отъ Ясъ чрезъ Полшу. Идучи чрезъ предѣлы и страны полскія земли, въ причетъ поставлялъ много и поставилъ въ Полшѣ въ уніатскихъ церквахъ по разнымъ мѣстамъ 25 поповъ. И прослышавши о семъ безчиніи бискупы уніатскія, и взыскали его, и въ погоню гнали за нимъ. Онъ же, вѣдая за собою вину, что чрезъ предѣлъ дерзнулъ, и того ради укрылся вскорѣ въ російскія предѣлы. И по немъ оныхъ, иже отъ него поставленныхъ, поповъ, бискупы полскія съ великимъ наказаніемъ извергли ихъ отъ священства и простыми людьми ихъ учиниша. А оной Епифаній потомъ пришелъ епископомъ во градъ Черниговъ и дѣйствовалъ епископское дѣло. И потомъ пріѣхалъ въ Кіевъ епископомъ же, и поиманъ бысть вскорѣ отъ знающихъ его, и тѣмъ же намѣстникомъ. И учинили о немъ соборъ съ великимъ разсмотрѣніемъ и репортовали о немъ въ Москву въ главный правительствующій синодъ. И потомъ по указу яко злодѣй изъ Кіева въ Москву подъ крѣпкимъ карауломъ въ Синодъ отосланъ. А въ Москвѣ съ пытки и съ огня винился о похищеніи епископства и всего своего злодѣйства, что сотворилъ. И вмѣсто смертной казни, бивши его кнутомъ нещадно и остригши ему главу и браду, и на каторгу сосланъ въ вѣчную работу. И ради коронованія втораго императора тогда съ каторги сосланъ на Соловки подъ началъ вѣчно простымъ мірянинномъ. И оттуду изъ Соловковъ бѣжалъ, и на дорогѣ нѣгдѣ паки на себя восхитилъ чинъ епископскій. И бѣжалъ за рубежъ, и паки на рубежѣ пойманъ и въ Москву отосланъ, и въ Москвѣ въ Синодѣ подъ карауломъ въ самомъ томъ чину епископскомъ сидѣлъ долгое время. И по многихъ ему розыскахъ, бивши его кнутомъ и обривши, и паки подъ карауломъ въ Соловки посланъ. И тогда согласяся Ѳедоръ Козминъ, да Герасимъ Козминъ калужане, и Мо-

сквичи Потапъ Матвѣевъ и Власъ старецъ, и съ прочими москвичи того Епифанія на дорогѣ у караульныхъ отбили. И Егоръ иконникъ привезъ его Епифанія за границу къ Ивану Иванову, прозваніемъ Работниченку. А отъ него взялъ къ себѣ Лаврентій въ пустыню и въ келіи училъ благочестію. И похвалилъ Епифанія Лаврентій, и христіаниномъ нарекъ его, и сказалъ, что онъ крещенъ на Сѣверѣ. И потомъ на Вѣтку представилъ о немъ Павлу казначею и всему народу. И по нѣкоемъ времени повелѣша ему на Вѣткѣ въ церкви служити и вся дѣйства правити. Онъ же Епифаній нача вся правити, и поповъ поставляти, и вся дѣйствовати, и поставилъ 12 поповъ. И казначей Павелъ, угождая Епифанію, и повелѣ казначей всѣхъ ко присягѣ пригоняти нуждею. А которые не принимали Епифанія за епископа, и тѣхъ людей повелѣша нуждею подъ колоколну сажать и мучити, якоже и папежницы творятъ. И сему дѣлу самовидцы жителіе вѣтковскіе, люди тогда ту бывшіе. И бысть тогда о семъ веліе въ людѣхъ смятеніе и смущеніе, печаль и скорбь не мала. Да еще же повѣдается повѣсть страшна и зѣло ужасна о томъ же епископѣ Епифаніи, повѣдаемъ. Егда оной Епифаній поповъ поставилъ и оные попы начаша крестити и вся священнодѣйствовати, и отъ нихъ крещенныхъ и причащаемыхъ и духовныхъ дѣтей,— и надъ сими, что явися тогда, яко и ужаса достойно сказати! Тогда бѣсновалися вси, яко видѣвшимъ ужасатися, и овыхъ бѣси давили, яко и человѣцы отъ страха сего бѣгали отъ нихъ. И ни единъ отъ ставленниковъ его цѣлъ сохранися, дабы не бѣсновалися, и большая часть видѣвши сіе отъ епископа Епифанія и отъ его ставленниковъ, что содѣвается, тогда людіе мнози отвратишася, инуде бѣжаша, и видѣти тогда въ народѣ смятеніе великое и смущеніе, а исправляющаго ни единаго тогда. А епископа Епифанія видѣша его мнози мяса ядуща, и о томъ ужасахуся, и маліи по епископѣ побораху и послѣдоваху. И видѣ тогда епископъ Епифаній яко смущена бѣ вельми церковь вѣтковская и людіе начаша познавати его, яко вмѣсто истиннаго пастыря волка воспріяша, о сихъ глаголетъ писаніе, яко не можетъ лживый истинну пастырю уподобитися. Гнилый удъ самъ отпадетъ. Господь рече: не входяй дверьми во дворъ овчій, но прелазяй инуде, той тать есть и разбойникъ. Таковъ бяше Епифаній, Реуцкій прозываемый, обливанецъ, жидовскаго роду. Бывши ему на Вѣткѣ епископомъ, и потомъ съ Вѣтки сталъ писать тайно въ Кіевъ къ Рафаилу митрополиту, дабы его съ Вѣтки высвободилъ въ Кіевъ, а въ письмахъ изъяснилъ сице: и той подъ неволею содѣваю вся противно. Таковъ бѣ Епифаній сей злокозненный. И что болѣе глаголати и писати о немъ вся дѣйствія и житіе его пагубное, то великаго труда потреба есть. И не буди ми лгати на правду. Но подобаетъ намъ познати отъ вышеписанныя исторіи, увѣдати о немъ, отъ коего рода произшелъ, и печать святаго крещенія гдѣ пріялъ и потомъ каковъ сотворился. Да еще и братъ его двоюродный, изъ Могилева, старецъ Варѳоломей Добрынской, всему вышеписанной исторіи согласуетъ и на Епифанія тако жъ показалъ. Да еще бывый на Вѣткѣ при церкви попъ ихъ Иванъ Васильевъ, и той о чемъ Епифанія въ лицо обличалъ, за что оной Иванъ попъ въ великой ненависти былъ отъ самого Епифанія и отъ всѣхъ единомысленниковъ его возненавидѣнъ былъ. Да еще и много тогда

таковыхъ было, что и ясно видѣли все то Епифаніево ложнѣ архипастырство. Но они ему въ томъ еще много и помогали, и молчаніемъ покрывали. Того ради: духовніи боящеся лишени быти тщетныя славы и тлѣннаго богатства, а мірстіи тому ради быша, что избрали учителей растлѣнныхъ и ложныхъ по своимъ похотѣніемъ. Да и еще на Епифанія свидѣтельство и обличеніе сицево. Егда былъ въ Глуховѣ князь Шеховской тогда съ полками, тогда Вѣтковцы предъ раззореніемъ приходили ко князю со многими дарами. Й тогда князь Шеховской о епископѣ вѣтковскомъ Епифаніи вопрошалъ сице. Тако—рече: слышится намъ, что яко у васъ есть нынѣ той епископъ, который у насъ въ Москвѣ на каторгу сосланъ, иже жидовскаго рода, да аще ли той, то и ваша погибель не воздремлетъ.

О епископѣ Амвросимѣ,

иже на Волыни бысть.

Еще подобно яко же оного горчайши отродъ древнія злобы. И сей бо бывъ ревнитель нечестія прежде бывшаго епископа Епифанія Реуцкаго, еще нынѣшняго настоящаго времени нѣкій злохульникъ, не право о истинѣ мудрствуетъ и не согласуетъ вѣрнымъ, развратникъ, чреволюбецъ, прелагатай и растлѣнно живущій въ Полшѣ, во здѣшнихъ странахъ три имя себѣ стяжалъ: первое имя ему бысть Амвросій, второе именова себе Аноиногеномъ епискупомъ и духовникомъ князя великаго, а на антимисахъ подписывался Лукою епископомъ. И въ хиротоніяхъ и во всякихъ дѣйствіяхъ производилъ себе, и поставилъ въ Полшѣ и на Волыни шесть поповъ. А послѣди временемъ лесть и вся ложь его объявися во здѣшнихъ странахъ польской области, яко той Лука епископъ ложной. Былъ Амвросій въ Воскресенскомъ монастырѣ намѣстникомъ, и родомъ онъ латынникъ или Еллинъ, а наукою атеистъ или езувитской прелести. Подобно и сей, яко и прежній Епифаній Реуцкій жидовскаго рода бысть и обливанецъ, епископъ вѣтковскій бѣглый и ложный, такожде и сей Амвросій езувитъ, ложный царскій духовникъ, епископомъ Аноиногеномъ назвался, а на антимисахъ Лукою подписывался и прельстилъ многихъ на Волынѣ, въ Полской области, и поставилъ шесть поповъ, и причетниковъ въ причетъ много произвелъ, и антимисы святилъ: Аноиму архимандриту, иже на Боровицахъ бывшу тогда, въ разстояніи отъ Вѣтки 4 версты, антимисъ освятилъ и ставилную архіерейскую грамоту тому Аноиму боровицкому чрезъ великія пенязи присла и всякую духовную власть Аноиму продалъ. А самъ той Амвросій вѣрою латынникъ, а наукою езувитъ, и много прелести и мятежа сотвори, и послѣди обличенъ бысть и убѣжа къ латынщикомъ, присталъ ко градскимъ дѣламъ комисаромъ. А еже антимисы освящалъ и причетниковъ ставилъ, и тѣ и до днесь въ поповщинѣ имѣются и дѣйствуютъ вся тайны.

О архимандритѣ Аноимѣ.

Еще и третіяго подобна первымъ по всему повѣдаемъ. Якоже и первый колодникъ и ложный епископъ Реуцкій Епифаній бысть архипастырь вѣтковскій: тако же и сей Аноимъ простый старецъ воронежскаго уѣзду, монастыря Каменскаго, и не вѣдомо какихъ ради дѣлъ взятъ бысть въ Москву и держался въ Синодѣ тригодищное время. И изъ Синоду тайно бѣжалъ и укрывался въ Москвѣ у такихъ же людей, подобныхъ ему, и назывался попомъ чернымъ и много тайно по нѣкоторыхъ домахъ исправлялъ, крещенныхъ отъ еретикъ миромъ помазовалъ, и брачившихся перевѣнчивалъ, и ина многа творилъ имъ, скрывая свою прелесть. Еще оболстилъ домъ пивоваровъ, Михаила Константинова, что на Олховцѣ, и дочерь его прелсти, еще же и боярыню, и съ ними казны много себѣ получилъ и сманилъ ихъ съ собою за границу. И на Вѣтку чернымъ попомъ пріѣхалъ и вселился на Боровицахъ, въ разстояніи отъ Вѣтки за 4 версты. И тамо построилъ церковь и самъ освятилъ ту церковь. Антимисъ въ ту ево новопостроенную церковь, невѣдомо гдѣ онъ той антимисъ взялъ, о томъ неизвѣстно. А самъ той Аноимъ уже назвался архимандритомъ и безъ ставильной грамоты, и многихъ въ причетъ церковный поставилъ, и старцовъ много постригъ, тако же и старицъ женска полу постригъ много, еще и вся архіерейская дѣйствовалъ самовластно. И въ то время бысть сомнѣніе въ людѣхъ, ту живущихъ, и стали у него спрашивать ставилныя грамоты, и много стужали ему о томъ. Ему же тогда негдѣ тоя ставилныя грамоты взять, однако дѣйствовалъ вся тайны. И по томъ времени чрезъ великія пенязи получилъ себѣ архіерейскую ставилную грамоту отъ того Луки езувита латынщика, изъ Волыни прислалъ ему въ Боровицы, сему архимандриту Аноиму. Но хотя и ставилную грамоту получилъ, однакожъ въ смущеніи вси люди. И онъ, видя себе обличена, оставилъ свой монастырь и церковь и всѣхъ старцовъ, и токмо взялъ съ собою черницу, дочерь Михаила Константинова пивовара, да боярыню, и съ ними и богатство ихъ, взятое съ Москвы, и взявъ ихъ, убѣжа на Донъ, и до днесь тамо. Мы же, убогшіи, постриженные отъ него, осталися, и пришли на Вѣтку, и судили намъ, что не дѣйствительно быти постриженіе ево. Мы же и сняли съ себя, и стали простыми и доднѣсь; а иные и донынѣ въ томъ пребывають, скитаются повсюду.

О попѣ Варлаамѣ.

Не обленимся еще сказати и о попѣ Варлаамѣ, иже бысть попрежде сихъ двоихъ Амвросія и Аноима. Но сей Варлаамъ попъ невѣдомо откуду здѣ въ Москвѣ явися, и въ Гуслицахъ много обрѣтался. Сей Варлаамъ, строилъ полотняныя церкви, покупалъ бумажныя полотны и отдавалъ мастерамъ шить ихъ и подписывать на имя того лѣта царя Іоанна Васильевича. И

состроивши тѣ церкви полотняныя, свезъ ихъ съ собою за границу и сказалъ про тѣ церкви самаго царя Іоанна Васильевича, и остави тѣ церкви одну въ мѣстечкѣ Гомнѣ (Гомель), а другую у Лаврентія въ пустыни, а третію взялъ съ собою въ Полощину и тамо въ ней вся тайны дѣйствуетъ. А въ тѣхъ двухъ церквахъ ложныхъ, которыя въ Гомнѣ и у Лаврентія, и донынѣ служатъ въ тѣхъ полотняныхъ ложныхъ церквахъ и вся тайны дѣйствуютъ въ нихъ. Антимисы въ тѣхъ ево ложныхъ церквахъ есть или нѣтъ, о томъ неизвѣстно.

О антимисахъ.

Начнемъ же, о Господѣ церковная чета, разсуждати и о видимѣй нынѣшней церкви, которая нынѣ ихъ окормляетъ и насыщаетъ дѣти своя духовнаго насыщенія. Зримъ ясно, како церковь вѣтковская, тако и гоменская, и у Лаврентія въ пустыни, и у Варлаама въ Полощинѣ, и въ слободѣ на Косицкой, и тѣ ихъ церкви на какомъ основаніи уѳундованы, о семъ мы, убозіи, самовидѣвшіи и при такомъ дѣлѣ трудившіися, свидѣтели есмы въ правдѣ, что антимисы не здравыя, сирѣчь неправы, и мощи отъ нихъ отняты бысть, и про то дѣло знаютъ и московскіе жители, а именно записной старовѣрецъ Патапъ Матвѣевъ. Онъ нѣкогда антимисъ купилъ у дьячка коломенскаго, далъ ему за него пять рублевъ, и подари его Варлааму попу въ Гуслицахъ, а мощи отъ него отняты были. И я, смиренный, тогда посланъ былъ Варлаамомъ попомъ мощи купить для того антимиса, и купилъ я мощи въ Покровскомъ селѣ у Михаила Иванова, прозваніемъ Рогожина; и купилъ я три части мученическія: первая часть Ѳеодора Стратилата, вторая часть мученика Пантелеймона, третія часть святаго мученика Георгія, и далъ я за оныя части полтора рубля. И велѣлъ мнѣ Варлаамъ попъ тѣ части въ такой антимисъ въ выдраное мѣсто положити, и не говоря святительскихъ молитвъ, которыя повелѣно глаголати епископомъ на освященіи антимиса и на освященіи церкви [1]), но все то презрѣвши, како повелѣваетъ уставъ на освященіи церкви и антимиса и о старыхъ антимисахъ, и то все попъ Варлаамъ презрѣлъ уставъ святыхъ отецъ и чинъ церковный. А все сіе дѣлаютъ собранія ради сребра и чести мірскія. А сіе до чего довело ихъ! уже и до сообщенія съ Волохи и Греки. Они бо сіе тако творятъ, сице и вѣтковскіе архипастыри творятъ; а на Косицкой слободѣ нынѣ въ церкви, надъ которымъ антимисомъ служатъ литоргію, и той антимисъ простой старецъ написалъ, а Іевъ попъ сказалъ, будто Троицы Сергіева монастыря, оттуду тайно вынесли. И нынѣ оныя пустыя церкви ихъ како окормляютъ чадъ своихъ и чимъ себя могутъ исправити? И пастыри ихъ не соборнѣ сіе дѣлаютъ, но сами собою, и не своимъ чиномъ поповъ пріемлютъ, но отъ церкви ушедшихъ за отлученія ихъ по церковнымъ винамъ епископами ихъ, или окрадшихъ что, яко же и здѣшніи Сераѳимъ, Германъ и прочіе бѣглые попы, подозрительныи, по правиломъ святыхъ отецъ въ правду непотребныи.

---

[1]) На полѣ: *а мы видѣхомъ уставъ, како повелѣваетъ о старыхъ антимисахъ.*

О попѣ Иванѣ.

Тако же и попъ Иванъ, который нынѣ на Вѣткѣ имѣется, который по дѣломъ своимъ достоинъ казнить бы ево смертію за убивство смертное, понеже застрѣлилъ человѣка. И такова убо душегубца нынѣ Вѣтка имѣетъ себѣ пастыря и окормителя ихъ! всякія потребы исправляетъ, а самъ испадшій по правиломъ! А Вѣтка да Гомня такихъ воровъ пріемлетъ безъ всякаго разсмотрѣнія и сотворяетъ ихъ пастырями и батюшками. И то не дивно: понеже каковы сами, таковыхъ себѣ избираютъ и учителей.

О попѣ Іовѣ.

Яко и вы о семъ много извѣстны, и сего Іова попа всѣ знаемъ [1]), который окралъ казну Сергіева монастыря, и пойманъ, и много богатыхъ людей оговорилъ въ той же казнѣ монастырской. А егда пойманъ бысть [2]) и взятъ въ приказъ съ двѣма старицами, одна въ томъ числѣ была чревата, но въ скорыхъ числахъ въ приказѣ и родила: и тогда бысть посрамленіе великое поповщинѣ,. А про то еще и правду глаголати, и отомъ не требуютъ подлиннаго въ достовѣрность свидѣтельства. И мы убо о семъ до сего времени молчаніемъ заграждали, а нынѣ объявляемъ, дабы всякъ зналъ и разумѣлъ воистинну, яко пустая имать въ правду нарещися поповщина. Сіе же писахъ вамъ не по страсти и не по какой зависти діавольской, но по сущей правдѣ, яко мы при такихъ случаехъ были, много и трудилися при нѣкоторыхъ ложныхъ попахъ, и въ томъ мы много и запрещали имъ, но не могли они насъ въ томъ послушать. Да аще ли вся подробну писать о дерзости ихъ, неудобно есть время. А ежели мнится вашей любви вся сія ложно, что мы убозіи написали, то буди сему дѣлу свидѣтель Богъ, — не лжемъ; но сіе еще вкратцѣ написалъ, но впредь, уповаю на помощь Божію, еще впространность готовъ объявить. За симъ прошу прощенія въ мирность, аминь.

О попахъ Якимѣ, Алексѣѣ, Савѣ и Германѣ.

Еще объявляемъ всѣмъ христіанамъ о попѣ Якимѣ, который имѣется здѣ—въ Москвѣ.

Есть у нихъ попъ Якимъ, иже у нихъ первенствуетъ, а поставленъ той Якимъ епископомъ Леонидомъ крутицкимъ, а той Леонидъ епископъ поставленъ въ епископы Стефаномъ митрополитомъ рязанскимъ. А сказывалъ про то дѣло ихъ же согласія Афанасій Ивановъ.

---

[1]) На полѣ: *въ Москвѣ бысть.*

[2]) На полѣ: *въ лѣто 1756.*

Еще есть у нихъ попъ Алексѣй, и когда онъ былъ у своея церкви, тогда за нимъ обрѣталися многія вины, ихъ же ради и отъ церкви своея бѣжалъ, убояся суда архіерейскаго. Первая вина у онаго попа Алексѣя: табакъ на престолѣ нашли; вторая вина: напившися пьянъ, въ олтарѣ на...лъ; третія вина: своевольно усы постригалъ. За таковыя вины и отъ церкви своея бѣжалъ; а Якимъ попъ ево и принялъ, который отъ Леонида поставленъ. А сказывалъ про то дѣло и про Алексѣя попа нижегородецъ Никита Ильинъ.

Еще есть у нихъ попъ Сава, который отъ Аненма поставленъ,—а той Аненмъ простой попъ, а не епископъ,—и той Сава попъ у поповщины вся дѣйствуетъ.

Еще есть у нихъ попъ Германъ, который за мзду постригаетъ въ черньцы, и просилъ съ человѣка по пяти рублевъ. Сему свидѣтель Никита Ильинъ.

II.

УСТАВЪ

БѢЛОКРЫНИЦКАГО

СТАРОВѢРСКАГО МОНАСТЫРЯ.

1841.

Господи Iсусе Христе Сыне Божiй помилуй насъ. Аминь.

ПРЕДИСЛОВIЕ.

Въ преддверiи сея книги, аки присно предстояще благоразумнымъ читателямъ, смиренно предлагаемъ:

1) Что мы сей монастырьской уставъ, основывающiйся на словахъ и примѣрахъ божественнаго писанiя, составили изъ самой сущей дѣятельности нашей, преимущественнѣ для того:

Дабы а) всѣ, въ службахъ монастырскихъ трудящiися, свое дѣло обстоятельно знали и тщательно оное исполняли; б) въ Богомыслiи упражняющiеся здраво и благочестиво умудрялися, и выше мѣры недомогалися; в) соборнѣ опредѣленные должностные старцы, всякъ по ограниченной своей части, дѣятельно завѣдовали; и г) да и самъ настоятель, предоставленную ему законную власть на всѣ занятiи и должности, для сбереженiя всѣхъ отъ небрежливости, съ тонкимъ вѣдѣнiемъ простиралъ, имѣя истое намѣренiе, такимъ удобнымъ посредствомъ общежитейскую, а наипаче душевную пользу прiобрѣтать.

2) Молимъ Боголюбивыхъ читателей, тыя статьи сего устава, которыя къ нашему монастырскому общежительству не принадлежатъ, или излишнѣ кажутся, не нашему скудоумiю, но настоящимъ обстоятельствамъ времени приписать. Ибо мы принуждены были стараться, дабы: вопервыхъ, гражданскаго правительства неотступное требованiе, съ подробнымъ нашего иноческаго житiя и всѣхъ догматъ вѣры старовѣрской религiи описанiемъ, посилѣ удовлетворить. Притомъ внѣшнихъ народовъ неправедное о нашей древлехристiанской религiи мнѣнiе, послѣдуя примѣру святаго мученика Iустина Философа; писменнымъ благочестиваго нашего вѣроисповѣданiя открытiемъ совершенно отклонить, да знаютъ еще и то, что здѣшнимъ нашимъ христiянамъ народное прозванiе „Липованами“ произошло не отъ существа вѣры нашей, ниже отъ предводителей въ здѣшнiе предѣлы переселенiя, но развѣ повремени отъ какого намъ отнюдь неизвѣстнаго случая, ибо

въ началѣ имъ сего званія не было, почему они и въ самой Всевысочайшей привилегіи старовѣрами, а не липованами именуются. За всѣмъ же тѣмъ, наипаче нашимъ старовѣрскимъ обществамъ, въ нынѣшнемъ за скудостію священства крайне бѣдственномъ ихъ положеніи, единственно изъ душевнаго нашего сострадавія, съ вѣрнымъ упованіемъ на Христовы неба и земли крѣпчайшія[1]) глаголы, яко вѣрующимъ вся возможна,[2]) предъ начертанными мѣрами общее душеспасительное благо составить.

Съ каковымъ доброжелательнымъ намѣреніемъ пребываемъ навсегда
общіе за всѣхъ богомольцы
Бѣлокрыницкаго старовѣрскаго монастыря настоятель съ братіею.

---

[1]) Мар. 13. зач. 22. ст. 13.
[2]) Гл. 11. зач. 15. ст. 23 и 24.

ОГЛАВЛЕНІЕ УСТАВА

БѢЛОКРЫНИЦКАГО СТАРОВѢРСКАГО МОНАСТЫРЯ.

ГЛАВА I.

О первоначальномъ монастырскомъ общежительствѣ, о истинномъ богопознаніи и богоразсужденіи, и о догматѣхъ вѣры и церкви христіянскаго закона.

ГЛАВА II.

О первоначальномъ монастыря расположеніи, переселеніи, судебномъ на его наслѣдственное имущество рѣшеніи, о количествѣ и плодоприношеніи монастырскихъ грунтовъ, и о прочихъ пріобрѣтаемыхъ доходахъ, и о содержаніи монастырскихъ жителей.

ГЛАВА III.

О монастырскомъ общежительномъ благочиніи.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь.

Вѣровахъ, тѣмже и возглаголахъ.
Псал. 115. ст. 1.

УСТАВЪ

Бѣлокрыницкаго старовѣрскаго общежительнаго монастыря, то есть старогреческаго христіянскаго закона [1]).

ГЛАВА I.

О основаніи Монастырскаго общежительства, о истинномъ Богопознаніи, и Богоразсужденіи, о догматѣхъ вѣры и церкви христіянскаго закона.

I. Монастырское общежительство.

1) Общежительность сія существуетъ издревле, основанная на словахъ Спасителя нашего Іисуса Христа рекшаго: [2]) „Идѣже два или три собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ".—И: аще гдѣ два или три, и ту Господь посреди; [3]) кольми паче, идѣже множайшій соборъ, единодушно, въ мирѣ и любви о Христѣ Іисусѣ собирается, тамо, глаголетъ Господь, азъ и Отецъ вкупѣ съ Духомъ Святымъ пріидемъ и обитель сотворимъ. И тако первыя христіяне сицевую имѣли единодушность, сказуетъ въ дѣяніяхъ святый Лука евангелистъ: [4]) „народу же вѣровавшимъ бѣ сердце и душа едина, и ни единъ же что отъ имѣнія своего глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща. Елицы бо господіе селомъ, или домовомъ бяху, продающе приношаху цѣны продаемыхъ и полагаху при ногахъ Апостолъ, даяшежеся комуждо еже аще кто требоваше". Таковой Богомъ вожделѣнной первенствующихъ христіянъ обычай, всемогущею Божіею силою снабдѣваемь, и доднесь въ монастырскомъ общежительствѣ содержимъ бываетъ, да оную благословенную древность незабвенно живописуетъ. Существо же общежительности о Бозѣ таково есть: [5]) яко же бо, напримѣръ, едино тѣло, и

---

[1]) Состоящей въ Буковинѣ Черновецкаго цыркула. (Подъ чертою мы печатаемъ то, что въ подлинномъ Уставѣ писано на поляхъ)

[2]) Ев. отъ Мат. гл. 18, зач. 76, ст. 20.

[3]) Толк. Апост. на 2 послан. къ Коринө. зач. 182, лист. 638 наоборотѣ. И св. Вас. Вел. аки отъ лица Господня глаголетъ о общежительствѣ.

[4]) Апост. дѣянія, гл. 4, зач. 12, ст. 32, 34 и 35.

[5]) Апост. 1 Кор. гл. 12, зач. 152 отъ ст. 12 до 20. Авва Доровей, поуч. 9, и Преп. Макарій Египетск. бес. 3.

уди имать мнози: наставляющій убо глава, поучающій уста, надзирающій очи, уши же суть послушающіи, руцѣ же суть дѣлающіи, а нозѣ суть посылаеміи и имущія служеніе, и аще мнози суть члены, но едино тѣло и другъ другу помоществують, такъ и братіямъ между собою быти подобаетъ: иже труждающійся, съ любовію и радостію да почитаетъ молящагося, такъ въ себѣ размышляя, яко онъ и за мене молится и молящійся такъ же о труждающемся долженъ полагать, что трудъ его, и для меня и для общей пользы; да тако взаимное другъ къ другу согласіе и миръ, будетъ сильно содержать ихъ въ союзѣ единодушной любви, по глаголу нѣкоего отъ святыхъ: „братъ брата подкрѣпляетъ, яко градъ твердъ пребываетъ" А наипаче же самъ Христосъ тако заповѣда, во святомъ евангеліи глаголя: [1] „заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы; о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою". О сицевомъ Богоугодномъ житіи, пророкъ Давыдъ Духомъ Святымъ издалече провидѣлъ, и веселуяся во псалмѣ своемъ воспѣлъ: „Се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ, яко ту заповѣда Господь благословеніе и животъ до вѣка."

2) Самое же предпріятіе иноческаго ига, по предуставленному въ новоблагодатномъ законѣ чину, есть ради точнаго послѣдованія и совершеннаго исполненія евангельскихъ глаголовъ самаго Спасителя нашего Іісуса Христа, сице рекшаго ко всѣмъ: [2] „аще кто хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой на кійждо день и послѣдуетъ ми. [3] А иже любитъ Отца или матерь паче мене, нѣсть мене достоинъ. И иже любитъ сына или дщерь паче мене, нѣсть мене достоинъ" и прочее. И не только сицевыми спасительными глаголы поучевая, но и собою образъ хотящимъ любви его ради иночествовати показа, ибо егда нѣгдѣ сѣдящіи съ нимъ рѣша ему: [4] „се мати твоя, и братія твоя, и сестры твоя внѣ ищутъ тебе; и отъвѣща имъ глаголя: кто есть мати моя и братія моя? и соглядавъ окрестъ себе сѣдящая глагола: се мати моя и братія моя: иже бо аще сотворитъ волю Божію, сей братъ мой и сестра моя, и мати ми есть." Обаче Христосъ Спаситель вышереченные глаголы изрече, не яко повелѣвая ненавидѣти искреннихъ своихъ, но любимыхъ и времянныхъ ради любви Божія и славы вѣчныя оставляти, къ вѣчной же отеческой любви прилѣплятися благо есть. [5] Тѣмже и настоящее иноческое житіе, даже отъ временъ святыхъ апостолъ уставися, якоже святый Климентъ, ученикъ апостола Петра, свидѣтельствуетъ. И святый апостолъ и евангелистъ Марко, Петра же апотола ученикъ, во Египтѣ церкви созда, монастырь состави, и иноческое житіе устрои. Иночествующіи же велемудріи (искусніи духовніи подвижники) нарекошася, якоже свидѣтельствуетъ многоученый древній мужъ Евсевій Памфилійскій, и Филимонъ премудрый. А преосвященный Діонисій Ареопагитъ, современникъ апостольскій, чинъ иноческаго постриженія совершаемой священнодѣйствіемъ изложилъ. Великій

[1]) Іоан. гл. 13, зач. 46, ст. 34 и 35.
[2]) Лука 9, зач. 44, ст. 23.
[3]) Матѳ. 10, зач. 39, ст. 37.
[4]) Марко 3. зач. 14, ст. 32, 33, 34 и 35.
[5]) Книга просвѣтитель, въ слов. 11-мъ.

же образъ иночества, сирѣчь святую схиму, святый Ангелъ, отъ Бога посланный къ преподобному Пахомію великому, предалъ. Каковое послѣдованіе иноческаго обѣта во святѣй церкви даже и до днесь дѣйствуется, которое ниже въ 5 статьи VI главы, обстоятельно означится.

II. Истинное Богопознаніе.

О существѣ, вседѣтельствѣ, и не постижимости:

Богъ есть [1]) существо неповинно, яко ни отъкого же, [2]) ни самъ отъ себе; да не будетъ отнюдь кому возмнѣти, яко прежде не бѣ, или не совершенъ бѣ: ибо тогда послѣдовало бы отъ нужди глаголати: или созданъ, или самъ себе приведе въ божественное существо. Но [3]) Богъ есть единъ, несозданъ, искони совершенъ, безначаленъ, превѣченъ и безконеченъ, якоже самъ Моусею глаголаше: [4]) „Азъ есмъ сый!“ Еже есть:

Существомъ, [5]) просто рещи бытіемъ: присносущенъ, всемогущъ, всесиленъ, и вина всяческимъ. [6]) „Яко вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть.“ [7]) „И развѣ бо его ни дѣло ни слово совершается“. И ничтоже отъ него невозможно, даже до толика, якоже человѣку нѣсть труда, еже на вся умомъ восхотѣти, тако и Богу, егда что точію восхощетъ, вся та дѣломъ сотворити; глаголетъ бо пророкъ: [8]) „Богъ нашъ на небеси и на земли, вся елика восхотѣ сотвори.“ Сіе пріемля святый Григорій Богословъ глаголетъ: [9]) „Первѣе убо помысли ангельскія силы небесныя, и помышленіе дѣло бысть Словомъ исполняемо и Духомъ совершаемо. Итако составившася свѣтлости вторіи, слуги первой свѣтлости, сирѣчь умніи духовѣ, или огнь невещественъ и безтѣлесенъ, или нѣкое же естество ино, ближайше къ реченнымъ,“ ихъ же естества видъ и уставъ только единъ творецъ вѣсть. Чему съ покореніемъ наипаче всѣхъ согласуетъ сватый Іоаннъ Дамаскинъ: [10]) „Лѣпо бо, рече, бѣ прежде умная существа сотворити, и потомъ чувственное, и посемъ отъ обоего (существа) человѣка.“ Вся же сія содѣтельствова Богъ единороднымъ и соприсносущнымъ Сыномъ Словомъ своимъ и утверди силою всесвятаго своего Духа, по глаголющему пророку: [11]) „Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и Духомъ устъ его вся сила ихъ;“ еже есть: [12]) „Отцу убо умысливщу, Сыну же содѣтельствовавшу и Духу совершившу.“

---

[1]) Святіи отцы: Григорій Богословъ.
[2]) Іоаннъ Дамаскинъ, Максимъ Грекъ.
[3]) Анастасій Антіохійскій, Кириллъ Александрійскій, Катих. вел. и Алфа.
[4]) 2 Моисей, 3. ст. 14.
[5]) Соборникъ гл. 60. л. 640. Григорій Богословъ, Іоаннъ Дамаскинъ.
[6]) Іоаннъ 1. зач 1, ст. 3.
[7]) Во антифонѣ 7-го гласу.
[8]) Псаломъ 113, ст. 11.
[9]) Богословъ во 2 словѣ на Пасху, стихъ 11. Іюдиѳь гл. 9, ст. 5.
[10]) Дамаскинъ въ словѣ о ангелѣхъ.
[11]) Псаломъ 32, стихъ 6.
[12]) Собор. глав 60 листъ 648 на оборотѣ.

Чувственное же твореніе его въ началѣ бысть чиномъ вышеестественнымъ: ибо егда восхотѣ Богъ, шаръ неба и земли, [1]) аки нѣкую храмину сотворити, и сотворилъ изъ ничего. Первѣе же [2]) „простре (вышеобычно покровъ зданію) небо яко кожу,“ еже именуетъ писаніе [3]) „небо небесъ“ [4]) суще беззвѣздное, безчисленною добротою отъ божественныхъ лучей сіяюще. А земля, и воды, и прочія вещи всего зданія тогда были не ино что, какъ вещество смѣшенное и погруженное во ужасной тьмѣ и мрачномъ хаосѣ. И [5]) Духъ Божій носился надъ симъ влажнымъ и неустроеннымъ веществомъ. [6]) Не о Святѣмъ же Дусѣ здѣ писаніе глаголетъ: ибо не счетается съ тварію несозданное; но духъ той бяше, по глаголу святаго Андрея Цареградскаго, яже прежде всего отъ Бога сотворенъ бысть, существо вѣчнаго состава, еже есть вѣцы, безвѣстна прохода [7]) (о существѣ вѣка, яко присносущенъ, егоже сотворилъ Богъ прежде мірскаго составленія, поясняетъ Соборникъ въ толкованіи на 8 ст. 2 слова на пасху святаго Григорія Богослова.) [8]) Потомъ сотворилъ Богъ свѣтъ.[9]) Свѣтъ же не ино что, развѣ огнь. И отдѣливъ его отъ тьмы,— содѣлалъ первое раздѣленіе дня и нощи, и сіе составило *Первой день*, въ которой началось твореніе.

Обаче за сотвореніе свѣта, да не возмнимъ первобытную тьму быти искони присносущну, да не тѣмъ отъ нужди послѣдуетъ и Бога глаголати тьмою изначала бывша. Но убо достоитъ разумѣвати,[10]) яко Богъ, сый свѣтъ истинный, искони совершенъ и непремѣненъ есть; точію до сотворенія дѣлъ своихъ бѣ въ молчаніи, имѣя единосущное воумѣ Слово Сына своего, егоже, по глаголу блаженнаго Андрея Цареградскаго, въ первомъ изреченіи: „да будутъ вѣцы“,[11]) нетлѣнно родилъ, сирѣчь во исхожденіи Сопрісносущнымъ Духомъ своимъ Святымъ отъ серца отрыгнулъ, якоже свидѣтельствуетъ пророкомъ: [12]) „изъ чрева прежде денницы родихъ тя“. И тако отъ разумной твари познася, яко есть, въ трехъ составѣхъ, единъ Богъ превѣчный [13]) свѣтъ истинный, иже просвѣщаяй и освящаяй всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. Обаче свѣтъ, еже глаголется Богъ, не есть самое естество Бога, но точію присносущная его слава, свидѣтельствующу пророку: [14]) „одѣяйся свѣтомъ яко ризою.“ А идѣже пророкъ глаголетъ: „и положи тьму за-

---

[1]) 1 Моисей 1.
[2]) Псаломъ 103 стихъ 2.
[3]) Псаломъ 148, ст. 4.
[4]) Св. Дамаскинъ въ словѣ о небеси. Іоаннъ Ексархъ въ Шестодневцѣ о 1-мъ дни. Блаженный Андрей Цареградскій, гл. 8.
[5]) 1 Моисей 1.
[6]) Андрей Цареградскій: глав. 32—Іоаннъ Ексархъ о 1-мъ днѣ.—Хронографъ глав. 1.—3 Ездра, гл. 6, стихъ 39.
[7]) Соборн. глав. 60, листъ 646.
[8]) 1 Моисей 1.
[9]) Дамаскинъ въ словѣ о свѣтѣ.
[10]) Святый Григорій Богословъ въ словѣ въ новую недѣлю. Святый Андрей Цареградскій, гл. 32.
[11]) Псаломъ 2 стихъ 7.
[12]) Псаломъ 109 стихъ 3.
[13]) Іоаннъ 1, зач. 1. стихъ 9; и молитва утренняя 1-го часа.
[14]) Псаломъ 103, ст. 2.

кровъ свой," (Псал. 17, стихъ 13) [1]) за непостиженіе естества его тако изрече; свидѣтельствуетъ бо Евангеліе, да и видимое самое дѣйство показуетъ, что [2]) тьма не можетъ обладати свѣтомъ, сирѣчь темнотою своею свѣтъ покрывати: а по сему разумѣвается, яко первобытная тьма не есть искони нѣкое существо, ниже потомъ сотворенное какое либо вещество, но неиноже что, развѣ: или отъ тѣни первоначально простертаго небеси быти случися, или, аще высшее небо, по вышереченному (естествомъ и кромѣ солнца свѣтло) [3]) егда вода бяше всюду по земли и мгла надъ водами стояше, которая составивъ облаки, облаки же посѣтивше сотвориша тьму, понеже и писаніе обыче вѣщати: небо помрачися облаки. Въ согласность сего свидѣтельствуютъ святыхъ отецъ ясныя разсужденія, [4]) яко тьма не существо нѣкое, но случай: егда свѣта лишеніе, тогда тьмы пришествіе.

А какъ выше помянулось твореніе Божіе въ первый день, такъ присовокупляются къ тому и прочіе дни седмицы, въ слѣдующемъ описаніи:

Во *Вторый день* [5]) сотворилъ Богъ твердь, аки зданіе постави, якоже Исаія Пророкъ глаголетъ: [6]) „поставивый небо, яко камару, и простеръ е, яко скинію обитати." По толкованію Іоанна Ексарха и прочихъ святыхъ отецъ: сія твердь, [7]) сирѣчь второе видимое небо, сверху водами покровено есть. „Покрываяй (бо рече Пророкъ) водами превыспренняя своя." [8]) Обычай же есть Божественному писанію еще и воздухъ, иже зримъ горѣ, небо нарицати.

Въ *Третій день* [9]) повелѣ Богъ во внутреннемъ тверди вмѣщеніи, аки въ храминѣ, приличному быти устроенію, еже есть: [10]) предѣлы морямъ, и явитися суши (земли), и украситися ей древесами и травами, и приноситися плодомъ. [11]) Въ преисподніи же мѣста сгустившаяся собрася мгла, и сотвориша тамо всегда непросвѣтимую тьму.

Въ *Четвертый день* [12]) повелѣ Богъ, да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй, (аки свѣтильники для освѣщенія храмины), [13]) и бысть солнце, луна и звѣзды, [14]) дабы они правильнымъ своимъ теченіемъ показывали точнѣйшее обращеніе часовъ, измѣненіе временъ и теченіе лѣтъ. [15]) Не отъ инагоже естества сотворилъ ихъ Богъ, но отъ того же въ первый день сотвореннаго

---

[1]) Соборникъ гл. 60, листъ 640 и 649.
[2]) Іоан. 1, нач. 1, ст. 5.
[3]) Іоаннъ Ексархъ въ Шестодневцѣ о 1-мъ днѣ. Іовъ 38, ст. 9.
[4]) Альфа. 20. Соборникъ глава 60 листъ 687 наоб. и Дамаскинъ въ словѣ о проувѣдѣніи.
[5]) 1. Моисей, 1.
[6]) Исаія 40, стих. 22.
[7]) Іоанна Ексарха въ Шестодневцѣ, о 2-мъ днѣ. Іоанна Дамаскина въ словѣ о небеси. Псал. 103, ст. 3. Псаломъ 148, ст. 9.
[8]) Дамаскина о небеси.
[9]) 1. Моисей 1,
[10]) Іовъ 38, ст. 10 и 11. Псаломъ 103, стих. 9.
[11]) Святый Андрей, глава 33.
[12]) 1. Моисей 1, стихъ 14.
[13]) Псаломъ 135, стихъ 8 и 9.
[14]) Псаломъ 18, ст. 7. Псаломъ 103, ст. 19.—Екклесіатъ глава 1, ст. 4, 5, и 6.
[15]) Соборникъ глава 61. листъ 746.

свѣта; какъ сказуетъ святый Іоаннъ Дамаскинъ:[1]) „свѣтильникомъ бо первотворный свѣтъ вложи, не яко не имый инаго свѣта, но да небудетъ праздень той свѣтъ.

Пишется убо, [2]) яко въ четвертый день и сатана за гордыню изъ первыя славы и свѣтлости своея отпаде, и бысть самопроизвольная злоба и помраченная тьма.

Въ *Пятый день* [3]) повелѣ Богъ быти рыбамъ морскимъ, и птицамъ пернатымъ и всѣмъ животнымъ, яже отъ воды.

Въ *Шестый день* [4]) повелѣ Богъ быти другимъ животнымъ: скотомъ звѣремъ, и прочимъ, яже отъ земли.

На концы же всего [5]) созданія сотвори Богъ человѣка (мужа и жену сотвори ихъ) посреди мертвеннаго и безсмертнаго естества, еже есть: не яко прочихъ животныхъ, [6]) въ нихъ же кровь вмѣсто души есть. [7]) Но человѣку тѣло сотворилъ Богъ отъ персти земныя, а душу вдохнулъ ему отъ божественнаго своего вдохновенія, [8]) не еже отъ своего существа, ниже отъ какого состава, но отъ своея содѣтельныя силы,—умну и безсмертну,[9]) ей же дѣйствію во удѣхъ плоти служитъ кровь человѣческая, аки колесница, на ней же душа носима бываетъ. [10]) И толика сотвори Богъ человѣка суща всего блага, яко быти ему по образу его и по подобію: по образу—не начертаніемъ тѣлеснымъ, но яко царя твари самовластнымъ саномъ почтилъ и разсудительною силою одарилъ, а по подобію добродѣтелію снабдилъ, еже есть: естественнымъ закономъ (совѣстію). Сверхъ же того, къ соблюденію таковаго блаженства, заповѣдію его оградилъ, того ради: да твердо знаетъ и присно помнитъ создателя своего, и согласно святой воли его [11]) соблюдаетъ данную заповѣдь ему и пребудетъ наслѣдникомъ царствію его, еже есть: соединится Богу и обезсмертится; аще ли же преступитъ ю, приближится тлѣнію, и будетъ страстенъ вмѣсто безстрастнаго, сирѣчь золъ вмѣсто благаго, и смертенъ вмѣсто безсмертнаго. [12]) Понеже зло не существо кое есть, но лишеніе добродѣтели, яко же и тьма свѣта есть отшествіе. Въ первобытномъ бо твореніи Божіемъ ни что же бяже зло, но вся добра зѣло, якоже пишетъ: видѣ Богъ вся творенія своя, яко добро. И потомъ:

въ *Седмый день* [13]) почи Богъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже сотвори, и благослови день той святити.

---

[1]) Дамаскинъ въ словѣ о свѣтѣ.
[2]) Хронографъ глава 1 о 4-мъ дни.—Исаія 14, отъ стиха 12 до 15.—Лука 10, зач. 15, ст. 18.
[3]) 1 Моисей 1. ст. 20 и 21.
[4]) 1 Моисей 1, стихъ 24 и 25.
[5]) 1 Моисей, глав. 1 и 2. Алфа, 3—Маргаритъ слово 7.
[6]) 5 Моисей 12, стихъ 23.
[7]) Екклисіастъ глава 12, ст. 7. Катехиз. въ словѣ о души.
[8]) Соборникъ, глава 60, листъ 653.
[9]) Катехизисъ въ словѣ о души.
[10]) Маргаритъ въ словѣ 7. Григорій Богословъ въ 2 словѣ на Св. Пасху. — И Дамаскинъ въ словѣ о человѣцѣ.
[11]) Соборн. глав. 60, листъ 557.
[12]) Альфа глава 20.—Дамаскинъ въ словѣ о проувѣдѣніи.
[13]) 1 Моисей глав. 2, стих. 1, 2 и 3.

Естествомъ [1]) же Богъ сый преестественъ, неизслѣдимъ и непреступенъ даже до толика: якоже невозможно есть огня тяжесть извѣсити, невозможнѣйше же есть естество Божіе изслѣдовати, и ниже къ тому, въ немъ же Сый обитаетъ, кому приступити, яко и вся силы небесныя въ ня желаютъ приникнути, но говѣютъ зѣло неприступному свѣту: понеже [2]) живетъ (сказующу Апостолу Павлу) во свѣтѣ непреступнѣмъ. Аще ли свѣтъ неприступенъ, множае паче живый въ немъ Богъ. Обаче добрѣ вѣмы, яко есть Богъ; а что естествомъ есть Богъ, невѣмы. [3]) Аще и глагола христосъ самарянынм, яко „Духъ есть Богъ", но и кланятися ему достоитъ, рече, духомъ; и паки: источникъ воды живы; еще же и душа наша многажды духъ именуется, какъ и Апостолъ Павелъ рече: [4]) „самъ бо Духъ свидѣтельствуетъ духови нашему;" и паки тойже Апостолъ, согласно Моvсею, глаголетъ: [5])„Богъ нашъ огнь поядаяй есть". Пачеже и самъ Духъ Святый въ крещеніи христовомъ явися голубомъ, а въ пятьдесятницу на апостолѣхъ во огненныхъ языцѣхъ.— [6]) Сія ли вся Богъ намъ будетъ? ни духъ точію, но и огнь, и вода, и прочее безмѣстнѣйша? Да небудетъ! (то бо не о естествѣ Божіемъ значеніи, но о дѣйствіяхъ его образованіи) Егда убо воображенное естество ангельское, аще и тьмами кто любомудрствуетъ, что оно есть, якоже вышеречеся, обрѣсти не можетъ,—[7]) и что глаголемъ о естествѣ ангельскомъ! но ниже самыя души нашея, аще и воображено также естество имать, отнюдъ разумѣти не можетъ, что убо сія есть: воздухъ ли, или духъ, или вѣтръ? сія убо вся тѣлесна суть, онаже безтѣлесна, но паче умна: то едали уму естество обрящемъ, которой мысленно въ игновеніи ока пролѣтаетъ каменныя стѣны и вся твердѣйшія преграды, и выше небесъ взимается, абіе и преисподнѣй безднѣ касается, а отъ души не отлучается! [8]) Зане якоже око въ тѣлѣ, тако и въ души умъ, того же существа часть пречистѣйшая есть.— Аще убо ангеловъ, и своея души естества обрѣсти отнюдъ не можемъ: кольми паче естество невоображенное, всѣхъ владыки и содѣтеля нашего ниже помысломъ до того коснутися можемъ!

Лицемъ, сый невидимъ, якоже Моvсею глаголаше: [9]) „Азъ самъ предиду предъ тобою и упокою тя, лице же мое не явитътися, не можетъ бо человѣкъ лице мое видѣти и живъ быти". И не только человѣкомъ въ существѣ Бога видѣти невозможно, но ниже всѣмъ небеснымъ силамъ, якоже церковь поетъ: „Бога человѣкомъ не удобь видѣти, наньже не смѣютъ чини ангельстіи зрѣти". Сѣдитъ бо на херувимѣхъ и видитъ бездны! Обаче, самъ сый простъ и несложенъ и невображенъ есть, невидимъ и неосязаемъ, ниже

---

[1]) Святый Григорій Богословъ, Анастасій Антіохійскій, Іоаннъ Дамаскинъ.
[2]) 1 къ Тимоѳею, гл. 6, зач. 288, стих. 16.
[3]) Іоаннъ 4, зачало 12, стих. 14 и 24.
[4]) 1 Коринѳ. 5, зачало 132, ст. 5.—Къ Римл. 8, зач. 97, стихъ 76.
[5]) Къ Евреямъ 12, зачало 333, стихъ 29.
[6]) Премудрость глава 13, стихъ 2.—Маргаритъ въ словѣ 5 о непостижимѣмъ.
[7]) Маргаритъ въ словѣ 5 о непостижимомъ.
[8]) Соборникъ глав. 60, листъ 642, наобор. Дамаскинъ въ словѣ о человѣцѣ.—Альфа во главѣ 3.
[9]) 2 Моисей глава 33, стих. 14, 20 и 23.

описуемъ. Якоже бо невозможно показати гласу образъ: невозможнѣйше же есть кому видѣти въ существѣ Бога. Глаголетъ бо Евангелистъ: „Бога никто не видѣ нигдѣ же.“ Елико же онемъ плотски речеся, образно глаголется: *Лице* убо Божіе разумѣваемъ, еже вся имѣющи предъ собою. *Очи* —видѣніе всѣхъ дѣлъ и неутаеніе сердецъ человѣческихъ и помышленій *Ушеса*—вся слышаніе, и молитвъ пріиманіе *Уста*—повелѣнія, обѣтованія, прещенія и ученія. *Мышца* всемогущая его сила. *Руцѣ* —непостижное дѣяніе его. *Нозѣ* же—скорое изхожденіе на помощь требующимъ, и врагомъ на отмщеніе. Аще же и видѣ [2]) Исаія Пророкъ на престолѣ превысоцѣ Бога и Даніилъ [3]) ветхаго деньми, и прочіи инако; но не существомъ, а также образно точію, елико возможно естеству вмѣщати величество славы его, яко же и апостоломъ въ преображеніи своемъ на Ѳаворѣ. [4])

Присутствованіемъ вездѣ-сый. Аще и глаголетъ Богъ усты Исаія Пророка: [5]) «Небо престолъ мой, земля же подножіе ногъ моихъ»; обаче мѣстомъ не опредѣляемъ. Егда убо мы сами опредѣленіемъ мѣста не можемъ сказать о своей души: ибо аще скажемъ, яко душа простирается по всѣмъ членамъ, соединившись съ дебельствомъ плоти; но нѣсть тако: множицею рукамъ и ногамъ отсѣченнымъ бывшимъ, а она цѣла и невреждена пребываетъ; аще ли скажемъ: не во всѣмъ тѣлесѣ, но въ части нѣкоей собрана пребываетъ, сирѣчь въ сердцѣ, имъже человѣкъ животное дыханіе имѣетъ, или во главѣ, идѣже умъ яко царь во владычественномъ пребываетъ (одѣянъ въ санъ самовластія, имѣя подъ собою впереди мысли, созади память, а одесную и ошуюю разсужденіе и совѣсть); но ниже сіе мощно рещи: ибо тогда нужда прочимъ членамъ тѣла мертвымъ быти, бездушное бо всяко мертво есть. Но убо добрѣ вѣмы, яко душа есть въ тѣлеси нашемъ, какоже есть, отнюдъ не вѣмы. Кольми же паче создателя своего Бога, яко всюду есть, вѣмы, какоже есть, не вѣмы, свидѣтельствующу бо Давыду: [6]) „на всякомъ мѣстѣ владычество его“. Чему тойже и удивляяся, со ужасомъ взываетъ: [7]) „камо пойду отъ Духа твоего, и отъ лица твоего камо бѣжу! аще взыду на небо, ты тамо еси, еще сниду во адъ, тамо еси, аще возму крилѣ мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница твоя“. И паки хвалословно возгласи: [8]) „кто Богъ велій яко Богъ нашъ, ты еси Богъ творяй чудеса“!

Величествомъ [9]) непостижимъ, яко ни единъ помыслъ постигнути возможетъ: взыдемъ убо умныма очима выше небесъ, и ангелы прейдемъ, возможноли постигнути выше оныхъ превыспреннюю высоту, идѣже бы умъ могъ стати и утвердитися?—невозможно! Елико убо не возможно постигнути

---

[1]) Іоаннъ 1, зач. 2, ст. 18.
[2]) Исаія 6, стихъ 1.
[3]) Даніилъ 7, стих. 9 и 13.
[4]) Матѳей 17, зачало 70, стихъ 2.
[5]) Исаія 66, стихъ 1.
[6]) Псаломъ 102, стихъ 22.
[7]) Псаломъ 138, ст. отъ 7 до 11.
[8]) Псаломъ 76, ст. 14 и 15.
[9]) Святый Григорій Богословъ во 2-мъ словѣ на пасху, ст. 8.

непостижимую ту высоту, равно глубину и широту: невозможнѣйше же есть постигнути величество божества.

Провидѣніемъ [1]) всепредвѣдущь, свидѣтельствующу Давыду, [2]) яко всѣхъ испытуетъ сердца и утробы; [3]) Не утаится бо кость наша отъ него, зане онъ ю сотворилъ есть въ тайнѣ, и несодѣланная наша видятъ очи его, и въ книзѣ его вся написана суть, и [4]) пядію измѣрены онъ положилъ есть дни наша, и весь составъ нашъ нивочтоже предъ нимъ, и даже все время житія сего (по сказанію въ предисловіи на 2-е Петрово посланіе), яко ничтоже есть предъ Господемъ, за еже и [5]) единъ день, яко тысяща лѣтъ и тысяща лѣтъ, яко единъ день.

Премудрыми судьбами неиспытанъ, якоже глаголетъ пророкъ: [6]) „судьбы твоя бездна многа». И паки, тойже рече: „По всей земли судьбы его" къ нимъже, аки оконцемъ приникнувъ, Апостолъ Павелъ, иже нѣкогда восхищенный до третіяго небесе, и нѣкую часть того истязавъ, видѣ яко пучину безмѣрну и непостижиму, абіе отскочивъ и со ужасомъ возопивъ: [7]) „О глубина богатства премудрости и разума Божія! яко не испытаны судбы его, и не изслѣдованы путіе его. Кто бо разумѣ умъ Господнь, или кто совѣтникъ ему бысть, или кто прежде дастъ ему, и воздастся ему? яко изъ того, и тѣмъ, и въ немъ всяческая.

Спасительнымъ промысломъ безпредѣленъ, до толика: [8]) яко и малѣйшія птички, иже двѣ цѣнятся единымъ ассаріемъ, и ни едина отъ нихъ падетъ на земли безъ Отца небеснаго. [9]) А у человѣковъ и власы главныя вси изочтини суть, и ни единъ отъ нихъ погибнетъ, сирѣчь, безъ вѣдома его, якоже усты Исаія пророка рече: [10]) „еда ли забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего! аще и забудетъ то жена, но азъ незабуду тебе, глаголетъ Господь."

Щедротами и *Милосердіемъ* безчисленъ. Якоже бо невозможно мѣриломъ измѣрити воду всего моря: невозможнѣйши же есть исчислити изливаемыя на насъ Божія милосердія щедроты, ибо присно на всякую тварь, на благія вкупѣ иназлыя, [11]) обтеченіемъ солнца осіяваетъ и грѣетъ, осѣняетъ распростертымъ небомъ, украшеннымъ огненными зарями, сребровидною луною и звѣздами, иже толиками вѣки не старѣетъ, но, аки вчера содѣлано, присно юнѣетъ, да тѣмъ всепречюднымъ и великимъ твореніемъ истиннаго творца и Бога познавати всѣхъ научаетъ,—къ симъже дождитъ на землю небесною росою, да сѣющія сѣмена и въ нѣдрахъ ея умирающія паки оживляетъ, и

---

[1]) Премудрость глава 1, стихъ 6.
[2]) Псаломъ 7, ст. 10.
[3]) Псаломъ 138, ст. 15 и 16.
[4]) Псаломъ 38, ст. 6.
[5]) 2 Петрово, глава 3, ст. 8 и Псал. 8, ст. 4.
[6]) Псаломъ 35, стих. 7. Псаломъ 104, стих. 7.
[7]) Къ Римляномъ глава 11, зач. 107, стих. 33, 34, 35 и 36.
[8]) Матѳ. гл. 10, зач. 37, ст. 29. и 30.
[9]) Лука 12, зач. 37, стихи 6 и 7 и глава 21, зач. 106, ст. 18.
[10]) Исаія 49, стихъ 15.
[11]) Псаломъ 18, стихи 6 и 7.

сторицею возращаетъ, и тѣмъ всякую плоть на земли питаетъ, и самую же ту землю древесами, травами и цвѣтами украшаетъ, и еще же предивнѣе—своевременно уставленными стихіями вся умерщвляетъ, и паки вся та оживляетъ, да тѣмъ [1]) общее всѣхъ умершихъ воскресеніе, присно напоминаетъ, вкупѣ и увѣряетъ. До толика же, рещи, есть благоутробенъ, елико жена, имущая во чревѣ бремя, желаетъ разрѣшенія и хощетъ чада себѣ родити, вящьше же Богъ желаетъ на всѣхъ щедрыя своя милости изліяти, и хощетъ всѣмъ спастися, и царствія его наслѣдниками быти. Обаче женѣ толико сильное желаніе бываетъ случайно: въ Бозѣ же есть естественно и присно. Якоже водное естество, стоящее на горѣ, присно долу тещи возможности ищетъ, или якоже чювственное солнце, только бы могло обрѣсти гдѣ скважиною входъ, и въ самыя гнусныя и нечистотами преисполненныя узилищныя мѣста проницаетъ и, вшедъ въ ня, лучи своя не оскверняетъ, но паче тамо освѣщаетъ и нечистоту изсушаетъ: такожде и Богъ (свидѣтельствующу священному писанію) [2]) хотѣніемъ нехощетъ смерти грѣшнику, [3]) но всѣмъ человѣкомъ спастися, и въ разумъ истинный пріити. И паки Спаситель рече: [4]) „нѣсть воля предъ отцемъ вашимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ.“ И что еще пребол҄ѣе! [5]) Глаголетъ писаніе: яко Богъ Сына своего единороднаго непощадѣ, за ны предалъ есть его: сирѣчь, до распятія и смерти, да родъ человѣческій избавитъ отъ смерти, еже есть, вѣчныя муки уготованной діаволу и аггеломъ его.

Правосудіемъ же нелицемѣренъ, сирѣчь: [6]) аще многомилостивъ есть, обаче и праведенъ, равными мѣрами возмѣздіе воздаетъ, да елико долго терпитъ, толико согрѣшающихъ и казнитъ, свидѣтельствуюшу пророку Давыду: [7]) „гнѣвъ въ ярости его, и животъ въ воли его,“ и Апостолъ Павелъ глаголетъ: [8]) „страшно есть еже впасти въ руцѣ Бога жива“; томуже согласно и Апостолъ Петръ пишетъ: [9]) „аще бо Богъ ангеловъ согрѣсшихъ не пощадѣ, но плѣницами мрака связавъ, предаетъ на судъ мучими блюсти, и перваго міра не пощадѣ, но осмаго Ноя, правдѣ проповѣдника, сохрани, потопъ міру нечествовавшихъ ради наведъ; и гради содомскія и гоморскія сжегъ, разорѣніемъ осуди, образъ хотящимъ нечествовати положивъ; и праведника Лота, обидима отъ беззаконныхъ и живущихъ въ нечистотѣ житѣйстѣй избави: вѣсть бо Господь благочестивыя отъ напасти избавляти, неправедники же въ день судныи мучимы блюсти.“ Кольми паче будущій всеобщій праведный его судъ грѣшнымъ зѣло грозенъ и страшенъ, яко воньже день, утаенный отъ человѣкъ и отъ ангелъ, предположи живымъ и мертвымъ судити, страшный день той наричется!

---

[1]) Марк. 12, зач. 55, стихи 25, 26, 27. Исаія 26, стихъ 19. Іезекіиль 37 отъ стиха 4 до 11. Даніилъ 12, стихъ 2. 1 Коринѳ. 15, зач. 162 и 163, стих. 42 и 52.

[2]) Іезекіиль глава 18, ст. 23 и 32 и глава 33, ст. 11.

[3]) Къ Тимоѳ. глава 2, зач. 282, стихъ 4.

[4]) Матѳ. 18, зач. 75, ст. 14.

[5]) Іоан. 3, зач. 10, ст. 16.—Къ Римл. глава 8, зач. 99 ст. 32.—Исаія 9, стихъ 6.

[6]) Маргаритъ въ словѣ о мукахъ.

[7]) Псаломъ 29, стихъ 6.

[8]) Евреомъ 10, зач. 394, ст. 13.

[9]) 2 Петрово глава 2, зач. 35, ст. 4, 5, 6, 7 и 9.

Сверхъ же сего, собраннаго отъ священныхъ писаній, многоименнаго Божіяго дѣйствія, [1]) и множайшая есть имена Божія, якоже свидѣтельствуетъ великій катихизисъ, различнаго ради смотрѣнія, писаніемъ предана суть, иже есть: любовь, правда, премудрость, благостыня, вседержитель, святый, всеимѣтель, всесильность, величество, присносущьство, превѣчность, милосердіе, и симъ подобная, которыя не естество суть, ниже образъ, но дѣйство и великая сила Божія, искони отънеприступнаго естества происходящая. Естество же отъ существа раздѣляется точію въ разглагольствіи: егда вопрошается о бытіи Бога, тогда глаголется существо; а егда вопрошается о качествѣ его, тогда глаголется естество; понеже глаголетъ святый Іоаннъ Дамаскинъ: [2]) „существо убо, рекше просто, бытіе; естествоже, существо же видотворившееся."

Впрочемъ, егда убо речетъ кто: аще Господь Богъ нашъ невѣдомъ есть, то како убо и глаголати имамы о немъ, вѣдомо буди таковому, яко мы, егда убо о Бозѣ глаголемъ, не о семъ глаголемъ, еже испытовати и истязати, каковъ есть качествомъ въ своемъ естествѣ, или каковъ количествомъ въ своемъ величествѣ; но о семъ отъ святыхъ писаній поучаемся, яко ни словомъ изреченъ, ниже умомъ домыслимъ есть. И тако удивляемся величествію его и похваляемъ дѣла премудрости его, да возслѣдуемъ ему благими дѣлы своими, и привлечемъ къ себе благодать его. [3]) „Суетни убо вси человѣцы естественнѣ, въ нихъ же обрѣтается невѣдѣніе о Бозѣ." Сего ради таковымъ убо входъ въ блаженный покой гласомъ пророческимъ отъ Господа возбраняется: [4]) „Тіи же (рече) непознаша путей моихъ, яко кляхся во гнѣвѣ моемъ, аще внидутъ въ покой мой."

Тѣмже блаженна есть душа та, иже единому Богу угодити желаетъ, и иной любви на земли не ищетъ, прелести земныя хвалити не хощетъ, но о семъ да хвалится хваляйся (по писанному), во еже разумѣти и знати Господа.

III. Богоразсужденіе.

1. *Вопросъ*: Егда преблагій Богъ, въ первобытномъ твореніи своемъ (якоже выше во 2 статьѣ Богопознанія речеся) вся зѣло добра сотворилъ есть, и человѣка душею и тѣломъ всего блага создалъ, и добродѣтель ему въ естество даровалъ: то почто человѣцы не вси суть благи и добродѣтельны, но овыя благія, овыя же злыя, и откуду сіе противное бываетъ?

Отвѣтъ: Богъ злу не творецъ: [5]) научаемся же отъ Евангельской притчи о добромъ сѣмени, и какъ выше во 2 статьѣ Богопознанія явствуетъ, яко твореніе его есть благо, но самовластное человѣковъ произволеніе содѣловаетъ овыхъ благими, овыхъ же злыми. Понеже сіе человѣческое самовластіе

---

[1]) Катехизисъ великій во главѣ 57.
[2]) Дамаскинъ въ посланіи къ Ковмѣ Маіумскому.
[3]) Премудрость глава 13, ст. 1.
[4]) Псаломъ 94, стихъ 11.
[5]) Матѳ. 13, зач. 22, стихъ 27.

(сила, или власть душевная) уподобися слѣдующему примѣру:[1]) „якоже воевода владѣетъ подданными ему вои, ихъ же всегда зритъ, и во всякое промышленіе распоряжаетъ, разсуждаетъ и уставляетъ: тако и самовластіе наше, всѣми частьми, и удесы, и составы и чувствы человѣческими владѣетъ, и содержитъ, и наставляетъ и обращаетъ, и не имать ни едино отъ удъ нашихъ, еже бы гдѣ затворити его, течетъ, идѣже хощетъ, вселяется, идѣже желаетъ, а идѣже желаетъ, тудѣ и удеса и чувства наша обращаетъ, якоже: ушеса, да слушаютъ полезная или непотребная, и уста, да хвалятъ Бога, или ино что нелѣпое, такоже рудѣ, и нозѣ, и прочее. Сицево есть самовластіе наше: безстрашно, ничимже одержимо, и уклонительно на добро и зло. Симъ самовластіемъ Адамъ заповѣдь Божію преступи.“

Хотя Апостолъ Павелъ притчею о скудельныхъ сосудѣхъ и показуетъ,[2]) яко Богъ сотворилъ оваго человѣка въ честь, оваго же не въ честь; но сіе значеніе показуетъ только на настоящую времянную жизнь, что Богъ сотворилъ человѣковъ оваго въ честь, царемъ, оваго же не въ честь, нищимъ; и се есть, единъ видъ только или форма, къ вѣчному ихъ содѣланію и употребленію; ибо нынѣшнее сложеніе человѣкъ, абіе имать паки въ перстъ разсыпатися, рече бо пророкъ: [3]) „составъ мой яко нивочтоже предъ тобою.“ А къ вѣчному существованію человѣковъ, аки сосудовъ въ честь или въ безчестіе, еже есть въ царство или въ муку, содѣловаетъ коегождо отъ человѣкъ свое произволеніе, якоже глаголетъ святый Іоаннъ Дамаскинъ:[4]) „аще и единъ Богъ всяческимъ народодѣтель, но не той честныя устрояетъ или безчестныя, но свойственное коегождо произволеніе.“ Напримѣръ: такъ какъ одинъ искусный скудѣльникъ, изъ добрѣ ему приготовленнаго бренія, содѣлаетъ сосудъ доброй и полезной, а неискусной изъ тогоже самаго состава: содѣлаетъ сосудъ неудобенъ, и даже погубленію достоинъ тако и самовластному произволенію человѣка, аки нѣкоему дѣлателю, врученъ есть отъ Бога составъ человѣческаго естества, какъ то: чувствы душевныя,—умъ, мысли, память, разсужденіе и совѣсть, тѣлесныя же,—зрѣніе, осязаніе, обоняніе, вкусъ и слухъ и всѣ прочія одесы. А потому коегождо свойственное произволеніе имѣетъ власть устрояти человѣка благимъ или злымъ, по глаголу тогоже Дамаскина: [5]) „или по естеству въ добродѣтели пребывати, Богу къ той зовущу (поелику добродѣтель убо человѣку отъ Бога дадеся въ естество, потому и глаголется: Богъ есть всякаго блага начало и вина), или отъити добродѣтели, еже есть: въ злобѣ быти, діяволу къ той зовущу;“ ибо [6]) „всякая злость отъ него изобрѣтена есть, и скверныя помыслы, и подущати человѣка на зло можетъ, принудити же не можетъ: въ нашемъ изволеніи пріяти его предлогъ, и отринути; діяволи бо не имутъ власти, аще небудетъ отъ Бога попущено имъ, якоже явлено [7])

---

[1]) Катехизисъ великій глава 44.

[2]) Рим. 9, зач. 102, ст. 19, 20 и 21,

[3]) Псаломъ 38, стихъ 6.

[4]) Дамаскинъ въ словѣ: Богъ злу не творецъ.

[5]) Дамаскинъ въ словѣ: Богъ злу невиновенъ.

[6]) Альфа глава 20.

[7]) Іовъ 1, стихъ 12 и глава 2, стихъ 6.

во Іовѣ, и [1]) во Евангеліи о свиніяхъ". Свидѣтельствуетъ бо святый Іяковъ Апостолъ: [2]) „никтоже искушаемъ да глаголетъ, яко отъ Бога искушаемъ есмь. Богъ бо нѣсть искуситель злымъ, неискушаетъ же той никогоже, кождо же искушаемъ отъ своея похоти, влекомъ и прельщаемъ". Потому и [3]) „злоба глаголется, ничтоже ино есть, развѣ отъшествіе благаго, якоже и тма свѣта отшествіе есть. Пребывающе убо въ сущемъ по естеству въ добродѣтели есмы; уклоняющеся же отъ добродѣтели, въ злобѣ бываемъ; покаяніе же есть возвращеніе отъ злобы въ добродѣтель, и примиреніе съ Богомъ". Глаголетъ бо Господь: „[4]) ревнуй убо и покайся, се стою при дверѣхъ, и толку, аще кто услышитъ гласъ мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ и той сомною".

2. *Вопросъ*: Егда убо всемогущій Богъ (какъ выше во 2 статьѣ о Богопознаніи сказано), искони вся предвѣдущъ, ибо и [5]) несодѣланная наша видятъ очи его, точно зналъ, что человѣкъ дарованнымъ ему самовластіемъ можетъ заблудить, то есть презрѣть заповѣдь создателя своего, и изъ благаго въ злаго претворится, и тѣмъ наслѣдія царствія его лишится: то вскую убо человѣкъ таковымъ самовластіемъ и награжденъ, не лучшель бы ему таковаго дарованія власти не дати?

Отвѣтъ: Не достойно бы было таковому, по образу Божію созданному творенію, яко царю твари, сообразну быти несмысленному скоту, еже бы отъ естества точію водитися, а неразумомъ отъ самовластія своего управлятися. Аще бы человѣкъ не имѣлъ самовластія, не былъ бы за преступленіи подверженъ вѣчному мученію; но и добродѣтельный не могъ бы наслѣдникомъ быти царствію небесному.

А еже глаголати бренію о зиждителѣ сице: вскую Богъ человѣку толико великій самовластный санъ даровалъ, чрезъ который онъ добрыя породы испалъ, посему послѣдуетъ рещи (оставивъ человѣка въ скотскомъ естествѣ): вскую Богъ и Ангельскія силы сотворилъ, зане и отъ тѣхъ чина отпаде сатана съ вои своими. И аще бы тако не быша на небеси ангеловъ, а на земли человѣковъ, умныхъ и словесныхъ, то отъ кого бы прославлялось славное и великолѣпое имя Божіе: — убо ли отъ несмысленной или бездушной твари? Да небудетъ!

Напримѣръ: речетъ ли кто трудолюбивому земледѣльцу: вскую ты сѣеши пшеницу твою, понеже между оной трава съ плевелы прозябаетъ и возрастаетъ, и многажды ю одолѣваетъ, и заглушаетъ? Обаче благоразумный и трудолюбивый земледѣлецъ незритъ на сіе отъ части случающееся, и ради могущихъ прозябати плевелъ, не оставляетъ обычное свое трудолюбіе. Тако и Богъ (доводствующу святому Іоанну Златоусту отъ божественныхъ писаній) [6]) незряше токмо Адама въ породѣ (въ раю) кормима, и за пре-

---

[1]) Мате. 8, зачало 28, стихъ 31.
[2]) Іяковъ 1, зачало 80, ст. 13 и 14.
[3]) Дамаскинъ въ словѣ о предъувѣдѣніи
[4]) Апокалипсисъ глава 3, стихъ 20.
[5]) Псаломъ 131, стихъ 16
[6]) Маргаритъ слово 7 о воплощен. Господни.

ступленіе изгонима, и еже отъ него прозябнути имущыя грѣшницы яко трава и проникнути, вси дѣлающія беззаконіе. [2]) Но паче зряше въ немъ Павла, благочестіе проповѣдующаго и въ рай восхищаема, Петра, емуже ключа небесная ввѣряема, и вся въ первомъ человѣкѣ зряше, то есть угодити ему имущія: пророки, апостолы, тысящи тысящь мучениковъ, многочисленныя лицы святителей и исповѣдниковъ, великія соборы преподобныхъ, постниковъ и праведниковъ, въ корени бо бяху плодове. [3]) Сія вся Богъ предвѣдяше, прежде даже Адаму создатися.

Создалъ же Богъ человѣка и даровалъ ему таковое самовластіе не нахуждьшее, но налучьшее и на превосходнѣйшее, яко быти ему царю твари; и при томъ не безъ подпоры его оставилъ, но къ тому еще разсудительною силою и обличительною совѣстію наградилъ, и надо всѣмъ тѣмъ всемогущую свою помощь, егда только съ вѣрою воспроситъ, абіе присно подавати обѣщалъ. [4]) Понеже самовластіе само о себѣ, кромѣ помощи Божіей, не можетъ устрояти коего добра; но и помощь Божія, аще и испрошаема будетъ къ содѣйствію чего либо не угоднаго ему, отнюдь небываетъ, якоже глаголетъ святый Апостолъ Іяковъ: [5]) «аще просите, и не пріемлете, зане злѣ просите». Ибо помощь Божія самовластію нашему всегда способствуетъ точію на дѣла благая, а не на злая: обаче и на благая дѣла тогда неукоснительно способствуетъ, егда воля человѣческая будетъ толико сопряжена съ волею Божіею, елико душа съ плотію. Яко же бо тѣло безъ души не можетъ движенія имѣти: тако и человѣкъ безъ помощи Божіей ничтоже благо можетъ сотворити. Понеже Спаситель нашъ Іесусъ Христосъ, во Евангеліи глаголетъ: [6]) „безъ мене не можете творити ничесоже». Но даже и самъ о себѣ свидѣтельствуетъ глаголя: [7]) „не могу азъ о себѣ творити ничесоже. Яко снидохъ съ небесе, не да творю волю мою, но волю пославшаго мя Отца". Сія рекъ, не якобы творити чего немогъ, но собою дая намъ образъ сего душеспасительнаго средства. Тѣмже Апостолъ Павелъ пишетъ: „искушайте, что есть воля Божія, благая и угодная и совершенная." „Ибо ничтоже тако пользуетъ человѣка, якоже отсѣцати свою волю, и согласовати съ волею Божіею: воистину успѣватъ кто отъ сея вещи, отнюдъ паче всякія добродѣтели". Занеже самъ Спаситель, первѣе всего молитися научи, въ молитвѣ Отче нашъ: „да будетъ воля твоя".

Тѣмже вси святіи угодницы Божіи, къ содѣйствію своего спасенія, вопервыхъ ничего инаго толико въ семъ вѣцѣ не желали и у Господа не просили, елико волю Божію познати и согласно оной житіе свое добрѣ управити. Якоже Давидъ пророкъ моляся ко Господу взываетъ: „научи мя тво-

---

[1]) Псаломъ 19, стихъ β.
[2]) Маргаритъ слово 7.
[3]) Ефесеомъ 1, зач. 216, ст. 4, 11 и 12.
[4]) Матѳ. 7, зачало 20, ст. 7 и 8, 2 Моисей 14, стихъ 15.
[5]) Іяковъ 4, зачало 55 стихъ 3.
[6]) Іоан. глава 15 зачало 8 стихъ 5.
[7]) Іоан. 5, зачало 16 стихъ 30.
[8]) Іоан. 6, зачало 21 стихъ 38.

рити волю твою, яко ты еси Богъ мой". Сице и святый Петръ Дамаскинъ: „Господи! не остави мя творити, или глаголати, ниже помыслити что, яже ты нехощеши".

Минуя же многихъ святыхъ, единаго еще воспомянемъ, суща наитончайшаго знанія душеспасительной вины, иже моляся ко Господу сице:[1] „Господи! аще не погубиши мя со беззаконьми моими, слава безмѣрному милосердію твоему! Аще же мя погубиши за безаконія моя, слава превѣдному суду твоему! И якоже хощеши устрой о мнѣ вещь: готовъ бо есмь пріяти отъ руки твоя святыя вся,—аще добро, аще зло, аще царство, аще муку". Сея молитвы смыслъ открытъ ясно во апологіи въ слѣдующей повѣсти:

„Нѣкій бо нищій, исполнь струповъ, *прошакъ*, между прочимъ, къ мудрому учителю на повторенное привѣтствіе: „хощу, да будетъ тебѣ то, еже ты самъ себѣ хощеши", отвѣща сице: „нѣсть мнѣ ино что хотѣти, или не хотѣти точію тоежде, еже Богъ хощетъ или не хощетъ". Глагола учитель: „едали туюжде бы имѣлъ еси мысль, аще бы тя Богъ во адъ послати изволилъ." Абіе старецъ: „мене ли Онъ послетъ во адъ? но вѣждь, яко имамъ два рамена дивной крѣпости его (глубочайшее смиреніе и нелицемѣрную любовь), и тѣми азъ емлюсь его крѣпцѣ, объятіемъ неразлучнымъ, да яко идѣже либо быхъ посланъ, тудѣ и его повлекъ бы съ собою: и воистинну, изволительнѣе мнѣ было бы внѣ небеси быти съ Богомъ, (псал. 138 стихъ 8), нежели въ самомъ небесе безъ него".

3. *Вопросъ*: Егда благоутробный Богъ (какъ выше во 2-й статьѣ Богопознанія явствуетъ) хотѣніемъ нехощетъ смерти грѣшника и ни единъ ктобы отъ человѣкъ погибнулъ, но воля его и хотѣніе присно, еже всѣмъ человѣкомъ спестися: то почто не вси спасаются, но овыя спасаются, овыя же погибаютъ, что даже и въ самыхъ апостолѣхъ быти случися? убо ли Богъ, при толикомъ всемогуществѣ своемъ, не возможетъ всѣхъ спасти, яко самъ присно хощетъ и желаетъ?

Отвѣтъ: Еда родитель не желаетъ всякаго блага чадамъ? еда ли не хощетъ быти имъ наслѣдниками имѣнія своего? аще ли же хощетъ, да никто же паче, токмо чада его, наслѣдники будутъ достоянія его: то едали не въ силахъ, или не имѣетъ власти, законнымъ наслѣдникамъ своимъ оное опредѣлить, и въ томъ ихъ утвердить, якоже самъ того присно хощетъ и желаетъ? Но егда случается, что нѣкоторый изъ числа дѣтей его уклонится отъ повиновенія его и распутное поведетъ житіе: то качествомъ беззаконныхъ дѣяній своихъ исходатайствуетъ себѣ (и нехотящу родителю) вмѣсто благословенія клятву, и вмѣсто наслѣдственнаго награжденія совершенное онаго очюжденіе, и еще жестокое наказаніе.

Такимъ образомъ и премилосердый Богъ праведно творитъ, какъ свидѣтельствуетъ Евангиліемъ [2]): „аще убо вы, лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ: кольми паче Отецъ вамъ небесный дастъ блага просящимъ у него". [3]) Но когдаже нѣцыи отъ человѣкъ уклоняются отъ

[1]) Апологія о утѣшеніи скорбящаго.
[2]) Матѳ. 7, начало 20, стихъ 11.
[3]) Исаія 52, стихи 1, 2 и 3.

заповѣдей Божіихъ и развращеннымъ житіемъ пребываютъ нечювственно въ беззаконіяхъ своихъ: тогда изходатайствуетъ себѣ отъ правосоудія Божія (и не хотящу ему) достойное мздовоздаяніе, сирѣчь: не токмо за нерасканнность свою царствія небеснаго отчюждятся, [1]) но еще воспріимутъ въ геенѣ огненной вѣчное мученіе.

Обаче многоблагоутробный Богъ болѣе склоненъ къ милованію, нежели къ наказанію [2]): якоже притчею во Евангеліи о блудномъ сынѣ крайнее благоутробіе свое къ согрѣшающимъ показуетъ; и всепремудрымъ промысломъ своимъ о всѣхъ промышляетъ. Мнoзи же суть образы спасительнаго его промысла, яко ни словомъ изрещи, ниже умомъ постигнути кто можетъ, о чемъ точію отчасти святый Іоаннъ Дамаскинъ поясняетъ, въ своей книгѣ глаголемой *Небеса*, частію же въ житіи святаго Максима исповѣдника и въ *Соборникѣ* явствуетъ, что промыслъ Божій есть хотѣніе его, и еще паче къ сущему благому его природѣніе.

а) Промыслъ убо Божій въ дѣйствіи надъ благими имѣетъ два вида: 1-е по благоволенію, 2-е по попущенію. По благоволенію убо, елико непротивоглагольна суть благая. По попущенію же попущаетъ многажды и праведнаго подпасти напастемъ, да въ немъ таящуюся добродѣтель покажетъ инымъ [3]), якоже во Іовѣ. Иногда же попущаетъ поносно нѣчто содѣятися, да дѣяніемъ, мнящимся безмѣстнымъ, великое нѣчто и чюдное исправитъ [4]): якоже крестомъ спасеніе человѣкомъ. По иному образу попущаетъ преподобнаго страдати злѣ, да не изъ правыя совѣсти испадетъ и изъ данныя ему силы же и благодати въ кичѣніе впадетъ [5]), якоже апостола Павла. Оставляется нѣкто на время ко исправленію инаго, да еже на онаго смотряющіи кажутся [6]), якоже въ Лазарѣ и богатомъ: естественно бо зряще страждущихъ, абіе и сами въ чювство приходимъ и удобь исправляемся. Оставляется же нѣкто на время не ради свойственныхъ или родительскихъ грѣховъ, но во инаго славу [7]): якоже и отъ рожденія слѣпый въ славу Сына Божія. Паки попущается страдати кто и ради ревности инаго: да славѣ страждущаго возвеличившейся, безлѣностна страсть инымъ будетъ, надеждою будущія славы и вожделѣніемъ вѣчныхъ благъ, якоже бысть въ мученицѣхъ. Попущаетжеся кто и въ срамное впасти дѣяніе нѣкогда во исправленіе иныя горшія страсти [8]): якоже есть нѣкто возносяйся въ добродѣтелехъ и исправленіяхъ своихъ, попущаетъ того въ блудъ впасти [9]), яко да паденіемъ, въ чювство свойственныя немощи вшедъ, смирится, и пришедъ исповѣдается Господеви. И вси въ прочемъ свѣтовніи приключеніи, аще со благодареніемъ пріемлемъ, ко спасенію наводятся и всяко пользы бываютъ ходатаи.

---

[1]) Матѳ. 25, зачало 106, стихъ 41.
[2]) Лука 15, зачало 79 отъ стиха 11 до 32.
[3]) Іовъ 40, стихъ 3.
[4]) 1 Коринѳ. 1, зачало 125, стихи 18 и 25.
[5]) 2 Коринѳ. 12, зачало 199, стихъ 7.
[6]) Лука 16, зачало 83 стих. 19, 20 и 21.
[7]) Іоан. 9, зачало 34, ст. 1, 2 и 3.
[8]) Псаломъ 29, стихи 5 и 6.
[9]) Псаломъ 50.

б) Лукавыхъ же оставляетъ Богъ по предзнанію своему праведно, и сіе оставленіе имѣетъ два вида: 1) строительное и наказательное, 2) конечно отчаятельное.

Строительное убо и наказательное оставленіе бываетъ ко исправленію и спасенію такимъ же образомъ, якоже и выше речеся.

Конечно же отчаятельное оставленіе: егда убо Богу, вся во спасеніе сотворшу, безчювственъ и неврачебенъ человѣкъ, пачеже не исцѣленъ за свое небреженіе пребываетъ: тогда уже [1]) отъемлются судьбы Божія отъ лица его, и предается въ конечную погибель, якоже Іюда, сосудъ совершенъ къ злу, и самопроизволенъ въ погибель, егоже самъ Христосъ Спаситель не возможе пользовати. Тѣмъ по праведному суду Божію, и пріиде ему рядъ службы сея, идти въ мѣсто свое, и се премудро: да не въ тунѣхъ нѣгдѣ злѣ погибнетъ, но да исполнитъ писаніе, и мѣру злобы своея подъиметъ.

Да пощадитъ насъ Богъ и изиметъ сицеваго оставленія! Достовѣрно бо отъ святыхъ писаній имамы засвидѣтельствованіе [2]), яко не возможно правѣ мудрствующему и благочестнѣ живущему погибнути". [3]) Аще и приключися женѣ Лотовой, и [4]) Ананію и Сапеирѣ ужасное событіе, но негли за неисправленное сердце ихъ по Бозѣ, обаче судъ оныхъ остается во глубинѣ неиспытанныхъ судебъ Божіихъ. [5]) Нѣчто убо подобно судивъ и Апостолъ Павелъ, предати нѣкоего согрѣшша сатанѣ, во изможденіе плоти, да духъ его спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа.

ѣ) Изволеніе убо къ дѣйствію въ насъ есть; а скончаніе произволяющимъ добрыхъ въ Божіемъ поспѣшеніи, праведно по предувѣдѣнію своему промышляющемъ. Обаче сущая въ насъ, не промысла есть Божія, но нашего самовластія, суть два вида: 1) произведеніе, 2) дѣйствіе. Произволеніе убо присно въ насъ есть: во еже куда поити, или непоити, лгати, или не лгати, и прочее. Дѣяніе также въ насъ есть, но не всяко и не присно. Многажды бо иное, по нѣкоему образу Божіяго промысла и возбраняется, какъ то: богатыми быти, или царствовати, и прочее. Тѣмже святый Златоустъ, предупредительно ко Господу моляся, глаголетъ: „Господи, аще хощу, аще нехощу спаси мя, понеже бо азъ яко калъ любовещный грѣховную скверну желаю, но ты, яко благъ и всесиленъ, можеши ми возбранити".

4 Вопросъ: Аще убо святое писаніе глаголетъ, яко Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ есть [6]) „свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ", то почто множайшія племена и языцы, въ числѣ коихъ есть добродѣтельныя, безъ просвѣщенія Евангельской истины остаются, и вѣчному [7]) осужденію по слову подвергаются? [8]) занеже кромѣ истинныя вѣры, невозможно спастися и угодити Богу.

---

[1]) Псаломъ 9, стихъ 28.
[2]) Препод. Нилъ Сорскій въ 4 вопросѣ, его книги.
[3]) 1 Моисей гл. 19 стихи, 16, 17 и 26.
[4]) Дѣянія глава 5, зачало 13, отъ стиха 1 до 11.
[5]) 1 Кор. 5, зачало 132, стихи 3 и 5.
[6]) Іоаннъ 1, зачало 1, стихъ 9.
[7]) Маркъ 16, зачало 70, стихъ 17.
[8]) Евреомъ 11, зачало 326, стихъ 6, и Римлян. 1, зач. 70, стихъ 17.

Отвѣтъ: Воистину тако глаголетъ святое писаніе, яко [1]) Христосъ есть свѣтъ истинный иже просвѣщаетъ и освящаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ. Достоитъ же убо притомъ вразумлятися и удостовѣрятися, вышереченнымъ во 2 статьѣ о Богопознаніи примѣромъ отъ чювственнаго солнца. Яко оно, нетолько на всякаго человѣка, но и на всякую тварь возсіяваетъ, и въ самыя гнусныя и нечистотами преисполненныя мѣста проницаетъ, просвѣщаетъ и нечистоту изсушаетъ: такъ и праведное солнце, свѣтъ истинный, Христосъ, даже и въ самыя внутреннія человѣковъ душевныя храмины проницаетъ, и коегождо умніи очи просвѣщаетъ, развѣ точію кто самъ отъ него уклоняется, или нѣчимъ, якоже бываетъ и чувственному солнцу, двери входа ему преграждаетъ. Обаче сіе праведное и невечернее солнце и отъ затворенныхъ дверей вспять не возвращается, но присно, днемъ и нощію, при дверѣхъ душевныя храмины неотступно стоитъ, и благоувѣтливо толцетъ, якоже самъ Господь свидѣтельствуетъ о себѣ [2]): „се стою при дверехъ и толку, аще кто услышитъ гласъ мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ и той со мною“.

Подобаетъ же разумѣвати и о языцѣхъ, иже лишени суть Евангельскаго просвѣщенія, яко нѣкоторые изъ нихъ, хотя и добродѣтельны и къ злу непокусивы, но негли и нерадиви суть: тѣмъ и пребываютъ въ мѣрѣ своей яко ничтоже. [3]) О нихъже пророкъ Ездра ничтоже быти рече, аки плюновеніе. [4]) Самъ же спаситель таковыхъ мертвыми именова. И аще бы симъ коснулось слышати истинну слова Божія, но нерадѣніемъ ихъ презираема бы была: то не горшія ли бы подъяли муки? якоже къ подобнымъ во Евангеліиречеся [5]): „отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморстѣй въ день судный, неже граду тому“. И паки [6]): „Тиру и Сидону отраднѣе будетъ въ день судный, неже вамъ“: и паки [7]): „аще не быхъ (глаголетъ Христосъ) пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли“. Всякъ убо [8]) „рабъ вѣдый волю Господина своего, и не уготовавъ, ни сотворивъ по воли его, біенъ будетъ много. Невѣдѣвый же, сотворивъ же достойная ранамъ, біенъ будетъ мало“. А потому, вѣроятно, всепредвѣдящій и всещедрый Богъ, не приводитъ благовѣстія слухамъ оныхъ, щадя ихъ отъ праведнаго осужденія, повинныхъ быти горшимъ мукамъ, другихъ же оставляетъ безъ Евангельскаго просвѣщенія токмо до времени, яко не убо пріиде имъ время къ познанію; якову же бысть и въ Генисаретстѣй странѣ, что жители [9]), егда стадо свиное въ мори утопѣ, тогда истинну христовой проповѣди не пріяша: [10]) но по нѣколикомъ времени уразумѣша и вѣроваша.

---

[1]) Молитва утреняя 1-го часа.
[2]) Апокалипсисъ глава 3, стихъ 20.
[3]) 3 Ездры 6, стихъ 56 и 57.
[4]) Матѳ. 8, зачало 26, стихъ 22.
[5]) Матѳ. 10, зачало 35, стихи 14 и 15.
[6]) Матѳ. 11, стихъ 22.
[7]) Іоаннъ 15, зачало 52, стихъ 22.
[8]) Лука 15, зачало 68, ст. 47 и 48.
[9]) Матѳ. 8, зачало 28, стихъ 34.
[10]) Матѳ. 14, зачало 60, стихи 34, 35 и 36.

5 *Вопросъ*: Егда всемогущій и правосудный Богъ:

а) Предъ вѣки коегождо отъ человѣкъ дѣянія, словеса и помышленія предвѣдалъ, и предуставилъ, какъ сказуетъ Апостолъ Павелъ [1]) „ихже бо предувѣдѣ, тѣхъ и предустави;“ И аще б) егоже хощетъ Богъ спасаетъ, а его же хощетъ погубляетъ, какъ тойже Апостолъ глаголетъ: [2]) „егоже хощетъ (Богъ) милуетъ, а егоже хощетъ ожесточаетъ;“ еще же в) сущимъ во чревѣ матернѣмъ [3]) „нерождшимся, ни сотворшимъ что благо или зло“ отъ Богаречеся: „яко большій поработаетъ меньшему, Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ;“ и г) аще вся таковая Богъ предвѣдаетъ и самъ предуставляетъ: то почто овымъ царство, а овымъ муку обѣщаетъ? гдѣ правосудіе его?

Отвѣтъ: Глубоко слово се и прикровено; но святый Іоаннъ Златоустъ, глаголетъ, [4]) „яко вѣрныхъ ради кормителямъ церковнымъ подобаетъ испытовати глубину божественныхъ писаній разумѣнія.“ Тѣмъ убо:

а) Воистину правосуднѣйшей Богъ, по всевѣдящему прозрѣнію своему, предъ вѣки коегождо отъ человѣкъ дѣянія, словеса и помышленія проувѣдѣ (какъ выше во 2 статьѣ о Богопознаніи явствуетъ), [5]) не вся же предуставилъ: не бо хощетъ Богъ злобѣ бывати, ниже нудитъ творити добродѣтель, но вся намъ суть на произволеніи, добрая дѣла и злая. По предзнанію же оныхъ предопредѣляетъ Богъ благополучіи или казни, приключающіяся намъ по благости его и правдѣ. Понеже какъ мы неимамы власти надъ мучащею ны болѣзнію, ниже надъ здравіемъ, но точію надъ винами тѣми, яже или болѣзнь приносятъ, или здравіе сохраняютъ, и якоже болѣзни виною есть невоздержаніе, воздерженіе же добраго здравія виновно есть: тако и полученію царствія небеснаго виною есть сохраненіе заповѣдей Божіихъ, преступленіе же тѣхъ виновно есть геенѣ огненной. Потому убо и Апостолъ Павелъ о Божіемъ предуставленіи не о всѣхъ соборнѣ человѣцѣхъ глаголетъ, [6]) но точію о тѣхъ избранныхъ, ихъ же достойныхъ предувѣдѣ сообразнымъ быти образу Сына своею, какъ въ толкованіи Апостола пишетъ: „Яко ихъ же проразумѣ Богъ, сихъ и пронарече; разрѣши движущееся взысканіе, рекше: проувѣдѣ Богъ [7]) не преложеніе Фараоново, и ожесточи сердце его, яко да поженетъ Израиля, и потопленъ; [8]) Проувѣдѣже правое и Ереміино, и пронарече его еще во утробѣ матерни, и освяти въ пророка; [9]) проувѣдѣ нечестіе Содомлянъ, и сотвори ихъ сосуды безчестія въ пожженіе; [10]) проувѣдѣ покаяніе Павлово, и пронарече его сосуда избраннаго.

---

[1]) Римл. 8, зачало 99, стихъ 29.
[2]) Римл. 9, зачало 102, ст. 18.
[3]) Глава таже, зачало 101, стихи 11, 12 и 13.
[4]) Маргарит. слов. 7 о воплощеніи Господни.
[5]) Дамаскинъ въ словѣ о предувѣдѣніи и Максимъ Исповѣдникъ, въ Четіи-Минеи, января 21.
[6]) Римл. 8, зачало 99, стихъ 29. Толковый апостолъ листъ 376.
[7]) 2 Моисей 14, отъ стиха 17 до скончанія 28.
[8]) Іерем. 1, стихъ 5.
[9]) 1 Моисей 19, ст. 13, 24 и 25.
[10]) Дѣянія 9, зачало 21, ст. 15.

б) Да не будетъ неправда у Бога за слово: [1]) егоже хощетъ Богъ милуетъ, а егоже хощетъ ожесточитъ! Внемли на сіе слово толкованію апостола: [2]) „Яко во Израили аще и общій грѣхъ бысть, за еже вси тельцу поклавяхуся: обаче не вси казними быша, но другія милости получиша, (негли не во всѣхъ равно къ тому начинанію произволеніе бяше). Того ради и рече Богъ къ Моисею: помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю. Ибо не твое есть вѣдати, о Моисею, яже суть достойни моея благости, мнѣ сія остави.“ И паки тамъ же глаголетъ святый Анастасій Синайскій сице: „Мнѣ мнится, мнюже и Богу, яко ни самый сатана дерзнетъ рещи, яко егоже хощетъ Богъ спасаетъ, а егоже хощетъ погубляетъ, и аще бы было сіе тако, то явѣ, ни спасаемой достоинъ есть мзды, ниже паки погибаяй достоинъ есть муцѣ, но ниже самыя бѣсове въ геену внити имутъ. Обаче, тіи сами о себѣ исповѣдаша, яко въ погибель идутъ, взывающе ко Христу: остави, что намъ и тебѣ Іисусе Сыне Божій, пришелъ еси сѣмо прежде времени мучити насъ (Матѳ. глава 3, зач. 28, ст. 29) Се время знаменовавше будущія ихъ погибели въ геенѣ. А потому никтоже убо въ насъ да глаголетъ, яко егоже хощетъ ожесточаетъ, занеже неправедна творитъ Бога. Еже бо жесточитъ, разумѣй жестоку быти попущаетъ, а не сотворяетъ.[3]) Сіе убо попущеніе Божіе, яко дѣйство и твореніе его, глаголати обычно божественному писанію.“ А для того [4]) и въ прочихъ подобныхъ реченіяхъ потребно есть убо, иже Божественная писанія разумѣти хотящимъ, первѣе со многимъ опаствомъ вину, и время, и умъ глаголющаго испытати: не разсуждаяй бо сія во многа заблужденія впадаютъ.

в) Кую же вину содержитъ слово: [5]) иже еще во утробѣ матерни, не убо рождышимся, ниже сотворшимъ что благо или зло, единъ бысть Богомъ возлюбленъ, а другій возненавидѣнъ?—дастъ разумѣти изъ вышеписаннаго 2 отвѣта. Якоже бо о проувѣдѣніи яже изъ адама, тако и здѣ Богъ убо зряше во утробѣ Ревекки, не токмо Исава сластолюбца суща хотящаго быти, но съ нимъ паче Іякова, возлюбленнаго своего Израиля, и въ немъ дванадесять патріарховъ, и колѣно Іюдово, и корень Іессеовъ, и цвѣтъ отъ него, еже быти имяше Христосъ.

Тѣмже и мы да не испытуемъ у Творца вины, елико намъ неподобаетъ, ниже да глаголемъ: чесо ради сіи вѣнчани, овіи же осуждени, но да оставляемъ неодержимой тайнѣ избранія Божія: понеже онъ единъ, испытуяй сердца, вѣсть кого благѣ вѣнчати, или наказати. Аще и являются многимъ аки бы неправедна, но за незнаніе тако мнится, и непостижное Божіяго промысла. Достоитъ же о семъ научитися отъ чувственнаго солнца: якоже око, мѣрную воспріемши солнечную лучу, просвѣщается и веселится; аще ли же воззритъ въ самый кругъ солнца, нетокмо не пріемлетъ свѣтъ, но и

---

[1]) Римлян. 9, зачало 101, стихъ 18.
[2]) Апостолъ толковой отъ листа 373 до листа 378.
[3]) Дамаскинъ въ словѣ: Богъ злу не виновенъ.
[4]) Апостолъ толковый листъ 376. Никонъ Черныягоры, слово 2, листъ 7 на обор.
[5]) Римлян. глава 9, зач. 101, стихи 10, 11, 12 и 13.

иже имать и погубляеть, тако и смертное естество, желающе постигнути чрезъ волю Божію, нетолько не пріемлетъ что, но и иже имать, и то погубляетъ.

г) Правосудіе же Божіе воистинну есть нелицемѣрно, свидѣтельствующу Моусею: [1]) „Богъ, истинна дѣла его и вси путіе его судъ; Богъ вѣренъ и нѣсть неправды въ немъ; праведенъ и преподобенъ Господь.“ Тѣмже [2]) „егда огнемъ Господнимъ судитися будетъ вся земля,“ [3]) тогда воздастъ комуждо по дѣяніемъ его, еже есть: вѣрнымъ убо и добродѣтельнымъ, разлученнымъ тогда отъ грѣшникъ, аки овцамъ отъ козлищъ, и одесную его предстоящимъ речетъ пресладкимъ гласомъ: [4]) „пріидите благословеннiи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра;“ всѣмъ же зло сотворшимъ, грѣшникамъ и язычникамъ, ошуюю стоящимъ речетъ праведный судія: [5]) „идате отъ мене проклятіи во огнь вѣчный уготованный діяволу и ангеламъ его; [6]) и: идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный.“ А что глаголетъ Апостолъ Павелъ: [7]) „коегождо дѣло яково есть огнь искуситъ, и егоже дѣло, аще пребудетъ, егоже назда, мзду пріиметъ, а его же дѣло сгоритъ, отщетится, самъ же спасется, такожде якоже огнемъ,“ то въ толковомъ Апостолѣ поясняется, что [8]) добродѣтели злату и сребру, злодѣйство же и грѣхи дровамъ и сѣну Апостолъ уподоби,—сія сгорятъ, а она чистѣйше явятся, за нихъ же назидатель мзду, царствіе небесное, пріиметъ, а отщетившейся, рече, спасется, сирѣчь не умретъ, но тѣмъ же огнемъ, въ немъ же дѣло его сгорѣ, вѣчно мученъ будетъ. Понеже огнь человѣка отъ муки не спасетъ, но точію коегождо искуситъ. Апостолъ бо явленнымъ гласомъ рече: [9]) „коегождо дѣло яково есть огнь искуситъ,“ да тѣмъ добродѣтельный человѣкъ, аки злато чисто и сребро возблистаетъ, грѣшный же обнажится, и срамнѣйшій аки главня опаленная предъ всѣми явится. Сему послѣднему судъ самъ Спаситель притчею сице яви: [10]) „исполнися бракъ возлежащихъ; вшедъ же царь видѣти возлежащихъ, видѣ ту человѣка не оболчена во одѣяніе брачное, и глагола ему: друже, како вниде сѣмо неимый одѣянія брачна? Онъ же умолче. Тогда рече царь слугамъ: связавше ему руцѣ и нозѣ, возмѣте его, и вверзите во тму кромѣшную, ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ.“ Каково же можетъ быть таковому спасеніе? Уже бо нѣсть [11]) по смерти грѣшникомъ покаянія: [12]) въ чемъ тя, рече, застану, въ томъ ти и сужду; ниже

---

[1]) 5 Моисей, 32, стихъ 4.
[2]) Исаія, 66, стихъ 16.
[3]) Матѳ. 16, зач. 68, стихъ 27. Апокалипсисъ глава 22, стихъ 12.
[4]) Матѳ. 25, зачало 106, стихъ 34.
[5]) Тойже главы стихъ 41.
[6]) Тойже главы стихъ 46.
[7]) 1 Коринѳ. 3, зачало 128, ст. 13, 14 и 15.
[8]) Толковый апостолъ листъ 487.
[9]) 1 Коринѳ. 3. зачало 128, ст. 13.
[10]) Матѳ. 22, зачало 89 отъ стиха 10 до 14.
[11]) Лука 13, зач. 73, отъ стиха 25 до стиха 29.
[12]) Лѣствица, сл. 7, листъ 118. Іезекіиль 18, ст. 26, 27 и 30.

по страшномъ судѣ—[1]) будущихъ мукъ свобожденія: многая бо писанія достовѣрно свидѣтельствуютъ, яко оныя суть вѣчны и неизмѣнны.

Обаче [2]) умершимъ грѣшнымъ во избавленіе отъвѣчныхъ мукъ воистину есть помощь, но не огненное искушеніе,[3]) а творимое отвѣрныхъ поминовеніе, наипаче же во святѣй литургіи безкровное жертвоприношеніе, прежде даже непостигнетъ страшный день праведнаго Божія осужденія. Зане [4]) до послѣдняго дня суднаго еще никтоже воспріемлетъ себѣ достойное воздаяніе, ни праведніи вѣнцовъ, ниже грѣшніи мукъ, донележе вси во второе пришествіе Христово [5]) мертвіи съ телесами востанутъ нетлѣнни, а оставшіися живіи въ безсмертіе измѣнятся, тогда уже совершенно кождо по дѣянію своему, яже съ тѣломъ содѣла, и воздаяніе пріиметъ. [6]) А что слышимъ во Евангеліи, яко егда нѣкто богатый умре, и абіе во огнѣ мучимъ обрѣтеся, то не настоящему времени причитается, но Христосъ о будущей вѣчности притчею показа. Такожде и праведныхъ церковь въ пѣснѣхъ ублажаетъ, яко воспріяша вѣнцы небесныя, но еще суще невоспріяша, а за достовѣрное упованіе, яко въ руку уже держати имъ сія. Якоже бо напримѣръ здѣ, преступники царскихъ законовъ сѣдятъ въ тѣмныхъ заключеніяхъ, и, свѣдая кождо свое преступленіе, съ великою печалію и мученіемъ совѣсти ожидаютъ себѣ конечнаго осужденія и казни; ближнѣйшіи же царевы друзи и всѣ вѣрнѣйшіи порученій его исполнители, егда будутъ на обѣдъ къ царю званы, тогда съ великою радостію ко двору его собираются, и до часа обѣднаго веселяся ожидаютъ пированія: тако суть и души умершихъ человѣкъ (по извѣщенію святымъ Ангеломъ преподобному Макарію египетскому),—[7]) нынѣ и даже до дне суднаго грѣшніи сѣдятъ заключени въ преисподнихъ адовыхъ темницахъ, чувствіемъ мучатся и сокрушаются, ожидая въ день страшнаго Божія суда грознаго къ нимъ отвѣта, и подостоянію дѣлъ вѣчнаго мученія, якоже пишется во Апокалипсисѣ: [8]) „часть имъ въ езерѣ горящемъ огнемъ и жупеломъ, еже есть вторая смерть,“ праведніи же души, въ райскомъ упокоеніи водворяяся, присно радуются и веселятся, [9]) ожидаютъ дондеже соберутся и послѣдніи святіи клевреты ихъ, [10]) въ наполненіе десятаго чина отпадшихъ ангелъ, да вси они вкупѣ сподобятся услышать сладкаго Божія привѣтствія, [11]) зовущаго въ царствіе небесное, и тамо неизреченнаго воспріятія [12]) „ихъже око невидѣ и ухо

---

[1]) Марк. 9, зач. 42. Исаія 66, ст. 24. Даніилъ 12, стихъ 2. Псаломъ 6, стихъ 6. Маргаритъ въ словѣ о мукахъ.
[2]) Соборникъ глава 5, листъ 31.
[3]) 14 Прав. Св. Апостолъ Петра и Павла. 2 Маккав. глав. 12, отъ ст. 42 до скончанія 46.
[4]) Книга вѣра во главѣ о умершихъ человѣкъ. Прологъ Сент. 28.
[5]) 1 Коринѳ. 15, зач. 162 и 163. ст. 42 и 52.
[6]) Лука 16, зач. 83, стихи 23 и 24.
[7]) Бесѣда преподобнаго Макарія съ ангеломъ.
[8]) Апокалипсисъ глава 21, стихъ 8.
[9]) Евреомъ 11, зач. 330, ст. 39 и 40. Псаломъ 141, ст. 8.
[10]) Бесѣда съ ангеломъ преподобнаго Макарія.
[11]) Матѳ. 25, зач. 106, ст. 34.
[12]) 1 Коринѳ. 2, зачало 127, стихъ 9.

не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ его.“

Что же касается до невѣрныхъ, а добродѣтельныхъ язычниковъ, то таковіи, по глаголу блаженнаго Андрея цареградскаго, [1]) отведены будутъ на мѣсто не мучительно, но деснаго предстоянія и царствія Божія нѣсть имъ мощно получити. Отлученіе же десныхъ, сирѣчь, отпаденіе славы Божія горши огненныя муки вмѣняетъ святый Іоаннъ Златоустъ. [2]) „Вѣмъ (рече), яко мнози геены точію боятся, азъ же отпаденія славы Божія велми горшу муку вмѣняю геенскія муки“. Разумѣти о семъ достоитъ по примѣру здѣ временнаго житія. Елико убозіи и удаленныя жители, не видѣвшіи славы царской и незнающіи тѣхъ удовольствій, боятся только тѣлесныхъ наказаніи и казней, толико болѣе страшатся удостоенныя всѣмъ удовольствіямъ онымъ единаго лишенія и отъ лица царева отчюжденія: таково будетъ разстояніе и въ будущей вѣчной жизни правовѣрнымъ христіяномъ отъ языкъ невѣрныхъ.

Вѣрныя же, а лѣнивыя, такожде царствія небеснаго отчюждятся, геенскаго же мученія свободятся. Глаголетъ бо святый Григорій Богословъ: [3]) „не еже убо не мука се царство, ни еже не царство се мука, лѣнивымъ довольно есть, еже муки убѣжати“. Обаче за лѣность зѣло болѣзнено есть, по вышереченному глаголу святаго Златоуста, еже неизреченныя славы Божія вѣчно лишену быти.

Есть же [4]) и кромѣ добрыхъ дѣлъ, точію чистымъ покаяніемъ и теплою вѣрою райская обитанія получити, по свидѣтельству святыхъ писаній. Глаголетъ бо пророкъ Аввакумъ: [5]) „праведникъ отъ вѣры живъ будетъ“; и Апостолъ Павелъ пишетъ: [6]) „безъ вѣры невозможно угодити Богу“; и паки: [7]) „не дѣлающему, вѣрующему же во оправдающаго нечестива, причитается вѣра его въ правду“. [8]) Святый Григорій Амиритскій толкуетъ: „яко противу сему отвѣщаетъ діяволъ, клевещнанже вѣры ради спасающихся, и глаголетъ: сія ради вины, яко велика вѣра ихъ, почто спасаеши ихъ тунѣ? и Господь глаголетъ: предана мя слышатъ, и связана, и заплевана, на крестѣ распята, и копіемъ прободена, не смущаются сердцемъ ни соблажняются умомъ, но вѣруютъ Бога быти отъ Бога, и исповѣдуютъ мя царя, и создателя, и творца своего и Господа безъ лукавства“. Яковъ же бѣ разбойникъ, иже на крестѣ возопи, глаголя: „помяни мя Господи егда пріидеши во царствіи си!“ Нѣсть ли достойно таковому рещи: „аминь глаголю тебѣ, днесь со мною будеши въ раи“?

Первое же Божіе на землю сошествіе бысть не того ради смиренно, аки бы Богъ со славою не могъ явитися, и до ада снити, и его разрущити и

---

[1]) Святый Андрей глава 11.

[2]) Маргаритъ, въ словѣ о мукахъ.

[3]) Книга Просвѣтитель въ словѣ 4.

[4]) Святый Анастасій Синайскій на 6 Псал. и Собор. гл. 15, листъ 203.

[5]) Аввакумъ 2, ст. 4.

[6]) Евреомъ 11, зачало 326, стихъ 6.

[7]) Римлянамъ 4, зачало 86, ст. 5. Псаломъ 31, стихъ 1.

[8]) Просвѣтитель въ словѣ 4 и въ Апостолѣ толковомъ на посланіе къ Римлянамъ гл. 4, зач. 86.

сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй на свѣтъ извести; но да соблюдетъ свое правосудіе отъ врага не оклеветаемо и да покажетъ собою первѣе образъ блаженнаго смиренія, имъ же всякъ вознесется, и да изліетъ притомъ на всѣхъ безчисленное милосердіе свое, и изъявитъ крайнюю любовь къ роду человѣческому вольнымъ страданіемъ своимъ, наипаче же неправедно наведеннымъ на него осужденіемъ праведно избавитъ падшее естество человѣческое отъ работы вражія, и поносною смертію, яко сый безгрѣшенъ, грѣхомъ первозданнаго на весь родъ наведеную смерть умертвитъ: [1] „яко же бо (глаголетъ Апостолъ) о Адамѣ вси умираютъ, тако и о Христѣ вси оживутъ".

Предумысливъ же сіе сотворити Богъ, сицевымъ неизреченнымъ промысломъ и преглубокою въ немъ единомъ отъ вѣка бывшу сокровенною тайною, елико убо премирныхъ, и елико на земли утаився и преминувъ естества уставы, отъ пречистыя дѣвы Маріи безсѣменно воплотися, и несказанно, во двою естеству, во единомъ составѣ, изъ нея родися. Потомъ преестественными чюдотвореніями, Божествомъ дѣйствуемыми, увѣрилъ достойныхъ служенію его въ онь вѣровати, и [2] тѣми спасительное свое Евангеліе провозвѣстилъ всей твари; а безгрѣшнымъ тѣла обложеніемъ и человѣческою немощію (якоже бысть [3]) въ пустыни, постяся и во искушеніе предадеся, наипаче же предъ [4]) вольнымъ своимъ страданіемъ, егда со слезами моляся ко Отцу своему небесному, да мимо идетъ отъ него чаша смерти его, и ко ученикомъ рече: „прискорбна есть душа моя до смерти) прехитрилъ діявола: яко же онъ прежде обольсти коварствомъ Адама, тако и сей вторый Адамъ немощію плоти прехитрилъ діявола! Видя бо діяволъ, яко Іисусъ боится смерти, возусти жидовъ, да абіе не праведно убіютъ его, мня окаянный, тма сый помраченный, присносущный свѣтъ истинный съ прочими во тмѣ ада затворити, да къ тому не гонитъ его и да не разрушаетъ въ семъ мірѣ царство его. Егда же поглоти сего, абіе ощути, аки удицу льщенія, сирѣчь неодержимое Божество, неизреченно плотію человѣчества прикровенное,—и разсѣдеся адская несытая его утроба. И не только сего неодержимаго не удержа, но и яже прежде имѣ, изблева. Якоже свидѣтельствуетъ Соборникъ: [5]) „Отецъ бо (небесный) осуди діявола, яко неправедно наведша смерть Сыну Его: смерть бо убо грѣха запрещеніе, Христосъ же безгрѣшенъ пребысть. Тѣмже сице осудивъ Отецъ мучителя, изятъ насъ и къ себѣ возведъ: ибо Сыну его ходатайствовавшу, и путь намъ угладившу и указавшу, и въ честь се Отцу устроившу."

Тѣмже и мы, душевно чувствуя толикое неизреченное Божіе къ намъ благодѣтельство, благодарственны пребудемъ, содержа нижеслѣдующія божественныя догматы христіянскаго благочестія, отъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ преданныя и соборно утвержденныя, въ неизмѣнномъ исповѣданіи и блюстительномъ исполненіи, нынѣ и присно и вовѣки вѣкомъ.

---

[1]) 1 Коринѳ. 15, зачало 160, стихъ 22.

[2]) Мар. 16, зач. 71, ст. 15. Псаломъ 18, стихъ 5.

[3]) Матѳ. 4, зач. 70, отъ стиха 1 до стиха 7-го.

[4]) Матѳ. 26, зачало 108, отъ стиха 37 до скончанія 44. Евреомъ 5, зачало 311, стихъ 7.

[5]) Соборникъ листъ 714, въ толкованіи 47 стиха 2 слова на Пасху Григорія Богослова.

IV. Догматъ вѣры.

Догматъ вѣры Христіянскаго исповѣданія, старогреческаго закона, блюстительно содержимъ, посущему изложенію въ слѣдующемъ:

1) Во единаго Бога вѣруемъ по символу вѣры сице: [1] „Вѣрую во единаго Бога Отца, вседержителя, творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго, прежде всѣхъ вѣкъ," и прочее. [2] „И въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго, [3] иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и славима, главшаго пророки. И воедину святую соборную и апостольскую церковь. Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Чаю воскресенія мертвымъ, и жизни будущаго вѣка, аминь."

Купно [4]) исповѣдуемъ и равно вѣруемъ: во Святую Троицу, нераздѣльную и несказанную, равносильную, и равнобожную, и неописанную, равносовѣтную, и равноразумную, равносущную и собезначальную, единоначальную и трисоставную, еже есть: во Отца Бога нерожденнаго, въ Сына Бога отъ Отца рожденнаго, и въ Духа святаго иже отъ Отца исходящаго. Не бо единъ отъ единаго раздѣлишася когда: бяше бо Отецъ присно съ Сыномъ, и Сынъ бяше присно съ Отцемъ и Духомъ вкупѣ. Сице покланяемся и славимъ святую Троицу во Единицѣ и Единицу въ Троицѣ, нераздѣльное въ тріехъ составѣхъ едино Божество.

Къ ясному же понятію сего можетъ примѣромъ видимое солнце служить: его же бо огненный и свѣтолучный кругъ уподобляется во образъ праведнаго солнца, безначальнаго и безконечнаго Бога Отца, лучи же его, простирающіяся отъ небесъ и просвѣщающія весь миръ, во образъ истиннаго свѣта, Бога Сына, а теплота его, согрѣвающая землю, во образъ Бога Духа Святаго, совершающаго всячеекая. Обаче не тріобразно, но [5]) единъ образъ, едина воля, и едино дѣйствіе, въ тріехъ точію лицѣхъ: [6]) якоже и въ созданномъ по образу Божію человѣкѣ умъ, слово и духъ жизни.

Такожде и таинство Божіяго воплощенія исповѣдуемъ: иже отъ Бога Богъ Слово (аки луча свѣта изъ круга солнечнаго), не отступль Божества своего, въ Приснодѣву Марію вселися, наитіемъ же Святаго Духа усырися и воплотися, и тако неизреченно изъ нея родися, невидимый и неосязаемый, яко подъ завѣсою плоти, въ мірѣ явися, отъ души словесныя и плоти человѣческія состоятъ, совершенъ Богъ и совершенъ человѣкъ, во двою естеству а во единомъ составѣ несмѣсно убо, якоже ячмень смѣшавшись со пше-

---

[1]) Изложеніе 1-го вселенскаго собора.

[2]) Изложеніе 2-го вселенскаго собора, согласно Евангелію отъ Іоанна, зачало 52 и 53, глава 16, стихъ 7.

[3]) По нѣмецки переведено: den wahren lebendigmachenden Herrn.

[4]) Святый Іоаннъ Дамаскинъ, Аѳанасій Великій и Кириллъ Александрійскій.

[5]) Стихъ воскресенъ на полунощницы: Григорій Синаитъ.

[6]) Калистъ Катаѳигіатъ въ добротолюбіи.

ницей; нераздѣльно же, якоже вино совокупившись съ водою.[1]) И такъ вольныя страсти только плотію терпяще, а Божествомъ, аки огнь въ разженномъ желѣзѣ, или яко солнечная луча на сѣкущемъ древѣ, безстрастенъ пребываше: двѣ бо воли и два дѣйствія Іисусъ Христосъ имѣяше.[2]) Равенъ сый Отцу по божеству, мній Отца по человѣчеству. Аще Богъ и человѣкъ, обаче не два, но якоже душа словесная и плоть единъ есть человѣкъ: тако Богъ и человѣкъ единъ есть Христосъ.

Честный же и животворящій крестъ Христовъ почитаемъ, лобызаемъ и покловяемся ему съ вѣрою, яко сущей божественной и непобѣдимой силѣ.

2) Пресвятую [3]) Богородицу и присно дѣву Марію исповѣдаемъ, и съ вѣрою славимъ, яко воистину святѣйшую херувимъ и серафимъ, и превысшую небесъ сущу и высшу всѣхъ тварей, яко рождшую плотію единаго отъ Троицы Христа Бога нашего, иже насъ ради къ намъ сшедшаго и вочеловѣчьшася нашего ради спасенія. Которую мы не только въ настоящемъ нынѣ ея блаженствѣ [4]) (согласно святымъ богословцемъ) исповѣдуемъ быти чистую и пренепорочную, но вѣруемъ, яко она прежде рожества бѣ Дѣвою, и въ рожествѣ Дѣва, и по рожествѣ такожде пребываетъ Дѣвою, и даже до толика, якоже всемогущій Богъ словомъ своимъ, словомъ чистымъ, созда вещественное небо чисто [5]) и естествомъ неиспытанно, тако и на земли предъуготова Богъ на вселеніе единородному Сыну своему Слову одушевленное небо чисто и ни коеяже скверны причастно, еже есть: сію преблагословенную владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію,[6]) отъ сѣмене чистаго и еще прежде зачатія ея предочищеннаго и освященнаго. Тѣмъ убо только сія едина, отъ родовъ предъизбранная и отъ пророкъ пронареченная, содѣтеля всего міра мати, не только отнюдь [7]) первородныя скверны бысть непричастна, но даже вся яко небо чиста и добра зѣло пребысть. О ней же самъ Духъ святый въ Пѣснѣхъ-пѣсней свидѣтельствуетъ сими словесы: [8]) „вся добра еси ближняя моя, и порока нѣсть въ тебѣ", и паки со удивленіемъ: „кто сія проникающая, аки утро, добра яко луна, избранна яко солнце".

3) Также и святыхъ почившихъ угодниковъ Божіихъ, какъ то: святаго Іоанна Крестителя, и яже прежде его пророковъ, и яже по немъ прехвальныхъ апостоловъ, и добропобѣдныхъ мучениковъ и прочихъ всѣхъ святыхъ почитаемъ, и съ вѣрою призываемъ ихъ, яко ближайшихъ друговъ Божіихъ, да тѣхъ ради къ Богу моленій избавляемся долговъ грѣховныхъ и спасаемся вси, по глаголу пророка: [9]) „волю боящихся его сотворитъ, и молитву ихъ услышитъ." Понеже близъ престола Божія предстоятъ и [10])

---

[1]) Святый Селивестръ папа Римскій, Четь-минея Генваря 2 и Св. Петръ Дамаскинъ въ 1 книгѣ

[2]) Псаломъ 8 отъ ст. 5 до 10. Евреомъ 2, зач. 305, отъ ст. 6 до 10. Филипис. 2, отъ ст. 8 до 12.

[3]) Святый Іоаннъ Дамаскинъ и проч. вышеозначен. свят. учит.

[4]) Четь-минея Декабря 9.

[5]) Маргаритъ въ словѣ 2-мъ о непостижимѣмъ.

[6]) Слово на зачатіе Пресвятыя Богородицы въ Четіи-минеи, Декабря 9.

[7]) Въ томъ же словѣ.

[8]) Пѣснь пѣсней глава 4, стихъ 7, и глава 6, стихъ 9.

[9]) Псаломъ 144, стихъ 19. Соборн. 17, листъ 227.

[10]) 2 Петрово 1, зач. 64, ст. 15. 3 Ездра 15, ст. 8. 3 Цар. 11, ст. 12 и 13. Даніилъ 3, ст. 55.

дерзновеніе имутъ молитися о насъ, занеже самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ Евангеліи рече: [1] „хощу да идѣже есмь азъ, и тіи будутъ со мною, да видятъ славу мою“.

4) [2] Еще же честныя тѣхъ угодниковъ Божіихъ мощи, нетлѣніемъ отъ Бога прославленныя, почитаемъ, и поклоняемся имъ и лобызаемъ: многія бо тѣлеса святыхъ миро источаютъ, и многи страсти и болѣзни у человѣкъ исцѣляютъ.

5) Святыя иконы, [3] какъ то: Спасителя нашего Іисуса Христа, пречистыя его матери пресвятыя Богородицы, небесныхъ силъ безплотныхъ и прочихъ всѣхъ святыхъ, почитаемъ, покланяемся и цѣлуемъ. Обаче почитаемъ святыя иконы, не яко Бога жива, но взирающе на образъ, представляемъ себѣ во умѣ святость изображенныхъ, и тѣми, равно какъ и отъ повѣстей книгъ церковныхъ, подражательную любовь въ сердцахъ нашихъ возобновляемъ. Сіе почитаніе святыхъ иконъ есть весма нужно и душеспасительно: ибо аще мнози человѣцы образы искреннихъ своихъ, и чада родителей своихъ, плотскія ради любви, написуютъ и въ домѣхъ своихъ на незабвенную память содержаютъ: то кольми паче мы, православные христіане суще, должни есмы вышереченныя святыя иконы, и кромѣ молитвенныхъ храмовъ, каждый по себѣ въ домѣхъ непремѣнно и присно имѣти, почитати и покланяющеся имъ, лобызати, чювствами же къ тѣмъ самымъ первообразнымъ восходити, и во всемъ упованіе на нихъ возлагати, да сподобимся и въ будущемъ вѣцѣ съ ними вѣчно въ царствіи небесномъ пребывати.

V. Догматъ церкви.

Догматы святыя древлевосточныя соборныя апостольскія церкви, иже у насъ въ неизмѣнномъ исполненіи соблюдаются, суть слѣдующія:

1) Седмь изящныхъ святыхъ таинъ церковныхъ:

Первая святая тайна, Крещеніе,—едино точію въ три погруженія творимое, съ приглашеніемъ Божественнаго триvпостаснаго имени, у насъ всеобдержно дѣйствуется и пріемлется, по заповѣди самаго Христа Спасителя, рекшаго къ своимъ Апостоламъ: [4] „шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.“ При первомъ убо въ воду погруженіи глаголетъ священникъ: во имя Отца, аминь; при второмъ: и Сына, аминь; и при третіемъ: и Святаго Духа, аминь. Зане первенствующая святая восточная церковь сей истинный образъ крещенія пріяла отъ святыхъ Апостолъ, [5] который образъ, съ отрицаніемъ сатаны,

---

[1]) Іоаннъ гл. 17, зачало 57, стихъ 24.

[2]) Святый Іоаннъ Дамаскинъ въ словѣ 1-я недѣли поста, въ Соборникѣ гл. 25, л. 323 на обор.

[3]) Соборный многосложный свитокъ святыхъ отецъ восточныхъ, числомъ 1455 подписавшихся, въ Соборникѣ, глава 28, листъ 360 и Святый Іоаннъ Дамаскинъ въ словѣ о иконахъ.

[4]) Матѳ. 28, зачало 116, стихъ 19.

[5]) Въ книгѣ святаго Діонисія Ареопагита, чинъ крещенія человѣкомъ.

и всѣхъ дѣдъ его, и прочее къ тому благолѣпное возслѣдованіе, святый и богомудрый Діонисій Ареопагитъ, современникъ апостольскій, [1]) самъ святое крещеніе отъ святаго Апостола Павла уже въ совершенномъ возрастѣ принявшій, писаніемъ чинно надожилъ и первенствующей Христовой церкви въ руководство предоставилъ.

Не иначе же и самъ Христосъ Спаситель, погружаяся во Іорданѣ, крестился: понеже святіи Апостоли, какъ отъ него пріяша, тако и прочихъ научиша. [2]) Да и по свидѣтельству Святаго Златоуста, вси людіе, приходящіи тогда креститися отъ Іоанна, стояху по выю въ водѣ Іордана: слѣдовательно и Христу погрузитися довлѣло глубины Іордана. Якоже и вселенская церковь поетъ во 2 канонѣ Богоявленія его сице: [3]) „Безначальне, во дами спогребшутися Слове.“ Тѣмже святый Апостолъ Павелъ къ римляномъ пишетъ: [4]) „Или не разумѣете, яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть его крестихомся, спогребохомся убо ему крещеніемъ въ смерть, да яко воста Христосъ отъ мертвыхъ славою отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ. Аще бо сообразни быхомъ подобію смерти его, то и воскресенія будемъ причастницы.“ Послѣдовательно сему [5]) и святый премудрый Максимъ Грекъ во своей книгѣ пишетъ сице: „яко въ божественномъ крещеніи треми въ воду погруженіи тридневное Спаса Христа погребеніе и воскресеніе гадаетъ церковное преданіе,“ и прочее.

Кромѣ же сего единаго трепогружательнаго крещенія никакія инообразныя крещенія у насъ подъ строгимъ запрещеніемъ отнюдь непріемлются: [6]) яко дерзати смѣющихъ святое крещеніе инако дѣйствовати, или пріимати, церковныя правила изъ священнаго сана изверженіемъ осуждаютъ.

Вторая святая тайна: Миропомазаніе, которое у насъ непремѣнно при самомъ крещеніи исполняется, зане самъ Христосъ Спаситель рече: [7]) „аще кто не родится водою и Духомъ не можетъ внити въ царствіе Божіе.“ Дѣйствуется же то по уставу древлегрекороссійской церкви съ нижеслѣдующими приглашеніями: егда бо іерей помазуетъ новокрещеннаго, глаголетъ: [8])

На челѣ: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да избудетъ студа, егоже первѣе преступивъ человѣкъ всюду ношаше.“

На лицы: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да откровеннымъ лицемъ славу Господню зритъ.“

На очію: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да зритъ очима свѣтъ Святыя Троицы, первыя доброты образъ.“

---

[1]) Четь-минея Октября 3.

[2]) Святый Златоустъ въ толковомъ Евангеліи на крещеніе Господне.

[3]) 2-й тропарь 1-й пѣсни.

[4]) Римлянамъ 6, зач. 91, ст. 3, 4 и 5.

[5]) Св. Максимъ Грекъ въ 40 словѣ, тоже и во псалтири со возслѣдованіемъ въ словѣ о крестномъ знаменіи.

[6]) Въ книгѣ Кормчей 8 правило Св. Апостолъ и прочіе вселенскихъ соборовъ; таже въ великомъ потребникѣ соборное изложеніе Святѣйшаго Филарета Московскаго Патріарха л. 564 и 597.

[7]) Іоаннъ 3, зач. 8, ст. 5.

[8]) Великій Потребникъ въ чинѣ миропомазанія.

На ушію: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да пріиметъ ушина слышаніе таинства духовнаго, святаго Евангелія Христова, якоже рече Господь: имѣяй уши слышати да слышитъ: да не приложится ему злое слышаніе.“

По ноздрямъ: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да обоневаетъ Божественныхъ таинъ, яко да и той будетъ въ муро Христова благоуханія и въ добровоньство спасаемыхъ и да не обоневаетъ прочее смрадныя первыя льсти.“

По устомъ: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да перваго вкуса вторымъ заградитъ, сирѣчь: тѣломъ и кровію Христовою.“

На персѣхъ: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да оболкся во броня правды, противу художеству вражію станетъ, яко побѣдитель непобѣдимъ.“

На рукахъ: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да будутъ готовы на простертіе во благотвореніе, и на отгребаніе всякаго зла.“

А по псалмѣ 33-мъ, „возлагаетъ іерей на крестившагося крестъ съ гойтаномъ, якоже истинніи христіяне имутъ обычай, еже носити на себѣ знаменіе спасительныхъ Христовыхъ страстей, иже есть честнаго креста образъ, на прогнаніе всякія непріязненныя дѣтели, себѣ же на сохраненіе души и тѣлу.“

Третія святая тайна: Причащеніе тѣла и крови Христовой, иже у насъ непремѣнно обое каждому православному христіянину подается, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную. Самъ бо Христосъ Спаситель нашъ всѣмъ повелѣ плоть его ясти, и кровь его пити,—а именно на тайнѣй вечери своей, [1] „пріемъ хлѣбъ и благословивъ прелоии, и даяше ученикомъ, и рече: пріимите ядите, сіе есть тѣло мое; и пріимъ чашу, и хвалу воздавъ, даде имъ, глаголя: пійте отъ нея вси, сія бо есть кровь моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ.“ Да не уничижитъ кто повелѣнія сего, рече прочее Іисусъ: [2] „Аминь, аминь глаголю вамъ, аще не снѣстѣ плоти Сына человѣческаго, и не піете крови его, живота не имате въ себѣ.“ Страшно изреченіе Христовыхъ словесъ! И яко истинна суть словеса его, самъ заключаетъ: [3] „Небо и земля прейдетъ, словеса же моя не прейдутъ.“

Четвертая святая тайна: Исповѣданіе грѣховъ.

Пятая святая тайна: Священство.

Шестая святая тайна: честный Бракъ.

Седмая святая тайна: Елеосвященіе.

2) При томъ [4]) блюстительно сохраняется у насъ древней церкви благолѣпный чинъ Божественной литургіи, устроенной Василіемъ Великимъ, и Іоанномъ Златоустомъ и святымъ Григоріемъ папою римскимъ, такъ, чтобы

---

[1]) Матѳ. 27, зачало 108, стих. 26, 27 и 28.

[2]) Іоаннъ 6, зачало 23, стихъ 53.

[3]) Маркъ 13, зачало 62, стихъ 31.

[4]) Древлепечатные служебники, содержащіе чинъ Василія Великаго, Іоанна Златоустаго и Григорія папы Римскаго.

на святой проскомидіи непремѣнно имѣть [1]) седмь просфиръ, именуемыхъ великія, квасныхъ, изъ чистой пшеничной муки испеченныхъ:

1-я просфира, за Господьскій хлѣбъ, еже есть святый агнецъ.

2-я въ честь Пресвятыя Богородицы.

3-я въ честь Святаго Іоанна Крестителя и всѣхъ святыхъ.

4-я за верховнаго святителя и всего освященнаго чина.

5-я за самодержавнаго государя царя.

6-я за всѣхъ живыхъ православныхъ христіянъ.

7-я за упокой всѣхъ православныхъ христіянъ.

И какъ сіи седмь особыя, такъ равно и прочія, по желанію усердствующихъ христіянъ на проскомидіи въ жертву Богу приносимыя, просфиры имѣютъ равнымъ видомъ сверху печать, круглымъ обведеніемъ, [2]) образующую, по толкованію святаго Симеона Селунскаго, безначальное и безконечное Божіе Слово воплощенное (сирѣчь, хлѣбъ-плоть, а печать —Божество); посредѣ же сея печати трисоставный крестъ Христосъ, со изображеніемъ къ нему надлежащихъ литеръ, а вокругъ креста Евангельскихъ словесъ: [3]) „Се агнецъ Божій вземляй грѣхи міра.“ Послѣдніи убо просфиры, по вынятіи іереомъ изъ нихъ частицъ въ Божественную жертву, абіе принесшимъ въ благословеніе подаются цѣлостію: ибо на сей случай пекарь церковныхъ просфиръ запасныя приготовляетъ просфиры.

Всѣ же таковыя просфиры, пріуготовляются непремѣнно изъ кваснаго тѣста потому: ибо Спаситель нашъ Іесусъ Христосъ, егда по исполненіи времени восхотѣ ветхаго завѣта сѣновно дѣйствуемое чиноположеніе конечно въ самую истину благодатію своего привести, сирѣчь новый благодатный завѣтъ уставити, повелѣлъ уготовати тайную свою вечерю прежде праздника пасхи и [4]) прежде нежели измѣтаемъ бысть квасъ въ 4 день опрѣсночнаго приготовленія, то есть: 13 числа луны по еврейскому счисленію, [5]) прилучившагося тогда быти въ четвертокъ: идѣже къ тому [6]) не стояще, якоже обычай бѣ ясти ветхозаконную пасху, [7]) но сѣдяще со ученики новую пасху яде: „и рече къ нимъ: желаніемъ вожделѣхъ сію пасху ясти съ вами прежде даже не пріиму мукъ;“ ядоша же [8]) не опрѣсноки [9]) но хлѣбъ, сирѣчь квасный, подъ видомъ коего хлѣба и вина уставилъ Христосъ новый завѣтъ о своей плоти и крови, по свидѣтельству всѣхъ Евангелистовъ и Апостола Павла, рекшихъ: „ядущимъ же имъ, пріемъ Іесусъ хлѣбъ и благословивъ преломи,“ и прочее.

---

[1]) Потребникъ великій и древлепечатные служебники. Великія же не по количеству, но по дѣйству.

[2]) Симеонъ Селунскій во главѣ 68 книги его.

[3]) Іоаннъ 1, зач. 3, стихъ 29.

[4]) 2 Моис. 12, ст. 3, 6 и 15.

[5]) Іоаннъ 19, зач. 61, стихъ 31.

[6]) 2 Моисей гл. 12, ст. 11 и Григорій Богословъ въ словѣ на пасху.

[7]) Матѳ. гл. 26, зач. 108, ст. 20. Іоаннъ гл. 13, ст. 4 и 11.

[8]) Лука гл. 22, стихъ 15. Златоустъ въ бесѣдахъ 11 и 18 на послан. Коринѳ.

[9]) Матѳ. гл. 26, зач. 108, ст. 26. Маркъ глава 14, ст. 20. Лука гл. 22, ст. 19. 1 Кор. глава 11, ст. 23 и 24.

Хотя [1]) святіи Евавгелисты и пишутъ, яко уготоваша Христу ясти пасху во дни опрѣсночныя, но въ такомъ разумѣ глаголютъ они только о дняхъ опресночнаго приготовленія, [2]) ибо закономъ повелѣно было прежде четырехь дней праздника, то есть въ 10-й день Марта мѣсяца, запасать агнца и соблюдать до 14-го числа вечера, а не о самомъ праздничномъ, или о канонномъ дни праздника, воньже квасъ изметается.

Аще бы оная вечеря была въ самый день праздника, то невозможно бы Христу въ таковый день посылать учениковъ путь шествовать и приготовленіе творить, смерти бо повинни быля творящіи то. [3]) Болѣе же явствуетъ отъ Евангелія: егда ведоша Iсуса отъ Каіафы въ преторъ, бѣ утро, а пасха еще не бѣ, какъ и Пилатъ рече: „кого хощете отпущу вамъ на пасху?“ Аще ли бы въ канонный день праздника вечеря Христова была, то не бы святіи Евангелисты написали, [4]) яко Христосъ уже въ пятокъ, въ канонъ праздника пасхи, еще изъ утра [5]), о часѣ третьемъ на Голгоѳу приведенъ, о шестомъ часѣ распятъ, о девятомъ же часѣ на крестѣ умре. Егда же Iюдеи прося Пилата рекоша: [6]) „да неостанутъ на крестѣ тѣлеса въ суботу, бѣ бо великъ день тоя суботы,“ то явно отъ сего есть, что самый великій праздникъ пасхи прилучился тогда въ день суботный.

И если же бы та вечеря была въ свое время, и все по обычаю Еврейскому на ней уготовано: то стояще, а не сѣдяще яли бы пасху, и не рекъ бы Христосъ о ней отлично, яко желаніемъ вожделѣхъ сію ясти пасху: ибо ветхозаконную прежде ежегодно ядяше, но никогда такова желанія изъяви, якоже о сей. Предварительно же соверши Христосъ новую сію пасху для того, дабы, [7]) вмѣсто ветхозаконнаго агнца (коего законъ повелѣваше, въ вечеръ 14-го числа луны заклавши агнецъ, съ тѣмъ починати и опрѣсноки ясти, на седмь дней праздника пасхи), самъ себя пріуготовилъ на вольное заколеніе за спасеніе всего міра, въ начало и уставъ новыя христіянскія жертвы. Якоже и сотвори: ибо въ тотъ самый день, воньже у евреевъ къ вечеру прилучившагося тогда пятка закаляшеся агнецъ и начинашеся праздникъ пасхи, Христосъ на крестѣ насъ ради плотію смерть вкуси и погребенъ бысть, въ суботный же день во гробѣ почиваше, а въ третій день недѣльный изъ мертвыхъ воскресе. Итакъ совершися сія новая спасительная пасха, еже есть новому Израилю преведеніе отъ смерти къ жизни, и отъ земли на небо. [8]) А что Апостолъ Павелъ, къ Коринѳомъ пиша, повелѣваетъ очистити ветхій квасъ и праздновать въ безквасіихъ чистоты и истины, а не въ квасѣ злобы и лукавства: се не о употребленіи хлѣбномъ, но о жительствѣ чистомъ и благочестивомъ поучаетъ. [9]) А сущій

[1]) Матѳ. гл. 26, зач. 108, ст. 17. Маркъ гл. 14, ст. 12 и Лук. гл. 22, ст. 7.
[2]) 2 Моисей гл. 12, ст. 3 и 6.
[3]) Іоаннъ гл. 18, стих. 28 и 39. Матѳ. гл. 27 стих. 15 и 17.
[4]) Іоаннъ гл. 19, зач. 61, ст. 31.
[5]) Маркъ гл. 15, зач. 68, ст. 25, 33, 34, 37.
[6]) Іоаннъ гл. 19, ст. 31.
[7]) 2 Моисей гл 12, ст. 6, 18 и 19.
[8]) 1 Коринѳ. гл. 5, зачало 133, стих. 7 и 8.
[9]) Матѳ. гл. 13, зач. 53, ст. 33, и Лука глава 13, стихъ 81.

квасъ самъ Христосъ Спаситель въ притчахъ своихъ царствію небесному уподобляетъ, яко животъ образуетъ, а не мертвость.

3) Все наше древлецерковное исполненіе содержится и печатлѣется непремѣнно крестомъ христовымъ тричастнымъ, егоже съ вѣрою исповѣдуемъ, яко истинный есть образъ животворящаго креста, на немже Христосъ Спаситель плотію распятся. Тричастный [1]) убо именуется, яко изъ трехъ древъ: кипариса, певга и кедра, въ тридневную смерть Господа Іисуса Христа содѣланъ бысть, какъ свидѣтельствуютъ святіи восточніи учители: [2]) Германъ патріархъ цареградскій; [3]) и Іоаннъ Дамаскинъ; о немже и прореченіе Исаія Пророка въ самой истиннѣ исполнися (иже во главѣ 60 стихѣ 13). По разуму же древлевосточной церкви, въ крестѣ Христовомъ первое древо бѣ правѣ устроено; другое преки, къ немуже длани Христовы двѣма гвоздьми пригвождены; а третіе въ подножіе, къ немуже нозѣ Христовы такожде двѣма гвоздьми пригвождены быша, во исполненіе пророческаго гласа, во псалмѣ 98, стихъ 5. Тѣмже и церковь святая поетъ въ день воздвиженія честнаго креста Христова: [4]) „Ты ми покровъ державенъ еси тричастный кресте Христовъ.“ Святый же Іоаннъ Дамаскинъ ублажаетъ сице: [5]) „О треблаженное древо, на немъ же распятся Христосъ Царь и Господь.“ Такъ же и святый Θеодоръ Студійскій въ словѣ на поклоненіе честнаго креста глаголетъ: [6]) „Днесь тричастный крестъ покланяемъ есть, и четвероконечная вселенная празднуетъ радостно.“ [7]) Равно же и трисоставнымъ [8]) почитается, зане Пресвятыя Троицы носитъ трисоставный образъ. Еще же именуется сей въ церковномъ писаніи [9]) и четверочастнымъ: за положеніе верху главы Христа Спасителя дщицы, съ титломъ Его, Пилатомъ написанымъ; дщица же сія бѣ изъ древа масличнаго, яко провозвѣстница Спасителя и спасенія всего міра, [10]) юже предобразовала при потопѣ голубица, принесщая къ праведному Ною въ ковчегъ во устѣхъ своихъ масличной сучецъ.

Сей трисоставный крестъ Христовъ, какъ въ древлегреческой церкви, равно и у насъ, яко самосовершитель, присно во всѣхъ священнодѣйствіяхъ употребляется, и паче всѣхъ священныхъ вещей предпочитается, тѣмъ и наверхъ самой главы церкви Христовой поставляется: понеже освѣненіемъ благословлять его, кромѣ Бога, отнюдь никто не можетъ, но самъ той Божественный крестъ вся освѣняетъ и вся освящаетъ. Двучастнаго же креста знаменіе, еже изъ двухъ частей составленнаго, имѣетъ отъ тричастнаго веліе различіе: зано, яко образъ отъ истины, или паче отъ образа сѣнь.

[1]) Понѣмецки переведено: dreiheiliges.

[2]) Во многосложномъ посланія листъ 2-й.

[3]) Въ Октаи 3-го гласа въ среду и пятокъ на утрен. сѣдалнахъ.

[4]) Минея служеб. Сентяб. 14 на литіи стихера 6.

[5]) Въ 8-мъ гласѣ ирмосовъ, пѣснь 5.

[6]) Соборникъ глава 31, листъ 404.

[7]) Тріодь, 4 й недѣли поста во вторникъ въ 8-й пѣсни,и св. Григорій Синаитъ въ крестн. канонѣ.

[8]) Понемѣцки: dreifaches.

[9]) Минея служебная, Сент. 14 въ утренихъ стихерахъ.

[10]) 1 Моисей гл. 8, ст. 10 и 11.

Понеже двучастный крестъ, есть сѣновнаго завѣта начертаніе:[1]) якоже древле Моѵсей крестообразно руцѣ распростре,[2]) и на мори жезломъ образъ креста начертавъ, тогда бо и силы дѣяшася отъ него, якоже дѣяшася и во священнодѣйствіяхъ онаго завѣта; нынѣ же, отъ Христова новоблагодатнаго закона, вся та упразднися.[3]) „Прейде (бо) сѣнь законная благодати пришедши.“ Обаче якоже сѣнь въ лицѣ солнца неотлучна есть отъ сущаго: тако и двучастный отъ тричастнаго креста не отлученъ есть; но только сей двучастный крестъ у насъ пріемлется въ употребленіе на священныхъ одеждахъ, егоже священникъ первѣе осѣняетъ и потомъ цѣлуетъ.

Хотя же кресты, которые всякой христіянинъ отъ крещенія своего присно на персѣхъ своихъ носитъ, и имѣютъ видъ двучастнаго креста, обаче на нихъ спреди непремѣнно изображается начертаніе истиннаго трисоставнаго креста.

И всѣ вообще кресты, сущіи въ церквахъ и въ домахъ, трисоставнаго изображенія, древянные и метальные, равно у насъ пріемлются и почитаются, кромѣ только на главахъ церквей нашихъ отнюдь не поставляются метальные, но присно древянные, видомъ трисоставные; прочности же ради сіи обиваются жестію, овые же украшенія ради и позлащаются.[4]) Вина есть сего, что Пресвятая Владычица наша Богородица, дивнымъ явленіемъ и ужаснымъ чюдотвореніемъ въ Тихвинѣ, не соизволила на главѣ храма своего кресту железну быти, но древяну: яко же въ канонѣ ея 4 гласа, въ тропаряхъ 5 пѣсни, явствуетъ, которой есть въ праздничной минеи.

4) Какъ [5]) священники на благословеніе, такъ равно и всѣ православные христіяне древле-греко-россійской церкви на крестное огражденіе, слагаютъ персты десныя руки непремѣнно сицевымъ образомъ:

а) Три убо персты, первый палецъ со двѣма послѣднима, вкупѣ, во образъ равночисленныя нераздѣлимыя Троицы. Яко и древле тріе отроцы, образовали Троицу,[6]) сущія внучата царя Іосіи, дѣти Ехоніевы, имовѣрно были большій, средній и меньшій, о нихъже святая церковь во 8-й пѣсни 8-го гласа поетъ:[7]) „благословите дѣти, Троицы равночисленніи.“ Лишше же сего никто же отъ насъ дерзаетъ къ неописуемому триѵпостасному Божеству Святыя Троицы, не только равноперстіемъ бренной руки, но ниже изъ всей долу имѣющейся описуемой твари, явѣ равенъ образъ показати: поелику таковое безмѣстное умствованіе святіи отцы, Богомудрые учители, Григорій Богословъ во 2-мъ словѣ на святую пасху, Максимъ Грекъ въ словѣ о Святѣмъ Дусѣ, и Іоаннъ Дамаскинъ въ 1-й его книгѣ, главѣ 9-й, зѣльно обличаютъ и конечнѣ отражаютъ. б) Два же перста, указательный право, а великосредній мало приклоненъ, совокупно простерты, образующіе

---

[1]) 2 Моис. глава 17, ст. 11, 12 и 13.

[2]) 2 Моис. гл. 14, ст. 21 и 27, и въ 8 гласѣ ирмосовъ пѣснь 1-я.

[3]) Въ Октаи догматикъ 2-го гласа.

[4]) Книга минея праздничная, печатанная въ Москвѣ 7158-го года, и особо древняя о явленіи на Тихвинѣ Богородичной иконы исторія.

[5]) Во Псалтырѣхъ со возслѣдованіемъ, напечатанныхъ при древнихъ московскихъ патріархахъ.

[6]) Книга прологъ и лѣтописныя святцы 17 декабря.

[7]) Святый Іоаннъ Дамаскинъ.

таинство воплощенія Бога Слова во двою естеству, Божества и человѣчества, во единомъ же составѣ; преклоненіе же персту толкуется: преклонь небеса сниде на землю, нашего ради спасенія. Итако слагая персты, изображаемъ въ нихъ по преданію древлевосточной церкви обоя божественныя таинства: Святыя Троицы и воплощенія Бога Слова.[1]) Ибо всероссійскій Стоглавный соборъ и послѣдующіи тому первосвятители, изряднѣе же московскіе, до лѣтъ Никона бывшіе, патріархи таковое древнее церковное преданіе, ежебы двуперстнымъ сложеніемъ какъ священникомъ благословляти, такъ равно и всѣмъ христіяномъ знаменатися, единогласно подтвердили и точнаго исполненія ради даже и въ книгахъ церковныхъ (у насъ и до нынѣ подлинникомъ сущихъ) въ роды печати предали.

Сіе же вышереченное церковное преданіе имѣло основаніе свое на всеобдержномъ, древлегреческими благочестивыми учительми утвержденномъ, узаконеніи, изъ числа коихъ святый премудрый Максимъ Грекъ, Аѳонскія горы, обители Ватопедскія, свидѣтельствованный въ премудрости и благочестіи тогдашними восточными патріархами, бывый въ Россіи для наилучшаго исправленія церковныхъ книгъ,[2]) засвидѣтельствовалъ въ своемъ 40-мъ словѣ, ясно и достовѣрно, о древнемъ вышеозначенномъ сложеніи перстовъ. Въ точности сему согласуетъ писаніе и блаженнаго Ѳеодорита Кирскаго.[3]) А святый Мелетій патріархъ антіохійскій, будучи на соборѣ, воставъ, показа людемъ три персты, и не бысть знаменія; потомъ два совокупль и единъ пригнувъ, благослови люди, и бысть знаменіе страшно: изыде бо отъ него огнь яко молнія. Хотя же въ житіи его и не объясняется, кіими онъ персты благословилъ люди, обаче разумно явствуетъ, что сей святый Мелетій двуперстнымъ, а не триперстнымъ, или инымъ какимъ сложеніемъ люди благословилъ; понеже самая естественность указуетъ, яко въ триперстномъ сложеніи не единъ къ двумъ пригибается, но два къ единому; да и доднесь нигдѣ не слышится, чтобъ кто въ греческой религіи тремя перстами вкупѣ сложенными благословлялъ; тѣмъ боліе, что тремя первыми точію персты оба таинства: Святыя Троицы и воплощенія Бога Слова, изобразити невмѣстимо, смѣшати же неправедно, за опасность слѣдующаго: а) да не подражаніе нѣкое будетъ ереси евтихіевой и діоскоровой, которыя бѣжаста несторіева раздѣленія, два сына глаголящаго, во ино зло впадоста, ибо двѣма естествома, Божеству и человѣчеству, въ совокупленіи смѣситися и во едино естество сотворитися злѣ проповѣдаша; б) ежели бы мы тремя сложенными персты, образующими только едино таинство Святыя Троицы, крестное знаменіе на себѣ изображали, то опасность предстояла бы къ сходству ереси севировой и прочихъ подобныхъ, которыя на крестѣ Божество страдавше злѣ мудрствоваху.

---

[1]) Книга Стоглавникъ, составленная на Стоглавномъ соборѣ въ лѣто 7059. Великія Псалтыри со возслѣдованіемъ и великіе потребники, напечатанные въ Москвѣ, при древнихъ царяхъ и патріархахъ, до Никона бывшихъ.

[2]) При великихъ Псалтыряхъ напечатано явствуетъ.

[3]) Четь-минея февраля 12.

А потому, въ благословеніи святаго Мелетія сложеніе перстъ, елико не показуетъ быти треперстно, толико и не литеросложно.[1]) Если же литеросложное благословеніе, склоняемое перстами на литеры греческія и славянскія, и точно одно имя Іесусъ Христосъ изобразовало бы; но таковое благословеніе въ сложеніи перстъ исповѣданіе Святыя Троицы устранило бы, а наипаче благословенію Христа Спасителя отнюдь не сообразно было бы: зане литеросложное благословеніе не можетъ дѣйствоваться во вселенскомъ употребленіи, идѣже литеры другихъ языкъ не согласуютъ съ сложеніемъ перстовъ. Христова же благословенія видъ во истину былъ образъ вселенскому содержанію. Святый убо Лука Евангелистъ,[2]) во Евангеліи благовѣствуетъ, что Христосъ Спаситель, при вознесеніи на небо, Апостоловъ своими пречистыми руками благословилъ; и хотя сей святый Евангелистъ прочее тамо не упоминаетъ, како персты рукъ своихъ Христосъ слагалъ, обаче сей Евангелистъ, будучи изуграфъ,[3]) благословящую десницу у Христа Спасителя, на первой имъ написанной Богородичной иконѣ, двуперстнымъ сложеніемъ ясно изобразилъ. Таковой образъ Христова благословенія приняли первѣе святіи Апостоли, а отъ сихъ другопріимательнѣ древлегреческіе и прочіе первосвятители. Итакъ были по оному святымъ Лукою написанному образу и множайшіи въ древлегреческой церкви иконы точно изобразуемы.[4]) А потомъ промысломъ Божіимъ, неточію съ первѣйшихъ тѣхъ иконъ копіи, но даже и самыя подлинныя апостольскаго художества иконы въ Россію собраны и великими чюдесами отъ Бога прославлены, гдѣ и до днесь, какъ извѣстно, цѣлы сохраняются.

5) Вышеозначеннымъ сложеніемъ двухъ перстъ десницы во образъ таинства Христова воплощенія, а трехъ прочихъ перстъ Святую Троицу равночисленно образующихъ, наблюдается у насъ всеопасно истовое на себѣ знаменіе честнаго креста, сирѣчь согласно истинному догмату вѣры, яко Христово только человѣчество на крестѣ страдало, а Божество отъ плоти не разлучно, но безстрастно присутствовало.

Симъ же[5]) крестнымъ знаменованіемъ, по сказанію святаго премудраго Максима Грека, учитъ насъ святая церковь вкупѣ и всѣ благовѣрія христіянскаго таинства сице исповѣдовати, вопервыхъ: полагая сложенныя персты на челѣ, исповѣдуемъ:[6]) „въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово,“ и яко отъ Бога Отца родися, яко и наше слово отъ ума происходитъ. А яко по божественному слову, глаголющему: приклони небеса и сниде, тако и мы рукою, со главы снося, полагаемъ на чрево, испо-

---

1) Понѣмецки переведено: aus drei Finger bestand, noch buchstäblich.

2) Лука гл. 24, зач. 114, ст. 50 и зач. 113, ст. 30, и Евангельская стихира 5.

3) Древняя исторія о принесенной на Тихвину святыми ангелами по воздуху богородичн. иконѣ.

4) Минея праздничная въ канонѣ иконы Тихвинскія, въ 3-мъ тропарѣ 5-й пѣсни. Таже и въ прочихъ службахъ явленію богородичныхъ иконъ, въ мѣсячныхъ минеяхъ, напечатанныхъ въ Москвѣ при древнихъ царехъ и патріархахъ.

5) Святый Максимъ Грекъ въ словѣ 40.

6) Таже во Псалтырѣ со возслѣдованіемъ, въ словѣ о крестномъ знаменіи, и въ Катихизисѣ великомъ, и въ прочихъ древлепечатныхъ книгахъ. Іоаннъ 1, зач. 1, ст. 1.

вѣдуемъ съ небесе на землю къ намъ Божіе снитіе и воплощеніе, то есть во чревѣ Приснодѣвы Маріи безсѣменное вселеніе, девятомѣсячное въ ней обитаніе, рожденіе, страданіе и воскресеніе. Потомъ вознося полагаемъ на правое плечо, исповѣдуемъ Христово по воскресеніи на небеса вознесеніе, и [1]) сѣденіе его одесную Бога Отца. Потомъ, перенося, полагая на лѣвое плечо, исповѣдуемъ быти второе Христово страшное на землю пришествіе судити живымъ и мертвымъ, и воздати комуждо по дѣломъ его, праведнымъ царствіе и жизнь вѣчную, а грѣшникомъ муку вѣчную: отъ сея же послѣдней и молимся помиловати насъ; при томъ и таинство образуемъ: поклоненіемъ первое Адамово паденіе, а восклоненіемъ — о Христовѣмъ воскресеніи паки наше востаніе. Сицевымъ бо чиномъ крестное знаменованіе истово совершающихъ ангели Божіи свыше зрятъ и веселятся, понеже сила сего велика есть, какъ повѣствуется во многихъ страданіяхъ святыхъ мучениковъ:[2]) егда нечестивые мучители, не могше ихъ отъ Христа различными муками отлучити, повелѣша имъ языки отрѣзати, и потомъ вопрошаху, еще ли вѣруютъ и проповѣдуютъ Христа, они же, немогуще языкомъ уже глаголати, но полагаху на себѣ знаменіе честнаго креста, и тѣмъ исповѣдаху таинство вѣры и прославляху Бога въ душахъ и тѣлесахъ своихъ. Того ради святый Максимъ Грекъ поучаетъ сице: [3]) „Всякъ вѣрный да не нерадитъ, и не полагаетъ сего нивочто, и еже бы безъ боязни, но со страхомъ, и съ правою вѣрою, и съ чистою совѣстію, полагати креста знаменіе на лицѣ своемъ, якоже божественная писанія указуютъ. Есть же и во отеческихъ книгахъ писано о семъ: иже аще кто не подобію лице свое знаменаетъ, сирѣчь неистово креститъ, гордости ради или лѣности, и махаетъ сѣмо и овамо, и тому маханію бѣси радуются.“

6) И священники наши, въ благословеніи человѣка, знаменіе креста непремѣнно тѣмъ же двуперстнымъ сложеніемъ по древнему обычаю полагаютъ истово, сице: егда кто изъ православныхъ поклонится священнику и проситъ отъ него благословенія, и священникъ первѣе да положитъ на главу его вышереченнымъ сложеніемъ благословящую свою десницу, глаголя: „благословеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа на рабѣ Божіи“ (имя рекъ), и сноситъ десницу на чрево, потомъ на оба рама, глаголетъ: „всегда, и нынѣ, и присно и во вѣки вѣкомъ;“ а пріемлющій благословеніе: на сіе отвѣщаетъ: аминь, и цѣлуетъ десницу, положившую на него великое Божіе благословеніе; и, ликуяся по обычаю, священникъ речетъ: „Христосъ посредѣ насъ,“ а онъ отвѣщаетъ: „есть и будетъ.“

7) Четыре въ году соборные посты, составляющіе всего до двадцати одной седмицы, соблюдаются у насъ ненарушимо, въ которые всякъ нашъ православный христіянинъ благоговѣетъ постомъ, и молитвою и колѣнопреклоненіемъ къ Богу; притомъ же во весь годъ, иноки понедѣльникъ, и вкупѣ иноки и мірскіе среды и пятки, кромѣ нѣкоторыхъ разрѣшенныхъ

---

[1]) Псаломъ 102, стихъ 1.

[2]) Псалтирь со возслѣдованіемъ, въ словѣ о крестномъ знаменіи.

[3]) Святый Максимъ Грекъ въ словѣ 40, тоже и во Псалтыри со возслѣдованіемъ.

дней, постятъ, такъ равно, какъ и въ великій постъ, не вкушая отнюдь не только мяса (егоже инокомъ во нѣки ясти запрещено), но и млека, сыра и яицъ.[1]) Даже и больнымъ неподается сихъ скоромныхъ ястій, хотя бы они и до смерти желали, а только, немощи ради, на елей и рыбу разрѣшается.[2]) Аще же бы кто, не только соборные посты, но даже среды и пятки, кромѣ разрѣшенныхъ, тверду сущу въ немъ разуму, не постилъ, таковый, по правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ, аще будетъ отъ священныхъ, да извержется, ащели міряпинъ, отъ собора вѣрныхъ да отлучится.

8) Совокупно рещи, сохраняется у насъ неизмѣнно то самое вѣры догматствованіе и все церковное чиноположеніе и богослуженіе, еже, прежде нежели западная церковь отъ восточной раздѣлилася, вселенскими соборы утвержденное, святымъ же и равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ кіевскимъ, въ 6496 году, отъ грекъ во всей цѣлости принятое, и которое существовало въ Россіи всеобдержно и неизмѣнно даже до перемѣнъ церковныхъ книгъ бывшимъ московскимъ патріархомъ Никономъ 7163 года. А дабы вышереченные догматы вѣры и церковное чиноположеніе и Богослуженіе точно содержалося, святая вселенская церковь утверждаетъ въ слѣдующихъ запрещеніяхъ, сице:[3]) „аще убо дерзнетъ кто инако вѣровати, или развращати что либо отъ сущихъ въ церкви, держимыхъ по первымъ обычаемъ святыхъ отецъ и благочестивыхъ царей, аще святители суть да извержени будутъ и прокляти, аще ли же иноцы и простіи люди, тою же клятвою осуждени будутъ.“ И паки, святый Леонтій папа римскій въ поученіи своемъ глаголетъ;[4]) „смѣющихъ инако мудрствовати, или по мерзскихъ еретикъ церковная преданія презирати, новая же нѣкая разумѣвати, или отложити нѣкое отъ чина церковнаго, Евангеліе, или знаменіе креста, или прочее что, аще епископи суть, или клирицы, изметати повелѣваемъ, аще ли же иноцы, или бѣльцы, отъ причащенія да отлучатся: святый соборъ сія предалъ есть.“ Наипаче же[5]) святый Іоаннъ Златоустъ во апостольскихъ бесѣдахъ пишетъ сице: „егда Павла реку, Христа паки глаголю, той бо бяше движа егову душу.“ Павелъ бо „не рече: аще противная возвѣстятъ, или превратятъ все, но: аще и мало нѣчто благовѣствуютъ, паче еже благовѣстихомъ, аще и мало что подвигнутъ, анаѳема да будутъ.“[6]) Страшнѣйшимъ же словомъ заключаютъ восточніи вселенскіе патріархи къ Ѳеофилу царю греческому, въ соборномъ многосложномъ свиткѣ, сице: „проклятъ разоряяй уставы отеческіе, и непремѣнные уставы церковные, яже положиша отцы твои.“

Отъ сицевыхъ богодухновенныхъ писаній, на какой они конецъ толико оберегательно къ намъ возглашаютъ, достоитъ внимати и вразумлятися, яко-

---

[1]) Номоканонъ святыхъ отецъ Аѳонскія горы, въ правилѣхъ о вселѣтнемъ постѣ.

[2]) Кормчая отъ правилъ святыхъ Апостолъ 69, и прочихъ святыхъ соборовъ.

[3]) Книга Соборникъ, отъ многосложнаго свитка восточныхъ святыхъ отецъ числомъ 1455 подписавшихся, глава 28, листъ 391.

[4]) Въ Евангеліи толковомъ, святый Леонтій папа римскій, въ недѣлю 1-ю поста.

[5]) Бесѣда 1-я на посланіе 1-е къ галатамъ, зач. 199, стран. 1477, глава 1, стихи 7, 8 и 9.

[6]) Соборникъ, глава 28, листъ 389.

же, напримѣръ, елико къ сохраненію убо цѣлости винограда необходимо нужно есть бдительно хранима ограда, толико наипаче и несравненно нужно есть къ ненарушимому соблюденію цѣлости закона Божія точно хранить добрѣ утвержденная святыхъ отецъ церковная преданія. Ибо аще бы сія церковныхъ догматъ ограда отъ начала опасно всюду всѣми блюдома была, то не бы едино стадо единаго пастыря Іісуса Христа на многія секты раздѣлялося. Тѣмъ убо мы да пребудемъ въ ненарушимомъ соблюденіи древнихъ церковныхъ преданій, присно молящеся къ сему доброму пастырю,[1] иже на взысканіе заблуждьшей и волкохищной овцы отъ небесъ даже до ада сшедшему, и, обрѣтше, на рамо свое воспріемшему и радостно въ домъ къ Отцу своему принесшему, да не только насъ униженныхъ не оставитъ отъ истиннаго его пути заблудити,[2] но да и иныхъ всѣхъ, яже не суть отъ двора его, спасительнымъ своимъ промысломъ соберетъ и во едину божественную православныя его вѣры ограду приведетъ, и тако да будетъ, по Божественному его слову,[3] „едино стадо, и единъ пастырь."

ГЛАВА II.

О первоначальномъ монастыря расположеніи, переселеніи, судебномъ на его наслѣдственное имущество рѣшеніи, о количествѣ и плодоприношеніи монастырскихъ грунтовъ и о прочихъ пріобрѣтаемыхъ доходахъ, и о содержаніи монастырскихъ жителей.

I. Первоначальное расположеніе и переселеніе монастыря, и судебное рѣшеніе на его наслѣдственное имущество.

1) Сей, въ Бѣлой-Криницѣ, буковинскаго цыркула, нынѣ состоящій старовѣрской монастырь, по изустномъ повѣствованіи старѣйшихъ нашихъ людей, существовалъ иногда, до 1783 года, въ турецкихъ предѣлахъ, при нашихъ старовѣрскихъ, сущей россійской природы, христіянскихъ обществахъ, за Дунаемъ, близъ Чернаго моря расположенныхъ (хъ). А какъ предъ тѣмъ временемъ, изъ числа оныхъ обществъ, нѣкоторые на Дунаѣ занимались рыбною ловлею, и нечаянно увидѣли нѣкотораго страннаго, повидимому благороднаго господина, по мнѣнію ихъ, отъ разбойниковъ гонима и даже постижена: тогда оные рыболовы бросились ему на помощь, и храбрымъ ихъ успѣхомъ спасли его отъ рукъ тѣхъ злодѣевъ и смерти. Спасенный же той господинъ, усердно желая спасшимъ его достойно возблагода-

---

[1]) Лука глава 15, зач. 78, стихи 4, 5 и 6.
[2]) Іоаннъ гл. 10, зач. 36, стихъ 16.
[3]) Стихъ тойже.

рить, сказалъ имъ, да просятъ они у него, какую только хотятъ за спасеніе его награду; помянутые же рыболовы смиренно ему отвѣтствовали, что они въ семъ случаѣ, не иное что, какъ только долгъ христіанскаго закона исполнили, и того ради никакой награды не желаютъ. Однакожъ, онъ неотступно убѣждалъ ихъ, согласиться къ желанію какой либо награды, но до тѣхъ поръ не могъ убѣдить ихъ, доколѣ не открылъ себя, что онъ есть чиновникъ австрійскаго императора, изъ столичнаго града Вѣны, и доколѣ наконецъ не предложилъ имъ, если они отъ него уже ничего не хотятъ принять, то не желаютъ ли что просить отъ самаго австрійскаго императора, гдѣ онъ самъ будетъ во всемъ ходатайствовать. Изъ таковыхъ словъ, да и по всему виду обхожденія его, уразумѣли помянутые рыболовы, что онъ долженъ быть чиновникъ высокаго сана, почему и рѣшились сказать ему, что они о семъ предложатъ своимъ обществамъ. И такъ на сей случай оставилъ онъ имъ, съ усерднымъ наставленіемъ, записку своего имени; самъ же, чювствительно благодаря имъ, съ удовольствіемъ отправился въ предпріятый свой путь.

Съ предложенія же оныхъ рыболововъ, помянутыя общества немедленно сдѣлали совѣтъ, на которомъ единодушно заключили просить отъ его величества австрійскаго императора всемилостивѣйшее благоволеніе на свободное въ австрійскихъ предѣлахъ пребываніе, съ наблюденіемъ въ точности древле-греческаго христіанскаго закона и совершенной вольности своему духовенству, для того и избрали изъ числа ихъ двухъ изрядныхъ депутатовъ, а именно: Александра Алексѣева, и Никифора Иларіонова, послали ихъ со всепокорнѣйшимъ прошеніемъ въ столицу Вѣну, гдѣ, по неложному обѣщанію и сильному ходатайству онаго великаго чиновника, по ихъ желанію всевысочайшая привеллегія отъ его величества, бывшаго государя царя римскаго, Іозифа II-го всемилостивѣйше и дана въ 9 день Октября 1783 года, слѣдующаго содержанія:

„Мы, Іозифъ вторый, Божіею милостію избранный римской императоръ, „всегдашній умножатель имперіи, король въ Германіи, въ Ерусалимѣ, Вен„гріи, Богеміи, Далмаціи, Кроаціи, Славоніи, Галлиціи и Лодомеріи, ерцъ„герцогъ въ Австріи, герцогъ въ Бургундіи, въ Лотарингіи, Стейермарку, „Коринтіи и Крайну, великій герцогъ въ Тосканѣ, великій князь въ Седмо„градской земли, марк-графъ въ Моравіи, герцогъ въ Брабантѣ, Лимбур„гѣ, Луксембургѣ и въ Гелдернѣ, Виртембергѣ, вышней и нижней Силезіи, „Майландѣ, Мантовѣ, Пармѣ, Плацентѣ, Гвасталѣ, Аушпицѣ и Заторѣ, „Калабріи, Баррѣ, Монтфератѣ и Тешенѣ, князь въ Швабіи и Шарлевиллѣ, „княжншій (gefürsteter) графъ въ Габсбургѣ, Фландріи, Тиролѣ, Генегавѣ, „Кибургѣ, Гориціи (Görz) и въ Градискѣ, марк-графъ святой Римской импе„ріи, въ Бургавѣ, въ вышней и нижней Лаузицахъ, Понтѣ-а-Муссонѣ и Номенѣ, „графъ въ Намурѣ, Провинціи, Водемонтѣ, Бланкенбергу, Цутфенѣ, Саар„верденѣ, Салмѣ, Фалкенстейнѣ, государь Виндишмарка и Мехеля и проч.

„Даемъ Мы посредствомъ сего нашего своеручно подписаннаго указа при„шедшимъ двумъ депутатамъ, а именно: Александру Алексѣеву и Никифору „Иларіонову, ветхаго закона, въ нашу столицу Вѣну посланнымъ съ пору„ченною прозьбою къ намъ отъ живущихъ при Черномъ морѣ обществъ,

„дабы онымъ позволить перейти въ наши земли съ ихъ фамиліями и маетностьми, слѣдующее увѣреніе: будучи въ надеждѣ, что вышепомянутыя „общества, по ихъ пришествіи въ будущія жилища въ нашихъ земляхъ, во „всемъ такъ поступать будутъ, какъ наши собственные подданные

„1. Позволяемъ Мы совершенную вольность закона онымъ, ихъ дѣтямъ, „потомкамъ и духовенству.

„2. Свобождаемъ Мы оныхъ 20 годъ отъ всѣхъ податей.

„3. Даемъ Мы онымъ освобожденіе отъ всякаго воинскаго житія.

„4. По прошествіи вышеупомянутыхъ 20-ти годъ, наложимъ Мы онымъ „равныя подати, какія наши подданные платятъ, соотвѣтствующія ихъ будущему имѣнію. Въ увѣреніе и подтвержденіе сего подписали Мы своеручно и приложили нашу тайную печать. Дано въ нашей столицѣ Вѣнѣ 9 дня „октября въ 1783 году, нашего римскаго владѣнія въ 20-мъ, а наслѣдныхъ „земель владѣнія въ 3-мъ году. Іозифъ“

„Андрей графъ Гаддикъ, императорскій королевскій генералъ-фелдмаршалъ.“

„По указу его императорскаго королевскаго величества Лудвигъ Тиркенгеймъ, императорскій королевскій совѣтникъ“.

Итакъ, по возвращеніи помянутыхъ депутатовъ изъ Вѣны съ сею, здѣ отъ слова до слова точно написанною, всевысочайшею грамотою, собрались многія тѣхъ обществъ семействы и, подъ предводительствомъ первѣйшаго изъ нихъ старовѣра Иларіона Петровича, принявше съ собою, согласно 1-му пункту вышеприсанной привелегіи, двѣнадцать иноковъ, съ игуменомъ ихъ Сvмеономъ, перешли отъ Чернаго моря въ австрійскіе предѣлы и поселились въ буковинскомъ цыркулѣ, на государственномъ грунтѣ,— мірскіе старовѣры (здѣсь же неизвѣстно почему прозваны липованы) на урочищи Варницы, при бѣломъ животекущемъ источникѣ, котораго вода и донесь бѣлой видъ имѣетъ, потому и селеніе ихъ восприяло наименованіе: Бѣлая-Крыница; а иноки соорудили для себя монастырь, отъ сего селенія въ разстояніи четверть мили, на полянѣ, состоящей подлѣ государственнаго лѣсу, на урочищи Тернавкѣ, идѣже и жительствовали лѣтъ двадцать.

2) Но какъ тогдашніи иноки, по неоднократному нападенію злодѣевъ, много обижаемы были, и когда уже одинъ отъ нихъ до смерти убитъ былъ, тогда оставшіися иноки вынуждены были перенестись съ того мѣста, съ монастырскимъ заведеніемъ и со всѣми его принадлежностями, какъ то: древле-печатными книгами, иконами, колоколами, всею церковною утваріею и прочимъ имуществомъ, въ самое село Бѣлую-Криницу, гдѣ они и приняты были тогдашнимъ жителемъ, старовѣромъ Иларіономъ Петровичемъ, въ свое покровительство и защиту, и водворились своимъ монастыремъ на собственномъ его грунтѣ, которой въ 1818 году и дарованъ монастырю по духовному его завѣщанію въ вѣчное владѣніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ домъ и все прочее имущество безъ остатку, о чемъ удостовѣряетъ декретъ думеніи Кочурмаре подъ № 1594, основывающійся на судебномъ рѣшеніи к. к. буковинскаго форум-нобилиума, 5 Февраля 1821 года, № 247.

И такъ монастырь на семъ грунтѣ при жизни Петровича лѣтъ 15, а по смерти его до днесь 22 года пребываетъ; всего же пребыванія монастыря здѣсь въ Буковинѣ составитъ пятьдесятъ семь лѣтъ.

II. Количество и плодоприношеніе монастырскихъ грунтовъ.

Первой монастырской грунтъ, что съ самаго начала обсѣдланности разчищенный собственно иноческими трудами, количествомъ 40 іоховъ, 579 саж. 11 шу., отдаемой на хлѣбопашество своимъ старовѣрамъ, съ котораго и получаетъ монастырь отъ хлѣбопашцовъ въ продовольствіе свое разный хлѣбъ чистымъ зерномъ.

Другой грунтъ, количествомъ 5 іох. 467 саж. 2 шу., занятой растущими разными фруктовыми деревами, а въ срединѣ его между деревъ расположенъ самый монастырь: сей грунтъ, какъ выше означено, достался въ вѣчность монастырю отъ покойнаго старовѣра Иларіона Петровича на поминокъ души его.

Третій грунтъ, количествомъ 4 іох. 43 саж. 9 шу., весь занятъ также растущими разными фруктовыми деревами, дарованной въ вѣчность монастырю сему по духовному завѣщанію, учиненному въ 3 день августа 1840 г., дѣвицею Евдокіею Ефимовою, по заповѣди покойнаго (умершаго) родителя ея, старовѣра Ефима Павлова, на поминокъ души его, равно и ея.

Прудовъ рыбныхъ два: одинъ на рѣчки Тернавки, издавна устроенной собственно иноками, а другой по духовному завѣщанію дарованной вышереченною дѣвицею Ефимовою въ вѣчное монастырю владѣніе.

III. Пріобрѣтаемая съ грунтовъ польза на сколько человѣкъ достанетъ.

Пріобрѣтаемой на продовольствіе монастырскихъ жителей доходъ составляется изъ нижеслѣдующаго:

1. Съ собственнаго монастырскаго грунта получаемый монастыремъ разный хлѣбъ чистымъ зерномъ и конопляное сѣмя на продовольствіе монастырскихъ жителей достаетъ въ годовую препорцію съ излишествомъ.

2. Съ монастырскихъ значительныхъ фруктовыхъ садовъ ежегодно за продаваемые фрукты получаемая сумма опредѣляется на покупку одежды, дровъ, и на прочія монастырскія потребности.

3. Съ рыбныхъ двухъ прудовъ удовлетворяется монастырь рыбою во всякое время сколько потребно.

4. Съ огородовъ собираемая разная зелень приготовляется монастырскимъ жителямъ для брашна на цѣлый годъ, а изъ садовой суши навсегда дѣлается для питія квасъ.

Итакъ весь таковой доходъ можетъ ежегодно продовольствовать монастырскихъ жителей своимъ иждивеніемъ до 25 человѣкъ.

Сверхъ же всего вышеписаннаго, отъ усердствующихъ доброхотныхъ дателей нашихъ христіянъ приносимый на Богослуженіе церковной доходъ поступаетъ на церковное украшеніе и на покупку деревяннаго масла.

А въ потребности хозяйственныхъ разныхъ работъ и мастерства исправляется монастырь своими ремесленниками.

IV. Воздержность обыкновенная.

Вся монастырская братія, вкупѣ и настоятель, удовлетворяются обыкновенно по хозяйственному своему обзаведенію приготовленною постною пищею за общею трапезою; рыба же, млеко, масло, сыръ и яицы поставляются на трапезу въ дни разрѣшенные; а хмѣльныхъ напитковъ, кромѣ торжественныхъ случаевъ, никогда. Касательно же мяса правила святыхъ отецъ всякому, изволившему Бога ради иночествовати, во избѣжаніе плотскихъ страстей строго запрещаютъ не ясти во вѣки.[1]) Аще ли инокъ дерзнетъ ясти мясо, да постится лѣтъ дванадесятъ, причащаяся Святыхъ Таинъ трижды въ годъ, и творитъ за оное преступленіе, сверхъ всего правила, по пятьдесятъ поклоновъ на всякой день.

V. Пища.

На соборной трапезѣ поставляются брашна въ пищу братіямъ, въ разрѣшенные дни, *дважды* днемъ: *въ обѣдъ* четыре перемѣны яствъ, съ конопляннымъ масломъ приготовленныхъ: 1) студеное, совокупленное изъ бѣлой капусты съ картофилію, или огурцами, съ квасомъ; 2) щи изъ бураковъ, или капусты вареныя; 3) похлебка изъ картофили, или фасоли, или изъ крупъ, а въ недѣли и праздники вмѣсто похлебки дѣлается лапша изъ пшеничной муки; и наконецъ 4) брашно крупяная каша, или мамалыга, или картофиль, или вмѣсто сихъ печеные пироги. А *къ ужину* не приготовляются новыя брашны, но только три перемѣны поставляются оставшихся отъ обѣда яствъ.

Во всѣ же четыре поста, равно и во весь годъ въ среды и пятки, кромѣ разрѣшенныхъ дней, поставляется трапеза *единожды* днемъ изъ вышереченныхъ брашенъ четырехъ перемѣнъ: вариво вмѣсто постнаго масла съ конопляннымъ сокомъ, а каша, или мамалыга, съ прихлебкою вареной суши садовой; въ особыхъ же двухъ великопостныхъ, первой и послѣдней, седмицахъ, сухояденіе; а желающіи причащатися Святыхъ Таинъ всегда предъ причащеніемъ говѣютъ по одной седмицѣ также сухояденіемъ, то есть: единожды на день ядятъ одинъ хлѣбъ сушеной съ теплою водою, или обыкновенной хлѣбъ съ квасомъ.

---

[1]) Книга правилъ, Матѳея правильника, гл. 197.

А сверхъ того, трудящіися въ тяжелыхъ монастырскихъ трудахъ, или будутъ старые, или слабые, егда не поставляется вторая трапеза, аще требуютъ на укрѣпленіе утомленнаго своего тѣла и въ вечеръ ясти, то, по 19 правилу Никифора патріарха цареградскаго, съ обычною молитвою ядятъ; наблюдаютъ же непремѣнно особыя великопостныя седмицы, и еще когда причащаются Святыхъ Таинъ, по вышереченному.

Въ прочемъ же, сверхъ сего о запрещеніяхъ и разрѣшеніяхъ, руководствуется настоятель по правиламъ святыхъ отецъ, въ древнихъ типикахъ изображенныхъ (мъ).

VI. Одежда.

1. Одежды пышныя, какъ то: шелковыхъ цвѣтныхъ матерій и прочихъ мягкихъ одѣяній, собольихъ, или волчьихъ тулуповъ и тѣмъ подобныхъ соблазнительныхъ, подъ строгимъ запрещеніемъ не смѣютъ не только изъ братіи кто, но и самъ настоятель носить, хотябы кто и собственно свой достатокъ на то имѣлъ, да не подручницы бѣсомъ будемъ, по глаголу святыхъ отецъ, безмѣрной пышности ради и тщеславія. Обаче и въ гнусныхъ одеждахъ инокамъ не только на сторону, но и на монастырѣ ходить не попускается, а наипаче на соборную молитву въ церковь Божію долженъ всякъ входить во всякой чистотѣ и опрятности, въ кротости и со всякимъ благоговѣніемъ. Во время же черной работы одѣваются въ холщевыя халаты, или худыя одежды.

2. Одежды инокамъ всегда имѣть умѣренныя, черныя и приличныя иноческому сану: поелику иноцы обязаны силою священнаго повелѣнія подражать вольной нищетѣ и смиренію Спасителя нашего Іисуса Христа. По сему должны удовлетворяться вся братія, вкупѣ и настоятель, необходимо только нужными вещами, какъ то каждому имѣть: а) для покрытія главы двѣ камилавки и два каптыря, новыя и ветхія. Камилавка должна быть невысокая, круглою скуфьею, верхъ изъ черной матеріи, къ ней снизу пришитъ обручикъ круглой изъ чернаго агньчьяго смушка (еже есть смиреніе), во образъ терноваго вѣнца Христова, которую инокъ не долженъ снимать съ главы никогда и ни предъ какимъ лицомъ, а только снимаетъ въ причащеніи святыхъ таинъ и на прочихъ мѣстѣхъ Божіей службы по уставу; во время же нощнаго спанія перемѣняетъ ю легкою скуфьею. А каптырь, имѣющій два крыла, сшитой изъ черной матеріи, тонкой волны, покрываетъ сверху камилавку, власы, рамена, и руки, во образъ куколи младенческаго незлобія. А инокамъ-схимникамъ, сверхъ того, по одной схимѣ съ нашитыми крестами.

б) Мантій, изъ таковой же волненной матеріи, короткихъ двѣ, новая и ветхая; а для церковныхъ служителей еще по одной соборной, т. е. длинной съ сборами; иноческая же мантія есть обрученіе ангельскаго образа.

в) Парамандъ одинъ, четыреугольной, съ нашитымъ крестомъ, къ нему же на шнуркѣ привѣшенъ древянной небольшой крестъ: парамандъ всякъ

инокъ носитъ за плечьми сверхъ рубашки (въ послушаніе зовшаго:[1]) „пріидите ко мнѣ“ и: „возмите иго мое на себе,“ и проч.), а крестъ на персѣхъ, подъ рубашкою, въ подражаніе рекшаго:[2]) „язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ношу.“

г) Лѣстовица для богомоленія одна.

д) Поясъ ременной съ пряжкою, во образъ умерщвленія плоти: сихъ выдается два.

е) Одеждъ верхнихъ: лѣтнія двѣ, праздничная и всегдашняя, и третія зимняя теплая, а для трудовъ лѣтнихъ холщовой халатъ.

ж) Рубашекъ длинныхъ три, и три короткихъ исподницъ.

з) Сапогъ одна пара, и пара башмаковъ съ чулками.

и) Два утиральника и платокъ носовой.

і) Каждому особо постель, изъ холста сшитая, или паче войлокъ изъ волны, изъ холста же и возглавіе съ двума наволочками, а одѣяло изъ простаго сукна. Также и случайно какія кому востребуются необходимыя вещи, все то казначей выдаетъ отъ общей казны, съ благословенія настоятельскаго. Всякая же вещь, даже и малѣйшая, принимается изъ казны съ благословеніемъ, а безъ благословенія отнюдьниктоже изъ братства не долженъ ничего казеннаго въ келіи своей держать, ни иголки, ниже нитки.

3. Настоятель, аще восхощетъ, можетъ отъ общей казны имѣть верхнія одежды нѣсколько превосходнѣе рядовыхъ братій, однакожъ не излишнее число оныхъ.

4. Если же кто изъ братіи потребуетъ изъ казначейства какую либо вещь, на перемѣну обветшалой, новую: то не прежде получитъ новую, дондеже представитъ старую, хотя и очень ветха будетъ.

5. Буде же кто сими вышеозначенными, отъ общей казны устроенными вещами будетъ недоволенъ, имѣетъ же свой достатокъ, изъ того самъ да удовлетворитъ свою потребу, согласно снисхожденію святаго Іосифа Волоколамскаго, во главѣ 14-й устава его, въ 3-мъ запрещеніи, но не безъ благословенія, а паче да объяснитъ свою потребу на соборѣ; не истязуется же той никакимъ наказаніемъ за превосходящее число одеждъ, егда только будутъ не соблазнительны и не выше мѣры во мнимой пышности, которыя, какъ выше речеся, отнюдь никому не попускаются. Аще же кто по достатку капитала своего самъ себѣ хотя одну одежду дороже и отличнѣе настоятеля устроитъ, то таковый, за самолюбное его отличіе, лишается всѣхъ прочихъ ему отъ общей казны слѣдующихъ верхнихъ одеждъ. Посему же образу наблюдая, удерживать также и отъ другихъ отличныхъ вещей, какъ то: рубашекъ, обуви, наипачеже иноческихъ облаченій; а когда таковый самолюбіе то оставитъ, тогда и отъ общей казны наравнѣ съ братіями удовлетворяется.

---

[1]) Мѳ. 11, зач. 43, стихи 28, 29 и 30.
[2]) Галатомъ 6, зачало 215, стихъ 17.

ГЛАВА III.

О монастырскомъ общежительномъ благочиніи.

I. Время Божественнаго послѣдованія службы.

Теченіе Божественной повседневной службы начинается пополудни въ 4 часу и продолжается: четыре канона и акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ, сряду же вечерня великая съ павечернею, два часа съ половиною; аще ли малая, 2 часа. Послѣ вечерней трапезы читаются окончательныя молитвы павечерницы и молитвы спальныя, потомъ соборное другъ съ другомъ прощеніе полчаса, и такъ непремѣнно въ 8 часу всѣмъ расходъ по келіямъ. Утренняя же служба начинается, вкупѣ съ полунощницею, такимъ расположеніемъ: если будетъ бдѣніе празднику великому, или недѣльное, — съ 12 часу, бдѣніе святымъ—съ 1 часу, утреня полiелеосная—съ 2 часу, рядовая—съ 3 часу пополуночи, и всѣ оканчиваются въ шесть часовъ утра. Часы съ литургіею продолжаются два часа съ половиною, а въ праздничные дни—3 часа; кромѣ же литургіи и праздника, часы съ почасіемъ полтора часа; а въ великій постъ, въ немже бываетъ воспоминаніе вольныя страсти Іисусъ Христовы, тогда въ теченіи седми седмицъ, кромѣ суботъ и недѣль и праздниковъ, полагаются поклоны, вмѣсто поясныхъ, непремѣнно всѣ земные, якоже и самъ Христосъ, егда готовляшеся на вольное страданіе, молился ко Отцу своему [1]), падъ на лицы своемъ, и моляшеся въ подвизѣ прилѣжнѣ, такъ что бысть [2]) потъ его, яко капля крови, каплющая на землю. Итакъ въ теченіе великаго неоимога полагается на разныхъ статьяхъ 62 поклона, въ полунощницу—42, въ утреню—57, въ 1, 3, 6 и 9 часы съ вечернею—241, аще ли литургія преждеосвященная будетъ,—еще 23 поклона, такъ чтобы выходило по уставу за все теченіе службы въ сутки 425 поклоновъ до земли.

II. Составленіе монастырскаго духовнаго совѣта.

1. Монастырской духовной совѣтъ основанъ на словахъ самаго Спасителя нашего Іисуса Христа, рекшаго къ своимъ 12 Апостоломъ: [3]) „вы друзи мои есте; не ктому глаголю васъ рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ господь его, васъ же рекохъ други, яко вся, яже слышахъ отъ Отца моего, сказахъ

[1]) Матѳ. глава 26, зач. 108, стихъ 39.
[2]) Лука гл. 22, зач. 109, стихъ 44.
[3]) Іоан. глава 15, зач. 51, стихи 14 и 15.

вамъ"; и паки рече: [1]) „не могу азъ о себѣ творити ничесоже". Тѣмже и настоятель, подражая своего Спасителя, самъ о себѣ не долженъ творити ничесоже; обаче и не о всѣхъ дѣлахъ собирать всю братію и творить сужденіе, наипаче которыя дѣла особаго распоряженія могутъ обходиться и исполняться и кромѣ соборнаго всѣмъ извѣщенія. Подобаетъ бо съ тѣми только первѣйшими соборными старцами, которымъ по соборному избранію вручено монастырскихъ должностей завѣдованіе, во всякомъ дѣлѣ совѣтовать, во упованіи томъ, что они имѣютъ преимущественно предъ другими благоразсужденіе и достоинство, яко же и самъ Спаситель нашъ Іесусъ Христосъ рече къ 12-ти точію своимъ Апостоломъ, сице: [2]) „вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго, [3]) а онымъ же не дано есть, въ притчахъ вся бываютъ".

2. Потому настоятель, егда встрѣтится какое либо дѣло, первѣе собираетъ духовный совѣтъ, который составляется, въ присутствіи его, изъ прочихъ достойнѣйшихъ 4 иноковъ, кои съ общаго собора преимущественнѣе въ разсужденіи къ совѣту избраны будутъ; а по усмотрѣнію настоятеля и важности дѣла, случаемъ, приглашаются и боліе, изъ числа достойныхъ иноковъ, по потребѣ же бываетъ и писмоводитель. Ащели на совѣтѣ усмотрятъ что для всей братіи полезно, или откроется между братіи какое судебное дѣло, или сами члены совѣта встрѣтятъ въ чемъ либо затрудненіе [4]) (занеже, по смотрѣнію Божію, иногда утаевается отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открывается та младенцемъ): тогда повелитъ настоятель быть собору, въ какой назначитъ день и часъ, слѣдующимъ чиномъ.

III. Общебратской соборъ.

1. Настоятель повелитъ дать перьвѣе повѣстку всѣмъ братіямъ и каждому по келіямъ, а егда пріидетъ часъ присутствія, повелитъ настоятель ударить въ колоколъ трижды; и егда соберутся вся братія, настоятель во первыхъ всѣмъ возглашаетъ о предлежащемъ дѣлѣ, и потомъ разсуждаютъ соборнѣ, какъ Богъ управитъ ихъ смыслъ, гдѣ имѣютъ волю, по Духу правому, подавать голосъ всякой, отъ перваго и до послѣдняго.

2. На семъ соборѣ разсматриваютъ всѣ дѣла, какъ объ учрежденіи монастырскомъ, такъ и о томъ, аще окажется кто неспособенъ въ своей должности,—казначей, или экономъ, или въ прочихъ которыхъ должностяхъ, даже хотя бы и самъ настоятель, и того соборомъ смѣняютъ, и изъ среды себя достойнаго на ту должность паки избираютъ, сами въ томъ и утвержаютъ. Такъ же разсуждаютъ братію, мірянъ, и наказаніе имъ полагаютъ, сообразуясь повелѣніямъ святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ, якоже и святый

---

[1]) Іоан. глава 5, зач. 16, ст. 30.
[2]) Матѳ. глава 13, зач. 51, ст. 11.
[3]) Маркъ глава 4, зачало 16, стихъ 11.
[4]) Матѳ. глава 11, зач 42, стихъ 25.

Апостолъ Павелъ къ Тимоѳею пишетъ сице: [1]) „обличи, запрети, умоли, со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ". [2]) „Согрѣшающихъ же предъ всѣми обличай, да и прочіи страхъ имутъ". Обаче симъ чиномъ, по усмотрѣнію пользы душевной, можетъ и единъ настоятель наказаніе полагать прочимъ рядовымъ братіямъ, которые истинно по Бозѣ покаряются, въ случаѣ какого либо не весма важнаго проступка.

IV. Общее изреченіе къдолжностнымъ.

Вопервыхъ настоятель, такъ и всѣ должностные соборные старцы, согласно завѣщанію святаго Іосиѳа Волоколамскаго, главы 13, да взираютъ неусыпнымъ окомъ о наблюденіи по монастырю благочинія, всякъ по своей части, кому что по соборному врученію надлежитъ; да будетъ же всякъ дѣломъ аки огнь пылая, словами же сурово и властелински никого не принуждая, но убѣждать ко всякому дѣлу благосклоннымъ образомъ, самъ же уповая за сіе попеченіе получить не иную какую награду, но паче всего дабы въ страшное Христово пришествіе достойнымъ быти услышати отъ Владыки Христа оный сладкій гласъ: [3]) „добрый рабе благій и вѣрный, о малѣ бысть вѣренъ, надъ многими тя поставлю, вниди въ радость Господа своего".

За симъ слѣдуютъ должности особь каждаго.

V. Настоятель.

1. Настоятелю подобаетъ, согласно завѣщанію святаго Іосиѳа Волокаламскаго, главы 11, всяко тщаніе показати, не ино что, токмо о паствѣ попеченіе имѣти, также о церковномъ благочиніи, о соборной молитвѣ и о трапезномъ благоговѣинствѣ и, словомъ сказать, неусыпнымъ окомъ обзирая на весь монастырь, братію же побуждати (подая собою образъ) къ молитвѣ, трудамъ и прочимъ благимъ дѣламъ, и утѣшати братію, елико сила есть, богодухновенными словесы, какъ глаголетъ святый Пахомій: [4]) „яко подобаетъ пастырю крестъ Христовъ носити паче пасомыхъ, и правила соблюдати прежде самому, да и тіи соблюдутъ, подражая смиренію и заповѣди Спасителя Іисуса Христа, никогдаже помышляти, яко отецъ есть братіямъ: единъ бо отецъ есть, иже на небесѣхъ, и владыка всѣхъ".

2. Обаче настоятель, яко истинный монастыря хозяинъ, повелѣваетъ вообще всѣми по закону свободно, и въ случаѣ какого либо подозрительнаго за братіями замѣчанія, но и ради сбереженія, можетъ съ обычною молитвою входить во всякое время въ братскія келліи, [5]) и досматривать, нѣтъ ли

---

[1]) Къ Тимоѳ. 2 послан. гл. 4, зач. 297, стихъ 2.
[2]) 1 Къ Тимоѳ. глава 5, зач. 286, стихъ 20.
[3]) Матѳ. глава 25, зач. 105, стихъ 12.
[4]) Четь-минея маія 15.
[5]) Это есть сердце здраваго монастыря.

чего тамо иноку неприличнаго, буде же что обрящетъ у него неприличное иноку, да сотворитъ ему исправленіе духомъ кротости, по заповѣди святаго Апостола Павла, рекущаго: [1]) „братіе, аще впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы, духовніи, исправляйте таковаго духомъ кротости, блюдый себе, да не и ты искушенъ будеши". Аще ли, по 2 и 3 исправленіи, братъ не уцѣломудрится, да изведенъ будетъ на соборное сужденіе, по заповѣди того же Апостола Павла, въ посланіи къ Тимоѳею: [2]) „согрѣшающихъ же предъ всѣми обличай, да и прочіи страхъ имутъ".

3. Самому же настоятелю отлучаться изъ монастыря, аки кокошу съ гнѣзда своего, отнюдъ неполезно, развѣ самой нужной вины, егда требованъ будетъ въ случаѣ какой надобности, касающейся до его имянно, къ вышнему начальству, или по значительному какому дѣлу упрошенъ будетъ братіею на соборѣ куда ѣхать: только тогда, какъ истинно потребовалъ его долгъ, можетъ правою и непогрѣшительною совѣстію съ мѣста своего на время отлучиться, и долженъ, яко Бога ради и для общей пользы, о исполненіи касающагося дѣла вседушно стараться. Но дабы монастырь никогда безъ управленія и надзиранія настоятельскаго не оставался, долженъ есть настоятель свое, хотя и на нѣсколько минутъ за ограду монастыря бываемое, отсутствіе непременно намѣстнику возвѣстить, и до своего возвращенія управленіе и надзираніе монастыря ему препоручить.

4. Главныя же добродѣтели, паче всѣхъ инѣхъ, предстоятъ начальствующему имѣть три: 1) страхъ Божій, 2) правосудіе и 3) милостивное долготерпѣніе къ согрѣшающимъ. При томъ нужно нетолько одно правило своей обязанности, но и прочихъ должностныхъ старцевъ правила и даже весь монастырской уставъ твердо знать; а для нужнаго и яснаго освѣдомленія, при выборѣ въ какую кого-либо должность, правило его обязанности вычитать, тѣмъ его снабдить, и при обычномъ всесоборнѣ началѣ пожелать ему блага. Вновь же приходящимъ въ монастырское общежительство людемъ непремѣнно всѣ, касающіяся въ наставленіе къ исполненію ихъ, приличныя статьи сего устава на полномъ соборѣ прочитывать.

5) Настоятель надзираетъ, яко полный хозяинъ монастыря, и казначея, и егда восхощетъ повѣрнетъ все казначейство, и припасы, и архивъ, и всю братію долженъ видѣть вечеръ, и заутра и благословить [3]).

VI. Казначей.

Казначей завѣдуетъ всею общемонастырскою и особобратскою капитальною суммою и всѣмъ имуществомъ, въ казначействѣ хранящимся. Капитальная сумма хранится въ твердой скрынѣ, за казначейскимъ ключемъ,

---

[1]) Галат. глава 6, зачало 213, стихъ 1.
[2]) 1 къ Тимоѳею глава 5, зачало 286, стихъ 20.
[3]) Это есть жилы здраваго монастыря.

а за настоятельскою печатью. Казначей же распоряжается, съ настоятельскаго совѣта и благословенія, въ покупкѣ хлѣба, одежды, дровъ и прочихъ вещей, для разныхъ монастырскихъ потребъ, и ведетъ щетъ на весь приходъ и расходъ, который онъ ежегодно представляетъ монастырскому духовному совѣту. А наипаче всего наблюдаетъ о успокоеніи вравнѣ братію потребами, согласно положенію сего устава. При томъ еще казначей надзираетъ за ризничимъ и церковною архивою.

VII. Священноинокъ.

Священноинока долгъ, во первыхъ, по вышеозначенному сей главы въ первой статьѣ уставному чину, во всякой божественной службѣ рачительно и благоговѣйно священнодѣйствовать, кающихся грѣховъ на исповѣдь принимать, по повелѣнію настоятеля желающихъ во иночество постригать, и прочія касающіяся до священника христіянскія требы по древнимъ славянороссійскимъ требникамъ, служебникамъ и прочимъ церковнымъ книгамъ безъ всякаго измѣненія исполнять.

VIII. Іеродіяконъ.

Іеродіякона, или діякона долгъ рачительно, вкупѣ со священникомъ, во всякой божественной службѣ по вышеозначенному же чину священнодѣйствовать.

XI. Уставщикъ церковный.

Уставщикъ есть око церковное, по глаголу святыхъ отецъ. Завѣдуетъ онъ въ церкви правымъ крылосомъ и располагаетъ на своемъ крылосѣ, согласно церковному уставу, божественную службу въ слѣдующіе 4 дни: въ недѣлю, во вторникъ, четвертокъ и въ субботу, и въ праздники, прилучающіеся въ тыя дни. Безъ повелѣнія же его никакой чтецъ и пѣвецъ не долженъ на его крылосѣ во время службы читать, ниже книгъ разкрывать и въ нихъ что либо праздно смотрѣть; взыскиваетъ же съ крылошанъ, если кто вначалѣ не пріиметъ отъ настоятеля благословенія, начнетъ читать, или по прочтеніи не учинитъ прощенія, впервыхъ къ настоятелю, и потомъ къ ликомъ, пообычаю. Надзираетъ же, дабы и другой ликъ не въ свою очередь впередъ пѣть и читать не начиналъ, но и начальникъ лѣваго крылоса, то есть головщикъ, долженъ по совѣту его какую службу въ свои дни на своемъ крылосѣ править. И вообще уставщикъ наблюдаетъ по церкви, чтобы псаломное и канонное чтеніе чтомо было умѣренными гла-

сомъ, не весьми спѣшно и не очень косно; равно и въ пѣніи ваблюдалась бы стройность, а козлогласія отнюдь въ церкви не попускаетъ, ибо писано есть: всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ, проклятъ.

X. Головщикъ.

Головщикъ завѣдуетъ лѣвымъ крылосомъ, располагаетъ, такъ же согласно церковному уставу, божественную службу въ слѣдующіе три дни: понедѣльникъ, среду и пятокъ, обаче съ совѣтомъ уставщика, когда какому дню, или празднику, какая служба принадлежитъ, и, какъ начальникъ лѣваго крылоса, наблюдаетъ надъ своими крылошанами стройность въ чтеніи и пѣніи, и прочее все благочиніе, равнымъ образомъ, какъ означено выше уставщику.

XI. Ризничей.

Ризничей завѣдуетъ всею утваріею церковною, хранитъ книги, сосуды, священно-служительскія облаченіи, пелены, наблюдаетъ же и святыя иконы, и содержитъ архивъ за своимъ ключемъ и казначейскою печатью, имѣетъ же себѣ въ помощь пономаря, который, егда приспѣетъ время церковной службы, приходитъ къ настоятелю и, принявъ благословеніе, звонитъ въ одинъ колоколъ, потомъ дѣлаетъ трезвонъ по уставу, и приготовляетъ въ церкви къ начатію службы порядокъ: засвѣщаетъ свѣщи и лампады, и наблюдаетъ по церкви чистоту. Ризничей же въ праздники великіе отличаетъ оную большимъ благолѣпіемъ, а наипаче строго наблюдаетъ, дабы свѣщи по изходѣ изъ церкви не оставались съ огнемъ.

XII. Соборный старецъ, надзирательный за благочиніемъ.

Соборный старецъ наблюдаетъ въ церкви, во время всякой службы, о благовѣйномъ предстояніи за всею братіею. Для того стоитъ онъ ближе привходными дверми, дабы видѣлъ, всѣ ли пришли въ церковь; аще ли же кто не пришелъ, за тѣмъ посылаетъ будильника, который обыкновенно долженъ прилично возбуждать: стукнувъ до трижды, возгласитъ молитву Іисусову, и получивъ въ отвѣтъ: аминь,—изречетъ ему сице: „востани отче (аще равенъ ему, именуетъ братомъ), время пѣнія и молитвѣ часъ.“ Итакъ дабы всякой пришелъ въ церковь, и становился чинно на своемъ мѣстѣ, стоялъ бы кротко, ни бесѣдуя, ни шепча другъ съ другомъ, кромѣ благословной вины, и не изходилъ бы вонъ изъ церкви до скончанія службы, развѣ крайнія ради нужды.—Аще ли кто во время начала службы, или чтѣнія Апостола, Евангелія, Символа вѣры, Отче нашъ, Достойно есть, Ексапсалмовъ, Ака-

фиста, и Херувимской пѣсни, въ церковь внидетъ, то не попускаетъ полагать ему обычнаго начала седми поклоновъ, но да стоитъ той близь дверей, и слушаетъ со страхомъ и вниманіемъ до скончанія статьи, и потомъ, егда уже станетъ на мѣстѣ своемъ, да сотворитъ обычнаго начала поклоны. А по окончаніи всякой службы сей старецъ остается въ церкви, дондеже вси изыдутъ, да не будетъ отъ оставшихся въ церкви праздныхъ бесѣдъ; наипаче же никому не попускаетъ на монастырѣ крамолить, ниже безобразно къ кому либо закричать. А при томъ, по всякой вечери, послѣ соборнаго прощенія и отпуска, обходитъ по монастырю, и ежели увидитъ на монастырѣ, или при которой келіи, кіихъ братій праздно бесѣдующихъ, то запрещаетъ имъ. Аще ли, паче чаянія, кто его ослушается, о томъ заутро настоятелю возвѣщаетъ. Надзираетъ же и вратаря, дабы онъ во свое время запиралъ и отворялъ монастырскія врата.

XIII. Писмоводитель.

Писмоводитель исправляетъ всѣ писменныя монастырскія дѣла, какія только гдѣ требуются. Присутствуетъ же въ духовномъ монастырскомъ совѣтѣ и на соборѣ.

XIV. Экономъ.

Экономъ распоряжается монастырскими обзаведеніями, по огородамъ: въ саженіи зелени, въ снятіи плодовъ и сѣна и прочаго. Соблюдаетъ въ экономіи своей всѣ вещи, требующіяся къ произведенію разныхъ монастырскихъ работъ, какъ то: топоры, копаницы, косы пилы, и прочіе рабочіе инструменты; распредѣляетъ и братію, съ благословенія настоятельскаго, когда потребно и на какую работу; надзираетъ же и конюха, коему вручены убирать монастырскіе кони, и сбруя и всякая упряжъ. Аще ли кто, паче чаянія, не послушаетъ его въ нарядѣ, то онъ самъ нимало не крамолитъ, а въ тотъ часъ настоятелю возвѣщаетъ.

XV. Келарь.

Келарь завѣдуетъ всѣми съястными припасами, что приготовлено будетъ отъ казначея и представлено ему въ кладовую каюту. Онъ долженъ благовременно окончить въ церкви молитву, пріемлетъ благословеніе отъ настоятеля о томъ, какое въ настоящій день для братіи уготовлять брашно, и возметъ огнь отъ лампады храмовой иконы, съ обычными предъ иконою поклонами, и потомъ, поклонясь по обычаю на обѣ страны, отходитъ въ келарню. Имѣя себѣ помощниковъ, распоряжается вполнѣ по келарнѣ и трапезѣ: келарню топитъ для варенія брашна только единожды на день; а въ трапезѣ благовременно уготовляетъ столъ, со всѣмъ приборомъ. Во время же трапезованія братіи наблюдается глубокое молчаніе, такъ что ни-

кто не можетъ ни о чемъ говорить, а всѣ внимательно слушаютъ чтенія жертвенника, даже и самъ настоятель; о перемѣны(ѣ) брашна не говоритъ, но только ударяетъ въ колоколецъ; въ служеніи же трапезѣ предстоитъ одинъ отъ келарскихъ помощниковъ. При томъ келарь обязачъ, ни подъ какимъ предлогомъ по келіямъ никому отнюдь брашна не давать, развѣ кто занеможетъ; болящимъ же, которые до трапезы пріити не возмогутъ, таковымъ выдаетъ потребное чрезъ больничнаго служителя.

XVI. Инокъ совершенно постриженной и схимникъ.

Совершенно постриженнаго инока долгъ: ежедневно ходить въ церковь и слушать всю сполна въ теченіи церковнаго круга, по вышеозначенному возслѣдованію, Божію службу; да сверхъ того несетъ онъ келейное каждодневное правило, то есть: полагаетъ въ сутки, съ Іисусовою молитвою, триста земныхъ поклоновъ, и шестьсотъ молитвъ Іисусовыхъ безъ поклоновъ, Пресвятой Богородицѣ сто поясныхъ и 50 земныхъ поклоновъ, 50 же поясныхъ святому Ангелу Хранителю. А егда посхимится, при исполненіи всей церковной службы несетъ вышереченное правило вдвое. Схиму же надѣваетъ въ соборное токмо служеніе, а камилавъ съ крестами носитъ всегда непремѣнно.

XVII. Трудники и послушники.

Монастырскіе трудники и послушники, занимающіеся въ общемонастырскихъ трудахъ, иноки, или бѣльцы, смотря по степени трудовъ, освобождаются отъ повседневнаго круга церковной службы; точію да не упускаютъ повечерняго отпуска и на нощь отъ настоятеля прощенія и благословенія. Востаютъ же вси живущіи въ монастырѣ до единаго вкупѣ на полунощницу и стоятъ до окончанія оной, а овые, смотря по свободѣ, стоятъ до отпѣтія: Богъ Господь, или до прочтенія Евангелія, и положивъ исходные поклоны, по чину, пріемши отъ настоятеля благословеніе, изходятъ изъ церкви на общемонастырскіе въ удобное время назначеные труды, и бываютъ въ занятіи до возвѣщенія чрезъ трикратное удареніе въ колоколъ къ обѣду, и пришедше въ трапезу, вкупѣ сотворяютъ и полуденную молитву къ трапезованію, еже есть: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, и прочее; и слушаютъ со вниманіемъ во время трапезованія чтенія Божественныхъ писаній; по обѣдѣ же отдаютъ Богу благодарныя молитвы, и тѣмъ исполняютъ они слѣдующій долгъ молитвы, по глаголу пророка: [1]) „азъ къ Богу воззвахъ и Господь услыша мя, вечеръ и заутра и полудне". Понеже и трапезованіе съ христіянскимъ благоговѣніемъ вмѣняется въ Богослуженіе, по глаголу Апостола, рекшаго: [2]) „аще убо ясте, аще ли

[1]) Псаломъ 54, стих. 17 и 18.
[2]) Коринѳ. гл. 10, зач. 147, стихъ 31.

піете, вся въ славу Божію творите". Имѣютъ же сіи трудящіися на полдняхъ и отдыхъ. А яко они лишаются сполна церковной службы, да не унываютъ, ниже да мнятъ, яко и монастырскій хлѣбъ туне ядятъ, ибо всѣ, истинно и со усердіемъ трудящіися, незазорно, по глаголу святаго Іосифа Волоколамскаго, свой имъ Богомъ подаваемой хлѣбъ ядятъ. Подобаетъ бо, по завѣщанію преподобнаго Евѳимія великаго, со внутреннимъ Богомысліемъ и тѣлесно трудитися, а наипаче юнымъ, да плоть повинуется духу. Праздный же, по заповѣди Апостола, да не ястъ, ибо и Іисусъ Сираховъ глаголетъ:[1]) „многѣй бо злобѣ научила праздность". Потому убо, трудящійся о Христѣ не только праздности убѣжитъ, но и, по глаголу Апостола Павла,[2]) другъ друга тяготу нося, исполнитъ законъ Христовъ, зане и самъ Христосъ[3]) „не пріиде, да послужатъ ему, но послужити". А въ недѣльные и праздничные дни бываютъ всѣ монастырскіе жители и наемницы отъ всякихъ трудовъ совершенно свободны и должны быть на молитвѣ за всею церковною службою непремѣнно. Келейное же правило, по силѣ каждаго трудящагося, съ разсужденіемъ евангельскаго отца полагается: ибо человѣколюбивый Богъ отъ трудящихся его ради со смиреннымъ послушаніемъ великаго количества молитвъ и поклоновъ не требуетъ, только бы былъ не празденъ и имѣлъ Евангельскую любовь ко всѣмъ, какъ въ самомъ началѣ первой главы явствуетъ, а при томъ дабы былъ въ чистосердечномъ откровеніи и послушаніи къ начальному своему отцу; аще ли кто подвигнется при ономъ и молитвенное бремя вкупѣ съ трудами понести, сугубы за то отъ Бога вѣнцы воспріиметъ.

XVIII. Призрѣніе больныхъ.

Буде кто изъ братіи тяжко заболитъ, такъ что самъ не возможетъ дойти въ трапезу, въ такомъ случаѣ, какъ скоро настоятель будетъ извѣщенъ, тотъ-часъ предлагаетъ въ братіи, кто Бога ради къ послуженію больнаго нарочито себя употребить изволитъ; аще ли изъ произволяющихъ никто за какимъ-либо случаемъ послужить не возможетъ, тогда повелитъ опредѣленному на сей случай способному послушнику, да служитъ больному со всякимъ усердіемъ, исполняя немедленно всякое его требованіе, что на пользу ему будетъ. Аще ли же больной потребуетъ чего либо для здравія его не полезнаго, и тогда служащій не отказываетъ ему, дабы болѣе не оскорбить его, и доложитъ настоятелю, или кому изъ старѣйшихъ свѣдущимъ, и тіи сами нелѣностно на утѣшеніе болящаго приходятъ, о полезномъ искусно ему совѣтуютъ и благими словесы почасту того утѣшаютъ.

---

[1]) Сирахъ 33, ст. 28.
[2]) Галат. 6, зач. 214, стихъ 2.
[3]) Матѳ. 20, зач. 81, стихъ 28.

XIX. Корреспонденція.

Въ нашемъ монастырскомъ общежительствѣ непремѣнно наблюдается, что братія безъ позволенія настоятеля, а настоятель безъ вѣдома намѣстника, никакихъ писемъ не пишутъ и никуда не посылаютъ; но всѣ, какъ на почту посылаемыя, равно и почтою присылаемыя письмы завсегда записываются въ почтовую книжку. Всѣ же съ почты и оказіями получаемыя письмы и повѣстки прежде доставляются къ самому настоятелю, который всякое распечатоваетъ и прочитываетъ, однакожь особобратскія непремѣнно при хозяинѣ, кому писмо принадлежитъ, а монастырскія и собственно настоятельскія при намѣстникѣ, и тогда же особобратскія писмы отдаются по принадлежности хозяину. За полученіемъ же присылаемыхъ чрезъ почту какихъ-либо присылокъ въ монастырь, или хотя особо коему лицу, казначей по долгу своему отправляется, съ довѣріемъ настоятельскимъ и съ почтовою книжкою, непремѣнно съ однимъ товарищемъ; если же важная надобность потребуетъ и самому настоятелю ѣхать, тотъ же порядокъ неизмѣнно наблюдаетъ.

ГЛАВА IV.

О запрещеніяхъ.

I. Присяга.

Гласомъ самого Христа Спасителя запрещено есть [1]) „не клятися всяко: буди же (рече) слово ваше ей ей, ни ни, лишше же сею отъ непріязни есть;“ въ противномъ же случаѣ, по правиламъ святаго Василія Великаго, имѣть будетъ отъ отца своего духовнаго канонъ:[2]) ротитель, иже есть клятвопреступникъ, крестъ цѣлуяй, 10 лѣтъ, а иже по нужди 6 лѣтъ, отъ причащенія Святыхъ Таинъ отлучается.

II. Безъ благословенія никому ничего не работать, и изъ монастыря не выдавать.

Безъ благословенія настоятеля никому ничего отнюдь не работать, а наипаче никакихъ вещей монастырскихъ на сторону не выдавать; въ противномъ же случаѣ, если будетъ за кѣмъ оное преступленіе замѣчено, таковой

---

[1]) Матѳ. 5, зач. 14, ст. 34 и 37. Іаковл. послан. гл. 5, зач. 57, ст. 12.
[2]) Кормчая, правила святаго Василія Великаго 64 и 82.

подлежитъ подобающему духовному наказанію. Аще ли по 2 и 3 наказаніи не исправится, да изгнанъ будетъ изъ монастыря, яко тать, согласно правилу святаго Іосифа Волоколамскаго, и въ той токмо одеждѣ, какую онъ въ то время завседневно носитъ, а болѣе не давать ему изъ монастырской казны ничего.

III. За ограду монастыря безъ позволенія настоятеля не выходить.

За монастырскую ограду безъ позволенія настоятеля, ни по общему, ни по собственному дѣлу, никто не долженъ выходить; буде же кто безъ позволенія отлучится и не успѣетъ прибыть вкупѣ съ братіею къ обѣду въ трапезу, да будетъ безъ обѣда до ужина и да пріиметъ отъ начальника выговоръ; аще же по 2 и 3 наказаніи не исправится, да поставится при трапезованіи братіи на поклоны, то есть: молится Богу, кланяяся до земли, во время всего обѣда. А если кто будетъ изъ крыломанъ, то вмѣсто поклоновъ да упразднится на время отъ крылоса, и стоитъ въ заду за крылосомъ. Буде же кто отлучится изъ монастыря и, паче чаянія, окажется въ піянствѣ, или кромѣ нужды обночуетъ въ корчмѣ, таковый сряду да отлучится отъ всей братіи въ ястіи и питіи, на какое время присуждено будетъ соборомъ, и егда братія будутъ трапезовать, тогда виновный да поставляется чрезъ все время епитиміи своей на поклоны, и послѣ особо ястъ. А по 2 и 3 наказаніи аще неисправится, тогда или оставится ему еще пребыть въ монастырѣ,[1] по притчи неплодной смоковницы, во Евангеліи реченной, на какое время также соборомъ опредѣлено будетъ (обаче ожесточа ему вышепомянутое наказаніе отлученіемъ отъ общаго богомоленія, посыланіемъ въ монастырскую работу на одномъ хлѣбѣ и водѣ), или, смотря по степени вреда, изгнаніемъ изъ монастыря конечно отъ братства отсечется, яко гнилъ и непотребенъ удъ отъ здраваго тѣла,[2] согласно книги Благовѣстника. Аще же учинитъ кто воровство, или большее (чего Боже храни) злодѣяніе, подвергается гражданскому суду.

IV. Запрещеніе входа въ монастырь отрокамъ и женскому полу.

Всеобдержно возбранено есть младымъ отрокамъ безъ нужнаго дѣла въ монастырь входить, а наипаче ни подъ какимъ предлогомъ въ немъ жить; аще же кто уже въ юношескихъ лѣтахъ, по огнепальному своему желанію, на всегдашнее монастырское жительство изволитъ, то таковаго по Христову

---

[1]) Лука глава 13, зач. 70, стихи 6, 7, 8 и 9.

[2]) Благовѣстникъ въ Матѳ. гл. 18 на зач. 15, листъ 152.

гласу: [1]) „грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ," подобаетъ въ монастырь принять. Входъ же женскому полу въ монастырь подъ всеобщимъ наблюденіемъ запрещается. Хотя же таковыя, при случайномъ принесеніи какого либо дара на церковную службу, или въ братской трапезѣ, внутрь монастыря и входятъ, однакоже, по отданіи того дара, тотъ часъ паки съ миромъ изходятъ. Аще ли же испросятъ въ церкви за службою Божіею помолитися, то, по усмотрѣнію истиннаго усердія ихъ, позволяется; а по окончаніи службы прямо изъ церкви изходятъ за монастырскія врата. Монастырскія же врата, по вечернемъ отпускѣ, даже до утра обязанъ вратарь всегда заперты имѣть, и никого безъ нужды и безъ позволенія настоятеля въ монастырь и изъ монастыря не пускать.

V. Чрезъестественныя преступленіи.

Запрещено есть всѣмъ подъ строгимъ наказаніемъ волею скопиться: ежели бы кто, во избѣжаніе плотскихъ похотей, паче чаянія, безумно дерзнулъ урѣзаніемъ тайныхъ удъ (чего Боже храни) волею себя скопить, то таковый по правиламъ святыхъ Апостолъ, [2]) аще будетъ причетникъ, да изверженся изъ сану, аще ли мірскій человѣкъ, да отлучится отъ церкви и отъ собора вѣрныхъ, яко злодѣй и убійца есть своему животу, и Божію созданію врагъ: ибо аще кто хощетъ цѣломудрствованіемъ угодити Богу, то таковому подобаетъ своимъ похотемъ плотскимъ, [3]) согласно Христову и апостольскому ученію, духовно сопротивъ стоять, сирѣчь воздержаніемъ, постомъ и молитвами, а не губительнымъ своего естества самоубивствомъ.

Подвергшіися же [4]) плотскому паденію, сирѣчь естественному, или даже чрезъестественному блудодѣянію, да не причащаются Святыхъ Таинъ, по канону запрещенія, отъ 7 до 15 лѣтъ.

И какъ сіи, равно и вышереченные скопцы, аще потомъ и въ покаяніе пріидутъ, аще и канонъ исполнятъ и свято житіе поживутъ, да не внидутъ уже прочее въ причетъ церковный никогда.

А брадобритіе, [5]) какъ искони Богомъ запрещенное и древлегреческимъ христіянскимъ закономъ зѣло возбраненное, дотолика старовѣрскими христіянами всеобдержно не пріемлется, елико и [6]) святіи мученики Антоній, Іоаннъ и Евстафій изволиша до смерти пострадати, нежели брады брити, ихъ же святую память почитаетъ грекороссійская церковь, апрѣля мѣсяца въ 14 день. [7]) Да также въ старовѣрской религіи за преступленіе вмѣняется нюханіе и куреніе табака.

[1]) Іоан. 6, зач. 21, ст. 37.
[2]) Кормчая, правила святыхъ Апостолъ, 21, 22, 23 и 24.
[3]) Лука 21, зач. 107, ст. 34. Ефесомъ 5, зач. 129, ст. 18 и 19. Псаломъ 55, стихъ 5.
[4]) Кормчая листъ 250, въ правилахъ святаго Василія Великаго.
[5]) 3 Моисей 19, стихъ 27 и гл. 21, ст. 5. Варухъ глава 6, въ посланіи Іереміиномъ ст. 30.
[6]) Стоглавный соборъ. И въ минеяхъ служебной и четіи апрѣля 14.
[7]) Древнее россійское *Уложеніе*, гл. 25.

VI. Злословіе.

1. Аще озлословитъ настоятеля должностной старецъ, или рядовой инокъ, настоятель не отмщаетъ самъ за себя, но собираетъ братію и жалуется на соборѣ: аще окажется истинна, въ первой разъ должностной старецъ пріиметъ отъ всего собора выговоръ и поклонится настоятелю до земли, прося у него прощенія, а рядовой братъ прямо поставится при одномъ обѣдѣ на поклоны, и такъ же испроситъ прощенія. По 2 и 3 наказаніи, аще не исправятся въ дерзости своей, первой отрѣшается отъ должности, а потомъ, равно какъ и послѣдній, отлучается отъ совокупнаго съ братіею яденія и богомоленія, и пріимутъ вмѣсто поклоновъ труды, ядятъ же только хлѣбъ съ водою, на какое время присуждено будетъ соборомъ. Если же озлословитъ рядовой братъ должностнаго старца, да пріиметъ запрещеніе такое, какое сказано за озлословіе должностнымъ настоятеля.

2. Буде же братія между собою о чемъ либо посердятся и одинъ другаго озлословитъ, да неостанутся отнюдь въ гнѣвѣ занощь (по глаголу Апостола: [1]) „солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ"); но въ той часъ прекратя ссору, настоятель заставитъ ихъ смириться и проститься между собою, со обычными поклонами одного начала. Аще ли во 2 разъ тоже учинятъ, да станутъ въ трапезѣ на поклоны одинъ обѣдъ, обоя вкупѣ, и потомъ ядятъ, егда простятся между собою.

Если же кто, паче чаянія, и послѣ соборнаго суда не простится и будетъ гнѣваться, обидѣвшій, или хотя бы и обиженной, и ктобы таковъ нибылъ, да не пріиметъ благословенія ни ясти, ни пити, ниже вкупѣ Богу молитися, доколѣ смирится и простится, согласно соборному суду, понеже глаголетъ Христосъ: [2]) аще церковь преслушаетъ (соборъ вѣрныхъ), будетъ таковый яко язычникъ и мытарь.

ГЛАВА V.

О учрежденіи къ соблюденію особобратскихъ капиталовъ.

I. Положеніе особобратской собственности въ монастырское казнохранилище.

По святыхъ отецъ глаголомъ, заключается общебратское житіе въ единодушномъ другъ къ другу довѣріи и нелицемѣрной любви. Потому и всѣ заработки приходящихъ въ наше общебратство поступаютъ уже, со дня принятія ихъ въ монастырь, якоже и вси общіе приходы (какъ выше въ III

---

[1]) Ефес. 4 гл. зач. 227, ст. 26.
[2]) Мат. 18, зач. 75, ст. 17. Благовѣст. въ толкованіи.

статьѣ II главысказано), въ общую монастырьскую казну. Только собственной, не въ монастырѣ пріобрѣтенной, но отъ отечества принесенной, или послѣ присланной капиталъ, какъ настоятель, такъ и вся братія, всякой при своей запискѣ, сверхъ общемонастырской казны, въ особомъ щетѣ въ казнохранилище подъ сохраненіе полагаютъ. Буде же кто пожелаетъ на положенной капиталъ имѣть себѣ росписку, то таковая дается безпрепятственно.

Прочее же, полагаетъ всякъ одинъ регистръ на имѣющіяся у себя въ келіи собственныя книги и иконы въ тоже казнохранилище, для непредвидимаго случая.

II. Осторожность во избѣжаніе страсти сребролюбія.

1. Сіе вышереченное учрежденіе наипаче имѣется нужнымъ для того: въ животѣ бо и смерти Богъ воленъ, и что есть еще страшнѣе, глагола нѣкто отъ святыхъ отецъ [1]), яко часъ единъ все ваше житіе искупаетъ: въ чемъ тя, рече, застану, въ томъ ти и сужду! [2]) Отнюдь бо и того не вѣдаемъ въ кую стражу смертный тать пріидетъ, [3]) да не когда похититъ и не будетъ избавляяй. Сего ради святый Іоаннъ Златоустъ въ поученіи своемъ заповѣдуетъ, даже къ мірскимъ человѣкомъ, благовременно распредѣляти свое имѣніе, да не будетъ по смерти крамола вмѣсто поминовенія души его. Кольми паче иноцы, оставивше отца и матерь, и отрекшеся міра и всего, яже въ мірѣ, присно внимаютъ въ себѣ, да не отъ малыхъ запеньшеся подручницы бѣсомъ будутъ, то есть, велико или мало сокровище держаще на рукахъ своихъ, внезапно же постигнетъ страшный часъ смерти, и во обьятіяхъ сребролюбиваго змія застанетъ (яковымъ же страшнымъ образомъ видѣлъ святый Андрей цареградскій, еще жива суща, инока сребролюбца): кій судъ будетъ лишеннику тому! Глаголетъ къ подобному Христосъ во Евангеліи: [4]) „безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготова, кому будутъ? Тако собираяй себѣ, а не въ Бога богатѣя!" А еще, къ зѣльному осужденію, суть нѣцыи, погребаютъ свое сокровище въ землю, или въ нѣкое отъ всѣхъ человѣкъ сокровенное мѣсто, и сіи-то болѣе, какъ уже на многѣхъ и дѣломъ сбышася, внезапно умираютъ, и съ онымъ лукавымъ рабомъ, во Евангеліи реченнымъ, [5]) скрывавшимъ талантъ, во тму кромѣшную поступаютъ, идѣже есть плачь и скрежетъ зубомъ.

2. Еще же самое иночество наше заключается во отложеніи своей воли, еже бы каждому не своей воли послѣдовати, но совѣту своихъ отцевъ: своя бо воля,— бѣсове, глаголютъ святіи отцы, и стѣна мѣдяна между Богомъ и человѣки. Сіе указуетъ, что и собственность свою, безъ совѣту старшихъ

---

[1]) Книга Лѣствица, слово 7.
[2]) Матѳ. 24, зач 103, ст. 43.
[3]) Псаломъ 49, стихъ 22.
[4]) Лука 12, зач. 66, стихи 20 и 21.
[5]) Матѳ. 25, зач. 105, стихъ 30.

отцовъ, комуждо по самоволію своему употреблять не слѣдуетъ, и тѣмъ уподобляться своевольныхъ и сваробойныхъ житію. А какъ мы сверхъ того ограждены есмы, по уставу своего монастыря, всякимъ о благочинномъ всѣхъ житіи наблюденіемъ и дружелюбнымъ другъ къ другу покореніемъ и послушаніемъ: потому, аще кто когда пожелаетъ собственной свой капиталъ на какую либо надобность изъ казначейства требовать, можетъ всегда безпрепятственно къ себѣ и получить, но не отступая правилъ сего устава, а наипаче положенія II главы, VI статьи, V пункта.

III. Неупотребленіе особобратскихъ капиталовъ безъ воли положителей.

Безъ воли и позволенія положителя собственности, ни на какія общія потребы изъ тѣхъ особыхъ капиталовъ ни малѣйшей части ни подъ какимъ предлогомъ отнюдь не должно употреблять; аще ли кто изъ положителей позволитъ что въ пользу монастыря взять, о томъ на той же своей запискѣ самъ да означитъ. Прочее же, всякому свой капиталъ, если кто восхощетъ въ подобно время осмотрѣть, свободно есть. А когда кто либо отъ сихъ положителей собственности волею Божіею отъ житія сего преставится тогда все то его имущество и капиталъ, хотя бы онъ и во инока не былъ постриженъ, во общебратскую казну совершенно причитается, и о души его соборное и достодолжное поминновеніе сотворяется, и такъ уже никто изъ постороннихъ, ниже отъ родственниковъ, во оное его оставшееся имущество отнюдь вступаться не въ правѣ, развѣ кто кому изъ братіи своего монастыря, а не насторону, что при животѣ своемъ откажетъ. Поелику, хотя онъ при животѣ своемъ и не могъ сряду все имущество свое безъ остатку, Бога ради, совершенно во обитель жертвовать, дабы тѣмъ впреди себя благовременно, яко вожделѣнный даръ, ко Христу послать; но однакожь, повинуяся сего монастыря уставу, на тоже самое поне благовременно съ тѣмъ согласовалъ, да что только отъ житія его останется, все безъ остатку во обитель сію обѣтовалъ, того ради и отъ самовольнаго употребленія изъ рукъ своихъ, аки въ руки Богу, въ общую хранильницу положилъ, — съ тѣмъ упованіемъ, да поне по смерти своей тѣмъ жертвованіемъ въ обитель своего имѣнія, егда онъ ко Господу предстанетъ, вмѣстѣ съ собою все оное такъ же духовно, яко даръ, Христу представитъ.

ГЛАВА VI.

О принятіи приходящихъ въ монастырское общежительство и о обѣтѣ иноческомъ.

I. Общій долгъ всѣхъ принимать въ монастырь.

Общій долгъ христіанской нашей обязанности повелѣваетъ, согласно древнимъ святыхъ отецъ общежительнымъ уставамъ, равно и по неизмѣнному сего монастыря обычаю, всѣхъ, а на иначе нашихъ единовѣрныхъ христіанъ, на общежительство приходящихъ, въ монастырь принимать, ибо самъ Спаситель нашъ Іусусъ Христосъ глаголетъ:[1]) „грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ.“ Обаче съ опаснымъ разсмотрѣніемъ обстоятельствъ пріемлются, какъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ означено.

II. Обстоятельства, препятствующія принятію желающихъ на жительство въ монастырь.

Обстоятельства, принятію на жительство въ монастырь препятствующія, суть слѣдующія:

1. Аще желающій поступить въ наше монастырское общежительство будетъ человѣкъ незнаемой и, по распросѣ настоятелемъ, не будетъ имѣть надлежащаго писменнаго вида: тогда дается ему въ путь укрой хлѣба, и отпускается изъ монастыря съ миромъ.

2. Буде же кто изъ таковыхъ случится обязанный женою и безъ согласнаго позволенія оной пришелъ на жительство въ монастырь, таковому, хотябы онъ извѣстный, честнаго и трезваго повѣдѣнія былъ человѣкъ, отвѣщавается апостольскимъ гласомъ: [2]) „привязался ли еси женѣ, не ищи разрѣшенія“. Аще же восхощетъ таковый въ монастырѣ на время побыть, за уваженіе ему позволяется, и потомъ отпускается съ миромъ во свояси.

III. Обстоятельства, пособствующія принятію желающихъ на жительство въ монастырь.

1. Если будутъ пришельцы съ надлежащими писменными видами и достовѣрно извѣстные въ добромъ ихъ поведеніи, въ случаѣ же, за старостію лѣтъ, или слабостію здоровья, имѣющіе достатокъ собственнаго своего капитала, или другаго имущества, или хотя бы другіе были и не имущіе достатку,

[1]) Іоаннъ. 6, зач. 22, стихъ 37.

[2]) 1 Коринѳ. 7, зач. 137, ст. 27.

но вмѣсто того сами въ совершенныхъ и здравыхъ лѣтахъ, могущіе трудитися во общемонастырскихъ трудахъ, наипаче умѣющіе какое либо ремесло, которые обыкновенно сверхъ своего продовольствія и окапированія могутъ еще пріобрѣтать и монастырской экономіи пользу, или другіе будутъ къ Богослуженію въ чтеніи и пѣніи церковномъ способные: то таковые всѣ, и сверхъ ограниченнаго во II главѣ, въ III статьѣ означеннаго числа, настоятелемъ со общимъ согласіемъ соборныхъ старцевъ въ монастырское общежительство пріемлются.

2. Доколѣ же кто изъ таковыхъ приходящихъ рѣшительно не сотворитъ, по въ нижеслѣдующей статьѣ означенному образу, на всегдашнее въ монастырѣ жительство чистосердечнаго своего расположенія, дотолѣ онъ не причитается въ число монастырскаго братства, но пребываетъ пришельцемъ во общепріемницы(ѣ), однакожь дается ему наставленіе, дабы онъ нашъ всеобдержный монастырскій обычай непремѣнно наблюдалъ и въ келіи къ отцамъ и братіямъ, за какимъ бы то дѣломъ ни было, безъ сотворенія гласно Ісусовой молитвы, и дондеже не получитъ извнутрь келіи во отвѣтъ: аминь, отнюдь не входилъ и изъ келіи безъ обычнаго прощенія не изходилъ.

VI. Образъ принятія пришельцевъ во общежительство.

1. Предъ обѣдомъ, или по обѣдѣ, по трикратномъ въ колоколъ удареніи собравшимся всѣмъ братіямъ на соборъ въ трапезу, во первыхъ, поступающему въ монастырь на жительство вычитываются, въ наставленіе его, со внушеніемъ и яснымъ протолкованіемъ, всѣ касающіяся до него монастырскаго устава приличныя статьи; а потомъ еще въ дополненіе возвѣщается ему, что всѣ вновь приходящіи, какую имѣютъ принесенную свою одежду, если она будетъ сообразна монастырскому обычаю и не соблазнительна, таковую да носятъ они сами, не требуя отъ монастырской казны, дондеже обветшаетъ. Буде же и на первой разъ у кого будетъ недостатокъ, таковый снабдѣвается нужными вещами изъ монастырской казны, смотря по мѣрѣ его занятія. Однакожь, дондеже онъ будетъ во искусѣ, да не отважится требовать уравненія съ прежде его въ монастырѣ жительствующими. А егда совершенно пострижется во инока, тогда вполнѣ всѣми вещами на ряду съ прочими братіями тогоже званія уравняется.

2. Итакъ, если желающій поступить въ общежительство будетъ на все положеніе, въ монастырскомъ уставѣ изображенное, въ точности согласенъ, положивъ при томъ же собраніи съ обычнымъ молитвословіемъ начало, сотворяетъ прощеніе къ собору, ликуяся со всѣми: и отъ того же часа причитается таковый въ монастырское общебратство. Потому убо настоятель, опредѣляетъ ему искуснаго старца, который бы его къ духовнымъ подвигамъ научалъ и отческимъ духомъ поощрялъ. Ученикъ же сей долженъ есть ежедневно приходить къ своему старцу для исповѣданія дѣяній своихъ и

помысловъ, по преданію древнихъ святыхъ отецъ. [1]) Понеже сіе всякому, по Бозѣ монастырское житіе проходящему, яко баня омывающая совѣсть ежедневно потребна(о). Аще ли же кто отъ новоначальныхъ, чистаго о себѣ откровенія помысловъ и дѣлъ ни къ кому не имѣетъ, то таковый хотя бы и труды, и послушаніе, и молитву исправилъ, а всего себе отъ нечистоты душевныя, или вкупѣ и тѣлесной не избавитъ. Обаче и таковый, Богу поспѣшествующу, можетъ между общемонастырскими занятіями, въ подобное ему по благоусмотрѣнію своего учителя назначенное время, уединеннымъ прочитаніемъ иноческихъ книгъ: во первыхъ обоихъ Дороѳеевыхъ и Ефрема Сирина, потомъ Никона Черногорскаго, премудрыя Лѣствицы, Исаака Сирина и тѣмъ подобныхъ, въ чювство пріити и къ своему старцу откровенну быти, и тѣмъ благихъ нравовъ навыкнути.

Главнымъ же правиломъ имѣя, по заповѣди древнихъ святыхъ отецъ: 1) помня и подражая вольную нищету и смиреніе самого Спасителя нашего Іисуса Христа; 2) вмѣняя себя отъ всѣхъ послѣднѣйша быти и совершая врученную службу, аще и нижайшу, со благодареніемъ и радостію; и 3) почитая [2]) всеобдержно во всѣхъ общемонастырскихъ повелѣніяхъ настоятеля, яко Христа, а по духовному наставленію такъ же и своего старца, братію же всю, яко ангеловъ святыхъ.

3. По всеобдержнымъ святыхъ отецъ правиламъ, до тріехъ лѣтъ пребываетъ пришлецъ въ монастырѣ во искусѣ, въ мірскомъ образѣ. Благословнаго же ради случая, сирѣчь: смерти, или огнепальнаго желанія, по предваршему о добронравномъ житіи его и постоянствѣ обстоятельному вѣдѣнію, можетъ, [3]) по образу древнихъ преподобныхъ отецъ, Іоанна и Симеона и прочихъ, истинно желающій и вскорѣ постригщися, овъ во образъ новоначальнаго, съ отложеніемъ мірскихъ одеждъ и перваго имени, иже на крещеніи воспріятаго, а овъ и прямо постригается въ совершенный иноческій образъ. Во святую же схиму великаго ангельскаго образа, кромѣ смертнаго случая, вскорѣ непостригаютъ.

V. Законный обѣтъ иночества всеобдержно.

1. Хотящій принять истинный обѣтъ иночества, минувшимъ тремъ лѣтомъ въ монастырскомъ искусѣ пребывающій, приходитъ ко святѣй Церкви и совлечется всѣхъ одеждъ своихъ первыхъ, имѣя едину точію срачицу; вводитъ его въ церковь воспріемный его Евангельскій отецъ, прикрывающій его, за благообразіе, одною полою мантіи своей; хотящійже постригщися, поступая тихо, и поклоняется трижды до земли, взирая со умиленіемъ ко святому олтарю, глаголетъ молитву: Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному,

---

[1]) Свят. Симеонъ новый богословъ, Григорій Синаитъ, Іоаннъ Лѣствичникъ и книга Старчество

[2]) Святый Іоаннъ лѣствичникъ, Симеонъ новый Богословъ и Потребникъ въ постриженіи иноческомъ.

[3]) Минея четія Іюля 21.

и прочее; и егда поклонится на землю, ликъ поетъ антифонъ: объятія отча отверсти ми потщися, и прочее, до трижды. А егда предстанетъ предъ олтаремъ и предъ лежащими на налоѣ святымъ Евангеліемъ и крестомъ Христовымъ, вопрошаетъ его игуменъ (аще ли нѣсть игумена, священноинокъ) сице: [1])

Вопросъ: Что пріиде, брате, припадая ко святому жертвеннику сему, и ко святой дружинѣ сей?

Отвѣтъ: Желаю житія постническаго, честный отче.

Глаголетъ Игуменъ: Воистину добро дѣло и блаженно избра; но аще совершиши е: добрая убо дѣла трудомъ снискиваются и болѣзнію исправляются.

Вопросъ: Волею ли своего разума приходиши Господеви?

Отвѣтъ: Ей, честный отче.

Вопросъ: Еда отъ нѣкія бѣды или нужды?

Отвѣтъ: Ни, честный отче.

Вопросъ: Отрицаешилися міра и яже въ мірѣ, по заповѣди Господней?

Отвѣтъ: Ей, честный отче.

Вопросъ: Имаши ли пребывати въ монастыри и пощеніи даже до послѣдняго своего издыханія?

Отвѣтъ: Ей, Богу поспѣшествующу, честный отче.

Вопросъ: Имаши ли хранитися въ дѣвствѣ, и цѣломудріи, и благоговѣніи?

Отвѣтъ: Ей, честный отче.

Вопросъ: Сохраниши ли даже до смерти послушаніе ко игумену и ко всей, яже о Христѣ, братіи?

Отвѣтъ: Ей, честный отче.

Вопросъ: Имаши ли терпѣти всяку скорбь и тѣсноту иноческаго житія, царствія ради небеснаго?

Отвѣтъ: Ей, Богу поспѣшествующу, честный отче.

Таже оглашеніе: „блюди, брате, какова обѣтованія даеши Владыцѣ Христу! Ангели бо предстоятъ невидимо, написующе исповѣданіе твое сіе, его же и хощеши истязанъ быти во второе пришествіе Господа нашего Іисуса Христа“, и прочее. „Подобаетъ убо ти, наченьшу путь отводящь къ небесному царствію, не возвратитися вспять, не бо управленъ будеши въ царство небесное. Да не предпочти убо ничтоже паче Бога, и да не возлюбиши ниже отца, ни матерь, ниже братіи, и никого же отъ своихъ си, ниже царствія мірскаго, или покой какой, либо чести, ниже себе возлюбиши паче Бога“, и прочее. „Христосъ бо рече: „Аще кто хощетъ по мнѣ итти, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и послѣдуетъ ми“, и прочее. Къ сему же и вопрошаетъ: „Сія вся сице ли исповѣдуеши о упованіи силы Божія, и въ сихъ обѣтѣхъ пребывати обѣщаешилися даже докончины живота своею благодатію Христовою?

Отвѣтъ: Ей, Богу поспѣшествующу ми, честный отче.

Итако, аще убо на вся, почину въ потребникѣ положенному, соизволяетъ и добровольно желаетъ, съ заключеніемъ клятвы: ей, тогда, по прочтеніи принадлежащихъ молитвъ, полагаются ножницы на святомъ Евангеліи и по

---

[1]) Чинъ постриженія въ великомъ потребникѣ.

краткой молитвѣ игуменъ, простеръ руку, на Евангеліе указуя, глаголетъ: „Се Христосъ невидимо здѣ предстоитъ! Блюди, яко никтоже тя нудитъ пріити во образъ сей! блюди, яко ты отъ предложенія своего волиши обрученія ангельскаго образа!" На сіе отвѣтствуетъ желающій пострищися: „Ей, честный отче, отъ усердства моего". Посемъ глаголетъ игуменъ: „Пріими ножницы и даждь ми я!" И вземлетъ той ножницы съ Евангелія, подаетъ (чрезъ предстоящаго ту воспріимнаго своего отца) игумену. Игуменъ же глаголетъ къ нему: „Се отъ руки Христовы взимаеши я: блюди, къ кому обѣщаваешися и кого отрицаешися!"

И вземъ ножницы, игуменъ глаголетъ: „Благословенъ Богъ, хотяй всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истинный пріити, сый благословенъ во вѣки, аминь". Истрижетъ его на главѣ крестообразно, глаголя: „Братъ нашъ (имя его новое нарекъ) постригаетъ власы главы своея, во имя Отца и Сына и Святаго Духа: рцемъ вси зань: клирицы же поютъ: Господи помилуй, трижды. Потомъ облачаютъ его торжественно во иноческое одѣяніе, съ таковыми же возглашеніями и припѣвами ко всякой возлагаемой на него вещи, по чину послѣдованія въ великомъ потребникѣ напечатанному.

И по совершеніи всего дается новопостриженному на руки Евангеліе. Во первыхъ, подойдя къ нему, игуменъ цѣлуетъ по обычаю Евангеліе и по молитвѣ Іисусовой вопрошаетъ его: како ти, брате, во инацѣхъ имя есть? И по отвѣтѣ поздравляетъ его игуменъ съ пожеланіемъ душевнаго ему спасенія, и по обычаю ликуется съ нимъ, а по немъ и вся братія такожде творятъ по чину. Потомъ вземлетъ игуменъ новопостриженнаго за руку, и предаетъ его въ руку Евангельскаго отца, и держа ихъ руки вкупѣ своею рукою и, по изреченіи по потребнику новопостриженному поученія, глаголетъ и къ старцу сице: „Се предаю ти, отче (имя рекъ старцу), брата сего (имя рекъ новопостриженнаго) отъ святаго Евангелія, еже есть отъ Христовы руки, чиста и непорочна; ты же пріими его, Бога ради, къ себѣ вмѣсто сына духовнаго, направи его на путь спасенія и научи, яже самъ твориши къ пользѣ душевной" и прочее. „И какова его нынѣ отъ святаго Евангелія пріемлеши, таковаго да потщишися представити Христови въ страшный день праведнаго судіи".

Старецъ же отвѣщаетъ ко игумену: „Превыше нашея мѣры дѣло сіе, честный отче; но повелѣно намъ есть отъ Спасителя нашего Іисуса Христа наипаче всего послушаніе имѣти ко игумену, и, елика сила есть о Бозѣ, не отрицаюся: долженъ есмь наипаче всего попеченіе имѣти о немъ, якоже Богъ наставитъ насъ убогихъ, вашихъ ради отеческихъ святыхъ молитвъ". И оба поклонятся игумену до земли, и отходятъ въ келію свою.

2. При постриженіи въ новоначаліе и въ совершенной чинъ инока, или во святую схиму, перемѣняютъ имена, по всеобдержному церковному преданію, обыкновенно съ первой литеры, въ которомъ безъ перемѣны до смерти пребываютъ. Нѣцыи же перемѣняютъ имена и при каждой степени иноческаго чина. Овые же и надругую литеру, по примѣрамъ древле сбывшимся во святыхъ отцѣхъ, яко же: святый Іоаннъ архіепископъ новгородскій,[1])

---

[1]) Минея четія сентября 7.

отъ крещенія имѣя себѣ имя Іоаннъ, въ первомъ постриженіи Илія, а потомъ въ схимѣ паки Іоаннъ.[1]) Святіи же муромскіе чюдотворцы, благовѣрный князь Петръ нареченъ во иноцѣхъ Давидъ, а княгиня Февронія наречена во инокиняхъ Ефросинія. — Прочее о перемѣнѣ именъ явствуетъ въ житіи преподобнаго Сергія, сентября 25, и въ прологѣ октября 9-го.

3. Главныя добродѣтели обѣта, паче инѣхъ, предстоятъ иночествующему имѣти: а) нищету духа и суетныхъ міра сего лишеніе терпѣливно носити; б) не тщеславія ради, или за нѣкій страхъ, но любви ради Божія тщательно послушаніе со смиреніемъ совершати; в) чистоту, сирѣчь дѣвство, не токмо тѣломъ, но и духомъ всегда и всею душею любити. А како совершенно украшену быти иноку, да изучится отъ слова Василія Великаго къ новоначальнымъ, и тако помощію Божіею въ совершенство пріидетъ и благодати дара отъ Бога сподобится.

4. Средствіе же поощряющее къ должному обѣтовъ своихъ исполненію: еже воспоминати присно, каковыя сотворилъ обѣты, и что обѣщалъ, и предъ какими послухи; свободно убо бѣ сицевая не обѣщати, но занеже Богу освященно сотворилъ, нелѣть есть оскверняти; того ради и невозможно уже по самохотѣнію та разрѣшати и нарушати, и да вѣруетъ, яко елико блаженъ и преблаженъ будетъ, аще Богу данные обѣты своя сохранитъ, толико окаяннѣйшій будетъ, аще клятвы своя попраны сотворитъ.

5. Надо всѣмъ же тѣмъ, къ преодолѣнію препятствій, всесильную Божію помощь теплыми молитвами да проситъ, и вѣрно пріиметъ, по реченному отъ Христа во Евангеліи:[2]) „всякъ бо просяй пріиметъ, и ищай обрящетъ, и толкущему отверзется“. Яко той облегчитъ яремъ иже вѣрою и любовію и съ добрымъ упованіемъ сочтавшагося ему, и паче всего міра избравшу и предпочетшему Его, по неложному глаголу, якоже рече:[3]) „пріидѣте ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ покою вы, возмѣте иго мое на себе, и научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ: иго бо мое благо, и бремя мое легко есть“.

ГЛАВА VII.

О страннопріимствѣ и гостепріимствѣ.

I. Страннопріимство.

1. По долгу Христіянскому и обычаю монастырскому, всякъ изъ числа нашихъ старовѣровъ путешествующій и по случаю въ монастырь приходящій, инокъ или мірянинъ, удовлетворяется, согласно заповѣди самаго

[1]) Святцы іюня 25.
[2]) Матѳ. 7, зач 20, ст. 8.
[3]) Матѳ. 11, зач. 43, ст. 28, 29 и 30.

Христа Спасителя, рекшаго: [1]) „блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ", и паки: [2]) „страненъ бѣхъ и введосте мя", вопервыхъ пищею, а потомъ, аще кто пожелаетъ, упокоевается и ночлегомъ во общепрѣимницы(ѣ), и воставши заутра отходитъ, куда намѣренъ.

2. Аще ли же какимъ случаемъ зайдетъ въ монастырь человѣкъ инославной религіи, также удовлетворяется пищею, ночевать же таковымъ внутрь монастыря не позволяется, развѣ обстоятельно монастырю извѣстнымъ: ибо изъ таковыхъ неизвѣстные могутъ въ случаѣ необходимости переночевать въ состоящемъ подлѣ монастыря селеніи Бѣлой-Криницы(ѣ).

II. Гостепріимство.

1. Приходящіе гости до монастыря нашего пріемлются во всякое время; однакожь, если прибудутъ въ ночное время, уже по заключеніи монастырскихъ вратъ, то вратарь не прежде отворяетъ имъ врата, дондеже немедленно доложитъ настоятелю.

2. Если же кто случаемъ отъ знаменитыхъ лицъ прибудетъ, таковый пріемлется особо въ настоятельскую келію и, чѣмъ Богъ послалъ, гостепріимственнѣ привѣтсвуется.

3. Аще ли изъ пришедшихъ гостей инославной религіи пожелаетъ взойти въ нашу церковь: то, съ вѣдома настоятеля, кромѣ службы, позволяется ему; аще ли же пожелаетъ посмотрѣть нашего церковнаго обряда и во время богослуженія послушать чтенія и пѣнія, то довлѣло бы таковому, съ позволенія настоятеля, на особь для сего случая возвышенно устроенномъ мѣстѣ стоять, яко же бѣ древле Владиміровымъ посламъ въ Царѣ-градѣ; а по не устроенію таковаго особаго мѣста, позволяется, случайности ради, желающему стать внутрь церкви, сзади крылоса, откуда бы онъ могъ точію смотрѣть и слушать, а не молиться вкупѣ. Во время же Божественной литургіи, по возглашеніи: „елико оглашенніи изыдите," тогда, кромѣ нашихъ единовѣрныхъ, никто не долженъ въ церкви предстоять: тѣмъ убо случившійся инославной религіи человѣкъ да исходитъ въ притворъ церковный, для того, да совѣсть наша безъ смущенія пребудетъ, которую мы боимся попрать несоблюденіемъ церковныхъ преданій, яже, по силѣ Евангельскихъ Христовыхъ глаголъ (Луки глава 12 зач. 64 отъ стиха 49 до 54), положили святіи Апостоли и святіи отцы, а именно: въ книгѣ кормчей 10 и 45 правила святыхъ Апостолъ, 9 правило Каръагенскаго собора и 33 правило Лаодикійскаго собора въ толкованіи.

---

[1]) Матѳ. 18, зач. 75, ст. 10.
[2]) Глава 15, зач. 106, ст. 35.

4. Относительно же внѣшняго, кромѣ церковныхъ обрядовъ, съ людьми инославныхъ религій случающагося обхожденія, Апостолъ Павелъ пишетъ сице: [1]) „аще возможно еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте.“ Преподобный Никонъ Черныя горы отвѣтствуетъ на вопросъ:[2]) подобаетъ ли со еретики и со еллины по случаю дружество имѣти?—сице: „цѣлованіе убо, се явѣ яко общее, ни о единомъ же Господь отреклъ есть, глаголя:[3]) „аще цѣлуете други ваша токмо, что вящьше творите, не и язычницы ли сія творятъ,“ и прочее. А пророкъ Давыдъ даже сице глаголетъ:[4]) „съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ.“ Да и самый плодъ отъ сего искуса примѣромъ явствуетъ въ житіи преподобнаго Макарія Египетскаго:[5]) нѣкогда убо на пути ученикъ его, чрезъ противное свое привѣтствіе, отъ еретика человѣка дозѣла изувѣченъ бѣ; святый же Макарій благимъ своимъ обхожденіемъ обрати того заблуждшаго человѣка ко спасенному пути.

5. Сверхъ всего вышеописаннаго, состоитъ еще наша внутренняя предосторожность о еже не сообщатися въ ястіи и питіи съ иновѣрными людьми, въ томъ, яко да избѣгнемъ отъ того сугубо происходящаго вреда. Ибо нѣцыи, будучи о семъ въ крайнемъ небреженіи, сообщахуся сначала въ ястіи и питіи съ иновѣрными, а далѣе и съ развратными, наконецъ же разслабли житіемъ, уклонились отъ настоящей древней своей церкви; обаче и тамо, гоними слабостію разврата, жизнь свою ни въ славу Божію, ниже въ пользу людемъ, но въ свою вѣчную пагубу бѣднѣ прекратили. А другіе, аще и ревностію по Бозѣ, но не по разуму, увидѣвъ нѣкоего отъ своихъ въ ястіи и питіи съ иновѣрными сообщившагося, возмнѣша его аки удъ тѣла уже гнила, себя же быти здрава, итакъ, за сію только случайную небрежливость, зазрѣвше и все даже собраніе единовѣрныхъ, сами себя безсовѣтіемъ, аки мечемъ, отъ церкви отсѣкоша. Симъ послѣднимъ прикладно, плачевнымъ гласомъ свидѣтельствуетъ прологъ 4-го августа о возмнѣвшемъ себя свята быти и вринувшемся въ глубокъ кладезь: „Помяните вы (рече) отца Ирона, и лютое паденіе его,“ и прочее: „и небы сіе пострадалъ, аще бы утверженъ былъ отначала разсужденіемъ, да не своей воли послѣдуетъ, но отцемъ.“ Подобно и святый Іустинъ, въ толковомъ апостолѣ къ Коринѳомъ, на листу 685, подъ знакомъ 5 глаголетъ: „соблажняютжеся убо не хранящe мѣры, егда на едину страну уклоняющеся, не благо ходити начинаютъ.“ Того ради святая восточная церковь полагаетъ на сей предметъ о ястіи и питіи съ иновѣрными, ово ко всеобдержному предѣлу, овоже случайности ради, многообразныя мѣры въ слѣдующемъ:

Строгое запрещеніе ясти или пити вкупѣ съ иновѣрными святый Іоаннъ Златоустъ положилъ, въ книгѣ своей Маргаритѣ, въ словѣ о лжеучителѣхъ. Подобно же тому пишетъ святый Іосифъ Волоколамскій въ книгѣ Просвѣтитель, въ словѣ 12. Также въ книгѣ Зонаря правило 76. И въ великомъ

---

1) Римлян. 12, зач. 108, ст. 18.
2) Препод. Никонъ въ словѣ 25, лист. 185.
3) Матѳ. 5, зач. 15, ст. 47 и 48.
4) Псаломъ 119, стихъ 7.
5) Четь-минея января 19.

потребникѣ, въ распросѣ священникомъ о грѣсѣхъ. Въ книгѣ же 3-й царствъ, глава 13, и прологѣ 30 марта явствуетъ, что святый пророкъ Іона, егоже посла Богъ въ Самарію на обличеніе отъ истиннаго Бога отступившаго царя и всего народа, и на возвратномъ пути убіенъ бысть львомъ, зане тамо ялъ вкупѣ со лжепророкомъ, идѣже не повелѣно ему бѣ.

Снисходительное разрѣшеніе, о еже ясти и пити вкупѣ съ иновѣрными, святый Апостолъ Павелъ въ 1 посланіи къ Коринѳомъ, главы 10 зачала 146 стихъ 27 и 28, сильнымъ о Христѣ въ вѣрѣ, благословной ради вины, дозволилъ, еже и святый Іоаннъ Златоустъ, на сіе посланіе въ апостольскихъ бесѣдахъ, на страницѣ 831, толкованіемъ пространно пояснилъ. А тѣмъ последовательно свидѣтельствуютъ: Богомудрый Іоаннъ лѣствичникъ въ словѣ 30 книги своея, на листу 280, и преподобный Никонъ Черногорскій въ словѣ 25, на листу 185, наипаче же вышереченный святый Златоустъ въ поучительномъ Евангеліи въ недѣлю 29, на листѣ 269, яснѣйше всѣхъ разрѣшаетъ, да тѣмъ всякое мнѣніе о ядшихъ по случаю съ иновѣрными за ерéсь вмѣняти сильно отражаетъ.

А потому и мы, держась обоихъ выше писанныхъ мѣръ, ни жестокимъ, ниже слабымъ, но посредѣ обоихъ, среднимъ (еже есть царскимъ) путемъ, съ помощію Божіею, безъ сумнѣнія ходимъ. И если какая либо надобность позоветъ въ отсутствіе изъ своего монастыря настоятеля, или изъ прочихъ братій кого, и егда случится обитать гдѣ либо въ домѣ инославнаго лица, или въ гостинницѣ, и аще съ собою для пищи потребныхъ не имѣетъ: то, по 22 правилу 7-го вселенскаго собора, тамо ясти и пити прощени суть, надлежащія ради потребы, но неиначе, какъ съ соблюденіемъ христіянскаго чина и съ обычнымъ молитвословіемъ, какъ повелѣваетъ Апостолъ Павелъ къ Тимоѳеею:[1] „освящаетъ бо ся словомъ Божіимъ и молитвою". На сіе Златоустъ въ бесѣдахъ, страница 2462: „яко аще бо и скверно было, но имаши цѣлéніе, знаменай, благодари и прослави Бога, и вся нечистота отлѣтѣ." Таже и по ясному толкованію въ книгѣ толковаго Апостола, на листу 915-мъ. Итакъ сей всеобдержный нашъ обычай свидѣтельствами святыхъ писаній подкрѣпляемъ въ слѣдующемъ:

а) Сильнымъ о Господѣ въ вѣрѣ святый Златоустъ наказуетъ сице:[2] „ей совершенъ убо еси, и себѣ властелинъ, ничтоже враждаешися вкушая предложенная; но и сіе смотри, да не соблажняетъ немощнаго брата". Понеже Апостолъ Павелъ таковаго сильнаго въ вѣрѣ предостерегаетъ, сице глаголя:[3] „да непогибнетъ немощный братъ въ твоемъ разумѣ, егоже ради Христосъ умре". Толк. „Христосъ за него умрети не отречеся, ты же отъ трапезы его ради не воздержишися, да его не соблазниши". И нѣсть ли то велико! яко и самъ Іесусъ Христосъ во Евангеліи глаголетъ:[4] „аще соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ мя, добрѣе есть ему паче, аще облежитъ камень жерновый о выи его, и вверженъ будетъ въ море".

---

[1]) 1 Тимоѳ. глава 4, зач. 285, ст. 4 и 5.
[2]) Въ бесѣд. апостольск, Коринѳ. на зач. 145, страница 831.
[3]) Толков. Апостолъ Коринѳ. глава 8, на стих. 11, зач. 140, листъ 512.
[4]) Марк. 9, зач. 42, стихъ 42.

б) Подначальствующихъ же святый Златоустъ, о еже не соблазнятися о сообщающихся съ иновѣрными, поучаетъ сице: [1]) „да не провесеши, возлюбленне, ниже изъявиши и обличиши церковную бѣду, но уврачуй: ибо лютъ есть обычай, люто еже оклеветати братію точію, а не прилѣжати о нихъ и еже проносити яже немощнующихъ, а не врачевати. Отъимемъ убо сей лукавый обычай, возлюбленніи, не бо малу пагубу той содѣваетъ".

Есть же и сего легчайшее средство и зѣло довлѣетъ воспасеніе, наипаче всякому въ чинѣ пасомыхъ спасающемуся, [2]) по примѣру преподобнаго Пимина великаго, который аввѣ Ануву, нѣкогда его между прочимъ вопросившу: „что бы реклъ еси Богу, аще бы видѣлъ еси согрѣшающа, и не обличилъ бы еси его?—отвѣща сице: реклъ быхъ Богу: Господи! ты повелѣлъ еси: изми первѣе бервно изъ очеси твоего,—и соблюдохъ слово твое." Или якоже святый Апостолъ Павелъ заповѣдаетъ: [3]) „ядый не ядущаго да не укоряетъ, и неядый ядущаго да не осуждаетъ; но сіе паче судите, еже не полагати претыканіе брату въ соблазнъ".

в) Аще ли же кто, презря вышереченный уставъ нашей религіи, сообщится съ иновѣрными только въ ядеіи и питіи, а не склоненіемъ къ чужой вѣрѣ согласовательными словами, какъ [4]) ученикъ преподобнаго Паисія, и не Богослуженіемъ, [5]) якоже нѣкій старецъ, въ прологѣ свидѣтельствованный: то таковому, по разуму святаго Апостола Павла и святыхъ отецъ, за ересь не вмѣняется, но, сообразно выше прописаннымъ запрещеніямъ, точію за грѣхъ небреженія причитается. Для того, возвратясь таковый во обитель, да незамедлитъ по долгу очистить свою совѣсть Христіанскимъ смиреніемъ и испрошеніемъ прощенія отъ Бога и отъ настоятеля по обычаю.

ПРЕДМЕТЪ

о водвореніи у насъ своего святителя для необходимо нужнаго устроенія духовныхъ порядковъ.

1. Дабы священнаго чина духовный источникъ, во исполненіе глаголъ Христа Спасителя, притчею рекшаго: [6]) „куплю дѣйте дондеже пріиду", непрерывно у насъ теклъ, вопервыхъ необходимо нужно есть присно имѣть издавна желаемаго нами святителя, который бы, согласно правиламъ святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ, у насъ священнодѣйствовалъ и намъ

---

[1]) Маргарит. слово 6 на Іюдеи, листъ 159.

[2]) Четь-минея, августа 27.

[3]) Римлян. глава 14, зач. 112, и 114, стих. 3 и 13.

[4]) Минея-чет. Іюня 19.

[5]) Прологъ, Декабря 5.

[6]) Лука 19, зач. 95, ст. 13, и толкованіе, Благовѣстника.

изъ числа нашихъ старовѣровъ достойныхъ презвитеровъ законно посвящалъ. Поелику нынѣ обдержитъ насъ не одна скудость, что безъ священства невозможно быть производству иноческаго чина и совершенію Божественной литургіи, но еще и другая предстоящая крайность побуждаетъ насъ душевными чувствами безпокоиться и дозѣла соболѣзновать, что наши въ цѣлыхъ четырехъ селеніяхъ многочисленные старовѣры находятся за скудостію священства въ крайне бѣдственномъ положеніи: ибо они, для совершенія случающихся крещеній, бракосочетаній и прочихъ духовныхъ требъ, часто вынуждены бываютъ ѣздить даже въ иныя владѣніи за границу, неимущіе же на таковое иждивеніе достатка терпятъ великую духовную нужду, такъ что у нихъ многажды случается—новорожденные младенцы надолго остаются некрещенными, овые же, не дождавъ священническаго совершенія, печати дара Святаго Духа, то есть безъ миропомазанія, умираютъ, а пришедшіе въ совершенный возрастъ, остаются чрезъ свою временность безбрачны и не рѣдко, повреждая совѣсть, теряютъ естественныя чистоты непорочность и обычную Богобоязность, умирающіе же, старые и младые, лишаются при смерти своей личнаго священническаго присутствія и разрѣшенія грѣховъ, и погребаются тѣла ихъ въ землю отъ братій своихъ, сущихъ простолюдиновъ. Нѣсть ли это крайняго сожалѣнія достойно! А хотя наши священники, которыхъ мы изъ Россіи отъ единовѣрныхъ нашихъ обществъ съ немалыми издержками достаемъ, здѣсь у насъ и бываютъ, однакожъ, какъ мы своего святителя, коему бы они подчинены, а не самовольны были; здѣсь не имѣемъ, уѣзжаютъ чрезъ короткое время за границу къ нашимъ старовѣрскимъ въ Молдавіи и за Дунаемъ живущимъ обществамъ, ибо и тамъ крайняя нужда о духовенствѣ существуетъ, почему мы боліе здѣсь находимся въ духовномъ сиротствѣ.

Итакъ, доколѣ не будетъ унасъ своего святителя, дотолѣ и міряне наши не будутъ имѣть себѣ отраду въ вышереченномъ бѣдствіи, но можетъ быть еще большее изнуреніе. Поелику нынѣ занятіе священниковъ изъ Россіи сдѣлалось весьма строже, такъ что уже старовѣры приходятъ въ отчаяніе. Сіе, поистиннѣ слезамъ достойное, присно предъ очима нашима предстоящее зрѣлище, напоминаетъ совѣсти нашей, яко къ тому и намъ однимъ неправедно покоиться безмолвіемъ; а какъ мы, общіе богомольцы, наипаче должны есмы, по заповѣди святаго Апостола Павла, [1]) другъ друга тяготы носити и тѣмъ исполнять законъ Христовъ: того ради единственно осмѣлились мы, по силѣ всевысочайшей привилегіи, еще въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго 1840 года, подать къ гражданскому правительству на предметъ сей наше покорнѣйше прошеніе, въ вѣрномъ упованіи на словеса Христа Спасителя, рекшаго: [2]) „просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ“, и тѣмъ твердо надѣемся, что сіе наше теплѣйшее желаніе безъ препятствія исполнится. Понеже, всемилостивѣйше правительство австрійской имперіи, не только всѣмъ христіанскимъ религіямъ таковыя

---

[1]) Галат. 6, зач. 214, стихъ 2.
[2]) Матѳ. 7, зач. 20, стихъ 7.

прошенія исполняетъ, но даже и евреемъ свободное содержаніе ихъ равви-новъ невозбраняетъ.

2. Егда же Божіимъ благоволѣніемъ, по силѣ Христовыхъ глаголъ: [1]) „неоставлю васъ сиры, пріиду къ вамъ", желаемый святитель къ намъ прибудетъ, то на достойное его пропитаніе и содержаніе мы отъ правительства ничего просить не будемъ, но собственно своимъ иждивеніемъ удовлетворить его надѣемся, такъ же и другихъ по немъ послѣдующихъ; сверхъ же того уповаемъ, что, иже изъ самыхъ старовѣровъ, будущіе намии святители и сами Спасителю нашему Іисусу Христу въ нищетѣ и смиреніи послѣдовати будутъ. Поелику во всѣхъ нашихъ старовѣрскихъ христіянахъ умѣренное о Христѣ смиреніе достохвально паче всего предпочитается, высокомѣрная же пытность знакомъ непостоянства презирается.

3. Будущее же святительское устроеніе надлежитъ быть въ слѣдующемъ:

а) Святителю священнодѣйствовать во всемъ неизмѣнно по нашему старогреческому закону, и наблюдать въ точности весь обычай, у насъ содержимый, древняго христіянскаго благочинія, якоже въ монастырскомъ уставѣ изъяснено.

б) Онъ долженъ будетъ, для всякаго нечаяннаго случая, какъ то: скорой своей смерти, или чего иного непредвидимаго, одного изъ нашихъ достойнѣйшихъ духовныхъ лицъ, съ согласія общаго собора, въ наслѣдство своего святительскаго престола не отлагательно посвятить. [2]) Зане, по древле во святыхъ отцахъ сбывшимся примѣрамъ, нужнаго ради случая незазорно можетъ и единъ епископъ посвятить другаго. [3]) Таковое Святительское устроеніе (по 8 правилу 1-го вселенскаго собора и въ селѣ быти допускаемое) у насъ для того весма нужно, дабы, по дальнему за границею существованію согласнаго нашей религіи святителя, въ нашемъ мѣстѣ древле-христіянскаго исповѣданія святительскій престолъ многолѣтно не вдовствовалъ, и дабы тѣмъ старовѣрскія наши общества толикою, якоже до нынѣ, обдержащею духовною нуждею паки дозѣла не бѣдствовали. Однакожъ доколѣ дѣйствительный святитель въ жизни существовать будетъ, до того времени въ наслѣдство его посвященный святитель да недерзнетъ, по 8-му правилу 1-го вселенскаго собора, безъ благословенія дѣйствительнаго ничего святительскаго совершать.

в) Дѣйствительный святитель долженъ составить свой духовный судъ изъ 5-ти членовъ, какъ то: изъ своего наслѣдника, двухъ священноиноковъ, и двухъ мірскихъ священниковъ подъ своимъ предсѣдательствомъ, имѣя себѣ и писмоводителя.

г) Онъ будетъ долженъ изъ числа достойныхъ и Божественное писаніе добрѣ знающихъ мірскихъ старовѣровъ каждому ихъ обществу потребное число священниковъ, на неотлучное при ихъ церквахъ пребываніе, поставлять. Такожде и монастырю нашему священноиноковъ и іеродіяконовъ,

---

[1]) Іоан. 14, зач. 48, ст. 18.
[2]) Четія-минея Ноября 17 и Октября 24.
[3]) Книга Кормчая глава 5.

къ очередному седмицами служенію, слѣдующее число посвящать: ибо у насъ Богослуженіе повседневно по уставу полнаго церковнаго круга совершается. И вообще святитель долженъ будетъ на все духовное устроеніе неусыпнымъ окомъназирать, дабы ни въ какой духовной потребѣ ущерба не было.

д) При томъ монастырь долженъ будетъ общее училище для обученія старовѣрческаго юношества порядочно устроить, обаче не внутрь монастыря и не иновѣрными, но нашей религіи учителями, идѣже бы обучалось юношество не по инымъ какимъ, но только по старопечатнымъ нашего закона книгамъ, или точно съ нихъ списаннымъ, читать и обыкновенно писать, и упражнялося въ истинномъ Богопознаніи, а не въ звѣздочествѣ, которое оставляемъ постигать астрономамъ: ибо старовѣры всегда спокойно наслаждаются дарами природы почувствамъ своимъ и разсудку, не входя ни въ какія дальнѣйшія умствованія. Довлѣетъ же имъ навыкать истиннаго христіянства и благочестиваго жительства, согласно завѣщанію Апостола Павла, рекшаго: [1]) „да вѣра ваша не въ мудрости человѣчестѣй, но въ силѣ Божіей будетъ; [2]) „въ наученія же странна и различна не прилагайтеся". Итакъ, дабы всѣ старовѣрческія дѣти воспитоваемы были, по образу древнихъ христіянъ, въ строгихъ правилахъ страха Божія, сирѣчь: нетолько законовъ и наказаній бояться, отъ коихъ иногда могутъ укрываться и самые злѣйшіе преступники, но страшиться всякихъ преступленій и самыхъ даже сокровеннѣйшихъ, по одному только знаку совѣсти своей, твердо зная, что всевышній Богъ вся сокровенная, даже какъ и самыя мысли зараждаются, въ каждомъ человѣкѣ видитъ. Того ради непремѣнно требуютъ юноши, дабы, съ самыхъ младыхъ лѣтъ, первѣе всего вкоренять въ глубину сердецъ ихъ таковые добрые нравы, и притомъ были бы они справедливѣйшими во исполненіи христіянскихъ обязанностей, какъ то: [3]) въ вѣрности и приверженности къ своему государю, [4]) въ повиновеніи судебнымъ законамъ и властямъ, въ душевномъ расположеніи къ духовнымъ отцамъ, въ совершенномъ послушаніи къ своимъ родителямъ, [5]) подражая блаженному отрочеству Спасителя нашего Іисуса Христа, и вообще въ нелицемѣрной любви къ ближнему, по заповѣди Евангельской и по соборному правилу Апостолъ [6]), „елика не угодна себѣ, инѣмъ не творити".

4. Егдаже, паче чаянія, за нашимъ дѣйствительнымъ святителемъ послѣдуетъ какой либо не терпимой соблазнъ (чего Боже храни), или начнетъ вводить что противное нашей религіи закона: тогда наслѣдникъ его и прочіе духовные члены должны будутъ вступиться и отнюдь не допускать распространиться церковному раздору. Собравшись же въ совѣтъ, да разсмотрятъ дѣло, какъ предъ престоломъ Божія правосудія и безпристрастно: и ежели свидѣтельствованное на святителя истиною окажется, тогда должно будетъ

---

[1]) 1 Коринѳ гл. 2, зач. 125, стихъ 5.
[2]) Евреомъ 13, зач. 334, стихъ 9.
[3]) Матѳ. гл. 22, зач. 90, стихъ 21 и 1 Петра 2, зач. 58, отъ стиха 13 до стиха 19.
[4]) Римл. 13, зач. 111, стихъ 7.
[5]) Псаломъ гл. 6, зач. 26, ст. 31 и Дѣян. апостольск. гл. 14, зач. 36.
[6]) Лука 2, зач. 8, стихъ 57.

прежде изъ совѣта единому, или двумъ членамъ къ нему келейно дойти и о тихомъ прекращеніи соблазна сынолѣпно и убѣдительно ему доложить. Аще ли тѣмъ не исправится, то надлежитъ изъ совѣта вторично послать къ нему нарочитыхъ *двухъ или трехъ* членовъ *съ писаніемъ*. Аще ли же и то безуспѣшно явится, тогда будетъ общій соборъ, который бы ему о томъ рѣшительное предложеніе учинилъ. И если онъ къ исправленію своему согласится, то да пріимется терпѣніе; буде же и собору противнымъ отзовется: тогда да учинится соборный приговоръ, съ достовѣрнымъ доказательствомъ. Обаче, какъ всѣ члены святительскаго суда и монастырскаго духовнаго совѣта сами совершѣнно святителя изъ сану его извергать не могутъ (здѣ сказанная невозможность извергнуть изъ сана самого верховнаго святителя относится только къ своему мѣсту одному; аще ли собравшись будетъ отвсюду духовенство, хотябы и поставленія всѣ его были, убо могутъ по винѣ изъ сана его извергнуть, о чемъ прописано пространно 1663 года, въ соборныхъ отвѣтахъ 4 вселенскихъ патріарховъ: зри въ книгѣ Собранія государственныхъ грамотъ, печатанной въ Москвѣ, въ 4 части, на листѣ 111 и 112): то должны они будутъ таковаго святителя, по силѣ учиненнаго приговора, въ присутствіи приглашенныхъ изъ всѣхъ здѣшнихъ старовѣрскихъ обществъ духовныхъ и мірскихъ первостатейныхъ лицъ, то есть полнымъ соборомъ, отъ всего завѣдованія и совокупнаго съ нами богомоленія навсегда устранить; однакожъ да будетъ на томъ же нашемъ пропитаніи. Если же, паче чаянія, подпадетъ святитель въ преступленіе гражданскаго закона, о томъ вѣдаютъ сами руководящіися закономъ, что и какъ въ таковыхъ случаяхъ поступать съ нимъ подобаетъ.

5. По смерти же дѣйствительнаго святителя, или въ случаѣ совершеннаго удаленія его отъ престола, наслѣдникъ его имѣетъ право вступить въ полное онаго дѣйствіе, съ донесеніемъ его императорскому величеству, съ тѣмъ обаче, да и сей въ наслѣдство свое прежде всего произведетъ чинно другаго, соборнѣ избраннаго, во святителя, потому же образу, какъ выше въ 4 пунктѣ, подъ литерою б, означено.

Итакъ да пребудемъ въ мирѣ и тишинѣ, благодарствуя всемогущему Богу и вѣнценосному нашему австрійскому государю царю, успокоивающему наше смиреніе своимъ покровительствомъ, аки орелъ птенцы, подъ державныма крылома и ограждающему нашу религію отъ всякихъ опасностей всемилостивѣйшею привилегіею, за что и наша нелѣстная любовь и преданность къ своему предобрѣйшему царю доказывается еще и тѣмъ, что сверхъ исполненія каждодневныхъ нашихъ къ Богу молитвъ, по апостольскому [1]) и святыхъ отецъ заповѣданію [2]), при совершеніи божественной литургіи приносится у насъ въ числѣ седми, именуемыхъ великими, особенная просфира о здравіи его величества, всепресвѣтлѣйшаго, самодержавнѣйшаго нашего государя царя, да преблагій Искупитель рода человѣческаго, соблю·

---

[1]) Апостолъ: 1 къ Тимоѳею гл. 2, отъ стиха 1 до 7, и въ толковомъ лист. 906 наоб.

[2]) Святый Златоустъ, въ бесѣдахъ, страница 2413, и Многосложный соборный свитокъ, въ Соборникѣ, листъ 343.

детъ всемилостивѣйшаго нашего царя въ вожделѣнномъ здравіи на многія лѣта, яко да и мы, подъ державою величества его, и прочее въ мирѣ и тишинѣ поживемъ, Всевышнимъ Богомъ всегда хранимы, емуже въ Троицѣ единому славимому, Отцу и Сыну и Святому Духу, славу и хвалу возсылаемъ, нынѣ и присно и вовѣки вѣкомъ, аминь.

Бѣлая-Крыница $^{6}/_{18}$ Іюня, $^{7349}/_{1841}$ года.

Настоятель монастыря инокъ *Іоиль.*
Казначей инокъ *Генадій.*
Уставщикъ инокъ *Геронтій.*
Головщикъ крылоса инокъ *Алимпій.*
Ризничей инокъ *Ануфрій.*
Соборный старецъ и экономъ инокъ *Іосифъ.*
Пономарь инокъ *Игнатій.*
Келарь инокъ *Іосифъ.*
Письмоводитель монастыря инокъ *Павелъ.*

III.

РЕКУРСЪ

ПОДАННЫЙ ПАВЛОМЪ И АЛИМПІЕМЪ ИМПЕРАТОРУ ФЕРДИНАНДУ 1 (12) ІЮЛЯ 1843 ГОДА.

An S-e. K. K. apostolische Majestät allerunterthänigste Bitte des Bielokrinicäer Altgläubigen Klosters in der Bukowina um die allergnädigste Bewilligung der Einführung eines Weihbischofs von unsrem Ritus und unsrer Nation aus dem Auslande, unter der inangesetzten Bedingniss der Selbsterhaltung, und um den weiteren Fortbestand dieses unsers Klosters, so wie auch um Bestätigung unsrer Klosterstatuten.

Euer Majestät!

Als unsere Vorfahren, Christen des altgriechischen Ritus, welche ehedem im türkischen Gebiete, jenseits der Donau am schwarzen Meere angesiedelt waren, auf ihr unterthänigstes Ansuchen von Seiner Majestät Joseph II mit Patent vom 9 Oktober 1783, welches in legaler Abschrift beiligt, die Bewilligung erhielten, sich mit ihren Familien und Vermögen in die österreichischen Staaten zu übersiedeln und sesshaft zu machen ward ihnen zugleich die vollkommen freie Religionsausübung für sie, ihre Kinder und Kindeskinder, nebst ihrer Geistlichkeit gestattet.

Diese allerhöchste Gnade, als österreichische Unterthanen, unter dem beglückenden Scepter der besten Monarchen leben zu dürfen, haben die vorerwähnten altgläubigen Gemeinden (die man hier zu Lande Lippowaner nennt) in tiefster Ehrfurcht, und mit dem Ausdrucke innigster Dankbarkeit angenommen, und sind gleich in demselben, und in den nächstfolgenden Jahren, mit ihren altgläubigen Familien und ihrer Pfarr- und Klostergeistlichkeit, das ist mit einem Klostervorsteher, Mönchen und sämmtlichen Kirchenapparaten und den übrigen klösterlichen Einrichtungen, nach Ueberwindung unsäglicher, von Seiten der türkischen Regierung erhobener Hindernisse, in die Bukowina eingewandert, wo sie auch gleich nach ihrer Einwanderung auf dem zu ihrer Ansiedlung angewiesenen Praedium Fontina-Alba, oder Bialokrinica ein Kloster aufgebaut haben.

Dieses Kloster besteht seit jener Zeit bis gegenwärtig, durch beinahe „60" Jahre, und jetzt in einem viel besseren Zustande, nur dass nach dem Ab-

sterben der ursprünglich eingewanderten Geistlichen, bei unseren altgläubigen Gemeinden, ein grosser Mangel an Geistlichen eingetreten ist, weil zur Ordinirung einer neuen Geistlichkeit, kein Weihbischof von unserer Religion, in sämmtlichen, kaiserlich österreichischen Staaten besteht, und man daher nur mit vieler Mühe und äusserst selten einen Jeromonachen aus Russland erhalten konnte, welcher die Klostermitglieder zu Mönchen ausweihen, das ist: ihnen die ersten Grade der Weihe ertheilen, mit welchen sie zwar das Recht erhalten, die Mönchskleidung zu tragen, sodann aber niemehr heirathen, oder das Kloster verlassen dürfen. Dieselben können jedoch nur die kirchlichen Andachten in ihrem Kloster verrichten, nicht aber die heilige Messe lesen, oder die pfarrlichen Functionen ausüben, und zwar die bei den letzteren in solange nicht, bis sie nicht die höhere Weihe erhalten, welche aber nur von einem Weihbischofe ertheilt werden kann.

Aus solchen Mönchen also, welche lediglich die erste Weihe besitzen, besteht gegenwärtig das Bielokrinicaer Kloster ganz. — Diesem nach mangelt es in der Bukowina an vollends ausgeweihter Geistlichkeit des altchristlichen Glaubens, welche den Gottesdienst im vollen Umfange zu verwalten, die heiligen pfarrlich kirchlichen Gebräuche auszuüben und die Lippowaner Gemeinden im Christenthume zu unterrichten befähigt wäre. — Dieser Umstand hat die in vier grossen Dörfern wohnenden zahlreichen Altgläubigen in eine höchst traurige religiöse Lage versetzt, welche aus oben besagten Ursachen bemüssigt sind, zur Vollziehung der Taufhandlungen, Eheeinsegnungen und anderen religiösen geistlichen Functionen, über die Gränze hinauszufahren. — Mit welch grossen Schwierigkeiten, Kosten und Zeitaufwande solche Reisen, besonders wenn sie von armen Leuten unternommen werden, verbunden sind, braucht kaum erwähnt zu werden. — Das Schmerzlichste und Traurigste hierbei ist aber der Umstand, dass wegen Mangel der ausgeweihten Ortsgeistlichkeit sehr oft Kinder, ohne das Sacrament der Taufe empfangen zu haben, sterben, und dass viele Sterbende, ohne geistlichen letzten Trost, ohne Beichte, ohne Absolution, in eine bessere Welt hinüber gehen, und deren Leichname dann, nur von ihren profanen Mitbrüdern, ohne geistliche Einsegnung, zur Erde bestattet werden müssen.

Zwar bekommen wir manchesmal, obwohl mit bedeutenden Unkosten, Geistliche von unserem Ritus aus Russland; allein diese bleiben gewöhnlich nur eine kurze Zeit bei uns, und reisen dann entweder nach Russland zurück, oder weiter über die Gränze, zu den in der Moldau und jenseits der Donau wohnenden altgläubigen Gemeinden ab, wo ebenfalls der grösste Mangel an Geistlichen unsers Ritus herrscht. Bei dieser Sachlage befinden wir uns in geistlicher Beziehung fast immer ganz verwaist; dass dies auf die Erziehung der Jugend, die Moralität und das Seelenheil nur den nachtheiligsten Einfluss üben muss, leuchtet von selbst ein. Aus diesem Anlasse sind die trostlosen altgläubigen Gemeinden dem grössten Kummer und beinahe der Verzweiflung ausgesetzt.

Der Anblick dieses wahrhaft traurigsten Zustandes beunruhigt unser Gewissen und lässt nicht zu, dass wir von den in der Mitte dieser Gemeinden lebenden Mönchen, zumal wir dessfalls flehentlichst von denselben angegangen

werden, dabei gleichgültig und unthätig bleiben, indem es auch unser wärmster Wunsch ist, durch Vorrichtung der geistlichen Functionen, die Beförderung der Volksbildung und Ausbreitung des Religionsunterrichtes, nicht nur das Bedürfniss der Gemeinden zu befriedigen, sondern hierdurch auch dem Staate bestens dienen zu können. Dieser unser frommer langgenährter Wunsch musste jedoch in seiner Wirkung bis jetzt ganz gelähmt bleiben, weil wir, die wir für den geistlichen Stand ganz ausgebildet sind, und die wir der Erwerbung jener wissenschaftlichen Kenntnisse, welche den öffentlichen Religionsunterricht leiten sollen, unsre ganze Zeit und Kraft gewidmet haben, wegen Mangel eines Weihbischofs von unsrem Ritus, der uns die höheren Weihen ertheilen könnte, der Ordinirung entbehren müssen.

In der Absicht alle diese Uebelstände zu beseitigen, haben die allerunterthänigst Gefertigten, durch das k. k. bukowinaer Kreisamt ein Gesuch dd. $^{14}/_{26}$-ten Februar 1840 an das hohe k. k. gallizische Landesgubernium überreicht mit der Bitte um Bewilligung, einen Weihbischof unseres Ritus aus dem Auslande nach Bielokrinica kommen lassen zu dürfen, damit er uns ordinire und auch bei uns als Oberhirt verbleibe. Wir haben dann auch unsere Klosterstatuten in Folge eines löbl. kreisämtlichen Austrages vom 20 Juni 1840, Z. 11.129 an die hohe k. k. Landesstelle eingesendet.

Als wir später vernommen haben, dass ein unserem Ritus feindseliger Einfluss, sogar den Fortbestand unsers Klosters beanstandet — haben wir ein wiederholtes Gesuch um Aufrechthaltung des in Bielokrinica bestehenden christ-altgläubigen Klosters, auf dem Grunde des allerhöchsten Privilegiums weiland Kaiser Joseph des Zweiten, unmittelbar bei dem hohen k. k. Landes-Gubernium eingereicht, allein diese hohe k. k. Landesstelle hat laut der sub beiligenden Verständigung, mit dem Decrete vom 21 März 1842, Z. 11.613. und vom 16, Oktober desselben Jahres Z. 39.976 bedeutet: die Errichtung eines Klosters in Fontina-Alba sei unzulässig, gesetzwidrig und könne nicht geduldet werden, weil:

a) Nach dem allerhöchsten Privilegium den in der Bukowina angesiedelten Lippowannern wohl die ungestörte Ausübung des Gottesdienstes, der geistlichen Seelsorge und Beischaffung eines Popen von ihrer Nation aus dem Auslande zugesichert; keineswegs aber zur Errichtung eines, dem seelsorglichen Berufe fremden, nur der Abgeschiedenheit und der Contemplation gewidmeten klösterlichen Institutes verliehen worden sei.

b) Weil bereits auf Anlass eines ähnlichen Ansuchens die Errichtung eines derlei Klosters, mit dem hofkriegsräthlichen Rescripte vom Jahre. 1784, und mit dem Decrete der hohen Landesstelle vom 24. August 1791 untersagt worden ist.

c) Weil die Lippowaner zur Führung der Matrikel, da diese eine rein politisch-administrative, mit der Religion und mit dem Gottesdienste in keiner Verbindung stehende Massregel ist, selbst verpflichtet sind; und endlich.

d) Weil das Kloster durchgehends aus Layenbrüdern und meist aus Ausländern besteht.

Die in tiefster Ehrfurcht Gefertigten sind der unmassgeblichen Meinung, dass diese hohe Gubernial-Entscheidung, durch die allegirte Motivirung,

keineswegs gerechtfertigt sei, dass sie, anstatt die vorerwähnten bestehenden Uebel zu beseitigen, oder wenigstens zu vermindern dieselben im hohen Grade noch vermehrt, und dass sie überhaupt dem Wortlaute und dem Geiste des Eingangs bezogenen allerhöchsten Privilegiums widerstreitet.

Wir finden uns daher durch diese hohe Gubernial-Entscheidung um so mehr gekränkt, da ihre Entscheidungsgründe unsere entgegengesetzte Ueberzeugung, nicht im Mindesten zu schwächen vermögen, und zwar:

ad a) Mit dem allerhöchsten Privilegium vom 9 Oktober 1783 wurde den eingewanderten altgläubigen Gemeinden nebst ihren Geistlichen das vollkommen freie Religions-Exercitium, das ist, die ungestörte Ausübung des Gottesdienstes, der geistlichen Seelsorge, und aller übrigen religiösen Uebungen gestattet; und da die mit den Altgläubigen vom Jahre 1783 bis 1789 eingewanderte Geistlichkeit, aus Pfarrgeistlichen, aber auch aus Mönchen bestanden hat, welche letzteren, nach den Religionsgrundsätzen, nur in einem Kloster leben müssen und nur darin den Gottesdienst ausüben können; somit war ihnen durch jenes allerhöchste Privilegium offenbar auch die Errichtung eines Klosters gestattet.—Dies ist auch daraus zu ersehen, weil jenes allerhöchste Privilegium nur von Geistlichen im allgemeinen spricht, mithin zwischen der Welt und Ordensgeistlichkeit, keine Ausnahme macht, weil es ferner die Einwanderung der Mönche, oder die Einführung eines Weihbischofs, oder die Errichtung eines Klosters ausdrücklich nicht verbietet.—Und daher haben auch die hohen Behörden, die Errichtung eines altgläubigen Klosters schon dadurch offenbar gestattet und bewilliget, weil es allenthalben verlautbart war, dass die altgläubigen Mönche sich aus der Fremde in die Bukowina begeben werden, was aus Nachfolgendem zu ersehen ist,—man aber nie der Einwanderung dieser Mönche widersprochen hat. So hat die Suczawaer k. k. Direction am 22-ten April 1784 an die k. k. bukowinaer Landesadministration prath. dd. 23 April 1784, Z. 1016 berichtet: dass die Lippowaner mit fünf Mönchen eingewandert sind.

Später berichtete die nämliche Direction, dass auch der Igumen (ebenfalls ein Mönch) in die Bukowina eingewandert sei.

Nach Erbauung des Klosters bat dieser Igumen Simeon das k. k. bukowinaer Kreisamt im Jahre 1788, damit ausser den bereits eingewanderten fünf Mönchen auch den übrigen in der Moldau zurückgebliebenen die Erlaubniss zur Einwanderung in die Bukowina ertheilt werden möge. Diese Erlaubniss ertheilte auch durch das k. k. Bukowinaer Kreisamt am 24 Oktober 1788 Z. 2859, in Folge deren noch sieben Mönche eingewandert sind.

Auf diese Art bestand damals das Kloster aus 13 religiösen Individuen, mit Vorwissen des k. k. Kreisamtes, wesshalb also dieses Kloster als ein blos stillschweigend geduldetes, oder gar verbotenes nicht betrachtet werden kann, weil wie gesagt das k. k. Kreisamt unterm 24 Oktober 1788 Z. 2859 die Einwanderung auch der vorbesagten sieben Mönche aus der Moldau, in dasselbe gestattet, und weil seit dem, gegen die Existenz des bereits seit 60 Jahren bestehenden Klosters von Seiten der hohen Regierung, nie und nicht der mindeste Anstand oder Einwendung gemacht worden ist, was auch in der Natur der Sache begründet war; denn den altgläubigen Ordensgeistlichen

das volle Religions-Exercitium bewilligen, und ihnen zugleich das Dasein und den Fortbestand des Klosters verbieten zu wollen, hiesse so viel, als ihnen die Mittel zu dem gesetzlich bewilligten Zwecke zu benehmen, und dadurch auch den Zweck selbst zu zerstören, die altgläubige Geistlichkeit in der Bukowina zu vernichten, und dadurch die Lippowaner Gemeinden, entweder zum Uebertritt zu einem anderen Ritus, oder aber zu einer gänzlichen Auswanderung zu zwingen.

Doch diese fürwahr traurige Alternative wäre sowohl dem Toleranz-Patente, als auch dem uns ertheilten allerhöchsten Privilegio, ganz zuwider. Uebrigens handelt es sich hier keineswegs um die Errichtung eines neuen, sondern nur um die Aufrechthaltung des schon seit so vielen Jahren bestehenden Klosters, und um die Erlaubniss der Einsiedlung eines altgläubigen Weihbischofs, welcher zur Verbesserung des wegen Mangel an Geistlichkeit höchst traurigen Loses unserer altgläubigen Christen das Nöthige einleiten würde und uns mit den unumgänglich nothwendigen Priestern versehen könnte.

Die Abgeschiedenheit und die Contemplation ist nicht, wie es in der hohen Gubernial-Entscheidung heisst, der alleinige Zweck unsers klösterlichen Institutes; im Gegentheil ist die Ausübung des Gottesdienstes, des Religionsunterrichtes und des seelsorgerlichen Berufes, der Hauptzweck unseres Institutes, wie dies aus den hier beiligenden Klosterstatuten, namentlich pag. 113, aus dem Schlussabsatze hinsichtlich des Weihbischofs erhellet. — Und wenn wir gegenwärtig aus der Ursache, weil die alten Ieromonachen ausgestorben sind, jetzt lauter Monachen sind, denen die letzte Weihe mangelt, wegen welcher wir, unserem Berufe im vollen Masse nicht nachkommen können, so ist dies blos ein Zwang der Umstände, als ein zufällig und wider unseren Willen eingetretenes vorübergehendes Hinderniss, welches uns in der Ausübung unserer eigentlichen Berufsaufgabe stört, nicht aber als eine aus dem Wesen unseres Institutes hervorspringende Eigenschaft anzusehen.

Dieses der Ausübung der Seelsorge im Wege stehende Hinderniss zu beheben und durch die Einführung eines Weihbischofs von unsrem Ritus auf immerdar zu entfernen, mithin den vier aus lauter Altgläubigen bestehenden grossen Gemeinden Religionslehrer und Seelsorger zu verschaffen ist der alleinige Zweck unsrer unterthänigsten Bitte gewesen; nicht aber die Errichtung eines neuen Klosters, da uns das eine Kloster zureicht, welches auf der Grundlage des im Eingange erwähnten allerhöchsten Privilegiums, schon seit 60 Jahren unter den Augen politischer und geistlicher Behörden, als eine Thatsache besteht, und dessen Fortbestand, weder im Jahre 1785 bei der Regulirung des Kirchenwesens der nicht unirten Griechen, in der Bukowina, noch später jemals verbothen, oder nur angefochten wurde.

Die anbezogene hohe Gubernial-Entscheidung sagt: dass uns mit dem allerhöchsten Privilegium nur die Beschaffung eines Poppen, das ist einen Geistlichen von unsrer Religion, aus dem Auslande zugestanden, keineswegs aber die Errichtung eines klösterlichen Institutes verliehen worden sei.

Dagegen sind wir bemüssigt allerunterthänigst zu bemerken, dass von einer solchen Bestimmung in dem allerhöchsten Privilegium gar keine Spur

zu finden sei, und wenn man sich nur mit einem ausländischen Priester behelfen, und sich mit demselben zufrieden stellen sollte, so wäre dies keine vollkommen freie—wie es in dem allerhöchsten Privilegio angedeutet ist—sondern vielmehr eine unterdrückte, ja sogar unmögliche Ausübung unserer Religion; weil auch in dem Auslande nur sehr wenige Geistliche von unsrer Religion existiren, und nur äusserst selten einer derselben sich entschliessen will, in die Bukowina zu kommen, um sich hier stabil sesshaft zu machen, und das Seelenheil auf immer zu übernehmen. — Ein Zwang ist hier nicht möglich. Mit grosser Anstrengung gelingt es uns zwar manchmal einen Geistlichen aus Russland, auf eine sehr kurze Zeit zu bekommen, der durch einige Wochen bei uns bleibt, und dann wieder in seine Heimath zurückkehrt. — Schon durch diesen kurzen Besuch bringt uns ein solcher Geistlicher das grösste und mit unsäglichen Gefahren verbundende Opfer, da die russische Regierung, wie bekannt, ihren Unterthanen den Austritt ins Ausland strengst verbietet. Bei diesem Umstande ist es um so unmöglicher, uns in diesem traurigsten Zustande fortan zu belassen, und es ist unumgänglich nothwendig, dass unser Kloster fortan bestehe, und durch die Einsetzung eines Weihbischofs in unsere Mitte, bestätigt werde, damit zur Verrichtung der geistlichen Funktionen bei uns Pfarrgeistliche aus der Zahl unserer hierländigen Altgläubigen gebildet und ausgeweiht werden. — Dies ist das einzige Mittel, statt dem öfteren Herbeischaffen der Geistlichkeit aus dem Auslande, mit einem Male, durch Einsetzung unsers Weihbischofs, nach den in unseren Klosterstatuten ausgesprochenen Grundsätzen, dem betrübten Zustande unserer altgläubigen Gemeinden für immer ein Ende zu machen. — Wir würden dann niemehr eines Geistlichen aus dem uns sehr abgeneigten Russland bedürfen, und in der Folge auch keines Weihbischofs aus dem Auslande benöthigen; weil nach unserem Ritus, bei dringend erforderlichen Umständen — unser Weihbischof seinen Nachfolger bestimmen kann, und auf diese Art zur Verrichtung aller religiösen und geistlichen Funktionen, nur unsere österreichischen Eingebornen gelangen werden.

Wir sind überzeugt, dass diesem unsern allerunterthänigsten Ansuchen kein Hinderniss im Wege stehen dürfte, vielmehr durch die allergnädigste Willfahrung dieser unsrer Bitte, alle vorerwähnte Gebrechen beseitigt werden würden, und dadurch auch für den Staat kein Nachtheil erwachsen kann, indem das Kloster sich verpflichtet, unsern Weihbischof aus Eigenem zu erhalten, und hiezu nie und nie, eine Beihilfe oder Unterstützung von der hohen Regierung je zu verlangen.

Alle christlichen Confessionen in der grossen österreichischen Monarchie haben ihren eigenen Bischof, neben einer zahlreichen Weltgeistlichkeit und nach Umständen auch klösterliche Institute für diejenigen, welche in klösterlicher Abgeschiedenheit zu leben wünschen.

Warum sollte dies also, nur den altgläubigen Christen, welchen nach dem allerhöchsten Privilegium die vollständige Ausübung ihrer Religion allergnädigst bewilligt wurde, und welche ausser ihren Mönchen keine andere Geistlichkeit in der Bukowina haben, verboten sein?

Ein solches Verbot würde für uns höchst schmerzhaft sein, weil in dem höchsten Privilegio uns die vollkommenste Religionsfreiheit bewilligt und zugestanden worden ist, der Kultus aber der Altgläubigen, ohne dem Mönchsstande nicht bestehen kann, weil alle Ieromonachen und höhere und wirkliche Geistliche nur aus dem Mönchsorden allein hervorgehen dürfen. Mönche aber dürfen und können nur in den Klöstern bestehen, und da ausser diesem unserem einzigen Kloster unsers Ritus, in der ganzen österreichischen Monarchie kein anderes Kloster besteht, so fliesst von selbst, dass man mit der Aufhebung unsers Klosters, auch unsere Religion ausrotten und vernichten würde.

Wir haben mit tiefstem Schmerz vernommen, dass Erlass der beschwersamen hohen Gubernial-Entscheidung, das eingeholte Gutachten Sr. Hochwürden des Bukowinaer griechisch nicht unirten Herrn Bischofs, viel beigetragen hat, welcher sich über unsere Individualität, unsere Kenntnisse und unsere Fähigkeiten ungünstig ausgesprochen haben soll. — Doch wir vermuthen zugleich, dass dieses ungünstige Gutachten seinen Grund blos in der Abgeneigtheit des Herren Bischofs hat, welcher unser Kloster blos deshalb unterdrücken, und die Creirung der Geistlichkeit von unsrer Nation und Religion, nur desshalb verhindern will, um uns dadurch entweder zum Uebertritte zur griechisch nicht unirten Religion, oder zur Auswanderung zu zwingen, und sich auf diese Art eines Ritus in der Bukowina zu entledigen, dem er nicht hold sein mag.

Wir unterstehen nicht dem Bukowinaer gr. n. unirten Bichofe. Man hat zwar den eingewanderten Lippowanern im Jahre 1784 behördlicher Seits bedeutet: dass sie dem bukowinaer Herrn Bischofe, und eigentlich dem Carlowitzaer Metropoliten unterstehen sollen; allein da diese Verordnung unseren Religionsgrundsätzen und dem allerhöchsten Privilegio zuwider war; so haben die Lippowaner diese Bedingung nicht annehmen können, und wollten auch in die Moldau zurückwandern, wesshalb man jene Bedingung alsogleich zurücknahm und die Lippowaner versicherte, dass sie nicht unter dem bukowinaer gr. n. u. Bischofe, noch unter dem Carlowitzer Metropoliten stehen sollen, wie dies aus dem Berichte der Suczawaer k. k. Direction, an die k. k. bukowinaer Landesadministration dd. 19 Jänner 1784 Z. 154 zu ersehen ist. Darum hält man auch den bukowinaer gr. n. u. Bischof Hackman Eugenius für nicht competent, in unseren Religionsangelegenheiten ein Gutachten abzugeben.

ad b) Es ist nicht glaubwürdig, dass mit hohem Hofkriegsräthlichen Reskripte vom J. 1784 die Errichtung unsers Klosters wäre verboten worden, weil die Altgläubigen es damals gar nicht nöthig hatten, ausser dem in Händen gehabten allerhöchsten Privilegio, hiezu noch eine andere besondere Erlaubniss zu verlangen: denn in diesem a. h. Privilegio, war ihnen unbeschränkt die vollkommenste Religionsfreiheit und auch ihre Geistlichkeit ohne Ausnahme zugestanden.

Uebrigens, wenn wegen Verbot unsers Klosters wirklich ein solches Reskript vom J. 1784 existirte, so hätte das bukowinaer k. k. Kreisamt, wie oben erwähnt, dem Igumen Simeon im J. 1788 dd. 24. Oktober Z. 2859 nicht

die Bewilligung ertheilen können, auch noch andere Mönche in die Bukowina kommen zu lassen. Und wenn in der h. Gubernial-Entscheidung vorkömmt, dass ein Verboth desshalb schon in irgend einem früheren Gubernialdekrete vom J. 1791 ausgesprochen wäre; so ist jedoch weder dieses Dekret, noch jenes hofkriegsräthliche Reskript, der altgläubigen Geistlichkeit, jemals zugestellt worden, und nie wurde bei der Errichtung unsers altgläubigen Klosters, von Seiten der h. Regierung ein Hinderniss in den Weg gelegt. Selbst auf unsere Bittgesuche, damit uns der Inhalt, und die Beweggründe des erwähnten h. Gubernialdekretes vom J. 1791, und des h. hofkriegsräthlichen Reskriptes vom J. 1784 mitgetheilt werden wollen, erhielten wir vom Löbl. k. k. bukowinaer Kreisamte, nur den Bescheid: dass diese Akten, bei den Stellen nicht aufgefunden werden können.

ad c) Die Matrikelbücher können nur dann als öffentliche, vollen Beweis führende Urkunden betrachtet werden, wenn dieselben von denjenigen Personen, welche die Handlung der Taufe, der Trauung oder Beerdigung zu verrichten gesetzlich berufen und verpflichtet sind, welche Personen lediglich Geistliche sind, geführt werden. — Ein Nichtgeistlicher darf sich mit dieser Beschäftigung gar nicht befassen. Und da wir keine ordinirte Geistliche haben, so ist vor der Hand die Matrikelbuchführung bei uns rein unmöglich. Wollte man dieses Gechäft den Dominien, oder einem Lippowaner, der kein Geistlicher ist, übertragen, so würde, abgesehen davon, dass dies gesetzwidrig wäre, der Zweck der Matrikelbücher offenbar ganz verfehlt sein, weil bei dem Umstande, dass wegen Mangel der Geistlichen in der Bukowina, die meisten Taufen und Trauungen der hiesigen Lippowaner in Russland, oder in der Moldau geschehen, mithin ein solcher Matrikelbuchführer, von der vorgenommenen Taufe oder Trauung entweder gar nichts wissen, oder zu deren Kenntniss blos durch Hörensagen gelangen würde, und daher gar nicht im Stande wäre, diese ihm ganz fremde Handlung in das Matrikelbuch einzuschreiben, und wenn er es auch thäte, so würde das Matrikelbuch den Charakter einer öffentlichen Urkunde verlieren, und zu einem sagenhaften unglaubwürdigen Tagebuche herabsinken.

ad d) haben wir ganz mit dem Gegentheile zu erwiedern, denn in unsrem Kloster sind nur wenige Layenbrüder im Noviziate, die übrigen aber sind alle insgesammt wirkliche Mönche, welche die erste Weihe vom Ieromonach erhalten haben, so wie dies aus den vorliegenden Statuten und zwar wie dies aus dem Statutenbuche Seite 101 Cap. VI. 5 Absatze zu ersehen ist; und obwohl es bei uns gegenwärtig keinen Ieromonachen giebt, so ist dies nicht im Geiste unsers Institutes, sondern nur desswegen, weil wir keinen Oberhirten oder Weihbischof haben, welcher allein die höheren Weihen ertheilen kann, in unseren Landen besitzen.

Und eben in diesem Umstande scheint ein Grund mehr zu sein, nicht zur Aufhebung unsers Klosters, sondern vielmehr zur Bewilligung eines Weihbischofs, welcher durch Ordinirung der itzt bestehenden Mönche, dieses für die Lippowaner so sehr nothwendige Kloster, zur Gründung und zur Pflanzschule für die Lippowaner Geistlichkeit berufen werde, zumal es bekannt ist, dass ohne Geistlichkeit, welche laut § 7. des 3 Cap. pag. 79 der Statuten

lediglich ein Weihbischof bestellen kann, auch die sittlichsten und ruhigsten Menschen, mit der Zeit zur Irreligiosität, und Unmoralität verleitet, und so verwildert, äusserst schädlich werden können.

Auch besteht unser Kloster nicht, wie die h. Gubernial-Entscheidung sagt, aus lauter Ausländern.

Denn es ist schon itzt ämtlich erhoben, dass beinahe alle Mönche des Fontina albaer Klosters, entweder-Landeskinder, oder wenn auch im Auslande, so doch von österreichischen Staatsbürgern geboren sind, daher die Eigenschaft eines österreichischen Unterthans und Staatsbürgers besitzen l. § 28 des B. Gesetzbuches. Und wenn sich auch einige Ausländer unter uns befinden sollten; so sind dieselben nur aus der Moldau, und es dürfte dies kein Hinderniss zum Fortbestande unsers Klosters sein, zumal es sich hier um die Sache selbst, nicht aber um Personen handelt.

Der unsterbliche Monarch weiland Kaiser Joseph der II, hat die vollkommenste Religionsfreiheit, den eingewanderten Lippowaner-Geistlichen überhaupt zugesichert.

Der vielgeliebte, ewig unvergessliche höchstselige Kaiser Franz der I hat das obenerwähnte allerhöchste Privilegium ungeschmälert erhalten, und soll nun das schöne Werk zerstört werden, welches Euer Majestät glorreiche Vorfahren errichtet und beschützt haben? O gewis nicht! weil wir in der festen Ueberzeugung leben, dass Eure geheiligte Majestät als Erbe Ihrer h. Tugenden sich für die Schutzlosen, eben so gnädigst erweisen, und nicht zulassen werden, dass an denselben ohne Verschulden ein Unrecht verübt werde.

Indem wir in tiefester Ehrfurcht Gefertigten, die Nothwendigkeit unsrer Wünsche gerechtfertigt, und die dagegen von der h. k. k. Landesstelle erhobenen Anstände als nicht bestehend oder als nicht wesentlich bewiesen zu haben glauben, legen wir im Originale unsere Statuten zu dem Throne Euerer Majestät nieder, mit der allerunterthänigste Bitte, damit Euer Majestät allergnädigst geruhen möchten, den Fortbestand unsers Klosters und unserer Klosterstatuten zu bestätigen, und uns die Einführung eines Weihbischofs aus unsrem Ritus, und aus unsrer Nation nach unsrem Belieben wo immerher, mit alleiniger Ausnahme Russlands, unter der obenausgesetzten Bedingniss, dass wir denselben aus Eigenem erhalten, und nie um eine Unterstützung einkommen werden, zu bewilligen, und auf diese Art aus eingebornen Jnländern eine Geistlichkeit zu bilden, deren vorzüglichste Pflicht es ewig sein wird, eben so wie wir dies täglich machen, den Herrscher aller Herrscher anzuflehen, damit er Euerer Majestät väterliche Regierung im Frieden, Ruhe, und stetem Wohlsein verherrlichen, und den österreichischen Szepter, jetzt und für immerwährende Zeiten in Glanz und Blüthe fest erhalten möge.

Euer Majestät treu unterthänigste Bittsteller und Bevollmächtigte des Bielokrinicaer altgläubigen Klosters in der Bukowina am 28-ten Maj 1843

Olympi Miloradow Mönch
und
Paul Wasilow Mönch.

Переводъ. Его к. к. императорскому величеству Бѣлокриницкаго старовѣрческаго въ Буковинѣ монастыря всеподданнѣйшее прошеніе о всемилостивѣйшемъ дозволеніи привезти изъ-за границы святителя нашего обряда и нашей націи, на изложенныхъ здѣсь условіяхъ содержанія его на собственный щетъ, и о дальнѣйшемъ существованіи сего нашего монастыря, а также объ утвержденіи нашего монастырскаго устава.

Ваше Величество!

Когда предки наши, христіане старогреческаго обряда, поселившіеся прежде въ турецкихъ предѣлахъ, по ту сторону Дуная, при Черномъ морѣ, по всеподданнѣйшему ихъ прошенію получили отъ его величества Іосифа II чрезъ изданный отъ 9 Октября 1783 года патентъ, съ котораго прилагается засвидѣтельствованная копія, позволеніе переселиться въ австрійскія владѣнія съ ихъ семействами и имуществомъ: тогда же дана была для нихъ и ихъ потомковъ, вмѣстѣ съ ихъ духовенствомъ, совершенная свобода въ отправленіи ихъ религіи.

Эту всевысочайшую милость, дозволяющую имъ жить, какъ австрійскимъ подданнымъ, подъ благодѣтельнымъ скипертомъ лучшаго изъ монарховъ, вышеупомянутыя старовѣрческія общества (извѣстныя здѣсь подъ именемъ Липованъ) приняли съ глубочайшимъ почитаніемъ и выраженіемъ искреннѣйшей благодарности, и вскорѣ, въ томъ же и въ слѣдующіе годы, со своими старовѣрческими фамиліями, съ своимъ священникомъ и монастырскимъ духовенствомъ, т. е. съ настоятелемъ и иноками, со всею церковною утварью и прочимъ монастырскимъ обзаведеніемъ, пришли въ Буковину, преодолѣвъ несказанныя препятствія, сдѣланныя имъ со стороны турецкаго правительства. Здѣсь они, вскорѣ по своемъ пришествіи, на показанной для жительства ихъ мѣстности, называемой Бѣлая-Криница, построили монастырь. Монастырь сей съ тѣхъ поръ и по настоящее время существуетъ почти 60 лѣтъ и находится теперь въ гораздо лучшемъ положеніи; только послѣ того, какъ всѣ первоначально пришедшія духовныя лица померли, послѣдовало въ нашихъ старовѣрческихъ обществахъ великое оскудѣніе духовенства, ибо для посвященія новыхъ духовныхъ лицъ не имѣется во всемъ австрійскомъ государствѣ ни одного святителя нашей религіи, и по сему только съ великимъ трудомъ и весьма рѣдко можно достать изъ Россіи іеромонаха, который монастырскихъ жителей постригаетъ въ иноки, т. е. посвящаетъ въ первую духовную степень, которая даетъ имъ право носить иноческое одѣяніе, съ тѣмъ, что они не могутъ уже никогда вступить въ бракъ, или оставить монастырь. Они могутъ только церковную службу въ своемъ монастырѣ отправлять, но святой литургіи, или дѣйствій приходскаго священника, они совершать не могутъ, пока не получатъ высшаго посвященія, которое однакоже можно получить только отъ святителя.

Изъ такихъ то иноковъ, имѣющихъ только первое посвященіе, состоитъ въ настоящее время весь Бѣлокриницкій монастырь. Посему недостаетъ въ Буковинѣ полнопосвященнаго духовенства старохристіанской вѣры, которое бы имѣло власть совершать Богослуженіе въ полномъ его объемѣ, исправлять по приходамъ церковныя требы и поучать липованскія общества въ

христіанствѣ. Это обстоятельство привело живущихъ въ четырехъ большихъ селеніяхъ многочисленныхъ старовѣровъ въ весьма жалкое религіозное положеніе, потому что они, по вышесказаннымъ причинамъ, принуждены большею частію для исполненія крещенія, вѣнчанія и другихъ духовныхъ требъ выѣзжать за границу. Съ какимъ большимъ затрудненіемъ, издержками и потерей времени сопряжены такія поѣздки, въ особенности когда онѣ предпринимаются людьми бѣдными, объ этомъ нѣтъ надобности и упоминать. При семъ особенно прискорбно и горестно то обстоятельство, что, за неимѣніемъ мѣстнаго духовенства, младенцы весьма часто умираютъ не получивъ крещенія и многіе умирающіе отходятъ въ лучшій міръ безъ послѣдняго духовнаго утѣшенія, безъ покаянія и отпущенія грѣховъ, и тѣла ихъ потомъ предаются землѣ только ихъ мірскими собратіями безъ духовнаго благословенія.

Правда, иногда получаемъ мы, хотя съ значительными издержками, духовныхъ нашего обряда изъ Россіи; но они обыкновенно остаются у насъ только на малое время, а потомъ уѣзжаютъ либо въ Россію обратно, либо дальше за границу, къ старовѣрческимъ обществамъ, проживающимъ въ Молдавіи и по ту сторону Дуная, гдѣ также господствуетъ величайшій недостатокъ въ духовенствѣ нашего обряда.

При такомъ положеніи дѣла, мы находимся въ духовномъ отношеніи всегда почти совершенно сиротствующими, и какое отсюда вредное вліяніе должно проистекать на воспитаніе юношества, на нравственность и для душевнаго спасенія, ясно само собою. По сей причинѣ безпомощныя старовѣрческія общества впали въ величайшую скорбь и почти въ отчаяніе.

Видъ такого, по истиннѣ печальнѣйшаго положенія безпокоитъ нашу совѣсть и не позволяетъ намъ инокамъ оставаться при этомъ равнодушными и недѣятельными, живя среди сихъ обществъ, особенно же когда и они не отступно насъ просятъ, и мы сами имѣемъ горячее желаніе посредствомъ исполненія духовныхъ требъ, чрезъ содѣйствіе народному просвѣщенію и и распространеніе религіознаго образованія, имѣть возможность не только удовлетворить нуждѣ обществъ, но и послужитъ чрезъ то наилучшимъ образомъ государству. Это благочестивое и давно питаемое нами желаніе должно было однакоже до сихъ поръ оставаться безъ всякаго движенія къ своему исполненію, потому что мы, которые совершенно назначили себя къ духовному званію и посвятили все свое время и силы на пріобрѣтеніе ученыхъ знаній, необходимыхъ для публичнаго наставленія въ религіи, за неимѣніемъ святителя нашего обряда, который могъ бы намъ сообщать высшее посвященіе, должны оставаться безъ поставленія.

Въ намѣреніи всѣ эти бѣдствія устранить всеподданнѣйше подписавшіеся подали, чрезъ к. к. Буковинскій Кразаймтъ, высокой к. к. Галиційской Губерніи прошеніе отъ 14/26 Февраля 1840 года о дозволеніи прибыть въ Бѣлую-Криницу изъ-за границы нашего обряда святителю, который могъ бы насъ рукополагать и остался бы у насъ верховнымъ пастыремъ. Вслѣдствіе распоряженія славнаго Кразайма отъ 20 Іюня 1840 года за № 11,129, мы послали также въ высокую к. к. Губернію и нашъ монастырскій уставъ. Потомъ, извѣстившись, что по нѣкоторому враждебному для нашего обряда

вліянію, поставляется препятствіе даже и дальнѣйшему существованію нашего монастыря, мы, на основаніи высочайшей привилегіи блаженной памяти императора Іосифа II, подали непосредственно высокой к. к. Губерніи вторичное прошеніе о сохраненіи состоящаго въ Бѣлой-Криницѣ христіанскаго старовѣрческаго монастыря неприкосновеннымъ. Однако высокая к. к. Губернія, декретами отъ 21 Марта 1842 года за № 11,613 и отъ 16 Октября того же года за № 39,976 объявила: учрежденіе въ Бѣлой-Криницѣ монастыря есть дѣло недозволительное, противозаконное и терпимо быть не можетъ, потому что:

a) По высочайшей привилегіи липованамъ, поселившимся въ Буковинѣ, якобы предоставлено только ненарушимое исправленіе Богослуженія и духовныхъ требъ и привезеніе изъ-за границы своей націи попа, но вовсе непозволено учрежденіе, чуждаго пастырскихъ обязанностей и посвященнаго только уединенію и созерцанію, монастырскаго института.

b) Потому что, по поводу подобнаго же прошенія, учрежденіе такого рода монастыря рескриптомъ Придворнаго Военнаго Совѣта отъ 1784 года и декретомъ высокой Губерніи отъ 24 Августа 1791 года уже было запрещено.

c) Потому что липоване обязаны сами вести метрическія записи, такъ какъ онѣ составляютъ чисто политико-административную мѣру, несостоящую ни сколько въ связи съ религіей и Богослуженіемъ, и наконецъ:

d) Потому что монастырь состоитъ вообще изъ непостриженныхъ бѣльцовъ и большею частію изъ иностранцевъ.

Въ глубочайшемъ страхопочитаніи подписавшіеся полагаютъ, что сіе высокое губернское рѣшеніе приведенными доказательствами ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправдано, что оно, вмѣсто того, чтобы преждеупомянутое существующее зло устранить, или по крайней мѣрѣ уменшить, до высокой степени его увеличиваетъ, и что вообще оно противорѣчитъ главному содержанію и духу вышеуказанной всевысочайшей привилегіи.

Мы находимъ себя чрезъ это высокое рѣшеніе Губерніи тѣмъ болѣе обиженными, что основанія его ни мало не могутъ ослабить тѣхъ объясненій, которыя мы можемъ противупоставить имъ, а именно:

на a) Всевысочайшей привилегіей отъ 9 Октября 1783 года дозволена была пришедшимъ старовѣрческимъ обществамъ, съ ихъ духовенствомъ, совершенная свобода религіозныхъ дѣйствій, т. е. безпрепятственное отправленіе Богослуженія, духовныхъ требъ и всѣхъ прочихъ религіозныхъ обрядовъ,—и поелику пришедшее съ старовѣрами духовенство, съ 1783 по 1789 годъ, состояло не только изъ приходскаго священства, но также изъ иноковъ, которые, по правиламъ религіи должны жить только въ монастырѣ и въ немъ только могутъ исправлять Богослуженіе: то очевидно оною всевысочайшею привилегіею дозволено имъ было и устроить монастырь. Это явствуетъ также изъ того, что во всевысочайшей привилегіи говорится вообще о духовенствѣ, слѣдовательно между бѣлымъ и монашествующимъ духовенствомъ не дѣлается никакого различія, и что въ оной опредѣленно не воспрещается прибытіе иноковъ, привезеніе святителя, или основаніе монастыря. Посему высокія начальства позволили основать старовѣрческій монастырь, такъ какъ повсюду было извѣстно, что прибудутъ въ Буковину

изъ-за границы старовѣрческіе иноки, и со стороны начальства никогда противодѣйствія прибытію ихъ не было, что можно видѣть изъ слѣдующаго:

Сучавская и. к. Дирекція 22 Апрѣля 1784 года доносила к. к. буковинской земской Администраціи протоколомъ отъ 23 Апрѣля 1784 года за № 1016, что липоване пришли съ 5 иноками. Позднѣе та же самая Дирекція доносила, что пришелъ въ Буковину и игуменъ (тоже инокъ).

По устроеніи монастыря, этотъ игуменъ Симеонъ въ 1788 году просилъ к. к. буковинскій Крайзамтъ, чтобы дано было позволеніе прибыть въ Буковину, кромѣ пришедшихъ уже 5 иноковъ, и остальнымъ, остававшимся въ Молдавіи. Такое позволеніе к. к. буковинскій Кразайнтъ, 24 Октября 1788 года за № 2859, далъ, и вслѣдствіе сего пришли еще 7 иноковъ. Такимъ образомъ монастырь изъ 13 духовныхъ особъ существовалъ въ то время съ предварительнаго свѣдѣнія к. к. Крайзамта и потому нельзя принимать его только за снисходительно терпимый, или и вовсе запрещенный, ибо, какъ сказано, к. к. Крайзамтъ 24 Октября 1788 года за № 2859 разрѣшилъ прибыть въ него изъ Молдавіи преждеупомянутымъ 7 инокамъ, и съ того времени противъ существованія монастыря, которое продолжается 60 уже лѣтъ, со стороны высокаго правительства, не было дѣлано никогда и ниналѣйшаго противодѣйствія, или возраженія, что̀ согласно и съ самымъ существомъ дѣла: ибо старовѣрческимъ инокамъ разрѣшено полное совершеніе религіозныхъ дѣйствій, и желать вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы имъ запрещено было устроеніе монастыря, значило бы тоже, что лишить ихъ средства къ достиженію законно разрѣшенной цѣли и чрезъ то и самую цѣль устранить, старовѣрческое духовенство въ Буковинѣ уничтожить, и тѣмъ принудить липованскія общества или къ принятію другой религіи, или же къ общему переселенію. Однако тотъ и другой, поистиннѣ печальный исходъ былъ бы вовсе противенъ какъ закону о вѣротерпимости, такъ и данной намъ всевысочайшей привилегіи. Впрочемъ здѣсь дѣло идетъ вовсе не объ основаніи новаго, а только о сохраненіи уже существующаго съ такихъ давнихъ лѣтъ монастыря, и о позволеніи прибыть старовѣрческому святителю, который, дабы улучшить крайне печальное по случаю недостатка въ духовенствѣ положеніе нашихъ старовѣрческихъ христіанъ, устроилъ бы все потребное и снабдилъ бы насъ необходимо нужными священниками.

Единственная цѣль нашего монастырскаго института не есть уединеніе и созерцаніе, какъ сказано въ высокомъ губернскомъ рѣшеніи; напротивъ главная цѣль нашего института есть исправленіе Богослуженія, религіознаго обученія и пастырской должности, что̀ явствуетъ изъ приложеннаго монастырскаго устава, именно изъ заключительнаго отдѣла на страницѣ 113 относительно святителя. И если у насъ въ настоящее время, по той причинѣ, что всѣ старые священноиноки померли, существуютъ лишь простые иноки, не имѣющіе высшаго посвященія, то въ этомъ должно видѣть только слѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, случайное, противъ нашей воли послѣдовавшее, предотвратимое затрудненіе, которое препятствуетъ намъ въ исправленіи нашихъ собственныхъ по должности обязанностей, но ни

какъ не отличительное свойство, принадлежащее самой сущности нашего института.

Единственная цѣль нашей всеподданнѣйшей просьбы въ томъ и состояла, чтобы чрезъ пріобрѣтеніе святителя нашего обряда устранить навсегда это препятствіе, стоящее на пути къ исправленію требъ, и доставить 4-мъ, изъ однихъ старовѣровъ состоящимъ великимъ обществамъ, духовныхъ учителей и пастырей, а не въ томъ, чтобы учредить новый монастырь, поелику для насъ довольно и одного того, который, на основаніи въ началѣ помянутой высочайшей привилегіи, уже 60 лѣтъ самымъ дѣломъ существуетъ на глазахъ политическаго и духовнаго начальства и котораго существованіе не запрещалось и не оспоривалось ни въ 1785 году при устройствѣ церковныхъ дѣлъ буковинскихъ грековъне-уніатовъ, ни когда-либо въ послѣдствіи.

Приведенное высокое рѣшеніе Губерніи говоритъ, будтобы всевысочайшей привилегіей разрѣшено было намъ только привезеніе изъ-за границы одного попа нашей религіи, но ни въ какомъ случаѣ не было дозволено основать монастырскій институтъ. Противъ сего мы вынуждены всеподданнѣйше замѣтить, что во всевысочайшей привилегіи нельзя найти и слѣдовъ подобнаго ея значенія, и если бы мы должны были довольствоваться однимъ только заграничнымъ священникомъ, то это не было бы совершенной свободой, какъ сказано во всевысочайшей привилегіи, а скорѣе стѣсненіемъ и даже лишеніемъ всякой возможности исправленія нашей религіи, потому что и за границей очень немного священниковъ нашей вѣры, и только весьма рѣдкій изъ нихъ рѣшается перейти въ Буковину, чтобы здѣсь постоянно жить и принять на себя всегдашнее о насъ духовное попеченіе. Принудить же ихъ къ тому невозможно. Правда, что мы успѣваемъ иногда съ большимъ усиліемъ достать изъ Россіи священника на весьма короткое время; но онъ, побывъ у насъ нѣсколько недѣль, потомъ опять возвращается въ свое отечество. Да и такимъ краткимъ посѣщеніемъ священникъ этотъ для насъ приноситъ величайшую и съ невыразимой опасностію соединенную жертву, поелику русское правительство, какъ извѣстно, строжайше запрещаетъ своимъ подданнымъ переходить за границу. Это обстоятельство дѣлаетъ еще болѣе невозможнымъ для насъ оставаться дальше въ такомъ печальнѣйшемъ положеніи, и необходимо нужно, чтобы дальнѣйшее существованіе нашего монастыря было утверждено и посредствомъ назначенія къ намъ на нашъ счетъ святителя дозволено было для исправленія духовныхъ требъ у насъ въ приходскія священники посвящать изъ числа нашихъ здѣшнихъ старовѣровъ. Единственное средство навсегда вывести изъ печальнаго положенія наши старовѣрческія общества заключается именно въ томъ, чтобы, вмѣсто частаго призыванія духовныхъ изъ за границы, однажды опредѣлить къ намъ своего святителя на высказанныхъ въ нашемъ монастырскомъ уставѣ основаніяхъ. Тогда мы уже не стали бы звать священниковъ изъ очень нерасположенной къ намъ Россіи, а въ послѣдствіи также не нуждались бы и въ святителѣ изъ-за границы, потому что по нашему церковному обряду, въ крайне нужныхъ обстоятельствахъ, нашъ святитель можетъ назначить себѣ преемника, и такимъ об-

разомъ наши австрійскіе уроженцы въ исправленіи всѣхъ религіозныхъ и духовныхъ требъ будутъ тогда удовольтвованы.

Мы убѣждены, что это наше всеподданнѣйшее прошеніе не встрѣтитъ на пути своемъ никакого препятствія и чрезъ всемилостивѣйшее снисхожденіе къ сей нашей просьбѣ устранятся всѣ преждеупомянутые недостатки, чрезъ что̀ притомъ для государства не можетъ произойти никакого убытку, потому что монастырь обязывается нашего святителя самъ отъ себя содержать, и никогда не просить на сей предметъ пособія, или вспомоществованія отъ высокаго правительства.

Всѣ христіанскія исповѣданія въ великой австрійской монархіи имѣютъ, кромѣ многочисленнаго мірскаго духовенства, и своего собственнаго епископа, а также, смотря по обстоятельствамъ, и монастырскія учрежденія для тѣхъ, которые желаютъ жить въ монастырскомъ уединеніи. Почему же это должно быть воспрещено только для христіанъ-старовѣровъ, которымъ по всевысочайшей привилегіи всемилостивѣйше дозволено полное отправленіе ихъ религіи, и которые, кромѣ своихъ иноковъ, не имѣютъ въ Буковинѣ другаго духовенства? Такое запрещеніе было бы для насъ крайне прискорбнымъ, потому что въ высочайшей привилегіи дарована намъ совершеннѣйшая религіозная свобода: а Богослуженіе старовѣровъ безъ иноческаго званія совершаться не можетъ, потому что всѣ іеромонахи и высшія духовныя лица, должны только изъ одного иноческаго чина происходить; иноки же должны и могутъ пребывать только въ монастыряхъ; и такъ какъ, исключая этаго единственнаго нашего монастыря, другаго по нашему обряду въ цѣлой австрійской монархіи не находится, то само собою слѣдуетъ, что съ закрытіемъ нашего монастыря истребили бы и уничтожили самую нашу религію.

Мы съ глубочайшею скорбію узнали, что изданію отъ высокой Губерніи тяжкаго для насъ рѣшенія много содѣйствовало мнѣніе, поданное его преосвященствомъ, господиномъ буковинскимъ греко-неуніатскимъ епископомъ, который будтобы неблагосклонно отозвался объ нашихъ личныхъ качествахъ, нашихъ познаніяхъ, и нашихъ способностяхъ. Но мы полагаемъ, что это неблагосклонное мнѣніе имѣетъ свое основаніе только оъ непріязненности господина епископа, который желаетъ притѣснять нашъ монастырь и воспрепятствовать появленію духовенства нашей націи и нашей религіи, съ тою единственно цѣлію, чтобы принудить насъ — либо принять греческую неуніатскую религію, либо переселиться отсюда, и такимъ образомъ избавиться въ Буковинѣ отъ того обряда, которому онъ не можетъ благопріятствовать.

Мы не состоимъ подъ властію буковинскаго греко-неуніатскаго епископа. Правда, пришедшимъ въ 1784 году липованамъ предписано было со стороны начальства, что они должны находиться въ подчиненіи буковинскому господину епископу и собственно карловицкому митрополиту; но какъ это распоряженіе началамъ нашей религіи и всевысочайшей привилегіи было противно, то липоване такого условія принять не могли и хотѣли даже возвратиться въ Молдавію, почему и условіе это тогдаже взято было обратно, а липованамъ дано увѣреніе, что они не должны уже состоятъ въ подчине-

нія ни буковинскому греко-неуніатскому епископу, ни карловицкому митрополиту, что можно видѣть изъ донесенія сучавской к. к. дирекціи буковинской к. к. земской администраціи отъ 19 Января 1784 года за № 154. Посему буковинскаго греко-неуніатскаго епископа Евгенія Гакманъ нельзя почитать имѣющимъ право подавать мнѣніе въ нашихъ религіозныхъ дѣлахъ.

на b) Что высокимъ рескриптомъ придворнаго военнаго совѣта отъ 1784 г. будтобы запрещено было основаніе нашего монастыря, это невѣроятно: потому что тогда старовѣры, имѣя въ рукахъ всевысочайшую привилегію, не имѣли ни какой надобности просить еще другаго особеннаго на то позволенія; ибо въ этой всевысочайшей привилегіи дарована была имъ неограниченно совершеннѣйшая религіозная свобода, и также свое духовенство безъ исключенія.

Впрочемъ, если бы относительно запрещенія нашего монастыря рескриптъ отъ 1784 года дѣйствительно существовалъ, то буковинскій к. к. Крайзамтъ, какъ выше помянуто, не могъ бы дать игумену Симеону въ 1788 году отъ 24 Октября за № 2859 разрѣшенія на то, чтобы пришли въ Буковину еще и другіе иноки. И хотя въ высокомъ рѣшеніи губерніи упоминается, что якобы еще въ какомъ-то прежнемъ губернскомъ декретѣ отъ 1791 года высказано такое запрещеніе, однакоже ни этотъ декретъ, ни тотъ рескриптъ придворнаго военнаго совѣта, никогда старовѣрческому духовенству доставляемы не были, и при устроеніи нашего старовѣрческаго монастыря препятствія со стороны высокаго правительства никогда не дѣлалось. Самъ славный к. к. буковинскій Крайзамтъ на нашу просьбу сообщить намъ о содержаніи и побудительныхъ причинахъ помянутаго высокаго губернскаго декрета отъ 1791 г. и рескрипта придворнаго военнаго совѣта отъ 1784 г. отвѣтилъ только, что сихъ актовъ отыскать немогутъ.

на с) Метрическія книги могутъ тогда только имѣть значеніе открытыхъ, правильно составленныхъ свидѣтельствъ, когда ихъ будутъ вести лица, законно призванныя и обязанныя совершать крещеніе, вѣнчаніе и погребеніе, каковыми могутъ быть единственно духовныя лица. Не духовныя никакъ не смѣютъ брать на себя эти занятія. И такъ какъ у насъ нѣтъ посвященныхъ духовныхъ лицъ, то очевидно, что веденіе метрическихъ книгъ у насъ совершенно невозможно. Если бы захотѣли эту должность возложить на думенію или на кого либо изъ липованъ, не имѣющаго духовнаго сана, то, не говоря уже о томъ, что это было бы противозаконно, и цѣль метрическихъ книгъ очевидно достигнута не была бы, ибо по случаю недостатка духовныхъ въ Буковинѣ крещеніе и вѣнчаніе здѣшнихъ липовановъ совершается большею частію въ Россіи, или въ Молдавіи, а посему такой составитель метрикъ о совершившемся крещеніи или вѣнчаніи либо совсѣмъ незналъ бы, либо получалъ бы о томъ свѣдѣнія только по слуху и потому не былъ бы въ состояніи записать въ метрическую книгу совсѣмъ чужую для него церковную требу; а если бы онъ это и сдѣлалъ, то метрическая книга потеряла бы характеръ несомнительнаго свидѣтельства и превратилась бы въ недостовѣрную, по слуху составленную запись.

на d) Можемъ мы совершенно напротивъ отвѣчать, что въ нашемъ монастырѣ имѣются только немногіе бѣльцы, препровождающіе еще время искуса, остальные же всѣ вообще дѣйствительные иноки, получившіе отъ іеромонаха первое посвященіе, какъ это можно видѣть изъ прилагаемаго устава, именно на стр. 101 гл. VI § 5; у насъ, правда, въ настоящее время не имѣется іеромонаха; но это зависитъ не отъ характера нашего института, а отъ того, что у насъ нѣтъ архипастыря, или святителя, который одинъ только можетъ въ высшія степени посвящать. И это именно обстоятельство представляетъ основаніе не къ упраздненію монастыря, а скорѣе къ разрѣшенію имѣть намъ святителя, который, чрезъ посвященіе нынѣ находящихся у насъ иноковъ, могъ бы столь нужный для липованъ монастырь сдѣлать и разсадникомъ липованскаго духовенства; особенно же когда извѣстно, что безъ духовенства, которое согласно § 7 гл. 3 стр. 79 монастырскаго устава, только святитель можетъ поставлять, люди даже самые нравственные и спокойные со временемъ легко утрачиваютъ религіозность, теряютъ нравственность, и одичавъ такимъ образомъ, могутъ быть крайне вредными.

Монастырь нашъ не состоитъ также изъ однихъ иностранцевъ, какъ утверждаетъ высокое губернское рѣшеніе. Ибо нынѣ уже правительственнымъ порядкомъ дознано, что почти всѣ иноки Бѣлокриницкаго монастыря либо здѣшніе урожденцы, либо если и пришли изъ-за границы, то все-таки рождены отъ австрійскихъ подданныхъ и потому, согласно § 28 гражд. законовъ, владѣютъ правами австрійскаго подданнаго и гражданина. Если же между нами и нашлись бы нѣкоторые иностранцы, то развѣ только изъ Молдавіи, а это не можетъ быть препятствіемъ къ существованію нашего монастыря, тѣмъ болѣе, что здѣсь дѣло касается самаго монастыря, а не лицъ.

Безсмертный монархъ, блаженной памяти императоръ Іосифъ II прибывшему сюда липованскому духовенству вообще даровалъ совершеннѣйшую религіозную свободу.

Многолюбезнѣйшій, вѣчно незабвенный, блаженнѣйшій императоръ Францъ I-й соблюдалъ вышеупомянутую всевысочайшую привилегію въ полной ея силѣ.

Ужели это доброе дѣло, которое Вашего Величества славные предки устроили и покровительствовали должно теперь разориться? О, конечно, нѣтъ! Мы пребываемъ въ твердой увѣренности, что Ваше Августѣйшее Величество, какъ наслѣдникъ ихъ высокихъ добродѣтелей, будете столько же милостивы къ беззащитнымъ и не допустите, чтобы имъ безъ всякой вины оказывали несправедливость.

Между тѣмъ мы, съ глубочайшимъ страхопочитаніемъ подписавшіеся, полагая, что оправдали необходимость нашего желанія, и достаточно показали несостоятельность и неправильность возбужденнаго со стороны высокой к. к. Губерніи противодѣйствія оному, повергаемъ къ престолу Вашего Величества въ оригиналѣ нашъ уставъ, со всеподданнѣйшею просьбою, чтобы Ваше Величество благоволили всемилостивѣйше утвердить существованіе нашего монастыря и нашего монастырскаго устава, и разрѣшить

намъ пріобрѣтеніе откуда бы то ни было по нашему желанію, за исключеніемъ одной только Россіи, святителя нашего обряда и нашей націи, подъ тѣмъ вышеуказаннымъ условіемъ, что мы содержать его будемъ сами отъ себя и никакого вспомоществованія просить не будемъ, и такимъ образомъ изъ урожденныхъ мѣстныхъ жителей учредить духовенство, котораго преимущественною обязанностію будетъ вѣчно, какъ это и теперь мы дѣлаемъ повседневно, молить Царя царствующихъ, да прославитъ онъ Вашего Величества отеческое царствованіе миромъ, тишиною и непрестающимъ благополучіемъ и да сохранитъ австрійскій скипертъ въ блескѣ и процвѣтаніи нынѣ и на всегдашнія времена. Вашего Величества вѣрноподданнѣйшіе просители и уполномоченные Бѣлокриницкаго старовѣрческаго монастыря въ Буковинѣ, 28 Маія 1843 года,

Инокъ *Алимпій Милорадовъ.*

Инокъ *Павелъ Васильевъ.*

IV.

ПАМЯТНИКЪ

ПРОИСХОДЯЩИХЪ ДѢЛЪ

БѢЛОКРЫНИЦКАГО СТАРОВѢРЧЕСКАГО МОНАСТЫРЯ,

съ октября мѣсяца 7354/1846 года,

по прибытіи г-на митрополита Амвросія.

ПАМЯТНИКЪ ПРОИСХОДЯЩИХЪ ДѢЛЪ

Бѣлокрыницкаго старовѣрческаго монастыря, наченшейся съ $^{7354}/_{1846}$ г. Октября мѣсяца.

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
—	1	$^{12}/_{24}$ Октябр. $^{7354}/_{1846}$	Его Высокопреосвященство Г-нъ митрополитъ Амбросій, бывшій Босанскій, изъ Царьграда чрезъ Вѣну и Львовъ прибылъ сего числа въ монастырь въ числѣ пяти человѣкъ: инока Павла Васильева, переводчика Константина Огняновича и сына его Георгія Андреевича съ супругою Анною Николаевною, въ трехъ экипажахъ, на почтовыхъ изъ Черновицъ конехъ, въ сопровожденіи первоначально встрѣтившихъ его на царской дорогѣ многочисленныхъ людей бѣлокриницкихъ и климоуцкихъ верхами на конахъ. Итакъ тѣми сопровождаемъ былъ съ громогласнымъ пѣніемъ духовнымъ. Встрѣченъ же при сельской церкви священноинокомъ Іеронимомъ, облачившимся въ ризахъ, со крестомъ, и весь освященный причетъ со свѣщами и херугвами. А при святыхъ вратахъ въ монастырь встрѣченъ настоятелемъ инокомъ Геронтіемъ и со всею братіею, также со свѣщами, крестомъ и херугвами и съ торжественнымъ звономъ.	Октябр. 28 1846	По предложенію г-нъ митрополитъ учинилъ торжественное присоединеніе къ старовѣрческой церкви по второму чину, принявъ себѣ духовнаго отца священноинока Іеронима. Въ присутствіи на семъ соборѣ были: настоятель инокъ Геронтій со всею братіею и со всѣхъ здѣшнихъ старовѣрческихъ липованскихъ селъ многихъ депутатовъ и разныхъ произвольныхъ людей. Изъ Молдавіи же депутатами были ясскіе купцы: Никифоръ Панкратьевъ, Логинъ Андреевъ Богомоловъ и Яковъ Ивановъ Желѣзниковъ. И совершилась высокоторжественно божественная литургія.	31
—	2	30 Октября $^{7354}/_{1846}$	Инокъ *Ефросинъ*, житель Бѣлокрыницкаго монастыря, предъизбранный на общебратскомъ соборѣ и свидѣтельствованный въ достоинствѣ его къ священнопроизводству отцемъ его духовнымъ, сего числа г-мъ Амбросіемъ митрополитомъ поставленъ *во діякона*.		Сей инокъ Ефросинъ есть первый самый новопоставляемый во священнослужители, и изъ числа пяти персонъ избралъ его Промыслъ Божій жребіемъ во діякона, въ церкви, на соборномъ богомолебствіи.	6
—	3	3 Ноября 1846.	Настоятель сего Бѣлокрыницкаго монастыря инокъ *Геронтій*, который существуетъ въ сей должности отъ 4 Іюля 1841 года, нынѣ же паки избранъ общебратствомъ, и свидѣтельствованный отцемъ его духовнымъ въ достоинствѣ къ воспріятію священнодѣйства, которой сего чис-			

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			ла господиномъ митрополитомъ Амбросіемъ поставленъ *во діакона*.			4
3	4	13 Ноября 7354/1846	Настоятель Бѣлокрыницкаго монастыря іеродіяконъ *Геронтій*, по желанію всего общебратства, сего числа г-мъ митрополитомъ Амбросіемъ рукоположенъ *во священноинока*.			8
—	5	22 Ноября 7354/1846	Инокъ *Іоасафъ*, предъизбранный Бѣлокрыницкаго монастыря общебратствомъ и свидѣтельствованный о достоинствѣ его отцемъ духовнымъ, сего числа г-мъ митрополитомъ Амбросіемъ рукоположенъ *во діякона*, поступившей во иноки сего монастыря 30 октября сего года.		Сего инока Іоасафа, бывшаго еще бѣльцомъ, г-нъ митрополитъ Амбросій предназначалъ, по поставленіи во діакона а потомъ и во священника, отправить въ Молдавію въ Мануиловку.	39
2	6	24 Ноября 7354/1846	Іеродіяконъ *Ефросинъ*, по желанію всего Бѣлокрыницкаго общебратства, сего числа г-мъ митрополитомъ Амбросіемъ рукоположенъ *во священноинока*.			
—	7	24 Ноября 7354/1846	Инокъ *Арсеній*, житель Бѣлокрыницкаго монастыря, предъизбранный общебратскимъ соборомъ, и свидѣтельствованный отцемъ его духовнымъ о достоинствѣ къ восприятію священнодѣйства, сего числа г-мъ митрополитомъ Амбросіемъ рукоположенъ *во діякона*, поступившей во иноки сего монастыря съ 15 ноября сего года.			67
4	8	6 Декабря 7354/1846	Настоятель сего монастыря священноинокъ *Геронтій*, по желанію всего монастырскаго общебратства, сего числа г-мъ митрополитомъ Амбросіемъ произведенъ *во архимандрита*.			
—	9	25 Декабря 7354/1846	Инокъ *Кириль*, предъизбранный Бѣлокрыницкаго монастыря общебратствомъ и свидѣтельствованный отцемъ его духовнымъ о достоинствѣ къ восприятію священнодѣйства, сего числа г-мъ митрополитомъ Амбросіемъ рукоположенъ *во діякона*, поступившей во иноки сего монастыря съ 16 Ноября сего года.			10

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Время рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
9	10	1/13 Генваря 7355/1847	Іеродіаконъ *Кириллъ*, по желанію всего Бѣлокрыницкаго общебратства, сего числа г-мъ митрополитомъ Амбросіемъ рукоположенъ *во священноинока.*			
10	11	6 Генваря 7355/1847	Священноинокъ *Кириллъ*, по желанію всеобщаго собора, какъ монастырскаго братства, равно и всѣхъ здѣшнихъ окрестныхъ громадъ, предназначенный въ епископа и въ намѣстника митрополита, сего числа, на основаніи священныхъ правилъ и представленнаго свидѣтельства отъ предстоятеля и старѣйшихъ попечителей церковныхъ села Бѣлой-Крыницы о удостоеніи его въ архипастырскій санъ, г-мъ митрополитомъ Амбросіемъ по благоусмотрѣнію своему съ великоторжественнымъ соборомъ поставленъ *епископомъ* богоспасаемаго града *Майноса* и намѣстникомъ своей епархіи. Поелику онъ предварительно изволеніемъ г-на митрополита и прочимъ духовенствомъ на соборѣ принятъ въ выборъ епископа, въ число трехъ персонъ—монастырскаго настоятеля Геронтія и казначея инока Дорофея, яко 30-лѣтній настоятель сельской церкви, коего промыслъ Божій и избралъ жребіемъ во епископа.	7 Генваря 7355/1847	Учиненное 10/22 ноября 1846 г. свидѣтельство о достоинствѣ епископа Кирилла для объявленія и засвидѣтельствованія представить, и представляется, въ Думенію, а по засвидѣтельствованіи Мандаторіатомъ препроводить оное въ К. К. Крайзамтъ для донесенія о таковомъ производствѣ, куда слѣдуетъ, высшему правительству по долгу обязанности монастырской.	12
11	12	2/14 Февраля 7355/1847	Г-нъ митрополитъ Амбросій, по прошенію старѣйшинъ села Бѣлой-Криницы, заблагоразсудилъ опредѣлить преосвященнаго епископа г-на Кирила бѣлокриницкому и климоуцкому обществамъ за духовнаго отца, такъ какъ онѣ своихъ приходскихъ священниковъ еще не имѣютъ. А потому и посылаетъ тѣмъ обществамъ, за собственнымъ подписомъ своимъ, циркулярную грамоту, коею поучаетъ всѣхъ къ содержанію благоговѣйнаго поста и всѣхъ добродѣтелей, и благословляетъ.	2 Февраля 7355/1847	Циркулярныя грамоты посланы съ нарочными въ бѣлокриницкую церковь и климоуцкую церковнымъ уставщикамъ, дабы объявили обществамъ своимъ.	13
11	13	8/20 Февраля 7355/1847	Г-нъ митрополитъ Амбросій посылаетъ въ К. К. Крайзамтъ донесеніе, что онъ, на основаніи всевысочайшаго позволенія, бѣлокрыницкаго уроженца Кипріяна Тимофеева, предварительно поступившаго въ Бѣлокрыницкій монастырь во иночество подъ именемъ Кирилла, поставилъ во діакона, потомъ въ презвитера, а наконецъ 6/18 генваря сего		Донесеніе отъ г-на митрополита, съ приложеніемъ подлиннаго свидѣтелсства о достоинствѣ епископа Кирилла, въ К. К. Крайзамтъ отправлено съ нарочнымъ инокомъ Алимпіемъ.	32

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Время рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			1847 года произвелъ во епископа, и въ здѣшнемъ монастырѣ пребываніе ему на основаніи монастырскаго устава опредѣлилъ. О честномъ же поведеніи его и о достоинствѣ таковаго сана учиненное отъ бѣлокрыницкаго общества, съ засвидѣтельствованіемъ г-на мандатора Лачинскаго, подлинникомъ при семъ въ К. К. Крайзамтъ посылаетъ, дабы донести о семъ и далѣе высочайшему правительству.			
-	14	1/13 Марта 7355/1847	Г-нъ митрополитъ Амбросій посылаетъ въ Климоуцы депутату Михайлѣ Ѳеодоровичу, со всѣми прочими единомысленными съ нимъ безпоповцами, духовное увѣщаніе, дабы соединились во едину православную вѣру старовѣрческой религіи и о послѣдующемъ дали бы отъ себя письменный отвѣтъ, равно и о прежнемъ увѣщаніи, данномъ имъ отъ братства сего Бѣлокрыницкаго монастыря, и въ полученіи сего увѣщанія въ тотъ часъ доставить въ монастырь росписку за собственнымъ подписомъ депутата М. Ѳедорова.	1/13 Марта 847.	Духовное увѣщаніе въ климоуцкому депутату безпоповцу Михайлѣ Ѳедорову отправлено съ бѣлокрыницкимъ дворникомъ Ѳедоромъ Петровымъ, и въ полученіи онаго росписка отъ Михайлы Ѳедорова самому г-ну митрополиту доставлена.	
—	15	1 Марта 847.	Молдавскій священникъ *Алексій Георгіевъ* письмомъ своимъ отъ 17 февраля проситъ инока Павла доложить его высокопреосвященству Амбросію, дабы новобрачныхъ города Яссъ *Алексѣя Родіонова Ѳомина* и *Екатерину Николаеву Богомолову* или развести, или запретить входъ въ церковь на богомоленіе съ прочими.	8 Марта 847.	Священнику Георгіеву приказано, дабы онъ первѣе объяснилъ этому браку запретительныя правила, и тогда по разсмотрѣніи будетъ исполнено, какъ законъ повелѣваетъ.	20
—	16	1/13 Апрѣля 7355/1847	Г-нъ митрополитъ Амбросій даетъ Мануиловскаго скита настоятелю, иноку Іоилю, грамоту, по желанію его, къ сограждению общежительнаго монастыря въ Молдавіи, гдѣ онъ съ единодушнымъ своимъ братствомъ заблагополезно къ душевному назиданію усмотритъ, если только правительство высокаго Молдавскаго княжества соблаговолитъ на таковый предметъ милостивую свободу. Съ тѣмъ однако, чтобы таковой монастырь имѣлъ содержаніе собственно общебратскими трудами, и издѣліями, и доходами, а не отъ скитанія и попрошайничества, на такихъ точно правилахъ, на какихъ нынѣ существуетъ Бѣлокрыницкій	1/13 Апр. 847.	Послана грамота сія съ нарочитоприсланнымъ отъ Іоиля его ученикомъ инокомъ Никодимомъ *и выписка изъ устава*. *Къ исполненію сего предназначенія*: 1848 года, съ присланнымъ отъ настоятеля Іоиля инокомъ Никодимомъ (съ извѣщеніемъ, что 25 Маія, сего 1848 года, освящена церковь во имя святаго Николы Чудотв.), послана оному настоятелю Іоилю отъ епископа Кирилла грамота 11 Іюля, съ присовокупленіемъ дополнительныхъ правилъ, къ	

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Время рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			монастырь. Для чего и присовокуплена къ сей грамотѣ выписка изъ Устава Бѣлокрыницкаго монастыря за шнуромъ и митрополитской печатью, съ приполненіемъ на грамотѣ оговорки касательно старыхъ иноковъ, въ составъ общебратства вступить не соизволяющихъ.		уставу онаго Мануиловскаго Никольскаго монастыря, касательно необщежительныхъ священниковъ, если будутъ, и о прочемъ монастырскомъ уложеніи. Черновой отпускъ сихъ правилъ хранится при особомъ дѣлѣ по тому Никольскому монастырю.	65
—	17	1/13 Апрѣля 7355/1847	Г-нъ митрополитъ Амбросій возвѣщаетъ честнымъ инокинямъ Павлинѣ и Андрѣ съ прочими сестрами, како и когда позволяется женскому полу въ ограду Бѣлокрыницкаго сего монастыря входить, а въ братскія келіи ни подъ какимъ предлогомъ не позволяется, кромѣ церкви и трапезы.	1/13 Апр. 847.	Сіе писменное возвѣщеніе вручено инокинѣ Андрѣ чрезъ посланнаго Ивана Львова.	
—	18	3/15 Апрѣля 7355/1847	Посылаетъ Бѣлокрыницкій монастырь селенія Грубна предстателямъ церковнымъ на прошеніе ихъ разрѣшеніе, что жителю ихъ селенія Филимону Петрову, со второю его женою, за отлучкою первой, съ благословенія г-на митрополита, по учиненной справкѣ, безразводно жить позволяется и въ церковь ходить не возбраняется, на основаніи 9 пр. св Василія Великаго въ Кормчей во гл. 12, и Матеея Правильника состава 3 во глав. 17 и 13.	3/15 Апр. 847.	Посланіе въ Грубно отправлено съ женою того селенія Ѳеодосіею Лукіяновою.	29
—	19	14/26 Маія 7355/1847	*Захарій*. Ульяновъ, житель села Климоуцъ, предъизбранный своимъ обществомъ на парахіальнаго священника и свидѣтельствованный о достоинствѣ его отцемъ духовнымъ, сего числа г-мъ митрополитомъ Амбросіемъ рукоположенъ во діякона въ церкви климоуцкой.	1853 г. 26 Апрѣля	Священникъ Захарій сего числа, т.-е. о Ѳомѣ въ недѣлю, въ вечеръ, по заходѣ солнца, волею Божіею скончался.	21
15	20	14 Маія 847.	Молдавскій священникъ Алексій Георгіевъ отъ 8 Маія паки проситъ инока Павла предложить его высокопреосвященству бракъ ясскаго Алексѣя Родіонова Ѳомина или расторгнуть, или въ церковь отъ входа возбранить, по прописаннымъ въ письмѣ его правиламъ.	18 Маія 847.	Священнику обстоятельный отвѣтъ данъ, что неправильно сего требуетъ, и подробно открыто ему отъ священныхъ правилъ.	
19	21	18/30 Маія 7355/1847	*Захарій*. Ульяновъ сего числа произведенъ изъ діяконовъ во священноіерея. Рукоположенъ	25 Маія 847.	Священникъ Захарій Ульяновъ, по отстояніи въ монастырѣ седмич-	

Номера Прежн.	Номера Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе	№ впредь будущій.
			г-мъ митрополитомъ Амбросіемъ въ церкви климоуцкой. Парахія ему опредѣлена изъ двухъ селъ Климоуцъ и Соколинецъ.		ной службы, сего числа торжественно введенъ въ свою парахію, съ присутствіемъ самого г-на митрополита; священникъ снабденъ ставленною грамотою, а обществы также писменнымъ наставленіемъ.	
—	22	19/31 7355/1847	*Произведены изъ бѣльцовъ во иноки*: изъ числа жителей бѣлокриницкихъ 1) Михаилъ Максимовъ въ Макарія, 2) Семенъ Родіоновъ въ Сисоя, 3) Лукіянъ Ивановъ въ Аркадія, 4) Михайла Алексѣевъ въ Никанора, 5) изъ села Климоуцъ Василій Кровецъ въ Викентія, 6) изъ села Мехидры Георгій Ермолаевъ въ Генадія. Обаче обѣты иночества они учинили Макарій и Сисой 15 Геннаря 1846 года, Аркадій и Никаноръ 6 Февраля того же года, а Викентій и Генадій сего числа.			
—	23	20 Маія 847.	*Тимоѳей Васильевъ*, житель бѣлокриницкій, предъизбранный своимъ обществомъ на парахіальнаго священника и свидѣтельствованный о достоинствѣ его отцемъ духовнымъ, сего числа, по благословенію г-на митрополита, рукоположенъ г-мъ епископомъ Кириломъ во діякона къ церкви бѣлокрыницкой.			24
—	24	25 Маія 847.	*Тимоѳей Васильевъ* сего числа произведенъ изъ діякона во священноіерея. Рукоположенъ по благословенію г-на митрополита епископомъ Кирилою въ церкви бѣлокрыницкой. Парахія ему опредѣлена изъ селъ: Бѣлокрыницы и Мехидры.	1 Іюня 847.	Священникъ Тимоѳей Васильевъ, по отстояніи въ монастырѣ седмичной службы, сего числа введенъ въ свою парахію съ присутствіемъ самого г. митрополита. Священникъ снабденъ ставленою грамотою, а обществы также писменными наставленіями.	
—	25	1/13 Іюня 847.	*Священноинокъ Іеронимъ*, бывшей до сего числа, за необходимую нужду въ духовныхъ требахъ, всѣхъ здѣшнихъ старовѣрческихъ селъ параxіальнымъ священникомъ и всему монастырскому общебратству духовникомъ, сего числа писменнымъ прошеніемъ своимъ проситъ г-на митрополита сдѣлать ему по смерть его постоянное опредѣленіе, дабы онъ удаленъ былъ отъ мірскихъ грѣховъ, сидѣлъ въ уединенномъ покоѣ, въ той же мона-	1 Іюня	Священноиноку Іерониму на поданное отъ него прошеніе выдана ему революціонная грамота, за подписомъ самого г. митрополита, такъ какъ и духовнику его, въ точной силѣ по желанію его, и отнюдь не въ примѣръ прочимъ. *Отецъ Іеронимъ посхимившись померъ 21 Маія 7357/1849 года.*	

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			стырской кельи, при всемъ его собственномъ обзаведеніи въ полномъ его распоряженіи, имѣя для послуженія одного келейника. Повседневное же пропитаніе ему отъ общебратской трапезы на равнѣ съ братіею. Править въ монастырѣ очередь въ богослуженіи чрезъ двѣ третью недѣлю и праздники. За всякую же имъ служащую (sic) литургію получать ему отъ монастыря по три лева шайныхъ.			26
25	26	1/13 Іюня 847.	Сего же числа священноинoку Іерониму за вышеписанныя его услуги и подъятые труды, въ знакъ благодарности отъ монастыря и всѣхъ сельскихъ обществъ, благоволеніемъ г. митрополита пожалованъ крестъ,	1 Іюня.	Крестъ на отца Іеронима возложенъ самимъ г. митрополитомъ Амбросіемъ при соборѣ въ церкви бѣлокрыницкой, гдѣ онъ былъ донынѣ параxіальнымъ священникомъ, и выдана грамота съ печатью и подписомъ г. митрополита.	
—	27	12/25 Іюня 7355/1847	Молдавскаго княжества, города Яссъ, отъ старовѣрческаго общества прибыли сего числа въ монастырь почтенные купцы: Яковъ Ивановъ Желѣзниковъ, Гаврила Семеновъ Богомоловъ и Фролъ Терентіевъ, и представили къ г. митрополиту съ письменнымъ общественнымъ прошеніемъ благоговѣйнаго мужа *Никифора Панкратіева*, котораго и просятъ, хиротонисавъ въ пресвитера по надлежащимъ степенямъ, опредѣлить имъ къ церкви ихъ Успенія Пресвятыя Богородицы параxіальнымъ священникомъ, такъ какъ онъ уже служилъ при оной церкви болѣе 25 лѣтъ уставщикомъ, а нынѣ убѣжденъ единогласно всѣмъ обществомъ, яко достойный священнаго сана, быть законнымъ ихъ пастыремъ.	12 Іюня 847.	На прошеніе купцовъ молдавскихъ г. митрополитъ Амбросій исполнить соизволилъ, и приказано благоговѣйному Никифору Панкратіеву приготовиться къ завтрашнему дню къ поставленію во діакона, а потомъ, по усмотрѣніи времени, и во пресвитера; для того долженъ онъ исповѣдаться у отца духовнаго и представить отъ него писменное свидѣтельство о достоинствѣ его во священство.	28
27	28	13 Іюня 847.	Ясскій гражданинъ Никифоръ Панкратіевъ, предъизбранный своимъ обществомъ на параxіальнаго священника, и засвидѣтельствованный о достоинствѣ его отцемъ духовнымъ, сего числа г-мъ митрополитомъ Амбросіемъ рукоположенъ по степенемъ во діакона къ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ городѣ Яссы.			
18	29	14 Іюня 847.	Явился къ г-ну митрополиту грубенской первостатейной житель *Евимъ Козминъ Лакеевъ* съ			

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			посторонними свидѣтелями, по дѣлу отлученнаго отъ церкви и единенія вѣрныхъ того же села Грубна жителя Филимона Петрова, женившагося на другой женѣ по случаю убѣжанія первой за границу, и послѣ даннаго тѣмъ Лакеевымъ отъ себя показанія, съ удостовѣреніемъ свидѣтелей Прокопа Тимоѳеева и Андрея Ермолаева, Филимонъ, согласно перваго, даннаго имъ отъ монастыря посланія, разрѣшенъ совершенно отъ всякой эпитиміи и все его семейство; а Лакеевъ подлежитъ самъ съ семействомъ таковомужъ отъ церкви отлученію и на таковоежъ время, елико исполнилъ его сватъ Петръ Тугаревъ.			
28	30	15 Іюня 847.	*Никифоръ Панкратіевъ* сего числа произведенъ изъ діакона во священноіерея. Рукоположенъ самимъ г-мъ митрополитомъ Амвросіемъ къ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ городѣ Яссы. Парахія ему опредѣлена всего ясскаго старовѣрческаго общества и всѣхъ окрестныхъ единовѣрныхъ обществъ, кои трѐбуютъ благословенія отъ сего архипастыря.	16 Іюня 847.	Священникъ Никифоръ Панкратьевъ снабденъ ставленою грамотою за подписомъ самого г. митрополита и съ приложеніемъ его печати, а обществу послано письменное наставленіе о принятіи законнаго своего пастыря и о прочемъ послушаніи и благоговѣніи.	84
16	31 *)	16 Іюня 847.	Сего числа получили извѣстіе изъ Россіи, что нашъ подрядчикъ (то-есть настоятель монастыря архимандритъ Геронтій Левоновъ), которой въ началѣ Генваря мѣсяца сего года былъ отправивши (sic) въ Россію для покупки разныхъ церковныхъ вещей, и обращаясь уже изъ Москвы назадъ, 28 Маія сего года, на дорогѣ начальствомъ тамошнимъ взятъ подъ караулъ и отправленъ къ царю въ Питербургъ.	12/24 Іюля 847.	Прошенія къ начальству поданы, на которыя послѣдовалъ изъ губерніи отвѣтъ, чрезъ Крайзамтъ за №25128-мъ, дабы ожидали рѣшеніе. Черновые прошенія и декретъ при особомъ дѣлѣ хранятся.	
1	31	20 Іюня 2 Іюля 7335/1847	Отъ 23 Іюня декретъ изъ Крайзамта, № 11630, на бывшаго митрополита босанскаго, нынѣшняго же верховнаго святителя липованскаго вѣры содружества (?) господина Амвросія въ Бѣлокрыницѣ, что его к. к. величество, всевысочайшимъ рѣшеніемъ отъ 3 Марта сего года, опредѣлить благоизволило г-на Амвросія въ подданство австрійское.	20 Іюня 847.	Подлинной декретъ на нѣмецкомъ языкѣ, и самая грамота митрополитская и прочіе документы, кои поданы были лично императору, возвращены въ руки самому г. митрополиту и у него хранятся особо отъ общихъ бумагъ. У его же высокопреосвященства находится	

*) Этотъ № вписанъ, какъ видно, послѣ; отъ того и произошла запутанность въ числахъ.

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
					и предварительное разрѣшеніе, что надворная канцелярія отъ 15 ноября 1846 г. № 34984, а губернія отъ 11-го Декабря № 69955, чрезъ Крайзамтъ, позволили ему въ Бѣлокрыницѣ, какъ святителю, священнодѣйствовать.	
13	32	25 Іюля 847.	Сего числа полученъ декретъ изъ Крайзамта отъ 4 Августа, № 14407, что высокодержавное мѣсто приняло въ вѣдомость (Кирила) Кипріяна Тимоѳеева, поставленнаго Бѣлокрыницкимъ святителемъ за своего намѣстника.	25 Іюля 847.	Декретъ при монастырскихъ бумагахъ.	66
—	33	9 Августа 847.	Прибыли сего числа изъ Турціи отъ задунайскихъ некрасовскихъ староверческихъ обществъ въ Бѣлокрыницкій монастырь почтенные депутаты: изъ обители Славской инокъ Евросинъ, изъ казаковъ Григорій Архиповъ и Исай Ивановъ, изъ купцовъ Сава Ивачовичь Рукавишниковъ, и Онисимъ Ивановъ съ сыномъ, и представили г-ну митрополиту Амбросію, съ письменнымъ прошеніемъ отъ обители и обществъ, *трехъ* благоговѣйныхъ иноковъ—двухъ Аркадіевъ и Іякова, которыхъ и просятъ хиротонисать для ихъ задунайскихъ старовѣрческихъ обществъ, 1-го во епископа, 2-го во священноинока, а 3-го во діякона.	25 Іюла 847.	По силѣ прошенія задунайскихъ депутатовъ г. митрополитомъ Амбросіемъ повелѣно быть собору для лучшаго разсмотрѣнія, и избранія и поставленія задунайскимъ обществамъ епископа и послѣдующихъ.	34
33	34	11 Августа 847.	По благоусмотрѣнію г-на митрополита Амбросія и всего освященнаго собора, присуждено производить: одного инока *Аркадія Дороѳеева* по степенемъ *во епископа*, инока же *Іякова во діякона*, а другій инокъ Аркадій сильно заболѣлъ			35
34	35	15 Августа 847.	*Инокъ Аркадій* задунайскаго Славскаго скита, согласно общественнаго прошенія и засвидѣтельствованный о достоинствѣ его отцемъ духовнымъ, сего числа г-мъ митрополитомъ Амбросіемъ рукоположенъ по степенемъ *во діякона*.			36
35	36	17 Авг. 1847.	Іеродіяконъ Аркадій, задунайскаго Славскаго скита, сего чи-			

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшенія.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			сла произведенъ изъ діякона во презвитера самимъ г-мъ митрополитомъ Амбросіемъ въ оную Славскую обитель.			36
33 и 34	37	17 Августа 1847	*Инокъ Іяковъ* задунайскаго Славскаго скита сего числа г-мъ митрополитомъ Амбросіемъ рукоположенъ въ оную обитель *діякономъ*.			
—	38*)	20 Августа 7355/1847	Новыхъ Антиминсовъ (sic) освящено числомъ 15. Совершалъ освященіе г-нъ епископъ Кириллъ.	25 Августа 23 Апр. 848 19 Іюля 1848	Изъ числа новыхъ антиминсовъ: дано епископу Аркадію задунайскому 5. Посланъ въ Мануиловку 1. въ Соколицы 1. „ монастырь на новый престолъ 1. „ Софронію 1.	
33 и 34	38	24 Августа 847.	*Священноинокъ Аркадій* задунайскаго Славскаго скита, по желанію задунайскихъ общественныхъ депутатовъ и по благоусмотрѣнію г-на митрополита Амбросія и всего священнаго собора, на основаніи священныхъ правилъ, сего числа г-мъ митрополитомъ поставленъ *епископомъ* богоспасаемаго мѣста Славы и всѣхъ задунайскихъ старовѣрческихъ обществъ.	24 Августа 847.	Преосвященный епископъ Аркадій Славскій снабденъ ставленною грамотою за подписомъ самого г-на митрополита Амбросія съ приложеніемъ его печати. А съ тѣмъ вмѣстѣ и поучительное наставленіе о принятіи его ко всему тамошнему духовенству и ко всѣмъ православнымъ христіянамъ. И дано новоосвященныхъ 5 антиминсовъ.	
5	39	1 Октября 847.	*Іеродіяконъ Іоасафъ* г-мъ митрополитомъ Амбросіемъ сего числа произведенъ изъ діяконовъ во презвитера.	2 Октября 847.	Священноинокъ Іоасафъ назначенъ къ отправленію въ Мануиловскій Никольскій монастырь. А отправился въ Молдавію въ 1848 году 1 Генваря.	
—	40	1 Октября 1847	*Инокъ Онуфрій* сего числа г-мъ митрополитомъ рукоположенъ во *діякона*, житель Бѣлокриницкаго монастыря, предъизбранный на всеобщемъ братскомъ соборѣ, и отцемъ духовнымъ засвидѣтельствованъ о достоинствѣ его во священство.			47
1 и 31	41	1/13 Декабря 847.	По предписанію за № 14764 требуется г-нъ митрополитъ во Львовъ, на лицо къ господину губернатору Стадіону, не-	2/14 Декабря 847.	Г-нъ митрополитъ, по силѣ губернскаго предписанія за № 14764, сего числа отправленъ на мо-	

*) И это число вписано послѣ.

Номера. Прежн.	Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшенія.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			извѣстно по какому дѣлу. Предписаніе сіе при дѣлѣ митрополитскомъ. Для препровожденія г-на митрополита во Львовъ нарочно прибылъ изъ Крайзамта буковинскаго чиновникъ.		настырскихъ коняхъ и эпипажѣ во Львовъ, въ сопровожденіи инока Алимпія, Ивана Никитина, Ивана Иванова и Константина Кононова.	46
—	42	10 Февр. 1848	Изъ города Валты два вопроса: 1) о работающихъ въ недѣли и праздникъ, что есть? — ересь, или грѣхъ? 2) насательно вдовыхъ поповъ, постригающихся въ иноки, — могутъ ли священнодѣйствовать по постриженіи?	10	Поручено сдѣлать отвѣтъ иноку Павлу, который сдѣлавъ и отправилъ почтою по принадлежности 12 числа сего Февраля мѣсяца. Отпуски съ письма хранятся при особомъ дѣлѣ о разныхъ вопросахъ.	
—	43	$^1/_{13}$ Марта 1848	Коммиссія по всевысочайшему повелѣнію сего числа прибыла въ монастырь и потребовала всѣхъ живущихъ въ монастырѣ священныхъ, иночествующихъ и бѣльцовъ на протоколъ.		Сія коммиссія продолжала слѣдствіе въ монастырѣ съ $^1/_{13}$ сего марта и окончила $^3/_{15}$ числа.	44
43	44	$^3/_{15}$ Марта 848.	Коммиссія сего числа окончивъ протоколы, запечатала монастырь, и открывъ дала запечатанный конвертъ, въ которомъ, по распечатаніи, изъ крайзамтскаго декрета явствуетъ, что его императорское величество рѣшеніемъ отъ 22 Февраля сего года повелѣть соизволилъ: 1) Монастырь закрыть провизіально, сирѣчь на время; иноковъ, кои иностранцы, и бѣльцовъ выслать вонъ и отправить въ ихъ мѣста, здѣшнихъ же перевести въ свои сельскія общества. 2) Верховному ихъ святителю Амбросію не позволяется въ Буковину къ липованамъ возвратиться. 3) Священство имъ для обществъ оставить, не отступая отъ данныхъ имъ отъ императоровъ привилегій, только бы средство учредить, дабы сосѣдственныя государства касательно ихъ вѣры не имѣли неудовольствія и ни какой причины жаловаться на нихъ.	31 Мар. / 12 Апр. 848.	Иностранцамъ 22-мъ человѣкамъ выданы пасы на высылку за границу, которые сего числа и выступили чрезъ Синяуцы, а трое за болѣзнію остались.	
—	45 *)	23 Апр. 1848	Іеродіаконъ Арсеній посланъ съ подобающими грамотами въ	10 Іюня 1848	Іер. Арсеній обратно прибылъ. Церковь освя-	

*) И этотъ № вписанъ, очевидно, послѣ.

Номера. Прежн.	Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			Мануиловскій савтъ на освященіе церкви во имя св. Николы Чудотворца, по прошенію настоятеля инока Іоиля съ братіями отъ 18 Апрѣля. Сего же числа, т. е. 23 Апрѣля, посланъ съ нимъ же и одинъ антиминсъ.		щена 25 истекшаго Маія сего 1848 года.	
—	45	2/14 Маія 7356/1848	Вопросы изъ селенія Потапова онѣкоторыхъ церковныхъ чиноположеніяхъ, о уставщикѣ двоеженцѣ, и колико кратъ пѣти аллилуіа на апостолѣ и о прочемъ.	2 Маія 1848	Поручено сдѣлать отвѣтъ иноку Павлу, который сдѣлавъ и отправилъ попринадлежности. Отпускъ съ письма при особомъ дѣлѣ.	
41	46	18 Іюня 1848	Присланы почтою рѣшенія: иноку Алимпію, данное изъ Вѣны отъ министра 13/25 Маія, что временно запертой монастырь еще не отворяется, а митрополиту особое 11/12 Іюня, что возвратиться не можетъ, но отсылается по смерть въ г. Цылль.		А 2-го числа Іюля и самъ ин. Алимпій изъ Вѣны прибылъ, присланный отъ митрополита на совѣтъ, какія бы принять мѣры. 7-го же Іюля отправленъ паки въ Вѣну съ сыномъ его и съ священникомъ Іеронимомъ и съ церковію.	49
40	47	29 Іюня 1848	*Іеродіяконъ Онуфрій* сего числа г-мъ епископомъ Кирилломъ рукоположенъ во *священника.*			52
—	48	20 Іюля 1848	*Инокъ Сава* сего числа г-мъ епископомъ Кирилломъ рукоположенъ во діякона, предызбранный на общебратскомъ соборѣ.			96
41 и 46	49	24 Іюля а поновому 5 Августа 1848	Инокъ Алимпій прибылъ изъ Вѣны обратно и представилъ копію съ рѣшенія на переводѣ русскомъ, данную особо самому г-ну митрополиту Амбросію въ Вѣнѣ отъ министра Добльгоѳъ, отъ 14/26 Іюля, съ новымъ строжайшимъ подтвержденіемъ, дабы отнюдь не имѣлъ никакого съ липованами союза, но съ полученія отправиться въ назначенное ему мѣстопребываніе (т. е. городъ Цыллъ), и тамъ находиться по смерть его, съ тѣмъ замѣчаніемъ, что выѣздъ изъ города никуда не позволяется безъ особаго дозволенія тамошняго г. губернатора, и что содержаніе тамъ будетъ ему отъ казны (только какое, неизвѣстно). Кондиція же сдѣлана подпорую (?) царства,	24 Августа 1848	Инокъ Алимпій со священникомъ Іеронимомъ и съ церковію подвижною обратно прибыли, а сынъ митрополита Георгій Андреичъ съ семействомъ остался въ Вѣнѣ, ибо Митрополитъ полиціею одинъ отправленъ въ г. Цыллъ; но и еще неизвѣстно, тамъ ли останетъ; если тамъ конечно останетъ, то и сынъ намѣренъ тудажъ ѣхать. А нашимъ посламъ полиція прописала пасъ на выѣздъ обратно домой, по непріятному замѣчанію правительствомъ за церковь и за священника, якобы митрополитъ умыслилъ	

Номера: Прежн.	Номера: Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			дабы онъ удержанъ былъ (отъ) венкаго вліянія к сношенія съ липованами внутренними, равно и заграничными. Копія сія и прочія бумаги при особомъ дѣлѣ; а подлинныя у самого митрополита. Алимпій съ Георгіемъ Андренчемъ, и съ женою его Анною. и съ сыномъ Іаковомъ и съ священникомъ Іеронимомъ опять поѣхалъ въ Вѣну 7 Іюля.		другой монастырь липованскій въ Цыли завести тайно.	
—	50	25 Іюля 7356/1848	*Сысой Андреевъ*, села Соколиницъ. предыизбранный своимъ обществомъ на парахіальнаго священника и на духу свидѣтельствованный въ достоинствѣ его, сего числа г-мъ епископомъ Кирилою поставленъ во діакона.			51
50	51	1/13 Августа 1848	*Сысой Андреевъ* сего числа произведенъ изъ діакона во священноіерея рукоположеніемъ г. епископа Кирила на парохію Сакалиницы.	11 Агвуста 1848	Отстоявъ уреченную службу въ монастырѣ при церкви, отправленъ на свою парохію и грамота обществу о принятіи его съ іеродіакономъ Арсеніемъ послана.	
47	52	29 Авг. / 10 Сент. 7356/1848	*Священноинокъ Онуфрій* Ивановъ соборно произведенъ во *епископа* по причинѣ слѣдующей: Когда высокое правительство наше, во уваженіе россійскаго Императорскаго Двора, иже на всѣ религіи завистію дышущаго, отняло отъ насъ митрополита Амбросія, тогда существующій его намѣстникъ г-нъ епископъ Кирилъ Тимоѳеевъ, согласно всевысочайшаго указа отъ 18 Сент. 1844 г., такъ какъ уже имѣя право поступить на митрополитскій престолъ верховнымъ святителемъ, созвалъ весь свой духовный соборъ, на которомъ 26 сего Августа мѣсяца, при многихъ отъ мірскихъ обществъ свидѣтеляхъ, единодушнымъ отъ всего собора гласомъ вышепомянутый благоговѣйный священноинокъ Онуфрій Ивановъ, какъ есть достоинъ епископскаго сана, избранъ намѣстникомъ бѣлокриницкаго престола. Въ предосторожность же на всякій часъ смертнаго случая, наипаче по нынѣшней обдержащей смертоносной болѣзни холеры, дабы не довести здѣшній ста-	29 Авг. / 10 Сент. 7356/1848	Соборный актъ учиненный 26 Августа / 7 Сентября сего 1848 года, и громадское свидѣтельство о достоинствѣ епископа Онуфрія для объявленія и засвидѣтельствованія представить, и представляется, въ Думенію. А по засвидѣтельствованіи мандатаріатскомъ препроводить оныя при особомъ донесеніи верховнаго святителя въ К. К. Крайзамтъ, для донесенія о таковомъ производствѣ, куда слѣдуетъ, высшему правительству.	

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія. дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			ровѣрческій народъ въ прежнее бѣдствованіе священствомъ и не навести неудовольствій сосѣдственнымъ державамъ въ принятіи опять иностраннаго священства; а какъ другой епископъ задунайскій Аркадій находится подъ слѣдствіемъ у турокъ, и не можетъ прибыть, прислалъ отъ себя отношеніе, а болѣе иныхъ единовѣрныхъ епископовъ нашихъ не предвидится: то, на основаніи староцерковнаго законоположенія 28 и 29 заповѣди, иже въ Кормчей во гл. 42, на листахъ 302 и 318, и по силѣ правилъ монастырскаго устава о святителѣ и древлесбывшимся святоподобіямъ, самъ единъ г. епископъ Кириллъ сего числа соборнѣ и надлежащимъ чиномъ произвелъ вышереченнаго священника Онуфрія Иванова во епископа, опредѣливъ ему епархію въ Мунтіи Ибраиловъ съ прочими единовѣрными тамошними обществами, однако находиться имѣетъ здѣсь, при митрополіи намѣстникомъ.			56
—	53	29 Августа 1848	*Инокъ Аркадій* сего числа г-мъ епископомъ Кирилою рукоположенъ во *діакона*, житель Бѣлокриницкаго монастыря, предызбранный на всеобщемъ братскомъ соборѣ и съ духовнымъ засвидѣтельствованіемъ о достоинствѣ его во священство, съ тѣмъ предназначеніемъ, дабы немедленно произведенъ былъ во презвитера. Онъ постриженъ въ семъ монастырѣ 1846 года 6 Февраля.			54
53	54	$^{5}/_{17}$ Сент. 1848	*Іеродіаконъ Аркадій* сего числа г-мъ епископомъ Кирилою рукоположенъ во *священника*.			104
—	55	$^{9}/_{21}$ Сент. 1848	Довѣренность дана двумъ монастырскимъ депутатамъ инокамъ Алимпію Милорадову и Павлу Васильеву о двухъ предметахъ, а именно: 1) просить, гдѣ слѣдуетъ по ихъ благоусмотрѣнію, высшее правительство объ отвореніи запертаго сего монастыря; 2) нащетъ взятаго отъ насъ митрополита Амбросія, что они по своему благоусмотрѣнію полезнѣе учинить заблагоразсудятъ.			

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
52	56	8/15 Сент. 1848	Г-нъ бѣлокрыницкій и всѣхъ старовѣрцовъ верховный святитель Кирилъ посылаетъ въ К. К. Крайзамтъ донесеніе, что онъ, по совершенномъ удаленіи митрополита Амбросія, на основаніи всевысочайшаго указа 18 Сентября 1844 года, по долгу своего званія и въ предосторожность разныхъ опасностей и отвѣтственности, изъ числа монастырскихъ жителей одного благоговѣйнаго священноинока Онуфрія Иванова 26 Августа/7 Сентября предъизбраннаго на всеобщемъ соборѣ, а 29 Авг./10 Сент. хиротонисалъ во епископа: дабы о семъ К. К. Крайзамтъ донесъ и далѣе высочайшему правительству. О честномъ же поведеніи новаго епископа Онуфрія соборный актъ и громадское свидѣтельство арегиналами, съ засвидѣтельствомъ мандатаріатскимъ, и копія съ вышеупомянутаго указа при семъ донесеніи прилагаются.	18/30 Сент. 1848	Донесеніе отъ г. бѣлокрыницкаго верховнаго святителя, съ приложеніемъ трехъ актовъ, о новомъ епископѣ Онуфріѣ, въ К. К. Крайзамтъ отправлено съ депутатами инокомъ Алипіемъ и Павломъ.	
—	57	30 Октября 1848	Изъ Мануиловки прибыли въ монастырь сего числа священникъ Алексѣй Егоровъ съ депутатами для поставленія діякона, и о чемъ и подали прошеніе.	30 Октября 1848	Вслѣдствіе прошенія повелѣно отъ г. епископа Кирила предъизбранному во діякона идти на духъ и представить въ 1 день Ноября свидѣтельство въ сельской церкви, гдѣ и будетъ поставленъ.	
—	58	30 Октября 1848	Изъ Мануиловскаго Никольскаго монастыря сего числа прибылъ настоятель Іоиль съ общебратскимъ прошеніемъ и со ставленникомъ во священника инокомъ Іоасафомъ.	30 Октября 1848	Тоже повелѣно ставленнику идти на духъ и представить свидѣтельство въ 4 день Ноября въ монастырской церкви, гдѣ будетъ поставленіе во діякона.	
—	59	1/13 Ноября 1848	Мануиловскій житель Іяковъ Алексѣевъ, предъизбранный обществомъ ихъ и засвидѣтельствованный о достоинствѣ его отцемъ духовнымъ, сего числа г. епископомъ Кириломъ рукоположенъ по степенемъ во діякона въ мануиловской церкви, иже есть во имя Пресвятыя Богородицы честнаго о славнаго ея покрова.	3 Ноября 1848	Новопоставленный діяконъ Іяковъ Алексѣевъ снабденъ сего числа грамотою и отправленъ вкупѣ съ депутатами восвояси.	
—	60	3/15 Ноября 1848	Мануиловскій священноіерей Алексѣй Егоровъ, за многолѣтное въ древлеправославной на-			

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, съ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущ.ій.
			шей вѣры въ сану презвитера доброе состояніе и многія претерпѣнныя имъ ради сохраненія истинныя вѣры гоненія и тягостныя напасти, при всемъ томъ въ столь прежде бывшемъ зѣло скудномъ священства положеніи оказанныя имъ по всѣмъ молдавскимъ православнымъ нашей вѣры обществамъ въ исправленіи христіанскихъ духовныхъ требъ неутомимыя службы и труды, и наконецъ при довольно пожилыхъ его лѣтахъ прибылъ въ сію митрополію посѣщенія ради и принятія архипастырскаго благословенія и молитвъ, пожалованъ въ знакъ ему благодарности *малиноваго борхата скуфьею*, и дана за подписомъ и съ приложеніемъ печати г. епископа Кирила надлежащая грамота.			
—	61	4/16 Ноября 7356/1848	Мануиловскаго Никольскаго монастыря *инокъ Іоасафъ*, предъизбранный общебратствомъ во священника и засвидѣтельствованный о достоинствѣ его отцемъ духовнымъ, сего числа г-мъ епископомъ Кирилою рукоположенъ по степенемъ во *діякона*.			64, 76
—	62	4 Ноября 1848	Священноиноку Герману сего числа выдана о нѣкоторыхъ его винахъ прощалвная грамота отъ г. епископа Кирила, за его подписомъ и печатью, съ тѣмъ, дабы у мірянъ отнюдь не священствовалъ, ниже какія требы совершалъ, но только у иноковъ, гдѣ изобрящетъ себѣ жительство. Аще не найдетъ въ Молдавіи себѣ спокоя, то разрѣшено ему прибыть паки въ Бѣлокрыницкій монастырь, гдѣ и жить на точной силѣ правилъ монастырскаго устава.			
—	63	8 Ноября 1848	Въ селѣ Сакалинцахъ сего числа освящена церковь на новомъ антиминсѣ во имя св. Великомученика Іоанна Новаго. Освящалъ оную церковь г-нъ епископъ Кирилъ, блюститель митрополитскаго бѣлокрыницкаго престола, съ другимъ преосвященнымъ епископомъ Онуфріемъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ.			
61	64	8 Ноябр. 1848	Мануиловской *Іеродіяконъ Іоасафъ* сего числа въ сана-	8 Ноябр. 1848	Священноиноку Іоасафу сего числа выдана,	

Номера. Прежн.	Текущ.	Число вступленія. дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			липской новосвященной церкви г-мъ епископомъ Кириломъ рукоположенъ во *священника*.		за надписомъ и печатью г на епископа Кирила, ставленная грамота	76
16	65	9 Ноября 1848	Настоятелю Мануиловскаго монастыря съ братствомъ сего числа выдана грамота, о принятіи священноинока Іоасафа, и при томъ сообщена къ нимъ книга за шнуромъ и г-на епископа Кирила подписомъ и печатью, учиненная 30 Октября сего года, содержащая десять дополнительныхъ правилъ.			75 и 76
—	66	31 Декабря 1848	*Софроній* сего числа поставленъ священникомъ.		Бывшей 29 инокъ, 30 діяконъ, а е *) въ наступающемъ Генварѣ 3-го 1849 года, и уѣхалъ.	
32	67	4 Генваря 1357/1849	Кирилъ епископъ, митрополитскій намѣстникъ, по полученіи свѣдѣній о совершенномъ заточеніи, по высочайшему рѣшенію, г-на митрополита Амбросія въ городъ Цыль, 29 Августа истекшаго 1848 года вступилъ въ управленіе верховнаго святителя. А сего числа, на общемъ соборѣ въ присутствіи двухъ архіереевъ Онуфрія и Сафронія, по обычномъ нареченіи митрополитомъ, за Божественною литургіею возведенъ на архіепископскій Бѣлокриницкій престолъ и надлежащимъ порядкомъ врученъ ему митрополитскій жезлъ			
7	67	6/18 Генваря 7357/1849	Арсеній іеродіяконъ сего числа г-мъ митрополитомъ Кириломъ на соборной литургіи произведенъ архидіякономъ.			99
—	68	25 Генв. / 6 Февр. 1849	Въ Крайзамтъ отъ Бѣлокрыницкаго верховнаго святителя прошеніе, согласно прозбы климоуцкихъ старовѣрцевъ, учинить слѣдствіе о беззаконныхъ бракахъ и о грубіянствахъ а отдѣлить безпоповцевъ отъ всевысочайшей привилегіи, данной старовѣрцамъ, и отъ общества отчислить подъ особаго ихъ дворника, и дабы впредь въ Климоуцахъ у сущихъ старовѣр-			

*) Т. е. епископъ.

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			цовъ былъ дворникъ изъ своихъ единовѣрныхъ.			63
68	69	23 Февр. / 6 Мар. 1849.	Г-ну К. К. Крайзамта президенту отъ Бѣлокрыницкаго верховнаго святителя 2-е прошеніе, дабы покрайней мѣрѣ изслѣдовать одинъ пунктъ, при личномъ присутствіи той парохіи священника, именно спросить на протоколъ всѣхъ климоуцкихъ безпоповцевъ, чтобъ они рѣшительно о себѣ показали, одной ли они суть нашей религіи, то есть признаютъ ли они за истину нашей религіи священство и духовныхъ пастырей, такъ какъ евангеліе и всеобщій христіянскій долгъ повелѣваетъ, даже какъ и самый всевысочайшій указъ, данный намъ 9 Октября 1783 года отъ бывшаго императора Іосифа II, первымъ пунктомъ нашу религію именно съ духовенствомъ означаетъ, и прочее объ открытіи симъ легкимъ способомъ всю ихъ прелесть лукавство и напрасныя клеветы, и о прочихъ поступкахъ ихъ, противныхъ христіянству.			
—	70	27 Марта 1849.	*Георгій*, бывшей Титъ Степановъ, нынѣ инокъ иподіяконъ, изъ села Климоуцъ послушникъ тамошняго старца Тарасія, сего числа г-мъ митрополитомъ Кирилою поставленъ во діякона.			
—	71	6/18 Маія 1849.	Инокъ Алимпій отправился въ Черновцы для полученія по цертификату заграничнаго паса и прямо отправится въ Молдавію и въ Турцію по дѣлу до архіерея Софронія.		Возвратился 19 Іюля 1849 года.	
—	72	20 Іюня 1849.	Іеродіяконъ Сава съ Афанасіемъ Михайловымъ отправились въ Молдавію для покупки рыбы.			
—	73	3 Іюня 1849.	Отъ фурмоскаго молдавскаго общества поступило на имя митрополита прошеніе, дабы поставить изъ нашихъ людей священника, или изъ поставленныхъ прежнихъ, и прямо прислать въ ихъ общество.	7 Іюня.	Оному фурмоскому обществу чрезъ почту послана грамота, не угодно ли имъ принять мануиловскаго діякона Якова Алексѣева поповича, и дабы еще на сіе отвѣтъ прислали если будутъ не согласны.	77

Номера. Прежн.	Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
—	74	13 Іюня 1849.	Епископу Аркадію Славскому касательно о учрежденіи тамо архіепископіи и избранія (на) епископію Майноскую достойнаго человѣка и прибыть въ Ибраиловъ для совершенія дѣла; а притомъ требуется отъ нихъ соотвѣтствованіе, до какой степени простирается власть надъ постриженнымъ инокомъ воспріемника, постригателя, игумена и архіерея.	14 Іюня	Сообщеніе сіе на трехъ аркушахъ послано почтою чрезъ ибраиловскаго купца Семена Семенова.	
65	75	22 Іюня 1849	Отъ обществъ мануиловскаго и ясскаго жалобныя два прошенія на безпорядки и великіе соблазны настоятеля Мануиловскаго Никольскаго монастыря инока Іоиля, съ убѣдительною просьбою, дабы отрѣшить его отъ должности, а на мѣсто его поставить игуменомъ священноинока Іоасафа 2-го.	25 Іюня	Резолюція послана обществу мануиловскому, а копія со онаго ясскому, съ священноинокомъ Іоасафомъ и Іоилю съ братіею грамота, съ подтвержденіемъ нѣкоторыхъ наставленій и дополненій.	
64	76	23 Іюня 1849	Вытребованный изъ Мануиловскаго монастыря священноинокъ Іоасафъ 2-й для личнаго объясненія, прибывшій сюда 16-го сего Іюня, а сего числа поданъ на данной ему запросъ отвѣтъ касательно безпорядковъ настоятеля Іоиля, согласно съ прошеніемъ ясскаго и мануиловскаго обществъ.	25 Іюля	Сей Іоасафъ священникъ по посылаемой съ нимъ къ настоятелю грамоты отнынѣ будетъ намѣстникъ ево и надзирателемъ за порядками, по дополнительнымъ вторительно правиламъ	86 и 95
73	77	6 Іюля	Отъ фурмоскаго общества прошеніе вторительное, дабы поставить имъ священника изъ нашихъ природныхъ христіянъ, а мануиловскаго діякона Іякова не желаютъ и просятъ отъ него уволить, что для нихъ тягостенъ будетъ.	20 Іюля	Опредѣленъ въ Фурмосъ пароxіальномъ (священникомъ изъ Бѣлокрыницы священноіерей Тимоѳей Васильевъ, которой для осмотра себѣ мѣста въ Фурмосъ сего числа отправился.	80
—	78	27 Іюля 1849	Сего числа депутаты инокъ Алимпій и инокъ Павелъ выѣхали изъ монастыря до г. Цылли, для посѣщенія заточеннаго митрополита Амбросія.	27 Сентяб. 1849	Сего числа депутаты Алимпій и Павелъ благополучно возвратились.	
-	79	Субота 27 Сентября 7357/1849	Сего числа въ селѣ Климоуцахъ освящена церковь на новомъ антиминсѣ во имя Богоявленнаго Преображенія Господня. Освящалъ оную церковь г. митрополитъ Кирилъ съ епископомъ Онуфріемъ и со всѣми прочими священными лицами.			

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Время рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
77	80	4 Октябр. 1849.	Сего числа священникъ Тимоѳей представилъ отъ фурмоскаго общества бумагу о учиненномъ положеніи съ нимъ на предметъ спокойнаго жительства при ихъ церкви, что митрополитомъ Кирилою удостоено, и бумага засвидѣтельствована, и священнику Тимоѳею выдана, а копія при митрополіи оставлена.		Тимоѳей своею громадою убѣжденъ остаться въ Бѣлокрыницы съ волею митрополита, а въ Фурмосъ назначенъ поставить новоизбранный изъ Климоуцъ Сава Степановъ.	82
—	81	11 Октября 1849.	Сего числа полученъ печатный экземпляръ съ манифеста императора Фр. Іосифа I (которой принялъ государство Австрійское 2-го декабря 1848 года); а состоялся сей манифестъ въ 17 день марта сего 1849 года, съ приложеніемъ громадскаго устава о новомъ учрежденіи правленій сельскихъ, градскихъ и окружныхъ въ новоограниченномъ княжествѣ буковинскомъ.			
80	82	6 Ноября 1849.	*Сава Стефановъ*, села Климоуцы житель, избранъ при фурмоскомъ депутатѣ Симонѣ Евтіевомъ и хиротонисанъ сего дня во *діякона* митрополитомъ Кирилою, предназначенной въ Фурмосы парохіальнымъ священникомъ.			83
82	83	8 Ноября 7357/1849	*Сава Стефановъ* сего числа произведенъ изъ діякона въ презвитера, рукоположеніемъ митрополита Кирилы, на парохію въ мѣстечко Фурмосъ молдавскаго княжества.	14 Декабря 1849.	Священнику Савы выдана грамота и обществу другая о принятіи его, и съ прочими наставленіями отправленъ сего числа въ свою фурмоскую парохію.	
30	84	22 Ноября 7357/1849	Сего числа ясскому священнику *Никифору Панкратіеву* посылается въ награду за его оказанное достоинство *крестъ* серебряной съ позолотою и грамота.	22 Ноября 1849.	Сего числа крестъ и грамота посланы с. Никифору съ депутатомъ мон. инокомъ Алимпіемъ.	
—	85	8 Декабря 1849.	По доносамъ мануиловскаго общества на священника Алексѣя, якобы призывалъ въ свой домъ волшебницу и волхвовалъ о похищенныхъ его деньгахъ, онъ же во отвѣтахъ дѣлаетъ запирательство. Потому опредѣлено соборомъ послать на мѣсто 3 членовъ: священноинока Ефросина и священноіерея Саву и архидіякона Арсенія, дабы изслѣдовали истину, взяли по-	15 Декабря 1849.	Три упомянутые члена сего числа въ Мануиловку отправлены и съ ними 4-й прислужащей; дано и наставленіе и прочія предписанія, притомъ и до настоятеля Іоиля.	

Нумера. Прежн.	Нумера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшенія.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
.			казаніи и наконецъ очную ставку.			87
76	86	27 Декабря 1849.	Доношеніе отъ епископа Славскаго Аркадія отъ 15 ноября, съ приложеніемъ мануиловскаго священноинока Іоасафа объясненія, писанное 12 ноября, о позволеніи ему остаться на жительство въ той славской епархіи безъ священнодѣйства, по прописаннымъ причинамъ; даже самъ желаетъ, дабы лишонъ былъ сану священства.	10 Генваря $1358/_{1850}$	Поручено епископу Славскому, дабы сдѣлалъ на основаніи 15 прав. св. Апостолъ, по посланному чину, священноиноку Іоасафу изверженіе, если только не восхощетъ возвратиться въ сію митрополію, а по изверженіи позволено оному тамо жить.	
85	87	1 Генваря $7358/_{1850}$	По произведеніи слѣдствія посланными членами въ Мануиловкѣ о священникѣ Алексеѣ Егоровѣ, по возвращеніи изъ представленныхъ бумагъ явствуетъ, что помянутый священникъ Алексѣй въ волшебномъ грѣхѣ изобличенъ достовѣрными свидѣтели по долгу присяги, да и самъ онъ на личной ставкѣ, въ присутствіи митрополитскихъ членовъ и многихъ громадскихъ людей, въ таковомъ своемъ грѣхѣ уже сознался и кланялся, прося отъ всѣхъ прощенія.	3 Генваря 1850.	Сего числа для изнесенія праведнаго сужденія и рѣшенія собранъ въ митрополіи изъ духовныхъ лицъ соборъ, и выведена по дѣламъ справка и положено опредѣленіе, дабы на основаніи правила 15 въ Номоканонѣ, согласно и прочихъ соборныхъ правилъ, священнику Алексѣю навсегда запретить отъ священнодѣйства, оставляется же ему токмо званіе священника и благословеніе на трапезу, дондеже въ мірскомъ образѣ будетъ; а если поступитъ во иночество, то на основаніи Стоглавнаго собора главы 77 и 78, чрезъ шесть мѣсяцевъ, на послѣдней конецъ снисходя и не въ примѣръ прочимъ, да разрѣшится тогда на священнодѣйство въ монастырѣ, а не въ мірскихъ. Рѣшеніе послано въ Мануиловку отъ 10 сего Генваря съ дополненіемъ митрополитскимъ.	
—	88	27 Марта $7358/_{1850}$	Сего числа *открыто училище*, по благословленію Бѣлокрыницкаго верховнаго святителя Кирила, для юношества своихъ старовѣрцевъ, въ монастырскомъ дворѣ, внѣ святыхъ вратъ, въ старомъ поповскомъ домѣ, безъ всякой платы, токмо матеріалы должны быть отъ собственности учениковъ. Учителемъ опредѣленъ честный отецъ архидіаконъ Арсеній.			

Номера. Прежн.	Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
—	89	12 Ноября $^{7357}/_{1849}$	Освящена здѣсь при трапезѣ церковь на подвижномъ престолѣ во имя святителя хр. Николы Чудотворца.		Освящалъ мит. Кирилъ съ намѣстникомъ своимъ е. Онуфріемъ и со всѣмъ соборомъ.	
87	90	3 Генваря $^{7358}/_{1850}$	Мануиловскій парахіальный священникъ *Алексѣй Егоровъ*, по рѣшенію соборомъ, сего числа учиненному, отъ священнодѣйствія запрещенъ за вину призыванія въ свой домъ волхвующей объ узнаніи украденныхъ у него денегъ.		Рѣшеніе ему и громадѣ мануиловской объявлено чрезъ нарочно посланнаго инока Алимпія.	101
—	91	16 и 17 Апрѣля $^{7358}/_{1850}$	Въ селѣ Мануиловкѣ почтенный житель *Іеремій Стефановъ*, предъизбранный отъ среды всего общества, въ ихъ церкви 16-го апрѣля хиротонисанъ во діякона, а 17-го во іерея, самимъ лично бывшимъ тамо митрополитомъ Кирилою.		Грамота послана 18 Іюля 1850 года и доставлена нашими депутатами Алимпіемъ и Павломъ.	
—	92	21 Октябр. $^{7358}/_{1850}$	Освящена церковь въ Фурмосѣ, 21 Ноября (?), во имя Вознесенія Христова, подъ руководствомъ ясскаго протоіерея Никифора съ прочими священниками — Іоасафомъ, Савою и Іереміею.			
—	93	$^{7359}/_{1851}$ Марта 23	*Тихонъ* постриженъ во иноки сего чина, прежде бывшей Трофимъ.			
—	94	13 Апрѣля 1851.	*Никодимъ* постриженъ во иноки сего числа, больной, прежде бывшей Никифоръ Пименовъ.			
76	95	23 Апрѣля 1851.	*Іоасафъ* священноинокъ, мануиловскаго монастыря намѣстникъ, сего числа на мѣсто умершаго настоятеля Іоиля произведенъ во *священноигумена*.		Грамота надлежащая выдана ему за подписомъ г. митрополита Кирилла.	128
48	96	23 Апрѣля 1851.	*Сава* Іеродіяконъ сего монастыря произведенъ сего числа во священноинока и отправленъ въ Мануиловскій монастырь г. м. Кирилою.	Того же числа	Надлежащая грамота выдана ему за подписомъ г. митрополита Кирилла. Такъ ко игумену и братіемъ предписано о принятіи его.	102
59	97	10 Іюня 1851.	*Іяковъ* діяконъ мануиловскій сего числа произведенъ во презвитера г. митрополитомъ Кирилою, которому и опредѣлена па-	Того же числа	Надлежащая грамота ему выдана за подписомъ г. м. Кирилла и опредѣленіи его въ Да-	

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Время рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			рохія въ Молдавіи дамаское общество съ прочими окрестными, кромѣ города Яссъ. Парохія перемѣнена въ городъ Васлуй.		маскъ на парохію, кому слѣдуетъ, предписано.	
—	98	14 Сентяб. 7359/1851	*Илія* инокъ новопостриженный сего числа рукоположенъ г. митрополитомъ Кирилою во діякона, бывшій Иванъ Сафоновъ.			
67	99	1 Октября 1851	*Арсеній* архидіяконъ сего числа произведенъ г. митрополитомъ Кирилою во *презвитера*, т. е. *священноинокомъ*.	1852 9 Октября	Отправленъ по дѣламъ митрополіи.	
—	100	15 Октября 1851	*Ефремъ* инокъ, бывшей Ефимій Парамоновъ сего числа изъ Бѣлокрыницы больной поступилъ въ монастырь и постриженъ.	17 Октября 1851	Сего дня помре новопостриженный инокъ Ефремъ.	
90	101	16 Октября 1851	*Александръ* священноинокъ, бывшей священноіерей Алексій Егоровъ мануиловскій, сего числа постриженъ и отправленъ въ Мануиловскій Никольской монастырь на жительство.	17 Октября 1851	С. и. Александру надлежащая грамота дана и ко игумену Іоасафу при особомъ предписаніи въ Молдавію отправленъ.	131
96	102	12 Октября	*Сава* священноинокъ сего числа обратно прибылъ изъ Молдавіи съ Алексѣемъ священникомъ.			
—	103	28 Ноября 1851	*Чтецъ Георій* Васильевъ сего числа постриженъ во инока, наименованъ Геронтій.			
54	104	16 Декабря 7359/1851	*Аркадій* священноинокъ сего числа г. митрополитомъ Кирилою всесоборнѣ произведенъ сему Бѣлокрыницкому монастырю Архимандритомъ.		Сего же числа и жезлъ ему врученъ на литоргіи. Обстоятельствы сего дѣла и кондиціи ему изображены въ особомъ актѣ выбора, учиненнаго сего же мѣсяца числа.	/
—	105	16 Декабря 1851	*Емеліанъ* Афанасьевъ сакалинской церкви иподіяконъ сего числа г. митрополитомъ Кирилою произведенъ во діякона.			
—	106	10 Февр. 7360/1852	*Антоній*, инокъ изъ безпоповцевъ, вновь сего числа законнымъ чиномъ постриженъ въ совершеннаго инока самимъ архимандритомъ Аркадіемъ			113

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
—	107	10 Февраля 1852	*Алексѣй*, бывшей въ бѣльцахъ Аѳанасій Михайловъ, сего числа вкупѣ съ Антоніемъ постриженъ во иноки.			
—	108	13 Апрѣля 1852	*Стефанъ Дороѳеевъ* сего числа хиротонисанъ священникомъ отъ митрополита Кирилла			
—	109	15 Апрѣля 1852	*Василій Ивановъ* малой,- бѣлокрыницкой, постриженъ во инока, именемъ Виталій.			
—	110	8 Іюня 1852	Освящена церковь въ здѣшнемъ женскомъ скиту во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, которая выстроена по благоизволенію здѣшняго бѣлокрыницкаго верховнаго святителя митрополита Кирилы, деревянная, на каменномъ фундаментѣ, длиною въ 10, а шириною въ 6 саженъ. Въ томъ же корпусѣ заключаются нѣсколько келей, съ кухнею и кладовою, для служащихъ при церкви и для жительства прочихъ безпріютныхъ, одной нашей религіи, женска пола сиротъ, вдовицъ, дѣвицъ и старицъ, то есть въ видѣ сиротскаго призрѣнія.	Іюля 1852	При сей церкви первая игуменія поставлена отъ самого г. митрополита Кирилы инокиня схим. Александра.	
—	112 (?)	1 Августа 7360/1852	*Іосифъ* иподіаконъ сего числа поставленъ діакономъ отъ г-на митрополита Кирилла.			
106	113	1 Октября 1852	*Антоній*, что бывшей инокъ изъ безпоповцевъ, сего числа г-мъ митр. Кирилою поставленъ во діакона.			115
—	114	10 Октября 1852	Освящена церковь въ Васлуѣ во имя Живоначальныя Троицы.		Съ антиминсомъ отправлялся на освященіе церкви діаконъ Іосифъ съ Алимпіемъ.	
113	115	6 Декабря 1852	*Антоній* діаконъ сего числа г-мъ митроп. Кирилою произведенъ во священника.			121
—	116	17 Ноября 1852	*Пафнутій* сего числа постриженъ во инока, бывшей бѣльцомъ крылошанинъ.			126
—	117	24 Нояб. 1852	*Афанасій*, бывшей Алексѣй, сего числа постриженъ во инока.			

Номера. Прежн.	Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
—	118	1853 Генваря 15	*Андрей* сего числа постриженъ во инока, бывшей бѣльцомъ трудникъ монастырскій.			
—	119	15 Генваря 1853	*Іоиль* сего числа постриженъ во инока, бывшей трудникъ монастырской.			
—	120	Генваря 1853	*Іеронимъ* сего числа постриженъ во инока, бывшей трудникъ монастырской.			
115	121	3 Февраля 1853	*Антоній*, бывшей священникъ, сего числа г. митроп. Кирилою произведенъ во священностарѣйшенство, духовникомъ А(вуѳрій) Е(пископъ).	4 Февраля 1853	Отправленъ къ больнымъ, въ карантинѣ сѣдящимъ.	
—	122	4 Февраля 1853	*Елисей* сего числа постриженъ во инока, бывшей трудникъ монастырской.			
—	123	15 Февраля 1853	*Спиридоній*, 14-го бывшей инокъ, сего числа произведенъ во діакона.			124
123	124	16 Февраля 1853	*Спиридоній*, бывшей діаконъ, сего числа г. митрополитомъ Кирилою посвященъ во презвитера, а 17 уполномоченъ во старѣйшин. Е(пископство).	17 Февраля 1853	Сего числа уполномоченъ, а 23 сего же Февр. отъ всякаго священнодѣйства запрещенъ, виною отступленія и за подлогъ и за утаеніе на духу явнаго преступленія, прежде бывшаго.	
—	125	3 Марта	*Григорій*, бывшей хлѣбникъ монастырской Герасимъ, сего числа постриженъ во инока.			
116	126	12 Апр. 1853	*Пафнутій* сего числа поставленъ діакономъ.			129
—	127	1 Маія 1853	На предметъ устроенія памятника въ Вѣнѣ въ память за чудесное избавленіе отъ смерти государя императора Францъ Іосифа I-го, по многократнымъ предложеніямъ отъ начальства, сего числа пожертвовано отъ г. митр. нашего 200 лев. серебромъ, и представлены г. буковинскому началнику Шмаку.	Маія 1853	Деньги посланы и отданы по принадлежности сего числа нашимъ назначеемъ инокомъ Дороѳеемъ и депутатомъ инокомъ Алипіемъ въ черновцахъ въ руки г. н. к. Шмаку.	
95	128	16 Маія 7361/1853	Игуменъ Іоасаѳъ совершилъ дѣло въ васлуйскомъ уѣздномъ	18 Маія 1858	Сего числа послана тому игумену Іоасаѳу	

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			судѣ 11 декабря еще 1852 года, съ дополненіемъ 18 марта сего 1853 года, о покупкѣ земли у молдавскаго помѣщика Николая Васильева Служера, на урочищи Тиси, 10 фальчей для обители инокъ. Доноситъ отъ 8 сего маія, что онъ уже совершенно переселился на то новое мѣсто 23 числа апрѣля сего года, въ числѣ 5 человѣкъ.		отъ митрополита Кирила благословенная грамота.	
—	129	29 Маія 7361/1853	*Симеонъ Петровъ* села Климоуцъ, предъизбранный своимъ общебратствомъ на парахіальнаго священника и по духу свидѣтельствованный въ достоинствѣ его, сего числа г-мъ митрополитомъ Кирилою поставленъ во діакона.			130
129	130	28 Маія 1853	Сего числа, въ день Вознесенія Христова на небеса, *Симеонъ Петровъ* произведенъ изъ діяконовъ во священника рукоположеніемъ г-на митрополита Кирила, на парохію Климоуцы.	Іюня 6 1853	Отстоявъ уреченную службу въ монастырѣ при церкви и съ надлежащею грамотою ему, и особо обществу о принятіи его, отправленъ на свою парохію.	
101	131	12 Іюня 1853	*Александръ* священноинокъ отъ сего числа грамотою г-на митрополита Кирила опредѣленъ Мануиловскому Никольскому монастырю полнымъ настоятелемъ.	15 Іюня 1853	Грамота послана съ іеродіякономъ Мефодіемъ съ товарищемъ, дабы учинилъ распоряженіе по данному наряду.	
—	132	16 Іюня 1853	*Алимпій инокъ* сего числа отправленъ для взысканія долговъ къ р. должникамъ. Радом. Дми. И. (?)			
124	133	7 Августа 1853	*Спиридоній* бывшій епископъ Н. З. *) по суду сея митрополіи мѣстнаго собора оказался къ священному сану весьма недостойнымъ по нижеслѣдующимъ винамъ: 1) Яко не только умолчалъ при вступленіи во священный санъ за явное отступленіе свое отъ православныя вѣры, и за собственноручную подписку въ томъ, данную еретикамъ, за что по 9 правилу перваго вселенскаго собора лишается своего святительства, но и съ лихвою достоинъ осужденія, понеже убо, и по обличеніи нарочными, вслѣдъ за нимъ присланными погонщиками, не восхотѣлъ ма-	7 Августа 1853	Сего числа Спиридонію лично на соборѣ всѣхъ присутствующихъ членовъ рѣшеніе вычитано и онъ былъ безотвѣтенъ во всемъ, токмо просилъ по Номоконону 103 правила позволить ему трапезу благословлять. Но и въ томъ ему отказано, по винамъ его, согласно 21 правила 6 вселенскаго собора. А потомъ просилъ съ рѣшенія копію, что и повелѣно ему выдать, а также точныя копія со всего рѣшенія послать къ прочимъ загранич-	

*) Новозыбковскій.

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			ло отъѣхавши съ пути обратиться въ митрополію съ раскаяніемъ, но аки нѣкій неправедный хищникъ, восхитя себѣ таковый великій санъ, ускорилъ уѣхать въ другія предѣлы, гдѣ преслѣдованъ былъ по наряду митрополіи и арестованъ. 2) А даже, и по возвращеніи въ митрополію, на соборномъ сужденіи, какъ явствуетъ во 2-мъ къ нему вопросѣ, оказалъ свою гнусную нераскаянность, какъ такой человѣкъ, у котораго вовся потеряна совѣсть; но и во лжеклятвы, а даже и въ клятвопреступленіи обнаружился, какъ явствуетъ изъ 3-го вопроса и личной ставки: за что, по апостольскому 25 правилу и по 21 шестаго вселенскаго собора, нетолько лишается сана своего, но за нераскаянность чуждъ и всякія малѣйшія чести. 3) За подложное же прошеніе и яко умышленіемъ и хитростію, дабы священный санъ себѣ достать, навлекъ въ народѣ молву и смятеніе, что дважды съ доносами отъ обществъ въ митрополію нарочныя пріѣзжали, дабы онъ не былъ епископъ, и тѣмъ подвергнулъ себя страшному прещенію по 2 правилу Сардійскаго собора, яко нетолько сану лишенія, но и нацѣлый вѣкъ отъ святыхъ таинъ отлученіе. А потому праведно соборомъ Спиридоній изъ сана низложенъ, да яко недостойный навсегда всякаго священнодѣйства лишенъ, но только не отлученъ отъ святаго причащенія, да причащается яко простый инокъ (аще впредь достоинъ того будетъ) во вся дни живота его.		нымъ, зависимымъ отъ сея митрополіи, архіепископамъ. Спиридоній 12 генваря 1854 года въ мануиловскомъ будучи монастырѣ скончался. *)	
84	134	29 Сентяб. 7361/1853	*Викифоръ Панкратьевъ*, города Яссъ бывшій пароxіальный священникъ, награжденный на перстнымъ крестомъ, потомъ 29 апрѣля 1850 года, въ бытность тамо г. митрополита Кирила, произведенъ протоіереемъ; нынѣ же сверхъ той существенной протоіерейской должности онъ же Панкратьевъ въ молдавскихъ предѣлахъ опредѣляется въ видѣ Ексарха, на каковый предметъ изложены и правила для его руководства, дондеже не будетъ тамъ надлежащаго епископа.	29 Сентяб. 1853	Опредѣлительная грамота, со изображеніемъ въ ней правилъ Ексарха и съ приложеніемъ формы для описи по всѣмъ церквамъ движимому имуществу, почтою къ нему Панкратіеву послано.	

*) Это послѣднее отдѣленіе вписано рукой о. Онуфрія.

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Время рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
—	135	30 Сентяб. 7361/1853	Сужденіе и опредѣленіе, учиненное сего числа въ митрополіи мѣстнымъ соборомъ, касательно священныхъ лицъ, неволею подверженныхъ въ Россіи на истязаніе свѣтскаго суда и отъ страха отрекшихся своего сана.		Подлинное рѣшеніе при дѣлѣ, а въ копіяхъ по опредѣленію собора экземпляры сообщены заграничнымъ архіепископамъ и просители извѣщены разрѣшеніемъ.	
—	136	26 Октября 1853	*Памва* инокъ въ Мануиловской Никольской монастырь сего числа г. митрополитомъ Кирилою поставленъ во діякона.			137
136	137	28 Окт. 1853	*Памва* іеродіяконъ сего числа произведенъ во священноинока.		Сего же октября 29 числа оба при единой грамоты отправлены въ Мануиловскій монастырь; особая коемуждо посланы послѣ.	
—	138	28 Октября 1853	*Іоасафъ*, новопостриженный инокъ, въ той же Мануиловскій Никольскій монастырь сего числа г-мъ митрополитомъ Кирилою поставленъ во діякона.			
126	139	28 Октября 1853	*Пафнутій* іеродіяконъ для сей митрополіи сего числа г. митрополитомъ Кирилою произведенъ во архидіякона.			
—	140	18 Ноября 1853	*Георгій* Антоновъ сего числа г-мъ митрополитомъ Кирилою поставленъ діякономъ.			144
—	141	19 Нояб. 1853	*Іоасафъ* во инока совершенно сего числа постриженъ.			
—	142	19 Ноября	*Кононъ* во инока постриженъ совершенно.			
—	143	19 Ноября	*Аврамій* во инока постриженъ совершенно.			
140	144	27 Ноября 1853	*Георгій* Антоновъ, діяконъ, сего числа г-мъ митрополитомъ Кирилою поставленъ презвитеромъ.			
—	145	Ноября 25 1853	Сего числа поручена коммисія Платону и Аѳанасію по дѣлу Софроніеву.			
—	146	19 Декабря 7361/1853	*Виталій*, бывшей священноинокъ, сего числа г-мъ митрополитомъ Кирилою произведенъ въ Мануиловскій Никольскій мо-	19 Декабря 1853	Грамота ему вручена лично, а общебратству особая послана сего же числа.	

Номера. Прежн.	Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, съ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущ.ій.
			настырь, по прошенію братства онаго, во архимандрита.	1 Маія 1854	Архимандритъ Виталій отъ должности своей совершенно отказался, на что далъ отъ себя онаго монастыря братству своеручную подписку. *)	
—	147	1854/7362 Генваря	*Алимпій* инокъ отправленъ для взысканія долговъ по врученному ему контракту. **)		Возвратился безъ успѣха по причинѣ русскаго преслѣдованія.	
—	148	1854/7362 Марта 2	*Кирилъ попъ* запрещенъ отъ всякаго священнодѣйствія, на что и учиненъ соборный приговоръ за подписомъ г. митрополита Кирила и всего освященнаго собора.	1854	По донесенію Фурмоскаго священника Савы съ прихожанами послано ему отъ г. митрополита Кирила совершенное отъ священнаго сана извержение.	
—	149	1854 Марта 2	*Александръ* священноинокъ, за ложное его оклеветаніе на іеродіакона Іоасафа о покражѣ денегъ пятидесяти золотыхъ червонцевъ, соборно запрещенъ отъ всякаго священнодѣйствія впредь до соборнаго сужденія.			
—	150	1854	*Пансій* во инока постриженъ совершенно.			
—	151	1854	*Діонисій* во инока постриженъ совершенно.			
—	552	1854	*Никита* во инока постриженъ совершенно.			
—	153	3 Апр. 1854	*Мелхиседекъ* сего числа поставленъ діякономъ.			
—	154	5 Маія 1854	Сего числа, въ 9 часу по полудни, то есть въ вечеръ, въ среду преполовенія праздника Пасхи, преставился отъ сея жизни верховнаго совѣта членъ и основатель и правитель сей Бѣлокрыницкой митрополіи, преподобный отецъ инокъ *Павелъ*			

*) Это послѣднее примѣчаніе вписано уже Паѳнутіемъ.

**) Доселѣ все писано было рукою инока Павла; а начиная съ слѣдующаго № и до 171 включительно „Памятникъ" писанъ архідіакономъ Паѳнутіемъ (что впослѣдствіи былъ епископомъ Коломенскимъ).

Номера		Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
Прежн.	Текущ.					
			великій въ вѣчное наслѣдіе, идѣже и всѣмъ намъ подобаетъ быти.			
—	155	30 Маія 1854	*Мелхиседекъ* іеродіяконъ сего монастыря сего числа произведенъ во священноинока.			
—	156	1 Іюня 1854	*Алимпій* инокъ отправленъ для взысканія долговъ по врученному ему контракту.		Возвратился благополучно.	
—	167	17 Іюня 1854	*Симеонъ* священноинокъ, бывшей священноіерей Стефанъ, сего числа постриженъ.			
—	168	21 Іюня 1854	Новыхъ антиминсовъ освящено числомъ 22. Совершалъ освященіе г. митрополитъ Кирилъ соборно.		Послано въ Царь-градъ епископу Аркадію 2 антиминса; 1855 года мѣсяца Генваря дано Мануиловскаго монастыря игумену Василію 1 антиминсъ.	
—	159	28 Іюня 7362/1854	На мѣсто покойнаго отца Павла сего числа избранъ письмоводителемъ, сего монастыря житель, *инокъ Кононъ* самимъ г. митрополитомъ Кириломъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ.			
—	160	28 Іюня 1854	*Ефремъ* во инока постриженъ совершенно.			
—	161	28 Іюня 1854	*Павелъ* во инока постриженъ совершенно для мануиловскаго монастыря.			
—	162	10 Іюля 1854.	*Павелъ* сего числа поставленъ діякономъ.			
—	163	11 Іюля 1854.	*Павелъ* іеродіяконъ въ той мануиловской Никольской монастырь сего числа г-мъ митрополитомъ Кириломъ произведенъ во священноинока.			
—	164	12 Августа 1854	*Аркадій архимандритъ* сего числа г. митрополитомъ Кириломъ, въ присутствіи епископа Онуфрія и всего освященнаго собора, поставленъ *архіепископомъ*.			

Номера. Прежн.	Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
—	165	26 Августа 854.	*Іоасафъ*, бывшей инокъ иподіяконъ, сего числа поставленъ діякономъ.		Онъ постриженъ во иноки того же года въ мѣсяцѣ Мартѣ, а въ 1857 году въ мѣсяцѣ Апрѣлѣ произведенъ въ попа и посланъ въ Молдавію на жительство. *)	
—	166	28 Августа	*Андрей* сего числа поставленъ діякономъ.			
—	167	1 Сентяб.	*Андрей* діяконъ сего числа поставленъ презвитеромъ.			
—	168	4 Ноября 1854	*Василій* сего числа г. митрополитомъ Кирилою поставленъ въ Мануиловской Никольской монастырь во Игумена, кромѣ презвитерскаго рукоположенія.			
—	169	15 Нояб. 854.	*Нилъ* сего числа постриженъ во инока совершенно.			
—	170	15 Нояб. 854.	*Михаилъ* во инока постриженъ совершенно.			
—	171	7363/1855 10 Февр.	*Филаретъ* во инока постриженъ совершенно.			
—	172	1855 Марта 27	Въ самую святую Пасху поставленъ въ діяконы Бѣлокрыницкой церкви Никита Кипріановъ **)			
—	173	1855 Маія 2	Сего числа пріѣхалъ съ Молдавіи епископъ Онуфрій съ священноинокомъ Ефросиномъ. Жилъ въ Никольскомъ монастырѣ семь мѣсяцевъ.			
-	174	1855 Сентяб. 8	Сего числа поставили въ церковь климоуцкую діякона *Стефана*.			
—	175	12 Сент.	Сего числа поставленъ попомъ *Стефанъ* въ Климоуцы.			
—	176	1855 12 Сент.	Сего числа г. митрополитъ Кирилъ съ епископомъ Ону-			

*) Вписано рукой архидіакона Филарета.
**) Съ этаго № и до 185 включительно, „Памятникъ“ писанъ рукой бывшаго Епископа Онуфрія.

Номера. Прежн.	Номера. Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшенія.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
			ѳріемъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ посвящалъ церковь въ Бѣлокрыницкомъ монастырѣ новую, во имя Покрова Пресв. Богородицы.			
—	177	1855 1 Октяб.	Сего числа поставленъ іеродіяконъ Варсоноѳій.			
—	178	14	Инокъ *Кононъ* поставленъ во діякона.			
—	179	17	Іеродіяконъ *Кононъ* произведенъ во священноинока.			
—	180	20	Сего дня священноинокъ Кононъ поставленъ во епископа всей Черниговской губерніи			
—	181	Ноября 9	7363 года Сего числа поставленъ Григорій во діякона.			
—	182	13 Ноября	Сего числа поставленъ Григорій во презвитера.			
—	183	Декабря 12	Сего числа поставленъ грубенскій Филипъ во діякона.			
—	184	13	Сего числа тойже Филипъ произведенъ во священника.			
—	185	1856 17 Генв.	Сего числа произведенъ во чтеца Ѳеодоръ Захарьевъ.			
—	186	1859	Бѣлокриницкій діяконъ Никита Кипріяновъ поставленъ попомъ въ Бѣлую криницу.*)			
—	187	1859	Пострижены совершенно 1) Семенъ Аѳанасьевъ въ Серапіона, 2) Ермолай въ Ефрема, 3) Ѳеодосій, бывшій Ѳеоѳилактъ, 4) Германъ луковскій дьякъ, 5) Іона Кадукъ. Ѳедулъ Ульяновъ (именованъ Ѳомою.		По прошествіи шести недѣль ушолъ и жилъ опять съ женою.	

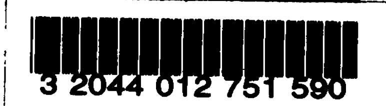
*) Этотъ № записанъ Алимпіемъ; за тѣмъ до конца „Памятникъ“ писанъ рукою бывшаго архидіакона Филарета.

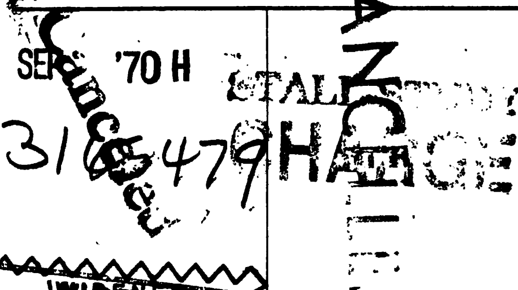
Номера.		Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
Преж.	Текущ.					
—	188	1860 Февраля 15	Пострижены совершенно: 1) Филаретъ Захаровичъ, 2) Лука, бывшій Леонъ усатый.			
—	189	1860 3 Апрѣля	Филаретъ произведенъ въ іеродіякона, рожд. 1838., для митрополіи, г. митрополитомъ Кириломъ.			
—	190	1861 12 Апрѣля	Іеромонахъ Сергій, іеродіаконъ Филаретъ и инокъ Алимпій отправились въ Вѣну стараться о освобожденіи г. м. Амвросія, и о снятіи нѣмецкаго дворника и о прочемъ.			
—	191	1861	Пострижены совершенно: 1) Никончонокъ, именованъ Иринархомъ, 2) Аникей плотникъ, именованъ Іоанномъ.		Вскорѣ преставились.	
—	192	1861 14 Авг.	Поставленъ въ чтеца Изотъ Семеновъ.			
—	193	1861 13 Сент.	Поставленъ въ чтеца Михаилъ Ивановъ.			
—	194	1861 20 Нояб.	Пострижены совершенно: 1) Мелхиседекъ, бывшій Михаилъ Ивановъ, 2) Геннадій, бывшій Григорій Сименовъ. Сего же числа поставленъ во чтеца Ѳеодоръ Абрамовъ.			
—	195	1861 24 Декабря	Поставленъ въ діакона Мелхиседекъ. Рукополагалъ г. мит. Кирилъ.			
—	196	1861 19/12	Прибылъ изъ Молдавіи І. Арсеній и принятъ по старому просроченному австр. пасу, съ наказаніемъ отъ 10 лев. сер.			
—	197	4/1 1862	Иванъ Новиковъ и Іуліанъ Карповъ поставлены въ чтецы г. митр. Кириломъ.			
—	198	6/1 1862	Произведенъ іеродіаконъ Филаретъ во архидіакона.			
—	199	5/2 1862	Климъ Павловъ постриженъ совершенно и именованъ Ксенофонтомъ.		7-го преставился.	

Номера. Прежн.	Текущ.	Число вступленія дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
—	200	6/2 1862	Сергій священноинокъ произведенъ сего числа для Бѣлокрыницкаго монастыря г. митрополитомъ Кириломъ архимандритомъ.		Сего же числа и жезлъ врученъ на литургіи.	
—	201	Февр. 20	Постриженъ совершенно во инока Алексѣй, бывшій Андрей.			
—	202	Марта 9	Привезены изъ Новоселицы 3 колокола большіе и повѣшены; пробованы того же дня.			
—	203	Апр. 2	Постриженъ въ инока Козма, сынъ Василія Никитина, именованъ Кипріяномъ.		16 Сентября преставился 1862 г.	
—	204	Апрѣля 25	Одѣтъ Исакъ Ивановъ въ черныя ризы, именованъ Іосифомъ, и того же дни преставился.			
—	205	Агвуста 9	Преставилась игуменія сх. Александра.			
—	206	тогоже 22	Произведенъ для Тисскаго монастыря тамошній іеродіак. Флавіянъ во презвитера.			
—	207	20 Іюня	Ночью въ 9 часовъ, громовымъ, ударомъ пробило Покровскую церковь въ 5 мѣстахъ: во алтарѣ 2 дыры сквозь, одну пелену спалило, въ паперти съ правой стороны и съ лѣвой по одному пролому, каменья отлетѣвши на 8 саженей, въ осмерикѣ стѣну западную повредило, съ окномъ, на 2 части раздѣливъ, на земь бросило.			
—	208	27 Августа	Освящено 30 антимисовъ въ Покровской церкви всѣмъ соборомъ.			
—	209	10 Ноября	Освящена теплая Никольская церковь г. митроп. Кириломъ.			
—	210	26 Ноября	Произведенъ Ефросинъ въ архимандрита для Тисскаго Предтечева монастыря.			
—	211	1863 25 Генв.	Митрополитъ Кирилъ съ архидіакономъ Филаретомъ отпра-		Возвратились ко двору 21 Марта.	

Номера.		Число вступленія. дѣла.	Вступившія дѣла, отъ кого и какого содержанія.	Число рѣшеній.	Какое послѣдовало рѣшеніе.	№ впредь будущій.
Прежн.	Текущ.					
			вились въ Цыль для посѣщенія заточеннаго митрополита Амвросія, между чѣмъ и въ Москвѣ побывали.			
—	212	1862 5 Генваря	Прибыли въ монастырь ясскіе граждане и боташанскіе 11 человѣкъ для устраненія архимандрита Сергія отъ должности.			
—	213	1863 Апрѣля 25	Постригъ г. митрополитъ Кириллъ бѣлокриницкаго жителя Захара Семенова во инока, который именованъ Зосимою.		8 Мая того же года преставился.	

Цѣна 3 р. 50 к.

3 2044 012 751 590

'70 H
CANCELLED
WIDENER
FEB 07 1997
BOOK DUE
CANCELLED